

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ
«ПАМЯТЬ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО»

**«Депортация народов в Казахстан
в 1930-1950 гг.: общность истории»**
*(интервью с пострадавшими от депортаций
в 1930-50 годы в Казахстан)*

Под общей редакцией Б. Ракишевой

Астана, 2013

**Издание подготовлено при поддержке Исследовательского института
«Общественное мнение»
Под общей редакцией Б. Ракишевой**
Рекомендовано Научно-экспертным советом Ассамблеи народа Казахстана

Научный консультант Проекта: Профессор Павел Полян, доктор географических наук (Россия, Москва)

Руководители Проекта: Ботагоз Ракишева – руководитель Проекта, директор Исследовательского института «Общественное мнение», кандидат социологических наук (Казахстан, Астана), Дмитрий Полетаев – со-руководитель Проекта, директор Центра миграционных исследований, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

Эксперты: Профессор Хаяти Тюфекчиоглу, Стамбульский университет (Турция, Стамбул), Профессор Ким Дог Чжун, Университет Кенги (Южная Корея, Сеул), Профессор Уильям Фиерман, Университет Индианы (США, Блумингтон), Профессор Ширин Акинер, Кембриджский университет (Великобритания, Лондон).

Авторский коллектив: Ракишева Ботагоз, Калашникова Наталья, Герман Ким, Садвакасова Айгуль, Емишева Гульден, Жамбурчина Дамиля, Руднева Евгения, Пак Марина, Мажитова Айнур, Ашкенова Гулден, Ахметжанова Найля, Жолдыбалина Алуа, Калмыков Сергей, Кожирова Светлана, Керимбекова Батес, Абилова Айгуль, Жаминова Анар, Маканова Анар, Калымова Асель (Казахстан), Полетаев Дмитрий, Синицын Федор, Непахарева Ольга (Россия), Масленкова Елена (Беларусь), Ким Виктор (Таджикистан), Эргешов Заирбек, Мырзабеков Эмирлан (Кыргызстан), Эльдар Гюнайдын (Азербайджан), Сабиров Алишер, Назаров Равшан (Узбекистан), Арутюнян Людмила, Армен Казарян (Армения), Хорозов Сергей (Молдова), Марсель Елена (Германия), Сандулов Юрий (США), Хаяти Тюфекчиоглу (Турция), Анджей Верджбицкий (Польша).

Д 35 «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстан) под общей редакцией Ракишевой Б.И. - Астана, 2013 год. - 683 с. - (Серия «Устная история»).

ISBN 978-601-280-461-4

Публикуются тексты интервью, проведенных в рамках международного проекта «Память во имя будущего», инициированного Ассамблеей народа Казахстана и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ в 2010 году. 82 глубинных интервью были проведены с депортированными в Казахстан в 1930-1950 гг. и членами их семей (интервью проводились в Казахстане, Российской Федерации, Армении, Беларуси, Узбекистане, Азербайджане, Германии, Молдове, Турции). Опрашивались армяне, азербайджанцы, белорусы, гагаузы, немцы, поляки, греки, евреи, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, карачаевцы, корейцы, курды, депортированные в Казахстан и в настоящий момент проживающие в Казахстане и за его пределами.

Часть интервью были проведены с жителями, проживавшими рядом с вынужденными переселенцами. В книге также представлены тексты интервью с учеными-исследователями из Российской Федерации, Южной Кореи, Великобритании, США, Турции.

По итогам проекта был снят документальный фильм «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», презентация которого состоялась на Форуме историков в Астане 28 мая 2010 г., а первый публичный показ фильма состоялся 31 мая 2010 года, в день памяти жертв политических репрессий по национальному казахстанскому ТВ «Хабар».

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-601-280-461-4

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (5 каз)

■ СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Слово издателя	5
Депортированные азербайджанцы	6
Депортированные армяне	24
Депортированные балкары	29
Депортированные белорусы	58
Депортированные гагаузы	64
Депортированные греки	67
Депортированные евреи	79
Депортированные ингуши	83
Депортированные карачаевцы	138
Депортированные корейцы	144
Депортированные крымские татары	238
Депортированные курды	245
Депортированные немцы	271
Депортированные поляки	482
Депортированные турки-месхетинцы	553
Депортированные чеченцы	590
Казахстанцы, встречающие депортированных	650
Интервью с учеными	666
Баспагер сөзі	676
Publisher's Word.....	677
Рабочая группа проекта и участники проекта	678
Информация об Исследовательском институте «Общественное мнение»	681
Информация о журнале «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика»	682

■ ПРЕДИСЛОВИЕ

Международный проект «Память во имя будущего» стал важной вехой в новом осмыслении исторических событий, связанных с депортацией народов в советский период. Именно эти события стали еще одной значимой страницей истории формирования полиэтничного Казахстана. Данный проект стал первым опытом совместной работы Ассамблеи народа Казахстана и Межгосударственного Фонда международного сотрудничества стран-участниц СНГ.

Изучение общей исторической памяти и ее объективная оценка имеет огромное значение для будущих поколений. Это важно для сохранения доверия людей друг другу, государству и обществу. Тоталитаризм с его жесткой античеловеческой политикой уже в историческом прошлом, но его тень не должна отражаться в будущих отношениях между странами, народами и людьми. В своем выступлении Президент РК Н.Назарбаев на XX сессии АНК сказал: «Наше восприятие истории должно быть цельным, позитивным и объединять общество, а не разделять. Чтобы поднять на должную высоту национальный дух, надо четко осознать, какова наша реальная история, культура, религия».

Депортация народов не лучший показатель политического руководства, но именно эта трагическая страница истории стала испытанием стойкости нравственных основ человеческих отношений. Как заложено в Доктрине национального единства Казахстана «духовное начало – это сила, которая сплачивает Nation в единое целое. Чем сильнее дух народа, тем выше перспективы его государственности. Это – главный двигатель истории и нашей судьбы».

В этом смысле проект «Депортация народов в Казахстан в 1930-50 гг.: общность истории» позволил раскрыть судьбы людей, которые оказались на чужбине, но сила духа и человеколюбие, толерантность и доверие жителей этой земли стали символом новой жизни.

Выражаю огромную благодарность авторскому коллективу, спонсорам этого проекта, которые вложили профессионализм, талант и энтузиазм в претворение идеи в реальное творчество.

Самое ценное – участники проекта, те, кто рассказывал о себе, своей семье, соседях, знакомых. Их рассказы – это живая история, историческая память и связь времен.

Ассамблея народа Казахстана поддерживает этот проект с самого начала и будет дальше его развивать. Он имеет важное значение для формирования исторического сознания народа Казахстана, укрепления единства народа через общность истории.

*Заместитель председателя
Ассамблеи народа Казахстана
Е. ТУГЖАНОВ*

■ СЛОВО ИЗДАТЕЛЯ

Книга «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» – результат сотрудничества казахстанских и зарубежных экспертов в рамках одноименного социологического исследования и часть международного проекта «Память во имя будущего», инициированного Ассамблеей народа Казахстана и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ в 2010 году.

Основной задачей социологического исследования был ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 1930-50 гг. от непосредственных участников процесса, что позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из 82 интервью, собранных в Казахстане, Российской Федерации, Армении, Белоруссии, Узбекистане, Азербайджане, Германии, Молдове, Турции, в том числе проведенных и с учеными из Российской Федерации, Южной Кореи, Великобритании, США, Турции, исследующими историю депортаций народов.

Во время исследования опрашивались азербайджанцы, армяне, балкары, белорусы, гагаузы, греки, евреи, ингуши, карачаевцы, корейцы, крымские татары, курды, немцы, поляки, турки-месхетинцы, чеченцы, которые были депортированы в Казахстан и в настоящий момент проживают в Казахстане или в других странах.

Респонденты, которых удалось найти для проведения интервью, в большинстве своем во времена депортаций были детьми. Сегодня это люди преклонного возраста, старше 60 лет. Если удавалось найти депортированных взрослых членов семей, то все они были старше 80 лет. Кроме пострадавших от депортаций опрашивались и дети депортированных, родившиеся уже после исследуемых событий, но хорошо знающие по семейным рассказам о депортациях. Также были опрошены казахи, семьи которых были свидетелями депортаций.

По итогам работы был снят документальный фильм «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», презентация которого состоялась на Форуме историков в Астане 28 мая 2010 г., а первый публичный показ фильма состоялся 31 мая 2010 года, в день памяти жертв политических репрессий по национальному казахстанскому ТВ «Хабар». Презентации фильма прошли в Турции, России, Южной Кореи, Болгарии, США, Польше и Испании.

Проект, по итогам которого подготовлена эта книга, стал одним из первых масштабных международных проектов в Казахстане, использовавших метод «устной истории» (Oral history).

Исследовательский проект «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» был проведен в 2010 году сотрудниками Института социально-политических исследований (Казахстан, Астана), Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан (Казахстан, Астана) и Региональной общественной организации «Центр миграционных исследований» (Россия, Москва).

Книга выпущена при финансовой поддержке Исследовательского института «Общественное мнение» в книжной серии журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика».

Ботагоз Ракишева
кандидат социологических наук,
директор Исследовательского института
«Общественное мнение»

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

Баширов Гахрамон Дамат-Оглы, азербайджанец, 69 лет. Был депортирован из Азербайджана, село Махмудала, в 1942 году. Проживает в Казахстане, город Алматы.

Как затронула депортация Вас и Вашу семью, непосредственно Ваших родителей или Ваших дедов?

Непосредственно наше семейство.

Это получается родителей?

Родителей и дядю моего, родного брата отца, вернее братишку. Его баем считали, раскулачивание пошло, основная депортация была в 37 году, дядю моего выслали в 1937 году за то, что у него и у нас было по 20 буйволов, по 20 коров, по 15-18 лошадей, около 50 баранов. Дело озадачило Кокчетав раскулачиванием, и его выслали, а выслали все по доносам, друг на друга доносили, сами знаете. Были свидетели – 3 человека и все. А потом в 37 году, когда дядя вышел, Чуйская-Амурская область, колхоз «Новый путь» назывался, сейчас он тоже есть, только по-другому «Жана жол» переделали. А уже в 42 году в конце ноября, 25 ноября, 18 месяцев отца мучили, на него донос был, как будто отец сказал вот сейчас правительство за Гитлера идет, когда война, на него донос написали те, которые написали – односельчане, другие не писали. Ну и в общем 18 месяцев его по этим КПЗ, МПЗ. А потом сказали ладно, у нас была вторая депортация, когда нас переселяли, 9 детей было, в том числе: 5 братьев, 4 сестры. Это был 42 год. А потом уже десятого ребенка мама родила в Зайсане, там горная местность, там для животноводства хорошо, зерноводства, там у меня родилась сестренка, 1944 года, после этого моя мама – единственная первая женщина Джамбульской области, которая получила звание «Мать героиня» – в 45 году, в 44 – она родила, в 45-м ей присвоили звание «Мать героиня», оно так и осталось, потом она еще одного родила, последний братишка – в 50 году. У нас вообще-то было 6 братьев и 6 сестер. Первая сестра, самая старшая умерла на Кавказе и один брат погиб в 56 году, в Казахстане, здесь. Старшая сестра умерла – в 32 года. 16 марта поехал в Баку, в 80 году брат умер, нас осталось четыре на четыре. Время идет.

Понятно. Не говорите, время идет, да!

Поэтому я могу ... хотите вкратце, хотите я вам...

Нет, нам нужно объемно...

Обзорно...

Обзорно, да! Потому что нужно оставить память нашему потомству, детям, которые не знают что это такое. Мы уже не знаем, т.е. я...

Да, совершенно верно. Параллельно сейчас по телевизору показывают ребят в Москве, ходят, спрашивают, кто такой Ленин, они говорят – «не знаю», нашли, у кого спрашивать, кому 40-50 лет они знают Ленина, сейчас которым 10 лет, они и знать не будут, потому что время такое.

А Вы скажите, получается, Вы помните, когда это было, дата, место высылки какое было, контингент как назывался?

Нас репрессировали, начиная с 37 года, раньше тоже репрессировали, начиная с 35 года, основная масса репрессий коснулась азербайджанцев – это 37 год, ближе к 40-ому, к войне и поляков, и евреев, в 44 – ингуши, чеченцы. Так посчитали политически неблагонадежным нас выселять в 43-44 году. Нашу семью, именно, после того, когда моего дядю выслали, 18 месяцев отец под следствием был, после этого отца выживали, дали заявление – ты подпиши, что там правильно все написано. Он говорил: «почему я это должен подписывать, если это не так. У меня 9 детей, я своим государством доволен, у меня

все нормально, я получаю какие-то пособия. Зачем я буду?» Нет, подпиши, поугадили его, раз не подписываешь, придем, расстреляем вас. Ну, расстреляйте. Читает свою молитву, на юго-западе, Мекка там, думали, расстреляют, где это было, они смеются, издевались. Потом сказали, ладно у нас с Москвы пришло такое указание, что у вас 9 детей, расстреливать не будем, вас высылаем в Казахстан, там, где ваш брат, братишка вернее, вот туда и езжайте. Ну, нам дали на это всего 24 часа собраться. 24 часа – это такой срок, что 9 детей ... с собой ведь ничего не возьмешь, взяли только 20 килограмм риса, чтобы сварить.

В мешке?

В мешке, да! Больше нельзя. И одежду свою, чтобы детям дать. Осень, конец ноября... приехали они 25 ноября с таким трудом, мучением, с района они добрались до Баку, с Баку паромом до Красноводска. В Красноводске они сели в паром, паромов малость было. 25 декабря «товарником» - на товарном поезде, за один месяц мы доехали до станции Чу Джамбульской области Чуйского района. Месяц мы добирались, 9 детей в одном вагончике, там еще люди были. Приехали 25 декабря в Казахстан. Знали что это такое – холод, зима... самый разгар зимы. Тогда в колхозе «Новый путь» сеяли два вида технических культур: хлопок, сахарная свекла. Сахарную свеклу (машин-то не было) на лошадях, на быках, на бричках привозили в Чу, потом отправляли куда-то на сахарный завод. И вот мы приехали на свекловичную базу, куда сдают ее и привозят. Уговорили, троих, чтобы нас 9 детей, мать с отцом, одной брички мало было, и приехали... От Чу до «Нового пути» 16 километров. Приехали, они сразу поехали в конюшню, распрягли лошадей. Приехали мы к дяде, дядя там с 37 года, уже обосновался. Там строили бараки, с этой стороны две «квартиры», с этой стороны «две квартиры». Квартиры это еще громко сказано – состояли из одной комнаты. Сперва мы у дяди жили, а потом год поработали там, в колхозе, в основном свеклу, пшеницу...

Ну, мы сейчас до этого дойдем. Давайте о переселении, допустим, вашего дядю репрессировали в 37 году, были такие подозрения, что вас может постигнуть такая участь?

Честно говоря, сперва ничего не было. Отца начали в конце 40 года, нет 41 года... В 41 году уже начали писать, когда война началась, тем более начали говорить «он тоже, вот его брат уехал, он тоже говорит, вот идет мой человек Гитлера охранять, наше богатство вернет нам обратно, потому что колхоз забрали, ничего не оставили». После этого начали, одним словом, издеваться над отцом. Мучения были до 25 ноября 1942 года. 25 ноября 1942 года собирайтесь с 9 детьми. Мать с отцом – 11 человек начали адское путешествие.

У вас же было хозяйство, как-то обещали что компенсируют?

Это я вам скажу попозже, как брат окончил в Казахстане среднюю школу, он поехал в Баку. В 53 году поступил в филологический университет, его окончил. Поехал работать в наше село, взял направление учителя (русский язык, литература). Приехал туда, и оттуда начал писать Ворошилову, председателю верховного совета СССР и Хрущев был тогда. В общем, через них он вернул нам наш дом, из нашего дома уже сделали амбулаторию, лечебница это, она была длинная, 1 этаж метр тридцать – метр сорок ... еще место для кладовки.

Вернули дом, получается?

В общем, вернули дом только в 58 году.

А вот на тот момент...

Ничего абсолютно не обещали нам. 24 часа, возьмите документы и самое необходимое с собой.

Интересно, зачитывали какие-то бумаги или что-то еще? Или просто им сказали и все?

Они действовали от имени НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), заявление есть, три человека подписали, что вы против советской власти, что вы хотите,

чтобы здесь был Гитлер. Понимаете? А когда отец не подписал..., а кто подписал, обманным путем их расстреливали.

Интересно, когда вы ехали в поезде сюда в Казахстан, когда вас депортировали, там же, наверное, весь состав был, весь эшелон был. В определенное место ехали, к брату должны приехать были? Депортировали эшелонами и в одно место всех?

Так было в 37 году (всем составом), а нас в 42-м было две или три семьи в одном вагоне, товарном. В одном вагоне было несколько семей, и в других были тоже семьи. Брат рассказывал, в основном были поляки. Я их никогда не забуду, черепах ловили ... честное слово, кипит вода, они ловят черепаху и кидают, и она выходит из панциря, у черепахи мясо, как курятина (что зайчатина, что курятина – одинаковое мясо). Они вот так питались, чтобы не умирать с голоду. С голоду очень многие умерли.

А когда ехали, умирали с голоду?

Да, когда ехали, особенно чеченцы и поляки. Потому что им есть ничего не давали.

Вы же зимой ехали, там, получается, есть «буржуйка»?

Одна «буржуйка» в среднем с температурой +8-9 градусов. А когда уже приехали, разгрузились в Чу, доехали до «Нового пути», руки, ноги были разморожены, благодаря усердству тех, которые раньше приехали в 37 году, к дяде приехали, снегом растерли и в себя пришли.

А вообще теплую одежду давали кому-то?

Ну, такую осеннюю. Зимняя одежда, что в Казахстане осенняя, там холода не такие бывают. Поэтому приехали для Казахстана в осенней одежде, попали на 25 декабря, в самые морозные дни. В том году было много снега и морозно было. А брату моему, старшему в то время было 15 лет, шестнадцатый пошел, 15,5 ну к этому потом. Так что оттуда выселили нас окончательно в 1942 году. Дали на сбор 24 часа. Брат пишет, когда мы приехали в район 80 километров от Баку, а нет, когда приехали в Баку один знакомый сказал: «вы едете в Казахстан, там сейчас зима, детей погубят там у вас. Может половину оставить у меня?» А потом я с отцом пошли, в приемную зашли, сказали так и так, у нас вот девять детей. Она говорит «посидите, я узнаю». Она зашла к своему руководству, сказала: «вам дали 24 часа, а вы до сих пор здесь, немедленно чтоб были в Казахстане».

А потом кто-то конкретно сопровождал, кто-то контролировал, чтобы вы сели?

Абсолютно нет, бумагу дали, какого числа приехать и все. Если б разрешение дали, уже другую бумагу дали бы... А там было дано 24 часа, и поэтому мы с этими билетами должны были добраться до места.

А вы не слышали, когда ехали в эшелоне, что кто-то бежал с поезда? Пытался сбежать?

Я не в курсе, не буду врать. Брат мой в курсе.

А вы помните, чем кормили тогда?

Нас ничем не кормили. Когда нас разгрузили в порту, там мародерством занимались, отец мешки нес, пришли хулиганы разрезали ножом, чтобы рис высыпать. А потом убегали и сами готовили с водой, воду делали, питались месяц, целый месяц. ...

А вещи, интересно, где можно было взять с собой только 20 килограмм?

Только рису 20 килограмм.

А один рис?

Он взял с собой один рис, больше ничего. Они сказали, возьмите с собой основные вещи и документы.

А условия какие в самом поезде были?

Вот так открываются двери, товарный поезд, мы ширму сами сделали, чтобы холод не прямо зашел, у двери вагона... и все, все в одном уголке.

И сколько человек было? Вот вас только 11.

Сколько точно я не знаю. Заходишь слева – две семьи, справа – две семьи, ни перегородок, ничего не было. Здесь две семьи, и здесь две семьи. Четыре семьи ехало. Но только наша семья из 11 человек состояла, а их было то ли по 5, то ли по 6 человек, по 4 человека.

Раньше же большие семьи были?

Да, раньше большие семьи были. Нас 9 детей оттуда ехали, еще двое здесь в Казахстане родились.

Получается месяц ехали?

Ровно месяц. 25 ноября мы сели в паром, нас привезли до Красноводска Туркменский район (Туркмения), оттуда уже на товарный поезд, Транссибирская магистраль, в общем, Азиатская дорога, Угловая станция через Чу проходит (Казахстан, Джамбульская область). По переписке нас выселили через пять лет, адрес был у дяди – Джамбульская область Чуйский район – станция Чу, колхоз «Новый путь». Когда мы спрашивали, как в «Новый путь» попасть?» Нам говорил: «там возят на пути свеклу зимой, сдают на базу, на переработку, вот идите туда». Мы остались на станции, мама и 8 детей, а старший брат с отцом пошли на свекловичную базу. Пришли, пишут, там эти ребята, прям с колхоза, договорился отвезти нас с ними еще дядя, дядю уже знали, и они в меру своей порядочности исполнили. Брат приехал за нами. Пока нас забрали, детей-то много, мы отморозили ноги, руки.

Вы в эшелоне ехали, были какие-то слухи? Говорили люди что-то между собой?

Они боялись говорить там, не дай Бог, наплетут еще. Просто каждый думал об одном: как бы не умереть в пути, выжить, доехать до места, разгрузиться. Потом мы приехали, мы, за исключением маленьких – я, две сестры и три брата, мама дома по хозяйству, нас 7 человек, мы работали в колхозе, по хозяйству. Колосья убирали, комбайнов не было. ... Мы его связывали, потом высыхало. Ручной работы было много, потому что комбайнов не было, тракторов не было, лошади и вручную.

А вот у вас же тепло было? Как называется поселок, где вы жили?

«Новый путь».

Нет, откуда вы приехали?

Юг, самые субтропики, Машалинский район, Азербайджан, село Махмудала – наше родное село, там тепло, средняя январская температура + 7.

А когда вы приехали в «Новый путь» жители по национальности кто были?

Благодаря, действительно, гостеприимству казахского народа, его человечности, они достойно встретили переселенцев. Там были в основном азербайджанцы, а потом когда мы приехали, чеченцы, ингуши, карачайцы. Карачайцев много было, поляков много было. Я поляков никогда не забуду в Зайсане. Зайсан – это простор, куда выгоняют на лето скот.

Пастбище?

Пастбище. Сеяли зерно, косили траву, держали скот. Птицеферма была, никогда не забуду. Просо, пшеница, ячмень – все это сеяли мы, ну точнее не я, взрослые. И скотоводством занимались.

Какие-то проблемы были? Совместного проживания?

Абсолютно нет, в совместном проживании с казахами никаких проблем не было. Я вам рассказывал, барак построили, и если в 37 году в этот барак пришли 3 детей, муж с женой – 5 человек, то им давали одну комнату, а если муж и жена – детей нет (как мой дядя, например), то могло быть еще два человека, шесть человек, семь человек или две семьи в одной комнате жили. Жили в таких условиях. Бараков-то не было. Они приехали в 37 году, сами построили, не государство, а сами приезжие. Сами построили из глины. Поставили поперек брусья, камышом закрыли, глиной закрыли, одна печка греет всю комнату, как русские печки, вот такие вот.

Интересно, там кто-то жил из казахов, это было небольшое поселение, а потом всех туда? И они приехали и построили бараки?

Да, да, да, приехали туда, мало их было, потом построили сами.

Скажите, пожалуйста, как Вам показалось, какое благосостояние было у людей, которые там жили? Хорошо или плохо, или как?

О благосостоянии говорить очень сложно, потому война, что все, что здесь выращивалось, все ушло на фронт. Оставляли самое минимальное, давали по списку. Давали не деньги, давали немножко пшеницы, чуть-чуть сахара на члена семьи, и сахарную свеклу, для того, чтобы кормить семью. Пшеницу каждый молот себе, кто как мог, ручными мельницами. По крайней мере, в 37 год которые приехали, не умирали с голоду. А из тех, которые приехали с нами ингуши, поляки, чеченцы умирали очень многие. Почему? Потому что они только приехали, родственников не было, и они особенно весной ели траву, организм не приспособлен к этому. Погибло очень много от голоду. Мы приехали, мой дядя здесь уже жил, как-то приспособились. Держали свою корову, несколько ягнят, что-то было.

Местные жители сразу хорошо к Вам относились?

Очень, сразу прям, они очень помогли, с 37 по 42 год, все благодаря им, очень они помогли, именно своим гостеприимством, широтой души.

Их отношение не менялось?

Нет, не менялось, абсолютно.

А браки с местными жителями возникали?

Браки с местными у нас позже стали. Стали только где-то через 15-20 лет, стали и на местных жениться, я имею в виду и на казашках, русских, татарках. А первое время не до свадеб было, лишь бы выжить. Когда кончилась война, кончился комендантский час, мы же под комендатурой были до 54 года, а до этого времени не имели права выезжать, комендант пока не даст разрешения. Комендантом «Нового пути» был Салин. Анна Николаевна, первая моя учительница, жена этого Салина, с 1 по 3 класс она была у меня учительницей. Пока не дадут они разрешения, мы даже в Чу не могли выехать.

Получается, вы говорите, что кроме вас были чеченцы, ингуши, поляки.

Евреи.

Евреи?

Многие были, в общем, всех национальностей, ну евреи понятно почему, оттуда их вытаскивали, чтоб не расстреляли. Поляков, как говорил Лев Кочинский, их как неблагонадежных, тоже Сталин их сюда в Казахстан. Со Смоленской области многих расстреляли. Про чеченов и ингушей говорили, что они стали на сторону Гитлера. Сейчас в стране все уже другое говорят.

А интересно, вот когда вас депортировали, условия депортации вам определили?

Абсолютно.

Когда выслали туда и там уже решили?

Езжайте в Казахстан. Казахстан считался ссылкой, суровые климатические условия, далек от цивилизации. Казахстан считался ссылкой, как раньше для россиян была ссылка Сибирь. Во время войны Казахстан стал ссылкой для репрессированных, думали, что здесь все умрут. Но благодаря человеческой натуре и уживчивости, гостеприимству казахского народа, умирали в основном только в дороге. В основном в 37 году умирали по дороге, когда ехать месяц, 40 дней. А уже когда приехали на место, мало умирали.

Получается, как Вы до этого сказали, жена коменданта выписывала вам разрешение?

Учительница моя.

А учительница Ваша?

Да. Комендант выписывал разрешение, только тогда мы могли съездить на станцию, или на базар.

Его надо было брать?

Конечно, не дай Бог попадись без него.

Проверяли?

Да! Патруль ходит, любого в военной форме останавливает, смотрит документ, спрашивают, «где разрешение, о том, что вы покинули свое местожительство? Так ты можешь уехать опять к себе на Кавказ».

А как-то проверяли наличие вас? Делали какой-то обход или просто было видно, что живут люди?

Нет, обхода не было. Главным образом, комендатура. Без комендатуры не имели права выезжать. Честно говоря, там уже были какие-то ссоры, драки.

А вот отношение у коменданта и у местной администрации какое было?

Отношение Салина (я уже забыл даже инициалы, Анна Николаевна, допустим, помню, потому что моя первая учительница). Он относился по-человечески, он понимал, что война кончилась, люди были репрессированы не справедливо – это он понимал, и относился, честно говоря, по-человечески ко всем.

А побегии были интересно? Были такие, которые бежали с места?

Побегии? Нет, не слышал. Но были, которые уехали после комендатуры в 56 году. Уехали, потом обратно вернулись. Там у них не получилось, потом обратно вернулись, таких несколько семей было.

А как работали?

Работали в колхозе. Мы 3 года были на Зайсане, потом вернулись в Новый путь. В Новом пути в основном были сахарная свекла, зерноводство, животноводство, хлопок был и конопля была. Не эта конопля, а для веревки, которую делают. Ближе к 50 годам все это убрали, потому что холода, оно не успевало поспевать. Остались пшеница, ячмень, овес, сахарная свекла и животноводство – вот это вот осталось.

А вы почему три года жили там?

Нас переехало 8 семей 30 километров от «Нового пути» ближе к горам туда, для того чтобы развить участок от этого колхоза. Мы восемь семей и там еще было три-четыре семьи, потом поляки приехали. Мы приехали всей семьей, у меня там брат старший учетчиком был.

Где в Зайсане или в «Новом пути»?

В Зайсане. В «Новый путь» мы приехали в начале 42, а уже в мае 43 мы уехали в Зайсан. Мы поехали туда.

С братом?

С братом, со всей семьей. Потом опять в «Новый путь», потому что техника начала появляться, комбайны, не то что самоходные, а прицепные комбайны. Цепляли на тресе, он там тянул, косил, все делал. Моя мама была очень гостеприимная, все кто приезжал, останавливался у нас во дворе. Они ели, пили. Мама готовила на всех (скотину свою держали, молоко, куры-муры...)

Вы сказали, что были трудодни? А как они оплачивались?

Трудодни оплачивались к концу года. Результат работы колхоза – все раздали государству, что осталось, то отдали. Считали сколько трудодней. Допустим, у меня по одному трудодню, значит в месяц 30 трудодней. А если полтора трудодня (смотря, как я работаю и по сколько я работаю) в месяц 45 трудодней. В год я поработал, если не болел, 12 месяцев 360-500 трудодней. На один трудодень приходится 1 килограмм зерна, а у меня 500 трудодней, я получаю 500 килограмм пшеницы. Потом посчитали, на 1 трудодень приходится 100 грамм сахара, значит, я получу 5 кг сахара.

Норма была?

Норма была. Получалось, что осталось, делили на количество трудовых дней, в колхозе такая система. Кто-то вложил, государство тебе дало, ты возвращаешь. Раздали, раздали, долги отдали, на кону осталась н-сумма, уже делим на шесть.

А вот школа, Вы рассказывали, что учились? Все вместе или отдельно?

Нет, все вместе. Со мной учились и чеченцы, и немцы, и ингуши, и балкарцы, и карачайцы, казахи – все мы в одной школе были. До 57-го у нас не было средней школы, были семилетки, они были в других районах. Мой брат, который умер в Баку недавно, он окончил в селе Мойынкум, Джамбульская область десятилетку. В Ленинской было, раньше Ворошиловкой называлась, потом пресса сделала Ленинской, тоже была десятилетняя школа. А в Новом пути уже в 57 году появилась десятилетка.

А как с местными детьми отношения складывались?

Очень хорошо, дружно жили! Никаких претензий, никаких...

Принимались какие-то меры воспитания?

Никаких, национальный вопрос не поднимался.

Ограничения были какие-то?

Все были с одинаковыми правами. Честно говоря, отношения людей (чисто мое мнение) складываются в зависимости от материального положения, чем беднее люди, тем дружнее. Если у него чуть-чуть курдюк жирный стал, он никого признавать не хочет. Если средняк или бедный, он ко всем хорошо относится. Все ходили в школу в тряпочных портфелях, для чернил кармашек, хлеб с собой брали. Исходя из этих условий материальных, люди жили очень дружно.

Ваши родственники остались там? В Азербайджане? Во время депортации? Можно было письма писать?

Да, да писали. Там остались тети, дяди, двоюродных там много. И сейчас там есть. Мой брат поехал туда учиться, выучился. Когда через Ворошилова добился, забрал, а потом уже в 64 году мой покойный отец, покойная мама поехали на Кавказ. Приехали туда, с ним уехали туда. Потому что я уже учился, они в 64-м уехали, а я в 61-м поступил в КазГУ, был студентом 4 курса, когда они уехали. Поехал отец, мать, сестренка (которая родилась в Зайсане), братишка, который в Новом пути родился – они вчетвером уехали в 64 году, в свое село. Нас уже реабилитировали. Они поехали туда, отец скончался в 70 году там, на Кавказе у себя в доме, на родине, в своем селе, и мать тоже там. Мать умерла почти в 90 лет. Отец мало прожил, 72 года. По материнской линии все долгожители, мать прожила почти 90 лет. Братишка женился. Сестренка вышла замуж. Братишка женился, один брат переехал туда в Баку, женился. Сейчас у нас остался один брат, потом переехал туда, живет, можно сказать, в одном дворе, рядом, по соседству там же хутора. Двор большой у нас, около 80 соток, около гектара. Вот здесь пополам разделил, брат построил дом, они в одном дворе. Остальные остались здесь. Я в Алматы остался. Старший брат в Новом пути, как жил, так и живет, еще две сестры в Новом пути замуж вышли, там и живут. Одна сестра переехала из Чу в Бишкек. И сестренка одна на Кавказе в Баку живет. Братишка последний в деревне живет, у отца дома. На Кавказе у меня находится два брата и сестренка, еще один брат был, он умер недавно. А остальные находятся здесь.

Интересно, как их там приняли, когда переехали обратно? Они вообще, почему переехали?

Они переехали, потому что плохо жили там, отец с матерью поехали, у нас положение более или менее нормальным было. Потому что в 62 году по заявлению матери, тогда же «Волга» давалась, кто министром работает, моя мать как «героиня». В 62 году нам автомашину «Волгу» дали одним из первых. Не самым первым, до нас тоже брали, но где-то покупали у кого-то кто-то. Старший брат ездил. Они приехали, материальное положение было лучше, чем у тех, не у всех конечно, 20% жили хорошо, остальные концы с концами.

Деревня – работы нет, ничего нет. А город да, работа есть. Приняли их неплохо, нормально, все успокоились, которые на отца донос писали, пока отец приехал, все умерли, Бог наказал.

А Вы здесь остались почему? Потому что встретили кого-то?

В 61 поступил в КазГУ, в 66-м я закончил, добился направления туда, где родители, Машалинский район. Они дали 15 км ниже, сказали «пока здесь работай, как освободишься, мы тебе здесь дадим» в Азербайджане сказали, в совете министров. Я потом подумал и не поехал, получил свободный диплом. Устроился на работу. ... И все я остался здесь. Поженились здесь в 69 году, она была с села Новый путь. В 71 году – первая дочка, в 76 году – вторая дочка, в 82 году – сын.

Богатый!

Трое детей, дочери замужем, сын женился как два года. И вот живем здесь, слава богу.

Если вернемся к тому времени, к поселку, где вы жили? Какое управление? Кто там был? Председатели колхоза?

Первое время сам казах Черманов, Ибеев.

В то время, когда вас депортировали?

Да, да, да. Это было и до войны, и после войны. Черманов был, потом Ибеев был с одной ногой. Никогда не забуду, мой брат кучером был, который умер. Он на тачанку садился, его возил. Вместо машины. Сейчас на «Мерседесах» возят служебных. После Ибеева стала Адаменко Галина Андреевна – русская женщина, вот действительно председатель колхоза, она хорошо работала, в 70 годах, может раньше в 60 каком-то. Она там лет 15 председателем была.

В сороковых годах кто был? Не помните?

Это были казахи Черманов, потом Ибеев.

Как они руководили?

Золотые люди были! К тому же очень простые были.

Осведомители или стукачи были?

Ну, во-первых, была комендатура – это и есть осведомитель, он все докладывал району и области. Во-вторых, через руководство совхоза они докладывали, как люди ведут себя, как они работают, говорят ли что-нибудь.

А среди населения не было?

Среди населения нет, только один конфликт был в 49 году с азербайджанцами и чеченцами из-за женщины. Азербайджанец украл чеченку, война началась в Чу, а потом они сели в 5-6 грузовых машин и приехали в Новый путь. А в Новом пути все азербайджанцы вышли с палками. Никогда не забуду перед моими глазами участковый милиционер, казах, он стрелял пистолетом вверх, чтобы остановить. Били, резали, лопатами, ножами. Тогда много погибших не было, ну очень много чеченцев пострадало.

А в результате что?

Она осталась с ним, четверо детей у них.

А тогда как вообще питались?

Питались за счет трудодней, мы получали пшеницу, сахар, масло сами делали, держали сами скот.

Голодали или нет?

Нет. В огородах, что только не сажали, я помню, мяса нет, а тыквы навалом. Тыкву варили, кашу делали, в общем, не голодали. Свеклу и тыкву делали.

Одевались как?

Одевались по-деревенски. Тряпочные портфели...

Я помню, я прибежал домой, сапоги снимал, пальто снимал, учебники переключивали, сестренка одевала и бежала в школу.

Ну, получается, что-то продавали и покупали одежду?

Покупали дрова, саксаул, первое необходимое. С магазинов привозили, магазины тоже были. Все время были магазины. За деньги мы продавали скотину, которую держали. Уже потом деньги давали.

А деньги были с самого начала?

Нет, начиная только с 70 годов.

А тогда в сороковые года?

В 40-е по 60 года денег не было, натурально было.

А интересно, сколько могли заработать?

Заработать очень много могли сахара, по полторы тонны за год. Я помню, у нас было 25 мешков 70-килограммовых.

Это в каком году?

В 56-57 году. Что мы делали, у нас были железные ручки с двух сторон, мы делали дырки, совали в мешок. Сладкое все прятали, конфеты прятали, по одной, по две штуки в день.

Это в каком году было?

60 годы или конец 50-х годов.

А вообще отношение менялось до войны, после войны? Можно сказать, что что-то изменилось?

Отношение нет, кроме одного случая, ничего не было.

Выжить, что помогло в таких условиях?

Выжить помог труд, все трудились добросовестно, все нации собрались: русские, поляки, чеченцы, ингуши, татары, казахи, карачайцы, балкарцы. Все нации вместе учились. Со мной в одном классе карачаец учился, лет на 10 старше нас был, сидел со мной за одной партой. Жили дружно, хорошо. Тяжело было в том, что рано вставали, потом приходили на поле, целый день на поле, на жаре. Семья большая была, всех надо было накормить.

Все благодаря труду?

Да, никакой дотации не было, все благодаря труду.

Когда вы узнали о смерти Сталина? Как это произошло?

Это было 5 марта, я тогда в школе был, жена коменданта Салина была моей учительницей, мы уже учились в классе четвертом. Плачет и нас заставляет, чтоб мы тоже плакали. Умер, умер, что ты поделаешь? Сталина нет, что теперь делать. А Сталин ее мать посадил, конечно, это делал не сам Сталин, за три штуки свеклы 5-7 лет дали. А она плакала, когда Сталин умер в 53 году, в марте. Я это помню, кто плакал.

А что говорили вообще?

Говорили, что Сталин умер, теперь будет плохо, будет туго, говорили нам.

Планы какие-то строили?

Не знаю, прошло немного времени, сразу Берия поставили. Когда Хрущева выбрали в 54 году, уже хорошо пошло, вещи на уценку пошли. Уценяли товары, цены снижали, налоги уменьшили. У нас же натуральный налог был, скот держишь, значит должны отдавать молоко, масло, шерсть, шкуру.

Как налог?

Да, как налог.

А когда о реабилитации узнали?

О реабилитации разговор пошел в 56 году, что всех репрессированных нужно реабилитировать. Мы получили реабилитацию, что я реабилитирован в Азербайджан.

А оформление документов как проходило? Там надо было оформить какие-то документы?

Я позвонил брату в Баку (который умер), он там жил. Все жители Азербайджана, которые были реабилитированы, там списки были, и он нашел там, что мы в 42 году репрессированы в Казахстан, год рождения, фамилии – все написано. Есть книжка репрессированного.

Это он там оформил все?

В Баку, да! Я потом пошел, и действительно узнал, что я реабилитирован. Я пошел в городской отдел социальной защиты на Калинина и Карла Маркса (Кунаева), тогда еще льготы давали, сейчас отменили уже. Льготы сделали на проезд, на свет. Потом взяли, отменили, ну сейчас к пенсии добавили 800 тенге, как репрессированному.

Документ о депортации сохранился или нет?

Только о реабилитации.

А родители ваши в каком году уехали?

Родители в 64 году.

Так получается, реабилитация когда произошла?

Реабилитация в 56-57 годах.

И они через сколько лет уехали?

Через 6-7 лет.

А кто принимал решение, что нужно уехать туда?

Решение принимал Верховный совет СССР.

Нет, смотрите жила семья и они решили переехать туда, назад. Кто в семье принимал решение?

Решение принимал отец. Мама уехала и брат, она не хотела ехать, но ее забрали.

А как они решили? Почему интересно так?

Когда отец уезжал, ему было 66 лет. Матери было 62 года, когда уезжали туда. Сестренке было 20 лет, а братишке 14 лет. Там был дом, вот и они поехали. А так все уже замужем были, у всех была своя семья.

Кто-то помогал им отсюда уехать? Или они сами?

Конечно, все здесь были, погрузили в товарный вагон вещи, они опечатали, отправили. А сами сели на пассажирский поезд.

А там, в Баку их брат ваш встретил?

Да, там очень много родственников. Двоюродных очень много там – со стороны матери, со стороны отца. Нормально было все.

А сейчас отношение к депортации изменилось? Годы прошли, какое мнение? Когда вы моложе были одни взгляды, сейчас другие? Или все те же?

Честно сказать, кто, где родился, кто, где провел свои молодые годы, он никогда уже в Азербайджане жить не сможет. Там уклад жизни совсем другой. Отношения с людьми совсем другие, как на Западе. На Западе они сахар к чаю принесут, положат для себя, кто-то случайно пришел, говорят, что на них не рассчитывали. Здесь совсем другой менталитет. Сложно там: народу много, работы нет. ... А как здесь односельчане...

Там тоже гостеприимно. Просто мы здесь выросли. Вот я, например, родился в Жана жол, Новый путь, рос. У меня никого нет на Кавказе, не тянет, я там не был и не тянет. Мои родители здесь умерли, я сам здесь рос. Что я туда поеду.

Ну, так все-таки насчет депортации, мнение Ваше?

Депортация – непростительная ошибка властей и руководства нашего региона. Я понимаю, депортация депортации рознь, но в таких условиях, на верную гибель посылать людей, зимой, раздетых, еще дети. Нас 9 человек было детей и мать с отцом. Холод, месяц в пути, сейчас сутки не можешь выдержать, а тогда целый месяц. Ничего не имея, ни газа. Это нечеловеческое отношение к людям, условия как в концлагере каком-то немецком. Я понимаю, если везут заключенных. Даже сейчас, когда везут заключенных в поезде, где есть решетки, у него есть горячий обед, в туалет есть куда сходить, месяц-полтора, у него

срок же идет. А у нас 11 человек, из теплых районов, где среднеянварская температура +5-7, приехали в самый разгар зимы, приехали в Чу. Разве это простительно?

Мама рассказывала, приехали в Чу, тогда снег по полметра, а на улице морозы под градусов 40-50, сейчас таких морозов нет.

Брат написал в мемуарах, если не соседи, если бы они нас снегом не протерли, то все было бы, конечности отморожены были бы. Мы ехали 16 километров от Чу на бричках. Я отношусь к этой депортации с таким презрением. Как можно было с детьми? Мне было 1,5 года, моей сестренке было 2,5 года, остальным было 8-9-10, брату самому старшему было 15 лет. А отец, как издевались над ним, как мучили 18 месяцев, жил в подвале, давали гороховую похлебку, гороха не было, только запах и 100 грамм черного хлеба.

А Вы сейчас от властей, от окружающих людей, от общества чего-то ждете для себя?

Мне уже ждать нечего, скоро 70 лет. Пусть молодые ждут. Я еще раз прихожу к тому заключению, что руководители, которые были тогда, относились не по-человечески, не по гуманному. Я сейчас живу в Казахстане, я очень рад, что живу в Казахстане и доволен президентом Назарбаевым – это эрудированный, образованный, очень умный человек. Благодаря ему, у нас спокойная политика. Тихо и мирно. Бывают, конечно. У нас поговорка есть, «тайга без шакалов не бывает». 5-6 человек соберутся, пытаются создать межнациональную окраску, ну где не бывает? Нет плохих наций, есть плохие люди, которые накаляют межнациональную обстановку, поэтому президент всегда на контроле. Есть негодяи во всех нациях, и если он виноват, надо наказывать, вне зависимости от национальности, чтобы он не мутил воду. Сколько в Казахстане живет национальностей, живут дружно! Но вот сидит шайтан возле уха. У него денег много, чешется у него одно место, и они начинают вот мутить воду. Я надеюсь на мудрость, на дальновидность нашего президента. Он очень мудрый и дальновидный человек. Он палец на пульте держит, чтобы всегда у нас было спокойно.

Мы в процессе беседы практически все обсудили, может, вы еще что-то хотите сказать, то, что Вы не сказали?

О жизни вы поняли, я вам все сказал, как переезжали, когда переехали, в каких условиях, как учились, допустим. Я очень доволен судьбой, что мы попали в Казахстан. Все здесь выучились, все получили образование, почти у всех квартиры, работа есть, всегда была работа. Последние несколько месяцев не работаю, ничего страшного. Возраст у меня пенсионный, пенсия у меня хорошая – 39 тысяч получаю. Дай Бог здоровья нашему президенту. Если еще 25% добавит, я еще буду молиться на него. Просто инфляция немного сжигает. Кризис, инфляция. Пенсия у меня очень хорошая по сравнению с другими государствами, близлежащими, Киргизия, Узбекистан, Азербайджан. Ну, Азербайджан тоже сейчас на ноги встает, потому что у них хорошая политика. Своему президенту я очень благодарен, он умный и дальновидный политик! Не зря он возглавляет ОБСЕ. Ну, а что сказать больше, не знаю.

Все равно нашу запись будут слушать дети, дети детей, наши потомки, что бы Вы хотели им пожелать?

У меня пожелание одно, чтобы они трудились, жили честно, не посягали на чужую жизнь, собственность, чтобы жили в мире и дружбе. Ничего не остается безнаказанным. Это карма есть. Безнаказанно если думает, украл, обманул или что. Бог ему воздаст по его деяниям, по его работе сделанной, за хорошую работу хорошим отблагодарит, за плохую – плохим отблагодарит. Поэтому мое пожелание будущему поколению – это, прежде всего добросовестный, честный труд. Повышение знаний, своей квалификации. Дружелюбное отношение к ближнему, к семье это само собой, богом велено так, соседям, сокурсникам, сослуживцам. Ко всем людям, которые его окружают, чтобы отношение было благородное, честное, дружелюбное, чтобы всегда... Бог воздаст по твоим делам, то, что ты заслуживаешь. Хорошо сделал, обязательно тебя вознаградит. Не обязательно сегодня, пройдет год-два-три-пять, обязательно. Если даже тебе бог не дал, твоим детям вернется за добро. Я себя не хвалю, я не говорю, что я такой-такой. Я сколько мог, сколько работал,

столько людям делал добро. ...Мне может он вернуться, но у нас у всех ограниченный срок жизни. Мои пожелания – сеять только добро, делать добро и добро обязательно вернется.

А на азербайджанском могли бы что-нибудь сказать?

Могу... *Говорит на азербайджанском.*

Спасибо большое!

.....
Заманов Эйвас Фейзуллаевич, азербайджанец, 57 лет. Его родители были депортированы из Азербайджана в 1937 году. Проживает в Казахстане, Жамбылской области, Кордайский район, село Кордай.

Уважаемый Эйвас Фейзуллаевич! Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Я знаю это по рассказам родителей, мои родители, будучи школьниками, были депортированы сюда в 1937 году. Их привезли в Чимкентскую область, Созакский район. И их вселили сюда. Там жили в основном казахские семьи, приезжие вселились в бараки, их было много, и их поделили по семьям. Потом они сами как-то устраивались. Если честно, в то время многие умерли от холода, от голода. Моя бабушка и родители всегда мне говорили, что мы остались живы благодаря казахам, потому что они поделились всем тем, что у них было, хотя и это не хватало им самим. Бабушку депортировали с пятью детьми. Моя мать была самой старшей среди них. Они прожили довольно сложную жизнь. Часть детей забрали в интернат, потому что было сложно кормить женщине одной. Забрали в интернат и раскидали их по всей Шымкентской области, многие из детей потерялись. Потом родители переехали сюда, в Чуйский район и тут уже родился я. Моя бабушка последнего из своих детей нашла в 1967 году, спустя 30 лет. Я хорошо помню, какая была встреча, как мы ее нашли. Оказывается, ее удочерил старик. Он был казахом, был секретарем или председателем сельского совета, он такую должность занимал в Тулкюбасе. У него не было детей, а после того как удочерил, у него родилось 16 детей. Он ее выдал замуж за казаха, Малдыбек его зовут, и только в 1967 году мы увидели те, кто были в одном вагоне, и стали расспрашивать. Потом тот, кто ее увидел, пришел к нам, и сказал, что увидел молодую женщину схожую на бабушку. Тогда ее братья поехали поискать ее. Сначала разыскали ее сводного отца, он проживал в Тулкюбасе, был очень стар, потом поехали в Бурное, совхоз Жанаталап, там сестра проживала. У нее был муж, шестеро детей. Вот так мы нашли ее через 30 лет. Ну, их сейчас нет в живых, но с детьми мы общаемся.

Скажите, пожалуйста, откуда Ваши родители были депортированы?

Мои родители были депортированы с Начевани, где родился нынешний президент Азербайджани Алиев.

А причины депортации были известны?

Депортация началась где-то в середине 20-х годов. Первыми депортировали людей, у которых были материальные блага. Потом депортировали ученых, одним словом, депортировали весь цвет нации. Последний эшелон азербайджанцев привезли в 1938 году в Кордайский район. Они были простыми людьми, их депортировали за то, что они были Иранскими подданными, то есть у них были иранские паспорта.

По словам Вашей мамы, как везли, как формировали эшелон?

По словам родителей, тех которых депортировали в 1937 году, за ними гонялись еще в 1935-х, 1932-х годах. У них тогда отобрали скот, земли отбирали, их самих же посадили в тюрьмы, перевели их одного на другой, и в итоге погрузили в эшелоны и отправляли. Им сказали, что их будут топить в Каспии, и чтобы с собой не взяли ничего. Ничего не объясняли, просто нужно было от них избавиться. Потому что они были грамотными, богатыми в то время людьми.

А куда именно они прибыли? Как назывался населенный пункт, куда их привезли?

Шымкентская область, Созакский район. Там была степь. А потом уже их перевезли в Шолаккорган.

А много семей вывезли?

Да, очень много. Был полный эшелон. Не вагонами, а эшелонами возили. Примерно половина погибли на дороге, потому что остановились и похоронили умерших людей. Они ехали больше месяца.

А как вас приняли местные жители? Как вас встретили?

Вы знаете, бабушка и родители с самого детства внушали нам, чтобы мы уважали казахов. Потому что они, несмотря на то, что самим нечего было есть, они приняли нас, поделились всем, что у них было.

Вы бы хотели вернуться на Родину?

Казахи – народ гостеприимный, доброжелательный. Именно поэтому многие азербайджанцы остались здесь. У них есть много общего с казахами. Допустим, если я ездил в Азербайджан, страна чудесная, города там красивые, в Баку живут наши, страна считается одной из перспективных среди СНГ, но все-таки ментальность, отношение они нам чужды, не наши. Мы там уже не можем интегрироваться, мы привыкли жить здесь, среди казахов. Те русские, которые вернулись на Родину, жалеют. В прошлом году приезжал один из наших коллег с Германии, мы его хорошо встретили, сфотографировались, просили его рассказать, как мы живем весело и дружно в Казахстане. Несмотря на смену экономических формаций, Казахстан остался таким, как был – доброжелательным и дружным.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Чтобы вы хотели передать будущим поколениям?

Говорят, старшее поколение всегда недовольно молодым поколением. Молодежь – вечная проблема. Молодежь – хорошая, просто мы кое-что упускаем. Я думаю, молодежи нужно больше читать исторических книг, они должны знать свою историю, их нужно воспитывать, так же как и мы сами воспитывались. Нужно учить казахский язык, я думаю, будет лучше, если все детские сады переведутся на казахский язык. Потому что ему потом будет сложно учить казахский, даже в школьном возрасте будет поздно. Ребенок до пяти лет получает 70 процентов всей информации, то есть говорить, кушать, думать, ходить, и т.д., а остальные 30 процентов получает после пяти лет.

.....
Магерамова Кубра Ахметовна, азербайджанка, 76 лет. Была депортирована с Кавказа, Нахчиванской области в 1937 году. Проживает в Казахстане, Алматинской области, город Талдыкорган.

Я, Магерамова Кубра Ахметовна, 1934 года рождения, родилась в Нахчиванской области, в селе Янкиджа. В семье нас было шестеро детей, 4 девочки, 2 мальчика. В 1937 году наша семья была депортирована в Казахстан.

Откуда?

С Нахчивана.

Когда?

В 37 году...

В каком месяце?

Осенью, наверное, это было. Везли в поезде, людей не предупредив заранее.

Как это было?

Всех сгребали, всем скопом, и грузили, как скотину. Как родители рассказывали, везли в общем вагоне, там не было никаких условий. По дороге всякое было, люди умирали, даже не было времени их похоронить. Голодные, холодные, по всей видимости, это и была зима к осени, потому что было холодно.

А одежду собрали?

Кто что успел, схватил. Были люди, у которых даже не было вещей. Ни вещей, ни еды. Кто сумел, старался своих детей выкормить. Вообще, это был ужасный перевоз людей. Сюда когда приехали, приехали в Уштобе. Поначалу там, а потом началось расселение. Наша семья попала в село Кировск, Светлосовхоз, первое отделение. Каждому выделили землянки, кто сам себе эти землянки соорудил. И началась жизнь на новом месте. Топили соломой, даже бывало лебеду ели, ели то, что могли, что попадалось под руку. Те, кто не боится работы, и привыкли зарабатывать своим трудом, старались как-то получше жить, больше работали. Побольше участия в совхозе принимали, не то, что мои родители. Будучи маленькими, мы уже работали в поселке. У меня был брат старший, (он уже ушел в мир иной) мы с ним всю тяжесть семьи перенесли на себе. Наша задача была принести в дом какое-то пропитание. Мы с ним ходили колоски собирали, когда поле уберут, чтобы мать могла лишний хлеб приготовить, потом продать этот хлеб на базаре и купить что-то другое, потому что то, что выдавали, невозможно было есть. Когда мы приехали сюда, трое нас было, трое здесь родились. Нас трое сюда приехало, брат – Казымбеков Ага Ахметович, сестра – Казымбекова Сура Ахметовна и я – Казымбекова Кубра Ахметовна. Будучи на Кавказе, делились как раньше, мой отец был беком, его так и называли Ахмет-бек. Мать была трудяга, и вышивала, и вязала, до последних дней своей жизни старалась руками заработать. У нее ни одно яблоко, упавшее с дерева, не пропадет.

А жили как? Свой частный дом был?

На Кавказе? На Кавказе свой дом был, участок земли, все до сих пор есть, я в прошлом году ездила. И домик этот стоит, и сад: гранаты, орехи. Когда на это все смотришь, вспоминаешь свое детство, что когда-то ты там бегал, а сейчас все это далеко от тебя.

А сейчас там кто-то живет?

Ну, родственники рядом, садом они пользуются. Отец умер, мать здесь умерла. Отец там умер, наверное, где-то в 50-ых он уехал туда, а мама осталась тут. Здесь все получили образование, мы со старшим братом старались помогать маме. Выучили всех, все закончили институты. У всех сейчас свои семьи.

А здесь конкретно где вы жили?

Первое отделение в селе Кировск, а сейчас называется Акшатаган. Этот поселок переименовали. Жили дружно.

А дом сами делали? Или вам его дали?

Нет-нет, сами делали землянку. Все репрессированные жили в землянках. Потом, когда мой муж приехал в 58 году, вообще он был мастер – золотые руки, закончил он в Баку техникум кройки и шитья, с другом они приехали, устроился в совхозе. Мы тогда жили еще в землянке, у нас не было своего дома, с 37 года до 58 года мы жили в этой землянке. Поехали два молодых парня искать свою судьбу, у моего мужа с первым браком не получилось, жена умерла, дети умерли. А моя свекровь жила напротив дома бывшей невестки, и она сказала сыну, что его здесь не воспримут, что ему надо уехать. И вот мой муж попал сюда. Когда он устроился в совхозе работать, они делали с другом саманы. Им дали квартиру, до сих пор этот дом стоит. За 2 месяца он заработал деньги. Он давал уроки кройки и шитья там же, в поселке. Потом его домкомом поставили. Уже за 2-3 месяца

работы, он мог взять меня в жены. Сыграли свадьбу. Получили тогда уже не землянку, а квартиру от совхоза. У меня была подруга репрессирована Валя Рамзаева, она тоже жила у нас в поселке. С детства мы с ней до сих пор дружим, она уже уехала в Россию. Мы одноклассники, я думаю, она тоже была репрессирована. Она в прошлом году приезжала ко мне, она говорит, что помнит, чтобы вкусно покушать, она приходила ко мне.

Потому что у вас много народу было?

Нет, потому что люди, которые привыкли трудом зарабатывать и ценить каждую свою копейку, у него всегда все будет. А тот, который через пальцы все пропускает, у него ничего не будет. Недаром говорят, а у вас у турков, но туркам даром не дается. Просто так даром никому ничто не дается, все с трудом дается, поэтому, как нас родители научили с детства ценить. Мой муж рассказывал одну притчу: почему этому Бог все дает, а мне не дает? Бог решил ему дать, думает, дай дам ему, положил на дорогу, где он всегда ходит, на мост кусок золота, а этому дурню в голову взбрело, дай я сегодня пройду по этому мосту с закрытыми глазами. Он прошел и не увидел этот кусок золота. А богатый просит: «О, Всемогущий, уже куда богатство девать, уже некуда. Урежь немного. Ну, Всемогущий урезал, решил проверить. Он каждому ребенку привязал мешок и сказал: «Дети, кушайте, чтобы ни одна крошка не упала». По прошествии какого-то времени он опять просит Всевышнего: «Я же тебя просил, а ты наоборот мне его приумножил!» Бог ему отвечает: «Как же я могу у тебя забрать, если ты ценишь каждую крошку хлеба! Чтобы она даже не упала на пол». Вот поэтому все здесь, хоть трудно было, стали людьми, посты заняли хорошие. Мы уже реедем, многих наших родителей уже нету. Уже мы сами 8 десятков живем. В Казахстане многонациональность, и мы не ощущаем какого-то притеснения, или может быть это благодаря президенту нашему. Каждому по труду, каждому по способности!

А вообще живете вместе с казахами дружно?

Очень дружно, у нас друзья – казахи. У моего супруга, даже среди наших таких верных друзей нету, как среди казахов. И когда он умер, был у него друг Акылжанов, он был директором Жетылжалского завода. Когда у моего мужа случился пожар на работе, он первый пришел, казах, протянул руку и сказал: «Жабраил я тебе помогу!» У казахов есть обычай каждый год на зиму делать согым, у них такая дружба была, что он не только себе, но и моему супругу делал, резал лошадь, быка, баранов и делали себе колбасы. С магазина не брали, боялись, что свинина добавлена. Они отдельно заказывали. И когда супруг умер, как раз другу его сделали операцию на сердце. Он приехал уже к холодному телу, и взял в кабинете портрет, так плакал, говорил, почему ты меня оставил. Ровно годовщину он своему другу отметил и тоже умер через месяц. Дружба у них такая была, что мои дети его почитали как отца. Теперь эта дружба осталась между детьми нашими.

В каком году Вы замуж вышли?

В 1958 году, муж приехал летом сюда, а в ноябре уже...

Вас когда маленьких привезли, Вы в школу здесь уже ходили?

В школу здесь. Здесь закончила 9 или 8 классов. У меня 7 детей, муж меня устроил в вечернюю школу, сказал, что надо обязательно закончить. Я, уже имея семерых детей, закончила 11 классов вечерней школы. Учительница, которая меня учила, потом учила моих детей, и меня в вечерней школе.

Вместе с детьми учились?

Да, все-таки муж настоял, чтобы образование было среднее. Это было где-то к 70-ым, я закончила 11 классов.

И дальше пошли учиться?

Нет, дальше не пошла, ... работала в поселке Кировск, в РАЙПО. Поначалу, когда вышла замуж, работала в Быткомбинате, в артели, там шила... Потом, когда вышла замуж, муж попросил быть дома, ухаживать за его больной матерью. Я ему не отказала, уволилась с работы, хотя с исполкома прям вызывали, говорили, чтобы вернулась, так как была

активисткой, везде на конкурсах участвовала, танцевала, пела. Но я не ослушалась, осталась дома. Днем он работал домкомом в поселке. А вечером работал в клубе, учил молодых девушек и женщин урокам кройки и шитья. У них были заказы на шитье. Пока он обучал, а я шила на заказ. Так у нас получался приличный доход, и мы потихоньку все приобретали.

А жилье вы получали от Кировска? Или сами строили?

Мы получили, супруг работал же в совхозе, ему дали. Потом на улице, где я сейчас живу, построили 3 новых дома и супругу выделили квартиру, я по сей день в этой квартире живу. Дом был на 2 хозяина, и уже в 66 году мы переехали в этот дом. На велосипеде с одним чемоданом мы въехали в этот дом, хотя у нас было уже пятеро детей. Работники, которые находились у него в подчинении, сделали нам из фанеры шкаф, сервант, книжную полку, деревянный круглый стол, шесть стульев. Потом уже, когда собственные дети подросли, в то время ученики отрабатывали месяц после школы, деньги собирали. Первую мебель, что нам купили, это дети. Купили нам 2 полированные польские кровати. 170 рублей одна кровать стоила, потом уже купили полированный сервант, такой же книжный шкаф. Чтобы семерых детей прокормить, нужен большой труд. Мы с мужем утром уходили, ночью приходили. Муж раньше возвращался, поэтому, наверное, его дети больше любят. А я была до 11-12 часов ночи на работе, я была передовик производства. Нам надо было двойной план перевыполнить, чтобы получить хорошую зарплату. У нас с ним соревнование даже было, куда бы ни отправили, знамя передовика было всегда с нами... Вспоминаю, человека уже нету, может где-то что-то по жизни не понимала в свое время. Это большая потеря для меня, потерять такого человека, такую опору. Он всегда своим детям говорил, что его рука всегда над ними. Как потом одна из дочерей вспоминала, что, когда отец умер, не понятно было, похороны, поминки, 40 дней, туда-сюда бегали, а когда приехала домой к себе, поняла, что ей как будто крылья отрезали... почва из-под ног ушла. Муж всегда дочерям говорил, что мать должна дать любовь детям. Для них он был и мать, и отец. Я постоянно на работе задерживалась, а он дочерям косички плел, и костюмы на Новый год шил. И никогда в жизни он мне не сказал, почему я не приготовила кушать. Он детей так распределил, что каждый знал свою обязанность. И не было такого, чтобы что-то было не сделано, он 2 раза не повторял. Если дети играли, он говорил, что надо идти домой, то девочки мигом шли, то есть второй раз он не повторял. До последней минуты он разговаривал с детьми, и говорил: «Я вам благодарен, девочки мои! Что я никогда голову не опускаю, потому что ни одна дочь меня не опозорила, ни один сын ничего не натворил, за это я вам благодарен! Сидя в кругу своих, я голову никогда не опускаю, всегда гордо держу».

Друзья какой национальности были вообще?

Здесь жили все нации, вот подруга у меня была Валя Рамзаева, мы как сестры. И казахи были... Вот дети приезжают к нам, говорят, что совхоз совсем другой стал, совсем другие люди, раньше было много немцев, русских, сейчас многие поуезжали. А в основном сейчас монголы занимают поселок.

А тогда кто был?

А тогда в основном казахов очень мало было, даже у детей моих в классе по одному казаху только училось. Были все русские и немцы. Поселок так и называли немецким поселком. У нас соседи были немцы, они сейчас в Германии. И когда мы с мужем уходили на работу, если детям что-то надо, они всегда помогали.

А разговаривали на каком языке?

На русском.

А свой язык сохранили?

Сами-то мы умеем, а с детьми разговаривали только на русском. Муж был человек партийный. Даже собираться верующим нельзя было. У нас в поселке только одна семья верующие были – немцы, все их «баптистами» называли. Они самые первые уехали. Их дочь с моей дочерью в одном классе учились. Они тоже репрессированы были, а по возвращении получали хорошие подъемные. Она поддерживает связь, говорит, они там чуть ли не графы, хорошо устроились...

50-е годы, последние годы Сталина... На вашу жизнь это как-то повлияло, когда Сталина не стало? Последние годы, когда разрешили выезд на запад...

Я вот не помню, в каком именно году это было,... но многие уехали на родину, на Кавказ и довольно хорошо устроились.

А те, кто туда уехал, нашли общий язык?

Отлично нашли,...устроились министрами, прокурорами.

У вас какая национальность?

Азербайджанка...

Куда уезжали?

В Азербайджан, в Баку. Устроились хорошо, даже очень хорошо. Мои дети всегда говорят, что Назарбаев вызывает всех, еще и деньги за возвращение дает. А почему нам не дают-то? Почему сейчас не можешь даже забрать то, что у тебя когда-то забрали?

Ваши дома там остались, получается?

Есть такие люди, например, моей дочери свекровь. У них дом забрали, а их сюда отправили, дом сделали школой. Я вчера с ней разговаривала, она собиралась на Кавказ. У меня 2 дочери там, я каждый год езжу туда, там климат очень хороший, особенно нам – старикам. А здесь все дети в работе, нет времени у них. А там, как положено, мусульманская семья, муж работает, а жена дома сидит, поэтому я спокойно езжу, отдыхаю с дочерьми, на морекупаемся.

То есть у вас там 2 дочери...

2 туда вышли замуж. Там 2, а здесь 3, и 2 сына. Всего 7 детей. У меня внучка одна закончила факультет журналистики, когда поступала в КазГУ, ей сказали, что надо 2-3 статьи. Когда дочь ездила в 95 году на Кавказ отдыхать, ей все понравилось, но она так рвалась сюда, настолько привыкла. И вот в 2001 году внучка поступала, она написала статью, ее статью переделали, подхалимкой ее выставили, она не так писала. И внуки, и дети, все высшее образование получают. Очень горжусь тем, что чему мы их учили, они все это усвоили. Все трудятся на благо родины. Наша семья осталась здесь, потому что привыкли там работать, и тут нашли то же самое, потом осели... В 60-е годы супруг начал строить дом родителям, построил дом добротный, до сих пор он стоит, сестра моя в нем живет. Как говорит русская пословица: «Работа и труд – все перетрут». Мы привыкли трудиться. И мой супруг всегда говорил: «Под лежащий камень вода никогда не пойдет. Этот камень надо сдвинуть». Я считаю, что мы счастливы на этой земле. Дети счастливы. Вообще нужно всегда оставаться людьми в истинном смысле этого слова,... что еще сказать, ... супруг мой счастлив, что у него много детей... еще один хороший комментарий – человек не становится благословенным от того, в каком периоде он жил, а ценность его зависит от стараний и конкретных дел во имя Аллаха. Не надо от добра ждать, главное, чтобы Всевышний знал, что ты сделал добро. Перед Аллахом почтительнее женщина, родившая много детей, нежели красивая бесплодная женщина. Я буду гордиться на дне суда перед общиной нашим количеством. Делай добро матери, и еще раз матери, а потом отцу. Вот забыла упомянуть, когда проводили депортацию, те, кто отдавал свое нажитое, того не выселяли... а те, кто держался, ночью увозили на машине. Те, кто сопротивлялся, с ними судьба распорядилась...

Их оттуда не выселяли?

Нет,...выселили...они же ехали в этих поездах, даже если кто-то что-то с собой брал, золото, они выменивали золото на кусок хлеба. Кто умирал, а потом здесь же холодно, на Кавказе-то климат какой, а здесь холодно. Топить было нечем, ходили, кизяк собирали очередью, кто первый подберет, соломой топили, ... тяжело было, говорить даже не о чем. Но моя мама всегда зарабатывала тем, что вязала, шила, пекла... жили на то время хорошо. У нас азербайджанцев делают на зиму, если у казахов согым, то у нас его жарят, заливают жиром. У нас всегда лежало это мясо во фляге, бидоне.

А сколько вы на то время получали денег? Или вообще вам не платили? То, что вас выселили, сюда привезли...

Это, в каком году только вышло, где-то в 90-ых, что нам репрессированным деньги будут платить. Я только 3 года как сделала этот документ, чтобы получать деньги. 61 тысячу получаешь один раз и все... свекровка переживала, у нее один сын в 42 году пропал без вести, на другого похоронка пришла, свекор занемог, ... он умер. А на сына, на которого пришла похоронка, он нашелся. Он приехал домой, муж рассказывал, его купали, на нем вши были, он с армии раненный приехал. Мой свекор отдал все, лишь бы остаться, но дом оставил...

Свекор служил на войне?

Нет, его дети служили, ... 2 сына воевали...

Когда они служили на войне, какое к ним отношение было?

Да они там долго не были, первый получил ранение сразу же, а второй был рослого роста, но молодой, ему даже 18-ти лет не было, его в армию забрали за счет этого роста. Вроде бы переписывался, там различий не было, репрессию не только Азербайджан перенес, но и немцы, русские. Немцы рассказывали, что в трудармии работали, так же как наши родители, когда их выселили. Так что это всех коснулось. И корейцев... раньше дружно жили, сейчас не так... может из-за кризиса люди не такие какие-то...

Ваши родители были реабилитированы, в каком году?

Даже точно не знаю... Вы имеете в виду, когда указ вышел?

Да, вашу семью...не было такого?

Было-было, сейчас не помню. Где-то в 90-ых годах, пришла книга о том, что все репрессированные реабилитированы.

Вам домой это пришло? Или вы узнали откуда-то, от кого-то?

Вообще в России это вперед прошло. В Новосибирске у меня сестра живет, она позвонила и сказала, что теперь к пенсии надбавку за это будут давать. Нужно было с архива справку взять.

В талдыкорганском архиве или в кировском?

В России сестре почему-то сразу сделали. А мне пришлось с Кавказа справку брать.

Что вы там жили?

Да... в каком году-то,... но я только 3 года как сделала, получила деньги репрессированных.

Сколько лет вы не делали?

Это доча мне сделала как года 3-4...

Когда вы сюда приехали, у депортированных были какие-то свои организации, организовывали вместе ячейки?

Нет, такого не было. Каждый старался заработать. Не было такого, чтобы собираться против кого-то... Сталин всех жестко держал.

Ваше отношение к тому времени?

То время очень дружное было. Когда собираемся, вспоминаем, что хорошее было время. У людей глаза даже другие были...

Что помогло выжить в тех условиях?

Наверное, желание жить. Цель какая-то была тогда у людей...

Прислали вас сюда, ... никто вами не интересовался, никто вам не помогал?

Нет.

Отношение администрации?

Нет, привезли, как на выживание... кто сумел, тот и выжил... В работе различия не было, а потом все тогда репрессированные были... Меня сейчас поражает, родители наши деревья садили, а кто-то нам эти деревья на дрова продает, вырубает лес, который посажен руками наших родителей...

Спасибо!

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ АРМЯНЕ

.....
Едигарян Ваник Левонович, армянин, 78 лет. Был депортирован вместе с родителями из Армении, деревни Кйорпалу, Эчмиадзинского района в мае 1933 года. Проживает в Армении.

Здравствуйтесь! Представьтесь, пожалуйста! Как Вас зовут, где Вы родились, когда Вы родились?

Я родился в 1922 году 12 января в деревне Аршалуйс, тогда называлась Кйорпалу, Эчмиадзинского района.

Как затронули депортации Вас и Вашу семью?

Ну, ясно, что плохо. Если депортируют всей семьей, что будет с ними? Супруги и четверо детей.

А конкретную дату помните?

В мае 1933 года, но день не могу назвать.

А можете назвать место – откуда и куда депортировали?

Нас отвели в Эчмиадзин. Ночью, когда пришли к нам в дом, было за полночь. Тогда их называли “чекистами”, т.е. сотрудники КГБ, их было четверо, активисты деревни – председатель, секретарь партии, председатель сельсовета и двое комсомольцев. Они заняли всю комнату и начали переворачивать все вверх дном, обыскивать. Взяли золото моей бабушки и мамы, оно лежало в сундуке. Все вынули, обыскали весь дом, искали оружие и этой же ночью чекисты отвезли моего отца. Тогда были маленькие грузовики, отвезли на этой машине, но куда отвезли, мы не узнали.

Утром, когда солнце еще не встало, фургон колхоза остановился перед дверью, забрали нас всех: дядю, бабушку, дедушка тогда умер уже, никого близко не подпускали, все здание оцепили активисты, чекисты. И вот всей семьей, моему брату тогда был всего годик, посадили нас в фургон, разрешили взять только постельное белье, и отправились в Эчмиадзин, на железнодорожную станцию. Ну, там были люди и из других сел. Не прошло и часа, как привезли и моего отца. Там были не только мы, очень много депортированных людей было с нами. Посадили нас в вагоны и отвезли, а куда – мы не знали.

А сколько было людей в этих вагонах, много их было?

В каждом вагоне было 13 семей.

А когда Вас депортировали, Вам говорили о причинах?

Ах, да, я вам не сказал о причинах. Причиной был мой дед, он был кулаком. Поскольку дед уже умер, и, считая моего отца главой семьи, нас депортировали. Но мою бабушку, другого дядю не трогали.

То есть только Вашу семью депортировали. А какой-нибудь документ Вам показывали в связи со ссылкой?

Ночью, когда все эти активисты, чекисты и остальные пришли, начали переворачивать все.

А в это время кто-нибудь оказывал сопротивление?

Ну, бабушка моя, мама моя плакали, но кто их спрашивал, никто не обращал внимания. Нас было четверо детей, старшим был я, сестры и брат, слезы, рыдания. Дяди по маминей стороне, вся деревня собралась, все плакали.

А что стало с Вашим домом, имуществом? Оставили все и уехали?

Можно сказать, что во всей деревне самым лучшим был наш дом, мой дед построил. После нас этот дом стал больницей колхоза.

Вам разрешили взять что-нибудь с собой?

Только постельное белье. Были годы голода, хлеба не было, но еда у нас была – масло, сыр... Так, разрешили взять с собой, но в то время кто думал о еде.

Фактически все Ваше имущество – дом, животные, все осталось там?

Да, все осталось на месте, и не отдали моему дяде. Все, что у нас было, забрали. Все-все, и животные, и мебель, все забрали.

А Вы знаете, почему семью Вашего дяди не тронули, а Вас выслали?

Ну, я сказал уже, что мой папа был главой семьи, он был старше, и, якобы, все имущество перешло к нему, поэтому нас выслали, а им ничего, у меня были и тети, но они были замужем.

Но до того как Вас ссылали, были ли какие-нибудь слухи, было ли что-нибудь, что люди догадывались?

Говорили. Во время коллективизации колхоза мы были среди первых, которые вступили в колхоз, но это не учли.

Были ли люди, которые успели сбежать?

Нет, такого не было.

А в вагонах какие условия были?

Ну, если в каждом вагоне по 13 семей, что будет там, по вашему?

Вас кормили за это время, пока везли?

Да, на больших станциях приносили сухую еду, воду, утром давали черный хлеб, рыбу, разное, я уже и не помню. Горячей еды не было.

А одежду или одеяло вам давали?

Ничего не давали. И примерно 25 дней нас возили. Бывало, что вагоны вводили в тупик и днями стояли там, в это время все вагоны были оцеплены чекистами. У этих вагонов были двери с двух сторон, с одной стороны двери были заперты и на этой стороне был туалет, один маленький для всего вагона. И на станциях, когда останавливались, запрещалось ходить в туалет. И так 25 дней, пока не дошли до места назначения. И была очень хорошая станция.

Где была эта станция?

Это было где-то в Казахстане.

Вам говорили, что именно туда вас ссылают?

Нет, никто не знал, куда нас возят. Когда остановились на этой станции, был приказ выйти из вагонов. Вывели всех, посадили в грузовые машины и отвезли примерно 50-60 км от вокзала, но в какую сторону – мы не знали. Отвезли на пустынное поле, где не было растительности вообще, всюду песок. А эта местность была загорожена.

Всех привезли туда?

Да, всех привезли туда, не только из Армении.

Откуда были еще люди?

Русские были, азербайджанцы были, из разных народов, всех привозили туда, но это не была история одного дня, привозили по отдельности, сначала из одного вагона, потом другие. Была охрана. Принесли большие военные палатки, все это делали военные, хотя депортированные им помогали. И каждому дали уголочек, так и остались в этих палатках.

Сколько Вы оставались там?

Примерно 4 месяца. Потом за это время на машинах привозили землю, построили что-то типа хлевов, наполовину в земле, наполовину над землей. Это было уже к осени, холодало. Из палаток переехали мы в эти “хлева”. Да, скажу еще о том, какую пищу они нам давали: это была крупа, которую варили в общих котелках, какие бывают у солдат, холодная картошка, иногда рыбу клали туда, одним словом, собачья похлебка. У каждой семьи была кастрюля, у повара было написано, сколько человек в каждой семье и по

количеству членов семьи получали мы эту еду. Невозможно было это есть, но вынуждены были. Так, начался голод. Через месяц начали умирать люди: дети, потом взрослые. По утрам приходили солдаты на лошадях, открывали палатки и спрашивали, есть ли люди при смерти, если были таковые, никого близко не подпускали, солдаты сами их забирали, но куда отвозили, никто не знал, родных не подпускали близко и не говорили ничего.

Когда вас привезли на эту станцию, там были местные жители?

Абсолютно никого не было. Пустынное место и ветры. Так и жили. За это время умер мой брат, от голода. Не прошло и месяца, умерла сестра моя. Что будет с родителем, у которого на глазах умирает ребенок от голода? Потом нас перевезли в эти “хлева”. Потом ухудшилось состояние моего папы, у него была так называемая куриная слепота. Я не знал, оказывается, когда человек умирает с голода, начинает опухать. Я был ребенком и говорил маме, что папа потолстел. Там, якобы, и больницы построили, те были на поверхности земли. Папу отвезли в больницу, мы с мамой вернулись, оставив папу там. Утром мама укутала меня в шаль и послала посмотреть, как там папа. Пошел я туда, открыл дверь, а там его не было. В больнице было много больных: и взрослые, и дети. Вернулся я домой, сказал маме, что его нет, у мамы был обморок. За это время уже разрешили отправить посылки, 5 кг за месяц. Мои дяди по папиной и по маминой стороне присылали нам посылки, только масло в банках. В пищу, которую мы получали, добавляли масло, чтобы была вкуснее. Тогда мой дядя по маминой стороне закончил аспирантуру, работал здесь в академии. Он начал обращаться к правительству, ко всем, и в Москву, одним словом, каждый день обращался, говорил о том, что неправильное отношение было к нам, и нас отпустили. Это было в феврале или марте 1934 года. Мой дядя приехал и нашел нас. Была зима, принесли санки, взяли, что имели и до вечера дошли до станции, оттуда уже в пассажирских вагонах вернулись в Ереван. Вначале поехали в деревню, к дяде, но потом мой дядя, который нас освободил, сказал, что не имеет смысла оставаться в деревне.

Было опасно?

Нет, просто привез нас к себе. Другой мой дядя был тогда министром наркома. Он часто говорил отцу, чтобы тот оставил деревню и уехал в другое место, наверное, знал что-то, говорил он еще за несколько месяцев до ссылки. Но отец отказался, он говорил, что своих детей не будет содержать по норме, тогда хлеб давали по норме – 200 гр каждому.

В то время, когда вы были в ссылке, были школы?

Ничего не было, пустынная местность, я целый год пропустил школу.

А там среди вас были местные?

Нет, только ссыльные.

А попытки бегства были?

Были, расстреляли на месте.

Много было таких случаев?

Бывало. И бывало не только по отдельности, а целыми семьями. Помню несколько случаев, когда расстреляли отдельных людей.

А там люди работали?

Там не всем было работы. Работой было только то, что начали строить эти казармы. На машинах привозили материал – дерево, землю, окна маленькие. Зимой, бывало, снегом покрывало весь дом, невозможно было выходить. Пока соседи не помогали, не могли выходить.

А были ли среди них “стукачи”?

Нет, такого не было, все были там равны.

Там вы подружились с другими, да? Вот Вы сказали, что вам присылали посылки родные, бывало, чтоб вы помогали другим?

Нет, такого не было, там как бы каждый за себя, да и не очень многое мы получали. Бывали случаи, когда хотели украсть наши посылки. Однажды вечером, когда мы спали,

пришли, чтоб украсть сундук, в котором была посылка, мама проснулась, закричала, убежали. Те, кто были с семьей, не крали. Это делали только те, кто были там одни.

Охрана, чекисты, которые следили за вами, каким было их отношение к вам, слишком строгие или со временем изменилось их отношение?

Строгие, невозможно было с ними поговорить, т.е. они не разрешали подойти к ним, говорить с ними, спрашивать что-либо.

А какой национальности они были?

Русские.

Были ли среди высланных такие, которые как бы были главными среди вас?

Нет, все были равны.

Хорошо. Что помогло вам выжить в те годы? Была ли у вас надежда, что все будет хорошо или вы потеряли веру?

Ну, надежду мы потеряли. Если бы нас спасли, скажем, месяцем позже, нас не было бы, потому что и сестра, и мама, и я были больны. Мы там прожили 10 месяцев, за эти месяцы наша семья разделилась – папа, сестра, брат умерли. Потери были в каждой семье, не только у нас, каждый день.

А помните про смерть Сталина?

Помню, конечно, я тоже плакал.

Расскажите немножко, как узнали, и каким было Ваше отношение?

Ну, тогда я был ребенком, многое не понимал, но потом, когда прочел книги, особенно Гурген Маари, какая жизнь у него была, вот такое было и у нас. 23 миллиона людей были в ссылке. Но после того как нас освободили, мы уже не знали с кем что стало. Дядя запретил нам ездить в деревню, жили мы у него, и там я пошел в школу им. Абовяна, учился там до 4-ого класса. Потом во время землетрясения 37-ого года на втором этаже, где мы жили, образовалась трещина, ночью дядя нас отвез к другому дяде, у него был собственный дом на ул. Алавердян. До войны жили там, потом я пошел в армию, участвовал в войне.

Из Вашей семьи только Вы участвовали в войне?

Ну, дядю, который был аспирантом, отвезли в 41-ом, у него было звание – начальник батальона, попал он в плен, тогда присылали т.н. “черную бумагу”, где говорится, что он, якобы, умер. Ну, мы потеряли надежду. После войны, в 46-м, если не ошибаюсь, когда во главе государства стал Хрущев, первый секретарь ЦК партии, он всех освободил, многих освободили в 54-ом.

Пленников войны?

Да. Тогда всем давали 10, 15, 25 лет, другой цифры не было. Дядю взяли в 49-ом, 6 лет он жил в тайге, леса вырубали. Когда освободил Хрущев всех, он вернулся. Скажу, почему ему дали 25 лет: когда немцы взяли в плен русских, не каждый знал немецкий, а мой дядя переводил пленникам все, что говорили немцы, что их ожидает. Немцы, узнав, что он понимает, держали его как переводчика. И поэтому ему дали 25 лет. В 56-ом он вернулся, семья уже распалась, квартиры не было. Он снова обратился в высшие органы, поступил на работу в Матенадаране, что он там делал, я не знаю: он был историком.

Когда Вы вернулись с войны, что изменилось в Вашей жизни, как сложилась Ваша жизнь?

Все было плохо. Я уехал на войну 10 января 1943 года и 9 мая 1948 года вернулся в Ереван. Жизнь была трудной, правда, карточек на хлеб уже не было, но все равно было трудно. Мне в армии наш комбат предложил остаться сверхсрочником на три года, но я 6 лет не бывал дома, и мне дали отпуск на месяц, я отказался. Вернулся, увидел, что условия тяжелые, хотел вернуться, но мама и дядя сильно рассердились, и я остался, поступил на работу и медленно-медленно все улучшилось.

После смерти Сталина как изменилась Ваша и жизнь Вашей семьи?

После смерти Сталина весь Советский Союз плакал, не только Армения. На груди всех школьников была прикреплена фотография Сталина, и школьники, ничего не зная, не понимая, плакали. И я тоже плакал, и на войне все говорили – “За родину! За Сталина!”. Жизнь отдавали за него. Но увидя все это, как можно относиться к такому человеку?

После того, как Вас освободили, Вам дали какие-нибудь документы?

Да, конечно, дали документ об освобождении от ареста. Потом мой дядя после войны, в 48-ом, когда я вернулся домой, сказал мне, что мой дом в руках колхоза, больница, у меня есть уже право (вернулся я с войны с медалями, орденами) требовать назад. Он написал хорошее заявление, 3-4 страницы, положил в конверт, и я в военной форме (в то время председателем Верховного совета был Мацак Папян) в приемный день пошел туда, записался, через час вошел я к нему, подал ему конверт, он открыл, начал читать, закончил и сказал, что через неделю наш вопрос будет решен. Вернулся я домой, мама и дядя ждали меня, рассказал я им все, как было. А сын моего старшего дяди в это время был в деревне председателем сельского совета. Ровно через неделю сын дяди приехал и сказал, что дом вернули мне, и почему я не слежу за ним. Удивились мы, что за такое короткое время вопрос был решен. Уехал я в деревню, пошел к председателю колхоза. Он мне сказал, что в деревне построили новую больницу, там осталась только уборка, и попросил, если можно, приехать через 10 дней. Так я вернулся в Ереван. Дядя меня не отпускал в деревню. Через некоторое время пришел мой дядя по папиной стороне, спрашивал, что буду делать я с домом нашим. Я отдал ему ключи и подарил им наш дом.

Когда уже столько лет спустя, Вы вспоминаете Вашу ссылку, как Вы относитесь к этому, что изменилось в Вашем отношении к этому явлению?

Тогда я не понимал, что такое ссылка, был ребенком, но сейчас очень плохо отношусь к этому вопросу: как можно так поступать с людьми, и виновных, и невинных. Маари тоже говорит, что сколько было невинных людей: бедного крестьянина, который даже писать и читать не умеет, ссылают.

А сегодня от правительства, что Вы ожидаете для себя?

Больше не могу ответить. Все мы видим наше состояние, не могу сказать, что будет, как будет, неизвестно. Может стать лучше, а может и наоборот.

А что пожелаете сегодняшней молодежи?

Когда я выхожу на улицу, во-первых, смотрю на детей, которые играют в детском садике, часами смотрю я на них, радуюсь, горжусь ими. Потом смотрю на студентов, веселые, красивые, очень мне нравятся. Молодым я желаю самого лучшего, чтоб все желания их исполнились, чтоб никто из них не видел всего того, что мы видели.

А что бы Вы пожелали Вашим родным, близким, следующим поколениям Вашей семьи? Что бы Вы хотели передать им?

Ну, ясно, что то же самое, что и всем. Желаю им всем здоровья, удачи в учебе и чтоб были счастливы в семье.

Можно попросить Ваши фотографии?

Конечно.

Большое Вам спасибо!

Вам тоже спасибо!

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ БАЛКАРЫ

Беккаев Исмаил Чапанович, балкарец, 79 лет. Был депортирован из Кабардино-Балкарии в 1944 году. Проживает в Казахстане, Алматинской области, село Шамалган.

Вам же было 15 лет. Вы же все знаете, вы все помните?

Все знаю, все помню.

Он до сих пор помнит где, какая улица, куда ведет, зачем.

Хорошо все знаю.

А Вам сколько лет сейчас? Сколько лет? Восемьдесят, да?

Даже, раньше, писал, политические...

30-е – это, вот все так написано.

А-а-а.

Там такие были, когда я туда ездил, говорили: не плачь, плач не поможет. Там, мои родственники так говорили. Ну, раз написано, то надо писать тридцатые. Жить чуть-чуть труднее стало.

Ну да (смеется), правильно.

Мы будем, знаете, о чем говорить? Какое переселение было? Вот начало, потом как началось, потом как ехали в пути. Потом как приехали на место, потом как местные жители встретили, как жили на месте, потом Сталин умер, потом...

Ой, когда Сталин умер, я хорошо помню, в 53 году он ведь умер.

Понятно.

Нам было очень трудно.

Да, конечно.

Сейчас, просто, наши дети, потомки, не знают кто такой Ленин, Сталин. И мы хотим, чтобы, ... к сожалению, люди, которые испытали на себе все тяготы депортации, их там очень мало осталось, к сожалению. Но для того, чтобы все-таки наши потомки знали, помнили, нам надо говорить, и говорить, и говорить, потому что эти события, которые здесь происходят, в нашей стране, вообще пугают... В Чемолгане у вас было...

Ну, это неумные люди.

В любом случае...

Да, да, для того, чтобы им помнить, когда память останется обо всех. Как выживали, как дальше помогали, как друг другу не помогать, то вот как выжили бы?

Были старушки. Первый раз они попали в Алматы.

Угу.

Их строй там.

Угу.

С Алматы. Ну, года три, сестра, я и брат младший и подростки, отец старый, мать тоже, и... ходит, идите сюда, идите сюда, точно никто ничего не говорит.

А родителям, сколько лет тогда было, Вашим?

Родитель, у меня родитель он пожилой, он... что тут скрывать-то, он и в гражданскую войну.

И в гражданскую да?

Да-да-да.

И потом женился. Самому ему было 48. Мать тоже где-то так, вот. Вот поэтому, когда они, все ничто, а отец аккуратный.

Выглядел?

Да-да.

Мои родители старшие, поэтому старики они.

Угу.

Вот как в Алматы приехали, работы нет, работу надо найти. Что, дети подростки работали, получали очень мало. 600 грамм хлеба, суп, каша.

А вот, когда депортировали, за что? Родителей же, да?

Родители, мы еще там, не одни.

А, всех же просто тогда собрали? В каком году это было?

Это был 44-ый год, март месяц. Утром рано...

Всех собрали...

Три солдата..., собирайтесь. Дети, что воюют, старики взяли, это самое... Там три-четыре семьи, разбросанные.

А как поселок называется? Как?

Идилитли. Это вот там, по-нашему.

А как переводится?

Ну, как переводится...

А-а-а. *(смеется)*.

Это в каком месте было? Ну, поселок, где находился?

Ну, поселок, находился...

А в каком районе?

Это Кабардино-Балкария.

А, Кабардино-Балкария.

Территория Российской Федерации. При Эльбрусе.

А, да, я читала, в Интернете есть. А мама и папа у Вас тоже балкарцы были?

Да, у нас вот есть фотографии папы, фотографии матери есть...

Это папин брат.

А, папин брат?

Это боевой альбом.

Видно, что такой... *(смеется)*.

Сколько друг на друга нападают, ограбляют, сколько забирают... Это мама, это младший брат покойный, это сестра старшая.

Ммм. Давайте сразу рядом положим.

Село большое, приходил один деятель, забрал...

И не вернул, да?

Да. Эту вот, здесь девушку я не знаю.

Из вот тех старых, это же вообще редкость большая, тогда же не было фотоаппаратов.

Да, не говорите.

Это здесь сколько маме лет было?

Здесь ей 60, если не больше. Наверное, больше.

Угу. А в каком году интересно было? Это здесь Вы уже фотографировались?

Да. Вот у нас личных таких не было.

Исмаил ата, расскажите, пожалуйста, вот как депортация затронула Вас и Вашу семью? Родителей вот Ваших депортировали?

В Казахстане много было степей... Мы маленькие, родители пожилые... Вот только в школе, там... Ждем, вот, как выселять, куда выселять? Что делать...

Не понятно. Мы маленькие, наши родители старые, ну, действительно, мы не виноваты.

Вам тогда сколько лет было?

Ну, мне тогда само мало было 15, не больше. В 44-ом году, в марте.

В марте это было. Место, куда выселили, какое было место? Куда Вас выселили?

Вот я же говорю, утром в четыре часа три солдата вошли...

Угу.

Давайте собирайтесь. Что делать, растерялись, кое-что кушать... попали хорошие, вежливые люди. Попался еще такой бородатый, говорили еврей, черт его знает, это уже после говорили. Толкают нас, невозможно идти, зачем вот так делать? ... семь человек проверяли одну машину, правда была машина большой,... налезли друг на друга там. И привезли в город Нальчик.

А вообще сказали куда, вот, место?

Ничего не говорили, ничего не говорили, только говорили: «давай быстрее», толкали всех.

Ага, понятно, давайте сначала скажем, куда Вас выслали, в какой город?

Нас, выслали,... привезли нас в город Алматы.

Вот место высылки Алматы, да?

Да, город Алматы.

Так, а вот из Ваших родственников на фронте кто-нибудь воевал?

На фронте воевал кто-нибудь?

Я слышал, что кто-то когда-то, где-то.

Ага.

Да, кто-то, мы же маленькие...

А родственники были, кто воевал?

Да, были, были. И не вернулись.

Никто не вернулся с войны?

У нас четыре человека забрали и ...

Пропали без вести. И кто-то у Вас вернулся?

Никто не вернулся.

Никто?

А-а-а, нет, один есть...

А, значит, у Вас только один родственник вернулся? Три раза бежал из плена?

Да-да-да.

Ага, понятно. Ну, вот, давайте мы поговорим о начале переселения, да? Вот Вы говорили, что накануне депортации, перед депортацией были какие-то слухи, какие-то догадки о том, что что-то будет, да? Кто-то заранее уезжал? Вот кто-то боялся депортации? Может быть, кто-то взял и уехал заранее?

Нет, никто никуда не поехал...

А скажите, как город назывался, где Вы жили, поселок?

Идилитли.

А, Кабардино-Балкарская.

Да, Кабардино-Балкария... район, поселок Идилитли.

Ага, тогда все понятно. Тогда, вот, когда слухи были, готовились, вот, говорили, о том, что плохой поворот событий, что что-то плохое будет? Ждали этого?

Никто ничего не знал, на фронт забрали, ... ну, готовили там кушать, и...

А о других депортированных слышали, что кто-то был?

Вперед слышали, карачайцев, чеченов высылали, ну, потом мы думали, их высылали, значит и до нас дойдет... Вот это, больше ничего не слышали.

Вот, как Вы узнали о переселении? Вот пришел к Вам, да, Вы сказали, пришли люди, да?

Пришли, сказали «собирайтесь», посадили нас в машины, привезли в город Нальчик, останавливали товарные вагоны..., скот который возит.

А вот, вам сказали, сколько времени у Вас на сборы есть?

Нисколько. Давай, давай, давай быстрее сказали, и все.

Что разрешали Вам с собой взять?

Они ничего не разрешали. Давайте собирайтесь, хотели что-то взять и не давали ничего.

Даже не давали.

Некоторые люди говорили, разрешали, даже сами помогали, а которые нам...

Угу, а что тогда с собой взяли? То, что успели?

Всего понемножку взяли: кушать немножко взяли, мало-мальски оделись, во что было, вот и все, больше ничего.

Отец был небольшой муллою, этот, хаджи, да, он собрал с собой Коран, хотел что-то взять, а тот все выбросил, вышвырнул, вот такие дела.

Угу, понятно. Кто-то, Вы слышали, сопротивление оказывал?

А может, тут, кого знаешь.

Да.

Утром, какое сопротивление сделаешь? Кучками собрали, сели и поехали... У нас корова осталась, голов пять или шесть баранов. Баранов резали бы, хоть мясо заготовили бы себе на дорогу. Слух вроде идет, людей переселяют, людей переселяют.

А что с домом стало, с домом, ведь Вы бросили дом?

Осталось там, грузины, и другие, русских мало было, правда. В основном грузины. Все, что от нас осталось, от нас всех, увезли куда-то грузины. Там, это, кабардинцев, ну, правда, далековато жили, они тоже жили, уж шибко хорошее что-то осталось все равно...

У нас была сноха, русская, двоюродный брат, он был председатель колхоза, и учительницей, она была, и они сошлись. Она осталась девчонкой там... Говорят ничего не осталось, дом там пока еще целый, а-а-а там ничего нету, увезли грузины, кабардинцы, так что ничего нету там.

А вот, когда власти, солдаты, приходили Вас забирать, они какие-то бумаги показывали?

О-о-о... Какие бумаги? Никого, ничего не показывали... Разговаривать они с нами не хотели. Так что ничего не объясняли, собирайтесь, давай быстрее, что сидишь тут такой-сякой... Сели в машину.

Они не объясняли, по какой причине?

Не-е-е, ничего не объясняли. В вагон посадили, сутки ехали, остановились в каком-то городе, остановка же идет, три человека на счет, на выход. Куда, чего? Они нам кушать, обед, давали два ведра супа, мешок хлеба, кукурузного, а это 40-50 человек. Всем разделим по пиалочке каждому. И 12 суток ехали только.

Это вот все, что дали, Вы на 12 суток разделили?

Нет, сегодня дадут вот...

А, на один день?

На один день. Два ведра на человек 30-40, еще кукурузный хлеб.

Это в вагоне?

В вагоне.

В вагоне Вас 30-40 ехало человек?

Да. И маленькие там, и большие там.

Вас же вместе с семьей, там, да?

Всей семьей, всей семьей, вот так нас выселяли.

А эшелон, вот как, он был большой?

Ну, эшелон, ну, как обычно 30-40 вагонов, наверно, ... 12 суток ехали, приехали в Алматы, отцепили половина, а другая в Талдыкорган.

Угу.

Мы остались в Алматы. Сутки сидели, хозяйева, ну, этот, ... начальство приехали, вот ... завтра мы вас забираем, из Алматы. Мы ждали, назавтра приехали грузовики, машина. Разделили, привезли, тогда, Алатау совхоз назывался, тогда была вторая пятилетка.

Туда Вас, да, привезли?

Да, туда. Кого-то поместили... в клуб, там же есть, где скот стоит, в конюшню, вот... жили мы там.

Ага.

И потом сразу утром на работу.

А вот Исмаил-ата, вспомните, как Вы ехали? А вот, как Вы, допустим, 40 человек, да, по полкам, вещи там.

Полки нету!

А как?

Там нет никакой полки! На полу лежать.

А-а-а.

А в туалет ходили, так, это, там один маленьким топориком дырки сделал, и туда ходили, вот так. А куда пойдешь?

А вещи где тогда?

Вещи там тоже рядом. Нас же выселили почти что без вещей, нету вещей.

А теплую одежду давали?

Кто тебе даст теплую одежду? В пустой вагон загнали, вот и все, езжай.

Много умирало, пока ехали в пути?

Одна девчонка умерла, по дороге умерла, в Астрахани..., нашего самого близкого родственника девчонка. Выпустили, значит, два парня пошли, возле дороги закопали, и... вернулись, сказали, что взяли маленький коверчик завернули и закопали.

Угу.

Там еще говорили, что один взрослый, старик умер, говорит, это вот только слышал я.

Угу.

Наш эшелон. А когда нас отцепили, в Талдыкорган поехала та половина, а там не знаю. А вот что Алматы, это я...

Получается, вот весь Ваш поселок собрали в вагоне, весь Ваш поселок поместился в один эшелон.

Да, да. Прямо вот друг на друге лежали, там. Все равно спать хочется.

Стояли, наверное, по очереди.

В некоторых местах очень холодно было. А в некоторых местах тепло, едешь вот как все.

А Вы не слышали, может быть, кто-то бежал по пути, нет?

Я не знаю, убежать, а куда убежать?

Сколько Вы говорите Вы ехали?

12 суток.

А люди что-то говорили, какие-то слухи ходили, может быть. Пока ехали, что-то взрослые между собой говорили? Какие-то слухи, может быть?

Что они скажут темный народ? Загнали нас, закрыли впереди. Пока конвой придет, откроет как заключенного. Вот это за продукты, потом погрузили, опять закрыли, опять поехали. До следующей остановки, идет поезд...

Получается, Вы, когда прибыли, в каком месяце примерно? Это 44-ый год или позже было?

44-ый.

Какой месяц был?

12 суток мы ехали, четвертого нас, ну, в общем 12 суток.

8 апреля, вот если вот так посчитать.

Понятно. А Вы, в тот момент, когда Вы приехали в Алматы, Вы знали, что Вы в Казахстане, какой город?

Ну, конечно, знали, слышали. Один старик, заключенный был, остановился, он вперед был, Алматы, говорит, очень хороший город. Если бы меня сюда выселили, неплохо бы было, говорит. Мы сюда попали, правда, это неплохо, приняли тут очень хорошо, местные, дай Бог им жить, очень хорошо встретили нас.

А скажите, пожалуйста, климатические условия какие были? Вот здесь...

Вот здесь слушай почти одинаковые.

Угу.

Почти что там, что здесь, одинаково.

А вот в первое время, какие бытовые условия были, вот где Вы жили? Где Вы жили, впервые, какие условия были?

Ну, я же говорю, где была стройка, только стройка началась, ...работали до вечера. Ну, кормили, там, суп, чай, хлеба кусочек. А родителям, которые не работали, им по триста грамм хлеба, суп им там тоже немножко дали, и так и еще до 46-го года. В 46-м году слух пошел, колхозы, совхозы лучшие, никто не запрещал, комендант был у нас, он тоже не запрещал, хотите, езжайте в колхоз стройтесь там. Одни вперед нас шли, ...наши знакомые, были родственники, и мы приехали сюда, ... правда, далось нам тяжело. Непросто было у нас, что кушать, жить где. Потом сюда приехал парень один, тут одна старушка живет, с маленькой девочкой, у нее дом есть, может она возьмет вас... и он пошел договариваться с этой старушкой. Пусть, говорит, живет с нами. У нее тоже сына забрали в армию и мужа, не вернулись, осталась дочка первоклассница... У нее были две коровы. Мы с братишкой ей помогали, чистить, сено давать, она вот это молоко сама не пьет, она говорит, сколько будешь ты? Когда человек умирает или гулянья, стол, кушать, эта старушка нас звала с братишкой, пошлите, сейчас покушаем, вот. Там одна чашка, она быстренько в сумку, и пойдем домой. Так она нас кормила. Вот Бог видит, хорошая женщина.

А вот здесь вот фотография у Вас.

Вот это она, вот это дочка, вот-вот она еще старуха, вот она еще, это ее мать. Это внуки этой старушки. Ничего живут, хорошо. Хорошие люди были, хорошие были...

Потом на работу никто не берет, братишка маленький, я маленький, сестра тоже что-то заболела...

Сейчас более подробно, тогда мы будем. Вот, скажите, пожалуйста, если вернуться, тогда, вот, в то время, когда Вы жили, строили вот, как назывался поселок, вот строительный?

Госстрой.

Госстрой. А Вы там же строили, да?

Да, я мало-мальски сделал...

А-а-а, т.е., Вы тогда, когда приехали Вам дали какую-нибудь хибару, или просто?...

Ничего не дали, нас, когда высадили, некоторым бани, некоторым конюшню, вот.

А Вы где были, Ваше село?

А как раз попали в контору, жили мы в конторе, конечно, лучше, чем в конюшне... Сразу на работу. А вот потом, туда идти далековато, машины нет, автобуса нет, пешком, лучше как-нибудь, лучше там жить, там палатки поставили, под палатки жили и работали.

Угу, а вот я слышала, что некоторым возмещали скот, который Вы там оставили?

Нам вот дали. Говорили, это, скот приходите получать. Я, сосед парень пошли, телочки есть, коровы и баранов дают, если большая корова, то на две семьи одну корову давали, а если телочку возьмешь, то каждому телочку давали. Если тельный хорошо, если нет – жди, когда отелится. Ну, хоть я тогда был маленький, думаю, чем с кем-то, лучше себе возьму телочку. Телочка у нас выросла, отелилась, и молоко тоже ...

Это все в Госстрое, да?

В Госстрое. А когда приехали...

А если про Госстрой еще, какой национальности местные жители были?

Большинство русские были.

Они и встретили Вас, да?

Русские, в начальстве, практически все русские были, а казахи, очень много, ну, все казахи, но они только чабанами.

А как они Вас встретили, вот русские?

Очень хорошо.

Они поддерживали Вас или как-то?

Нет-нет, они, правда, очень хорошие люди, они сами тоже голодные были. Жили как-то, а в колхозе, мы приехали сюда, это уже свой труд весной надо, а здесь, осенью, пожалуйста, урожай, что хочешь...

А какие-то проблемы были в отношениях?

Проблемы не были, ты что, все одинаковые были тогда, вместе платили, хлеб давали...

А они как жили, местные жители? Бедно, или как-то оно выражалось? Плохо или хорошо?

Не то, что как сейчас, все равно слабо, слабо жили. Ну, кто-то может жил хорошо. Больше одной коровы, хоть какой богатый был, не было...

А, вот, Вы, когда на Госстрой приехали, там уже были другие переселенные люди, депортированные или только Вы?

Там вообще ни одного чеченца не было, хоть их вперед нас выселяли, не было кроме балкарцев.

А вот вы на Госстрое сколько прожили?

3 года.

3 года. Там тоже, да, комендант приходил, проверял, да, то, что Вы говорили?

Да проверял, записывал, он сам проверял. Комендант тоже хороший, уважал я его, русский парень. Один казах тоже был комендант, тоже хороший парень. Кто виноватый, кто не виноватый, откуда я знаю.

А побегии были, кто-то бежал или нет?

Нет (смеется), куда кто пойдет.

Вам только нужно было там, на Госстрое жить и никуда не выходить, вот условия какие были? Можно было куда-то за пределы, ограничения какие-то были?

Никто ничего не знал куда пойдут. Если бы раньше знали там хорошо, тут хорошо, может быть и пошли.

А разрешили или нет? Разрешали?

Ничего не разрешали. Не говорили.

А, не говорили.

Ну, работаешь. Еще, кирпичные, эти, как называются там эти в Алматы, были там, ... тоже работали там, как оно там я не знаю, на Госстрое.

Тоже на Госстрое, да? А как одевались? Еду Вам давали.

Много проблем было... дали, это, обувь. И больше нету, что одеть? А так спецовку дали.

Спецовка была, да?

Да, руки не ломает, если большие отрежешь.

Ну, деньги Вы не могли там зарабатывать, Вам же едой только, еду оплачивали за работу. Они равнялись еде, да?

Да, там только кушали, а оплаты никакой не видали.

Денег не было. Значит, получается, что Вы через три года переехали в колхоз, вот в Чемолган к нам сюда?

Чемолган – это же рай. Рай, по сравнению с тем...

Здесь кто больше жил, на тот момент, казахи, кто встретил?

Здесь вот в этом, Чемолган, наверное, 70% русских было.

Когда Вы сюда переехали?

Да. Все начальство русские, ну, казахи были, они были чабанами, коровы, бараны там, в поселках мало было казахов.

Хорошо. Значит, вот, Вас встретили казахи? Та женщина, которая принимала Вас с дочерью. Они, как Вы говорили, помогали, кушать, поили, чем могли, да?

У нее был большой сад... и яблоки, она поставит и говорит, хоть продайте, хоть кушайте.

А с другими казахами как у Вас отношения? С русскими, с казахами?

Русские тоже, я, правда, может, сам себя хвалю, не скандалили, смысленный, и брат у него такой был... Еще был по-соседски Полонский, он тоже детям всегда, покушайте, золотой был мужчина. У них два сына и дочь...

А как они жили сами?

Хорошо жили сами.

Русские, да?

Да. Хитрые, но хорошие. А вот казахи были чабанами. *(смеется)*.

Идет, стой, хочешь барана, бери... они даже говорят, приезжайте, мы вам ... дадим.

А вот Вы тогда свою телочку взяли сюда?

Да, телочку привез сюда. Она потом заболела, тоже хорошая телочка.

И у той женщины, да, где Вы жили, тоже была телочка, да?

Да, да. Наша как раз не доилась. Там как раз 2 коровы давали, ей и нам.

А между собой женились балкарцы, казахи, русские? Браки были между балкарцами, казахами?

У меня двоюродная сестра сразу в тот же год вышла замуж за казаха... еще есть тоже Серик, Болат, Жумагуль, Камила, Карлыгаш, еще есть кто, Алия. Очень хорошие, вышла замуж Алия. Вот эти ребята, племянники мои, не хулиганят... Они все в хороших местах работают.

А вот Вы на каком языке общались, когда приехали сюда в Казахстан?

По-балкарски между собой общались...

А вот в начале, когда приехали?

По-русски объяснялись первое время, а потом уже даже и это. Знали друг друга, так-то они русские друг друга знают, привыкать надо было.

А вот здесь, в Чемолгане, вы приехали, уже были переселенные люди, депортированные, других национальностей, еще кто-то?

Да, были, турки были, чеченцы, много было, хоть чеченцы скандальные немного были, балкарцев, нас было больше, и бедно жили. Чеченцы слабоватые были, чем, в общем, они подчинялись нам, а турки и мы шустрые.

А вот Вы говорили, что у Вас каждый месяц комендант был, да? Каждый месяц отмечали?

Да, каждый месяц.

Это Вы должны были прийти туда, и...

Да, да. Там подписать.

А вот Вам сказали, какие ограничения были? Вот, что нельзя, например, только Вы в Чемолгане живете, а в соседний нельзя ходить?

Да, это было.

Только в Чемолгане Вы должны были жить?

Да, только в Чемолгане живите, если только в Каскелен поедешь и то, спросить надо у коменданта... А в другое место разрешение просить надо...

А если спросить, то он мог устное разрешение дать, сказать хорошо, согласен, или он что-то писал?

Он отмечал... и никто, наверное, не хулиганил, никуда не ездили, нам и некуда было ехать.

Угу.

Куда ехать? Если до базара едешь и обратно.

Ну, вот, Вы говорили, они хорошо относились? Администрация, коменданты? Вы их помните по фамилиям? Вот по фамилиям Вы их называли? По фамилиям, да, помните?

Полежаев.

Полежаев? Он хорошо относился?

Хороший человек.

Сочувствовал? Вы тогда, как Вам тогда труд оплачивали? Трудодни?

Трудодни. Нас тогда же каждый месяц отмечали, пишут например, хороший или нет. Колхоз сколько сможет дать пшеницы, мука и хлеб, и деньги давали... после отчета.

А в конце года.

Как годовой отчет кончится, тогда и деньги давали, хлеб давали, такие.

А тогда дети как учились, Вам же было тогда уже, Вы учились тогда в школе, или как вот?

Я не учился. Если я учусь, то дома некому работать. Брат сразу пошел в первый класс, десять классов закончил, потом пошел в техникум, на землеустроительный, года два работал, ... потом пошел в институт.

В сельскохозяйственный?

Закончил его, он очень хорошо учился... Его назначили, ... посылали туда, он там год поработал. Дом ему дали там, женился, с женой не повезло ему, вернулся в Чемолган, ... потом года два работал, даже Назарбаев звал его, на технический, ферму дали ему, и скот, сколько надо, он работал там, ну, кто-то там ненавидел его, убили.

Вот Вы, значит, не учились в школе, пришлось работать все время?

Да.

Угу, понятно. С детьми у Вас тогда отношения хорошие были? С детьми отношения хорошие были, не дрались?

...Если что-то чего-нибудь делать, всегда, пожалуйста...

А в поселке вот какое управление было, кто был председатель поселка или как вот, кто?

Там видишь как это, когда колхоз был, Бастандага звали его, потом остался совхоз, потом директор совхоза Красиков был, Ивакин, потом Косырев, потом, в общем, директоров 5-6 меняли.

А вот когда депортация была, вот когда Вы приехали в Чемолган, тогда кто был?

Красиков.

Красиков, да? Получается, он руководил поселком?

Да, да, да, да, он руководил поселком. Председатель сельсовета, казах был.

Значит, они двое управляли поселком?

Ну, самый главный совхозный, председатель колхоза, ну, а как эти, звали комиссарами, председатель сельсовета. А сейчас аким.

А тогда стукачи были? Осведомители? Осведомители были, стукачи, вот эти, когда Вас депортировали?

Нет, такое не делали, ничего такого. Может где-то, что-то, кто-то, черт его знает.

Понятно. Вы еще говорили, что деньги вот Вам выдавали, какой-то, вот, в конце года, зерном?

Деньги давали, хлеб давали, ... работал, сахар давали тоже.

В то время, да?

Да.

А одевались как, тоже, ездили куда-то покупать или здесь?

Мать старая была, она сама материал купит, на нас шила она сама. Шубки делала она, все делала она.

А отношения до войны и после войны, менялись отношения?

В 44-м мы же уехали...

А, вы же в 44-м уехали.

Война шла всю... Там были эшелоны, которые бомбили, а наш не бомбили, чеченов бомбили, и этих, карачайцев. В сторону Джамбульского района. В карачайцев попали в сторону Джамбульского района, там, Бишкек там,... здесь мало, почти что не было здесь балкарцев.

Что Вам помогло выжить в этих условиях?

А?

Что помогло выжить в этих трудных условиях?

Кроме этой старушки я никого не помню.

Люди помогли. Еще?

Если бы у них своего много было, они бы дали...

Трудились много, да, работали?

Старушка, вот кто помогал.

А вот когда Вы о смерти Сталина услышали?

Мой двоюродный братишка учился в техникуме в Чемолгане, он иногда ночевал у нас, ...говорят, Сталин болеет, нельзя сказать, а то посадят еще. Потом на утро говорят,

Иосиф Сталин заболел, умер. Люди плачут, ходят, а мы не плачем, зачем плакать, умер, умер. И казахи плакали, и русские плакали, все плакали, никакого веселья. Месяц в клуб не пускали.

А, в смысле траур? А Вы когда узнали о том, что идет реабилитация, из газет, или как, кто-то пришел и сказал об этом?

Мы же ничего не знали, делегация сюда приехала.

Откуда?

С Кавказа. И тут, если кабардинцы, местные выселяли, еще какие-то приехали, собрали нас, если хотите, то давайте назад в свои места, если в свои места не хотите, новые места поставим. Некоторые собрались, уехали. А моя сестра замуж вышла, брат учился, ну, куда поедет? Подождем немного. Ждали, ждали, и никуда не поехали. Там наш дом большой, я, когда поехал, посмотрел, там только фундамент стоит и все. Там тоже хорошо жили, у каждого почти что машина, курортные места, некоторые большие начальства, ребята, которые туда поехали, неплохо тоже живут там. И бывают они тоже у нас, и наши там бывают. Вот моей сестры дочка, через три года вышла замуж.

А Вы?

Ой, куда поедет, я – старик, она ничего не знает, куда она поедет?

Вы женились здесь?

Да. Первый раз женился, не ладился.

Кабардинка была?

Балкарка.

Не принято, наверное, говорить о любви, вот как-то? Совсем не принято.

...

Поэтому так любовь выражается, наверное, да (смеется)?

...

Вот можно спросить, документы же оформлялись, чтобы быть реабилитированным?

Дочь: Документы о реабилитации получил он где-то лет 15 назад. Запросы отправлялись в Министерство Внутренних Дел России, они и наше МВД, прокуратура предоставила все справки о реабилитации. И потом, на основании этих справок уже правительство нашей страны удостоверение о реабилитации, вот, и они пользуются определенными льготами.

А процесс долгий, вот это все, документы, сколько времени?

Дочь: Ну, а-а-а, я тогда еще была студенткой, и этим не занималась, мамин покойный брат занялся этим, ну и вот, наверное, в течение месяца-двух, оформил, да.

А вот кроме, этого документа, о депортации, Вам выдавали какой-нибудь документ?

Нет. Это потом уже в 90-е годы появилась вот эта справка о реабилитации, а до этого у них на руках никаких документов не было.

И вот у нас здесь еще несколько вопросов дальше. Отношение к депортации изменилось, в сегодняшние дни, с годами человек осмысливает то, что произошло, и сегодня что он думает о депортации? Что раньше думал и что сейчас думает о ней? Отношение изменилось?

Тогда рот открывать не давали... А сейчас мы взрослые...

Нет-нет...

У нас же, как раньше было, надо, значит собирайтесь товарищи, конечно, нехорошо, тогда говорить нельзя было.

Сейчас Исмаил-ата чего-то ожидает от окружающих людей? От власти, что-то Вы ждете для себя?

Сейчас что хочешь, кушаешь, что хочешь, одеваешь, обувашь, хочешь, работай, хочешь, не работай. Например, сколько одежды, сейчас я не знаю какую одевать, какую оставить. А сейчас что хочешь, давай-давай. И сейчас не на базаре стою, а в магазине. Еще в Чемолгане ни одной машины не было, я первый «Жигули» купил. 15 тогда рублей было. А это «Нива» новая, за 11 тысяч купил, ты что думаешь, я себе бы не купил. Сейчас обижаются. Как сказать – плохо, все хорошо. Когда мы сюда приехали, видишь, кроме нашей машины еще стоят... Если б не было машины, я бы никуда не ездил. Все правительство это делает. Я думаю неплохо это. Все хорошо...

И хотела у Вас еще спросить. Может быть, все вроде бы обговорили, да, про это время? Но может быть вы хотели бы что-то еще сказать, может быть, мы что-то не затронули?

Все, вроде бы, обговорили.

Ну, а вдруг, что-то Вы бы хотели сказать?

Дай Бог, чтоб никто никогда такого не видел. Пусть живут, как сейчас... это все от жира бесятся, сейчас много не могу говорить. Сейчас хочу, работаю, хочу, сижу на пенсии, что еще надо. А раньше у нас, один старый человек, непонятно какой он нации, но работал. А сейчас на труд, то только крепкий парень. Так что сейчас обижаться не на что.

А вот хотела все спросить, вот эти кадры, которые мы все снимаем, они останутся очень надолго, и Вас будут видеть будущие поколения, вот Вы сейчас, будущим поколениям, те, которые будут еще, они, может быть, вот такие вот маленькие, а потом будут смотреть вот эти кадры, и будут взрослыми и будут понимать. И вот, Вы можете сказать сейчас что-то, пожелать им, вот что Вы могли бы пожелать, сказать?

Дай Бог им, чтобы не видать такой жизни, сейчас что еще надо? Пусть учатся, пусть живут, пусть работают, трудятся, чтобы были патриотами, чтобы любили свою родину.

Ваша родина теперь Казахстан.

Да, теперь это наша родина.

Здесь лучше?

Там тоже неплохо.

А вы можете сказать на родном языке будущим поколениям?

...

Спасибо большое.

Я же корейка, корейцы же тоже были депортированы. И я разговаривала с азербайджанцами, с корейцами, вот, благодаря все-таки казахскому народу выжили мы и ...

Просто у каждого своя история.

Да.

У каждого своя история, у каждого своя семья, у нас соседи были корейцы, один был управляющий, такой хороший мужик, этот поселок более этнический, Чемолган, тут жили немцы, корейцы, турки, казахи, балкарцы, тут как бы не было больших разделений. И всегда действительно в мире.

А вот скажите, просто, вот чемолганцы, когда здесь события произошли на национальной почве, просто об этом читали же ведь в газетах.

Это все имело локальный характер. Вы знаете из того, что здесь произошло, я даже этого не заметила?

Как не заметили, когда раздули такое?

Да, раздули такое, это скорее.

А как это все произошло?

Я практически не заметила, это, видимо, как-то у нас несколько людей собралось. Но, вот на взаимоотношениях между людьми, и между детьми в школе, я педагог, поэтому, практически этого не заметили. Это, видимо, было, скорее всего, СМИ, которым был нужен этот факт.

А как там все происходило?

Я вот, честное слово, даже не знаю. Потому что, когда Вы говорите, спрашиваете, то для меня это что-то такое (*смеется*).

Да?

В Чемолгане, события. Вот как-то так услышали краем уха.

А что услышали?

Вот это вот и есть имеется в виду какие-то там, я даже не знаю, я как бы что-то, даже осмыслить не могу, почему, да потому. Это вот, видимо, кто-то, это на уровне каких-то слухов было, а не действия. Потому что в основном здесь народ привык жить спокойно, и кому это, что нужно, я не знаю.

.....
Месиров Хаджимурат Даутович, балкарец, 78 лет. Был депортирован из Кабардино-Балкарии в 1944 году. Сейчас проживает в Казахстане, Жамбылской области, село Айша-биби.

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Со мной отец был, мать была тогда. Депортация тогда была 8 марта.

Какого года?

1944 года, 8 марта 1944 года началась депортация. Ни на отца, ни детей не смотрели, ни на что не смотрели. Нахально закинули в поезд, и солдаты увезли сюда. В это время мы 12 дней ходили поездом, именно сюда в Айша-биби и до сих пор мы здесь живем.

Депортация затронула Вас, Ваших родителей? Сколько Вам лет тогда было?

Да меня и родителей. Мне тогда 11 лет было.

Вы все помнили?

Да.

Причины депортации знаете?

По партийной линии. Сталинские репрессии тогда говорили. Но за что и для чего репрессировали, мы не знали. Очень строго тогда было. Отец рядом, детей не пускают туда. Прямо нахально взяли на машины кинули и стали вывозить. Это было 8 марта, до 20 марта мы ехали на поезде. Голодные, холодные, без воды, без ничего. Приходят утром или в полночь. 20 вагонов, два ведра баланды и мешок сухарей. Так они готовили, всю дорогу нам эти сухари давали. Два человека, которые эту баланду готовили, в сутки один раз кормили. И привозили нам. И 12 дней так ехали, без воды.

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом. Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных.

Знали это мы. Кого лучше было переселять, это дезертиры, бандиты были. Собрание делали, всех собрали, сказали: «Мы переселять будем бандитские семьи, а вас не тронем». Те дом продали, скот, уже готовы были. А когда началась депортация 8 марта, они и нас одинаково затронули. Сказали тогда только репрессированные, сталинская репрессия.

А сколько семей вывезли, переселили?

Много семей вывезли. Все семьи. 12 человек было.

Откуда вывезли?

Село Верхняя Балкария. Город Нальчик Балкарской ССР.

Как происходил процесс переселения? К вам пришли органы власти, показали бумаги? Сказали, что вы переселяетесь? Что говорили?

Ничего не показали. Нахально вывезли. Может, у них и было, но нам не показывали.

Какие вещи с собой разрешалось брать?

Что успеешь за 15 минут, то и брали. Кушать готового не было, как сейчас хлеб не пекут, без хлеба, без ничего, у кого есть, муку забрали, у кого есть постель, забрали, чашки, ложки забрали. У нас как раз в это время много чашки, ложки с собой взяли и грузили на машину Студебекер, американская машина, не наша машина была. Сел один молодой солдат, выбросил все наши вещи. Команда была назад, назад давай. Ничего нету.

Вы рассказывали, как вы ехали в эшелонах, как вас везли. Вас было 12 семей или 12 человек? Там дети маленькие были, взрослые, отец, мать ваши были?

12 человек в эшелоне ехало. Дети, взрослые, мои отец, мать. Они утром приходят, как скот закроют и не откроют. Ночь не откроют, туалет там. А туалет что делали люди, рыли доски и туда ходили в туалет. Тогда мы должны взять два ведра, два человека, один мешок сухарей, одно ведро баланды, в сутки 1 раз кормили.

Знали ли вы о том, куда вас везут?

Не, не, не. Ничего не знали. Ехали, мы приехали, сейчас называется Чалдала. Станция Чалдала в Жамбылской области.

Первое время вы там жили?

Нет, до утра. Утром нас разгружали эшелон и потом уезжали кто на бричке, кто ишаком. Ни одной машины не было. Каждого по колхозам разделили, вот тебе столько семей, тебе столько семей. У кого была возможность и председателя колхоза они взяли к себе сказали, они сказали, есть, где жить, домик, а некоторые не взяли и их возили в другую сторону. А мы как раз сюда приехали в Айша-биби.

Когда прибыли? Куда Вас разместили? Какие были бытовые условия в первое время.

Дома такие не были, лишь бы крыша была. Никаких условий не было. Только разместили.

А спали как?

Спали на полу.

И сколько по времени?

Месяца 2-3 так жили. Потом разместили. И стали немного кормить, паек называется, 200 гр. муки, 100 гр. сахара, и потом через месяцев восемь нам дали скот, каждой семье. Сколько человек в семье так давали. Два человека – 1 баран, 3 человека-8 человек – корова.

Чем стали заниматься?

Заниматься в колхозе нечем было. Скотоводство было и вот я начал баранов пасти. До сих пор 60 лет баранов пасу. В колхозе такое громадное хозяйство, трактора нет, комбайна нет, ручной, лошадьми или быками пахали.

И Вы здесь остались, женились здесь? Дети Ваши здесь остались?

Да, женился, дети здесь родились.

А кто-нибудь возвратился на прежнее место?

Нет. Родственники там есть, но мы остались.

Какой национальности были местные жители, которые Вас встретили? Как они Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогали

вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением? Возникали ли браки с местными жителями?

Местные жители встретили нас очень хорошо. Сколько возможностей есть, нам давали. Литр молока есть, нам половину. Булка хлеба есть, половину нам дают. Тогда муки не было. Лепешки половину дают. Хорошо встретили нас. И жили хорошо и женились с казахами. Вот, например, у меня у дочери, зять казах. И сноха казашка. Жили мирно, очень мирно жили, хорошо.

На каком языке вы общались с местным населением?

Кто с казахами ходит, то общаться начали по-казахски, потихоньку, потихоньку, некоторые с русскими стали общаться, а мы по-казахски стали общаться.

Какой статус и какой режим отбывания депортации были определены? И какими были они фактически?

По слухам немцы пришли, они заселились там. Один стал предателем помогать немцам, предателем был. Слух такой был.

И вас определили как предателей и депортировали сюда?

Да.

Каково отношение было у местной администрации. Как проверяли наличие на месте. Были ли побег?

Комендант был. Каждый месяц мы подписывались, до 16 лет отмечались. Отмечаться должны были.

А дети тоже должны были отмечаться?

Нет, только взрослые.

Учились ли дети в школе и как там складывались отношения с местными детьми?

Да, дети стали учиться с 1 сентября.

А родители чем стали заниматься?

Нам такой большой пост не давали они (*смеется*). Только пасти баранов, пахать землю.

Какие специальные меры в отношении себя помните? Какие были ограничения? Как можно было переписываться с родными в этом же и других регионах?

Переписывались постоянно.

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи, осведомители. Кто был во главе сообщества и как он руководил?

Нет, нет.

Как работали? Как оплачивался труд? Как питались? Как одевались? Сколько денег могли заработать?

Очень тяжело было одеваться. Порванная одежда, шили. Питались плохо. У кого было питание на сутки, на вторые сутки уже нет. Одеваться тоже так. Местные жители тоже так, бедно, жили очень тяжело.

Менялось ли отношение до и после войны? Как именно? Что помогло Вам выжить в таких условиях?

Местные жители с нами хорошо жили. У нас до 1957 года мы подписались и постоянно отмечались. 1958 год еще тяжелее был. Тогда разрешили в город ходить, а в другой поселок ходить не разрешали. 1948 год указ Вячеслава Васильевича Молотова. Никуда, никуда. Например, мне было 16 лет у коменданта отмечаться, он пропуск дает. И с этим пропуском я могу в город или в другой поселок.

А без пропуска передвигаться не разрешалось?

Не, не, не. Только с разрешения коменданта.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

Смерть Сталина в то время для людей очень жалко было. После нескольких лет, после Хрущева изменения были. Из мавзолея Сталина вытащили, похоронили в другом месте. Даже я в мавзолее был в Москве, видел, в другом месте похоронен. У других плиты хорошие были. А у Сталина одна плита вот так, другая вот так.

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было?

Не, не, не, не сказали они. Шито, крыто было. Идет машина, сотня машин. Местные жители, куда идет, спрашивают. А они говорят, они воевали во время войны, много трудились, сюда только отдыхать приехали.

Это про вас так говорили, что вы сюда отдыхать приехали?

Солдаты сказали, что не нас переселять приехали, а отдыхать приехали.

О каких документах по реабилитации слышали, и какие документы о депортации вообще видели, держали в руках? Где их надо было получать?

Были документы. Сейчас есть документы о реабилитации. В 1948 году узнали, что реабилитированы. Сперва только детей несовершеннолетних, их разрешили, а через год только нас.

Почему не уехали и остались в Казахстане навсегда? Как протекала жизнь в Казахстане, какие повороты судьбы?

Устраивала, жизнь хорошая. Некоторые уехали. У меня здесь 4 сына, 2 дочки, куда я уеду. Поехали, посмотрели, не понравилось.

А сколько Вам лет было, когда Вы поехали, посмотрели?

Лет 25 было.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?

В наше время живем и не вспоминаем, никто не знает, реабилитирован или нет. Не говорим, тема закрыта.

Скажите, пожалуйста, благодаря чему Вы выжили в этих сложных условиях? Как Вам удалось сохранить свою жизнь?

Очень трудно было. Негде работать в колхозе. Своих колхозников колхоз обеспечивал, работал, а нам мало работы было. Только земля, скот.

Чтобы Вы еще хотели бы добавить к тому, что Вы уже сказали? Может быть, есть какие-то моменты, которых мы не затронули? Расскажите о том, о чем мы не упомянули в своей беседе.

Сейчас возраст мне ни туда, ни сюда. Живем отлично. Хочу с семьями, соседями, колхозниками жить спокойно, жить мирно, жить дружно, мечтали об этом и живем так.

Чтобы Вы пожелали бы своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Чтобы Вы хотели передать будущим поколениям?

Наши дети потомки в то время все учились русскому языку, а сейчас все на казахском учатся. Мечтают на казахском куда-нибудь устроиться или куда-нибудь поступать. Все по-казахски, обычаи казахские, все знают сто процентов казахский. Мечтаем, чтобы потомство еще лучше было.

Сколько в семье детей, внуков, есть ли правнуки?

В семье 6 детей, 4 сыновей, 2 дочки, 12 внуков. Правнуков нет. Дети все здесь живут. Все здесь женились, замуж повыходили.

Это Ваш общий дом, куда все приезжают по праздникам, на все события. Сколько лет в браке?

В браке уже 50 лет. Скоро золотая свадьба будет.

Есть фотографии родителей, архивные документы?

Фотографий нет, архивных документов нет. В музее в райцентре Асе медали есть. Очень много есть.

А Вы у нас кто?

Заслуженный чабан.

Какие имеете награды, ордена?

Орден Трудового Красного Знамени, орден (*думает*) еще одно название забыл. Все медали, ордена. Некоторые забрали в музей награды, грамоты. В районном центре Аса.

Спрашивают супругу. **Ваше Фамилия, Имя, Отчество, число, месяц, день рождения**

Месирова Миржан Ханапиевна, 1937 года 27 октября. Вместе уже 50 лет.

.....
Кулиев Радес Хаджи-Мусаевич, балкарец. Был депортирован из Кабардино-Балкарии, город Нальчик в марте 1944 года. Проживает в России.

Первый вопрос будет связан с тем, как депортация затронула Вас и Вашу семью?

Я могу отвечать?

Да, да. Как это было?

Ну, случилось это, я очень хорошо помню, мы жили тогда в Нальчике, тогда улица эта считалась центральной, Кабардинской называется, она и сегодня есть. Вот, в ночь на 8 марта 1944-го года я проснулся тогда от какого-то разговора в комнате, в другой комнате с мамой кто-то разговаривал. Мужской голос какой-то. И не один, мужские голоса. Ну, я проснулся, мне было уже 8 лет, и мама плачет. Я не могу понять, в чем дело. Значит, с ней разговаривают, один был в военной форме человек, и вот она говорит, надо собираться. Я ничего не понимаю, куда собираться, зачем собираться. Ну, потом, чтобы не, так сказать, с этим не тянуть, дали нам на сборы 20 минут. Мама там плакала, сказала, что она жена офицера советской армии, а наш отец был в армии. Вот на фронте был в это время, на Ленинградском, вот. И таким образом мы где-то минут через 20-30 погрузились в машину, ...еще одна семья, которая жила с нами рядом, тоже балкарская семья, ...этот, вот. Мы оказались вот в этой машине, я не знаю, других я не знал людей, которые уже были там. И нас, мы поехали, нас повезли, а куда везут... Привезли на станцию. Привезли на станцию, и я помню, просто не видно конца, эшелон, и трап там такой, вот он к вагону, а вагон, такой вот, знаете, для перевозки, знаете. Да, ну, вот, деревянный такой настил, и вот по этому настилу мы поднимались вот в этот вагон, а в вагоне, вот таких, нары такие, знаете? В два этажа. Середина вагона была свободная, и на нарах, правда, была солома. Когда полностью загрузили нас в вагон, накрыли снаружи. И, сколько мы там стояли, пока тронулись, я не знаю. Ехали мы довольно долго, ну, наверное, недели две. И первое, я помню, что меня удивило, по дороге, мне страшно было, я увидел верблюдов, это было в районе, когда как раз видимо, когда мы проезжали территорию Казахстана, иногда, открывались не ворота, а дверь, двери же широкие в этом вагоне. Останавливались на станциях, нам приносили большой чан, такой, воды, кипятка и большую буханку хлеба. Вот это я помню, приносили. Ведь долго, долго мы ехали, наконец, мы приехали. Куда мы приехали, я не знаю, потом мы, потом, уже...восстанавливая, это была станция Ивановка, Фрунзенская область, Киргизская ССР, Киргизия. А оттуда нас уже развозили по колхозу, вот этих районов, которые были в Чуйской долине. Фрунзенская область, она, по сути дела, занимает всю Чуйскую долину. На западе, оттуда, Талас, и на Востоке, есть такой городок на берегу Иссык-Куля Рыбачье называется. Или город Токмак. Вот эта вся долина, самое интересное, топонимика этих мест, это я потом уже анализировал и удивлялся, Александровка,

Ворошиловка, Лебединка, Новопокровка жили, Ивановка, ни одного киргиза там не было. Там были ссыльные, украинцы, русские, поляки, немцы, там было очень много немцев, и вот мы, первое село, куда мы попали, это было селение Кенбулу. Вот, э-э-э, я, кстати, Мамонтова Аркадия попросил, он недавно ездил в Киргизию, он мне снял название вот этого села, оно сохранилось, естественно, вот это вот село. Мы там прожили два года, до 1947-го, с 1944-го. Вот. А после Кенбулуна мы переехали в село Новопокровка, в которой было очень много немцев, вот на этой улице, на которой мы жили, называлась Строймат. Это село Новопокровка, оно и сейчас есть. Одна половина улицы была немцы ссыльные, вторая половина мы – балкарцы. Нас было довольно много в этом селении. Ну, вот так вот.

А когда вас выселяли, они документы какие-нибудь предъявляли, или просто вы не помните, просто мама сказала, собирайтесь?

Я не помню, не могу сказать, предъявляли ли они документы или нет. Но, не знаю, не могу сказать, потому что вряд ли, я полагаю, что никто никому не объяснил, зачем и почему, просто собирайтесь и все. Это сейчас я знаю, прочитав кучу литературы, знаю эти документы и т.д. так что.

А вот в пути, вы ехали в вагоне, были ли умершие в вагоне?

В нашем вагоне умерла женщина. Вот. Мама мне рассказывала, простите, от того, что она стеснялась сходить по-маленькому, потому что туалета не было, это уже потом. Старики, там, несколько человек в вагоне, сделали в углу типа такой ширмы, сделали дырку в вагоне каким-то образом, потому что не останавливался эшелон. Один раз, я очень хорошо помню, это было ночью, эшелон остановился, и от первого вагона, от первого, от паровоза, с двух сторон очень мощные прожектора освещали, вот, вдоль этого эшелона, с одной и другой стороны. Как люди выносили это все? Ну, естественно, болезни, в частности сыпной тиф пошел, вот, ну, вот так вот.

А слухи какие-то были, когда уехали, куда вас везут, что?...

Слухи были вот, слухи такие вот, что нас неизвестно куда везут, но вот наш эшелон, как бы, как будто бы нашим эшелоном должны испытывать прочность моста какого-то, вот такой слух был. Ну, конечно, ничего страшнее нет, чем слухов, ведь никто не знает. Хотя, ведь в нашем вагоне, в основном, были жители Нальчика, города Нальчика. Ну, простые, скажем так, потому что вся местная элита партийная, скажем так, да, они другим путем поехали. Их везли в пассажирских вагонах, до Баку, а потом, через Каспийское море до Красноводска, от Красноводска уже поездом, тоже в обычных таких поездах, привезли во Фрунзе. Ну, там местная интеллигенция, работники, видимо партийные, НКВД и т.д. и т.п.

Т.е. одновременно весь народ был выселен. В ночь, повторяю на 8 марта 1944-го года, э, но до этого же постарались, они выслали 22-го, 23-го февраля, они выселили чеченцев, ингушей...советской армии, до этого, в ноябре 43-го стали карачаевцев, а 31-го декабря под новый год калмыков. Нас выслали, после нас выслали крымских татаров, в мае 1944-го.

Но вы, а вы знали о том, что высылают вот, или вот сейчас уже?

Делалось это, видимо, было настолько засекречено, что мы даже не знали, не слышали, во всяком случае, я могу сказать о своей семье, что выслали карачаевцев. Их выслали раньше, их выслали в ноябре 1943-го, а нас выслали в марте 1944-го, это было очень хорошо законспирировано. Ну, видимо, партийные деятели знали, потому что их даже собирали, предупреждали, что вот будем выселять, чтобы был порядок и т.д. и т.д., так что вот так.

А куда вы попали, вот, т.е. то место, куда вы попали, там у вас был дом, или что-то?...

Нет, нет, никакого дома не было, вот в этом селении Кенбулу, наша семья, а нас было 5 человек, мама, я, моему брату было 5 лет, племянник с нами был, бабушка, мамина мама и мама, а отец был на фронте. Нас поселили в русской семье, в этом Кенбулу, она фронтовичка, у нее муж был на фронте, у нее у самой было трое детей. Вот такое вот сразу на нее.

А сколько вас было, Вы, мама...?

Нас было 5. Мама, брат мой младший, (спасибо), вот.

А вот Вы когда приехали...?

А потом, через некоторое время нам дали помещение в бывшей кузне, это без окон, помещение метров, наверное, 8, земляной пол, крыша, тоже покрыта камышом, дверей не было. Вместо дверей там висела такая тряпка, из мешковины, вот, мы там жили впятером. Через некоторое время, т.е. через год даже моя мама была арестована, это была весна 1945-го года. И по 58-ой статье она провела два года. Потом она была, ее освободила Москва, у меня документы есть, потому что она была реабилитирована, и мы вот с Галиной Николаевной вместе, в библиотеке ФСБ на Кузнецком, года два назад, я сделал запрос, и мне прислали документы, и я все там вычитал. Что ей там сказать, в чем ее обвиняли, какая статья, сколько ей, оказывается, дали 7 лет лагерей, и три года поражения в правах называлось. Но, к счастью, вот Москва, в постановлении верховного суда написано, что за недоказанностью, вот, обвинений, освободить из-под стражи немедленно. И ее освободили в январе 47-го года. Т.е. через, почти через два года.

А с кем жили Вы?

А мы жили с бабушкой, бабушка у нас была старенькая уже, русского языка не знала. Она вообще никакого языка не знала, кроме балкарского, вот. Тяжко было, тяжело. Мы по сути дела, как мы выжили, я до сих пор не знаю. Потому что мы ходили на всякие сельхоз работы, я себя имею в виду, потому что детей тоже приходилось, так сказать, труд детский использовали в этом колхозе. Колхоз назывался Кызылту, что по-киргизски означает красное знамя. Это селение и сегодня есть, как я уже сказал, вот, тем более, а вот когда отец вернулся с фронта, в 1947-ом году, он демобилизовался в 45-ом, а воссоединился с нами в 1947-ом, его тоже взяли на спецучет, там были спецкомендатура, так называемая. В этих спецкомендатурах все взрослые, имеющие паспорта. Тогда паспортов не было, справки. Все должны были отмечаться приходиться и расписываться, что здесь, что никуда не уехали, а уже когда я получил паспорт, мне исполнилось 16 лет, то в паспорте была страничка, особая отметка, называется. И вот в особых отметках был штамп, разрешается проживать только в пределах села Новопокровка Кандского района, Фрунзенской области, Киргизской ССР, если бы вы уехали из этого села без разрешения МГБ, комендатуры, спецкомендатуры, вы бы получили или 6 месяцев тюрьмы, или большой штраф денежный. Нас не принимали в военное училище, нас не призывали в армию, мы не имели права. Как я уже сказал, выехать за пределы определенного района, это было везде, и в Казахстане, и в Киргизии, правда, в Казахстане были наши родственники в Курдайском районе, а от Курдайского района до нас это, ну, в пределах 100 км. Они не могли проехать к нам, а мы не могли поехать к ним. Вот такая была ситуация. Часто бывало так, что родители попадали в одно место, вот как мой дедушка с бабушкой, они попали на станцию Мерке Джамбульской области, где от голода умер дедушка, отца моего отец. А бабушка, правда, выжила, даже вернулась в 1957-ом году на родину. А мы попали, так как мы городские жители, эшелоны были. Эшелоны, видимо, формировались по районам, Черемский район, потом был...район, оттуда выселялись. Город Нальчик, в основном, балкарцы проживали, а их не так в городе много было. Они в основном все попали в Фрунзенскую область Киргизской ССР, сегодня это называется Чуйская, по-моему, область, город, как известно, Бишкек, а топонимика практически осталась та же, вот, имея в виду села. Судя по кадрам, которые я вижу, вот я из Киргизии иногда репортажи смотрю, киргизское население появилось вот в этих, э, селениях, а вот раньше, когда мы вот приехали туда, нас выслали, все эти села, там исключительно, ссыльная публика была. Юрьевка, вот я вспомнил еще одно селение, такое. Первое селение, они в основном занимались бахчевыми. Работали наши люди, которые приехали, и рис. Сеяли рис вот в этом, на рисовых полях я тоже поработал мальчишкой.

Это были трудодни?

Это были трудодни, естественно, это были трудодни, не знаю, писались ли мне трудодни или нет, на меня или на маму я не знаю, но мы рис сажать, я не сажал, а вот в

уборке принимал участие. И потом уже, когда я пошел в школу, нас уже, всю школу, значит, мы ходили на это поле рисовое, нам давали такие трещотки. Мы эти трещотки должны были вот так крутить, с тем, чтобы воробьи не садились на это, потому что туча сразу садится и съедает, как саранча. Поэтому, вот такой вот детский труд использовался в этом селении. А в селе Новопокровка, это в основном, село, сельское хозяйство, и свекловодческое, там сеяли сахарную свеклу. И все, все, так сказать, этапы уборки сахарной свеклы я знаю очень хорошо. Потому что в селе, в районном центре Кант, где сейчас наша база, кстати, был очень крупный сахарный завод, не знаю, сохранился ли он сейчас, вот, мы работали на полях, тоже, в Новопокровке.

А Вы учились, Вы сказали, в классе тоже, вот не было киргизов, а были дети депортированных?

Если бы в классе, если бы я вам показал сейчас фотографию, у меня есть одна фотография одного нашего третьего класса, к сожалению, я просто не был, не готов. На фотографии абсолютно славянские лица, кроме меня одного, я сижу, такой ушастик, в центре, значит, учительница с нами, вот такой какой-то весь замызганный, в драной рубаше я сижу, вот, и славянские лица. Поляки, русские, украинцы, ни одного киргиза. Почему, не знаю. Где? Ну, они жили, и живут, видимо, в горах, в Тянь-Шанской области, Талас и т.д., вот такие вот.

А как вы общались с местным населением, мама...?

Вот вы остались там жить, не было же ничего у вас?

Что я должен сказать вам, некоторые семьи, э, нас больно хорошо, ну, люди к нам хорошо относились, и чем могли, помогали, но были и другие люди, были другие люди, которые к нам относились не очень хорошо. Э, потому что, уже, видимо, была подготовлена какая-то идеологическая какая-то обработка, что к вам привезут врагов народа, которые немцам помогали, я помогал немцам, в свои там 8 лет, и мой брат тоже помогал в 5 лет. Ну, вот так вот. А в основном я должен сказать, что, э, местное население, как могли вот нам, так и помогали. Ну, это ж была война, военное время, сами понимаете, все это было не так просто. Вот. Ну, мы жили в этой кузне, потом, мы жили в какой-то семье узбекской, такая была тетя Зейнабхан, у нее жили, некоторое время, а потом вот в 1947-ом году мы переехали, ну, переехали, громко сказано, потому что весь наш скарб поместился на арбе такой большой. Я помню, запряженные, значит, это были даже не лошадь, а бык, по-моему. Потом из этого Кенбулу мы переехали в Новопокровку. К тому времени уже у нас от голода умерла бабушка наша. Это был 1947-ой год. И вот мы, я мой брат...

Это бабушка, вот которая Вас воспитывала, да?

Бабушка, да, с которой мы два года были без мамы, да. Она умерла от горя через несколько дней, по-моему, после того как маму освободили. Буквально в считанные дни.

Дождалась, наверное?

Да, наверное, так судьба вот так вот, ну одним словом...

А как управлялся поселок? Были ли какие-то старосты среди вас, или вот там стукачи были, которых вы знали, осведомители?

Вот я вот не могу вам этого сказать, что касается осведомителей, возможно, они были, потому что структура-то была такая, был такой комендант, младший лейтенант, по-моему, он был МГБ, Попов была его фамилия, который нас вот так всех значит, держал, что называется вот. Он, кстати, и арестовывал маму мою.

Т.е., это вот, который приехал с Вами в Нальчик?

Нет, нет, нет, нет. Это местные.

Ааа.

Это на местах уже были.

Арестовали маму ведь на месте?

Маму арестовали через год, как мы приехали туда, это был год 45-ый, апрель 45-го года. А мы приехали в марте 44-го года. Т.е. через год, т.е. весь 45-ый год, 46-ой и до января 47-го мы были вот. А еще вот трагедия в том, что наш племянник, он был уже взрослый парень, ему было лет 16-17, он был полу-осетин, а не балкарец, т.е. у него мама была осетинка, а отец балкарец, дядя мой, мамин брат родной. И вот вскоре, она приехала, мама за ним, и забрала его. Его звали Керим, царство ему небесное, его нет, и мы тогда вот остались, вот Боря, я и мама.

Вот Вы считаете, что вам выжить помогло там?

Вероятно, выжить нам помогло то, что наша мама, ну, во-первых, мы попали в довольно, с моей точки зрения, в климатическом плане, в хорошее место, если это можно назвать хорошим. После Налчика, это Северный Кавказ, это курортный город, солнечный, и после этого, мы попадаем, ну, не в худшее место в Киргизии, понимаете? То, что мы попали в Чуйскую долину, где осенью, летом можно было подкормиться с огородов, вот. Мы ели паслен, мы ели жмых, много чего мы ели. Собирали, там, шкурку от яблок, если находили чищенную, да. На бахчу ходили, просили там дыни, арбузы, нам не отказывали. Кстати, никогда. Вот, а выжить нам помогло, наша мама была, она вообще медик по профессии, она была фельдшером, и как только мы приехали, то ей сразу дали работу. Она, видимо, получала, какие-то, я не знаю, деньги, или что. Только, только поэтому мы выжили, а так у нас было очень трудно. Ну, вот семья, которая с нами была, ехала с нами в одной машине, в одном вагоне, и они попали в это же село, у них в первый же год умерла мама, а их было человек, пятеро детей у нее. Отец был у них на фронте. Потом, через некоторое время, сначала у них умерла девочка, Ляйля, потом умерла мама, и они остались втроем, и их всех троих отдали в детский дом, они были в детском доме. В городе Джалабаде, есть такой город в Киргизии, где, э-э-э, они естественно в силу того, что они оказались в окружении не языковой, они забыли свой язык, вот, и, э-э-э, так вот. Уже когда мы уже через много лет встретились, они не говорили по-балкарски, они говорили только по-русски. А, возможно, стало им устраиваться как-то по жизни, директор детского дома из мальчика сделал еврея, сказал, что тебе так легче будет по жизни, он стал евреем, вот. Девочка, я не знаю, да, она, по-моему, осталась балкаркой, потом она училась в техникуме во Фрунзе, играла в оркестре. Она где-то сейчас здесь, в Москве, мы давно не созванивались с сыном, вот. Долго она жила на Камчатке, а потом, когда вернулись, ведь в 57-ом году, когда мы возвратились из ссылки, не все же уехали, многие по сей день живут.

Остались там?

Остались в Киргизии, в Казахстане, насколько мне известно. Я уже с вами, когда мы говорили по телефону, я вам сказал, что в Павлодарской области и в Алматинской области, вот этой самой, ассамблеи, созданы культурные центры почти всех народов, живущих в Казахстане, я имею в виду уйгуры, крымские татары, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, поляки, мм, украинцы. Т.е. по сути дела, публика в этом отношении руководствовалась, в частности Президент Назарбаев, со своей точки зрения, занял высокую, такую, правильную оптимальную позицию, вот в этих условиях. Потому что ведь самое страшное – это столкнуть, сегодня – это самое страшное, что может случиться в этих двух республиках, я имею в виду Казахстан и Киргизию, где очень много разных народностей.

А вы помните смерть Сталина?

Я смерть Сталина помню. Во Фрунзе, я был тогда студентом медицинского училища.

Т.е. Вы уже, Вы смогли выехать из села?

Значит, я поступил в медицинскую школу во Фрунзе, в медицинское училище в 1951-ом году, нам разрешали, если мы сдавали приемные экзамены, нам разрешали, значит, э-э-э, мы жили в Новопокровке, от Новопокровки до Фрунзе километров 12, не больше. В пятницу мы имели право поехать из Фрунзе в Новопокровку к родителям. И вот в 53-ем

году, когда умер Сталин, я помню, основная масса народу имела весьма печальный вид, внешне. А вот спецпереселенцы, к коим относятся народы депортированные, это был праздник для них, потому что, точно помню, что во Фрунзе не так много было ресторанов, ну, вот все народы, которые там, они каким-то образом это событие отмечали.

Поминали.

Поминали, можно сказать и так. Особенно вайнахи, чеченцы, бурно отмечали это событие.

А какие планы были у людей? Вот они, э, и не были тогда реабилитированы, еще никого? Знали ли, что будет реабилитация?

Что вы имеете в виду, когда говорите...

Вот же умер Сталин, ждали ли перемен?

Ну, конечно, ждали, потому что люди, которые писали, ему самому, что вот, как же так, за что нас сослали, с орденами Героя Советского Союза. И вот это значит. Ну, вот, один из них такой Алтаев, балкарец, получил четвертак за такое письмо. А потом, э-э-э, когда мы узнали, что мы свободны, что мы можем вернуться на Кавказ, в начале это носило неорганизованный характер, это возвращение. А потом уже, организованно, поездами, эшелонами возвращались в Нальчик балкарцы.

А когда вы узнали, что вы свободны?

Ну, мы узнали в феврале 57-го года.

Т.е. вам выдали бумаги об официальной реабилитации?

Нет, нам никаких бумаг не выдавали, просто, ммм, нам объявили, что, значит, нам больше не надо ходить в спецкомендатуру, отмечаться. Я когда получил свой паспорт, я каждый месяц, или каждую неделю, боюсь соврать, мы ходили вот, в спецкомендатуру, вот такая вот длинная очередь, из наших ребят стоит, студенты, в основном. Отмечались там, расписывались, что мы никуда не выезжали, что мы законопослушные люди.

Это было, во Фрунзе вы были, или где вы были, как поселок сейчас называется?

Нет, во Фрунзе в поселок мы возвращались, мы студенты, мы имели право в пятницу, субботу мы имели право ездить к своим родителям. А так, мы не имели право выезжать за пределы района.

Когда вы первые документы увидели, о том, что вы...?

Знаете, документы, э, вот я получил уже, будучи здесь, в Москве о реабилитации, что мы официально реабилитированы, за что нас реабилитировали, нам не объяснили, мы, что совершили какое-то преступление. Я, например, знаю людей, которые не согласились с такой формулировкой и отказались от таких документов. А что значит реабилитация, реабилитация – это безвинно пострадавшие, но их винули, ну, по сути дела, что такое депортация, депортация – это насильственное переселение, выселение целых этносов. Ведь в принципе, нет народа, который бы не пострадал как-нибудь, правда, ведь? Начиная от Прибалтики, заканчивая корейцами на Дальнем Востоке. Ведь не все об этом знают, но, чтобы вот так целый этнос, полностью и, упразднив национальную автономию, как это было вот с миротворцами с Северного Кавказа, с немцами Поволжья, это, конечно, Поволжье, калмыки, балкарцы, карачаевцы, черкесы, ингуши, крымские татары. Эти все перечисленные народы имели автономии свои. Они были упразднены, естественно, их поделили между областями, между Грузией, Астраханской, Сталинградской областями и т.д. и т.д. и т.д. но, самое удивительное, подарки такие делались, э-э-э, под вот такие вот события, 23 февраля – вайнахи, чеченцы, ингуши, 8 марта – балкарцы. Не знаю, может быть, это случайное совпадение, а калмыков вообще под новый год – 31-е декабря. Куда, в Сибирь. Давид Кауптинов – известный калмыцкий поэт, как-то я был на вечере одном в доме литераторов, сказал, что в Норильске стирал портки в лагере, капитан советской армии, это факт. Ну, а документы о реабилитации я получил, э-э-э, несколько лет назад,

вот. Я такой-то, такой-то, значит, был тогда-то выслан, что вот, выдается эта справка о реабилитации. У меня такая бумага есть.

Вот, на протяжении того времени, что вас фактически освободили и до, вот, скажем так, о документах о реабилитации, то вы чувствовали изменение к себе, потому что у вас сначала, наверное, была литера в паспорте, когда вам выдали...?

Значит, вот, мы почувствовали себя, скажем так, если можно так сказать, свободными людьми, когда мы получили чистые паспорта, т.е. без вот этих вот, когда уже не было вот этого штампа, разрешается проживать, иметь право.

Когда это было?

Это был 57-ой год.

А вот отношение к вам как к депортированному, было ли какое-то специальное, вы чувствовали это на себе?

Я же...

Ну, вот что-то в анкетах было же что-то?

Ну, вот что хочу о себе сказать, вот конкретный пример, я хотел быть летчиком, и во Фрунзе я решил поступить, тогда была еще раньше распространена система доставки всяких учреждений в нашей стране, и я, кстати, в этом ничего плохого не вижу, потому что это своего рода, ну, э, мужчина должен быть мужчиной, да? Я пришел в аэроклуб во Фрунзе, и я хотел поступить на отделение пилотов, и мне сказали, что нет, спецпереселенцев не принимаем, ну пошел я в парашютную секцию, потом прыгал, получил значок, очень гордился. Так что вот так вот. А отделение пилотов, нет. В армию не брали, я уже сказал, наших ребят. Причем наши ребята все очень любят служить, кстати. И по сей день, любят вот военную форму, может быть, сегодня и возрадовались бы, я не знаю, вот тогда, до 57-го года, ни один спецпереселенец не призывался в советскую армию.

Я, может быть, пафосно сейчас скажу, это пафосно сейчас прозвучит, но из своего опыта, из того, что вы пережили, что бы вы могли, какие бы выводы вы могли сказать для будущего поколения, т.е., если представить, что вы обращаетесь сейчас к своим потомкам, к свои балкарцам, которые живут рядом с вами?

Э, знаете, вопрос очень трудный, э, все зависит от народа, от людей. Не надо быть рабами, надо суметь противостоять злу, если вы чувствуете, что с вами поступают незаконно, вы должны оказать сопротивление. Я надеюсь, что больше это никогда не повторится, а это заявляли и те, которые выше нас находятся, государственные деятели, Ельцин даже извинился перед нашим народом. Будущее поколение, от них все зависит, захотят, поступят так, не захотят, не поступят, вот, что я могу сказать.

А вот если тогда вернуться к середине, или к началу разговора, тогда кто-то оказывал сопротивление?

Да были такие, судя по тем заметкам, которые я так сказать, э, опубликованы в нашей печати, тиражом, да, были такие люди, которые уходили в горы, которые назывались бандформированиями, и были такие отделы соответствующие, которые значит вот, занимались тем, что вот ликвидировали, и эти группы были у нас в горах, среди балкарцев, такие группы были, Чечено-Ингушетии. Ну, и вот такое было, что слишком много было зла, и люди, э, которые смогли, они сопротивлялись. Наверное, вы слышали, вот, когда в Чечне выселяли вайнахов в горных районах выпал снег, и оттуда депортировать было сложно. И в одном из селений, э-э-э, войска НКВД в одном из э-э-э, загнали туда человек 200, одни говорят 200, другие говорят больше, загнали в сарай и подожгли. Сожгли весь этот, сожгли весь этот сарай вместе с людьми, по-моему, Хайбах, селение чеченское Барах, вот. Это известный факт, так что, э, такие вот вещи тоже были, а когда попытались убежать, могли и расстрелять, такая попытка была. Я тогда еще был мал, чтобы понимать такие вещи, я ретроспективно могу сказать, что да были такие группы, они сопротивлялись, они оказывали сопротивление, и, естественно, с ними боролись и их уничтожали. Вот, ну, а семьи, что семьи, что весь народ был выслан, то тут вопросов нет, и среди, э, и среди

их семей, их тоже могли выслать. Всех до единого, от мала до велика, у нас есть очень известный балкарский поэт Кельзим Мечиев, которому было за 80, когда нас выслали сюда, он умер от голода в Талдыкорганской области.

А вот на фронте, какие у них события, что с ними, да, вот...?

Значит, я могу сказать о своем отце, э-э-э.

Посылали ли их в специальные какие-то места?

Нет, не посылали, они воевали, хотя некоторых мужчин сразу выдергивали, как только выслали через ..., вызвали немцев, карачаевцев сразу всех вызвали, офицеров, мой отец там воевал до конца войны.

И что тогда, ссылали их?

Они их, все направлялись туда, где находился их народ.

Угу.

Капитан, полковник, ну, не важно, кто он, сержант или кто он рядовой.

Они сразу арестовывали, допустим, нет?

Нет, не арестовывали, они просто демобилизовались. Когда они приезжали, и им говорили, что вам надо ехать в Алматы, вам надо ехать в Ташкент, там скажут, где ваша семья, вот таким образом, ваш отец приехал в Ташкент, он находится там-то. Вот он приехал к нам и тут же его взяли на спецучебу в комендантский, не говоря о том, что он при погонах, с орденами, медалями.

А они знали о судьбе своих семей, переписка была разрешена?

Нет, нет, они не знали, потому что это тщательно скрывалось, они не могли об этом знать.

Ну, а получается письма, из года в год, не получала, да?

Нет, нет. Получала до выселения какие-то деньги, за что-то там, положено было там что-то, как жене офицера получать. А когда нас сослали, то она уже, конечно, ничего не получала. И отец до сих пор еще ничего не знал, никакой связи не было между нами.

Ну, вот правильно, вы ведь жили в доме, да? Вот была ли какая-то компенсация, вообще за это?

Говорят, что была компенсация для тех, кто жил недавно лет 10-15 назад, те, кто жили в Кабардино-Балкарии. Когда я позвонил с собеса и сказал, заикнулся о компенсации, мне сказали, поезжайте в Нальчик, вы получите там компенсацию, ну, естественно, я никуда не ездил, там может быть какие-то копейки и были. А мы потеряли дом в селе у бабушки, с участком большим, село и сегодня существует, мы потеряли квартиру в Нальчике, на Кабардинской улице, пусть маленькая, но, квартира, да? Вся недвижимость, ну, какая была тогда недвижимость, ну, это было военное время.

Скот, наверное, был?

У нас скота не было, мы в городе жили, а у бабушки была скотина. И балкарцы, которые потом уже, земляки, которые там остались, кабардинцев же не трогали, кабардинцев несколько семей тоже выслали, чьи мужья, сыновья, были зачислены в калобароционисты, скажем так. За сотрудничество с немцами, независимо от национальности, их выселяли, а балкарцев выслали абсолютно всех. Есть об этом в нескольких монографиях, в частности у Поляна есть хорошие монографии, «Не по своей воле», там все документы приведены. Кто встречался, с кем, Берия приезжал, туда-сюда, Меркулов, Бзиава и т.д., Пияшев,..., ну, масса, масса людей, от которых... Но, самое интересное, когда в частности, э-э-э, вызвали на разговор Берия и первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии, и его спросили, отвечаешь ли ты за балкарцев, он сказал, что... Ну, видимо, он сказал нет, ну, он не сказал потом, что он так сказал. Ну, если б он сказал, нет, то хороший народ, вот это верный наш, да? Ну, не знаю, просто был такой план, что депортировать, убрать неблагонадежные вот эти вот горские народы.

Спасибо Вам, большое.

Говорил однажды, что она вот она, у нее плохое жилье, она поедет в Нальчик, там будет очень много пустых домов, и она вот тут, там поселится. И любую квартиру, которую она там хочет, и я как извините, точно по Андерсену, подошла и дернула ее за подол и спросила, а куда делись люди. Никто не знал, что там произошло, ну, это было, грузины вообще не знали ничего, это ближайшие соседи, так что это делалось...

.....
Жамангозова Люба Асхаткызы, балкарка, 79 лет. Была депортирована из Кабардино-Балкарской АССР в 1944 году. Проживает в Казахстане, Жамбылской области, село Кордай.

Уважаемая Люба Асхаткызы!

Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Мне 12-14 лет, еще не исполнилось, отца забрали на фронт. А матери, когда нас подбросили на поезд, мы ее потеряли. Нам еще 14-16 лет не исполнилось, с братом попали в Алматы. Нас подбросили туда. Мы тогда ничего из дома не взяли, ничего не знали, телевизора не было, ничего не показывают. Ничего не понимаем, мы же дети. Голые, босые, сироты, голодные, холодные приехали в Алматы. В Алматы приехали, нас в совхоз подбросили в Первая Алма-Ата, Октябрьский район, совхоз №5 и мы там поселились. Нас устроили, отвезли учиться в школу-интернат, мы с братом побыли там неделю, думали, будет в воскресенье, а куда идти, дома нет, в бараках. Брат спит на кровати, я на полу, 15 семей в одном бараке. Некуда идти, нечем питаться, нет ничего. Мы с братом решили бросать учебу и идти работать. Я стала работать в совхозе, сеять овощи, помидоры, огурцы, виноград, яблоки собирала. Я там работала, брат работал в конюшне, на бричке, машины не было в это время, на станции работал, поезд приходит, и он людей возит, как такси. Так мы жили там.

Это в 1944 нас туда привезли в марте 22, а оттуда нас забрали 6 марта, и мы там работали в 1944 году, а в 1945-м там встретили победу, война кончилась, в 1946-м нас наградили медалью за доблестный труд 1941-1945 годы. Дети малолетки, по 10 часов работали как взрослые. В 1946 нас наградили, а в 1947 стали искать родственников. Тогда в Красногорском районе, селе Щербакты, кто-то оттуда появился и принес тетки адрес. И мы тронулись с Алматы в Щербакты. А там такая же канитель, работали. Там ущелье, света нет, перспективы нет, работают люди, и только хлеб есть, больше ничего. В 1947 году мы туда приехали, работали, в 1949 году дед с армии появился, меня посватали, я вышла замуж за казаха, Жамангозов Тилебалды, который пришел с фронта. Мы начали семейную жизнь, брат тоже женился. В 1957 году, когда нас оправдали, брат сразу уехал на Кавказ, а я осталась, потому что у меня была семья, дети. У меня 9 детей, самый старший в Алма-Ате живет, остальные по разным городам, кто в Грузии, кто в Кордае. Я вырастила 9 детей, почти 50 внуков, правнуков. Я сейчас счастливая, а когда нас депортировали, мы считали себя несчастливими, самыми бедными, несчастными, потому что у нас никого не было. Вокруг нас никого не было, ни близких, ни знакомых. Дети стали подрастать, я стала счастливая. Дети учились в институте, брали себе знания, они уже начали подниматься и я начала оживать. А то я засохла внутри, забыла все свое, благодаря детям ожила. Старший сын женился, в Алматы инженер-строитель, окончил Московский инженерный институт,

дочка вторая университет закончила, третий, четвертый и так пошло и все дети по своим местам.

Я очень богатая сейчас, духом богатая, гордость за детей. Все дети на месте. На фотографии все мои дети, внуки и правнуки.

Когда в Казахстан приехали, казахи встретили нас тепло, хорошо, у них кусок хлеба был, они нам половину отрезали, дали. Наша вторая Родина – Казахстан, я очень горжусь, что мы попали в Казахстан, те, кто попали в Кыргызстан, Узбекистан они очень мучились, а мы благодарны казахам.

Здесь можно и не думать о своей родине, Казахстан для нас как вторая родина, здесь выросли, постарели, дети выросли в нашем светлом Казахстане. Я очень благодарна Нурсултану Назарбаеву за то, что он поддерживал нас, сколько он делал, начальника района нашего, врачи, которые со мной сидят – Джапар Озиев – наш знаменитый врач-хирург, вот эти люди нас поддерживают. У нас очень хорошо. Кордай наш очень богат. Сейчас никто ни в чем не нуждается. Сколько здесь живет чужестранцев, но они не считают себя чужестранцами, все казахи, дружно, мирно.

Скажите, пожалуйста, откуда вас депортировали, где вы жили?

Мы жили в 50-ти километрах от города Нальчика, в селе Гульделен, Эльбрусский район.

Люба апа, скажите, пожалуйста, все село депортировали?

Да, все село, всех балкарцев, до единого.

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом. Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных.

Нет, нет. Ну, были, конечно, но не оглашали, мы не знали, и не слышали. Если бы знали, мы приготовились бы. У нас был сундук, большой. Кавказцы знают, что такое сундук для кавказцев, там замок, а бабушка не знает, куда ключ дела. Бежит к сундуку, а там солдаты кричат: «Выходите!», подбегает к сундуку, а там ключа нет. Поднять сундук с собой забрать не дошло до нас. А там было золото, она и туда бежит, и туда бежит, как сейчас помню, бедная бабушка ей тогда 70 с лишним лет было. Вот так там все и осталось. И скот, и все богатство. А что брали. Я взяла сумку школьную, книги, а то, что куда меня везут, меня не волнует, я сяду на машину и куда-то еду. А брат также не знал, тогда солдат один сказал: «Одеяла берите!». Тогда мы взяли одежды накрутили на платок, взяли два одеяла, и все.

В этот момент всю вашу семью вывезли, да? Маму, папу, всех?

Папа был на фронте, он так и не вернулся. Маму тоже потеряли. У нее мама жила рядом, когда она бегала туда-сюда, два солдата и один офицер не пустили ее к нам.

Мама с Вами поехала?

Нет.

Вам 14, брату 16. Вас загрузили на машины, на товарный поезд посадили. А мама там осталась?

А мама там осталась. Мама со своей матерью уехала. Их после нас в Талдыкорган отвезли.

Вы потом с мамой встретились?

Нет.

Потерялись. Она тоже умерла и бабушка умерла.

Как получилось, там, рядом больница была, мама ее болела. Мама пошла с моей сестрой к ней в больницу, и там осталась. А в 6 часов утра нас уже выгоняли из дому. А ее нет с сестренкой. Потом после нас привезли второй поезд, ее забрали на этот поезд, она была не больная, здоровая, с сестренкой посадили и отправили в Киргизию. Кызылкия, Джелалабад, Ош туда попала.

Сколько дали времени, чтобы собраться?

Нам не дали время, чтобы собраться. Выходи и садись. До соседа не позвонишь, не скажешь ничего. Сели и поехали. И маму на второй поезд в Джелалабад, а бабушку больную, через 15 лет увезли в Северный Казахстан.

Сын дополняет: Она только тетради взяла с собой и куклу с кроваткой.

Да, как будто меня играть везут. Мы не знали, телевизора нет, радио не доходит до нас.

Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне?

На товарняках ехали. 6 марта нас посадили на поезд, 22 марта мы были в Алматы. Везли нас медленно, к станции подъезжают, стоят там целыми сутками, потом двигаются через Астрахань. Когда поезд останавливается на станциях, маленькие дети чайником воды несут, и меняют на хлеб, кукурузу. Там такая соленая вода. Люди старые умирали, умирают, забирают их, хоронить не пускают, а мы не знаем, где их похоронили, что с ними стало. Тяжело ехали, как приехали не знали, как заболели. Муравьи по вагону ходили, друг за другом, как солдаты, а присмотрелись там вши ходят, такие большие как муравьи. В товарных вагонах ездили тогда только пленные и тюремщики. Когда нас привезли в Алматы как начали брюшным тифом болеть. Много умерло. Ой, бай-бай (*головой мотает*).

Сыпным тифом.

Сыпной тиф. Чего там только не было.

А когда вы ехали в поезде знали ли вы о том, куда вас везут?

Нет, мы не знали куда едем. Люди старшие плакали, опасаясь, что их подбросят в Сахалин, что они умрут, их даже не похоронят. Говорят, один поезд в Сахалин попал, оттуда никто не выжил. Там вода соленая, и погода не совпадает с Кавказской. А когда нас привезли в Алматы, бабушка сразу умерла в августе, было жарко, и она не выдержала. Оказывается, не терпит смену климата грудной ребенок и старые люди выше 70-ти лет.

А как вас расселили, где вы жили?

Ну, в 1-ой Алматы нас выселили, Октябрьский район, совхоз №5. Нас было около 70-ти, мы там жили и работали. Жили в бараке, не было жилья, света тоже. Свет делали из бутылки на вату керосин или солярку капали, вот наш свет был. Мы работали 10 часов как взрослые. Нам давали хлеб по карточке, 500 гр. хлеба на рабочего дают. А это хлеб надо покупать. Один кг хлеба стоит 3 рубля 60 копеек. Нам с братом дают один кг ржаного хлеба. Полусырой, черный, но это нас поддерживало. Мы чтобы купить хлеб встаем в 4 часа утра, занимаем очередь, и ждем хлеба, и в жару, и в холод. Мы дети, никто нас не будил, пришлось так жить и, оказывается, выживаешь. Купим хлеб, скушаем с солью, и бегом на работу, работа начинается в 7.00 утра.

А вы кем работали?

Я работала на полях. Огурцы сажали, мы не учились, бросили, чтобы как-то жить, нам пришлось работать. Не умерли, выжили. В 4 утра встаешь, хлеб покупаешь, а в 7 утра по гудку на работу.

Как вас местные люди приняли?

Там были и русские, и руководство были русскими, уйгуры были. Они тоже работали, были бедными, как и мы. Они нас поддерживали, особенно руководство. Был один начальник, агроном, он всегда поддерживал нас, спрашивал как у нас дела. А мы плачем сразу, жалели себя. Как-то он нам дал карточку на 1 кг картошки, 1 кг вермишели, иди в складе бери. Вот такое было время. А нам дают по карточке 1 кусок мыло, 600 гр мяса, в основном давали рыбу, 800 г растительного масла на месяц. А хлеб по 500 г в день. Если потеряешь карточку, можно умереть с голоду.

Скажите, пожалуйста, органы власти против вас какие-либо меры предпринимали? Было ли нужно отмечаться?

Конечно, мы под комендатурой были. А мы могли бы искать мать, если бы знали, где она живет. Тогда она жила в Джелалабаде. Мы потом ее искали, искали. И нашли только

в 1958-м году. Тогда уже мама умерла, не выдержала. Сестренка осталась одна, ей тогда 10 лет было. Они жили в узбекском маленьком доме. Она осталась одна, выходит и целый день сидит возле трассы сестричка, вечером заходит в дом, спит. В это время приходит друг отца, отец работал в НКВД, друг ехал по этой трассе, узнал мою сестру – Мариям, и стал спрашивать у сестры о нас, о матери. Он взял сестру с собой, привез в райком, говорит, что у сестренки отец работал в НКВД, мама умерла, она осталась одна. Попросил удочерить ее. Начальник райкома взял ее к себе, детей у меня нет, пусть поживет у меня. Сестра жила у них 4 года, когда ей было 15 лет, начальника райкома переводят во Фрунзе, и кто-то сказал, что детей у него нет, девочка не его дочь, переселенка и пришлось оставить ее одну. Он просит секретаря своего, чтобы девочку пристроили к одинокой бабушке в Ленинском районе. И ее привезли к бабушке, жила одна, она была узбечка, старшие дети уехали, а младший сын потерялся где-то, а тогда узбекских беспризорных детей, был голод, холод, забрали в Тольятти, Россию. Мариям жила с бабушкой несколько лет, потом приезжает сын с Тольятти, бабушка говорит соседям, не хочу Мариям отпускать, пусть сын женится на Мариям. Вот она их свела, и уже как 10 лет нет бабушки. Родила сестра семеро детей. А брат женился здесь на балкарке и вернулся на Родину в 1957 году сразу, после того как нас оправдали.

Вот так мы жили. Я до сих пор ругаюсь, ни одного журналиста в семье нет, про мою жизнь можно книгу написать на тысячу страниц.

Как пережили смерть Сталина? Какова была реакция, радовались, огорчились?

Плакали, плакали. Наши предки нас корили, что мы плакали. Он же всех нас выселил. А в чем наша вина, причина выселения? Отец работал в НКВД, мама была простым человеком. Мы же ни в чем не виноваты.

Отец работал в НКВД и ничего сделать не мог?

Он тогда был живой, тогда были комсомольцы, добровольцы. В Кабардино-Балкарии собрали дивизию, он командовал конной дивизией. Их тогда на фронт забрали. В 1943 году, когда немцы бомбили, сколько нас тогда погибло тоже.

Когда вас реабилитировали, вам это объявили? Вызвали ли вас, дали ли вам какие-то бумаги, документы?

Нет, никакой бумаги нам не дали, мы были как заключенными. Хотя мы были свободными, мы не можем границу пересекать, нельзя было. А в 1958 году нас оправдали.

А справки дали?

Нет. Закон вышел. Вот по этому закону, когда вышел, брат сразу уехал на Кавказ.

А вы ездили к брату, на Родину?

Да, я ездила к брату, на Родину.

Не хотели там остаться?

Нет, ну у меня дети же здесь, в Казахстане, брат уговаривал нас, мужа. Я детей не могу от отца забрать. А у мужа были родители, их же не бросишь, их с места тронешь, пропадут они там, перемена климата. И потом это их Родина, как повезешь их туда. Вот так и осталась здесь. Брат приезжал к нам часто, а после развала у нас прервалась связь. Брат умер, сестра умерла, теперь у меня кроме детей никого нет, вот такая горькая жизнь у нас.

Скажите, пожалуйста, сейчас отношение к депортации изменилось у Вас? Правильно или неправильно ли депортировать людей?

Конечно, неправильно. За что нас выселили? Когда немцы пришли, у нас некоторые больные, калеки лежали, инвалиды, инвалиды встали, белые повязки на руки повязали, винтовка, немцев провожали. И нас из-за них выслали, сравнили с ними. Из-за одного всех выслали. В чем мы виноваты? Мы страдали ни за что. А предателей не было. У меня дядя был партизаном. Ему было 50 лет, двух взрослых сыновей забрали в армию. А он уже в возрасте был, не стал сидеть, ушел в партизаны. Когда хотели перейти в Грузию, первая партия ушла, вторая партия ушла, а их кто-то сдал. Исмаил дядю звали, отца старший

брат. Кто-то показал на него, сказали Исмаила отряд. Их немцы привезли и посадили в тюрьму под райкомом партии. Там внизу в подвале они сидели, и там решетка была. Жена Исмаила попросила меня, пробраться к этому зданию и спросить у них, что им надо. «Ты скакалку бери и прыгай, подойди к подвалу и песенку пой, но туда не смотри, смотри в другую сторону», – говорила мне Исмаила жена. Я подошла, пою: «Кто здесь, анау-мынау, как она меня учила», а мне отвечают: «Нас здесь 13 человек, кушать хотим, принесите». Я пришла обратно, говорю, там 13 человек кушать хотят. Они приготовили, пошли туда, а их туда не подпускают, собак спускают, те лают. На второй день опять меня послали, остановиться, прям там, подправить туфлю на ноге и послушать, что они скажут. Я так и сделала, но не слышно, чего-то они говорили. Потом я пошла обратно и слышу топот за мной, кто-то бежит. Оглядываюсь, а там собака, овчарка немецкая бежит за мной, прыгнула на меня, я упала сильно, кровь идет, а она на меня лапы поставила на спину, не кусает, а просто лапы поставила, ученая. А я лежу, дрожу, вся в крови, с носа кровь бежит. Немец подошел, штыком тыкает, партизан я убью тебя, одну пулю не жалко на тебя. Потом он собаку забрал, а я встать не могу, и слышу из тюрьмы крики, ругань, по железке бьют, они кричали на немца. Я какое-то время лежала, слышу, никого нет, и вышла на трассу и бегом. А наши меня видят, дом через речку, меня все видят, плачут, а подойти не могут. Я ползком, ползком добралась до речки и через мост побежала. А они ко мне и спрашивают, ты живая, живая. Потом наших партизан тюремщиков забирают, ночью. А наши войска наступают, а немцы убегают. И партизан заставили выкопать траншею, 13 дней их не кормили и заставили копать. А потом поставили перед ямами, и стрелять стали. И нашего дядю Исмаила тоже там застрелили.

Сын дополняет: Отец, когда ездил на Родину к матери, показывал, где воевал, как освобождали села от немцев. И он как раз воевал в том месте, где мать жила. И именно то село, ту тюрьму, где пленные были.

Меня все спрашивают, он за вами туда приехал, а я говорю: «Сама пришла за ним!» (*все смеются*). Меня потом забрали наши с собой. Потому что нельзя девушке там, они заберут с собой, проживут с ней и убьют. Такие случаи у нас были. 17 человек мертвых загрузили на машине и похоронили в Нальчике.

Немцы три месяца у нас жили. Сколько человек расстреляли, просто так. За то, что сворачивали махорку на листовках немецких, убивали на месте. Девочек берегли. Одевали как бабушек, если увидят, что молоденькая, заберут. Вы живите долго. Мои молодые, мое поколение живите долго.

Спасибо главе государства, делает добро, районные начальники делают добро, спасибо районному акиму, новому Торгаеву, какой он молодец, какой хороший человек он, платки дарит на 8 марта, стол накрывает.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Быть честным, добросовестным, работающим. Жить в мирное время, быть богатыми, учеными. Чтобы много хлеба было. Я бы пожелала им, чтобы они не были в таком неведомом как мы, как детство наше прошло. Были счастливы, были богаты. Чтобы не было войны. Чтобы все народы жили дружно, вот это самое главное сейчас.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ БЕЛОРУСЫ

.....
Демидович Надежда Романовна, белоруска, 83 года. Была депортирована из Белоруссии, местность Слоним. Проживает в Республике Беларусь, г. Минск.

Как процессы депортации затронули Вас и Вашу семью?

Мы жили в Беларуси под Польшей. Это была Беларусь, однако, под Польшей. А когда был 1939 год и немец разгромлял Польшу, Советы хлынули к нам спасти нас от беды, освободить нас. В сентябре месяце 17, 18 или 19 числа Советы появились в нашей местности, в Слониме. Люди ждали, чтобы они пришли, ведь идут родные братья, а поляки – это были чужие. Хорошо, пришли эти братья и начали трясти своих братьев. У кого, что было, они начали разграбивать.

А Вашу семью как именно это затронуло?

Мой папа был с очень бедной семьи, с Полесья, с Голяка. У него был брат, сестра и мама, а отца не было. Брат погиб на фронте. Папа еще молодым очень хотел учиться, и закончил царскую школу, 7 классов в Бусечах, а потом поехал в Севастополь, заработал денег и поехал в Америку и там пробыл семь лет. Днем работал, а вечером учился в вечерней школе. Там получил высшее образование, вернулся в Беларусь и стал работать агрономом. Когда была революция, все в Америке, кто белорусы, ждали Советов, даже деньги собирали и отсылали на помощь революции. И вот папа возвращается домой, на родину, сделал документы, чтобы попасть уже не на Полесье, а в Советскую Беларусь. Там он встретил свою маму и сестру. Они видели то время, когда происходила революция, все вокруг разворовывалось и уничтожалось, они уговаривали папу не возвращаться. Пока они сомневались, метались, спорили, закрываются границы – Советская и Польская. И они оказались под Польшей. Беларусь разделили на две части – западную и восточную. Мы оказались в западной. Папа на те деньги, которые заработал, купил землю и стал строиться, женился, заимел детей. И очень уж хотелось моему папе работать по специальности – агрономом, а не землеробом. Но ему такую работу не давали, а все говорили, чтобы он переходил в католики. Мол, будет считаться раз католик – значит поляк. Нас поляки не хотели считать белорусами. А мы белорусы. А они нас называли «тутэйшыя». Им очень хотелось Беларусь ополячить.

А что было после того, как Беларусь стала советской?

Еще чуть расскажу. Отец добивался, чтобы ему поляки дали «ульги» – такие же условия, какие имели поляки, чтобы дети в школу ходили и т.д. И вот он съездил в Варшаву к Пилсудскому. Пилсудский же тоже сказал: «Пускай пан переходит в католики, тогда все будет». Мама же сказала, что не надо: деды были православными, и мы будем. И вот все это тянулось, тянулось. Папа дом построил, землю стал обрабатывать, имел свой хлеб, корову, коня. И вот на тебе, немец напал в сентябре, дошел до Варшавы, люди стали убегать дальше, так как сильно поляки боялись немца, а поляки были сильные патриоты. Нашу Беларусь хотели ополячить. Например, там была земля, где один пан умер и не дали белорусам купить эту землю, по гектару или по сколько, а присылали спасать этих поляков, чтобы было у них. Однако по итогу получилось так, что не они нас ополячили, а мы их обелорусили.

И вот идут уже Советы, а поляки этого очень боялись, что придут большевики. А мама их уговаривала: «Не бойтесь, это идут родные братья». А они говорили: «Это они вам братья, а нас они уничтожат». А мама сказала: «А мы за вас заступимся!». На тебе: пошли мама с папой встречать их, а в это время пришли активисты или кто они там были, и давай нас раскулачивать. Забрали коня, велосипед и т.д., и собачку подстрелили. И еще искали оружие, которого не было. Там не было грамотных людей, и они хотели, чтобы папа пошел к ним работать. Это был 1939 г. Тех панов пока не трогали, они сидели в землянках. А я тогда была в 5 классе, это была уже не деревня, нас отправили в Слоним учиться и тогда

спустили ниже на один класс. В то время нас уже начали трясти. Кто ждал братьев своих, Советов, тех первых и потрясли. Забрали, что было.

Был ли страх? Боялись ли вы, что вас заберут? Ведь в этот период других людей из этой местности депортировали, забирали, увозили?

И вот все знали, кем и кто был папа, и начинают на него налагать налоги один за другим. А этих поляков, которых туда поместили, было, может, хуторов 15 семей. Там обычно были женщины с детьми, мало у кого в доме был мужчина, так как всех поляков в то время и некоторых белорусов еще годных для службы в армии мобилизовали поляки.

А из ваших родственников на фронте кто-либо воевал?

Нет, никто не воевал. Мамин брат воевал, однако уже потом воевал, после этого. Его в Красную армию забрали, когда уже немцы отступили, тогда это было. И вот пришел 1940 год, всех поляков вывозят. Тех, которые были бедные, в землянках жили. И везут их ночью, приходят в село грузовики, их мобилизуют и вывозят в город на станцию, чтобы отвезти.

Вы слышали о других депортированных? А ваша семья готовилась к плохому повороту событий?

Готовилась. Уже была приготовлена. Так как война началась в 1939 г. А папу за то, что он налоги не платил, забирают в тюрьму. Налогов на землю. Если у тебя земля, ты должен платить. А у него уже не было чем платить. И вот папу забирают в острог, а мама пошла его выручать.

А сколько у вас в семье было детей?

Шестеро. Мама пошла к начальству. А в это время стали вывозить. Машин в то время много не было, как сейчас. Она ночевала на станции, и загудели эти машины. И там она увидела, как вывозили семью папиного друга, который тоже был в Америке. Мама уже не побывала до конца в этом Слониме. Ночью помчалась домой. А тут уже сделали списки – вывозят нас в Сибирь.

Как вы узнали, что попали в эти списки?

Когда мама шла со Слонима, встретила одного мужика – Лысеню Николая – говорит он, что таких, как вы вывозят. А папина родина – Полесье, мы же дальше на 12 км оттуда были.

А объясняли причины, почему вывозят?

Потому что кулаки. Тех поляков вывозили, потому что они из Польши, а затем стали вывозить тех, которые негодные Советской власти.

А что было с имуществом, домами, скотом тех людей?

Оставалось все на погибель. И все, что в домах оставалось. Что же возьмешь? Даже одну женщину, ее мужик был на фронте или погиб, у нее было четверо детей, и она была беременная. Ночью начались схватки. И все равно в сани покидали. А тогда был мороз под сорок градусов.

А как вы оказались в Казахстане?

Прошли Советы. Стали немцы. Это был 1941 или 42 год. Поляков повывозили в 1940 г. Нас не вывезли, не успели, так как началась война. Немец перегородил дорогу. Не было куда вывозить. Мы недалеко от границы, а армия, которая была, солдаты, уже убегали. Они были уже без оружия, без ничего.

А при немцах было так. Открылись белорусские школы. Открыли сами люди, немец не запрещал. Подростков немцы отправляли в Германию работать, восстанавливать страну. Нужно было идти в школу – школьников не забирали, и еще не забирали тех, кто шел здесь работать на немцев, в какую-нибудь контору или куда-то еще. А я пошла, как и все другие в Слоним учиться в школу. И проучились мы с поздней осени 1941 г. и весь 1942 год. И вот в Слониме, в Минске были белорусы, которые хотели, чтобы была Беларусь. Они создали организацию – Союз белорусской молодежи. Это как при большевиках комсомольцы. И у нас в школе всех поголовно включали в эту организацию, кроме тех, кто был поляком. И

я вступила. Я хотела вступить, поляки меня не принимали, русские не принимали, а тут я белоруска в этой школе. Немцы в нее, в эту школу, никогда не заходили. Те учителя, которые поляки были, преподавали на польском, – быстро переключились на белорусский язык.

И вот когда Советы прогнали немцев в Германию, сюда пришла Красная армия. И вот те люди, которые были более умными, постарше, и понимали, что большевики могут сделать и уже натворили, они убегали с немцами. А я, дурочка, этим, более взрослым, говорила, что мы здесь пойдем в школу, и радовалась тому, что будем учиться. Неправда. Пришли Советы. Мы пошли в школу, учимся, я оказалась в 8 классе. И вот декабрь месяц 13 числа, мы ходили во вторую смену. Идем домой к подружке, у которой я жила в Слониме и ночью в дверь стучат. Я еще не спала, а она спала. Ее отец проснулся, открыл двери, заходят гэбисты или кто, и говорят той девушке: «Вы, Нина Карач, именем советского закона арестованы». Она была годом младше, чем я. Ее забрали, а я осталась в доме. А утром приходит тетка, мамина сестра с города, и говорит: «Надя, за тобой приходили, чтобы тоже забрать». (Я была прописана у тетки, а жила у подружки, так как нам надо было ходить во вторую смену). И вот меня не забрали. А я-то думала, что пойду завтра к директору школы, чтобы он Нину выручал. А мне хозяйка дома и тетка говорят идти домой на хутор. Пошла на хутор, так как если остальных забирают, то и меня заберут, раз уж я была в этих списках. Отправили меня на Полесье, где когда-то папа родился. И там я скрывалась, ждала сильно, что это сейчас неразбериха, а придет победа, так как погнали немца дальше и тут не будет войны, победит Советский Союз, и тогда во всем разберутся. И вот мы ждали этой победы. А когда стала победа, а тогда не было ни радио, ни телевидения, мы с дядькой пошли (я уже надоела людям чужим сидеть у них) и меня привели домой. Пришла я, это было на Пасху. Пробыла я там один день, только вышла, а тут уже приходят за мной снова, чтобы забирать. Тогда меня снова дождалась ночи и отправили назад.

А потом снова забирают папу за неуплату налогов. Уже не было ни коровы, ни коня, ничего. Нас считали семьей кулака и папе дали три года. Маму назначают на работу, на пилораму (20 км от города Слонима). Вместо нее пошла туда работать ее дочка, на год меня младше. А тут осень, в школу пора идти. Та пошла, кинула работу. Как она пошла в школу – забирают маму, так как она не вышла на работу, так как 20 с лишним километров ходить, а дома маленькие дети. А я не знала, что маму забрали, и не знала, что папу забрали. Потом я надоела тем людям на хуторе на Полесье, они и боялись из-за меня, что прячут. И вот я решила ночью идти сюда домой. Пришла зимой, пурга была, снег, окна темные, ничего не видно. Стучала, стучала и маленький мальчик, еще в первом классе был, открывает двери. Я спрашиваю, а почему ты открываешь, а не папа, не мама. А он отвечает, что всех забрали. А Ленка маленькая, на год старше его, шла в школу и провалилась в воду и она лежала с температурой. Ну и вот, пришла я, а в этом доме беда. Что тут сделаешь – ничего. И тоже побыла там чуть-чуть, чтобы люди не видели. И снова нужно дальше идти. А маме дали 6 месяцев за уход с работы. Потом, как мама уже вернулась, устали по чужим углам ютиться, папу забрали же на три года, много же еще маленьких детей и меня мама отправляет в Казахстан. Там жил мой родной дядя. Он меня принял, прописал. Это город Петропавловск. Купила билет в Ивацевичах и поехала туда на поезде. Паспорта у меня не было. Была справка, но «сышла», а у сестры моей был паспорт на имя Демидович Лидии Романовны. Она на год меня младше. Была там фотография. Мы эту фотографию сняли, а мою приклеили. И я поехала. Решила переждать, пока папа выйдет из тюрьмы и будет что-то решать, как мне выйти в свет. Мне очень хотелось учиться. Не получалось – приходилось прятаться. И нужно было прятаться так, чтобы никто из чужих не знал. Потому что если кто из чужих прознает – всех арестуют за то, что ты врага народа прячешь. Я тогда еще не знала такого слова, еще переживала и плакала, что если бы был жив дедушка Ленин, такого бы не было.

И сколько Вы там, в Казахстане пробывали по времени?

В Казахстане я пробывала: один год заканчивала курсы, второй год работала. Устроилась бухгалтером на хлебзавод. Там хлеба было, сколько хочешь, и кондитерские

изделия, все было. Это было 13-е число, нужно было сдавать финансовый отчет, если не сдашь – наложат штраф. И тут приходит какой-то мужик, представительный такой, переговорил с главным бухгалтером, подходит ко мне и говорит, что нужно мне идти туда-то и туда-то. А я говорю, что у меня финансовый отчет и я не пойду. А он сказал, что это ненадолго. Я говорю, что нужно на столе убраться. А он говорит: берите платок и одежду. И пошли мы, идем через проходную. Он сказал куда идти, и я не обращала внимания, куда меня ведут. И меня завели в тюрьму. Уже донесли, что я в Казахстане.

А как они узнали?

Я не знаю. Когда меня отправила мама в Казахстан, я письма писала не домой, а другим людям. А моя сестра Лида дала адрес своей подружке, а та дала своему кавалеру. А он заявил в милицию или куда-то еще. Это одна версия. Я только недавно об этом узнала. И вот меня завели туда, и оттуда я попала в тюрьму. Там пробыла 4 месяца, в Петропавловске. Затем меня этапируют в Барановичи, на родину. Я надеялась, что там, в тюрьме будут те, кого позабирали раньше, им дали по пять лет. И я надеялась, что с ними встречу. А тут суд и мне дали 25 лет особого режима. С г. Барановичи отправили в г. Гродно, и там уже, куда Москва назначит. И назначили нас в Магадан, однако пока все тянулось, нас завезли на пересылку в Челябинск, а потом думали, куда нас деть. Пришло снова решение, распорядились отправить в Карагандинскую область, Жезказган, куда отсылали самых опасных преступников. Почему еще туда ссылали – там недалеко были рудные шахты, где медь добывали. Там было 60% запасов медной руды Советского Союза. Там в основном мужчины работали, а рядом строили обогатительную фабрику, там и женщины работали. Прошел 1 год. Сталин умер, а мы остаемся, живем дальше. И был указ снять эти номера – не сняли, решетки тоже не снимали. А людей было много, и те, которые понимали больше, я была там самая меньшая, как овечка дурная.

Вы работали в тюрьме, что делали?

Сначала убирала, я была в слабой группе. А потом все делала: очень хотелось домой. И вагоны разгружали, и скалы разбирали, и траншеи копали, по которым руда передавалась для очищения. И стройки там были. Все было.

Письма домой писали?

Разрешали два письма в год. Получать можно было и больше, однако, если ты нормы не выполняешь, если придут посылки – забирали.

Как питались?

По-разному. Кто питался, кто нет. Кто выжил, кто нет. У всех по-разному было.

Побеги были?

Нет. Там некуда было бежать. Лагерь окружен забором, проволока 4 м вверх, а наверху стояли охранники. Там я пробыла 4 года. Потом была сильная забастовка. Люди бастовали после смерти Сталина. Был приказ снять решетки, чтобы это уже был не острог. А этого не сделали. И люди эти политические были спокойные. А начальство, чтобы нарушить покой, прислали блатных всяких, рецидивистов, они с ножиками ходили. Тогда эти повстали. Хотели вызвать комиссию из Москвы, чтобы она разбиралась. Ведь если меня хоть суд судил, то были там и такие, которых просто тройки судили, и все.

А вы принимали участие в этом восстании?

Все принимали. Однако тогда объявили, что малолеток, которых судили, будут отпускать (до 18 лет). И вот нас собрали (мужчин, женщин) в столовой. Приехало начальство с погонами, и уговаривали выйти наверх. Кто-то молчал. А я говорю: «А чего вы нас не выпускали до восстания? Почему раньше этого не обещали? А теперь я не верю вам, как я не верила, что меня будут судить и дадут 25 лет. Не верю, что вы нам дадите свободу. Столько лет прошло, что нам на этой свободе делать и как мы оставим других людей, которые здесь останутся?» Они послушали – ничего не сказали. А нас – в Тайшецкие лагеря – это ближе к Сибири. Там был лесоповал. И вот мы там оказались. Я пошла к начальнику, сказала, что мне обещали свободу. А он сказал, что из-за того, что я принимала участие в

восстании, это отменяется. Я не была реабилитирована. Из-за этого пришла домой на два года позже. Однако потом был приказ, чтобы всех иностранцев (с других республик), кто там работал, отправлять по домам, по своим местам. А главарей, зеков и других судили. Кому расстрел дали, кому еще 25 лет. Я отсидела 6 лет. Пришла домой в 1944 г., так как была амнистия и всех порассылали кого куда. Там поляки были, француженки, другие люди, немцы. Их собирали группами и рассылали по их странам.

Что вам помогло выжить в этих условиях?

Я не знаю. Бог помог и сила помогла. Я ни о чем не думала. Взяла жменьку родной земли и держала ее долго, чтобы вернуться на свою землю, на родину. И еще, слава Богу, выжила, хотя домой вернулась совсем слабая, 42 кг, и зиму провела в госпитале. Потом по этому указу мне дали медсестру и солдата, отвезли в Минск. А там была моя сестра, в техникуме училась. Они встретили меня, не знаю, как им сообщили. И в общежитии они стол накрыли, и я первый раз вино попробовала.

Как вы узнали о смерти Сталина?

Мы были на работе. И на следующий день был траур, на работу не выводили. Одни люди плакали, другие радовались. У меня никаких страхов не было. Я еще не думала, что нас будут отпускать, и не надеялась, что проживу 25 лет. Когда вышла из суда, стояла мама, я кинулась к ней, она ко мне. Я заплакала. А она говорит: «Не плачь, век так не будет». И я эти ее слова запомнила. Выжила потихоньку, в Минск перебралась. Однако все равно не дали работать, как я хотела. Документы у меня были в порядке. Мне там дали справочку, а тут паспорт.

Вы в Беларусь вернулись сразу?

В Беларусь я уехала сразу же. У меня спросили, куда я хочу вернуться. Некоторые в Москву ехали, в другие города. Не во все города пускали. А меня в Слоним пустили.

Изменилось ли сейчас Ваше отношение к тому времени и к тому, что произошло с Вами?

Это отношение у меня осталось на всю жизнь. Хотя я и вернулась сюда, считается, что я несудимая, однако мне не дали работать, где хотела. Я попала в хороший цех на «Горизонт», и с этого цеха мне нужно было потом уходить, куда хочешь. Я пошла в первый отдел, спросила почему, ведь я считаюсь несудимая, а он говорит: как же так. Я ему показываю справку, паспорт. Он говорит: «Да, по закону вы несудимая, а фактически судимая. Здесь вам работать не положено. Где хочешь, ищи работу».

Что ожидаете от властей?

Мне хотелось бы, чтобы мы остались белорусами. Не хочу быть ни поляками, ни русскими. А сейчас, чего мне хотеть? Все равно жизнь испорчена, я хотела идти учиться, но мне уже было под 30 лет. Уже не смогла. Память уже не та.

Как окружающие к вам относились?

Нормально. Я ходила к людям, они ко мне приходили. Они были благодарны, что я никого не выдала. Как не было тяжело, никого не предала, никто из-за меня не пострадал. А я пришла и ерунда. Уже мои сестры повыучивались, работали. А я одна осталась. Я еще до ареста мечтала о Советском рае. А как была в Казахстане, у тетки пряталась, она потихоньку, чтобы никто не слышал, рассказывала все события, рассказывала про поляков, которых повывозили, как они тут горевали. И как они хотели хлеба и приходили, просили покушать. А там хлеб был по карточкам.

Как Вы считаете, что еще помогло Вам сохранить жизнь?

Прятаться на воле мне было сложнее, чем в остроге. Я приехала в Казахстан, еще была на карантине, а меня уже ищут подружки: Слонимские, из Барановичей, Минска. Пришли ко мне. А когда я пряталась – была в одиночестве. А тут попала к своим. Они меня все уважали, хотя я и была самая младшая. Мы продолжаем общаться, кто жив до сих пор.

Что бы Вы хотели добавить?

Про острог могу много рассказывать. Хочу рассказать про период, когда меня дядька в Казахстане, у которого я пряталась, выгнал. И я не знаю, куда идти. Пошла на вокзал ночевать. А там после 12 часов выгоняют тех, кто без билета. А мимо меня прошли и не тронули. Я такая счастливая переночевала. А утром сильный снег шел, и я вышла, стою возле столба, думаю, куда идти. Если бы было лето, можно было бы где угодно под кустом переночевать. Тут подходит ко мне женщина и спрашивает: «Вы не из Беларуси? А твоя мама Агрипина? Ты Грипкина дочка?» Она меня узнала!!! Она была из Беларуси, но там осталась. И она меня приютила, привела домой к себе. Они жили бедно. Потом меня позвали жить другие люди, которым надо было помогать. И этой женщины дочка даже потом приезжали ко мне в Беларусь навестить.

Что бы Вы пожелали свои потомкам?

Я бы хотела, чтобы нынешнее и будущее поколения учились, учились, учились. Если ты будешь образованным человеком, то тебе будет легче жить, тебя будут ценить, сможешь сделать что-то важное для себя, своего народа, для всего, всех. Хотелось бы, чтобы они учились, были патриотами, однако сильно не лезли на рожон, чтобы головы не подставляли, чтобы их не били, не судили, здоровье чтобы не потеряли. Хочу, чтобы они были настоящими людьми. А там, как получится, Бог его знает. Как бы не было трудно, не доешь, не доспи, но учись, будь человеком. И будешь полезным людям, семье, стране. Вот я отговаривала своих ровесников, друзей в Германию работать ехать. А они там выучились, известными успешными людьми стали, даже учеными. А тех, кто здесь остался – всех уничтожили, расстреляли, нас мало осталось. Сейчас про это можно говорить. А я никогда не боялась. Даже если бы Лукашенко пришел, я бы ему то же самое сказала. Я Лукашенко не виню. Помню, как он был депутатом, воевал с Шушкевичем, а теперь он многого добился. Одного мне жаль, что он отказался от родного языка. А теперь своему сыну Кольке даже купил книжечку Короткевича, может, скоро и по-белорусски заговорит!!!

Спасибо за интервью!

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ГАГАУЗЫ

.....
Орманжи (Маринова) Валентина Николаевна, гагаузка, 70 лет. Была депортирована из Молдовы, город Чадыр-Лунга в 1941 году. Проживает в Республике Молдова.

Я, Орманжи-Маринова Валентина Николаевна, урожденная – Маринова, 1940-го года рождения, из Юга Молдовы, города Чадыр-Лунга. Родилась в 1940-ом году, а в 41-ом году 14-го июня меня вместе с родителями – отцом – Николаем Константиновичем Мариновым, матерью – Марией Матвеевной Мариновой и бабушкой, Екатериной Федоровной Мариновой, выслали ночью, по рассказам родителей, в 3 часа ночи, совершенно неожиданно. К нам ворвались люди, мужчины в военной форме, и заявили о том, что мы, в течение 15 минут должны покинуть свой дом, взять самое необходимое с собой, самое-самое. Мне было 1,5 годика, я, конечно, ничего не помню. После Москвы по рассказам родителей, началась Великая Отечественная война. Деда моего, Маринова Константина Георгиевича, забрали. Отдельно. Мы его больше не видели. В ту же ночь забрали. Он был почтальоном. Развозил на своих санях почту по селам, ведь мы жили, так сказать, в центре будущего города. Так вот, мы прибыли в Южно-Казахстанскую область, станция Тимур Шаульдерского района. Нас погрузили в машины, в буквальном смысле, потому что мы были с дороги голодны, хорошо, что хлеб в дорогу взяли. А каково было детям, как я – мы ведь еще не научились хлеба жевать. Но война есть война, и страшнее ее нет ничего на свете. К сожалению, люди забывают об этом. Иногда они говорят такое, от чего уши вянут, ведь они ее не видели! Когда огромнейшую страну, величайшую в мире страну, нужно было объединить. Она же была разрозненная, только что примкнули к ней множество стран, все это нужно было объединить и мобилизовать на войну, на борьбу со страшным врагом, которого не знала земля. Но победа была наша! И мы радовались! Но чтобы осуществить эту победу, потребовались жертвы. Возвращаюсь к нам. Вот нас посадили в полторку и повезли к берегам Сырдарьи. Погрузили нас на паром, маленький, наскоро сооруженный. Переправили через бурную, в то время, Сырдарью, которую после не раз мы пересекали, эту могучую красивую реку. Нас, 9-классников и 10-классников возили в Шаульдер на лодках. Так вот, привезли нас в голую пустыню, в 12 километрах от Сырдарьи. Итак, с одной стороны Амударья, а с другой стороны – Сырдарья, в ловушке. Но никто не смел бежать. Как относились к нам – были надсмотрщики приставлены, но они действовали очень осторожно и скрытно. Родители запрещали детям что-либо говорить на улице. Потому что если скажут что-нибудь непопознанное, отца заберут.

Были такие примеры. Ко мне была приставлена девочка. Она вроде приходила играть, но все время выпытывала у меня – на что я говорила «не знаю». Но она приходила очень часто, должна была внедриться в наши домашние отношения. Она была приучена к этому. Еще к нам приходила ее «тетя», девочка говорила, что она глухонемая. Наши огороды были рядом. Один случай заставил меня заподозрить эту «глухонемую» в том, что она отлично слышит. Вот так мы жили. Но как люди трепетно, несмотря на голод, временами, ведь нам давали пайки, тем, кто работал, кто на стройке работал, как мой отец, кто в учителя пошел, люди молодые, закончившие гимназию, Кишиневскую гимназию, кстати, папина двоюродная сестра. Она стала учительницей и меня потащила в школу в 5 с половиной лет. Посадила меня на последнюю парту и даже в журнал не вписала. А на следующий год она перевела меня во 2-ой класс, потому что я стала отвечать наравне и даже лучше потом. Вот такие мои первые впечатления, вот так мои первые школьные годы протекали. Но уже в 46-ом году, сразу после окончания войны наскоро была построена и открыта школа для всех. Как только она была открыта, из года в год в нее приходили

учителя. В один из первых классов пошла я. В моем классе учились ребята старше меня на 6 лет. В начальных классах учила нас татарка, очень строгая, очень требовательная учительница. Но когда я перешла в 5-ый класс, она уехала. Затем у нас появились предметники. Я горжусь, что у меня по русскому языку и литературе был бывший революционер-участник великого Октября, с оружием в руках участвовал во взятии Зимнего Дворца. Я не могу передать того духа, который царил на уроках. Дети с открытыми ртами слушали его и воспринимали по-своему. Но отдельные факты, рассказанные, они воспринимали на удивление. В 8-ом классе к нам приехала новая партия учителей из Москвы. Прекрасные, молодые, культурные, воспитанные. Мы были влюблены в их уроки. Значит, мы не были забыты! Хотя я и потеряла своего дедушку, родного, которого я не помню. Мне ведь 1,5 годика было. Но он оставался в моей памяти всегда. Как и бабушка, которой давно нет.

Но в комсомол я вступить не хотела. В 10-м классе нам объявили, что не вступившим в комсомол аттестат зрелости не будет вручен. Все вступили, а я не вступила. И вот должны вручать аттестаты. Я пошла и попросила принять меня в комсомол. Я втихаря это сделала, отец не знал. Я не знаю, какие последствия были бы, если бы он узнал. Ведь он потерял отца. Я получила аттестат, но комсомольский билет я сожгла. В 56-ом году по окончании 10-го класса я еду в город Чимкент на бухгалтерские курсы. За неимением других средств. По окончании этих курсов я уезжаю в Молдову, там, где меня ждут родственники. Приезжаю я туда, а ничего уже нет. А было 2 дома, небольших, скотина, телега, обыкновенное хозяйство. Богатства никакого. Но ничего не вернешь и правды искать негде. В 57 году я приехала в свой родной Чадыр, которого не знала. Остановилась у бабушки. Вы не подозреваете, какую радость я им доставила. Как будто они увидели в моем лице дочь, зятя, самых дорогих людей, которых они считали несуществующими. Никто не думал, что нас реабилитируют.

Несколько слов о Сталине. Итак. 1953-ий год, март месяц, помню как вчерашнее. День. Сидим мы на уроке Кузьмы Афанасьевича Самойлова. Когда зашел он в класс, на лице мы заметили, что он очень чем-то озабочен. И не просто лица на нем нет, как говорят. Через 7 минут он вышел, как стрела выбежал, хотя его никто не звал. Выбежал с урока и очень скоро вернулся, сказав при этом: «Все. Его больше нет. Нашего дорогого, любимого Иосифа Виссарионовича». Вы не поверите, у него на глазах были слезы. Многие заплакали. Я не плакала, говорю честно. Я просто намочила свои веки.

Я немного расскажу о людях, с которыми мне приходилось жить бок о бок. Были высланы туда и молдаване, я сама гагаузка, и евреи, и болгары, и украинцы, и чеченцы, знаете, со мной учились кабардинцы и чеченцы во 2-ом классе. И русские, на все нации представляли собой отдельные ячейки, не общались между собой в первые годы.

А как звали ваших подруг?

Моих подруг звали: Ашимова и Ашенова.

Скажите, когда к вам зашли эти люди, ваши родители хоть понимали, что происходит? Они понимали русский язык?

Они не знали. Мои родители не знали ни слова русского языка.

Но как они поняли, что надо уходить? Они говорили на гагаузском языке?

Нет, но среди них были наши, предатели. Местный штаб помогал им. Они потом оттуда тоже уходили, боялись, чтобы родственники отосланных не узнали. Так вот, по возвращению сюда я узнала, что подпись поставил под приказом о выселении человек, не работавший, он батрачил и не имел ни кола ни двора. Он жил рядом с нами и когда был голоден, заходил к нам.

А вот когда вы приехали туда, вам дали какой-то дом?

Нет, мы приехали в голую пустыню. Там было какое-то старое-престарое здание, там начальство обитало.

Но вот куда вас все же поселили?

Там была какая-то сбитка. Вода была в речке, внизу. Наши люди копали ямы, наполняли их водой, а потом сутками поднимали воду наверх. Потом мы строили хижинки из 1-ой комнатки. На следующий год добавили еще комнат. А потом сараи и пошло хозяйство – коровы, козы и т.д. Рядом с нами жили гагаузы. Мы сохранили все наши традиции. Даже праздники отмечали.

Итак, получилось так, что вы все с ноля начинали?

Все-все.

Но вот этот дом, он был построен вами?

Нет. Тот дом бросили. В нем жили какие-то казахи.

Значит, потом тот дом вы оставили? Все остальные тоже уехали?

Многие уехали. А потом я не знаю, кто там остался. Мы первые выехали.

Но та земля была для вас тоже родиной?

Разумеется. И если это самое, если бы я не работала, ушла бы так сказать, сразу же на пенсию. Я 8 лет на пенсии работала. Я очень мечтала туда поехать и посмотреть на эту землю.

Но вы не переписывались ни с кем?

Все дорогие мне люди приехали сюда. Родные, одноклассники, все приехали сюда.

Один человек, которого сослали в Сибирь, говорил, что ему пришлось 20 лет привыкать к жизни здесь. У Вас сколько шел адаптационный период?

Мы быстро привыкли, потому что год был очень хороший.

Вот дом родительский, там кто жил?

Квартиранты. Лет 5 они там жили.

А куда делись эти люди?

Им квартиры дали.

А вот у вас были какие-то земли в колхозе? Их вам вернули?

Отцу какие-то деньги давали... Я не в курсе.

И получилось так, что ваши соученицы приехали?

Да.

А кто был с вами в Казахстане?

Одна на базаре торговала, заболела. А остальные где-то в Комрате, в Чимишлии. В Конгазе одна была, так я связь с ней потеряла.

А вот как только вы приехали, вы сразу нашли работу?

Да. В Чадыр-Лунге не было учителей. Сначала я в Гайдах работала 3 года, а потом с 44 года в Чадыр-Лунге.

Думаю, на этом закончим. Спасибо.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ГРЕКИ

Кипритиди Харитон Васильевич, грек, 73 года. Был депортирован с Краснодарского края, город Туапсе в 1942 году. Проживает в Казахстане, город Астана.

Здравствуйте, Харитон Васильевич!

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Моего отца в 38-м году расстреляли. Я много требовал. Много было опубликовано, вот, о репрессированных и о их реабилитации. Нас трое осталось, мы с бабушкой были высланы сюда в Казахстан в 42 году, в июне. Вот в 38-ом его расстреляли, я требовал, мне писали в 61 году, что ваш отец был незаконно осужден, в данное время реабилитирован. Они, конечно, глупо сделали, они должны были указать, какие у нас льготы, что они должны были нам вернуть наши дома, квартиры, все имущество. Нас же, как скот погнало. Мы начали писать, и нам хоть это дали. Я-то воспитывался в детдоме. Я и мой брат, сестра нет. Мы нигде не писали, что мы ... иначе нам бы не дали нигде учиться. Знаете, что детям репрессированных не давали учиться, особенно греков, даже близко не подпускали. А у нас, что хорошо, я поступаю, у меня справка – воспитанник детского дома. Вот под этим прикрытием я три учебных заведения окончил. Вот и все было нормально. Вот в 61 году когда это вышло, вернее вышло в 56-м, но до нас дошло только в 61-м, нам три раза дали, мы пишем, я пишу, брат пишет, сестра пишет, всем нам пишут, что ваш отец умер в 46 году в Магаданской области, Охотский какой-то район, там-то, там-то, от сердечной недостаточности. Т.е. умер, а фактически он был расстрелян ни за что ни про что. Это было при Ежове. Потом когда Ежова забрали... У моего отца еще были два брата, их тоже забрали, но их не успели расстрелять, их выпустили, сказали, даем вам 48 часов, чтобы выехали, ехали восвояси, в Грецию. У них, у братьев отца, было греческое подданство, а у отца, он по глупости взял советское гражданство. Его осудили, что ты такой-сякой, в общем ни за что ни про что его расстреляли. Вернее, там как рассказывали братья потом, они не расстреливали, если ты эту бумагу напишешь, что ты враг, такой-то, такой-то, что ты революционер. Если ты подпишешь, тогда тебе в Сибирь 10 лет. Вот. Эти два брата подписали эти бумаги, они поняли, что можно пожить, хоть как, но пожить, а наши два дурака, мой отец и мой дядя, мамин брат, они и остались, они не подписали, вы расстреливайте нас, но мы не враги. Честные люди были, они считали, что это поймут, их неправильно поняли, им надо было подписать, и все было бы нормально. И вот получилось так. Уже я написал раз, второй раз, требовал, и мне женщина одна просто гражданским письмом отправила письмо, не от прокуратуры, а откуда-то, ни фамилии, ничего, она сказала, что ваш отец расстрелян, все полностью, полностью написала, я потом еще раз написал. Я говорю, бросьте меня обманывать, напишите, что он расстрелян, мне нужна эта бумага, что он был расстрелян такого-то, 25 апреля в Майкопе. Все и молчок, и потом через три месяца я все-таки получил свидетельство о смерти его, и там точно, точно все... Но... где-то говорят было в России, у нас в Казахстане этого не было, что где-то в газетах, что мы имеем право потребовать, чтобы нам все вернули. А у нас двухквартирный дом был, его заселили, вернее, когда отца арестовали, мама у меня этот дом не продала, а в аренду сдала, и перешла к своей..., брата жене. Вот они вместе там жили с бабушкой, и все мы там. А этот дом в аренду, двухквартирный. Взял этот дом бухгалтер горисполкома. Ну, пока там жили, она платила что-то за этот дом, а уехали, она, конечно, перекрестилась 20 раз, чтобы мы не вернулись. И вернулись мы через 20 лет.

Перебью Вас. Уточните, пожалуйста, где Вы жили, до того как Вашего папу расстреляли?

Город Туапсе. Краснодарский край, город Туапсе.

А скажите, что было до того, накануне как папу пришли, забрали?

Этого я ничего не знаю. Мне было совсем мало. И мне никогда никто ничего не рассказывал, ни мама. Мы ждали, мама говорила, его забрали на стройку, туда-сюда. И только когда мама уже умерла, мы уже постарше стали, мы где-то, я уже скажу, когда мне было лет 15, только тогда тетя мне все рассказала, как и что. Мы жили как мышки, молчали до 55 года.

А скажите, получается, Вы не знаете, по какой статье был папа репрессирован?

По политическим. По 58-й, кажется, статья была.

По 58-й.

Да, враг народа, все.

А потом, папу забрали, Вы жили с сестрой...

Сестра, брат, я, мама, бабушка, мы жили. Мы были высланы сюда в Казахстан. Отсюда 70 километров был..., сейчас там совхоз Энтузиастов Карагандинской области. Было там Нуринский район, Киевка центр. Знаете там, в Карагандинском районе, Киевка есть, сейчас может, переименовали. В общем Нуринский район Карагандинской области, колхоз имени Жамбыла. Вот там мы жили с 42 года, а потом нас определили в детский дом, поздно уже, в 48 году, где-то, по-моему, в ноябре месяце. Сестру тетя, ей уже 14 лет было, ее уже не брали, потому что в школу мы не ходили, школы не было, была казахская школа. Тетя нас туда не сдавала. Мы вообще на нуле были, а сестра до войны несколько классов, два или три класса закончила в Туапсе, и она так осталась. Всю жизнь проработала техничкой, она в Грецию уехала со всеми своими детьми, а мы с братом остались, он в Туапсе, а я здесь. Я что вот хотел сказать, когда он начал высуживать вот это все, прошло, это 42-й – 62-й год, ему сразу сказали, ты что молодой человек, 20 лет прошло, ты что хотел. И это все эта женщина оформила все на себя, мужа не было, что она купила этот дом у государства, что дом этот был разбит, что она ремонт сделала, и что они живут на законных правах, но все соседи, 20 семей подтвердили, что ничего такого не было, в дом не то что снаряд, даже пуля не попала, как будто этот дом бог оберегал, везде было разбито, а дом простоял до 62 года. Понимаете? И суд, все, везде взятки. Он молодой парень приехал, он автомеханик, он мне позвонил, ничего не получается, а раз дом не высудил, ему говорят, уезжай. Прописки нет там в городе Туапсе. Он мне позвонил, я обратился здесь... На мое счастье, я был на свадьбе у дочери начальника краевого КГБ. Он оказывается тоже бывший воспитанник детдома, Шевченко Василий Тарасович, и когда я к нему пришел, он говорит, если что-то надо помочь. ... Я к нему пошел, он отсюда позвонил туда в краевое КГБ, а там все подняли, там все зафиксировано у них, и вот они оттуда с краевого КГБ послали в Туапсе человека, видно, прокурора, какого-то подполковника. И он прямо в вечернее время пришел, я адрес дал, все, и он перетрухнул, правда первое время, и он говорит, у тебя брат живет в Целинограде? Да. Вот я, говорит от него. Посидели, говорит. И вот он все у него спросил, а суд прошел, и ему отказали, сказали, что вы никакого права на этот дом уже не имеете. И он когда пришел, спросил, что и как, все говорит, свидетели есть. И он в общем говорит, пиши заявление в краевой суд и в военную прокуратуру. Он написал это все и через месяц его вызвали туда с этой женщиной с дочерьми. Она жила в одной половине дома, она когда узнала, что он пришел, она квартирантов выгнала, туда коз пустила. Суд состоялся, когда суд был, он написал, что я прошу половину дома, я понимаю, что она сохранила этот дом, поэтому я беру только половину этого дома. Там двухквартирный дом, трехкомнатный, большой каменный дом. У нас отец работал на судовой верфи, корабли строил, судоремонтный завод там был. И он написал заявление так, а она не хотела даже половину дома. И тогда он выступил, прокурор, как же так вы можете делать, фактически он, говорит, имеет право полностью на этот дом, вы ничего не покупали. В общем, там взяли люди

такие, что им ни в чем не откажешь, они любую бумагу найдут. В общем, скажите ему спасибо, что он вам половину дома оставляет. Но вы, говорит, займете ту половину, где вы коз загнали, а ему отдадите ту половину, где вы сейчас живете. Она там скандал создала, начала переворачивать, дочери начали кричать. Он сказал, если будете себя вести так, сейчас постановление поставим, он сейчас перепишет заявление, и все заберем у вас. Ну, в общем, он как решение получил на руки, он пришел сразу, сказал, вон отсюда, иди к козам своим. Но он даже не пожил там, он же в очереди стоял на квартиру, через месяц, пока она переходила, он дал ей время 10 дней, чтобы она вычистила там все и туда перешла. Но мы воспитанники в этом отношении мягкие, горя навидались, он пожалел ее, она уже пожилая женщина. Потом дом попал под снос. И он мне звонит и говорит, что будем делать. Нам это на троих он же высудил. Там 9 соток сад, она 20 лет пользовалась этим, мы же ни копейки, ничего не получали. Он говорит, видите, он же от вас ничего не требует, абсолютно ничего. Он требует, точнее, просит только половину дома. Ему нужно переселиться сюда, и своего брата и сестру. Еще как они посмотрят на это, брат и сестра. Они может, приедут и сдадут на пересуд, чтобы весь дом забрать, но она кричала, орала, потом поняла, что не на тех нарвалась. Это все помогли люди, т.е. добились справедливости. Вот он, буквально месяц прошел, его вызвали, как вы будете жить. Они говорят, если ваш брат и сестра пойдут на уступку, то мы вам дадим квартиру, он один был, однокомнатную квартиру и за сад там какие-то деньги. 900 рублей там что ли. И он мне позвонил, говорит, как, я сразу написал, что отказываюсь, и сестра тоже, чтобы ему все отдали и все. А сделали, это наша глупость была тоже.

Так бы и вам еще...

А так я бы приехал, у меня семья, двое детей, четверо нас – это минимум двухкомнатная квартира. У сестры тоже самое – минимум двухкомнатная квартира, и ему – однокомнатная, как отдельная семья. А мы дураки, но нас опять же обманули. Я потом приехал, мне нет ничего, вы же сами написали, отказались. Но мы далеки были от всего этого. Поэтому все у нас так получилось, брат остался, вот, сейчас там и живет. Я здесь, а сестра уехала в Грецию.

В Грецию, да...

Вот наша судьба такая.

А еще, Вы сказали, что Вы вынуждены были в 42-м году переехать сюда в Казахстан, то есть...

Мы не вынуждены, нас заставили.

Заставили...

Заставили не выехать, а нас как скот везли.

Получается вас, как...

Загнали в телячьи вагоны, я хоть ребенком был, это мне считайте, сколько, 5 лет было, но я прекрасно все помню.

Помните, да. А скажите, пожалуйста, как формировали эшелоны вот эти?

Этого я ничего не помню, не знаю. Помню только, что меня посадили вот, ну я же ребенок, война же шла. Мы пока ехали, целый месяц нас сюда везли. Это через Волгу, мост, я помню, разбомбили, и нас на пароме, вагоны перевозили на пароме. Я помню, что мост был взорван, и вот так мы ехали, целый месяц ехали. Привезли нас, я помню, в Осакаровку сначала. И вот тут нас начали распределять. Моя тетя, она такая, она верховодила, моя мама была такая пассивная в этом отношении, она не понимала этих вещей, а та была опытной, она почему-то оторвалась ото всех греков. Она вот нашу семью, свою, еще вот сестры семья была и еще одна семья была, в общем, четыре семьи, они попросились, можно куда еще только не с ними. Тяжело ехали, на быках ехали. На подводах, быки были запряжены. Вот это вот я помню, а как формировалось это, я не помню. Это могла бы только моя тетя говорить, она умерла, я у нее и не спрашивал. Я помню, что мы ехали в этих телячьих вагонах, товарных вагонах.

А скажите, пожалуйста, Вы помните, сколько человек было в вагоне? Может быть, сколько семей приблизительно.

В общем, я не помню, количественно, сколько семей, но очень много. Вот каждый уголок семья занимала. Квадрата четыре – семья, квадрата четыре – семья, еще полки, как-то второй этаж и там тоже.

А какие-то условия были в этом вагоне?

Никаких. Только вот какие-то остановки, воду, ни кушать, ничего. Каждый что успел взять и все.

А что могли с собой взять, когда вам сказали...

Не знаю ничего. Я знаю только, что узелки были какие-то, бабушка, быть может, одеяло это было или что-то. И то можно сказать, что они ехали сидя, а мы вот дети, нас было четверо, у тети двое и нас двое, трое нас. Вот пять человек детей и их, тетя, мама, бабушка. Вот мы как одна семья были.

А чем вас кормили? Что-то вы же кушали?

Да, мы кушали, но я абсолютно не помню. Мне допустим как ребенку, наверно, находили что-то.

Может вы знаете, бежал ли кто-то по пути?

Нет, из наших вот, кто уехал, никто не бежал.

Никто не бежал. А умирали?

Никто, охрана же была, когда останавливались, выходили, и сразу охрана. Солдаты с винтовками стоят.

Вы сказали, остановки были, а остановки часто были? Как, в какое время суток?

Ну, я не помню, но было и днем останавливались, и ночью останавливались. Но поезд шел очень медленно. Я говорю, месяц. И потом тетя сама сказала, что месяц мы добирались.

А умирал ли кто-нибудь по пути, Вы не помните?

Вот я не помню, но у нас не было. У нас даже знаете, помню одно, что нас куда-то завезли, и в баню водили.

На какой-то остановке?

Да, на какой-то станции (*смеется*). И мы мылись, я помню, я с мамой был в бане. Я от нее не отходил ни на шаг. Так мужчины отдельно были, женщины отдельно, но мать меня взяла к себе. Бабушка в общем. Я был с ними. Это помню, что купались. Не помню, раз или два было такое.

А не помните, может, ходили какие-то слухи, люди что-то говорили?

Нет, не помню.

Не помните. А вот когда прибыли, вы сказали станция Осакаровка, там кто-то встречал или просто привезли вас?

Это не помню. Но помню, что это было организовано, нас заводили в зал, вокзал был деревянный такой.

А вот когда везли, знали, что везут именно в Казахстан или нет?

Нет, они потом уже узнали.

Потом, когда уже приехали?

Да.

А скажите, какие были природно-климатические условия, и отличались ли они от тех, в которых вы жили?

Ну, естественно, там тепло. Здесь мы приехали, хорошо что летом. Нас поместили всех, вот сколько семей было, была однокомнатная землянка, вот саманка. Я помню, мы жили, каждая семья угол занимала. Некоторое время это так было, до зимы, даже год

такое было, а потом начали расселять по квартирам к казахам. Кто малосемейные были, разрешали к ним, и тоже в одной комнате жили. Наша семья была, и женщина, хозяйка этого дома, она с дочерью жила и наша семья.

А вот местные жители какой национальности были?

Казахи. Одни казахи. И мы вот четыре семьи греки были.

Только казахи были.

Так долго мы жили, а потом появилась еще одна семья немецкая. До 56 года жили так.

А скажите, еще вернуться если к началу. Это была депортация греков, или как вас переселяли?

Я вам скажу сейчас, это именно была депортация, хотя нам говорили, когда я начал требовать документы, справки, что мы были высланы, они говорят, вы не высланы, вы эвакуированы. Да, вы что, я говорю, а что ж моя мама ходила, не ходила – ездила в район, там отмечалась в комендатуре. Они – да, ну, что вы. Они думают, я ребенком был, а я – у меня тетя еще жива, живет. И одна и вторая женщина еще. Я в республиканскую прокуратуру обращался, и они говорят – вы зря так, вы так говорите. Я же сам видел, они туда ездили, никуда шаг нельзя было сделать, нельзя было ни учиться, никуда не выпускали. Они жили в колхозе безвыездно, даже детям учиться нельзя было. Я хорошо, я в детдом попал, я пошел учиться, все. А у меня сестра, она только в 60-м году смогла поступить учиться. Их не выпускали, почти до 56 года они были в комендатуре. Тетя мне сказала, что только в 56 году отменили.

Получается, тетя и мама каждый месяц ходили? Ежемесячно?

Ежемесячно отмечались.

А скажите, каково было отношение у местной администрации к прибывшим?

Честно говоря, к нам относились очень хорошо. Потому что они эти вещи понимали.

А проверяли ли вас, наличие вас на месте?

Всегда проверяли.

А каким образом?

Ну, приезжал, видно из комендатуры был он, проверял, покажи, где он, где он. Выстраивались.

Выстраивались, каждого поименно, пофамильно спрашивали?

Да.

А скажите, когда вы прибыли, местные жители, как они вас встретили?

Они встретили нас нормально. Но я не помню, конечно, но во всяком случае хорошо. Не было такого, чтобы они кричали на нас, потому что у них половина тоже были репрессированы родственники.

А была ли поддержка с их стороны? Т.е. помогали ли они вам едой, одеждой?

Нет. Никто не помогал, все что у нас было, выживали сами. Работать да, работали наши на полную, даже девятилетние дети работали.

А с местным населением в целом вообще были какие-то проблемы?

Нет.

А каким вам показалось благосостояние местных жителей? Они как жили?

Они очень бедно жили. У них хоть скот был, у каждой семьи корова, куры там, птица какая-то. У нас ничего не было долгое время. Я только с детдома приехал в 56-м году, тетя имела уже корову, овец имела уже пару штук.

А на каком языке общались с местными жителями, когда приехали?

Они когда приехали, они не знали, но быстро освоили казахский язык.

Быстро освоили?

Да. Даже я знал казахский язык, сейчас забыл (*смеется*).

А между собой в семье на каком языке разговаривали?

На греческом.

На греческом, да?

На греческом. Я русский язык совсем не знал, вот в детдом попал, я узнал русский язык.

А в детдом Вы сказали, вы попали в 48-м году.

В 48-м.

Это получается, Ваша мама умерла...

В 45-м году.

В 45-м. А мама отчего умерла?

А мама тифом заболела. В один вечер она умерла, на другой – бабушка умерла. У нее тиф и дизентерия. И мы потом тоже заболели, тети не было рядом, она за 40 километров от колхоза была. Это в марте месяце было и она не могла к нам приехать, единственное, между нами, они же мусульмане, мы – православные, пока не приехала тетя, моя бабушка и мама целый месяц, мы отрубями питались, это вранье, когда говорят, что казахи кормили нас. У нас были сохранены золотые вещи, у меня сестра, она старше же была, она кольцо могла за 2 килограмма пшеницы отдать.

Обменивала...

Да, обмен делала. И вот так мы питались, пока тетя не приехала. И председатель, никакой...

Не было, да, помощи?

Они не хоронили, из-за того, что они не мусульмане, а православные. Когда тетя приехала, она кинулась, женщина была председатель, вы что, вы же, прежде всего люди, при чем тут религия, как вы могли детей..., мертвые лежат. Хорошо, что зима еще. Когда она приехала, их похоронили в одну могилу, заставили. Никто не хотел могилу копать, из-за того, что мы православные. Она заплатила золотом. Единственное, что у нас было, что мы остались живы.

А до 48 года Вы с кем проживали?

С тетей. Двое детей у нее было, еще два брата у нее. Один умер. Еще мать ее, мачеха была. Она умерла сразу в первые годы, в 42 году.

А скажите, может, Вы помните, как работали взрослые? Вы еще были ребенком, а как работали взрослые? Как оплачивался их труд? И оплачивался ли?

Мы жили в колхозе. Вот мама, тетя, они работали, больше никто. Все у нас были детского возраста. Но работали как. В колхозе какая работа. Доярка, еще что-то. Вот у меня мама, нас поселили в постоянный двор. Знаете, что такое постоянный двор, это значит, когда через наш колхоз кто-то ехал на быках, тогда машин не было, или на лошадях, у нас значит база такая, и при базе вроде квартиры, там три комнаты. Вот мы там жили. Я, мы, бабушка и еще тетин брат вместе с нами жил, он повзрослее был, он тоже как бы работал. Мама считалась там хозяйкой, мы в одной комнате, а гостей... кто переночевать оставались, если дальше ехать не было возможности, следили, что корм там был, кормили скот, вот такая работа у нее. Она убирала. А тетя она дояркой, с коровами.

А как оплачивался их труд?

Это я не знаю. Были трудодни, не деньги, а трудодни. Когда урожай собирался, давали пшеницу, продуктами шло, денег не было. Потом если что, мы эти продукты, я помню, меняли на вещи только так. Сдавали, там магазин был, нас заставляли, хотя у нас ни кур, ни скота, нас заставляли, как ты хочешь, ты колхозник, ты должен масло сдавать, яйца.

Я помню, в магазин придешь, хочется конфету, а он говорит, нет, твои не сдают ни яйца, ни масло, ничего не сдают, поэтому вам ничего не дадут.

Вы сказали, что в основном население было казахской национальности...

Да, полностью, почти 90 процентов, какой там... весь поселок одно казахское население. А греков 4 семьи было.

Получается, Вы не учились там в школе?

Нет, не учился.

А вообще с другими детьми как складывались отношения?

Хорошие отношения. Дружные. Вместе играли, без всякого. Очень дружные.

А какие-то специальные меры в отношении себя Вы помните?

Не было ничего.

А скажите, можно ли было переписываться с родными в этом же или других регионах?

Вот я этого не знаю, потому что переписываться не с кем было, некуда писать.

Некуда...

И самое главное, что нас никуда не выпускали. Если только посылали, и то старались не посылать, запрещался выезд... единственное, если надо в комендатуру ехать. Хорошо, если председатель даст упряжку коней, зимой мы на быках ездили, трудно было ехать. Но я помню, как тетя говорила, вот зараза, не может дать нам лошадей, на быках приходится ехать (*смеется*). Там 50 километров надо было ехать, это целый день, если не больше. Нас в детдом повезли, отправили на санях, нас двое, тетя была, и кучер, можно сказать. На быках, в Осакаровский район, ехали мы трое суток. Только солнце садится, он смотрит, ну хорошо люди везде, только подъезжаем, просимся остановиться на ночь, шли нам навстречу.

Пускали...

Да. А быков-то надо кормить, поэтому хорошо сено загрузили, на этом сене мы полураздетые, в одной рубашке, ни обуви, ничего. И вот она нас везла. Сначала в Вишневке останавливались, в Вишневском районе, дальше Осакаровка была и потом 5-й поселок. И когда тетя меня в детдом привезла, она наголо раздела меня и сказала, извини, вот у моего сына ничего. Она мою одежду сняла, в детдоме сказали, все забирайте, в баню загнали нас, там одежду дали. Война была, что ж сделаешь.

Скажите, как было организовано управление в поселке, где вы жили? Были ли стукачи, осведомители?

Я насколько помню, что вы думаете... я знаю только одно, будучи ребенком, меня в любой дом пускали, я мог прийти, погостить, они так поглядят по голове. Воду брали в речке Нура, а так возле домов колодцев, ничего. Мы на пригорке так жили. И я помню, мне столько лет было, я принесу два ведра воды кое-как, и мне кусочек хлеба дадут. А стукачей у нас по-моему не было. Но как они узнали в чем дело, ..., они нас очень хорошо понимали. Фактически просто как заложники.

А скажите, менялось ли отношение до и после войны и как, именно к вам?

Я вам скажу, отношения все время улучшались, улучшались и улучшались. И когда мы, наши уезжали уже в 60-м году, непосредственно моя тетя и еще там, ... люди были привязаны друг к другу. Вот, например, мой зять, т.е. моей сестры муж, он ревел, он привык, он русский язык почти не знал. Он все казахское, и греческого он, естественно, не знал, только казахское, песни, стихи, все на казахском языке, все традиции, буквально все он усвоил там. Он тракторист, комбайнер, механизатор, он хороший работник, и он плакал, не хотел уезжать, а сестра, нет, говорит, поедем в Темиртау. Только из-за чего, школ русских не было, детей надо было учить, время пришло. Говорит, мы сами безграмотные остались, и дети твои будут такими же. И вот отношения были исключительно хорошие уже в 60-х годах. И даже мне, я потом стал работать преподавателем педучилища, потом пединститут, и они все приезжали с этого колхоза ко мне на консультации, как поступить. Я честно

говорю, я помогал этим казахам, они как родные для меня были. И до сих пор я езжу на могилку, они ведь похоронены там, я заезжаю. Когда я приезжаю, они мои сверстники все собираются. Сейчас мне уже 73 года, я уже 2 года не ездил, а этой осенью должен съездить. Я в этот поселок заезжаю, я заезжаю к своему другу с детства, он всех собирает, кто жив остался, часа 2-3 мы сидим.

Скажите, пожалуйста, что помогло вам выжить в таких сложных условиях?

Ну, выжить, мы же все-таки в колхозе жили, там уже после войны все лучше и лучше было, конечно, умереть нам не давали, голода такого не было, было что поесть. А там, конечно, я когда в детский дом попал, там я знал, что есть завтрак, обед и ужин, какой бы там ни был, но он есть. И учился я, сначала нас в пятом поселке в детском доме. С 48 по 50-й год, потом в сентябре нас, мы с братом заболели трахомой. Трахома – это воспаление, конъюнктивит глаз, какие-то волдыри, в общем, степная болезнь. И нас оттуда вывезли, в карагандинский детский дом. Как детдом и в то же время как больница. Туда со всей Карагандинской области свозили, даже с Осакаровки. Нас там около двухсот человек было. Двухэтажное, школьного типа здание, там уже условия у нас сравнительно неплохие были. Неблагоустроенное, печки топили, воду носили, в общем мы все сами делали. Подхоз был. Там у нас в подхозе скот был, овцы, сено косили, часть уезжала в пионерские лагеря. В детдоме все было нормально. Как бы там ни было, я три учебных заведения закончил. Закончил железнодорожный техникум, закончил училище и пединститут.

Хорошо. А скажите, пожалуйста, как узнали о смерти Сталина, какая реакция была, что думали?

Реакция была – умер наш отец. Он для нас был отцом. Естественно, начиная с первого класса, в учебниках о нем никто плохого не смел говорить. Это естественно. Вот. Когда смерть, это было в марте месяце, 5 марта в 53-м году, в общем, у нас ребята были, которые стихи написали. В общем, очень переживали, очень. Мы особо воспитывались. Если в семье могли что-то негативное говорить о нем, так боясь друг друга, то в детдоме такого, конечно, нет. Нам никто не мог сказать, что он такой-сякой. Вот поэтому мы все ревели, и очень и очень переживали. Траур у нас был долго.

А о чем говорили в этот момент, были ли слухи какие-то, строили ли планы какие-то?

Нет, ничего не было. Единственное я помню, газеты я уже читал, уже повзрослее был, газеты мы сами читали, нам давали газеты читать, в это время много говорили о Берии, вот Берия, Берия, Берия. Наш директор очень и очень отзывался о нем хорошо. Он сам гвардеец бывший. Портрет у него, у нас в коридоре большой такой висел, Сталина портрета не было, а Берии висел. Он знал, что Сталин еще не так страшен, как Берия. А к нам часто приходили сотрудники военной комендатуры, наши ребята часто воровством занимались, через забор, не доедали, воровали продукты, в огороды лазали, поэтому они нас посещали. Приходили, смотрели как что. Я помню, в этот период почти каждый день говорили о значении, о заслугах Сталина... ну, воспитывали нас, воспитание у нас советское, недаром я... когда у нас все это произошло, меня прозвали «совком». Я воспитан так. У меня в коллективе, у меня такое коллективное воспитание. Я здесь директором проработал 20 лет. На пенсию ушел. У нас тут тоже все совки, как говорится.

А скажите, пока Вы были в детдоме, Вы общались со своей тетей, она приезжала к Вам?

Нет. Ни разу, потому что их не выпускали. Они не имели права никуда ездить. И письма она даже не писала. Но я знал, что они там живут. И я сразу, где-то я в 55-м году закончил 7 классов переростком, поступал в музыкальное училище, я дважды учился в музыкальном училище в 55 году, а летом 56 года у меня уже стипендия была, я скопил и пошел, как автобусом, поездом я не знал, я только знал, что шофера ездят с Караганды сюда, в Норинский район. Я спросил, ты до совхоза Шахтер едешь, он сказал, да. Вот я сел в кабину, спросил, сколько с меня. Он говорит, откуда ты. Я – оттуда, он говорит – не надо

ничего. Он привез меня в совхоз Шахтер, там от нашего колхоза километров 15. Оттуда я пешком шел, никто меня не встречал, ничего. А обратно я уже тоже ехал также, нашел шофера, который едет в Караганду.

А скажите, пожалуйста, когда узнали о реабилитации?

О реабилитации первый раз мы узнали в 60 году. Начали поговаривать, начали писать. Нам прислали справку о реабилитации отца, они не сказали, что он был расстрелян, сказали, что он был осужден, как враг, но нет подтверждения тому, поэтому он реабилитирован. Вот до 62 года, я вам там рассказывал. Вот в 62-м году мой брат поехал туда в Туапсе, там родились, жили до войны.

А скажите, как Вы узнали, из газет, по радио о реабилитации или между людьми ходили какие-то разговоры?

Нет, в газетах было и по радио, но у нас радио не было. Я в то время в железнодорожном техникуме учился. У нас радио не было, телевидения не было. В газетах мы узнали. Из Темиртау, сестра как раз переехала в Темиртау, и она сообщила. Но конкретно мы не знали, какие у нас права. Там оказывается было то, что дома, имущество все, что сохранилось... естественно, кто был пограмотнее, постарше, они быстро все узнали и буквально массами переселялись, а мы позже, когда вот узнали. И то брат у меня только переехал.

А какие-то документы Вы оформляли, видели ли какие-то документы о реабилитации вообще?

Только газеты, было написано.

Т.е. Вы сами не оформляли никаких документов, что Вы тоже реабилитированы?

Нет, там просто писали, запрос делали и нам высылали документы. У меня до сих пор первый документ сохранился, который мне выслали. Военный трибунал Ростовской области, «тройка» судила.

Получается, ни у Вас, ни у Вашей сестры, ни у Вашего брата никаких документов о реабилитации нет, кроме тех запросов, которые вы писали на вашего отца?

Нет, конечно. Нам просто выслали справки, что да, действительно ваш отец был осужден, то-то-то, незаконно, в данное время он реабилитирован.

А вот тетя ваша, как она, она же тоже ездила каждый месяц отмечаться. Она получила какие-то документы о реабилитации? Как она узнала, что не нужно ей...

По газетам. Их с комендатуры сняли в 56-м году. Поэтому они сразу встали и уехали.

И вот сейчас уже глядя из современности изменилось ли Ваше отношение к Вашему выселению, к депортации, т.е. что было в самом начале...

Я вам скажу такую вещь. Вы не первая, кто у меня спрашивал, про меня в газетах писали, я куда-то дел, хотел вам принести, там все написано, портрет там мой был, вот. Как газета называлась, забыл. Что я хочу сказать по этому вопросу, не только греки или корейцы, и армяне, любой нации были репрессированы, и русские. Во всех республиках были репрессированы. Там же в России были репрессированы, их тоже сюда высылали. Моя жена она тоже детдомовская, тоже репрессированная. Отец был в тюрьме, но он жив остался. Также самое, семья выслана с Украины. У нее тоже детство здесь..., почки болели. Как она у меня сегодня спрашивает, что у тебя там спрашивают. Ты скажи, как они мою маму избивали. Идти на работу она не может, почки, кровь шла. Вот она так и умерла избитая. Трое детей их, но старшая когда их вывозили, она сбежала. Спряталась где-то у родственников. Это там же мгновение, есть указ, приказ, на такое-то, а потом тишина. Вот она немножко пряталась, месяца три, а потом пришла к своей тете. А они две сестры тоже в детдом, сначала в районе, а потом в Караганду по болезни. Вот так дружили мы, вот так и женились.

А скажите, ожидаете ли Вы что-то для себя от власти, от общественности, от окружающих людей?

Абсолютно ничего. Чего ждать. Все что было, оказывается, мы же не знали, мы как бывшие воспитанники детдома, мы работали с ней вместе в педучилище, я – преподаватель, а она закончила педучилище карагандинское, ... она лаборанткой была. Мы подали заявление на квартиру, нас, естественно, в общую очередь поставили. Завуч там была, она под снос попадала, тогда же Целина называлась, и здесь строительство шло на полную, а нас поставили в общую очередь, но она на собрании сказала, я уступаю свою очередь им. Ну, все, да как. А она – я уступаю свою очередь им, они детдомовцы, я уступаю. Так существовал список и меня поставили первым. Но особо никто не возмущался, потому что квартиры вообще не давали. Как поставили на очередь, я стал ходить, хожу, хожу чуть ли не каждую неделю. Был председатель Чернышев, он говорит, слушай, Кипритиди, ты так мне надоел. Я говорю, мы воспитанники детдома, мне кажется, вы обязаны нас обеспечить. Я думал, что есть такая статья, но нигде не можешь прочитать. Все это скрывали. Тогда туда-сюда. Я говорю, мы живем в бараке, 13 квадратных метров, втроем, с ребенком и еще ее сестра. Она ее пригласила сюда. И вчетвером, 13 квадратных метров. Он тогда, если я тебе эту квартиру выделю, тебе дадут ее. Конечно, если вы напишите. Но мы не имеем права. Мы просто выделяем на училище, и напишем, что это для вас. Но когда он выделил нам все-таки однокомнатную квартиру, директор меня вызывает и говорит, я знаю, что ты порядочный. Я действительно был очень дисциплинированный, я знал, что за меня никто никогда не заступится, вел себя так, зная, что мне никогда никто навстречу не пойдет. Он меня вызвал и говорит, я знаю, что ты эту квартиру добился сам, ты ходил, но я тебя прошу, уступи эту квартиру нашему бухгалтеру, она живет в подвале, она у нас 25 лет проработала. Сейчас, когда мне говорят 25 лет, я не считаю, что это стаж, когда у меня сейчас 52 года стажа. Ну, она сидит там тетка такая, не очень я ее уважал. Она сидит, плачет, а до меня давали квартиры уже, но ей никто не уступил, а в первую очередь квартирой должны были обеспечить преподавателей. А там о бухгалтере, техничке, лаборанте разговор и не шел. И он, зная об этом, говорит, может ты уступишь, зачем тебе однокомнатная, вас четверо, первый этаж. Я жене говорю, может он прав, может еще поживем. В общем мы уступили эту квартиру. Сидим, ждем. Пришел другой председатель, а он мне говорит, пошел вон. Я говорю, а что вы так со мной разговариваете. Он – тебе же дали квартиру, что ж ты ее отдал. Как я отдал, меня попросили. А ты что такой добрый, ходишь к нам, а вот я не добрый. Наперед скажу, когда я к нему ходил, у него сидел парень, где-то на год старше меня, помощником работал. У нас в жизни так получилось, когда нам дали квартиру, я попал, с ним в одном подъезде мы жили. Ну и он вспомнил мне, как я приходил. Он говорит, напиши, напиши, надо помочь парню, а как только я выйду – уберу, подождет, обойдется. И потом я был на сессии, я же два раза в училище учился, второй после техникума я же заочно оканчивал училище, моя жена взяла и написала в Москву. Она грамотная, все. Написала, что мы такие-то воспитанники, все написала, что мы в таких условиях живем, что нас не принимают, с нами не разговаривают. В общем, через месяц я на сессии там был, письмо пришло. К нам приходит депутат, женщина в педучилище, потом мы с ней подружились. Она пришла, а директора поменялись. Этот директор стал заведующим очного отделения, а новый директор... Депутат когда пришла, она, естественно, зашла к этому, она его знала, к первому директору, который меня просил. Он говорит, я буду за вас, я должен вам как-то помочь. И она, так получилось, зашла к нему. Он бывший заведующий облоно, его все знали. Он сказал ей правду, я сам помог ей, этой бабке, и оставил их, можно сказать, без квартиры. Она даже не стала проверять, спросила, где они живут, он сказал, в бараке живут, неблагоустроенный дом, печное отопление, воды нет, ничего нет. Она все это записала и пошла в ГорОНО, ой, в горисполком и дала все. И нам там все-таки..., а уже Целину расформировали, тут многие уезжали и квартиры освобождались, и они нам выделили бывшую, ну, не новую, не в новом доме, двухкомнатную квартиру, такую смежную, там где-то 27 квадратных метров. Вот таким образом мы получили. Да, когда это нам выделили квартиру опять, там начали опять орать, кричать, я приехал, нет, ты

поработай столько, сколько мы, мы тебе не уступим, вот ты иди в наш дом, поживи. Они тоже в неблагоустроенных домах жили. Я говорю, вы моймите меня правильно, я с вами ссориться не хочу. Это комитет был, председатель говорит, что они не дают согласие. Я тогда при всех говорю, извините, но теперь буду сам. Я пошел в исполком, а там в квартирном бюро была женщина, сволочь. Бызовкина, я их всех помню. Я пришел, а ее оказывается сняли с работы и посадили там майора одного с милиции, потому что она торговала этими квартирами. И председатель выделил квартиру на мое имя, я когда пришел, говорю, знаете, комитет мне разрешение не дает. Он посмотрел и говорит, а нам и не нужно их решение, вам горисполком выделил, именную квартиру по решению из Москвы. Я исполняю распоряжение Верховного совета, Микоян – председатель Верховного совета. Не надо, говорит, вызвал инспектора, отдай ему квартиру, говорит. По Мира, возле «Колоса» квартира. А она говорит, эту квартиру обещали бывшему шоферу такого-то начальника, который уехал, ему дали разрешение, чтобы ему отдать. А он говорит, я что сказал, отдайте ему. А я-то ничего не понял, я взял ордер, мне сразу дали ордер, я сходу кинулся в эту квартиру посмотреть, кто там, что. Я когда выходил, мне сказали, парень не радуйся. Вот придешь, а там уже кто-то сидит. И точно пришел, а там..., я постучался, я не сказал, что у меня ордер. Я спросил, а вы что здесь живете. Да, нет, но у меня муж там в очереди, сегодня ордер получит. Понимаете, хорошо, что я в очереди впереди него был, хорошо, что я успел. Я развернулся, сразу вернулся в квартирное бюро, говорю, так и так, а мне инспектор, мы знаем, мы уже отказали ему, он уже ушел, так что вы идите, предупредите, покажите ордер, чтобы они освободили. Я пришел, говорю, так и так. Она на меня накинулась, ты, говорит, там деньги заплатил, подкупил. Я в общем, говорю, ладно я даю вам три дня, если вы не освободите, я в прокуратуру обращусь. Они, естественно, не освободили, я в прокуратуру, в общем месяц они сидели там. Ну кое-как, а зима, они говорят, нам некуда, ребенок там. Ну, я их пожалел. Они мне дали с их работы гарантийное письмо, что в апреле, а это было в марте месяце, что в июне будет сдаваться дом, и мы вам выделим трехкомнатную квартиру. Я отказался от этого письма, не надо мне, но они не уходили, я не стал их выгонять, а потом я узнал, что у них есть комната в каком-то общежитии, благоустроенная, все. И она не уходит, я тогда в прокуратуру, прокуратура решение вынесла. Она еще до этого бегала, орала, что я якобы кому-то взятку дал. Я говорю, ты глубоко заблуждаешься, как я получил квартиру, не дай бог. Я пошел к прокурору области, сказал, знаете, сказали, что я вам дал взятку. Она прямо так и сказала, ты прокурору дал взятку, поэтому они выселяют меня. Я пришел, он вызвал капитана милиции, мы пришли втроем, она не открывает, он как лупанул, и вышиб дверь, и говорит, даю тебе три часа, убирайся, чтоб не было тебя, она начала плакать. Я говорю, да не надо. Я говорю, сколько вам дней надо, она – ну, хотя бы дня три. Я говорю, ну все неделю я вам даю, к соседям ключи занесете. Она через три дня мне позвонила, сказала, что все, телефон там был, отличная квартира, начальник какой-то крупный там жил. Она позвонила, сказала, ключи у соседей, у нас 54-я, у них – 55 квартира. В общем, приходите, квартира свободная. Я пришел, она там вылизала чисто-чисто, потом приходила, извинялась. И вот этот Клименко жил на первом этаже, бывший помощник, он уже перешел в милицию работать, в отдел кадров, ну мы подружились с ним, у нас дети росли, у него старше, у меня младше. Я потом в вузе работал, у него высшего образования не было, я говорю, давай поступай в институт заочно. Он говорит, да, я же дурак, я не могу. Я в институте всегда секретарем приемной комиссии был, подготовили его, я говорю, на заочном будешь учиться потихонечку. В общем, он год готовился, его готовили, и он поступил. В общем, он дослужился до полковника, и мы до сих пор дружим с ним, и семьями. Ну, в общем, он мне всю эту картину рассказал, когда я приходил. Но тем не менее, я получил квартиру.

Хорошо. Скажите, пожалуйста, что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Вы знаете, я сам детдомовец, жена моя. Но что я, что она, мы получили высшее образование, я педучилище, потом пединститут окончил, и мы своих детей... стремились,

чтобы они получили хорошее образование. И воспитывали их всегда в таком плане, чтобы они были воспитанными, добропорядочными. Дети у меня тоже закончили высшее образование, сын – инженер-строитель, дочка – экономический университет закончила. Теперь внуки пошли у нас. Внучка МГУ закончила, филфак, сейчас учится в Англии, внук, значит дочери сын, в этом году закончил школу и поступил в Томский медицинский институт. На бюджет, это значит он высокий балл набрал. Так что мы всегда для детей, все для будущего стараемся. Чтобы самое главное они были хорошими, порядочными, образование – это одно, а быть человеком – это другое. И всем желаю, у меня здесь преподаватели, двадцать лет я здесь директором работал, и сейчас директором работает мой ученик, в 71-м году заканчивал, я его рекомендовал, мой ученик был директором первой музыкальной школы, когда там закрыли, я ему уступил свое место директорское здесь, потому что он без работы остался, а мне на пенсию уже, оформился. Пошел, руководству сказал, назначили его сюда директором, а вы куда, а я на пенсию оформился, но остаюсь работать. Он 4 года поработал здесь и уехал в Россию. Ну, я порекомендовал, вот Оспан Сулейменович тоже мой ученик. Они оба, тот в 70-м году заканчивал, этот в 71-м. Он до сих пор говорит, что я ученик Харитона Васильевича (*смеется*). Вот это мне, конечно, приятно, но он сам отличный руководитель. Он всегда заходит ко мне, советуется, естественно, я ему плохого не посоветую, его тоже коллектив уважает. Так что он уже тоже вот-вот на пенсию пойдет.

Хорошо. И напоследок, скажите, почему Вы не уехали, а остались жить в Казахстане?

Я вам откровенно скажу, почему. В Грецию почему не уехали в первую очередь, мои дети, имея высшее образование, хорошие специалисты, они съездили туда. Сначала дети сестры моей уехали туда, они стали приглашать. Но самое такое – образование, оно там в Греции особо не котируется наше образование. Там они ставят, почти все профессии ты должен защитить ее, защитить ее нужно на греческом языке. А мы его не знаем, прежде всего мои дети, вот сестры дети, они жили всегда в семье, у тети, тетя в свое время гимназию греческую закончила, грамотная женщина была, но всю жизнь проработала техничкой. Потому что она ни на русском, ни на казахском, ну у нее гимназия была греческая. Она грамотная была женщина, она мою сестру и всех остальных воспитывала, они греческий язык хорошо знают. Они туда поехали, у них не было проблем с языком. Они перешли отсюда туда, они подтвердили свои профессии. Племянница у меня, она тоже музыкальный факультет закончила, а сын ее закончил ВТУЗ в Темиртау, инженер-электрик, так они там быстро адаптировались. А мои поехали, конечно, языка нет. Я сам поехал туда, меня в любую музыкальную школу берут, но только с языком. У нас дети, говорят, греки, а не русские. И все. А в Россию мы не поехали, в Россию была возможность уехать, но мои дети, как-то так получилось у дел они были, профессии у них такие, что работа была, жилье у них, все устраивало, поэтому не стали трогаться, ничто, никуда. И никуда не собираются уезжать. Только дочь сейчас взяла и увезла сына в Томский мединститут. А почему? Потому что наши институты, я скажу, не котируются. Сами работники об этом говорят. Потому что я связан с ними, там такие работники, по 30 лет я их знаю. Они сами не советовали, пусть любой, но российский вуз. И мы выбрали Томский. После Москвы и Ленинграда, он идет третий. Там налажено обучение, при институте или при университете как он называется, есть военная академия, военная медицинская академия. Но он сейчас поступил на лечебное, но он мог и здесь спокойно поступить. Он высокий балл набрал, а там ему пришлось экзамен сдавать. Экзамен там проводится в письменном виде, это даже хорошо. Там, как говориться, тебя никто не зашьет, не пришьет, никто ничего с тобой не сделает, потому что что написано пером, того не вырубишь и топором. Вот и все.

Спасибо Вам большое, всего Вам хорошего, здоровья и побольше Вам талантливых учеников.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ЕВРЕИ

Фортушина (Рубинштейн) Ольга Владимировна, еврейка, 75 лет. Была депортирована с Украинской ССР в 1941 году. Проживает в Казахстане, Жамбылской области, город Тараз.

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Депортация у нас какая, ... началась война. Мы жили под Киевом в городе Кременчуге – это рядом с Киевом. Когда бомбежка началась, Киев бомбили. Нас всех вывезли оттуда. Мы вместе с моей семьей, семья это мы были две сестры и мать. Отца тогда сразу забрали на фронт. Мы поехали, нас по вагонам загрузили. В дороге мать умерла. Вернее, не в дороге, ее сняли с поезда больную. А нас вместе с сестрой повезли дальше сюда в Казахстан, в детский дом №2 по улице Ворошилова. Нас сюда сдали и до конца войны мы здесь были. То есть я не правильно сказала, не до конца войны, а нас раньше выпустили, когда исполнилось 14 лет. В училище, сюда на Сахарный в училище и с тех пор я здесь живу на Сахзаводе, бывший город Джамбул, сейчас Тараз. Вот так я и живу, принимали нас везде хорошо. В детдоме не всегда сладко было, но выжили, как мы выжили – это уже другая тема.

Какая именно депортация затронула Вас или Вашу семью (назовите дату, контингент, место высылки, место вселения).

Мне тогда было 5 лет, я 1935 года. Я даже не помню, как это было. Помню, что бомбили, бежали мы все.

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом. Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных.

Не знаю. Не слышали.

Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне?

Это я помню, как нас везли. Битком были вагоны набиты.

Кто еще с Вами был?

Были моя сестра и мать.

А были в вагоне только евреи или другие народности тоже?

Все были, не только евреи. Украинцев больше было.

Знали ли вы о том, куда вас везут?

Нет, ничего не знали. Но почему-то когда мы сюда приехали, наши документы были в Департаменте образования или как он называется. Справки все мы брали там.

Может, Архив?

Да, может архив. Но не совсем в архиве. Департамент образования что ли? Я даже не знаю, как это называется.

О том, что вы являетесь депортированными из города Кременчуга?

Да, в справке написано, что мы депортированы из г. Кременчуга.

Как Вы ехали? Как маму похоронили?

Как похоронили, я даже не знаю. Ее сняли с поезда больную. А нас дальше повезли. Нас с сестрой сюда привезли.

А когда вы ехали в поезде вы знали о том, куда вас везут?

Нет, мы этого еще ничего не знали.

Маму сняли и с кем Вы остались?

Маму сняли, мы с сестрой остались вдвоем. Там много народу, много было. Наверное, не только нас сюда, по всему Казахстану, тут много детдомов было. А мы здесь на Ворошилова, в конце Ворошилова детский дом №2 был.

Сколько в поезде ехали, день, два по времени помните?

Долго ехала, то отцепляли вагон, то прицепляли.

Что с собой успели взять?

Вот это я ничего не помню.

Пока ехали чем кормили, помните?

Пока ехали, я не помню, чем кормили.

Какие были остановки?

Не помню.

А куда прибыли?

Сразу в город Джамбул. Еще была остановка Красногорский район, там был детдом тоже, какая-то часть людей там осталась. А нас сюда привезли.

А когда привезли, сразу по детдомам распределили?

Да, сразу по детдомам, тогда и в Чу, и в Мерке детдома были. Но здесь был большой детский дом. Приехали мы сразу в мае, вернее в июне, когда война началась, нас сразу в школу определили. Вот мы там и воспитывались в этом детском доме.

Какой национальности были дети?

Всякие были.

А дети были депортированных или всех кто бежал?

Это я не знаю, все кто в это время очутились под бомбежкой.

Какой статус депортации был определен?

Это было в 1945 году. Война тогда кончилась. Метрика моя восстановлена.

Расскажите про жизнь здесь, жизнь в детдоме, школе, училище?

Я никуда не поступила, нас в училище определили.

В каком году вы замуж вышли?

В 1956 году.

Муж какой национальности был?

Муж – русский.

А сколько детей было?

Двое детей было. Два сына. Обоих похоронила. Один женился, уехал в Ленинград. Вот сейчас сноха моя звонила из Канады, она сейчас там живет. Так вот они со снохой уехали в Ленинград по комсомольской путевке, там дамбу перекрывали. Они поступили, чтобы побыстрее квартиру получить. Он был монтажник-высотник, и он упал. Похоронили, сюда привезли и здесь его похоронили. А сноха Таня уехала. Это был младший. А второй заболел здесь, это старший, заболел и умер.

В возрасте уже был?

Да, да в возрасте был.

Вы все время с ним жили и с мужем здесь?

Да, здесь жили.

Как пережили смерть Сталина? Какова была реакция, радовались, огорчились?

Вот чего-то не радовались (*смеется*). Плакали чего-то. Мы на заводе были. Почему-то плакали, что Сталин умер, чего нам это давало, не знаю. Сейчас бы может по-другому рассуждали.

Когда вас реабилитировали в 1945, вы очень радовались, что мама реабилитирована?

Конечно. Что все нормально, все документы есть.

Когда узнали о реабилитации?

Директор сказала. Да я сейчас уже и забыла.

Почему не уехали и остались в Казахстане навсегда? Как протекала жизнь в Казахстане, какие повороты судьбы? Вы собирались уехать из Казахстана?

Мы в Израиль собирались уже, и вызов был, паспорт был. Но почему-то остановились и не уехали. А потом, когда сыновей похоронила, муж тоже умер, когда первого сына похоронили и куда, думаю, теперь поеду.

С какого времени находитесь без мужа, без сына?

Без мужа, он умер в 1986, сын в 1984, с армии пришел, и случилось это. Муж на 2 года после него. А другой сын, который здесь, он в 1997-м умер, тоже уже много.

А кто из родственников еще остался?

Не знаю, никого нет. Близких родственников никого нет.

А у сестры родственники остались?

Вот они здесь, вчера приезжали.

Они здесь все живут?

Да, они все здесь живут.

А у нее сколько детей?

У нее 2 детей, сын и дочь. Дочь в военкомате работает. Сын в ГАИ работает. Сноха бухгалтером. Их сын в Омске в институте. Они хорошие все. Они меня не забывают.

А Вы здесь с кем живете?

Одна живу.

А что за мальчик с Вами был?

Это моей подруги сын, все помогает мне. Вот я и зову его внуком.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы?

Я думаю, что неплохо, что мы попали в Казахстан. Плохого я здесь ничего не видела. Всю жизнь на Сахарном заводе работала. И грамоты и медали все есть и люди хорошие все. И русские, и казахи, и узбеки тут. Не знаю, может, в другом месте и лучше было бы, но мне здесь нравится, и сейчас я уже никуда не поеду.

Что из нашего разговора я не затронула, что бы Вы хотели еще рассказать из Вашей жизни?

Я не знаю, что все хорошо, все правильно.

Сестра в каком году умерла?

Она в 1985 году. Самой последней она умерла.

Вы мне рассказывали про вашего дядю, расскажите про него.

Когда мы ехали сюда, оказывается, мы ехали в одном эшелоне. По дороге отцепляли вагоны, их вагон отцепили. И он всю войну и после войны был в Ташкенте. Был рядом, а не знал, где мы. Он напишет, а ему отвечают, что нет таких из детского дома. Он говорит, я знаю, что этим поездом, каким мы ехали, мы должны только здесь по Казахстану, здесь должны быть, он никуда не мог свернуть, тем более в войну. Он все искал, искал, добивался, а потом директор детского дома вызвала и говорит, уже пятое письмо приходит от вашего дяди, ищет он вас, и сейчас мы ответим, ты уже можешь писать. И тогда мы узнали, что он уже жил в Челябинске.

Он приезжал к Вам?

Нет, я туда ездила. Он сказал, вы там, наверное, голодали, все тяготы прошли. А я не голодал. Он здоровый был, работал на хлебокомбинате, грузчиком, тяжелые мешки таскал. Как бы то ни было, кушать было что. Все время думали про нас, как вы. Они не знали, что мать умерла, кто хоронил ее. Нас маленьких сюда отвезли, а он в Ташкенте тут был со своей семьей.

А сейчас Вы с его семьей общаетесь?

Я сейчас не знаю, кто там остался. Он умер, жена умерла. Там никого уже не осталось.

Дети не приезжали?

Дети не приезжали. Вроде там кто-то был у них, но не наша семья, другая. Там было 2 сына. Они в Челябинске кончали институты какие-то. И потом уехали в Израиль. Вот сейчас я горю желанием, может в программу «Жди меня» или что, найти хотела. Они должны там быть, хоть и взрослые сейчас, но не старше меня, конечно. Сейчас они в Израиле.

А Вы хотите их найти?

Да, хотела бы, конечно. Они меня помнят и знают.

Сейчас можно в Интернете найти и по базе данных посмотреть, может, разыскивают Вас.

Я такое не понимаю, по Интернету ничего.

Если хотите, можем помочь Вам найти. Сколько их там сейчас?

Там два брата были, но у них уже семьи сейчас.

Они тоже Фортушины?

Нет.

Это Ваша по мужу фамилия?

Да.

А девичья фамилия?

Моя девичья Рубинштейн.

Они тоже Рубинштейн?

Нет. Они же дядины, вернее тетины. Они Кац были.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Я бы пожелала им, чтобы они не были в таком неведомом как мы, как детство наше прошло. Чтобы не было войны. Чтобы все народы жили дружно, вот это самое главное сейчас.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ИНГУШИ

*Докаев Ахмед Алиевич, ингуш,
Тимурзаев Мурад Хакяшевич, чеченец. Был депортирован с Чечено-Ингушской АССР, село Аккиик в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Астана.*

Нас, в принципе, вот эти вопросы затрагивают каждые 50 лет нашей национальности. Каждые 50 лет идет у нас, грубо или не грубо это будет сказано, геноцид идет.

Потому что молодые забывают, проходят поколения.

Мы практически не успеваем забывать это все. Пока одно забыли, другое повторяется. С 1994 года идут события, с декабря в Чечне. В 1992 году начали скинхеды со стенами. Кому-то интересно, наверное. 1994 год, я очевидец того, 22 ноября, я это помню. Танки утром рано на рассвете, гул, в 4 часа. Я стою и брату говорю: Что это? Откуда? Для чего? Мы же люди все-таки грамотные, можем думать, подтверждать, говорить можем, хотя не всегда нам это удается. Взяли, покрасили башни в белый цвет. Для чего в белый цвет? Кто и где сидит, какой танк надо подбить. И начали подбивать танки. Двое вырвались оттуда. Это все искусство.

В проигрыше только обычные люди.

Рядовые. У меня все друзья русские, казахи. Общаемся. Нам что делить то? Нечего, только помощь друг другу. Вот Ислям пришел же ко мне, первый раз мы с ним видимся. Зашел, намаз почитали, покушали, чай попили, еще мулла пришел, с ним тоже чай попили. Все. Нам рядовым делить нечего.

По сути дела вы сейчас задавайте вопросы. Вот аксакал будет отвечать. Тяжело говорить.

Как сказать. Я не хочу у кого-то что-то... Такая обида, такая жестокость, это языком не рассказать.

Как произошло, т.е. как Вы узнали, что Вас повезут? Кто-то пришел? Как это началось?

Обычной жизнью жили мы. Ничего никто не знал. Если бы знал, отец, мать перед кем как выслать за 30 тысяч сдал, корову купил, в Орджоникидзе съездил. Но одна женщина сказала матери: дураки вы. Зачем ты берешь, вас же будут высылать. Это русская женщина на базаре в Орджоникидзе. Зачем? Вам деньги нужны. Это все останется. Она, чисто собственно говоря, русским языком не владеет. Она так что-то поняла, что-то не поняла. Пришла домой и мужу говорит. Отец говорит: дура ты. Этого быть не может.

Т.е. она сказала папе, что слышала на базаре?

Вроде того, разговаривали, смеялись надо мной. А отец говорит: дура, дура ты, полоумная. Этого быть не может. Никто об этом ничего не знал. Такая была засекреченность.

Где вы жили, это был большой город? Или это небольшой город?

Мы жили недалеко от города Орджоникидзе, в 12 или 18 км. Тогда это село называлось Аккиик, а сейчас Сундзе называется. Я в 1959 году сходил туда. В 1959 году, когда приехал, там была такая преграда как в концлагере все равно. Ингушей не допускали в этот поселок осетины. Когда туда пришли, угостили чем-нибудь, вывели всех оттуда, ни одного ингуша там не было.

В каком году это происходило?

А?

В каком году это происходило?

В 1959 году, в марте месяце.

Когда вас вывозили оттуда, когда вот эта женщина сказала вам?

В конце 1944 года начало 1945 года.

Во время войны?

Войны у нас не было. Абсолютно у нас спокойно, тихо, только один раз после обеда самолеты появились. Боялись самолетов, кукурузники же были. Мы в лес прибежали. Побежали в лес, эту одну ночь переночевали, потом приехали. Больше войны не было, ни стрельбы, абсолютно ничего не было, ни немцев. На ингушской территории немцев вообще не было.

И эта женщина сказала...

Эта женщина сказала: ты полоумная. Матери сказала. Зачем вы берете, покупаете корову? Ведь вас же высылают. Она немного посмеялась, как будто неуважение или что-то такое. Корову пешком пригнала. Корова и все хозяйство осталось. Через 3-4 дня или 5 дней, воскресенье не прошло, второго воскресенья не было уже.

Как это произошло? Пришли солдаты? Или кто приходил к вам?

У нас было. Я могу сказать только то, что я видел.

Конечно.

Только то, что я знаю истинно. У нас дома было 2 автоматчика.

Пришли к вам в дом?

Да, да, да. Пришли председатель сельсовета, вот в этом доме будет два солдата. Они у нас ночь ночевали, точнее, как будто ночевали, у нас, конечно, окопы были в саду. У нас вишневый сад был, фруктовый сад. Сейчас на нашем участке три дома построили, три хозяина живут. Это в 1959 году я съездил, там три дома построили на нашем участке. Еще меня пугали даже. Здесь тут винтовку нашли, там не винтовка была, а двустволку закопали мы с отцом. Не надо пугать. В масле, в мазуте обмотали, и мы закопали здесь. Тут двустволка была, а не винтовка.

И вот пришли эти автоматчики.

Я деталей точных не знаю, утром уходят, вечером приходят два автоматчика. В один прекрасный день, утром намаз читает отец, я сижу возле него. Мне в это время 9-10 лет, может быть чуть больше, но я всю истину хорошо запомнил. Это детские годы запоминаются хорошо. Эти автоматчики забирают отца. Отца забрали, куда и что, никто не знает. Потом они приходят эти два автоматчика. Было запланировано то, что или восстанут или против станут люди, поэтому они разведку делали. Я догадываюсь так. У моего отца было две жены, двое сыновей и двое дочерей от моей матери, четверо дочерей от старшей жены. Я – старший. Что мы соберем? Представь женщину с четырьмя детьми маленькими, грудной ребенок и еще меньше, год за годом все эти дети были. У нас дядя занимался торговлей. Он купил яблоки, в сарае стояли яблоки, полный сарай забит. Мать кинулась, только дверь открыла в ящики набрать яблоки. Один автоматчик прикладом стукнул мать. Мы же кормили их своим хлебом! Прикладом один автоматчик мать стукнул, забрал ключи и дверь закрыл. Второй автоматчик ему прикладом по голове дал, вообще выгнал он его оттуда и со слезами говорил: кушает, кушает, кушает. Мы же не знаем русского языка, вот возьмите кушать, для чего вам ничего не надо больше. Потом начали плакать, не поймешь, там собаки воют, скот орет. Все вообще ужасно было.

Т.е. у вас вокруг тоже же жили, кто с вами уехал?

Да. Потом нас повезли, так было запланировано с этой улицы, примерно эту улицу, 40 домов, 18-20-30 семей в один двор собирали. Всех мужчин посадили, увезли куда-то на вскрытие места, там специально было загорожено колючими проволоками место. Мужчин до 18 лет, даже взрослые люди мужского пола, всех под руководством забрали. Жена что соберет? Абсолютно ничего. Нас в один дом, у которого двор большой загнали туда. Там

не то, что стоять негде было. Этот дом оказался племянницы моей матери. В этом доме 30 мешков. Мы же ничего не взяли. Они старшим бухгалтером колхоза он грамотный был. Может, он знал. Может быть, они знали, почувствовали. Матери дал 30 мешков, эти 30 мешков в перчатках мы набрали. Вот этой кукурузой в перчатках весь вагон пользовался. Люди голодные. Вагоны были двухъярусные, были четырехместные и двухместные. Мы на двухместном были. Я это хорошо помню. Посередине нары. Туалет в вагоне был чуть в стороне. Пол прорезали, дырку сделали.

Не выпускали в туалет, да?

Нет, нет. Никого, вы что. Кому это нужно было. Автоматчик стоит, автомата нет у него. Он просто без автомата стоит. Когда остановят, тогда войска подходят. Есть специальная военизированная колонна, они начинают дополнительную проверку делать. Собственно нас останавливали в степи, где нет ничего. Останавливали через сутки, через 3 суток, через 5 суток. Вот так остановят, кашу давать. Вроде бы как будто кормят их. В последнее время нас остановили, но погрузили в вагон. Сколько мы ехали, я не знаю. В последнем мы остановились, вот мне сейчас мерещится. Столько глаз светят, створенные пушки, танки стояли. Ничего не было, вот мы там остановились. Две гильзы взяли.

Говорил кто-то, куда вас везут? Ведь вас собрали, никто ничего не говорил, просто веди и все?

Абсолютно ничего не говорили. Нас в этот дом загнали, с этого дома ночью, глубокой ночью грузить в машины, потом в состав погрузили нас, когда уже нас погрузили в машину, вот тогда весь мужской пол, это ждали, привезли мужчин по своим семьям.

Обратно?

Да, да, обратно. Этих всех мужчин отпустили, т.е. вот в этом доме 18 семей. Мужской пол всех родственников, племянники, которые вместе живут. Их привезли, и вместе погрузили.

Т.е. они боялись, что будут сопротивляться мужчины, поэтому их отдельно получают?

Ну, они так думали. Вообще-то, у нас все были в армии. Дома были очень мало. Только в Бресте 500 человек ингушей, т.е. 50 человек было ингушей, 350 чеченцев было. Это Жуков сказал. Доклад сделал Жуков. Большой вклад в защиту Брестской крепости сделали ингушские люди. Я почему это говорю, в позапрошлом году, по-моему, в Кокшетау привезли. Уже его похоронили. Он говорил, что приезжал из Бреста. Мне он говорил председателю Совета ветеранов войны в Бресте: я завещаю вам, если я умру, передаю племяннику по этому адресу в Кокшетау. Они приедут, заберут. Дети поехали привезти труп. Даже жена его и дети за похороны деньги, которые были потрачены. У него два ордена Боевого Красного знамени. В общем, чуть не Герой Советского Союза. У нас отсутствовал счет мужского пола, у нас грамотная семья была. Мы вообще были безграмотными, погрузили, соединили.

Вы говорите, осенью было? Да? Кукуруза созрела, значит, осень была?

Это, таять начало. Февраль месяц. Грязь была. Нас выслали, привезли. Когда мы приехали на станцию Колутон.

Это где-то здесь.

Да, да, недалеко от Малиновки.

Малиновка это где?

Нет, Мариновка 170 км, но все это я так перепутал, когда рассказывать начал. Погрузили вещи, что у кого есть, что-то выбрасывали. Даже делали эти солдаты, то, что они хотели, то, что им нравится. Можно представить нас как врагов народа. Ни как врагов народа, даже хуже, как изменников даже. Вообще у нас немцев не было. Вообще на нашей территории, ингушской территории немцев не было и войны не было. Вот этот один самолет только был на нашей территории. Мы приехали. Через каждые 4 дня, или через

2 дня иногда через 5 дней останавливались, баланду давали, кашу давали. Приехали ночью, начали нас разгружать. Начали, как разгружать, 15-20 семей выгружают на каждой станции. На станции Колутон выгрузили, быки были, раздетые. Мороз. Буран идет. Молодой один бык был, вот так бегал, аж в снег залез. Надо было вытаскивать. В общем, все были раздетые. Это вообще ужасные вещи, такая жестокость. Приехали, здесь местным жителям вели такую пропаганду, что изменники.

Что привезут изменников?

Вам возят изменников, такие-то преступники, такие-то, т.е. сделайте, что хотите с ними. Это была такая политика, здесь вели, но благодаря местному народу, благодаря их мягкости, они ощутили совсем другое. Мы живы остались, благодаря им. Они приняли, они тоже не очень-то богато жили. Они, даже хуже, можно сказать, чем, когда мы там жили намного лучше, чем они здесь. И то они приняли, поделились куском хлеба. Две зимы, кажется, мы там были в Колутоне. Летом то на сенокос, то на посевной, то на уборку. А что уборка и сенокос давало тогда? Кушать баланду и все.

А вас разместили в дома местных жителей? Где вы жили?

Ничего подобного. Они домой даже, где они живут, в одну сторону сами отошли.

Т.е. вы жили вместе?

Да, да. Это первую зиму они принимали, в свой дом приняли нас. Всех приняли в свой дом, как за семью, а потом летом уже создали условия. Кто яму копал, чтобы теплее было, а кто недостроенный дом был, стены стояли, но мы с этих стен сделали укрытия. Председатель колхоза был русский, без носа он с армии приехал. Нам немного повезло. Отец ему дал составские сапоги, военные брюки, костюм дал. Мы очутились, 7-8 км, я не знаю, там подкорм база была. Зимний откорм базы, переселились все, мать. Старшая жена осталась в поселке. Наша мать и четверо детей, я, отец ночью караулили эту скотобазу, а днем работали, кормили, поили. Две зимы кое-как перезимовали, побыли там, потом переехали. Из коровы сделали быка, запрягли в бричку. Бричка самодельная, колеса нашли металлического плуга. Кузнецом работал дядя. Он-то и сделал бричку. Ночью едем, днем спим. А ведь привезли нас, с поселка нельзя же выезжать нам. С поселка выйдешь, 25 лет без суда и следствия. Даже были такие случаи, комендант выгнал из поселка и сказал, что он убежал, а я его поймал. 25 лет он просидел, но он отсидел, конечно, не 25 лет, 7 лет отсидел.

Как Сталин умер, выпустили его?

Да, да, но это уже после смерти Сталина. Это был Сталин.

Вам было 10 лет, говорите, а в школу пошли, когда приехали? Школа была в этом поселке?

Школа давала, конечно. Я здесь учился в 6 школе, 2 года. Я даже русского языка не знал, ничего не знал. Первый год побаловался там, походил, но я как теленок был большой, дети маленькие. Я же не ходил в школу.

Нормально относились дети в школе к Вам?

Первый год ненормально относились. Первый год трение было сильное. Второй год уже нормально. Я семь классов окончил, ни разу даже, ни один раз учитель упрекнул, что мать и отец привели. Я все это видел. Потом перешел в 3 класс. С 3-го класса я уже работать начал. Уже нельзя было учиться.

Сами учителя как к Вам относились? Директор? Им же, наверняка, говорили, что Вы с ними должны быть строги.

Учителя хорошо относились. Не обижали нас. Там у нас татарин был директором школы. «Это люди обиженные», – он говорил учителям. Почему я это знаю, у меня брат был шалун, и трений с братом нам хватало, много было. Он постоянно плакал. У нас учителя были русские, хотя они не виноваты, у нас же солдаты были оба русские. Один за то, чтобы были продукты, чтобы мы жили, другой отобрал все. Люди есть, пальцы тоже разные. Всех обвинять нельзя, но политика сталинская была жестокая, очень коварная. Хотя казахи понесли больше нас.

За вами следили, чтобы из поселка никто не выходил?

Мы были под комендатурой.

Т.е. вы должны были приходиться отмечаться?

Обязательно отмечаться.

Там раз в неделю или как?

Каждую неделю отмечаться ходили, был десятидворник. Вот десять семей, они рядом живут, и был один старший, он отвечал за все.

А если что случится?

Кто отлучится, а кто придет, он должен был докладывать. Если что-то не доклад, узнал, то на себя все брал. Все на него списывали и садили.

За это 5 лет тогда давали?

С поселка выйдешь - 25 лет. А если он не отдаст, я не знаю, что ему было, но он с радостью бегом бежал и докладывал все.

Из своих был этот десятидворник?

Конечно, свои же. Только свой предаст тебя. С местными легче, с казахами намного легче было договариваться. Намного легче было, потому что на казаха опасность не грозит. Казах живет у себя дома.

Платили ли тому человеку, который надзирал?

Да, да, это был очень жестокий порядок.

Какие-то деньги или что?

Нет, ему не платили. Тогда работали кровью и потом. Тогда не платили, а даже отбирали. Никто никому ничего не платил тогда.

Как вы работали, т.е. вас взяли в колхоз?

В колхоз.

Вас наняли за трудодни?

Писали трудодни. Когда после нового года пойдешь, после уборки урожая, с пустыми мешками приходили домой. Т.е. почти лишали трудодней. Чуть что, там не вышел на работу, то лишали трудодни. Ты же пытаешься, то берешь 5 кг. Кто его знает, он отметил, написал там. Кто его знает, сколько он написал? Это если добросовестный, честный человек. Я хочу сказать, если мы попали к жестоким людям, то чечен и ингушей не было бы на земле. Они бы исчезли сразу. Это благодаря мягкости казахов.

Вам разрешали держать скотину, заводить хозяйство?

Разрешали, но нам по одной корове вроде давали, телку там. Во время переселения не было, а вот здесь давали, по прибытию здесь, да. Мы получили шесть баранов, одну корову. У отца было две жены. Вроде записали как две семьи. Одну телку дали, шесть баранов.

Получается, там оставили скот, все хозяйство?

Да. Не многим давали, это кому давали, а кому нет. Кто как сумел взять, но мы взяли. Потом эти шесть баранов отдали и купили корову.

Что говорили? Вас привезли, вы никакие бумаги не читали?

Нет.

Почему это произошло? Ничего не объясняли?

Ничего, абсолютно ничего.

Т.е. до 1953 года ничего не знали? Вот человека арестуют и читают ему, что ты арестован за что-то.

Ничего, никаких объяснений, никаких жалоб, т.е. некому было жаловаться и некому было объяснить.

Письма вы могли писать своим родным? Т.е. общаться вне деревни с кем-то? Или позвонить по телефону? Была, наверное, родня вне того места, где вы жили?

Кому письмо напишешь?

Знакомые, родственники?

Потом уже начали, уже пришли сюда люди. Люди думали, что обратно увезут, даже. Думали, что временно привезли, война закончится, и обратно увезут, но это не случилось. Начали ходить, начали разрешение давать коменданты. Комендант дает разрешение, если настроение хорошее, там, в Кокшетау съездить. Потом все начали соединяться.

Бумаги, паспорта давали? Были у вас официальные бумаги? Прописки, ничего не было?

Разрешение давали. Просто комендатура разрешение дает и все.

Просто есть паспорт у человека, у вас были паспорта?

У нас не было паспортов. Выдавали только разрешение.

Если, скажем, вы выросли там или человек вырос, захочет поехать учиться, например, пускали кого-нибудь из этого города?

Нас хотели куда-то отправлять. Меня написали 1937 года. Десятидворник был мой дядя. Он сказал, что я с 1937. Если бы узнал, что с 1934, то меня бы давно не было уже, потому что он отправил бы меня к взрослым. Я взрослый был, но сказали, что с 1937 года, а фактически, я 1934 года. Я сейчас иду как 37 года. Это было такая жестокость, Бог его знает, но, допустим, враг народа, изменник народа. Это все может быть, но причем тут дети, женщины.

Вы сказали, мужчины на войну ушли. Они вернулись с войны, они приехали к вам?

Их в лагерь отправили. Те, которые были в армии, в основном, когда нас выслали, кое-кого отзывали.

С фронта?

Да. Тут был Тангиев. Он отслужил, воевал, в Ленинграде был в последнее время. Он говорит, когда командир дивизии майор был, сказал, что он враг народа. Этого ингуша объявили как Героя Советского Союза, уже он был представлен. Подходит к нему, как дал ему пощечину майору. Майор аж на ногах не удержался. Это я говорю его слова. Он был капитаном, в Ленинграде демобилизовался и после высылки отказался уйти с армии, до конца войны в армии был. Он еще служился в финской войне. Встал этот майор, глаза платочком протер: как мне вас жалко. Ничего не сказал, ничего не ответил. Были люди, сочувствовали, но там был Сталин. Не кто-нибудь, а Сталин там был. Сталин что захотел, он то и делал.

Его сослали в лагерь?

Он не ушел. Я его слова говорю. Он с армии не ушел. Они остались все. Ни один не ушел, но может, те, кто не дошли в армию их вернули. Те, кто служили, ни один не ушел. Все воевали за родину.

Т.е. их родные были сосланы, а они не знают?

Они не знают, но часть знали, все равно воевали.

Когда война закончилась, куда они вернулись? Или их в лагерь выслали?

Они сюда приехали. Их привезли. Даже вот, те, кто по ошибке уехал в Грузию, их тоже привезли сюда. В Грузии, которые люди остались. У нас есть один район в Абхазии. В Казахстане легче жить, чем в Грузии. Они издевались над людьми грузины.

Как Вы узнали, что умер Сталин? Вы помните этот день?

Сталин же делал все. Ребенку скажи, все равно понятно кто это мог делать. Это тиран был. Такого еще не было и никогда не будет, наверное. Я не помню точно, как мы узнали о смерти Сталина. По радио сообщили, конечно.

Какова реакция была? Как вы восприняли, как родные восприняли?

Все-таки люди плакали. Жалели его. Народ что? Народ – это стадо овец. Сегодня погнал один пастух. Эту же отару берет другой пастух, он же догоняет его, дальше продолжает работать. Мы же так живем.

Было ли изменение в жизни? Т.е. лучше ли вы стали жить?

После Сталина нас восстановили, освободили. После Сталина сразу освободили по Казахстану, потом вообще сняли и начали вывозить на Кавказ людей, но опять пережитки Сталина были на Кавказе. Вот наш район по сегодняшний день наш колхоз, где мы жили, я приехал в 1959 году. Вот поехали отсюда с нашего поселка жители. Я в 1959 году поехал, прихожу к ним, мне хочется посмотреть на свое детство. В Аккиик не запускают, как там появишься, сразу режут, убивают. Я никому ни слова, утром встаю. Такая шапка у меня, форма национальная, сапоги хромовые. Не доезжая до поселка, одна женщина подходит: молодой человек, ты что сидишь в автобусе? Я говорю: я в Аккиик еду. Она в слезах просила меня слезть, почему оттуда живой не придешь. Я говорю: ладно, до свидания. Я поеду.

И поехали?

Поехал я. Приехал в свои детские годы, где я бегал босиком. Слез около мечети, колокола как начали бить, оказалось это церковь. Осетины церковь сделали с этой мечети. Я посмотрел, и мне было очень обидно. Я пешком домой иду. Пришел, на все улицы смотрю. Я наткнулся на одного ингуша, т.е. отец ингуш, мать осетинка была. Их не выслали. Я его не знаю, я иду по поселку, не доходя до нашего дома, дом героя. В огороде пашет он, но там, конечно, живут осетины. Он говорит: Ты Хакяжа сын. Я говорю: откуда ты знаешь? Он говорит: ты же вылитый отец. Я знаю тебя. В детстве вы вместе ходили. Я его не знаю, он меня узнал. Плачет он. Он кое-что рассказывал. Там один бандит был, когда этот бандит живой был, ни один осетинец из дома не выходил. Он умер. Они все остались свободны. То же самое и во второй день. Рядом с ним жил турок один, не уехал, с турком вырос. Он тоже так же говорил.

Отсюда, когда 1953 год прошел, уехали люди отсюда? Или большая часть здесь осталась?

Многие уехали. Все-таки вернулись.

Куда уезжали?

На родину. На свои места.

Забрали ваш дом, или построили новые дома? Можно было вернуться в свой дом?

Дома были пустые, если заняты были, то приходилось отвоевывать. Доказывать, что это твое.

Как власти реагировали на это? Они помогали? Это же уже Хрущев был? Помогали вселиться в свой дом?

Абсолютно не помогал. Хрущев, может, дал указание, но местная власть вообще против была. Чеченцы около миллиона, чеченские земли, худо-бедно, они забрали. Они пришли навалом. Навалом, когда идут люди, это уже. Ингушей мало. Вот наш поселок, по сегодняшний день в нашем поселке ни один человек не живет.

Отсюда никто не вернулся?

Как выгнали оттуда.

Там живут осетины?

Да. С поселка выслали их, там сразу заселили осетинцев. Все осетинцы остались. Приехали, возвратились назад на родину, но там жили.

Власти ничего не предприняли?

Власть же на той стороне. Она и сейчас стоит на той стороне. Сейчас в наш поселок никого не запускают. Вот мы идем, а там надо что-то купить. А там купить землю, надо отдать этот дом. Вот этот дом отдать, чтобы нам купить участок, потому что ничего нет.

Сейчас есть какой-то день памяти? Есть ли день памяти в Казахстане депортированных?

22 февраля.

22 февраля вы отмечаете этот день?

Да, 22 выслали. В этот день мужчин выслали, для цели безопасности. Женщин с детьми что делать.

Отмечаете ли вы этот день? Собираетесь?

Да, собираемся, жертвоприношение приносим, обряды выполняем. В Грозном восстание было. Когда нас освободили, там выступали все русские. Демонстрация была в Грозном. Почему освободили ингушей?

Это тогда было?

Да, когда Сталин умер, говорили так. Все жители национальности чечены, ингуши в Грозном из дома выйти было нельзя.

Здесь у вас есть школа, которая учит на ингушском языке?

Сейчас организовали ингушский язык, чеченский организуют. Ингушский уже в пределах города.

Т.е. вы учили ингушский язык в семье?

Только бытовой, так писать грамотно не умеем.

Был ли запрет на это? Можете учиться на ингушском языке?

Запрета как такового не было, но образования не было. Я учился в русской школе, техникум на русском, институт на русском языке. Не было. Это уже сейчас. Почему как запрета не было? Мы на равных правах с казахами жили здесь, когда Сталин умер. Казахи не знали казахского языка даже. В Акмолинске казахи не знали казахского языка. На русском языке казахи разговаривали.

Если бы вы захотели открыть школу на ингушском языке? Этого нельзя было делать?

Я вам сейчас не могу, но такого не было. Здесь коренное население казахи. Редко сами казахи знают.

Спасибо большое, извините, если мы спрашивали что-то такое.

Почему остались здесь? Почему не уехали?

Потому что было очень строго по вместимости там. Категорически выезд запрещали. Мы тогда пешком пошли, но запретили. Нам сказали, до 2006 года вас вывезут организовано, запланировано. Столько-то семей в этот год, столько-то семей на тот год. Вопреки этому я достал разрешение, исключение сделали мне как трудовику, отправил контейнер с вещами, мать и брата отправил. Я остался погрузить стройматериалы, которые я купил в 1960 году, здесь около горизонта у меня был участок. Я договорился вот этот стройматериал погрузить в вагон. Пока я с вагоном бегал туда-сюда, в течение этого времени вышел указ в Казахстане: запретить вывозку стройматериалов из Казахстана. Тогда мне уже на Кавказе делать нечего, потому что я все купил, лес купил. Я же не продам его никому, здесь он не нужен, потому что тут все есть. Я выстроил дом, эти вещи там растаскали, пока я дом построил. Жена здесь была со мной и с тех пор мы здесь остались.

Сначала как развалился СССР, было желание уехать, но не получилось?

Пешком бы уехали. Я по этой части скажу так. Я понимаю, период был. Уже дети, поколение растет, одни пошли учиться. Только этот заканчивает, тут уже второй поступает. Детей как-то надо обучить. Все было как-то взаимосвязано, цепная реакция была. Уехать туда с голыми руками, опять переселяться, то вы представляете, что это такое. Уехал, надо постоянно кормить, строить за тебя никто не будет. В 1992 году я помню, вышел указ в октябре запрет о вывозе стройматериалов.

И он до сих пор действует?

Ну... Сегодня уже можно. Это уже частное, коммерческое. Я сам его купил. Ну, опять где-то что-то держит. Где-то сын устроился, работает. Его бросить, уехать. Уже корнями тут. Есть смешанные браки. У нас нет запрета жениться на казашке.

Вы сказали, что депортировали в Колутон в первое время? Местное население это казахи были?

Казахи были, почти все казахи были. Русские в городе были в Акмолинске, в основном. Поляки, немцы были.

Немцы были?

Поляки, немцы. Моих родителей переселили в Атбасарский район. Там в основном, немцы были.

Это те, которых депортировали, или те, кто там уже жил?

До нас их вперед привезли.

Вы общались как-то немцы, поляки?

Вообще, сегодня даже с немцами находим общий язык. Они к нам ближе, потому что народ пострадавший.

А поляки?

Поляки приехали и быстро уехали. Им условия создали. Немцы начали с развала Советского Союза.

Мы проезжали, тут немецкое кладбище. А есть ингушское кладбище?

У нас одна территория, часть, скажем, христианская, здесь мусульманская. У нас нет такого. Есть участок чечено-ингушский. Мусульмане могут хоронить на любом, у казахов, татары, чечены, ингуши. Разницы, главное мусульманин.

В мечеть вместе ходите?

Мусульмане независимо от национальности, вы можете вместе ходить. Любой человек, принявший ислам, его тоже хоронят, как и мусульманина. Он такой же мусульманин, как и ты, даже с большим преимуществом, потому что оставили какие-то долги перед Всевышним, не помолились, что-то не сделали, нам за это все придется отвечать, так будем говорить, на том свете. Тот иноверец на него ложится обязанность с того момента, как он принял ислам. Он принял в 50 лет ислам, с этого момента все с него списывается, все, что он делал. С нас нет.

Местное население казахи в Колутоне они в юртах жили? Или были какие-то дома?

Землянки были.

Вы тоже вместе с ними жили в землянках?

Мы вместе жили же. Люди сами забирали. Не то, что... Этот к тебе, тот к тебе. Вот семья деваться им некуда, они сами забирали.

Они прямо приходили к вам и говорили: пойдете к нам?

Да, да, да. Приехал человек, ничего нет у него, никого не знает. Даже с вагона выгружали, каждый на себя брал людей. С вагона сразу же. Торговаться же не будешь.

Я говорю, что они сами пришли к вагону эти люди, которые жили там?

Возможно, есть такая. Возможно, кому-то предлагали по обстановке, но когда выгружали, вот это мне хватит, вот мне хватит, вот это мне хватит... И сразу в дом людей выгружали, нас заводили. Я не знаю, кого и куда, но нас сразу домой. Мне рассказывали, что и в конюшни их расселяли. Тогда много людей выгружали там. В конюшни, в базы загоняли людей, чтобы на улице не оставить.

На каком языке вы с ними разговаривали? Они на русском все говорили казахи эти?

Одним словом, в тяжелое время люди друг друга понимают хорошо. Ты там сидишь, тебе весело, но когда серьезный момент будет, люди сразу понимают. Это два больших понятия. Если ощутишь на себе, тогда поймешь, конечно, хорошо. Дай Бог, чтобы мы этого не ощутили. Дай Бог, чтобы вы не увидели то, что я не видел и в том числе он. Он родился здесь. Его счастье, что он здесь родился. Он ничего не видел. Он только может говорить от матери и от отца. Я могу от себя сказать. Дай Бог, чтобы вы не увидели, один день того, что я видел, чтобы вы в жизни не увидели.

Спасибо Вам большое.

.....
Тимурзиев Ахмет Исмаилович, ингуш, 60 лет. Родители были депортированы из Ингушетии, село Бозоркино в 1944 году. Проживает в Белоруссии, город Орша.

Ахмет Исмаилович, расскажите, пожалуйста, как затронула депортация Вас и Вашу семью, Ваших родителей или кого-то еще? Когда это было? Воевал ли кто-то из Ваших родственников на фронте? Что с ними было после окончания войны?

Как затронула... В 1944 году 23 февраля жителей нашего села Бозоркина, всех собрали в клубы и сказали, что будет какое-то торжественное собрание по случаю такого торжественного дня. Все мужчины, по-моему, от 14 или 16 лет должны были собраться обязательно в клубе. Всех мужчин собрали, что-то им рассказывали, по случаю праздника успехи говорили и прочее, продержали до часов 5. В 5 часов им сказали: ваши женщины сидят в вагонах и составы под Моздотом. Можете их догонять, т.е. пока все мужчины были на этих собраниях, они пришли домой всем женщинам сказали: 3 часа на сборы, собирайте все что можете. Ну как сможете, там было ограничение. Вот, мать моя рассказывает, что два мешка муки она взяла и там детские, у нас только один ребенок был. В 1943 году родился у них мальчик, где-то годик был или не был ребенку. Один ребенок был, это моим повезло. Молодые, и ребенок был один.

Это старше Вас?

Да, старше.

Вы жили в какой местности, расскажите? Куда вывезли?

Мы жили в Ингушетии, в селе Бозоркино. Сейчас это территория, когда нас депортировали, тогда это территория потом отписали Северной Осетии. На сегодняшний день нам эти земли не вернули, т.е. мой отец так и умер, свой дом назад не получил. По сегодняшний день в доме моего отца живут осетины, его еще не вернули, хотя реабилитация была, восстановление было и все. Т.е. вот эта молодая семья, только женились и у них первый ребенок, там отец помогал. У матери отец более зажиточный человек. Он там им помогал, корову им дал. Выделили им, значит, участок. Тем кто женился выделяли участок. Вот, они построили дом, только они успели его построить, еще даже не полностью закончили. И вот, их в эти вагоны, и повезли. Отец у меня был нефтяник, он закончил наш этот самый, ну в Грозном был по добыче нефти, инженер – нефтяник он был. Когда выслали, я родился в селе Алексеевке Темиртауский район Акмолинской области. Там, конечно, ни работы, ничего ему не давали и дать не могли, никаких ничего такого не было.

Расскажите, еще про родственников.

На фронте, кого я знаю. Я не знаю, потому что до выселения, перед тем как выселить очень много чеченцев и ингушей оттуда убрали сами под разными предлогами. Т.е. твою родню высылают, чтобы ты не был на фронте, под всякими предлогами их стали оттуда

освобождать, поэтому кто там у нас был я не знаю. Я знаю, что у моего отца два брата погибло. Но к своему стыду, даже не знаю.

Расскажите, что было накануне депортации? Были ли слухи, догадки об этом? Приезжал ли кто-то заранее?

Когда кто-то начал возвращаться с фронтов что-то начали появляться наши. Были такие случаи, что, якобы, хотят депортировать, но мать говорит никто в это не верил. Они говорили, что там же было большое скопление войск на Северном Кавказе. Немец рвался захватить нефтяные базы, поставляли топливо в Баку и в Грозное. Там было очень много и наших и вражеских войск. Выселение было после того, когда уже немцев оттеснили и когда наши начали появляться, говорили что наши победили, поэтому дескать наших отправляют и никто в эти слухи не верил. Люди не могли допустить, нашей народности до 1939 года вообще не брали в армию, это народы особо пострадавшие от войны Сталина. Вот тут уже, наверное, предчувствовали, что какая-то война и что-то начали уже набирать. Когда начали раскапывать, наш писатель Ашаев, раскапывать историю Бреста, 280 наших человек, оказывается, защищали Брест. Т.е. это были наши первые призывы. Т.е. в 1939 начали призывать и уже наших первой партией кинули туда, они вот там и оказались.

Расскажите, сколько времени им все-таки дали на переселение?

3 часа.

2 мешка разрешили взять только, а что еще?

Ну там было ограничение какое-то, я не знаю, мать говорила: 2 мешка муки и то она взяла, у нее муки не было. Соседка принесла, у нее там 10 мешков было муки. Они мололи свое зерно. Намололи. Когда она сказала, что у меня муки нету, мы не успели помолоть и тогда эти солдаты помогали, грузили. Они сказали: ну, возьмите у соседки. Они видно, раньше ее грузили. У нее там осталось 8 мешков. А мать говорит, когда я ей говорила: дай мне 2 мешка. Она говорит: а зачем, мы сейчас вернемся. Даже когда они стояли уже в Моздоте, уже загруженные люди говорили: ну, вот сейчас что-то выяснится и назад. Ну, не может быть такого, чтобы такое количество людей ни за что, ни про что.

Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей?

Вы знаете, там были места, где в горных селениях в Чечне, там забыли выселить и они их уничтожали полностью. Такие есть, они описаны, но мы, вот наше село более равнинные, не горное село. Это, как раз, пригород Владикавказа сегодня. Вот наше селение и следующий уже начинается город Владикавказ, но в то время Орджоникидзе. У нас в селе такого нет. Вообще, в горных районах многие не успели погрузить, там особенно Чеченский горный район там истребляли. Надо было доложить все до одного всех выселили.

В вашем селе предъявляли какие-то документы, зачитывали ли бумаги? Когда им объявляли это.

Говорю же, это они рассказывали. Целый день им говорили про советскую армию, про наши успехи. Это было сделано для того, чтобы они не могли оказать сопротивление: первое – они сразу разделили мужчин и женщин. В это время женщин погрузили и отправили, а потом уже сказали: все ваши женщины в пути, догоняйте их. Были случаи, когда потом долго искали, потому что вывезли в Казахстан и на станции останавливают и говорят. 5 семей отсчитали как баранов и закидывали, в колхозы принимают. В деревенский клуб 5 семей. Они думали, приедут там 5 мужиков, 5 баб, а там приезжают мужик, баба и 8 детей. Мать рассказывает: где их выселили, Вишневка что ли, там в барак их загнали, из этого барака единственный живой ребенок вышел это наш. Все дети, которые в этот барак были заведены, болели. Сразу карантин, закрывают. Все дети вымерли, единственная мать оттуда вышла. Они недавно женились, у нее еще свадебные подарки. Она говорила, что у нее был серебряный пояс невесты. Вот она дала взятку, значит, ушла с этого барака.

Все-таки, получается, объясняли причины депортации или никак не объясняли?

Я не знаю, как это можно было объяснить, потому что после этого рассказывают, что вы вот не хотели на войну, потом кто-то выдумывал. Потом я слышал, что какого-то белого коня немцу подарили, принимали мы в горах где-то немцев. Но это такие байки знаете. В Белоруссии, я знаете, сюда, когда приехал, одни говорят: нам в школе говорили, что чеченцы и ингуши настолько друг друга ненавидели и между собой дрались, что их пришлось выслать. Я говорю: да не может быть. Меня учили в школе так. Я говорю: а ты бы задал учителю вопрос: что они такие, вот такие плохие. Между собой дрались, надо было их выслать. Надо было их оставить, или хотя бы выслать в разные стороны.

В каком состоянии оставалось поселение, с которого проводилась депортация? Оставался ли там кто-то?

Нет, нет, 100% всех выселили.

Все поселение?

Всех подчистую. Мать говорила: бедный мой теленок. Где-то там у нее было ограждение. Если его не нашли, то он с голоду умер. Все, скот, ну что можно, если тебе дали 3 часа, мужиков твоих нет, 2 мешка муки. Допустим, на одну подлогу 2-3 семьи выгружали. Можно допустить еще 2-3 мешка. Ну, теплые вещи, сказали, возьмите, ну и чтобы с голоду не умереть. Все, что было нажито, все осталось там.

Переселяли семьями? Целиком семью?

Нет, мужиков задержали в клубе, а семьи все погружали в эти товарные вагоны.

А мужчин все равно с семьей переселили?

Нет. Они вывезли из республики, ну 60-80 км они выстроили эти вагоны, эшелоны выставили семьями, а вот потом им дали возможность сутки или двое, они там встречали, короче. Находили своих, а дальше поехали.

Знали ли они, куда их везут?

Никто ничего не знал. Я же говорю, ехали и даже пока туда приехали, все равно говорили, сейчас выяснится, повернут назад. Все эти недоразумения закончатся и в такой надежде люди ехали пока раздарят по всему Казахстану. Они решили так, размажем их по всей Сибири и вымрут, или растворятся, или вымрут. Никто не собирался и не думал, что собралась и вернулись на родину, ничего такого не было.

Сколько человек ехало в одном вагоне? Какие были условия в поезде?

В общем, какие были товарные вагоны, ни плацкартные, ни купе, ничего там не было. Обычные товарные вагоны. Они тряпочку повесят и отделяются тряпочкой.

Кормили ли? Давали ли теплую одежду?

Я не знаю. Кто им там даст. Ничего не давали. Помирали по дороге, умирали. Выносили на станции, ложили и ехали дальше.

Много?

Не знаю.

Бежали ли люди с поездов? Было такое, чтобы люди бежали по пути?

Я не знаю.

Вы не знаете таких подробностей? Останавливались ли где-то по пути?

Наши не любили эти темы.

Расскажите про тот населенный пункт, куда они уже прибыли? Знали ли они, что их в Казахстан привезли?

Они, может, направление знали, но я не знаю. Вообще, они ведут, ведут, потом раз в какую-то группу усадят. Какой колхоз сколько может принять. Они говорят: мы можем 10 семей принять. Отсчитывали 10 семей. Приезжали колхозники на своих подвозах, погружали и везли их, что у них там было, клубы эти. Они в этот клуб загонят.

Какие там были природно-климатические условия? Отличались ли они от ваших условий?

Холод. Конечно же. Почему, очень многие не были подготовлены. У нас не было таких вещей, которые там носить надо было. У нас климатические условия совершенно другие, понимаете. Даже если мы взяли все, что у нас есть, но они не пригодны для жизни там.

Их туда привезли, какие были условия проживания на первое время? Бытовые условия, где они там жили в начале самом?

Я же вам рассказывал, это клуб.

А потом?

Нары делали и поселяли.

Возмещали ли им что-нибудь за оставленное дома, за скот, за жилье?

Я этого не знаю. Я не слышал, чтобы когда-то что-то. Может быть, первое время, эти колхозы как-то их кормили или что-то такое было. Знаю, что из тех детей, которые в то время мы вывезли, 80-90% вымерло. Там все равно, примерное, мы вернулись в том количестве, в котором нас вывезли, потому что у нас в среднем по 8 детей в семье. Буквально, сколько они нас там мариновали до 1957 года, за 13 лет примерно численность восстановилась. Потом в 1957 году нам разрешили якобы реабилитировать, но нас реабилитировали, и значит, первые – интеллигенция, кого-то назад привезли в Грозный. Значит, местное казачество, они здесь что сделали? Они нас выселили, а в наши дома заселили других. Казачество там, осетины отсюда, оттуда другие. Пустыми чтобы не оставались, они решили заполнить. Очень много было белорусов, но не очень много. Почему я говорю? В моем детстве, которые были не нашей нации, в Грозном я встречался, что-то большинство было белорусов. Начинаем выяснять, оказывается, или она, там, на фронте забеременела или еще что-то. В общем, кто-то в чем-то провинился, они вот в эти пустые дома, в наши дома заселяли, чтобы места не были пустыми. Когда приехали в 1957 году, первая партия приехала, местное казачество бунтовалось, куда вы едете, никто не хотел отдавать дома, значит, сделали такую революцию большую? Военские части хотели, хотели отделиться и сделать отдельное казачье государство, но военный комендант он пошел с ними на эту авантюру. Ему предложили: давайте у нас министром обороны будешь, давай это самое делать. Он говорит: ну, давай. Пошел туда и стал у них министром обороны и во время совещания все стали со стола бесшумно, обошлось все без драки. Мы потеряли опять 1957 – 1959 годы, 2 года.

Возвращение опять, какое было?

Я рассказываю вещи, которые я помню. Значит, в Темиртау мы жили, потом перебрались... Я в первый класс пошел, мы уже в Алмате жили, в столице Казахстана. Лет через 5-6, нет. Это выслали, это я уже родился. Значит, 1943. Лет через 7-8 нам уже разрешили перемещаться по территории Казахстана, так же мы были привязаны, комендантские часы, мы отмечались, никуда нельзя было выехать. Как химия. Потом когда разрешили, почему-то наши переехали в Грозный. Я уже в первый класс пошел в Алматы, но еще я в школу не ходил. Я помню, сказали: массовый выезд на родину. Опять начали готовить эшелоны. Опять мы должны были возвращаться домой. Все быстро продают дома, все спешат, чтобы попасть в эшелон. Мы свой дом продали, еще до обмена до 1961 года было. Это было тогда 8 тысяч, по-моему, рублей. Ну, маленькая у нас хибарка, потому что все депортированные народы, никто там, на постоянно жить не думал, все молились Богу и все надеялись, что вот-вот нас отправят домой. Если у кого-то в руках видели газету, то сразу говорили «Ну, что нас отправляют домой?» Все жили такими надеждами. Помню, когда начали формировать эти эшелоны, мы все попродавали за копейки дома, чтобы успеть в этот вагон. Там дом, все есть. Короче говоря, потом месяца 2-3 мы пожили на вокзале в палатках, а потом нам сказали: все, вы никуда не едете, устраивайтесь заново. Мы пошли в свой дом назад покупать, нам сказали: 40 тысяч.

Продали за сколько?

За 8, в 5 раз дороже. Откуда у нас? Мы уже эти 8 проели, понимаете. Этих 8 уже нету. Я помню, была такая трасса широкая. Они что-то возили с карьеров, проложили новую широкую трассу. За это трассой было такое болотистое место, туда коров гоняли, но кроме пастуха никто туда не ходил. Пастух в таких сапогах туда ходил. Больше люди туда боялись ходить и нам сказали: ну, вот здесь хотите строиться, возьмите землю, кому есть 16 или 18 лет, ну, от совершеннолетия. 4 сотки земли можно взять. Пошли мы туда. Хорошо вся родня возле друг друга, друг у друга. Первый слой - дерн снимаем, втаптываем, второй слой - чернозем идет, такой хороший чернозем, третий - уже, где вода играет. Т.е. третий штык - вода, гравий. Деваться некуда, мы стали, 4 сотки берем. Все вместе саманы делаем, камыши режем, доски поставили. Главное, если ты фундамент залил, далеко ходить не надо. Гравий вот, копаешь. Накопал, накопал себе, доски поставил, но они только слои снимали, родственники собрались. Если у тебя фундамент свой готов, за два дня, за субботу и воскресенье дом стоит, крыша стоит, замазали и таким образом мы стали строить дома. Потом обнаружили, оказывается, ограничений нет. Если ты дом продал, за тобой дом не числится, можешь новый участок взять. За эти, наверное, 3-4 года, я помню, на моей памяти три дома построили и продали. Работы нет, жить не на что. Вот здесь построил, продал. Раз ты этот продал, уже берешь участок. Были, у кого много взрослых и могли по несколько участков. Мы совершенно не могли, было все время вот так. Помню, какая-то родственница была, одна женщина, у нее никого нет. Она взяла, мы с ней в долю построили этот дом. В общем, выживали, как могли.

Расскажите, как местное население относилось? Была ли поддержка со стороны или, наоборот, они не помогали?

Я помню, праздник религиозный Пасха. На этот праздник ходишь, поздравляешь, детям все время сладости даешь, конфеты там. Любимый праздник был такой, где можно было сладости поесть. Иногда бывало что заблудишься, но не к своим попадешь, там казахи живут. Там казахи живут, много раз такое бывало. Баурсаки они назывались, такое тесто и на масле, но без начинки, такие вкусные. Они нас всегда в этот праздник угощали. Я думаю, что видно было по религиозному. Это праздник, они тоже мусульмане, может быть поэтому. Отношение, конечно, в детстве помню еще случай - в войну играли. Мы сначала все поселились вместе родня, а потом когда новые участки начались - мы немножко рассеялись. А дома кому продали? Дешево продавали, но не своим. Появилась опять какая-то там прослойка среди нас. Мы когда третий дом уже построили, и тут уже я помню, корейцы были, немножко русские, немцы были там. Я помню, такие же, как и мы, бедные ссыльные. Короче говоря, в войну играют. Там был кореец, их было 3 брата. Тогда была школьная форма, чем-то военную напоминала. Настоящие погоны сюда нацепят, автоматы деревянные, как им интересно я приду, все война кончилась. Все расходятся. Один раз так случилось, 2 раза, 3 раза, потом я что-то понял, что-то не то. Короче говоря, этому майору корейцу пришлось мне морду набить. Он пошел кричать, матери жаловаться. Я побежал домой. Побежал домой, в подвале спрятался. Его мать прибежала к моей матери и начала мою мать ругать, что твой сын такой такой-то. Я все слышу, сижу в подвале. Мать говорит: он тоже жаловался, что он хочет играть, а ему не дают. А я сижу и думаю, в первый раз меня защищает. Думаю, не такой я плохой, оказывается. Что-то я правильно сделал, наверное. Ну а дальше, она уходила, мать до порога провожала. Что они там говорили, я не знаю. Но я знаю, когда на следующий день или через день, когда я пришел, мне дали звание лейтенанта (*смеется*).

Какой национальности были люди, в основном, где вы жили?

Там уже были все. Я не помню, у меня одноклассница. Я вспоминаю Клей фамилия у нее. Вова Чикабиби - это грек. Клей, наверное, не казашка она была. Казахов среди нас не было, потому что мы такой сброд был, наверное. Немцы, я помню, еще такое дурное воспитание. Немец плохой. Мы не понимали сами, что мы сами дети врагов народа. Понимаете? Там один старик был. Он все время ругался. Такой был фашист проклятый. Он

один раз сено собрал, он его сушил, он его застоговал и примерно, у него такой стог был, наверное, метр или полтора в высоте. А мы маленькие были, спички принесли, этот стог спалили. Мы такие довольные, думаем, посмотрим, как он будет ругаться. Старик пришел, увидел это пепелище и плакал. Тогда я понял что-то не то.

Вы там родились, получается?

Нет, я родился в селе Алексеевка. Короче, я понял, что что-то я не то сделал.

Вы родились уже после, как они вернулись?

Кто вернулся?

Вы родились до депортации или после депортации?

Я там родился. Я родился в 1950 году. Я родился уже сыном врага народа.

Если еще продолжать вопрос про местное население, были браки с местным населением там?

У нас, как правило, ничего такого не было. Строго свои. Какие с нами браки? На нас смотрели все как на волков. Работы нету, ничего нету. Ворovali, понимаете. Кто не воровал, тот вымирал. Мой отец такой врожденный интеллигент был, никогда не воровал. Мать его всю жизнь ругала, что мужики все шли воровать, и она с ними ходила, а он не ходил. Т.е. пойдут в поле, там колосок украдут, картошку украдут или еще что-то. Анекдот помню казахский, там рассказывали: я то, был колхозник, приехали. «Вот Советская власть вам глаза открыла. Один казах сказал: не советская власть, нам чеченцы глаза открыли. Как чеченцы?»

На каком языке вы с местным населением общались?

Я в школу пошел, я ничего по-русски не знал. Совершенно не знал. Вот трагедия, особенно моего старшего брата. Он в школу пришел. По-русски что знаю, то говорю. Вызвали милицию, оказывается, он матом ругался (*смеется*). Я в школу в 7 или 8 лет пошел, ну что я ничего не знаю. Отправили меня. В общем-то, дома не знали языка. Телевизора-то не было, как сейчас. Языка не знаю, так мы в собственном соку варились, ничего не знали. Детство такое было, сейчас, как подумаю. Начинаешь о жизни думать, ты все время в детство уходишь. Что-то отсюда помню, что-то оттуда помню, ключьями, а целой картины нет.

Жизнь теперь на месте. Какой статус и какой режим отбывания депортации были определены? Вы сказали, что на химию была похожа.

Они говорят, столько километров, нельзя отлучаться было. Каждую неделю надо было в комендатуру приходиться отмечаться, что ты не сбежал, здесь находишься.

Какое было отношение местной администрации?

Я не знаю.

Где они работали? Как оплачивается?

Где они могли работать? Сторожем, где никто не идет. Тебя могли убить. Сторожу платили, знаете, тогда 30 рублей. Я имею в виду после 1961 года, 30 рублей сторож получал. Ну, разнорабочие на заводе работали. Я помню, мой дядя работал там, в литейно-механическом, все такие физические грубые работы, на ответственные должности никого нас не назначали. Мать нигде не работала. Всю жизнь шила что-то. Помню, тапочки кожаные, на базар носили. Деревянные гвозди ложили на подошву. И то 2-3 пары разрешали, а больше не разрешали. Меня и старшую сестру водили на базар, мы сумки стерегли. 3-4 пары у меня, 5-6 пар у нее. 1-2 пары продадут, потом подойдут. Как-то у сестры сумку украли, она на полтора года меня старше. Она отвернулась куда-то и у нее сумку унесли. С тех пор один я, всю жизнь на базар я ходил.

Из вашей семьи в школе учились все?

В школу вовремя приходили. Говорили: давайте своего ребенка в школу. Правильная Советская власть, хоть враг народа заставляют тебя учиться, хотят, чтобы ты был умным, образованным. Правда, когда я повзрослел, водили меня не из этих соображений, водили,

чтобы забить мою голову мусором, что Ленин – это великий деятель. Прочее и прочее, чем они засоряли нам мозги.

Можно ли было вам переписываться с родными?

Нет. Когда передвижение разрешили, мы стали все двигаться. Мы попали в Алматы. Отца старший брат, каким-то образом, оказался в Алмате. Они-то вроде переписывались, но переезжать нельзя было, а потом когда разрешили переезжать, передвижение разрешили. Тогда старший дядька там, и младшие все туда подтянулись. Вот таким образом потом наши...

Как питались, одевались?

Питались как, ... питались хорошо, потому что с тех пор как начал ходить, лазал по садам. Да, воровал, потому что если не воруюшь, ничего у тебя там не будет. У меня был старший брат, я помню, у меня велосипед был. Что было положено, то и было у меня, но я очень сомневаюсь, что это было куплено моими родителями. Догадываюсь, что все это было ворованным. Потому что купить, конечно, мне родители не могли. Я помню, в какой-то класс я пошел. Пальто, оказывается, женское было. Мне говорят: перестегни пуговицы, ты не на ту сторону перестегнул их. Я перестегиваю, а там нет (*смеется*). Две сестры старше меня были. Видно, чужое пальто одели на меня.

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи-осведомители? Кто был во главе сообщества? Как он руководил?

Там ничего не знаю. Я в деревне, переехал в город Алмата. Начиная с 5-6 лет, я жил в столице Казахстана. Прекраснейший город, отличный там был зоопарк. Я туда все лето ходил. Помню, обезьянок там. В общем, город был хороший, красивый. Деревенское управление не знаю.

Расскажите, как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция? Что думали, о чем говорили? Какие строили планы?

Наши женщины рассказывали, что плакала вся страна. Все плакали, действительно, народ любил Сталина. Наши, чтобы не выделяться, наклонялись и слюни намазывали на глаза. Всем надо было плакать. Какое он нам сделал добро, чтобы мы плакали.

Строили ли они какие-то планы?

С тех пор как выслали, мы жили надеждами, что мы вернемся, у нас люди верующие. Знаем, что бог все равно всех на место поставит. Вера, надежда, вот это спасало всех людей. Жили очень дружно, помогали друг другу, потому что у кого-то есть, у кого-то нет. Так по-братски жили, хорошо жили.

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то по-другому?

Ну, это же там, на сессии было. Все это было в каждой газете. Потом пошли слухи, а потом когда умер Сталин, начались репрессии. Потом, я помню, уже тогда старики говорили, что там интриги и чья возьмет. Если возьмет Берий, могут оставить. Если проиграют, значит, могут... Я не знаю, сыграл ли Никита Сергеевич эту карту просто или сколько можно над народом издеваться. Это было такое внезапное решение. На сессии, когда культ личности Сталина и тогда был этот вопрос о восстановлении республики.

Давали ли какие-то документы о реабилитации? На руки давали? Именно как это оформляли?

Я ничего такого не помню. Приехал старший дядька, второй. Они что сделали? Они республику по площади восстановили, но сдвинули по фазе калмыцкие степи, отдали сюда в Чечено-Ингушетию. Наши 40 населенных пунктов ингушских остались у Осетии. По сегодняшний день в доме моего отца живут осетины. Буквально, лет 15 назад старик всю жизнь мечтал вернуться на родину, потом услышали мы, что наш дом продается. Я уже живу здесь 32 года. Я быстренько поехал домой, мы с отцом приехали, а там еще через 2 дома его братья жили. Мы приехали туда, я говорю: вот отец, его дом отняли и продали. Он говорит: ты знаешь, если я продам, мне надо уезжать отсюда с республики, потому что

мне здесь жить не дадут. Во-первых, вас не пропишут никогда, во-вторых, мне не дадут жить. Строжайший запрет, чтобы ингушам не продавать. Мать говорит: ничего они там не пристроили, как был, так и стоит. Они знают, что в чужом доме живут и все равно его надо отдавать, но по сегодняшней день ничего не отдают.

Как быстро решили уехать? Когда была реабилитация? Сразу уехали или через некоторое время?

Я же вам рассказываю. Только мы поехали, здесь бунтовались. Потом на 2 года был запрет. Потом когда этот запрет сняли, мы начали выезжать. Вот тут очень много пострадали как мы, дешево продали дома, назад ничего купить не могли. Потом такого организованного выезда уже не было. Выезжали потихонечку.

Не было ли у депортированных своих каких-то организаций? Людей, чтобы кто-то помогал?

Мы же съезжались все вместе. Нас и там размазали. Такого, чтобы все мы жили в одном месте организовано.

Люди, которые занимались организацией депортации?

Руководство назначали там, кто будет, секретарь, какую-то часть организовано они вывели. Это был 1957 год, как раз когда было, когда подняли бунт на 2 года, потом уже начали сами, потихоньку сами нанимали. Вагон, который сегодня 200-300 долларов до Казахстана стоит. Такой вагон, чтобы снять 5-6 семей складывалось. Денег нет. Даже если были деньги, туда нечего ложить в этот вагон.

Я хотела уточнить сроки, с 1944 по 1957?

Да.

Вы скажите, глядя из современности, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с первыми годами?

Мое?

Да, с высоты этих лет.

Я не знаю. Я вообще к этим вещам отношусь как к ужасу, который обсуждению никакому не поддается, потому что в чем я виноват, мои дети в том виноваты. Я ничего не знаю. Так надо было убрать. Это государство. Вот этих людей оттуда убрать, надо было заселить туда других. Они это сделали. Как они объясняли. Там объясняли, что мы пособниками были, пособничали. Еще что-то такое. Отношение у меня, к чему мое отношение?

К этим событиям.

Какие были, такие и остались.

Ожидаете ли Вы что-то для себя от власти, от общественности, от окружающих людей?

Я считаю, что власти должны вернуть дом моего отца, хотя бы разрешить мне его купить. Я вторую попытку совершал. Буквально, несколько лет назад. Пытался. Опять человек уезжал, опять не дали купить, опять другие купили. Осетин осетину, пожалуйста, продают. Ингушу нельзя продать землю. Они хотят любыми путями не допустить возврата туда ингушей.

Это юридически или просто на таком?

Вы знаете, как через парламент российский. Как особо перенаселенные земли были, ограничили прописку в этих районах. Именно в этих районах, нас откуда выслали, а чтобы мы туда не вернулись. В общем, туда было прописаться сложнее, чем в Москву, чтобы не вернуть наши земли. Почему они это делают? У них есть власть, они все эти вещи проходят. Когда, вот, опять перестройка началась, опять подняли эти вопросы и сказали: все, все вернуть. Потом говорят: по живому резать не будем, не отдадим, они сами там делают. Потом ингушские события. Что они сделали? Они приехали пьяные, задавили одну девчонку, в общем, тех, которые там живут на той территории, кто приехал по каким-

то признакам там принимали. Когда приехали в самом начале кто-то что-то купил, когда приезжали. Мой старший дядя, когда приехал туда, он купил свой дом, он купил дорого, потому что он говорит, что в печке там была двойная стенка. Печку разломал, ничего нет. И он, значит, уехал оттуда. В то время еще можно было купить, а другие кто тогда купил, ну бесплатно никому не отдали, насколько я помню. Там купил и там некоторые не остались. Прошло какое-то время и получилось, что мы выкупили 20% домов, а население уже ингушей стало больше половины. Т.е. уже этой массой можно было на выборах, даже власть местную, поэтому им эта картина не понравилась, они сделали эту провокацию и всех ингушей вывели оттуда второй раз. Вы слышали про эти ингушские события уже в перестроечные времена, когда опять все, пролетели советские вертолеты, начали бомбить и всех выгнали оттуда. Все мои двоюродные братья, которые жили там, через дом все опять в Ингушетию живут, вторая волна беженцев.

Расскажите, как Вы считаете, благодаря чему Вашей семье, Вам удалось выжить в сложных условиях?

Всевышний. Ну, и взаимопомощь. Мы все время так чем могли, тем и помогали и верили в Бога. Я думаю, вот это два основных.

Что бы Вы хотели пожелать своим потомкам, нынешнему поколению, будущим поколениям? Вы пережили такие события, что бы Вы могли сказать для будущего поколения?

Я бы мог пожелать, в нормальной стране родиться. От нас мало, что зависит. Живем мы, на мой взгляд, в очень сложные времена, сложные, когда мир опять раскололся. Если раньше было какое-то противостояние, капитализм, социализм, какие-то шли войны, сегодня мы потихонечку сдали весь лагерь социализма. Теперь идет война экономическая и религиозная, потому что Китай, пожалуйста, Китай от нас отвернулся, пошел своим путем, мы над ними смеялись, песни про них пели. На сегодняшний день Китай разложил на лопатки все человечество. С другой стороны – Индия, с третьей стороны – исламский мир, полтора миллиарда бурно развивается, потихонечку мусульман набирали работяги. Сегодня в каждой европейской стране 10-15% мусульман и они размножаются, а остальные вымирают, поэтому надо что-то с этим делать. Я считаю, вот эти вот войны, теракты. Все это часть такой войны против религии, против ислама, а мы потихонечку все сдали капиталистам. Мы те же вещи говорим.

Хорошо, может быть, мы какие-то вещи обошли стороной, может быть, есть какие-то моменты, которые вы бы хотели еще что-то сказать, добавить к тому?

Я прочитал когда-то по-взрослому Олжаса Сулейменова, стихи не помню, четверостишие помню:

«Не родился в степи, и не звался казахом
Мне бы в горах высоко отары пасти,
Но меня то, тогда привезли в Жезказган,
Украина, прости, о, ингуш, наши земли прости»

Видно, там и украинцы были. Жезказган – это родина его. Я это прочитал, мне стало легко, легче на душе. Я всем им простил. Обида у меня была одна. Один раз я пошел по садам, один раз рвал цветы, красивые цветы, приехал дядька на коне казах, отнял. Думаю, «эх, ты скотина». Пошел второй раз, обошел там, немножко холмы. Второй раз, я уже далеко был, опять догнал и опять отнял. Ну, думаю, скотина. Я тоже такой упорный. Третий раз я залез туда опять нарвал, и он меня догнал и плеткой ударил. Мне было так больно. Думаю: скотина, ребенка. Как же так? Уже когда я уехал оттуда, приехал в Грозный, потом уже там по разговору, оказывается, это был опиумный мак. Это были плантации. Этот охранник один раз этого дурака выгнал. Второй раз выгнал, но видит, не понимает (смеется). Дал ему плеткой. Мне стало ясно. Он, наверное, подумал, что послали взрослые. Этот дурак не понимает. Два раза отняли, третий раз пришлось плеткой. Какие были обиды на них. Нормальный это был народ. Сейчас еще были такие моменты, вы сказали, про браки были или не были очень мало, но были случаи, когда, но наши не выходили, но

за наших выходили русские. Вот сейчас еще в перестроечные времена, сейчас уже, когда начали отсюда выезжать, выяснилось, что все эти русские были не русские, были немки, такие же, как мы бедолаги, которые там кочевали и сегодня, кто тогда женился на немке, поехали в Германию, получили гражданство. Нет худа без добра.

Скажите, у Вас какие-нибудь остались фотографии, документы. Что-то такое, фотографии какие-нибудь?

Все, что у меня было. Я же сказал, у меня родители пережили... Ни детских, ничего, потому что среди белого дня начали бомбить, там одни бабы, они все с дому сбежали. Сказали: сейчас бомбежка закончится, мы вернемся. Вернулись через полгода. Ничего нет. Все дома вычистили, все разбили, все стоит. В Грозном два дома стоят разбитых. По телевизору все хорошо, на самом деле ни одного кирпича нет, ничего не дали. Вторая депортация. Тут сбежали добровольно.

Хорошо. Спасибо большое.

Вот такая у нас судьба.

.....
Дзауров Иса Аббасович, ингуш, 80 лет. Был депортирован из Ингушетии, город Владикавказ. Проживает в Казахстане, город Караганда.

Скажите, пожалуйста, как затронула Вас и Вашу семью депортация?

Сколько Вам лет было, в какой год это было?

В 1944 году 23 февраля. Нас сперва собрали мужчины на школьном дворе, как будто собрание будет. Потом семью туда всех. А там кругом стояли, окружены были вооруженными, оттуда не уйдешь. В тот день отвезли во Владикавказ. И в вагоны товарные, туда нас всех. Все вместе, мужчины, женщины. На улице идти негде было. Еле-еле приспособились люди. Холодно тоже было, кто умирал, выбрасывали. Приехали сюда, тут есть Жалтыр, там нас высадили. Это было, наверное, 9 марта. А потом там уже сами все, готовые казахи нас стояли ждали. Потом нас туда взяли, это уже ночь была. А нас отвезли 70 км на санях, а там село, тогда Акмолинская область, Новочеркасский район, село Камышенка. Туда нас выслали. А там пустых домов не было. Сразу нас в школу, клуб определили. Сразу нас, у кого людей мало, у нас семья большая была, а там семья жила, трое человек, одна на ферме, сын и мать. Туда к ним, а нас было 10 человек. Сестра была старшая, она там умерла. Я старший остался. До мая, там. Но нам давали, кто хочет телку, овцу, это местные жители, казахи давали. Паек давали, пока мы не выйдем на работу. Материал давали для одежды. А потом я и отец пошли на полевой стан. От поселка 20 км. Потом, что там давали паек, не хватало, еще давали. Сколько лет до 1947 года, совсем мало давали на трудовни, по 3 кг зерна, у нас большой праздник был. Одевались очень плохо. Все залатано. Потом когда продали, дали нам по 3 кг зерна. Я немного приоделся. Потом я там работал. Сначала бороновали, а потом пахали. Чуть свет, у нас подъем, пока не закатится солнце, работали, и обедали. До заката солнца. До 1948 года, зимой-летом я находился на полевом стане. Зимой там молодняк, скот. Кормили их сеном, возили солому. Я и отец там находились. Домой придешь там переодеться, больше я не приходил, все время на полевом стане. Потом председатель говорит, ты какого года рождения, я говорю 1930 года. ... 22 ушли оттуда, в Целинограде, Акмолинск был. Там находились 3 дня, потом по вагонам, 28 я уже в Караганде. Там мы учились. Начали линии ложить на 45 разъезде. Я там работал бригадиром. Потом перешел на вагоны возили, помощник экскаватора был. Там перебросили в Экибастуз, технику, рабочих все туда. А потом я взял перевелся через комбинат, в 44 шахту, там я проработал. Потом 47 шахта есть, там работал. Не помню я, сколько лет я работал там. Потом на 38 шахте. А там низко было, на коленях сидишь. А уже потолок, не встанешь там. Там работал. Люди были хорошие. А первая шахта 104 там нам давали чуни, я там заболел грибок ноги. А этот грибок, сколько я переносил, ничего не

помогало. И сейчас тоже есть, наверное, внутри он, наверное, с весны и в этом году тоже. Целый год я по больницам. Они точный диагноз не установили. Колени болят, иногда падаю. Вот так. Потом в совхозе работал, разные работы.

Когда Вас переселяли, Вы знали, что Вас собираются депортировать?

Это секрет был сильный. Некоторые говорили, что выслают нас будут. Некоторые даже клялись, что не может этого быть. За что нас выселять? Остальные нации тоже, которые там оставались, их тоже привезли. А нас всех дети, кто там больной там оставляли, убивали. В сарай их всех и поджигали. В туалет не пускали, в вагоне дырки делали. Еду не давали, кто вставал, тех винтовкой били. Воды не было, снег был, уже в Казахстане, ведрами набирали, одно я подал, а там солдат как ударил оружием. Очень трудно было. Давали паек, правда. У всех вши завелись, поэтому нас, как привезли, под шланг. Никто не знал, некоторые болтали так. Но все говорили, этого не может быть. Неправда. Я помню, даже клялись, что это неправда. Но мы утром встали, вокруг огорода солдаты стоят, а отца забрали в школу.

Вы помните, когда вы уже приехали в Казахстан? Как казахи жили?

Конечно, помню. Где нас выслали, в поселке казахов не было. Там по точкам мы жили. Там казахов не было. Но от нас недалеко поселок был, вот туда мы ходили. Очень они помогали нам. Казахи к нам хорошо относились. Вот туда шли, они через реку нам давали. Через Ишим, так до 1947 года. Я никуда не уходил от нашего полевого стана 20 км. Зимой и летом. Никто так не работал как я и отец. Некоторые уходили зимой. А я все время там был. Семья ведь большая, пойдешь домой там, кушать нет. Трудно было. А потом ФЗУ выслали, сюда привезли, а потом казах пришел комендант, там которые жили, семья до 1953 года, потом я заявление написал и меня сюда забрал. Показывает фотографии.

Как Вы узнали, после смерти Сталина начался процесс реабилитации.

Очень строго было, когда Сталин был. Портрет Сталина висел, он, что на обед остался, кусок, задел портрет его. За это даже судили. А воровать нельзя было. Сразу судили. Сталин умер, потом я здесь в Караганде был в 1948 году. Я уже школьником был. Потом сразу нас на линии возил. 4 разъезд работал, а 45 разъезд мы открывали. Я там работал. Как Сталин умер, лучше стало. Не так строго было. Комендатура была, отмечали каждый месяц. Правда, когда меня привезли, я месяца 3 находился, меня не отмечали. Никто не сказал, приехал оттуда забрали меня и на учет поставили. Точно я не отмечался, просто я не хотел, 5 суток я отсидел в комендатуре, потом отпустили. Все помню. Когда я здесь был, с Украины приехали, меняли тряпки на еду. Тоже мы купили шинель и шапку. Колоски в степях собирали, один раз мы пошли, недалеко рядом, мыть их и в мешок положили сушить, потом один забрал этот мешок, и курам отдал, рядом мы жили, через дорогу. Много кто ходил, местных мало мужчин было. В основном женщины.

Благодаря чему Вы выжили в этих тяжелых условиях?

Конечно, уже так туда к коменданту привезли, семья наша рассказывает. Тогда 25 лет мы шли в соседний поселок, уже с нас расписки брали. Туда ходить разрешали. Лучше было, как мусульмане помогли.

Дружили с местным населением?

Конечно, дружили, все мусульмане. Дружно жили. В Караганде у меня все друзья казахи были. На Федоровке там.

А многие после реабилитации уехали из страны? Вы остались.

Отец, я остались здесь. Я работал на Федоровке. Комитет спорта Ленинского района. Уехали все, а я остался. Но мы собирались, но так и не удалось уехать. Я не каюсь, что не уехал. Там сейчас тяжело.

Что бы Вы хотели сказать молодому поколению, пожелать.

Чтобы они устроились на работу, жили дружно, мой старший внук, у него друзья казахи. Он с ними учился вместе. Отучился, а на работу не устроился, вроде, обещал там

работу найти. Работать. Вот откуда все будет. Работать надо. Сноха у нас работала, сейчас она временно дома. Чтобы жили дружно это же Казахстан. Тут много народу, как одна семья. Чтобы жили дружно. Это желаю я.

Жена говорит: Мы на базар ходили, там один казах стал и говорит, это наша земля, уезжайте отсюда, я ему говорю: 2 м это твоя земля, а это Аллаха земля, наша Родина Казахстан, наши дети все здесь росли, учились. Наши дети, мужчины строили, а сейчас все начальники командуют.

Но у нас со школы, института никаких замечаний не было. Сколько жили, всегда дружно жили. Когда сюда пришли Сталин умер, все делили, я жила в Северном Казахстане, между казахами, если он барана зарежет, то половину нам, половину себе. Нам очень казахи помогли, и работали. Я в колхозе на сеялке стояла, а летом я в саду работала, и 12 коров я доила. Мать у нас болела, я за нее работала, а у кого трудодня не было, в Иркутск туда на 8 лет отправляли. Трудности были, слава Аллаху, после Назарбаева золотые горы, и работали, еда есть. Что хочешь есть. Мы все бодем, жалуемся, а уже в годах, какие трудности у нас были. Мы с братом отец валенки снимет, мы с ним дрались за эти валенки. Один день я, один день он. 3 класса всего кончила, и работала, на ликероводочном, я 40 лет там отработала. Сейчас я инвалид 2 группы. Но пенсию дают, не обижают. Дай Аллах, когда наши все собираются, в первую очередь это Назарбаеву желаем счастья и здоровья. Мир. Никто не обижает друг друга. Живите и мы этим рады. Дай Бог всем казахам.

Сын: его вот как ветерана, труженика тыла поздравили. Премию дали, радостное событие.

.....
Нагоев Салман Актемирович, ингуш, 80 лет. Был депортирован с Чечено-Ингушской АССР, Назранский район, село Сурхахи в 1936 году. Проживает в Казахстане, город Кокшетау.

Скажите, пожалуйста, что было накануне депортации, то есть, как Вы узнали, что Вас депортируют?

В общем, ... в декабре месяце, так декабрь, январь, февраль, 23 февраля нас выселили. Эти три месяца они находились у нас. Капитан и старший лейтенант. 2-3 человека каждый день обходили, каждый день, изучали наших родных. Все – чем мы занимаемся. 3 месяца они изучали нас, а уже в День Советской Армии в 44 году нас собрали утром, они всех от шестнадцати и выше, в сельский совет всех собрали и поставили автоматчиков, пулеметчиков и вооруженные вокруг. Окружили, поставили и сказали, что будут вывозить всех. Наши сказали: «Если будете женщин трогать, то нас живыми не увезете!» Потому что это же сила. А так, то будут подчиняться. Меня они не вызвали, мне 14 лет было. Но до 14 рост вытянулся. Я высокий был, но поскольку годов нет, они нас отпустили всех. И тут же забрали (15 мин – срок собраться). Вывезли в один двор, всех туда. В общем, в нашем селе 3 места было. Нас забрали. До этого такая погода хорошая стояла, а в ту ночь выпал снег, нас под одеялом от снега грели. И морозы пошли. Вот такое вот дело! Забрали и вывезли. В вагоны товарные, ну как скотину туда всех загнали и посадили. 23 февраля нас посадили, 24 оттуда уже куча была вагонов. И оттуда 26 марта, уже мы были в Кокчетаве. Тут школа была, где автостанции, возле железнодорожной станции. Туда всех собрали, выгрузили, кто в Кокчетаве был. Потом на машины и по районам, а с района уже на быках развозили. Тогда снег очень большой был. Первая пятилетка была очень тяжелой. Вывезли и по квартирам. Раздали. Там казахов не было, один в нашем селе. А он чабан, в степи находился. Остальные немцы, русские, поляки были. Русский язык никто не знал. Я, например, ничего не знал. Я потом уже научился разговаривать. И привезли нас, в общем, кто бы ни был, на нас смотрели как на зверей, потому что потом уже мы узнали. В журнале (потом специально привезли, нам показывали) рисовали нас, как людоедов. «Смотрите!

Осторожно, людоедов везут!» Ну, жилось очень трудно. Нам не разрешалось на 3 километра от села отойти. Если отойдешь, и тебя поймали, значит, на 10-15 лет сажали. Очень трудно приходилось. Эта перемена климата очень сильно действовала. Голод, холод, тут пошел тиф, чесотка, какая только болезнь не шла! Все пережили! И нас семеро было детей, мать и отец, в общем 10 человек. Ничего... я в бригаде находился. Я в бригаде пахал, сеял. Ну, там кушать хватало. А домой приедешь, смотришь, сестренки маленькие! Вот тут у них тяжелое дело было. Ну, мать есть мать! Я как приеду домой, каждую неделю. Она старается для меня, делает все лучшее, что есть! Я не люблю вспоминать, даже тяжело... *(плачет)* ...Очень тяжело было. Ну, пережили все! Тут уже 50 часов в году с нас сняли (когда Хрущев встал) натуру, ну свободно стали жить. Я в Кокчетав перебрался, и вот с тех пор живу здесь. Когда был голод, из нас никто не умер, а сейчас уже позже... *(плачет)* ...тяжело вспоминать!!! Еле терплю. Я пропустил, когда нас везли в вагонах, очень тяжело было, люди болели. Если трассу взять по железной дороге, там очень много, когда поезд останавливался, сразу выкидывали тела и хоронили. Закрывали чем попало! Очень-очень тяжело ехали. Нам тяжелее было оттого, что язык не знали. Свой язык только знаешь!

Пока вас везли, условия в поезде были плохие. Вас чем-то кормили?

Смеется ... Кормили ... бывало все, я помню все это. И свинину подавали, а мы-то свинину не едим. Отдавали эту еду солдатам, которые охраняли нас. Мы же уже видим, что это такое. Голодные были, но отдавали все равно. Голод сильный. Люди дорогой пропадали, болели, умирали. Очень тяжело было. Ну,... сюда в Казахстан привезли ...конечно ... люди с сердцами, жалеющие есть, одни относились плохо, одни жалели. Всякое приходилось! Но умирали очень много. Эта перемена климата очень крепко действовала. Мы там жили, сапог у нас не было. С собой, что попало взяли (тапки). В Казахстан приехали, тут снега, морозы. Пока привыкли. Что сделаешь?! Терпеть приходилось все... В апреле месяце заболел я тифом, дома все заболели. Тиф переходит. Потом я выздоровел. Отец с нами не был. Он после приехал. Я как услышал, что отец приехал, я как сорвался. Болезнь как рукой сняло. Я больше не лег, и больше ничем не заболел. Эта радость перестройки, наверное, помогла. Мать до августа месяца лежала, она была без сознания. Ну, раз жизнь, тебе не суждена ... никто не умирал, оставались ... мы пережили все это, а вот сейчас уже все остался я один... Вы лучше задавайте свои вопросы, а то я не люблю вспоминать много...

Какой статус и какой режим отбывания депортации были определены, то есть как вы жили?

Мы жили, ... тут у нас окружность была, 3 километра вокруг, вот ты живешь, а дальше не имели права без разрешения комендатуры. Все время комендант приезжает, 2-3 раза в месяц обходит, ездит. Эта зона ограничивает, тяжело... Если уже отошел, в какое-нибудь село поехал, все... если поймают тебя, значит, уже судят.

Побеги были?

Побегов не было, у нас не было... Может, где-нибудь было, куда побежишь? Туда уже не побежишь-то. Были люди...у меня дядя, отцу брат старший, находился в 37 году в расселении. Приходили, забирали и высылали. Старший сын поехал его проводить, забирать его. Они ехали домой. А в Грозном, в одежде, в которой приезжают всех собирали, пока эшелон не наберется, они там месяц сидели. Потом опять отправили их. Старший сын с отцом был, он слез, питание надо же купить на вокзале, а состав ушел. Он один остался, его посадили, он еще год сидел. Он только в 46 году к нам приехал. А отец порусски хорошо говорил, а писать не умел. Ну, он тогда, раз уже сын пропал, сказал свой старый адрес, и его опять туда отвезли. Он там прожил до 48 года. Потом мой отец пошел в контору, а тот в контору – к ингушам. На краю мы жили, они разошлись со старшим братом, а потом отец остановился, узнал...*(смеется)*...вспомнил, назад повернулся, встретились они, пришли домой, 2 года еще с нами пожил и тоже умер.

Как работали? Как оплачивался труд?

Труд...в колхозе работали. В 46 году старшая сестра дояркой была, я в бригаде, и младший брат со мной был (он 32 года рождения). Мы втроем в 46 году заработали (за

1500 трудодней отвечали, платили). В этом году в Кокчетавской области никому не давали 3 килограмма на трудодень, а в Кутузовке нам председатель дал. Очень хорошо работали, пшеница хорошо выросла. И 3 нормы государство отдало за задание. Людей же тоже кормить надо, они же работали. И дали. За это председателя хотели снять, судить, колхоз поднялся. Вот почему 3 килограмма за трудодень! Так они же заработали, колхоз же дал 3 задания, нормы, которые положены, 3 нормы и отдал. Тогда наша семья получила 5 тонн пшеницы, полную машину пшеницы привез. В другое село уедешь, за 5 мешков пшеницы тебе любую корову давали. В тот год люди голодные были, ничего не хватало, наша семья 3 коровы зарезала. Нам это большой подарок получился. После этого пошло на улучшение. В 50 году вырос урожай большой. Потом осень сырая была, дождливая, пшеница гнила очень много. Вот тебе привезут бричку пшеницы, вываливают. («Столько-то килограмм высуши, отдай» записку положат). Так к селу невозможно было подъехать, пшеница тухла, запах такой был. Вот так наелись люди... С тех пор в Кутузовке, и здесь в Казахстане тоже, хлеб пошел. До этого было холодно, голодно, люди умирали недоедавши. А вот это вот ограничение в выходе сильно мешало, потому что уехать нельзя, провести нельзя, как отъедешь? Если комендант не дал разрешение, все...

В 50 году нас посчитали людьми, ... я заболел, ... мне надо было в город ехать, лечиться. Поехал я в комендатуру, взял пропуск, чтобы я мог поехать в Кокчетав, без документов не поедешь. В тот день 50 градусов мороза было (больше никогда не было такого мороза). Солнце стоит – тарелкой, а мне 20 километров до села, комендант говорит, чтобы я на следующий день дома был, потому что надо голосовать. (Нам разрешили голосовать). Машины выезжают, радиатор замерзает, назад поворачивает. А мне 18 километров пешком идти надо. Смотрю, конь хороший, председатель какой-то ехал в санях. Когда сани поравнялись, я прилег к ним, он даже не повернулся, но он, видать, посмотрел, что человек сел. 20 километров мы пролетели. Приехал я. На второй день после голосования, я опять вернулся в город (это 50 год был), тут пролежал.

Учились ли дети в школе?

Дети в школе учились,... а мне не пришлось, я в доме старший, 3 класса закончил на Кавказе, и отца в армию забрали, нас семеро, мать осталась, дальше я не учился. А младшие братья учились, самый младший (3 года как он умер) тогда средняя семилетка была, он ее окончил, потом уже в армию уехал. В 60-е нас уже начали в армию брать, до этого не считали нужным. А вот сейчас не знаю как, в данное время ингушей в армию не берут... (смеется)...

Как было организовано управление в поселке?

Управление относилось не плохо, ... нормально было. Люди с казахами жили дружно. Правда, с Актобе не приняли ни чеченцев, ни ингушей. Но к нам относились хорошо, они к нам приезжали, мы к ним.

А как вы узнали о смерти Сталина?

Смерть Сталина...(смеется)... Я тогда лечился, 7 лет лечился в больницах. Я в то время был в больнице, по радио (тогда уже начало радио работать) объявили, что Сталин умер. Берия Сталину подносил, а он подписывал, и всех ингушей... У нас и герои были, и в армии служили, все равно чего-то не хватало для них. Кстати, и сейчас к ингушам относятся не хорошо. Берия командовал, а потом в 53 году его расстреляли, а его семья в Арыкбалык попала. Их вывезли оттуда. Кое-какие ингуши на них обиду имели, встречали их, приветствовали...

Когда вы узнали о реабилитации?

О реабилитации мы узнали после того, как умер Сталин, Хрущев когда пришел к власти, он же Сталина немного ... в это время нас реабилитировали...

Как проходил процесс оформления документов?

В колхозе... колхозная справка. Они же тебя в колхоз привезли, с тех пор ты здесь и находишься, они тебя и оформляли. В 46 году мне уже 16 лет было, пришлось в

комендатуре расписываться каждый месяц. Я все время находился в бригаде, работал. Сколько я работал, у меня натура такая, я всегда впереди был, выполнял нормы. Посевная заканчивается, премируют, я получаю премию. Уборка урожая осенью, мне благодарность пишут, тоже премию дают. Я сюда приехал, тут я работал, в 63 году я туда устроился, и работал в этой организации. Все время, каждый квартал моя бригада получала премию. Работать я любил, если я вышел работать, то любил работать за двоих. Видели, что я не пью, бригадиром был, 25 лет проработал на одном месте. Люди уважали. А вот уже на пенсию ушел... 50 лет, 60 лет, 65 лет Победе, я ордена получаю тыловые. Ветеран труда, медаль имеется. Ну, я уже с 90-го года. 20 лет исполнилось как я на пенсии.

Скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях?

Ну...люди помогали, без помощи ничего не получится, конечно. Старались мы работать, как положено. А потом уже климат поменялся, и по сегодняшний день мы находимся во здравии наравне с казахстанцами...

Что Вы еще хотели бы добавить к тому, что уже сказали? Может я что-то упустила?

Ну что я могу добавить? ... в данное время, в Казахстане, только после того как изменился Союз, благодаря Назарбаеву, сколько я вижу его труды... все помогает людям. И он не делит нации, одинаково относится. Поэтому мы живем в данное время в Казахстане без войны. А остальные союзные – Россия, и в данное время, что происходит в Узбекистане... это все Назарбаевские... как сказать... труды, его умение командовать, на этом все держится...

Что бы Вы могли пожелать нынешнему поколению?

Ну, нынешнему поколению не надо я-тебе, ты-мне! Надо работать, как положено. Тогда все будет, если не менять я такой - ты такой! Мы одни! Вот тогда дело будет, и нормально будет в жизни и молодежи, и пожилым...

.....
Бекбузаров Багалдин Усманович, ингуш, 79 лет. Был депортирован с Кавказа, село Орджоникидзе. Проживает в Казахстане, город Кокшетау.

В общем, это было 23, с 22 на 23 в ночь было, когда перегруппировку населения делали, как в смысле перегруппировку. Все мужчины от 16 до 60 лет были вызваны к 6 часам утра к сельскому совету, и предупреждены, причем официально взятые у них такие, ну оправдательные там бумажки, что они оружия никакого не имеют. Скажем, ни горячего, ни холодного, ничего нет. Ну вот, если скажем, из всей этой, со всего села, в одном сельсовете собирали на площади. Если кто-то попадется, скажем, с ножом или недозволенным холодным оружием, его сразу они убивали, ставили в другое место. Их там, ну, скажем, подбирали таких людей, ну вот от большинства их отделяли, в смысле, они были предупреждены, они были расписаны, но они, невзирая на это, имели ножи, но пистолеты не имели. Из-за того, что ножи, их тоже изолировали от остального общества, села. Вот с этого началось, потом уже в 6 часов утра, скажем так, все село поквартально было оцеплено, военными этими, оцеплениями, военным оцеплением. И само село было трижды, в три круга оцеплено, само село, вокруг по периметру снаружи, а кварталы, кварталы были, значит, каждый квартал тоже был оцеплен, и заходили солдаты с автоматами наготове, ну там, наперевес, автоматы держат, заходят и наводят обыск. Ну, кто не спрятался там или прочие вещи. Ну, может, конечно, они и оружие одновременно смотрели, у них конечно функции были другие. Короче, всех собрали к 7 часам утра, на площади собрали всех. А в 8 часов нас они предупреждали, когда утром пришли, в 8 часов вас надо в конце села собирать на площади, все остальные, женщины, дети, там всех. Ну, говорили, будет там митинг. А какой митинг под дулами автоматов? Были даже зенитная артиллерия, была организована. Видели люди, которые хорошо умеют смотреть. Ну, вот так было, собрали

нас до кучи. Ну, в 12 часов значит, началась эвакуация, из домов выводили. Но у нас, например, три лошади были и упряжи были очень такие хорошие, но у нас, у нас забрали одну лошадь, вместе со всей упряжкой и со всеми ее. Ну, там легчанка есть, легчанка, здесь она тоже есть, а там линейки называют их, ну нам запрягли лошадей в свою линейку, и нас было 8 человек. Отец, дядя не женатый, были оба на площади, а мы, нас было 8, вот на эту линейку нас рассадили, даже доски пополам распилили, пополам положили, чтобы нас посадить в середину, сзади два солдата с автоматами и впереди один солдат с автоматом, он держит вожжи, ну руководит этими лошадьми. Вот так, нас повезли на площадь в 12 часов, ну и до этого были там знакомые солдаты, ну они там, в общем, крутили, вертели, привыкали к этому, готовились к этому дню, к этому часу. На случай их предупреждали на поражение бить всех, вот так вот. Такое было Беринское личное указание, и приказ был такой, стрелять на поражение. Но там те люди, которые понимали это, видели, какая участь ждет всех, предупреждали, уговаривали, говорили, напоминали, что нельзя против власти, туда-сюда. Всего нам говорили на три дня, там где-то есть под Урбах, станция Урбах, под Астраханью, говорили, туда будут всех свозить, говорили, трое суток там будете, мол, здесь есть опасность вторжения немцев, но немцы там, на легких самолетах бомбили села. Но люди поверили, раз немцы бомбят, значит как это, ну, в общем, подчиняться заставили старейшины, ну короче, ну они нас додержали, в общем, до темноты, до вечера, до темноты додержали. Потом там, такую, значит, такое количество машин загнали, американские машины были, форды, студебекеры, и еще прочие, прочие там, всех я не помню названия. Столько машин нагнали, чтоб всех посадить в эти машины. Ну, мы думали, нас повезут, ну нам так говорили, что повезут этот, туда под Урбах туда на это, на машинах. Оказалось, они просто-напросто пустили утку, обманули они нас. Нас уже стемнело, когда в Орджоникидзе были, до этого не было всего один прожектор на привокзальной площади, на этот раз поставили там с обеих сторон вагонов прожектора, чтоб ни один, не ускользнул, не ушел. Ну, посадка пошла, и наши скажем, так, они не очень доброжелательные, в смысле осетины были, установили импровизированный концерт на свой вкус и свой лад. Там музыка, танцы, нас они провожают, ну так, скажем метров 5-6 от вагона. Хлещут там, плещут, танцуют, кричат. И короче, потом приказ пришел, прекратить все эти танцы и начать посадку в машины. Мы сидим в машинах все. И все машины поставили, в общем, вдоль дороги, чтоб задом ехать к воротам, к вагонам воротам, ну там все было предусмотрено, когда машины подали туда, тогда на этих дверях воротам, поставили по одному, по два солдат, и на ступеньках вагонов тоже стояли с пулеметами солдаты. Вот попробуй, ускользни в таком месте, нас в этих в сельхоз, эти же вагоны специально для скота, но там три яруса и там стоит один офицер. Он командует, что в каждый ярус закинут две семьи, в каждый ярус две семьи, хочешь туда, не хочешь, устраивает, не устраивает, много ли мало ли, всех пихали в один ярус две семьи. Три человека, десять человек, не считались с этим. В общем, нас растаскали всех. И уже говорили, у кого часы есть, у кого часы, говорили, что уже час ночи. А осетины продолжали еще танцевать, ну мы знали, потом дошло, старшие поняли, что какие это танцы, это издевательские танцы. Просто-напросто из-за того, что мы покинем Кавказ, это радостные для них танцы, а для нас это был уже конец фильма, как говорят. Вот так нас проводили осетины. Ну, в общем, нас по дороге, по дороге нас везли пятнадцать суток, оттуда же нас везли, но вот скажем, не специально человек собрался умирать, да в вагоне, ну вот скажем, горячка или там больной, он в этот момент заболел или в этот момент схватило. Если умрет в вагоне, но некоторых хоронили, то есть некоторые прятали своих покойников, потом на каждой остановке был отдан приказ, всех держаться кругом стороной, и нижние ярусы были свободные для досмотра солдатам. Вот так делали, и вот они специально такие крючки и крутят, выходят и чтоб вытащить, кто там это, вот так они смотрели. Не знаю, где-то, не доезжая Сталинграда, тогдашнего Сталинграда, сейчас уже Волгоград, одного старого человека вытащили они, вытащили, замотали, и положили метров 4-6 так, подалее от дороги. Ну, там, сыновья взрослые, жена и прочие, прочие. Ну, один там попробовал, узнать, в чем дело, ну его потом как с автомата шарахнули, и как собаку за ногу и за этого покойника, дальше положили его, тот молодой был

человек. Короче, мы это видели, а дальше, когда нас везли, нам уже не давали даже глазок открывать, в окошечки в этом, в вагонном окошечке. Потому что в этот глазок смотришь, там же видно все, вот так было. Короче нас довели.

Да, по ходу продвижения нам давали баланду, готовили, значит, заблаговременно на железнодорожных вокзалах, готовили, ну там скажем, ну там, по-хохлацки называется коже, ну это такая жидкая похлебка. И давали старым по одной поварешке, до двадцати лет и моложе, давали по полповарешки, вот так нам объявляли, заблаговременно объявляли и говорили, вот остановка и на остановке будут раздавать, военные будут раздавать вот эту похлебку. Ну, вот три раза за сутки нам давали эту похлебку, а хлеб, одну булку разрезали на 16 частей, пополам и потом по 8 кусков. И каждому по куску с этой похлебкой, вот так нас кормили, но довели. Есть за Атбасаром, старый Колутон, станция, бывшая старая Колутон, станция там, железнодорожная станция. Там мы остановились, ну не мы только, не наш только состав, там, на Алматы, на Бишкек и шли другие составы. Но нас совсем на запасной путь перебросили и оцепили наши вагоны, тогда был старый Акмолинск, и вот он до Акмолинска доведет и разгрузится, потому что паровоз уйдет, а вагоны останутся. Вот так нас везли. И глубокая полночь, нас остановили, вагон открыли, и в этой же станции, старый Колутон, в общем, скажем повозки, нас были, сто повозок было, всех везли там в три села, в общем, в новый Колутон, село, от старого Колутона, на Акмолинск километров 45, вот там наш вагон оставили раскрытый, вот нас там грузили как, вот в эти повозки были запряжены быки. По выражению местных сторожил, вот там поляки были, вывозить людей послали на ночь, но они их называли биржей, они 6-метровой длины - сани, и там уже по количеству семьи, грузили там в эти сани. Нас, например 8 семей затолкали, на одни сани, затолкали в эти сани, в одни сани 7-8 и в этот новый Колутон. И после нам комендант сказал 86 сел, хозяйств в этом Колутоне разгружено. Ну, потом там, в общем, там казахов не было, он там с лошадьми, как зимой тебенеют лошадей, он был занят с лошадьми, он там не был, были там, в основном поляки и немцы. А местные русские (*смеется*) распространяли слухи, вот там людоедов привезли, говорят, не дай бог не попадитесь где-нибудь, съедят и кости выбросят, такая была молва.

Ну, короче, нас эту ночь продержали, уже рассветало, когда в село привезли, нас везли часов 6, в этот день ничего не предприняли, а на второй день бани растопили. В этом селе были, но там по выбору, все женщины, мужчины были на войне, и сыновья были на войне. Если она одна женщина, ее приглашали одну женщину и представляли, сколько она возьмет и каких людей возьмет. Но нас взяла одна женщина, она полячка, у нее три сына на войне были, и муж в Караганде шахты копал. В общем, она с дочерью там жила, дом большой. Ну, когда на ночь, видать, она женщина очень умная была, вот с этой комнаты, ну вот как скажем, там отдельная комната, она одну комнату закрывала крепко, и слышно через этот, как толкает трубу или лом на ночь, чтоб мы их не съели на ночь. Таким образом, мы прожили дней 10-12. Но у нас дядя был, молодой, не женатый, был бухгалтером колхоза, в совершенстве владел русским языком, закончил среднюю школу в Орджоникидзе, и там же кончил какие-то курсы техникума. Он был бухгалтером, но потом осмелела наша хозяйка, и, оказывается, она была бригадиром полеводческой бригады в то время. Ну, так мало-помалу, у меня был меньший братишка, он был тридцать восьмого года, а я фактически тридцать первого года, а он тридцать восьмого года, ну ему где-то с тридцать восьмого по сорок четвертый – шесть лет. Ну а она руководила сельхозработами, сама, там навоз и прочие, прочие. И она женщин на санях возила туда. От села километров 8 – бахчи. И вот мы со временем оклемались. Она нас приняла, в общем, не за людоедов, а за простых людей, потому что с нами была самая старшая – это тетя, отца родная сестра, ей, где-то за 80 было. Была другая тетя, это, старшего, самого старшего брата жена. Ей тоже, где-то под 80, а я с тридцать первого, братишка с тридцать восьмого и другая сестренка была, это самого старшего брата дочь, в общем, нас она потом попросила после, там еще дядька с нами был еще, шестой. Попросила – если есть желание, так выразилась, чтоб ей в бригаду одного мужчину надо. Он говорит, пожалуйста, я пойду, что я тут как волк сижу (*смеется*). Там есть река, по старому произношению Колутон называется, этот Колутон

организовали поляки, село там называли Колутон. Когда в 1939 году поляков вывезли в Казахстан, в 1941-42 годах немцев вывезли сюда, и тогда они попали в Акмолинскую, Северо-Казахстанскую и Павлодарскую область, три области, их расселили здесь.

Вот так вот, я там, когда там жили, учился в шестом классе тогда. А в Казахстан привезли когда, было запрещено по циркуляру, был указ такой, закрытый, безмолвный приказ, чтоб чечен и ингушей не принимали в школу. А там был один немец, ну немецкий язык преподавал, он с дядькой пришел, с дядей подружился, в смысле в школу меня, а дядя говорит: Иди, там и немецкий преподавать будут, он сам и преподаватель немецкого. Ну, я и пошел вместе с ним, а там директриса была женщина русская: Нет, говорит, иди домой и больше не приходи. А он, этот немец промолчал, ничего не сказал, не сказал, что он привел, провел меня. Но после пришел домой к нам и рассказал отцу, дяде, там старухам, что есть указание, не принимать ингушей и чечен, с первого по десятый класс. Ну, хорошо, ладно. Но потом идет продолжение по нашей жизни. В этом Колутоне мы прожили 2,5 года, там братишка умер в сорок пятом году, вот этот, который был тридцать восьмого года, отец умер в сорок шестом году, в январе, 19 января отец умер мой. И уже весной сорок шестого года мы вынуждены были покинуть этот Колутон. А наши основные родичи, по крови родичи были в Зерендинском районе, по ту сторону, последнее село было Крупское, назвали в честь Крупской, село такое. До туда доходит Зерендинский район, и с нашего села всех туда, в Зерендинский район расселили. Ну, тогда без пропуска от двора, ко двору, от села, к селу ты не ходил, так было. Потом к коменданту дядька пошел, ну что говорит, кого поймают, зарежут, убьют что ли? А пацан, еще в школу ходил, говорит: ну что они будут тут умирать с голоду? Там хоть не дадут умереть, все наши родичи там, не поеду, говорит, останусь. Давайте, пустите их.

Этот комендант, Гончаренко, я хорошо помню его. Он сказал, я не буду преследовать их, и не буду запрещать закрывать дорогу, но пропуска я не дам. Потому что по закону, так установлено, из села в село, только по спецпропуску, это областная, тогда было Министерство госбезопасности, тогда так назывался, оно специально было для ингушей и чечен образовано, новое министерство. Пропуск должен был быть оттуда, исходить иначе ни откуда, районная администрация, областного центра, никто не мог давать пропуск на продвижение. Ну, мы что, нам тогда за отобранные дома, села и прочие, прочие дали по одной голове первотелок, 2-хлеток в смысле, это следующий год будут коровы или же давали четыре овечки, но мы телку взяли.

Потом наша мать, с моей сестрой, тридцать шестого года сестра была, жили в горах, в центральных горах Ингушетии, это тот центр, откуда ингуши не сдохли, а выжили, где хромой Тимур, правнук Чингисхана, начиная от реки Кубани, где-то около 6 миллионов ингушей было там. Он, его там не убили, и живым он успел убежать с этих ингушских гор, а вот в отместку за все, он решил уничтожить всех ингушей, даже детей, никого не щадил он, беременных женщин, детей, ни одной души не щадил он. Он так жестоко обошелся с ингушами. Короче, вот эти ингуши, и я вместе с ними выродки тех, кто тогда убежали в горы, бегом, пешком, на лошадях или на коровах, успели уйти от преследования Тимурской военщины. Вот так было. И вот сейчас, это поколение Тимура хромого в Калмыкии, слышали ли Вы такое государство – Калмык? Вот это и есть самые его самые родичи. Вот здесь жил Жумаш Омарович, через дом, он говорит кумыки, это не калмыки, это кумыки в Дагестане, а калмыки это выродки Чингисхана. «Калпык» это по-казахски как? Выродок? Где-то в этом роде, да? Вот так они остались там, этот хромой Тимур сдох там, похоронен там. Ну, вот так вот, он не сумел всех уничтожить, а остальные значит, размножились, потихоньку, потихоньку. Вот так. А мы, нас в Казахстан привезли, единственное наше спасение было, что мы в Казахстан попали. Почему? Потому что казахи тоже такие же, как мы люди, и главное скажем, мусульманского направления, исламского происхождения. И вот здесь на нашу шахматную доску сыграл один шанс, что мы с одной стороны мы мало ли, много ли мусульмане. И особенно старухи, те, у кого сыновья на войне, мужья и прочие, прочие. И даже сами на ночь иногда полведра, больше, меньше молоко, кумыс, айран, тогда вот это просо толкли, и делали с него пшено.

Вот эту чашку больше, меньше приносили и делились, а мы когда переехали с нового Колутона, здесь есть Уялы, в Зерендинском районе и вот через речку было русское село – Лазаревка называлось, это село выселили в 1951 году в южный Казахстан, 152 человека с Кокшетауской области в пятьдесят первом году выселили в южный Казахстан, в том числе это Заборовка, как там... там три казахских села. Тоже всех выселили оттуда. Но мы не поехали, сказали мы не поедem туда, потому что с одной овечки две шкуры не снимают, нас вывели сюда и мы умрем и никуда не поедem. А комендант был, здесь у нас комендант был казах Бейжанов Зейнулла, но был он очень человечный человек, он ничего не говорил, ничего не преследовал, ничего не подсиживал, ничего не соображал, в смысле кого-то там наказать. Он даже умер в этом Карабулаке, в Зерендинском районе есть Карабулак, за Уялами, Боевое есть там, Джамбул и вот за Джамбулом есть там Карабулак, там умер этот Зейнулла, мы ездили туда, Кокшетауские ингуши туда, я не знал тогда, я был в Таинчах, когда он умер, но они поехали, похоронили там его, много денег дали жене, старуха жива была еще. Вот так, очень человечный человек был, скажем, не говорил, ах ты бандит или там то, туда-сюда, пятое, десятое, он даже организовал там леспромхоз, это я к чему, в этом леспромхозе за одну осень, за одно лето и осень 250 домов срубили, лес там резали. И этот лес везли в Щучинск, грузили в вагоны и отправляли куда-то в Россию, вот этот самый Зейнулла, к директору леспромхоза ходил, заказывал машину и возил ингушей в Щучинск или Кокчетав на базар, сажал их в машину, сам садился в машину, их садил в машину и возил на покупки, чтоб купили, что их интересует. Вот такой был человек, это я говорю, почему человечный человек, потому что он сочувствовал людям и понимал, что надо, где-то чем-то, хоть самым малейшим, чем-то помочь. Вот так, но нам повезло, что мы попали в Казахстан, и попали к казахам, потому что казахи тут нас не преследовали, не сажали в тюрьму за зерно, а понимать надо, что зерно там все тащили, не правда, в том числе и я и все остальные. Хоть посевная была, хоть посевная не была, все равно все тащили, потому что люди не хотели умирать заживо, глазеть и умирать. Вот так было.

Короче вот так мы выжили, но в общем как мы видим, Отец народов когда сдох, 5 марта 1953 года.

Это Вы про Сталина?

Сталин. Когда отец народов сдох, я был там, там в Дороховке, я тогда в лесхозе жил, лесхоз за Пухальском тогда. С лесхоза в Дороховку пешком ходил, полтора-два километра, и зимой, и летом. Седьмой класс я там кончил. А осенью 1953 года приехал сюда, здесь у меня жил единственный брат двоюродный, вот там где старый вокзал, вы же молодые, вы не помните. Старый вокзал был, его разорили и новый построили. А там за этим вокзалом просматривалась водонапорная башня, это я к чему говорю, прямо возле этой башни была построена школа, называлась – Школа рабочей молодежи №18 железнодорожного происхождения. Ну, короче, я туда пошел, меня, правда, приняли, свидетельство я свое принес, свой диплом показал. Павел Иванович был директор школы, посмотрел. - О, сказал, неплохо учился, пойдет.

Да я постарел уже, говорю, я с тридцать первого года, шестнадцать лет. Я пошел только в восьмой класс, вечернюю школу, ну короче, я тогда закончил вечернюю школу. Ну, потом как говорят, без меня меня женили. Ну, у нас дядька жил в Буландинском районе, приехали сюда, ну так в гости проведать, потом где я жил, где учился, жена, брат ее родной и мать жили там, там мои родичи жили по отцу, ну он тоже ездил туда проведать, там они тоже вот эту нашли, там договорились, осенью приехали. И меня не спросили, будешь жениться или не будешь, подходит, не подходит, даже не позволили себе посоветоваться, заикнуться. Ладно, давай, думаю, ладно. Положено у нас по родственным признакам, старшие в роду, умри и молчи. Вот так. Короче, я, таким образом, попал в Кокчетав в пятьдесят третьем году и по сей день. Но тогда мы жили в Шанхае, и брат двоюродный тоже жил в Шанхае, ну там конец Шанхая с той стороны, там жили мы неплохо. Землянки были, но мы там купили у одних ингушей, наши сваты были, они уехали в Алматы. А дом поставили, крышу навели, а выше не поставили крышу, чтоб дождь не проходил.

Шестикомнатная, на два брата поставили они дом, а этот дом они продали нам. Ну, так, по сносной цене, сколько мы дали, за столько продали. Четыре тысячи мы отдали за тогдашние деньги тогда за этот дом, по две тысячи, две тысячи он, две тысячи я. В этом доме мы, ну вот до шестьдесят четвертого года мы там жили, а в шестьдесят четвертом году уже переехал сюда.

Ну, вот наша жизнь скажем, конечно, Отец народа ошибся, что привез нас сюда, ну это скажем не сто процентная его работа. Это была сволочь, это была национальная сволочь Берия, это его работа. И под стать Берии, его первый помощник Кабулов, осетин. Вот они и сообразили эту высылку чечен - ингушей. Вот в Чечне сожгли чеченское село – Хайбах. В этом Хайбахе, стариков, беременных женщин, малых детей, всех загнали в конюшню и эту конюшню подпалили, бочкой бензина подпалили и сожгли. Но потом их, полуживой не полуживой, ну одну десятую их, одну двадцатую часть вытащили оттуда, в основном они погибли там. Ничего, Россия молчит, не говорят они, русско-фашистские захватчики вот так сделали.

А вот сейчас в Чечне там, у нас тарелка показывает Чечню, на улице тарелку поставили, специально для Чечни. Там 13 этих, ступеней, но только у нас одна ступень работает, другие не подсоединили, не подцепили. Показывали недавно, в Чечне значит, был митинг организован. Почему Россия, сколько лет прошло, молча. Сколько убито, сколько сожжено людей. И почему молчат до сих пор? Никто не заикается, не извиняются, чечены сейчас там бурно выступают. Вот так. Да...

Или в 92 году, Вы, конечно, не знаете. Вам тогда не до этого было. Пригородный район, это примыкающий к северной Осетии, наш, там протекает река Терек, называется. По эту сторону Терека, когда-то был ингуш старик жил, Заур был. Богатый человек был, там он, в общем, с русскими якшался, держал скотину, продавал туда-сюда. И был, в общем, очень такой, смысленный дед. Вот эти осетины, оттуда, где сейчас называют южную хваленую Осетию, этих сволочей. Оттуда эти добрались туда, до этого Заура дошли, но дальше идти не могли холод, голод, сырость, голодные, холодные. Но они попросились, плакали, на коленях стояли, плакали, попросили этого Заура, просили ради Христа, чтоб они остались на зиму, чтоб не выгнал оттуда. И вот с этого дня и по сегодняшний день, они у ингушей все близлежащие земли отобрали после сорок четвертого года, присвоили. Теперь они принадлежат им. И не одна сволочь, русская правительственная сволочь, и никто не вернул ни одному ингушу, из всего района ни одной комнаты не вернул, и вот я, например, 6 километров от Орджоникидзе было село Галгай, называлось. Если по-ингушски сказать «Галга», галга - это ингуш. Когда это село организовывали в 18 году, его называли так это село. Ничьим именем не назвали, кем-то, а просто назвали общим национальным именем, село Галгай. Вот так. В общем, это село, оно было как центр всего района. Тогда там, тогда ингушская милиция, все районное начальство райком там, райисполком там, все были около Терека. Около Терека все были расположены, когда нас выселили, они там все, все эти дома развалили осетины, выровняли с землей. А возле нашего села, построили, значит, там милиция находится, МВД, КГБ районного масштаба. И все прочие районные кадры расселили. Теперь попробуй, заикнись, и в 92 году что-то они сделали, в общем, организовали уничтожение ингушского населения с этого района, и там были два парня и один, одна девушка – казахские репортеры были там. Ну, вот они, у нас была кассета, но жалко, что сейчас ее нет дома, мы бы вам показали кассету по этой войне, про войнушки снята кассета. Ну, там эти двое подходят, Савин – генерал полковник, тот самый Савин, который живых казахов закопал в Алмате, когда студенческие волнения. Этот самый Савин был командующий подавления ингушей. Ну, вот эта девушка, подошла, поднесла ему этот микрофон, говорит: «Почему осетинские дома целые, а ингушские дома расстреливаются, горят, ингушей убивают, почему это так? И с какого побуждения это все идет?» Она прямо все так и сказала ему. А он говорит Глазов – это бывший ректор Северокавказского Университета, а он тогда уже был президентом Северной Осетии, а Савин говорит: «Нам какие указания дает этот Глазов, мы эти указания выполняем, вот все» Ну, вот все. Потом она, наверно, сложила, выключила, но потом они идут дальше, и

вот она написала на бумаге «Не стреляйте, мы из Казахстана». Это бумага, это все у нас было. У меня старший сын там, на Кавказе. И вот с тех остатков, которые не успел с лица Земли стереть хромой Тимурлан, правнук этого Чингисхана, тогда был город Магас, вот этот Магас город, он начисто истребил, с лица Земли стер, но сейчас его восстанавливают, не восстановили еще, конечно, но восстанавливают, уже туда все республиканские ведомства, министерства все там уже находятся. Ну, университет там строится, ну несколько факультетов там уже преподают, а университет находится в километрах 15 от этого Магаса, города, так называемого. Он не город, а только начало города. Ну, в 15 километрах от города находится университет там, главный город построили там, еще два главных корпуса на базе техникума. В Ингушетии, при всей хваленной советской демократии было всего один техникум, ветеринарный техникум был, и в этом техникуме всех их там выкинули, поселили все университетское начальство, все это. Вот так вот, вот так вот хваленая русская дружба, на сегодняшний день в таком стиле работает.

Багалдин Усманович, скажите, пожалуйста, во время депортации Вам было 14 лет, да?

А?

Во время депортации Вам 14 лет было?

Да.

Как работали в это время родители, Вы? Как оплачивался Ваш труд?

Да никак, как оплачивали? Никто никак не оплачивал. Мы вот в этом же самом селе, где за Уялами, где я говорил, Лазаревка была, мы там жили, отца уже нет, мать, когда вырастает пшеница, ну там сорняки туда-сюда, их мобилизуют, ходят бригады, собирают, кличат и ходят, значит, поле очищают от этих разных кустарников. Вот так было, а мы, я здесь работал, она здесь умерла женщина, вот по Толстого, здесь не далеко улица, я с ней и еще одна, но та живет в Веденовке, Щучинского района. Ну, разбросало нас по всему Казахстану. Та Нина, а эта Надя. Я с ними работал, пахал на частных коровах тогда. Ну, вот мы пашем, впереди быков, а быки не дают коровам туда-сюда ходить, бегать куда хочешь. Ну, в общем, в четыре, в пятом часу встаем, запрягаем их, пастухи погоняют коров, ну тех жильцов, кто живет в этом селе. Ну, там хватаем лучших коров, четыре, две пары коров, сзади первоначальные пары быков, последние восемь, ну восемь штук, четыре пары выходит. Ну, последние тоже старые выходят. Они не дают из борозды бегать куда попало. Я с ними пахал. Ну, вот из них одна женщина живет сейчас в Зеренде, это ее муж был главный бухгалтер Райпотребсоюза. Он в войну воевал, в сорок шестом году с японской войны пришел домой и с тех пор он жил в Зеренде, ну он у меня был, заходил, я тоже у них бывал. А вот умер он, не знаю, жена говорит, потеряла я все, потеряла я адрес. Я говорю, а что же ты не позвонила? Я бы приехал бы скажем, я бы его не воскресил, душу не вложил бы, конечно, но все равно принял участие, как так? Ладно, – говорит, – это я виновата, дура я, не хватило мозгов.

Ну ладно говорю, ты зачем себя коришь этим? Ну, побывал там у нее. Все. А с нашего села там, выселили в южный Казахстан, они все оттуда бежали, назад все бежали. Белгородское есть за Балкашино село одно, а что там поселились некоторые. В Балкашино живут, в Сындыктау живут, в Зеренде живут, в Красном кордоне живут, да везде живут. Это с нашего колхоза, мои земляки. Короче нам повезло, из-за самой простецкой казахской души мы выиграли жизнь на этой Казахской земле, потому что другого не дано.

Скажите, пожалуйста, у Вас были какие-то ограничения в деревне? Вас депортировали, переписываться с родственниками нельзя, допустим, перемещаться нельзя?

Конечно, были, как не были. Я же говорил, что из села в село не разрешалось ходить, потому что боялись, наверно, или какой заговор или еще что-нибудь будем делать, не ходили мы никуда до конца Отца народов, никуда не ходили. И притом я записался, меня спросили год рождения, я говорю тридцать четвертый, и по сей день, я украл себе два года,

а потом не стал я базарить, ездить на Кавказ, добиваться, пробиваться не стал, а ладно, думаю. А вот видишь, себе в убыток сделал. А фактически надо было, конечно, но ладно думаю.

А как было организовано управление в поселке?

Ну как, тогда же, если работаешь, например, кто не работает – не ест. Также был лозунг коммунизма. А я вот, например, всегда был на работе, а куда деваться мне было?

А когда Вы узнали о реабилитации?

Реабилитацию я завтра пошлю.

Нет, нет. Когда узнали? Как? Из газет, из радио узнали?

По телевидению объявили, по радио, по всем этим выступлениям там, в верхах, что реабилитация прошла. Да, скажем, реабилитация это просто пустые слова. Реабилитация в том случае, когда по Тереку восстановят Ингушскую автономию, это будет реабилитация. А сейчас это издевательство, а не реабилитация. У меня сын закончил там университет в этой южной, то есть Северной Осетии кончил университет. Он в армии там находился тогда, Минводы. И вот я туда все четыре-пять лет ездил каждое лето или каждую осень, где-то еду туда. Но тогда там самолет, а один день два самолета летало, отсюда, один день, через день. И я туда каждый раз ездил, и вот этот самый там недобитый хваленый осетинский президент Галазов. Вот как вы сидите, я вот так сидел за одним столом с ним, здоровались с ним, и прочие, прочие. Здоровались, туда-сюда, раз это я, конечно, интересовался, как успехи сына, ну там он учился хорошо и тут он учился очень даже неплохо. У него, чтоб даже справку не дать (*смеется*), четверку замострячили, как, ну не скажешь, что это личное дело, ну вот как, есть же такой предмет, ну не знаю как, я предмет этот забыл, по этому предмету ему поставили четверку, все теперь не дали, ни справку, ни даже ничего. А он туда поехал, вот в 86 году он туда поехал, говорю: не езжай туда, в Алматы там у нас был очень, очень сильный блат. У жены мать была на квартире, он, в общем, зам, как зам. директора института, ее мать жила на квартире, а ее брат был Мусса, он говорит, знаешь что, Касымбек его звать, вот Магомед кончит 10-й класс и приедет. Пожалуйста, говорит, какое дело, какой разговор? Тебе, говорит, почти, что там ждут, зачислять хотят, нет, он поехал туда, поехал, там экзамены сдал, а там табло всех кто зачислен, всех показывают по табло. Он это табло прошел, нету его там. Ну, бумагу то он получил, что экзамен сдавал, экзаменационный лист у него в руках, ну пошел к самому Галазову, вон оно как, я же говорит, сдал, прочтите здесь. Меня не зачислили... Как так не зачислили? Так говорит, не зачислили, табло горит, у всех фамилии, у всех оценки, всех зачислили, меня там близко нету. Ну, я там их сюды-туды, в общем, через два дня приходи, разберемся. Не разобрался, через два дня ходил, говорит, я там не имею права переломить установку комиссии. Все. И он вынужден был идти в армию, потом служил в Минводах два года, там был начальником воинской части грузин, ну они пошли вместе с одним русским, Виноградов там один, ну говорит, Вы нас отпустите? Нам на экзамены, вторичные экзамены. Отпустите, пожалуйста, нас на экзамены, отпустите?

Пожалуйста, какой разговор, а что вы раньше не сказали?

Да вот мы думали, думали, додумались до второго набора.

Ладно, приходите завтра, все ваши шмотки, все ваши документы, все будет готово.

Ну, они пришли в 12 часов, как сказал, ну он говорит сам, Лошакидзе его фамилия: если там он не примет, то позвоните мне. А у него там вертолет по блату, не понятно, по какому блату и кто ему дал вертолет. На территории воинской части стоит вертолет. Говорит, видите эту тачку, птичку? Я, говорит, приеду туда, разгоню всю эту коблу, пусть только попробуют не принять.

Ну, правда, они сдали экзамен, ну конечно, их зачислили. Вот он кончил этот Северо-осетинский институт и 13 лет работал там преподавателем, там, в этом же университете. Вот если бы я достал эти документы, у вас бы слезинка появилась на глазах, как он там расхваливал. В восьмидесятом году олимпиада была и он, Северо-осетинский университет,

тоже было, значит, химическая работа послана, ничего они не сделали. Ну, потом они идут домой, а там этот куратор, учительница, да? Вот беда, столько студентов, столько количество людей и никто не смог сообразить работу сделать несчастную.

А сын говорит: а где эта работа?

Да вот, говорит она, в журнале.

А посмотреть можно?

На, смотри.

Они пока шли по канцелярии, сверху вниз, у них 9-тиэтажный университет. Как раз на субботу, у них в субботу после обеда как раз это только половину занятий проводили там. Ну, он это, там был второкурсник. Он говорит: разрешите я домой возьму, я прозомбирую свои мозги. А в понедельник я привезу, отдам вам. Пожалуйста, возьми, что я положу его сейчас, замкну.

Галазов там сделал линейку, поставил всех на ноги, поставил всех: вот смотрите. Вы зря хлеб ели, и вы и я зря хлеб ели. Вот, говорит, нас он как выручил. Ну, короче, 5000 тогдашних денег премия пришла. Ну, вот премию отдали ему. Ну, вот на 4 курсе был он, и я поехал, а он говорит: вы не возражаете, если я Магомеда оставлю себе при университете на работе? Пожалуйста, говорю, с удовольствием, благодарен очень. Я хотел заикнуться, чтоб, где-то куда-то ближе по городу, пожалуйста.

Все он его оставил, 13 лет он там работал, но в конце 13-го года он стал врагом осетинской стороны. Он сидел 9 суток, целая орава, человек 400 сидело в свинарнике. 9 суток кусок хлеба в рот не брал, 9 суток. Вот я бы сейчас взял бы эту бумагу, показал бы, плюнул бы ему в рожу и сказал бы: ты фашист, гад, подлец! Такие люди есть, а что сделаешь?

А вот бумагу о реабилитации Вы где взяли? Кто дал?

Есть эта бумага реабилитации, и суд и прокуратура. Все вместе, суд, значит, решает, а прокуратура подтверждает. Официальное, значит, дает право на реабилитацию. Это есть, я говорю, в этих бумагах копать некогда. А завтра у вас будет эта бумага, разговора нету. Какой там кабинет?

Я данные оставляю.

Это вам занесут, разговора нет.

Вы еще можете что-то вспомнить про депортацию? Что-то еще хотите рассказать?

А что депортация, я в основном тут, привезли, выкинули с вагонов, и кончилась наша депортация. Наша депортация продолжалась, пока отец народов не сдох, а потом уже реабилитация, туда-сюда, пошли разговоры. Комендатуру отменили, тогда был Маленков. Ну, Маленкова тоже скоро съели, ну там не зря не расстрелял с десятков этих крыс. Ну, его там отстранили от работы, Хрущев там затеял это самой, и Хрущев там скинул всех.

Что бы Вы хотели пожелать своим потомкам?

Ну, я уже сказал, что наше счастье, что мы попали в Казахстан и к казахам. И не я один так считаю, все люди так думают. Что мы из никого, пришли в кого-то. Людями тут стали, так что тут лучше не скажешь. Я, например, лучше не могу придумать.

.....
Аушев Осман Дресович, ингуш, 80 лет. Депортирован из Чечено-Ингушской АССР в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Как затронула депортация Вас и Вашу семью?

Вообще слухов никаких не было, никто ничего не знал. Приехали солдаты, за неделю вперед, почему приехали. Больше чем жителей, типа на учение. В каждый поселок приехали.

Как поселок назывался?

Эгикал. Район Галашкинский. Мужече. В Ингушетии. Потом они приехали в 1944 году в феврале, утром рано. «Собирайтесь» сказали, мама старенькая была, старший брат.

У Вас в семье кто был?

Отец – Дрез Шаймиевич, мама Есет Дебриеевна, у нас 10 человек было, я был самый младший, мне было 14 лет, старшему не помню. Отец хозяйством, домом занимался, я в 1930 родился, и его забрали, что он против власти, кто-то донес, он не вернулся. Утром пришли, в каждый дом заходили, пешком пошли, солдаты вели. Что в руках могли, то взяли.

Сопrotивление оказывали люди?

Никто не оказывал.

Слышали, что кто-то в горы уходит?

Не слышал такого.

Потом Вас собрали?

Потом до ближайшей дороги там пешком пошли, на грузовики посадили и на станцию, Слепоск, там на товарные вагоны посадили.

А из села только ингушей забрали?

Там только ингуши и были. Село пустое осталось. Все осталось, скот, бараны, коровы.

Много людей забрали?

Все село. Семей 15 было. Посадили в товарный вагон, снаружи закрывали, хоть умрешь там, не увидишь, маленькое окошко, стекла нет там.

В одном вагоне сколько человек было?

Несколько семей.

Как Вас кормили?

Никто нас не кормил, что у нас было то ели. Даже стакан чая не давали.

Вот с Вашего села Вы пешком до первой дороги, оттуда Вас посадили в машины, повезли на поезд, станция Слепоск. А Вы не знали, куда Вас везут?

Никто ничего не говорил.

Одежду не давали?

Нет. Много станций было, 2 недели в дороге были. Вот, когда ехали, на станциях останавливали, воду приносили наши.

Холодно было?

В вагоне у нас печка стояла. Буржуйка.

Кто-нибудь в дороге умирал?

У нас в нашем вагоне не было, а в других, я помню, остались на другой станции, выгрузили.

А кто-нибудь бежал?

Не слышал такого.

А много было остановок?

Много, я не помню.

А вот в вагоне люди что говорили?

Что говорили, не помню. Не знали куда едим, говорили в Сибирь, мы не знали, где это Казахстан.

Когда вас всех с села собирали, вообще люди сопротивление оказывали?

Нет, никто слова не говорил. Так могли и расстрелять. Так много солдат привезли.

Когда прибыли? Вот 23 февраля вас выселили?

Не помню. Март был, когда прибыли.

А Вы знали, что это Казахстан?

Я не помню.

Когда Вас привезли сюда товарным поездом, где была первая остановка в Казахстане?

Станция Сольпром, Тавалжан, там соль добывается. Отсюда 25 км, на санях трактором везли нас до Успенского района.

А людей много было?

В то время немного было.

А вот Вашу семью, были еще родственники Ваши?

Конечно, все родственники.

Вас сюда по дороге в Щербакты, в Успенку?

Потом от Успенки мы поехали в колхоз Сталина.

Как Вас здесь встретили в Щербактах?

Я не знаю, мы не слезли, сразу повезли дальше. В Успенку поехали сами. Наш старший так сказал.

А Вам возместили то, что Вы оставили там?

Землянки тогда были, брошенные, до осени дожили там, а осенью приехали в Успенку.

Вы жили отдельно?

Да, жили отдельно, колоски зерна собирали. Старшие сестра, брат привезли, вот такой кусок жмых. Человек 5 колоски собирали, мы вообще не голодали, 4 мешка муки было. У нас не болел никто, потому что мы рабочие люди были. Мама не работала, зерно обрабатывала дома. Собирали колоски, и так обрабатывали. Все братья работали, я скот пас. Весной приехали в Сталинку, там осенью в район, в Успенку.

Какие были природно-климатические условия? Возместили ли Вам то, что осталось?

Скот не вернули, мешки давали. Через год, не помню. Там много скота осталось. Только 1 телку дали. У нас зима не такая холодная.

Какой национальности были местные жители? Как они Вас встретили?

В Успенском вообще казахов не было, один. В основном русские.

Была ли поддержка с их стороны?

Проблем у нас не было. Отношения не знаю, какие были.

Каким показалось благосостояние местных жителей, на каком языке общались?

Я почти не понимал русский.

Как отделение называется, с которого вы переехали?

Не помню.

Вам разрешалось переезжать?

Когда мы приехали, нам нельзя было, там комендант назывался, в другой поселок пойдешь 5-10 км, то судили. Потом после отделения мы жили в Успенке.

Не давали выезжать?

Нет.

А вам разрешалось в Успенку переехать?

А мы с разрешения. Там работа, сначала братья приехали, потом вся семья.

Как Вас проверяли наличие на месте?

Я не помню, чтобы нас проверяли.

Можно было переписываться с родными?

Можно было, мы адреса не знали.

Получается у Вас родственники и в Кустанае есть? Вас разбросали?

Конечно по Казахстану, они же в других поселках жили, в другом поселке жил мой дядя.

Как было организовано управление в поселке, в котором Вы жили? Были ли там стукачи, осведомители?

До осени жили, а потом в Успенке мы жили.

Менялось ли отношение людей до и после войны?

Не помню.

Что помогло Вам выжить в таких условиях?

Землей нас не обеспечили, работали, колоски собирали.

Дети в школе учились?

Учились, я самый младший был. Я работал. Я пастухом был.

А сколько времени Вы пасли?

С утра до вечера скот пас.

А дети, которые учились у них, как складывались отношения с местными детьми?

В нашей семье никто не учился в то время. Не знаю.

Как Вы узнали о смерти Сталина?

В 1953 году он умер. Я не помню, как реагировал. Некоторые радовались, некоторые плакали, я не помню.

Когда Вы узнали о реабилитации?

В 1956, из газеты слышал. Потом в 1957 году многие вернулись назад. Я не вернулся. Мои братья поехали. Там много приехали, не пустили, вагона не было. Мой брат в Павлодар уезжал, и мест не было. И потом нам местная власть запретила. Сказали, что мест нет, размещать негде, подождать надо.

Были браки с другими национальностями?

Раньше не было. Сейчас на русских женятся.

У Вас все братья здесь остались?

В 1948 один брат умер, остальные сейчас уехали туда, в 1965 году, я только с братом остался.

Вам дали какую-нибудь бумагу, что Вы реабилитированы?

Не знаю, не видел.

Почему сами не уехали?

Я поехал, жил там, в 1992 году, дом купил там. Потом там война была, вернулся.

В 1992 году сколько детей было?

7 детей, с девушками поехали, а сыновья остались здесь.

Глядя из современности сейчас, изменилось ли у Вас отношение к депортации по сравнению с тем, что было?

Сейчас хорошо живем, благодаря президенту нашему. Как в Казахстане таких мест нет, спокойно живем. У нас хорошо.

Благодаря чему Вы выжили в этих тяжелых условиях?

Я вам говорю, все работали, мне 14 лет было. Пахал, сеял, скирдовал. 28 лет было, когда женился, сейчас 7 детей. Внуки, правнуки.

Что бы Вы еще хотели добавить к тому, что мы уже сказали?

Все вроде сказал.

Воевал ли кто-то на фронте у вас?

Не знаю. Не было, воевал, может быть, я не слышал. У нас поселок маленький был, не помню, чтобы кто-то воевал.

Чтобы Вы пожелали своим потомкам, будущему поколению?

Всем народам чтобы мирно жили, как сейчас мы живем, в наше время. У нас здесь спокойно живем благодаря нашему президенту. Чтобы как сейчас жили.

В 1992 году вы ездили туда, дом купили, там конфликт был между кем?

Дом так и стоит там.

Говорит на ингушском языке.

520 человек на войне служили, по фамилии Аушевы.

.....
Наурбиев Салман Хамзатович, ингуш, 73 года. Был депортирован из Чечено-Ингушской АССР в 1943 году. Проживает в России.

Расскажите, пожалуйста, как депортация затронула Вашу семью, Вас, может быть как-то родственников ближайших?

Ну, прежде чем ответить на этот вопрос, я бы хотел немного рассказать о самой депортации, для чего, в каких целях на государственном уровне были депортированы более 13 народов. Вместе с казачеством из бывшего Советского Союза было депортировано более 25 миллионов человек и в частности конкретно депортации чечено-ингушского народа. Эта акция была нужна руководству страны того периода во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это отъявленным врагом ингушского народа и чеченского народа, да и многих других народов. И именно он депортацию решил начать с северокавказских народов. Потому что по обычаю, по традиции, по нраву, по организованности, по мужеству, по справедливости эти народы всегда отличались в лучшую сторону, и с ними не так было просто обходиться. И очень, он так считал, подобрал удачный момент во время Великой Отечественной войны, когда линия фронта находилась далеко от мест депортации. Когда он знал, что на территории Чечено-Ингушской республики кроме Малгобекского района и города и маленькой части правобережной части Чечни враг не ступал ногой. Ему легче было обвинить в предательстве и аполитизме и других правонарушениях ингушский народ, чтоб перед мировым сообществом как-то оправдать свои чудовищные планы. Поэтому он решил сперва опробовать там, но, а после этого поставил на линию фронта депортации целые другие народы, которые ему были не удобны. То, что чечено-ингушский народ не подходил тем обвинениям, которые он делал в мировом масштабе, обвиняя их в бандитизме и предательстве, говорят такие факты. И о конкретном, каждый народ по-своему не правилен. У каждого народа, которые объединял тогда Советский Союз свои успехи, свои достижения, вместе они защищали родину, вместе погибали, вместе отстаивали честь и достоинство, ну а ингушского народа это особые были заслуги, начиная с его вхождения в состав Российской Федерации в 1970 году. Первое, что я хотел бы обратить внимание, это Дунайская война в 1870 году. Между прочим, могу отметить, что с момента вхождения в состав России никогда ингушский народ не нарушал принятые по договору и вообще данным словом обязательств на себя, а в трудные периоды истории России всегда или рядом стоял или впереди шел. Вот как раз один из моментов в тот период отличившимся в боевых действиях соединению присваивали георгиевский стандарт. И фельдмаршал Скубелев на глазах многотысячной российской армии этот стандарт вручил ингушскому полку и заявил, что «я очень горд и рад, что под моим командованием воевали эти организованные, боевые части, которые состояли из ингушского народа, что эти орлы Кавказа проявили себя в этом направлении». Второй момент, 1915 год, Брусилловский прорыв, есть телеграмма Николая 2-го ингушскому народу, что «самая сильная боевая единица германской армии это железный крест. С возвращением дяди царя ингушский

полк двинулся на этот железный крест и в пух и прах, а за ним пошли другие полки. Никогда в истории нашего отечества не было, чтобы на соединения, на танковые соединения конницы шли воевать, они за полтора часа разбили в пух и прах». И в связи с этим Николай 2-ой дает телеграмму ингушскому народу, что он горд, что эти орлы Кавказа проявили такой героизм, с почестями отправили их на родину 200 человек всадников. И с почестями похоронили. Однако когда нас выслали, над могильным камнем этих заслуженных перед Россией людей использовали под свинарники наши соседи осетины. в Великой Отечественной войне из Чечено-Ингушетии участвовало на этот маленький малочисленный народ 65 тысяч человек, из них 45 тысяч чечено-ингушей. Более 10-ти тысяч только ингушей участвовало в Великой Отечественной войне. Это по тем военным меркам самый высокий процент по отношению нации в Советском Союзе. Наш народ участвовал в войне. И блестящие подвиги ингушского народа, потому что только в Брестской крепости, защищать Брестскую крепость участвовало 52 человека. Последним из Брестской крепости ушел ингуш. На глазах немецкой дивизии он сам себя застрелил. Потому что когда он слышал, он уже был не зрячий. Он слышал немецкую речь. Чтоб он знал, больше никого нету. И он чтоб не попасть в руки немцев, себя застрелил. И командир этой дивизии с почестью его похоронил. Более 15-ти человек были представлены к званию Героя Советского Союза. Которые не получили от того они ушли. До начала войны было дано задание чеченцам и ингушам в плане правительское звание не присваивать. Это я все рассказываю, потому что ну к нам, народу чечено-ингушскому, как и другим народам не предательство, не бандитизм не как не подходит. А это была задуманная задача. Заблаговременное задолго до начала войны, вот так вот каким-то образом расправиться с этим народом. А именно почему с ингушским народом. Потому что трижды делали попытки наш город Орджоникидзе, наш ингушский город Владикавказ, который построен на ингушских землях на это есть и документы, и подтверждающие все материалы и т.д. и т.д. Сталин стремился передать, а он сам по национальности осетин. По роду незаконнорожденный. Это доказано всем. Он поддерживался на родине, хотел передать Владикавказ и с третьего захода ему это удалось. Но чтобы освободить все территории и передать их Осетии, ему нужно было ингушей всех выгнать, выслать в Казахстан, в Сибирь и т.д. и т.д. Вот предыстории, почему я говорю, что вот ингушский народ и другие народы, которые были высланы, народ никогда не может быть виноватым. Они задолго до этого готовились к этим мероприятиям депортации. Ну, сама депортация как происходила. В-первых, военные линии фронта были далеко от мест депортации. 43-й год... Для того чтобы ингушей депортировать было отозвано от линии фронта более 120-ти тысяч военнослужащих. В основном это войско НКВД, тогда НКВД было. В основном войска НКВД. В течение трех осенних месяцев они готовили эту депортацию. Но об этом народ мало знал и не думал и не предполагал, что может быть такое. И когда наступил период депортации, все они были приведены в военное положение и если где-нибудь будет оказано сопротивление или неисполнение, был дан прямой указ Берии расстреливать на месте, уничтожать. За три дня до депортации он собрал всех руководителей, начиная от первых лиц в городе Нальчик. Провел с ним совещание и заявил: «Решением партии и правительства ваш народ подлежит депортации». Я это почему знаю, потому что республиканского масштаба руководитель был мой дядя Наурби Апуркай Алмазович. Единственный человек, который к нам выступил, сказал, что решение партии и правительства не справедливое. Причем дети, причем больные, причем старики, причем мирное население, почему вы их всех под одну гребенку. Не доказано, что народ и часть народа или отдельные личности предатели, враги и т.д. и т.д. Почему так поступаете. За что Берия заявил, что «поздно Апуркай Алмазович, поздно, поздно. Лучше поезжайте, проведите два-три дня разъяснительную работу со всем населением, чтобы никаких акций, чтобы сопротивления не было, потому что если где будет такая акция, то будет дан приказ уничтожать на месте». Это я лично знаю от своего дяди, который к нам оттуда приехал, действительно предупредил население. Но я должен сказать, никто не верил, никто не думал, что поголовное будет выселение. И такая уже была не гласная установка. Это я,

почему говорю, потому что это вопрос, который я сейчас освещаю, это касались масштабные вопросы. Там где труднодоступные места, там, где транспорт не может пройти, высокогорные места и т.д. и т.д. там вообще проводить акцию уничтожения. Это я почему знаю, потому что вот многим рассказывал и рассказываю в отношении населения Айбах. Это чеченское горное селение, где проживало более 700 человек. Операции этой зоны возглавлял Вишиани генерал-майор, грузин по национальности, но и одна из правой руки Берии. И когда их под видом проведения с ними собрания, собрали всех, изгнали в скотник, который был укрыт соломой с детьми, женщинами, больными, в общем, со всего с этого села, со всего аула, 700 с лишним человек заперли ворота и подожгли. Сжечь их живыми. И когда они поняли, что с ними это происходит, они натиском проломали ворота, среди них была женщина с двумя младенцами, они ее, несмотря на всю вот ситуацию, неординарную ситуацию, все же нашли терпение и мужество пропустили ее вперед, и когда она выскочила с этими детьми, она видит, среди военных стоит вот этот генерал, подлец, по-другому его не назовешь, у него судьба такая же кончилась, он заслужил, то, что получил, вернее, получил то, что заслужил. Она подбежала к нему плачущая и говорит, что вы делаете, он пнул ей в живот ногой, и эти два младенца выпадают у нее с рук, ее тут же расстреляли, а этих младенцев через ворота, горящие вот это вот, в горящий огонь бросили, и был такой исследователь вот таких вот моментов генерал-полковник Кошурка. Мы, он нас пригласил, чтобы мы попали к Алексею второму. Это было в 90-х годах. Когда он рассказывал ему об этих мероприятиях и не только об одном случае, а о многих других таких случаях, он по всему Кавказу группу свою создал, исследовал последствия депортации. Он говорит: «Ваше святейшество, эти черепки этих двух младенцев я своими руками держал». Алексей 2-ой Патриарх всея Руси Московской не выдержал, у него слезы потекли. Настолько была жестокость, во многих горных аулах во дворах расстреливали, не давали хоронить, а если дадут там получается 20 минут захоронить, это было великое счастье. И вот 23-го февраля после 12-ти, одновременно повсеместно собрали правление колхозов, совхозов, там учреждений, всех мужчин, подростков, окружили их, а все села были окружены, я это прекрасно помню по своему селу. Я жил в селе Плиево в Ингушетии. Окружили их и не выпускали. И начали, подали с вечера, подали телятники, мы тогда их так называли теплушки, эшелоны. И начали стаскивать народ туда. Давали на сборы максимум полчаса, час. Я как сегодня помню, как к нам во двор приехали военные, сказали: «Собирайтесь», а куда, что, собирайтесь и все. И даже когда, нас было четверо детей маленьких, мне самому младшему было 6 лет, а самой старшей 12 лет. Вот 12-тилетняя сестра нас одевала и мать, и время этим кончилось, что февраль, холодно на улице, что надо, чем могла одеть нас, а взять с собой почти не смогла. Вот таким образом нас на попутном подводе забросали как вещички и привезли на вокзал. Вот таким образом со всех домов, дворов завозили людей.

А в какой город вас привезли?

Заталкивали нас в этот вагончик. Просто, как рыба селедка в бочку и нас затолкали туда. Привезли нас, мы ехали где-то полмесяца. Уплотненные в этом вагончике, как и остальные вагончики, нас привезли в Казахстан, в Кустанайскую область, Федоровский район, Опешковский район Кастриковский сельсовет, село Преображеновка. Ехали мы дорогой очень сложно, вся вот это вот дорога была без преувеличения сказать обсыпана трупами. Люди с голода умирали. И не давали не только, и хоронить, даже попрощаться. Многие прятали в вагонах умершего. Проходил конвой обнаруживал, еще наказывал, их выбрасывали, на ходу выбрасывали. Пищи, ну то, что там захватил с собой, это делились люди в вагоне, сперва одна семья, потом другая, чтобы дожить, ну а разрешали на остановках немного запастись дровами, углем, водичку давали, а с пищей дело было сложно, потому что военное время, тогда и у самих не было пищи, вот с таким ужасным положением нас везли к месту прибытия. После того как нас выслали это я уже в 56-ом году вернулся с Казахстана и много опередил событие. Во Владикавказе встретил я одного осетина, который рассказывал после того как нас выслали, Берией, Скуловым, первым секретарем Компартии собрал из горных мест южных осетин и т.д. и т.д. Провел большую

конференцию и говорит, вот во всей Ингушетии стоят свободные дома. Имущество, скот все, что хотите, поезжайте, живите там. Но один раз он выступил, не нашлись согласные, второй раз выступил, третий раз Кулов говорит: «Дайте, я поговорю с ними, если можно, Владимир Павлович». «Ну, давай поговори». Он вышел на трибуну и говорит на осетинском языке: «Скажите, пожалуйста, жмени мух отвести и выпустить в северный ледовитый океан, они вернутся?», они говорят «Нет, не вернутся». А эти отказывались, зная ингушей, они нам не простят, если мы это все займем. Он говорит и таким образом ни один ингуш сюда на Кавказ больше не вернется. Можете спокойно ехать забирать дома, имущество все остальное и живите там. После этого они согласились. Они действительно полностью Ингушетию заняли осетины и грузины. Ну, приехал туда на место. До нашего приезда там уже была проведена огромная подготовительная, разъяснительная работа. Что едут людоеды, едут враги народа. Едут бандиты. Оберегайтесь их, остерегайтесь их. У них ничего существенного, справедливого нету. Они могут идти на все. В основном во всем Казахстане уже после этого мы начали расти и жить там, соединялись, встречались и т.д. Во всем Казахстане была подготовлена, такая вот проведена беседа, такая обстановка. Мы попали в село, где в основном были русские еще в период царизма тоже сосланные туда. Должен сказать, что многие нас неплохо встретили. Сперва мы попали в старый детский дом. И как раз мы приехали туда, в середине марта немного пошла оттепель. Все занялись сбором колосков от урожая, который остался. Это очень помогло народу. Очень помогло. Многие, должен сказать, умирали с голоду. Мы попали к одной русской семье. После этого детдома, и я должен сказать, что мы жили как одна семья. Вот это нам и помогло. Так и многие другие, вот так вот кому повезло. А были совсем другие, они убедили, что это не все, что было пропагандировано, были, разъясняли, ходили, это ложь, это неправда. Совсем другие люди. Трудолюбивые, трудоспособные, общительные, уважительные и т.д. Многие начали дружить и т.д. И это нам помогло. И нам помогло и им помогло. А во многих местах в этом сложная была обстановка. Работу не давали, жить не давали.

А сколько Вам было лет тогда?

Мне был 7-ой годик.

6 лет?

Да 6 лет. 7-ой годик.

В том месте, куда вас привезли кроме русских, просто потом чтобы к этому не возвращаться, жили кто-то еще? Вы сказали в основном русские. Еще кто-то?

В основном. Казахи там жили. Немцы жили.

Это уже депортированные немцы жили?

Депортированные жили. Депортированные. Я вам должен сказать, от того, что мы туда чеченцы-ингуши попали, многим депортированным было дана с греком, с немцами. Очень повезло. Мы их, можно сказать, спасли. Потому что так по своей природе люди такие объединяющиеся между собой дружные и можем противостоять. И вот этих обездоленных мы взяли, во многих местах это по всему Казахстану, по Киргизии, по другим местам мы их взяли под опеку. Им помогло то, что мы туда попали. А расселили нас, таким образом, по 10 семей, по 5 семей, но не больше 20 семей в один населенный пункт. Чтобы мы не могли объединяться. И посещение без разрешения, сразу комендатура очень жесткая. Не разрешали из одного села в другое без разрешений, посещение одного села в другое. Во многих местах на 20 лет, на 25 лет осуждали. Потом немного смягчили там. Сутки, на месяц, на 5 суток и т.д. и т.д.

Компенсацию вам никакую не выдавали за оставленное имущество?

За оставленное имущество компенсацию местами выдавали. Вот мы получили два барана. Наша семья получила два барана.

А сколько было вас?

У нас свой дом был, свои коровы были, полный свой двор. Все было, и куры и...

Просто, чтобы сопоставить, сколько было, сколько потеряли.

Да нет, это мизер. Никакого сопоставления не может быть. Даже и речи не может быть о сопоставлении. И вот это жестокостью, я с уверенностью могу сказать, от холода, от голода, от других лишений ровно половина нашего народа погибла. Очень больно переносили, это все лица, которые воевали, сразу всех отозвали с фронтов. Многие там с другими фамилиями, там с командованием, там они слишком уважительное отношение, дагестанцами записывались, вот ингуши некоторые осетинами записывались и т.д., оставались воевать.

А у Вас отец был на фронте?

Нет, у меня отец в 37-ом умер. У меня брат был на фронте. Старший брат был на фронте. Тоже его отозвали, и он позже умрет.

То есть его к Вам не пустили?

Нет, не пустили. И только отдельных пускали, они вот в Алматы поужезжали.

А куда их ссылали, на какое-то особое место? То есть это было принципиально, что к родным нельзя было приехать?

Это было принципиально. Я же говорю, чтобы мы не объединялись, даже нас нормальное гражданское население, не говоря уже о военнообязанных, военных мужчинах и т.д. Нас поселяли так 5 семей, 7 семей и т.д. Чтобы мы не объединялись. И вот ответив всяким запрещениям, нас погибло, должен сказать, ровно половина нашего народа, осталось там.

Вот в том селении, где вы были вас сколько было семей? Вот в этом... Это ведь село было?

Это было село. Семей 20.

И сколько осталось?

Человек 5. Я помню поименно, пофамильно. Человек 5 от голода умерли. Потом, когда к 50 годам немного вот это вот жесткое такое осуждение было снято, там оставались какие-то сутки многие поужезжали, они на юг уехали, в Алматы, в южный Казахстан, осталось там, когда мы тоже оттуда уехали в 47-ом году, переехали мы в Кокчетавскую область, там дяди мои жили. Матери братья. Там оставалось где-то семей 10.

Я хотел у Вас спросить про то, как учились Вы в школе? Вы сказали, что Вам было 6 лет.

Да, я учился в школе. Там, где мы жили в этой Преображеновке, я закончил 3 класса. Потом мы переехали в Кокчетавскую область, тоже селение Бухальское. Там я закончил 7 классов. Хотел опять вернуться в город Кокчетав, где у меня дядя жил родной. Чтобы там закончить 10 классов. Там мне не дали, не разрешали. В районе была 10-тилетка. Езжай туда, а там возможности, материальной возможности и негде остановиться и т.д. И там не мог я учиться. Я помню даже, что Никита Сергеевич писал заявление, чтобы мне разрешили учиться в городе Кокчетаве, закончить 10 классов. Мне не разрешили. Ну, потом, я продолжил учебу в этом, Дороговка была, там 10-тилетка, параллельный. Там закончил 10 классов и когда нам разрешили вернуться в 56-ом году, мы вернулись. В 57-ом году нас брали уже в армию. Это для нас было великое событие. И первым из республики я ушел в армию, во флот. Со мной ушло 10 человек, первенцы. Вот с этого момента начали немного, ну, восстанавливать нас в правах.

Вы сказали вот в 47-ом году вы переехали. Смогли восстановиться.

Да.

А как это произошло, то есть вам давали разрешения?

Разрешения.

И долго Вы ждали на это ответ?

Ну, я подробности не помню. Я помню, писали, в Алматы писали. Сперва разрешили мне и старшей сестре, матери поехать. Потом остальным двоим разрешили. А так же было немного потепление.

А как повседневная жизнь протекала? То есть вот работали за трудодни или зарплаты? И как вообще может... Где вы жили?

Смотря где, кто жил. В колхозе. За трудодни. В колхозе.

И потом выдавали что-то за эти труды не очень?...

Ну, если урожай есть, хороший, выдавали. А если нет тогда...

На что вы жили?

И огород имели свой.

То есть с огорода питались?

С огорода питались. И многие питались с огорода.

А одеться? Это же... Холодно же там было.

Ну... Одеться... Вы знаете, в основном одежда была, это овечье, это самое, шкура. Из него шили, там самостоятельно шили, чем попало, что попало. В общем, кое-как выбирались. Выбирались очень сложно, выбирались. Вот допустим, один одевается, идет куда-то, другие сидят дома, пока он не вернется. Он пришел, переделся, другой пошел. Но, а у кого в доме несколько человек, там мужчины и т.д. им легче. Они подрабатывали, и у них доход был побольше. Но дело в том, что вот если бы не только чечено-ингушские, другие народы друг другу не помогали бы, еще больше погибло. Помогали. И мне очень трудно назвать, чтобы кто-то из переселенцев, особенно из чечено-ингушей, чтобы он со своей семьей замкнулся, а если там другие, не имеющие, он употреблял пищу и не давал. Делились.

А вам помогали, вашей семье?

И нам помогали и мы помогали. Конечно. Мы...

Как это происходило? Вы просто делились едой, да?

Едой делились. И вот допустим, когда мы приехали из Кустаная в Кокчетав, наша тетя там, сейчас перед глазами стоит, мешочек там, где-то три пуда пшеницы. Она ровно разделила и говорит: «это вам, это нам». А дальнейшей, это всевышний вот то, что он даст, нам даст это самое. В основном огороды сажали. В огороде картофель. Картофель там неплохо. Там, где мы находились, неплохо урожай картофеля собирали. Мы там капусту и другие овощи и т.д. и т.д. А в отношении хлеба, пшеницы на трудодни получали, давали. Какие-то запасы зимние делали и т.д. Ну и кроме этого была возможность держали корову. Там курей держали и т.д. В общем сельским хозяйством в основном. А те, которые в городских зонах жили, в промышленных зонах они, естественно, трудились на предприятиях.

То есть туда тоже распределяли? У вас из родных попадал так в городскую...

У нас вот дядя жил в городе Кокчетаве, он нам всегда помогал.

То есть он работал на заводе там и ему выдавали зарплату?

Но на артели работал. Зарплату получал и всегда нам помогал. Мы ездили туда 50 км, иногда пешком ходили, иногда там попутные машины, если появится или там, на санях зимой, в упряжку там быков запрягали. Заготавливали сено, возили дрова, продавали. Ну, все что возможно было...

Вот это были подработки такие, да?

Да, подработки. Все что возможно было для того чтобы выживать. Но должен вам сказать, были моменты, особенно когда нас выслали туда в первые годы. То есть семьями умирали. Семьями. Вот кто останется жив, ну даже не может их похоронить. Вот накрывают их, чем может накрыть и выходил из дома. Были такие моменты. И были моменты такие, зимой земля мерзлая, там этих ... это лома не было, там лопатой надо было копать. Вот

зимой для того, чтобы хоть на поверхности не остался, умерших зарывали в снег, чтобы с наступлением оттепели похоронить. Многих съедали звери.

Это у вас в селе так, были такие случаи?

В селе были. Это повсеместно было такое. Особенно первые годы. Ужасная была...

Вы не помните, как было организовано управление? То есть вы должны были ходить отмечаться куда-то или как вам передавали новости, если что-то случилось?

Комендант, на каждый населенный пункт был комендант. Комендатура была, районная была, поселковая была, городская была.

Это у вас в селе тоже были коменданты?

У нас комендант был один. Он за всеми следил.

А он был, не помните, какой национальности? Вообще кто он был?

Русский.

Он был русский?

Русский был да. И такой был идиот (*смеется*). Страшный идиот.

Расскажите...

Ни одного случая не пропускал. Ни одного. Вот малейшее нарушение и за это его и сняли. Подведение итогов, там через 3-5 лет у тех, у кого больше нарушений, тех и сняли. Ну, иногда украдкой мы допустим, я вот когда немного подрос, украдкой ходил в город Кокчетав, там 50 км, утром рано выйду, переночую там, то, что мне от дяди надо возьму, приду и никто не узнавал. Такие моменты были. Но в большинстве случаев жесткий контроль был. Жесткий.

А были ли среди вас, вот я слышал, что выбирали с нескольких дворов старшего. Было ли такое у вас? Или у вас было 10 дворов...

У нас не было.

Не было.

Но в других местах были. Как бы доверенные лица, которые работали со спецпереселенцами и с комендантом.

То есть если кто-то уходил, то были какие-то люди, которые стучали? Или комендант все время обходил?

Ну, возможно и были. Я таких моментов не могу сказать. Ну, были такие моменты. Может быть...

Как узнать, если человек ушел? Комендант не будет же обходить каждый день всех.

А он приходил в любое время. Вот он знал, сколько членов семьи, а где этот ваш.

У вас было так да?

У нас в селе было так. В моем селе было так. Ну... нечеловеческий образ жизни был. Нечеловеческий образ жизни. Расслабление, во-первых, тоска по родине, это особенно у старших. Вот был такой момент. Там есть один вопрос такой, даже когда нас туда везли, если поезд идет прямо, потом его как-то разворачивают или круг дают «О! Нас уже везут домой». Настолько великая была тяга к родине, к дому, к жизни, к Кавказской и т.д. Даже эти моменты: вот нас везут домой.

Верили?

Верили. Верили, что никогда не верили, что мы там останемся. Верили, что через месяц, через два месяца обязательно мы поедем домой. Это ошибка допущенная. Как это так!? Мы за Россию, за союз воевали. Наши дети воевали, мы воевали. В революцию воевали. Все время там же революционеры, особенно заслуженные революционеры, которые стражники здесь с Кировым, с тем же Сталиным общались, знали друг друга, у Ленина были. Это старшие поколения. И они никак не могли понять как это так. Ну, если говорить о нас, мы какие-то предатели, ну должны же быть какие-то факты.

А бумаги вам какие-то показывали? Не помните ли или мама рассказывала, вот когда происходило выселение, когда вас привозили, приказы какие-то читали? Или просто все сбилось.

Нет. Я же говорю в один день 23-го утром. В полночь забрали всех мужчин, утром нас забрали, свезли и засунули в вагончики. А мы стояли сутки, потому что там, где возможно было подвозить, подвозили с других населенных пунктов. Целый эшелон пока они сформировали это и т.д. Скот ревел, кошки мяукали, собаки гавкали. Они вот это вся живность знала трагедию эту. Живность могла воспринять эту трагедию, а люди, которые называют себя людьми, это чудовищные негодяи, и судьба у них была негодяйской, и конец жизни у них был, мало ли одного. Берия расстреляли, это же Кулова расстреляли и всех остальных расстреляли. Вот они не могли этого понять. Ну, я в 6 лет стал врагом народа. И я с шестилетнего возраста ставший врагом народа, мне разрешили идти в армию. Я с удовольствием, я как на праздник шел. Нас привезли в Севастополь, я ехал туда как на праздник.

А за то время, что произошло с депортации до смерти Сталина, как-то менялось отношение к вам? Вы чувствовали на себе что-то?

Особых изменений не было. Менялось это не отсюда, не из центра, а там, на местах, к людям немного притерлись, люди там общались. Ту ложь, которую на нас наговаривали, навешали, люди поняли, что это не так. Я имею в виду даже низовые руководители, там секретарей, райком председателей колхоза, директора сельхоза, директора учреждений, люди же видят, что люди работают, дают хорошие показатели, передовики производства и т.д. и т.д. Естественно, они совсем по-другому начали относиться после происхождения там 2-3 лет и т.д. И постепенно и рабочий класс сформировался, и интеллигенция сформировалась, она не формировалась, а восстанавливалась, и вот сам народ восстанавливался, потому что меньше препятствий было, очень многим нам, многие, например лучше стали жить, чем местные им помогали. Это со временем. Восстанавливалась.

А как вы со своей семьей ощущали изменившиеся отношения?

В лучшую сторону, конечно.

То есть раньше это были косые взгляды или обзывательства или что это? В чем был залог, что хорошо начали относиться?

Разные. Всякое было. Всякое было. И обзывали, и звери, и предатели.

Дрались? Мальчишки же дерутся между собой. Дрались?

Дрались. Мы в школе дрались.

А с кем дрались? С немцами дрались?

Нет, они тоже обиженные, как и мы. Мы сочувствовали друг другу. В нашем селе...

А с казахами, с немцами дрались? С мальчишками? От кого просто исходило это?...

Ну, в основном от местного, кто там жил, от местного исходило. Я же говорю, когда они поняли, что вот то, что они им, говорят это нормальные люди, с ними нормально можно общаться, нормально жить, нормально иметь дела, потом они дружбу завязали и до сих пор многие и переписываются, вот сейчас много живут в Казахстане, я вот был лет 5 тому назад в городе Павлодаре, там они очень хорошо живут. Дружно живут. Вот. Друг другу помогают, поддерживают и т.д. и т.д. Ну а когда это детство ушло...

Про смерть Сталина Вы помните, как это было?

Я прекрасно помню про смерть Сталина.

Расскажите.

Но мы, я был, даже не помню, в каком классе, в 5 или 6 классе, когда пришла весть о том, что умер Сталин. Он же долго болел, там почти несколько дней. И радио работало, единственное, что могло это самое в крупных населенных пунктах, в районных центрах и

т.д. Радио вот это, вот чашки работали. Вот постоянно, но работало, передавало сводки о его состоянии. И наконец, новость, все, конечно, может быть не душевно, многие искренне переживали, болели, а потом, когда он умер, начали, в общем, все плакали. Мы мальчишки ингуши и не плакали, и не смеялись. Мы вели вот такое вот самое... Ну, нам говорят, хоть делайте вид, что вы плачете. А как делать вид, если не хочется плакать. Если душа радуется, что этого негодяя не стало. Отца народов. И палач народов.

И какие ожидания были?

Но ожидания потепления. Ожидания, что вот первые ожидания, что вернемся на Кавказ. На свою родину. Это первое ожидание было. Но, а так более менее, свобода. Там же не только в союзном масштабе, не только репрессия народа, это особая категория людей, которых не считали за людей. Даже не за второй, не за пятый сорт. Вообще за людей не считали. С ними все что угодно можно было делать. Жаловаться некуда, комендантам жалуешься. От него никакого, это самое, наоборот, пожаловался – еще хуже тебе. А и другие народы были так же под гнетом, сильнейшим гнетом. Попробуй сказать что-либо, свою мысль, свое мнение, кроме того, чтоб тебе предписали, это на всех отражалось. Поэтому нас в Советском Союзе на каждого третьего, вернее на каждое третье лицо – это политически репрессированный человек. Система была такая.

Чего ждали и через сколько произошло то, что ждали? В 53-м он умер и когда начались?

В 56-ом году, 55-ом отдельные начали выезжать на Кавказ.

Вот если из вашего окружения, кто первый выезжал, как и куда это было, не помните?

Из нашего окружения мы тогда жили в Караганде. Когда это самое...

Значит, в 56-ом уже в Караганде жили?

Мы в 56-ом в Караганде жили. Мы поменяли три места жительства.

В 47-ом переехали к дяде. Потом?

Потом в Караганду переехали. И первые из Караганды насколько я знаю, мы уехали. Я, старший брат и мать.

В 56-ом году? И куда вы уехали?

В 56-ом году. Караганда – Москва.

В Москву?

Да, в Москву приехали. Там дядя, вот нашего дяди был знакомый татарин в Москве. Он нам дал адрес. Приехали к нему. Он нас очень хорошо принял. Походили по магазинам. Там туда-сюда. Мы-то ничего не знали. Вот он дочь свою там сопровождающей дал. Она нас поводила, и вечером мы сели на поезд Москва-Орджоникидзе и уехали домой к себе. В нашем доме жил полностью осетин. У нас было, отец построил в свое время хороший дом, шесть комнат там и т.д. У нас целый гектар сада был. Полностью весь был уничтожен.

Сад?

Сад. Две абрикосины осталось. Потому что они боялись ходить в лес, на дрова и...

Почему боялись?

Ну, там обреки остались, там туда-сюда и ингушские и т.д. боялись ходить в лес.

А остались там да в том месте, где у вас...?

Редко кто там остался. Редко. Как то там массовых кто-то там остался, это очень трудно сказать. Редко кто остался. И вот когда мы приехали, несколько семей было ингушских, тут же вместе с нами чуть день раньше, день позже приехали. Я пошел к себе. Я в 6-тилетнем возрасте был выслан, мне было где-то 13 лет, когда были там. Я чуть раньше приехал. Мне где-то 18 лет был. Я свой дом узнал. Мать не узнала, старший брат

не узнал, но я узнал. Потому что у нас там плетенные заборы делали высокие вокруг всего этого дома. Ну, огороды, дом и т.д. ничего не осталось. Один, две абрикосины, остальное все было сожжено. И когда я пришел во двор, там тоже жила семья, отец, муж, сын и еще там несколько детей. Я говорю, это вот мы приехали, нам нужно одну комнату освободить. Он говорит: «Нам самим тесно» и распределил: одна комната бабушка с дедушкой, одна я с женой, одна для гостей, там одна для вещей, одна для детей и т.д. и т.д. Я говорю: «Молодец!». Отец, когда строил дом, он так не умел распределить, ты хорошо распределил.

Не впустил?

Я говорю: «Вот сейчас два часа, в пять часов я приду, если не будет одна, вот сам я просил любую, вот самая большая комната не будет освобождена, то есть один из нас будет ходить по этой земле – или я или ты». В 4 часа пришла сноха и говорит: «Комната освобождена». И что удивительно, после этого мы жили очень дружно. Прекрасная семья была. Вместе мы в лес ездили, вместе там многие вещи, вместе как одна семья мы жили.

И сколько лет так продолжалось?

Года полтора.

Потом они уехали?

Сами уехали.

Весь дом остался, значит?

Остался.

А с имуществом вам что-нибудь возвратили? Компенсации какие-то были?

Нет. Ничего не возвратили, но они нам заявили, так что мы не сразу сюда пришли, поэтому мы не знаем, кто там сад срубил, там забор спилил там и т.д., а мать узнала свои вещи там корыта, там машинку швейную, там и т.д. вот они уже пришли почти в негодность. Им моя мать говорит: «Это мои вещи. Если вы позже пришли, как они у вас оказались?»

А какие-то бумаги по реабилитации вы видели? То есть вот то, что вы смогли уехать, кто-то вам что-то выдавал? Или какие-то приказы вы читали?

Нет, мы собрались и уехали. После того как мы приехали, тогда уже были и указы и приказы и все остальные документы. Восстановить республику по момент репрессии, и что не было сделано. И я должен сказать, все люди, которые проживали, когда мы приехали в Ингушетию, проживали русские, евреи, дагестанцы, грузины, армяне, татары, осетины, все за исключением осетин извинялись, освобождали дома и уезжали. И говорили спасибо, что за это время прожили. Единственный народ, который не освободил наоборот...

Вот еще момент про саму реабилитацию. Вот когда вы получили ее и как происходил процесс, получили ли вы? Потому что я знаю, что за некоторых интервью некоторые принципиально это не делали.

А вы знаете, ее не раздавали.

Нужно было нести какие-то документы, да?

Никуда мы ничего не несли. Абсолютно. Паспорта, которые мы получили в Казахстане, они были действительны. До моего ухода в армию я никаких документов не получал. Семья моя не получала. Компенсацию никакую нам не давали. Единственное, что там давали ссуду. Давали на строительство там где-то 1000 рублей. И на покупку коровы 100 рублей, что ли вот такую компенсацию, вернее, ссуду давали. И больше ничего не давали.

Возвратную сумму?

Возвратную, конечно. Так что никаких документов не было.

И тогда то, что с чем заключается, вы читали, наверное, эти вопросы. Что вы хотели сказать потомкам тем, кто это интервью будет смотреть, историкам?

Я не только потомкам, всем бы хотел сказать. Во-первых, я, честно говоря, от всей души благодарен авторам этой программы. Кто ее вздумал, кто ее сейчас составляет. Это огромный труд. Это я считаю, что это очень полезный труд. Поэтому я большую

благодарность выражаю тем, кто вот эту программу составляет и всемерно готов содействовать этому. Это чудовищное явление для всего человечества. Я еще раз повторюсь, из-за этого отца народов и палача народов ни в чем невинные советские граждане погибло более 100 миллионов человек. Он же был величайший трус. Когда перед началом войны он понял, что Германия развязала войну, а ему до этого докладывали вот вот-вот-вот наступление, нападение, он не принимал это, когда действительно развязалась война, он сбежал, и ровно неделю его в Кремле не было, он в Кумце сидел на даче. И когда Политбюро к нему приехало, ну, в конце концов, что-то надо делать и так далее, он думал, что они приехали, чтобы его арестовать. Это же величайший трус был. Вот из-за этого одного труса, который сумел поднять бездарных людей, таких же трусов как он под себя и единоличную власть из-за него погибло более 120 миллионов мирных граждан Советского Союза. Всех национальностей. Я сейчас не различаю по национальности. Все национальности. Так вот, я молю и прошу всех, кто этот голос слышит, чтобы никогда это не повторилось. Никогда на земле это больше не повторилось. Чтобы наши дети, которые сейчас подрастают, они и никогда и не слышали об этом. Это чудовищное явление. Это поймет человек, который сам прошел через это. Я сам в 6 лет стал врагом народа. Если бы допустим, я имел бы возможность как все остальные и все время и учиться и заниматься полезным трудом и т.д. и т.д. Может быть, у меня были бы уже другие успехи, показатели и т.д. В течение всего этого времени, когда Верховный совет СССР Горбачевский принял декларацию об оправдании, об отмене всех актов депортаций, оправдании репрессированных народов для нас это было величайшим праздником. Когда приняли закон о реабилитации репрессированных народов, когда бывший президент ныне покойный Ельцин заявил, что мы никакого одолжения не делаем репрессированным народам. От того, что мы принимаем закон о реабилитации репрессированных народов. Мы то, что у них незаконно отобрали, законно им возвращаем, мы перед ними в долгу и т.д. Это закон века. Это для нас было, ну, величайшее возрождение. И поэтому человеку, испытывшему сызмальства на себе все эти лишения, все эти жестокости, несправедливости и т.д. Я, конечно, обращаюсь ко всем, чтоб никогда этого не повторялось. Поэтому, я думаю, что ваш проект, сколько он является мирового значения, он положительно повлияет на умы, сердца тех людей, от кого зависит, чтоб этого не было. Ведь мы свято верим, когда мы голосуем, выбираем президента, парламент и т.д., что эти люди за нас будут беспокоиться, они не допустят против нас ничего негативного, они будут болеть за наши судьбы, за родину, за успехи, за дружбу, за все положительное. А этот негодяй, я извиняюсь, конечно, что перед камерой говорю эти слова, он другого не заслуживает. И конец у него был такой. Вот у таких людей обычно не бывает потомства. Вы же видите, что у него потомства нету. Поэтому я вот с этими словами обращаюсь. Вам спасибо. Дай Бог, чтобы никогда по отношению к кому-то не повторилось.

Спасибо большое!

А вот еще забыл один момент спросить. Во всех интервью не отражали про религиозные вещи. Давали ли как бы отправлять, намаз читать, вообще какие-то религиозные обряды были ли к этому, вообще вот просто я знаю, что народов с Кавказа депортировали, это была особая проблема. Вот мечети, домашние, дома...

Я понял вопрос. Не только не давали выполнять обряды религиозные, за это наказывали, за это судили, за это сажали в тюрьмы. Но народ никогда от этого не отказывался. Тайно молился. Никогда не вот я... Вера в религии, вот эту чистоту, глубочайшую уверенность в этом. Смелость делать то, что требует религия, вот это во многом даже может и в главном и помогло всем тем людям, которые не отказались от веры, какой он веры не был, христианской, мусульманской, там буддийской и т.д. Это величайшее дело в религии. Под дулом пистолета, под дулом автомата, под другим каким-то это самое жестким обращением верующие мусульмане никогда не отказывались от этого и никогда не бросали. Всегда выполняли обряды. Уразу держали. Намаз делали. Все остальные предписания выполняли. Как это получалось, значит, воля всевышнего

была, чтобы это делалось. Несмотря на то, что вот как прошлый раз сказали, а был там доносчик. Если кто-то донесет, его берут, арестовывают, сажают за это дело, он все равно там, в тюрьме молится. Остальная семья продолжает выполнять это. Так что вера это великое дело. Вот единственное, что не смогло и этот отец и палач народа сделать и больше коммунистический режим сделать – отучить людей от веры. Какие бы жестокость, издевательство они это самое... от веры отучить они не смогли. Я например, вот я говорю от сознательного шестилетнего возраста вот до сегодняшнего дня никогда не оставлял... мать меня учила, старшие меня учили. Я все эти обряды выполнял.

И последнее уточнение. Были ли межнациональные браки? Вот это я забыл спросить, когда про жизнь спрашивал вашу. То есть между допустим немцами и ингушами, между ингушами там и русским, между ингушами и казахами. Или все-таки держались обособленно?

Обособленно держались. Но отдельные случаи были.

Были?

Аха. Ну, чуть больше может с казахами все же, как ни как человек любой веры и любой национальности придерживается своей веры. Тянется к своей национальности. Но есть отдельные случаи, когда это самое были такие моменты. Да были.

Все. Спасибо вам большое!!!

Ну, я сказал, что мы прибыли в Казахстан, в Казахскую ССР, я должен это сказать, не только мое мнение, а мнение подавляющего большинства моего народа, чеченского народа, что многим даже приедем туда, Казахстан стал второй родиной. А особенно тем, кто там родился, вырос, это вообще их родина. И мы с большой благодарностью, чувством братства, с чувством доброго желания относимся к казахскому народу. Действительно они, ну конечно, не без случайности, в целом в подавляющем большинстве к приезжим народам относились неплохо. Неплохо относились. И кроме этого эта земля, эта страна долгие 13 лет, для некоторых больше нас кормила, нас приютила, многое мы там набрали себе хорошего, доброго, поэтому мы с большой благодарностью, с братским чувством относимся и к Казахстану и казахскому народу. И говорим большое им спасибо. Наши старшие товарищи, старейшины, наши отцы, братья, сестры, очень многие лежат в казахской земле. Похоронены. Эти люди, которые каждую минуту, не забывая свою родину, стремились попасть хотя бы для того, чтобы увидеть один раз горы и потом похоронить, чтобы на родной земле. Но это воля всевышнего, не удалось, они остались, к сожалению там, поэтому ничто не может нас заставить думать другое, кроме благодарности в отношении Казахстана и казахского народа.

.....
Яндиева Марьям Джемалдиновна, ингушка. Ее родители были депортированы из Чечено-Ингушетии в Казахстан, а затем в Киргизстан в 1944 году. Проживает в России.

Расскажите, пожалуйста, как депортация затронула Вашу семью? Как это было? Что рассказывали Ваши родители? Когда это случилось?

Конечно, напрямую депортация 44 года затронула, тогда еще не бывших семьей моих маму и папу. Моя мама жила со своей мамой и сестрой, мой папа жил со своей первой семьей в г. Грозном. Они были депортированы 23 февраля, вернее это мама была депортирована 23 февраля, а папа, поскольку он относился к категории VIРов, он был председателем правления союза писателей Чечено-Ингушетии тогдашней. Их эшелон (так называемый литерный эшелон) уходил 28 февраля. Вообще первые эшелоны уходили 23 февраля и до конца февраля. А вообще последние эшелоны в конце марта пришли... Поэтому вот эта цифра, я все время все свои разговоры, размышления по поводу этой темы трагической, все время люблю начинать, и всячески подчеркивать,

цифра 91 тысяча ингушей неверная. Дело в том, что это первый, самый главный, потому что потом добирали, вытаскивали, со всех фронтов тащили в Казахстан и Среднюю Азию. Верная цифра – Гарфовская цифра, подчеркиваю Гарфовская цифра, получившая, к сожалению, легитимное хождение буквально несколько лет назад. Хотя ее, по-моему, в начале перестройки вытащили, она была закрыта очень долго, и вообще все, что касается нас, находится под грифом СС. 134178 ингушей были депортированы, среди них и мои родители, жившие порознь, как и многие тогда. Я родилась в депортации, я родилась в г. Фрунзе, в благополучной, так сказать, обстановке, более или менее, потому что это был город, потом это была среда интеллигентская, потому что мои родители после первых лет попали на окончательное жительство во Фрунзе.

Из Казахстана перевезли в Киргизстан?

Основная масса людей попала, конечно, в Северный Казахстан, основная и подавляющая часть, потому что я тщательно считала эти цифры. Вообще очень мало попало (всего 20000 от общего числа) в Киргизию, а вся остальная часть ингушей, недаром я начала с цифр, да...они были в Казахстане, в Северном Казахстане в основном. Моя мама попала...в поезде с горцами-чеченцами, так случилось, их выселяли. Она попала в Джалаалабадскую область. Через какое-то время, не сразу, поскольку она была специалистом все-таки (все-таки через какое-то время специалисты были востребованы). Но это, конечно, собственными усилиями, мама была инженером, к этому времени уже была дипломированный инженер. А моя тетя, ее сестра младшая, с одним курсом мединститута была (Орджоникидзевского мединститута). Она училась в Орджоникидзе, а жили они в Грозном...она жила в общежитии там...и депортировали их из Грозного, ее забрали, естественно, мама с бабушкой... А папа был тоже депортирован, их вообще, так сказать, элиту привезли, конечно же, не в Северный Казахстан, этих ответработников, эту номенклатуру привезли, во всяком случае, папа попал в село Ивановка...это Киргизия, район я не помню, ну в общем, это Киргизия была,... Но очень не скоро они попали во Фрунзе, у каждого своя была линия судьбы. Знакомы-то они были по Грозному, а поженились они во Фрунзе уже. В 53 году я родилась во Фрунзе на улице Пионерской 95, я этот адрес знаю...(улыбается)... В 57 году уже с самыми первыми призывами, родители вернулись, поскольку они были специалистами, поскольку они участвовали в общественной жизни, мой отец, в частности... очень много писал письма вождям, о том, что как несправедливо и неправильно они были высланы...конституционными, парламентскими методами, говоря сегодняшним языком, среди группы единомышленников, после смерти Сталина, особенно, они очень много писали в ЦК, в Политбюро, папа еще и в Большой союз писателей, тогда еще живому Фадееву, а после застрелившегося Фадеева Суркову, Михалкову, то есть он очень активную гражданскую позицию занимал. Естественно, они одним из первых эшелонов примчались в Грозный. Приехали, когда все, так сказать, шлагбаумы были открыты...и вот...и поэтому, я, конечно же, ничего не помню...но...

то, что рассказывали...

Если вернуться немножко в начало, как везли маму, как везли папу, рассказывали ли они что-нибудь? И вообще как произошел этот факт? Кто-то проверял документы, кто-то пришел?

Когда? В депортации?

Когда началось это...

Ну что вы...я очень подробно, не только на примере истории своих родителей бедных это знаю...вот для того, чтобы написать свою работу...вообще она явилась итогом вот этих всех впечатлений от рассказов людей, с какого-то момента я начала их собирать. С начала перестройки, еще до начала всех кошмаров на Северном Кавказе, началась такая хорошая работа, начались публикации свидетельств, начались всякие альтернативные журналы, издания...газет очень много пошло... И все стало, что называется, липнуть к рукам, я стала собирать это. Мама моя была жива до 2000 года, папа, к сожалению, давно

умер, он в 79 году умер. Он вот так письменного ничего не оставил, а мама очень подробно написала, рассказала обо всем...

Расскажите, пожалуйста, об этом...

Они жили в г. Грозном, в центре города, в такой вот коммунальной квартирке, их три женщины было, потому что их отец такой известный антисоветчик-диссидент, беглец Соловков, он с 25 года, с 23 даже года можно сказать... в Соловки попал, а после Соловков через Финляндию в Англию. В общем, она – дочь белого офицера – моя мама...у них очень трудная судьба была, ...они все время плутали, не жили на одном месте, но к февралю 44 года они жили в Грозном, там этот дом был все время, а сейчас не знаю, реставрировали его, ну, наверняка, Кадыров его реставрировал, потому что это в самом центре Грозного, раньше это был проспект Победы или улица Августовская, а сейчас это проспект Путина. Я думаю, что этот дом реставрировали. Рядом с центральной булочной этот дом был... (улыбается)...в 30-е годы его построили... Как мама говорила, и очень подробно об этом написала,...за сколько это времени, и даже месяцев...какая-то тревога в связи с появлением большого количества малиновых лычек, НКВД, войска начали просто наводнять Грозный, села...конечно, тревога была, и как бы все это было связано с войной...Не НКВД, и просто войска, заволонали эту республику, притом, что накануне состоялась депортация карачаевцев, она в 43 году ведь состоялась... А все равно не верили, что такое возможно. Некая гадость готовится, было понятно, что ничего хорошего нет, и не предстоит. Но все равно не верили. Ну, вот кого-то будут изымать, это вот когда к соседу пришли, а меня не должны тронуть, потому что я ничего не сделал. И когда коммунистов забрали, евреев забрали, вот та же примерно самозащитная психологическая рефлексия. И не может быть, чтобы всех поголовно. Как говорят в народе, мама работала референтом в Совете Министров Чечено-Ингушетии. И она отзывчивый такой человек была, и вот за сколько-то там времени до этого приняла участие в судьбе одной женщины случайной попутчицы (они где-то ехали вместе), ну и мама потом по ее просьбе где-то, что-то помогла. И буквально за месяц (это было в феврале) где-то в 20-ых числах приходит человек в военной форме на работу, вызывает маму...вы такая-то, такая-то?... я, говорит, близкий друг такой-то, такой-то, которая сейчас вне Грозного, но она просит вас очень внимательно выслушать меня, я – военный, я нахожусь здесь в специальной командировке, и просто, потому что я люблю ту женщину, а она очень здорово о вас говорила, что вы очень помогли ей... То есть человеческие сближения...это абсолютно русские люди были...он военный человек...он нарушение делал, он мог попасть под трибунал. Но он пришел и говорит, что его приятельница, его подруга взяла с него слово, что он нас предупредит. «Вас будут выселять, будут выселять всех! Подготовьтесь!» И мама говорит, что они не поверили. Она поблагодарила этого человека. Он растворился, и она его больше никогда не видела. Но среди религиозных деятелей... агентура работала... и все вот это...и в итоге, конечно же, народ был не готов. Кто-то из трезвых людей был готов, кто-то нет...

А сопротивление какое-нибудь было?

Понимаете в чем дело, сопротивление советской власти на территории Чечено-Ингушетии было всегда. Вот в одной из брошюрок, которую я вам дала, там это есть, то есть оно не выросло вот вдруг, потому что с началом коллективизации и со всем ужасом, который происходил в период коллективизации, конечно же, сопротивлялись люди. В Чечено-Ингушетии, в тогдашней, просто так люди последнюю корову или последнего куренка не отдавали, происходили эксцессы, естественно, уходили в так называемые, абреки, мстили за то, что с ними происходило. Это были отдельные персонажи, которые находились к 44 году уже в течение длительного времени, некоторые легализовались, других убивали... то есть это был такой процесс, с началом коллективизации, четко идущий в горах, и с войной уже это не было связано. Это коммунистическая интерпретация всего, потому что это важно для обоснования. Сталин не просто так депортировал, а потому что вот предатели, потому что все подонки поголовные были... Это были отдельные группки небольшие...и вот судьбу одного там...Ахмеда Хучбарова я там тщательно просматриваю

в самый обильный людьми период (этот отряд больше 15 человек не насчитывал). Он был известным абреком, потому что его только в 56 году уничтожили. С 29 года по 56 год он был в горах, он не был депортирован. С 44 года вот такие люди как Ахмед Хучбаров, и все равно их не столько много было, потому что этой махине военной сталинской сложно было, но многие из них оставались, их называли бандитами, вот Нои четко вели повстанческую борьбу с НКВД, потому что они были свидетелями депортации, в документах это, кстати, по-разному проходит... В сводках они проходят, в столкновениях, по поимке, операции по их уничтожению... Все это связано просто с тем, что они мстили. «Народный мститель», как Хучбаров себя называл. Они мстили за то, что сотворили с их народом... и это было индивидуально...

А вот когда маму Вашу депортировали, она не рассказывала про случай, что кто-то сопротивлялся, из ее знакомых кто-то?

В городе, конечно, этого не было, ...этого не могло быть, потому что, во-первых, это было очень тщательно подготовлено (23 февраля – праздник). В каждом селе, тем более в городе, вообще в 5 часов утра началась эта операция, в некоторых местах еще раньше была. В селах сзывали мужчин отдельно, а женщины – потом приходили в дом. Мужчин созывали на площадь, или в сельсовет (в каждом селе это по-разному было, в зависимости от территории), где их просто блокировали, понимаете? Есть свидетельства у меня, где говорят, что стреляли. Есть свидетельство с Цицкеева, в пригородном районе, где женщины и мужчины были активны. Но это все – эффект неожиданности. Наверное, все были парализованы, очень четко разъединили мужчин от женщин, это очень продуманно было сделано.

У мамы никого в семье не было из мужчин?

Маму вообще из квартиры вытащили, у них соседи были русские и евреи в коммуналке. Ну какое сопротивление моя мама с...

С сестрой они вместе жили. Не было мужчин...

С сестрой и со своей мамой. Сестра, кстати, в это время находилась в Орджоникидзе. Мама даже успела туда проехать, она очень подробно об этом рассказывала, что это чудом ей удалось...

Прямо 23 февраля?

23 февраля...*(кивает)*...поэтому они не попали вместе со своими родными (с дядями, они тоже в Грозном жили, братья ее матери). Эшелоны же все время отходили со станции Грозный, со станции Назрань, со станции Слепцовска, они все время шли. А в Грозном большая же станция была, и мама говорит, что впервые увидела горцев-чеченцев в таком количестве. Их втиснули в эшелон, то есть грозненские ингуши, грозненские знакомые они были уже отправлены утром рано. А вот когда маму привезли, их добивали уже в этот день. Они попали... привезли на этих студебекерах, с горных районов каких-то, с ними они весь этот месяц ехали... в Джалалабад их вытащили, первое время мама с ними жила, они так прикипели к маме и тете, потому что они грамотные были, добивались прав даже в дороге, вот мама говорит, как ужасно скучно, как ужасно через стремительное время они начали завшиветь... начался этот ужас, умирать люди начали, как не отдавали старика, как умер ребенок...

Как не отдавали старика?

Ну вот, когда (вам в Казахстане, наверное, рассказывали) у нас считается за предельным несчастьем не похоронить, не предать земле человека. А походу следования поезда, ну это достаточно известно... *(тяжело вздыхает)*... умиравших, в определенное время искали, конвоиры вытаскивали и просто выбрасывали... люди не готовы к этому были, они не отдавали. Вот раненых и часть покалеченных в стычках не отдали своих трупов, потому что хотели приехать и похоронить...

Это у мамы так было в вагоне?

Да, вот у мамы был такой старик, которого долгое время не выдавали, но потом все-таки, мама пишет, что забрали его. Ребенок заболел... А горцы-чеченцы вообще не понимали русскую речь, и конвоиры очень этим пользовались, потому что это иезуитская, так сказать, операция была продуманна, просчитано все было, и питание как полагалось, ...их должны были кормить,...пользуясь этим, не добавляли корма. Свою кукурузу, свое вяленое мясо, которое они прихватили, в какой-то момент съели. Они подлежали раздаче горячей воды тоже... сколько-то ведер им полагалось... и они этого не получали, поскольку мама и тетя (бабушка тоже не очень хорошо говорила по-русски) очень хорошо говорили по-русски. Она написала об этом, сначала настороженные, озлобленные, молодые ребята были конвоиры, потом они вошли с ними в контакт. То есть то, что полагается этому вагону, эти бедолаги начали получать благодаря маме и тете... Чтобы эту пайку эти несчастные люди получали. И вот на одной станции требовалась горячая вода, мама с чайником выскочила, а поезд ушел. И мама, говорит, что все-таки успела заскочить уже в последний вагон. Что пережила ее мать, когда она послала дочь за горячей водой для больного мальчика, передать невозможно. После этого бабушка ее не выпускала. Мама всегда вспоминала, когда мы жили уже в Грозном, что без горячей воды невозможно. Она всегда говорила. Что ты не представляешь, каково не мыться целый месяц, и просыпаться, чтобы вшей отгонять. Бабушка тифом заболела, когда их сгрузили в Джалалабадской области, привезли в какой-то колхоз, их мать уже умирала практически. Они стали получать эту пайку, потому что стали выходить на поле, это был уже март месяц. Они удобряли навоз, носили удобрение на поле. За это они получали свой трудоводень.

А куда их привезли? Там были казахи, или...?

Их привезли в Киргизию, поэтому там были киргизы, в какой-то колхоз под Джалалабадом. Каждый поезд, каждый эшелон в каждый колхоз сколько-то там подвод, со своими руководителями подъезжали к эшелону и забирали людей. То есть это все отлажено было, все по плану было.

Подъезжали те, у кого они потом жили?

Ну... жили и работали, прежде всего, рабсилу забирали, потому что это были колхозы, совхозы, какие-то лучше, какие-то хуже...иногда сразу подыхали там, потому что 45-46 год – это были самые страшные годы. Этот мор произошел в это время, потому что их там никто особенно не ждал, хотя есть целый комплекс документов, о том, как это готовилось. В Киргизию, в Казахстан по народно-хозяйственной части, экономической, сколько людей должно сюда прибыть, сколько туда... и все равно это все четко по инструкции не выполнялось. Никто их не ждал, сами подыхали от голода, если учесть, что это война была еще. Абсолютно никто никого не ждал и более того идеологические, пропагандистские люди говорили, что едут звери, едут нелюди, едут предатели. Первые годы были совершенно ужасны. Потому что привезли подыхать, особенно в Северном Казахстане. Там еще и холод был, поэтому и основную массу туда повезли, для того, чтобы они просто вымерли. И они вымирили, но не вымерли, слава Богу...

Привезли в какой колхоз? Хороший был или плохой? Вы говорили, в разные попадали.

Я не знаю, был он хороший или плохой. Их каждый день выгоняли на работы. Семья из нескольких чеченок – женщин была, они не вышли на работу, оказывается, они умерли все, околевшие были. Они ночью замерзли, и они уже были настолько отощавшие, что ночь их погубила.

Жила она у кого? Это была семья русская или казахская?

Это казахи были. Их казахам привезли, это была семья. Жили в одной комнате муж с женой, а в другой они, мать больную на топчан положили, а сами возле нее легли. Ужасно было! Сначала их всех в клуб привезли, а потом их по приказу расселяли. Это еще считались хорошие условия, потому что дом сухой был.

Эта семейная пара, у них были дети? Как они отнеслись вообще?

Был ребенок. Очень плохо все отнеслись, вначале все было очень плохо. Нигде радости не было, потому что люди плохо жили. Люди сами бедствовали. Они были изгоями народы, преданные остракизму. Их просто вычеркнули из всех энциклопедий. И их погнали не к таким же, но к бедолагам. Это потом уже, когда отлаживались какие-то человеческие отношения. Естественно, жизнь все корректировала. Сталинская казарма, в общем-то, всех поставила на один уровень. Они вынуждены были находить общий язык. Потом у моей мамы сложились потрясающие отношения.

А как происходили взаимоотношения? Был ли кто-нибудь назначен главным из местных, или из тех, кто приехал?

В каждом вагоне были старшие мужчины, а в мамином вагоне были мама и тетя, потому что они по-русски разговаривали. Но это абсолютно нетипичный случай. Ну а потом десятидворки были назначены, это была первичная учетная единица. Старший был мужчина, ингуш или чеченец, худо-бедно владеющий русским языком, желательнее из коммунистов, социально активный носитель информации. У них была отчетность, они должны были следить за всеми передвижениями. Рождения, смерти, приезды родственников, потому что после первого кошмара народ, оставшийся в живых, очухался и начал сопротивляться. Они начали воссоединяться, они начали искать друг друга. Ведь им не разрешали воссоединяться, семьи специально разъединяли. Народ стал воссоединяться, это вызвало колоссальную тревогу. Они путем писем во все инстанции, через органы внутренних дел искали двух родных дядь, братья бабушки. Мама и тетя тогда незамужние были, им очень было трудно. Они нашли своих дядей. Они переписывались, рассказывали друг другу кто кого видел, через поезда... цеплялись за каждую информацию, для того чтобы спастись.

Как получилось переехать? Это дяди переехали к маме с тетей?

Нет, нет, нет.

Или они наоборот уехали?

Они уехали, мама стала очень активна в работе, тут пригодился ее диплом, ее знания.

То есть на этом основании она смогла перебраться?

Да, на этом основании...

То есть это не взятку они дали, а просто официальный перевод?

Да и нечем было взятку давать. Специалисты тоже были нужны, и из рабов тоже нужны были специалисты...

И куда они потом переехали? Это была деревня?

Они переехали в Ош, а из Оши во Фрунзе.

Вот такой был долгий путь... Дяди были во Фрунзе?

Дяди вообще, потом их нашли, они в Узбекистане были. Один был в Узбекистане, а другой в Токмаке, это уже Киргизия, но, во всяком случае, они уже знали, кто, где находится. Они дали друг другу знать, что живы, и там-то, там-то...

Они начали двигаться к друг другу и соединились во Фрунзе? Это было еще до 53 года?

Да, да... конечно... В каком точно году, я не помню...

А вот приехали люди, они ведь приехали, наверное, с детьми?! Были семьи с детьми?

Ну что вы? Семьи по 13 человек.

И учились ли дети в школах? Разрешали им?

Какая там учеба, сложно было. Конечно, учеба не возбранялась, но все это было проблемно, хотя бы потому что они все были неимущие. Наши люди не были готовы к климатическим условиям в Северном Казахстане.

То есть у них не было теплой одежды, а купить они не могли...

Соответствующей не было, та, что была изнашивалась, тем более, если семья большая, на всех не хватало.

Просто не в чем было в школу ходить?

Абсолютно не в чем... в частности моему супругу, он 41 года рождения, вот он рассказывал мне тоже, что не в чем было ходить, сначала ходил брат, потом он, а вместе не могли, они погодки. Они в школу пошли там, под Кокчетавом, в Северном Казахстане жили они на руднике. Там вообще собачья жизнь была. У меня жизнь была относительно легкой, а вот мой супруг пережил много чего. В его воспоминаниях фигурирует комендатура, он видел измывательства спецкомендатуры, потому что каждую неделю, каждый месяц, вплоть до отъезда из депортации они должны были делать отметки в спецкомендатуре. Мой супруг был еще мальчиком, и как-то в воскресенье его взял с собой дядя в спецкомендатуру, коменданты обращались с ними как со зверьем. И его дядя как-то ответил коменданту слишком дерзко, и был на глазах мальчика избит так, что через месяц он умер. Ему внутренности отбили. Это было очень сильное впечатление. Я, конечно, такого не помню. Но я внимательно слушала все рассказы.

Когда вы переехали, про смерть Сталина что-нибудь рассказывали? Как ее восприняли?

(улыбается)...да, конечно... когда он умер, я впервые толкнулась у мамы...а бабушка расплакалась, говоря, что Берия остался, что может быть еще хуже. Ведь товарищ Сталин не знал, как Берия провел депортацию. Писали ведь письма вождям, о том, что Сталин ничего не знает. Мама сколько ему писала в своем Джалалабаде, в своем колхозе.

Разрешали писать?

Я не знаю, доходили они до адресата или нет, они были очень политкорректны. Спрашивала за что, почему. Но товарищ Сталин не может быть плохим, он просто не знает, что творят его помощники. Царь хороший, а бояре – гады. И вот они писали эти письма...

И никто не пострадал за это?

Мама не пострадала, а остальные случаи мне не известны. В свидетельствах есть, что за некоторые письма местная администрация карала.

Когда умер Сталин первая бумага какая?

Умер Сталин, и начались обильнейшие письма вождям, очень политкорректные письма писали. Это ж целая публицистика! Ингушская и чеченская интеллигенция из Фрунзе писала о том, что очень верная ленинская политика, на этом этапе была искривлена, и нужно ее исправить. Это вообще очень трагические письма, они писали, чтобы их вернули на родину. Они не были диссидентами, антисоветчиками, они были коммунистами, НКВДистами бывшими, партхозработниками, писатели соцреализма... После того как товарищ Хрущев расстрелял Берию, они просили вернуть их. И Хрущев вернул, отнюдь не потому что прозрел, а просто возлюбил мусульманские, горские, буйные народы... Берия и Микоян решили 20-ым съездом отмыться от Сталинского кошмара и одного Сталина сделать виновником всего и вся... Неправильную национальную политику Сталина следующий вождь – «голубь мира» – Хрущев исправил. У ингушей отобрали этническую колыбель, земли... Сталинская политика передела территории была, а гадство продолжилось.

Что было с теми фронтовиками, которые были на фронте, когда депортировали весь народ?

Из очень многих свидетельств, рассказов и воспоминаний, я знаю о том, что их практически всех отправили в депортацию прямо с фронта.

А из вашей семьи, семьи мужа были такие случаи?

Нет...нет... этого не было.

А как стало можно уезжать? Какие первые документы показали?

После смерти Сталина, еще не дожидаясь их нормативов, ослабление только к 55 году пошло, а эшелоны только в 57 году поехали. А в 56 г. нормативы окончательные были. Это шло потихоньку в 55 г., сначала отметки в комендатуре отменили, потом передвижения разрешили (ведь по указу 48 года далее 3 км – 20 лет каторги)... Послабление как пошло, начались самостоятельные поездки на Кавказ. Мой дядя – Ислам Яндиев в 54 году приехал в Балту – пригородный район, из которого его выселили. Он поехал с двумя ингушами. Они жили в Щучинске, в Казахстане, и вот оттуда три ингуша они приехали в свое село. Они месяц там прожили, но все-таки на них стукнули, но осетины и грузины односельчане не выдавали.

И что получилось? Их попросили уехать?

Их вызвали в г. Орджоникидзе, в отделение милиции (это было после смерти Сталина и расстрела Берия). Им очень строго сказали свалить...

Их не отвезли?

Нет, нет... но вот такие побегии массовые в сороковые годы были,... есть даже статистика, есть документы НКВД, очень много ингушей и карачаевцев бегало, не чеченцы, не балкарцы, а ингуши и карачаевцы. Много побегов группами на Кавказ было, но с ними уже грубо обращались. Их арестовывали, они шли в лагеря...

А какие-нибудь бумаги вообще показывали людям, которых везли неизвестно куда или потом, когда были реабилитированы, мама, папа ничего не рассказывали про это? Вообще были ли какие-то приказы, зачитывали?

Нет, они получали выписку и все. Они давали расписки...*(показывает книгу)* ...там целый свод законов.

А вернулись все равно туда?

В явочном порядке вернулись. Как правило, получали предписание, что ехать можно хоть куда, но только не туда, откуда были высланы.

А кто выдавал это? На месте где они были?

Был создан там оргкомитет по возвращению, он состоял из бывших партноменклатурных работников чеченско-ингушской национальности. Они были в прямом контакте с соответствующим ЦИКовским подразделением. Это были люди проверенные, они обязаны были осуществить плановое, постепенное возвращение, намеревались растянуть на годы. А люди рванули такой лавиной, что Дудуров – Министр Внутренних Дел писал инскрипты, чтобы ставили заслоны, но это не остановило их.

А заслоны в чем заключались? Люди с оружием не пускали? Проверяли документы?

Да, милицейская ...постоянные проверки... под любым предлогом ссаживание с поездов, автобусов, лишь бы остановить их...

Но их не возвращали?

А возвращать-то и некуда было... распродавали все...

А вот когда приехали, возвращались на свое место?

Ну что вы? В своих домах жили чужие люди. Шли на частную квартиру со справкой оргкомитета, ждали трудоустройства.

А проблемы были с работой?

Конечно, конечно...

А вот Вы говорили, что случай был, что тетя не закончила...

Она там уже закончила через какое-то время, когда жизнь отладилась. Она во Фрунзенский медицинский институт поступила снова.

Потом как это отразилось на тех, кто был в депортации? Были ли у них проблемы, у них в анкетах про это были какие-то пункты что ли?

Они специальным нормативом были возвращены. В анкетах ничего не было, начиналась новая жизнь...

Потом в жизни были проблемы?

Только в связи с выселением нет, они начинали просто жить снова, искать жилье, устраиваться на работу, только уже на своей любимой родине, о которой грезили в своих мятежных снах.

Мы вроде бы обо всем поговорили. Может быть, о чем-то не спросил? Перед тем как я Вам последний вопрос задам. Может какие-то истории всплыли в сознании?

Вообще вам нужно бы почитать мои рукописи, там целый раздел этих воспоминаний... Я убеждена, что этап эмоционального потрясения, связанного с открытием частичным архивов, но с возможностью открыто, откровенно писать о депортации, о том, что пережито было нашими народами. Мы просто обязаны переходить на следующую стадию исследования. Это хорошо, что мы являемся объектом изучения данной темы. Сами репрессированные народы воспоминательные рефлексии должны начать осмысливать уже на другом уровне, на основе архивов, альтернативных источников всяческого вида. Я убеждена, что представители репрессированных народов не только историки, гуманитарии, все мыслящие люди, (желательно, чтобы их это пронзило) если мы не ототрефлируем и научно, и общественно-публицистических дискурсах... не отработаем эту тему по-настоящему, не только в датах, не только в период каких-то проектов (таких замечательных как вот этот), это должна быть постоянная тема в университетских курсах, в обществоведческих дисциплинах в школе. Этого нет к сожалению! Причем не только на историческом факультете, истории России или истории тоталитаризма... Не только на спецкурсах, это во всех университетах, во всех, начиная с 4-ого класса, школах, совершенно обязаны говорить о депортации, потому что это главный сюжет в национальной истории 20-ого века, потому что с депортацией 44 года связаны, во всяком случае, в ингушской истории, все последующие трагические вехи. В 73 году – гражданское неповиновение, митинг в Грозном (17-19 января 73 года), 81 год – погром в Орджоникидзе, 92 год – сегодняшняя рассеянная депортация. Мы не отработали, мы не осмыслили, мы не ототрефлировали, научно не прописали, что произошло в 44 году, о последствиях депортации. Поэтому мы находимся в сегодняшнем неведении, непонимании, что с нами происходит на Северном Кавказе. А мы находимся в очередной депортационной парадигме... конечно, архивы были долгое время закрыты, и сейчас опять не открываются, сейчас этническая чистка ингушей в пригородных районах, 2 чеченские бойни, контртеррористические перманентные операции. Ответственность интеллигенции, прежде всего. Депортация – наша главная тема, не отработав ее, мы все время будем проваливаться в ее последствия. К каждой годовщине 23 февраля чеченцы, ингуши, карачаевцы и другие народы все время находятся в режиме оправдывания, потому что идет вал статей, книг (А почему Сталин выселил народы?) Вот если на государственном уровне, и при нашем энергичном воздействии на власть, был бы заклемен сталинский режим как преступный в отношении депортированных народов. Фактически, на уровне деклараций состоялась же реабилитация этих народов. Ингушский народ – классический образец того, как фактически реабилитация не прошла. Поэтому возможен стал 92 год, поэтому возможна сегодняшняя латентная скрытая депортация. Потому что такого исхода добровольного, который идет в эти годы, у нашего народа не было никогда.

Спасибо большое!

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ КАРАЧАЕВЦЫ

Коркиазов Иосиф Магомедович, карачаевец, 76 лет. Был депортирован из Карачаево-Черкессии, город Кисловодск, поселок Канджага в 1943 году. Проживает в Казахстане, Жамбылская область, село Кордай.

Уважаемый Иосиф Магомедович!

Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью.

Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Весь мой народ тронула, весь карачаевский. Первый раз карачаевцев выселили в 1943 году. Немцы пришли в 1942 году к нам. Они через Ставрополь, из-под Сталинграда пошли сюда, а уже в 1943 году наши войска стояли, немцы уже ушли. В 2 ночи наши с автоматами зашли, и сказали, вы переселяетесь в Казахстан, на сборы вам час. Нас 9 человек, две бабушки, отец был председателем колхоза, и с печатями, со всем нас погрузили в 5 часов на телячьи вагоны в городе Кисловодск, дом, все оставили, все под замок.

Знали вы, куда вас везут?

Некуда не знали. Потом уже сказали. Указ Президиума Верховного Совета СССР зачитали, я уже тогда во второй класс ходил. И оттуда везли целый месяц в телячьих вагонах. Осенью нас везли, месяц. Днем загоняли в тупик, охрана, собаки, овчарки. Тех, кто умирал, их выкидывали, наверное. В телячьих вагонах не топились, там было 50, 60, 70 человек. Сперва привезли в Бишкек, из Бишкека везли на быках, на лошадях. Здесь распределяли по колхозам, совхозам. Я как сейчас помню, по-моему, Маленкова брат, был сельсовет. Вы говорит, рабочих дать обещали, где же здесь рабочие? Самому старшему брату 13 лет было. Сестра 1928 года, 1930, 1933, 1934 года я, 1940 года – все же дети были, мать и две бабушки. Отца посадили, как приехал. А там он председателем колхоза был, восстанавливал, с печатями, со всеми документами приехал. Приехали сюда, а тут голод, все на фронте. Еще такую политику повели в начале, едут изменники Родины, но как же так, матери братья все на фронте воюют, отца двоюродные воюют, мы все дети. Вначале под комендатурой. Я же ходил в комендатуру, два раза в месяц отмечался. Хорошо, что нас сюда привезли, если бы в Сибирь отвезли, нас бы сейчас не было, мы вымерли бы все. Здесь тем хорошо, что камышом топили, на соломе спали. Одежды не было, привезли голыми, в Кисловодске все осталось.

Когда вас из домов забирали, что вам сказали?

Нам сказали собраться и взять собой продукты на три дня. В 2 часа ночи, какие продукты? Когда все дети с 1938 года, с 1940 года, нас шестеро, две бабушки. Привезли сюда, а здесь холодно. Все на фронте, а кто вернулся с фронта, кто без руки, кто без ноги, раненные и одни женщины. Вот в это время мы и работали. И на лошадях, и наездниками, и пахали, и сеяли. Мы не могли запрячь лошадь. Женщины запрягут лошадь, меня посадят, я бороню. Женщины ходят за плугом. А потом когда местное население узнало, что у нас с казахами язык на 70-90% схож с карачаями. Какие же это изменники, враги? 8 лет, 9 лет – дети и старики. Но с нами местное население сначала боязно вело, а потом спрашивают, твой отец где, на фронте, а твой где, погиб. И уже к 1943 году. Вот так мы и жили. Они

последним с нами делились. Мы и колоски собирали, все для фронта, все для фронта и лошадей здесь откармливали для фронта.

Благодаря нашему казахскому народу, какие у него поля широкие, такой у них и дастархан широкий. Если он ел мясо, я ел мясо, если талкан ел я тоже талкан ел. Қазақтармен бірге өмір сүріп кеттіп, мен қазақтардың салтында барлығында білем ғой. Вот с тех пор я живу здесь. Из всего народа из Советского Союза самими благородными были наши казахи. Это не подхалимаж. Когда я еду на Кавказ, местные старики спрашивают, к тому сходи ассалам берше, узнай живой он? Они жили вместе, ели вместе, хлеб делили, вместе скот пасли, последний жмых делили. Опухали с голоду, умирали, а хоронить не кому было. Сил не было. Там дым идет, пока побежишь, кизяк несешь он потухнет, а обратно идти силы нет. У кого крижал был, огонь добывали. Но мы выжили. Сохранились как нация. К нам очень хорошо относилось местное население. И сейчас хорошо.

Откуда вас выселили? Где вы жили?

Город Кисловодск. От города 4 км поселок Канджага, туда отца послали председателем колхоза, когда немцы пришли, весь поселок разграбили, растащили, немцы ушли, сразу отца послали туда, на восстановление. И он начал колхоз восстанавливать, и все равно выслали сюда. С тех пор я живу здесь.

Сколько лет живете здесь?

С 1943 года. 67 лет именно в Георгиевке.

Кем Вы работали?

В начале мы были наездниками, обыкновенными рабочими. В 1950-1951 годы был строителем железной дороги Мойынтычу – Караганда. Носилки таскал, мне было всего 15 лет. ГРЭС им. Сталина строили. Потом с 1957 года я стал работать шофером, потом механиком и до пенсии. Пошел на пенсию стал бизнесменом. Почетной грамотой меня Назарбаев наградил.

Ваша жена кто по национальности?

Жена у меня русская. Фамилия ее Серикова, я говорю ты казашка, наверное. В 1957 году когда окончил курсы шоферов, начал шоферить, в 1957 г. женился. Трое детей у меня. Дочь журналист, сейчас на Кавказе живет. Работала в редакции, райкоме, исполкоме, потом в Алмате в обществе знаний пропаганды. Зять работал старшим тренером борцов, сборной Казахстана. Основные корни у меня здесь. Там родился здесь вырос. На этих харчах, на этих полях. Я как еду на Кавказ, там в санатории, отдыхаю, потом скучаю. Я здесь выйду меня все знают. Мы не чувствуем себя как в Киргизии, как в Грузии, как в Украине, там отношение к кавказским национальностям. У нас же в Казахстане этого нет. Благодаря политике казахского народа и Президента нашего, дай Бог нашему Президенту 100 лет жить и руководить нами. Мы все живем дружно благодаря президенту. Кто работает тот живет, надо не покладая рук работать, чтобы создать. Я всегда помогал, там землетрясение, на всех событиях бываю. Я и детей так воспитал. Я ущемленным себя не чувствую. Себя здесь никто ущемленным не чувствует. Дочка 10 классов закончила, на журналиста в КазГУ выучилась, сын тоже журналист, второй сын тоже. У меня два сына умерли, у одного рак головного мозга был, у второго инфаркт.

Почему не уехали?

Уехать не так просто. Когда все уезжали в 1956-х годах, я как раз женился в 1957 году на русской. Мои сестры учились в техникуме в Карагалинке, после этого они пошли в институт, вышли замуж. Зять у меня работал в Чимкенте в психбольнице.

Все кто выжил в Казахстане, все живут хорошо. Мои дети работают для народа. Мои внуки спортсмены. Дочка работает в Алмате, а одна живет на Кавказе. Тут не успела дочка институт закончить, сын закончил, все получили высшее образование. Построил я сам дом вот этот. Это не первый, это уже пятый дом. И магазины есть у меня, и пекарня, ну все есть у меня. Я ездил туда сколько раз. Там заново все стройка, заново все начать. Вот я здесь выйду, ко мне 10-15 звонят. На все свадьбы, тои приглашают. Я везде хожу, ко мне все ходят.

А кто я такой, обыкновенный рабочий. Аким района всем составом пришли сюда, потому что как они меня называют патриот Казахстана. Здесь сколько карачайцев живет! Здесь мало. Многие уехали. Но те, кто здесь остался, живут прекрасно. И турки, и азербайджанцы все живут хорошо. Там, где живешь, там, где тебя кормят, надо уважать законы и традицию.

Скажите, когда вы узнали о реабилитации?

Реабилитация, 1956 год по Казахстану сначала освободили, потом по Союзу. Сразу всех не выпускали, чтоб массового заезда не было, особенно чеченов тормозили, они немного шепутливые, чем мы.

Много умерло?

Здесь, больше половины умерло. В дорогах умирали. Жмых ели, в горах, когда кислицу собирали, с казахами язык один, вера одна, колоски собирали. Если за колоски тебя поймают, считай 8-10 лет дадут. Голод и холод был.

Когда освободили, Указ вышел, я точно не знаю, там все карачайцы, я тогда еще молодой был. Там вопрос стоял вернуть на Родину карачайцев, чеченцев. В Москве был разговор среди высшего эшелона и нас поддержал Конаев. Они оказываются двумя голосами. Сталин голосовал. Каждый человек имеет право жить на своей Родине. Если карачайцы хотят ехать пусть едут, если хотят остаться пусть остаются. Я любую область дам. Когда карачайцы уехали, многих, тогда колхоз Трудовик был, много человек 20 в счет колхоза привез назад. Трудно было в 1956 сразу переехать, у тебя дома нет, ты приехал, а в твоём доме живут другие люди, они хозяева, а ты никто. Представляете через 12 лет, а ты никто. Сейчас нас мало, 1500 по Казахстану. Племянник два института окончил здесь. Мы всегда были вместе и будем вместе в счастье и в горе. Ваши друзья и государство поздравляет нас с 65-летием победы. Желают вам здоровья и счастья.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?

Не правильно все было. Ну какой я враг народа? Дед у меня умер в Соловках, отец матери. 1913 год город Кисловодск, дед мой принимает царя Николая 2.

Целый народ поднять и выслать. Это хорошо, что мы сюда попали. Народ принял нас, мы выжили здесь и сохранились как нация. Спасибо нашему братскому казахскому народу и нашему лидеру Нурсултану Назарбаеву.

Чтобы вы пожелали бы своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Чтобы вы хотели передать будущим поколениям?

Чтобы они не видели того, что я видел. То горе, то оскорбление. Надо чтобы все нации жили мирно, не было крови, межнациональных розней, чтобы люди жили мирно, дружно и наша победа во всех случаях, когда мы сила. Желаю вам всем прекрасного неба, чтобы мы жили в прекрасной стране, в радости, в горе, чтобы всегда были вместе. Я завидую сейчас молодежи. Меня недавно пригласили в школу. Говорят, плохо живем. Улицу перейти невозможно, сколько машин идет. Сейчас мои внуки ходят, сотовые у них в кармане, игровые всякие есть, все есть, компьютеры и т.д. Прекрасная жизнь.

Мы все живем дружно, аким района у нас казах, замакима – русский, главный архитектор – кореец, в милиции у нас все национальности работают, в больнице главный врач – азербайджанец, аким округа – чечен, я карачай – бизнесмен. Мы все живем, трудимся, дай Аллах дальше жить. В радости и в горе мы вместе с казахским народом и нашим президентом.

.....
Узденов Ахмат Халимович, карачаевец, 79 лет. Был депортирован из Карачаево-Черкессии, село Учкулан в 1943 году. Проживает в Казахстане, Жамбылская область, село Гродеково.

Уважаемый Ахмат Халимович!

Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, расскажите, пожалуйста.

Как ответить на это я не знаю.

Откуда Вас депортировали?

Мы жили в Учкулан в Карачаево-Черкессии. Оттуда выслали. Тихо выселяли. Утром пришли и забрали. Это говорят, все Берия делал. Не знаю. Он освобождал Северный Кавказ для своих. И балкарцев, и нас, и чеченцев, и Ингушетию, выселял всех, хотел заселить туда своих грузинов. Так и выслали.

А выслали только вашу семью или весь поселок?

Выслали всех. Весь поселок.

А были ли слухи, что будет выселение, переселение?

Ничего не слышно было.

Как оно происходило?

Утром рано пришли и выслали.

Солдаты, да пришли?

Солдаты.

Сколько времени давали на сборы, и что разрешалось взять с собой?

Нет, времени не давали. Ничего не брали. Мы там, в горах были, почти ничего брать не давали. Оттуда нас с Черкессии далеко везти. 200 кг на каждую душу.

А вы знали, куда вас везут?

Нет, мы ничего не знали.

Сколько Вам лет было?

Мне 12 лет было.

А папа с мамой в тот момент были с вами, еще живы-здоровы?

Отец судьей работал. Отец знал, но говорить не мог. Он говорит, завтра утром готовься, сразу к бабушке приезжай. Мать болела, в тот год умерла. Сестра у бабушки была, я туда поехал с маленьким братишкой. А сестра сюда к нам. По дороге мы туда не доехали. Утром рано пришли солдаты, подняли и забрали в Черкесск, где вагоны.

Как ехали, путь ваш помните?

В вагонах мы ехали, кормили, правда. На остановках, на переездах. Суп, борщ, хлеба немножко, что-нибудь давали.

Сколько дней вы находились в пути?

13 суток ехали. С остановками.

Папа, помнишь, ты рассказывал, как душно было?

Да, конечно, вагоны не греют, душно было.

Папа рассказывал, душно было, он брезент чуть-чуть порезал, чтобы дышать?

А, да. Нас везли к вагонам на машинах Студебекер, закрыты тентами. Нас затолкали в самый вперед, а со мной братишка маленький был, дышать не было, я ножик взял, брезент порезал и братишка дышал. Так и доехали.

Сколько детей было?

Пятеро.

И все вместе приехали?

Нет, четверо.

И папа с мамой тоже были с вами?

Мать в тот год умерла.

Прямо перед событиями?

Да.

И отца и детей забрали?

Да. Бабушка с ними ехала. Мать умерла. А мы так хотели переехать. Отец судьей там работал, его не отпускали. И переехали сюда, отца выслали.

Когда прибыли? Куда именно прибыли? Как назывался населенный пункт, куда вас привезли? Знали ли вы о том, что вас привезли в Казахстан?

Мы попали в Чайкурук. Первые дни так смотрели все. А потом поняли друг друга. Мы умели по-казахски говорить, язык схож. Одна комната, вторая комната тут сразу, мы там жили, казашка, муж в армии был на войне. Он тоже потом приехал. Переселились в другой дом.

Как Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогали вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Встретили нас настороженно. Подходить, не подходить. Первый день смотрели так. А потом дед один подошел, спросил, будете баранов пасти. Будем. На третий день уже пасли. Весной и коров, и баранов пасли. А потом уже переехали сюда. Отец на Дунгановку устроился на работу инспектором. Он был очень грамотным. Мы все еще жили здесь, в Гродикове, а съездил туда и папа работал там.

Расскажите про свою жизнь, как Вы жили сами? Где учились? Где работали?

Я учился всего лишь год на вождение трактора. Я был молодым, работал я бригадиром. Я тогда сел на трактор и работал до конца. Жили мы хорошо, без трудностей. Я взял участок и начал работать сам. В общем 130 гектаров дали, свеклу и пахал, и сеял, и культивировал. Все делал. Лет, наверное, 25 или больше, наверное, так сельсководом. Потом сорт участок взял, здесь участок взял. Испытание делал же, Москва это тоже на моей земле был, испытание делала. Посевы делали. Вешали туда-сюда. Потом на пенсию вышел.

Когда Вы уже приехали сюда, Вы остались здесь?

Да.

А жену Вы как нашли?

Да. Она тоже с Кавказа. Ее тоже депортировали, как и меня.

А как вы жили с казахами? Были ли ссоры, трудности? Как они приняли вас?

Казахи – золотые люди. Мы нашли с ними общий язык, ладили во всем, живем в согласии и в мире. Вот чеченцы не хорошие были.

Скажите, вы были под спецкомендатурой?

Да, мы не могли выйти. У нас был пропуск, и мы в каждый день отмечались. Мы жили под комендатурой.

Когда узнали о реабилитации? В каком году это было?

Это было еще до смерти Сталина. Это все творил Берия. Мы узнали о реабилитации от коменданта, он сам сказал нам в собрании.

А как вы пережили смерть Сталина? Вам тяжело было?

Нет.

А кто вам дал разрешение уехать на родину? Почему вы не уехали?

Сталин дал, Хрущев дал. Но мы не уехали. В то время мать моих детей в родильном доме была, и мы так и остались.

Только вы остались? Или остальные тоже остались или уехали?

Да. И отец, и все уехали. А я так и остался. Но мало-мало были еще карачайцы. Но я так и остался.

А туда ездили к папе на Кавказ?

Да, я часто ездил туда. К отцу, к родственникам. И сейчас есть родственники. Там есть дети старшей сестры, брат умер младший, есть племянники, племянницы.

А скажите, климатические условия там и здесь разные?

Там, откуда мы приехали, были горы, воздух прохладный, а тут жара, но мы привыкли.

А чем Ваша жена занималась?

Она была молодая, работала.

Сколько у Вас общих детей?

Шестеро. Уже все взрослые. Все живут здесь.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?

От депортации для государства не было никакой выгоды. Мы привыкли сюда, здесь наши родственники, мы тут живем в мире и согласии.

Вспомните интересные или трудные моменты, когда вы были молодым, когда приехали сюда?

В первое время было трудно, всем было трудно. Но мы привыкли. Сейчас уже все хорошо.

Скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях? Как вам удалось сохранить свою жизнь?

А мы работали, несмотря, ни на что, хоть шел снег, дождь, град. До утра работали, не останавливаясь.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Чтобы все жили хорошо, желаю, чтоб все хорошее не потерялось. Чтобы не было войны, пусть все живут в мире и согласии.

Спасибо Вам большое за интервью, крепкого Вам здоровья!

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ КОРЕЙЦЫ

.....
Пак Иван Тимофеевич, кореец, 80 лет. Был депортирован с Дальнего Востока в 1937 году. Проживает в Казахстане, город Алматы.

Так, вот Иван Тимофеевич, расскажите пожалуйста, как затронула депортация Вас или Вашу семью непосредственно Вас, Ваших родителей или дедов.

Да, это, в общем, вопрос очень сложноватый, потому что, видите, осмысливая вот это событие только сейчас как это было да, ведь тогда когда это застало меня в семилетнем возрасте, я же плохо вообще представлял. Сейчас, наверно, все вот эти, ну дети, они все продвинутые ведь интернет там компьютеры, там все это же знают, а в то время что мы знали, в деревне росли и когда говорили, что куда-то уезжаем, собирайся, родители плачут, я не понял, не осознал что к чему вот. Поэтому, наверно, можно сказать только с точки зрения из моего сейчас возраста, как это я сейчас осознаю, естественно, вот сейчас в нынешнем моем понимании, как было трудно, наверно, моим родителям, и я помню, как вот они собирались там. Это, скажем, у нас вот мой братишка, он тридцать шестого года рождения в тридцать седьмом году почти годовалый он, умер он. Его похоронили там, и я помню, как мать все время плакала, вот посадили этот самый на катер, из этой Бухты до Углегорска надо было нам по морю ехать плыть. Как это по-русски как это не ехать, не летать как...

Плыть?

Плыть, вот да.

То есть получается, что депортация затронула ваших родителей правильно, как я понимаю?

Да, да. Да, естественно.

Не дедов там, в смысле не бабушек, а вот правильно?

Нет, не было ни бабушки, никого не было, абсолютно, я в этом смысле был, как сказать (*кашляет*) в каком-то смысле обделенный, все какие-то были бабушки, дедушки, дяди и так далее у меня, их не было.

Понятно.

Потом я вижу, значит, мать плачет, я думаю, что она плачет, потом она причитает, что вот одного оставляет вот сына, в земле оставляет. Ну и помню как вот это осенью, было, значит, какие-то посева были, да, естественно, никто не убирал его, как сказать е... вот (*кашляет*)

Это получается какой год был?

Это тридцать седьмой год был.

Ага, тридцать седьмой?

В тридцать седьмом году это, наверно, было, ну в октябре мы сюда прибыли да, значит, ну наверно, сентябрь был.

А сентябрь тридцать седьмого, а куда Вас выслали в какой город?

Нет, высласть, тяжело сейчас говорить.

Место?

Нас привозили на катере, Камастате называли, по-моему, вот сейчас как-то наверно, менее суток везли и разгрузили нас на берегу какого-то моря. Это город Углегорск, в этом городе как его железнодорожная станция была и на этом берегу, мы ждали, когда нас посадят на поезд, и я помню, мои родители там ну как-то меня беспокоили тем, что вот нечего там кушать, нечего там и так далее ходили туда-сюда я помню, что-то возмущались, ну для меня это как-то непонятно.

Непонятно.

Да, вот ну, как мне кажется, там, где-то двое суток мы там были.

То есть вот смотрите, получается, я хотела уточнить немного, а... выслали, куда вот Казахстан или как?

Тогда еще не выслали, мы еще не знали, куда высылают.

А ну тогда...

Мы вот в Углегорск нас посадили и с этого момента мы ехали вот в поезде, товарники как все вспоминают об этом, товарники ехали, куда ехали, как ехали, никто толком не знал.

А вообще накануне этого была какая-то информация? Что слухи какие-то?

Слухи были надо собраться, собраться и все, куда ехать никто не знает, и не знал ни куда ехать, не знал, почему посадили, почему так получилось, никто не знал.

А вам дали какое-то время на сборы?

Ну, три дня.

Ну как это вот было? Вот кто-то пришел к вам да в семью?

Нет, у нас никто в семью не приходил, у нас же был колхоз.

А как колхоз ... Углегорск?

Да, управление колхоза пришло, сказали, что в трехдневный срок надо собраться, тогда нам передали это, там какое-то сборище.

Да.

Естественно наверно, было собирали людей, и сказали, с собой брать только самое необходимое, и явка в срок и никакой там не было, так как сказать пощады, просто все через три дня так сказать собрались, всех посадили нас в эти катера и везли.

То есть до этого вообще ничего не было, после ни слухов ничего, то есть просто пришли, сказали...

Я думаю, нет.

Собраться...

Да, ну взрослые может быть... Но взрослые тоже не слышали, было так внезапно.

А вы не слышали кто-то, сопротивления может быть оказывал?

Нет, у нас не было такого.

А насилие было со стороны?

Нет, я думаю, насилия не было.

Ага, а когда говорили о том, что собирайтесь да в трехдневный срок, как-то может быть зачитали какую-то бумагу, приказ еще что-то?

Наверно было, но...

Вы не помните?

Это я ведь, в глубоком младенчестве все-таки (*кашель*)

А как-то вот объяснили, почему не... вот вы сказали, ничего не объясняли, сказали просто собраться.

Потом мы уже в поезде, говорили взрослые о том, что вот из-за того, что там, обнаружили шпионов японских так сказать и вот нас, мол, оттуда выселяют, да вот такой разговор был.

А вы оттуда уехали, это как называется Углегорск, вы сказали да город, вот из которого вас...

Углегорск. Это мы были в Бухта Востока.

А Бухта Востока называется так колхоз?

Из Бухты Востока, нет, это Бухта Востока, а колхоз Авангард был.

А колхоз Авангард...

Один колхоз там был, ну в колхозе наверно где-то может, быть около двухсот дворов было.

Так двухсот?

Дворов да. И их всех посадили.

А это все корейцы были, полностью

Все корейцы были, у нас не было...

А то есть вот этот колхоз как он...

Он рыболовецкий колхоз корейский был, Красный где-то вот Красная бухта вот так вот пополам моря, да и здесь вот поднимается горы вот об горы и... наверно я, что мне запомнилось, наверно, горы закрывали с запада, потому что солнце садилось, и еще долго светло, мама всегда говорила, солнце уже село, еще светло даже солнце село, потому что солнце за горой спряталось запада ну э... поскольку там горы были высоки закрывали, показалось, что уже село на самом деле...

А ну там да, за горами...

Вот в соседней для того, чтоб в соседней деревне Средней ехать, мы через гору перевалишь, вот перевал там уже соседи были, а по морю там было больше катерами ехать, до этого Среднего. Вот такое место у нас было, с этого места нас всех посадили вот наша дорожная станция Углегорск, привезли, там, на берегу мы, нас расселили, где ночевали, может не одну ночь и дальше уже посадили по вагонам, когда по вагонам сажались, это я уже четко помнил, в вагоне, значит, были нары, вот двухэтажные нары. На каждой полке вот как зайдешь и здесь нары две штуки и здесь нары две штуки, справа, слева, в середине буржуйка стояла, вот на каждой наре ... по две семьи, было две семьи, значит, получается, восемь семей было в вагоне вот, это четко я помню. Вот и я до сих пор не могу представить как, чем нас кормили. Как варили, варить-то нечего, буржуйка была (*помехи на записи из-за мобильного*), варить там нечего было, как мы вот в течение месяца мы ели, что ели я не знаю, вот это что-то никак не могу понять, я просто единственное помню, что, думая, что как было тяжело родителям моим, что-то раздобыть и это самое, чтобы мы ели чего-то, ну, в общем, я помню, тогда поезд долго-долго идет, а людям то, детям хочется пописать там, я помню, отец меня держал вот так вот, открываешь вот эту...

Дверь?

Вагончик немножко открываешь, меня держит там, а как открываешь там, перекладка еще была, вот меня держал отец там, я писал там это то, что там надо делать. А взрослым это было вообще страшно, конечно, как остановит, вот три часа едет, к примеру, потом останавливает все бегут по вагонам все, чтобы свои опарить там туалеты, без этого тоже что-то тяжело, наверно, было да, потом за кипятком еще бегали, вот это я очень хорошо помню все это, вот. Ну, единственно еще светлой было, мне казалось, когда это говорит, Новосибирск, был какой-то большой город, привезли, вдруг сказали всем в баню. Вот я баню первый раз видел, в нашей деревне бани-то не было. (*звонит мобильный телефон, помехи на записи*) Это одна девушка звонит мне, чтоб я звонил, это называется маячить да?

Да, маячить.

Хм. Это не та девушка оказалась, сейчас я позвоню, извините.

Конечно.

Простите, я очень слабый в этом смысле, если у меня деньги есть, кто-то просит, я не могу отказаться, всегда даю, я дал вот этой хорошей девушке так, вот...

А она?

А она вот не дает, понимаешь?

Понимаю.

Не дает, потому что денег нет, говорит и вот. Пять тысяч долларов, я как не хотел дать, но она так плакала, так плакала, мне жалко было, я говорю ладно, так и остался я, причем это не первый случай.

Да?

Много раз меня обманывали.

Ну, все значит, никогда не буду давать в долг это один из принципов.

А вот интересно как вы думаете вот когда вас с этого колхоза, двести дворов да было, всех посадили в вагоны, а там кто-то оставался или прям полностью весь? Как имущество, скот?

Никакой скот.

Все оставили, да. А взяли необходимость, что это немного было?

Ну, котомки, какие-то там были.

Это личные вещи, видимо, да?

Личные вещи, ну я думаю, ну как-то одеяло наверно взяли, потому что чем-то накрывать было ну вот сейчас ведь много одежды у людей, а тогда было мало одежды.

Ну да.

Нету, мы же бедные были колхозники, там еле-еле проживали вот, ну рис – это было очень редко для нас. Ну что кушали, не могу представить, что мы кушали. Мы вообще что-то ели-то.

Ну да как то видимо родители, получается в вагоне, сколько ехало восемь Вы сказали?

Восемь семей.

Восемь семей, это сколько примерно человек?

У нас было в нашей семье четыре человека. Ну, наверно так.

Человек двадцать пять?

Да вот около, наверно, все-таки, мне показалось, некоторые семьи очень большущие были.

Ну да получается где-то человек двадцать пять, тридцать, может быть, было да в вагоне?

Ну конечно, в вагоне ехали, нам радостно было, безусловно, мне показалось, так сказать я еще в любви объяснялся.

Да вы что?

Вообще интересно до сих пор это не могу забыть, в другой семье была девушка, она на другой полке, ее звали по-корейски, что-то как-то звали, мы с ней договорились, давай-ка мы ночью встанем с тобой, будем целоваться, да вот и мы договорились, она согласилась, я согласился, потом проспали. Утром проснулись, оказывается, мы забыли, что мы должны были встретиться, вот это я четко помню. Понимаешь, да?

Ну да, это вот куча людей вот так да?

Ну, все с одной семьи.

Да.

Как там взрослые занимались, этого я не знаю, но они, наверно, занимались, как так целый месяц ехать, как не заниматься, правильно?

Ну, не знаю (смеется).

Это биологически же надо было, но иногда вообще мне снится вот такие сны как мы ехали, там, получается, лежали, да ну мне кажется наш вагон, где мы ехали наверно мы ничего, никто не умирал у нас.

Никто не умирал?

Никто не умирал, никто не болел в нашем вагоне, ну а в поезде вообще были случаи, когда отставали, потому что выйдешь, бегаешь там что-то такое под боком, тронулся поезд, человека нет. Потом пассажирским, как-то как они догоняли, подсаживали, это я помню. Вот там был начальник, в колхозе был председатель самый старший за это все. Ну, видимо там шумы были, что там, куда везут, что ничего не знают.

А что-то обсуждали в вагоне?

Мне кажется, обсуждали, там встречи были. Но боялись все, потому что с поезда, вообще с поезда еще были случаи, когда снимали КБшники. КБшники там как их называют, снимали, сажали. В общем, там сплошной это же доносы были.

Да?

Вот почему мы такие были не понятно, доносы были сплошные. Когда мы уже приехали, в поселке нас остановили, оттуда тоже несколько человек брали, мне тогда сказали. Сведения это по-корейски значит, кто сдал. Сведенья, сведенья. Это донос.

Да?

Были случаи вот как возвращались и знали, кто на него донос посылал. Ну почему мы вообще такие были а? Вот не понятно.

Ну обстановку такую создавали просто, поощрялись.

Ну как бы не создавали, все равно же как-то доносить на своего соседа, там своего учителя, своего друга доносить, это ну конечно, может быть, среда такая была.

Среда. А как вы думаете, как формировали этот эшелон?

Формировали в смысле по вагонам что ли?

А... Ну вот смотрите ваш колхоз, допустим, да, это весь состав, весь эшелон был? Или наверно или может нескольких колхозов?

Нет, нет. Колхоз один, иначе как могли быть нас, потом привезти. До Астрахани привезли. Видимо где-то дороги не было, почему-то и нас везли в Астрахань. Астрахань, на берегу высадили нас всех на берег и там ночевали несколько ночей, потом посадили на баржу вот это.

Да?

Товарную баржу и... по морю до Гурьева туда привезли опять в кучу все, какой-то вот спортивный зал, какой-то большой и там прямо по кусочкам выделяли и там мы жили несколько дней. А потом уже оттуда нас везли грузовиками. Открытый грузовик от Гурьева где-то до Сарайчика сорок пять километров. Везли в Сарайчик это, Сарайчик это столица вот малого жуза корейцев тех далеких казахов вот э... называется Сарайчик. И там мы были заселены, а Сарайчик в основном был русский поселок и мы попали в русскую семью. Вот дом разделен на две части, с правой стороны они жили, с левой стороны нам выделяли, мы там жили, так я думаю, не плохо, потому что очень были хозяева добрые, они нас жалели, что нас переселили, назвали нас переселенцами корейцами, называли, и они давали нам кушать то, что у них есть, давали кушать, и вот очень дружно жили с этой семьей. Но, к сожалению, не понимал я, что это надо эту связь держать, и последний раз, когда отец мой умер, это в семьдесят четвертом году, в газете были соболезнования, узнали об этом, где-то написали нам в семьдесят четвертом году вот это русские, которые жили уже не в Сарайчике, а в другом месте, ну вот почему-то, до меня не доходило надобность с ними взять адрес и как-то общаться, вот видите, это все со временем приходит, вот такое чувство, которое надо держать в себе.

Когда понимаешь?

Да. Ну, я до сих пор сожалею, что я не смог в свое время вот...

Поддержать связь?

Да, связь с ними.

А вот получается, когда Вы, значит, ехали в вагоне, если вернуть последовательность да вот этого пути. Это вы сейчас рассказываете когда, вы уже приехали сюда...

Да, да...

Мы дойдем до этого. Давайте вот вернемся, как в вагоне ехали, а вот вы слышали, кто-то бежал, может быть из вагона?

Нет.

Все наоборот стремились, да ... отставал, вы рассказывали, они догоняли, потому что семья...

Я думаю, не только семья ну, наверно, все-таки было у них чувство какой-то ответственности, скорей всего, что это ответственность. В принципе, они очень ответственные, понимаете, да, и боязнь, очевидно, что если отстанут то, что такое будет, хуже будет.

То что-то произойдет да?

Поэтому таких случаев не было.

Понятно и остановки когда поезд делал, а... это какие-то крупные города Новосибирск еще где?

Вот первый Новосибирск, впечатление осталось (*кашель*).

Да вот про баню, вы рассказывали...

Я тогда баню первый раз видел, отец тоже наверно не видел баню. Вот это значит это городская баня, большой такой зал, такой и кабины с душем. И вот это для меня было очень так интересно, что оттуда вода вот там течет, отец ходит, смотрит, пробует это вода температура, так сказать там, где считал он нормальной температурой и там я купался, то есть мылся, я думаю, первый раз в жизни в бане я был. Отец я не знаю, может не в первый раз, тоже может быть в первый раз, но тоже все время в деревне жили, где там баня, чтоб была.

А в деревне как вы купались там?

В основном...

А там же море?

Море, купались, а дома значит ... как тазик на крыльце греешь, воду так сказать, и тебя либо тряпкой, либо там... моешь вот это и есть купание, называется, чтоб баня, какая-то была, вот это наверно нищенство, конечно, было у нас. Другие не так жили наверно мы-то в колхозе.

А вот вам давали теплую одежду, может быть?

Кто?

Ну, кто-то может быть, вот как то там?

Нет, абсолютно, нет.

Нет, то есть то что вы с собой взяли, то и ... и вот остановка в Новосибирске да была, потом еще может быть какие-то?

Ну, вот это Новосибирск я помню, потому что баня.

Ну, что баня да?

Баня, потом я помню, как мы Байкал обходили, это тоже помню, сказали, что Байкал – это озеро. Видно было как.

Из поезда, ну с двери было видно да?

Да, это я помню. Вот ну чтоб потом, ну я же говорил, что наверно взрослым очень тяжело было, очень тяжело, когда в сознании что, а поскольку мы как-то плохо понимали это и... вся ответственность лежала на взрослых, поэтому мы дети просто иногда даже радовались, тому, что мы едем, там стучится поезд, там понимаете, поэтому трудно сказать, если кто-то, сейчас был бы отец мой, он бы рассказал бы, наверно, свое впечатление.

Ну, это горе, конечно, тяжело было очень перенести все. А вы не помните, сколько дней это длилось?

Ну, тридцать дней.

Да что вы, это месяц да?

Месяц (*кашель*), но остановки были очень долгие, иногда очень долгие случались, едет, едет, едет, едет. Вот обычно поверните так, поверните так, если дорога пустая едет, едет, потом когда стоит, пропускает всех и сидишь.

Да. И люди боялись да, Вы говорили, что-то говорить, слухов никаких не было да, вот старались?

Если я скажу, что что-то было и так далее это не правда, было. Потому что я. Я маленький же был.

Да, конечно.

И для меня это ...

Не осталось в памяти?

Ничего не осталось.

Бывает девочка, наверное, с которой разговаривали? (*смеется*)

Как с девочкой договорился встретиться ночью и проспал. Это говорит уже, видите, какое детство было у меня, у меня желание было, что-то с ней там, а потом проспал (*смеется*). Это как-то я четко сейчас вспомнил, помню это.

А вот Вы помните, когда Вы прибыли, получается, какой это месяц был?

Я думаю это был..., холодная осень была.

Осенью да через месяц?

Когда в Астрахань нас привозили, выгрузили уже холодно там в Астрахани. Так и там мы на берегу ночевали, и я этот холод четко помню.

Это, наверно, какой месяц?

Наверно, это все-таки конец сентября или в начале октября.

И куда вас привезли, в какое место?

Нет, нас...

Этот эшелон двигался, двигался?

Двигался в Астрахань.

Да.

Поезд остановился в Астрахани и нас выгрузили на берег Каспийского моря, Каспийского моря мы вот прямо на берегу ни помещений ничего не было, мы на берегу. Как там, холодная земля и все как мы спали, не знаю. Вот, потом сказали, команду дали, баржу подали, на баржу погрузили.

А потом когда уже на поезде вышли?

Нет, на поезде тридцать дней, дважды я был на берегу моря.

А, вот как?

Первый раз, когда по морю привезли на берег, там ждали посадить нас на поезд, потом поезд ехал, ехал, ехал.

Тридцать дней да ехал примерно?

Да, меньше тридцати дней, а вообще сложно сказать, ехал, ехал и Астрахань.

Так Астрахань потом?

Это на берегу Каспийского моря, опять нас выгрузили на берег и опять, а первый раз поезда на берег Каспийского моря и там было холодно, я это помню, выгрузили и мы ждали, когда дальше, куда лодка.

А вот как.

Дальше нас как повезли, подали баржу, там товарный и загнали и просто, как и ... что я помню, я очень как я боялся как маме... как укачивания, как укачало я вообще, наверно, дня три мы ехали, я вообще не просыпался, все время лежал, не мог встать. Укачивало, у меня слабое это как его это, я не мог, рвало меня, я вот лежал. Вот это я четко помню. Потом из баржи высадили, в город Гурьев мы приехали.

Да Гурьев. С Астрахани до Гурьева?

Да, в Гурьев и нас высадили на берег, в какой-то спортивный большой зал.

А вот как, оказывается. О чем вы говорили?

Да, в этом большом зале тоже, где-то там, на пол постелили и там мы жили несколько дней. Потом, сказали, подадут сейчас машину и повезут нас дальше и дальше, вот сорок пять километров вверх по течению реки Урала да? И в поселок Сарайчик привезли.

А вот в этот Сарайчик?

Да. В поселок Сарайчик привезли и расселяли нас.

По домам?

По домам.

А все понятно.

Поскольку это было русское почти русский поселок, и мы попали в русскую семью.

А вот интересно, когда вот в барже вы ехали там как? Сколько дней?

Ну, наверно, три дня ехали.

Три дня, ну там тоже получается, Вы никуда не выходили, только вниз?

На барже нигде не останавливались, буксиром, это буксиром нас тянули вот.

А спали как просто на полу? Или там были специальные...

Там не было, это вообще помню, как тоже такой трюм.

Трюм.

Никаких полок не было.

А кушать как там?

Ну, этого я не знаю до сих пор, как мы ели, мы ели же, наверно, что-то.

Ну, да раз вы не помните чувства голода такого да, чтобы вы переживали.

У меня не было, чтобы я голодал.

Да интересно, значит, получается прибыли в этот Сарайчик, а вообще Вы знали, что Вас в Казахстан везут?

Наверное, взрослые знали, что в Казахстан.

Но вы не слышали, да?

Да.

В этом Сарайчике холодно или какой вообще климат там был?

Нет, Сарайчик уже, когда нас заселили в Сарайчик, это уже было холодно. Это наверно уже конец сентября, октября было вот, но люди все-таки жили там, в Сарайчике, общались друг с другом, потому что это один колхоз был, один начальник, все-таки общались, я помню какое-то время, даже спектакли ставили наши, зимой, вот звали нас на спектакль. Видите это вообще, все-таки какой-то энтузиазм был, чтоб спектакли еще ставили.

Сами корейцы?

Сами корейцы, самодеятельность. Я помню, как играли вот. Это мы зимовали там, но впечатление, какое вот в этом поселке, мы дети, конечно, играли там, было на коньках катались, самодельные там привязными, там, на улице потом на улице, но нас называли корейцами, переселенцы корейцы. У меня четко в голове было записано, корейцы это как ругательское, не как национальность русские, казахи я понимал, поскольку нас корейцев переселенцев считали, что корейцы они людоеды какие-то и вот как-то дразнили. И

когда звали корейцы там, переселенцы корейцы у меня четко записалось в голове, что это ругательское и до сих пор у меня в памяти сохранилось вот это остаточная память, если как говорят кореец, я как уже как оскорбление считаю. Хотя мы же казахи называем, казахи не обижаются, правда, и русские не обижаются, правда, когда корейцы называешь у меня вот сразу записано в голове, что кореец это как ругательное, как плохой человек. И это впечатление долго жило у нас, было, и до сих пор я говорю остаточное явление у меня в голове, моего возраста есть, старше вот все такое впечатление осталось, кореец это как плохая национальность, как переселенцы, как шпионы нас рассматривали. Потом люди наверно убедились, что все-таки не такие они корейцы плохие и стали с нами общаться там, это все знаете вот. И вот это вот синдром вот этот вот до сих пор остался в моей голове. Хотя, что обидного, что я кореец называли меня корейцем, вот кореец идет, я сразу обижаюсь.

Да, это действительно.

Вы не обижаетесь.

Ну,... нет. *(смеется)*

А я ... я обижаюсь, потому что вот у меня синдром вот этот вот остался.

А вот интересно, а климатические условия сильно отличались от того места, где вы жили и вот куда вы приехали?

Да, конечно.

Там же море было.

Нет, море в Сарайчике. На берегу просто Урала, море далеко было.

Да, да.

И я помню, значит, Сарайчик, только зиму провели, никуда же никто не работал, но нам давали это я уж четко помню шкуну, с этого муку мы получали мешок, из муки что-то родители делали, вот я думаю, вот все-таки живы остались, благополучно корейцы, потому что они смогли сразу сообразить делать Тяй корейский вот это соя.

Это тогда произошло разве, да в то время? Или как?

Нет, они знали раньше. Они не знали, откуда делать это.

А из чего?

Если где мы жили, соя была, из сои делали Тяй и те, которые везли, уже съели, все нет больше, ну надо делать другой Тяй, а материала нету. Вот чечевицу я помню вот так... чечевицу где-то доставали, вот это вот делали. Потом они научились из обычного хлеба делать чай, и когда мы начали делать, джаю делали еще, мы же не сажали ничего, тяй значит, делали потом весной трава, на улице трава, вот эта трава тяй суп делаешь, вот уже жить...

Муку давали, на какое время хватало, до зимы? То есть один раз просто дали, как вы приехали?

Нет, ежемесячно давали.

А каждый месяц?

Каждый месяц помню, а да, но что такое мука, мука и все больше же ничего нет, мясо же, мясо вообще нету.

Белка нет, да.

Да понимаете, да *(смеется)* рыбу не могли ловить то, хотя Урал рядом, не знали, как ловить, чем ловить. У нас же там другое условие.

А там, на лодках наверно, да там, где вы жили?

Да, да и зимой, конечно, нет, можно было бы, наверно, подледный можно было сделать, не знали, и вот так беспомощными были. Мои родители потом ранней весной нас отправили в колхоз, селколхоз на новое место, куда нас определили. Определили ниже на семь километров вот этого поселка, сказали, что там обосноваться.

А то есть это получается, сколько времени октябрь, так ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, ну где-то полгода вы прожили?

Ранней весной.

В этом Сарайчике?

В Сарайчике ранней весной нас перевезли в то место, где мы должны были обосноваться.

Ага, интересно, а вообще вот а... то есть получается, вам возмещали что-то, вот возместили то, что вы дома, просто я читала...

Нет, ничего не возмещали, обещать обещали, но не возместили, но построили же дома, дома-то построили, ну строили-то не на свои деньги, думаю я, все-таки вот это и есть, наверно, возмещение какое-то, вот я хочу...

Да давайте про него ...

Вот в этом в поселке жизнь, я думаю, все-таки она была неплохая жизнь, потому что я вырос, как ... ходили на спектакль, друг к другу в гости ходили.

А русские тоже к вам приходили, вот жители поселка?

Да, конечно.

Они вообще как вас встретили?

Русские хорошо встретили вот.

Помогали вам как-то?

Да, ну я же говорю мои там русские, которые подселили, они очень нам помогали, очень сочувствовали просто по-настоящему вот, ну казахов там почти в этом поселке не было, поэтому я не могу судить о казахах, как нас принимали, а русские, вот с которыми мы сталкивались, были это русские, были. Вот, они очень хорошо понимали, и вот спектакль вот это запомнил, что в такое трудное время, что еще спектакль поставить, подымали, мы смотрели какой-то, наверно, все-таки клуб нашелся, потом зимой, я помню, нас собирали детей, сказали, как школа, вот в одном помещении нас собрали, там первый по четвертый класс говорили, будет. Вот я в первый класс, поскольку не ходил туда в первый класс меня, я туда пошел вот в этот класс, один учитель был, несколько классов вроде бы там называли. Мы там зимой несколько занятий, я ходил, мы учились вроде бы, взрослые, те которые старше меня были, которым надо было седьмой-восьмой и так далее, а они наверно больше всех все-таки, мне кажется, страдали, потом значит да вот жизнь в Сарайчике проходила, школа все-таки открыта была, пытались мы ходить в школу, спектакли были и вот наверно это события все-таки показывается, что жизнь была, шла жизнь, и... наверно были элементы людей, которые наверно не совсем хорошие были поскольку, почему я обиженный был...

Да, обзывали вот да...

Обзывали корейцами, переселенцами, людоедами, если б этого не было, я зачем обижался бы, правда. Наверно тогда вот дразнили, были люди такие. И дрались, это тоже было, мальчишками между собой, вот жизнь вот в Сарайчике это и вспоминаю, вспоминаю все.

А как вам вообще показалось благосостояние там местных жителей, какое было, когда приехали?

Ну, это трудно сказать они, наверно, тоже не хорошо жили, потому что если раньше жили, нам давали бы, я помню тыкву вареную, вареную тыкву вот сварит что-нибудь, вот не варит, а пекли.

Да, запекают ага...

Вот в русской печи укладывает, туда закладывает, это там в первый раз мы видели вот, они это тогда давали кушать картошку там что-то, получили, давали, я не думаю, что они хорошо жили.

Бедно да, понятно, и ну в принципе вы же там не долго, там совсем жили ну полгода...

Ну, полгода жили, это полгода жили, все равно там впечатление осталось у меня, поскольку мы уже все-таки нас высадили, жили у людей там, что-то жизнь какая-то была, так сказать мы радовались, бегали. Вот потом все-таки жизнь была, потом когда нас везли в это наше постоянное место надо обустроиваться и вот нас завезли вот всех опять, я думал, если больше это и есть, вообще вот четырехугольник, вот это строение, вот так вот вокруг так площадь, а вокруг (*вроде чертит, показывает на чем-то*) вот это вот помещение было.

И везде квадраты получается, прямоугольников, это посередине.

Да, да. А нам сказали вообще ферма. А сейчас я думаю, потом по рассказу других людей это не было фермой, это был лагерь, для заключенных. Потому что там же не было никакой воли, ничего не было и вот было, помещение вот так и вот помещение, вот тряпками загородили (*стучит по столу из-за чего плохая слышимость*), семьи расселяли вокруг этого помещения, и вот мы выходили вот в этот двор, играли дети, я помню, значит, это было, наверно, все-таки, как я понимаю там лагерь, заключенные, где жили. Заключенных не было, нас туда заселили, вообще чисто было, запахов не было вот, и там мы провели, значит, весну, и лето, а осенью, глубокой осенью уже построили дома.

Рядом да это.

То в том же, тот там, кроме этого ничего не было.

А степь?

Степь. Да это Урал, вот потом это потом вот, когда мы уже ушли оттуда (*кашель*), там как ферма стала.

А сделали. А дома вот вокруг да построили?

Нет, а дальше уже ниже немного в глубине. В глубине значит, показали казахи нам, значит надо как саманы делать, там уже казахи были.

А как называется, куда вы это, где вы?

Ну, это никакого названия не было? Это корейцев завезли туда, и корейцы обосновали вот этот поселок.

Как он назывался?

Сейчас Чкалова называется.

Сейчас Чкалова?

Чкалова.

А там кто-то жил?

Никто не жил.

А вообще пусто?

Пусто было.

А казахи как вот?

А казахи в соседних, в соседних поселках были казахи.

А какой там соседний был поселок?

А соседний Сарайчик.

А Сарайчик?

Сарайчик семь километров, потом ниже четыре километра Сорочинск был.

Сорочинск?

Сорочинск да назывался, вот и туда еще, там был, ну это там всего два-три дома было всего, но казахи там потом появились, казахи одна-две семьи появились и естественно саманы, саманы показывали они делать вот, это все лето наши трудились, делали саманы. Делали саманы там, это помню, как месили, там солону добавляли, потом получили саманные кирпичи, их складывали, и осенью глубокой осенью дома выстроены были, и

выделяли по жребию, выделяли эти дома кто, куда будет заселяться. Когда мы заселились туда в дом, значит, такое впечатление эти, деревянный пол никакого пола там нету, печь, как русскую печь поставили такой да, одинарные вот эти стекла, рамы и никаких двойных не было рам, а ... крыша плоская, нету никакой крыши, плоскость глиной смазана была да, потолок смотришь, там эти камыши торчат. Торчат, вот такой вот был сарай, как сарай дома. Вот туда заселились и, естественно, мерзли люди.

Ну, конечно.

Ну, эта печь ну куда годится пол деревянный и так далее, тогда корейцы сообразили, надо делать как в корейском доме ... это печь.

Это печь, вот как они нашли, где кирпичи нашли и все, вот строили себе вот эти вот горизонтальные печи, вот это нас конечно...

Это как кутури, да?

Кутури.

Это подполы да?

Это давали просто, просто как в европейские дома, которые эти рассказывали, да печи посередине, печь поставили там и вот корейцы поняли, что такие печи и тут же мы начали все строить вот это, горизонтальные ондори делали. Это наверно здорово помогло. И там значит, каждый дом был две комнаты, одна вот эта комната, другая комната, здесь коридор, такое и вот это в другой комнату закрыли все почти и построили горизонтальную печь и все туда у всех почти... *(помехи на записи из-за мобильного)*

А там, сколько было таких?

Наверно, много домов было все-таки, весь колхоз туда.

Вот эти двести дворов, да которые...

Да, да двести ну в каждом доме было по два хозяева.

А вот так на двоих? *(помехи на записи)*

Четыре комнаты.

А четыре комнаты.

По две комнаты каждому...

Две комнаты одной семье, две...

Да, значит это, значит, получается почти сто домов, почти было около ста, в общем было.

Ну да на два, двести...

Вот улицу мы там строили, и когда строили, нам сказали, что это может на сорок лет может быть самановые сорок лет или двадцать лет, сказали, мне показалось, двадцать лет, ой как много, ну они стояли долго, вот я недавно ездил, некоторые стояли.

Да вы что?

Стояли.

Там, да?

Вот, и в этом поселке вот весь колхоз был, а потом оказалось, что еще один колхоз с другой стороны привезли, другой колхоз это Павловск, этот колхоз Юрий Николаевич который, вы знаете да?

Нет.

И вот и вот это вот сейчас примерно пример вот Урала наш поселок да, потом здесь был большой вал, ниже вала другой колхоз Павловск, а они тоже. Они их везли сюда. Привезли сюда, они тоже строили, и получилось в одном поселке два колхоза, которые разделяло валом деревню.

По валам да.

Вот так вот.

Корейцы тоже.

Да, конечно, тоже переселенцы это.

А кроме вот в... корейцев там еще кто-то был? Кого-то еще насильно перевезли? Или только корейцы?

Только корейцы были, вот тогда только корейцы были. Во время войны перевезли к нам калмыков (*помехи на записи*) там они насильно же привозили их наверно просто, а... в глубину с фронта.

эвакуировали?

Эвакуировали, просто, а калмыков переселили.

Так получается вот смотрите, то есть кроме, ну просто бывали случаи, когда я читала да (*помехи на записи*) в поселке, где жили другие люди да там казахи, русские. А у вас получается отдельный.

Это у нас наверно особый все-таки. Вот Уштобинцы рассказывали, их привезли просто в степь, сказали, давайте здесь живите. И они яму копали, в землянке они жили. У нас не так было все-таки, нас привезли же, дома привезли вот к хозяевам, подселение было.

А их прям...

А они рассказывали, что подселения не было. У нас было подселение, там вот они, помните в фильмах, когда показывают, прямо просто выгрузили в степь и все и давай живи как. У нас этого не было, у нас культурней было.

Интересно, а вот вам как-то определили режим депортации, то есть вот никуда не выезжать, должны жить только здесь, как-то было, а как? Какие условия были?

Условия как не знаю, у нас-то условия были, как сказать не выходить за пределы вот этого.

Поселка?

Поселка, в начале было такое потом, за пределы республики не выходить, вот такие ограничения были.

Хм, интересно...

Паспортов-то не было же у нас.

А через вал можно было да в тот поселок?

А не.

Это нормально?

Мы ездили к соседям, ходили пешком, к соседу заходили.

А у вас администрация была, где вот ну администрация как там директор да там, например колхоза, это все?

Это председатель.

Это кто председатель, который был там?

Да председатель в колхозе.

Он же стал председателем?

То есть он был, колхоз он как колхоз не распался, он как колхоз, все переносили параллельный перенос с колхоза. Колхозам было. И все организация колхозная, но вот когда мы построили, все это расселились. Вообще не знали, чем нас там занять, наверно да. Поэтому поскольку это был рыболовецкий колхоз, в тридцать восьмом году все мы взрослые ездили на Каспийское море на рыбалку. То есть рыбаками были, тоже надо соотносить мы в поселке этот да были сразу сельским хозяйством надо заставить, а везли их всех, мой отец я помню так на Каспийском море это трехсот километров да? На Каспийском море рыбачить, поскольку целевое так сказать назначение колхоза было рыболовецкий, и думали, что не надо менять пусть там рыбу ловят. Вот, потом сообразили, что так нельзя и тридцать седьмом это уже тридцать седьмом как же мы в тридцать седьмом году уже зашли в свои дома и в тридцать восьмом году все рыбаками были. А в

тридцать девятом году новая инструкция была, и перейти колхозу на сельское хозяйство. Вот перенесли сельское хозяйство, и надо же воды-то нету, там же степь.

Да...

Степь это дождей вообще нет. Лето, все лето дождей нет, значит, надо воду иметь, чтоб здесь хозяйством заниматься, как это делать, вот это тут задача была, значит надо с Урала качать воду. Для того чтобы качать, нужна энергия.

Оборудование.

Электричества же нет, сейчас-то электричество там генераторы включил, качай. Значит, тогда выделили нам туда в колхоз вот как бы дизель, который дизель у людей же опыта не было, как включать и так далее. Опыт был, как засеять, как это делать, но чтоб воду качать оттуда, поливы делать вот на дальнем востоке не поливная же земля была естественно, а здесь надо было поливной землю и кто же нужны были, конечно, специалисты. Вот отец мой наверно все-таки был, каким-то специалистом да. И вот в тридцать девятом году пахать же надо еще землю.

Да вспахать.

Вспахать. Тракторов не было и где-то что-то там выделили, откуда тогда, тогда система МТС не началась.

Да знаю. Это Моторно...

Нет.

Нет, Машинотракторная станция, вот

Что такое МТС знаешь?

э... МТС?

Да, нет вообще.

в смысле?

Анекдот есть ...

А нет... Понятно

Вот такое МТС наверно, теперь надо же строить баумы, чтоб качать, чтоб вода текла э... по... да поле значит, надо строить эти как называют водочок, водочок, называют, а я сейчас думаю, как корейцы сказали водочок водочок. Водотек

Водотек?

Водотек еще же трубы, там она же там никаких труб...

Да, да.

Это все вашим способом делали, вот эти вот валы, чтоб вода текла, потом это все какой труд был, я это все помню, понимаете. И вот все-таки строили оросительную систему, вот воду качать и первый раз сажали ... рис там, э овощи и так далее, и самый урожайный год, конечно, был сорок первый - сорок третий год, военные годы были очень урожайные годы. Колхоз много давал там первый, когда еще было тяжело очень, только начали да *(кашляет)* Вся вот эта жизнь пошла, овощи мы получали, хлеб мы умели, делали тйя, делали как тйя, вот это вот соус всякий... потом травы, сколько хочешь, до мая месяца было на улице сколько угодно. Потом научились рыбу ловить, потом руками даже пытались, руку э... рыбу вылавливали, это речка вообще там разливается, когда ... это Урал разливается по полю, и там где вода проходит и там выгребали прям, то есть за счет рыбы наверно там жили хорошо там.

А вообще, какой-то надзор был за вами что, как то э... перепись какая-то постоянная или как проверяют?

Конечно, ну КГБшники разные все... они были же.

Они жили среди вас или как? Или приезжали?

Приезжали. Райком, райком же у нас командовал, районный комитет, партия это же, у нас же коммунисты же были у нас в колхозе коммунисты, компартия партийная организация все, как положено, работали.

Мы остановились на контроле, то есть, как происходил контроль. Вот райком да вы говорили.

Да, конечно, всегда контролировал райком (*много шума с кем-то начинает разговаривать*). Похож на внука да? ...

Нет.

На кого похож (*разговор кто-то вмешивается, посторонние звуки, перебивают друг друга*)

3-е лицо: нос параллельный на тебя... познакомься моя сводная сестра...

Вот внук старшего сына.

Александр.

Александр ну у него двадцать пять процентов Пак, фамилия Пак ну двадцать пять процентов корейской крови остальные у него русской крови больше. Мама русская у тебя же? Смесь, смесь тоже да. Отец полуказах, полукореец, мама русская, поэтому четверть у него, вот девятого апреля защитил кандидатскую.

Математика?

3-е лицо. Да прикладная.

Интересно, гены да?

Да, не знаю гены.

Гены да?

Ну как ты оформляешь документы, нет?

3-е лицо. Да оформляю я сейчас, правда, больше почти не занимаюсь.

А почту, Вы отправляете да?

3-е лицо. Да.

На сколько?

3-е лицо. Ну, почта может быть полдня минимум.

Слушай, посмотри, на почту прибыло, пришло или нет, я совсем не удобно, там вот Митя Во... должен прислать мне материалы, я должен...

3-е лицо. А почто это завтра только...

Ну, посмотри, еще что-нибудь. Так значит, мы с вами да доработаем, значит.

По контролю как они?

Ну, райком контролировал постоянно. У нас паспорт регистрация в колхозе райкоме и поэтому (*кашляет*) под присмотром всегда.

3-е лицо. ... как здесь.

Посмотри, вот есть или нет. Да, и... конечно ну вот все-таки все были в рамках все-таки, в рамках.

Чувствовали да?

Чувствовали в рамках, ну мы свидетели у всех корейцев было вообще, в то время, справка проживания в пределах Казахстана. Если даже ты паспорт получал, в паспорте была отметка такая «С правом проживания»... Нету да (*спрашивает у кого-то*) черт возьми...

3-е лицо. Почта сегодня еще будет следующая, завтра только...

Ладно, Листеру надо позвонить, ты здесь будешь да?

3-е лицо. Я где-то через... на час уйду.

В общем, скажешь, когда будешь уходить, потому чтоб я знал. Так все время конечно под контролем, считали, что корейцы ненадежные, хотя, все-таки надежности показали, все равно где-то под пристальным присмотром было. Но это же всегда так было вот, а ... сняли это ограничение, я думаю, после смерти Сталина. Ну, многие толковые ребята так сказать ходили в российские города, они никуда не пропадали, возвращались, вот случай с моим одноклассником, он окончил высшее, в школе вместе учились, а потом он в техникум эти...

ка... не попал, а как он приехал в Москву, туда его должны были без экзаменов принять, его не приняли, увидели в паспорте «С правом проживания», он должен был сюда приехать, когда в Алматы он приехал, опять здесь опоздал, вообще прием закончился, потом он что-то разозлился, снова в Москву приехал, каким-то образом он добился, в Москве все-таки его зачислили. И он зачислился в Российский нефти имени Гопкина, и он закончил там с отличием, закончил, там остался, там, поэтому из одного колхоза...

А у вас школа где была в колхозе?

В колхозе да. А в колхозе значит, школа тоже, там же вы понимаете, да вот в тридцать восьмом году, когда в конце года мы построили дома.

да дома

И тут же три дома выделили выстроенные под школу. И вот это в тридцать восьмом году э... в сентябре все-таки начались занятия, а до этого, а в тридцать восьмом году начались занятия, мы ходили в поселок четыре километра вниз, ходили по тропе, там разных местах побывали ходить, ну это же тяжело ходить там такое.

На это расстояние, конечно.

Да, и потом наверно что-то прекратили ходить и вот когда выстроили, а в тридцать девятом году, в тридцать девятом году, да тридцать восьмом закончили, там выделили эти там три дома под школу, и в тридцать девятом начали туда школу уже работать. Мы тогда пошли (*кашляет*) в новую школу, ходили, вот школа была до девятого класса, не средняя, не полусредняя школа. Потом построили, сломали церковь вот эту вот в нижнем Сарайчике, сломали церковь, кирпичи перетащили, потом построили нам дом, вернее новое здание.

Школу?

Мы в эту школу ходили. Ну, так получилось еще у нас ведь беда, ну в этом сорок первом, сорок первом в первый раз наводнение, Урал наводнился, потопили и вот эти саманные дома вот на моих глазах они...

Таили?

Вот вода заходит туда, и вот так вот садится, через пять минут все буквально...

Прям полностью?

Ну, многие дома пока, а наши, наш колхоз, наш колхоз давно валом было...

Загорено?

А дома, которые паводки не сходили...

Да, первые

Они многие половина, где-то там, еще помню больница очень красивая больница, ну в том понимании, когда...

Да.

Большое здание, было большое, и только выстроили больницу и вот тоже под воду пошла, развалилась. А вот этот кирпичный дом, вот это...

Школа.

Школа, которую построили из...

Из церкви.

И вокруг полумонолок около школы, вокруг школы, а дом стоял, потому что из кирпичей, вот это я сейчас хорошо помню. Ну, в нашем поселке значит, школа до девятого класса, мы учились девять классов, после этого у нас районный центр там, в интернате мы учились, в интернате там заканчиваешь среднюю школу, потом уже заканчиваешь в разных местах.

А в школе кто у вас преподавал откуда? Свои или?

Нет, ну присланные преподаватели, у нас свои тоже были преподаватели, они эти, это дальне вост... на дальнем востоке же у нас пединститут же был. Корейский пединститут, те выпускники этого пединститута были тоже у нас, в нашем колхозе они преподавали у

нас, ну и много еще со средним образованием тоже у нас преподавали, некоторые не без высшего образования.

Ну, понятно, поэтому школа...

Да у нас, когда я в первый класс пошел, преподавателем была женщина вот, русская присланная, направленная к нам, вот это в первом классе мы же все говорили на корейском языке, наш колхоз чисто корейский был. Вокруг никаких других национальностей не было, поэтому наши у нас рабочие все время корейский язык. Вдруг мы в школу пошли значит, а там учительница русская. И вот интересный такой обзор, вот так сказать, она говорит по-русски, мы говорим по-корейски, мы друг друга не понимаем, ну как мы учились, не знаю, но что-то такое, что-то такое приспособились друг друга там понимать. И это все-таки провели один первый класс, второй класс с русским учителем, с русской учительницей вот. Ну, конечно было тяжело, значит, если хочешь на у... во дворе быть там пока выйдешь, там человек пять... она ничего не могла сделать.

Она интересно депортирована была? Или нет?

Нет, она направленная.

А специально?

Ее направили да, просто работа такая.

А вот вообще интересно, труд как оплачивался, вот в работе э... вот работала деревня да?

Труд никак не...

Не оплачивался же да? То есть ради того, что вы выращивали правильно?

Да.

Ловили рыбу...

Вы же знаете в колхозе, оплата труда трудодни были.

Значит, если заработал, скажем, даже сто трудодней, если внушаешь мне это, получаешь. Трудодень это, это виртуальный какой-то заработок был, если хороший урожай трудодень может, один трудодень может быть, скажем. Ну, у нас, был очень хороший урожай риса, и на трудодень у нас было четыре килограмма риса, и вот когда получили четыре килограмма риса на трудодень и все колхозники обсчитались в долг, когда они получали и получали ... рис.

Мука?

Муку.

А в долг давали все, да?

В долг давали.

А записали, что это в долг?

Да, долг пересчитывали.

А вот как?

Я где-то в сорок первом году, по-моему, мы все рассчитали полностью.

Полностью. Интересно.

Значит, когда в сорок первом году это у всех (*кашель*) двухкомнатные, одну комнату выделили для хранения шалари, там перегородили, там помню, столько риса было. Рис это у нас был как обменная валюта. Значит, рис, когда почистишь, это готовый рис был, там рис шала и вот это чистишь вот это рис, получаешь, и на этот рис потом продаешь это, и тогда у тебя деньги появляются, так как деньги. Вот так вот мы жили все время.

Вот получается, вы... с детьми общались только вот со своими, которые в колхозе жили?

Да, да.

Там ни казахов, ни русских не было?

Не было, вообще не было ни одного казаха, ни одного русского не было кла..., э потому что там же не жили другие национальности, у нас было много национальностей.

Да, интересно вот это вот. А вот интересно получается, вы же всем колхозом переехали значит, у вас родственников там не осталось да?

Нет, нет.

Тогда получается, не было надобности переписываться с кем-то, получается, встречаться, все здесь, родственники все здесь.

Когда была, какая-то возможность с колхоза уезжали, но некоторые уезжали, но потом их вернули.

Возвращали?

Были (*кашель*) ну как бы втихаря или как называется...

Побег?

Побег, с колхоза как раз в нашем доме, соседнем доме их это самое глава семьи убежал.

Один убежал?

Один убежал, не с семьей, семью оставил, убежал так и не возвращался, как это ему удалось, тоже не понятно, ну это было. Ну, вот таких случаев много, такие были с колхоза убегали, они в Ташкент убегали, Узбекистан, там жизнь лучше.

Да, там тепло и их возвращали да?

Некоторые возвращали, некоторые уезжали, даже в военные годы уезжали, ночью прям, собирались, уезжали некоторые семьями, были такие случаи.

Ну, военные годы не так за ними следили, да?

Ну, все равно за ними следили, потому что иначе как, так бы свободно уехали бы, а так они втихаря тут.

А были вот доносчики, там стукачи?

Потом, наверное, в колхозе были доносчики, были стукачи, были, потому что когда донос, были там, забирали людей, приходили КГБшники и забирали людей, мне сказали, что это вот доносчики были.

В смысле доносчики донесли на них, да и их забрали?

Ммм, а потом уже в колхозе, когда жили, не было такого случая, что кто-то заглядывал.

А когда вы уже отдельно да?

В нашем колхозе, когда мы жили, не было такого, что сажали кого-нибудь.

А как вот одевались? ну на вырученные деньги, что-то покупали или как?

Продаешь, одеваешься, здесь помогали наверно казахские деревни, ведь холода, зима очень суровая (*кашель*), у нас был чай вот по пайку положено, получали чай и так далее.

Паек это в смысле в годы войны уже?

Ну, даже после до... да в годы войны, уже ну какие талоны были, чтоб чай покупать, а корейцы чай-то не пили, этот вот одну пачку возьмешь в большой деревне, когда, мм, не допускали, а в океанской стороне, мм, казахский аул был, по стольку река как Азию и Европу разделяли, да тогда вне зимы, туда попасть невозможно, на лодках.

Урал же да там, большая?

А когда зима встанет, лед встанет, тогда мы уходили аулы, вот речку перейдешь, один аул, чуточку перейдешь – там аулы, другой аул – там чистые казахи жили, вот это берешь пачку и обмениваешь на них, вот значит это носки, там перчатки, в основном перчатки, носки там берем, обменивались, вот ну вначале вот, когда у нас вообще трудно было, когда у нас наши урожаи не было, я помню, мы овсом обменивались на этот чай, овес

такой вкусный подумал, мне тогда показалось суп такой, овес такой в чистом виде, который лошади кушали его же надо... чтоб получилась крупа, крупа получилась да. Вот это там стопку потом делали, нужны стопки делали, а потом чтоб ну, в общем, так получилось, что зимой и казахи приходили к нам продавать, мы ходили к ним и вот обмен товарами происходил между казахами, казахскими аулами и корейским аулом, потом значит соседний вот аул Сарайчик, там, в основном жили русские и когда наши стали намного лучше жить, там стали уважать там, тогда русские женщины выезжали к нам, то стирать, то что-то делать вот так.

А зарабатывали они?

Да, и вот всегда удивлялись, когда кушаешь, еда у нас была непривычно, они привыкали с трудом к нашим, первое значит, и кашу мы кушали, значит наши после работы, салат Чим-Чим крошишь, кашу подаешь, русский сидит только Чим-Чим кушают, кушают (*смеется*). Кашу нечем кушать, вот такие, я помню, потом мама моя говорила, восток и запад противоположены, на востоке принято ложку... чисто как его.

Облизать и потом чистой ложкой брать, даа, ммм на востоке так?

А на западе считается не культурно, если ты облизываешь ложку. Вот это русские женщины значит, мама кормит, и они значит, как попало, не облизывают, и она ругается, как она там такое не облизывает эту ложку... вот это я так четко помню, какое-то, а сейчас начинаешь обсуждать... думать совершенно противоположенные культуры. Потом наши когда кушают, чавкают, корейцы обычно чавкают, когда русские смеются вначале и они не могли привыкнуть к нашей еде, а потом когда привыкли и начали кушать вместе с нами. Ну и мы собачатину кушали, но и в нашем поселке все-таки потом уже появлялись одна-две семьи других национальностей, а так много было исключительно корейцы и за счет приезжих преподавателей вот они были учителями (*кашель*), а потом вот этот колхоз почти все корейцы переехали, а там обосновались, новый поселок, созданный корейцами, сейчас там находится колхоз Первомайск, поселок Чкаловск так и называется, Сарайчик практически исчез и там теперь э... и назывались... в этом колхозе, в этом поселке есть средняя школа из 10 классов и с других вот регионов туда собираются учиться.

Интересно.

То есть вот эти корейцы основали ее все. Я ездил недавно, они там благодарны очень корейцам, сильно благодарны, кореец... э... те, которые там живут. В 2007 году встреча была, и они помнят нас очень хорошо, значит уже в послевоенные годы стали к нам приезжать и жили у нас вот в этом поселке и те, которые... казахи, которые оставались они очень отзывались о нас корейцах хорошо, по-корейски мы учили, их там-то делать, это делать и так далее, и тогда мы приезжали сюда и даже силами учеников показывали нам спектакль, как нас привозили и так далее, показывали как спектакль. И все с благодарностью относились к нам, и было очень приятно, было так сказать это, и стипендию там школьникам до сих пор плачу стипендию.

Да вы что?

Да.

Интересно как.

Дважды ездил в последние годы туда, ну вот этот поселок остался в памяти, вот корейцам.

Там казахи да в основном?

Сейчас казахи, все казахи.

А все казахи?

Русских совсем мало, тридцать, две-три семьи большие. Обосновали это все корейцы.

Интересно как сложилось, да?

Да, а соседи где жили раньше, исчезли и сюда переселились.

А вот получается, вот вы говорили четыре килограмма риса это один трудодень, да? А в среднем вот, а... сколько трудодней было ну, скажем, ставить примером, сколько мог человек заработать?

Вот я, в колхозе работая, за летний период иногда сто тридцать трудовых дней зарабатывал. За этот как ученик, вот мой отец бригадиром был, работал у него э... день просто, день в месяц шестьдесят трудовых дней у него.

В месяц шестьдесят трудодней.

Он как бы на зарплате работал, постоянно. Как в бригаде, вот значит два трудодня, м... в день получает, в месяц шестьдесят трудодней. Бывали зарплаты в месяц по сорок пять трудодней, шестьдесят трудодней. А председатели колхозов, по-моему, девяноста трудодней. Все вот.

Ну, в среднем такой простой человек сорок пять да?

Да, сорок пять.

А как это рассчитывалось, в смысле эти дни?

Не, норма рассчитывалась.

А норма выработанная?

Вот скажем, норма года, если скажем вот отчет, да делаешь и по-моему, три, четыре, пять примерно погонных метров, ты теперь записываешь трудодней. На целый день или за целый день два трудодня можешь заработать.

А понятно.

Вот в этом, это норма все есть, также как это, также как, значит, расценка по деньгам, прогулял здесь, значит только расценка по трудодням.

А понятно, то есть так получается, сами регулировали да? Сколько денег вы примерно заработаете, ну я имею в виду четыре килограмма риса один трудодень, и потом вы смотрели, сколько продать надо да, риса, например чтоб получить деньги?

Нет, нет, тут трудодни, все ты сам получаешь их. Получаешь от колхоза все то, что положено по земле, складываешь и дальше.

Сам решаешь?

Ты решаешь. Сколько можно продать, сколько...

Сколько обменять?

Теперь надо, скажем, в чистом виде, нашей семье один мешок риса нужен был в месяц. Вот за все время три-четыре мешка надо сохранить себе, для того, чтобы прокормить себя. Остальное, излишки продаешь. Или, скажем, может моя мама от того, что мне присылать деньги, когда я учился. Да она брала на моем виду талончик, значит пятьдесят процентов то, что ы... ну получилось, ты отдаешь, а свыше пятьдесят значит если хорошие лист шала, то семидесяти процентов, ты получаешь, значит, пятьдесят килограммов отдаешь, двадцать со ста остается у тебя. Вот это за...

Зарабатываешь, да?

Потом это продавала и мне присылала, жить помогала, вот такая жизнь.

Да, интересно. А вот руководство в поселке, какое было, вот где председатель колхоза был, да и все?

Да.

Он управлял всем?

У нас поселкового совета не было. У нас поселковый совет, для того чтобы метрику получать, дату рождения и так далее, мы ходили в Сарайчик, это там называется поселковый совет. А у нас в управлении был колхоз.

Понятно. А вот интересно вообще отношения вот менялись э... менялись до войны, после войны? Как-то да, это же все...

Мне показалось, что до войны были очень люди добрые, и хорошо мы жили. А после войны люди оказались не добрыми, вот это я заметил. А разница до войны и после войны, отношение между людьми, была очень резкая разница.

А в чем эта выразилось, например...

Вот понимаешь? Что такое добро – это когда ты помогаешь друг другу. Не мелочишься, не что так сказать ну в колхозе у нас всегда же вообще, была у меня мама, для моей мамы это любой гость это радость. Гость приходит сразу кушать зовет, сажает и так далее. У нас в колхозе всегда же когда я приехал, такое было, если ты садишься кушать дома, приходишь в гости, ты обязательно стараешься, чтоб вместе кушать, приглашаешь. А здесь в русской семье, вот в городе ты заходишь, человек кушает, даже не приглашает, это не принято у нас.

Да, не принято.

А там принято у нас было. Отношение другое было, менталитет другой и даже этот менталитет же по глупости как-то город... городские корейцы и мы корейцы резко отличались тем, что городские корейцы по-русски хорошо говорили, мы плохо все говорили по-русски, те считали такими продвинутыми, а мы такими. Но в результате вышли в люди так сказать больше как с деревень, чем городские вот это вот правило интересно, ваше план. Когда городские там они по-русски говорили, все там такое, такое аж... если считать число окончивших вузы и колхозниками у них в два раза меньше, чем у нас. Вот такое.

А еще что-то вот изменилось кроме отношений доброты, что-то менялось? До и после войны? Самые основные факторы да?

Да, да.

Понятно. А вот Сталин когда умер, да, вот вы как об этом узнали? Вы уже, где были?

Ну, Сталин умер, я здесь.

В Алматы да уже?

В Алматы. Я, видите ли, когда я понял, что родители таким диким трудом...

Зарабатывают...

Зарабатывают, мне помогают, я решил это все-таки это прекратить. Я решил работать. Я еще женился, на каком же на третьем курсе.

А третий курс был да?

Да, я женился, и я стал подрабатывать.

Ну, вы учились и подрабатывали?

Да, то есть учился я, в то время так сказать были востребованы учителя в вечерних школах. Я пошел в вечернюю школу, интересный вообще случай по рекомендации отца моей одноклассницы, сокурсницы, он был инспектором ГОРОНО и он рекомендовал меня учителем в одной дневной школе, двадцать третьей школе. Я туда пришел, директор отказал мне, потому что я плохо говорил по-русски. Вот и он считал, хоть рекомендовал меня из ГОРОНО, он считал, что меня он не может принять. Для того чтобы отказать мне, он решил ко мне прийти на первый урок, я первый раз в жизни значит должен был урок провести. А мне потом сказали, по педагогическому правилу не имел право на первый урок прийти. Он пришел, сел, я значит, первый раз в жизни, я взялся в шестом – седьмом классе, вот я подготовился хорошо и объяснял правило, наверно хорошо объяснял, я думаю. Потому что после этого он сказал «я вас беру», взял, был зачислен. Я, это был пятьдесят третий год да, пятьдесят второй конец, пятьдесят третьего года я стал работать, днем работал, дневная школа же была, а занятия у меня э... все после обеда, туда-сюда вот так и ездил вот. И когда Сталин умер, конечно, все плакали же, я захожу в класс, весь класс плачет. И я отвернулся тоже плачу. Вот.

А вообще реакция какая была, что думали вот в... этот момент?

Думали, как мы будем жить, без Сталина как жить? Вот такая реакция была, как жить без Сталина? Это невозможно, представляли, Сталин все у нас отец все, все он делал, вдруг он умирает, и конечно все были в шоке так сказать. Как это, все плакали и в университете вот потом тоже, траур там это и все тогда от души жалели все. Может, были единицы, которые думали, что, наконец, там это все, особенно еврейский. Потому что, я помню вот, в трамвае ехал, и там значит шла речь о том, что вот Сталин умер, и так далее одна еврейка там, я помню, она так сказать, это воспринимала как-то... ехидство какое-то. Остальные все население большинство все-таки 99 процентов населения смерть Сталина воспринимали вообще как трагедию.

О чем говорили они?

А?

О чем говорили? Что вот.

Трагедия. Как жить без Сталина?

Основная мысль да.

Основная мысль как жить без Сталина? Сталин все делал, и вдруг его нет понимаешь? Вы это не проходили.

Ну, это да понятно. А планы, какие-то строил, вот умер Сталин.

Какой был план, у нас план только партия же.

Да.

А мы не имели права плана как это строить. Партия только, указывали нам. Понимаешь?

То есть получатся, а вот вы сами лично связывали, что вас взяли, перевезли с вашего колхоза, перевезли в другое место из-за Сталина?

Никто не говорил, что это Сталин делал.

Да.

Мы считали же, даже не думали, мысль не допускали, что Сталин это делал, перевез. То есть, потом же выясняется Сталин, понимаете да? Поэтому и ... даже взрослые те, которые не могли сказать, что это Сталин делал, поэтому вот хорошо, что он ... Не могли сказать.

Даже тени не было, да.

Конечно, конечно.

Интересно.

Потому что никто не знал, что это Сталин, мы же все думали, что это, ну если даже знали, то думали, что ради интересов, интересов страны.

Родины, страны да?

Да. В интересах Родины, страны. Поэтому я говорить, что это Сталин такой сякой там нас привез, никто же не мог так это сказать. Я не думаю, может какие-то исключения, единицы, наверно, обсуждали. Сталин это бог был.

А вот вы о реабилитации, когда узнали? Как это произошло, в газете?

Как-то иначе еще.

Ну, реабилитация это ... реабилитация, по-моему, ассоциация тогда занималась, специально занималась тогда еще реабилитация настоящей реабилитацией, когда это вот девяностые годы, девяносто первые. Когда вообще так сказать э... вне Советского Союза, при Советском Союзе реабилитация еще нет.

Не было?

Не было, хотя так сказать, люди письма получали о том, что реабилитировали вас там, а чтобы население, весь народ реабилитировало, такого разговора не было. А отдельные личности, которые сидели, реабилитировали, после смерти Сталина письма

получали и так далее. Чтоб потом весь народ реабилитировали, такого разговора не было. Это разговор состоялся только после...

Перестройка, да...

После Советского Союза.

Ну и получается, вы узнали от ассоциации или вот как? В газете? Или как?

Нет такого, чтобы знали, нет. Нет, такого я думаю.

Нет, ну Вы лично как?

Ну, я, я лично реабилитировали ну..., я помню, что... все занялись реабилитацией, я судился, в суд подавал, чтоб реабилитировали меня.

А там же был э... этот процесс с оформлением документов, да?

Да, документов...

А как нужно было, просто...

Я помню, что-то я какие-то документы подавал в суд, формальный суд. Суд решал реабилитировать и вот таким...

На основе решений суда давали документ да?

А чтоб там реабилитация как народ, весь народ реабилитация как такового не было, хотя стремились это делать, все перипетии всех корейцев (*не разборчиво говорит*). А так реабилитация была, каждый подавал заявления. Я лично подавал заявление, суд состоялся и мне сообщили, что вы реабилитированы.

А сколько на это времени уходило? Как быстро?

Ну, сейчас не помню даже.

Ну, примерно...

Два-три месяца.

Два-три месяца. То есть получается, вот вы в руках держали вот это решение суда да? По реабилитации, а какие-то документы о депортации вы видели, нет?

Нет, я из этого, видел того, потому что наши историки писали.

Да.

И оттуда только я читал.

Понятно значит, их надо было в суде получить и на основе этого уже, куда дальше этот документ несли вы? О реабилитации суда...

Ну, я никуда не нес, я просто реабилитирован и все.

А он для чего вообще нужен был?

Точно не помню. Ну, мне оно нужно было, раз получаем. По-моему, а какие-то деньги получали.

Вот.

Да, да. Какую-то компенсацию получали, деньги, но я, по-моему, не получил.

А и вы не помните? Где надо было получать?

Не помню, ну вот Казахстанский этот фонд потом возмещал, люди писали, почему не дают, потом э говорили, зачем Казахстану ущерб такой, какие-то разговоры были. Ну, там какая-то приличная сумма была. Точно эту сумму не помню, я не получал.

Интересно. Вот если вот сейчас ну уже из наших дней, да и взгляд такой. Вот у вас изменилось отношение к депортации, вот по сравнению с тем, что было в начале первого года, ну вот в уже сознательной жизни?

Понимаете, вот меня, лично мое мнение, да с какой-то степени депортация и в то время нас депортировали в Казахстан, мне кажется, в общем, корейцам повезло.

Почему?

Почему я так считаю. Значит там, на Дальнем Востоке тогда мы жили, все-таки это Российская земля и, я думаю, не могли мы все-таки отдельно, нет с другой стороны,

я начинаю. Казахстан все-таки, вот на Казахстан, на среднюю Азию вообще обращало большое внимание, на центральной Азии да. И раз и там сюда много так сказать вкладывали деньги, для того чтобы вот это вот страна развивалась. И в это время мы же, нас сюда переселили, и вместе мы с казахами тоже, мне кажется, развивались, а на Дальнем Востоке мы жили, такого воспитания не было бы, скажем это вот этот край поднять.

Поднимать?

Да, здесь когда мы пришли же, науки не было, как следует. Тридцать седьмой, тридцать восьмой те года, даже в сороковые годы же науки не было, и науку, пока люди науки образовались, тут наука развивалась. В это время вместе с ними росли. Вот, мне кажется, все-таки, кажется, хотя многие не соглашаются, говоря так рассуждая, что переселение в Казахстан корейцев в каком-то смысле все-таки как положительный фактор, хотя в процесс переселении значит, места переселили, но все-таки какую-то пользу все равно принесли. Потому что мы появились в Казахстане, когда Казахстан обращали внимания развитием, правительство много сюда вкладывало.

Вкладывал...

И так далее. Наука и культура во всех отношениях, мы вот выросли здесь, и мне кажется в отношении, в отношении даже ученого... может быть, даже лучше было мы... попали все да корейцы все-таки начитанные, начитались, своих детей, чтобы те высшее образование повысили, и там есть и на Дальнем Востоке были. Если сравнивать с Сахалинскими корейцами они жили в России, же жили?

Да.

Вот я не думаю... Сахалинские корейцы меньше развивались, чем мы.

Менее образованы?

Менее, менее. Менее все-таки. Разница хотя мы одни же корейцы, правда, находясь, мы здесь больше все-таки развивались, эти получили...

Согласна.

Вот сейчас это строительство, вот Казахстана, колхозы поднимали все это. Это же мы вы помните, сколько как... стар... таких проблемы с корейцами, вы часто встретились Казахстана их же нельзя их забыть. Смогли бы там делать, это я не знаю. Вот находясь. И я думаю, вот Сахалинск вот немного сравнили да, вот Сахалинск корейцев никто не трогал. Они там жили, остались, но, правда Сахалин это как окраина можно считать и там, конечно, меньше обращали внимание, поэтому и получилось, развитие там меньше получило. А мы-то здесь все-таки вместе с казахами росли. Вот этот факт я не знаю, правильно выражаю, но мысль у меня примерно такого рассуждения. Значит каждый кореец того времени, если он не ленивый, он всегда получил, получал себе дорогу и...

Пробивался да.

Пробивался, особенно в сельском хозяйстве. Вы смотрите, сколько героев было, сколько продвинутых председателей колхозов было, много же корейцев было.

Да.

Их можно перечислить и как сказать, какие были продвинутые корейцы. А сейчас про этих корейцев пишут вот надо, чтоб почаще писали вот тех корейцев, которые с первого поколения внесли наивысший вклад в развитие нашего Казахстана. В особенности сельском хозяйстве. Понимаете да? И это было бы, конечно, дань уважения тем корейцам. Ну, в науке тоже лично не плохо же корейцев было, в науке тоже много. Я по этому, вот это мысль каким-то образом направлена, правильно выразить, правильно надо показать. Я не знаю...

Нет, да интересный подход на самом деле. Я вот об этом не думала.

Нет, вот это я думаю. Все время об этом я думал, все время, ведь все-таки что же было бы, если мы остались бы там? Нас не перевезли бы, в этом колхозе да куда мы могли бы, как могли бы развиваться. Ну, некоторые говорят, были же там, корейцы там шли там,

в России и так далее, ну не знаю, не знаю. Казахстанским корейцам, наверно, особенно повезло, я думаю. Все-таки мы же не зря говорим казахская гостеприимность, это не отнимешь у казахов, казахская гостеприимность, в целом все-таки менталитет казахов, вот это гостеприимность.

Культура да.

Вот это сыграло все-таки тоже большую роль. Чтоб нам, мы могли здесь быстрее адаптироваться вот в этих всех совершенно в других условиях. Если бы казахская земля, вместе с казахами они не были бы такими, не обладали бы таким менталитетом, как гостеприимство, мы из покон веков гостеприимны были, тогда смогли бы мы? Так быстро здесь адаптироваться и влиться вместе с ними, вот в частности строительство Казахстана. Вот это я сомневаюсь. Вот возьмите Узбекистан и Казахстан, вот число корейцев в Узбекистане почти в два раза больше, чем у нас. Почему, (*ухмыляется*) докторов, ученых, с учеными степенями у них в два раза меньше, чем у нас? Вот показатели еще. Понимаете да?

Да.

Показатель вот науки, я вот только науки имею в виду. Хотя у них в два раза больше населения, у нас в два раза меньше, по числу корейцев, которые кандидаты наук в два раза больше, чем у них. Чем объяснишь?

Да, интересный факт.

Интересный тоже факт, правильно. Хотя я могу еще объяснять, ведь менталитет узбекских корейцев и казахских корейцев очень сильно отличается тоже, они жили среди узбеков их менталитет, мы среди казахов. Казахам все-таки простодушие у них есть. Они всегда готовы делиться, так сказать, тем, что есть, вот у узбеков же нет такого. Корейцы такой менталитет взяли, и те корейцы и мы корейцы очень сильно отличаемся. Вот, но я немного с другой стороны объяснял все-таки, вот интеллигенция попала все-таки в Казахстан. Интеллигенция это связано с дальневосточным Корейским институтом это первый очаг. Интеллигенции да газета, очаг, тоже театр, тоже интеллектуальный очаг, вот эти вот три составляющие, которой вот составляющей частью интеллигенции все-таки они попали все в Казахстан и поэтому, может быть, отсюда чем-то объясняется то, что разброс.

Разброс да.

Между Узбекистаном. Ну, это историкам есть над чем подумать.

А вот вы сейчас от власти от окружающих людей что-то ждете?

Что?

Ну, что-то для себя ожидаете от власти, там от общественности, от окружающих людей?

Что именно?

Ну, не знаю, может быть, ну не знаю, ну вот вы там как депортированный ну, например...

Нет, что ожидать-то...

Просто ну так, вдруг...

Нет, я думаю, Казахстан не должен отвечать, за депортацию, правильно? Казахстан, мы только должны с благодарностью относиться к Казахстану, а никаких претензий у нас не должно быть, да не платили и то, что и так далее. Казахстан не виноват. Казахстан как вместе с нами пострадал, правильно?

Да.

Казахи ведь очень сильно пострадали. Казахи страдали, я считаю, что очень сильно пострадали от гарбасинского режима, потому что они почти теряли же свои культуру и язык, теряли. Мы не теряли, у нас есть целая страна за нами Корея, Корейский полуостров за нами находится, где все сохраняется. А казахи ведь если б дальше продолжалось бы, они все потеряли бы и язык и культуру, все получается да? Вот, если б мы потеряли, но у нас за нами была Корея, была, у них наверно ничего не было.

Да.

Которые могли бы сохранить все то, что связано с национальностью, правда, же?

Да.

Поэтому я считаю, казахи потеряли бы сейчас, конечно, могут люди говорить и действительно, ведь я не могу сказать, что это казахи неправильно делали. Вот представьте себе, поменять местами казахи – корейцы, корейцы были казахами, казахи как мы пришли откуда-то мы хозяевами были, мы бы, ... что ли были бы, нет естественно, мы тоже считали бы домой корейцев только и так далее да? Вот сейчас, вот эта политика национальная вот сейчас вы заметили, говорили очень много о линии национального единства, вот вы заметили, не говорят сейчас, заметили или нет?

Да.

Почему не говорят?

Почему?

Да.

Ну почему?

Я считаю, почему не говорят, конечно, это не однозначно воспринято интеллигенцией доктрина национального единства. Я думаю, это преждевременно подняли этот вопрос, ведь национал-патриоты они сильно подняли этот вопрос. О доктрине и они же говорили, что ну может такое быть национальное единство у нас одна национальность – казахи, остальные – все национальные меньшинства, а Назарбаев же не так рассуждал. Рассуждал, что у нас единая нация, единый, все едины должны быть, поэтому Ассамблея народов и так далее, давайте вот у нас такая доктрина только в Казахстане, национал, что вы говорите у нас казахи, куда деваются казахи тогда и поэтому, мне кажется, они шум подняли и о доктрине сейчас просто так с размахом на тормоза, пустили, и я позавчера только побывал, а куда та доктрина делась? Почему молчат, и я себе делал вывод, что это все-таки не было согласие всех. Не были согласны национал. Так теперь вот значит, конечно, другие национальности жалуются, что вот Казахстан, что государственный язык – казахский язык там, устраиваются на работу, там только преимущество казахам и первые руководители в любом учреждении сейчас казахи и так далее. Это налицо, правда? Но мы должны понять казахов и так, если сейчас со временем будут говорить о том, что надо государственным языком заниматься и переходить на этот государственный язык, то это очень как-то, трудно будет говорить о том, что Казахстан, казахский язык, одна национальность, национальнообразующие казахи и казахи, они хоть и русские... русских благодарили за то, что они там помогли и так далее. Но они очень реально ни за то, что русские пришли сюда и вот нас сделали такими, почти потеряли, есть восстанавливать и дальше мы будем так продолжать, это, мол, никуда не годится, поэтому надо сейчас обязательно государственный язык, обращает внимание и как можно больше там были казахи. Вот представьте себе, несколько лет тому назад не было казахов строителей, сейчас одни строители казахи, русских нету. Несколько лет тому назад во всех медицинских учреждениях, в медсестрах были все русские, сейчас их нет, не потому что тогда не было казахов, на это, потому что у них не было мест, не давали им возможность, а сейчас ведь казахи медсестры прекрасно они прям уколы делают, все трудятся да. А все время же инициативу брали русские, казахов получается, вообще казахи немного были скромные, не смог вылезти куда-то и вот русские занимали места все, а казахи оставались в стороне. На стройке тоже все русские работали, казахи в стороне и один где-то там, на подхвате работали, а сейчас этого нет, и поэтому расправили, значит, они крылья и казахи и на стройке, и в медицине вот во всех учреждениях казахи сейчас находятся. Я считаю, что это все-таки, наверно, правильно. Я не знаю. Наверно, правильно, потому что все-таки это государство образуемое, это казахи, надо, чтоб было, они страдали сколько лет, теперь они должны как-то сказать это мы, мы казахи вот и так далее. Вы корейцы немного потерпите (*смеется*), простите и вот пойти вперед. Я не знаю, вот так я ставлю себя на их место, я хочу их оправдать в этом отношении. Короткой фамилией, куда, никуда сейчас... лезть ты должен.

Ну почему с другой стороны тот, кто знает государственный язык тот...

Конечно.

Без проблем.

Надо, чтоб ты государственный язык знал. Ты должен намного лучше профессионалом быть в своем классе, чем другой национальности. Кто хочет вылезть, правильно же?

Нормально.

Ладно, что-то я вам наговорил много.

Нет, почему это очень интересно. Для меня лично скажем другой взгляд, с другой стороны, мне очень интересно. А вот скажите, как вы думаете, что... помогло вам выжить вот в этих сложных условиях?

Помогло только свой труд. Этот, понимаете, корейцы выживают в любых условиях только потому, что я думаю, они, ни на кого не надеются, трудятся, а труд кто-то всегда находит этот выход, какой-то. Те корейцы, если он лентяй не трудится, он никогда никуда не вылезет правильно? А вот национальная черта, мне кажется, корейцы это все-таки чувство ответственности, чувство труда, что он любит трудиться. Вот это вот, вот это и если есть, то в любой ситуации так сказать. Говорят же корейцам (*неразборчиво очень*) в любой ситуации... он все равно выход найдет.

Выход да? Да.

Вообще-то, потому что корейцы все-таки я думаю, они особенный народ в каком смысле. Смотрите вот, во всех странах мира нет такой страны, где нет корейцев. По всем странам, по всей, по всему миру они распространились, а такой плохой, который не имеет цели, нет инициативы, народ будет сидеть у себя дома, не будет куда разъезжать, правда?

Да, согласна.

Согласны или нет? Значит, чего-то у них есть, что-то особенное. Особенное я думаю это все-таки труд. Вот корейцы, север, южные, Корея они же были, они же двадцать лет тому назад нищими тоже были, только благодаря труду своему. Трудятся очень сильно. Если бы сейчас казахи трудились бы так сильно, а все-таки в целом казахи плохо трудятся. Они трудились бы как корейцы, я думаю, Казахстану, конечно, помогли бы очень сильно, поднять.

С таким ресурсом...

Но я думаю если... то дальше казахи будут обижаться, то на самом деле...

Нет, это же это.

Но все-таки в целом, менталитет имеется в виду, понимаете, немного не такой все-таки. Вот кочевой народ, да?

Да.

В основном в целом это кочевники. Степные кочевники, да. Ну, много скота богатых там паслись, все это кочевали из одного пастбища в другое и так далее. И... вот люди, которые образованы, не образованы, богатые они же не трудились практически. Трудились только те, кто бедные, да? Ну, только женщины, кумыс пили женщины, бараны кушали и так далее, вот это вот, наверное, все-таки осталось. Потом вот это гостеприимство тоже оттуда же идет, вот ты живешь зимой там, в степи живешь никого кругом души, вдруг человек приходит, какая радость, ты встречаешь его с радостью лишь и так далее, живи еще, потому что мне скучно. На самом деле скучно, давай поговорим и так далее. Получается, вот казахи много говорят да, вот когда выступления там.

На тоях.

На тоях очень много говорят. Вот казахские шоу, значит, друг другу рассказывать, говорить и так далее, мне кажется оттуда все, и гостеприимность оттуда и идет, конечно, все идет, безделье вот это тоже идет оттуда, потому что, ну что делать, правда, нечего делать абсолютно. Скот пасется самостоятельно, там идет так сказать и ничего не надо э... зерно

они там не выращивали, правильно, овощей не выращивали, где трудиться-то? Только молоко и так далее, там коров доить и так далее и женщины трудитесь там. Поэтому все-таки, мне кажется, заложено было вот в менталитете, что труд все-таки не совсем такой был. И это идет, привлекает понемногу и то, что говоришь о казахах, ждет, когда кто-нибудь там дядя богатый даст поддержку, вытащит тебя туда, а кореец ждет, сам трудится для того, чтобы самому куда-то пробираться. Такие, вот такие, правильная поговорка, понимаете да?

Из жизни...

Ну ладно это, в общем уже такая философия, которая так сказать не понятно как?

Да ну мы в принципе все обсудили с вами, можем просто, вы еще хотели сказать может быть, какую-то тему мы не затронули, касающуюся депортации?

Ну, депортация. Депортация ... ну вот надо тоже встать вот на месте этих людей, да?

Каких людей?

Вот, которые нас депортировали.

А так.

Вот встать на их месте, вот смотрите, все-таки очень опасное время было. Я помню, с японцами воевали, правда? Вот мы корейцы с японцами друг на друга похожи. Не отличишь, правда. И вот, естественно, наверно они ну... все-таки очень опасно держать при границах людей, которые похожи на японцев.

Не отличишь.

Не отличишь. И они будут, могут быть японскими шпионами и так далее. Вот так думая, очевидно все-таки нас выселили. Правильно.

Была версия такая...

И говорить, что правильно выселили, я не могу, но их, если встать так наверно все-таки вот так рассуждали, правда? Любой здравомыслящий человек рассуждал... рассуждал бы так. Вот опасно там держать тех людей, которые похожи будущим врагам. Корейцы, японцы. Поэтому может быть, они решали это, и не оправдываю, ну просто иногда ставлю себя на их место и смотрю с этой точки зрения. И хочу немного оправдать их. То есть вот потом, если ты хочешь врага своего понять, почему он такой, ты поставь себя на его место и с его точки зрения рассуждай. Если что-то, какую-то проблему находишь, то это уже хорошо. Можно так рассуждать?

Конечно.

Ладно, ну, в общем...

А вот как, да еще хотела сказать, а ... что бы вы могли пожелать потомкам?

Потомкам?

Да.

Если ты хочешь жить в чужой стране, чужой стране, где ты не являешься, значит основной национальностью, ты должен обязательно полностью, перейти к их менталитету, изучать язык, прежде всего. Если не будешь знать языка, у тебя нет никаких перспектив. Язык нужен, это уважение к той стране, где ты живешь, это же уважение правда ведь, вот так мы радуемся, когда кто-то корейский язык знает. С уважением относится, правда, а почему не должны, вот мы государство, образующее национальность в Казахстане, я же должен этот язык знать, и казахи будут радоваться, и я буду радоваться, но мне-то поздно уже изучать язык. Но тем подрастающим надо обязательно это надо иметь в голове. Но из-за того, почему это не получается? Почему английский язык люди легко изучают, правда? Легко же сейчас английскому сейчас учатся в школе, все говорят да. Английский легче, чем казахский, да потому что английский язык уже, сколько лет есть методика, есть среда так сказать, где это, а казахский язык не о... опыта в преподавании, есть среди и вот что казахи сейчас хотят это, и есть для того, чтобы эту среду создавать. Чтоб можно было легко это нам нашим потомкам, легко изучать этот язык. Даже получается, вот спросите любого,

вот мне английский язык в школе легко дается. Хотя мы среди казахов живем, мы говорим, казахский ни черта не понятно не... не... идет просто, среды нет...

Да.

Поэтому когда я, когда я был с президентом ассоциации, я, когда бывал какие-то проблемы, я вообще выступал как этот самый радикально. Я сказал, прекратите всякий др... только казахский язык, когда мы создаем среду и легко нам учиться. Мое выступление такое было. Казахи, конечно, радовались моему выступлению. Но я думал, это очень такое радикальное, в каком смысле, нельзя говорить, отрубать и все, перейти, хотя, если бы так делать мы быстрее научились бы казахскому языку. Понятно, да? Да. Значит пожелание нашим будущим потомкам. Потомкам, чтобы они язык изучали, то есть знали государственный язык. Моим, а вот я не могу заставить своих внуков. Я им говорю, но они, но не получается. Потому что нет среды. А это среда, мы должны сами создавать.

Да.

Мы с вами. Не казахи, не казахи, прежде всего, мы должны эту среду создавать, помочь им, чтобы это делать. Ну, это я прекрасно понимаю, что так надо, у меня уже по старости я не могу этот язык, как я раньше вот в деревне, когда жил с казахами, разговаривал, тот язык до сих тут идет, значит, я обыденный разговорный, так сказать, с вами я могу перейти на казахском языке, чтоб серьезные разговоры, я не могу вести, запасов нету потому что языка. Ну вот скажем, получается ситуация вот так, я убедился с себя, как я знаю казахский язык. Когда я приехал в Китай, значит город, китайский язык абсолютно ничего не понятно, они жестами тоже не понимают, вот это просто полная темнота была, и вот когда я в Урумчи приехал, нашел китайца, который казахский язык говорит, я с ним беседовал, с таким удовольствием с ним разговаривал. С таким удовольствием разговаривал и я, значит, припомнил, ... помню, как мы с ним объяснялись, речь шла о том, что надо бумагу выпускать, он сказал, надо бумагу выпускать, которая значит, вот прокладки сейчас женские делают, прокладки вот такого типа бумага и у него, я его не понимал, о чем он говорит, что бумагу для прокладки женщин, да и все-таки в конце концов я мы с ним объяснились, что я понял речь идет о прокладках. То есть я хочу сказать, что таких в экстремальных условиях меня посадили, я могу что-то знать и объясниться (*помехи и звуки на записи из-за мобильного, он отвечает на звонок*) я знаю.

Иван Тимофеич, сегодня мы с Вами, сколько, четыре часа разговариваем, спасибо Вам большое. Уделили столько много времени для нас, это очень важно и ... думаю что это очень важная ценная информация.

Да вам было, что-то полезно.

.....
Хван Май Ундеевич, кореец, 79 лет. Был депортирован с города Владивосток в 1937 году. Проживает в Казахстане, Алматинская область, село Шамалган.

Ты какие-то вопросы будешь давать, я буду отвечать...

...

Да, да, да. Ну, конечно. Потому, что на эту тему мало кто, м-м-м, поднимает, поколения, которые живут, должны жить счастливо ...потому что мы уже намучались, и так поколение наших родителей и мы.

Да, да. Вам сколько лет тогда было?

Было 7 лет, но тогда семь лет это уже сейчас равносильно, что 15 лет.

Да, да.

Потому что представь себе в пять лет, там, уже отца забирают, ну, как это мы же знаем, что получать надо и так это конечно. Так, в поселке, деревне – это вообще было событие.

Угу.

И когда его вот так сажают и увозят, ну, тогда не думаешь, а сейчас думаешь, потом думаешь, что, а там была 58-я статья.

Вы заслуженный тренер, в какой области?

Ну, э-э-э, там это написали, это, вот...

Заслуженный тренер СССР, да?

Самое главное первый в Казахстане, первый в Казахстане, один я среди корейцев, я там был представлен на это звание, как раз через 20 лет, после депортации, в 37-м депортировали, в 57-м году, после олимпийских игр 56-го, а в июле 56-го меня представили в звании заслуженного, потом пока разобрались...

Вот об этом расскажите.

И это держали, потом год еще там ребята...ну, есть там писатели корейцы, но после 85-го года, когда уже, это. А я 57-го года, когда никто из корейцев...

Не было.

Кто поступал в институт, э-э-э дали 24 часа, чтобы мы все уехали.

Да?

Конечно, вы что! И в городе Алматы же нельзя было прописаться, и кто в столичные города, никого. Хорошо Хамтай Мухамеджанов на свой риск и страх меня взял э-э-э в институт. И вот сейчас он как 53-м принял в июле месяце, так и, 56 лет уже, где ж найдешь, таких в помине нет. Где-то там герои труда, туда-сюда, но 56 лет и непросто так, кто олимпийцев, я организатор, я ведущий.

Нет, я просто для себя, Вы же известный человек.

Есть что рассказывать, но мы, недавно, когда говорят, покажите фотографии, покажите, расскажите, мы еще можем, но рассказать о тех событиях, существует... правильно?

Да.

Тогда как не было ни телевидения, ни машинок, ни телефонов, ничего, ни фотографии, тогда и фотоаппаратов не было, ничего. И все эти события, вот мы с сестрой разговаривали недавно, все эти события передаются через песни, потому что песни сочиняли, слова отражали то состояние тех событий, только ...

Да, устное творчество.

А больше никаких документов. Мы уже сколько раз, слава Богу, уничтожали, у меня много таких документов, которые, ну, были, приходили, брали, оставляли, но так все терялось.

Да, жалко.

Да, конечно. Вот, и у меня там диплом тренера, хранить-то негде.

А диплом, по каким видам?

Я значит я вообще много видов это, по многим видам я умею, но по художественной гимнастике, а закончил э-э-э по специальности конькобежного спорта. Вот на первый взгляд, на самом деле, я это уже сказал, я начинаю в 50-м году уже. Все тренеры Казахстана, все мои ученики, ну вот все. Важно передать другому, так что.

Вам есть чем гордиться.

Вот министр наш, э-э-э, вот в Москве мы были в этом году, мы там все. Если бы вот этого всего не было, вот олимпийские игры 60-го года, 50-го года, все вот эти пятикратные олимпийские чемпионы, шестикратные, ну, в 2009-м, ну ведь это со всего. Это отдельная тема.

Да, это отдельная тема.

Май Ундеевич, скажите, пожалуйста, как затронула депортация Вас и Вашу семью? Ваших родителей, да, депортировали?

Да, ну понятно. Дело в том, что судьба вообще в первые годы советской власти, отец был активным участником, по борьбе с японскими...во время гражданской войны, во Владивостоке, в списке там значит, был первым делегатом, первым делегатом первого съезда, т.е. ...революции, он был одним из командиров, э-э-э, политрук, это то же самое, что командир партизанского отряда. Но, во-первых, как попали туда, корейцы, когда попали в 20-е годы на Дальний Восток, Вам интересно? Я в двух словах обязательно скажу, потому что знать, что ...Карелия японцами, и угнетаемая, и все же большое такое движение началось в марте 1919-го года, так в историю Карелии вошло национально-освободительное движение против японского ига. Но, первого марта 19-го года, на это движение молодежь вернулась в Карелию, многие вернулись, потому что я в своей жизни, э-э-э, особенно, э-э-э где-то в 50-х годах, когда мои родители собирались вечером, не было такого телевидения, сериалов, они были свободны вечером. Не было там, вот только об этом я сотни раз слышал пересказ их жизненной биографии. Это трагедия, конечно, и, когда отец с группой молодых ребят с другими японцами переплыли на ту реку, вот очень интересный факт, который. Он никогда не умел плавать, но в экстремальных таких условиях, в экстремальных условиях, когда человек не ощущает, переплыл он, или, но речка-то широкая, на границе Китая и России, вот, вот. Он переплыл и оказался на той стороне. И когда они там, так сказать, пришли немножко в себя, начали, и хорошо, там китайцы, ну, там один работал, и хорошо знал эту семью, отец работал, вот типа, как батрак. Он работал у отца моей матери уже. Он работал, он был приезжим таким, работником, и, э-э-э, в конечном итоге, согласился, что он мог жениться на моей матери. Знаете, тогда же это было такое, короче говоря, так они попали в Россию, и в Китай одна группа ушла. А-а-а на запад тоже уходила, а вторая на север. И когда узнали, что там идет борьба с японцами, потому что против японцев итальянцы, на Дальнем Востоке, в 20-е годы, революция на западе. И значит, с этим они создали, так ...начали создавать. И в комиссии на Дальнем Востоке, до конца гражданской войны, до установления советской власти, на Дальнем Востоке они называли десятитысячные партизанские отряды в общей сложности, они внесли существенный вклад в освобождение Дальнего Востока, России значит, да? Дальнего Востока, и тем самым боялись японцев. Они, э-э-э, облегчили участь своей родине, потому что потом уже, свободный, так это, уже в 21-м веке. Я, уже забегая вперед, могу сказать, что в 2005-м году нашли, узнали, и нас детей, я, э-э-э, самый младший, как говорится, брат, э-э-э, старше чуть меня сестра, ей 90, она в Астане живет, она все, участница так сказать военных действий. Она возила раненых и, э-э-э, и моя сестра, она всю жизнь работала. Так вот, вот представьте себе, мы жили тогда, и после окончания, э-э-э, вот это гражданской войны, все партизанские отряды, ну куда уходить. Они так и отрядами уходили в села, поселки и создавали типа кооперативов. Но, первый кооператив, где они, и естественно отца выбрали председателем, ну считай, мне было пять лет, и я помню э-э-э, когда наступают холода, то в мешки, в большие мешки, шили солому, т.е. солому сушенную, какие, пихали в этот самый мешок, вот так, и вот так вот жили. Потом считался председателем, был командиром, он никаких привилегий не имел, мы жили, отец, мама, и вот нас трое детей. И год начинается, очень такой момент, который в жизни, конечно, началась, конечно, ведь это очевидно и политические, было решение Кремля. Потому что на Дальнем Востоке, когда все закончилось, военные действия, там много корейцев. И, э-э-э, делали различные диверсии японские, продолжали они. И когда их ловили, они говорили, что они корейцы, тогда. Ну, надоело, в общем, все это дело. И сказали, давайте их выселим всех. Принять такое решение. И, э-э-э, времени дали очень немного, я помню, когда родители работу проводили, мы, но, в нашей семье до депортации, два года мы испытали, конечно, колоссальные сложности. Вдруг в 35-м году, когда они все приехали, на бричках, как говорится, один сидит, один на лошади, один к нам зашел делать обыск. А что искать то у нас, э-э-э, пустые стены, и крысы, как говорится, бегают по ночам. Ну, что, все так сразу. Трудно представить даже сегодняшним представить те условия, невозможно потому что нищета, наши бомжи, которые сегодня живут, они выглядят аристократными для людей того времени. Это были честные, это были преданные, очень сильные люди духом. Они

верили в свое дело. День забирают отца, и что Вы думаете, ну, безграмотные. Как она попала вообще в Россию, когда отец ушел туда. Это тоже целая история. И когда забрали она, конечно, молодая женщина, сколько ей там 1905-го года, 35 лет женщине, племянник и дети, вы можете представить себе? Безграмотная, она бросается к одному, что делать? Что приходят к нам тогда через день-два, и тоже забирают. Т.е. тем самым, полностью изолировали, чтобы никто не ходил, ну долго она уговаривала. Но, в это время, в годы, вот это, э-э-э, гражданской революции, у отца была тетрадь дома. Он когда узнал о том, что мы тоже перебрались, и уже европейская часть уже в 1917-м году, установилась советская власть, ведь только в 22-м году советская власть тогда пошла. И, э-э-э, когда закончились вот эти все революции, военные действия, его, как молодого направили учиться, обучаться, всех направляли, всех, кто мог мало-мальски молодой, вот так назывался вот, высшее учебное заведение, и не колледж, ускоренно их обучали. И он попал из группы молодых ребят не в Москву, а в Тулу. В тульский медицинский институт. И, э-э-э, она знала только, что он там, и долго, вот, сколько ходили, вот, сколько ходили вот, представляете, это даже трудно себе представить. И еле-еле уговорил вот этого почтаря, дать телеграмму туда. Потому что мы должны были уехать оттуда, потому что здесь невозможно было жить. И она дает телеграмму, и он дает телеграмму туда в Тулу. Потом уже через 10 лет, вспоминают они, однажды ночью, сроки совпали с посадкой отца, пускали там, через полмесяца, приходят и забирают его без суда и следствия. Без суда и следствия 10 лет на Калыму. А 35-ый год, он у нас одним из первых, потому что он был одним из первых командиров партизанского отряда, нужно было придаться к чему-то, когда его забрали, то, может быть, тогда уже думали, что корейцев будут выселять, тогда в 35-ом году. Его направили в Гулаг, в Караганду, на шахту туда. Вот 35-ый год, вот туда попадали. Ну, ничего не знали, куда его забрали, и проходит время вот так, э-э-э, скитания, мама в поисках работы, перебрались отсюда сначала во Владивосток, потом в Хабаровске что-то там, э-э-э, ну, была же тогда, ну, можно было бесплатно проехать, и так видели, что женщина с тремя детьми, ну где проходим. Ну, в конечном итоге, мы в этот, ... но, во Владивостоке, интересный момент, в жизни, который мама всегда, вот мы сидели, рассказывала, что когда в таком отчаянии, не зная как прокормить нас, ну нас там 13, 10 и 7 лет, вот где-то так. А, ничего нет, денег нет вообще, и когда отца забирали, то у нас дома, ...и, когда приехали, э-э-э, во Владивосток, э-э-э, и некуда идти, потому что на вокзале, потому что осень же была прохладная, на вокзале можно перекантоваться, как говорится. И помню, вот такое, лестница, вот, лестница, свободное место и вот там какие-то у нас были картонки, и вот мы сидим, ее ждем, и она пошла. И вот рассказывает, первый день пошла, и что покушать надо. Ну, если нет ни чековой книжки, ни в кармане, ну нету ничего, вот как вот Вы будете поступать? Ну, вот есть, даже играют сейчас в игры экстремальные, давайте посадим людей без ничего, без денег, вот как ты будешь выживать? И перспективы, какие вот? И вот она ходила-ходила, что-то взяла в гимнастерку, ходила, и ничего. И вот, однажды, она попала на базар. Рассказывает, и уже один продавец, т.е. с прибрежных сел приехал торговать кукурузой, там, на тележке, там. Ну, продал там, не богато, едет, спрашивает, купи у меня, а она говорит, денег нет. Ну, давай, и, в общем, поменялись. И вот привезли нам целую, значит, э-э-э, кукурузы полмешка, еще чего-то, всякого. Вот это помню, она потом ходила, но никто не брал к себе на квартиру, говорили, вот. Представь себе, незнакомый город, как?

Вот получается, как, я хотела уточнить, а вот Вы значит отца, м-м-м, в Карлаг, да?

Посадили в 35-м.

А Вы в каком городе родились? Во Владивостоке?

Я записан во Владивостоке, а родился в партизанском этом, ну, раньше кто там это самое, с такой точностью? Даже сейчас с такой точностью записать что можно?

А Вы сейчас помните, как то место называлось? Само вот это название.

Да, вот большинство возьмите корейских пишут Владивосток или Хабаровск.

Да, и потом значит, мама сама потом взяла детей и поехала?

Сама. Ну да, отца посадили.

Да, отца посадили.

А как? Сама, сама, никого, и самое страшное, что тогда было.

Угу.

Люди не могли к нам приходиться.

Да, их сажали.

Да, если кто-то приходил, то сразу докладывали и тех забирали.

Поэтому она взяла детей...

А поэтому она и взяла детей и поехала во Владивосток. Там пароходом, по-моему, это самое, недалеко уехали. И потом, она узнает, что в Биробиджане открывается швейная фабрика большая, она ж не умела, куда там. И, в общем, приехали в этот Биробиджан, и Вы знаете, когда вот директор что-то там увидит, что вот женщина с тремя детьми, ну, вот куда вот взять на работу? Но тогда были высоконравственные люди все равно, понимаете? Люди старались как-то помочь, если не помогали, то умирали и... принимает, там дает врач здание, маленькую комнату. Ну, комната, вот как меня, квадратов 15, не больше. Но, это было – великое счастье. И вот она работала там, на швейной фабрике, и училась, и сразу шить и т.д. она и в те года и в последующие годы, в военные годы нас выручила, стала мастерством учить, портниха она. Помогали друзья, знакомые уже потом. Вот и работая два года, 35-го осенью, когда отца забрали тогда, и дается сообщение там, буквально, что 48 часов, я не помню уже сколько, что корейцев всех переселить на Юг. И какую разъяснительную работу проводят, когда люди как, куда, что. Да нет, вы поедете в богатую, жаркую страну, не надо брать ничего с собой, ну, продукты возьмите пока там, на дорогу, там. Ну, в принципе кашу не можешь, ну, просо там можно. Рису не было же тогда, даже не было разговора. А потом выяснилось, что эта пропаганда была связана, не надо было брать теплых вещей, это провели, тогда вагоны были маленькие, не такие как сейчас, грузовые. А тогда вагоны были, скот перевозили, м-м-м, какую-нибудь, знаете вот, наполовину. Вот, но, главное, что можно было затолкать 6-10 семей, без ничего. А если бы брали продукты, то надо было три, ну максимум четыре семьи. Значит, и выгода была. Значит, сотни эшелонов направлялись, и в основном, это в первую очередь, если в ...Комсомольск-на-Амуре, в общем, оттуда, где более сконцентрировано надо было. И последние такие районы, такие как были созданы впервые, еврейские автономные области. Биробиджан – это еврейская автономная область, правда, они туда не поехали, они остались здесь в Одессе (*смеется*). И оттуда, вот, а там было немного, и последний эшелон буквально, ну, не то, что буквально, но в числе последних.

А вот слухи какие-то были, ходили?

Есть люди же, плакали, я знаю, что отдельные люди, старики, они э-э-э, не желая покинуть, а там же были похоронены и их родители и т.д. они даже сами заканчивали...

Жизнь, да, отдавали? Угу.

Ну, вот я, куда могу ехать, не известно. Но, когда сказали, маме дали э-э-э, пособие на тот период еще на месяц, зарплату, и мы, в этот, э-э-э, как его, самое интересное было, что кроме этого же инструкция же у всех была. Те, которых перевозили, это ГПУшники, там, это, служба, этот, везти только в ночное время шли. И представьте себе 600 дней эшелон, ... в 41-м году, уже в Великую Отечественную войну, и когда из Акмолинска, мы же там жили, отправляли солдат, так они в основном ночью, днем, чтобы народ. Знаете, вот это – слезы, переживания. И ночью как-то мне так, эшелон тук-тук, тук-тук. Идет и...

Это вообще, какой год был, вот...?

Это было где-то начало сентября и конец августа 1937 года. Почему, потому что мы приехали в Шортанды, это уже была вторая половина сентября 37-го года. Где-то около месяца в дороге были. Почему, ночью едем, а днем куда-нибудь в тупик поставят, люди

выходили, там, где народу не было, что покушать, мылись, хоронили, вся эта процедура, а потом опять садились, ехали дальше...

А вот Вы говорили, слухи же вот ходили о том, что будет? Были ли такие случаи, что кто-то убегал?

Знаете такой яркий, знаете, я Вам скажу, что корейцы сами по себе законопослушные, вы знаете, могли бы проявить агрессию, э-э-э, сейчас вот показывают в любой там стране, особенно ..., нет, э-э-э, знаете, корейцы они всю свою энергию в свой труд вкладывали. А могли бы так, как же так мы, за установление советской власти, революцию делали, мы могли бы также спокойно встать и все, но этого не было. Надо, значит, надо.

А Вы думали о каком-то плохом повороте событий?

Да никто никогда не думал, и дается когда немного времени.

А сколько дали времени Вам?

Немного времени дали.

Вот прям кто пришел, э-э-э?

Нет, это органы НКВД, их там было...

Они показывали какой-то документ, э-э-э? Забрали просто так?

Да не, там бумага была о депортации, и представь себе, установили советскую власть, казалось бы, делали, да? И тут вдруг здесь почему-то кто-то оказался неудобным, и кого-то нужно, это ущемлять. Это сегодня мы можем говорить языком ущемление прав человека, или какие-то законы. Тогда же ничего, постановление было. Сказано, значит туда, делай.

А вот Вы, значит, м-м-м, Вы сказали, что маме дали зарплаты, вот Вы что смогли взять?

Что мы могли там взять, где-то значит, мама, помню, вот, все просо, вот это, взяла, э-э-э, это, горох, горох обычный, э-э-э, вот такое, где-то там, в общей сложности по полмешка, мешок наберется, и больше ничего, одежды даже не было. Но, самое интересное, я думаю, что и в других эшелонах, наверное, были трагичные случаи. Как у нас в нашем эшелоне, очень трагично. Ну, представьте себе, молодые ребята, мальчишки, девчонки, вот такие знаете, ехали, вот где-то познакомился, и появилась первая любовь, и у нее первая там, понимаете? Такое состояние, тяжело, все равно, человек, когда он психологически развивается, этот процесс неизбежен, правильно? А когда его сажают, отправляют куда-то, а он, она, там остается, конечно, на душе у них состояние. Так вот, когда везли, днем, когда они должны были там отдыхать, и э-э-э, варить, готовить. А ночью, как правило, изможденные старики отдыхают, так вот штабелями делали два яруса, наверх, и они здесь значит.

А вот сколько человек было в вагоне?

В вагоне было, наверное, семей 6, в семье по 4 человека, э-э-э.

Ну, где-то 20-25 человек, да?

Да, да, да. Ну, там, если вечер, ложишься, свободное, это пока старшие спали. А вот вагон, представьте себе, это все же летний период, и там перила так проходят, и так, когда скот везут, перила выше ставят, чтобы лошадь или корова, это. А когда выводили, ниже опустили. Так вот, ножки свесили, вот представьте, вот так вот все сидят, и всю ночь пели песни. Вот всегда я пою: «Как всегда под рекой». Вот всегда с этой песней ассоциация. Вот сидят, ну, восемь человек там.

Помещалось.

Однажды вот это перила, из-за какой-то сверх нормы десятой, на кузове вылетели все, и никто не знает, это не в нашем вагоне было, а рядом. И ничего не могли, ни поезд остановить, ничего. Вот с теми, с которыми на станции разговариваешь, играли, да, и вот в одну из темных ночей вот они улетели туда. Вот, э-э-э, трагедии не только такие были, умирали, за это время особенно почему, потому что старые люди, не было той медицины,

не было, э-э-э, элементарных, так сказать, гигиенических лекарств, там каких-то. Ну, температура, взял, встал, пошел, а ладно, так, и все. Но, тогда же ведь ничего этого не было. Ни средств информации, ни радио, полная, а-а-а, изоляция а-а-а, вот представьте себе, в каком состоянии может человек находиться. И, когда пересекли границу Казахстана, а до этого, оказывается, э-э-э, в Казахстане, ну например, выделили несколько маленьких поселков таких, м-м-м, которые надо было строить, надо же было рабочую силу. И не называли там, колхоз такой-то, а просто точка, первая точка, пятая точка. А-а-а, в Чимкенте 20-я точка, в Кызылорде, прямо в степи, там сотые точки. И вот, м-м-м, телефонограммы связываются с, там, куда везти их, маршрут, куда. Потому что туда поезда не могли ходить, вот через Петропавловск, Акмолинск, Караганду, не могли попасть, допустим, в Алматы. Расстояние, э-э-э, Чу, вот этого не было тогда, железной дороги, а ездили, из Акмолинска в Алматы, надо было через Новосибирск, вот, вот так было. Ну, вот что же теперь делать. Тогда и не знать, где нас и куда везти, в эшелоне, конечно же, были старшие среди корейцев, которые вели разговоры и т.д. Ну, они же не будут по всем вагонам бегать. Потом вот уже где-то половина сентября, они останавливают, потому что Петропавловск это город считался. Нельзя. А вот Акмолинск это тоже город. А там до Акмолинска 30 км, станция Шортанды. Я эту станцию потом уже, мы там потом жили. У станции остановились, состав и паровоз отцепился, а состав остался. Потом говорят, да, на горизонте были кошары. Раз, это казахи, когда гнали скот, летом, а-а-а, гнали с севера на юг. Вот так вот эта миграция... Вот такое помещение. И что Вы думаете? Туда и дали. Хорошо, что нашу семью, попали, э-э-э, туда, где скот. Потому что нам озеро давало тепло. И там вообще.

Да. А вот если сейчас вернемся немного назад. А-а-а, вот когда Вы уезжали, депортировали да, когда всех, а-а-а, в основном там кто жили, корейцы жили, да?

Корейцы, русские, евреи, э-э-э, частично китайцы, но они тоже это, мало было, и, в основном, конечно, русские, евреи, их тоже завозили.

Т.е. вот корейцев ни одного не осталось? Всех собрали?

Всех до единого, до единого корейца.

И все, ну, понятно, все имущество, которое было...

Какое имущество, все пооставляли, ничего не было. Это сейчас, а тогда что.

Ну, тогда не знали куда везут, э-э-э?

Нет, нет. Сказали, что везут в теплые края, там, где пища, там, вы будете, значит жить.

Угу. А Вы знаете, как эшелон формировался сам? Вы говорили, что в последнюю очередь Вас собирали.

Не, вот там где было, например, в Комсомольске-на-Амуре, мы жили во Владивостоке, и готовы там уже были семьи, подъезжали, погружали и отправляли, это было трудно организовать, сотни эшелонов, представляете? Это же ведь эпидемия, холера, ну, там, это просто я поражаюсь, но, все мои друзья, которые здесь живут, они попали, они были младше чем, но они попали в ..., вот кто попал в Чимкент, была благодать, зелень, вот корейцам, рыбы там было столько. А вот попасть в такой как Шортанды, север, где нет травы особо, трава-то ладно, ни овощей. 6 месяцев, 7 месяцев холодной зимы это, конечно, довольно ранит. Вот нас привезли и сказали, что Вас будут разделять по точкам.

Угу. А я вот, извиняюсь, еще немножко туда вернемся, туда, уточним некоторые вопросы. А вот, вот Вы перечислили, что Вы могли взять, а другие могли что-то другое, взяли, они, может быть, могли что-то другое взять?

Я Вам скажу, что, м-м-м.

Как фактически...

Вы знаете, кто более-менее жил, это волна раскулачивания, тоже, нет, это сплошная беднота. Сплошная беднота там ничего...

Все, что с собой было...

Да, это то, что сегодня мы живем, и, в частности, наша корейская диаспора, благодать, это надо преклониться, так сказать, перед той землей, на которой мы сейчас живем, ну, благодарить нашего президента, за то, что он смог в это время, даже в нелегкое сейчас наше социально-экономическое время, можем жить в достатке и не думаем. Понимаете, и для того, чтобы оценить истинную цену, значит надо в сравнение, а для кого не надо сравнения, как-то испытать, а мы испытали, можем сравнивать. А, не сравнивая, тех чиновников, которые могут с высокой трибуны что-то говорить, не понимая, не зная, и он будет говорить это.

А вот в вагоне, значит, 25 человек, Вы говорили, там нары были, Вы там стояли, вещи, куда Вы ложили?

Ой, под ноги или под нары. Солома, потом не только солома, но и трава, как это, э-э-э, там, на востоке, э-э-э, полынь. Там не такое, он высокий, сушеный, под эту. Поэтому, наверное, не было всяких букашек, и туда что-нибудь тряпку какую-нибудь или одеяло, вот платки у женщин брали, стелили, ложили, сверху накрывали, и спали.

А чем-то кормили Вас вот, давали еду?

Да Вы что?! Воду давали с миски, воду набирали, жгли костры, это самое, у кого взяли там, э-э-э, чечевицу, или горох там и варили.

Буржуйка там была, да?

Нет! В ней сразу ели, на станции есть...а так взяли и вот так, выливаешь и ...теперь в любых сможем прожить, потому что такую школу пройти невозможно.

...понятно, что никто не давал.

Понимаете, даже сейчас, когда я излагаю, или мои товарищи рассказывают, это одно, это когда видишь и сам это испытываешь, это совершенно разные вещи.

Согласна, а-а-а.

Эмоционально, психологически, совсем другое.

А вот Вы сказали, что, может быть слышали, что кто-то сбежал, может быть с поезда?

Э-э-э, было, было. Они просто, когда эшелон отгоняли, они обратно хотели туда. У кого-то осталась девка, ну, понимаете, что-то связывало его. Но это было очень редко, почти не было.

Угу.

Таких, наверное, ловили и расстреливали сразу.

Угу.

Да, это сейчас выбор. Если беги, то такой закон, и все жесткий. Вот этот фильм Вы не смотрели? В Великую Отечественную войну были же вот эти бандитские группировки, вот в Одессе. И вот когда маршал Жуков сам взялся за это все, и вот, пожалуйста.

А вот в Вашем вагоне умирали люди, вот?

Вы знаете, от нас старались это дело скрыть. Ну, где-то утром вставали, чувствовали, что старик уже умирает или что-то такое. Нас детей, отправлял на какой-нибудь эшелон, и мы не получали травму. В этом случае всегда. И вот как-то долгое время я был молодым человеком, но как-то даже на кладбище как-то, а вот когда с этим столкнулся, сейчас я могу это все спокойно воспринимать, как философию жизни.

Т.е. вы в принципе не знали, сколько людей умерло, да?

Много раз было, а так мимо нас проходили.

А Вы помните, какие-то остановки были по пути, какие были они?

Ну, какие, конечно, проезжали такие города как Комсомольск, Иркутск, к Балхашу, к Байкалу, когда подъезжали, около больших городов останавливались. Ведь на разъездах, тупиках специально загоняли, чтобы не возбуждать интереса людей, тех людей партизан

разных национальностей. Ведь в годы революции все под крышей шли на смерть вместе, всеми, все делали революцию, освобождали советскую власть, останавливали. Отец еще тогда долгое время, рассказывали они, воевали с японскими белогвардейцами, те вывозили золото, аж 16 килограмм, 16 пудов золота они захватили. Так снарядили 17 человек, 16 из них несли 16 кг этого золота и охрана, и оттуда с Владивостока, и потом они пешком до Иркутска пошли. Это в Иркутске формировалась советская власть, для поддержки вот этих. А сейчас все в разные стороны убежали, не осталось никого (*смеется*).

А Вы, вот, сколько времени в пути находились?

Ну, я думаю, что месяц.

Месяц, да?

Вместе держаться старались.

А они говорили о чем-то между собой, какие-то слухи может быть?

Ну, много, в основном пела молодежь, пели. Потому что в песне есть целый рассказ. Вот помните песню там, вдали за рекой? Это же целая, как отряд пошел, как завязалась битва, как одного бойца убили, и этот боец умирает, он прощался, передай дорогой, что честно погиб за рабочих. Вот это то состояние, которое они испытывали, они переложили на песню, то, что излагали. Вы, вот представьте себе, ничего нет.

Угу. И вот Вы, получается, приехали в Шортанды, правильно?

Да.

А это когда произошло?

Это вторая половина сентября 37-го года.

Угу. Вы тогда знали, что это Казахстан?

Я на тот момент ничего не знал.

Угу.

Знали вот, что, там начали спрашивать, куда, а ведь представьте, мы даже тогда не знали. Что Шортанды, а буквально 500 км Караганда. А отец там, в Карлаге сидит. Ну, надо же. Вот враг народа, сидит он в тюрьме, а здесь его семья с тремя детьми. А мы узнали об этом только 7-го января, вы только представьте себе это чувство? Как можно не имея ничего, иметь только стремление к жизни. А ведь мама была потом на мосту, на обочине, однажды ходила бросаться. Когда отца посадили. Вот представьте, если бы она сбросилась, где бы мы были бы? Разве можно было вести разговор... Там 24 этапа. И если бы эти кончились только муки жизни, потом учеба, нельзя было не прописываться.

А вот Вы скажите, пожалуйста, климатические условия того места, где Вы жили, в ... насколько сильно отличались от...?

Да, там, э-э-э, очень просто. Там, э-э-э, Дальневосточное, Дальний Восток, там взять, если по карте посмотрите, большая акватория, Тихий океан, Японское море, там же ветер муссон, с повышенной влажностью, а здесь степь сухая, конечно, разница есть. Я потом уже, когда по жизни диссертацию писал, аллергию ощущал, потому что влияние климатических условий на спортсменов, это одна из...

Угу. А, вот, получается, остановился эшелон, да? Поезд ушел, оставили вагон, вот как дальше жили? Степь.

Так вот для того, чтобы спускаться, у кого-то там нашлись нары, от досок, ставили поперек, чего-то там привязали, спускаться легче, потому что оттуда же. И оттуда женщины нам говорят, вон там вот туда, и что Вы думаете? Каждый в борьбе за существование, каждый думал в этой среде, надо выжить... Если хотите жить, роите землю. Как они знали, что там. Ну, конечно, знали, надо было рыть, сверху накрывать, и потом уже белые мухи пошли, акмолинцы не зря их стали так называть. Всех неудобных, в угоду советской власти, направляли в Карлаг, и кто посажены в Карлаге, пытались оттуда бежать, вот я знаю, много убегало. Но невозможно, изможденные умирали. Хотя те, кто садились в вагоны были вместе, как-то убегали, но это единицы.

Т.е. вот Вас там высадили эти сюда...?

Да, да. Каждый сам. Потом в какой день за кем приедут, ну там, на 5-ю точку три семьи поедут.

Ну, это Вам кто-то говорил, да, вот?

Да, это в каждом ...назначен комендант, назначал, в какой распределял. И мама попросилась, ...

А какой город был?

Акмолинск. Ну, я не знаю, там семей 4-5, вот этот вот первый парад, я, солдаты, э-э-э, жили там и уехали потом, солдаты там жили, две семьи нас поместили, нас четверо, мама и нас трое, и у них, по-моему, трое, вот нас семь человек, вечером ложатся вот так вот, штабелями.

Т.е. сначала Вы в земле вот жили, да, т.е.?

Тогда да.

А потом, значит, и не было никаких домов или что-то там?

Там, Шортанды в то время, 37-ой год, знаете, как сейчас помню, у меня это, дом станционного смотрителя, на горизонте, 2 или 3 юрты, потом кошары, а потом где-то с другой стороны, брошенные, эти, э-э-э, овощехранилища. Там же нет зимой овощей. Где-то там хранили и картошку и там все, морковь. И потом уже из станции Шортанды, где жили люди, их там их немного, они, наверное, так и брали. И, Вы знаете, когда разместили, жили, что интересное было, а ведь жизнь в Казахстане тоже была такая же... если же в семье была лошадь или корова, это же, иметь скотину, любой казах, если его признавали кулаком, сажали и забирали лошадь и все. И вот тогда, в те годы, многие же ушли в Монголию, ушли в эту же, э-э-э, в Китай. Понимаете все, вот начиная от революционных, период в гражданскую войну, и так же продолжают, такое же отношение. Но, что мы ощутили, когда начались холода, даже спичек не было нормальных, хотя многие брали, как знаю, приходили ночью чабаны-казахи, уже тогда они одевали вот эту шапку с длинным вот этим вот...разговаривал, говорил, что к вам нельзя нам подходить. Что вы кушаете, у Вас есть кушать? Ну как, потом они начали в мешках, туда клали мясо, вот так. И вот часто, много, сколько долго вот они. Вот по жизни, кто связывает кровью свою дружбу, вот у нас тогда в голодное время, первыми протянули руку. И были самые добрые, самые честные, добрые казахи.

Угу. Ну, т.е. э-э-э, это те люди, которые к Вам подходили? А в принципе там рядом ничего не было, домов там?

Не было. На горизонте юрта, а может быть там дальше, были такие хибары, но мы туда не ходили.

Нельзя было?

Туда уходят только с разрешения коменданта.

Угу. А как вот он проверял наличие людей? Раз в месяц, или как это?

Он тоже бедненький мучился, отвечал за все. Старался быстрее разослать по точкам, раскидать людей.

Угу, понятно. А вот Вы когда вот там жили, русских не было, только казахи?

Да. Они, э-э-э...

Они, на каком языке общались?

Они не знали русского языка честно. Русский язык не знали казахи, но человеческий язык жестов знали, наверное, поэтому уже после, я помню у нас зять, Николай Николаевич, он первый профессор, вернее один из первых граждан города Акмолинска. Он начинал работать в казахском ауле, обучал русскому языку, а он чистейше разговаривал на казахском, потом он был проректором, ректором. А вот сейчас сын его, Вячеслав Николаевич, э-э-э, уже где-то ветеринаром там работает, а моя сестра как раз жена, но она тоже вот, удачно, вот в моей личной жизни казахи занимают 70% моей жизни, всех

моих достижений и успехов. Я не случайно два года, три года тому назад высказал проект, потому что мы сейчас тоже на эту казахскую землю сгоняли всех неугодных Советского Союза, правильно? С Украины, с России, неугодных сюда сгоняли, поэтому, э-э-э, умирать здесь, так все отсюда. Так после нас сюда депортировали немцев, до этого поляки были, потом евреи, в общем, весь самый цивилизованный, и они же не помнят их всех. Они ведь не только нас на коленях, я не борюсь за другую диаспору, близко знакомые мне корейцы, которых я знаю, так они стали уже богатыми, так же учат... Я им предложил, давайте дорогие друзья, мы на этой земле не умерли с Вами, а нам помогали, мы выжили, и у нас есть средства, вот давайте построим, вот у меня есть проект, построим огромную башню. Вот Юлия Степанова, моя супруга, она все знает, она все скажет, опять у тебя бредовые идеи, я хочу призвать всех, чтобы мы сложились, не обращаться ни к государству, ни к казахам, а вот все остальные должны собраться и построить вышку, самую огромную вышку на планете, так дальше пошло, я туда, он туда. Вот 780 м самая большая была, а тогда была самая высокая 560.

А Вы какую хотите?

Я знакомился с... Эйфелеву башню, Останкинскую башню, и, я думаю, в степи под Акмолинском, под Астаной построить вот такую огромную башню, металла, слава Богу, хватит. А внизу типа большой юрты, там будет несколько увеселительных гостиниц, что-то вот такое. Хочешь, поднимаешься на эту Вышку, смотришь, на землю. И я хочу так назвать, там будет написано: Благодатной казахской земле, казахскому народу. И под маркой доброму казахскому народу, я, в первую очередь, хочу написать моих друзей, которых уже сегодня нет. В 53-м году после окончания института я не имел право прописаться, не имел права, существовал закон, тут же не прописывают, это же столица, март 53-го года, война кончилась, 8 лет прошло, т.е., э-э-э, и он, участник войны, герой, ...беру, потому что специалисты, которые меня готовили педагогов, тренеров, по велосипедному, конькобежному спорту, я и плавание вел там, 53-ий год спасибо ему. Еще есть такие мои друзья как Искандер Хасапов, Аскар Хусейнов, вот это все ребята, которые, вы понимаете, я бы, если бы была моя воля, поставил бы, а там любой поставит казахскому народу, любой казах, живущий на этой земле должен быть высоким, патриотичным, он должен любить эту землю и уважать. И почему, я даже вот на встрече с олимпийцами через 50 лет я им рассказываю, очень гостеприимный дом. Я один раз им даже сказал, вы же гостеприимные, ну и что, ну и что, гостеприимные, там он хохол, он это. Да, да. Вы знаете, в чем дело, у них просторы казахских степей, вот представьте, вот юрта одна, мороз, буран, вот кто, куда, не видно ничего, да? И тут кто-то появляется и стучится, а если непустишь, он умрет, замерзнет. Но, такая же участь постигнет тебя с твоей семьей. Потому что ты в этих просторах без помощи, никак нельзя. Вы, понимаете, поэтому гостеприимство у казахов традиционно происходит уже... вы понимаете. И я бы хотел бы, конечно, чтобы народная благородная традиция осталась. Я сомневаюсь, когда сегодня изолированно живут, особняки, огражденные высокими заборами, этим самым они... Но это пережитки времени, дай Бог. Пусть живут так, но, эти качества, благородные качества, доброты, надо сохранять. Как, это надо думать и ученым и педагогам. Я как педагог, у меня жена тоже педагог, столько лет работая, мы воспитываем и знаем что такое. Хорошо, когда все есть и когда, и именно вот эта часть является самым слабым звеном. Нужно подтягивать.

Угу. А вот скажите, пожалуйста, вот Шортанды, да? Вы там сколько прожили?

Мы прожили до первых мух, до, мы, наверное, вот лично наша семья, когда уже снег был уже, холодно было.

Потом уже значит, просилась да, мама?

Да, и в порядке исключения там, на окраине, это сейчас там улица Октябрьская, там снег ямы, немножко левее военный городок. Там было все, но за то дом, печка, можно было топить. Какие дрова, дров нет, где-то заборы, где-то есть что-то кустики, давай пилить, что шуршит, как-то надо согреться.

Вот получается, она попросилась, ей дали там вот этот маленький домик, да, вот этот?

Нет, комнату.

А комнату.

Там же жило две семьи.

А вы с кем там жили?

Ну, они вот в это, здесь вот живет, он знает их фамилию, а вот мы уже. Вы знаете, они уже все знали, потому что я потом уехал в Ленинград, мы потом потерялись. Но традиции у нас остались, мы встречаемся. Он старше меня... Как можно было прожить такую жизнь тяжелую, я по идее должен быть ненавистным, а нет.

Вот это и поражает.

Да. В подтверждение этому скажу. Вот 7-го мая, если вы подойдете сюда в Академию спорта, вот просто, ну, вот у меня среди друзей здесь мало осталось, и есть такие в песне слова, чем дольше живешь, тем годы короче, и действительно. И, казалось бы, мало людей советских считали же, человек 200 осталось.

Понятно. А-а-а, ну, вот, значит, Вы в Астане, да?... с кем Вы жили, это тоже корейцы были, да?

Конечно, да.

С того же вагона? С того же эшелона?

Да, с того же эшелона. Только там, в одной семье один ребенок, в другой там 2, 3 и т.д.

Рядом с Вами кто жил? Кто они по национальности?

Корейцы.

Только корейцы, да?

(смеется).

А потом?

А потом да. Все в бараке, все корейцы. А потом уже рядом там дом семья Яшковых, казахи тоже там жили, у них тоже в школу там депортировали, они там значит, это, э-э-э.

А все там были, да?

Да, все там. Учились там все. Аборигены-казахи, а остальные враги народа.

А, м-м-м, казахи тоже рядом же жили?

Да, да.

Они вообще, как Вам показалось, как вообще живут?

Они среди нас нищих были чуть-чуть выше, почему. Потому что ведь здесь в Казахстане, у казахов если бы не было бы скота, то они давно бы уже вымерли как мы и другие, это скот спасает. Ведь они весной ранней гонят всех на юг, там по Жайляу, все аккуратно, все. У них мясо-то есть, это недостаток был, а овощей мало было, поэтому это повлияло на генетическое развитие. А сейчас есть все, но зато даже в анекдотах или в рассказах или когда есть такие казахи, которые могут за раз съесть барана. Вот представь себе чабана, который целый день гонит, десятки километров проходит он, ночью, ...он готов съесть все что, это спасение. Но, э-э-э, это испытание, вот это то, что было. Все были равными, нищими, равными, бедными.

А какие-то проблемы были с ними?

Нет, с ними не было. У нас проблема первая создали, когда переселили туда чеченов. Они же агрессивные ребята, и сразу они начали создавать бригады, власть над всеми. Ну, горячая, кавказская кровь. Ну, когда мы с ними разобрались, т.е. у нас с ними были бои местного значения. За сферу влияния мы отстаивали, дрались, нас лупили, и мы лупили. Тогда если дрались, то только на кулаках дрались. Не то, что сейчас можно было применить какое-то оружие. Раньше была, наверное, честь, достоинство каждого на кулаках. Закон не применять оружие.

Угу.

Лежачего не бить.

А вот интересно, а-а-а, м-м-м, вы как общались с местным населением, ведь многонациональный был слой населения, было столько депортированных?

Вот в какие бы точки не выслали, это обдуманно. Все были равными. Все были в равных условиях. Не было ни..., ни богатых, все были в равных условиях.

А вот с казахами как Вы тоже общались?

А они э-э-э, мы очень хорошо. Вот я сейчас казахский знаю, вот недавно, года 4 тому назад, э-э-э, я выслал свой один проект по Астане, когда называли Астану, раньше, когда я жил, был город Акмолинск. Акмолинск, белые могилы, там как. Потом, Хрущев, увидев, что там житница, и нужно поднимать Целину осваивать, назвал Целиноградом. И когда многие города Советского Союза свои улицы..., и тогда город Акмолинск похорошел. Но, когда уже страна получила независимость, и когда наш первый Президент Нурсултан Абишевич увидел какая столица, правильно выбрал, житница, хлебный район, необъятные степи, много можно построить, столько земли, река. И когда он здесь брал эту столицу, я тогда был внутренне очень доволен, думал, неужели доживу до того момента, когда будет созданный, умирать, мы не умерли, видим сейчас настоящий город. И Вы знаете, что я сделал? По-моему э-э-э, это 31-ый канал снимал, я сказал, дорогие друзья, вот представьте себе, что вы в течение недели, вот у вас крошки хлеба не было во рту. Не ели, кушать хочется, и особенно я помню, такие ранние осенние деревья, когда...начинают, а казахи у них двор обязательно, и туда они скот загоняют, ну, корова одна может быть. Ну, без этого казах не может прожить, берет баранов там несколько. И это, жгли, э-э-э, костер во дворе, и туда ставили, э-э-э, сковородку, на сковородке уголь, опять сковородку, и опять углем. Это хлеб по-казахски, Вы знаете, для голодного человека, что самым добрым, желанным является? Хлеб. Я говорю, правильно. Я говорю, а как по-казахски хлеб называется? Они говорят «нан». Так должен называться...А-а-а, Нурсултан Абишевич Назарбаев. Я говорю, да причем здесь это. Хлеб – весь город называли, а то, что совпало с нашим президентом, я думаю, что это все даже заслужат... я думаю, что все равно пройдет время и назовут город. И потом на этом остановилось. За строительство этого города, к нам приезжали американцы, да, за строительство этого города нашему президенту надо Нобелевскую премию. А 5 лет тому назад мы сказали, вот наш ректор сказал мне, запритесь в степи, мы были, я с женой был специально. Товарищи пригласили, там, в Америке. Я смотрел, интересовался именными городами мира. Санкт-Петербург, Екатеринбург, Вашингтон. Но эти города строили веками, веками же? А этот город за 10 лет вырос! В каком году мы были тогда в Астане, а? В общем, знаете, когда мы приехали туда, я пошел в этот барак, этот барак до сих пор, по-моему, стоит, я пришел, и часов 5 эту землю целовал. Через 70 лет почти я...

Да. А-а-а так вот если вернуться, Вы на каком языке тогда разговаривали с ними, ну, с казахами?

Ну, как на-казахском. Если кто-нибудь когда-нибудь сказал бы мне, что надо изучать... то ли чечен, казах, там немец, сами учились, обучались. Даже, когда я работал, я в составе сборной команд СССР работал, я не изучал ни английский, ну, еще ничего, если бы я там изучал английский, сразу подозрения, наверное, он убежать хочет, раз изучает английский. А казахский, кому-то корейский, ну нас же учат...

Хорошо.

Чистейше разговаривают. Вот у нас Николай Иванович, он чистейше разговаривает, обычаям, традициям, казахов, молодых ребят учат.

А браки были с местными жителями? Ну, с казахами, вот, например? Вот в тот момент депортации как-то вот?

В первое время сильнее, потому что там вот уже женилось много, уже в начале. Ведь это уже сегодня какие-то национальности выбирают, а мы ведь выбирали друга, выбираешь

порядочность в жизни, понимаешь? Вот видели, наверное, моя, она уже почти 56 лет. 56 лет, терпит. Все мы, она взрастила двух дочерей, вон они. Внуки. Понимаете в чем дело?

А вот хотела спросить, когда Вы туда приехали в Акмолу, там ведь уже другие депортированные были на этом месте?

Были отдельные семьи, отдельные люди. Это были русские там, белогвардейцы, там, ну, потом, белогвардейцев всех поуничтожали, попересажали. А, м-м-м, политически ненадежные, мало очень было. Первыми депортированными как бы были они.

Ага. Понятно. А вот какой у Вас режим отбывания депортации был?

Нужно было отмечаться там.

Угу.

Коменданту, каждый месяц, там шли, отмечались.

Расписывались?

Да, что, мы дети, мы куда. А уезжать только с его разрешения, если что-то, тебе хана.

За пределы города нельзя.

Не, ты что.

А-а-а, побегии были, слышали, нет?

Конечно. Но они были очень редкие.

Вот как тогда работали, как труд оплачивали?

Ой, дело в том, что нам давать работу вот это на швейной фабрике, это вообще, знать, там надо...там установлено пару машин. А отец, когда вышел из тюрьмы, это было уже начало войны, ему, как человеку, имеющему 58-ю статью, судимость, работы нигде не давали, он нигде не работал.

Это в начале войны, да?

Да, 41-ый. Не давали. Потом он еле-еле устроился конюхом, а-а-а, на фабрике, где мама работала, конюхом.

Угу.

Там же не было машин, все же на лошадях.

Как оплачивали вот?

Ну, эта зарплата хватало на хлеб, хватало на..., покупали пшено, там это самое, и помню, когда получали зарплату, что делали, шли, покупали яйца, я помню. И вот в воскресенье где-то сварим, ну, штук 30-40, и вот выложит мама вот так и все. Это был большой праздник.

Угу. А-а-а, вот, Вам, сколько тогда было, 7 лет, да было? Вот как учились?

Там, во-первых, школы не было, рядом там, мы жили на Сенном, а школа, это была начальная школа, находилась, вот сейчас измерить, вот там церковь была. Кинотеатр Октябрь, ну, километра 3-4. Ну, это ничего. А вы представляете, Акмолинск или Целиноград, особенно февраль месяц или март, 40 градусов минус и буран. И вот однажды, я помню, пошел в школу, туда шел ничего. А обратно идти замело, от мороза, от бурана умирали, это вот статистика показывает, вторая половина февраля, и вторая половина марта. Вот в этом диапазоне. Выходишь, шквал, ничего не видно. Вот даже скот там погибал, время было, и вот я помню, наш барак, туалета же не было тогда, туалеты были на улице. И выходили в туалет, пока там человек замешкался, буран все замел и не знает, в какую сторону идти. Заблуждаются, умирают, и сколько мы там находили.

А вот местные дети учились?

А?

А вот местные дети учились в школе?

Ну, немного было. Казахские дети, и в основном, вот казахские, русские.

Депортированные, да?

Да, большинство были те, которые, да. Это же был 37-ой год. Вы представляете, проходит 4 года и начинается война, новое горе, новые страдания, каждый день похороненные.

А вот отношения с детьми как у Вас там складывались, нормально?

Вот Вы знаете, в таких условиях, в трудных условиях, все дружные. Иначе не выживешь. Даже сейчас вот у детей какая-то зависть друг к другу, недоброжелательность, жадность. Это все губит. А у нас все принято делить. Помню, у меня был друг, я учился где-то в 5-ом классе, 4-ом, мы в школу ходили, и они сосланные оттуда из Одессы. Ну, он парень такой смысленный, он хорошо математику так соображал, а я так, был хулиган. Потом уже стал спортсменом. И я к нему, и он мне всегда помогал. А я его всегда защищал (*смеется*). Тут честная, такая истинная, если есть кусок, мы всегда...

Вот к Вам применялись какие-то ограничения, как к детям?

Может быть, даже применяли, но я не чувствовал. Честно говоря, это сейчас прошло время, и когда я записываю, что я являюсь профессором. Я всегда говорю, ребята, если ты сейчас не выучил, то у тебя впереди целая жизнь, выучишь. И не один раз. Я вообще в школе не учился, ну 40-е годы, ну, в ступу там положат, зерно сделают, или кто-то похоронку получает, мы провожаем, дети. Ну, какая учеба, два-три дня проходит, опять похоронка.

А вот ваши родные остались...

У меня сестра в Астане...

А, ну Вас всех сразу же?

Ну, конечно. Потом она замуж вышла, с 37-го года она уже в Акмолинске, в Астане живет, и уже почетная, она живет такой жизнью, выбраться, она заслуженная во всех отношениях, и муж ее Николай Николаевич, стал уважаемым человеком, он был и художником, был политологом, ну во всяких...

А вот скажите, э-э-э, вот получается, где вас выселили, депортировали, где вы жили, там было какое-то свое управление или?

Нет, обычно все органы там, управляющие, милиция, э-э-э.

Как в городе обычно, да?

Как городской да. Да, да. Как Акмолинск.

А вот стукачи, осведомители были, вот кто бы, осведомители, э-э-э, стукачи, которые могли как бы?

Да, конечно. Когда отец вышел из тюрьмы, он это, говорил, я не могу ходить туда, где собираются люди. Потому что кто-нибудь, что-нибудь скажет, обязательно его заберут. Это система управления народом, э-э-э, в те годы, как мы сейчас знаем, ... или Берии периода... Если он не скажет, его сажали, тут же. И ты должен знать, чуть ли не разрядка была. Я уже, когда в Ленинграде учился, и мне ребята рассказывали, когда нужно было на строительство боевого балтийского, вдруг понадобились, э-э-э, плотники, так дали указания.

Как питались тогда, одевались?

Питались, конечно, голодали тогда...о чем говорить, о каком питании. Вот вы знаете, в 30-е 37-е годы, перед войной, было питание, а после все голодали.

Угу. Вот, что помогло выжить вам в этих условиях? Платили вам мало.

Я, знаете, уже с 11-ти лет собирал колоски, хлеб для фронта, потом уже в 12, потом Ростовский завод сельскохозяйственных машин эвакуировали в Акмолинск и на строительство рыли там, э-э-э, каналы для..., в начале строительства мы там участвовали.

Как Вы узнали о смерти Сталина? Что думали тогда, какая реакция была?

О смерти Сталина?

Да, что говорили там?

Я уже был взрослый, в Ленинграде, уже заканчивал институт, я был, у меня есть альбом по окончании института, я могу Вам показать. Уже было, Вы знаете, перетерпев в жизни столько мук, они забрали детство, забрали юность, все. И Вы знаете, когда сказали, умер Сталин, мы из Ленинграда, все студенты, молодежь, все кинулись на Московский вокзал, ехать в Москву. Мне была интересна психология. И мы тогда, группа ребят, сели, и когда сели в вагон, и невозможно стоя, и друг мой...

А для чего поехали туда?

Потому что мы любили его, Сталин наш отец рядом, а мы говорили, Сталин наш отец. И с именем Сталина люди шли на смерть. За Родину, за Сталина, вы знаете. Шли, умирали.

А когда Вы узнали о реабилитации, в газетах?

А где, когда, они когда здесь уже писали много, и я вот вам сейчас один интересный фрагмент расскажу. Это было где-то 57-ой год, уже реабилитация документально прошла, вот когда документально прошло, все, когда день победы встретили, а этот документ проходит долго, сколько уже. Но, уже такой жесткой не было, э-э-э, да. Вот почему я попал, уехал из Астаны, Акмолинска? Э-э-э, во время войны, после войны разрешили, а так паспортов не было. Начали корейцам выдавать паспорта. И в мае, в 1946 году, я получаю паспорт в 67-м году. И сразу оттуда, поехал в ...училище, это совершить подвиг, потому что мы, понимаете, ...я хотел бы и в военное училище, но когда приехал в мореходное училище, ой, там целая история, без денег, без хлеба. Приехал,... документы у меня были по окончании 9-ти классов, аттестат, мы идем и сдаем документы. А это мы приехали, уже тоже была вторая половина сентября. Т.к. мама не хотела меня отпускать, и всячески старалась задержать меня. И она говорила: «Нет, не пойдешь!» говорит, там сделай то, потом сделай это, потом картошку, как без картошки, зима же, тонну картошки надо запастись, чтобы в Целинограде целый год прожить, всю зиму. И это самое, я все друзей собрал, мы за 2 дня собрали. И я уехал, и когда мне в 46-м году дали в мореходном документ, спрашивает, у тебя как фамилия, я говорю Хван, а там старшина был молодой, он так прикусил губу,...он так смотрит на меня, а как по-русски? А то уже смотрю, сейчас выгонят, я говорю Борис, он записал Борис. А отчество, я говорю Ундеевич. И как по-русски? Я говорю Ундеевич. У меня до сих пор диплом...за 46-е, 47-е, 48-е годы, вот диплом...

А-а-а, эмммм. Вы отправляли документы о реабилитации?

Да, это уже не имело значения особенно в наше...но, тем не менее, прошли через все, мы прошли, ждали реабилитацию, но...видите, понимаете, если по-хорошему, было бы много времени, я бы, конечно, подал бы в суд. На японское правительство, вот честно, все беды пошли оттуда. Хотя, я сейчас с уважением отношусь к этой цивилизованной и высокоразвитой стране. Но были периоды, когда люди все разбежались по разным сторонам, вот это все плесень такая. И за то, что детство у меня забрали.

Угу. Но вы значит документы...

И за то, что это нужно было многим организациям компенсировать, самое главное, что я сейчас сам себя компенсирую, народ, люди относятся с глубоким уважением. А почему, да потому что я сам их люблю в первую очередь.

Значит, Вы документы не оформляли, да?

Есть у меня такой документ. Удостоверение о реабилитации.

А где получили?

Это мне дали, в это, м-м-м, как это называется, городское управление, пенсионный где-то там.

А долго надо было оформлять документы?

Ну, мы так не спешили. В суд подали, нас судом решили. Это уже не имеет значения, потому что история начально нашего государство тоже, проработав 50 лет с лишним

лет или мне подобным пенсию 30 долларов, как это можно. И вот мои дети они мне вот тоже сказали, вот когда мы дома сидели, чай пили: «Папа, ты 50 лет проработал, у тебя спортивные звания, все. А на что нам рассчитывать?»

А вот скажите, а у Вас, м-м-м, сегодня изменилось отношение к депортации, вот которое у Вас было, и сейчас, вот первые годы депортации и сейчас вот?

Нет, я вот так Вам уж скажу, что олимпийские игры 56-го года, мои старшие тренеры, профессионалы своего дела, они были патриоты такие, Аниканов, Кудрявцев, Капитонов. И я, как молодой выпускник, помогал, я понимал, ...я может быть, больше знал на научной основе, когда наука только-только зарождалась. И вообще тема тренировки спортсменов зарождалась. Тогда тренировались 3-4 раза в неделю. А сегодня тренируются 3-4 раза в день. Вот насколько все изменилось. И когда надо было оформлять меня, вот вы спросили меня, надо было получать визу, никто мне не давал. Мне сразу сказали, иди ... И 58-я статья преграда шла, но я не обижаюсь. Самое главное, э-э-э, быть порядочным, честным, и постоянно любить то место, ту землю, где ты живешь, где горе и радость делили со мной трудовые казахские парни.

А сейчас Вы для себя что-то ожидаете от власти, от общества, от окружающих?

Да нет! Я не прошу никогда. Я не просил ни квартиры, на это дело у меня своих учеников много, не было, ни машины, никогда не просил я. А вот велосипедный спорт и конькобежный спорт в Советском Союзе, я подготовил 118 мастеров спорта, вот видите, это где мы все собирались олимпийцы, они все считают себя моими учениками...со слезами на глазах,...а они же все прославленные спортсмены...с нашими спортсменами выживал Советский Союз. И вообще, я Вам скажу, что я в такой сфере работаю, профессия такая, где подготовка, трудность этой деятельности – подготовка учеников, я их поднимаю на пьедесталы, на каждом уровне соревнования, и когда в их честь играют гимн и поднимают флаг, и я так бегло подсчитал за свою трудовую деятельность, у нас есть такие тренеры тоже, многие, и каждый из этих тренеров тоже, ...мои ученики поднимали флаг свыше 300-т раз, поднимали флаг и играли гимн Казахстана в честь их побед. Вот люди моей профессии, моей профессии они единственные, ...они единственные, которые испытали физическое, э-э-э чувство патриотизма, сейчас говорят мы патриоты, патриоты. Вот спросите сейчас у них, что ты понимаешь под патриотизмом. И кто-то может ведь сказать там, вот я всегда спрашиваю своих студентов, что Ваше самое любимое в жизни? ... некоторые говорят мама, это чувство любви надо сохранять. Ведь от любви к маме, потом перетрансформируется любовь к матери. И вот мои ученики, когда поднимаются, я у них спрашиваю, что ты ощущаешь и как, вот говорят, когда шлепнут по спине, аж слезы катятся, самое главное моих земляков не огорчить, вот это и есть настоящее физическое испытание.

Угу.

Многие сейчас пытаются говорить, но я, такие сопляки, я вот на этих зимних олимпийских играх, не знаю, в надежные для себя моменты, 72-м году проигрывали эстафеты, команда Советского Союза шла поражением с одной минуты. А это невозможно. На последнем этапе идет олимпийский чемпион ...он потом уже дома, когда сидел, все смотрят, что скажу своим друзьям, что скажу, и что Вы думаете? На зимний снежный стадион, никто не ожидал, в красном появляется Вячеслав Медведев. Мы все застыли и слезы.

Да.

Такие вещи очень трудно, еще тогда в Советском Союзе, такие соревновались, когда определяли, просто считали, э-э-э, всех казахов, и были периоды, когда всех крушили. В том числе, когда мы были первыми в ...многих видов. И нас не только боялись и уважали, понимаешь, и я думал, что сейчас состоялись, и кто-то придет, скажет, я тренер... наш министр тоже тренер Советского Союза, э-э-э, он прошел, он знает вкус корейского хлеба. Ректор наш, э-э-э, один из ведущих ученых,... Ташаев, ведущий тренер Советского Союза, или взять...

Ну, это мы можем долго перечислять...

...он избран крупной ассоциацией министерской, это представляете? Мы получаем, хоть и не так много, но зато своим знанием, своим делом.

А вот скажите просто, я вот Вас знаю, хочу Вас о чем попросить? Вот этот фильм же потом увидят наши внуки,...

Я бы...

...как бы будущее поколение, вот скажите, что бы Вы пожелали будущим поколениям, настоящим поколениям?

Ну, вот каждое поколение, э-э-э, живет в своем и делает одно. Вот вы представьте себе, что вот человек смертен сам по себе, но человечество никогда, и, зная это, каждый, живущий на этой земле, и особенно в нашей биографии, я бы хотел пожелать им через труд достигать своих целей. Потому что я всего этого, только труду. Чтобы они были высоконравственные, потому что если бы был человек бессмертен, то пусть бы, а хождение по призме это очень короткий путь. Успевать делать добро, оставлять людям, близким, все лучшее, чтобы после смерти не умирать. Понимаете? Они живут сейчас в счастливой стране, потому что... если бы им пришлось, как в моей жизни столько пройти, начиная от 30-х годов, пройти все войны, ...поэтому я бы сказал, что особенно спортсменам, если желают достигнуть цели, прославить свою страну, надо любить, очень любить свою родину. Это вот другие могут, скажут, вот, вот, все оценивается в деньгах, да, ребята, другие ценности совершенно сегодня, изменились. Но поверьте, придет время, когда знания, порядочный патриотизм будут цениться выше богатства, даже цари в свое время, великие императоры, они выше всего ценили нравственное богатство, духовное. А сейчас есть все основания, все возможности, недоделки мы знаем, но придет время, молодежь знающая, грамотная, и поведет. И в свое время я хотел бы возвести свой проект, башню. Вот еще раз...и построить такую башню. Не только она должна быть красивейшей, как, например, Эйфелева башня, но это должны быть современные технологии, и я бы знал, что я отдал свой труд в руки друзьям, в первую очередь, казахам. Я по жизни... потому что в трудные минуты жизни помогают, мне неудобно говорить, но, одни казахские подруги.

А скажите, пожалуйста, Вы на корейском говорите?

Я слышал, как родители говорили, и я могу что-то, нас как-то пригласили в Евразийский университет лет 10 тому назад, я читал им лекцию, на корейском читал. Вот даже сейчас казахский я понимаю, а говорить я не хочу.

Угу.

...

Ну, спасибо Вам.

Это нужно не только Вам, ...а ведь, сколько людей внесли достойный вклад в становление Казахстана, поэтому надо в это дело.

А может быть, мы не затронули еще какие-то темы?

Ой, есть очень много тем.

А вот о депортации что можно сказать.

Вот о депортации, э-э-э, это темное пятно человеческой так сказать.

Ну, мы еще с Вами подробно потом поговорим.

Это целая тема.

Вы до сих пор живете интересно.

Ким Рафаил Николаевич, кореец, 77 лет. Был депортирован из Приморского края, село Сенильниково в 1937 году. Проживает в Казахстане, город Кокшетау.

Расскажите, что было накануне депортации? С чего все началось?

Видите, мне было 4 года, я не могу этого помнить, а со слов старшего брата, который умер 10 лет назад (он 24 года рождения). Он говорил, что какое-то абсурдное состояние было. Дело в том, что у меня отец работал участковым милиционером в русской деревне, мы жили там, была съемная квартира у бабушки русской. И была такая ситуация, что за неделю до отправления сюда, в Казахстан, он получил новое назначение, ему дали другой участок, насколько он был самоотверженный, авторитетный, он был членом Компартии. Его вызвал начальник милиции района, он сказал ему, что Николай Иннокентьевич вам новое назначение. А отец ему отвечает, как же я могу перейти на тот участок, если через неделю нам надо выезжать в Казахстан, нас высылают? С этого момента началась подготовка. Мои родители запасались продуктами, какие были на тот момент возможны, одеждой. Помню отрывочно, как мы ехали в вагоне. Там было очень тесно, нары были изготовлены. Сколько мы ехали, я не помню, но по рассказам участников этого переезда, где-то около месяца. Помню запах дыма паровоза. Он меня преследовал несколько... десятка полтора лет, я был уже взрослым человеком, в СССР пошли уже тепловозы, но меня все время сопровождал запах дыма. Помню отрывочно, были остановки, родители и остальные взрослые, готовили возле рельс примитивные очаги, на них готовили пищу. В пути люди заболели, умирали, были моменты, когда через двери покойников выбрасывали, а если были остановки, то выносили их. У железнодорожного полотна местные организации организовывали похороны. Ехали долго, проезжали сибирские города... Осенью, в конце октября мы приехали в Красноармейский район, станция Таинча, а сейчас Тайынша, на базе этого организован Тайыншинский район. Здесь неподалеку, 80 километров от Кокчетава, в сторону Петропавловска... Мы жили, по детским годам помню, в каком-то бараке на первый случай, потом отец нашел работу в райфинотделе, при райисполкоме. Потом мы жили на съемных домах, примитивных таких, помню 2 обыска было, милиционер приходил, у него примитивный автомат был. Я не знаю, что он искал, вроде ничего не нашел...

А что стало с вашим имуществом?

Имущество... на тот момент, я и не скажу, что мы богато жили, это были 30-е годы, только закончилась война. Тем более у участкового милиционера было богатство... (смеется)...имущество что было, мы оставили, потому что я помню, что у нас было два или три мешка кукурузы, и вещи начальные какие-были. Нам ничего не разрешали брать (другой голос – женский).

То есть он уже знал, что вас привезут в Казахстан...

Да, да...

Какие были природно-климатические условия? Они отличались?

Очень отличались, дело в том, что мы жили в Уссурийском крае. Там природа очень хорошая, она смешанная была. Там дикий виноград рос, лес смешанный: лиственные и хвойные породы. И животный мир был тоже очень разнообразный. Сам климат, вот по сравнению с природой Хабаровского края (он выше немного от Владивостока). Там более резкий перепад температур, а Уссурийск отличался богатством (и сено там было, травы разные росли, по пояс человека). Как я помню, мы поехали с отцом, с матерью, видать, косить сено (отрывками помню), ехали на бричке, я пальцы расставлял и цветы задевал, на уровне колеса цветы красивые такие росли, не так как сейчас, конечно...

По приезду в Казахстан, вам возместили оставленные дома, скот, жилье, стройматериалы?

Нет, что касается колхозников (колхозы были созданы). Им разрешалось сдавать скот, инвентарь какой был. По этой справке, которая давалась по месту жительства, я уже по газетам знаю, бывшим колхозникам выдавали скот и инвентарь, насколько это возможно. А у нас, служащих, более бедственное положение было. Больше не было никакого исхода...

Другой голос: Наши родители вышли как политические заключенные.

А какой национальности были местные жители, которые вас встретили?

Казахи, Вы имеете в виду, да?

Кто там проживал? Казахи, русские...

Где? А здесь?

Нет в Таинче, Вы же в Таинчу поехали? Вот в Таинче какие были жители?

Да, нормально...никаких притеснений не было, никаких косых взглядов, все было нормально. Вообще там жили в основном украинцы, это те украинцы, которые переселялись еще в царское время, это не те, которые в советское время пришли... Тоже нормально...По-видимому, народ привык к этому, знает не понаслышке...

То есть проблемы общения с казахами не было?

Не было, не было...

Другой голос: казахи всегда мирно сосуществовали, наоборот, с ними легче было общаться, чем с европейцами ... и в школе, и везде.

На тот момент, как вам показалось, благосостояние местных жителей какое было? Может по основным деятелям?

Да, да, да... Вот где мы жили (я человек наблюдательный, и наблюдательность сохранилась до сих пор, с 8-ми лет... товарищи, которые думают, что я не наблюдательный, могут нести всякую чепуху, а я анализирую его поведение, свое поведение... в этом смысле), помню...казахи жили в таких же домах-саманах. В смысле, что касается юрт, я мало помню. Юрты были, я помню, когда у нас были роскошные шикарные ярмарки в предвоенные годы...и там они юрты расставляли, мясо варили. А так, я помню, на окраине улицы жили казахи. У них были мазанки из самана, как у русских...был скот, столько, сколько собак бегало по селу ... верблюжата бегали...я тогда в первый и в последний раз видел этих верблюдов вживую. Больше не видел по настоящее время.

Возникали браки с местными жителями?

На тот момент не были... не слышал, и не видел такого... нет-нет не было...

А на каком языке Вы общались с местными жителями?

На русском, естественно...

Были ли уже на месте прибытия другие насильственно переселенные?

На тот момент, нет, нет...

Жизнь на месте какая была? Какой статус, какой режим отбывания депортации были определены?

Все было по-разному... каждый месяц отмечался в комендатуре, в Петропавловске, тогда же Северо-Казахстанская область была... а что касается моих родителей, я что-то даже не помню... зря не буду говорить... может из-за того, что отец был членом партии, о каждом шла информация оттуда... его же назначили на новый участок... я говорил уже... обыски были, пару обысков было...

Другой голос: у нас и обыски были, родители, и мама, и папа ходили отмечаться каждый месяц.

Каково было отношение местной администрации к вам? Как проверяли наличие вас на месте? И совершались ли побег?

Нет, этого не было... Я бы тогда ощутил бы. Я видел тогда, когда обыски были, пришел милиционер, нормально себя вел, проверяли все, что там есть... белье... все как обычно. Но погромов не было. У каждого по-разному...

Как работали? Как оплачивался труд? Учились ли дети в школе? Как там складывались отношения с местными жителями?

Здесь, у нас была в райцентре школа, деревянная, большая-большая школа. Четырехклассное образование там получали. Как-то так получилось, что это было отдельное здание, там учились с первого по четвертый класс. А в большом двухэтажном здании дальше по 10 класс учились. Естественно, я в 45 году пошел в школу, в первый класс. Обучали без всяких дискриминаций, учителя очень хорошо относились к нам, ко всем. Я человек наблюдательный, а по росту я был высокий. Я сидел на «камчатке», как обычно, с такими же ребятами. У меня возможностей было много, предостаточно. К нам относились равно, как ко всем, потому что потом уже приехали поляки, потом немцы, а в 43 году уже ингуши, чеченцы. И тоже, именно по образованию, может по каким-то другим делам притесняли, но дети были все на равных правах.

Другой голос: в школе нормально было, а так с учителями бывало...

Нет, нет, ну бывали в школе дразнилки... я помню, я помню... (*смеется, ...вздыхает*) ...Я совсем-совсем как русский, только морда широка, и глаза узкие (*другой голос смеется*). Я один пришел в школу. Надо сказать, я очень был белокожий, ну вот такой был. А мне еще обидно было (дело в том, что я самостоятельно выучился читать, у нас книги были, русскую литературу только могли читать), я считал себя образованным, и тут такие стишки... (*смеется*)... ну вот это только и все... Драки были, как обычно, не потому что я кореец, а как все мальчишки за что-нибудь... Советские учителя, я считаю, самые лучшие были учителя...

Существовали ли на тот момент какие-то ограничения? Можно ли было переписываться с родными с этого региона, в котором вы жили или с других регионов?

Можно было...

Другой голос: нет, потому что мои родители... ничего что я перебила... у них маленькая семья была. Наш папа ходил в комендатуру отмечался, потому что мой папа был член партии... (*плачет*)

По ее отцу... он учителем был в учительском институте, корейском, ну, по-видимому, какие-то подозрения были, а у меня же отец работал в органах НКВД участковым милиционером, и к нему на 150% доверие было... потому что его всегда можно было проверить, как он работает, что говорит. А ее отец относился к интеллигенции, а на нее в любом государстве... (*смеется*)... немного с подозрением смотрят...

Другой голос: они только через 25 лет нашли друг друга, а так папа давал о себе знать.

Как было организовано управление в поселке?

В смысле? Как?

В поселке кто управлял? Были ли осведомители у них? То есть кто-то на кого-то писал, докладывал?

Ну не знаю, вполне возможно были, потому что НКВД вездесущее было... это как и КГБ... все вместе... Естественно, были, потому что у родителей был такой рулон тонкой бумаги, и корейскими буквами было расписаны в столбцы (иероглифы в столбцы писали, изображение одинаково, значение разное). Я помню, у бабушки (мать отца) с матерью обсуждали, этот эпизод помню, они вот это рассматривали и сожгли... это может быть одовое что-то такое, да... там никакой антисоветщины не могло быть, потому что условия жизни создали очень хорошие там на востоке. Прекрасные рыболовские колхозы, бригады, и в колхозе были посеы риса. Были самодостаточны. Была организована собственная газета корейская, корейский театр был организован. Учиться шли в институт и еще техникумы были – все на корейском языке. И, естественно, русский я понимал как иностранный. А на месте, как и везде, государственная система была такая... исполнительная власть (сельская,

районная), сельсовет был, там председатель председательствовал, потом райисполком был, акимат был. Вот такая структура, все это было.

Другой голос: но тогда же нам нельзя было занимать посты, мой отец был настолько грамотный человек, что мог бы сам пойти начальником кооперации по финансам. А его поставили ровно на полгода, потом сменили. Ну каждая семья по-разному... репрессии были однозначно с очень трагическим концом, а других семей меньше касалось это. Как и почему? Можно только догадки какие-то строить и все. Те, для которых все было трагично, значит были ближе к интеллигентным кругам, образование хорошее было (технический вуз окончили). А были такие моменты, как мой отец, работал в НКВД на больших должностях, их арестовывали, репрессировали и расстреливали... все по-разному...

Другой голос: твоего отца когда депортировали в Таинчу, судьей или кем его поставили?

Ааа... вот она сейчас напомнила... у меня отец в 41-42 году был избран народным судьей района... все зависело от местных властей... если занимает пост первый секретарь райкома, если кроме человеческих качеств хороших, он хороший политик, будет все нормально... Вы должны понимать, что у каждого судьба складывалась по-разному...

Другой голос: наш папа был членом партии, первый секретарь партийной ячейки, очень большая должность на то время была, и он не мог даже сообщить маме, что его с работы сразу отправляют на вокзал, а народ простой, везде русские, казахи везде одинаковый, один его помощник прибежал и сказал маме: «Мария, Андрея отправляют!»... а она была безграмотная женщина... (*плачет*)... Она собрала узлы, что могла собрала, и с двумя детьми ее посадили в другой вагон, а потом он сообщил папе, что мама находится в другом вагоне. У них ничего не было. Вот он рассказывал, что у них кукуруза была, а у моих родителей ничего не было. Он говорил, что они остановки делали, кушать варили, ничего у нас не было.

Потом еще вот такой случай, война же началась, нас корейцев не брали, отец писал заявление, я со слов старшего брата говорю, его не взяли. Потом была повестка в трудармию на брата и отца. И бюро райкома партии выдало им брони, чтобы их в армию не отправляли. Тогда же всех мужчин отправили, в ту пору очень трудно было работать. Местное руководство исполнительной власти решили его оставить...

Другой голос: много зависело от местной власти, вот наш папа тоже в трудармию не попал, потому что он говорил плохо по-русски, но он был очень образованный, грамотный, он корейскую школу 10-ти классов закончил и вуз закончил. Грамотный был на корейском. Село-то корейское было! И поэтому его оставили, потому что он учетчиком был хорошим, бухгалтером. Товары, сушеные продукты, фрукты, картошка, морковь – все это привозили, был учет, а потом отправляли на фронт. А сам народ в трудное время, у нас казахи, ингуши жили, русские, и все очень дружно жили. Когда нам подсунили корову, которая выпила воду с гвоздем, он вечером привез, она ночью упала. Утром встали, она лежит. Не могли понять что такое. А продал нам ее русский, он говорил, что вы корейцы не можете корову пожарить. А отец говорил, что так не должно быть, мать у меня дояркой была. Все соседи пришли. Моего отца все звали Андрей-кореец, не обидное такое прозвище. Дедушка пришел старенький, казах, и сразу сказал, что корова что-то съела. Потом хохол пришел, сказал она выпила у тебя что-то с водой. Хотел поспорить, что если зарежем и там ничего не будет, то он возместит деньги с этой коровы. И он потом признался, что она, оказывается, выпила гвоздь. Вот это такая вот дружба, наверное, потому что бедно жили. Вот наших родителей когда переселили, их поселили в семью татар, их было 14, и нас 4. 18 человек в двухкомнатном доме! И мы все дружили. У них дедушка был старый, помню... У них ничего не было, если зарабатывали, то только на чай. Дети ходили полуголодные. А нас спасало то, что мама шила хорошо, если кому-то сошьет, то приносили продукты. Тогда купи-продай не было. Все приносили продукты. Она пекла лепешки, мы ходили траву съедобную собирали, отруби, она это все мешала и пекла лепешки и суп варила. Эти татары так радовались. Потом мы построили саманку, они

приходили к нам, мы ходили траву собирали. Ну тогда, была бедность, все были родными! Не было разделения на национальности.

Отец работал в райисполкоме, заведывал финансовым отделом, мы жили на его зарплату. Бабушка (мать отца), мама, брат старший, сестренка (она заболела-умерла), после меня 2 брата были, они уже ходили, разговаривали – тоже умерли. Мы сюда поселились, сразу у нас такие потери были. То ли от воды, то ли от еще чего-нибудь, 5 лет не прожили, умерли один за другим. Потом война началась...

Скажите пожалуйста, как Вы узнали о смерти Сталина? Какова была реакция? Что думали в то время? О чем говорили? Какие строили планы на будущее?

Когда Сталин умер, я работал. Все советскую власть хаяли, и я хаю... все знали, что будет война, при совете был создан комитет трудовых резервов. Они заведомо знали, что трудовые резервы нужно готовить заранее, высшее руководство страны. По промышленности, по перевозке в Сибирь, в Казахстан. В 48 году я был направлен сельским советом, шел набор, а мне деваться некуда, я 6 классов так и не смог закончить. На тот момент у меня отец умер, единственный кормилец. Мы жили в неплохом доме, по-видимому, бывшего купца на 2 хозяина, в одном жил заместитель председателя райисполкома, а в другом мы жили. Когда отец умер, нас переселили во времянку, не то чтобы нас наказали. Мы место освобождали, должен был приехать новый на должность, которую занимал отец. Мы бедствовали, честно говорю... не потому что это были происки местных властей, а просто так получилось – кормилец умер и все. Потом нам на комнату давали мороженную капусту, картошку... а потом они мне из райисполкома прислали справку... что мама часто болеет, пусть она идет в больницу, и комиссия посмотрит, если она больна, то ей пенсию дадут за потерю кормильца... ну я это все написал, она сходила... таким образом мать получала пенсию, этого было недостаточно... а старший брат учился в техникуме, физкультурном в Алматы. Он был любитель спорта. Он хотел поступить в Мореходное училище. Ему отказали, по поводу того, что он ссыльный. Что он кореец и так и написали. 8 классов закончил, и поступил в Алматы. О смерти отца мы не стали сообщать ему, не стали отрывать от учебы. Тогда прямой дороги не было через Балхаш, а через Новосибирск, Семипалатинск нужно было ехать. Я закончил ремесленное училище двухгодичное, на полном государственном обеспечении. Кормили нас хорошо, обучили хорошо по профессии. У меня уже брат переехал в Кокчетав, мать забрал, жил на съемной квартире. Он попросил, чтобы я постарался приехать в Кокчетав работать. Здесь механический завод был, устроился в литейный цех, слесарем. И как раз в то время Сталин умер. Население было опечалено, это мягко сказано. Трагедия была! Все люди плакали, это было не напускное. У нас собрание было, остановили работу. Начальник цеха был такой Шаяхметов. Митинг был по этому поводу, все искренне выступали, женщины плакали, мужчины тоже... в таком состоянии были. Народный траур был. Хотя пережили многие репрессии, на этот счет должны сказать психологи, социологи, что такой диктатор, на его могиле должны были плясать, песни петь, в ладоши хлопать.

Другой голос: тогда же не было такой информации, как сейчас. По телевизору, по радио пели только патриотические песни. Я даже не знала, что моего папу репрессировали. Я уже здесь родилась в 40 году. Мы даже не знали слова «репрессия». Когда Сталин умер, нашего папу восстановили в партии, вернули партийный билет. А вот напротив нас жил Ханжин русский, тоже из депортированных, но он из каких-то кулаков был. Папа сказал, а зачем мне он нужен.

Расскажите пожалуйста, когда вы узнали о реабилитации?

Реабилитация была известна уже в 62 году, еще при Советском Союзе.

Как проходил процесс оформления документов?

Это уже позже, да?

Другой голос: реабилитацию мы получили где-то в 93 году, а до этого не было у нас ничего такого.

То есть постановление было Совета министров СССР, а вот осязательного результата не было.

Другой голос: это когда Казахстан независимость получил, тогда указ вышел за подписью Назарбаева по реабилитации, что мы через суд можем получить реабилитацию. А в России началось позже... потом льготы были на проезд автобуса. Все оформлялось через прокуратуру.

На корейцев документов не было. Мне в прокуратуре дали перечень лиц, национальностей, нас там не было... по какой причине мне не сказали...

Изменилось ли отношение к депортации, по сравнению с тем, что у вас было в начале?

В смысле как? Положительное, отрицательное – это имеете в виду?

Допустим, Вы ребенком испытали это, а в данное время изменилось у Вас мнение? Может, в детстве по-другому смотрели на это все?

Нееет... На Дальнем Востоке когда корейцы присоединялись во время царской власти, и потом во время гражданской войны, все корейцы в основном защищали советскую власть на Дальнем Востоке. Партизанские отряды были, не то что лояльно относились из-за того, что землю дали, а по-настоящему, как патриоты. Японцы оккупировали и Дальний Восток потом... И сейчас мне невдомек, зачем нужно было всех нас выселить?... И естественно были расстрелы, и люди пропадали... я просто не знаю биографию нашего большого семейства. Вот бабушка (мать отца) горевала, что Виктора нет, а кто такой я и не спросил. То ли племянник, то ли... Слышал в разговорах между бабушкой и матерью... На тот момент среди корейцев очень много молодых людей учились в вузах в Новосибирске, Томске, Москве, Ленинграде, Горьком.

Другой голос: у нашей нации было стремление обязательно получить образование, как папа, чтобы дети, внуки получили образование. Как папа рассказывал, что у них в поселении были корейские имена, а потом в русской церкви их крестили, и давали русское имя. Например, он Ли Лендзи, Лендзи убирала и давали имя Андрей. И у нас у всех было стремление получить образование, а остальное сами – трудом.

При царизме инородцы (башкиры, татары, казахи) были умнее и расчетливее. Когда корейцы переселялись во времена царя гороха ...*(смеется)*... в царский период, им говорили, поселяйтесь, вот вам земля на душу, на семью, материалом помогали, 5 лет не будет никаких налогов. Ну а Корея была оккупирована японцами, там невозможно было жить, такой диктат, как при фашизме у немцев, вот и стали массово переходить границу, а граница прозрачная была. По моей информации советской, их перешло ничтожное количество, а на самом деле... Родители с нами на эту тему не разговаривали, все что они говорили, чтобы хорошо учились, все, что я помню, больше ничего... А вот когда был уже взрослым, даже старым, думаю, как они могли театр, газету создать. В моем понятии – это были беженцы, малограмотные, вообще не грамотные, рыбаками работали ... оказывается, это была элита на тот момент... которая разговаривала на английском, японском, китайском языках. Вот они и создавали все, советская власть способствовала, а потом корейцев обвинили шпионами японцев. Ну, это же оккупанты, как корейцы могли способствовать японским шпионам. Тем более что мы создавали хорошие условия для жизни своим трудом, своими знаниями, и тут начали помогать японцам. В моем понятии, это кто-то сильно подыграл... И когда 70-летие проживания в Казахстане, был организован поезд туда. Там все разрушено было, пустыня, и где все то ... Нас как никак 250 тысяч народу было. А сейчас с Казахстана кто туда поедет? ... Я сам задаю себе вопрос, в 41 году, а нас в 37 году выселили, за 4 года, это ко всем относится, ко всем народам (ну ладно там, первая мировая войны основы экономики порушила, потом Советский Союз, потом Гражданская война, революции, репрессии, коллективизация, индустриализация, чтобы в будущей войне все были вооружены) и как же так через 4 года все народы СССР встали на защиту? Я не могу понять. Если я был бы взрослый пошел бы в военкомат. Меня в 51 году не взяли в армию. Повестка, а я был комсомолец, физик, работал в цехе, весь в активе.

Пошел в военкомат с паспортом, и тут капитан дежурный спрашивает: «В чем дело?», а я говорю: «Всех моего возраста берут в армию, а меня нет». Он взял паспорт (они же так грубо разговаривают). А там написано депортированный. «Ты же видишь, что у тебя написано и больше не приходи», а я себя считал патриотом, я был в активе комсомольском всего завода, в вечерней школе учился, спортсменом был, и мне так сказали, а я в армии хотел служить...

И в заключение, что бы Вы пожелали потомкам, нынешнему поколению?

Мы, так же как своим внукам говорим, дети у нас уже подросли, Казахстан – наша вторая родина, у нас в семье здесь уже пятое поколение живет. Мы говорим, уважайте законы, учитесь хорошо, добавляю ключевое слово – «старайтесь» хорошо, а почему старайтесь, потому что не все же могут быть отличниками, так природа создала... Поэтому говорю, старайтесь хорошо учиться, и старайтесь хорошо работать. Это два основных направления, которые вам обеспечат безбедную жизнь, и более интересную жизнь ... если будете стараться хорошо учиться и старайтесь хорошо работать... первое даст вам материальный достаток, а второе – будет интересно жить...

Другой голос: а я всегда всем говорю, любите ту землю, на которой живете, и по которой ходите, и нужно уважать тот народ, вот допустим, казахи, мы же все выучили русский язык. А сейчас нужно выучить казахский, и дети, и внуки, все!

.....
Ню Моисей Петрович, кореец, 80 лет. Был депортирован с Приморского края в 1937 году. Проживает в Узбекистане, город Ташкент.

Ню Леонид Петрович (младший брат Ню Моисея Петровича), 76 лет.

Сейчас я нахожусь в доме ташкентского старожилы Ню Моисея Петровича, который живет в городе Ташкенте, район Куялюка. И рядом его младший брат Ню Леонид Петрович.

Уважаемый Моисей Петрович, пожалуйста, скажите, в каком году Вы родились и где Вы родились?

Я родился в Приморском крае, в городе Ворошилове.

А в каком году?

В 1930 году.

Скажите, вот депортация как затронула Вас и Вашу семью? Непосредственно Вас, Ваших родителей, дедов?

Ну, депортация... у нас мама, папа. Мы трое, три сына там родились.

Вас было трое?

Брат: Трое.

Трое, трое да. Сейчас ныне все живые один.

Брат: Сейчас все у нас семеро братьев.

Семеро братьев, да.

Брат: Здесь в Средней Азии родились еще четверо братьев.

Понятно.

А один. А третий братишка в Чимкенте живет.

Третий братишка живет в Чимкенте?

Да в Чимкенте. Потому что сын туда переехал, он за ними.

Брат: Мы сначала попали в Кызылординскую область, Казахстан.

Сейчас об этом будем говорить. Значит, Вы родились в Приморском крае в городе Ворошилове, в 1930 году. А скажите, вот кто-нибудь из Ваших родственников воевал во второй мировой войне?

Ну, у корейцев-то никто не воевал.

Брат: Почему не воевал?

Нет.

Из родственников.

Родственников нет, это трудовой фронт.

А трудовой фронт.

Брат: Во время войны.

Во время войны организован был?

Да.

На трудовой фронт?

Только трудовой фронт.

Ваших родственников тоже?

Да трудовой фронт, забрали многих, ну я не помню это, когда их забрали, шесть лет мне было, я разве не помню, шесть лет.

Скажите, Моисей Петрович, депортация затронула всю Вашу семью?

Конечно.

Всех, Вашу маму, отца?

Да, да.

Вас?

Да.

А дедов?

Брат: Деды, бабушка уже не были тогда.

Не были да. Но наши родственники все, всех корейцев задели.

Скажите, пожалуйста, Моисей Петрович, а что было накануне депортации. Были ли слухи, догадки, об этом кто-нибудь узнал, уезжал заранее из опасения быть депортированным, или готовились к этому.

Это не помню. Это разве... дети разве помнят, но сколько книг написано в Узбекистане, тоже много книг про это депортацию, очень много книг.

Да, конечно, я знаю, но я бы хотел у вас узнать, вот можете вспомнить как вы жили в городе Ворошилове и вот накануне депортации какие-нибудь вслух может быть были, или вот так ночью пришли и забрали всех?

Всех забрали. Просто забрали, ну, конечно, родители знали, а дети-то, мы-то не знали. Я помню, что на машине мы до станции приехали, я помню вот это. А остальное ничего не помню. Даже наш поезд в крушение попал.

Когда? Когда вас везли?

Брат: Ехали.

Да, да.

Брат: По пути.

Это под это а-а (*думает*).

Брат: Говорят это где-то...

Под Хабаровском что ли.

Брат: Не, не Хабаровском

Где?

Брат: Это под Иркутском что ли.

В общем, в крушение попали.

А вот перед крушением, расскажите вот, как происходило переселение. Вспомните, пожалуйста.

Переселение. Я не помню, я помню на машине до станции приехали, а потом нас на товарняк посадили. Мы ехали на товарняке.

Когда пришли к вам домой, вам время дали собрать вещи?

Но говорят что.

Брат: Всего дали два дня или полтора дня даже.

Да срок.

Брат: Срочно на завтра же мы... нас всех отправили в Среднюю Азию.

То есть дали два, полтора дня.

Да-да.

Брат: Да.

На сборы?

Брат: Да.

Да, сборы.

А что вы могли собрать за это время?

Ничего (*очень эмоционально*).

Брат: Ничего. Там все оставили.

Ничего.

Брат: И огороды там, это ж осенью было да. Огороды там, куры, свинки, все хозяйство, то, что оставлено ничего не могли взять. Только вот то, что на дорогу, понемножку, на питание, кушать, да и ничего, абсолютно, немножко, мешки там, чемоданы, ну, сколько на руках могли взять и все ничего, там все оставили.

Все оставили, да.

Скотину, дом, огород?

Все.

Брат: Все осталось все оставили.

Все осталось. Это очень хорошо описано, в это самом «Эшелон 58». «Эшелон 58» там все вот эти.

Брат: В книге написано, да.

Очень много написано.

А что в общем разрешалось взять с собой?

Ничего.

Брат: Только кушать. Только кушать.

Которые могли на руках поднять. Вот так. Ничего не взяли, все, мебель у кого была, все оставили.

Брат: Насчет мебели что говорить, а это вот такие тяжести... Продукты питания взяли люди, а что б такое...

Не, не.

Брат: Мебелеобразное, ни грамма. Кто может взять такую тяжесть, только вот готовили там чего-то кушанья на несколько дней и все. По дороге все это уже целый месяц ехали, так что по дороге, конечно, не хватало... никто как могли. Мы в товарняке ехали же. Как могли люди вот так вот ехали, у кого продукты как сразу и закончились. На каждой станции остановились, на поезде и вот все люди так тысячами бежали туда к лавкам, это хлеб и вот это воды доставать, вот так.

А кто-нибудь сопротивлялся, когда вас забирали, люди не хотели ехать, или все...?

Не-не.

Или все собрались?

Там же военизированная, там в приказном порядке, никто не пререкал, там не дали сопротивляться.

Брат: В общем, так приказано, ну порядке, никто не пререкал.

Даже слово не могли сказать.

Брат: Потом.

Приказ это приказ.

Приказ...

Брат: Накануне...

Какие-нибудь документы вам показывали, когда вас депортировали?

Брат: Может быть, родителям показали, мы-то не знаем.

Да.

Брат: Ну накануне, вот-вот уже-уже отправляться так, ну у них уже сроки и все были... многих людей которые немножко интеллигентных людей, которые грамотные людей, кто преподаватель, кто управлением чем-то занимались, вот этих людей всех в массовом порядке арестовали, забрали.

Всех расстреляли.

Брат: Не... потом. Забрали людей. Не давали выехать даже. Уже мужское население.

Там забрали? (т.е. в Приморском крае)

Брат: Там. Там вместе сразу забрали. Немножко грамотных людей всех забрали. И под следствие там посадили. Их там всех арестовали, посадили и большинство там расстреливали, кто-то ну процентов может быть десять или там пятнадцать процентов, может быть, потом вообще и больные, совсем уже не годные люди, может быть, освободились, домой приехали. А так большинство все остались там.

Скажите, власти объясняли причину, почему они так делают. Почему они вас забирают?

Основным говорились, потом наши родители слышали, где-то это от того, что бы... (*затрудняется*) нас корейцев, вот на границе Японии и Кореи, там многие вот эти шпионы, вот эти да преступники, вот это переходят, что бы разговор был такой, что бы они друг друга, что бы отличить (имеет в виду отличить местных от пришлых).

Брат: Мы похожие-похожие.

Потому что похожие кто оттуда шпион перешел, кто он местный, не знали поэтому переводят вот так сообщили, да.

Брат: А-а наши-наши, а-а думают, что думают и все так думают, что это указанием мы Берия и Сталиным, чтоб вот эти корейцы, население неудобных этих подалее оттуда, границы убрать.

Брат: От восточных границ убрать.

Это так люди говорили?

Брат: Так люди говорили. А другие страны, которые люди писали, да это я читал просто, да потом читал. Книгу-книгу.

Леонид Петрович, что вы хотите сказать.

Брат: Но это книгу вам надо, что бы вот это знать. «Эшелон 58» надо прочесть.

Не-не, а брат вот так, ну конечно делает и книгу, выпущенную вот, эти по корейским делам есть, конечно. Но они, (*имеет в виду интервьюера*) в основном знать хотят от живых свидетелей, вот услышать, что было, как было.

Совершенно верно. Книги мы найдем, и мы читаем, а вот мы хотим, чтобы вспомнили вот и все. Скажите, пожалуйста, вот действительно так оно было, то есть было какое-то насилие, наверно, да?

Конечно, насильственное переселение.

Брат: Да-да, это насильственное переселение.

И вот ваше поселение так и оставалось не тронутым, или кто-нибудь оставался там, после.

Не-не. Не-не ничего прямо, как метлой все. Да.

Брат: Никто.

А кто-нибудь потом жил там?

Нет, не а.

Дома так пустыми оставались?

Там потом, через, может быть, сколько лет я вот в 1980 году, 37 уже почти 50 лет прошло. Я был там, я лично был и видел, где корейцы жили раньше. Эти поселки, да поселки все разрушены, только стены остались фундамент, да и корейцы, которые там проживали, в основном огородничеством занимались, ну посели вот эти, земли, участки да.

Брат: Сельским хозяйством.

Хозяйством-хозяйством участком. Вот это все заброшены там уже... там коровы, там лошади, да вот так пасутся, дикое место стало, только одни развалины и стены немножко оставались, даже крыши, крыша не домом ни одного не оставалось, просто там пустырь, да даже люди там и не жили. Эти земли даже не пользовались.

А что стало с землей? Что стало со скотом, с курицами, которые там остались, когда вас забирали?

Не который. Не это. У нас. Во Владивостоке что ли.

Нет, вот с вашим домом.

Где жили?

Где вы жили. У вас скотина там осталась, куры остались?

Брат: Местные всю забрали наверно.

Да местные, там рядом-то русские жили же местные.

Брат: Даааа.

Они, наверно, все забрали.

Брат: Забрали, конечно.

Или там, в основном, может быть, вот это военизированный, может быть, все равно им же для солдата, воинские части требовали совсем же мясо, прочие да (*имеет в виду, что конфисковали военные*).

Ага...

Может быть, это то, что нужные забрали, а вот этих хозяйственных да казаны или посуды, там сельскохозяйственные орудия это, наверно, по всей вероятности забрали эти все русские.

Брат: Местные-местные.

Все по соседству жили, да просто забросили, мы-то что. Просто все это нас просто кушать немножко мы забрали вот – вот такой шмотки сделали, забрали и все и все голый просто ничто нельзя не быть на руках, ложки, вилки маленькие, вот эти чуть-чуть посуды и питания, продукты, что могли на руках только таскать.

А вас вместе с семьей переселяли или в отдельности?

Нет, с семьей.

Семьей да?

Всех-всех, каждую семью... все это.

Брат: Каждую семью в отдельности.

Даже в основном, да эти в одном поселке на машине, вот посадили и в один вагон, вот так все рядок вот так-так (*показывает*) посадили.

Понятно. А знали вы о том, куда вас везут, вам сказали?

Это, может быть, родители знали, мы не знали.

Они вам не говорили, родители, куда вас везут?

Они, родители, говорят даже куда везут, они не знали сами. Никто не сказал, куда везут.

Никто не сказал.

Брат: Сначала в Аральском нас перевезли, Аральском.

Город Аральск.

Брат: Аральские мы там.

Высадились там.

Брат: Может быть там несколько месяцев прожили, это вот это я хорошо помню.

Но мы сейчас к Аральску подойдем. А вот как везли вас просто в эшелоне, расскажите вот, вспомните.

Брат: Как скотину на товарняке привезли. Я помню, это вагон нас сделали. Одна семья в одном нарах, другая семья другом и там а-а-а чай наверно вскипятили, чего-нибудь готовили. Я точно не помню, мы же эти, сколько месяц ехали, питались, живые остались.

То есть вас чем-то кормили, в эшелоне?

Все сами. Не кормили, люди каждые о себе, чего-то взяли вот это, продукты кончились и по пути они.

Брат: Да-а-а.

Чтобы хлеб достать, вот на станции они там очередь стояли вот, а толкали друг друга вот это прямо как базар. И в основном воды даже набрать... да воды набрать, кипятков вот и там.

Брат: Станции, на станции.

Ну, в общем.

Брат: Да-а-а.

В основном я думаю, так они никакие продукты, даже воды элементарно не было.

Брат: Какой воды.

В общем, в общем... ничего. То, что люди содержимое вот эти продукты везли из-за воды, из-за хлеба люди все время там станции вот это очередь стояли, там тысячи были.

Ага.

И кто успел доставал, кто не успел, даже поезд оставался (имеет в виду отстал). Ну, в общем вот такой был.

Брат: Отец меня даже, он пошел за кипятком, поезд ушел, он через два дня или через день приехал на другом поезде.

Но там, конечно, охрана была.

А сколько человек в вагоне у вас было?

Полный, было тесно, было полно.

Брат: У нас семья пять человек было.

Не, в вагоне-то много было.

Брат: Конечно.

А в семье, каждой семье, свой куча да.

Брат: Да-а-а.

На нары трехэтажка, да вот нары вот там.

Брат: Два этажа.

В основном два этажа было да.

Брат: Дааа.

Они все время предупреждали, чтобы детям, чтобы на второй полке, чтобы второй этаж не положили. Потому что поезд идет, потом остановился, когда поезд тронулся, очень сильно дергались, почему то, да, все упали дети, прямо падали, вот такое было.

Брат: А это не тепловоз же, паровоз тогда был (*смеется*).

Вас охраняли, значит?

Но охрана, какая... мы не ушли.

Не убежали?

Главное станции остановится там, вот все охрана стояла, чтобы люди не разбежались куда-нибудь в другие места. Вот это охрана была, да.

Понятно. И теплую одежду тоже вам не давали да?

Брат: Кааакой.

Ничего не давали.

Брат: Нас везли, что бы мы умерли.

Вот воды, не было воды. Из-за воды люди сколько там в очередь стояли там.

А умирали люди там?

Брат: Хеее, сколько умерли.

На каждой станции да, детям, ребенком, да они похоронили недалеко от дороги, прямо выносили, какой там, просто вот материалом завернули и заворачивают и куда-то туда положили.

То есть в основном, дети умирали?

Брат: Дети, конечно, дети.

Да в основном дети, дети умерли.

А много примерно умерли?

Ну, это мы не знали.

Брат: Это кто знает, я допустим это не видел.

Да, в нашем вагоне наши родители...

А в вашем вагоне умерли люди?

Брат: Нет, не умерли.

Родители так говорили, что по пути в каждой станции хоронили, в каждой станции хоронили, вот умирают, вот ждут, когда на станции остановится и вот хоронили.

А кто-нибудь пытался бежать?

Брат: Кто, никто не имели право.

Нет, там все это окружали, везде окружили, никто не убежал.

Брат: Какой бежать.

Было трудно бежать, наверно, да?

Брат: Невозможно бежать.

Наверно, а куда бежать.

Брат: Куда бежать-то.

Люди, наверно, не старались куда, куда-нибудь убежать. Потому что там же все по дороге, в основном дикие места, куда убежать.

А сколько было остановок до станции примерно, помните?

Брат: Не.

А это мы не помним. Это мы не помним.

Брат: Это не так далеко, месяц, больше месяца везли.

Это на которых остановках, допустим, мы стояли, да, а безлюдное место, в таких местах иногда сутки стояли почему-то.

Брат: Аха, да-да-да (подтверждает).

Почему-то.

А везли сколько примерно до места? Сколько времени, суток?

Брат: Что?

Сколько суток примерно везли в поезде?

Это говорят, целый месяц, некоторые составили полтора месяца, вот так.

А ваш состав где-то месяц, да?

Брат: – Месяц, месяц.

Месяц, но в основном все одинаково, сколько эшелонов там в книге написано, я не помню это, сколько эшелонов везли, наш поезд в крушение попал, много погибли.

А где он попал в крушение, вы помните?

Это где-то под Иркутском или где-то вот так прямо вот скалы, вот так вниз да. И потом подъем, вот прямо где вниз идет, там в отрезке идет и там в отверстия кто-то из какой-то ... вредители. Рельс отодвинули и в крушение попал и много, отец тоже говорил да так прямо, сильно трескался, вот так дергался и к утру, к утру только рассветать начал, к утру и вот а-а-а мы оказались в вагоне, где наверно семьдесят-сто вот так много, да мы

оказались в хвосте почти, поэтому наш вагон не упал. Потому что первый начальный вагон упал, да как вот такой Константин Заслонов кино есть, да, но есть да вагон прямо вот так.

Брат: Вагон на вагон.

Валится, валится, а вот это половина и дальше эти вагоны постепенно затормозились на свой рельс устояли. А вот особенно впереди около тепловоза там многие кружились и вот люди кричали, плакали, в темноте отец, тогда отцу было около двадцати пяти-тридцати лет, он, они все, кто прямо могли, кричали, чтоб помочь вытаскивать вот этого, кто вот под этими вагонами находились, там многие там прижатые и просили: «Ой, помогите, я умираю». Ну, отец говорит, что там, сколько много прижатых, там вагон упал и на людей, их надо вытаскивать, их вытаскивать. Ну, все ноги поломали вот много, много вот таких да они, сколько как могли и вот так их вытаскивали.

В вашем вагоне много людей погибло?

Не в нашем.

Брат: Наш вагон остался на рельсе.

На рельсе остался. Просто он раскачался сильно.

В конце, в хвосте, вот допустим семьдесят да, где-то двадцать оставалось на рельсе. Остальные все в крушение попали.

Ага.

Вот так.

Скажите, Леонид Петрович, а Вы были постарше, наверно, помните люди, что-нибудь между собой говорили, куда их везут, какие-нибудь слухи ходили?

Мне шесть лет было. Мне а-а-а это. Три года ему.

Брат: Да-да (подтверждает).

Мы-то такое не слушали. Может родители, конечно. Да между собой разговаривали.

Да-да это между собой, конечно, вот если вот это возникли вот это чуть, чуть раньше у меня например дядя, у нас дядя вот в прошлом году умер, ему было восемьдесят три года, он все видел да допустим, да ну вот таких людей можно спросить да чуть-чуть опоздали вот видите (об интервью). А сейчас, конечно, есть люди, конечно, за восемьдесят лет, но это очень мало, очень мало, уже нет.

Хорошо спасибо. Ну, вот, мы с вами поговорили о том, как вас депортировали и как вы ехали в поезде и вот-вот очень много интересных вещей вы рассказали. Особенно, что вам ничего с собой брать не давали, просто ужасно, как это могло.

Брат: Ничего не давали.

И всех в одном вагоне это сколько семей, просто в один вагон, тяжело, наверно, это.

Брат: Да.

Там нет воды, нет туалета, наверно.

Брат: Какой элементарной жизненной, такой ничего не было.

Даже ребенок плачет, воды нету, воды и вот ждет, когда это поезд остановится.

Брат: На станции.

Вот-вот так было. И вот как поезд остановится, кто могли, тогда ж не было, вот такие вот.

Брат: Баклажки.

Баклажки, чтобы воды пособить да. Только в основном ведра и чайник.

Брат: Кастрюля-кастрюля или чайник.

Кастрюля, вот с такими этими все бегут туда с водой, вот так прочим. Ну, раньше ж такой завинчивать вот такой бедой не было, в общем.

Ну, такое время было ж. И запасать не могли много.

Брат: Запасты воду, запас сделать некуда, некуда.

Ведро воды поставлено, например, как поезд дернется, оно ж половина уже, вода уже выливается.

Вот вы приехали, расскажите, пожалуйста, когда вы примерно прибыли и куда именно вы приехали, как назывался населенный пункт.

Брат: Сначала нас высадили, под Аральском ну на берегу Аральского моря, прямо на берегу, вот я как, вот калитку откроешь, вот посмотришь, там море рядом, да вот так там несколько месяцев мы прожили. Потом нас перевезли в Кызылординскую область, станция есть Джуссальный.

Джуссальный.

Брат: Джуссальный.

Кызылординская область станция Джуссальный.

Брат: Джуссальный.

Оттуда переправили нас в Сырдарью, там в Кызылорде, ну станция Джуссальный рядом, там река Сырдарья протекала, за Сырдарьей нас везли на машине пятьдесят пять километров глубже, прямо там одни пески, там ничего не было, голая земля, ничего не было.

Брат: Солончаки.

Солончаки и степь, туда привезли.

А там что-нибудь было, палатки, дома?

Брат: Ничего не было.

Голое место привезли.

Голое место.

Наши как высадили, прямо вот все мужики, населения, они начали строить бараки, бараки вот, ну лес был, много леса, все это стройматериалы, много было.

А там деревья росли да?

Ничего, деревья.

Брат: Нее.

Ни одного дерева.

А лес откуда, или привезли.

Привезли. Там уже было.

А там уже было.

Брат: Отпустили для новоселов, чтобы строить.

Строить.

Брат: Это уже много времени прошло.

Ага.

Брат: Это лес, чтоб появится, это сколько надо ходить, и лес привезти, это те времена транспорта нету же, ничего вот.

В общем, в степь выложили все.

Брат: Это-это уже лес появился, это уже тридцать восьмой год, тридцать восьмой год перед войной.

Да, в тридцать девятом, сороковых годах это деревья ну сами помним, посадили.

Ага, то есть сами, которые корейцы.

А там ничего не было, просто степь. Степь, степь.

Понятно, а вы знали, что вас в Казахстан привезли. Вы тогда знали?

Потом узнали. А так, а так не знали куда везли. Сразу людей высадили и вот эти потом стройматериалы, вот этим все были, да доски вот эти, все вот эти бревна, вот эти люди сразу, корейцы начали строить жилье. Вот, а саманы сделали, саманы сами делали и начали строить. Поэтому там дома у нас, в этом поселке у каждого, около дома были котлованы, большие котлованы оттуда вот эту землю, вот саман сделали и это дом построили, следующий дом тоже котлованы делали, чистое прямо вот поле было, поля, ничего не было, ни дерева ничего.

Ну, а как-то это место называлось.

Это называлось, когда корейцев туда высадили, теперь это село, поселок называли колхоз «Утренняя заря» назывался.

А, колхоз «Утренняя заря».

Колхоз «Утренняя заря».

А область значит?

Брат: Кызылординская область.

Карманчинский район.

Карманчинский район.

Карманчинский район. Вот там мы прожили до тридцать седьмого, почти тридцать седьмого.

Брат: Одиннадцать лет прожили.

До сорок восьмого года.

В этом колхозе?

В этом колхозе «Утренняя заря», мы вот допустим сорок первого года, мне было семь лет, я в первый класс пошел. Война только началась, это тоже помню, потому что уже семь лет, уже понимаю, там уже это все время там эти рисунки Гитлера. Например, нарисованными вот эти карикатуры видели. Вот там мы жили до сорок восьмого года.

Скажите, вот эти природные климатические условия они сильно отличались от Приморского края?

Брат: Ооо.

Очень сильно. Жестокий мороз.

Брат: Да.

Это Казахстан.

Брат: Это совсем.

Очень жестокий мороз, прям такие сильные порывистые ветры, очень холодно.

Брат: Поэтому многие, очень многие пожилые люди умерли.

Ага.

Брат: Потому что климат поменялся.

А так в книге написано факты, выехали оттуда допустим около 170 тысяч или 160 тысяч. А когда привезли корейцев сюда уже на место, в течение месяца, полтора ехали по дороге, и где-то около двадцати, тридцати тысяч ну нету. Это значит, по дороге все умерли.

Брат: Умерли да.

А вот бытовые условия, какие были, когда вы приехали?

Какие бытовые, в общем, это бытовые условия ноль. В жизни, чтоб мы сначала в казахские дома зимой давали зимовать.

Это в юрты что ли?

Нет у кого у казахов сарай, если у кого личный, давали.

У них вот так юрта была и рядом, какой-то для скота и для коров там это как сарай, был сарай. Вот в таких местах жили сначала.

Ага.

И начали, строить.

Брат: (говорит брату) Надо бы закусить, покушать. Обеденный перерыв.

Подожди, подожди запись идет. Если вы проголодались, можем остановиться.

Нет-нет-нет.

А вам что-нибудь возместили, когда вы приехали, вот вы сказали, стройматериалы были, да?

Это должны возместить, но этого ничего не было.

Советское правительство, в общем, не предусмотрено.

А когда вы приехали, тоже не возместили?

Нет, не возместили, положено, в общем, и по сей день есть эти разговоры (о компенсации), которые должны суточные давать, в общем, положено это, ну не давали, чего не давали нам корейцам ничего не давали, в общем.

А когда вы приехали, тоже ничего не было?

Не было.

Ну, вот вы сказали, стройматериалы были. Вы из чего-то строили?

Брат: Да-да стройматериалы были.

Ну, это чтобы мы строили.

Ага.

Строить – строили, конечно, сами корейцы строили.

Брат: Сами строили.

Сами строили.

А скот, птицу не давали вам?

Брат: Какой.

Никакой.

Брат: Ничего.

А вот когда вас привезли, рядом были, жили местные жители?

Брат: Это юрта, юрты были местами, эти ну зимой, это только было зимой, зимой, а летом мы на улице спали.

Летом.

Нет, другие жители рядом жили, какие-то местные.

Брат: В общем не были.

Где наш колхоз построили там, в общем, ничего не было. Ни одного дома не было.

Люди не жили?

Брат – Не жили там.

А поблизости?

Поблизости юрты были там, около горы, горы там песчаные были, да потом бараны, юрты.

Брат: Это чабаны там жили

Чабаны, чабаны.

Они казахи были?

Брат: Казахи-казахи.

Как они вас встретили, вот вы, наверняка, общались с ними?

Брат: Но это-то когда.

Ну, родители говорят, что некоторые они молоко давали.

Брат: Да.

Курт давали, что-то давали.

Просто вот так давали да, чтобы от жалости?

Эти чабаны там, мало же людей, там люди были, мало совсем ну три, четыре юрты стояли да.

Брат: Люди, которые жили, а так мы отдельно. Это нас в степях выгрузили, нас бросили. Ничего не было.

Но поддержка со стороны местных жителей потом была?

Нет, поддержка местных жителей, да нас было много, допустим да, а местные жители, чабаны всего так три, четыре юрты, да сколько они помочь нам могли.

Брат: (Смеется) Они сами продукты привозят туда к юрте, а нас так много было, ну строили-строили, бурно очень бурно строили, я помню.

А вроде быстро, наверное, наши корейцы, прямо дома построили и сразу ж это.

Брат: Мы сами ж в эти, каждой семье, семья участвовала в строительстве.

Ага.

Брат: Поэтому быстро построили, много строили.

Сами строили, местные не помогали?

О нет, помощи-то не было, все корейцы сами строили.

Брат: Сами строили, какая помощь. Это стройматериалы дали, это хорошо, наверное.

А может быть, конечно, строители, специалисты может быть, а так показали, может быть, прорабы...

Да эти чертежи давали, может быть, какие дома строить, но это известно, конечно, дома были все однообразные, крыши нету, просто прямые да балки построили вот так, да бревно и камыши поставили. И наверху глина и плоский не такой вот дом, вот такая крыша, а вот плоский-плоский просто вот палка, вот бревно, вот так прошли с камыши, вот так сделали, стелили и туда в дырки они глину, все закрыли глиной.

Понятно. А если вот вы говорили там несколько чабанов жили, а вы на каком языке с ними разговаривали.

Брат: На русском.

На русском.

Мы на русском, наши родители разговаривали.

Ага.

Тогда наши родители ни казахский, ничего не знали, но общались и живя вместе потом, постепенно и отец допустим он зоотехником был. На казахском хорошо разговаривал.

Он казахский язык знал?

Он хорошо знал потом. Он сам заведующим фермой был, там же в Казахстане, скотоводством занимались, и заведующий фермы он был сразу, и вот в нашем колхозе своя ферма была, и сразу коровы, овцы там и вот лошади были, много постепенно, много было.

Понятно.

Брат: Коровы, коровы, наверно, выделяли нам в начале, поэтому ферма появилась.

Понятно. А отец не рассказывал, вот, как с местным населением отношения были у корейцев?

Отношения с местным населением очень хорошие были, очень хорошие были, наши вот на ферме работали, да многие вот эти казахи пастухи, да вот эти они все работали. Вот в ферме основном, вот это допустим корова дает молоко, а там вот эти доярками назывались, да вот эти доярки в основном корейки были.

Корейки местные, вот корейки были, а и вот своя ферма для корейцев, своя ферма была, а вот пастухи в основном казахи были, каждую весну, март месяц они этими табунами животными да особенно, вот верблюдами, лошадьми и вот это овцами они ехали в Каракум.

Брат: Кызылкум, Каракум да.

Нет не Кызылкум, Каракум называли.

Брат: На Каракум ездили.

Вот отец, например, он заведующий на ферме да, март месяц, он с пастухами вот скотом выезжает, март месяц, целое лето там бывает, только вот в начале сентября уже они приезжали. Целое лето там.

Брат: Как холода начинаются отгонное пастбище.

Ага.

Каждый год так выезжали.

Брат: в основном овцами.

А вот вы говорили, что доярками были корейки, а пастухами были казахи, да ну корейки очень красивые девушки, браки не возникали между казахами и корейками?

Такое не было. Наверно, не было, не было, не было (*Смеется*).

(*Смеется*) **Понятно.**

Мы сколько помним, да не было.

А кроме вас кто-нибудь еще был переселен в эту местность, кроме корейцев?

Потом война началась, привезли сначала чеченцев.

Чеченцев.

Уже это, наверно, сорок второй был.

Брат: Нет, в сорок четвертом году привезли.

Или сорок четвертом, уже война, уже вот так, вот так концу идет, да и население это из поселка нашего, где мы жили, да половина уже все выехали, поэтому много пустых домов было.

А куда выехали, простите?

Брат: В Узбекистан.

В Узбекистан в основном переехали. И вот этих пустых домов очень много было. Пустых домов много было, сначала эти дома все заселили корейцы одни. Корейцы потом, когда уже в сорок третьем, сорок четвертом годах уже к концу войны там уже половина, уже эти дома пустые были. Как привезли, вот эти чеченцы и заселились сразу в пустых этих домах. Они чеченцы, они в основном тоже что привезли для себя, тоже вот это питание на первых порах, да понемножку на руках. Заселились они вот этими, жили немножко, ну самое много может быть месяц, потом им что это уже зимнее время, их привезли где-то к ноябрю, вот так да холодно в ноябре там очень, холодно и вот привезли, и они там жили и в конце концов, что они делали, эти дома, которые вот эти люди уже не жили, в большинство домов стекол не было, все выбиты, да или кто-то забрал, или... в общем эти чеченцы заселились в холодное время и почему-то они все, вот окно, рамы они все это в костры сжигали. Они сами должны жить там да, почему то они вот так, вот все это, рамы, все это поломали, все сняли, сломали все и в кострах сжигали, все грелись, всю зиму.

Ага.

И в основном они, продукты пока кончились, сразу они начали воровать. Что воровали? В основном скот, скот на ферме да, коровы, крупный рогатый скот, вот этих коров да лошадей воровали и резали, кушали они. Поэтому с ними борьба была, вот что они так делают, да.

Ага.

Прямо их посадили, да таскали, наказывали и вот так делали. И вот они жили, может быть два года, может быть, три года, уже к концу война, уже вот, вот кончается сорок пятый год, это период, то что перевезли, людей половина они остались, все умерли от голода, умерли они.

Чеченцы?

Да, чеченцы.

Ага.

Потом к нам привезли турок.

Турки.

Аха, турки.

Это турки-месхетинцы?

Брат: Да.

Да-да-да, тоже перевезли, но они да были очень работяги, да они все работали, ничего не воровали, они очень хорошие были, они все только работали, все работали и дети работали, все работали.

Брат: Ну, в то время уже.

Уже то война кончилась, уже легче было, а когда война уже кончилась, эти чеченцы меньше половины остались, эти остатки, кто могли, все убежали, сами ушли куда-то.

Ага.

Не стали они уже, не стали, не было их.

А вот какой вам статус был дан, когда вы переехали, вы были свободными или вы были заключенными?

Брат: Мы как заключенные.

Ограниченно.

Брат: Не куда не было ехать.

В общем без разрешения.

Брат: Учиться куда-нибудь тоже не разрешали до пятьдесят третьего года.

Вы должны были находиться в своей местности?

Да-да-да. Ограничено было.

Ага.

У нас свободного передвижения не было.

Не было. А местная администрация как к вам относилась, была ли местная администрация?

Местная администрация у нас в колхозе, только колхозное правление было, во главе с председателем, потом вот это партком, да вот так было, все, ну отец тоже партийным работником был.

А районная администрация, областная?

Администрация конечно... вот наши партийные работники, руководители, председатели, партком они ж иногда выезжали в район, Карманчинский, на станции Джуссалы находился район, районный центр так.

На станции Джусалы находился районный центр?

Да-да, 55 км от нас. В этом колхозе, только одна машина полуторатонка была, да брат?

Брат: Да.

Одна машина.

Полуторка называлась?

Полуторка да.

Вот эти машины часто ломались, да прямо часто ломались вот это вот завод, заводилка есть, вот это включится вот этими иногда, часами они крутит-крутит, еле-еле заводили, и едет.

В основном казахи-то как ездили, на лошадях, на ишаках, вот от нас там жили казахи поселок назывался Чапай, Чапаев его называли и вот туда потом другой колхоз... дорога, в середине наши колхозы прошли да. Эти казахи на ишаках, на лошадях, большинство на ишаках, как рассветает, начинает дотемна проходить туда-сюда, туда-сюда, все время были эти казахи проходили, а где они жили конечно, наши родители, может быть, знали, а мы не знали, куда они то туда, то сюда, они все время проходили.

А скажите, вас часто проверяли, что вы на месте находитесь, чтобы не убежали.

Это, наверно, родители знали, а мы-то не знали.

Брат: Да.

Ну, родители, конечно, ну они ж говорили, что в общем без разрешений никуда.

Брат: До пятьдесят третьего года запрет.

Даже корейцев до пятьдесят третьего года даже в армию не забирали.

Ага.

В общем нас считали оттуда... когда переселяли в тридцать седьмом году сюда... корейцев считали, как неудобных людей, ненадежных людей вот так их и сюда перебросили. Неудобных людей.

Брат: (смеется)

Скажите, а были побег?

Брат: Побег.

Да.

Брат: Не.

Не были, не были.

А почему?

Никто не старался убежать, вот чеченцы, например, почему-то от гибели... они голодом умирали... да кто-то могли, ушли, они... чеченцы много умерли, вот утром станешь, они... их да у них ничего, не были даже ни лопаты ничего вот, а под рукой не было, да они умирают, пахота там, вот эта глина, вот это комки, просто собирают их, его заложат вот так.

То есть не могли рыть ямы?

Да-да и вот все. Похороним. Вот вороны вот так кружатся... туда пойдешь обязательно их вот это.

Трупы?

Они ночью все делали.

Ага

Вот так.

Понятно.

Так много гибли они, все большинство, я думаю процентов наверно 75-77 умерли.

А вот вы говорили, что вы работали, ваш папа работал зоотехником и тогда оплачивался труд, вам платили деньги за труд?

Так трудодни.

Брат: Трудодни же.

Вот зерно давали.

Брат: Зарплаты не было.

Пшеницу, пшеницу, рис вот это давали. Каждую пятницу, да каждые пять дней, что ли пятидневка, десятидневка называли.

Брат: Пятидневка, десять дней, да вот так давали.

Вот мы тоже, лично я, например, в склад ходил продукты получал.

Брат: У каждого расписывались, завсклад был, он вот на весах пишет и дает, и мы приносим.

А школа была для детей?

Брат: Да была.

Школа была во время войны всей.

Там только корейцы учились, или были местные дети?

Там только корейцы учились. Корейский колхоз был. Один класс, да один класс: первый ряд первый класс, второй ряд второй класс, третий ряд третий класс, четвертый ряд четвертый класс.

В одном помещении?

В одном классе и один учитель.

А и один учитель на все эти классы.

И каждый вот, это один ряд первый класс, второй класс вот так, вот так учились.

Понятно. А вы писали, письма своим родным другим, которые в других районах жили?

Вроде писали, писали наши, наши вот со стороны мамы в городе Кызылорде жили, наши бабушка и дедушка.

Ага.

И вот они иногда, изредка от кого-то, письма вот так шли.

Разрешали письма писать?

Да-да письма писали, писали редко, писали вот так, но писали вот писали, я помню.

А управление в поселке было вот вы сказали?

Управление в колхозе было.

Управление.

Управление в колхозе было.

Брат: Контора, контора.

И магазин был, ничего нет.

А милиция была?

Брат: Милиции не было, не было.

А как общественный порядок там сохранялся?

Брат: Сами не нарушали.

Там нарушений фактически не было.

А понятно.

Брат: Это контора, председатели колхоза там все.

Ясно, а доносчики были, которые доносили на вас?

Брат: Нее такого.

Нет, вроде такого не было, а вот когда вот это, на Дальнем Востоке у нас доносчиками были много, все они корейцы. Вот кто-то там, что-то говорил допустим, про кого-то нехорошие слова, да про Сталина. Вот таких забирали, потом чуть-чуть кто читать умеет, кто-то политику немножко знает, их всех вот доносчики предали.

Понятно.

Брат: Вот так.

Скажите, а во главе сообщества был председатель колхоза?

Брат: Да.

Вот он был главный?

Брат: Бухгалтер, председатель, бухгалтер и партком партии.

Ага. А как вы питались в этом время? Что вы кушали?

Брат: Ну, продукты мы.

Там выращивали сами корейцы рисовые поля, это пшено было, свои огороды были, вот так питались.

А продукты вам приносили или вы сами?

Не... сами выращивали, выращивали.

Брат: Выращивали... колхоз и чаще нам раздавали, на фронт отправили вот так.

А одевались как?

Одевались тоже, кто, как могли, конечно, плохо одеты, очень плохо одеты.

Брат: Одеты (*смеется*).

А не было магазина?

Магазин был, было вот-вот, в основном материал покупаем и мать допустим...

Брат: Сами шили.

Рубашку да вот трусы, брюки мать все руками, они шили все и даже обувь, все шили, шили.

Понятно, а вот к вам отношение менялось до войны и после войны или все одинаково было?

Ну, после войны сразу сказали люди, война кончилась, конечно, все радовались, радовались и чуть-чуть начали лучше, вот продукты выдавать чуть-чуть лучше, уже на фронт продукты не так собирают. А так во время войны со склада все увезли, все увезли пшеницу, рис, все увезли даже вот наш отец да партийный работник, партийное собрание однажды пошло, да зимой он голый домой пришел, его всю одежду, все отобрали и валенки, и тужурку все забрали, прямо оттуда с управления, где собрание было.

Брат: В общем, а после войны хуже было.

После войны было хуже?

Брат: Хуже, намного хуже было, мы поэтому в сорок восьмом году.

А почему хуже?

Брат: Потому что жить людям не давали, выращивали, все забирали, на армию забрали, а в общем госпоставку все забрали.

План, план, план.

Брат: План, и жили плохо поэтому, в основном все умерли.

Люди прямо голодные, да опущенные вот так совсем ходили, да еле-еле ходили, совсем голодные, да вот так было.

А вот в таких сложных условиях, что помогло вам выжить, как вы думаете. Вы же выжили все-таки. Вот что помогло вам?

Брат: Ну, помогло чтоб не умереть, каждый старался.

Огороды, огороды мы посадили, да огород был у каждого да определенный, туда мы посадили кукурузу, там тыкву посадили, всякие вот эти овощи, фрукты посадили, потом начали вот фруктовые деревья, посадили и вот это село стало, уже зеленые деревья росли, вот так.

То есть вам помогло выжить – это ваша работа?

Да-да, в основном да.

Брат: Сами огород посадили, кукурузы посадили, тыкву посадили это продукты ж. Картошку вот так да-да.

Ага.

Но корейцы в основном вот это травоядные, траву кушают много.

Зелень.

Зелень и траву, вот это уже как апрель начинается, там уже вот трава выходит, да вот это за травой, чтоб вот себя прокормить, мы ходили. Корейцы это очень хорошо знают. Травы, много трав съедобных знаем. Поэтому вот такую, такую все время за травой ходили, вот как уже апрель, уже чуть-чуть выходят, уже их собирать начали.

Уважаемые Моисей Петрович и Леонид Петрович, вот в 1952 году умер Сталин, вы, наверно, помните?

В 1953 г.

1953 году, да, умер Сталин, как вы узнали о смерти Сталина, какая была реакция у вас там?

Реакция (*думает...*)

Брат: По радио ж сообщили.

Не, вот лично моя реакция, да конечно... даже плакал.

Брат: Мы все плакали.

Это, несмотря на то, что вас переселили, с вами так плохо обращались, все равно вы плакали?

Это все мы знали, знать да знали, но все равно для нас было... Сталин, когда умер мы, думали... да все плакали, дети тоже в школе плакали даже.

Брат: Весь Советский Союз, люди плакали.

Да-да, но в конце концов сейчас факт, то, что делал, вот допустим, я не политик, но то, что Сталин делал, конечно, он можно сказать очень жестоко справлялся людьми, не только с простыми людьми, особенно такими верхушками, людьми, он очень ну, по-русски называется тираном, называется тираном. Да тираном, он все области в руке держал, что хотел, кого хотел, убил и все делал.

Ну, это сейчас, а тогда вы плакали?

Брат: Да.

Тогда вы плакали?

Брат: Конечно.

А что вы думали, когда узнали, что он умер? Какие-то планы может у вас были?

Нет, планы, нас-то планы, мы фактически сейчас да без родины живем, наша вот там знаете об этом, корейцы без родины. Родина наша вот там, в Корее, да, мы здесь живем, для нас Узбекистан своя родина, если сейчас скажет, допустим, да вот южная Корея или северная Корея, хотя нас приглашает двумя руками, вот так давайте, вы приезжайте к нам, вместе жить, да не один кореец туда не пойдет.

Брат: Мы здешние.

Здешние корейцы не один не пойдет туда, я, например, лично ближе даже не пойду.

Брат: А зачем туда ехать. Здесь, здесь хорошо. Мы считаем, это родина. Своя вторая родина это для нас.

А когда Сталин умер какие-нибудь слухи были, вы слушали почему он умер, может быть ваши родители что-то говорили?

Брат: Нее.

Мы тоже, мы тоже уже сознательные были.

Брат: Взрослые были.

Ну, в общем-то, а потом узнали, что Сталина отравили, в общем вот такие слухи были.

Ага.

А в основном Сталина отравили, там роль играл Берия, вот такой был разговор. Так было и не было, неизвестно, но его отравили.

Брат: Точно, никто не знает (*смеется*).

Понятно. А вот смотрите, умер Сталин все, идет процесс и началась реабилитация корейцев.

Брат: Да.

Как вы узнали о реабилитации из газет или из радио?

Некоторые вот так вот люди, вот корейцы да, отцы которые в 1937 году сюда в наш эшелон не посадили, а сразу арестовали, там на месте их оставили, там они свое, вот родители, отца потеряли и не знали до 1953 года они, где, когда умерли, даже не знали. Понимаете.

Кто умер? Родители?

Родители, там же давно вот расстреляли, да, вот в 38-39 годах. Но там наши политические заключенные, вот расстреляли да наши, вот эти дети, свои дети, вот это жены их не знали. Не знали, только после смерти Сталина вот начали реабилитацию, вот это корейцев, да было... да потом только после Сталина, после смерти Сталина корейцев забирали в армию, начали забирать уже с 1954 года.

Призывать в армию?

Брат: Да-да-да.

Призывали в армию, до этого нет.

Ага.

Они считали, что корейцы, что это не надежные, неугодные люди, вот так не угодные.

То есть вы узнали это из газет, да?

Брат: Да.

Из газет, потом наши же вот в одном колхозе жили, да а у кого отец, они ж реабилитировали и они считали, отца вот так реабилитировали, что у него никакого шпионажа не было, у него никакой вины не было, безвинного его где-то там содержали, и когда-то в каком году его расстреляли, вот дети рассказывали.

А вот когда началась реабилитация, какие-нибудь документы, оформление, как это проходило?

Брат: Они юридически получили все.

Они, они на руки, на руки получали.

Кто они?

Брат: Дети, дети. Жены, жены.

Тех репрессированных?

Брат: Да.

А вы получали, вот вы сами?

Брат: Нее это.

У нас никто никого, не арестовали ж.

Нет, ну вас все равно же депортировали, как депортированных.

Брат: Не, не.

Ааа нет. Постановления, наверно, было что. Уже свободно выезжать куда-нибудь без этих регистраций, вот это было, после смерти Сталина.

Вам об этом рассказали или...?

Сказали, постановление есть. Постановления.

А вы какие-нибудь документы по реабилитации видели сами?

Брат: Нет, нет, а зачем нам, а зачем нам видеть надо.

А где давали эти документы тоже не знали?

Не знали, не знали, не видели и не знаем.

Скажите вы сколько, до какого времени жили в Казахстане?

До 1948 года.

Брат: До 1948 года.

В апреле, именно в 1948 году мы приехали сюда и мы жили вот в колхозе «Северный маяк» (имеется в виду в Узбекистане).

А скажите, а почему вы решили уехать из Казахстана?

Брат: Жизненные условия.

А там жизненные условия все равно послевоенный период, ... очень тяжело было, тяжело было и люди в основном из этого села все ушли, там мало оставались да.

Ага.

И наши родственники, где жили, потом вот старший брат вот он, что он немножко туберкулезом, что ли там, в общем болел.

Там?

Там врачей нету и в общем.

Там в Казахстане да?

Да, и мотивом выезжать сюда, было мотивом, что он болеет, на лечение мы едем туда, где родственники да.

Родственники у вас в Узбекистане?

В Узбекистане и вот мы едем туда, на лечение и договорились, что, так оговорка, чтобы мы обратно туда вернулись (в Казахстан).

Понятно.

Брат: Отец должен был вернуться.

Вернуться, он же партийный.

Брат: Отец партийный, его не пустили.

А вы у кого-то спросили разрешения, чтобы приехать.

Да это там председатель, отец партийный человек. Он только нас проводит туда и обратно поедет, вот с таким условием ехали.

Ага.

Потом отец сюда (в Узбекистан) приехал, наши родственники, братья не пустили (*смеется*) и все потом прошло, прошло так и прошло.

А у вас кроме как в Узбекистан была альтернатива, в другую страну поехать?

Не-не.

Брат: Только сюда, потому что из-за родственников из-за этого.

Только сюда.

А вам кто-нибудь помогал выехать?

Нет, помогать-то не помогали, просто правление колхоза, партийная организация так и согласились, что вот отец поедет, семью проводить (*Смеется*).

До родственников в Ташкент и приедет обратно, вот так.

А здесь вас встретили ваши родственники?

Конечно, сразу родственники.

Здесь в Ташкенте они жили?

«Северный маяк».

Это в Ташкентской области, да?

Да, вот не далеко.

«Северный маяк» колхоз в Ташкентской области.

Уртасарай.

Уртасарайский район?

Среднечирчикский район.

Среднечирчикский район?

Когда мы приехали сюда, здесь люди жили, как при коммунизме, мы удивились, люди здесь жили очень...

Брат: Зажиточно.

Зажиточно, хорошо жили.

Здесь имеете в виду вот в этом районе?

Брат: Не-не куда мы приехали, в общем, в общем колхоз, допустим да там.

В чем проявлялась эта зажиточность?

Ну, у людей всех достаточно кушать, есть да. А мы там прямо так бедно жили, да что вот утром покушали, обед уже подумает, что кушать нету, да вот так жизнь там, в Казахстане, так жили. Сюда приехали, смотрим люди уже очень хорошо, зажиточно жили, потом... вот видели, как это было, это 17 апреля мы туда приехали да? В колхоз приехали. Мы отсюда в колхоз пешком идем семьей и своими шмотками да, ну что немножко тоже как на Дальнем Востоке вот немножко с мешками, сумками, да взяли посуды, немножко кушанья, кастрюльки и вот так мы пешком шли с семьей километр и по дороге школа.

Ага.

Это было, ну где-то, наверно, часов 12, да часу и возле школы мы видим, они к 1 мая готовились, шеренга, вот это строились.

Брат: Маршировка.

Маршировку на первомайский парад готовились, для нас это было как Москва, в десять раз больше (*смеется*).

Брат: (*Смеется*).

Первый раз видели, они в галстуках да вот все, белая рубашка, черные брюки да, женщины тоже, девушки тоже, черные юбки, белые рубашки такие прошитые, мы прямо это тоже кино, даже такое не видели вот.

А когда вы учились в школе, разве не было пионерской организации?

Там было, но, но такое не было ж.

Ну и как вас здесь встретили люди, когда вы приехали.

Брат: Очень хорошо встретили. Потом мы уже начали сразу здесь работать, мне было 14 лет, ему 18 лет пошло. Мы все работали, мы все работали.

В этом колхозе Красный маяк?

Брат: Да.

И все работали, один год работали мама, папа, он, я, вот вчетвером работали, мы заработали столько много зерна.

Вам платили не деньгами, зерном платили?

Зерном платили. Осенью годовой отчет был, осенью нам зерно это дали, вообще мы вот в таком не так благоустроенном доме жили, да сарай был, сарай. В этом сарае, да половина сарая только продукты были, пшеница и рис. А это уже считается очень богатое (*смеется*).

Как вы думаете, Моисей Петрович и вы Леонид Петрович, вот изменилось отношение к депортации по сравнению с тем, что у вас было в начале, в первые годы. Вот в первые годы депортацию отменили, одно отношение людей. Какое сейчас отношение к депортации у молодежи, у тех людей, которых вы знаете?

На счет депортации это, конечно, сейчас молодежь только знает по книгам, мы-то это депортации все у родителей, у кого-то старших слушали, да мы-то знаем, а сейчас дети, да что такое депортация, откуда, что это даже им не интересуются и не знают. Даже они вот эти книги, вот наши депортации, вот это все в книге подробно написано сейчас, молодые люди эту книгу даже не читают.

Брат: Не читают.

Не читают. Не интересуются. Как свои родители, деды, бабушки как жили, им не интересуются. Сейчас времена другие, совсем другие.

А вот сейчас, что вы ожидаете от власти, от общественности, от людей, как вы думаете.

Мы что ожидаем. Такого вообще нету у нас сейчас. В плане депортации, мы не о чем уже не думаем, просто дальше как жить, просто ну жизнь, конечно, все равно дальше лучше пойдет, этого только ожидаем. Наши дети, чтоб дальше, чтоб внуки жили спокойно, хорошо, только об этом мы мечтаем.

А для себя вы что-нибудь ожидаете, от власти для себя?

Брат: От власти ничего не ждем, мы ждем от власти, чтобы пенсию прибавили.

Ага.

Брат: И больше... потому что не работали... зарплату не получали (*смеется*).

Но вот вы сказали, что молодежь плохо знает, или почти не знает.

Плохо знает и не интересуется.

Брат: У них в мыслях нету.

Сейчас молодежь по сравнению вот таких годов допустим, да хотя до 80-х годов, да вот молодежь другие были, они почитали больше родителей, старших, потом интересовались, как это родители в тяжелые годы жили, вот этим немножко интересовались, вот уже 2010 год, 30 лет прошло, вот это за последние 25-30 лет совершенно дети другие, совсем другие, ваши дети тоже, наверно. Вот так сейчас времена другие, потом система, система, мы раньше кричали коммунизм строим, мы ждали да, когда этот коммунизм будет, да, кажется, мы при коммунизме жили.

Смеется.

Мы не знали, но прошли правильно.

Да.

Прошли, раньше вот как хорошо было, да когда в магазин куда-нибудь зайдешь прямо, сколько хочешь, что было все, а потом вот эти и как Брежнев, потом вот эти Горбачева, Ельцина, что они делали, страну всю развалили.

Скажите, вот вы сказали, что мы раньше жили как бы при коммунизме, то есть были хорошие условия, но ваше детство было очень сложным, вы сами рассказали.

Конечно.

Как вы думаете, благодаря чему вы выжили? Благодаря чему вы остались живы?

Благодаря... я, например, думаю, благодаря это все-таки местные жители все-таки помогли, вот допустим да. Вот в Узбекистане все говорят, что вот как те, которые в Узбекистан попали сразу с Дальнего Востока, да им повезло больше.

Почему?

Им повезло. Почему больше... потому что здесь их селили сразу, где вот эти селения, люди живут.

Брат: Благоустроенные.

Благоустроенные, а там рядом люди были, жили и они всячески помогали и молоком, лепешкой, вот этой пищей, продуктами помогали, вот это факт. В Казахстане мы такой помощи не получали, почему? Потому что нас, нас никто, никто не мог, поблизости людей не было.

Брат: Рядом не были.

Рядом не было, нас в безжизненную степь просто выгрузили и все.

Брат: В солончаки.

Вот кто в Казахстан попали, это очень тяжело жили. В Узбекистан, которые попали им повезло, им тоже, конечно, сначала, вот первые братья живы были, они быстро выпрямились, потому что вот местные жители всячески помогали, вот все, инвентарь, вот сельские хозяйственные работы, да там кетмени, лопаты, все это рядом было, они помогали всякими, да и вот начали. Да. А в Казахстане этот процесс очень долго шел, потому что в Казахстан попали большинство, просто их вот в степи выгрузили и все, помощь не откуда было получать.

Ну как вы выжили, благодаря чему?

Это очень тяжело жили. Здесь корейцы намного легче жили.

А почему?

Да, ну вот рядом местные жители много помогали, помогали.

Брат: А там местных жителей не было рядом.

Там в Казахстане?

Брат: Да несколько километров пойдешь там колхоз, а здесь...

А здесь рядом же, где густонаселенный, а в Казахстане там и сейчас там простор, который люди безжизненный простор, много, а тем более раньше давно не было.

Но, тем не менее, в Казахстане ж все-таки выжили люди все равно.

Выжили, но тяжело выжили.

Тяжело выжили.

Вот корейцы, корейцы все-таки, они, не покладая рук, прямо с первого года как начали, весна началась, весна, начали в огороде все садить на зиму, на зиму. Вот, допустим, да отец-то он партийный работник туда-сюда, вот наша мать, допустим, да везде вокруг

дома, огорода везде тыкву садит, тыкву и вот таких тыкв да осенью собираешь, половина дома тыква и вот зимой, эти тыквы всю зиму кушаем, вот так. Вот так кукуруза тоже, все зерно делает, и потом его сюда кладут, кладут на зиму, в основном вот так мы жили.

Спасибо, очень много вот интересного рассказали, а может быть, что-то еще какие моменты остались, которые вы хотели бы вспомнить?

Нет, какие моменты. Но, в общем конечно.

Брат: На тот свет возьмем.

Нет, это рано вы, что вы (*смеется*).

Мы, конечно, вот без родины, но все-таки благодаря, куда мы попали, благодаря, конечно, им не вот это, а дружбой и они, по сколько вот так хорошо приняли это, а способа что мы выжили, но конечно мы говорим же подчеркиваем в Узбекистан, которые попали, намного легче выжили.

Брат: Они сразу...

Сразу в объятия людей попали, группы людей, попали люди, местные люди рядом хоть что попросили да хоть бы огонь, спички попросили у нас не у кого попросить, там же вот в безлюдное место попали прямо, вот чабаны вот это за горой находили 3-4 юрты, там и овцы, животные и они жили. У кого просить? Нас много, а 3-4 хозяйства, как может помочь.

Скажите, пожалуйста, Моисей Петрович, Леонид Петрович, вот напоследок что вы пожелали молодежи, нынешнему поколению, будущему поколению, чтоб вы хотели передать им?

Что передать... мы, например, желаем, а чтоб наши дети, внуки, правнуки да вот такие наши дети, что было вот такое чтоб.

Брат: Не видели.

Такой, условия жизни, чтоб не попадали, чтоб они как сейчас допустим да хорошо жили, разве плохо, вот мы считаем это своя родина, поэтому я, же, мы говорим хоть в Корею сейчас прямо, вот давай вас все благоустроенный дом, все это, все это, никто не пойдет. Я, например, лично даже ближе. Это наша родина, мы теперь здесь жить будем и все.

Спасибо вам большое за эту беседу. Моисей Петрович и Леонид Петрович, большое вам спасибо, что вы нашли время и рассказали вот такую большую историю.

А я бы сейчас хотел сфотографировать вас. Все это мы отправим в Казахстан, и у нас в музее тоже останется.

Если у вас есть фотографии, документы, покажите, их тоже сфотографируем.

Фотографии брат, наверно, у вас не осталось да. Папа, мама есть, наверно, да.

Брат: Но это в Чиланзаре есть у меня.

Родители есть, есть. Семейные фотографии есть.

Вот если вы сможете у себя собрать, я приду и сфотографирую.

Хорошо, хорошо.

Не возражаете?

Да-да-да.

Это через дня два я позвоню.

Хорошо.

Вы соберете, что есть и я сфотографирую.

Хорошо.

Еще раз вам большое спасибо, а теперь я бы хотел с вами сфотографироваться.

.....
Ким Моисей Юнович, кореец, 79 лет. Был депортирован из Приморского края, Ольгинский район в 1937 году. Проживает в Узбекистане, город Ташкент.

Моисей Юнович, вы, наверно, хорошо помните период депортации, когда Вас, Вашу семью и всех корейцев, проживающих в Приморском крае, внезапно депортировали из этой страны и отправили в Казахстан. Скажите, пожалуйста, как затронула депортация Вас, непосредственно Вас, Вашу семью? Как это все началось?

По чрезвычайному постановлению, подписанному Молотовым и Сталиным, выселению корейцев из Приморского края подлежали в основном районы приграничные, все эти районы были указаны. Теперь значит в середине августа, 1937 года вышло новое постановление, подписанное только Молотовым, выселению корейцев из Приморского края подлежали все корейцы Дальнего Востока, Сахалина и даже Камчатки.

А вот эта депортация, она лично Вас как затронула?

Затронула мою семью, как и все семьи. Корейцы все подлежали депортации. Но поскольку мы жили в Ольгинском районе, то мы одни из последних выселялись. Я помню в детстве, независимо от того был приказ или нет, но наши корейцы, нашего колхоза, они сушили сухари, уже ожидая, что будет переселение. Так вот, я помню, это было где-то осенью, глубокой, нас погрузили на пароход, была штормовая погода. Здорово покачало наших пассажиров, у кого-то была морская болезнь, тюки, которые они с собой везли, они попадали в море. Ну, одним словом, сильная штормовая погода была.

Это было во время депортации?

Да-да, вот именно когда переселились во Владивосток, из Ольгинского района во Владивосток переселили.

Скажите, а вот Вы сказали, сушили сухари, значит до начала депортации уже были какие-то слухи?

Слухи были, потому что я говорю, приграничные районы корейцев выселяли, и тоже слух дошел до нас. И вот поэтому они сушили, зная, что тоже могут подлежать выселению.

А как вы узнали, что вас депортируют? Или это внезапно случилось?

Нет, я же говорю сначала приграничные районы выселялись, по первоначальному, потом когда второе постановление вышло, там подлежали все корейцы независимо. Но Ольгинский район – это самый дальний район Владивостока, поэтому нас на пароходе везли во Владивосток для выселения.

Понятно. И никто не успел сбежать?

Нет, абсолютно.

Скажите, а как проходило переселение? Что разрешалось взять с собой, или ничего не разрешалось?

Нет, разрешалось взять самые необходимые вещи. Теперь еще вот важный момент, между прочим, это происходило ближе к осени, рис еще не поспел на полях, урожай еще не сняли, теперь значит, в каждой квартире были у нас животные, свиньи, там коровы. Нам сказали, что после переселения, на новом месте, нам это все возвратят. Но на самом деле этого не случилось после переселения. То, что мы там оставили, так оно там и осталось.

А в каком виде все оставалось?

В натуральном виде, живой скот, свиньи там, коровы. Они там и остались. Теперь, значит, рис еще не поспел на полях, но все равно это там и оставили, дали справку, что на новом месте это нам возместят.

А как-нибудь объясняли причину, почему вас депортируют?

Дело в том, что если бы допустим, Советский Союз знал бы, что мы антагонисты с японцами испокон веков. Дело в том, что японцы, для них политика была какая, захват континента, а Корея выступала для них как мост, поэтому еще в средние века японцы

напали на Корею. И у нас есть адмирал Ли Сон Син, он построил по-современному, как броненосец, этими судами он потопил японский флот, и японцы тогда не могли захватить Корею. То есть испокон веков японцы и корейцы – антагонисты.

Имеется в виду между государствами?

Между государствами. Почему, потому что японцы все время хотели нас покорить, а мы не хотели этого.

Значит, вас советская власть считала помощниками тогдашней Японии?

Да. Но к тому же назревала вторая мировая война, и поэтому, что корейцы, что японцы, они же похожи друг на друга, чтобы японских шпионов там не было, надо было всех выселить корейцев. Вот что они и сделали.

А вас переселяли вместе с вашей семьей или отдельно?

Нет, семьями.

Сколько вас человек было в семье?

У нас семья была не так уж большая. В общем, модами, я подчеркиваю по-корейски, модами – это значит родная старшая сестра моего отца, она с мужем была, у нее трое детей, маленьких, три сына умерли от болезни в Корее, в нашей семье, значит, отец, мачеха, я подчеркиваю, мачеха. Отец развелся с моей матерью родной, я остался жить у отца, отец тогда женился, это мачеха значит и я. Нас трое. Но кроме этого у нас еще двоюродные братья, трое, это от старшего брата моего отца дети. Вот такая семья была.

И они все были вместе с вами депортированы?

Да.

А вы знали, куда вас везут?

Мы-то не знали, куда везут, но сказали, что вглубь страны.

Вглубь страны, вглубь России имели в виду?

Да.

А как вас везли, расскажите, пожалуйста. Эшелоном, баржей или как?

Нет. Дело в том, что бывают такие скотские вагоны, где скот возили. Вот такой вагон, посередине мы поставили печку, чтобы варить, с обеих сторон нары, и зависимо от количества людей в семье, они занимали. Вот так мы ехали.

А что вы с собой взяли, что вам разрешалось взять с собой?

С собой самое необходимое, значит, одежду, постель, ну самое необходимое. Ну, разумеется, конечно, из питания, продукты, сухари. Теперь я еще хотел бы рассказать, очень страшную историю нашего переселения. Я помню, мы Байкал проехали, и вот железнодорожный мост был, и вот, значит железнодорожный мост мы проезжаем, поезд тихо идет, и сразу он поворачивал налево, и поезд ехал по над берегом этой реки. Тихо ехал, и вот мы смотрим, в воде, в этой речке колесами вверх лежали вагоны, один из составов, который ехал впереди нас, потерпел катастрофу.

Это состав с корейцами?

Да, вот именно. Один из этих эшелонов. Ну, говорят, что диверсия была, но я точно не знаю, но факт тот, что эти вагоны вверх колесами лежали, на счет людей я не знаю, жертвы были или нет, но крайней мере, имущество, навряд ли они спасли. Теперь вы вчера брали интервью у Леонида Петровича и его старшего брата Моисея Петровича. Я когда им об этом рассказал, он сказал, что в этом составе ехала их семья. Вчера не говорил об этом?

Говорил.

А я видел вот это.

А в этих вагонах как-то вас кормили, давали одежду?

Нет, знаете как, на каждой станции наши старшие братья, родители, спускались, и где-то уголь доставали, дрова, чтобы топить. А так нам не давали продукты питания, мы сами то, что взяли с собой, и когда остановка была, покупали там.

Вам не разрешалось выходить из вагонов?

Нет, почему, разрешалось. Но самое странное, было то, что поскольку это товарные вагоны, были машинисты, потому что они дергают, мы как раз завтракали, горячее и все прочее, и проливали. И вот наши старшие братья, родители пошли к паровозу, выяснять отношения с этими паровозниками. Они же, в конце концов, людей же везут, а не скот. Вот такие инциденты были.

Умирал кто-нибудь в пути?

Я лично, знаете, не помню, но, конечно, умирали. Умирали, конечно, не от голода, зачем об этом говорить зря. Лично я не помню, чтобы умирали и хоронили.

А сколько дней вы находились в пути?

Где-то в общей сложности около месяца. Или чуть меньше, может быть. Наш эшелон был один из последних, поскольку у нас колхоз был рыболовецкий, нас должны были перебросить в район Аральского моря. Но мы приехали сюда в ноябре, уже зима была в ноябре. Арал замерз, и нас выгрузили на станции Арыс Шымкентской дороги, и повезли нас в машине, значит так, в село Хорошевское, есть такое. Под горой, нас туда привезли, холодно было, и всех нас выгрузили, там клуб был. В клубе топились две голландские печи, ну относительно тепло было там. И вот прямо на полу каждая семья расположилась там. И через некоторое время нас заселили, на половину к местным жителям.

А вы знали, что вы уже приехали в Казахстан?

Да.

А это какая область, вы знали уже?

Это Шымкентская область. Тюлькубасский район.

А природно-климатические условия этого района отличались от тех, где вы раньше жили?

Мы раньше жили в Приморье, там же тоже холодно. Но здесь континентальный климат, и холодно было здесь. Потом нас расселили по квартирам, на уплотнение к местным жителям.

А кто были местные жители? Казахи?

Нет. В основном были украинцы. Село Хорошевское. И вот я впервые пацаном, зашли мы в отдельный дом, куда нас привели, и вот я обратил внимание, в углу, это значит, иконы были.

Иконы?

Иконы, да.

А как они вас встретили?

Встретили хорошо местные жители.

Помогали вам?

Ну, помогали в каком смысле, ну дали комнату, мы там вселились втроем, отец, мачеха и я. Так и остальных, всех корейцев заселили на уплотнение к местным жителям. В общем хорошо было тогда. Нельзя обижаться на них. И вот раннею весной 38 года нас отсюда увезли на полустанок Сергеевка.

Полустанок Сергеевка?

Сергеевка. И там мы начали строить колхоз имени Молотова. Но поскольку это был уже 38 год, ранней весной, нас сначала заселили в дом такой, типа барачного. Там мои родители заняли правое крыло, из двух комнат. Теперь, модами моей, ей дали отдельный домик, двухкомнатный. Она жила с мужем. Модами – по-корейски.

Как?

Модами – это женщина, старше отца. В другой комнате жили мои двоюродные братья, то есть самого старшего брата моего отца, его дети, они не женатые были, вот они

жили там. А рядом, буквально, слева стоял, тоже домик небольшой с верандой, там жили три молодых учителя, корейцы. И вот я к ним ходил, они меня баловали. Любили меня очень. И вот я помню однажды, знаете, играя там в траве, я нашел маленький перочинный ножик со всеми лезвиями, но какой пацан не любит это. И вот я с ним играю значит, один из молодых учителей спрашивает: «Ты где это нашел?», я показал место, где я нашел, и он мне сделал замечание, когда находишь чужую вещь, надо вернуть. Вот это на всю жизнь запомнил. Вот я его вернул. Ну, в общем они меня баловали. Вот это где-то в первых числах марта 39 года, уже 39-й год, я по утрам, пока они не пошли в школу, я к ним бегал. Поскольку они меня любили, баловали, я к ним бегал. И однажды утром я встал, пошел к ним, обычно у них разговоры не слышны, я поднялся на веранду, смотрю, дверь настежь открыта, и где-то разговор не слышно. Я заглянул в комнату, что я там видел, тетради, книги, все валяется на полу, личные вещи их валяются на полу. Я с плачем вернулся домой, модами мне говорит, что их ночью забрали. И так я больше их не видел, учителей. Теперь значит, через некоторое время, я утром выхожу, смотрю, модами моя плачет. Я говорю: «Модами, что случилось?». Под утро забрали... ее мужа. И тоже с концами. Теперь, значит в начале апреля, мои родители приехали из Ташкента, они ехали в Ташкент почему, а потому что в этой Сергеевке мы только сеяли хлопок и пшеницу, но корейцы без риса не могут жить. Так вот я в первый раз хлопок собрал с мачехой, когда мне было семь лет. И отец модами говорит: «Поехал в Ташкент к своему другу, Цой Сергею – это председатель колхоза Северный маяк». И он где-то в двадцатых числах марта уехал в 39 году, потом в начале апреля он приехал, и вот я пошел жить к своему дому. Дом наш длинный был, барачного типа, мы занимали крайнее правое крыло из двух комнат, а на левой стороне, там мои сверстники были ребята. И вот в это утро апрельское, в начале апреля стояла теплая такая солнечная погода, я пошел играть со своими сверстниками, а их родители там своими делами были заняты. Вдруг смотрю, родители быстро заходят домой и детей зовут с собой. Я не понял в чем дело. В общем, я остался один, ну а что делать, я пошел домой. Захожу домой, я вижу точно такую же картину, как в доме учителей, все разбросано на полу, мачеха стоит, плачет, отец стоит хмурый, двое в зеленых фуражках все перерыли, все набросали, но, видимо, ничего не нашли, потому что с пустыми руками. Отца вывели во двор, встали по бокам, и там у нас улица идет станция ... туда они его повели. Я когда вышел, отца схватил за руку, ну пацан же я, любит же отца. Так вот один из этих зеленых фуражников так меня толкнул, я упал, потом они отца поставили посередине, сами по бокам и начали идти. Мы с мачехой плачем, стоим, смотрим, до тех пор, пока они не скрылись за косогор. Вот так я больше отца не видел.

А какие-нибудь вести дошли, где он, что с ним случилось?

Так вот, модами моя, документы которые сфотографировали, она была известной женщиной на Дальнем Востоке. Даже как ударник труда, она была делегатом первого съезда ударников Дальнего Востока, это происходило в 33 году в городе Хабаровске. Модами всегда с любовью вспоминает, как главнокомандующий Дальневосточным военным округом Блюхер, лично за руку здоровался с делегатками, она всегда это вспоминает.

Она пыталась узнать судьбу Вашего отца?

Да. И вот она, со своими женщинами, которых арестовали, репрессировали мужей, они поехали в Шымкент, узнавать. Там за Шымкентом была большая такая площадь, огороженная колючей проволокой, внутри были арестованные всякой национальности: корейцы, русские, казахи. Но близко подходить никому не разрешалось. И вот они издали хотели найти своих родных. Но разве в этой кучке людей найдешь? И вот они ни с чем вернулись домой. И вот она партийная еще была, спрашивала, наводила справки все прочее, ничего не могла найти. Никаких сообщений не было от мужа и от брата, то есть моего отца. Тогда она что сделала, в ноябре в 1939 году я пошел в первый класс учиться. Она пошла к руководителю райкома партии, секретарю на стол положила свой партийный билет. Приехала, забрала нас, и мы переехали в колхоз Северный.

Это в Узбекистан?

В Узбекистан, теперь значит, не только наша семья и другие семьи приезжали сюда. Но основная масса корейцев из этого колхоза, уехали в Уштобе, Казахстан.

Уштобе не знаете, какая область?

Уштобе, не помню, какая это область. Ну, в общем, Восточный Казахстан. Там они поселились, не в самом Уштобе, а 20-30 км, там они рисоводством занимались. И многие корейцы нашего колхоза Гигант уехали туда. Сейчас корейцы приехали с Ташкента. Вот, кстати, в Ташкенте есть колхоз Гулистан. Там тоже жили корейцы с нашего колхоза.

Скажите, вот Вы жили там, в Казахстане, когда вы переехали, вы сказали, что пошли в школу, значит, у вас школа была, а какой режим пребывания был? Он был закрытый, вас никуда не выпускали или он был свободный?

Нет, такого ограничения не было.

Вы жили вместе с местными жителями или они жили отдельно?

Жили отдельно, конечно.

А в школе учились вместе? Или это отдельная корейская школа была?

Нет, это была русская школа.

То есть вы учились вместе с русскими ребятами? А казахи там были?

Казахи были, но в основном русские были.

А какие у Вас отношения были?

Учились мы хорошо, я до сих пор помню свою учительницу первую. Ольга Ивановна. Тогда в те времена с учебниками было очень плохо. Вот допустим, букварь у нас в классе было 3. Весь истрепанный. На перемены выходили, играли в снежки с учителем. Все ее любили. Вот однажды она ездила в Шымкент купила 3 букваря новых, в ноябре она знала, что я уезжаю в Ташкент. Она мне этот букварь подарила.

Значит, у Вас никаких ограничений не было в месте проживания. Какие-то специальные меры не принимались против депортированных? Там запрещали переписываться, например, не было такого?

Нет, я не помню. Это было или нет.

А было ли какое-то управление в поселке, где Вы жили?

Это колхоз был, у нас был свой председатель. Кстати, потом рассказывала, если бы отец еще погостил неделю в доме Цоя, в Ташкенте, то беды бы не было. Но председатель колхоза тоже наш родственник. Видимо сверху ему приказали, он дал телеграмму моему отцу, чтобы он срочно приехал. И вот отец приехал, это в первых числах апреля. Так вот вышла книга нашего писателя доктора наук «Правда 50 лет спустя» Кима Владимира Дмитриевича. В этой книге я узнал, 10 апреля 1939 года Ежова, наркома внутренних дел арестовали, как врага народа. Поэтому модами говорила, еще бы неделю погостил в доме Цоя, то беды бы не случилось. После ареста Ежова как врага народа, аресты прекратились. Поэтому сейчас мы говорим сталинская репрессия, в то время в народе говорили «ежовщина». Про сталинскую репрессию не было разговора.

А чем занимались корейцы в том поселке, где вы жили, каким видом деятельности?

В Казахстане в основном значит хлопок и пшеница, поэтому корейцы задумали переселиться в другие районы, где можно сеять рис. Поэтому многие уехали в Уштобинский район и Узбекистан.

А вот за работу Вам платили деньги, Вы помните?

Я вам скажу такую вещь, каждый эшелон был колхоз, то есть если в Приморье жили разобщенно, и когда их погрузили в эшелон, каждый эшелон был колхоз. Поэтому первое время жили очень компактно, мало того, как спецпереселенцев, государству 3 года налог не платили. Чтобы мы смогли на месте обосноваться и так далее.

То есть вас привезли в Казахстан, и вы 3 года не платили налоги?

Нет, в 1938-1940 года. Поэтому эти колхозы начали подниматься на ноги. Войну мы встречали зажиточными колхозами.

Вам платили деньги или продукты давали?

Нет, мы сами выращивали, распределили трудодни, у нас амбары ломились от риса.

Как вы думаете, что помогло Вам и Вашим близким выжить в таких условиях?

Условия, конечно, были не хорошие, вот сейчас есть колхоз «Северный маяк». Зимой 1937, 1938 годы они в курганах копали ямы, в землянках жили. Почему, потому что дома здесь еще не успели построить. Ну, корейцы народ трудолюбивый, сидеть просто так не могли. Зимой 1937-38 они осушали болотистые места и вот уже в 1938 на высушенных землях их распахали и начали сеять рис. Что характерно, что дома корейцам построили типовые, все одинаковые, один дом на два семейства. В каждой семье по 2 комнаты.

Это в Узбекистане?

Да, в Узбекистане. А в Казахстане, там тоже, видимо, условия были хорошие. Потому что в Уштобе там много корейцев, с нашего колхоза теперь сюда приехали, немного опережая. Таких ограничений не было. Мы учились. Что хорошо было, скажем, чем в Приморье, здесь в каждом колхозе сразу строить начали школу, клуб, аптеку.

Это и в Казахстане и в Узбекистане вы имеете в виду?

Да, я сейчас имею в виду колхоз «Северный маяк» в Узбекистане. Так вот на южной окраине, на пустыре построили школу, первые 2 года учились на корейском, в 1939 году перешли на русский. Самый сложный был это русский (*Смеется*).

Скажите, вот если сейчас вернуться в то время, когда вы жили в Казахстане. Там вместе с Вами были какие-нибудь другие депортированные народы, или только корейцы были?

Нет, только корейцы. А в отношении депортации других народов я имею в виду крымских татар, чеченцев, это уже было после войны.

А вот как раз после войны, в 1953 году умер Сталин. Вы помните этот день?

Да, я помню этот день. Еще одна немаловажная деталь в 1952 году в ноябре, впервые после нашей депортации, корейцев призвали в армию. Призывали в армию годов рождения 1928-1934 гг. То есть многие уже были женатые, семьи имели. Но поскольку нас призывали в армию, это был большой праздник для корейцев. Мы стали полноправными гражданами союза. Теперь говорят, нет худа без добра. На Дальнем Востоке, когда мы там жили, учебные заведения были во Владивостоке и Хабаровске. Сюда приехали, в Ташкенте сколько у нас вузов и в каждом поселке школа. В общем, в каждой корейской семье дети заканчивали школу и поступали кто в институт. По данным статистики в 80-е годы среди народностей Советского Союза, на душу населения корейцы были самыми грамотными. Я это не хвалюсь, это данные статистики. Даже если Вы встретитесь с корейцами моего возраста спросите, в основном они все имеют высшее образование.

Да, это так. Вот возвращаясь к смерти Сталина.

Дело в том, что это было в субботу начало марта, ну Ташкент, Дворец пионеров. Так вот стояла пасмурная погода. Мы собирались домой поехать. Мы стояли с моим товарищем. Люди хмурые стояли. А я ничего не знаю, стою, балуюсь с ним. Товарищ мне говорит, ты, что это шутить, он заболел. Кто заболел? Сталин заболел. То есть люди, почему стояли хмурые такие, они узнали по радио сообщение о его состоянии, это было в начале марта 1953 года, и я сразу шутки бросил, и действительно по радио передавали о его состоянии. Я приехал в свой колхоз, тогда электричества не было, крутили движок, чтобы работало радио, вот утром 3 марта, я вышел по нужде, а через мой огород был клуб, а там репродуктор, гимн передают без слов. И сразу что-то мне в душе не то стало. Обычно со словами, а тут без слов. И сообщение о его смерти. Я плачу, захожу домой, и поехал в Ташкент. Вот наш Университет, это прямо в центре. Так вот в сквере, где сейчас

стоит памятник Амир Тимуру, там раньше стоял величественный постамент Сталину, вот в день похорон 5 марта, все заводы, фабрики, гудели сирены, и вот я как раз стоял возле Дворца пионеров, там, рядом кинотеатр был, народу было, в общем, вся улица была заполнена народом. И вот выступал: Маленков, Молотов, Берия по радио. И вот я так не мог попасть в сквер, со всех концов, столько народу было. Вот вся площадь была заставлена венками, цветами, многие, конечно, плакали. После этого говорили, если бы народ сам не любил бы, не верил бы в Сталина, разве так они поступили бы? Я такое вам скажу, когда умер Брежнев, народу, было весь Ташкент, в сквере, с каждой улицы шли, чтобы возложить венки.

А как Вы узнали о реабилитации корейцев? Через газеты, радио? Вас же реабилитировали?

Да, нас реабилитировали, но таких ограничений у нас не было. Я Вам скажу по себе. В 1951 году я закончил среднюю школу в колхозе «Полярная звезда». Брат мой обещал послать меня учиться в Москву, на кораблестроительный. Но в апреле 1951 года брат мой заболел. Материально он мне не мог помочь. Нам давали паспорт, откроешь, сверху выдан на право проживания в пределах УССР. Так вот мои однокашники, они были материально обеспечены. Они эту статью убрали и уехали учиться в Москву и Ленинград. Я купил бритву и начал стирать вот это «В пределах УССР». До тех пор пока дырка не образовалась. Я остался в Ташкенте. Хотел поступить в Среднеазиатский политехнический университет.

Вы узнали в это время о реабилитации корейцев?

Мы узнали в 1952 году, когда нас призывали в армию, ограничений уже не было.

В 1939 году вы приехали в Узбекистан из Казахстана, почему вы решили переехать?

Из Казахстана, там кроме хлопка и пшеницы ничего не сеяли, а корейцы без риса не могут жить, поэтому часть корейцев в Узбекистан, а большая часть в Восточный Казахстан. А полустанок Сергеевка, там никто не остался из корейцев.

Полустанок Сергеевка в Шымкентской области?

Да.

То есть Вы переехали из Казахстана только Потому что хотели заниматься исконно своим занятием? Выращивать рис?

Да.

А кто принимал решение?

Родители.

Альтернатива была, часть Узбекистан, часть Уштобе?

Да.

А кто-нибудь помогал выехать Вам, или Вы выехали сами?

Сами. Сложностей не было. Одним словом, мы не чувствовали, что чем-то связаны. Такого не было.

Прошло много времени, у Вас лично изменилось отношение к этой депортации сейчас?

Я могу сказать, многие со мной не согласны, но я говорю, нет худа без добра, вот например, в Приморье мы жили. Отдельный поселок 5-6 семей. Немного дальше 15-20 дворов. Так вот на эти поселки корейские часто совершали ходяги, то есть китайские разбойники. Так вот когда переселяли, все эти семьи собрали. И в эшелон, поэтому каждый колхоз. В каждом колхозе построили клуб, школу и т.д., чего не было в Приморье.

Как Вы думаете, что помогло Вам сохранить жизнь в таких условиях? Помощь властей, людей или своя собственная работа?

Старшие братья наши, родители до начала войны они работали. Поскольку налогов мы не платили государству, мы платили только МТС за эксплуатацию. До войны, за 3 года

мы уже жили зажиточно. Когда война началась, корейцев не брали в армию, но зато брали на трудовой фронт. Они работали в КомиССР в основном. Мои родные тоже были там.

А выполняли они какую работу?

Разную, поэтому, даже поскольку дома остались, семьи с маленькими детьми, корейцы удирали с трудового фронта, надо же содержать семью. Так я помню 1944 год САВО, Среднеазиатский Военный округ, они арендовали землю в колхозе «Пушкина», и сказали, давайте у нас военная организация, мы вас не будем трогать. И вот мы с братом все лето там выращивали рис. Это уже здесь в Узбекистане. За счет этих людей, которых мобилизовали, за счет них содержали землю. И вот люди попали на эту удочку. Осенью в сентябре, модами моя говорит: «Иди, наведай брата», пешком, после обеда, пришел, смотрю военные стоят, рис уже поспел, они объявили облаву.

А почему облаву объявили?

Так ведь рис уже созрел и чтобы с корейцами не делиться, они облаву сделали. А что делать обратно же не могу идти, к бригадиру зашел. Давайте я у вас переночую, хоть возле печки, а утром уйду. А он не хотел. Одним словом, он меня выгнал из своего дома. Вот при выходе из этого колхоза есть хлопковое поле, он еще не вполне созрел, и вот я с этой котомкой там лежу. Смотрю, шакалы воют, страшновато было, но я все равно лежал там. Утром пришел домой, смотрю брат там. Вот такое я испытал, это в 1944 году. Вот так обманули нас корейцев вот этот военный округ.

Как Вы думаете, еще что-нибудь можете добавить к сказанному?

Ну, поскольку у вас вопрос заключается в основном о Казахстане, я в 1939 году уехал в Узбекистан. Одним словом в Узбекистане мы построили свои колхозы, и это было нашей родиной. И во имя этой родины корейцы трудились, не покладая рук. Я вам только одно скажу, к 1955 году наш колхоз «Полярная звезда» имел 26 героев труда. Председатель колхоза Ким Пен Ха был дважды герой. И так каждый колхоз. Мы работали так, во имя процветания новой родины нашей.

Скажите, а вот сейчас что бы Вы пожелали потомкам, сегодняшнему поколению?

Безусловно, в общем, то, что сейчас Узбекистан стал независимым государством, я бы пожелал нашим детям учиться и работать на Узбекистан. И главное, чтобы они изучали узбекский язык. Без знания языка никуда не пойдешь. Ну, а поскольку нам старикам, уже поздно учиться.

.....
Югай Клементина Ивановна, корейка, 75 лет. Была депортирована с города Чита в 1937 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста?

Я, Югай Клементина Ивановна, 35-го года рождения.

Скажите, пожалуйста, как затронула депортация Вас и Вашу семью?

Ну, я могу, я только помню со слов родителей, что нас внезапно погрузили в вагоны и повезли куда-то. Это в 37-ом году было.

Какая именно депортация затронула вас? В 37-ом году откуда вас переселили?

С Читы. Нас посадили в вагоны вот в эти вот, вагоны были, вот товарные назывались, товарные вагоны, и всех вместе детей и взрослых, дали нам взять с собой только личные вещи, ну, а чтобы мебель, продукты.

Извините, я вас перебыю. Вот дальше, воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте.

Вот дядька вот был, папин брат воевал, говорят, но мы его потеряли как бы дорогой. А вот после войны, мы уже узнали, что он воевал. И жил потом, после войны, в Москве. И умер от кровоизлияния в мозг. Ну, он воевал, потому что вот этот вот брат у него был, т.е. сын, его искал после войны. Он воевал и...

Расскажите, пожалуйста, что было накануне депортации, были ли слухи, догадки об этом?

Ну, вот этого я не знаю.

Выезжал ли кто-то заранее, не знаете?

Нет, нет.

Не знали, да, а как узнали о переселении?

Ну, как, вот, ну, как сказали, садитесь в вагон, нас всех погрузили, повезли. А куда и чего, мы не знали. Повезли нас в Уштобе сразу. И здесь нас разгрузили.

Оказывал ли кто-то сопротивление?

Да, нет, наверное, никто сопротивление не оказывает. Когда нас как этих..., наверное, не знаю, я маленькая была.

А что было с вашим скотом, с вашим имуществом, домом?

Ничего, там все бросили, и приехали. Все бросили, приехали, но нам выплатили за это, да. Нам компенсацию сделали за вот это все. Вот за то, что мы все бросили, даже вот нам детям сделали компенсацию, компенсировали это. Ну, не все, конечно, ну.

Знали ли вы, куда вас везут?

Нет.

А как везли, как формировали эшелоны?

Ну, как, вот нас в эти вагоны посадили и мы поехали. Куда поехали, кто его знает, нам же ничего тогда не говорили и детей, и, конечно, условия были не больно хорошие, в вагонах в этих, потому что товарные, и вот дети там, вот, а взрослые как-нибудь ехали.

Сколько человек ехало в одном вагоне?

Ой, не знаю я, сколько человек, но я помню, что наша семья, сколько нас трое детей, с папиным братом 6, еще там, человек 10 нас было, и еще там люди ехали. Ну, больше было, там еще приехали, ну, говорят, там набивали как селедку.

А что могли фактически взять с собой?

Только личные вещи, одежду там, немножко продуктов, не разрешали ничего брать с собой.

А чем вот и как вас кормили?

А вот в дороге не знаю, как кормили, ну, кормили, наверное, раз мы живые остались. Что-то давали, наверное, нам.

А вот скажите, умер ли кто-то по пути?

У нас вот, вот это два двоюродных брата осталось, считай, одному 8 лет, одному 10, они заболели скарлатиной, ну что там такие условия, что они дорогой умерли, ну, конечно, там такие условия. И вот их хоронили, нам не разрешали выходить даже из вагонов. Попросили там сопровождающих и это, я не знаю, в каком-то полустанке хоронили, все мужики ходили, лишь бы закопать, лишь бы земле придать, вот это вот мама говорила, я-то не помню этого, конечно.

Скажите, бежал ли кто-то по пути?

Не знаю, не знаю.

А остановки какие-нибудь были?

Ну, вот останавливались, все-таки, наверное, кормили, в туалет разрешали ходить как-то, потому что это ж товарный вагон, ведь там туалетов, ничего нет. Наверное, остановки были.

А сколько дней примерно находились в пути?

Не знаю я, я не помню, сколько ехали.

А расскажите, когда вы прибыли и куда вы именно прибыли?

Мы прибыли сразу в Уштобе, нас привезли сразу в Уштобе, ну мы приехали, где-то тепло еще было, потому что вот где-то же жить надо, и вот стал вот отец это вот копать землянку. И там поставили вот эти нары, земляные, ну, помогали там, камышом крыли вот эти, и вот жили в землянках. Я помню, что вот ступеньки, и я вот по ступенькам лазила.

А какие были природно-климатические условия?

Ну, здесь было тепло, конечно, здесь было жарко. Тяжело было переносить эту жару.

Отличались климатические от того, где вы были?

Конечно.

Были ли бытовые условия в первое время?

Ну, какие бытовые условия, помогали нам местное население, что там, кто что даст.

Возместили ли вам оставленные дома, скот, жильё?

Ну, частично, да. Компенсировали, это уже три года назад вот было, да.

Угу. Теперь вот расскажите, пожалуйста, о местных жителях. Какой национальности были местные жители?

Казахи были, ну, как, они нас приняли очень хорошо. Они нам помогали, детей старались накормить как-то, чем-то вот это самое помочь, вот нам и посуду давали, и одежду давали, ну, я не помню, что-то там из мебели давали, но вот это вот они, говорит мама, давали, помогали.

Так, а были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Да, нет, не было тогда, не было. Они нас очень добродушно приняли. Да, если бы не они, как бы мы выжили.

А каким вам показалось благосостояние местных жителей?

Да, тоже плохо они жили, плохо. Но, все равно, как-то старались помочь.

А как менялось отношение местного населения? Возникали ли браки с местными жителями?

Да, да, были, и до сих пор еще в браке, и раньше были браки, да. Много же таких, что корейцы и казахи живут.

На каком языке вы общались с местным населением?

На русском, ну, где, как пойдем. Ну, больше на русском, потому что мы знали только русский язык.

Были ли уже на месте прибытия другие насильственно переселенные?

До этого не было, уже после были чечены, переселяли, немцев переселяли, а тогда вот я не знаю.

А скажите, пожалуйста, а какой статус, какой режим отбывания депортации был определен, какими были они фактически?

Ну, нам не разрешали отсюда просто выезжать никуда. Никуда выезжать. Вот только они помнят, вот какого года они были, вот уходить за пределы Уштобе нам не разрешалось.

Каково отношение было у местной администрации, как проверяли наличие на месте вас? Были ли побеги?

Нет, не знаю. Были или нет. Я такого не слыхала, что побеги какие-то организовывали.

А как работали, расскажите, как оплачивался труд?

Ну, конечно, труд оплачивался мало. Потому что все были бедные. Работы как таковой не было. Ну, что, вот этот арык сами копали. И дорогу тоже прокладывали. Казахи ж не возделывали землю. Вот только с приездом вот корейцев они стали возделывать

землю. Они стали вот садить огороды, возделывать поля свои. А раньше вот только скот держали, баранов держали.

Учились ли дети в школе, и как складывались отношения с местными детьми?

Мы с ними никогда, а раньше вот, правда, мы с ними никогда не ругались. Никогда не дрались, никогда не ругались.

А какие меры в отношении себя вы помните? Какие были ограничения?

Ну, вот, только, что о невыезде и все.

Можно ли было переписываться с родственниками с других регионов?

Не знаю, с кем они там переписывались. Не помню я, потому что вот, наверное, переписывались, потому что вот сестры и в Ургенче и в Ташкенте были. Переписывались они как-то, ну я не знаю.

А если помните, расскажите, как было организовано местное управление в поселке?

Ну, как, я даже не знаю. Мы-то все время здесь жили.

А были ли стукачи, осведомители, кто был во главе сообщества и как он руководил?

Мы не вдавались в политику, нам лишь бы выжить.

Угу. А расскажите, как вы в то время питались, одевались, сколько денег могли заработать?

Ой, как мы одевались, с мешковины шили себе юбки. А питались, что, вот ходили вот с родителями собирали колоски, там родители сажали, а мы помогали собирать вот это вот, чтобы вот это, снопы. Ну, сколько там платили, дадут вот там столько-то рису, домой придешь, столчешь, на это, корейцы вот придумали вот этот суп. Так собирали колоски всей семьей. С бабушкой собирали колоски. Нам, конечно, не разрешали. Я помню, как один раз объездчик бабушку бил за то, что мы с бабушкой собирали. Да, было такое, было. Как бы заставляли их, чтобы они не собирали, вот. Ну, вот, не знаю, чтобы не собирали колоски. Большая часть местных жителей на колосках жили. Вот колоски собирали и на этом жили. И пшеничные колоски и это. А потом уже стали огороды садить, ну, как. С огородов, где кукуруза, где что. Ну, так и жили.

Расскажите, пожалуйста, менялось ли отношение до и после войны?

Да, я даже не знаю. Мы вот, не чувствовали, чтобы к нам хуже относились. Вот такое, чтобы хуже относились, я такого не чувствую. Что тогда мы жили все вместе, все дружили, что сейчас. Не знаю я, такого нет у нас. Чтобы какая-то как национальность там, ты вот такая, ты такая, не было такого раньше. Да и сейчас я не чувствую, чтобы...

Теперь расскажите, как вы узнали о смерти Сталина?

Ну, я училась в 10-ом классе тогда, как по радио сообщили о смерти Сталина. Правда, все плакали, приходили на улицу, жалко было, что он это, ну, как, человек ведь он был вроде хороший. Что вот мы при нем жили, что вот он как бы поднял всю страну из разрухи. Поэтому вот мы-то может, не понимали, а плакали все равно.

Так, реабилитация. Как вы узнали о реабилитации?

Ну, из газет мы узнали о реабилитации. Ну, собирали документы, конечно. Собирали документы очень тяжело, как бы, с нас много денег требовали. Я потом махнула рукой, не хотела я. Ну, а потом сделали нам реабилитацию по 2, по 2200, по-моему, должны были платить. А вот когда вообще начала получать вот эту реабилитацию, забрали военные, вот, трудовые.

А где их надо было получать?

Чего?

Документы на...?

Ну, это, в Собесе. Все мы в Собес сдавали и по реабилитации в областном центре вот, вот это. Ну, а вот когда, я, вот сделали мне эту трудовую, трудовые военные, то с реабилитации меня сняли. Сказали или то или другое. Ну, вообще, сняли с меня. Реабилитации теперь у меня нету. Теперь у меня только вот это трудовые военные.

Теперь скажите, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у вас было в ее начале, отношение?

Ну, как вот. Как тогда относились, так и сейчас относятся. Не знаю.

Угу. А что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?
Да, что мне ожидать. Живу и ладно (*смеется*). Старому человеку, что ожидать еще?

Скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях?

Благодаря помощи местного населения. А потом все-таки мы работали, где-то, чего-то. Дети ходили маленькие, зарабатывали. Огороды копали. Вот в 10-12 лет мы уже ходили огороды копали. Вот это вот ходили, рис толкли. Вот так и выжили. Где-то, чего-то, вот так и выжили.

Может быть, Вы еще что-нибудь хотели добавить?

А что уже еще...

Может быть моменты, которые мы не затронули, вам есть рассказать о чем.

Да, о чем? Ну, как, папа, он у нас сначала работал на нефтебазе бухгалтером, он у нас вообще был бухгалтером. А потом пришел в СельхозСнаб. Там уже потом начальником СельхозСнаба, нам потом уже легче было. Нам дали уже тогда, когда папа перешел на СельхозСнаб на работу, нам дали в бараке 2 комнаты. Тогда у нас, конечно, условия лучше стали. Ну, и оттуда мы в школу пошли. Ну, а папа у нас всегда хорошо работал. Его вообще в Уштобе, как скажешь Югай, так все знали. Ну, в 60-ом году он умер у нас от болезни.

Что бы Вы хотели пожелать своим потомкам?

Жить дружно, мирно. И чтобы не было войны. Что пожелаешь, чтобы жили дружно.

Все, спасибо большое, что ответили, что рассказали, поделились.

Да, не за что. Я же говорю, мы с мамой как вот лебеду нарвем, и она это свиньям сварит, а потом сверху отрубями немножко присыпит, вот такой живот, а жрать хочется (*смеется*). Живот надует от лебеды, а есть то хочется. Лебеду ели, люцерну ели, да, все ели. Что попадалось такое съестное. Ну, ничего, выжили.

Все, благодарим Вас.

.....
Тен Галина Владимировна, корейка, 73 года. Была депортирована с Еврейской автономной области, город Биробиджан в 1937 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Здравствуйтесь, Галина Владимировна, скажите, пожалуйста, как депортация затронула Вас и Вашу семью?

Дело в том, что мне к моменту депортации было всего два месяца и поэтому я всего этого не помню, но так как я с мамой прожила вместе 34 года, и все эти годы она вспоминала ужасы этой депортации. Значит, мы выехали с вокзала города Биробиджана, это Еврейская автономная область, там проживали мои родители. Папа там работал учителем. И бабушка с дедушкой жили с нами. И когда их всех на площадь пригласили, они думали, что будут делать какое-то объявление, а потом всем дали команду. Подали вагоны и всех погрузили. И кто что догадался взять с собой, то и было, никакого объявления не было, что они поедут куда-то. И мама говорит, сколько было в сумочке денег, какие-то продукты, ну, одним словом, как стояли они на площади, так их и погрузили. Подали эшелоны, как говорят «пятьсот веселый», где возят скот. Там были сделаны какие-то

двухъярусные досками полочки. И вот мама и я попали на верхнюю полочку, дедушка с бабушкой на нижнюю полку. Вот так мы ехали.

Если можно давайте мы подробней все-таки остановимся на до депортации, вот Ваша мама, когда вспоминала, были ли какие-то догадки, может слухи, а может в этом городе люди уже готовились выезжать?

Абсолютно никаких разговоров. Иначе они могли бы подготовить хоть что-нибудь бы взять с собой. А то, как стояли, так и поехали, никаких разговоров на эту тему не было.

Не могли бы вы еще раз остановиться на дате. Когда какого числа объявили об этом.

Где-то рано утром числа 20-го октября, мама так говорит. Сказали, пойти всем на площадь, и в то же утро, в холодное такое утро, погрузили их всех на поезд.

Скажите, сколько времени давали на сборы, вот пришли они на площадь, вот как по времени?

Вот прям оттуда они и уехали.

То есть они...

Они не собирались, кто, что в доме оставили, ни ключ, ничего все в доме так и оставили.

Оказывали они какое-нибудь сопротивление?

Даже не было ни у кого такой мысли, что надо сопротивляться. Просто их всех погнали, и они все друг за другом пошли.

А на площади предъявляли какие-то документы, зачитывали какой-то приказ?

Абсолютно. Поэтому многих документов, вот когда коснулось моего свидетельства о рождении, не было, потому что осталось дома. Теперь паспорт, одним словом, никто не был подготовлен.

А как объясняли причину депортации?

Никто ничего не знает.

А в каком состоянии оставлял... т.е. вы все имущество, весь скот вы...

Мы-то были интеллигенцией, у интеллигентов не было скота. А у бабушки с дедушкой были и огород, они не убрали и в доме, что было и скот все так и осталось.

Вас пересилили всей семьей?

Нет. Со стороны мамы, папа с мамой они не поехали, потому что они жили в другом районе. А с нами поехали бабушка и дедушка, папины родители. Мама, папа и я вот так мы впятером ехали.

А в пути знали куда ехали?

Никто не знал куда едут, зачем едут. Никто ничего не знал. И за что.

А как формировался эшелон?

Просто всех подряд, вот такой-то вагон садитесь и все. Многие теряли своих деток, они попадали в другой вагон. А как-то так хорошо получилось, что бабушка с дедушкой, мама, я сели в один вагон.

Сколько человек ехало в вагоне?

В вагоне было очень много народу, потому что, там дышать, говорит, нечем было. Вот открывали верхний люк, а ни окон, ничего не было. И как селедка в бочке. Условий абсолютно никаких не было. Кто-то там захватил что-то, они что-то там грели. Но при любой, остановка, когда была, они выходили воду набирали, потому что воды не было. Запас воды делали, чтоб постирать что-то. И мама говорила, ведь я же маленькая была, это там пеленки, распашонки, прям выбегали, некоторые отставали от поезда, и они стирали прям на ходу. Представьте, как они там сушили. Но я всю дорогу болела, они боялись, что меня не довезут. Что как могли, у кого-то деньги были, потому что на остановке торговали и

вот они покупали, кто-то может, захватил с собой что-то. Ну, одним словом впроголодь, вот так ехали.

А мама или папа рассказывали, были ли случаи, что кто-то в бега пускался.

Нет, такого не было, но умирали. Потому что садились больные, никто не спрашивал, что с ними, и в пути не выдерживали этих условий и умирали. И никому не разрешали хоронить, просто остановка поезда, трупы выносили, складывали на путях и кто их хоронил, никто не знает. Весь путь был в костях.

А сколько дней в пути провели?

17 дней мы ехали.

Какие ходили слухи за 17 дней?

Мама говорит, люди недоумевали. Что про что они едут? И куда их везут? За что такое наказание. Целую нацию, все корейцы. Что они такое сделали и почему, за что и куда привезут. До последнего они не знали, куда они едут.

А когда прибыли, куда прибыли?

Прибыли, мама говорит, в общем уже начало учебного года, и приехали в Уштобе, выгрузили на станции. Песок, ветер совершенно другая природа, ведь на востоке такая зелень, они там, так хорошо, ну условия были замечательные. А тут песок. И они, им жить негде, под открытым небом. И все что у них было, они сложили и типа шалашей сделали. Но все равно и глаза и уши, рот были в песке. Но хорошо, что папа учитель и он пошел в ГОРОНО и его через некоторое время устроили работать учителем. Так зиму перезимовали, кто-то побежал в горы Уштобинские, там дикие лук, чеснок какие-то травы, мы же корейцы, мы травоядные. И вот они нашли эту съедобную траву, и там ее варили и что только не делали. Но мама с любовью такой с теплом вспоминает, как встретили уштобинские жители переселенцев. И она вспоминает, одна казахская семья, вот чабан, и они приютили нас. Заметили, что я маленькая, что бабушка, дедушка старенькие и вот мы там в таких условиях жутких. Они потеснились и тоже жили так плохо много детей у них. Последним они делились. А у нас же все корейки шьют, и она заметила старенькую машину хозяев и вот она бесплатно им шила за то, что они нас приютили. Потом слышали, что мама шьет и приносили ей кто, что мог, кто хлеб принесет, кто кусок мяса. Вот так мы зиму перезимовали. А потом опять всех погрузили и отправили в Кокчетавскую область, где мы прожили 20 лет.

Давайте еще раз остановимся на том, когда вы жили в Уштобе. Папа что преподавал?

Папа преподавал русский язык и литературу. Он в школе Горького преподавал. Но всего лишь зиму мы перезимовали.

В Кокчетаве что было?

Мы там жили Кокчетавская область Кемеровский район. Папу сразу поставили завучем в школе. Село Озерное. В основном там жили русские, и они нас встретили очень плохо. Там казахов почти нет, и мы единственная семья корейцев были там. Меня обижали, я была маленькая, худая и от них от всех отличалась. И они меня то камнями закидывали, то по-всякому обзывали и поэтому первый класс я провела дома. Папа был завучем, потом стал директором школы и он боялся за мою жизнь, и я первый класс просидела дома. И экстерном пошла во второй класс.

Почему обижали?

Потому что я отличалась, не похожа на них. Они никогда корейцев не видели. И я хочу сказать, вот эта национальность она не чисто русская, они как-то их там называют полуполяки какие-то. Они большие националисты были и если человек на них не похож, они вот так избивали. И вот папа директор школы, они даже этого не боялись. Они как могли, так и обижали, и я все время плакала и поэтому в школу не ходила. Потом после Кемеровского района, вернее после школы Озерного, папу направили в другую школу в

село Комсомольск, для поднятия там условий. Школа была такая загаженная, и поставили папу, чтобы он поднял, построил новую школу, новый коллектив и там он работал до самого окончания.

А какие это года, не помните?

Мы прожили в селе Озерном с 39-го года и до... где-то года 4 мы там прожили, потом переехали в село Комсомольск. И там папа был директором школы до..., в 60-ом году я закончила школу, и в 60-ом мы уехали. Ну, одним словом в Кокчетавской области мы прожили 20 лет.

А вот вы переехали в Комсомольск, как там вас встретили?

Там корейцев было много. И сразу папу приняли хорошо и меня тоже, и много было казахов.

Они как вас приняли?

Они приняли очень хорошо, поэтому у меня самые лучшие впечатления остались. Потому что туда в это время перевезли чеченцев, ингушей, из Польши поляки были. Ну, одним словом это послевоенное время, многие остались, не уехали на родину. И мы все так дружно, у меня подружки были разные, и немцы и чеченцы были, мы жили очень дружно, и у меня хорошие впечатления остались.

А возникали ли браки с местными жителями?

Конечно! Вот, например, папин братишка женился на полячке. И до сих пор, дядя умер уже, у них трое детей.

А в каком это году было? Тоже после войны?

Послевоенное время. Она была учительницей, вела военное дело, моя тетя Едвига. А дядя работал учителем математики. У нас вообще династия учителей, с папиной стороны брат учитель математики, а с маминой стороны братишка учитель биологии и химии. Поэтому я у них училась. В общем, у меня была не учеба, а целое испытание каждый день. Папа русский язык и литературу, математику и физику дядя, другой химию. И все предъявляли ко мне требования самые жесткие.

А на каком языке вы общались с местным населением, с казахами?

Я, например, спокойно понимала казахский язык, хотя разговаривать не могла. У нас преподавателя казахского языка не было, а я вот с детьми общалась и понимала, что они говорят, что бабушки говорят. По-чеченски, по-польски, по-немецки. Почти со всеми, я их языки понимала. Поэтому я, наверное, и пошла ...

Каково было отношение у местной администрации к депортированным?

Папу сразу выбрали парторгом в колхозе, где мы...

Это в каком году было?

Ну, мы как переехали в Комсомольск, папа стал там парторгом, к нему очень хорошо относились. Потом директор школы, на селе это фигура. К нам относились очень хорошо.

Вот ваша династия учителей, а депортированные народы как они работали?

Работали все очень хорошо на совесть. Поэтому я, когда в Алма-Ату приехала у меня спрашивали, кто у вас вел немецкий, кто у вас вел русский. Ну, я и говорю, сельская обыкновенная школа. Сильнейшие были преподаватели, требования были очень жесткие и знания давали очень хорошие.

А были ли какие-то ограничения...

... Я лично на себе этого не испытала. И точно так же мои родители. Мама, например, ни слова по-русски не знала до 25-ти лет. Вот она в 25-ть лет первые слова русские выучила. И потом стала спокойно разговаривать, хотя папа языковед, но ему некогда было с ней работать. И даже в магазине она не могла спросить, кто последний. И ее никогда не обижали. В общем, население относилось очень хорошо. Среди друзей папиных и маминых очень много было казахов, потом немцы, чечены.

А вообще как можно было переписываться с родными с других регионов. Была ли у них возможность?

Спокойно.

Родители вашей мамы знали, что они поехали в Казахстан?

Я лично никогда не слышала никаких ограничений, никакие препоны, ничего. У нас родственники, часть родственников были отправлены в Среднюю Азию, Узбекистан, а некоторые были в Киргизии. Я знаю, что к нам шли письма, и мы писали.

Т.е. имели такую возможность.

Да-да-да.

А было ли такое явление как стукачество, осведомление? Ваш папа говорил об этом.

На первых порах, когда только мы приехали,... дедушка с маминой стороны подъехали попозже. И вот среди тех, кто приехали даже дальние родственники, вот он сказал, что дедушка вышел из колхоза. Он колхозником был, но так как он заболел, и он хотел лечиться, а его зять работал в районе. И он хотел лечь в районную больницу лечиться, а ему говорят, раз ты колхозник ты не можешь лечь, ну тогда я напишу заявление, говорит. Ухожу из колхоза и на второй день его арестовали как врага народа, как шпиона его посадили и так он не вернулся, его в Сибирь отправили. И вот дядя вырос, его сын, везде писал письма, искал дедушку. И в конце 90-ых он его нашел, но ему сказали, что он умер.

В 90-ом году вы нашли дедушку, и где он оказался?

Он был в Сибири где-то там, не знаю, в каком месте, ну, в общем, ему пришел оттуда ответ, что дедушка умер. Это был донос.

Это примерно, какие года?

Это 38-ой, 39-ый годы.

Это довоенные годы?

Да, довоенные годы.

А вообще как питались, как одевались, как они решали свои бытовые проблемы. Вы говорите мама шила сама.

Мама шила, ну перешивала. Конечно, очень бедно мы жили в военные годы. Потому что колхоз, что-то сеяли, урожая не было. Что там зарплата учителя, маленькая. Но знаете, что мне запомнилось, что как-то люди были добрыми, были внимательными. Вот, например, у кого-то ребенок подросток, одежда маленькая. Я, например, носила много-много обносков, вот у нас соседи русскими были, фотографии были. И вот дети вырастают, а вещи отдавали мне. Мама перешивала. Ну не так что бы сильно голодными ходили, раздетыми болтаться. Я не помню. В любом случае жили, не померли.

А сколько денег Ваш папа зарабатывал?

Ой, я тогда маленькая была, даже и не помню. Помню, что в 50-ом году, когда в институт я поехала, у него зарплата была 90 рублей. И из этих 90 рублей он 45 рублей посылал мне на учебники.

Менялось ли отношение до и после войны к депортированным?

По-моему, мы стали добрее, стали друг друга понимать. Вот кому-то тяжело всем миром что-то там купил, лишнее передают без всяких там перепродаж. Такого не было спекуляции. Делились. Вот как одна семья.

Что помогло вам и вашей семье выжить в таких условиях?

Мне, кажется, это взаимопонимание, любовь. Я, например, выросла и никогда не видела, чтоб мои родители ругались, чтоб они друг друга обижали. Никаких бранных слов. Одним словом, умение уважать друг друга, понимать его боль, поддерживать. Вот это все помогло нам выжить.

А как узнали о смерти Сталина? И какая была реакция?

Ну, я училась в 8-ом классе, когда умер Сталин. И это была трагедия. Бабушке моей тогда было 60 лет, она весь день проплакала: ну почему я живу? Лучше бы я умерла, зачем он умер? И у нас такой был траур, мы в школе не учились. И даже учитель истории меня отругал. Я плачу и говорю, а кто теперь будет вместо Сталина? И вот учитель как на меня накричал, как ты можешь задавать такие вопросы? Разве кто-то может его заменить? Мы осиротели.

О чем говорили и какие были слухи?

Слухи только о том, что мы потеряли самого дорогого самого близкого человека.

А какие вы строили планы?

Ну, планов мы никаких не строили, потому что не знали, куда мы пойдём без него.

А когда вы и ваши родители узнали о реабилитации?

У нас же тут есть ассоциация корейская, и я уже работала в институте.

Это какой год был? Примерно.

95-ый или 93-ий так, по-моему, да я в институте ещё работала. И пригласили нас на совещание, ассоциации корейцев. И сказали: подготовьте документы для реабилитации.

А какие документы?

Там много было. Из архива нужно было справки, когда мы сюда переехали. Потом надо было найти очевидцев, свидетелей. Потом справку с места жительства, свидетельство о рождении, свидетельство о браке, ну удостоверение, паспорт. Много документов было. Ну что бросилось в глаза, что все было организовано. Не было никакой нервозности. И в прокуратуре, и в суде с таким пониманием отнеслись. Я оказалась среди этой группы, которая собирала документы, я оказалась самая грамотная, поэтому 18 или 20 документов я редактировала, проверяла заявления. Нужно было писать, всякие справки собирать. Ну, в общем, все у нас прошло нормально без всякой нервозности.

А где вы эти справки получали, куда ходили?

В архив городской в городе Талдыкоргане. Потом мы наши документы отправляли в прокуратуру, проверяла почему-то, потом в суд. На суд мы ходили.

А какой суд?

Областной. Тогда суд же был в Алма-Ате, мы документы в Алма-Ату посылали, а потом нас пригласили в городской суд, подтвердили, что они прошли.

А вот до того момента как вам сказали, что ваши документы прошли, сколько времени прошло?

Ну, это очень долго было. Я, наверное, в течение полугода собирала.

Вы собирали только документы? А вот ждали результатов сколько?

Тоже, наверное, столько же.

Т.е. год времени у вас заняло?

Да почти так.

Спасибо! Теперь давайте поговорим об отношении к депортации. Изменилось ли отношение по сравнению с первыми годами. Т.е. как вы начали ощущать отношение к депортации.

Ну, на первых порах нам даже разрешали ездить. Дали нам удостоверение, что мы реабилитированы, ездили бесплатно. Потом это отменили.

Это до какого года вы ездили?

Это года два или три мы ездили. Потом отменили.

На какие расстояния вы ездили?

По городу. Потом мы значит дали нам единовременное пособие. Очень хорошее, мама, например, получила 90 тыс., таких денег она никогда не видела.

В тенге уже было?

В тенге. И вот эти деньги так хорошо помогли. И я получила, правда я меньше. Там ценз возрастной есть. Мама-то ведь моя 90 лет прожила. Ну, она была очень благодарна, за то, что она переживала, она страдала... на Севере оставлено. Они же ничего не ... ну и теперь... эти деньги. И внукам досталось.

Что вы ожидаете от общества, от власти, от окружающих людей? Какие у вас ожидания?

Ну, мне уже 73 года, жизнь прожита. Ну, я на себе никогда не испытывала, что я корейка, что мне это нельзя, что это мне можно. Я чувствую себя равной. В Казахстане, например мы все были равные. И в институте точно также подружки у меня были равные. Мы все одинаково себя чувствовали. И вот я работала сначала учительницей, потом в институте. Я считала себя всегда такой же, как и все остальные. И после реабилитации и до реабилитации я не ощущала разницы, что я другой национальности. Я даже иногда забывала, что я корейка.

Давайте немножко вернемся, благодаря чему вы выжили в таких условиях.

Мне кажется дружба, уважение национальности и понимание, взаимоподдержка, все это, мы не чувствовали себя одинокими. И вот это помогло выжить.

Как вы считаете, как вам и вашей семье удалось сохранить жизнь? Многие умирали.

Да, но это воспринималось как естественное. Ну, заболел, умер, не потому что ты оттуда приехал. Конечно, первое время было ... климат. В Кокчетавской области климат очень суровый, холодный, а люди привыкли там же тепло. И поэтому очень много болели. Ну, умирали, естественно, считали, что жизнь прожита, значит.

А кто-то из членов вашей семьи или ваших родственников воевал?

Нет, никто на фронт не пошел, а в трудовой армии были оба деда. Папу не взяли, так как у папы старенькие дедушка с бабушкой, и директор школы. Было время, когда всего три мужчины были в селе – папа, председатель колхоза, ... и все остальные женщины были. А дядя и с маминной и с папиной стороны они все были за горами.

И что они делали там за горами?

... дядя один работал в Караганде, на шахте, но не шахтерами, а просто помощниками. А другой дядя в Павлодарской области тоже там они...

Может, есть какие-то моменты, на которых Вы хотели бы более подробно остановиться?

О чем?

О депортации, о жизни, может какие-то интересные моменты были личные?

Я лично так ничего не помню, еще маленькая была. А маминны воспоминания я всегда слушала с удовольствием и с интересом. Мама всегда вспоминала, как они жили там, на Дальнем Востоке и сравнивали жизнь сейчас, здесь в Казахстане. И говорит: настолько мы уже здесь привыкли, настолько свыклись с другой национальностью, что здесь нам кажется намного интересней жить. Жизнь стала лучше. Вот, например, они не знали, что такое электричество, там, где они жили, электричества не было. И вот они заготавливали лучины, и квартира вся черная от копоти была, потому что лучина же коптит. И вот при таком свете они вязали, шили. А тут в таких условиях. И культура. Намного жизнь стала цивилизованней и интересней. Ну, а у меня в памяти только то, что мама вспоминала. Бабушка моя была, оказывается экстрасенсом и вот мама часто вспоминала эти сеансы бабушкины. Она могла узнать, вот например, исчез человек, как его можно найти. И у бабушки начиналось общение с этими погибшими, умершими. И она их голосом говорила.

Что бы Вы пожелали своим потомкам?

Я пожелала бы, чтобы наша жизнь стала лучше, чтобы мы жили в мире, чтобы над нами всегда было ясное солнце, голубое небо, чтобы мы не знали междоусобицы, не знали

войны друг с другом. Чтобы, так как мы сейчас живем, говорят у нас сейчас один дефицит, это дефицит денег. Чтобы было побольше денег и чтобы можно было все купить.

Что бы Вы хотели передать будущему поколению?

Чтобы они были добрее, чтобы они уважали старших. Чтобы сейчас происходит этот беспредел, чтобы он закончился. Чтобы не было у нас непонимания, вот этого безобразия, которое сейчас. Чтобы наши дети жили в другом мире, в другом... доброта, чтобы всегда была, ну и благополучие.

А почему вы не уехали из Казахстана, а остались навсегда?

Потому что я была везде, я во многих была республиках. И лучше казахского народа нет, добрее, понимание. И знаете вот какая-то родственная связь между нашей национальностью и казахами. У меня зять казах, так что у меня внуки наполовину казахи.

Как протекала жизнь в Казахстане, какие были повороты судьбы у ваших родственников, в вашей семье?

Ну, например, у меня было. Я вот работала учительницей, я никогда не думала, что буду работать в институте. И благодаря моему выступлению на семинарах меня заметили. И вот с 69-го года я стала работать в институте, 25 лет. Из них институт усовершенствования учителей, и одновременно я была преподавателем кафедры педагогики иностранных языков Талдыкорганского педагогического института. И 25 лет я проработала в институте, занимая место директора. У меня много наград, мою работу оценили высоко и в СССР... Отличие Казахской ССР. Вот это был судьбоносный год в моей судьбе – 69-ый.

А после реабилитации вы ездили на свою историческую родину?

У нас даже и не было такой возможности. Мы всегда скромно жили, на зарплату учителя особо никуда не поедешь. Зато мои дети, моя старшая дочь Ира, она тоже учитель ... она с мужем уже дважды была ... с детьми. Они говорят, можно ездить в гости, но не жить.

А на Дальний Восток?

А на Дальнем Востоке мы были, там остались наши родственники.

В каком году?

В 70-ом году я была на Дальнем Востоке. Там остались мои родственники, мои двоюродные сестры, братья. Они живут в Приморском крае, поселок Шкотово. Я тоже почти все детство там пробыла. Природа очень красивая и все равно меня тянуло в Казахстан, и я приехала назад. Я могла там остаться, потому что мне предложили работу учителем... Это мой дом.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

.....
*Аблаева Заде Шерфе, крымская татарка, 83 года. Была депортирована с
Крыма в 1944 году. Проживает в Узбекистане.*

Гурьев стал Атырау сейчас. Мы в 3 районе. Мы жили там, школа имени Гоголя была, мы учились в этой школе. Потом в 8 школу перешли. Потом сюда переехали в Узбекистан. Мы бы не приехали, если бы родственники все здесь были, мы там одни остались.

Когда Вы депортировались из Крыма, в каком году?

В 1945, в 1944. В мае месяце. Сначала мы попали с Крыма в Свердловскую область, город новая Ляйля, поселок 59. Оттуда нас в Казахстан ...В 18 лет я там вышла замуж за Аблаева Изета.

Дочь: Всех мужчин до выселения с Крыма. Их всех забрали как в армию, но они попали в Казахстан, как трудармия забрали туда, поэтому все мужчины оказались в Казахстане. Женщин выселяли, они попали в Свердловскую область.

Мужиков отдельно и женщин отдельно. Мы попали в Свердловскую область, потом отца Аширова Алимжана взяли в трудармию. Когда строили нефтеперерабатывающий завод, там они работали, на строительстве этого завода. Это в 46 году было. Наш отец повез нас, жить там, там мы вышли замуж и детей родили.

Я родилась. Родители познакомились в Гурьеве. Отец мой и бабушка, вот они все были там в Гурьеве. Я помню, конечно, в начале, когда они там жили, условий не было, еще и в землянке жили.

Раньше мы так жили. Завод построили квартиру дали. Коттедж нам дали.

В каком году?

Это было в 1951 году.

На два хозяина. Там было: две комнаты, кухня. Хороший огород был, двор такой, коттедж хороший.

Это с завода строили квартиру. Это считался третьим районом, от завода 3 км было, там жили.

Давали специальные машины, мы жили в этом районе. Специально кто там работал. Это был 1951 год, я помню, мы жили в этом коттедже. Конечно, в начале условий не было, газа не было, отопления, потом все сделали. Горячая вода была у нас, все было. Газ был привозной. Мы хорошо жили. Я не жалею, это последнее, что я помню. Не знаю, в начале для родителей, конечно, было тяжело. Они в землянках жили. Мы там родились, братишка у меня 1953 года и сестренка 1957 года. Мы там все жили до октября 1964 года. Так как все родственники уехали сюда в Узбекистан. Нас тоже позвали. Мы не хотели уезжать. Раз никого нет из родственников, мы вынуждены были сюда приехать.

Т.е. когда вас выселили, мужчин уже в Крыме не было. Их раньше всех да?

Их раньше. Потом всех нас с детьми. Мать с детьми. Братишки мои.

Дочь: Это был 1925 год. Младшие остались, а старшие попали в трудармию, как раз в это время, поэтому они оказались там. Были тяжелые условия, отец рассказывал. Там они и голодали все, в общем. Отец выжил, все стойкие выжили. Питались, конечно, рыбой.

Там Каспий?

Дочь: Нет, река Урал, где мы жили, богата рыбой, черной икрой. Мы очень много икры ели. Это в детстве, мы икру ложками ели, банками покупали. Для нас рыба мясом была. Наше детство так прошло.

Это основной продукт питания?

Дочь: Да, да. Основной продукт питания – это была икра.

Там рыба совсем дешевая тогда была. Это в 1946 году.

Отец работал, мама дома была. Хозяйство, огород у нас был.

...

Отец был хорошим диктором. Он был диктором.

Он с какого года?

Отец с 1924 года. Январь 1924 года. Да, январь 1924 года. В апреле 2004 года он скончался так скоропостижно. Мы даже сами не ожидали.

Вы до 1964 года жили в Гурьеве?

Да.

А потом все ваши родственники в Узбекистане?

Да. Они тоже жили там, в Гурьеве, а потом они все сюда переехали, они раньше переехали. Потом нас позвали. Мы там одни оставались.

Т.е. непосредственно в самом городе? В самом Гурьеве?

Да, мы жили в третьем районе.

Взаимоотношения с другими национальностями?

О, у нас вообще ничего такого не было, разделения. Я даже не представляла, у нас не было делений. Все мы вместе делали. Все дружные были и все соседи такие были. Мы в школе с казахами общались. Казахский я учила там.

Депортированных в это время много проживало, в 40-50-е?

Да, конечно. Каждый в свою семью брал.

В какие годы начали разъезжаться люди?

Это было в 1946 году.

Нет, люди, которые начали уезжать оттуда?

Кто-то в Узбекистан попал, понимаете, с Крыма, кто-то в Казахстан. Они семью брали. С Казахстана они брали семью. Кто-то в Россию брал. Некоторые в России остались в Свердловске.

Кроме крымских татаров, кто еще был депортирован?

Греки были, чеченцы. Немцев нет.

Дочь: У нас соседка была немка.

Они жили там. Соседи у меня были казашки, башкиры были.

Вы учились в русской или казахской школе?

Я училась в русской школе, но изучали казахский язык. Изучали обязательно казахский язык. Отец очень хорошо разговаривал на казахском. Здесь тоже на казахском он разговаривал. Я говорила, я с Казахстана.

Т.е. межэтнических проблем...?

Нет, мы очень дружно. Отца вообще не хотели отпускать. Говорили, вернешься, в любое время тебя назад возьмем. Такого человека, рационализатора. Он с основания знал нефтеперерабатывающий завод.

Он завод строил, он все знает. Он работал в 8 цехе. Этот цех воду давал, с Урала воду давали заводу. Они воду качали. Они очень важные люди были, зимой замерзали, за ним ночью приходили. Забрали его. Зимой вода замерзает, все время воду качать надо, дверцу открывать, чтоб заводу воду давали.

Переселенцы жили отдельно от других или вместе со всеми?

Все вместе жили, городок такой был, 3 район, коттеджи строили, дома хорошие, там нам дали коттедж.

Вы говорили, что коттедж был на две семьи, а вторая семья кто были по национальности?

Немцы.

...Они пришли, уговаривали нас. А вот сестренка пришла, младшая. Нас уговаривали, что вам не нравится, вам школа не нравится? Давайте школу поменяем. Вы хотите в другом месте жить? Давайте вам другое дадим. Мать говорит, что у нее братья там, мама в Узбекистане, поэтому мы хотим вместе. И мамины родственники, мы одни оставались. У них были свои дома, они их продали, уехали, а мы жили в коттедже, они тогда не продавались, мы просто должны были оставить, а у нас жилья здесь нет, чтобы приехать. Поэтому когда мы приехали, мы жили с мамой, с братьями отца.

А самые первые родственники ваши в каком году переехали?

Перед нами уехали они, это было в 1958 году. Мама уехала с отцом, купили вот здесь квартиру.

Да и постепенно все родственники сюда переехали. Сейчас они в Крыму естественно, только мы одни остались.

А когда начали возвращаться в Крым?

Когда разрешение дали, все опять дома распродали, а мы остались. Вот я проработала на заводе, с 1971 года. Завод мне дал квартиру. Вот мы живем здесь.

Я работала в нефтеперерабатывающем заводе, я работала кондуктором, я работала диспетчером, в общем, день работали, а два дня отдыхали.

Вот таким образом Ваша мама из Крыма в Казахстан, из Казахстана в Узбекистан. Вы родились в Казахстане?

Нас 4 у меня еще старший брат умер, теперь я вторая, еще после меня брат, тоже умер в 2007 году.

Мы жили с родителями отца.

У нас не было жилья, мы жили с родителями с бабушкой отца, с мамой, потом отец устроился на трансформаторный завод, квартиры давали быстро, вначале дали нам барак, раньше бараки вот на этом месте, где мы сейчас живем. Было множество барачков. Где-то 2 года мы жили в бараке. Потом нам дали 3-х комнатную секцию. Мы там учились, естественно, здесь я техникум закончила, проработала на трансформаторном заводе, мой брат тоже работал на этом заводе. Вот сестренка там тоже работала. Я уже на пенсии, сестре еще год остался. Брат вот болел, так получилось, с сердцем ему плохо было. Делали операцию. Но не выдержало сердце. Дети уже взрослые, все семейные. У всех дети, внуки, у сестры сына двойня родилась. У меня вот тоже внук родился. Старший военный сын и младший тоже.

Значит сейчас в Казахстане у Вас родственников не осталось?

Нет, никого нет там.

А теперь у Вас большинство родственников в Крыму?

Да.

Вы как переехали ни разу не были в Казахстане?

Нет ни разу. С 1964 года ни разу.

Если была бы возможность мы бы поехали.

.....
*Аблякимова Сабрие, крымская татарка, 88 лет. Была депортирована с
Крыма, Сакский район в 1944. Проживает в Узбекистане.*

В интервью принимали участие соседи: сосед 75 лет, соседка – 84 года.

В каком месте Крыма Вы проживали до депортации?

Сын: Сакский район, деревня Бараш. Родилась сирота, родителей не знает. Жила у старшего брата.

В каком году и месяце были депортированы из Крыма?

18 мая 1944 года.

Из Крыма прямо в Казахстан?

Нет, она сначала попала в Узбекистан. А отец в 1944 году он попал сразу в Казахстан. В 1946 году по вызову маму вызвал туда в Казахстан в город Гурьев. Вот они там жили до 1967 года. Сюда в Узбекистан переехали в 1967 году. А остальное время с 1946 по 1967 годы жили в Казахстане.

Когда проживали в Гурьеве, где работали?

Ну, мама не работала, отец работал в нефтеперерабатывающем заводе. Он там работал слесарем, потом руководство, администрация города Гурьева, выделило участки, начали строиться по улице Бакинской, 22. Строили дом своими силами. В то время тоже послевоенные годы было очень тяжело, но руководство администрации помогало, какими-то там материалами. Построили дом. В 1947 году родился у них сын, мой старший брат. Родители поженились в 1940 году. До войны. Потом отец во время войны приболел, и у него была бронь.

Сразу эшелонами отправили в Казахстан.

То есть мужчин отправили?

Да, всех мужчин отправили в Казахстан. А после в течение месяца, остальных, женщин, детей. В то время у мамы был еще один старший сын он 1942 года рождения. Вот они вместе в товарных поездах добрались до Узбекистана, после где-то в 1945 году, как приехали сюда, первый ребенок умер.

А в Узбекистан? В какое место?

Сырдарьинская область. Баигут район. Мама там была. Потом до этого по вызову отец вызвал маму в город Гурьев. И там начали обживать, жили.

Дети родились там?

Да.

У вас есть старший брат или еще?

Нас всего, у меня старший брат в 1942 году родился и потом умер в 1945, а в 1947 родился брат, в 1949 еще один брат и я в 1957 году. Вот нас трое. Я самый младший. Старшие братья сейчас проживают в Крыму.

До 1967 года Вы проживали в Казахстане?

Да.

Нас наиболее интересует этот период.

Я помню то, что мы там. Мы когда сюда приехали, мне 10 лет было. С 1957 года рождения. Ну, по фотографиям, где-то по рассказам, я кое-что помню. Были соседи.

Кто были по национальности?

И русские, татары крымские, казахи местные.

А крымских татар много было?

Да, на нашей улице было много.

Кроме крымских татар, какие еще депортированные народы были?

Нет, только крымские татары на нашей улице, а так немцы, чеченцы.

Межнациональные отношения?

Очень были теплые, нормальные. В то время все жили дружно, было тяжело, друг другу помогали. Вот строились, жили.

После того как в 1967 году переехали в Узбекистан, и здесь проживали, а когда начали возвращаться в Крым?

Возвращаться в Крым стали где-то в 90-х годах. Старший брат в 90-х уехал. Средний брат где-то в 2001 году.

Когда переехали в Узбекистан, то сразу сюда переехали в Чирчик?

Да. С 1967 года. Поначалу жили у родственников. У мамы брата. И потом здесь взяли участок и построили дом.

А ваши родственники были сразу высланы в Узбекистан?

Наши родственники вот Узбекистан, а отец вот в Казахстан. Но кое-какие родственники были тоже в Казахстане.

Сейчас у вас остались в Казахстане родственники?

Нет, сейчас нет, все разъехались кто куда.

Братья получили образование, Вы?

Старший брат был водителем, средний брат он был сварщиком, я самый младший получил образование среднетехническое.

Когда Вы проживали в Казахстане, отношения между различными национальностями были достаточно нормальными.

Очень хорошие, теплые, ни с кем не враждовали, нас приняли.

Казахским языком ваши родственники владеют?

Отец знал, мама нет. Сейчас она плохо слышит под 90 лет уже.

Когда переехали в Узбекистан, здесь отношения местного населения, межнациональные отношения какие были?

Были очень нормальные, никто нас не обижал. Мы обжились здесь.

Документов того времени у вас не сохранилось?

Нет, документов у нас не сохранилось. У нас был пожар, и документы не уцелели. Документы, что папа работал на этом заводе, слесарем, были наградные листы, грамоты, это все не сохранилось.

Во время войны Ваш отец не был призван в армию?

Нет, он болел в то время, и у него была бронь. И в это время пока ждали, он не дождался, и сразу их потом отправили в Казахстан.

То есть прежде чем общая депортация в мае была осуществлена, то есть в апреле сначала всех мужчин вывезли?

Да.

Мужчин какого возраста?

Отец был 1912 года, это было 32-34 года, а вообще не знаю.

Сосед говорит: Всех подряд выселили из Крыма, забирали мужчин как в трудовую армию, остались дети, моего отца не взяли, так как он старый был, мы с отцом и детьми переехали в Андижан, там до 15 лет я жил, после 15-летия, приехали родственники, и в 1959 приехали сюда в Чирчик. До сих пор живем здесь. Так я устроился на работу, сейчас мы соседи, одновременно дом строили, и до сих пор с 1965 года мы друг друга хорошо знаем. Отец его был очень хорошим человеком. Мои родители умерли, остался я один. Я 1935 года рождения. Мне было 9 лет.

Ваш отец, в каком году вышел на пенсию?

Сын: Он вышел в 1972 году. В 60 лет он на пенсию вышел. А мама всегда была домохозяйкой.

А сколько сейчас у мамы внуков?

У нее уже и правнуки есть, 2 правнука, внуков 8.

Вы своей Родиной считаете Казахстан?

Да, я там родился, где родился там и считаю.

Мы уже проводили с крымскими татарами интервью, они считают, что у них три Родины – Крым, Казахстан и Узбекистан.

Я говорю, что где родился там и считается родиной. Потом вторая родина здесь. Родителей Родина Крым.

Сосед говорит: Моя родина Крым, я знаю, в какой деревне я родился, мне было 9 лет, отсюда в 1944 году в мае месяце что ли, мы попали в Андижан, и отсюда нас с брочкой повезли в колхоз. Там 15 лет жили, после 15 лет. Мы уже на ноги стали, родственников нашли, и переехали сюда.

Вы учились в русской школе?

Да, начинал в Гурьеве, остальное здесь. И Гулистанский строительный техникум здесь. Строили здесь в Чирчике.

Никогда не сталкивались с отрицательным отношением из-за вашей национальной принадлежности?

Нет, и в школе, и в техникуме, и на работе, никто не называл нас крымские татары. У нас друзья и узбеки, и русские, и казахи, и немцы.

Дома Вы говорили по-татарски?

Дома мы говорим по-татарски с родителями.

А ваши дети?

Наши дети разговаривают в основном на русском, но когда надо разговаривают и понимают по-татарски. В Узбекистане живем, узбекский тоже знаем.

Я еще хотел бы уточнить некоторые моменты

Сосед говорит: отношения у нас всегда хорошие были, никогда ни с кем споров не было. Я сам узбекскую школу закончил 10 классов.

Сын: Я хотел просто вопрос задать: какую цель вот депортация крымских татар именно вот у руководства, какую цель они перед собой ставили, с Крыма, крымских татар, там были и евреи, и немцы, много национальностей. Я вот до сих пор как молодое поколение, почему до меня до сих пор не доходит. Почему они выслали? Обида есть, мне никто толком, вот в истории, какая цель?

Да, это одна из темных страниц в истории Советского Союза. Это не только крымские татары, это и корейцы, немцы, турки, чеченцы, ингуши, калмыки, которые подверглись этим депортациям. Наш проект он как раз имеет своей целью собрать информацию, сведения о тех людях, которые этому подверглись, и попытаться в меру наших сил восстановить историческую справедливость. Поскольку это люди, которые заслуживают того, чтобы о них знали, о них помнили, о них говорили. Это вообще депортации, репрессии по национальному признаку, это вообще официально в международном праве преступлением, и это одно из преступлений сталинского режима. Поэтому представители депортированных народов, они официально признаны жертвами репрессий Сталинского режима. И в частности у нас функционирует музей репрессированных, посвящен памяти депортированных народов. Наша работа заключается в том, чтобы максимально получить информацию о людях, которые еще живы, могут передать информацию, чтобы могли сохранить память. Наш проект так и называется: «Память во имя будущего». Т.е для чего нужно помнить, для того чтобы такого рода вещи не повторялись в настоящем и в будущем. Может быть, Вы там тоже что-то скажете?

Сосед говорит: у меня брат, его в армию забрали в 1941 году, он всю жизнь воевал. У него есть ордена. Он ни в чем не виноват. 5 лет прошел. Мы, конечно, обижены на бывшее правительство. Может быть, и виноват кто-то, но не весь народ.

Соседка: Кто успел вещи, кто не успел, всех сослали. Поэтому много народу умерло здесь. Ничего нет. Поезд привез. У кого вещи есть, у кого вещей нет. Пришел офицер, спросил, деньги есть, денег нет? Что я видела, не дай Бог никому увидеть. Мне было 14. В 1947 году всех забрали, одних девочек оставили.

Мы сильно обижены, мы так страдали. Обижены бывшим правительством. Он не разбирает, виноват, не виноват.

Когда Вы родились, уже не так тяжело было?

Да, после войны голод был, 1945-1946 гг., тяжело было обустроиваться на новом месте.

Сын: Надо и строиться, и детей кормить. Но выжили.

У старого поколения есть все-таки какая-то обида. Они там жили и вдруг их высылают. Обида на Сталина была. 24 часа дали, давайте, собирайтесь.

Соседка говорит: Если хороший солдат попадется, то, говорит, берите паек, который солдат сразу гонял, ничего не дал. Товарным поездом, почти что 1 месяц ехали.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ КУРДЫ

Мамуч-оглы Али Сулейманович, курд, 58 лет. Были депортированы родители с территории Санжарии Грузинской ССР в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: Какая именно депортация затронула Вас или Вашу семью (дата, контингент, место высылки, место вселения).

Я, Али Сулейманович Мамуч-оглы, являюсь Председателем Талдыкорганского регионального культурного объединения «Барбанг». Мои родители были депортированы с территории Санжарии Грузинской ССР в ноябре 1944 года. По словам очевидцев, со слов моего отца это было так. Днем 25 ноября 1944 года приехали со стороны города Батуми колонна машин грузовые и легковые. А ночью с 25 на 26 ноября так называемые «тройки», два солдата и один офицер, приходили в каждую семью и кто, что мог забрать, до 6 часов утра забирали. Людей сажали в эшелоны и буквально на следующий день ночью их отправляли в неизвестном направлении. В пути моим соплеменникам пришлось немало пережить.

Али Сулейманович, как узнали о депортации? До этого момента в населенном пункте ходили какие-нибудь слухи об этом? В этом населенном пункте проживали другие народы, подвергшиеся депортации?

Практика депортации до 1944 г. была, ей были подвержены курды, которые проживали в Азербайджане, в Армении, в Грузии. Грузино-турецкая и грузино-армянская граница, кто из курдов проживал вдоль этих границ, подвергся депортации в 1937 г. А в 1944 г. подверглись курды, проживавшие в Аджарии (Батумский округ), турки-месхетинцы, ацелтехи. Их выселили как неблагонадежных.

Сколько времени давали на сборы, и что разрешалось брать с собой?

Что могли взять с собой вручную, полмешка муки, например, машин не было. Кто, что мог, то и брали. Грузили в эшелоны, адаптированные для перевозки скота, по 5-6 семей в вагоне.

Оказывало ли население сопротивление? Приходила ли власть, зачитывала документы о депортации? Элементарно объясняли?

Нет, никаких объяснений не было дано. Люди не знали: зачем? кто? куда?

А что стало с имуществом?

Имущество все осталось, и было отдано другим. В 1956 г. после отмены комендантского надзора нашим курдам разрешили вернуться. Я родился под Алматы в поселке «Прямой путь», там сейчас рынок «Алтын Орда». В то время поселок находился в 16 км от Алматы, мост был чертой города, а все существующие сейчас поселки были пустырем. В 1956 г., когда нам разрешили ехать, многие, приехав в Грузию, потребовали свое имущество обратно, но им не отдали и в той местности, где мы раньше жили, нам не разрешали прописываться. Прописываться можно было за рекой, которая является границей Аджарии, грузинской границы. Аджария – это автономная область, входила в состав Грузии, но там нам прописку тоже не давали. В 1960 г. подверглись второй волне депортации курды, которые проживали в Аджарии.

А их за что депортировали?

Их депортировали в Казахстан. Многие кто уже здесь проживал раньше, сразу сюда ехали, кто в Каратальский район, кто в Алматы, кто в Джамбульскую область вновь вернулись. Курды за свою историю были депортированы 3 раза, даже я бы сказал 4 волны. Первая волна в 1937 г., вторая в 1944 г., третья в 1960 г. и четвертая – это Карабахский кризис, когда курды проживали и в Армении и в Азербайджане, но, не желая быть орудием в руках воюющих сторон, они были вынуждены уехать в Россию и в Казахстан.

Они тогда сами добровольно мигрировали?

Да, добровольно, но опять-таки в России во многих областях не имели прописки и не имели гражданских прав, не могли устроиться на работу и на фоне всего этого курды, проживавшие в Казахстане, чувствовали себя уютно, потому что пользуются правами в рамках законодательства для всех граждан Казахстана.

А вот при переезде разрешали ехать семьями или их отделяли? Как это происходило, что рассказывали папа и мама?

В основном семьи были вместе, но были моменты, когда семьи терялись. Некоторых дома не было, их выселяли с другой партией, и они терялись. Те, кто был на фронтах, по окончании войны возвращались на место жительства и не находили своих родных. Говорили так и так, уехали, а куда неизвестно, знали, что в Казахстан. И вот сюда приезжали и находили. Депортированное население подвергалось репрессиям, так как в период введения колониального надзора не имели права удаляться от деревни, аула, где проживали дальше 2 км, только с разрешения коменданта. Если справки нет, разрешения нет, отсылали назад в аул и тогда жди наказания.

Воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте?

Из моих, нет, но у других воевало очень много.

Их отзывали с фронта?

Нет, таких случаев я не знаю. А вот после окончания войны они приезжали домой и своих там не находили и начинали искать. Уезжая в Казахстан, здесь они получали такой же статус – депортированных.

Как формировались эшелоны, и поскольку человек в них ехало?

В вагоне ехало не менее 5-6 семей и самое проблематичное, что мужчины и женщины вместе. С этической точки зрения они не могли свои естественные потребности справлять. Ехали без передышек мимо селений, крупных городов, а вот в степи где-нибудь, где никто не живет, остановки были где-то час. При переезде очень много народу погибло.

Какие условия были в поезде? Чем-нибудь кормили или люди оставались на самовыживание?

Да, оставляли на самовыживание, кормить никто не кормил, одежду никто не раздавал. То, что с собой взяли, то и все.

А было такое, что бежали в пути?

Может, такие случаи и были, но куда они могли бежать? Были такие, кто сюда приехал и бежал назад. Их ловили и помещали назад. Были такие, кто хотел вернуться. Были такие, кто менял свою фамилию на грузинскую, что бы там остаться, но это тоже не помогло, все равно выселяли.

Скажите, пожалуйста, вот Вы говорите, остановки были в пути. Они были долгими? Что могли делать за это время?

Ну что можно сделать за это время? Воды набрать. Их сопровождала охрана поезда.

Сколько дней были в пути до Казахстана?

В пути находились примерно один месяц. Вот если 25 ноября выехали, то в конце декабря, в начале нового года прибыли. Многие кто сюда прибыл, расселились в Балхашском районе. Вокруг песок, ни одного деревца, холод, пурга, степь и люди не привыкшие прожили там год, может несколько месяцев, и попросили у властей, чтобы их поселили в горной местности, чтобы вода была рядом. Власти пошли на встречу и курды оттуда переселились в Енбекши-Казахский, Талгарский, Илийский и Каскеленский районы.

В какой населенный пункт прибыли Ваши родители?

Мои родители... я родился в Каскеленском районе, село «Прямой путь» Алматинской области. И я думаю, их туда переселили. В селе проживало вместе с нами 3-4 семьи курдов. Компактно проживать не разрешалось более 5-6 семей. Они не имели права уезжать учиться. Наш известный академик, его даже казахи называют Ломоносовым, ему в виде исключения пришлось обратиться к властям, чтобы окончить Кызылординский

пединститут. Он письмо Сталину писал, но в Москву его не пустили, а в качестве исключения разрешили в Кызылорде пединститут окончить. Потом после окончания комендантского надзора, дальше продолжил обучение и сейчас один из выдающихся химиков-нефтяников Казахстана мирового уровня.

Скажите, пожалуйста, какие были условия бытовые тогда? Ваши родители уже были женаты или здесь познакомились?

У них уже была семья. Старший брат и сестра уже родились там.

Их с 2 детьми перевезли сюда, получается?

С тремя. Один у нас погиб – умер брат в пути.

Их здесь кто-то встречал?

Нет, условий не было никаких. Правда, местное население встретило гостеприимно.

А дома, в которых они жили, где взяли?

С начало жили во временках. Строили их как могли. Некоторые жили вместе с казахскими семьями. Когда в прошлом году мы проводили 65-летие проживания курдского народа на территории Казахстана, мы нашли семьи: дети, внуки двух аксакалов, у которых проживали и в знак памяти наградили, вручили подарки. Директор школы Шаримбаева, у нее компактно учатся дети курдов в пределах 200-250 человек, ей тоже символический подарок.

Бытовые условия какие были? Мама что рассказывала?

Условия тяжелые были. Питались плохо. Надо отдать должное моим соплеменникам за их трудолюбие, за их волю к жизни, за стойкое перенесение плохих погодных, климатических, географических условий. Но питались, кто, чем мог: кукурузой, отрубями. Плохо питались, делились со всеми. Там где мы проживали, в основном было казахское население, но проживали и другие нации, и всем миром помогали. Тогда потому что как в казахской пословице говорится: «9 лампочек горят, а одна тускло – всем заметно». А здесь нас мало и все друг другу помогали. Я бы хотел отметить, что у нас в этом году в Аксуйском районе трагические события произошли. Наши курды Талдыкорганского региона собрали 150000 тенге и в минуту тяжести, в знак благодарности передали кызылагашцам, собрали 10 овцематок и тоже передали. Вот это, я считаю, и есть дружба народов, когда в трудные минуты все друг другу помогают. Это яркий пример казахского патриотизма. Я знаю, что собрали не только мы, но и чеченцы определенную сумму и другие народы помогают. Это все идет от души. Старейшины благословили и без указаний сверху это идет. Я думаю, это очень дипломатично.

Как вас встретило местное население? И как к вам относились?

Отрицательного отношения не было, все относились с пониманием. Наоборот, чувствовалось сострадание, милосердие. Они сами тогда трудно жили. Последним куском хлеба питались, но всем делились.

А как преодолели языковой барьер Ваши родители?

В начале без знания языка было тяжело. Курдский язык относится к иранской группе языков. Русский язык тоже плохо знали. Но со временем этот барьер преодолели. Те, кто жил в Жамбылской области, все закончили казахские школы и прекрасно владеют казахским языком.

До какого года Вы жили под Алматы и как попали в Уштобе?

Под Алматы я родился в 1946 г. и до 1956 г. жили там. Четыре класса там закончил. Затем переехали в Грузию в Аджарскую автономную республику. С 1956-1960 годы мы жили в Грузии в Аджарии. Я учился в русской школе, а родители жили отдельно в грузинском селе, там русской школы не было.

Возникали браки с местным населением?

Вначале не до браков было. Но скорее всего такое в качестве исключения было. Это сейчас браки с казахами существуют, были и есть.

А на каком языке общались родители с местным населением?

Моим соплеменникам – курдам в том плане было легче. Так как старожилы, наши аксакалы знали турецкий язык, а он очень сильно схож с казахским. И у стариков проблем не было. Турецкие слова, казахские слова были схожи. Поэтому старшему поколению было легко, а вот дети не знали.

Депортированным был дан статус спецпереселенца. Каким образом местная администрация контролировала?

В каждом селе, в каждом районе был комендант, который строго следил за надзором. Без его ведома, без справки нельзя даже было в Алматы за 10-15 км уехать, в Каскелен за 12 км. За 2 км от села уже нельзя было уходить.

Этот комендант проживал вместе с вами в селе?

Да у нас он в «Прямом пути» жил. Сыровацкий, я даже его фамилию запомнил. Я с его сыном в одном классе учился.

Где работали? Как смогли устроиться Ваши родители?

Мой отец на ферме работал, мама тоже. А потом она на птицефабрику устроилась. Трудодни получали. Денег почти не видели. Я помню комический случай, когда отца наградили свиньей. Он ее русскому продал за 123 рубля. Принес деньги, а мама их даже не взяла, сказала, что от свиньи не возьмет. Вот такие религиозные.

Ваши старшие брат и сестра учились в русской или казахской школе?

У нас в селе казахской школы не было, была только русская. И они пошли в русскую школу. В селе «Прямой путь» была только русская школа 4-хлетка, а вот 7-милетка была в селе «Путь Ильича» или в селе Абая. «Путь Ильича» был близко и поэтому, несмотря на то, что дети спецпереселенцев, для учебы курдам туда разрешалось ехать.

Ваши родители общались с родственниками из других регионов? Писали письма? Они имели на это право?

Переписываться, мне кажется, переписывались, если справку-разрешение брали. Я сам в 1956 г. в Уштобе переехал, а весной снова уехал.

Кто из родственников у вас жил в Уштобе?

В Уштобе у меня жили дяди по материнской линии. Я помню пыль, комаров много, вода соленая.

Получается в 1956 г. мама первый раз после 1944 г. увидела своих братьев, родственников?

Мама нет, это я увидел. Они 10 лет вообще не виделись. В 1956 г. мой двоюродный брат взял меня с собой. Разрешили. Он приезжал сюда свататься, а когда возвращался, взял меня.

А были ли стукачи?

Нет, таких случаев я не припомню. Вообще об этом я даже не задумывался. Таких-то нет, но у любой власти есть свои уши и глаза. Но нас там всего 2-3 семьи, нас мало, все на виду.

Как с питанием, как одевались?

Питались как все. Что в колхозе заработали, то и все. Мне пришлось еще застать ... На Кавказе горцы делали чарухи из овчинного корня. Его обдывали и потом типа кожаных тапочек делали. Сами шили. Обувь делали из коровьей кожи, внутри она меховая, а снаружи кожа. Я помню в 1954-1955 гг. стало немного лучше жить. Если раньше света не было – свет провели, немного легче стало. Конфеты «подушечки», пряники. Мы очень им радовались! Сладости появились. В 1955-1956 гг. коньки-салазки вышли. Я еще у родителей просил, а они мне не смогли купить. Мне обидно было. У меня сосед был русский. Они ему купили, а мне не достались.

А как родители одевали, если денег не было?

У нас был свой скот, и мы как бы бартер делали. Мясо, утки, что-нибудь зарежешь... Урожай так же, справку берешь и на Зеленый базар в Алматы едешь, продаешь. Особенно перед школой покупали. Я помню, поехали, накупили всего, а мне старшая сестра говорит: «Вот смотри», а я налево - право смотрю, все интересно. Она приходит, спрашивает где все, а ничего нет, украли... И с пустыми руками пришлось возвращаться.

Что помогло выжить вот в таких условиях, тяжелая война, депортация?

Когда у человека есть надежда, как например, в фильме «Судьба человека», он преодолет любые препятствия. Надежда увидеть своих родных и близких, своих детей и внуков поддерживает человека. Надежда на то, что рано или поздно это пройдет, вселяет в человека веру на будущее.

Как узнали о смерти Сталина, и какова была реакция в вашей семье?

Я учился в 1-ом классе, а моя сестра в 7-м классе, у нее была подружка казашка Римма. Я вышел, смотрю, эта Римма плачет: «Ой-бай, ата умер». Люди в прямом смысле считали Сталина отцом, очень сильно переживали, эта трагедия, конец света наступит. Мое воспоминание такое же. Все только благодаря ему. Сейчас, сейчас стало выясняться то-то, то-то. А раньше никаких слухов не было, только положительное, только хорошее. Все население, что проживало в селе, все плакали, переживали.

В каком году узнали о реабилитации?

В 1956 г. когда узнали о культе личности Сталина. И все вольные стали, кто, куда может ехать, и многие уехали.

Вашим родителям справки какие-нибудь делали?

Нет, вначале никаких справок нет, кто хочет, может ехать. И ехали без всякого разрешения, справок. Приехали, но прописку именно в этом месте не давали, я думаю, потому что местное население, кому отдали дома, не хотели, чтобы претендовали на них. Однако после того как Чеченская республика образовалась, чеченцам все вернули, а нам нет. У нас своего государственного образования не было, мы как пришельцы. Дома отдали грузинам, они тоже мусульмане, аджарцы мусульмане они тоже оглы были. У кого фамилии были грузинские, их оставляли, остальных выселяли. Все, кто был туркоязычным и мусульманином. После реабилитации у моих родителей никаких документов не было.

Вот у вас справки о реабилитации были даны в 1995 г. Расскажите, как шел этот процесс.

В 1993 г. вышел закон о реабилитации. По этому закону такие-то, такие-то являются жертвами политических репрессий. Получают денежную компенсацию до 100 рп. ед. Я помню, тогда 1 расчетный месячный показатель составил 91 тенге. Я делал документы матери, и она 91 тысячу тенге получила. Дети являются пострадавшими, и нам такую компенсацию не дали, но сейчас я документы сделал и 1 (МРП) добавляют к пенсии. Деньги мы получили в 2002 году, этот процесс после реабилитации был сильно затянут. В начале льготы были на свет по 50% к оплате и на проезд в общем транспорте. Затем в 1996 г. или 1997 г. – когда был кризис, эти льготы отменили, а потом, в 2002 году, когда стало легче жить дали компенсацию. Все компенсацию получили по-разному: кто 50 тысяч, кто 40 тысяч.

Какие документы вы собирали маме для оформления компенсации?

Самое главное мне пришлось поехать в прокуратуру, в отдел правовой статистики в город Алматы. Там мне дали справку и на основании ее, я приехал в область, и здесь в областной прокуратуре мне дали справку о реабилитации. Я ее взял в октябре 2002 года. Мать у меня умерла в 2004 году, а справку получили в 2003 году. При сборе документов выявили ошибки, поэтому некоторые справки делали через суд.

В современном мире изменилось ли отношение к депортации по сравнению с 1950 годами?

Депортация есть депортация, никуда она не уйдет. Но то, что мы сейчас проживаем в нормальных человеческих условиях – это факт. Многие дети здесь родились. Это наша родная земля, она нам дорога. Всем нам, кто проживает на этой земле.

Что Вы ожидаете для себя от властей, от общественности?

Я думаю, что понимание нужно. Мне недавно товарищ рассказывал, что в современное время был отдел пропаганды, и тогда была квота, по которой распределяли квоты, да все даже в верховном совете работали столько, крестьяне столько. Недавно ко дню независимости, у нас проживало много национальностей 50-60 г., а награждали казахов, русских, корейцев, а других нет. Я сказал: «Так нельзя, так не красиво... так в казахстанцах патриотизм не воспитаем и не построим». Любой народ, даже если он черновую работу проводит, но вклад в экономику дали. Со мной аким района согласился, а кто-то рассуждает, зачем нужны лишние хлопоты. Вот в газете недавно писали, в Кызыл-Агаш парень чеченец помогал, там выжить 100 с лишним человек на своей машине вывез. А почему власти об этом не говорят. Он даже отца предупредил, но забыл взять. Почему бы не сказать, что человек другой национальности чисто на человеческом факторе помог другим людям. Это яркий пример сплоченности народов Казахстана. Вот на таких чувствах сопричастности, когда делят и радость, и беду рождается патриотизм.

Что ожидаете от общества в целом?

Сейчас рыночные отношения они ведут к безнравственному положению. У молодежи нет почитания и уважения к старшим. Упали нравственные устои. Образование никчемное такое, потому что за деньги все покупается. Настоящими специалистами не вырастают. А что в школах творится... Коррупция, она тормозит развитие любого общества. Все это, конечно, рано или поздно мы преодолеем, но имущественное неравенство – это плохо. Раньше мы все жили одинаково и делились самым последним. А сейчас кто-то очень богатый, а кто-то очень плохо живет. Поэтому и говорят, что пока у нас не будет преобладать средний класс 70-80%, у нас настоящей демократии не будет.

Скажите, пожалуйста, благодаря чему ваша семья и ваши соплеменники выжили в сложных условиях?

Благодаря трудолюбию, дееспособности и надежде. Потому что без веры и надежды жизнь теряет смысл.

Ваш брат и сестра смогли получить образование?

Я на чем хочу заострить свое внимание. После 1956 г. препятствий не было, но для развития языка, обрядов, традиций стартовые позиции у всех были разными. Очень маленький % людей с образованием. К сожалению, у нас в Казахстане сейчас даже, насколько я знаю данные, в советское время на 1000 тружеников приходилось 117 человек с образованием, а у корейцев 257 человек. У них тенденция есть к знаниям. У Аликбаева книга хорошая вышла, она как энциклопедия по праву. Сами казахи на 7 месте по образованию. В этом нельзя никого винить, просто есть тенденции. У моих соплеменников, к сожалению, уровень очень низкий. Они не видят перспективы. Да и в целом для того, чтобы языком владеть надо время. Мы привыкли все ломать, потом построить. Но нам надо поучиться у китайцев все хорошее они оставили, а плохое убрали.

Удалось ли курдам на территории Казахстана сохранить свой язык, культуру, традиции?

В этом плане, слава Богу, удалось. Сегодня мы имеем равные возможности со всеми. От тебя лично зависит все, от твоих знаний. Язык сохранили, свои газеты и книги выпускаем. Года 2-3 назад вышли учебники курдского языка для 5-6 и 6-9 классов под редакцией академика Мирзаева.

А где изучают его? В каких школах?

У нас есть воскресные школы, семинар для учителей курдского языка. Они получают сертификаты и на основе их преподают курдский язык. В основном эти школы в Енбекши-Казахском районе.

Что бы Вы пожелали своим потомкам, нынешнему поколению?

Все, за что боролись наши родные и близкие, воплотилось в жизнь. Чтобы сами были достойным примером для детей и внуков. Чтобы все пожелания и мечты сбылись.

Что Вы хотели передать будущему поколению?

Живите, творите, верьте.

Почему вы не уехали из Казахстана, а остались?

Во-первых, я родился здесь и перефразируя Маяковского: «В Алмате рос, в Талгаре вырос и весь вопрос».

А чем родители мотивировали, что они назад вернулись?

Когда в Грузии такое отношение, то, конечно, здесь ближе к казахскому населению и по культуре и по образу жизни. Курды сами скотоводством занимаются. Интересов много общих. Здесь легко было жить. Казахи с пониманием относились. В Грузии родители проживали с 1956 по 1960 гг. Я так понял, что многие жаловались в Москву, что так и так. Но советской власти там такой не было, как хотели, так и на местах проводили политику. Насколько я помню, в 1961 году Хрущев издал указ о том, что можно держать 5 баранов, 1 корову, 10 соток земли, и все, ни больше, ни меньше. А там все это не действовало. Здесь в Уштобе 1 соплеменник 2-х этажный дом построил, так на него поклеп, народный контроль пришел. И ему пришлось доказывать, что он все заработал своим трудом и нигде не своровал.

Скажите, как протекала жизнь в Казахстане, и какие повороты судьбы были у Вашей семьи?

Когда мы в 1960 году вернулись, то приехали в Каратальский район, в Уштобе. Здесь я закончил среднюю школу в 1963 году. С 1 по 8 класс учился в Уштобе. Затем закончил вуз. Работал педагогом, тренером, директором спортшколы. Все что от меня зависело, я смог реализовать. Сейчас я веду общественную работу для социальной и правовой защиты населения. Сейчас помогаю старикам в сборе документов как труженикам тыла, чтобы им дали компенсацию. Думаю, что со временем люди оценят, поймут. Просто делаю все, что в моих силах. Культурную программу проводим не только для курдов, но и для других национальностей, чтобы они тоже узнали обряды, обычаи, уважая других, ты уважаешь себя. Это как уроки этнографии.

Спасибо!

.....
Тама-оглы Хасан Хесуйнович, курд, 89 лет. Был депортирован из Грузии, город Батуми в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Здравствуйте, меня зовут Женя, представьтесь, пожалуйста?

Кого?

Представьтесь, пожалуйста, Ваше имя? Фамилия, имя.

Тама-оглы Хасан.

Теперь расскажите, пожалуйста, как Вас затронула депортация?

Ну, выселяли нас, ...

В каком году?

Года 2-3 там был, потом там был, потом сюда пришли.

А в каком году это было?

Я не помню. С 44-го оттуда, с Батуми.

Из Батуми вас выселили?

Сюда, да.

В Джанаталаб. А вы помните, воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте? И что с ними было после окончания войны?

Родственники, половина там, там отец умер, отца брат, братишка, он здесь умер. Там я их не помню.

Угу. Расскажите, что было накануне депортации? Были ли слухи, догадки об этом?

Грузия с Турцией близко были, поэтому нас выселяли сюда. Поэтому выселяли. Разговоры были такие, что аджарцев будут выселять. Вот их надо было выселять, их оставили. Вот нам помогали, которые в армии родственники были. Все были. Там и скот все оставили. В армии мне не помогали. Молодежь они пошли в армию, на войну пошли. Да, да, да. Нас сразу выселили.

Как происходило переселение?

Нас на эшелоны нагрузили и все.

А вам на сборы сколько времени давали?

Нам ничего не говорили, нас просто собрали всех и все. Ничего они нам не сказали, солдат пришел, и там надо было аджаров отправлять, нас отправляли. Чечены там раньше нас выселяли, они Германии помогали. Пришли люди в военной форме, да, мы сюда, когда приехали, Сталин приказал, вот такие люди эти. Помогать надо. Продукты дают, скот дали. Это когда уже сюда мы приехали, да. А там, когда мы в Грузии жили, военные приехали, нас забрали и мы уехали, на эшелон поставили, нас загрузили и все. Никто ничего не успел, вещи остались совсем. А мы не виноваты были. Чечены были виноваты. Нас не надо было отправлять. Надо было аджаров отправлять. Аджарцы все в Турцию пошли, убежали все. А потом Сталин его убил, Сталин его убил. Мне было лет 18. 18 или 19, я не помню.

Оказывал ли кто-то сопротивление?

А?

Оказывал ли кто-то сопротивление, когда вас забирали?

Нет, нет, не было. Как баранов угнали и все. Нагрузили на этих на паровозах, т.е. как на этих, эшелонах, и отправили. Когда нас уже привезли, нам продукты дают, Сталин уже сказал, что которые отправляют, которые невиновны, ничего и государство помогает, скот советский был, мы пасли его. Да, да. Приказ дал Сталин. Продукты дает, скот дает. Чеченов нет, они Германии помогали.

Расскажите, знали ли вы о том, куда вас везут? Вот когда вас перевозили, знали ли вы, куда вас везут?

Мы откуда знаем, нет, нет, никого не знаем, не знаем.

А вот как вас везли, расскажите, пожалуйста? Как вас везли, сколько человек было в вагоне?

Большой состав был, вагоны были, ну, я там не знаю сколько человек. Некоторые умирали, некоторых выгрузили. Нам дали, солдаты нас сторожили, чтобы нас не трогали. Никто не трогал, и вагоны все спокойно, и продукты нам давали.

А что вы смогли фактически взять с собой? Взять что-то с собой могли вы?

Чего?

Вещи какие-то, с собой могли вы что-то брать или как?

Оставили, оставили, некоторые успевали кое-что взять, нахально нас, да, да. Это чечены были все, это у чеченов остались.

А вас вывезли?

Да. Нас нет, чеченов надо было брать Сталину. Их оставил, нас отправил.

А скажите, можно я вас перебыю, как вы узнали о переселении? Вы как узнали о переселении?

Никак мы не знали.

Не предупреждали вас?

Нет.

А как происходило переселение?

Ну, в районе пригорода нас отправили и все. А откуда, черт его знает, мы ничего не делали. А которые хотели отправить, их не выселяют.

А вас переселяли со всей вашей семьей?

А?

Со всей вашей семьей переселили?

Да.

Знали ли вы о том, куда вас везут?

Откуда мы знаем?

Как везли вас?

Нас отправили в Ташкент и распределили там, там тоже же места не было распределить. И мы сюда приехали.

Расскажите, как везли вас, как формировался эшелон?

Доченька, я не могу по памяти, нету.

А сколько человек ехало в одном вагоне? Не помните, примерно?

Ну, у нас 2-3 семьи на один вагон, 2-3 семьи. Одни которые не успели, ...бежать с собой. И так пришел, здесь прям ничего не делали.

А что вы могли фактически взять с собой? Вещи какие-нибудь смогли вы?

Чего?

Взять вы смогли что тогда?

Ну, которые успевали, брали. Потому что в вагоне места нет уже. Ну, вагоны ж не такие были, там было 2-3 семьи, или 4 семьи. Там где вагоны большие были 10 семей, потому что вещей половина осталась, половину взяли и все.

А чем и как вас кормили там в поезде?

Солдаты, военные.

А как вас кормили?

Нам по дороге дают на каждой станции немножко продуктов дают, кушать дают.

А теплую одежду давали?

А чеченов нет. Одежду?

Одежду. Вот по дороге вы вот ехали? Продукты, теплую одежду давали?

Да, да.

А не помните, умер ли кто-то по пути?

Некоторые умерли, да. Переживали прямо. Старики переживали, на дороге даже умерли. Где его хоронить, их бросают и все. Сталин это все знал, ...поэтому, все.

А не помните, бежал ли кто-нибудь, может быть, во время пути?

А?

По пути кто-нибудь бежал?

Кто?

Ну, вот когда вы ехали?

Мы все время не выезжали, никуда, никуда. Как баранов гоняют, из вагона загоняют и все. Я откуда знаем, что нас будут выселять. Не знаю.

А сколько дней находились в пути?

Где?

В пути, сколько времени находились? Ехали сколько дней?

А там это, черт его знает, наверное, дней 20-30, вот так вот.

А когда вы прибыли, куда вы прибыли?

Вагоны потому что прямо не идет, а вот когда дорога сработает тогда вагон идет. Некоторые места, два дня стоят, один день стоят.

А в какую пору вы прибыли?

А?

В какую пору вы, когда вы прибыли? И куда именно вы прибыли? Лето было, вот когда вы прибыли, вот какое время года?

В январе, кажется. Ага, в январе было.

И вас в Джанаталаб вы приехали?

Да.

Знали ли вы о том, что вас привезли в Казахстан тогда?

Мы откуда знали куда нас, эшелон идет, откуда мы знаем, куда будет? Это государство знает, государство знает, где свободное место есть. Там не только мы были, в Джамбуле, в Ташкенте распределил.

А климат, какой был, когда вот вы приехали?

Зимой, зимой.

Он отличался от того климата, от того места, где вы жили?

Кто?

Климат отличался?

Да.

Отличался, да?

Да.

Чем вот, расскажите?

Мужчин же не было. Они все в армии, в армии были. Старые люди с женщинами остались.

А расскажите, какие были бытовые условия в первое время? Бытовые условия, какие были?

Кто?

Бытовые условия в первое время, какие были у вас? Как жили? На первое время, вот как вы приехали, вот как вы жили?

Зимой, зимой.

Нет, вот вообще, как вы жили?

Ну, комнату дают, если кого ..., тогда же таких домов не было. Вот отсюда до туда кирпичом делает, и там живут. У них тоже жилья не было. Они тоже как мы, так были. Не было таких домов как сейчас, не было. А сейчас, что, 2-3 семьи остались. Тогда что, в одной комнате 10 человек.

А когда вы приехали, как вас встретили местные жители?

Ну, нас, где ходили, они знали, где нас будут выгружать, там выгружают, потом в поселке звонят оттуда, брички, брички приходят, нас грузят.

Угу, а была ли поддержка...?

Тогда ж машин не было, ничего не было.

Как вот вас встретили местные жители, вот казахи, как вас встретили?

Кто встретили? Там же сообщают в поселке, вот столько-то бричек...

Нет, а как, хорошо вас встретили или как?

Да, да, да. Помогали, все.

Помогали. Вот про это расскажите.

Да, вот я жил, живу, примерно пришли 2-3 семьи, у тебя есть место, где положить ... пожалуйста, пожалуйста. Да. Потому что они тоже выселенные были. Они тоже как мы были. Ну, я говорю, у нас ничего нету. У них скот был, дом был, дома не такие, как тебе сказать, как сарай. Вот такие.

А жили ли в районе расселения казахи?

Чего?

Вот куда вы приехали, жили ли там казахи?

Да, да.

И как они вас встретили?

Ну, они нам помогали вместе, вместе, они нам помогали. Потому что нас выселяли оттуда, они помогали нам. Им тоже кушать нечего было, потому что работы не было, мужчин нет, женщины, старики остались, все. Если у них есть, нас зовут, там покушаем. Если у нас есть, их зовем. Потому что мужчин нет, все в армии. Война же.

А на каком языке вы общались с местным населением, на каком вы общались с местным населением? Вот когда вы приехали, на каком языке вы разговаривали?

В Джанаталабе, в Джанаталабе.

Нет, на каком языке вы общались с жителями?

Ну, их язык мы тоже понимаем, почему, потому что там тоже такие не казах был, они мы их там тоже знаем, их там тоже понимаем. Они что говорят, вот хлеб, да? Мы говорим нан, и они тоже нан. Когда вода, тоже вода.

Угу, угу.

Потому что нам подходит. Баран, тоже баран.

Угу. А какое отношение было у местной администрации?

Кого?

К вам, как к вам вот относилась администрация, начальство?

Что...?

Отношение к вам, вот администрации, начальства вот как к вам относилось?

Ну, начальство что с нас будет спрашивать, работаем и все.

Проверяли вот вас?

Нет.

Не проверяли, значит.

Ну, нам ничего не говорили, как мы были, так и они были. Вот мы под комендатурой были, года два или три. Потому что некоторые убежали отсюда. Вот поэтому, под комендатурой.

А как вы работали?

На поле.

А как оплачивался труд?

Ну, там что, трудодни и все. Деньги-то не дают, ничего не дают, продукты дают и все. А что там. Зарплаты не было.

Учились ли дети...? А вот про это расскажите.

Зарплаты не было. Там продукты немножко дают и все. Им тоже и нам тоже. У тех, у кого работы нету, техники нету, они тоже вот это вручную все. Вот эти каналы-маналы, все вручную чистили. Тогда ж не было экскаваторов, трактора-мрактора. Тогда не было этого. Ни мужчин не было, старики тоже, пожилые, старухи тоже, что. А вот таким что ты будешь делать. Молодые все в армию.

А вот расскажите, учились ли дети в школе? Дети в школе учились? Приехали вот когда, дети вот, вы в школу пошли?

В школу я не ходил.

А вот в семье дети, вот приезжих, вот приехали, дети вот в школу...?

Маленькие, когда были, они ходили. У казахов тоже редко были, такой школы не было. И тоже такой же был. Не было, не было школы. Учителей не было, ты что.

Как питались вы, как одевались в то время?

Ну, как, старые люди знали, как делать, что делать. Эти, когда кукуруза, или пшеница, в ручную этот был, ну как, муку делать. Мельниц же не было. А если ничего нету, они берут и кушают так и все.

А одевались, как, вы помните?

Одевались что, не такие были. Даже баранья кожа, зашивают и одевают. Вот так.

А сколько денег тогда могли заработать?

Да какие деньги тебе, денег нету, продукты немножко дадут и все. Или пшеницы или что-нибудь. Продукты, деньги нет. Денег не было, нет.

А расскажите, что помогло вам выжить в таких условиях?

Это я не знаю. В колхозе, в совхозе приказ дают, директор или председатель, тогда директора не было, председатель. Бригадир был, дает приказ, такие, такие вот со спецпереселения, отдайте все каждый месяц столько-то отдай, какой семье, сколько надо. Вот так.

А расскажите, как вы узнали о смерти Сталина?

Что?

Как узнали о смерти Сталина?

Сталин, когда умер, это 53-ой год был, здесь ученики, учителя, паровоз стоит, гудит прямо, гудит. Вот все выходят, учителя, плачут все. Поезд стоит и гудит. Учителя, дети все плачут, директор плачет.

А когда вы узнали о реабилитации?

Кто?

О реабилитации когда вы узнали?

Вот они знали, кого выселяли, государство нам помогало. Это при Назарбаеве. Да.

А как проходил процесс оформления документов?

Что?

Процесс оформления документов как проходил, быстро это было, вот оформление документов? Быстро вы или долго?

Что оформили?

Документы о реабилитации?

Документы они сами делали, я не знаю, кто там, сколько работал, что работал. Я здесь 30 лет работал ..., мне медалей сколько, все они знают. Проверки, где я работал, район то все знает. Я никуда не хожу. Когда пенсию получаю, они опять сдают, потому что мы работали в 44-ом году здесь. Работали сколько надо. Как мы работали. Всем, всем, кто работал.

Что Вы хотите добавить к тому, что Вы уже рассказали? Еще что-нибудь расскажите?

Тогда зарплату нам помогали, все помогали, больничный дает, все дает, тоже дополнительно получаем. Хорошо же работали. Если урожай в год вот примерно 10 га, 10 га по 1 га по 50 центнеров. Вот тогда, тонна, мы получаем зарплату получаем, премиальные получаем. Поддержка совхоз, помогает. Тогда здесь корейцы были тоже. Вот кореец председатель был, он вот такой был. И кому чего не хватает, сразу приказ дает... Зимой валенки дает, летом сапоги дает, брюки тоже зимние, хорошие дает. Вот как мы работали, премиальные, премиальные вот я уже несколько раз в год получал. Честное слово.

А что бы вы пожелали своим потомкам?

Ну, этих людей уже нет.

Нет, потомкам своим, будущему поколению, детям, внукам? Что бы вы пожелали? Как бы вы хотели, чтобы жили?

Я всегда работал, я не понимаю, о чем ты говоришь.

А вот у вас остались какие-то фотографии, документы какие-нибудь, вот с того времени, как вас переселили вот?

Да, да.

Остались вот, да?

Да. Я что-нибудь получаю, своей старухе отдаю и все.

Спасибо большое за интервью, за то, что поделились своими воспоминаниями о прошлом.

.....
Озиев Джапар Уршанович, курд, 59 лет. Были депортированы родители из Грузии, Аспезинский район в 1944 году. Проживает в Казахстане, Жамбылская область, село Кордай.

Вы знаете, сейчас мы начали проект по депортированным народам, да вот Вы слышали, наверное, о теме нашего проекта, о чем вот да? Вот скажите, пожалуйста, как депортация непосредственно затронула Вас или Ваших родителей, или кого-то из Ваших близких родственников? Вот можно об этом, если можно поговорить?

Да, пожалуйста. Мою мать значит выселили 22-го марта 44-го года с Грузии Аспезинский район село Ахалкалаки. Они там жили. Отца нашего забрали на фронт. Мама осталась с двумя детьми. Старший брат 39-го года, Алипаша звать. И сестра 42-го года Ханна. В один из прекрасных дней вечером сказали, объявили, что вас выселяют. Здесь будет проходить учение. На два-три дня отправляют, в общем, назад потом вернетесь. На всякий случай возьмите, кто может с собой кушать на два-три дня, одеяло, постель там вот, обманули их. И говорит, мать говорит, где-то под утро два солдата стучат, выгоняют, ничего не подготовились, ни муки ничего не смогла взять, только одеяло взяла. Нас выгнали, уже машина ждала. Товарняк поезд, не знаем, где, с ее слов. И увезли туда. Она, у нее, оказывается, было от родителей, осталось у матери где-то с чашечку золото. Николаевских монет. Она говорит, я это знала, я это взяла. Дома не оставила. Одеяло взяла, и кушать, что-то вот такое взяла, и говорит, это самое с двумя детьми выселили. Не выселили, их повезли на станцию, товарняк посадили, и не знает куда. Она неграмотная с двумя детьми. Мужа, отца нашего забрали на фронт. И говорит, едем уже, когда к России, там холоднее. В поезде холодно. Люди многие голодные ничего не взяли, по дороге умирают. Вот эти трупы забирают, кто с голоду умирает, завшивленные, воды нет. На станциях где-то стоят, кто идет воды набирает, поезд тронулся, кто-то остается. Не может догонять. И вот ее рассказы. Потом кто умирает, уносят куда-то, поезд тронулся, по дороге выбрасывали. Даже не это самое куда-то, в какой-то вагон, а потом уже когда поезд тронулся, в степи

трупы выбрасывали. Много людей погибло, когда везли. Сюда их привезли 14-го ноября. Ноябрь, декабрь попали они сначала у нас, в Кара Болту привезли, там отцепили вагон в Киргизию. Оттуда их сначала на лошадях, а потом довели, не знаю, до какого-то поселка. Там на быки, брички с быками и вот село Благовещенка, это раньше колхоз Буденова, вот сейчас проезжали, как поворачивают там. Вот в это село попали. Моя мама попала с двумя детьми. Сыну, значит, моему старшему брату, было в то время 5 лет, а сестре было 3 года. Вот с двумя детьми она попадает в казахский дом, ее вселили с двумя детьми. Топили камыш. Солома. Вот что было, и в зиму кое-как она это самое выдержала. Началась весна, вот они как говорят, парники там сеяли капусту вот это вот в то время. Колхоз, трудодни, мать работала, не знаю, как с детьми. И вот она говорит, вот эта семья, они, Тулеген звали дедушку, они умерли. Они как своим детям, мой брат и сестра, у них дома воспитывались. Они казахский язык чисто знали. У них жили, они кормили. Научили, когда лошадей резали, они конину начали кушать и брат и сестра. Для них они были членами семьи. Мать говорила, что барана зарежут, первый кусок мяса нашим детям давали. Даже если их, ни дети свои, если варится мясо, возьмут это, дедушка, старик Тулеген своих детей ругал, им надо давать, это обиженные люди: «Кудай бар, коред» надо помочь. Это тоже дети. Чьи-то дети. В общем, так получилось, до 45-го года война кончилась. Отца нашего, он дошел до Германии. Меня же не было, я здесь родился, и оккупация, и вот в общем 4 года он там остался. В Германии. В 49-ом году он возвращается на Кавказ. С фронта и приезжает, там никого нету. Не знает к кому обратиться, где что, в общем, спрашивает все такое, ему говорят, их увезли в Среднюю Азию. А куда в Средней Азии. Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, в общем сюда. Он, в общем, поездом садится, приезжает в Ташкент. В Ташкенте находит много курдов, турков, которых и никто не знает, куда наших... это самое. Начинает спрашивать, целый год он в Узбекистане проводит. У людей ночует, все такое. В общем, спрашивает, кто может, знает. В конце концов, какой-то человек находит, кажется, говорит, они попали или в Киргизию, или в Казахстан. Вы туда езжайте, здесь нету. Он оттуда приезжает в Киргизию. В Киргизии ищет, нет, нет. Ну, в общем, тоже какой-то человек находится, который говорит, они в Казахстане вот именно в этом Кордайском районе ваши родственники. Он потом приезжает уже где-то под 50-ые годы. И маму находит с двумя детьми. Уже брату тогда где-то 10-11, сестренке 7-8 лет. Маму находит. Вот потом я здесь родился. Я отца не помню. Он от сыпного тифа в 54-ом или 55-ом году, мне года 3-4.

Всю войну прошел а...

Прошел. А здесь от болезни умер. Ну, сыпной тогда свирепствовал. Ну и тиф, тогда медицина слаба была. Говорят, от тифа умер, ну есть брюшной, кишечный, кровотечение тоже. Сыпной от вшей переходит. Люди все завшивлены были. Ну, в общем вот так получилось. И мама всю жизнь благодарна была казахам. Тяжело сказать. Никогда это не надо забывать.

Да.

Мы сроднились. Я себя считаю казахом. Благодаря казахам я, наверное, выучился в Алматы, так вот сейчас рассказал, даже на экзамене не ответил, мне 5 поставили из-за того, что я им видно понравился или он понял, что с меня врач получится. Уже 32 года работаю врачом. В этом районе так пришел и все весь район меня знает. Ну сколько силы, возможность, знаний был, посветил здоровью людей и вся семья у меня тоже врачи. И жена, и дочка, и сын, все. Двое сыновей, оба хирурги. Сын, дочка гинеколог. Мама, жена гинеколог. Брат умер в 2001 году. В аварию попал. Я как раз на первый курс поступил в 73-74-ом, он в аварию попал. У брата значит три сына, одна дочка. Всех я их поженил, отделил. Дома купил, по мере возможности. Ну, скромно так в селе на ноги поставил. Кто выучился, техникум окончили все. Семейные стали. А брат в аварию попал в 74-ом, ночью ехали с одним гаишником. Там гаишник выпивший был. Он сзади на Урале, не держался за эту сидят же спинки и они с другом мотоциклистом столкнулись. А он не держался. Он улетел головой об асфальт. 13 дней без сознания был. Я в стройотряде был в Каскеленском районе.

Алматинская область?

Алматинская область, там есть поселок Каскеленский, зерносовхоз, свинокомплекс, строили там, и туда телеграмма пришла отсюда, срочно выезжай, брат разбился. Разбился, ну для меня он как отец был. Помогал и этот когда такую телеграмму получил, я думал, он умер, разбился. Ну не грамотно написали, выезжай в тяжелом состоянии, они написали, разбился. Я в автобусе еду, плачу. На первом курсе, только на второй перешел. Домой приезжаю, до сюда приехал, где сейчас вы сошли.

Да, да, да.

Ночью. И один таксист тогда азербайджанец вот в Успеновке, я говорю в Успеновке, это вот от середины от Благовещенки сюда на серединах. Оттуда довез, я говорю, довези до Благовещенки, я говорю, брат разбился. Сколько надо заплачу, денег тоже нету. Думал, дома возьму, отдам. Он туда доехал, осталось до нашего поселка 25 км. Не хочет везти. Я устал, целый день, но время где-то час ночи. Автобусов нет. Я говорю, неужели ты меня на улице оставишь? Может, когда-нибудь я врачом буду, моя помощь тоже. Отвези меня. Приезжаю ночью домой, он отвез. 5 рублей в то время, 3 рубля такси. 5 рублей давай и все. Я домой захожу, никого дома нету. Ночью час, уже второй час ночи. Пошел к соседям, разбудил, я говорю, дома никого нету, телеграмму вот такую получил. Так они все говорит в больнице. Он этот живой, без сознания.

В Кордае он был?

Благовещенка. Там случилось. Его везти нельзя. Без сознания, с Бишкека врача привезли нейрохирурга родственники. Его трогать уже нельзя. Ни туда везти даже, он по дороге умрет. Только на месте лечить. Там участковый, полиция. Я говорю, дайте мне 5 рублей вот этот таксист привез, деньги заплатить. А он же назад поедет. И они, это старик вышел 5 рублей мне дал. Этому таксисту. А вышел этот таксист оказался этого старика родственники. И вот этот старик говорит, тьфу ему в лицо. Это такая семья, про нашу семью сказал. Золотые люди. У них случилось горе, и ты отсюда с поворота сюда автобус стоит 80 копеек. Ты за 5 рублей, у них эти деньги берешь. Он со своего кармана вытащил 5 рублей, тот этот чуть живой этот мужик таксист. Он это все помнит. Мне говорит, почему я тогда у тебя деньги взял. Когда я уже такой человек стал, авторитет вот.

У дедушки деньги взял?

У дедушки деньги взял. Потом я ему говорю, тогда ты меня до больницы добрось, от нас до больницы где-то км 1,5-2. Он до туда довез. Уехал. Я прохожу около больницы, человек, наверное, 100 на улице. На кошке спят люди. Лежат. Вокруг больницы все. Он уважаемый был, в комсомоле работал. Уважаемый, авторитетный он был. Я пришел, все меня обняли, ну плачут, я зашел, он храпит, без сознания. Жена, четверо у него уже детей, маленькие все. Поцеловал, на лбу мокрое полотенце все. Ну, я на первом курсе видите, ничего не знаю. Анатомию только курс прошли это. Понятия же не имею. Почему не повезли в районную. Почему привозили врачей с Киргизстана. Сказали, трогать не надо. Сейчас даже в машину загружают, он может умереть. В общем, он в общей сложности 14 дней без сознания в этой больнице. Мы через 2-3 дня ездили в город, Абдрахманов Абдулхат Абдрахманович, татарин был. Врач нейрохирург. 2-3 дня он придет, лечение пишет. Мы его возим, в карман деньги ложим, дедушка пожилой был. Что какая возможность, свеклы много было, сахар дома был, мешок сахара, барана зарежем, мясо везем. Его отвозим, и он приезжал, смотрел. Через 14, на 14 сутки он сказал, сегодня в 3 или пол 4-го утра вы его потихонечку в машину загрузите на заднее сидение. Волги были тогда у людей уже. И где-то за 3 часа к 7 часам вы его в Бишкек повезете. Вот на 14 день мы его перевезли потихоньку, вот от нас до Бишкека км 70-80, мы пошли за три с половиной часа шагами ходить. Движение нет. Тишина мы его привезли. Пол 8-го утра уже в больнице были. Ему позвонили с больницы, что мы привезли, он говорит, госпитализируйте, я приду, он заведующий там был. Положили и брат в общей сложности 4 месяца там пробыл. Операцию ему сделали на голову. Внутри кровь скопилась, гематома была, убрали. Ну, единственное, когда выписывали, они сказали ни в коем случае ему не курить,

не пить. Жена рядом была, вот это я опять уехал. Уезжал. Выкарабкался, выжил. Но стал психбольным. Уже и крыша поехала. Посттравматическая энцефалия, потеря. Он потом уже начал пить, ненавидеть своих близких, жену, этих угроза нож, топор, ружье, что вот такое состояние был уже. В психбольнице где-то 10 раз лежал, в этой больнице. Ну, уже был инвалидом. И вот в возрасте 62 года до пенсии где-то полгода не дотянул. Умер он. 2001 году. Сестра в Бишкеке. Замужем, семья, муж очень рано умер у сестры. Я тоже помогаю ей. Вот вдвоем мы остались. И вот мама в прошлом году 23-го мая, мама умерла в возрасте 95 лет. И я хорошо долгожитель они два брата, две сестры были. Моя мама была в семье вторая. И два брата умерли раньше ее и старшая сестра, и мама больше всех прожили. Ну, все говорят, благодаря тому, что сын был врач, вот мама умерла, все люди, которые приходили, говорили, какой чистоты она была, это не передать. Никакого запаха не было. И должное своей жене скажу, у меня и сноха есть, и дочка моя есть, такой уход был, она вот легла, разговаривает, уснула потихоньку. Она ходила. До последнего ходила. Конференция хирургов областная. С Алматы с кафедры института хирургии... Операция на сердце делать. Большая конференция 23-го, я их всех вечером встречаю, вот здесь кафе, где мы сейчас с вами стояли. Там в кафе угостил. Где-то 60 человек. На следующий день у нас конференция и доклады, с области приехало много человек, с Шымкента приехали. Я их с этими врачами до трех кормил, гостиницу все. Домой приехал, уставший, а вот в 10 часов открытие конференции. Аким Муратбаев должен выступить, поздравить, туда-сюда. Пришел, сестра говорит, пришла, кажется, мама этот, пульса нет, не дышит. Посмотрел пульс, умерла. Даже, даже вот как будто спала. А утром конференция. Я главврачу, вот так вот сейчас увидеть, ему звоню, Айгазым, маму я потерял. Да ты что. Когда. Я говорю, под утро где-то к 5-ти часам она умерла. Да эти-то приехали, конференция в 10 часов, Айгазым утром все около больницы собрались. Айгазым говорит, у Джапара мама умерла под утро. Человек, наверное, 100 врачей, которые приехали на конференцию. Все ко мне домой пришли, соболезнование просили, я говорю, теперь без меня проводите. Основное-то не конференция. Основной, банкет потом надо сделать. Ну, я говорю, вот так случилось. А у нас дома много не держим. Вот она умерла, утром к обеду хоронят. У нас нету, два-три дня держать. И сразу я в тот же день маму похоронил. Вот 23-го будет год. Годовщину сделаем. 7 дней я сделал в кафе. Сорок дней в ауле сделал. И год хотел здесь в кафе. А на голову памятник не поставил. У нас, у чеченов не до сорока, а в течение года надо ставить. Отнес. Поставил камень на голову. Оттуда позвал стариков. Муллу пригласил на кладбище. Коран прочитали. Сказал, в районе хочу сделать, Ас буду давать. Потому что здесь очень много друзей и акимат есть это. Старики говорят, нет. В ауле будешь делать. Вместе мы жили, она была наша сестра. Она вас троих воспитала, ни один человек на вашу мать в жизни палец вот так не показал. Гордая была, ради детей прожила и здесь делать теперь мне 23-го. Поминки сделаю. Ас буду давать в ауле. Последний долг матери. Коран будут читать. Когда у нас Ураза мы по очереди каждая семья каждый день дома Коран читает. Все это делаем. Вот так мать нас троих воспитала. Без отца. И вот она до конца и с этого мира ушла, она всегда говорила, казах – это наши родители, мы с ними братья, сестры. Мне говорила, никогда их не обижай, если попадает больной, относись как своей боли. Моя мама говорила. Вот так. Джапар, Айвас вот мы. День и ночь у нас покоя нет. Вот придешь домой, хочется телевизор посмотреть, через час скорая приехала, а все знают знакомые друг друга, все на лицо знают. Даже в больнице нет сначала больной к нам домой приезжает, берем из дома, едем, посмотрю, надо оперировать, оставляю, оперирую. Так что вот.

А вот теперь можно. Так как Вы сын депортированных родителей, скажите вот, чтобы Вы пожелали потомкам сегодняшнему, нынешнему поколению? От их имени может, от своего имени может.

Да. Я и слова матери могу сказать. Вообще я бы хотел вот, чтобы мы вот, молодежь, которая сейчас после нас растет, они должны быть патриотами своего народа. Они должны любить свою родину. Наш Казахстан. Хочу, чтоб люди были по отношению друг другу добрыми. Пусть мир будет на нашей казахской земле. Пусть взаимопонимание, дружба

народов, больше 120-ти национальностей проживают в Казахстане. Я хочу, чтобы они в мире и согласии жили. Чистого неба, чтобы никогда войны. Политика нашего президента вы знаете. Сейчас председателю ОБСЕ, недавно, если видели в Нью-Йорке выступление нашего Назарбаева, президента, что Казахстан самое урановое государство. Больше всех урана в Казахстане. Но Назарбаев отказался иметь ядерное оружие. Даже готов на то, чтобы не продавать, не добывать это ядерное оружие урана. Другим, и не продавать другим. Только в мирных целях. Чтобы не было, это если, не дай Бог, ядерное, где-то катастрофа, уже жизнь на земле не будет. Это уничтожение всего этого. А сам недра богатые ураном это Казахстан. Хотя отказались и закрыли полигон усилием даже, можно сказать, Олжаса Сулейменова. Семипалатинский полигон. Это же испытание там же испытание и на людях и на животных. Все было. Сейчас даже последствия какие есть. Уродство сколько рожают. Закрыли это полигон, первое. Второе, вот сейчас выступление президента, что Казахстан он будет безъядерным государством. Он в нем не нуждается, Казахстан хочет мирно существовать со всеми соседями. И помогает, и Киргизии помогает. Вот так случилось ни хлеба по селу что провести ... немножко посевная... Все равно немножко климат это холоднее. Особенно Нарын это. У нас уже здесь могут косить, а туда едешь такой еще ячмень у них. Поэтому сейчас надо им топливом и этим, семенами, чтобы посеялись. У них нету там, будет это самое голод. Поэтому мое пожелание вот, чтобы был мир. Уважение людей друг друга, не было чтобы национализма. Это если где есть, это пахнет кровопролитием. Им все вот Кавказ, от имени могу сказать, которые выселены, депортированы с Кавказа сюда от их имени, спасибо казахскому народу. Не дал вымереть этому народу. Нас сюда, наверное, отправляли, может для вымирания. Но учитывая, что мусульмане-казахи они приняли как своих. Они не дали нам умереть. Это не забудется.

Спасибо большое.

.....
Асанова Гульбахор Абдуллаевна, курдянка, 76 лет. Была депортирована из Грузинской ССР в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Тараз.

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Депортация затронула моих родителей и всю мою семью. Нас в то время было много. Столько родственников много было. Все так дружно жили. Отец большим человеком в совхозе был, он занимался сельским хозяйством, в правлении колхоза был агрономом. Мама на дому шила, как сейчас называют миниателье. К нам все женщины совхоза ходили заказывать вещи. Бабушка моя знахарка была, лекарем. Столько народу вылечила от глаза, порчи, болезней всяких. Ее вся округа знала, даже с Тбилиси приезжали большие люди лечиться. В семье нашей было 4 детей. Старшему брату Ахмеду было тогда уже 14 лет, сестре моей 12 лет, мне 10 лет и братишке 6 лет. Когда война началась в 1941 году, отца хотели призвать в армию, но так как он болел часто, его оставили в совхозе присматривать за скотом, за землей, работы в совхозе много было. Тем более он очень грамотный был, писал много, постоянно в сельсовете был, бумаги отписывал, с начальством все был.

Какая именно депортация затронула Вас или Вашу семью (назовите дату, контингент, место высылки, место вселения).

Депортация курдов, азербайджанцев весной 1944 года. Нас выслали из Грузии село Ашот, недалеко от Тбилиси было село. Место высылки в Узбекистан, а жили мы сначала в Наманганском районе, затем переехали в Ташкент.

Воевал ли кто-то из родственников на фронте и что с ними было после окончания войны?

Воевали мои родственники, дядя брат отца, сыновья дяди, мои братья, еще два дяди по маминой линии. После войны остались в живых только два брата, сыновья дяди. Дядя

погиб, еще несколько родственников погибло. Один из братьев Асанов Ахинали вернулся с медалями за взятие Берлина, за взятие Керчи, много наград привез. Он у нас такой красивый был, высокий, здоровый, сначала в пехоте был, а потом не помню, как называется это подразделение, что-то с автомашинами, танками связано. Он по технике хорошо понимал, машины ремонтировал, оружие чинил. Он маме моей рассказывал, я отсюда помню это. Он вернулся с войны в Тбилиси, а там только по маминой линии несколько родственников осталось. Остальные все в Узбекистан уехали. Он там остался, женился. И дети его там теперь живут. Но мы с ними не общаемся уже. Пока дядя живой был мы про них слышали, а теперь его не стало, и они не пишут и не приезжали.

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом. Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных.

Отец мой грамотный был. Он все время газеты читал, про войну рассказывал, где воюют, что взяли войска. По работе был связан с новостями. За несколько месяцев до депортации, он стал, как будто дома ремонт делать, а сам вещи собирал. У нас много вещей красивых было. Гончарные кувшины ручной работы, картины одного грузинского художника, ковры ручной работы. Мы хорошо жили, дом был полностью обставлен. И в таком красивом живописном месте находился. У нас окно открываешь и горы видишь, зелени столько, трава зеленая, а под нашим совхозом горный ручей тек, так прохладно было и красиво. Я до сих пор это вспоминаю, мне так бы сейчас хотелось там жить (*плачет и вытирает руками глаза*).

Уезжал ли кто-то заранее (из опасений быть депортированным).

Нет, кажется, заранее не все знали, отец знал, наверное, но куда не уехал. Помогал всем, говорил, чтобы вещи собирали, ценности, деньги. Скот продавали. Он, зная, что будем переезжать, зарезал две коровы и мясо засолили и в сундуки спрятал, так его мы и довели до Узбекистана, в пути ели, потом там, где жили.

Как узнали о переселении. Как оно происходило? Сколько времени давали на сборы и что разрешалось взять с собой?

Отец знал, мама готовила вещи, еще родственники знали от отца. Но началось все в один день, пришли люди в военной форме и сказали, чтобы брали теплые вещи, продукты.

Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей? Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги?

Документы, бумаги не помню, чтобы какие-то были, может и было что-то. Один день дали. Мы уже готовы были, бабушка и мама продукты готовили, хлеб пекли, мясо паковали, курт, молоко готовили.

Как объясняли причины депортации и что говорили об этом переселяемые люди?

В газетах писали, что будут эвакуировать, скоро начнутся военные действия и у нас. Поэтому люди знали, что скоро будут переезжать, но когда и куда не знали. Объяснили, что будет эвакуация и стали готовить к отправке.

В каком состоянии оставлялось поселение, из которого производилась депортация? Оставлялся ли в нем кто-то по каким-либо причинам? Что было со скотом? с вашим имуществом? домом? Вас переселяли со всей вашей семьей? Или отдельно?

Оставили несколько семей, кто-то уехал уже, но мы не знали, куда и надолго ли. Оставили семьи военнослужащих и еще кого-то, кто был нужен власти, а так почти все село вывезли.

А сколько семей вывезли?

Все село наше, а там домов 200-300 было, почти всех и вывезли.

Знали ли вы о том, куда вас везут?

Нет, не знали. Говорили в Среднюю Азию.

Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне? Что смогли фактически взять с собой и как это размещалось в эшелоне?

Я знаете, кассету помню, смотрела, мне родственники показывали, там было отснято именно как шла погрузка в вагоны, как люди кричали, плакали, как их битком всех грузили, вещи отбирали, что народу много было, лошади с повозками, все толкались, кричали. Военные вещи с повозок скидывали и сортировали, большие вещи: сундуки, ковры, мебель все с повозок скидывали в одну сторону, а тюки с вещами и посудой давали людям на руки. Лично я плохо, что помню, только по рассказам мамы, родственников.

Какие были условия в поезде? Чем и как кормили? давали ли теплую одежду? Умер ли кто-то по пути и, если да, то сколько и кто? Бежал ли кто-то по пути и, если да, то сколько и кто?

Как ехали не помню, помню, что страшно было. Мама рассказывала, что все голодные, холодные, туалета не было, поезд не останавливали, прямо туда ходили. По дороге много умерло. Открывали двери вагона и на снег кидали умерших людей. У нас там сестра бабушки умерла, родственница еще, сосед по селу умер.

Какие были остановки, если были? Сколько дней находились в пути? Какие ходили слухи, что говорили люди?

Страшно было всем, поезд около 2-х недель ехал. Остановки какие-то были, но где сейчас не помню.

Когда прибыли? Куда именно прибыли? Как назывался населенный пункт куда вас привезли? Знали ли вы о том, что вас привезли в Казахстан?

Прибыли мы сразу в Узбекистан в Наманганскую область, село Учарал.

Какие были природно-климатические условия? Отличались ли они от того климата, в котором вы проживали?

Конечно разные. Там у нас воздух горный, природа красивая, речка горная, горы рукой подать. Там дышится совсем по-другому. А приехав в Узбекистан были потрясены, степь, пыль, а летом невыносимая жара. Первое время привыкали очень тяжело.

Какие были бытовые условия в первое время. Возместили ли оставленное дома – скот, жильё, стройматериалы.

Условий особых не было. Всех разместили во двор бывшей больницы, полуразрушенное здание, там жили в пустых коридорах и комнатах. Света не было, газа не было, воду добывали из колодца. Прожили там всю весну и лето, а осенью нас стали размещать в дома местных жителей. Почти в каждой узбекской семье жили наши. Отец наш с дядей Сулейманом сразу возглавил наш народ. Он немного по-русски разговаривал и поэтому общался с местными жителями. У него большой авторитет был, все его уважали и слушали во всем. Нам полдома дали, на одной стороне узбеки жили, а на другой половине мы с нашей семьей. Дружно жили, если какое событие все вместе отмечали.

Какой национальности были местные жители, которые Вас встретили? Как они Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогали вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Там куда мы приехали в основном узбеки жили. Встретили нас хорошо. Помогали во всем, еду приносили, одежду. Выпавшие на нашу долю испытания облегчили нашу жизнь добрым участием и помощью соседей – казахов, узбеков, представителей других национальностей, не утративших человечности вопреки тяготам войны. Только доброжелательность и понимание сблизили наши народы.

Каким показалось благосостояние местных жителей. Каким был их национальный состав? Как менялось отношение местного населения?

Местные жители жили бедно. Работали на хлопковых полях, в ауле. Село было небольшим, нас ведь не всех в одном месте расселили, кто-то в другие села уехал. Мы быстро нашли язык с местным населением, вместе работать стали, вместе праздники отмечать.

Возникали ли браки с местными жителями?

Браки стали заключать с местными жителями. Моя сестренка вышла замуж за узбека и жила какое-то время в Узбекистане.

На каком языке вы общались с местным населением?

Мы на нашем, узбеки на своем, но понимали друг друга, потом стали все на узбекском говорить, а со своими на нашем родном.

Были ли уже в месте прибытия другие насильственно переселенные?

Нет, только мы переселились.

Какой статус и какой режим отбывания депортации были определены? И какими были они фактически?

Статус беженцев. Так, по крайней мере, нам говорили.

Каково отношение было у местной администрации. Как проверяли наличие на месте. Были ли побеги?

Мы были под бдительным оком спецкомендатур. Каждый месяц должны были отмечаться, что мы здесь находимся, никуда не убежали.

Как работали? Как оплачивался труд? Как питались? Как одевались? Сколько денег могли заработать?

Работали, чтобы выжить, не платили ничего, трудодни насчитывали и выдавали продукты первой необходимости.

Учились ли дети в школе и как там складывались отношения с местными детьми?

Мы осенью в школу пошли, отношения были нормальными. Узбеки народ добрый, доверчивый и очень трудолюбивый. Старшие дети в основном на хлопке работали, учились редко.

Какие специальные меры в отношении себя помнят? Какие были ограничения? Как можно было переписываться с родными в этом же и других регионах?

Папа с мамой переписывались с родственниками, кто был на фронте, с родственниками, кто там остался.

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи, осведомители. Кто был во главе сообщества и как он руководил?

Не знаю.

Менялось ли отношение до и после войны? Как именно? Что помогло Вам выжить в таких условиях?

Старались выстоять, поддерживая друг у друга искорку веры и надежды на возвращение на родину.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

Помню, всех собрали и объявили, что Сталин умер. Мы плакали тогда, родители плакали. Не знали, как жить дальше.

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? О каких документах по реабилитации слышали и какие документы о депортации вообще видели, держали в руках? Где их надо было получать?

Документы были. Справка была у мамы, что отец и она реабилитированы. Отец документы хранил у себя, потом у мамы были. Сейчас я не знаю, у кого именно эти справки, может у брата младшего, а может у сестры. Я в 1975 году уехала с мужем в Джамбул в Казахстан, так и осталась здесь. Здесь и дети родились, здесь дом мой теперь.

Почему не уехали и остались в Казахстане навсегда? Как протекала жизнь в Казахстане, какие повороты судьбы?

Уезжать не куда было. Там нас никто не ждал. Какие-то родственники были, но после смерти родителей связь с ними не поддерживали. Я уже говорила, с 1975 года живу в Казахстане. Муж мой тоже курд, мы с ним поженились в Ташкенте, там наша старшая дочь родилась и сын. Муж всю жизнь проработал в горводоканале города Джамбула, квартиру получили от горводоканала. Теперь мужа нет, я с детьми живу здесь. Внуки рядом, дети все, сама пока жива-здоровая. Занимаюсь целительством, у меня это от бабушки перешло. Людей лечу, свой кабинет есть. Я поэтому и выгляжу так, по утрам зарядку делаю, босиком по земле хожу, обливаюсь, травы пью. Мне никто не дает мой возраст.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей? Скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях? Как вам удалось сохранить свою жизнь?

Мы жили в тяжелейших условиях ссылки, переносили моральные и физические страдания, а вины не было за нами, кроме национальности. Сотни жизней ни в чем неповинных людей сделала это депортация. Столько всего ужасного сделала это высылка, прерывались устоявшиеся экономические и культурные связи между народами-соседями, искажалось национальное сознание. А что самое обидное наши деды, отцы и братья защищали Родину в годы войны, смело сражались на многих фронтах войны, а также были невинно депортированы. Мы сейчас имеем целый народ, а у нас нет своей Родины, своей земли. Просим автономию уже столько лет, а получить не можем.

Что бы Вы пожелали бы своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

А можно я прочитаю статью, что писал председатель нашего курдского центра в Таразе, этим я и закончу свое интервью: «В Казахстане курды имеют все условия для развития своей культуры и языка. Сохранив свою самобытность, мы изначально с большим уважением относимся к культуре и быту казахов, русских и других этносов. А если заглянуть вглубь веков, то мы узнаем, что у казахского и курдского народов существуют единые исторические корни.

Мрачные страницы нашей истории не должны повториться. Уроки истории надо усваивать постоянно, из поколения в поколение. Каким бы трудным не было наследие тоталитаризма, полиэтническое государство может и должно развиваться цивилизованным, демократическим путем, в атмосфере доверия и согласия, социального партнерства представителей всех слоев населения, всех наций и народностей, живущих в Республике Казахстан».

.....
Амарова Зина Махмудовна, курдянка, 51 год. Были депортированы родители из Грузинской ССР в 1937 году. Проживает в Казахстане, город Тараз.

Уважаемая Зина Махмудовна!

Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

В 1937 году, поздней осенью семья моих родителей была депортирована в Казахстан. А в 1938 году моего деда, отца отца расстреляли в Чимкенте, за то что он, когда его спросили вы откуда, он сказал что мы высланы из Кавказа, но уроженцы Турции и Ирака, это дает архив. Моего деда зовут Омар Джалил Иса, родившийся в 1900 году, убит в 1938 году. Семью моего отца всю жизнь преследовали, всегда говорили, что он сын врага народа. До 1956 года до мая месяца этот народ находился под спецкомендатурой, они никуда не могли уезжать без разрешения НКВД. Не могли идти в армию, необходимо было разрешение, чтобы поступать в вуз, но особенно страдали дети врагов народа.

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом. Уезжал ли кто-то заранее (из опасений быть депортированным). Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных.

Как узнали о переселении. Как оно происходило? Сколько времени давали на сборы и что разрешалось взять с собой? Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей? Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги? Как объясняли причины депортации и что говорили об этом переселяемые люди?

Моя бабушка умерла в 2000 году, по ее рассказам, она говорила, что отец был маленький, память детская, им сказали, за несколько часов чтобы они собрали всю свою утварь, муку, скот, одежду. А куда их отвезят, они не знали. По рассказам бабушки они почти месяц ехали в товарных вагонах.

Знали ли о том, куда везут? Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне? Что смогли фактически взять с собой и как это размещалось в эшелоне?

Какие были условия в поезде? Чем и как кормили? Давали ли теплую одежду? Умер ли кто-то по пути и, если да, то сколько и кто? Бежал ли кто-то по пути и, если да, то сколько и кто?

Какие были остановки, если были? Сколько дней находились в пути? Какие ходили слухи, что говорили люди?

Питание было то, что они с собой брали. Если они где-то останавливались, им давали час, полтора. Очень многие люди погибали в дороге. Если погибали, их выкидывали с вагонов, потому что в степи или полупустыне, где могли хоронить? Но они все приехали со своим имуществом со скотом. Первую руку помощи оказали те народы, которые здесь проживали. А фактически у них свое было, свое личное.

Скажите, откуда их выслали?

Их выслали из Нахичевана и привезли в область в Таласский район. И оттуда дедушку 1937-ом году, семнадцать мужчин курдов от 20 до 35 лет были арестованы, не за что. Они даже не знали за что. Как они могли заниматься шпионажем, если их выслали в конце октября – начале ноября, а их задержали в 1938-ом году где-то в начале весны.

Это здесь было?

Да, это здесь было. Мы долго искали, не могли найти следы. А в 1990 году в газете «Знамя труда», февраль-март были помещены списки об их реабилитации. Там была фамилия моего дедушки Омар Джалил Иса.

А бабушка, когда это все произошло, осталась одна?

Их самому маленькому ребенку было 4 месяца. В года 4-5 он умер. Она была с детьми. Ей было 25 лет, мать 4-х детей. Одного она уже потеряла здесь. Рассказывала, что они работали, собирали камни, собирали пшеницу, конечно, тяжелую жизнь провела. Молодая, на чужой земле, не зная языка, не зная обычаев, традиций, потом климатические условия были совсем другие. Выжила. Замуж так и не вышла, ждала до последнего. А когда в 1990 году вышел Указ о том, что они посмертно реабилитированы, куда деваться до последних дней она ждала, что какая-то весточка будет.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

По некоторым данным курды уважали Сталина, а некоторые думали, что нет, за что этот народ был выслан из нажитых мест. Кто как относился.

Когда узнали о реабилитации? Бабушка сразу получила бумаги на руки о том, что она реабилитирована?

Бабушке не давали ничего. Там было много списков, и в первых списках была фамилия моего деда. Омар Джалил Иса, уроженец Турции. Реабилитирован посмертно. Там в газете целые списки были, выходили в течение всего 1990 года. Его сын умер в 1989 году, так и не дождался. Потому что когда они что-то говорили, их все считали детьми врага народа, они себя плохо чувствовали.

Какого года дедушка был?

1900 года. По документам было, что он 1900 года, конюх, отец 4-х детей.

Сейчас бы ему сколько было?

110 лет.

Скажите, для Вас как казахстанской, родившейся здесь, семья отсюда, что вы думаете по поводу этих событий?

Вы знаете, это первая репрессия и депортация курдов в течение 70 лет, были депортированы 4 раза. 1937, 1944, 1989 из Кавказа, Нагорного Карабаха. И 1988-89 год из Узбекистана, когда стали выгонять турков и вместе с турками стали выгонять курдов. И курды были высланы оттуда. Вот эти 4 депортации прошли очень тяжело. Отложилось на курдов и события, которые сейчас в Киргизии происходят, нас курдов очень настораживают. И у многих курдов стоит такой вопрос, чтобы выехать на историческую родину.

Вы, наверное, больше себя имеете в виду, силы есть, здоровье позволяет, а старики как же, смогут переехать?

Ну, старики, не хотят, у них есть пенсии, они здесь прожили всю жизнь.

Наш народ, если честно сказать, мы сейчас многие без работы, имея высшее образование, по каким-то неопределенным причинам мы не работаем, ни в госучреждениях, ни в управлении, ни в предприятиях. Мы остались в неведении.

Вы чувствуете притеснения своего народа?

Знаете, когда идешь устраиваться, они говорят вы казахского не знаете. А у нас большая часть курдов закончили школы с казахским преподаванием. Тем не менее, мы себя наравне не чувствуем. Второй язык государственный, международного общения идет русский язык. Это получается палка с двух концов. Вроде бы мы живем в демократическом государстве в Казахстане, граждане Казахстана имеем все права на жизнь, учебу, образование, а когда подходит время нам создают условия, противоречащие нашим правам. Мы отходим как это называется от плана что ли.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Я хочу, что сказать, если должна идти такая политика, что мы должны казахский язык знать, мы должны знать. Но мы должны перейти поэтапно. При социализме шла русификация государства, и такие жесткие меры проведут к большому оттоку народа из Казахстана. Это проблемы, которые должен знать и Парламент, и Назарбаев. Надо более лояльно относиться. Мы говорим, что 80 лет, мы уже здесь 72 года, есть бабушки и дедушки среди казахского населения, не знающие русского языка. Есть население среди курдского народа, не знающие ни казахского, ни русского языка, но ставить такие жесткие грани, что ты не знаешь язык, и не имеешь права быть на работе, госслужащим в будущем это будет жестоко. Я считаю, что Казахстан по этим аспектам пойдет назад. Потому что пойдет большой отток населения.

Знаю многие семьи курдов, где дети учатся, получают высшие образования...

Работу найти очень сложно. Первая причина незнание языка. Я могу привести много примеров, где дети знают казахский, русский, но идут, а им ставят определенные барьеры.

Спасибо за интервью.

.....
Сеидова Ханум Флитовна, курдянка, 83 года. Была депортирована из Азербайджанской ССР в 1937 году. Проживает в Казахстане, Жамбылская область, село Гродеково.

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Скажите, какая именно депортация затронула Вас или Вашу семью (назовите дату, контингент, место высылки, место вселения).

Воевал ли кто-то из родственников на фронте и что с ними было после окончания войны?

В те времена очень трудно было, дочка, трудно было. В 1937 году нас депортировали и привезли сюда. В 1937 году в декабре нас переселили в Ильич. В 1938 году, в мае месяце отца заперли в тюрьме. Как врага народа. Мы всей семьей остались на улице. Все родственники отца остались в Турции. Мать отца и его два брата остались в Турции. Вспоминать те времена очень трудно. Отец так и пропал, как только его заперли в тюрьме. И в то время началась война. Некоторые умирали с голода. Отца нету, матери нету. Осталась одна на улице. Был колхоз, там работали. С мужчинами пасли скот. Одежды нету, денег нету. И многие начали умирать с голоду. Пасли скот, работали и благодаря этому остались живы. Время, правительство, власть делают, что хотят. Из-за этой власти, правительства, многие были изгнаны из своей земли и жили в нищете. Но время быстро пролетело. Наступили ясные дни. Живем в мире и согласии с народом. Пусть это время никогда больше не повториться. Дай Аллах, чтобы несчастья не было. Пусть молодежь не видит того, что видели мы. Дай Аллах, здоровья главе народа Н.А. Назарбаеву. Пусть наш народ будет спокойным и здоровым. Хвала всевышнему и за эти дни. Мы не видели плохого с приезда на казахскую землю. Отец после тюрьмы не вернулся, а мать после переселения умерла. Похоронили ее на казахском кладбище. Всех просто раскидали. Некоторых в Байкадам, Каратау переселили. Живы они или мертвые, я не знаю.

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом. Уезжал ли кто-то заранее (из опасений быть депортированным). Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных.

Как узнали о переселении. Как оно происходило? Сколько времени давали на сборы и что разрешалось взять с собой? Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей? Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги? Как объясняли причины депортации и что говорили об этом переселяемые люди?

В каком состоянии оставялось поселение, из которого производилась депортация? Оставялся ли в нем кто-то по каким-либо причинам? Что было со скотом? с вашим имуществом? домом? Вас переселяли со всей вашей семьей? Или отдельно?

Мне в то время было 10 лет. Мы ничего не знали. В дом ворвались милиционеры и забрали нас. Оставили все, дом, скот. Отца и брата посадили в машину и увезли. После этого я больше не видела их. Дом, в котором жили, скот, имущество и то, что нажили, все это оставили там. Папу, маму, бабушку я только во сне видела. После 10 лет я их не видела. Что только мы не видели, но мы все терпели.

Знали ли вы о том, куда вас везут? Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне? Что смогли фактически взять с собой и как это размещалось в эшелоне?

Какие были условия в поезде? Чем и как кормили? давали ли теплую одежду? Умер ли кто-то по пути и, если да, то сколько и кто? Бежал ли кто-то по пути и, если да, то сколько и кто?

Какие были остановки, если были? Сколько дней находились в пути? Какие ходили слухи, что говорили люди?

Мы ехали месяц до Казахстана. Умерших по дороге выбрасывали. Их даже не хоронили, просто выкидывали по дороге и уезжали. Куда ехали не знали, никто не спрашивал, боялись спросить. Там каждый думал о своей жизни. Если лишнее что-то скажет, тебя могли убить.

Когда прибыли? Куда именно прибыли? Как назывался населенный пункт, куда вас привезли? Знали ли вы о том, что вас привезли в Казахстан?

Какие были природно-климатические условия? Отличались ли они от того климата, в котором вы проживали?

Какие были бытовые условия в первое время. Возместили ли оставленное дома – скот, жильё, стройматериалы.

В те времена в Казахстане тоже был голод. Тем более еще началась война. Нам было трудно, но казахи помогали чем могли, они обращались с нами как со своими. Пусть Аллах даст Иман казахским бабушкам и дедушкам. Казахский народ – очень открытый, спокойный и гостеприимный народ. У казахов брали невесток, сами выдавали. Вот так и сроднились.

Какой национальности были местные жители, которые Вас встретили? Как они Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогали вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Жили ли в районе вселения казахи – как они встретили вас? Были ли проблемы общения с казахами?

Каким показалось благосостояние местных жителей. Каким был их национальный состав?

Как менялось отношение местного населения?

Возникали ли браки с местными жителями?

На каком языке вы общались с местным населением?

Были ли уже в месте прибытия другие насильственно переселенные?

После переселения поначалу было трудно. Все-таки чужая страна, чужие люди. Потому что не было работы и никто не знал, что ожидает нас впереди. Но хвала Аллаху, благодаря казахам, благодаря их гостеприимству, мы прожили, остались живы. Казахский народ помогал нам чем только мог. Потом мы быстро научились казахскому языку. Потому что наши языки и культура очень схожи.

Какой статус и какой режим отбывания депортации были определены? И какими были они фактически?

Каково отношение было у местной администрации. Как проверяли наличие на месте. Были ли побеги?

Как работали? Как оплачивался труд? Учились ли дети в школе и как там складывались отношения с местными детьми?

Какие специальные меры в отношении себя помнят? Какие были ограничения? Как можно было переписываться с родными в этом же и других регионах?

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи, осведомители. Кто был во главе сообщества и как он руководил?

Как питались? Как одевались? Сколько денег могли заработать?

Менялось ли отношение до и после войны? Как именно? Что помогло Вам выжить в таких условиях?

После приезда сюда, чтобы жить, мы как и все остальные работали на поле, пасли скот. Тогда было время союза. Все как одни, одни как все работали. Благодаря этому мы одевались, ели и дожили до этих времен.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

Сталин был нашим правителем, мы ничего не знали, все плакали. Весь Союз плакал. Всех начал беспокоить вопрос, что будет впереди. После смерти Сталина все плакали, все сочувствовали.

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе?

Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было?

О каких документах по реабилитации слышали и какие документы о депортации вообще видели, держали в руках? Где их надо было получить?

У нас на руке был лист бумаги. Оттуда и узнали.

Почему не уехали и остались в Казахстане навсегда? Как протекала жизнь в Казахстане, какие повороты судьбы?

У кого были деньги, они уезжали, а те у кого не было денег, оставались. Кто приехал один, они могли уехать. А мы семьей приехали сюда и мать здесь умерла, здесь была похоронена. Мы остались. И еще после того, как здесь уже появились дети как-то трудно было уехать. Все мои родственники там. С детства я их не видела и мы отдалились друг от друга. И я подумала, что жизнь там будет трудной. Дети росли. И я воспитывала что их родина Казахстан. И после этого трудно было уехать.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?

Скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях? Как вам удалось сохранить свою жизнь?

Что бы Вы еще хотели бы добавить к тому, что Вы уже сказали? Может быть, есть какие-то моменты, которые мы не затронули? Расскажите о том, о чем мы не упомянули в своей беседе.

Что бы Вы пожелали бы своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Как только начинаю вспоминать, у меня душа начинает болеть, это очень трудно. Все родственники отца в Турции. В 1993 году приехали братья отца, хотели забрать назад. Дети уже выросли, и я не смогла, не поехала назад. В Казахстане родственников нету. Я о депортации много говорю. Даже можно как «1001 ночь» написать историю. Пусть нынешнему поколению поможет всевышний. Мы все мусульмане. Нам нужен имам. Имам – это дерево, а у дерева много веток, один из них имам. Нужно уважать родителей, нужна совесть. Если есть совесть то есть и имам. Если нынешний человек лиса, то ребенок будет обманывать свою мать. У таких людей Аллах забирает счастье. Нужно идти по дороге Аллаха. Нельзя забывать о всех деяниях. Нужно ходить с чистым лицом.

Почему решили уехать? Сразу ли уехали или через некоторое время, почему?

Кто принимал решение? Какие были альтернативы? Кто помогал выехать, встречали ли в месте переезда?

Какие были сложности? Были ли у депортированных какие-то свои организации?

Не знаю, дочка. После смерти Сталина все начали уходить, да и кто знает почему. Не знаю, дочка, почему они ушли.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ НЕМЦЫ

Шиц Яков Филиппович, немец, 89 лет. Был депортирован с фронта в 1941, до призыва в армию проживал в Ставропольском крае. Проживает в Казахстане, город Костанай.

Здравствуйте, Яков Филиппович.
Здравствуйте.

Расскажите, пожалуйста, как депортация затронула Вас лично и Вашу семью.

Ну, я в то время был на фронте, а депортировали мою мать, старую мать. Вот как получилось – наш поселок в Ставрополе был окружен КНБешниками и на возвышенностях стояли пулеметы, чтобы они боялись, что люди поднимут бунт, ну люди, конечно, законопослушные не возражали, нам разрешили взять только три мешка там белье и постель, все больше ничего не разрешили брать, дома разрешали резать курей, уток, а свиней, коров нет. Нам сказали, т.е. не нам, а им сказали, что по приезду в Казахстан дадут дом, всю живность, но этого ничего не получилось. Их погрузили и отвезли на станции и поездом повезли их в Кустанайскую область.

А как произошла депортация Вас, вы говорите, в это время воевали.

Я был в армии. Меня призвали в мае 40-го года. Служил я в транспортном батальоне 15, в Ставропольском крае, город Егоровка. В 40-ом году наш батальон был переброшен на западную Украину, под видом маневра. И когда началась война в 41-ом 22 июня, мы попали под огонь, но мы не знали, кто напал на нас. Потому что это было так внезапно, мы думали, что это маневры там гром, шум, бомбы и все прочие думали, что маневры, но когда уже падали бомбы на наши территории и появились первые убитые и раненые мы поняли, что на нас напали, но не знали, кто, мы думали, может поляки. Но когда выскочили из казармы и увидели немецкие самолеты с крестами, тогда поняли, что это немцы. Была полная измена, не было ни танков, ни самолетов, они стояли в глубоком тылу не заправленные, понимаете вот. У нас была на двоих одна винтовка. Мы отбивались только гранатами и пулеметами все. Силы были не равные, мы отступали под огнем немцев, у них были танки, самолеты и все что хочешь. И мы отходили в сторону Полтавы на восток. В Полтаве Ишимовского района мы возили на фронт на наших машинах боеприпасы, как то требуется и с нами ездила, сопровождала медсестра, потому что мы с передовой вывозили раненых. У нас было несколько машин. Как-то это мы обычно делали ночью, потому что днем нам самолеты жизни не давали, бомбили машины страшно. И однажды, где-то в октябре месяце, мы ехали на передовую, раненых еще не было, на нас напал немецкий самолет Мистер Шмит, начал расстреливать машину. Нам было приказано, если нападут немцы на транспорт, бросать машину и убежать подальше, потому что тебя там убьют, мы так и делали, несколько человек нас было, мы убежали от машины подальше, и тем временем он (самолет) кинул на нас бомбу. Многие погибли, полчаса шли взрывы, и я почувствовал сильную боль в груди и потерял сознание. Когда медсестра обработала мне рану, мне вырвало всю грудь, и кусок ткани висел под мышкой на коже. Она мне рану обработала, медсестра. И меня отвезли в город Харьков, в военный госпиталь. Я пролежал там полмесяца, и опять снова вернулся. В конце октября нас немцы с фронта сняли, да еще я забыл сказать, что немцы бросали нам листовки, чтобы мы сдавались в плен, обещали нам райскую жизнь, но мы были комсомольцами, понимаешь, патриоты, нам терять было нечего. Мы даже не думали, мы честно воевали, отбивались от немцев, погибали пачками, но отбивались. И приказом в октябре месяце нас с фронта сняли, мы были молодые ребята, нам было по двадцать, девятнадцать, восемнадцать лет, и погрузили в вагоны и вдоль линии фронта повезли на Дальний Север.

Это всех немцев, немецких солдат?

Бывших советских солдат нас везли две недели, понимаете, потому что дороги были разбомблены, нас увозили вдоль линии фронта, в дороге нас не кормили, мы ехали как стая диких голодных волков. Мы в дороге ломали вагоны, искали жрать, значит, ничего не давали кушать. И вот такой пример: мы подъехали как-то к совхозным огородам, капуста, мы выскочили голодные, и в течение нескольких минут мы очистили поле, сторож кричал, шумел, но какая польза мы все забрали в вагоны и это ели. Нас привезли на Дальний Север, город Тулекамск Нотовская область, сейчас Пермская область, поселок Боровое, там нас выгрузили и загнали нас в зону, там до нас были заключенные, их отправили на фронт, а нас туда загнали, вышки с пулеметами, колючая проволока и значит, настоящий концлагерь называлась трудармия, так началась наша жизнь. В течение десяти месяцев нас, наверное, процентов восемьдесят погибло. У нас под санблоком стоял ящик деревянный, туда кидали через окно умерших, когда ящик полный, вывозили ящик на бугор в лес, там же тайга кругом. Но у нас сил их хоронить не было, мы назывались шлапкоманда, кто дошел до крайности хоронили сами себя. Мы этих вывозили на бугор и не в землю, а в снег закапывали и это длилось до...до... когда же мы все видим, что конец дела, а нам запрещалось общаться с местным населением, мы все-таки через зону передавали письмо в центр в Москву и наше письмо дошло. Письмо, значит, дошло, и приехала комиссия с Москвы во главе с Ворошиловым, нас в то время уже лежало 150 человек уже при смерти, а там цинга, это такая болезнь от плохого питания, нам дали хвост селедки и две картошины в мундире от цинги, человек заживо гнил, ткнешь и дырка, умирали от цинги, а писали от сердечной недостаточности. В это время когда уже приехали, нас лежало уже 150 человек. Нас погрузили в вагоны санитарные и повезли в Кустанай. Нам в дорогу дали сухой паек – хлеб и банку консервы. У кого не было силы воли, с ходу наедались, и в Челябинске еще трое погибло, желудки полопались. А нас привезли в Кустанай, но я попал в ближнюю железнодорожную больницу, я был истощен, ходить не мог, одни кости и кожа. Там лежал я примерно месяц, когда уже немножко очухался, нас ну меня именно, те не знаю куда делись, меня комендатура направила в Денисовский район, там моя мать была. Конечно, я сразу не нашел свою мать, она уже в то время старая была. Нас было пять братьев, первый и третий погибли в трудармии, второй был в колхозе конюхом с 37-го, его как врага народа расстреляли, конюх враг народа. Пятый погиб на фронте и в это время меня ранило. Теперь значит что? Я начал работать в колхозе.

У меня такой вопрос к Вам, Ваша мама делилась воспоминаниями, как их депортировали.

Да, депортировали живая была, они бедные умирали с голода. Очень тяжело было, но спасибо казахстанскому народу, что приняли и приютили нас немцев и не дали нам умереть с голоду, выражаю им только благодарность, что не допустили этого. Но нам было очень тяжело, трудно было жить. Паек был очень маленький, нам давали 8 кг муки на месяц в трудармии, я сейчас скажу, когда план не выполнялся, был большой план, нас было три котла. Первый, второй и третий. Третий котел был 400 гр хлеба черный, как кирпич, и баланда из капустных листьев. Как попал на третий котел, считай это смерть все. Я стал работать в колхозе после трудармии. Работа, значит, мы сеяли, пахали на коровах, на быках. Сеяли, мешок на плечи и руками раскидывали. И в одно время. Это был 44-ый год, мне дали бригаду из девчат, 10 девчат было. Мы возили на быках пшеницу из Чебендовки через Денисовку на станцию Боталы – это где-то 160 километров, мы в пути были где-то по семь суток, туда и обратно. Однажды, это было в марте месяце, мы ехали с Боталов и, не доезжая до Денисовки километра три, нас застала страшнейшая пурга, и я не знал что делать, погибать? Зерновики перевернуть и под каждый ящик по двое девчат, и таким путем я установил всех девчат под ящиками и всех спас. Утром, когда я встал 6 быков были замерзшими, но девчат я спас, всех откопал, все были живые. Я пошел в райцентр в Денисовку, сходу пошел в райкомпартию, там был секретарь райкомпартии Даженко, хороший мужик был коммунист, верный коммунист. Он дал задание поехать за этими замерзшими быками, мы их в столовую сдали, а девчат наших забрали, обогрели,

накормили. И я остался там жить. Когда быков привезли, сдали в столовую, а при Чебендовке был колхоз Карла Маркса, польский немец Питковский, он хотел меня судить за то, что быки замерзли, а Даженко сказал: человек людей спас, а ты его осудить хочешь, не надо, я забираю его и он узнал, что я киномеханик. У меня не было никаких документов, у нас все отобрали, когда я был в концлагере у нас отобрали все документы и в том числе армейскую книжку, там было указано, что я раненый. А когда нас уже оттуда вывезли, нам не вернули, мы ж не знали, мы были мертвые, нам было все равно уже. И когда началось это грабление на участников войны, у меня ничего нет, ничего не мог доказать. И сколько я писал и через военкомат писал и везде, везде отказ, потому что когда мы отступали, наш батальон почти что полностью погиб, там осталось нас несколько человек. Наш батальон был расформирован. В то время было так, если живой остался, присоединяли к другой части и пошел дальше, там не разбирались лишь бы отбиваться и остаться живым.

У меня такой вопрос к Вам, а до войны как Вы жили, расскажите нам. Вас пять братьев было, кем вы работали, как жили.

Моя семья, нас было пять братьев, отец помер, когда мне был один год, он оставил хорошее наследство: ветряная мельница, две пары быков и три лошади и хороший дом. Мне в то время был один год, когда он помер. Это было в двадцать первом году, голодный год и мы жили на Украине в Черниговской области. Жили до 30-го года, когда началось раскулачивание наших, ... там было так, сегодня ты бедняк, завтра средник, послезавтра ты кулак, отбирали все и людей загоняли в концлагерь. Наши старшие братья все продали и сбежали на Кавказ, Ставропольский край. Я окончил школу восемь классов и в 39-ом году в Финскую войну я учился в Воронеже на курсах киномехаников и стал киномехаником и работал киномехаником до начала войны, т.е. до призыва в армию. Когда в армию призвали, это было в 40-ом году в мае месяце, попал я на фронт.

А вот когда Вы приехали в Казахстан, вот Вас привезли, Вы в больнице лежали, а потом в Денисовском районе Вы нашли маму, вернули ли Вам то, что обещали скотину...

Ничего не дали, обещали все вернуть дом и все, но ничего не дали.

А как назывался населенный пункт, куда вас привезли, куда вас выслали потом. Я вам еще раз говорю, их привезли без меня, я был на фронте.

А в каком поселке они были?

В Чебендовке.

В Чебендовке.

Да, колхоз имени Карла Маркса.

А вы после Кустаная лежали в больнице железнодорожной?

Потом когда очухался, меня направили в Денисовку, и там нашел мать свою. И в то время в Чебендовке был мой брат двоюродный, раньше назывался Тургай, добровольно раньше переселялись, они тут родились. И в колхозе был мой брат двоюродный, он сидел в тюрьме, за то, что он скрывал, просо спрятал, чтоб людей кормить, а ему приписали, что он прятал от государства и ему дали срок, он сидел в тюрьме.

Когда вы приехали в Казахстан, климат Казахстана в Кустанайской области, Орджоникидзевского района отличался от климата там, где вы жили.

Конечно, тут же были страшные бураны. Тут были такие бураны, что в Чебендовке дома закидывало, а на Кавказе там вообще зимы не было, где мы жили там тепло.

А когда вас выслали в Денисовку, вот какие условия там были?

Где?

В Чебендовке какие бытовые условия были?

Ну, какие условия? Мы жили у тетки, у матеренной сестры на квартире, мать, я и бабка. Но я работал в колхозе, машина, все прочее, потом, значит, пахали и возили зерно на элеватор. Это Денисовка была.

А какой национальности были местные жители, которые вас встретили?

Немцы. Там три поселка Шимкукуль, Бессарабка и Чебендовка, три немецких поселка были.

Это немцы, которых депортировали или раньше приехали?

Которые раньше приехали. Раньше добровольно приезжали на поселение.

А вот как вас встретили казахи. Вот куда вас выселили, казахи были?

Были, конечно.

Как они вас встретили, какие у вас были взаимоотношения?

Замечательные, лучше и не надо желать. Вот теперь я скажу еще, когда вышел указ, что нас сдали под комендатуру, я работал в то время директором киносети районной. Я чтобы ехать в Кустанай, мне должны были дать разрешение на выезд, мне разрешение давали, но сопровождал меня работник комендатуры. А ехали в то время не как сейчас, не было дорог, мы ехали поездом через Троецк, Катылы и Кустанай и также обратно. Вот он меня сопровождал, он меня принимал как бандита и привез сюда, я свои дела делал, потом опять принимал и домой привозил. Теперь я, еще момент, когда я женился, моя девушка жила в Антоновке, через речку. На левой стороне Денисовка, на правой Антоновка. Мне не разрешали, пришлось писать в Кустанай, чтобы мне разрешили привезти ее. Теперь, когда я женился, пойти в гости в Антоновку не имел права, запрещалось, это опять нужно было разрешение коменданта. Это было до 55-го года. Спасибо Горбачеву. Горбачев, когда стал президентом, он издал указ нам трудармейцам, нас признали как участников войны, нам дали медали, я могу вам даже показать вот тут медали и документы к ним. Указ президента, нам условия были как участникам войны. Когда развалился Советский Союз, и каждая страна стала по отдельности в Казахстан, нам отменили все льготы и дали нам один расчетный показатель, сейчас дают два. Обидно то, что несправедливость вот я, читай, Васниченко отвечает, есть?

Нету.

Где-то там лист есть.

Давайте мы потом расскажем. А какой у Вас был статус? Почему Вас сопровождали так? Как он назывался, Ваш статус?

Рефиленция.

Без права на передвижения?

Без права передвижения, вот тут сказано, без права передвижения, не разрешалось. Мне сказали, чтоб я вступил в партию, в коммунистическую партию. Я ответил, что я пока не готов в осознании. Мне сказали, раз вы не готовы мы вас освобождаем, вы не имеете права занимать должность. Меня сняли, значит, освободили, потому что я отказался от партии. И я пошел работать киноμηаником. В 50-ые годы, когда началась война, я поехал обслуживать целинные совхозы. Передвигались на коровах, на быках. Был такой случай, я вам сейчас расскажу. Ельтай, поселок казахский, там я, кино с фотобазы, клубов не было. Ну, там солому настелили, люди расселись на соломе, а я показывал картину «Сталинградская битва», там взрывы, бомбы и все такое. Когда я решил пошутить, на экран пустили изображение, а звук не включили, когда начались взрывы, я резко дал звук, все вскочили, убежали, думали, что война. Я говорю, успокойтесь это кино, пришлось уговаривать зрителей, чтоб они вернулись назад. Вот такой момент был один.

А с местными жителями на каком языке Вы общались, с казахами?

На русском.

Они понимали Вас?

Чисто по-русски говорили, понимали прекрасно.

А возникали ли браки с местным населением? Было у Вас такое? Видели?

Не понял.

Были ли браки с местными жителями? Вот у вас там, ну не в вашей семье, а у знакомых немцев, которые выходили замуж или женились на местных жителях?

Было. Были даже немки выходили за казахов, немцы женились на казахских девушках.

Вот вы работали киномехаником, а с какого года вы начали работать киномехаником, как у вас сложилась трудовая деятельность?

Я киномехаником начал работать после того как, значит, поступил в ... это был 44-ый год. И я работал киномехаником, т.е. директором киносети до 54-го года. Когда я принял киноустановки, аппаратура была разобрана, в мешках принимал. И с 44-го года до 54-го года у меня было 50 киноустановок единственных в районе. Это все я сделал и за что я получил заслуженного работника культуры. На Целине я обслуживал наши целинные совхозы, дали медаль за освоение земель, ну и медали за трудовые отличия, ветеран труда и медали вот эти юбилейные, вот так.

А как Ваш труд оплачивался? Вы были спецпереселенцем.

Хрущев сделал реформы 1 на 10 у меня была зарплата 74 рубля. Ну, если честно говоря, мы немножко и калымили. Вот 74 рубля получали. Ну, если план перевыполнял, получал премию. Отчитались, тут в Кустанае был начальник, бывший партизан Малин Александр Филимонович, после него была Гороховская, начальник управления. Хорошая женщина была, они все уже померли.

А вот вы жили в поселке, как было организовано управление в этом поселке, где вы жили. Были ли у вас там стукачи, осведомители, такие, которые доносили на вас, на немцев?

Там колхоз был. Предколхозный отвечал за все и за питание и за все и за работу. Утром значит, все собираются возле конторы, он дает наряды каждому, что должен каждый делать. Ну, вот что? Весной пахали и сеяли. Молотили мы, жали урожай серпами, косами. Мы, мужчины косили, а женщины вязали снопы. А потом цепи на палку с длинной ручкой на ремне, этим значит, молотили зерно. Техники никакой не было.

А расскажите, как вы жили, и что вам помогло выжить в таких условиях трудных.

Сила воли. Все-таки как бы ни было, а все-таки когда работали, мы жали пшеницу, называли толкан, может, знаете? Нет?

Не знаю.

Нам в бригаде жарили толкан и с чаем. Ну, дали паек 8 кг муки на взрослого и 4 кг муки на ребенка на месяц. Конечно, мы были голодные, некоторые люди умирали с голода. Тяжело было. Все отдавали для фронта все, что было на фронт. Я дважды ездил на передовую, мы за свои деньги купили танки, самолеты и ездили, вручали их участникам войны. Я дважды ездил с делегацией на фронт, и вручали это оружие.

Расскажите, поменялось ли отношение до и после войны, какое было отношение до войны и после.

До войны мы были в прекрасном отношении, во время войны мы были фашистами, и после войны мы ... что до сих пор, я вам честно говорю, до сих пор мы старшее поколение немцев, ну как примерно я, равных прав не имеем, почему? Не мог добиться, что я воевал, не мог добиться. Но меня не оскорбляет, не обижает. Я довольный.

Вот скажите, пожалуйста, в 53-м году умер Сталин, как Вы узнали о смерти Сталина. Какова была реакция?

Реакция – мы кричали «ура!!!». И сейчас даже писал военкому, что Хрущева выкинуть из мавзолея это даже мало, надо выкопать и из могилы выкинуть, потому что он зверь. Сейчас Саакашвили такой же, как он, он был зверь. Как он мог уничтожить нацию, мы были честные люди, законопослушные люди, он нас так наказал. Он нас истреблял. Вот так.

А вот какие события произошли после смерти Сталина? Как произошла реабилитация?

Мы ликовали. С нас все сняли, свободный выезд. У нас дома оставался дом, я поехал на Кавказ, хотел свой дом. Мне сказали, в любое место приезжай, но там где твой дом, ты не имеешь права приехать. Ты приедешь, а твой дом уже оприходован государством. Все дом не твой. А вообще после этого свободно передвигайся, куда хочешь, езжай, мы ехали куда хотели и без конца.

Как вы узнали о реабилитации? Из газет?

Был же указ Горбачева.

Нет вот после смерти Сталина?

Вот там же бумажки есть, вот там указ Горбачева, что реабилитированы, незаконно высланы. Это было большое счастье. Сколько лет? С 41-го по 55-ый, 14 лет мы были заключенными, не имели права никуда пойти. Из Денисовки в Антоновку я не имел права. Считалось побег.

А скажите, как проходило оформление документов о реабилитации? Вы оформляли их? Как вот, где Вы их оформляли?

Я вам сейчас скажу. Когда я попал, секретарь райкомпартии, я зашел к нему в чунях, резиновые из болона, рваная фуфайка, отрезанные пола тюремная и шапка, ну и я зашел к нему, и он говорит: вы кто будете, я говорю: киномеханик. Он: не похоже. У меня документов никаких не было, только справка была у меня, что я освобожден из трудармии и тут же у меня отобрали ее, комендатура. Он, значит, позвонил в КГБ. Был начальник КГБ Говреленко, хохол. Он позвонил, сейчас направлю тебе одного парня, говорит, сделай ему паспорт. Ну, я к нему пришел, он говорит: ты что дезертир? Я говорю: да нет, был в армии, освободили. И он написал бумажку к врачу в больницу, определить мой возраст. Ну, я пошел, мне написали справку, я день рождения прибавил немножко у меня день рождения не в феврале, а в ноябре месяце. Но я сам не знал. Получил я-таки паспорт. И стал работать с документами. Ну и пошли, потом оформили мне все документы как положено.

А вот документы по реабилитации вы получили в 55-ом году?

Я получил 85 тыс. тенге за компенсацию за трудармию, за выселение нам дали.

А в 55-ом году вам документы о реабилитации как выдали?

Вот только вот эту справку.

Только вот эту справку.

Да, дали и все. Справка и паспорт получил и все.

После того как вы получили свободу передвижения, вы задумывались уехать из Казахстана?

А куда ехать? Я же здесь уже построил дом. Уже был свой дом, свое хозяйство, жили хорошо, нормально.

А как сложилась жизнь после того как Вас реабилитировали?

Моя жизнь сложилась так: я женился на хохлушке, русская, когда стали брать на учет, брали ее на учет. И она не захотела, но она была права, она от меня ушла. Потому что на учете русской женщине все. И я женился на немке через речку из Антоновки. Я с ней жил, и она заболела туберкулезом. Девять лет прожили, нажили двоих детей, вот они сыновья. Потом она померла. И в это время с нас сняли депортацию, и она опять ко мне вернулась. Она померла в 94-ом году, рак почки. Лежала тут в больнице в Гиппократе, хотели удалить почку левую, она не дала, и получился рак почки, и она померла. И когда она померла, остался я один, деваться некуда, я все продал и приехал к сыну.

А до переезда в Кустанай, где Вы жили?

Ну, в Денисовке жил.

А в Денисовке.

В Денисовке я жил с 42-го по 2004, как жена померла, я переехал сюда. Сейчас, конечно, живу у сына, в квартире еще живут два внука, они спят на раскладушке, тесно. У нас беда в том, что один внук наркоман.

Скажите, у Вас изменилось отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в начале, в первые годы. Вот сейчас как Вы смотрите вообще на этот процесс депортации, на то, как произошла депортация.

Ну как смотрю, значит, было несправедливо, там же был указ Сталина: во избежание личных жертв и предательства немецкие нации отправить вглубь страны. Конечно, было несправедливо, но куда деваться? А потом когда сняли, ... я считаю нас вообще несправедливо, и сейчас несправедливо, нас наказали, нас обокрали. У нас же все отобрали. Какое они имели право лишить нас своего жилья. Так же? Все у нас отобрали.

Что бы Вы сейчас пожелали своим потомкам, будущему поколению, нынешнему поколению.

Я хочу сказать, чтобы молодое поколение было честным, трудились, выполняли свои обязанности перед страной. Желаю всем успеха. Тем более у нас в Казахстане народ дружный, нет такого, чтобы обижали друг друга, замечательно, я довольный.

А почему Вы не уехали с Казахстана?

У меня сейчас лежит вызов в Германию. А я сказал, что там я отдал свое здоровье, жизнь, пускай меня кормят до смерти. Я отдал все Казахстану. 70 лет я здесь живу, куда я поеду? Меня вызвали сейчас, я отказался. Тем более дети ни один ехать не хотят, все здесь, родня вся там.

А сколько Вам лет?

Сейчас? В феврале будет 90.

Спасибо Вам большое, Яков Филиппович, за ваш такой интересный рассказ о своей жизни. Может, Вы хотите что-то еще добавить.

Хотел бы все-таки, чтоб вы помогли оформить мне документы как участника войны. Ведь несправедливо, я могу показать вам свои награды. Хотите? Вот тут шрам и под шрамом мяса нет, шкура и одни ребра. Отсюда шрам идет. И один осколок мне в ногу попал, тоже значит шрам. Два ранения. Я писал письмо Назарбаеву, но чиновники до Назарбаева мое письмо не пустили, они отфутболили его все дальше и дальше. Я писал в военком, что создайте комиссию, пожалуйста, проверьте, я же не мог сам себе вырезать, что действительно я раненый, пусть комиссия медицинская установит, что я действительно раненый. Говорят: мы не можем только согласно архивным справкам. Все. А я им сказал, что каждый закон имеет исключение. Вот как я оказался без документов, но факты ж факты я раненый, но доказать не могу. Бесполезно. Обидно, что я честный человек, многие ребята сдавались в плен, а я нет. Остался честно все. Даже мой друг сдался в плен. Когда их освободили, многих из них расстреляли. А моего друга сослали на Дальний Север за измену Родине. После войны мы с ним встречались. Он говорит: ты был умнее, чем я. Я сдался, а ты не сдался. А ты на свободе, я говорю: ну что сделаешь, судьба.

Спасибо Вам большое, Яков Филиппович, за Ваш интересный рассказ, я хочу Вам пожелать здоровья, прежде всего Вам здоровья. Счастья, пусть внуки Ваши, дети Ваши будут всегда с Вами, чтоб Вы были в окружении любви Ваших потомков.

Спасибо большое.

А Ваша мама когда умерла?

Она уехала, и молилась богу, чтоб я вернулся, я был меньше, хотя я один вернулся, она была расформирована и нет никаких данных. Писали в военкомат, где призывали, там ответили трудармии ... я самый меньший был, мне 90, а те все погибли, но есть племянники, внуки есть. От переезда в Германию я отказался, не хочу.

А по воспоминанию Вашей мамы, Ваших близких, как происходил процесс депортации их, они знали, что их депортируют.

Им объявили, поселок был окружен КНБешниками, пулеметы стояли на возвышенностях, боялись, что будет бунт, они погрузили их и повезли их на разъезд.

Они знали, что их везут в Казахстан?

Нет, они не знали, куда их вообще везут.

А когда их привезли, куда их сразу привезли?

Привезли их на разъезд, а там с колхоза привезли домой, это в поселке и размещали их по квартирам. У кого семья не большая туда поселяли.

А в дороге их кормили, давали им теплую одежду?

Ничего не давали, как сумели так ... не считались ни с чем. Только разрешали с собой брать три мешка, постель и питание, ничего не давали.

Ваши хоть все живы, здоровы, доехали до Казахстана?

Нет, многие погибли, по дороге уже.

А сколько дней в пути они были?

Когда нас увезли на север, их увезли сюда. Мы на станции Лозовое встретили, только не своих, а всех немцев, которых везли, узнали, что их выселили и везут, а куда везут, мы не знали. Возили же не только в Казахстан, возили и на Дальний Север, в Барнаул тоже возили.

Ну а вот...

Но наши попали в Казахстан.

А сколько они ехали в пути? Не знаете?

Они долго ехали.

Не рассказывали они вам?

Нет.

А вот когда до депортации, не рассказывали, были ли слухи.

Нет, слухов не было. Никогда не ожидали, что будет депортация. Это было все внезапно.

Расскажите, как проходил процесс документов о реабилитации. О каких документах Вы слышали, какие видели, как их надо было получать, как Вы их оформляли. Расскажите, пожалуйста.

Когда мы узнали, что мы реабилитированы, нас вызвали в прокуратуру и сказали, что вы уже освобождены. Раньше отмечались два раза в месяц, а потом все отменили. Потом написали в Кустанайскую прокуратуру, нам ответили и дали расписки, дали документы, что полностью освобождены. У нас же в паспорте было указано, что запрещено было передвижение. Потом нам паспорта меняли уже без штампа. Мы не имели права никуда передвигаться, а потом уже когда были уже реабилитированы, нам документы дали уже чистые.

В прокуратуре получали?

Нет, в паспортном столе. Уже без штампа.

Спасибо.

Мой отец помер, мне был один год, т.е. в 22-ом году. С Казахстанской области приезжали немцы, в 22-ом году был страшный голод, и отец их приютил. От них он заразился тифом. И он помер. Мать осталась, нас было шестеро детей, сестра старшая и пять братьев. Был страшнейший голод, она нас спасла, не дала нам умереть. Она работала как раб. Она работала на полях у богатых крестьян, за десятый сноп, значит девять на ней, десятый свой. Таким путем она нас спасла, всех вырастила. И когда началась война двух братьев отправили в трудовую армию, меня на фронт, того тоже на фронт, один в тюрьме погиб. Остался я один. И она молилась богу, чтоб хоть бы я один вернулся. И я вернулся один, раненый, чуть живой. Ну, в 60-ых годах она уехала в Джамбул к моей сестре, до дочки своей. Там же должны родные ухаживать за ней и там она и похоронена, моя мать, и сестра

похоронена. А братья не знаю, где, один в Молдавии, один на Украине, другой, где-то в лесах, там, где расстреляли его. Нас было пятеро, я не знаю, кто, где похоронен.

А сестру вместе с матерью реабилитировали? Сколько ей лет было, когда сестру депортировали?

Сестру депортировали, где-то... в 50-ом.

Нет, депортировали в 41-ом, ее депортировали.

Депортировали их в Джамбульскую область, колхоз Трудовик. Там стройколхоз, они там работали и они там жили там до самой смерти и зять и она.

А она была замужем, когда их депортировали?

Замужем.

Она была замужем, у нее семья была?

Вместе с зятем они поехали в Джамбульскую область, их отправили. Она жила не с нами, а в другом месте. Она жила на Моздоке, а мы жили в Минводах, и их отдельно от нас депортировали в Джамбульскую область, а мы в Кустанайскую область попали.

А их как депортировали? В один день? Или они знали, что их будут депортировать.

Депортировали не один день, потому что они по очереди. Они не успевали, было много немцев. Минеральные Воды это был немецкий район, там были одни поселки немецкие. И сегодня один поселок, завтра другой поселок, долго там целый месяц вывозили людей.

Ну, люди знали, что их будут вывозить?

Ну, конечно, тогда уже знали. Но я был на фронте. Встречал этот поезд с этими немцами. Они даже когда ехали, немецкие самолеты над ними летали, они выбрасывали белые флаги, и немцы их не бомбили. А вот на станции Лазолвой наша ... стояла там Стояло 10 или 15 среди ... стоял один с евреями, он их нашел, и самолет в каждый вагон кинул по бомбе, разбомбили даже руки висели на столбах. Весь состав разбомбили, евреев. Так он евреев ненавидел. Он их уничтожал. Когда нас выслали, в наши поселки поселили всех западных евреев, сюда привозили в готовые дома, они там жили в наших домах.

А вот когда Вашу маму депортировали, они ехали в вагонах, кто-то из Ваших родственников умер во время депортации?

Нет.

Все живы-здоровы доехали?

Сноха потерялась, по сей день не знаю, где она делась.

Ну, она в дорогу потерялась?

Да.

Жива, здорова вы даже не знаете?

Не знаю. В то время было искать невозможно.

А сколько их человек было, когда их депортировали? В семье сколько человек депортировали? Вот Ваша мама, еще кто?

Мама, сноха и четверо детей, внуков. Это значит, их было пять человек, в семье нашей их везли.

И эта сноха потерялась где-то?

Нет, это другая сноха потерялась. Которого расстреляли брата, его жена потерялась.

А там дети остались?

Один сын. Я его встречал в Джамбуле.

Встретили все-таки. А сестра, у нее были воспоминания о депортации.

Ну, что они семьей приехали. Привезли их в Джамбульскую область. Там им было легче, там же не холодно было, терпимо. Я к ним ездил. У них дом уже построили большой, большой сад. Они жили хорошо уже.

В каком году вы к ним ездили?

Я к ним ездил в 50-ых годах.

Уже после реабилитации?

Да. А раньше нельзя было ездить. После того как нас реабилитировали, тогда я ездил. Мы даже не знали, даже где они есть. Мы их кое-как нашли, что они жили в Джамбульской области.

Вы даже не могли найти друг друга. Вы не переписывались?

Не знали даже, где они есть. Я долго искал их через сервис НКВД, искал их и нашел их в Джамбульской области, колхоз Трудовик.

А вот Ваша мама, когда их депортировали, они приехали в Денисовку, в Чебендовку, дети были маленькие, вот внуки.

Самому меньшому было восемь лет. Это моему племяннику. Один был моложе меня на шесть лет, племянница на десять лет, а одному было десять лет всего.

Как они перенесли дорогу?

Ой, тяжело, страшно тяжело. Когда их везли, сноха пошла покупать продукты и поезд ушел, а она осталась. Она догоняла их несколько дней товарными поездами.

Они в дороге голодали или нет?

Они с собой продукты брали, им же с собой три мешка разрешали брать, они гусей, курей, уток порезали, и продукты с собой были. Ну, конечно, они в дороге покупали продукты, там же на станциях продавали.

А одежда у них с собой была?

Одежда была зимняя, конечно. Им разрешали брать три мешка, там было все и питание и одежда, постель и все что было.

А кем работала Ваша мама здесь в Чебендовке, сноха...

Она уже была на пенсии.

А уже была на пенсии.

Да, а сноха работала в колхозе, она принимала роды у овец. И вот если родится мертвый ягненок, они брали, ели его. Ели мертвым. Это было им спасением. Я когда пришел из трудармии уже после больницы, я ловил сурков, сусликов все это ел, ежей и все, голубей, даже воробьев ловили и ели. Потому что жрать нечего было.

Дети Ваши работают? Ваши сыновья?

Один уже помер, он хотел пить водку и много пил водки и помер, я его тоже похоронил в Денисовке.

А другие сыновья Ваши они живы? Работают?

Ну, вот один мой сын тут со мною, а один работает в Алтайском крае, у него свой завод. Он был инженером, когда была приватизация, он его приватизировал и сейчас со своим другом владеет. Живет хорошо. Ну, вроде признали цирроз печени. Вчера звонили, что взяли, разрезали и взяли кусок печени на анализ, сегодня конкретно доказано, что у него цирроз.

А в Германии у Вас кто живет?

В Германии живут мои племянники, много племянников, от сестры дети, от старшего брата, который погиб в трудармии, дети. У него пятеро сыновей, они уже все взрослые. Они меня звали, я отказался, не хочу.

Ну, хорошо они там живут в Германии? Давно они уехали в Германию?

Давно, уже более десяти лет. Племянница приезжает каждый год сюда, тут у нее в Тобольске две дочки живут, мои племянницы. И вот она приезжает к ним. Дочка где-то за городом в резиденции Назарбаевской работает. Она хорошо живет, богато.

А вот дети Ваши почему не уехали в Германию, не хотят?

Вот этот сын он женился на русской и переписался на ее фамилию, Фролов. Когда переписался, я сказал, что я тебя не признаю. И когда оформлял документы на выезд там написано русский, все он остался в дураках. Из-за него я остался. А тот вообще не хотел. Куда он поедет, когда он такой молодой инженер крупного завода, не захотел.

Ну, Вы сами в Германии ни разу не были? Не ездили в гости?

Нет ни разу.

А сколько лет Вы в киносети проработали?

Уже в 74-ом году я перешел на мостзавод компрессорщиком. Там оклад был больше, и в принципе было лучше. Вот этот мой сын тут в армии служил. Он служил в президентской армии.

А Вы в каком году на пенсию вышли?

В 81-ом. Было 60 лет.

И Вы все время работали?

Все время, даже на пенсии еще лет шесть работал. Я даже на пенсии боялся, что я умру с голоду, и я все время работал. Ну, сейчас я пенсию получаю неплохую. Я получаю 42 тысячи, нам платят базовые 5900, два расчетных показателя, за медаль в Победе над Германией, за доблестный труд. Ну и пенсия 33 тысячи, и всего 42 тысячи. Хватает. Дети получают неплохо.

.....
Краузер Нелли Александровна, немка, 73 года. Была депортирована с Запорожской области, село Ольгино в 1941 году. Проживает в Германии, город Кальв.

Как Вы сказали, Вы были в курсе, что была проведена депортация. Такой вопрос: как затронула депортация Вас и Вашу семью, Ваших родителей?

Имеется ввиду, что случилось в дороге?

Кто был конкретно депортирован? Ваша семья или Ваши деды. Т.е. то, что Вы мне сказали по телефону, мы сейчас оставим в стороне, т.е. Вы, пожалуйста, все снова расскажите.

Это очень длинный путь. Я написала своим племянникам и их детям, написала статью что ли или материал «Дорога в никуда» тире «Депортация». Этот материал у меня есть.

Вы мне сейчас расскажите, кто был депортирован?

Это было 21 сентября 41 года. Было объявлено в нашем селе Ольгино, Запорожской области, недалеко от города Бердянска, 18 км, чтобы все население, а именно немцы, за 24 часа были собраны в путь, чтобы взяли с собой побольше продуктов питания недели на 2, и некоторую одежду там, постель или что-то. Что это ненадолго, скот чтобы сдали на колхозные дворы, а если мы где-то потом прибудем или вернемся назад, считали, что через 2 недели мы вернемся назад. А если нет, то дадут нам документы, родителям нашим. И по месту прибытия им вернут утрату того скота, который они сдадут на колхозный двор. Так все было сдано.

За 24 часа люди собрались. Были поданы подводы и военная охрана, загрузили людей на подводы и отправили на станцию Троянная.

Кто был отправлен?

Моя мама, нас трое детей у мамы. Отца нашего забрали еще в 38-м году в январе месяце, и в 38 году в апреле месяце его расстреляли, как шпиона в пользу Германии. По такой статье он шел у нас. Поэтому моя мама и нас трое, мамина сестра, двое детей –

Герман и Фрида, мамина другая сестра Лиза и 2 детей, и вообще все наши родственники, много Краутеровых, поскольку мама наша была замужем за Краутеровым. Все Краутеровы. Ну, это были все женщины и дети, потому что мужчин еще в начале сентября, с 5 по 9 всех мужчин немецкой национальности забрали, так сказать, в трудовую армию, в трудармию. И поэтому только женщины и дети были подвергнуты вот этой депортации. А мужчин уже депортировали раньше. В Троянах прождали почти 2 недели, не подали состава, поезда, потому что говорили, что поездом отправят. Быстро опять. Там нас выгрузили в такие зерновые склады и так и жили почти 2 недели.

На станции?

На станции. Но поскольку это было не так далеко от села нашего, от дома. А у нашей мамы воспитывалось четверо детей из детского дома. Т.е. такая традиция, что ли была: колхозы забирали детей из детских домов, их распределяли по семьям и там они жили. И у мамы было 4 девочки и один мальчик, и вот когда мы уезжали, нас выселили, они остались в этом доме. И им все мама и оставила, только корову сдали на склад, на скотный двор. И вот эти дети, ну им было уже где-то по 15, по 16 лет они кое-какие вещи успели нам еще принести. Потому что было ограничено, сколько можно было по весу с собой брать. А уже там никто больше не проверял, поэтому кое-что у нас еще принесли. Даже они умудрились, например, через соседей зарезать, допустим, свинью, обжарили это мясо, залили в ведро и принести нам туда. И это нас тоже спасло в дороге. Итак, мы почти 2 недели побыли в Троянах, потом снова подали подводы, военная охрана и нас отправили в порт Бердянск. Это Азовское море. Там подали такое, ну грузовой пароход, на котором перевозили скот. И вот на эти, эту грязную, загаженную палубу вещи были... и в такой страшной суматохе, потому что уже вот-вот наступали войска. Кое-кто остался из наших, не могли, не успели сесть в этот пароход. Вещи забросили в трюмы, а дети и все эти на палубе, где куда разместились, со стариками, с женщинами, с матерями. И ушел этот пароход в море. А само руководство парохода, основное и охрана, так сказать, они плыли на шлюпке, на большой какой-то.

Рядом, сопровождая?

Да. Ну и когда вышли далеко уже в море, начал... летел самолет, летело несколько самолетов над нами и начали бомбить, ну говорили, надеялись, что это военная охрана, войск, да... и вдруг начали бомбить. Бомбы бросали как-то так, что впереди и по бокам, а сзади, как бы назад – там не было. И ну, люди поняли, что раз это военные, и притом немцы, и бомбят...

Это немецкие самолеты?

Да-да-да, это немецкие самолеты, что, может быть, надо вернуться, они не хотят, чтобы ну вывезли людей, и поэтому вот эта бомбежка в таком плане идет. Ну, стали просить капитана, ну шум же, все это... обратились к капитану, кто там вел этот пароход: что вернитесь назад!! Зачем нам погибать здесь, если может там еще кто-то останется живой из нас, если мы на суше будем, а в море мы точно все погибнем. Ответ был капитана такой, что «У меня есть приказ. Я его должен выполнить. Если я не сделаю, значит, я сам себя заранее приведу к гибели». Поэтому продолжалось: ваше одно дело, поднимайте ваши белые простыни, ваших детей и может быть, таким образом, кто-то останется, и нас прекратят бомбить. Ну, бомбить не прекращали, и страх такой был. И особенно страх возник, когда бомба попала в шлюпку, эта шлюпка загорелась. И вот это руководство, и вот этот красный факел, горящий, на море, на воде – это был, конечно, страх. Это был страх... И об этом страхе моя мама, умирала уже в 97 лет (*со слезами в голосе*) она все вспоминала. Что, мол, самое страшное, почти, можно сказать в своей жизни, я вот это пережила. Ну, наконец, пароход все равно переплыл Азовское море, мы прибыли в город Ейск. Стали нас выгружать. Было, как, пароходство имело свой участок что ли, как, в общем, школа офицеров здесь была, общежитие офицеров, ну морских. И это здание было построено буквой «П». И вот туда – люди-то все военные ушли уже на военные участки, по заданию: кто в море, кто на суше, кто куда. А помещения все эти были свободные, и туда нас

выгрузили. Выгрузили, всех разместили. Ну, классные комнаты, учебка ж там была тоже. Разгрузили. А, ну дети остались кто со старшими меньшие, или с бабушками, а молодые женщины, матери они ушли на пароход, из трюмов забрать вещи – ведь там же все осталось. И в это время, как они ушли, началась бомбежка. И бомбили именно, ну видимо, знали, конечно, разведка, и все знали, что вот это принадлежит военному заведению. И бомбили больше вот это ну, где пристань и вот это как раз у пристани. Ну, от взрывных волн, конечно, закрытое, все стекла везде стали лететь. Дети и старики стали выбегать, чтобы спуститься, выйти на улицу как-то, каждый хочет себя спасти. И получилось так, что, ну такая страшная давка была на лестницах. Ну, допустим: моя сестра и я, мы были на 3-м этаже, она 31-го года. Она меня схватила за платье, и хотела спустить сверху с 3-го этажа на низ. Ну, к счастью, вышел двоюродный брат, и увидел он (он еще старше был, он с 29-го года), он схватил меня и назад, и таким образом я осталась в живых.

Иначе Вы бы упали и разбились?

С 3-го этажа, конечно. Вот. А когда люди выбегали, и бомбежка продолжалась, погиб во время бомбежки мой двоюродный брат Витя Краутер, и погибла моя тетя Эмма Краутер. Здесь же в этой бомбежке. Еще вот этот Витя, когда нас вывозили, говорили: одевайтесь, берите одежду. И, видя это, одевали в 2-3 слоя одежду на себя, чтобы больше увезти, потому что ограниченный вес можно было брать. И вот этого Витю, когда он погиб, то ну одежду сняли – одну оставили рубашку, а 2 рубашки осталось. Так мой брат – они были одноклассники, еще долгие годы носил в Казахстане, и по правой стороне это было заштопано, как этого осколком Витю ранило так это и осталось. Люди уходили в рабочий поселок тогда, с детьми, искали, где бы остановиться, мы побыли у моря. Мама, ее 2 сестры и нас 7-ро детей. Мы побыли в ложбинке у моря. А ночью все-таки и холодно и страшно было, сентябрь месяц уже. Мы ушли. Дождь такой... вот запах такой... вот тот запах у меня до сих пор иногда, я могу опять почувствовать, вот этот запах, который был тогда: моря, и сырости, и дождя вот этого. Ну и потом уже лежать дальше некуда было. Вещи кто куда разбросал, где куда как... в этом помещении все оставили, и мы тоже ушли в село и увидели сквозь щель свет – что кто-то есть, уже ночь. И мы постучались. И нам действительно открыли. Человек остается в основном всегда человеком. Нам открыли и всю нашу семью: 7 детей и 3 взрослых. 10 человек всех нас приняли. Ну, мы не раздеваясь так это ночевали.

Т.е. фактически после того, как учебка была разбомблена, никто не заботился о том, где вы должны и куда вы должны....

Нет-нет. Куда мы должны, никого не было.

И никто не смотрел?

Никто, мы разбежались и все. Ну и потом мы были почти 2 недели в Ейске, никак не могли... было потом объявлено всем, потом прошли, нашли всех, потому что объявили через поселковый совет, что у кого есть постояльцы, прибывшие в то-то время, что они должны быть взяты на учет. И таким образом опять нас собрали до кучки. Потом по несколько раз в день, через пару дней, по несколько раз в день бомбили этот рабочий поселок. Уже тут все. И, наконец, было объявлено, что будем отправляться, что надо на железную дорогу и в поезд. Сели в поезд. Дважды садились в поезд и дважды выходили с состава, возвращались мы назад. Почему – потому что сильно бомбили, и поезд не мог идти. Наконец, 3-й раз, снова: охрана все, нас посадили, и пошел поезд и вдруг шел-шел, остановился. Потом объявили, что поезд идет не в ту сторону, идет в сторону фронта. Потом это на каком-то из разъездов развернули назад в Ейск, а потом с Ейска назад, а потом с Ейска поезд взял направление на Махачкалу, Северный Кавказ. На Махачкалу. И вот недалеко, когда мы еще ушли вот тут...

Т.е. Вы не знали о том, куда Вас везут?

Не-не, дорога в никуда, никто не знал: куда посадят, когда посадят...

А что это за вагоны были?

Вот посадили нас опять в товарный вагон, теперь товарный вагон. Это – ну что такое товарный вагон? Это деревянное как бы помещение, окошко на потолке, и все. И дверь, которая засовывается, сдвигается, и у двери ставили большой бачок с крышкой – это для нужд. Все. Там больше ничего не было. Каждый свои вещи... Плотность такая была, очень большая плотность, многих заталкивали.

А сколько человек приблизительно было? Очень много? Невозможно было пройти или как это, сколько было?

В основном можно было только сидеть, ходить негде было, надо было перешагивать через людей.

Если кто-то лежал или сидел?

Если от долгого сидения уставали сидеть – стояли.

Т.е. даже лежать не было места? Только сидеть?

В основном – ну дети могли лечь, а взрослые – они уже как попало выходило.

На этот момент были Ваши вещи еще с собой?

Ну, наши вещи, за эти 2 недели, которые мы были в Ейске, вещи все собрали с ... этого, с разгромленного этого... парохода, забрали то, что у нас было уже в порту, где мы выселились, где были в этой в военной учебке. Так что кое-что опять собралось до кучи, и даже то ведро с мясом, зажаренным, мы тоже забрали, оно у нас еще пока целое. Ну и вот так...

Вы фактически ели то, что у вас были какие-то запасы. Кормили ли вас?

Иногда останавливался поезд и разрешали выйти взять воду, или давали воду в ведрах, что можно было пить, иногда давали хлеб. Но это по маленьким порциям, в общую массу, а кто-то должен был там делить уже. Знали сколько людей, охрана знала, а там уже как хотели, так делили. И я не знаю – не так долго мы ехали, но через короткое время, не то чтобы короткое, но может часов 12 мы уже были в пути, и началась тоже бомбежка. И вот поезд остановился, охрана раскрыла двери, и все эти засовы, и люди разбежались. Разрешено было уйти, чтобы скрыться от бомбежки. Долго это где-то бомбили. Но к счастью или к несчастью - я не знаю, как это назвать – поезд наш не попал. Ну, там было как бы скопление многих поездов, вагонов, видимо, как станция более большая или как. Потом был дан сигнал – один, второй и третий. Потому что было сказано, когда услышите 3 сигнала подряд паровоза, то значит надо возвращаться назад. Ну и вот так все вернулись назад, пересчитали, каждый охранник закрыл опять эту дверь. И поезд пошел дальше. К счастью, из нашего вагона тут никто не погиб тогда в этой перестрелке, в этой бомбежке. Поезд пошел дальше.

Т.е. вам говорили, что он должен на Махачкалу ехать?

Нам не сказали. Сказали мы едем дальше.

А куда едем дальше, ничего не говорили?

А куда, они сами практически не знали. Где будет конец всей этой поездки. Ну и потом, когда прибыли туда... Ехали, на станциях останавливался, но не на станциях, а на разъездах, иногда проходили санитары и забирали покойников из вагонов. У нас в это время в дороге умер мой двоюродный брат от маминой сестры Герман Витя. Умер. Ему был год, и вся эта дорога и вся эта... такое питание..., он все еще... мать его кормила молоком, но какое молоко. Так ребенок этот погиб. Где (делает акцент на вопросительное слово) его похоронили? Куда (делает акцент на вопросительное слово) его дели? Я знаю, это я помню, его очень одели, как вот «zu Taufen», к крещению одевают ребенка: такую шапочку с оборочками, в такую „tragkissele“, как это по-русски?

Одеялко?

Одеяло такое вот, конвертик такой. Все это... Ну и так и забрали, в чемодан даже положили, чтобы если будут зарывать, чтобы не лицом на землю. Aber (=но) куда (делает

акцент на вопросительное слово) это дели? где оно делось? никто не знает, где могила, где что...

Т.е. где остановились Вы, вы совершенно не представляли, какие остановки, и где вы?

Нет, никто ничего не знал... И вот эта мать, тетя Фрида, этого ребенка, она так долго об этом плакала. Сколько я ее помню, сколько мы жили вместе, до 42 года жили, она все время плакала, что она потеряла своего Витю. Ну и так поезд прибыл в Махачкалу...

Сколько это дней приблизительно получалось?

Знаете, даже я не могу сказать.

Какой период, какой месяц это уже был?

Этот все сентябрь был, уже октябрь идет, уже начинается октябрь.

Но это было еще не холодно?

Не-не, там тепло, на Кавказе, Махачкала... А когда поезд прибыл, выгрузить нас негде было. Потому что войска отступали, и там все вот эти общественные здания были заняты, и чтобы нас далеко не распустить и так не собирать потом, выгрузили нас на берегу моря, у пароходства, и ждали пароход. И вот там мы были не так долго, но несколько дней мы были на берегу... Умирала люди, это вот я вижу, лежит один мертвый, и вот что запомнилось – это рот открытый, а мухи вот... тепло, осенью, вот это вот все (*рукой около лица по кругу двигает*).

Вы жили под открытым небом?

Да, жили, под открытым небом, несколько дней. Потом дали пароход. Правда, уже пароход был более нормальный. И нас отправили на..., с Махачкалы на Красноводск, через Каспийское море, в сторону Узбекистана, вот туда. И вот..., тут мы плыли уже спокойно, военных действий здесь не было.

Это было тоже такое же товарное судно, баржа?

Ну, более менее чистое.

Почище, чем первое?

Да, да. Там нас выгрузили опять в транспортный состав.

И сколько времени вы плыли на второй барже?

Знаете, я не могу сказать...

Ночевали или нет?

Ночевали-ночевали... да, да. А когда в поезд нас опять погрузили, в товарный...

В Красноводске?

Да, в Красноводске, сказали, на Ташкент повезут. Ну, кое-кто был более грамотный, знал, что Ташкент – это теплое место, овощное место, фруктовое, ну, значит, как-то проживем.

А вообще слухи какие-то ходили: куда едете?

Нет-нет, вот сказали – на Ташкент – хорошо. А когда прибыли на Ташкент, с поезда нас не выгрузили. Было объявлено, Ташкент как бы военным-не военным, ну закрытым его сделали городом.

Не запускали туда?

Туда в основном свозили раненых, с Ленинграда, с Москвы, артисты, все туда вот направлялись, где шла эвакуация.

Т.е. такая привилегированная эвакуация.

Да, общества Союза. И немцам там места не оказалось. И так этим поездом отправили дальше, сказали Северный Казахстан. И так, уже октябрь прошел, ноябрь уже идет, а мы все в пути.

Как вас кормили?

А в основном добывали сами, на станции: где-то, что-то, это самое..., иногда что-то давали, давали похлебку какую-то, но похлебки было меньше, а больше сухого чего-нибудь. Хлеб, вода, вот это вот было. Ну и то это знаете: где забудут, где не дадут, где как... Но, однако, что-то хотели еще... Ну... Забота осо... Нельзя сказать, что была забота. Ну а потом... потом пошел на Северный Казахстан. Уже холод был. Поезд шел, товарный вагон... холодильня, ужасная, стали заболеть многие, голод-холод. А больше всего мучили это паразиты: эти вши, ужасно, что было! Как мама говорила...

Т.е. у Вас не было, практически никто не мог переодеться...

Нет, никто не мог не переодеться, ничего же... И как мама говорила: Не мы вшей имели, а вши имели нас!! Вот такая была ситуация. Но тут уже было в вагоне много соломы, ну и какие-то перины с собой были, подушки, закутывались в шали, вот так вот. И так, приехали в Северный Казахстан...

Это вы говорите, Вы прибыли...

В конце ноября мы прибыли в Казахстан, в Северный Казахстан. Поезд остановился.

А куда точно?

Станция Шортанды, Акмолинская область. Конец ноября. В ноябре в Казахстане холодно. Мы уезжали в сентябре почти в летней одежде, а приехали в такой холод, в такой мороз. *(Пауза, прослезилась)*

Ваша одежда, которую вы взяли с собой, она не подходила?

Она почти не подходила. Нам сказали на 2 недели *(со слезами в голосе)*. А уже ноябрь, конец ноября. Ну, к счастью, подали для детей грузовики. И вот в кузов грузовиков сгрузили детей. Заранее знали...

А грузовики не крытые, открытые такие?

Да, открытые. Но уже набрасывали уже какие-то тулупы наверх. И уже заранее знали, что с такого-то вагона в такое-то село повезут. С такого-то вагона туда-то повезут. И нас сразу развозили по селам. Что это были за села? В основном это были так называемые «точки», места ГУЛАГа. Там жили бывшие сосланные люди. Вот нас привезли в точку 22.

«Нас» – это: вас, маму и вас троих детей?

Да, мы так и держались, все так... вместе с одного вагона так и выгрузили, и вот это точка 22, туда нас привезли, это было село.

У него не было названия? У него было только условное наименование: «точка 22»?

Тогда, тогда не было ничего, была «Точка 22». И вот нас туда привезли, расселили по квартирам. Ну, там такие землянки у людей были, потому что это были тоже когда-то сюда сосланные, недавно, с 1939 года, особенно было много поляков. Когда в 39-году война вот была же, там немножко Сталин с Гитлером, решили какую-то часть, что-то Польши поделить, и вот этих поляков выселили, да поделить. И вот этих поляков и выселили туда. И потом там было много спецпереселенцев, такие, другие, кулаки бывшие, так называемые. Их же тоже, кулаков-то, привезли на открытое место, охраняемое. Ну, вот так нас привезли, потому что нас тоже надо охранять. Расселили по землянкам этим. Ну, вот мои 2 тети, у каждой было: в одной был один уже ребенок, а в другой двое, поселили у одних людей, а нас, маму и нас 3 детей поселили у других людей. Там жил пожилой мужчина, больной туберкулезом и его жена, ну они поляки были, у которой тряслась голова и руки. Это я хорошо помню. И вот нас, одна комната, печка лежанка, если вы знаете, что это такое и такая, ну, деревянные нары, или как это, и там солома. Вот она говорит – мы будем с ним на лежанке, а вам вот это отдадим, и вот там мама и нас трое детей, на этой соломенной спали. И вот когда мы зашли в эту квартиру, в эту комнату, ну говорят: «Да, вот здесь вы будете жить». А моя сестра стоит и не раздевается, мы-то рады, хоть какое-то тепло поменьше... А сестра не раздевается. Мама говорит: ты что, Валя, раздевайся, мы же приехали, теперь мы

вот здесь будем жить. «Нет, мама, я тут не разденусь, тут так грязно, я тут не могу, у нас в сарае было лучше, давай домой вернемся!»

А сколько детям было? Вам, получается, было: Вы с 37-го года.

Мне было 4 года, полных, брат с 35-го года – ему было 7 лет. А сестра – ей было уже 10 лет, ну и вот так нас там поселили. Село очень бедное было, люди очень бедно жили. Самое трудное было – это чтобы тепло создать: если ты голодный, а еще и холодно, тогда ты вообще замерзаешь. И вот чтобы протопить и сварить не хватало, стали мы менять свою одежду на навоз сушенный – кизяк, если вы это знаете. Вот на эти форменные кизяки – чтобы протопить. Если что-то сварить, ну была у нас даже мука еще из дома немного, даже эти галушки, как мама говорит: ложишь в печку этот кизяк – галушки не сварились, а кизяка уже нет. Вот в таких условиях мы жили.

А воды – надо было снег приносить?

Ну, можно было, это зима уже была, можно снег приносить. Ну, хозяйева были очень добрые люди: они тоже не могли нам помочь, потому что они сами были на грани. И вот так вот все мама говорила: «Господи, как я боялась, что ты, ну на меня, тоже заболеешь туберкулезом». У этого мужчины был туберкулез открытой формы, ну у него тепло там, на печке, и я всегда туда лезла, и он как-то охотно играл со мной. И я (*имеется в виду со слов матери*) так переживала, и ему все время говорила: «Ну не надо, не играйте, по-украински – не привечайте ее», а все равно... Ну вот так там мы прожили, почти всю зиму.

Ну, а чем вы питались? Как работали, каким образом все это было?

Это колхоз был, в колхозе пошли работать. На скотные дворы. И вот такой момент: что некоторые пошли со своими справками, которые там дали, что они там сдали скот, на Украине, пошли получить свою корову, обещанные, и какой это вызвал даже смех, хотя тогда не до смеха было, у руководства: что, мол, кто вам эти справки мог дать, они даже без печати, и хотя бы это была печать, кто бы вам здесь что-то мог дать? Потому что каждая корова на учете настолько в сталинское время, что, не дай Бог, куда-то одна перешагнет или один теленок. Ну вот так никто ничего не получил, но пошли работать. Где кто как мог. Мама наша шила, она умела хорошо шить. А вот тетя Лиза, мамина сестра, она хорошо вязала. А у людей были – они же уже жили – овцы, все это шерсть, они давали, она вязала носки, и могли получить какое-то что-то: молоко, пару картошек. Вот таким образом выкручивались, так сказать, из этой ситуации. Ну, стали писать, искать друг друга: кто, где есть... В каких колхозах, где лучше, где хуже. Ну, вот, наконец, вышли, что есть село «Гуляй Поле», это было свободное село, свободного поселения, не точка, не ГУЛАГ бывший, так сказать, и существующий. Ну, чтобы туда выехать, надо получить здесь разрешение коменданта. И не только разрешение коменданта, надо было уплатить так называемый военный налог. Это налог за перемещение, за переоформление всех документов, и всего вот этого надо было уплатить определенную сумму. Но немножко денег еще было. Мы, мама говорит, мы заплатили военный налог и все они, 3 сестры вместе с детьми получили они разрешение, и переехали в «Гуляй Поле», это село. Во-первых, это село было недалеко от леса, можно было хотя бы ходить туда и собирать сушняк, ну опавшие ветки, и все вот это и уже топить. И село было более зажиточное.

Кто там жил? Т.е. в том, Вы сказали, жили в основном поляки, кулаки, сосланные люди?

Ну, они тоже были сосланные люди.

Они были либо украинцы, либо русские люди...

Да-да. Ну, в основном были Западная Украина и Польша, поляки. А вот сюда, как мы в это село переехали, это был уже 42-й год мы переехали.

Это вы перезимовали уже с поляками?

Да тут мы перезимовали, двигаться нельзя было. А сюда, когда переехали, здесь жили люди украинцы, и были и русские. Это люди попали сюда во время столыпинской реформы на земли на новые.

Еще в царские времена?

Да, да, да, а потом сюда немножко прислали и поляков, но эти поляки были под комендатурой, а вот эти вот люди с Западной Украины в основном, в основном были они, они были свободные. И поэтому жили они более зажиточно. Ну а те поляки, которые были высланы, они такие же были...

Бедные?

Но уже имели свои дома, землянки, что-то уже было. Но село было, поскольку в столыпинское время оно было заложено, дома были с крышами. Т.е. это были уже не землянки. С крышами, но с камышом....

(Зазвонил телефон, прервано интервью, далее продолжение через 3 минуты, после телефонного разговора)

Т.е. эти дома, Вы говорите, уже были с крышей, с камышом, они были деревянные или?

Не-не... Они были саманные, м-м.

Мазанки? Глина с соломой?

Глину с соломой, формы делались и строили. Были и землянки в этом селе. Но село было очень спланировано. Были улицы, были как кварталы, знаете уже, рядом 2 озера, там была рыба. Это уже... Зеленое село, очень зеленое, много зелени было, деревья... Село ухоженное было, но оно было основано в 1800 с чем-то, где-то в конце, поэтому оно было нормальное село.

Как бы люди приехали туда и они знали, что они надолго здесь и основательно строили.

Да, они основательно. Они брали землю и все это... все это было как надо. И поэтому в это село мы переехали. Но здесь немцев не было еще, мы приехали... нет – одна семья Энген были.

Одна семья депортированных была?

Я даже не знаю – вот эти Энгены были, раньше сюда приехали, сами по себе или ... вот это как-то я не наткнулась на это, чтобы выяснить этот вопрос у мамы. И так мы в это село, когда приехали, сначала нам негде было жить, но мы поселились – летом мы приехали, овец выгнали на пастбище и мы поселились в овчарне. И вот все лето мы прожили в овчарне, в одном из уголков.

Мама так и шила?

Мама работала на поле, мы ее уже не видели, одна и вторая сестра мамыны тоже работали на поле. А мы... мамина крестная, она потеряла всех в дороге, а жила на точке 19-той, поселок, и через коменданта, комендатура уже ж была, забрали ее эту бабушку к себе, тетю, мамину тетю. Нам она уже как бабушка. И вот она нас немножко, так сказать, пасла. Потому что нас было трое, у тети Фриды дочь, у тети Лизы двое. Нас было 5-ро детей, ну уже я не хочу сказать, что сестра моя такой ребенок – 42-ой год был, ей уже был одиннадцатый год, и брат, кузен, он еще старше был, его уже в поле забрали, пасти скот, и вот так вот тут мы тогда жили. Но пока лето мы прожили в овчарне, а к осени – мама-то в поле, ну уже познакомилась с людьми, с собой в поле брала – резали простыни, делали косынки. Эти косынки – у мамы оказались нитки, она рукодельница была, мулине так называемые. Она вышьет – там какую-нибудь веточку или что-нибудь, прошьет, швейная машинка у нас была.

Т.е. Вы ее с собой везли?

Да, все время везли ее с собой, и она до конца была, и мы сейчас уехали, оставили ее дальше. И вот это тоже нас выручало.

Т.е. она эти салфеточки, косыночки вышивала и потом?

Уже можно или простынь продать, или эти косыночки разрезанные. И, говорит, если работают – сено ... э-э... копны эти делают или что еще, пара минут бывает свободными.

Женщины, говорит, садятся, смеются, разговаривают между собой, а я скорее шью. Или, говорит, молчу, они говорят: «Ну, Оля, что ты опять про своих этих все думаешь? Да не думай ты про них!» (*говорит с украинским акцентом*). Ну, там разговаривали по-хохлятски больше. «Ну не думай ты так про них! Там они-ж там бегают – шо-нибудь зьедят, шо ты боишься?»

Ну, вот так и жили. А к осени... Жила в этой деревне – дом на 2 половины, и жила... ну в общем дети-сироты жили в этой половине, 2 парня и девушка. И одного парня забрали в армию, они были поляки, его забрали в армию, а этих двоих – были у них тети там, и они их забрали к себе, а этот, ну как – половину дома они сдали нам, разрешили поселиться. И вот туда вошла моя мама, ее две сестры и нас семеро детей, и бабушка, и все мы жили в одной комнате. Делали такие нары, закрома, это такая постройка делалась к стенке. Сюда можно было положить одежду, или пшеницу, если... или что-то. А наверх накрывались доски, ложилась постель, и тут мы уже спали.

Т.е. это, получается, был такой ящик, со всех сторон закрытый, все туда ложили, сверху закрывали досками и сверху спали.

Мы, я... В 42-году, когда мы переехали летом, и в 42-м году одну из маминых сестер забрали в трудармию – тетю Фриду. Она была самая младшая, у нее был один ребенок. Мальчик умер в дороге, осталась дочь. И ее забрали в трудармию. И вот осталась эта дочь, она такого же года – у нас разница с ней на один день в возрасте. И вот мы с этой Эльзой спали с мамой на этом топчане, а уже сестра и брат спали отдельно. И так каждый со своей семьей. И так по всем углам – все было занято. Так и жили. Мама работала в колхозе. Это одну забрали в трудармию, эту девочку хотели забрать в детский дом, поскольку родители, которых забирали в трудармию – можно было сдать в детский дом. Но мама не отдала. И та сестра тетя Лиза – они решили, что эта Эльза останется с нами. Она так и осталась. Ну и вот, так работали в колхозе, ходили к коменданту каждый месяц расписываться.

Один раз в месяц надо было ходить отмечаться?

Каждый месяц надо было явиться и показать, что ты здесь. Если пойти в какое-то село, что-то ... ну разменять что-то, где-то слышно в том селе лучше урожай можно поменять. Или родственники где-то, сходить на похороны или на что-то. Надо было получить сначала такую справку. Иначе в том селе мог тебя тот комендант остановить, и если без разрешения, то 20 лет тюрьмы, и никаких гвоздей. Ну и вот так каждый месяц ходили расписываться, каждый день от зари до зари ходили работать. В колхозах почти ничего не давали, потому что все для фронта. Был огород, около дома, где жили, сажали – там очень хорошая земля была – такая благодородная. От людей получали навоз – рассыпали, выращивали – все работали, все! От малого до великого. Утром если уходили: тетя Лиза, та больше всего – был полевой стан, где люди постоянно там жили – все лето там. Тракторная бригада, например – там никто не уезжал. Тетя Лиза там тоже работала, мамина сестра. А мы уже дома. Мама нами командовала. Одну забрали в трудармию. Вот бабушка с нами. Мама скажет, что мы должны где-то за день сделать – где-то надо было кизяк лепить летом, месить и топить чтобы зимой: сушить, поворачивать его, летом надо было огород полоть и вырывать. Это надо было – такой кустарник рос – на веники, на зиму чтобы наломать, посушить – и вот все время: двор подмести, и все... в общем, работа была целый день. И каждый день. А потом тетя Лиза стала работать на свиноферме, то мы пасли и летом всегда свиной.

Свиной в открытом?

Да, выгоняли с сараев, с загонов таких и пасли их, и потом выгоняли их, а в промежутке лепили кизяк. Гулять некогда было. Но отдать должное, большое, должное моей маме – она всех нас заставляла учиться.

Я как раз хотела спросить – была ли школа?

Школы были, и вот сразу даже в том первом поселке была школа. Почти никто – очень мало из наших приехавших туда, кого привезли в это село, послали своих детей в

школу. Почему, потому что, во-первых, холодно, голодно и еще мы будем детей гонять в эту школу, пусть сидят хоть немножко в тепле. Мама же сказала: «Нет! она пойдет в школу». Сестра моя ходила уже там, на Украине в школу, в 3-й класс, и она ее отвела в школу. Реву было – неимоверно много! И несколько дней, но все равно она не хотела: все чужие, никого нету, в школе тоже холодно. Но она ее заставила.

А брат он уже был большой?

Брат сначала еще не ходил, а потом, когда мы переехали в «Гуляй Поле», брат пошел в школу. И в «Гуляй Поле» потом я пошла – мы жили там до 52-го года – там пошла и я в школу. И поэтому в школу мы все – сестра получила образование, она учительница начальных классов, она педучилище закончила Целиноградское, я закончила пединститут, но сначала тоже педучилище, и потом пединститут. Брат закончил техникум – Автошколу. Мама нас не оставляла так, она сказала: «Нет, учиться вы должны!»

А в этом селе «Гуляй Поле»...

Тоже была школа!

Нет, я хотела спросить – были ли другие переселенцы?

Наша семья – ну мы приехали 3 сестры – мы приехали первые в это село, по разрешению коменданта, и так почти где-то до конца, через несколько лет – перевезли семью двоюродного брата сюда, и двоюродной сестры перевезли сюда в это село. И больше здесь немцев и не было.

Т.е. туда больше не разрешали или почему?

Ну, вот так, знаете, не каждый рисковал с одного места ехать на другое, многие не могли хорошо общаться по-русски.

А на каком языке вы разговаривали? На немецком?

Мы на украинском больше общались. А почему, потому что у мамы были же эти дети из детского дома, а с ними надо было общаться на украинском, и вообще мама была такая интернациональная. И ее мама была интернациональная. Она была вдова, от первой мировой войны муж погиб на войне под Варшавой, и вот все вдовы, соседи, все ходили к ней, потому что бабушка была очень грамотная у нас. И они ходили писать письма, жалобы или что-то, и поэтому у бабушки, в результате моя мама вертелась вот в этом вот. И она понимала: что такое быть образованной. И поэтому она нас давила к этому: что вы должны учиться.

Вы говорите, что для многих была проблема разговаривать на русском, т.е. они тоже тогда разговаривали дома на украинском или как?

Не, на немецком многие. Многие разговаривали на немецком. Но все равно, когда мы стали здесь жить, постепенно язык утрачивался немецкий. Детские сады ... нас было вот это...

Вы в детском саду тоже по-немецки разговаривали или только по-украински, потому что дети все были украинцы?

Мы на украинском говорили, и село это все украинское в основном. Это «Гуляй Поле» (делает акцент на название села) – это же есть Родина Махно. Вот откуда это. И поэтому все украинцы были, и говорили-то на украинском, но он уже преломленный был с польским, и вот так и шел этот язык. Мы ходили дети – ну в такой летний детский сад – все по-русски, ну по-украински на этом языке. В школу пошли – тоже все. Мамы целый день нету, мы общаемся по-русски-украински, и так немецкий мы почти мало, очень мало помним. Ну, вот так мы здесь и жили до 52-го года.

А вот Вы говорили, у Вас с казахами был только один человек – как-то Вы мне сказали по телефону? Т.е. местное население – это были украинцы и поляки?

Украинцы и поляки, казахов не было, когда мы приехали в это село.

И вообще вы не видели местного населения, как казахов?

Можно даже сказать, что не видели, но потом моя тетя – тетя Лиза – она вот на стане работала. А было такое, называлось «отгон»: чтобы сено с полей не свозить в одно место и потом скот кормить – оставляли в степи, где-нибудь в одном месте: там есть постройка. И вот в эту постройку на зиму заставляли 2-3 скотника – ну женщины – все женщины, мужчин не было. И они ухаживают: скот там «базы» или фермы, или сараи, ну базы называлось. Там стоит скот, рабочий в основном: быки, вот такое вот. И надо за ним ухаживать. И даже зерно ж не вывозили: не успевали все. Там закрытый ток, обкладывали его соломой и там зерно, а зимой его чистили и возили на сдачу государству. На телегах, на санях и вывозили.

Т.е. в период урожая было необходимо быстрее собрать все...

Да, собрать все, высушить и проветрить его или провеять, очистить. Его свозили в закрытый ток, закрывал, а зимой вот в этот стан, там было несколько человек, они вот это зерно веяли: веялки такие, переивали, чистили, потом на сани грузили и вывозили.

Вот, и моя тётя там была...

.....
Это вот собирали всю технику, и вот тут набирали учеников, токарей, там, и вот брата приняли на курсы, и он тоже стал зарабатывать. И так у нас осталась нахлебником одна я. Я ходила в школу, сестра работала. Брат стал работать, мама работает уборщицей, да, вот так и пошло у нас.

А как узнали вот о смерти Сталина?

О смерти Сталина, я была в 6-ом классе, март месяц. О-о-о, это было столько слёз на всю школу, такая, несколько дней эти траурные линейки, и слёзы. Вот так вот в школе объявили, радио всё-таки было, радио-тарелки какие-то были. Это объявлено было. Почётный караул и всё вот это вот.

А какая реакция была у людей, у Вас?

Знаете, реакция была разная, но, в основном, конечно, потеряли отца родины. Кто же теперь будет, как это теперь будет, что это теперь с нами будет.

Это вот одна реакция была?

Это вот основная реакция, понимаете, пропаганда настолько была сильна, что только где-то глубоко старики, даже моя мама, она вроде в возрасте была, и её коснулось такое, и как-то она, не было отрицательной реакции.

Т.е. она не соотносила то, что с ней случилось...?

Да, и с этим вот с этим...

.....
Эта тётя Лизы дочь Варя, у них было 14 детей, самому меньшему было 2 года, когда умер отец. А 49 лет было этой Варе, она тоже умерла. И вот эти 11 детей друг друга поднимали. А сейчас 11 из них здесь в Германии. А трое остались, двое в Казахстане, один в Красноярский край переехал, и вот эти, один в Казахстане уже умер. Так вот выходит, 11 здесь, они немцы. А те трое они не немцы. Ну, вот где, где логика? Логика вот немецкого правительства? Ну, даже взглянуть, наверное, всё было в пользу этих детей.

Они уже были замужем или женаты?

Они женаты, да. Они остались там. Ну и вот, одна из них самая старшая была здесь и говорит, тётя Неля, родители так рано ушли от нас, мы ничего не знаем о наших родственниках, кто у нас был, как оно было. Может, вы бы нам написали, как что. Я говорю, ладно Неля, как-нибудь этим займусь. Ну и вот эта Неля натолкнула меня на мысль, я начала собирать сначала корни, с кем, что, куда сходится, она начала спрашивать, спрашивать, с головой всё нормально. Потом появилась статья про махновцев, я маме прочитала, она говорит, вот это так, это было вот так.

А мама вот по-украински разговаривала?

Да, больше по-украински разговаривала. Она мне рассказала, я написала. Коротко рассказала о том, как их вели на расстрел, ну, всё отослала землякам, всё отпечатала, всё. Я стала собирать информацию всем родственникам, эти девочки, брата моего стали просить. Тётя Неля, вот папа нам мало что может рассказать, а вы бы нам так написали немножко. Ну, я думаю. Ну, ночами ж сидела, она не спит, надо сидеть. А сидеть, это одно счастье, я была настолько погружена, что мои мысли всегда отходили от того, что я должна была. Ну, вот так вот я всё спрашивала, то про одного родственника, то про другого, выписывала, а потом стала собирать до кучки. И записывала на разных шпаргалках, на чём придётся, что вот такая вот шпаргалка была...называется как брошюра.

Так и писали, да?

Да, так и писали. Выбираю где что мне надо. У меня возникло ещё много вопросов, стала звонить другим, а там ещё хуже. В общем...

Никто ничего не знает, не помнит.

Всё записано, кто с кем, кто куда. Ну, вот так вот.

Ну, племянницы получается, уже что-то получили, да?

Я им всем альбомы сделала, фотографии заказывала через..., мне делали копии, много вот именно...

Вот семейные именно?

Да, вот эти вот. Это вот мы перед войной, я, братик мой, девочка, которая воспитывалась из них Катя.

Т.е. вот это кто?

Это Катя.

Это вот Вы, это Ваш брат, сестрёнка.

Ну, Украина, в саду. Это мамина мама.

Это Ваш сад был.

Угу.

Это мамина мама.

А это моей мамы дедушка и бабушка по линии Гоголей. Вообще-то мамин отец был. Его, он врач был во время первой мировой войны, он погиб под Варшавой в 15-ом году. А вот этот дедушка.

Это его отец.

Да, его махновцы убили в доме. Избили шомполами и закололи.

И она одна, а вот это все остальные... Его брат с сестрой.

Да.

Вот это он тоже здесь.

Вот это уже мы, вот это вот мама моя, сестра, это вот эта тётя Фрида.

Вот эти три сестры, так вот они вместе и переезжали...

Ага, братик он рано умер, видите, он добавлен в фотографию.

Потому что он в первую мировую войну погиб.

А эта фотография уже была, по-моему, тётя Фрида 14-го года, фотография была позже 15-го года. Вот так вот. Ну, вот так вот где какой листочек попадётся, я писала, потом переписывала.

Ну, ещё хотя бы Вы могли переписать то, что Вы смогли найти, корни.

Вот мой отец.

А вот Вы эти фотографии уже перепечатали, пересканировали...

Да, да, да, это я уже сделала. Вот это ж я альбомы оформляла, нужны они были.

Ну, это уже видно, что фотография уже была очень старенькая, и порванная была...

Да.

Это у меня телефон, не волнуйтесь (смеётся).

Это мой отец, а это вот это отчим. А это отчим. А это уже отца его брат, отца моего двоюродный брат вот. Ну, вот так вот. Где-то тут всё записано, всё переписано (смеётся).

.....
Рейтенбах Виктор Фридрихович, немец, 76 лет. Был депортирован из Азербайджанской ССР, город Ханлар в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Ну, все. Так вот, Виктор Фридрихович, у меня такой к Вам вопрос. Как затронула депортация Вас и Вашу семью? Непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов или кого-то еще? Какая именно депортация затронула Вас и Вашу семью? Дата, контингент, место высылки, куда вы прибыли, и воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте, и что с ними было после окончания войны?

Хорошо.

Ну, вот, давайте о депортации, вначале.

Значит, э-э-э, родился в Азербайджанской ССР, город Ханлар, (городского типа) Еленендорф. В 1934-ом году 7 марта. Нас в семье было 2 сына. Мой отец – Рейтенбах Фридрих Фридрихович, мама – Венгелер Гильда Эрнстовна, они – выходцы из Азербайджана тоже. И все наши родственники, немцы, которые образовали это поселение немецкое, идет с периода Екатерины II. Это с 1717-го года. Я, допустим, являюсь шестым поколением вот этих родственников, которые приехали в Россию, но остановились на конечном поселении налично, именно в Азербайджанской ССР. Вот это село Еленендорф, называлось тогда, в то далекое время. Это Кавказ, это гористая местность, а выехали наши родственники дальние из Германии,... это юг Германии. В то время выехали, но по рассказам наших дедов и всех родственников, они искали лучшую жизнь. И эта лучшая жизнь явилась в то время далекое, именно Азербайджан. Я родился в 1934-ом, как я уже сказал, мой брат родился в 1937-ом году, и больше у нас братьев и сестер не было. Отец работал, виноградарством занимался, потом, когда закончил школу, он закончил ее, как в то время не техникум, а как-то учился в каком-то училище. Закончил его виноделом. А потом, э-э-э.

Отделение как винодела, да? Виноделием занимался как-то, да?

Да, виноделием. Там очень большие виноградники, вы тоже об этом знаете, и они занимались овощеводством, фруктовые сады и виноградники были. А когда прошло, вот коллективизация, они объединились в конкордию.

В конкордию?

Конкордия, да. Конкордия – это все винодельческие конторы, которые в городе, винограда. Они сдавали свою продукцию, и, э, этому кооперативу, будем так если сегодня называть, и делали различные вина. Там очень большие специалисты были. Таким образом, до начала войны они работали там. Отец, он еще участвовал в художественной самодеятельности, в духовом оркестре, там город очень хороший. Нужно сказать, я, когда нас оттуда высылали, мне было тогда 7 лет.

7 лет?

7 лет, да. И я это зрительно помню, вот это село, т.е. этот город, я помню, где наши дедушки жили, дедушки Райтенбахи по отцу, матери Венгелеры. Их было очень много. У отца было 9 братьев, и одна сестра, в общем, 10. Очень много, это многосемейные люди, там, много всегда, и нужно сказать, что это в корнях у немцев, они многосемейные были.

В то время, наверное, у всех так было.

У всех так было, поэтому, это очень интересно. Я помню это детство, потому что я очень часто с отцом ходил на стадион, и наш дом был напротив стадиона был. Стадион...

Спортивный, да?

Спортивный стадион, спортивные состязания, даже помню, конные состязания, когда работает очень красиво было, и духовой оркестр. Я всегда слушал, но после этих мероприятий, мероприятия были, танцы, веселье, ну как это все.

А у Вас отец тоже на каком-то инструменте играл?

Да.

На каком?

Он на басу, духовой оркестр, на басу он работал.

Угу.

Но и это и ко мне перешло, в свое время. Тоже учился, уже здесь в Казахстане. И я потом дальше расскажу. В общем, так, это получилось вот так. Потом, в общем, в октябре, в 1941-ом году, было объявлено, потому что разговоры, как говорят, я не знаю, может быть, отец знал, может быть, дедушки знали, но никто ничего не знал, что вдруг мы должны собраться. За 24 часа мы должны были быть готовы на выселение, и нас депортировали.

Вы знали куда? Место высылки?

Нет, мы еще не знали. Нас, значит, погрузили в машины и повезли в Баку, в Баку, в город Баку, также в море Каспийское нас несли, загрузили в баржи. В баржи загрузили, и кто успел, значит, быть вместе, я помню, что все мои дедушки с линии отца и с линии матери, все мы вместе уехали. Уехали на этой барже, т.е. на поезде. И всех нас вместе поселили на эту баржу, и где-то, так мама говорила, что где-то около 9-ти вечера эта баржа поехала. Вначале поплыли, но никто не знал, куда мы приедем. Куда приплыли.

Я вот хотела вопрос, такой вот, Вы вот уже начало начали говорить, о начале переселения, да?

Да.

Т.е. это было в октябре месяце, в 1941-ом году, да? Место высылки, вы не знали куда вот, вы поедете, что с вами будет, вы ничего этого не знали, вот, что было накануне депортации? Вот были ли слухи, догадки, вот вы начали говорить об этом? Уезжал ли кто-то заранее из-за опасения быть депортированным? Кто-то, может быть, заранее уже слышал, и уехали?

Нет, вот такие случаи, я не могу сказать.

Готовились ли к плохому повороту событий люди? Что слышали о других депортированных? Потому что это же не могло быть в один день, ежеминутно, вот, ежечасно, вот в один день.

В общем, получилось у нас там то, что я знаю. У нас вот что там говорили одно, что мы могли собрать за короткие сроки и время, все то, что могли унести.

Ясно. Как узнали о переселении, кто, как оно происходило? Сколько времени давали на сборы? Что разрешалось взять с собой? Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей? Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги какие-то, как объясняли причину депортации, и что говорили об этом переселении, вот переселяемым, вот людям? И в каком состоянии оставалось население, т.е. вот, поселение, вот, из которого производилась депортация? Оставался ли кто-то там по каким-либо причинам? И по каким причинам оставался, кто-то может быть. Что было со скотом, с вашим имуществом, с домом, все это осталось?

Я могу сказать, такие разговоры я не могу знать, потому что был мал. Я знаю только то, что нам было сказано взять теплую одежду, все то, что у вас было, вы должны собрать, особенно одевайте детей, и вы уедете. Куда вы уедете, это все вам по пути разъяснят. Было

постановление правительства, что немецкое население должно быть эвакуировано с тех мест, где ожидается приближение фронта.

Вот так было объяснено?

Да, вот так было. Это то, что я знаю и то, что мне говорили, то, что я слышал между разговорами от моих родителей. Действительно, мы, таким образом, и уехали. Когда мы приехали в Баку, нам говорят: вы поедете морем, а куда, вам скажут. Действительно, мы плыли очень долго. Мы плыли и приплыли в Красноводск. Туда мы приехали.

С Баку на барже?

Да.

На какое?

На Каспийское. Мы туда приехали. Я не знаю в какое время, по-моему, еще день был и нам было сказано, что вы будете погружены в товарные вагоны, старайтесь, чтобы родственники были в одном вагоне или в двух вагонах и вы поедете в сторону Казахстана.

Я вас перебью. Получается, полностью все село, да?

Все село абсолютно.

Никто не оставался?

Никто не оставался.

Вы не знали, что произошло с домом, со скотом? Все это осталось?

Я могу сказать то, что я отступлю, потом еще возвратимся. Я с женой решил посетить Азербайджан, это уже в 1985-ом году. В 1984-ом, нет, ну да 1984-ом, в 1985-ом. Я просто решил поехать и посмотреть на то, где я родился, и что с нашим домом. Я знаю, что все то, что было в доме, все было оставлено там.

Вот с собой только вещи можно было взять?

Не только вещи, там.

Еду брали?

Еду, все, что смогли собрать, все, все, ценности, все, наше нажитое, родителей, у моих родителей, у мои дедушек все осталось там. Ничего, ничего не возвращалось. И так оно там и есть. Когда поехал на Кавказ, туда, в Баку мы решили ехать, а там, в Баку, мы это в Ханлар нужно ехать в 8 часов, вечером, а утром там были. Когда я приехал вот в это село, я нашел наш дом, в то время вместе с женой, я открыл двери, и навстречу выходят старые айсоры, это армяне. Айсоры – это такая семейственность, это нация такая. А они, когда жили вокруг этих домов, и общались с нашими людьми, они.

Они жили в этом поселке?

Они жили в этом же поселке.

А, только немцы уехали?

Только немцы. Они говорили и на немецком языке, и научились, наш отец и мать, и дедушка, они говорили по-армянски, по-азербайджански говорить, и айсорской речью говорить, они между осетинами, между, э, азербайджанское наречие такое. И она зашла, э, а я сильно похож на отца, говорит, вы приехали к нам насовсем? С таким испуганным видом, что они жили в этом доме. Я на жену посмотрел, нет, я, говорю, приехал только на световой день, и сразу вечером мы опять уедем в Азербайджан, туда, где мы в санатории остановились. И я вот тогда увидел наш дом, он какой он был, такой и остался.

Т.е. все сохранилось, да?

Все сохранилось. И эти люди были напуганы на то, что я хочу, принять, заехать в этот дом. Я вам могу одно сказать, все немцы, которые оттуда выехали, там очень много, я не могу сказать, сколько там тысяч было. Но вернулась только одна семья.

Туда?

Туда. А остальные все остались.

Значит, получается, все были переселены ваши родственники?

Все, все.

Все, получается, да?

Абсолютно.

Хорошо. Теперь вот как бы путь, вот как вы ехали, как вы в Казахстан?

Ну, я могу сказать, что...

Знаете ли Вы о том, куда Вас везут? Как везли, как формировали эшелоны? Сколько человек ехало в этом вагоне? В одном вагоне. Что могли фактически взять с собой? Как размещались в эшелоне люди? Какие были условия в поезде? Чем и как кормили? Давали ли теплую одежду? Умер ли кто-то по пути? Если да, то сколько человек, если нет, то что вы помните, может быть, там родители?

Я знаю только то, что один случай был, что там умер кто-то. И потом его там, на следующей станции сняли, чтобы похоронить.

Бежал ли кто-то по пути?

Не могу сказать.

И если да, то были какие-то...

Наверяд ли, таких.

Вот расскажите на счет...

Я вам могу говорить о том, что я запомнил, когда мы плыли, все-таки долго плыли, это день, ночь, еще там определенное время дня. По-моему, двое, трое, около двух-трех суток, очень медленно плыли. Я запомнил только одно, что на палубе, там, наверху продавали финики. И вот эти продавцы нас, детишек, угощали вот этими финиками. Это очень вкусный плод, ведь это южный. В нашем там тоже рос, и т.д. это я хорошо запомнил. И запомнил то, что нас кормили более нормально. Я помню: очень вкусная была пшенная каша с маслом. Вот привозили там, наши мужчины должны были получать на свою семью. Т.е. тут и дедушка, бабушка, сколько там, это, по-моему, нас было тогда 25-30 человек вместе с детьми.

В вагоне?

Ну, так, на палубе размещались. Там были навесы вот такие.

Это на барже вот, да?

На барже.

Это вот с Баку вы ехали, в какой город, вы сказали?

Красноводск.

Красноводск. Там Кисловодск, да, вот где-то?

Нет, Красноводск.

Вот, когда с Баку вы ехали в Красноводск, тогда вот.

На баржах.

Тогда вот по 20-30 человек, да?

Это вот как.

Семья, да?

Ну, вот кучковались.

Кучковались, да?

Кучковались, потому что, значит, там были, помню еще, наш дедушка был, инвалиды все прочее, нужно было ухаживать. В то время, этим дедушкам было тоже по 65 и больше лет.

Ага.

И бабушкам такое же.

Угу.

Поэтому, все было там. Ну, на счет больницы, я должен сказать, нас спасало то, что среди нас никто не болел, но соседи, которые рядом были, там же нет такого, что есть, там крохотная дорожечка, чтобы друг друга мы не, там очень много людей было.

А вот баржа, получается, вот она делилась как-то?

Нет, это все на одной палубе, люди так кучковались, вот. Между ними есть какой-то узкий проход, я знаю, что в одной семье умер мужчина, от болезни, поэтому вот пришлось его, значит. Куда они его дели, или отправили с чем-то другим. Я знаю, что одного хоронили, и его хоронили в море. И такое было. Ну, а в принципе, остальное все нормально. Вот когда в Краснодар мы прибыли, тут уже было сказано, что семьи должны оставаться вместе, в один вагон, как вам сказать...

Товарные вагоны.

Товарные вагоны, они были приготовлены, двухъярусные.

Двухъярусные?

Да, двухъярусные.

А как поднимались вы?

А как? Очень просто. Там, двухъярусная, ступенечки сделали, к бревну прибавали, и залезали наверх.

Это, получается, на полный рост нельзя было встать.

Не, не, не. Лежа туда зашел, и согнутыми спускаемся. Когда люди не спали, они обычно внизу, все вместе. Там, это, кто на полу вагона, кто, просто сидя, или стоя, потом залезали наверх, если уставали и т.д., кормили, это я должен сказать, я помню, 3 раза в день.

Т.е. останавливались?

Останавливались, эти, в этом вагоне были и избранные, так называемые, старшие, старший, который следил за порядком, и выбрал себе тех мужиков, когда нужно было идти и принести продукты, воду, чай где-то сварить. Там буржуйка была.

У вас была буржуйка, да?

Да. Дальше, уже, когда ехали сюда ближе к Казахстану, это мы в октябре, ноябре. Мы приехали на место на станцию Колутон, Акмолинской области.

Колутон?

Станция Колутон, было уже начало, середина декабря, и ужасный холод был.

Угу. Я вот еще хотела вопрос вот в вагоне, в самом вагоне, сколько человек помещалось?

Слушайте, место свободного не было. Сколько могло зайти, столько и было. Там, только на углу была буржуйка, которую подтапливали, что немножко тепло было. Или подогреть воду, чай, потому что там и нужно было пожилым людям теплую воду дать, и т.д.

Теплую одежду не давали, вот то, что вы сказали, то и...?

То, что с собой брали.

Вот чем кормили, вот вы воду, говорили, чай?

Чай, вот это приносили, хлеб давали, и вот эту пшеничную кашу.

Каждый раз вот, два раза?

Каждый раз, пшеничная это я хорошо помню. Остальное я не помню, может быть там еще чего-то, но, потому что она понравилась детям и мне в том числе. Мы ее кушали, вот такая пшеничная каша.

А вот вы, если вот со своего поселка, вот, где вот вас, э-э-э, забрали, вот вас с поселка родного, и вот в Казахстан, вот, сколько примерно получается времени?

Ну, вот, считайте, если мы вот в октябре уехали, в начале октября и приехали, где-то в середине декабря.

В середине декабря, да?

В общем, октябрь, ноябрь, декабрь, около 3-х месяцев. И мы приехали на станцию Колутон.

Так долго везли вас, да?

Так долго, и я знаю, что, наверное, заранее, предупредили из сел, в которые будут размещать всех прибывших, я знаю, были же там, знаете как раньше, у кого лошади были запряженные, у кого вот эти сани, у кого быки. Допустим, мы, попали так, сделали, что все больные, старики и дети, должны садиться вот в эту колоду, это колоду, вы знаете, такое, где возили зерно, раньше же машин не было, вот так, и вот на этих колодах внизу постелили солому.

Она из дерева, да?

Она из дерева да. Все это высокие, так, если встать ребенку, то ему по голову. Я когда, 7 лет это же небольшой, как раз хватило, чтобы, ну, вот потом нас, чтобы мы взяли свои ковры или что-то такое, нас сверху накрывали.

Накрывали, да?

Да. Я помню, нам сказано было нашей семье, что Рейтенбах и Венгерлеры, нас, сказали так, вот первые кто будет, село Ягодное, село Ягодное. Там вы переночуете, следующий этап, вас перевезут, по-моему, это село Жанатурмыс, это уже потом впоследствии, когда я уже подросток, это был колхоз Жанатурмыс, и мы там осели. Я должен сказать, что нас встретили казахи.

Угу.

Вот население, казахское в основном. 100% там было, они нас всех приняли так, как надо, мы даже не ожидали, что такая встреча дружественная, а они нас с пониманием встретили. И я помню, мы в Ягодном пришли, там смешанное население, русские и казахи. Мы, разместили нас там, на ночь, но, оказалось, что мы там двое суток были. А потом нас уже повезли вот в это село, Жанатурмыс. Там мы были два года. Это 41-ый по 42-ой, в начале 43-го мы переехали в село Журавлевка. А когда нас расселили, т.е. когда нас рассадил, нас всех вместе не могли. Когда мы приехали в село Жанатурмыс, мы не нашли свою тетю.

Почему?

Ее с детьми, со стороны матери, и значит, дедушку и мать их увезли в другую сторону, потому что не хватило транспорта, и они сели в другой. И их завезли тогда в село Журавлевка, это тот же Калининский район, Акмолинской области. А мы это узнали, вот в Жанатурмысе, там же связь была, и говорят, туда очень много поселили людей, тоже прибывших с нашего поезда. Тогда мать, получилось так, как нас привезли в Казахстан, это село Ягодное. Всех мужчин забрали в трудовую армию. И остались только наши женщины с детьми, и так мы были до конца войны оторваны от мужей, их взяли в трудовую армию, отец попал в шахту, под городом Тула, их туда, значит, отец работал в шахте, шахтером.

Ну, я хочу, вот, я потом у Вас подробно спрошу, вот на счет этого.

Вот это все получилось, и мы вот эту семью очень долго не могли найти. А вот это мы когда приехали, вот уже в 2000-м, ой, в конце 42-го года мы нашли, мать нашла свою сестру. И тогда мы перебрались в Журавлевку.

Уже тогда разрешалось, да?

Это по разрешению, мы не имели право самостоятельно куда-то уходить, нас каждый день, два раза в день проверяли.

Два раза в день, да?

Переключка была.

Я вас хочу немножко, опять немножко заново, обратно, вот когда, вот, вы приехали в Казахстан, да? Вы сказали, что вас уже встречали, на лошадях, вот на быках вот этих?

Да.

Т.е. вы уже знали, куда вас будут поселять?

Да, да.

Вот вы говорили, что вот Ягодное, потом вот что дальше, поехали в Жанатурмыс.

Да.

Вот, э-э-э, когда вы прибыли, на станцию, вот, сколько примерно людей было, много было?

Знаете, я это не могу сказать, потому что тогда мне было мало лет, нас быстренько, просто сильный ветер был, холодно было.

Снег лежал уже?

Снег глубокий, даже валенок не было у людей, вместо валенок, они платки свои, они приехали в туфлях.

В туфлях, тепло было? Да, вот? Какие были природно-климатические условия? Отличались ли, отличался ли климат от климата, где вы жили?

Конечно.

Намного. Вот опишите, вот.

Вот климат у нас был субтропический, такой теплый климат, море. Там зимой, ну, бывает холодно, бывает до 10 градусов, бывает. Но такой суровой зимы как мы встретили, уже в Казахстане, такой зимы там тогда не было и сегодня ее-то нет. У нас же резкоконтинентальный сегодня.

Получается снег лежал?

Снег лежал, ветер, буран шел, и еще я знаю, эти люди, которые отгоняли этих быков, и вот допустим, лошадей, он на казахском языке еще там передал, а отец он знал язык азербайджанский, а это близкий язык с казахским. Он это понимал, и говорит, там очень холодно, надо спешить, иначе буран начнется, мы можем заблудиться, и поэтому быстро, все быстро поразъезжались, как я помню, очень холодно было. А когда приехали в Ягодное, нас расселили по квартирам, все нормально. Никто не возражал, потому что такая беда случилась. В Жанатурмысе, там вообще, нам пришлось хорошо, люди помогали всем, чем могли. Самое главное – питание, мы же приехали не без какого питания. Помогали, и мы помогали им потом в работе, помогали, что нужно делать. Отец, мать, т.е., а потом отца забрали, осталась мама, бабушка и дедушка.

Получается вот вы в Ягодном были, вот вы сказали, да? А потом вас, сколько вас туда привезли? Много человек было?

Ну, там село как сказать, оно немаленькое было.

И в одном доме сколько человек расселялось?

А, в доме, допустим, могли расселить, мы могли шестеро, семеро человек.

А-а-а, а потом, когда поехали в Жанатурмыс там то же самое?

То же самое.

И так вы там жили?

Так мы жили, нас поселили, значит, на квартиру, потом, получилось, что там еще подселили, и не было места. И потом кузнец, который был там, работал в кузнице, он тоже говорил, он тоже знал немного русский язык, он говорит, знаете, я вас поселю в кузнице, и мы там, там, в кузнице, это еще хорошо. Стены были выложены дерном, так же строили раньше эти домики, и в них, надо сказать, очень тепло было. И у него там такая пристройка была, все равно она пустует, вот тут живите, вот тут будете жить.

В казахской семье вы жили?

Да, в казахской семье.

В казахской семье, да? Поселяли и в казахских, и в русских семьях, да?

Там нет разницы, никакой.

Всех как бы обязательно нужно было в каждом доме по 5-6 человек?

Да, да, да.

Заселять можно было, если можно было больше заселять, то больше, да? Они вам помогали в питании?

Да, в питании и даже одеждой. Там даже научили, как нужно делать, это, как нужно шить из кожи, овчинки, делать такие сапожки, чтобы не замерзли люди. Такая помощь была. Большое спасибо тем людям, которые так помогали. Иначе бы никто не выжил.

И потом, тут же вы, получается, помогали, работали?

Да, да.

А вот еще на счет проверки, я тут бы хотела уточнить. Каждый день два раза?

Два раза.

Да? Приходил человек, и...?

Нет, сами мы должны все в селах, там был сельский совет и опорный пункт.

И во сколько нужно было это?

А там вот это утром, до 9-ти часов.

Нужно было сходить один раз?

И вечером, тоже, до 9-ти часов, отметить.

И сколько это продолжалось? Вот эта проверка?

Это продолжалось до 1956-го года. Я уже учился в институте.

Ага. Интересно.

И сняли, э-э-э, реабилитировали нас в 1956-ом году. Два года мы еще ходили на отметку, а потом получил я документ, реабилитирован был.

Ага. Вот, вы, когда были в Жанатурмысе, вот вас расселили, вот вы в казахской семье были. Получается, вы, брат ваш, мама, отец, да?

Ну, отец, отца сразу забрали.

Как приехали, отца сразу забрали?

Сразу забрали. Это еще, еще в Ягодном их забрали, мужчин сразу всех, опять, на поезде.

И вот в Тулу, вы сказали, да?

Да, он попал в Тулу, в шахту, это под Тулой.

Вы как-то связывались?

Никак.

А откуда вы знаете, что его выслали в Тулу?

Он написал письма, ну, вот как эти, треугольнички, это по рассказам мамы, что вот он попал в Тулу в шахту, и работал там до конца войны, в 1946-ом году он был отпущен домой. Сюда, в Казахстан, и приехал он в село Журавлевка, и вот тогда я попал. За все эти годы, я не учился в школе, потому что не мог учиться, связано было, что учеба не пошла, меня мама не могла, потому что я должен был помочь маме, брату, я пошел в школу только в 1946-ом году, в первый класс, тогда мне было 12 лет. Можете себе представить, я такой, а там мальчишки все, но я успешно кончил 7 классов, потом поехал в техникум, в Акмолинский зооветеринарный техникум. Кончил его с отличием. Это же ветеринарный, с отличием кончил. Знаете, тогда в 1957-ом году, было постановление правительства, отличники, окончившие средне-специальное образование, едут в вуз без вступительных экзаменов. Я, таким образом, закончил Акмолинский зооветеринарный техникум, в 57-ом закончил с отличием, и матери сказал, что я поеду учиться в институт. Отец говорит, ладно иди, он уже тогда работал, знал свою работу, на молочном заводе, помогал там, в работе, и

т.д. и я поехал в Алматы, в Алматинский зооветеринарный институт. И вот его уже кончил в 1962-ом году. И вот в 1962-ом, или даже вот в 1961-ый год я попал сюда на практику в город Павлодар, в колхоз имени Кирова, Павлодарского района. Там же тоже район немецкого населения, а главный зоотехник – Шульц Оскар Эдуардович, он специально приехал в Алматы, в наш зооветеринарный институт, факультет ветеринарии, и ему нужен был ветеринарный врач, именно по национальности немец, чтобы был. И вот он меня...

Пригласил?

Пригласил. Я приехал, и должен сказать, я остался доволен, этим главным зоотехником, остался доволен с председателем колхоза того периода, там был Шельф Георгий Андреевич, это трудармеец, который прошел трудармию, и переселение... и таким образом, я приехал сюда, и таким образом по сегодняшний день в Павлодарской области.

Хорошо. Я повторюсь, наверное, задам опять Вам вопросы. Вот когда вы, отца забрали у вас в Ягодном, да?

Да.

Потом вот вы в селе Жанатурмыс, там получается вы помогали матери, мама работала. Как вы работали? Как оплачивался труд? Вот вы сказали, что в школе не учились, да? Потом какие были ограничения у вас, как можно было переписываться с родными, в этом же или в других районах была ли перепись, ну, переписывались, могли ли люди переписываться. Потом как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи, осведомители? Кто был во главе сообщества, и как он руководил?

Я могу сказать.

Как питались, как одевались, сколько могли зарабатывать?

Я могу сказать, вот это все хозяйство было колхозным, это колхозная артель была, там начислялись трудодни, и на трудодень давались очень мизерные денежные средства, в основном, шла натуральная оплата. Получали зерно, получали там еще чего-то. Я знаю только о том, что я начинал работать там вместе с мамой весной, ведь все колхозные коровы и быки они должны были быть на пахоте. Земля обрабатывалась, в то время ведь трактористов не было.

Война шла.

Война шла, не до этого. И я там работал подгонщиком у мамы, она за плугом.

А вы рядом?

А я рядом, там с этим, с этой палочкой, помню, мне бригадир камчу дал свою такую, сплетенную.

А бригадир казах был, да?

Казахи. Там вот все работало казахское население с теми людьми, которые приехали, там немцы, потом после немцев приехали поляки, потом еще люди приехали, русские, украинцы.

Это которые переселенцы, да, депортированные?

Это депортированные, получились население, люди, которые приехали после эвакуации в связи с тем, что строились заводы и т.д., размещать всех нельзя было в этом городе, часть размещали ближе этих сел. Поэтому нам так пришлось вон там вот трудиться. Я могу сказать, что я очень помогал местному населению, помогать, вот муку молоть, знаете, вот на подушку камни ложились, снизу камень, и сверху, вот тут вот отверстие. Хозяин говорит: ты мели мне эту пшеничку, а ты получишь взамен муку, то, что смолишь. Таким образом, я помогал матери, и я это молот, потом, когда надо, работал в поле. Вот таким образом мы выживали.

Не было возможности учиться, да?

Нет. Дедушка хотел, чтобы я пошел учиться, но, потом, дедушки и это, они уже тоже пожилые были. Они в скорости умерли и бабушка тоже, они все были похоронены там в Журавлевке.

В Журавлевке, да?

Да.

Это вы там, в Жанатурмысе, потом по разрешению поехали в Журавлевку?

Да, в Журавлевку.

А там разница, расстояние, какое было? Далеко?

Нет, она река, Буксок приток Ишима, через речку.

А почему вы не остались в Жанатурмысе? Почему?

А там школы не было.

А там не было, да?

Там не было всех, все ходили, там начальная школа была, вначале-то я не пошел.

В начальную школу пошли.

Да.

Третий да, получается класс?

Да, где-то так.

А вот получается, дети ходили в школу, те, которые депортированы, они ходили в школу?

Они ходили.

А вы не ходили, да?

А я не ходил. Я не мог ходить, я пошел только в 1946-ом году. Как закончилась война, как приехал отец, и потом я пошел в школу. Ну, трудно было.

Это когда вы уже в Журавлевку, да?

Да.

Школа была, да?

Да, там десятилетка была. И надо сказать, очень хорошая десятилетка, и могу по секрету вам сказать, Исаев Борис Васильевич, он тоже в этой школе учился. Только я кончил 7 классов, а он в этот год, в 1953-ем закончил 10 классов.

В этой школе.

В этой школе. И только вот тут, давно уже, когда тут было, когда он уже на пенсии, мы разговорились, он говорит, так мы же вместе учились, я так вот на него в то время смотрю, он белобрысый, такой волос был, он был высокий такой.

Это Журавлевка, село Журавлевка...

Да, Калининский район и там тоже был, там его родственники, тоже там жили временно, тоже их прислали, это связано было с эвакуацией, или что-то там было.

А вообще, как было управление организовано в поселке? Был?

Ну, там сельский совет же...

Т.е. он существовал этот поселок, там был свой председатель?

Все, все, все.

Вообще было, вас просто туда поселили, вы начали вместе работать, вместе...?

Мы с местными жителями все вместе делали.

И все, да?

А что-то кто-то кому-то докладывал, это я даже не знаю. Может быть, были такие, но я так не знаю. Потому что я, допустим, принял уже сознательность жизни, такие вещи не знал.

Не знали, да?

Да.

Теперь, вот вас же и вот которые прибыли это были немцы, а вот среди немцев, был ли кто-то допустим, главный, или вот кто-то, руководил, или это уже не было?

Я могу вам сказать одно единственное, что из мужиков, из мужиков никто не оставался. Остались только старики.

Старики, м-м-м...

Те, которые уже там отдельно, жены, дети, да.

Хорошо.

Вся тяжесть, надо сказать, лежала на женщинах, это независимо, кто приехал и кто жил на месте. Это тяжелое время было.

И вот со сколько до сколько работали?

Световой день. Им же приходилось работать в поле, прийти, коровку подоить, надоила, это же общественный скот.

Это во сколько она вставала?

В 5, как обычно в 5.

В 5 и до вечера, до 9-ти, до 8-ми часов.

Да и до 10-ти. Это, это труд тяжелый. Оплачивался труд, зато запрещалось собирать колоски.

Запрещалось, да?

Запретили. И наказывали.

Как наказывали?

Лишали энное количество трудодней, а не получить, вот это кусок хлеба, это, тоже, там. Запрещали, но все равно собирали колоски.

Теперь вот у меня такой вопрос, Виктор Фридрихович. Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали взрослые, что думали дети, что думали? О чем говорили, какие были слухи?

Я могу вам сказать одно, это, в то время, я уже учился в техникуме, это первый курс, я могу сказать.

В техникуме где?

В Акмолинской области.

В Акмолинской области, да?

Вы знаете, если вы знали старый Акмолинск, этот техникум, вот обком партии, вот горсад, ближе, туда дальше, тут был дом культуры. И надо сказать к тому времени, неплохой дом культуры, он расширился тут, когда уже Целиноградом был, потом железнодорожная станция была. Вот тут, вот тут, где площадь компартии, здесь был почтамт, за почтамтом был еще один дом двухэтажный, 3-ий дом, двухэтажный дом это был как раз зоотехникум, вот там я и учился. Я могу сказать, когда началась со смерти Сталина.

Вы на первом курсе были, да?

На первом курсе, да. Я знаю, и видел сам, как люди все плакали. Они плакали, они сказали, что все, опять плохо будет. Вот так вот.

Реакция такая была?

А кто говорит, ну, хорошо, что нам теперь больше свободы будет, и то было и другое.

Разные мнения были, да?

Разные.

А вот когда вы слышали об этом, домой приехали, мама вам что-нибудь сказала?

Ну, она что могла сказать, она сказала, теперь, может быть, мы можем все уехать домой.

Может быть.

Может быть. А была надежда, но, потом сказали, это бесполезно. Вы уже туда не можете возвращаться.

Т.е. получается, взрослые спрашивали молодых можно ли уехать обратно.

Но видите.

Это на сельском совете, наверное.

Да, это, наверное, разъяснения давал вот этот уполномоченный, который отвечал за тех людей, которые стоят на учете. И только в 1956-ом году ты имел право ехать, куда ты хочешь. Можешь в любой город ехать, кроме Москвы, или, там Ленинграда, или еще какой-то. Город оборонного значения. Было ограничение.

Угу.

Это сегодня мы можем ехать хоть куда. Но в то время все-таки было. Но, чувствовали люди себя спокойно. Я, допустим, когда меня сняли, я мог уехать спокойно в Алматы, с Алматы мог приехать сюда. Но, если нужно было в Россию ехать. Но это же был один Советский Союз, в то время сильно не разгонишься, я был рад, что мог учиться и получить свое образование. И учился хорошо, хотя и трудно было учиться. Приходилось по ночам со своими товарищами, студентами, стипендия мизерная была, и пришлось и вагоны разгружать, и грузчиком работать.

Угу. И работали и учились.

И работал и учился. Ну, как все тогда. Все учились, и должен сказать, я не жалею об этом. Я имею то, что имею.

У меня такой вопрос. Когда узнали о реабилитации, из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? И о каких документах о реабилитации вы слышали, и какие вообще документы о депортации видели, держали в руках? Где их надо было получать?

Да, я, мне очень просто было.

Угу.

Я их мог получить в Акмолинске. Я помню, когда в 1956-ом, постойте, подождите, в 53-ем по 57-ой, в 53-ем в Акмолинске, я, это объявили по радио, что все депортированные национальности снимается ограничение при наличии паспорта, свидетельства о рождении, вы можете придти, отметить в областном УВД. Я помню, пришел туда в УВД в 56-ом году.

В какое министерство, примерно?

Ой, это я не могу вам сказать.

Это было когда, весной?

Это, по-моему, было, это было ближе к лету, наверное.

Ближе к лету, да?

Мы еще учились. Я пошел свое свидетельство, паспорт, о рождении, как жил, где жил. Задавали вопросы, как учишься сейчас, почему так поздно в школу пошел. Ну, я все объяснил. И по-моему, этот, капитан был, да, по-моему, капитан, или лейтенант старший, вот, он это все быстро оформил, выдал мне справку, извинился, говорит, извини, что вы, молодые люди попали под комендатуру. Учитесь, работайте, все.

Угу. А родители?

То же самое.

То же самое, они в селе уже, там смогли все сделать?

А здесь, когда я приехал в Павлодар уже в 57-ом, в 57-ом году, в 62-ом году я здесь встал на учет, взяли на воинский учет, на паспортный учет. И с меня потребовали справку о реабилитации. И я ее там оставил в Акмолинске. Я вот прошел, я прошел вот сюда, в этой, тогда мне МВД выдавал тоже там, тоже выдавал в юстиции, я пошел и мне дали. Это вот наш, где сейчас штат управления областной, вот там же юстиция так и есть. Вот там я получил. Также с 1956-го реабилитирован.

С 1956-го года, получается, да?

Да. Так что проблем не было после этого.

Теперь вот у меня, я хочу вот обратно немножко, от Тулы, вот, когда отца забрали в Тулу, вот он вот описывал, как вот он работал в Туле, вообще?

Ну, а я могу вам сказать, что он работал забойщиком в шахте. Эта шахта очень глубокая была, труд очень тяжелый был у шахтера. Кормили, он говорит так сносно. Ну, и работа была очень тяжелая.

А жили где они?

А жили они в общежитиях.

В общежитиях, да?

Привозили. Одни мужчины, да. Под конвоем было.

Под конвоем, бесплатно, получается, работали, да? Или как?

Ну...

Или трудодни у них тоже были?

Там была какая-то оплата, чтобы они могли рассчитаться за питание, и он тогда попал под аварию, обвал шахты был вот это. Отсек их очень долго раскапывали. У него повредился позвоночник немного, и как только стал здоровый, ему комиссионные дали, и его направили домой. В 46-ом он приехал, да. Многие приехали в конце 46-го, и, э-э-э, и в 47-ом году, и т.д. так что с того периода он был здесь.

Угу.

Потом они с Акмолинска, уже я был на третьем курсе. На третьем курсе он приехал ко мне в гости.

Где вы были?

В Алматы. Он приехал туда в Алматы, говорит: давай сын, я там жил в общежитии, я продам свой дом, так как я теперь уже не справлюсь. У нас там, в Журавлевке свой дом, коровку заимели, ну, имели свое хозяйство. Говорит я продам, а купим тут, в Алматы. Он это говорит мне, я, это все равно, перебирайтесь, я буду в городе, здесь, может быть останусь в городе работать, когда закончу институт. Ну, он так уехал, потом быстро там распродал. Приехал, и мы в районе Тастака, был такой там, Тастак, если помните Алматы. На трамвае едешь, и на запад в Тастак. Это был частный сектор.

Там купили дом?

Мы тогда купили этот домик.

А с братом Вашим, как он вот?

А брат, он тоже, когда подрос, он пошел в школу, так как надо.

В Журавлевке, да?

В Журавлевке. Я заставил с мамой, ты учись, если со мной все не получится, то, хоть ты, давай. Он кончил тоже 7 классов. Он не хотел 10 классов. И пошел в город Балхаш, в горно-металлургический техникум, его закончил. Стал очень хорошим механиком, специалистом фрезеровщиком, и работал на заводе «Порше» в городе Алматы. До 1993-го года, он решил уехать с семьей в Германию, потому что жена, ее родители уехали в Германию. И эти уехали, а брат мне говорит, что теперь делать? Мать разрешила, потому что отец у нас умер в 1988-ом году. Вот. Ему уже 84 года было. Похоронен он в Алматы.

В Алматы, да? А мама?

А мама она похоронена в Германии. Она все-таки с ним уехала.

А они с сыном, в каком году уехали?

Они уехали в 1993-ем. И город Лейпциг, и там, э-э-э, значит, она умерла в 1996-ом году.

Сколько ей лет было?

92.

92. много, да, было?

Она с 1915-го года рождения, 31-го декабря. Отец у меня был с 1904 года, он умер в 1988-ом году на 84-ом году жизни. Он похоронен там, его сестра, вот тут на фотографии есть, она там, рядом с ним. И внучка там похоронена, вот брата. Она не могла разродиться там, в Алматы, и умерла.

Там получается, с Акмолинска, когда вы в Журавлевке жили, не только вот ваши родители, но и другие родственники переехали вместе, да, с вашими получается?

Да, да.

И в Акмолинске остались родственники, да?

Родственники остались по линии матери, это двоюродные ее братья, еще сестра. Они там, там очень много, там целое тут вот у меня есть. Тут вот фотографии их, где они дружили в Журавлевке, так они встретились и в Алматы, в Акмолинске, и так они дружили до последних дней.

Получается вы, родственники переехали в 90-е так вот, да? А вот, когда допустим, была реабилитация, после вот, сразу же допустим, обратно, вот уехать?

Туда никто...

В Азербайджан?

Никто не хотел туда больше ехать.

Почему?

Трудно объяснить. Допустим, отец сказал, там мне больше делать нечего. Говорит, свой дом я назад не получу. А, говорит, там моих друзей нет. Там все.

Всех вывезли?

Да. Всех вывезли, поэтому эти люди, можно сказать, диаспора немецкая, она так и на сегодняшний день и в Казахстане существует. И все, и все эти диаспоры, которые здесь, допустим, из наших теперь. Я тоже вначале собирался ехать. А потом, нет, я один раз поехал в гости, и решил остаться здесь.

В Германию, да, к брату?

Я три раза туда ездил.

В гости, да?

В гости, я ездил с женой.

Вот после Алматы, получилось, что вас пригласили сюда, вот в совхоз Кирова?

Да.

В Павлодарский район, в Павлодарскую область, да?

Да.

Вы как вы работали?

Теперь давайте, мы так, с, это не закончили. Теперь моя трудовая деятельность сложилась в Павлодарской области. Я окончил техникум, институт, и по направлению, уже по приглашению вот этого главного зоотехника в 1961-ом году, я сдержал слово, что я вернусь. И я вернулся, область меня приняла, говорит, раз такой колхоз тебя приглашает, иди и работай. Принеси пользу. Колхозники меня приняли, я так значит так...

Вы были кем?

Главным ветврачом. По заявлению главным ветврачом, перед колхозниками отчитаться, зачем решил приехать, и не говорилось, что через год уеду. Можете во мне не сомневаться. И так трудился до 1968-го года. И старый председатель колхоза ушел на пенсию. Он уже тоже в годах был. И меня избрали колхозники своим председателем колхоза, и там я проработал председателем тоже 10 лет, наверное, до 1976-го года.

Вы тогда не были женаты?

Нет, женатый.

Женились?

Я женился в 1961-ом году.

В 1961-ом году, значит, когда Вы приехали, уже получается...

Тогда я приехал с женой и один ребенок.

Сейчас у Вас сколько детей?

Сейчас четыре.

4 да, внуки есть?

И внуки, и правнуки есть.

И правнуки есть, да. Сколько правнуку лет (смеется)?

Ой, они еще вот такие.

(*Смеется*). **Понятно.**

Так что оттуда вот с колхоза это меня перевели. Знаете, в то время, это 1967-ой год был, это создано объединение птицеводства. Этот, возглавил как его, ой.

Не вспомните.

Ой, черт возьми, извините.

(*Смеется*). **Ой, ничего страшного.**

Пригласил главный директор быть у него технологом в птицеводстве, а птицу я хорошо знал по Кирову, у нас тут первое отраслевое было, крупнорогатый скот, свиньи, лошади, утки.

Племенной завод что-то там, да?

Да, да. И племенной завод все это там было. И птица была. И он мне говорит, давай ты, это, езжай, помогай, Кызылжарской птицефабрике, потом, была Щербактинская птицефабрика, была Павлодарская, Мугарт была птицефабрика, потом была фабрика еще в Экибастузе. И строилась московская бройлерная птицефабрика. Так же у нас птица намечалась, э-э-э, к концу 1993-го года, мы должны были 11 тысяч тонн птичьего мяса сдать, а мы сдали 11 тыс. тонн. Войцеховский Юрий Александрович сдал раньше, чем 1993-ий год. И там вот я вот так проработал 3 года, и получилось, что, совхоз Пограничник, там работал директором совхоза Пикало Сергей Иванович. И он скончался, умер от сердечного приступа. А тоже получился, что это тоже крупный совхоз был. Там тоже 4 тыс. крупного рогатого скота, было там 1200 коров, было там в начале было 15 тыс. голов свиней, потом, я уже по ходу работы оставил выходное поголовье 7000, э-э-э, потом, у нас там и овцы, э-э-э, было 28 тыс. голов, и лошади 150, ну, в общем крупное сельскохозяйственное предприятие. И мне пришлось согласиться идти туда. Район настаивал, чтобы я туда пришел. И таким, образом, перевели из птицеотделения, директорствовать там, на совхозе Пограничник. Я должен сказать, что я не жалею, потому что собрался, знаете, весь интернационал. Это интересно, там, в Кирова, тоже интернационал был. Там их тоже 15 национальностей, но, преобладали немцы, их было 92%.

И все вот многие депортированные?

И все нет, примерно половина те, откуда я приехал с Азербайджана. И приехали там с этим Ханларом еще были такие же поселки.

Поселки, да?

В основном немцы с Поволжья, были белорусы, украинцы, молдаване, поляки, чеченцы были, ну вот, в общем, был полный интернационал. Я насчитал 17 наций, даже обрадовался, и казахов много было, у нас вот, а там целое отделение было чабанами, и, э-э-э, и они испокон веков работали с этими животными, в Кирова было. Вообще, было вот такое вот хозяйство, и там, я проработал до 1989-го года. Даже не думал, что приходится менять этот совхоз, но тогда уже вы знали, что коммунистическая партия уже, она была на плаву. Но, меня взял за живое бывший секретарь обкома партии, не пойдешь, скоро тебе на пенсию уходить. Можем тебе помешать. Потом я жене говорю, что мне теперь делать? Она говорит: решай сам. Ну, я и решил. И пришлось мне дать согласие, но я должен сказать, председатель облисполкома был Жангозин, молодец. Он сильно помог мне в этом, чтобы я туда пошел. И чтобы я оттуда не уходил, пока не запущу этот комплекс, даже если будет пенсионный возраст. Ну, я так и сделал. Пришлось мучиться там. И самое для меня было тяжелым моментом, когда весь этот будущий комплекс на 54 тыс. голов свиней он весь строился на кредитах. Это значит на кредитах, э-э-э, стабилизационный фонд был, ой, потом, был еще какой-то фонд, в общем, был основан на кредитах. И это было очень-очень тяжело. Это строилось все. Угажанов Уралбек Кажанович, он же был замом областного совета, т.е. это, областного управления сельского хозяйства. Часто приглашал, потому что сроки были, приходилось болтики, гайки буквально. Где, кто-то, что-то было, чтобы построить этот фонд. Это было очень тяжело. Но, все равно, построили, и мы в первую очередь, запустили в 92 году, запустили в первую очередь, а потом построили на еще 4, это 2000, ой, с 1992-го года мы построили уже этот комплекс, полностью. И его запустили. И в 1996-ом я ушел на пенсию уже было 32 тыс. было свиней. Таким образом, правда потом, эти тяжелый перестроечный, э-э-э период, когда Казахстан остался один на один, э-э-э, и все-таки сохранили этот комплекс, сохранили. В 2000-ом году его опять запустили, и он снова работает. Там сегодня другие люди работают, тоже уже у них 22 тыс. уже у них было в наличии поголовья, было, потом резко сократили, потому что было тяжело с кормами. Так что вот эти хозяйства, они сегодня работают там, где я работал когда-то. Кроме Пограничника там только село осталось. Ну, а сегодня работаю в Рубикоме, советником по животноводству. Помогаю, опытом. Чтобы люди могли работать, ну, успешно все получается. Свиньи растут, живут.

У меня еще такой вопрос вот. Вот в конце хотела бы, что Вы еще хотели бы добавить к тому, что Вы уже сказали? Вот вообще. Может быть, у Вас есть какие-то моменты, которые мы не затронули? Расскажите о том, о чем мы не упомянули, вот в нашей беседе. И вот что бы Вы пожелали бы своим потомкам, будущему поколению, что бы вы хотели передать будущему поколению? Почему не уехали, а остались в Казахстане?

Я это, вообще, очень хороший вопрос. Я рад, что вы его задали, я считаю, что это моя вторая родина. Первая родина, это, все-таки остался Азербайджан, там где я родился. А эта родина, которая нас приняла, помогла встать на ноги. Как можно сегодня уйти? Это невозможно. И мы решили остаться и живем и работаем. Сегодня я мог бы уже отдохнуть, но все равно я помогаю.

Сейчас лет Вам сколько уже?

Ну, считайте 76. 76-ой год пошел.

76-ой год пошел.

Вот, поэтому, я считаю, что на будущее, вот очень много я сейчас общаюсь с молодежью, я радуюсь, что есть люди, которые имеют устремленность к производству, устремленность к знаниям. Имеют возможность помочь как-то сегодня вот этим молодым людям, тем, которые работают на производстве, помочь им, я могу даже привести пример. Мы очень тесный контакт личный имею с государственным университетом имени Торайгырова. И наши студенты по нашему договору, здесь, в Рубикоме, они проходят здесь производственную практику. И я вижу стремление девушек и парней к этому. Да,

они хотят приобрести, очень плохо, что мало людей идет на сельское хозяйство. Почему-то, ну, наверное, это связано с тем, что очень тяжело, потому что тут нужно отдать себя полностью. Если идти, знаете, так на пол, на полсилы, не получится ничего. Нужно себя полностью отдать. И очень много надо учиться. Ведь, сегодня наука так далеко ушла, и сегодня нужно не отстать от нее. Если мы отстанем, то мы не сможем сделать ту большую задачу, которую мы сегодня в наших выступлениях, нашего президента, чтобы укрепить страну своими продуктами, чтобы свои продукты, резервы, чтобы она была сделана можно дешевле, чтобы удешевить эту продукцию, чтобы на прилавках не стояли вот эти большие цены. А это возможно лишь тогда, когда это все будет понято этим от начала до конца, производство и до прилавка населению. Это очень такая большая и сложная работа, поэтому я хочу, чтобы все эти студенты, которые сегодня учатся, у нас учатся, работают новые специалисты сегодня, из этих двух институтов, и они окончили, один работает главным зоотехником, Саша ему 25 лет. Вот, работает зоотехником по племенному делу тоже Олег, работает, Сергей работает с этого же института. И они сегодня справляются со своими делами, и я сегодня призываю, чтобы все студенты, всех, все профессии нужны, нужны и хороший инженер, программист, должен быть хороший механик, должен быть хороший со знанием дела, работать на этих хороших тракторах, машины, который вот эти есть. Просто с первоначальным знанием, он ничего не сделает. Ну, это, я это убеждаюсь, сегодня практически то, что мы делаем. У нас сегодня иностранная техника, и обслуживание животных, и животные находятся на проектах, того периода, где работает уже Канада, работает Германия, работает Франция. И мы сегодня не отстаем от них. Мы хотим идти в ногу. А для этого нужно знание, надо иметь опыт. Я знаю, что если мы вот эту безопасность продовольственную сделаем для нашей области, вокруг нашей области, в целом, в Казахстане, здесь нам будет легче работать. И мы решим эту проблему, чтобы все было дешево и интересно. И не надо обмениваться на мелочах.

Хорошо. Спасибо.

Пожалуйста.

.....
Ауман Владимир Андреевич, немец, 72 года. Был депортирован с Украины, Запорожская область в 1941 году. Проживает в России, город Москва.

Как затронула депортация Вас и Вашу семью, Вы говорили, с мамой, многое не помните, но как это было?

Я хочу сказать, что депортация затронула, конечно, всю мою семью. Во-первых, отец сгинул в трудармии, на начало войны он был в советской армии, а когда вышел Указ от 28 августа 1941 года, его, как и всех остальных отправили в трудармию, откуда он не вернулся и я потерял отца. Депортирован я был с матерью, из Украины, Запорожской области, есть там и сегодня хутор Александровский, который тогда был немецким районом, немецким селом Александр Гейн. И вот маму мою, родственников, нас всех, у меня еще была сестренка, выселили, по рассказам, как это у всех, это можно найти везде, ссылка шла в этих телятниках, ужасно, долго, никто ничего не знал. Но, в конечном счете, мы попали в Кустанайскую область, Казахстан, Федоровский район, село Банновка, и в этом селе, мать моя, она была религиозным человеком, когда начался процесс выезда в Германию, опасаясь, что мы ее покинем или тоже уедем, она мне говорила, очень часто: «Ты старший, меня сюда выселили, я не хочу никуда, вот когда я здесь умру, Вы меня похороните и тогда можете делать что хотите». От голода в 1942 году умерла моя сестренка, есть одна особенность, репрессии против российских немцев, репрессии по национальному признаку, это то, что она была очень жестокой и особенно, люди, которые потом попадали в трудармию, это было жестче, чем за тюремной решеткой, со всеми атрибутами, собаками, колючей проволокой, и т.д. Вот где в 1944 году вышел Указ новый по немцам, где на трудовые работы

в трудармию, кроме мужчин, исчерпан был ресурс призыва, брались женщины немки вплоть до 14 лет. А если были женщины, у которых были дети, то в распоряжении, я могу вам показать, по моим книгам, документам, то детей надо было сдать в колхоз, или если было три женщины родственницы, то они сдавали, оставляли своих детей одной, а две уходили в трудармию, и вот моя мать из трех сестер осталась одна с 9 детьми. Я никогда не забуду, что вот это выселение оно началось с того, и может быть после этого я очень много занимался национальными вопросами, потому что я понял, что в народе самом люди не делятся по национальному признаку. У меня из памяти никогда не выходит такой вот эпизод, насильно без спроса, меня, мою маму, и 9 детей и бабушку поселили в семью, к женщине по фамилии Горковенко, у нее было своих двое детей, но был большой дом, муж воевал на фронте, это представляете, насильно немцев вселили, у нее муж воевал на фронте, и вот эпизод, потом сожительства, женщин двух национальностей, она приняла нас, она не выгнала, она делилась, не только своей жилплощадью, но и чем могла. И вот я не забуду, когда пахали на коровенке, у этой тети Дуни Горковенко была своя коровенка, и вот в 1944 году пахали землю, и коровенка этой женщины упала и сдохла, и она шла за плугом и сказала, вот в этот плуг запрячь Сталина и Гитлера, может быть войну бы кончили. Кто-то донес и эту женщину в начале 1945 года забрали, и в 1955 году отсидев 10 лет за это, она вернулась, и вот всю тяжесть этой проблемы взяла на себя моя мать. Потому что она вместе с оставшимися, у нас 3 умерло детей, от 9, в том числе моя младшая сестренка, и 2 ребенка этой т.Дуни, 10 лет они мою маму называли мамой. И вот когда, вернулась, она была подорвана в этой тюрьме, умерла, потом эти дети Горковенко выросли. Один эпизод, когда умерла моя мама ровно 10 лет назад, на похоронах ее, больше всех плакал Иван Горковенко, и у меня спросили: «Что это такое?» И он сказал: «Я хороню свою маму». Понимаете. Вот я этот эпизод рассказываю, потому что, в принципе, ужасное было выселение, и я придерживаюсь и всегда придерживался принципа, что благодаря, вот, народам разных национальностей, благодаря тому, что нас немцев выселили в Казахстан, и во многом все-таки уцелели, и в данном случае касается украинской фамилии, очень много я бы мог бы рассказывать, когда гостеприимно репрессированных, ссыльных немцев принимали казахи. То есть когда подводить итог, коснулось ли, коснулось и сегодня еще. Так сказать эхо этих незаконных репрессий по национальному признаку, сказывается. Вот мы только что отпраздновали 65 лет Великой Победы. Я и до этого и будучи уже в немецком общественном движении, в связи с этим имел возможность видеть, что последствия этих репрессий, они сказываются и сегодня. Вот мы видели, и, слава Богу, каким вниманием были окружены участники ВОВ, правда в семье не без урода. В последнее время по телевизору показывают, что при всем внимании со стороны официальных властей, Президента, премьера и прочее. К ним не всегда хорошо относятся, но 65 лет, у меня есть имена и фамилии людей, бывших трудоармейцев, они служили в армии, потом их выперли, из-за национальности из армии. И значит, о них не вспоминали как об участниках ВОВ, им не приносили цветов, им не давали никаких пакетов, некоторым давали, но очень многие были забыты. То есть вот эти репрессии, они, к сожалению, не ушли в прошлое, и в этом ответ на вопрос, вы, иногда встречая, почему немцы чего еще хотят, хотят реабилитации, какой? Вроде все реабилитировано, нет, не все. Может быть, я многословен, извините, я историк.

То, что Вы слышали от мамы, когда начало ссылки, ходили ли какие-то слухи, было ли что-то известно, или пришли просто люди, как это было?

Если Вы знаете, то официальным поводом для высылки немцев стал Указ о выселении немцев с Поволжья, 28 августа 1941 года, под предлогом того, что якобы группа диверсантов, которая готова в любое время выступить на стороне наступающих немецких войск и т.д. Позже спустя много лет вынуждены были признать, что эти обвинения были беспочвенны и надуманы. Что касается моей мамы и тех, которых выселили с Украины, то никаких слухов, ничего не было, немцы идут, никто не разбирался, и даже есть люди, в этих условиях, что там разбираться, раз немцы, то вполне возможно, они будут предателями, они перейдут на ту сторону. Я хочу сказать, что и в других документах,

вот даже французский один историк, он свидетельствует о том, что среди немцев не было перебежчиков, не было врагов. Все это было надумано, и их выселили только за национальную принадлежность. Никаких слухов, ничего. Позже уже, когда все это прошло, тогда я должен сказать, что моя мама узнавала что-то об этом из моих рассказов. И еще я хочу Вам рассказать о том, как я пострадал из-за ссылки. Вы помните, что 2 этапом репрессии против немцев было, когда решили, что неправильно сослали, но возвращаться домой нельзя и для того, чтобы немцы там были на местах, там, куда их выслали, был введен статус комендатуры. Надо было если ты немец, и даже ссыльный, поляки и уйгуры. Должны были придти к коменданту, для разрешения, только потом ты мог даже в соседнее село сходить, без разрешения коменданта нельзя. У меня из этой 9 детей, был двоюродный брат, который приближался к 12-14 годам, и он без разрешения коменданта ушел в соседнюю деревню, и он его взял в сарай закрыл. А для меня 12-14 лет, отца нет, он нас всегда защищал, и у нас была игрушка шарик такой, как бильярдный из-под трактора, шарика-подшипника шар. И я взял этот шар и когда комендант что-то подошел, объяснял, что он нарушил. И я как шарик это кинул и попал в лицо. Глаз у него набух, но, слава Богу, уцелел. Так вот комендант меня поймал, 6-летнего и избивал так, что 2 дня харкал кровью, и на всю жизнь он мне, вот когда меня спрашивают: кем ты себя чувствуешь? Я говорю: я чувствую себя немцем. Вот с этого момента, потому что он меня лупил и приговаривал, я тебе покажу малый фашист, как поднимать руку на коменданта. И вот с тех пор, с этого 6-7-летнего возраста, я всегда задавал себе вопрос: Почему я малый фашист, и вообще, почему я фашист, почему я немец и вдруг фашист? И все это рано или поздно привело меня к тому, что я занимался изучением истории, я горжусь тем, что первое произведение в 2-х томах, сейчас я найду Вам, если хотите подарю. Это история российских немцев в документах, начиная, со времен Ивана Грозного и до советской власти, меня потянуло, как мы попали, кто мы, почему фашисты, и тому подобное. И это является объяснением того, что я и на сегодняшний момент занимаюсь проблемами российских немцев, вот уже казалось бы надо отдыхать и все, дома воют, чтобы я перестал работать, а я хожу сюда на общественных началах, пишу книги, занимаюсь, словом реабилитация, которым многим не понятна, а мне понятна. Я считаю, что до сих пор немцы не реабилитированы до конца. Это не значит, как нам приписывают иные, значит, что мы хотим возвращения республики на Волге. Нет, не нужна нам республика. Мы понимаем политику своего правительства российского в данном случае. В плане наоборот, сужаются национальные районы, объединяются, укрупняются и так далее. Мы хотим реабилитации, мы хотим еще одного Указа, в котором бы советская власть признала, российская власть, нынешняя, что депортация была неверной, что она извиняется перед этим народом, и что они, те кто пострадал от этих репрессий, они в полной мере, получают и получают все как это делается по отношению к участникам войны, всего лишь это. Я хочу сказать, тут я крамольную вещь скажу, сам пропагандирую те 600 тысяч немцев, которые остались, они сегодня ни в чем не ущемлены, по сравнению с другими. Я, например, опутан, через своих внуков, и даже через своих детей, Вы, наверное, знаете, что российские немцы, самые интернациональные, 80% браков, это межнациональные браки.

Поэтому сейчас уезжают в Германию по немецкой линии совершенно не немцы.

Да там говорят, Адлер, он оказывается Ким, и так далее. Дело в том, что у меня вот 3 детей, и, конечно, причин много в этом, что репрессии продолжались, и чтобы не дать ребенку немецкую фамилию, выходили замуж, за другую национальность, русскими, украинцами, казахами. И вот в этом плане я хочу сказать, что сегодня немцы, на половину или 100% немцы, они ничем не ущемлены по национальному признаку. Вот у меня внучка отец ее Коровин, дочка у меня Ауман, 100% немка, у меня жена тоже немка. Кстати, они выходцы из национального немецкого района, в 1937 году отца забрали у нее, расстреляли в 1943 году, в Магадане. Внучка у меня Коровина, она окончила с золотой медалью школу, и она поступала, как и все, я не буду говорить, как все поступают, но моя наивная дочь

учительница, она полагала, что золотая медаль ей открыла, все шлюзы в любой институт, Университет Плеханова. Я ей говорил, дочь, ты наивная учительница, пока ты не сделаешь, то, что делают другие, она не поступит. И пришлось ей делать то и другое. Сегодня, если у тебя есть в голове, и если есть в кармане, национальность не играет роли. Она играет в других делах, может быть, поэтому я говорю, что и немцы находятся в таких уже условиях, но есть последствия этих репрессий, и вот эти последствия их надо закрыть. Более того, я как историк считаю, что есть одна неопределенная тема второй мировой, последствия второй мировой – это проблема российских немцев. Ее надо закрыть.

Когда вы прибыли на место, вы уже немножко говорили в нашем предварительном разговоре, что вас, может быть, не потрясло, но было очень приятно, что казахи вас приняли, так как не приняли, может быть, в других местах в Сибири или где-то еще. Местное население в том поселке, куда вы попали, в селе кто, в основном, это были? Были ли это ссыльные, или были казахи? Как происходила там жизнь?

Хочу сказать, что, кстати, Северный Казахстан он до поры до времени был мало населен казахами. Я узнал, что такое казахи уже позже, когда был взрослым и т.д. В нашем селе в Банновке не было, значит, казахов, там были украинцы, которые в свое время, во времена Столыпинской реакции обосновали это село, и в основе это были русские и украинцы, но туда во время войны поселили немцев. Была целая улица котиевцев, пливцев, ингушей, чеченцев и т.д. Все они приняты были, ссыльных поляков. Я, например, хочу вам сказать, удивительные бывают истории. Значит, в 20 лет я только поступил в педагогический институт, ехал домой у меня лопнул аппендицит и меня из вагона, так сказать, в полумертвом состоянии вынули и отвезли в Федоровскую больницу, где меня прооперировал ссыльный поляк. На следующий день, когда уже все это прошло, он мне говорит: я таких операций, лопнувшего аппендикита, сделал 10. 8 из них не выжили, а ты второй, который выжил. Этот поляк – удивительный хирург, но за что-то, может быть, по национальному признаку, я не стал вдаваться, его выселили, и он там был. Я помню, только в 1961 году ему разрешили официально уехать. Там же в школе, когда я учился Константин Евдафьевич Поподопола, выдающийся путешественник, ученый, сослали за что-то, за то, что он грек. Он у нас преподавал химию. Из учителей мы помним, конечно, всех, но больше всего картинка вот этого химика-преподавателя Константина Поподопола у меня осталась, т.е. если хотите, я возвращаюсь к запрещенной теме, может быть. В свое время Казахстан стал лабораторией интернационализма. Сейчас это не модно, но этот интернационализм он не был надуман оттуда, он выковывался в ходе стремления выжить людей разных национальностей немцев, чеченцев, ингушей, греков, поляков и т.д. Всех их ссылали, но говорю, вам же больше известно, чем мне. Ссылали и жен членов Политбюро, слава Богу, что они потом тоже, благодаря... Что касается казахов, я хочу сказать, что, конечно, но, во-первых, вопреки всему, вопреки ссылке я считаю, что я состоялся на своем опыте, я как личность, я получил возможность, так сказать, я не уповаю на то, что у меня не было каких-то возможностей. Вот, но казахи они были очень гостеприимными, они делились и эта характерная черта до сегодняшнего дня. Они делились с теми, кого выслали последним, хотя это не исключает, скажем, вот такую вещь. Она с двух сторон характеризует, вы помните после Целины, мешками везли после уборки награды, конечно, в первую очередь, эти награды получали лица коренной национальности, как тогда было принято. Но величие казахов, как раз, в том и заключается, прежде всего, я мог бы очень много говорить о Д.Кунаеве, который делал все возможное для того, чтобы справедливость какая-то все-таки была. Вопреки репрессиям, вопреки тому, что эти репрессии не были сняты, в Казахстане свыше 30 Героев Социалистического Труда в эти годы образовалось. Директора совхозов – Герои Социалистического Труда. Это благодаря тому, конечно, потом медали давали и т.п., но героев немцев 30 человек были удостоены звания. Кстати, я хочу заметить, я горжусь тем, что я – немец. Немцы, несмотря на репрессии и т.д., это общеизвестно, они меняли фамилии для того, чтобы, когда их всех из армии вытюривали, многие оставались

и в окружении Жукова известно там оставался и т.д. И вот мы знаем имена 18 Героев Советского Союза немцев. Все они получили эти звания Героев Советского Союза, редко кто под своей фамилией, другие меняли эти фамилии, только потом возвратившись после войны. Это говорит о народе, это говорит о том, что вопреки репрессиям немцы тоже сейчас как раз ко времени в связи с юбилеем немцы ковали победу. Они не затаили победу, они в тылу работали. В Казахстане известен, забыл фамилию, вылетело вдруг, тренер хоккейной команды, многократного чемпиона он был танкистом до войны, а потом он был выселен в Казахстан и, значит, в КАРЛАГе он собрал с немцев деньги и купил танк для того, чтобы, так сказать, воевать с проклятым фашизмом. Они стали причиной, я и сегодня, как ученый часто говорю: да, мы на Сталина все сворачиваем, репрессии там и все прочее, но первоисточником, первопричиной этой репрессии были они. Мы были равноправным народом, мы имели свою республику. Республика была передовой среди других национальных республик и т.д. Они пришли войной, это стало причиной тех репрессий, поэтому, когда немцы сегодня в Германии говорят, что мы перестанем поддерживать, мы то, другое, третье до тех пор пока вот это, проблема немцев не будет снята и забыта до тех пор, в первую очередь, виновниками должны быть они, те, кто пришел на эту землю войной.

Интересно про браки, Вы говорите, что между немцами и остальными.

Да.

Браки именно там, когда были во время депортаций, были ли смешанные браки? Скажем, между немцами и чеченцами, между немцами и еще кем-то?

Есть особенность народа, я вам скажу, и тогда, и сейчас чеченцы, ингуши редко женятся на других. Может быть, четвертой женой, может быть, так сказать, третьей женой и т.п. Это было обыкновено, как у всех народов до войны. Жили на Украине известные фамилии людей, скажем, село на Украине, когда по любви женился на украинке, это было нормально. Это стало массовым, это стало, если хотите, целью, задачей дать своему ребенку выход, когда случилась депортация. Тогда целенаправленно очень многие, так сказать, замуж выходили, женились на людях другой национальности. Это последствия репрессии. Там был элемент как у всех по любви, но главное, это было целенаправленно. Ну, если не выходят, если даже Ельцин еще, будучи президентом, говорит: мы дадим этим немцам, раз они хотят республику полигон, пусть они там вместе с немцами его осваивают. Это на уровне президента такой шовинизм. Понимаете, такая обида была нанесена, что я хочу вам сказать, что одной из причин сейчас все кусают локти. Ведь 3 млн., туда уехали до этого процесса считалось, что у нас 2 млн. немцев. Миллион в Казахстане, миллион в России. Когда кинулись, вот эти смешанные браки как раз и стали причиной того, что они имеют сейчас. 3 миллиона, но там есть и украинцы, вышедшие замуж, чеченцы, и корейцы, и кто угодно, но факт остается фактом, что причиной массового выезда туда стало то, что люди здесь увидели, не увидели света в туннеле. Они видели, что в конце концов реально придет пора, когда забудут, что ты репрессированный и будешь на деле равным со всеми, вот, при поступлении в вузы. Чего греха таить, в том же Казахстане преимущества кто имел? Поэтому люди туда и уехали. Правда, не все рассчитали, доброта – это категория такая, которую нужно помнить. Даже я, окончив с золотой медалью школу, я не смогу поступить в вуз, куда я хотел. Перед немцами был выбор: сельхоз или учитель. Все. Вот сюда кто мог, поступил. Когда туда ринулись, сейчас они называют немцы академиками. Им 45-50 лет, они здесь получили высшее образование, но устроиться там не могут. Они немецкого не знают и т.п., но отсюда они ринулись туда. Я считаю, это главная заслуга поддержки Германии российским немцам, что они открыли ворота и сказали: хочешь, приезжай. Кто уехал туда, раз ты хотел для своих детей, ты хотел остаться немцем – используй. Им дают по целому году справку. Туда, сюда, вот используй.

Я жил в Гамбурге 3 месяца. Я встречался.

Должны дать. В этом главная трагедия, поэтому... А сейчас, вот, будет новое исчисление, я думаю, что миллион немцев все-таки здесь есть. Хотя к этому, может это и

не надо туда, но я убежден, сейчас создается впечатление, что там чуть ли не сидят опять на чемоданах и хотят вренуться. Меня как-то нервирует, злит, почему, как перепелки, кукушки. Позвали туда, переехали сюда, здесь посулили. Ерунда. У меня есть родственник по фамилии Тупыца, муж моей, я говорю своим двум сестрам, хоть бы за украинцев вышли, хотя бы за нормальных, а то у одного Боболь, у другого Тупыца. Это 60-летние Бобли и Тупыцы со своими женами, моими сестрами, по отчиму переехали в Германию. Один из них Леша Тупыца, которому 62 года, когда я приехал, он мне говорит: Вова, а что ты всю жизнь нас обманывал? Ты все время говорил: коммунизм не за горами, мы все там сидели, ждали, а коммунизм тут. Я приехал у нас тут квартира с ванной, а тут нам гроши дают, а мне эти грошей хватает на бутылку пива.

Т.е. жизненный уровень, там ностальгия, но один раз он вернется в Казахстан и он говорит: нет. Достоинство человеческое при всем немцы умеют скрывать. Мы это знаем. Среди немцев не все уж идеально, как хотят. Немцы западные, вторые – это Эдровцы, третьи, так сказать, но при всем при том.

Кстати, об уровне жизни, когда вы переехали, вам про это тоже говорили, был ли уровень жизни разным то, что на Украине и то, что вы приехали? Когда вас вывозили у вас было какое-то жилье, а вы приехали компенсировалось это как-то или было ли что-то?

Я увез 2 картины, я вам показал. Война всех уравнила, уровень жизни до войны, когда немецкие села утопали в садах, когда у них все было. Немцы все умели, когда их отправили сюда обустроиваться, даже потом было видно, где живут немцы в Казахстане, где казахи живут, потому что заборчик поставят, деревья побелят, цветочки посадят, разведут скот, есть менталитет у определенного народа, поэтому в годы войны, слава Богу, что... Я, например, помню для того, чтобы протопить, ночью мама моя ходила воровать на базу кизяк, для того чтобы топить, но так воровать... На базе знали, утром видели, что уменьшилось, а иначе бы после определенного времени многие наши родственники землянки исплостали. Пласт друг на друга накрыли, там поставили буржуйки, и вот так жили. Это касалось. Если нужно было, уже что касается после войны, после 1945 года и так далее, у меня мама вышла замуж за вернувшегося трудоармейца. Он вернулся подорванный, настрогал троих детей и умер. Эти трое детей – это мои братья и сестра сейчас в Германии. Они довольны то, что уехали. Я один, так сказать, жил, живу и буду жить здесь, потому что родина не та, которая позвала и посулила, а родина та, которая... Я здесь профессор, заслуженный работник культуры Казахстана. Я имею два ордена, пять медалей. Если соберу все свои книги, а что с этим поделаю, кому я нужен в Германии 72 года. Я сегодня здесь востребован. Я говорю: оставьте меня в покое, я хочу для себя пожить. Нет сегодня я вышел, у меня ножки болят. То туда, то сюда, но еще из-за того, что немецкий знаю, может быть...

Мама работала, как происходила жизнь?

День и ночь в колхозе работала.

Платили ей за это?

Трудодни, как и всем выдавали зерно, давали сено и прочее, прочее. Потом уже когда она вышла второй раз замуж, она стала работать в рабкопе продавцом, до войны работала в школе, была пионервожатой.

В школе тоже учились дети, была ли отдельная школа?

Нет, мы все вместе учились. Я вам должен сказать, что я не помню каких-то, даже вот сейчас, когда я приехал в Алматы, когда я переехал в Москву. Я как-то более зримо ощутил отношение к евреям, а там у нас были евреи. До какого-то момента я не знал, что это такое. Мы все были, ингуши, чеченцы и прочие, правда с чеченцами и ингушами мы иногда дрались, иногда они нас пытались ножом пугать. Ну, менталитет народа. Зато потом, я должен вам сказать, что позже, когда они все уехали, когда улица плеевцев опустела, котиевцев пустела, все вернулись домой, кто спрашивал, кто не спрашивал. Я, работая в ЦК

КПСС, бывал в этих республиках, находил людей, с которыми там, в деревне жил, они меня чуть ли не на коне носили.

С местными детьми не было такого, что жили там и вас третировали?

Никогда. На уровне бытовом уже, когда был 9-10 класс и т.д., я иногда стал чувствовать, что немец и тому подобное и от учеников и коллег, от друзей учеников. Ну, вот, скажем, поступить в институт, сказывалось даже позже, когда мой сын захотел стать летчиком и тоже аттестатом, с золотой медалью поступал. Вдруг приходит, ему для того чтобы, а я в это время в ЦК работал от Казахстана, поставили тройку, чтобы отсеять. Один экзамен надо сдавать, по математике поставили тройку. И я туда, сюда, как же так. Учительница прибежала его: он за десять лет ни одного тройки не имел по математике. Как это так? Поскольку выездная комиссия была из Риги, я к министру авиации, который это курировал, дважды Герой Социалистического Труда Алексей Кузнецов: слушай, что это такое? Это он, говорит, министр: давай разберемся. У них четко, указания, значит, в войска, в элитные войска, летные там, прочие, ингушей, чеченцев, болгар и т.д. не брать. Правда, мой сын оказался таким же упорным, как и папа. Он бросил все и уехал, и в Риге напрямую стал сдавать, и поступил в Рижский авиационный институт, потом приехал.

Вы помните смерть Сталина? Сколько лет Вам тогда было?

Сколько было, он же в 1953 году умер, а я с 1938 года. Я был в школе, все плакали, а мы не знали отчего. У меня мать плакала, учителя плакали, у нас занятий несколько уроков не было, жизнь кончалась, потому что все было связано. Это сейчас умники пытаются говорить, что не было там за Родину, за Сталина. Все было и вождем он был для всех, но потом, когда все началось раскрывать, стало понятным, хотя в принципе, я считаю, что эти вещи они как-то должны отлежаться и сегодня делается очень много, которое, может через 20-30 лет кому-то покажется нельзя было так делать, надо было иначе и тому подобное.

И все депортированные и репрессированные также плакали?

Плакали абсолютно все. Взрослые люди плакали все.

Чеченцы тоже?

И чеченцы, и ингуши. Разве кто-то знал, когда день ото дня все что было, связывалось с одним великим именем. Разве у какого-то вундеркинда могло сформироваться, это он виноват, что меня... А я вообще считаю, что то что немцев выслали, виноват не Сталин. Сталин даже в первое время не знал. Указ-то подписал Горкин. Даже указа такого не было, было постановление, господ Берий и прочие работали вокруг него, поэтому в этих репрессиях виновато коллективное руководство. Вы как историки, наверное, знаете, что на казнях великих людей были решения Политбюро, тут решение Сталина, а тут иногда с матами и Никита Сергеевича, и кого только угодно. Они тоже причастны к этому, не надо валить все на одного человека.

Как проходила реабилитация? В 1953 умер Сталин и реабилитацию как вы получали?

Никак. Немцы, поэтому сегодня хотят этой реабилитации после постановления 1964 года о снятии определенных ограничений и так далее, было сказано, что на места проживания не разрешается на Волгу куда там или нет. Надо оставаться там и даже потом, намного позже господин Микоян принимает операцию, а как мы всех немцев из Казахстана, если мы их уберем, кто будет хлеб сеять. Поэтому сегодня из экономических соображений переселение немца не целесообразно.

Т.е. никакой официальной реабилитации вы до сих пор не получали?

Официальной такой эйфории, никакой практической не было. Сегодня мне как гражданину России можно поехать куда угодно, но я вам скажу. Я мог бы назвать фамилии. Когда приезжаешь в Калининград, любой может туда приехать. Как ты скажешь, что ты немец, попробуй найди работу. Но правдой и не правдой, потому что Калининград, дураков много, которые говорят, что Калининград можно сделать немецкой республикой. Потом Калининградская проблема связана с Польшей. Эта проблема есть, не возьмут на

работу. Какая же реабилитация, если я не могу поехать в Калининград, еще кое-куда тоже самое.

Никаких официальных бумаг вам до сих пор не было выдано?

Нет, у нас есть справки об этом самом, о том, что я реабилитирован. Даже я реабилитирован. Никах претензий ко мне нет. Такие справки дали, но это справки, которые сейчас дают. Я, кстати, принципиально эту справку не брал до этого года, я считал это постыдным. Потом мне жена говорит: слушай, ты, что самый последний, самый дурной человек? Вот такое удостоверение сделали. Посмотрите, там может даже число.

Наверное, мы поговорили почти обо всем, но о некоторых вещах вы говорили в самом начале интервью и по ходу интервью тоже сказали. О том, что из сегодняшнего времени, глядя в прошлое, некоторые вещи до сих пор не сделаны, нет официальных. Сейчас другая власть, сейчас российская власть, но если она правопреемница, то какие-то вещи официальные должны быть сделаны. Кроме того, о чем вы сказали, что еще не сделано, как Вы считаете? Скажем вот, какие-то музеи, в которых могла бы быть история немцев, не только немцев, всех депортированных народов, в том числе и немцев. Какие вещи не сделаны, на Ваш взгляд, для реабилитации?

В лице федеральной национальной культурной автономии российских немцев, президент которой доктор Баумгертнер, Иван Иванович Кельтнер, и ряд других. Что они сделали, я вот Вам уже заявил, что я не хочу автономии. Я не хочу новой республики, но мы многие и я в том числе, как ученый считаю, что мы народ России, один из народов, у нас 176 наций и народностей, мы тоже один из народов, российские немцы, которые родились здесь, когда нужно было, немцев позвали, и мы защищали от сваяких нашествий, и в Калмыкии, и в районе Казахстана, то есть Россия усилиями немцев расширяла свою территорию, там оседали немцы, и так сказать прирастала Россия территориально. Затем, когда нужно было защищать свою новую Родину, российским немцам, которые пришли туда они ее защищают, и во времена Пугачева, и в 14-м году и даже в 1941 году сколько было героев. Наконец, мы, как и все в годы советской власти получили автономию, республику. Это республика была передовой, этому есть много свидетельств. Она самой передовой была. Поэтому мы народ, мы не немцы те, очень проблем много Потому что много немцев уезжает туда, они уже не немцы те, которые там живут, мы уже и вести себя не можем так. И пить не можем так и есть не можем так. И работать не можем так. Мы унаследовали от этого многонационального конгломерата и худшее и лучшее. Хорошо кто больше вбирал. Я например, когда впервые приехал в Германию 30 лет назад и вот эти 20 капель я говорил у меня на язык не хватит. Пить так пить, есть так есть. И вот даже в отношениях дружбы, и прочее, прочее. И с этой точки зрения, я говорю, но мы же оставили глубокий след. Вон энциклопедия 4-хтомная есть, значит, в 1812 году, незадолго до этой войны, было 1576 генералов, адмиралов, высшего офицерского состава, 2/3 из них имели немецкие корни. Когда образовалась немецкая академия, то есть русская академия, 12 академиков из них 9 были с немецкими корнями. Посмотрите строительство в самой Москве даже, сколько зданий, посмотрите музыку, везде оставили глубокий след, и Вы меня как раз вернули к тому, о чем я говорю, не надо республику, но оставьте в условиях, может быть, завтра поменяется политика государства, сегодня я как человек, который работал в деле национальной политики, считаю, что важнейшая ошибка нынешней власти это то, что у нас нет национальной политики. И поэтому Чечня, Ингушетия. Каждому народу надо, должно быть министерство национальной политики. И поэтому вот нам российским немцам, которых не реабилитировали, дайте нам возможность один институт создать, где возможно было бы элиту кадров формировать, чтобы они знали немецкий язык, дайте нам возможность иметь хоть один свой театр, 14 театров в республике было, дайте нам возможность иметь свою прессу, свое издательство, издавать, но государство это должно поддерживать, не на общественных началах, даст так какой-то менеджер и какой-то денег предпринимателю или нет, государство должно поддерживать желание.

Я хочу своего внука обучить немецкому языку, нет школы на немецком языке. Поэтому я считаю в отношении немцев, эту проблему, не надо от нее закрываться, рано или поздно она вызреет в какую-то проблему. А надо создавать, вот, кстати, замечу в этом плане у Казахстана большая преемственность. Они национальными проблемами, Ассамблея народа. Они этим занимаются. И в Казахстане сейчас 4 человека немца Ауман, в том числе мой родственник, сенатор 3 созыва. Там еще несколько человек. А сейчас в АНК, от Ассамблеи от национальностей есть официальный депутат, то есть они от этого народа могут защищать и тому подобное. Этот опыт надо бы принимать. И тут Назарбаев, как бы там не умудрялись там, вчера его опять объявили, наследный он до конца жизни. Даже не будучи президентом он человек, не осталось у меня в памяти, так сказать закрепил за собой, и за своими родственниками эту власть. Это есть, там, когда жузы борются между собой. Но национальная политика есть, благодаря этому нет ни Киргизии, ни Узбекистана и не будет. Потому что немцы, корейцы, уйгуры, и т.д. они удовлетворены, не так как хотелось бы, но это уже другое дело. И вот с этой точки зрения я считаю, что реабилитация это дать возможность народу, при государственной поддержке развивать свои национальные традиции, культуру, обряды, менталитет свой, ковать свою национальную элиту. Она вся выехала, элита вся выехала, все писатели, все поэты, преподаватели немецкого языка отсюда мы, мало осталось.

То есть реабилитация это не бумажка, а возможности.

Это да. Это возможность народа саморазвиваться и сохраниться как народ, мы не немцы, мы российские немцы.

Казахстанских немцев нет, немцы приехали в огромную Россию, когда все было единым, и эти немцы потом разошлись туда, а потом казахстанские немцы, узбекские немцы, это все российские немцы, приехавшие в Россию, и вот, скажем, в том же Казахстане, сейчас заместителем председателя Ассамблеи является немец, который руководит общественной организацией.

Это у нас проект для будущего, он называется: «Память во имя будущего». Вот Вы бы могли сказать что-то своим потомкам, немецким своим потомкам, или тем, с кем Вы рядом живете, чтобы Вы могли пожелать, учитывая тот страшный опыт, который обрели Ваши родные и прожив жизнь здесь, очень нелегкую жизнь, что бы можно было пожелать, Вам может быть важным.

Ну, во-первых, я хочу сказать, что мне очень приятно, любое упоминание о Казахстане. Вот Родина это не аморфное какое-то, Родина это как мать, Родина это где ты родился, где ты состоялся, где ты получил образование, для меня однозначно Родина Казахстан. 3-хлетним я туда попал. Второе, значит, я считаю анализируя все эти вещи, должна быть национальная терпимость и национальное самоуважение, нет причин для вражды между нациями, и всю эту вражду все эти проблемы создают власть предрержащие, сам народ я Вам приводил пример, и мы спаслись, мы сохранились, нас не полностью уничтожили, и Победу-то одержали, благодаря единству всех народов, бывшего Советского Союза. И я например, я всегда удивляюсь и всегда призываю, нам не надо между народами сеять такую вражду, и считать, что есть непреодолимые преграды, можно всегда найти, несмотря на религиозные и прочие различия, найти в чем мы едины. А едины независимо от наций, от религии, в желании жить, жить в мире, дружбе, жить в любви, достатке, и это основа. Поэтому я считаю, что конфронтация и вражда между народами, это самое опасное, надо искать пути сожительства. Где бы ты не жил. Я, например, не принимаю вот как наши российские немцы уехав, в Германию там, правду восстанавливают, силой кулака. Там ведь надо понимать. Вот родители мои уехали в Германию, меня 10-классника, взяли, не спросив, хочу ли я ехать в Германию или нет, я приехал в Германию, меня поместили в класс, с немцами и они их называют «бекофте», то есть чокнутые, он здесь отличником был, а туда из-за незнания языка он в течение 2-3 лет, он там, в результате у него остается одно, утверждать себя силой, и они там объединяются, в гетто немецкие, там образовались. Во Франфуркте там же страшные вещи есть. Значит когда немцы, переехавшие, мафия

действительно какая-то. Почему, потому что вот не учли, и более того, я помню, когда пришел Вафершут, пришел в ЦК КПСС, я ему говорил, вы учтите многонациональность, это хорошая штука, но это и плохая, потому что люди уехали туда сейчас, а кто гарантирует, что мой родственник, Тупыца, и сейчас спустя 300 лет немцы переезжающие туда, считают многие своей родиной, нет, это не родина, а через несколько лет пройдет, потомки моего Тупыцы захотят приехать сюда, на Украину, в Россию, вот их Родина здесь. Вот с этой точки зрения, национальное применение, тут много общего с единой Европой, проблемы, и, прежде всего, в национальных делах надо решать мирным путем. Конфронтация, война у нас достаточно примеров, приводят к трагедии. Мне понравилась вчера передача по 3 каналу, обсуждавшие терроризм, которые четко сказали, до тех пор, пока мы Кавказ будем давить, до тех пор война будет, потому что они уже, 5-летние, уже автоматы взяли.

Спасибо Вам большое.

.....
Лакман Владимир Данилович, немец, 66 лет. Были депортированы родители из Немецкой автономной республики. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Мы были воспитаны, как сказать, очень доброжелательно по крайней мере, я так понимаю. Вот у меня детство, как мать рассказывала.

Владимир Данилович, давайте начнем с самого начала.

Давай.

А то мы в тот раз уже начали...

Давайте.

Вчера у нас как по маслу все шло.

Да у нас и сегодня как по маслу.

Ну, замечательно...

Даже мне иногда, знаешь, тяжело вот это вспоминать...

Вспоминать это я тоже боялась, когда ехала сегодня снова по-новой будем бродить.

Дело в том, что все, конечно, родители, я в жизни вот так вот думаю, нам очень повезло. Вот. Моему возрасту. Ведь сколько бед было доставлено родителям.

Да.

Ну представьте себе, вот мы прожили там, эти мелкие обиды, там «фашистик-машистик» называли. Это не так страшно. А вот когда нас в натуре обижают, вот представьте себе, двое детей должны умереть с голода. Не довести где-то там.

Вот давайте с самого начала. Где жили родители, как ехали?

Вот видишь, как ехали, это все рассказывает мать, сидит и рассказывает. А потом они не старались много говорить. В то время нельзя было много говорить. Родители очень умные были. Они детям, это мы сейчас можем скандалить, будем ругаться, материться и дети тут. Ведь дети же. Это раньше такого не было. Если там моя, за свою жизнь я не переоцениваю, но вообще-то все равно так держать семью большую держать, и чтоб там не было бардака. Это тоже надо уметь. Это надо все. Они отца-то забрали, а мать одна, сюда выслали, представьте, она ехала по дороге, двое умерли, двое детей еще осталось, там родственники забрали. Они думали может так пройдет, может потому что детей возить куда-то.

Двое сестер?

Да, двух сестер. Вот Катю и Лизу забрали, а потом их начали, как ночью приехали, мать рассказывала, ночью приехали они забрали, что пусть они будут у меня. А потом их начали прижимать там, тех потом тоже всех выслали.

Выслали да тоже?

Да. Но какое-то время не были, потом эти дети уже год, наверное, прошел добирались сюда сами.

А сколько лет им было когда они?

Ну они лет, наверное, 7-8, наверное. Ну одна 1921-го, вторая 1924-го года.

А так сколько вас в семье, переселилось сюда, вы сказали?

Сюда переселились, в трудармию 1919-го года старший у нас Давыд был, а эти две одна 1921-го, вторая 1924-го и Хлора у нас еще одна была, ее в трудармию с Давыдом забрали. Вот и отца. Она их не довезла сюда, мать двух не довезла, и сюда они попали, их тут в трудармию и вот. А когда в Осакаровку привезли...

Это Карагандинская область, вы говорили?

Это. Да, Карагандинская область – это между Целиноградом. Вот сейчас это и теперь я хорошо знаю, это 100 км туды и сюды.

А от Целинограда до Караганды?

На станцию Осакаровку попала.

И Караганда...

И от этой станции на 20 км наш поселок был пятый. Там девятый был. Раньше по номерам были. А потом название дали. А потом наш поселок Летвиновский стал. А сейчас, по-моему, он Молодежный. Вот сейчас его уже переименовали. Ну, это уже сколько лет прошло. А раньше пятый, у меня пятый поселок.

Пятый поселок. Вы уже родились там в 44-ом?

Я в 1945-ом. Да, уже отец с железки сюда пришел. Тут я родился.

А депортировали в августе 1941-го?

Наверное, раньше депортировали их. Почему, потому что или в это время у нее на груди было еще мальчик маленький. У нас же получилось так, там родились 3 мальчика, сейчас это старший брат и эти два братика были.

В немецкой еще автономной республике?

Еще да. И три сестры. Вот. А потом когда уже сюда пришли в Казахстан, тут у нас отдельная фотокарточка есть. Это мы уже казахстанцы, это старший у меня, вот тут они уже раньше. Почему, потому что, наверное, раньше это с 1937-го года моя старшая сестра. Они еще раньше их оттуда выслали. Наверное, до войны. Что-то было там такое, или во время войны, потому что наши сюда, эти уже тут были, ну этих-то она с собой привезла детей.

Да, да, да. А Вы здесь родились?

А это я и только 1949-го еще одна сестренка есть, это мы уже тут в Осакаровке родились. А оттуда сюда только приехали старшие же все. Все старшие они еще живые все у меня. Вот сестры, они в Германии сейчас живут. Я был осенью, зимой в прошлом году, ну очень плохие уже, конечно, и там возраст это раз, и потом там таблетки, там уход за ними. Конечно, тут бы они давно уже поумирали. Ну, там уход хороший. Они все старость у них, конечно, старость никому не в радость, но все равно там более менее, конечно. А так вот, когда мы были в этом поселке, сколько там горя было, я вот, даже не хочется вспоминать, как это было. Что там бедняги жили, ничего путного не было. Вот это мать трудилась, конечно, вот мы и выжили. В школу пошел, там эти чеченята были у меня в классе, такая рыжая девка была. Мать все ругает, а я что делаю? В школу то мы в одну ходили, в школу идешь, она, помню, такая рыжая, вся коса в гнидах была. И они тоже вроде, помнишь, раньше керосином это все делали.

Да, да.

Там всякие такие вот делали. Но у нас не так было, но принесем. То я принесу, то сестра принесет. У нас мыло сами варили, тогда ничего же не было. Да и купить не за что. Трудодни они вот в колхозе работали. А она дояркой работала. Вот это Роза дояркой, Хлора работала, Катя все в колхозе с утра до ночи.

За трудодни?

Трудодни. Деньги когда дадут в год раз, наверное. Я не вникал как это делалось, но я знаю, никогда копеек не было. А еще у нас детдом был. Вот детдом.

В поселке в этом, где номер 5?

Да, в пятом. И вот дети, первые года, когда я учиться стал, это в первом классе детдомовцы ходили в нашу школу. Так мать вот кусочек хлеба завернет, а они голодные были эти дети все, хуже нас жили. Ну там их не кормили. И вот подкармливала мать всегда, даст кусочек хлеба, дает, вот дай, там Жданов, его фамилия, был в нашем классе такой вот парнишка, постоянно кушать хотел. А какие люди были в этом поселке, все высланные там, ни одного казаха, но один казах был, он работал на мельнице кем-то, каким-то там писарем или работником, в общем он главным, наверное, там был. И моя сестра у него прислугой была. Он был инвалид, одной ноги, по-моему, у него не было, или он татарин, или же жена татарка, ну первое, что я видел, пойдешь с ней вот это маленький столик, ни у кого, наверное, такого не увидишь. Она убирала, она долго убирала, по-моему, там...

Значит, получается, этот номер 5 поселок он весь был депортирован?

Все. Там никаких, я других не знал.

Чеченцы там проживали, немцы, белорусы?

Все немцы, белорусы были, украинцы там, может, еще какие-то другие нации, но эти четыре это точно. Мы под одной крышей были. Русских много было, ну замечательные люди. Я больше не встречал ни разу и нигде.

А когда приехали на каком языке общались?

Моя мать приехала сюда, не знала русского языка, это в 56-ом году. А общались они по-русски, она на десятый день знала.

А уже когда в Талдыкорган даже в 56-ом приехала она до сих пор не знала?

Она даже тут еще не знала, потому что все мы общались только на своем языке.

На немецком?

Да. Я, сестренка, это старше меня которая, мы в школу же ходили. Тут мы по-русски хорошо знали. Она же старше, она хорошо училась по-русски, все что надо было сказать по-русски, чтобы отец понимал, потому что он в трудармии везде с русскими и понимал, и разговаривал на русском хорошо. А мать как дома была, так она могла с русской женщиной разговаривать два слова по-русски, и потом по-немецки шпарит. Ей говоришь, мама, она не понимает язык.

Она на немецком языке.

Понимаешь, у нас немцев много было тоже в поселке. Ну, чеченов много было, и в основном русские все были. В основном, но замечательные люди. Я никогда не видел. У нас учительница была одна. Она тоже почему-то, как-то вечером, боялась ночевать. Она звала меня домой. «Ну, пойдём, пойдём». У родителей попросим и пойду с ней.

Чтобы не одной?

Да, да. Она одна была. Одиноких детей очень много было. Женщин одиноких много. Друзей у меня много. В сельсовете Кукина была. Она хоть и секретарем была, как пацан была.

И вот она была комендантом, да, Вы говорили?

Нет, она секретарем была.

А секретарем...

В сельсовете он ходил отмечаться. Там другой был, видимо, комендант.

А комендант другой.

Да. Это председатель сельсовета Анна Кукина была. В то время когда ходил отец, почему, потому что он всегда соберется и пойдет. Он у меня высокий такой, спокойный мужик был вообще. Делу всегда давался при таком возрасте, при таком раскладе, и сколько он всего умел делать, все характерно. Мы подшивали валенки людям.

Аха...

Зарабатывал кто как мог. Я вот этот шпагат, вот маленький, сижую делаю.

А чем шить?

Чем шить. Да, два брата делают. Ее надо было смолой. Вот это моя работа была. Брат шил, им только которые надо тяжелое делать. Отец командовал. И вот, все закладки делал. Тогда же тяжело. Валенки купят обязательно подшивали, задники делают. Вот это вся была работа. Все девки вязали. Штор не было, такая беднота, я как сейчас вспомню, мне так плохо становится. Штаны у меня были тряпки одни. Я не знаю каким цветом они вообще были. Но всегда чистые были. Пять часов утра, встает мать и уже вот к утру. Тогда же ни газу, ничего же, на плите горячую и в школу. Вот сколько она работала, когда она вставала, это я сейчас вот сижую и думаю. Ну чем она хуже женщин была, чем сейчас женщины. Как она любила семью свою, что надо было вставать и все сделать и из чего делать, ведь же ничего не было у нас. Корова была, молоко было, дояркой работала. Они молоко воровали оттуда, за это тоже наказывали.

Доярки?

Доярки. Вот, ну сестры у меня были.

Ну, да, да.

Волки. Тогда много волков было. Она на ферме работала, сестра одна, она поросенка выкармливала и в постель. Вы представьте маленьких раздали выживут не выживут, потому что это и она выкормила этого поросенка. Представьте, сколько там корма, все это, молоко туда сюда, даже спала с ним. Я как вспомню, а спали-то мы на чем, каждую неделю у нас черные матрасы были, набивали соломой это был первый день, второй день это самое соломой пахло, мы и спали на этой соломе.

Мягко? Еще много?

Да, много. В конце недели метина только была. Ее выкидываешь каждую субботу. В выходные мы это делали. Благо еще всегда была солома. Так ведь в другой раз нечем было, отец сидит эту солому в комнате раскидает, чтобы она не такая сырая была. Сырость с них вот это зимой. Вот она подтянется немножко, он косы как у девушки плетет, с него и мать варит там что-то, дом стопит.

А когда...

Жили, это было вот, я до 10-ти лет. В 10 лет, дядя Миша – сосед, он бригадир был, пришел и просил меня сено косить за Белодымовкой, называлась, до сих ее помню, Белодымовка 120 км, это отгон был. Я вот до сих пор никак не могу понять, первого казаха я там увидел, табунщика в юрте и вот хорошие такие вот. И откуда этот табун был и чей? В походе не было такого, и чей-то табун же был, наверное, но чей был. Я пацаном был, до сих пор не знаю. Но там был косяк настоящий. Лошадей много было. Отец хвалился зимой всем старикам, соседям. Они сядут каждый вечер, они почти все собирались дома у отца. Сидят, курят, беседуют, и все он меня хвалит. Вот Вовка заработал. Всему колхозу, кто был на сенокосе выдавали сено немножко. И вот мне выдали за то, что я там работал, сено корове. И вот это он всем: «вот мой Вовка в 10 лет ему, а он сена заработал». Это я до сих пор помню.

Помощник...

Помощником был, но с начала не давал меня, а потом дядя Миша сосед это. А дядя Миша меня любил. А почему он пил, я не знаю. И бригадиром был. А лошадь надо было обгонять, там конюшни были.

Колхозные?

Колхозные. И конь у него. Всем бригадирам были рысаки. После войны давали. Рысаки такие были, по колхозам раздавали, видимо, их и вот у нас, рысаки вот у бригадира были, хорошие рысаки выездные.

Как сейчас иномарки, да?

Да. Тогда ничего не было. Там колхоз на лошадях все. Отец у меня работал, целое лето керосин возил, две бочки на лошадях и по тракторам. Тракторы трехколесные такие были. И вот развозил. Я с ним ездил иногда. Заберет меня. Вот такая у нас жизнь была тогда. Очень тяжелая.

А вот, смотрите, когда вы сразу были депортированы, где проживали? Жилье предоставляли?

Какое там жилье. Это в первый год мама жила на нарах, которые все...

Землянки?

Вырытые какие землянки. Вырытые, нары самые настоящие. Никаких землянок. Это на второй год зимовали они все в норах, такие сверху накрытые. Вот они пережили одну зиму. Потом терна режут, с терна стали эти дома лепить. Вот такие стены, мы в нем потом еще, а еще окна у нас сверху были.

А вверху?

Да, потому что снег задувал. Все задует, двери все внутрь только.

Открывались?

Да, потому что друг друга откапывали. А там твердый снег такой летит. Лошади едут, не проваливаются. Вот такой вот. Там все это было. Сейчас все удивляются там кто сейчас, наверное, снега такого не было там. По крыше, чтобы свет был, такой ставят и тут стекло, таким вот образом свет попадал в дом. Эти окна откапываешь, бывает, неделю дует, чтоб свет какой-то был. Экономили, керосина же не было, купить нечего было. Это не так просто было жить.

Да.

Это сейчас люди не понимают и не знают, дай Бог, чтобы не знали. Поэтому мы сейчас хотим все для детей, а дети избалованные сейчас. Вот это тоже.

И вы еще говорили, что дом был на несколько семей?

Четыре семьи. Это не дом, это как наши наживки, как времянки, помните тут такие были.

А, ну да.

Домов там никаких.

Из самана или чего-то такого?

Вот такие вот времянки, как времянки были все. Сеном они там потолки делали, где палки, где что, там. Так вот и они делились между собой. Русские с этой стороны стояли. А дядя Миша, там уже стеночка была. Двери вот, такая вот комнатка маленькая была и горбыль просто прибивали. Было все между нами.

Поделен как бы?

Да там ничего такого особого не было. Ничего. Сарай все были и под сараями навесы такие делали, потому что когда буран на неделю, сено надо было заносить туда. И вода у нас все с колодца таскалось. Это Ишим далеко-то был, а тут колодец. Я точно помню, колодец за зиму 2-3 раза. Старики соберутся, дети обламывали и оттуда мы таскали воды в бочки и скот кормили и вот. Ну, весной уже потом там на улице брали, а зимой вот так вот все было. И еще гуси были у нас. Моя задача было вот этих гусей проводить на речку, вечером забрать

их. Детдомовцы ходили, как помню сейчас, мать копейки какие-то найдет, а пескари были у нас. Кушать хочется же и продают эту рыбу.

А рыбу?

Кто кому, это рыбу все пацаны сами ходили туда рыбачить. Мать купит у них. Копейки тогда 100, 15, 10, 20 копеек, ну три раза в кино, 5 копеек в кино было. Она купит, я приду: «Мам, что ты рыбу купила?». «Ну, курам дала, а что ну вот эти вот ребятишки приходили».

Поддерживали?

Ну как же. А скольких бедных было, которые не могли работать. Тоже были такие все люди, конечно, что было все давали.

Все помогали?

Все друг другу? Один был больной, я как сейчас помню, он какой-то заразной болезнью болел, потому что кружку после него часто все мыли, мыли содой, солью терли, какое-то заболевание.

Ну, может туберкулез или что-то?

Не помню. Ну, помню хорошо, что все его кормили. И двери всегда были открыты для этих людей. Таких людей, я говорю, сколько было. Я никогда больше не встречал.

Вот в таких условиях вы смогли сохранить обряды, обычаи?

Все, все у нас было. Мать всю субботу убирала, а в выходной день все бросала и шла молиться. Ночью ложились спать, стишки рассказывала мать.

Молитвы?

Да, молитвы все мы знали наизусть, и я до сих пор кое-какие хорошо помню. Почему, потому что уже потом, когда отец умер, я, брат уже жили там. Уже тут совсем другая в Талдыкургане жизнь у нас была. Там совсем другая. Там были все местные, все друг друга знали, разговаривали все, а тут уже мы лютеране, видишь, а там почему-то немного было наших лютеранов.

Лютеране, да?

А почему там так скопилось их много, я не знаю.

Ну поляки, наверно, они же тоже да лютеране?

Поляки у них своя.

Католики же они?

Они католики. Наши отдельно ходили. Вот ну, они ходили по домам. Ну, я помню, что вот эти все были, а у русских поп был. У русских поп был.

Ну, все это тайна, все церковью, как таковых нету.

Нет, он был. Такой отпевал.

А отпевал.

Да, поп ходил русский, был поп у них. У русских лучше было, поп был у них. Ну, я не помню, он у нас в поселке жил, может, один на всех там. У нас соседи же умирали пожилые.

Да?

Ну, как бы у них отпевали. Первый раз я видел как это делается, потому что у нас я не видел, даже отец умирал, у нас помолятся и отнесут, и все. У нас по-другому совсем. До 12 лет я в поселке этом жил.

А были ли смешанные браки?

Нет. Я не помню таких. И в моей родне нет смешанных. Вот тут уже племянники смешались. А там у нас все старались, чечены с чеченами, свадьбу делали, люди все ходили.

Ну праздник. На праздник все ходили, приглашали всех?

Да. Приходили все. Это я хорошо помню, потому что я у меня и брат поздно женился, я даже помню как брат женился. А кушать, пить-то особо тоже нечего было. Я,

странно, помню это все, моего зятя, отец был, жил рядом. Сколько они бочек заквасили этой гадостью. Я как сейчас вспомню, вы знаете вот бочки 200-литровые, и свекла была в одной, в другой ячмень, в третьей еще что-то. У зятя еще бабушка жила, его отца мама. Я всегда думал откуда бабушка.

Да?

С сестрой жила, с Катей. Оказывается, это просто приемная была. Когда много детей это же ходили, а платить некому было. И эта бабушка проживала у них. А я думал, что это их бабушка родная. А никто никогда ничего у него дивом давался. Вот сейчас до меня доходят, думаю, почему они никогда ничего не говорили.

Относились как к родной, как свояшке. Даже ничего?

Я даже не думал, что это не она, понимаете. А потом уже сестра сказала, да, это не родная бабушка. А сестры у нас хорошие были. Катя – такая душа, у нее вообще, у нее такая любовь к родне. Я ощущаю это, как мы выросли, как сюда приехали, какие праздники были тут, все дети в кучу, женщины сами. У нас вот толпа. Придет ребенок, я вот так часто говорю, она его тыркает-мыркает, то не зайти, то нельзя брать, то намажешь, то еще что-то, у нас тут так не было. В первую очередь соберут детей, посадят за столы, покушают, Вовка, ну, я старший был. Порядок был. Я с ними пошел, чтобы они не залезли куда-то на улице. Мы покушаем все, все, все, и уходим. Я немножко постарше был, я уже за ними наблюдал. Вот и вот так вот жили все. Они о деле говорили всегда. У каждой семьи были свои там, у кого-то не хватало, и мы помогали. Раньше так вот. Ну, сегодня ему надо помочь. Хорошо. Сегодня мы идем туда все.

Аха, вот рядышком он стоит.

Я его поставил.

Это тоже Ваш участок?

Да, я продал. Его два раза продавал, мне хорошо было услышать, что ему добро дают. Я его два раза продал, вот этот один раз купил русский, потом русские когда уезжали, я его купил опять назад. Придурок один взял, потом это опять назад продал. Ну теперь там опять русские живут.

Так строили сами?

Да. В ноябре мы уже зашли сюда. Зимой. Вот за два месяца с половиной вот этот дом. Зять шофером работал. Хорошо работал, но не хватало. Приходил ко мне, чем мог тем и кормил.

Да?

И вот они придут со своим питанием все. Все вот так вот у нас было.

Да.

Все складывались за 10 тысяч маленький дом купили. Вот этот дом, потому что мы все выросли и ветеранский дом этот.

Да, поняла.

Вот этот первый наш дом был. И потом его достраивали, достраивали вот до сих пор какой уже, так уже стал. А он был обыкновенный 8-10 домиков. В то время он 10 тысяч стоил. Все собирали, кто сколько, сами бедно жили. Все собрали и купили дом за наличку. И сейчас Исаков Саша – этот старший зять мой, Лизин. Он проповедником там тоже работал. А потом сейчас вот Саша Исаков тоже замечательный человек, он на немецком и на русском ведет.

На двух языках что проповедь?

Да, он все знает, все хорошо. Замечательный человек. Он ходил в эту церковь, потом когда эти все старики умерли, уехали зять мой тоже, и умер в Германии, в общем, тоже как был.

А как узнали о смерти Сталина? Как восприняли это известие?

Сталина, я как сейчас помню это, я был в школе. Это женщина была учительницей, она что-то плакала, что-то объясняла там, я домой пришел и только у мамы спросил, кто такой, видимо, родня, а я не мог понять, почему учительница плачет. По радио было, тогда радио было, черное такое в углу стояло. По радио объявляли.

Радиоузел?

Радиоузел, да. А я у мамы спросил, она говорит, да, нет это не родня нам. А я говорю, а что она тогда плакала. Ну я тогда не понимал, кто это такой Сталин, власть там темная. Меня это собственно и не интересовало. Но ни слова больше она не сказала. Обиженные были и необиженные, но в то время, конечно, сильно боялись и не распространяли. Особенно, наверное, при детях. Это я так думаю. Вот такие у нас были отношения. А чтобы хвалить его я не... Но, стариков я никогда не слышал, чтобы они что-то говорили, особенно они рассказывали, где они жили. Они вот вечером соберутся самое главное, что мне не очень нравилось, они всегда о деле говорили. А вот опять хочу сказать, как бедно жили. В одной комнате накурят, я часто вспоминаю, вот сейчас курить там нельзя, запрещено. Тогда тайком они все курили старики. Анаша еще когда, сильно вставать не хотели, пожилые то были, «Вовка отнеси». Анашу на бумажке завернут. Я в печку, иду от них беру и приношу. Вот это моя работа была, когда они придут.

А вот родители вспоминали, возместили ли им все?

Никто ничего не возместил. И даже уже я могу прямо сказать, как отец, это его слова, которые я слышал, когда мы жили: «ну, ты представь себе вот там ничего, не надо было строить дом». Тогда брат сказал, что надо, говорит, ну и сестры говорят, надо было уже дом начать строить с утра, он так был, наверное, обижен на власть, что он говорит, этим властям я больше палкой не пошевелю, отец говорит.

Не доверял?

Ну все, он говорит, для этой власти я ничего больше не буду делать. Все. Это его точные слова. Это я почему, потому что я больше всего находился. Но я ходил, он мог стеклить. Ну вот знаете, вот видите, вот стекло, которое на...

Ну, ну, ну.

Тогда даже гвоздика не было. Он с жести вырезал треугольники и вот это стекло, вот так вот забивал, а женщин много было. Семей много, у которых ничего не было. Стекла не было. Ну, вот с кусочков он, у него было. Я его вот, это он плотник и все мог делать. Даже вот подшивали, я говорю, этот чемодан постоянно ему носил. Он такой слабый был. Я маленький был, чемодан по земле вожу почти. Вот, за ручку берешь, а я ему несу и подаю. Я, мы по домам ходили.

За любую работу брался просто?

Все он, самое главное, мог. Вот эти ... подшивать он мог. Стеклить он мог. Вот такой инструмент не у каждого был. Почему, потому что он такой хозяйственный был, но он очень строгий, конечно, был, но добрый, честный, видимо, мужик такой был. Вот таких же у него два орла было.

Маленькие?

Как бы. Я не понимаю, но маленькие. Семья большая, и вот мы едем на этих лошадях, я так арбуз спросил у него, я до сих пор помню, как спросил. И ты знаешь, он может: «все сделаем, вот, приедем домой сядем за стол и будем все кушать. Ну, папа, но мы же все равно будем там есть. Ну, дай один кусочек, а я вот тут съем. Он опять так делает: «приедем домой, когда все будут за столом, только со всеми мы можем его разрезать и будем кушать. И ты думаешь, не дал он мне, приехали, пока за стол не сели, пока он сам не разрезал». Никаких проблем никогда не было. Вот такой вот он был, вот я понимаю сейчас, ну зачем я просил.

Ну, раньше же маленький.

Ну, да пацан был. Ой.

Когда были депортированы вы в Казахстан, старшие дети и отец были в трудармии, ну, высланы как бы?

Да.

Сколько лет они там были, не помните, нет?

Они уже пришли, ну уже я родился, наверное.

После войны?

После войны пришли, да, потому что они до этого, он рядом 80-90 км, потому что посылку прислал брат его. Он бы не выжил отец, но брат его прислал муки, когда приехали сестры мои Катя с Лизой.

Которые позже пришли?

Они сами пришли, они были родные, они там вместе не ехали. Не зная русского языка, приехали. Мать нашли. За телегами их же никто не возил. И они не повезли эту муку две девочки зимой, вот они осенью перед зимой отнесли эту муку. Они рассказывали, как они с Лизой эту муку за телегой, чтобы не потеряться в степи. Телеги возили там всякое, на телеге все в саях. За саями везде ходили. И он потом пришел, говорит – выжил. Они похлебку варили, мешали, добавляли ложками муку.

Баланда?

Баланду такую делали, говорит, худой, у меня высокий отец был в молодости и выжил.

А в семье на каком языке говорили?

Только на немецком. Другого языка мы не знали.

Не знали, да?

Мать приехала, мы в 56-ом. Моя дочка, моя дочка 68-го. Она до школы она только на немецком, потому что у нее мать только на немецком разговаривала. Другого она не знала. Она тут жила сама, мать потом с Лизой стала жить там. Когда вот это у меня уже второй появился, вот они уже в одно время они с нами жили. Только на немецком языке и сестры, и братья, и все мы разговаривали.

В Талдыкургане?

В Талдыкургане. Это тут можно это все услышать. Но и особо я, например, в голову сильно не брал. Но мне кажется, так все уважающий себя человек своей нации не должен стесняться. А некоторые конечно фамилий их стеснялись и говорили, что они не немцы там, но вообще-то это было очень некрасиво и с их стороны. Ну, вот один сейчас тут живет такой, он женился, фамилию взял жены, и детей нету у них, и до конца будут доживать тут. Я считаю, что это не правильно. Чего бояться-то, своей нации стесняться. И надо знать свою. Я вот сейчас, например, когда я еду в посольство, я с переводчиком на русском разговариваю, а она на своем немецком. Я ей говорю: «я вас отлично понимаю, только мне тяжело с вами разговаривать долго, поэтому тут переводчик я». «А, что вы говорите, я могу отвечать на русском». Она говорит: «я на русском».

То есть вы понимаете ее без переводчика?

Без. Мне не нужен переводчик. Я просто в школу, видишь, не ходил же, на немецком там всего один год ходил. Я там буквы даже забыл. Я практически неграмотный. Я в вечерней школе учился, поэтому я всю жизнь водителем был, поэтому я и побоялся туда ехать, там нужен язык.

В Германии?

Да, я же развелся с семьей, я прожил 16 лет. Я в 84-ом развелся. И уже я один был, а дети потом поехали в Кировский, там ее родители жили. Они тоже уехали все. А мы двойная родня с родителями, я одну дочку держал, племянник другую дочку. Так что у нас

связи никак не могли теряться, мы дружили. Никак не могли, до сих пор у нас язык, с ней не могли, а так у нас родственные отношения до сих пор. Вот я приезжал у них в гостях был. Она, правда, в другом городе где-то. Жена там и замуж выходила.

Ну, все равно навещали?

Нет. Я ее не навещал, только дети. Дети отлично, у меня все хорошо. Дети полностью со мной в контакте.

А скажите, пожалуйста, когда узнали о реабилитации из газеты или как-то иначе, когда комендатуру сняли?

Когда комендатуру сняли это было 5 секунд всем известно. Как только сняли комендатуру, полпоселка выехало на трассу.

А выехали куда? Выехали в те места, где жили раньше?

Нет, ни один не поехал туда. Сколько я знаю, ни один не поехал туда. Поехали все соединиться с родней. У кого, где была родня все поехали туда. Вот в Джамбуле был брат отцовский, мой старший брат 19-го года поехал, значит, сначала туда, как раз перед смертью он поехал туда. Отец ему еще сказал про арыки, он когда-то был в Азии, видел эти арыки и он говорил: «ты съезди и вот он поехал». А там его направили в Талдыкурган. Ну вот тогда же маленький этот городок Талдыкурган, говорит: «такое хорошее место, съезди». И он приехал, действительно посмотрел, тут родни особой не было никого. Он приехал, приехал туда, когда он приехал, отец умер. И он один приезжал сюда, а потом мы уже приехали к нему. Сестра уже в Осакаровке замужем была. Вторая в Караганде. Старше меня это была Мария 49-го года. И мать одна. Флора тоже приехала потом сюда, но она взрослая была. Вот. Она всю жизнь там. У нее был роман с моим зятем, он развелся. У него было двое детей. Я хочу что сказать, это тоже причина, как уважали родителей и как дисциплину держали. Она гуляла, потом он развелся, жена уехала. Мария ее звали, я хорошо помню. А он был кучером директора. Всю жизнь он так и закончил, пока детей в Германию возил. Мария пришла жаловаться, что моя сестра гуляет с ее мужем. Не разрешил. И они вот встречались. Он развелся, но никаких проблем с этим не было, пока он не умер. Потом она уже с нами сюда уехала. Он приехал, ее забрал, и мы выехали сюда. У них двое детей. Нина сейчас в Германии, а Лида в нашем поселке работает или завучем, или директором в школе. Она английский хорошо окончила. Она живет с греком, сейчас мой пацан живет.

Давид?

У них двое девочек. Смесь.

А Давид вам кто?

Давид – это сын мой.

Аааа.

Она мне не жена. Я ни разу после этого не женился. Содержу его, он вырос, я его не хотел оставлять.

Это сын Ваш?

Сын мой да, но он на ее фамилии. Они братья.

Он живет с Вами?

Куда он денется. Ему 24 года. На почте работает. Ради него я тоже не поехал. Думаю, меня сестры ругали, говорили, давай отсюда, будем финансами помогать в Германии, что будет лучше всем. Я говорю: «Нет. Лучше ему будет со мной». Я так решил, поэтому я проблем не имею. С языком проблем не имею. Единственное, что меня страшило там, в Германии – читать, писать я не мог. Там надо читать на немецком, если даже ехать. Этого всего я давно боялся – это раз, а во-вторых, – это пацан у меня есть. У меня дом свой. Работаю день и ночь. Не стесняюсь. И кто работает у всех все есть, поэтому у меня столько друзей. Сколько уехало, сколько уже померло. Дети оставшихся друзей ни один мне еще не отказал ни в чем. Даже вот у меня друг умер осенью в прошлом году, управляющим был по заготовкам. У его сына свадьба была, Давид дружком был у него. Я не могу сказать, что это

плохие люди, и что меня кто-то где-то тут прижимает. Я вот в другом месте, я не считаю себя как дома, а тут как у себя дома в данный момент. Или из-за того, что я все прожил тут и мне все родное тут. Я хоть куда могу пойти. Мне все равно. И я себя чувствую, если мне еще бог здоровье даст, я сам смогу, наверное. Тут у меня мама похоронена, тут и брат, и зять.

В Талдыкургане?

Вот на бугре. И место я уже себе приготовил. Мы так ходим к брату, так маме и тут я себе оставил. Племянник, который на Хрущевке есть, он умер молодой пацан. И папа его тоже умер. Тоже там и еще один зять Катин. Тоже тут умер. Вот все под одной грудкой растут все. Сейчас все мы тут, каждый, как делаем, приезжают, если мы пойдем. В позапрошлом году приезжала старшего брата дочка, мы поехали, потом Сашу я пригласил, мы съездили на могилу. Мы там пили за упокойных. Потом домой вечером, тут ужин сделали. Хороший мы сделали. И которые живы здоровья пожелали. Мы это все чисто, этот Саша молодец. Он никогда не отказывается. Он хороший. Вот с ним приятно было. Я считаю, что я все правильно делаю. Может быть, что-то я и не понимаю. Может, что-то и не так, но это все должно быть так.

Справки о реабилитации Вы же брали?

Конечно, заявление, а тут очень просто. Раньше, когда наши все уезжали, они тоже брали справки туда в Германию. Двое документов там было.

Да, да.

Я пошел потом в прокуратуру, написал. Они мне сами взяли оттуда с Караганды.

Там, где проживали?

Вот проживал там с родителями до 16-ти лет. Они мне тут через суд, мне восстановили, что мне еще 16-ти же не было. Мне дали апелляционную и...

Справка?

Справку о реабилитации, на основании этого я сейчас получаю пенсию.

Добавка?

Да, сейчас с ребятами, которыми тут у меня на работе, ну все немцем называют, кличку поставили мне. Я никогда не скрывал, что я и не обижался, я говорю, когда они ругаются там по пьянке бывает.

Да, да.

Я говорю: вы ругали меня ругали, а я за то, что вы ругали каждый месяц, я не пью, но шампанское другой раз могу выпить просто. Я говорю: в месяц могу две бутылочки шампанского за ваше здоровье выпить.

За моральный ущерб?

За моральный ущерб. Да вот мой сосед. Наши дети выросли вместе. Мои дети у меня дочка одна 69-го, а пацан 73-го. Я 16 лет прожил в семье, в браке и потом вот разошлись, они уехали туда. Я тут оставался, так мы живем. И я Талдыкурган очень полюбил и в другие я много ездил. Я водитель, где только не был. Ездил и до армии. Сколько профессий у меня. В 15 лет я пошел на работу. Работал сварщиком на автобазе, местный комитет принял в 58-ом, в 59-ом оттуда ушел. Потом поступил в училище на строителя, потом аттестат штукатур-маляра. Потом на стройку пошел работать, только пошел, а коммунисты срочно на Целину ехать, там надо работать. Отправили на работу на экспериментальный завод. Я лично его первый фундамент закладывал. Там работал на стройке, Спичкин бригадир был у нас, Петр его звали. Он так сказал: «если оттуда уйдете, я тогда на очень трудную работу отправлю, если не пойдете, я вас уволю все равно. А если пойдете учиться, то когда в селение придете, я вас приму в любое время на работу. А я уже учился на водителя в ДОСААФе. Платно, 83 рубля надо было. Те большие деньги были.

Да?

Да. Я учился там. Я пошел учиться вечером в ДОСААФ. Он всем нам по сто рублей премий дал, но мне заплатил лично 83 рубля за...

За ДОСААФ?

За ДОСААФ. Я пошел в школу. Днем учился во втором микрорайоне, там было у нас 24 училище, я дважды там учился. Там я получил аттестат тракториста, тут заканчиваю школу. Мне очень тяжело было. Я учился, получил тут права, там аттестат и отправили нас на Целину. С зимы до самой весны я работал в Маншук Маметова.

До весны только?

До весны он. Мы работали честно, добросовестно. Весной, правда, не выдержали.

Как родину?

Я вот как вырос, вот представьте себе, вот это мне было то все. Мы пришли к нему, он говорит: «еще немного поработайте». Но Талдыкурган для меня родной дом. И я не могу ничего сказать. Сколько не был вот служил в Прибалтике, Черниховке служил, хотел было там остаться, но пришло время, вот могу уже мне домой ехать домой и все. Пока брат тут, помню, в Германию не поехали, вот все собрались и поехали в Германию. Он всех собрал.

Это в каком году вы собрались в Германию?

Тогда, в 92-м году почти все уехали. Уже где-то в 93-м последние уехали. Вот всех проводил. Все уехали. У всех дома были. Я не могу сказать, что кто-то у нас бедным был. Все работали ради детей, ради будущего и все равно всем уже надоедало это все. Раз есть родина все уехали.

Ну, да.

Сильной такой обиды не было. Все работали, у всех дома были. Все специальность имели. Пьяниц не было у нас. Все я очень рад, что у меня сестры все хорошие такие, ты знаешь, вот с зятьями мне вообще повезло. Я даже не понимал, что это моя родня вся.

Как родные уже?

Очень родные. Вот даже не на одного я не могу пальцем показать. Вот такие хорошие люди были все. Вообще, сейчас народ совсем немножко другой. Мне, конечно, очень обидно, а раньше лучше люди были. И скромные, и работающие все были. А сейчас работать не хотят, а какой посмотрите закон. Да, все видеть не хочу. Для чего у тебя ума хватает, потом все что хочешь можешь делать. Ведь ничего не запрещенного нету. Разве это раньше было? Раньше мы нигде на работу не могли устроиться. Это разве жизнь была. Хотелось жить хорошо. Значит надо работать. Я даже песцов держал, свиней держал.

Песцов даже держали?

Держал. Сам зарабатывал, шкуры продавал, шапки шил. В то время я зарабатывал 9-10 тысяч, в общем около 11-ти тысяч, я на бумаге записывал. Вот этот дом строил. В то время эти деньги никому не снились.

Да?

И день, и ночь работал, потому что «Жигули» 5500 стоил.

Да, да.

Дверь «Жигули» я купил. Потом пришлось развестись и поделить этот дом. И теперь она у меня, я опять пристроил вот этот уже один жил. Никуда не хотел, я привык тут, не знаю почему.

Что бы Вы пожелали своим потомкам, поколениям, новому, молодому, нынешнему поколению?

Молодому здоровья, чтобы они с головой дружили, чтобы уважали себя и уважали рядом стоящего человека. У меня мама старая была, я часто сейчас оценку даю, просто уже в таком возрасте – 66 лет, она таким человеком была. Она по-русски плохо разговаривала. Не любой человек мог, прожить столько и относиться к людям так, я часто вспоминаю. Сколько детей еще бы, она не была озлоблена ни разу, я не видел.

И дети же ведь погибли при депортации?

Да. Другой человек, ты знаешь, там клялся бы, матерился бы, но, видимо, она очень верующая была, она все это переводила и, я часто вспоминаю, как она знала, что они казахи что есть такая нация, потому что там не было. Только тут казахов мы увидели. А там не было казахов. Вот у нас один был на мельнице, и то он, по-моему, с татаром смешанный был. Вот и первое что я увидел там, это маленький, а так я, конечно, хотел, чтобы добрые люди были, а нация тут не причем, тут много наций много было. Если он сам человек и будет помогать друг другу, сколько я знаю, сколько казахов, бешбармак кушаешь.

Да.

Поэтому, я считаю, что если с головой человек дружит, и пусть, даже в автобусе посмотри вот, казахи место дают.

Да.

Другой, на него противно смотреть. Он что попало творит, что попало болтает, что попало делает. Обижаться не стоит, мир не без добрых людей, ну и свиней тоже хватает, потому что все одинаковыми не могут быть. А ты возьми нормального человека, поэтому я считаю, что это все люди еще будут грамотнее.

А климат сильно отличался от того, где жили, в нашем?

Конечно. Там день и ночь морозы такие были. Сюда мы приехали, первый мед я покушал в 12 лет. Веткомовский сад – это где сейчас больница областная, это коморский сад был. На быках пахал. Вот сядешь на быка и гоняешь табун. Мужик ведет один, один держит. Где деревья, там сад был. Яблоки собирали, малины собирали, мед там был, полуторка одна всего была в 56-ом году.

Машины?

Там сверху было только этот сад и дурдом. С правой стороны санпидстанция, там дурдом был. Дураки были на арыке. Выйдут, поют песню, там на арыке. И там первый автобус разворачивался возле этого арыка. По первой, по второй улице шел и он разворачивался. Это уже потом пошли, а до этого за этим арыком склад был горкомовского сада. Старик был заведующий садом, он под дачей жил. И поляки они были. Он был главным там.

Ну заведующий?

Он не заведующий, а как агроном был.

В саду?

В саду. Вот этот он поляк седой такой был. Мы все там работали, мед получили. Потом наши сестры на молочном заводе, все мои сестры работали там. Катя аппаратчицей до уезда до пенсии работала. Роза тоже там работала. Сноха тоже там работала. Брат тоже там работал, первый кочегар, когда приехал кочегаром там был. Также на маслозаводе одни немцы были. Все работали. Сыворотку она на улицу Панфилова таскала оттуда, представьте себе, вот первая улица, где сейчас автобаза, и оттудова по Молодежной на коромыслах.

Гермо?

Гермо она на плечах возила и по два ведра в день два рейса делала. Свиней дома кормит. Все работали. Я не помню, чтобы у нас кто-то не работал. Ну жили все равно как могли, так жили. И дружно и очень хорошо было. Я могу только свой поселок в пример, взять людей, какие люди были. Я таких людей больше не встретил. Просить чужого человека, чтобы пацана дал, чтобы он заработал.

Помогут?

Мать меня накормит и сиську даст, и нас назад, а ей-то работать надо, а я опять домой. Вот так мы жили, как уважали друг друга, как это было, я удивляюсь честно сказать. С одной стороны, мы такие бедные были, так тяжело было жить, а с другой стороны – это была какая любовь. У нас было все и друзей сколько. Я до сих пор всех друзей помню. И все так очень было хорошо. А морозы стоят. Я на улицу выйду у меня штаны стояли от мороза. От льда у меня все стояло. Я такой злой был, один раз случай был весной, долбить надо

было лед, там своих валенок не было, я одел брата валенки. Они большие были. А долбить надо было лед ломом. Такой лом был и я долбил, чтобы скот поить. И пацаны тут играют, я беру этим ломом с такой силой ударил через валенок, и гнут, я вытащить не мог. Бог то видит, наверное, все-таки стоят пацаны и я сам стою, и думаю что же дальше делать, как вытащить лом, не могу через валенок. Внутри тепло, а там пацаны бегают, орут, уже давай маму звать, а там сестра рядом жила. «Бабе Кате надо сказать быстро, Вовка вот тут такое». Я все-таки вытаскиваю руку и этот лом...

Сами?

Боюсь. И валенок чужой одел, брата, что это не мой валенок.

А пробрили?

Конечно, я пробрил теперь еще, вытаскиваю, уже мать бежит, я этот лом беру и иду. Что случилось? А я вытащил и молчу. Думаю, брат же ругать будет, а еще и по шее даст. У меня строгий был брат 19-го года. Когда домой пришел, снимаю валенок, ну, на валенке крови много, правда, было, лом попал между пальцами.

А шкурку вот это вот?

Раздвинул лом, прорезал, кости не поломал. Просто кровь была.

Чуть-чуть бы и все?

Я вытащить лом не смог сначала. Я с такой силой долбить надо было, но валенки же большие были. И вот так было.

Это спасло, может быть, даже то, что валенки большие?

Да, не знаю. Мне всегда Бог помогал. И еще скажу вот что, этот Бог меня любил. Я на такси работал, перевернуться должен был, ни царапины не имел. Вот такой случай, я в Талдыкургане на такси работал. Такси с Джамбула приехав в Кировское, я в Кировск еду весной, в середине снег собрался, идет жигуленок и на стекла мне кидает и кидает. Ну думаю, за ним идти, а он идет 80 там или 70. Мне людей вести быстро, проезжаю хочу его обогнать и выезжаю, но больше 100 ехал, его стал обгонять. Кировская трасса большая, представьте себе, на такой скорости, значит руль потерял.

Кружил?

Тот сзади ехал. Я не успевал головой, потом уже когда успел, вижу меня так крутит, машин вокруг не было. В моей машине двое сзади сидят, а девка одна тут впереди сидит. Я уже на нее почти падаю на эту женщину. Машина так поднимает, уже в этот момент она должна уже кувыркаться. Лед или что-то, там машина падает.

Назад?

Назад падает.

Как, кто-то толкнул на место?

Как ты знаешь, до сих пор я не могу понять, что это было. Я как стоял так педали на ногах были. Я затормозил, она как держала, я так и сидел. Машину развернуло, опять поставила в направлении чуть-чуть в бок дать. Смотрю, сзади Жигули встал. Видимо, я много крутился, что он стоял там. Которых я хотел обогнать, мотор, слышу, работает. Все на мне. Все на месте. Я включаю скорость, машина пошла, я на газ в этот момент у меня такая судорога, у меня встала.

Не сделаешь?

Ногу прижал я, поехал по-тихоньку, по-тихоньку, по-тихоньку. Она у меня успокоилась нога. Тогда пост ГАИ был на Чубарах. Одна женщина у нас работала на вокзале. Эти не разговаривали, пока я в Кировск приехал. Видимо язык, у нее спрашиваешь, куда ехать, она смотрит и не может сказать. В Талдыкоргане третье отделение было, она не могла. И потом он у нее спрашивает: «ну, показывай говорит».

Да, хоть куда ехать-то?

Она к матери. Она жила в этом Кировске. Он тут приезжий таксист, он женился на этой девушке, приехали к родителям.

Ну, ну куда ехать?

И мне говорит: «ты знаешь, сейчас приеду в Джамбул, если я расскажу что так было, никто мне не поверит». Я говорю: а что такое, я не мог. Я думал, это все, конец.

Конец?

Нет, вот представь себе, эту машину купил. Такой мороз был в Омске. Видишь, пальцы чуть-чуть... 30 литров солярки залил, пальцы прихватили. Такой мороз был. В марте я гнал вот эту машину. Ни разу не чихнула, ничего, приехал сюда 7000 км. Бабушка два раза сюда позвонила, приехал или не приехал. Волнуется. Я приехал или нет, потому что ей говорил: «вы, наверное, хорошо молились, я приехал без единой царапины». Такой дорогой у меня в Алаколе стекло разбилось. Вот и все выбило. Я приехал: «вы молились», я говорю спасибо вам. И вот я всегда говорю, мне Бог всегда помогал. Почему, не знаю. Уже сколько свой дом, дважды купил, сам строил, сам купил. Дважды Бог дал самому лично продать. А первый раз я его продал еще давно. Потом эти русские взяли, а потом кто-то будет, думаю, куплю ее. У меня он побыл лет 7-8. Я потом его продал. И вот это дом половина дома моя, я все-таки купил его назад. Она уехала тогда, когда я ее купил назад. Этот дом. И вот эти теперь у меня двухквартирный дом. И вот этот все я по два раза даже запорожец у меня такой был.

У вас вот этот дом двухквартирный.

Двухквартирный. Но он разделенный. А потом я его купил. Ну мой же дом. Я опять купил.

Ну, да, да, да.

Теперь купли-продажи я просто его сделал двух. Не хотел жить я в одной, чтобы он был. Раз уже дед построил туда сюда два входа, два все. Вот все вот это вот держу деньги отдал ей. А им уже были совершеннолетние дети были, когда тот уже я купил. Эти деньги должны были детям остаться. Я ей сказал, вот я тебе деньги даю, ты должна разделить детям тоже. Потому что это детский дом. Да, я давно отдал она ну поделили деньги. Дочка и пацан. Там было по-честному. И опять Бог помог, почему я вам говорю это, потому что она у меня просила 13 тысяч за полдома.

За полдома

Целыми деньгами. Я говорю та свою жизнь посчитала. И она и 5 тысяч не заработала. Ну я поставлю свои деньги вместо того, чтобы ты ну до 11 тысяч, 6 тысяч я тебе дам и ты купишь как чисто по-человечески, что мы вложили. Вдвоем заработали. Нет мне 13. И вот 13 она его не продала, пока я его не купил за 6. Вот Бог распорядился, определилась. И она, и я ей 6 тысяч потом отдал. Я говорю и в тот момент это несправедливость этой женщины почему, я женщин не очень так обожаю, я говорю, даже в тот момент, когда мы пришли оформлять, она на меня, секретарша тут сельсовета, смотрит и говорит это что за человек, ну я. Она уже корейцу туда, продала дом корейцу. Когда я, первый покупатель ... это у меня кореец.

Да, да, да.

Мой зеленый дом и она уже даже в этом хотела меня...

Обмануть.

Обмануть вот это вот так вот. Никогда не обманывала, такие вещи не позволительны. Бог распорядился. Ничего она не продала, какие 6 тысяч. И то мать просила ее, Володя разберись, пожалуйста, с этим домом, мне уже он вот тут стоит. Я говорю проблем нету. И привез ... зятя вот дочка осталась тоже по ее вине. Зять, она замуж вышла там на Камчатке, внучка приехала. И они обещали, ну чтобы дочка жила вот в этом. Я согласился, все было хорошо, она из-за этого не дает этот дом. И зять оттуда приехал сюда. И зять молчит, а я откуда знаю, они приедут с сыном и побудут у меня, и вечером я запорожцем отвезу их туда и все. Потом время уже проходит, и нету, нету. Я говорю, что-то не то. Ты почему вот приехал, почему у меня ... дом. Да вот теща не дает, туды сюды. Вот тут я опять.

Вскрылось все.

Аха. Опять все. Я говорю, вы что делаете. Совесть у вас есть. Значит тут, и значит к дочке приедет, будет жить с зятем, ... и это нету и это нету. Да что вы делаете. Вы думаете, что-то от меня хотите, я вам что. Я говорю вот так вот. Если на него не будет оформлено, то я буду брать это и никто не будет. Потом по закону первый покупатель я. Все. И бог распорядился. И я отдал и опять купил. Вот такие вот ... Звонить, просить здоровье, и будет все хорошо.

Спасибо большое! Здоровье Вам самое главное.

.....
Баумбах Викентий Мартынович, немец, 64 года. Родители были депортированы из Украины в 1936 году. Проживает в Узбекистане.

Это Ваша фотография?

Это школа, вся наша школа, мы на ферме жили. Это Чкаловский район в Кокчетавской области был. Район организован в 1936 году. Отца выслали в 1936 году, полностью район весь с 1936 года.

С Поволжья выслали?

Нет, отца с Украины. С Житомирской области. Отец у меня поляк был.

А, отец - поляк? Фамилия у Вас немецкая.

Мать в 1941 году как немку.

С Поволжья?

Нет, не с Поволжья, с Украины.

Тоже с Украины?

С Украины, только с Ворошиловоградской области. Жили они полностью село немецкое. Перед войной всех мужиков, как говорится, позабирали, обезглавили, так сказать, и бабы, старики остались и дети. Вот в 41-ом году затолкали в «телятники» и возили, целый месяц возили. Двое детей у матери были до этого, поумирали от тифа в дороге. Вот так 10 метров там соломой закрыли, прикладом под зад, опять в вагоны и дальше, и вот возили целый месяц.

С Украины в Казахстан?

Здесь в Узбекистан, везде. Эвакуация была, заводы, фабрики, людей столько, здесь все нигде не принимали, загнали вот аж в конец Казахстана, уже снег лежал. Вот в чем стояли вот так, в том и были. А когда оттуда грузили, сказали: «Ничего с собой не берите, через 2 дня вы вернетесь». Все, ну как жили – свое хозяйство, там скот, дома хорошие, все. Дома построили. В общем отец, не отец – дед, в общем, у него было 9 детей. Купил он 300 гектаров земли, таких бросовых земель – там овраги, яры как это называли. Вот эту землю насыпали, облагораживали, каждому, каждой семье, там дочке, сыну давал значит 30 га земли вот. Стройтесь, размножайтесь, живите. В общем, уже надо сказать мать сказала, что перед войной мы хорошо жили – свое там было, в саду даже, фрукты были, все деревья плодоносили. Вот затолкали их, и вывезли туда. Вот, в 42-м году с голоду померла бабушка – это значит материна мать, Шарлотта, и тетка – Мария, 1906 года тетка была, нет 1908 года.

А бабушка?

Бабушке было в 42-м году 56 лет. Ну что такое женщина в 56 лет?

По нынешним временам – да.

Там даже справка, по-моему, есть. Есть у меня и справка здесь, все. Вот она кажется. Вот она, как говорится, родословная. Это вот, это – дед.

Зайбель?

Зайбель Рита из города Мариуполя. Ну, это в Ворошиловградской области, там они. Оттуда. Предки с Германии перебрались туда давно. Давно. Это мои вот даже уехали в Германию сейчас, брат двоюродный сделал запрос, нашли в какой земле, это в Баварии, нашли вот эту деревню где они, дом, откуда они, есть этот дом еще. У них даже зафиксированы кто, дети были кто. Что переехали вот в Российскую империю, там, на Украине вот жили, все у них есть. Мы просто думали, что наши корни – все, не найдешь ничего. Оказывается – у них все есть. Это у нас все истребили, у нас все. Вот я запрос делал отсюда, чтобы дали о матери такие сведения. На Украине ничего нету.

Это в Казахстане дана справка?

Это в Казахстане. Литая Шарлотта – вот, это бабушка.

Это справка?

О смерти. Воспаление легких. Она с голоду умерла, а не от воспаления легких. Ну не скажут же. Просто, просто с голоду умерла. Это я вот запросы делал. На отца.

В Житомирскую область?

Это на отца.

Хомутовский?

Это фамилия отца. Мартын Иванович.

1893 года рождения?

Да-да. Это отец. Справка вот, он в 49-м году умер. Вот 93-го года. Пришел, завалился на печку, 2 дня спал и больше не проснулся... Это вот копия свидетельства о рождении.

Ваше свидетельство о рождении?

Да-да. Это отец и мать, Баумбах Лидия Егоровна. А написали Яковлевна. Я говорю: «Слушайте, у меня мать не Яковлевна, а Егоровна». «Ой, да какая тебе разница». Ну и класс. Я говорю, ну как так? Это что такое? А, это я запрос делал.

Это Ваша мама?

Да-да. Короче, где она родилась, нет документов, ничего нет. Только вот, что она там умерла. В Казахстане, и ничего. Оттуда там запросы, во время войны возможно документы... А это на отца. То, что документы там, ну я много чего уже отправил в Германию. И короче, и в Киевскую, и в Полтавскую – по всем областям посылали – нигде ничего нет, следов нету. Родился, прожил 72 года – и нет ничего.

А они познакомились уже в Казахстане?

Да, в Казахстане. Ну, как было. Отец жил со своей женой – Антонина Иосифовна, детей у них не было. Ну, тут мать работала дояркой, отец был завфермой. Вот и получился я.

В браке они не состояли?

Они жили вместе. Он ушел от той жены. В общем детство было такое, что они меня, что вот эта Антонина Иосифовна меня постоянно воровала. Детей не было. А мать меня брала маленького. Я еще в пеленках, не то что как говорится в пеленках, вот, ясли есть – кормушка для коров, она меня туда ложила, а сама коров доила. Вот так вот. Из дома забирала, потому что воровали меня. Она даже говорила матери моей: «Отдай, ты еще молодая, ты еще родишь». Ну, в общем вот так вот, такое было детство. Вот справка.

Справка о реабилитации?

Это мне в Казахстане выдали. И еще вот такая – архивная. Архивная справка.

Баумбах Роберт?

Это братишка.

Ваш брат?

Да. В общем, по доброй воле там людей не было. Ну, новый район, кто туда ехал. Вот там жили на ферме, в дернах. Там озеро недалеко. Такое озерцо, ездили туда на быках, землю вырезали с корнями, вот с этого строили. Мать мне по плечо, так она нагибалась, чтобы зайти в эту конурку. Сверху солома, буран, зимой вровень с землей все, только труба

там торчит. А топили камышом. Рядом – озеро, очень хорошо косить камыш. Зимой – по льду. И вот все время у меня в детстве постоянно были занозы.

От камыша?

От камыша. Там другой топки не было. Ну, кизяк там собирали, вот кизяк. Это вот фото – когда строили памятник Ленину, вот только ноги у него. Ташкент, 1974 год.

А в каком году Вы в Ташкент попали?

В 1966 году. 26 апреля трянуло. Я служил на Каспии. Нас на самолет, и как десант. Короче, я ступил на землю там, с самолета, с аэропорта на машину, с палатками, со всем и прямо туда, Каракамыш. Там нас разгрузили, уже было вечером, легли на эти, на свои. На вещах так переспали, утром просыпаемся. Кто-то выкопал ямки там под столбы, и утром стали воды полные. Такое вот место.

Вы до армии проживали в Казахстане, в Кокчетавской области?

Да-да, там родился. Матери сказал, когда уезжал: «Я сюда больше не вернусь». Ну, плакала мать, даже это потом я и думал. Сказал как-то так. Так принято – если дал слово, не могу – вот такой, какой-то упрямый. И столько бед было от этого. Это вот я и работал, и еще занимался спортом. Это вот первенство профсоюзов (*показывает фото*), в Барнауле. В молодости я был. Это 1976 год.

Это борцы?

Да, самбо.

Вы по профессии строитель?

Строитель, да. Вот, гостиница «Узбекистан», Каракамыш 1-1. Потом демобилизовался, гостиницу вот эту «Узбекистан», по городу Ташкенту очень много объектов – телебашня, киноконцертный, памятник Амир Темуру, ну вот, постамент, вот это все – гранит, мрамор – этими делами занимался.

А скажите, Вас учили немецкому языку?

В детстве, ну как – мать. У нас вообще так получилось, что до 6 лет я говорил только по-немецки.

И в окружении были в основном немцы?

Не то что немцы. Ну, тетка пришла там, она с этого, с трудармии. Потом брат, ну, она сразу брата забрала себе. Мать, еще одна тетка там жила. Они же между собой все время по-немецки. И мать со мной по-немецки, и я по-немецки говорил. На улицу меня мать не выпускала, потому что она в 5 часов и чуть ли не до 12. Ферма не механизированная, лампа «летучая мышь», вот с этой лампой. Зимой задует, бригадир кричит: «Лида, вставай на работу». Пока она двери, а двери открывались вовнутрь. Дверь открываешь, а тут – стена. Стена снега. Вот она лопату или чего подаст. Вытащит мать, двери за собой закроет. Как она закрывала там – я не знаю. Потом я уже закрывал. Дверь всегда вот такое вот обледенение все. Ну, в общем это было – если сейчас вот так показать, даже самому страшно было бы. Хату из самана, это считалось идеально ровная, я увидел где-то в 1956 году, когда нас оттуда, началась эта целина. Приезжали это самое, стали распаивать, эти земли у колхоза отняли, организовывался совхоз. Нас перевезли в деревню, и вот тогда я только увидел первый раз из самана ровная стена.

А до этого Вы жили?

Ну вот – земляной пол, все...

Понятно, т.е. обстановка была...

Хлеб – горький, молоко – горькое, потому что химии, химизации сельского хозяйства не было. Началось оно у нас после 1960 года. А до этого вот взошла пшеница, польнь обгоняет, корова ест вот эту солому, и молоко горькое. И косят вот этот хлеб. Молоди даже вот это – палка в потолке, с этим – с гвоздем, и два камня, из серого гранита, как бублики, внутри такая дырка, туда вот так рукой засыпаешь зерно и мелешь.

Ручные жернова?

Да, ручные. Ну, постоянно на зубах скрипит вот это, камушки раздрабливаются, в общем – и горько, и с треском. Ну правда, никогда так люди не болели, как сейчас. Вот прыгнул куда-то в яму, ногу распорол, чистым солидолом мазал – и нигде ничего. Чуть снег сошел – босиком, и до самых заморозков босиком.

Зимы суровые?

Ну, зимы там были такие, что от дверей до фермы веревку натягивали, чтобы ходить. Чтобы не потеряться. Неделями, по две недели такой буран что ну... И дядька у меня работал на тракторе, трактор без кабины, ничего, один человек идет, такая жердь, на ней клок сена привязанный – и вот он идет и показывает дорогу. А когда где-то дорога была, проехала там – даже человек прошел, даже волк прошел – все выдувает, выдувает это снег, а вот эти следы остаются. Вот впереди человек идет – указывает дорогу. Дядька на тракторе вот этом ехал, сани значит большие, там сзади будка такая, печка топится, там мужики в карты играют – за сеном едут. А дядька все время за трактором вот этим. Ну, в общем вот так тоже потерял здоровье. Заболел, что-то у него там с мочекаменной болезнью. Ну, словом железо. Одеться то... Мать рассказывала – когда коров доили, обуться нечего было. Вот телячью шкуру так завернули, вот так вот. Потом – голод. Голод такой был, корова родила мертвого теленка, где-то там за фермой его выбросили, они ночью, люди такие голодные были, что пока темно, в темноте они его раз-раз что-то там поварили, ну это там – вот такое было. Там где сейчас миллионы, кажется, пудов зерна добывают – в то время был такой голод, что...

А колхоз, до того, как началась целина, колхоз там уже был?

Колхоз, там где село, там, значит, поля обрабатывали, а здесь, сюда, значит, лошадей табуны... Баранов, значит, а там на ферме крупный рогатый скот. И лошадей, значит, там пасли. Ну как, тебеневка называется, лошадь из-под снега добывает себе корм. Ну, в общем волки заглядывали в окна. Вот там казахи сидят где-то там, чаи гоняют, в карты режутся, такая солнечная зима, солнце такое не очень яркое, а тут волки гоняют табун лошадей. Смотришь – бежит лошадь, все здесь висит окровавленное, все на снегу кровь. Потом значит они очухаются, на лошадей, и давай гонять – я наблюдал это сколько раз. Догоняют волка, арканом раз, по очереди гоняют его по кругу... Ну, такое было детство... Трудовая деятельность началась где-то наверное в 12 лет. Двоюродный брат пас коров, колхозных коров, больших коров. Ну, а что будешь баклуши бить летом, давай, идем, будешь телят пасти. 120 голов телят, такие – годичные. А место такое. У нас там ни кустика, а здесь вот где пасли – там такие рощи. И вот телята – это не то что коровы, ну как это, также как человек – юные и уже в преклонном возрасте. Короче, вот они разбегались, там где-то потерялся, а тут еще такие совхозы, мужики профессионалы на это дело, к ним попал – это все равно что в яму, все. Нет, все говорит езжай домой, а то мать последней скотины лишится за долги, отведет на ферму. А так вообще с 14 лет начал работать. Училище механизации вот заканчивал, на тракторе. Как в армию – отремонтировал трактор, поставил в «линейку готовности». 20-го поставил в «линейку готовности», 24-го – на машину, уже 32 градуса мороза было у нас там. 24-го ноября 1965 года.

24-го ноября 1965 года Вас призвали в армию, и Вы попали тоже в Казахстан, на Мангышлак?

Туда приехали, там в трусах в футбол играют, климат. Море рядом.

А вот во время войны Ваши родственники были в трудовой армии?

Да, все были в трудармии.

А вот поселение, в котором Вы жили оно по национальному составу было?...

Короче там поляки были. Поляков вот в 1936 году, ну кого немножко позже. Ну, в основном все организовывалось в 1936-ом. Потом выслали еще, не только в 1936-ом. Потом, по-моему, даже до 1955-го, 1956-го года туда еще и еще присылали людей. Ну, там например отца, отец служил в царской армии. А другой армии не было. Кто-то там, соседи

или кто-то ну на кого-то может косо глянул или не поздоровался, написали. А тогда же было это дело – стучать. Ну кто-то там написал, что вот он служил царю. Все, его раз...

Он участник первой мировой войны?

Нет, он не участник. А может и участник – я даже толком не знаю. По возрасту...

Подходит. В 1914 году ему 21 год был. То есть Вы точно...

Этого я точно не знаю – был он на войне или нет. Но я знаю, что в армии был.

А значит во время второй мировой войны никто из родственников не воевал?

Нет-нет, какое там, в армию стали брать только после 1957-го или 1958-го года. наших людей – ни поляков, ни немцев – даже в армию не брали.

При Сталине не брали?

Нет-нет. Местность была не паспорттирована. У нас паспортов ни у кого не было. Чтобы вырваться куда, как говорится на свободу – только армия. Вот почему я матери и сказал: «Если я в армию уйду – я сюда больше не вернусь.»

А в комендатуре отмечались?

Вот, до 1956 года. Я даже помню это. Хорошо помню, мы ходили это, в комендатуру. Я очень даже хорошо это помню.

Раз в неделю?

Да-да. Из села, значит там в другом селе жила материна родственница – и туда мы не могли, только с разрешения.

Даже в соседнее село?

Да-да, не могли, никакого перемещения. Когда я родился, даже мать не могла поехать, была привязана к ферме. Не могла никуда оторваться. Я родился 14 марта, а меня записали 25 марта.

И у Вас один младший брат? Он остался там, в Казахстане.

Ну да, но сейчас уже никого нет. Они все в Германии. 2 брата и 2 сестры, они все в Германии.

А Вы как во время службы в армии попали в Ташкент, так тут и остались?

Строил, в стройбате служил. Вообще вот этот Каракамыш – это Навоийское управление строительства. Это как «почтовый ящик» что ли там. Министерство в Москве там среднего специального машиностроения. Среднего машиностроения. Министр был тогда там генерал-лейтенант Славский. Вот гостиницу строили, целый месяц там мели-гребли грязь, все, дорожки присыпали глиной значит, щиты вот эти поставили. Ну и пришла с ним толпа туда-сюда, и он промазал что-то вместо щита на эту глину наступил, а под ней грязь, набрал грязь в тувель, и все, там это вытряхнули, вымыли все, он развернулся, и даже на гостиницу не пришел.

Наверное, Вы смутно помните период, когда умер Сталин?

Нет, как раз вот эта фотография – 1953 года.

А, вот где Вы с классом?

Нет, со школой. Я один был в первом классе.

А, то есть это вообще вся школа?

Да. Там с 1935 года, вот такие были. Вот, сестра у меня там двоюродная, 1938 года, сейчас в Германии. Ну, в общем короче, когда Сталин умер, мы почему то кричали все «Ура!».

То есть Вы были детьми, но уже осознавали?

Осознавали... Я до 6 лет говорил только по-немецки. Все время закрытый, даже и одеться-то ничего не было, ни обуться... Летом-то босиком, а зимой... Мать придет, свои сапоги – тогда же ей давали сапоги, она же не в чунях этих ходила, она поставит их там, посушит возле печки. Мать заснула – я раз, и на улицу. Вот такое было детство.

То есть когда Вы пошли в школу, Вы только потом начали по-русски говорить? Общий язык – украинский, не русский.

А, украинский?

Ну, в основном же все были с Украины. Поляки с Украины. Ну, там такие тоже, смешанные были браки. Украинцы с поляками там. Общий украинский язык был, даже одна семья жила казахов, и казахи тоже по-украински говорили.

Понятно-понятно.

А обучение в школе было на русском. Хотя это давалось, конечно, не очень-то легко. Если говоришь на одном языке, а учиться на другом. Это тяжело было, конечно. И вот я говорю, что я до 6 лет только, а потом я на улицу стал выходить, там у одного, значит, отец на фронте пропал, и он постоянно меня колотил. Он на 6 лет старше меня. «Ах ты, фашист, туда-сюда!». Вот так это постоянно было. Присутствовало вот это. Такая обида была, так. Из-за этого я и потерял вот это свидетельство о рождении. «У меня отец такой же, как и ты, такой же национальности, как и ты!». Ну, в общем короче...

То есть он был поляк?

Да. И так получилось, что тот, который так относился ко мне, сейчас он живет в Германии, а я живу здесь. Вот так.

То есть он будучи поляком, живет в Германии? У него, наверное, супруга немка?

Может быть. Я точно даже не знаю. Они тоже остались с сестрой сиротами, отца на фронте, он где-то с Польши по-моему попал на войну, потом мать умерла, остались сиротами.

Да, вот такие судьбы...

Судьбы... Сейчас уже кажется нашим детям. Ну, что я хочу сказать, наши люди менее образованные. Вот я в 12 лет уже все бросил, я же должен был матери помогать. Мать уже болела, а еще там братья-сестры, надо было помогать... Так что обучения никакого.

Ну, Вы говорили, что потом на механизатора учились?

Ну да, я пошел в училище, закончил училище, работал на тракторе. У нас там в районе, рядом село. МТС когда-то было. МТС разогнали, на этом месте училище механизации сделали.

Там готовили механизаторов?

Да-да, там готовили механизаторов.

Вы до армии работали механизатором?

Да-да.

Понятно. А значит документы стали выдавать только после 1956-1957 года?

Нет, паспорт, паспорт получил я первый – после армии.

То есть до армии...

Нет, ничего не было.

То есть значит, даже когда Вас в армию призывали в 1965 году у Вас еще не было паспорта?

Свидетельство о рождении. Только. Но у меня и его не было. Вообще никакой бумажки не было. Вот так со слов меня записали.

Первый документ, который Вы получили – это военный билет?

Да. Военный билет.

Это Ваш первый документ?

Да, первый. Прислали повторно. Ну, туда же запрос делали, в район. Ну, оттуда пришло свидетельство о рождении. Ну, Виктор, все знают. Мать всю жизнь звала. И тут

приходит – Викентий. Ну я думаю, что-то. У меня уже дочка родилась, старшая, та была Викторевна.

То есть в документах у нее было записано?

Викторевна. И тут приходит вот это. Надо ехать разбираться. Поехал в Казахстан. Там казашка достала мне такой «гроссбух», пыль стряхнула. Вот говорит записано – отец своей рукой записал Викентий. Ну я думаю – а что делать? Спрашиваю: «Что делать?». Знаете, это в суд надо, говорят. Это, значит, такая волокита. Я говорю – ну ладно. Раз отец так записал – пускай так и будет. Ну, я все документы переделал на Викентий. Мне все равно, конечно – кем меня там. Ну, на работе конечно. В документах Викентий, а так спроси кто такой Викентий – никто не скажет.

Вас все знают как Виктора?

Ну да.

Викентий тоже красивое имя.

Просто редкое, старое. Как и у отца. Отца не Мартын звали.

Мартин?

Мартин.

Я тоже так подумал, когда услышал.

Да, просто записали Мартын.

Ну, писарь какой-нибудь в сельской управе.

Ну, у меня мать была написана Яковлевна. Я говорю – не Яковлевна, а Егоровна. А мне: «Ну какая тебе разница?».

Ну да, наверное, по-немецки если, то Георг? Егор – это уже русифицировано?

Ну, как звали не Егор, а Ганч. Это мать, тетку звали его Ганч. И Конрад еще был от одной тетки. Она умерла 1 мая. 96 лет ей было.

Там в Казахстане умерла? 1 мая вот этого года?

Да-да. Вот она и в трудармии была, 2 года в тюрьме была. Пронесла где-то там промеж ног мешочек зерна, знаете – на лошадях объездчики догнали, излупили кнутами, и еще посадили ее.

Это уже после войны?

По-моему, во время войны. Или до войны. Ее посадили значит, а он где-то в приюте там был. Потому что от наших родственников далеко вот это было. В другой области что ли. Где-то в приюте он там. Слеп даже. Вот так слепой 59 лет прожил. В 1991 году, 1932 года сам, в 1991 году умер.

А тетя, которая скончалась, она в Германии скончалась?

Нет-нет, она узнала что, когда сестра последняя уезжала, у нее документы уже были все, она в последний момент уперлась и все. Кто-то там ей сказал, что в Германии когда человек умирает, его сжигают. Так это или не так – я не знаю, но короче...

Это как родственники решат...

Да, это по желанию. И короче она уперлась – и все. Не поеду – и все. И забрала ее к себе двоюродная сестра. И она у нее уже умерла.

То есть получается, что какие-то родственники в Казахстане еще есть?

Да, это двоюродные еще есть. Сестра – Лина, и еще три сестры. Четыре сестры там короче, двоюродные. Там у них мужики позапивали. Куда, говорит, я поеду с таким алкашом? Что сделаешь? Да, такая жизнь...

Тем более Европа... Где надо работать...

Да. Но работать оно везде нужно... Тут у нас, как говорится, алкаши, а там людей лечат. Там на это отпускаются деньги. Не как говорится... Под забором там никого нету как у нас. Там именно, это же болезнь. Людей лечат.

А сейчас Вы на пенсии?

Я сейчас на пенсии, да.

У Вас дети, внуки?

2 дочери у меня. Одна вот должна скоро родить. Старшей внучке уже 20 лет.

Совсем большая.

Да. В общем, все нормально. Дома правда затеял ремонт. Хожу на лечение.

Ну, Вы профессиональный строитель, Вам, наверное, легче...

До 2003 года здоровья было немерено. А потом сорвал спину вот тут на костеле...

А Вы как уехали в армию и потом туда не возвращались?

Каждый год туда ездили. Я никуда никогда, никаких санаториев, Пятигорск. Мне никто и не предлагал, и не просил. Я туда ездил. Ну как никак...

В отпуск?

Каждый год, с семьей. В отпуск. Это я говорю – такое время было, ну зарплата, конечно, небольшая, но на ту зарплату каждый год можно было поехать.

А Ваша мама – она сколько прожила?

Мать прожила... В 1993 году умерла. Там у нее целый набор. И бруцеллез, сидишь там. Коров доить – пальцы, и все. Даже фотографии есть, пальцы все перекрученные. На холоде же постоянно. Не то что там где-то. Это же коров надо. 30 коров. Это надо их почистить. Вот сейчас я говорю – я о молоке знаю то, что... Жена чего там возникает на эту тему, я говорю: «Татьяна!». Я что, у меня мать как говорится доярка. Ты представляешь, что это такое – отец завфермой, а мать доярка. Тетя, даже вот этот слепой, рядом маслозавод был, где делали масло, сыр, козеин делали. Знаете что это такое?

Да, белок молочный.

Это из козеина даже пуговицы делали. Ну в общем, постоянно там. И родственники там работали на этом заводе. Этот запах, все это я там знаю. Когда я беру молоко на пробу – я сразу определяю. Как это корова, не только там качество, жирность, а кто этих коров доит. Так вот мать даже из дома носила вот горячую воду в ведре, приносила, чтобы вымя помыть. Это так должно быть. Обязательно. Если молоко с навозом там, корова как говорится вся в навозе, то сюда падает этот навоз в ведро, то потом это молоко невозможно пить. Так что за это, за этим контроль был, следили. Ну еще от совести как говорится. Как человек. Дети даже приходили, чистили все, постоянно, убирались. И когда идет отел – мать даже ночевала, и я с ней. Это где-то март, февраль-март, в эти месяца.

То есть Вы приобщались именно в самом раннем возрасте?...

Да, именно. К животноводству. Да, были такие года, когда кормов нету. Корова упала, и все. Если она упала от бессилия, то уже не подынешь. Вот мать даже выдерживала с крыши вот эту солому. Носила туда. Вот такое было.

А потом, если например коровы умирали, то их резали на мясо?

Нет-нет, ну, когда умирали, их там отвозили, как это называется, могильник, скотомогильник. Я говорю – это только во время войны было такое...

Когда ели мертвых животных...

Приходилось. Это было ужасное время. Это ужасное время. Я говорю, я даже своим детям рассказываю. Они – папа ты чего... Ну так, кому-нибудь скажу... Ты где, когда... Ни хрена, ты что? Тебе что, 100 лет что ли? Ну не 100 лет, но я видел вот это. Что-то видел, что-то слышал... От матери, елки-палки. Я же не где-то что-то сочиняю. Ну было, если оно было такое. Куда ты от этого денешься. Не дай Бог, чтобы, конечно, вот это... Ну я в детстве, например, постоянно голодный был, постоянно голодный.

Это ощущение голода оно было постоянным?

Постоянным. Это уже более-менее стали жить где-то так в 1958, 1959-ом... Потом тоже опять вот эти 1962, 1963, неурожайный год, потом еще вот это хрущевские кампании. Вот Хрущев, как бы не было, Хрущева видел, к нам приезжал.

Вы видели Хрущева?

Лично видел Хрущева, он на целину приезжал. Приехал с целым эскортом, нагнали там НКВДешников, все. А у нас так было: хлеба нет, зарплаты не дают целинникам. Целинники чего там – Берия повыпустил «комсомольцев», мы днем боялись выйти на улицу даже. Там охотились на милиционеров, охотились как на кроликов. Ужас был! Такое было!.. Потом как нагнали этих, «краснопогонников»... Хрущев приезжал, все. Автолавка приехала, товары там позакидали там. Зарплату не давали, вместо зарплаты давали вот такие «портянки», облигации. Внутренние займы, или как их. На 20, на 30 лет – вместо зарплаты.

Понятно.

У матери маленький сундучок такой. Там спички, мыло и сахар.

НЗ?

Сахар такой не рафинад, а комковой, аж синевой отдавал. Мать на ключ запирала. Открою там, каждому отколю по кусочку, опять закрою. Ну, мать-то видела, а что делать, если хочется. А мать еще приносила, это, свеклу. Привозили к нам свеклу отсюда из деревни туда на ферму, скот подкармливать, сахарную свеклу. Кормовая свекла – она такая здоровенная, а это такая небольшая вот. И вот она принесет, вот мы сварим в чугунке, это был тот же самый сахар. А так – копали корешки, вот когда летом – корень солодки. Витаминов можно сказать что никаких, ничего не росло, лето холодное. Ну, бывало как – бывало и жаркое. И короткое лето. Например, кукуруза не вызревала, подсолнух сажали, уже потом, в деревне, когда подсолнух уже снег выпадал когда, его начинали косить, это подсолнух. Короткое лето, очень короткое. Ну, казахи куда табуны свои куда гоняли, там они вот жили. А там в основном люди там я говорю туда сосланные люди все. Переселенцы, спецпереселенцы. Это уже потом, уже к этим родственники оттуда приезжали сюда, там где-то если что-то было плохо или что. Ну, приезжали там, кто оставался, год-два пожил и уезжал опять назад. А так вот людей оттудова, когда кончилась война, потом это как говорится реабилитация. Люди туда ездили, даже с материной деревни. Село такое ... называлось. Ну, в нашем доме, как говорится, уже люди жили, ну что, ну куда возвращаться. Там все, и скот, ну все – упряжь, телеги, все-все, как людей выдернули оттуда. Все-все имущество...

Фактически без ничего...

Все-все. Вот в чем стояли так и... Ну короче месяц возили. Бабушка рассказывала, это мать рассказывала. Бабушка взяла с собой мешок гороха, как-то заливали этот горох кипятком, где-то чего-то на станциях, остановка бывала, значит давали кипятком, ну какую-то может баланду давали, так она это не рассказывала... То, что тифом заболели, такая скученность... Двое детей умерло. Один 1939 года рождения, а одному было, по-моему, полгода, или 8 месяцев, вот так поумирали.

Вам большое спасибо, Викентий Мартынович, Вы очень помогли.

Ну, я рассказал то, что есть. То, как оно было. У меня память, как говорится, отличная.

От себя лично и от имени участников всего нашего проекта я хочу выразить Вам свою благодарность за то, что Вы согласились принять участие в этом. И что сегодняшний день разительно отличается от того, что Вам пришлось пережить!

Конечно. Дай Бог, чтобы нашим потомкам не пришлось пережить!

.....
Петри Фрида Емильевна, немка, 87 лет. Была депортирована с Ставропольской области, Ипатьевского района с.Золотаревка в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Костанай.

Здравствуйте, мы в гостях у Петри Фриды Емильевны.

Скажите, как затронула депортация Вас и Вашу семью? Сколько Вам лет было, когда это произошло? Где Вы жили до депортации?

Жили в Ставропольском крае, потом нас выслали, целый месяц мы сидели в районе, пока вагоны были, лежали там, потом через месяц нам вагоны дали, братишка был, ему 15 лет, а мне 17 лет, его в Караганду отправили, а меня сюда в Федоровский район, там мы на лесоповале были. Потом нас переправили сюда в Краснокамск, на лесоповал, деревья валили, корни отрубали, распиливали на 3 метра, 3 куба делали, в снегу по колено были.

Скажите, пожалуйста, депортировали всю Вашу семью?

Нет, маму тоже забрали, но ее отпустили, потому что братишка инвалид был, 5 лет ему было.

Нет, это в трудармии было, а вот когда Вы в селе были, богатое было село. Как Вы жили? До депортации Вы жили в Золотаревке, как Вы жили?

Ну, отец и мать, 4 брата и я.

Какое у вас было хозяйство?

Все – и коровы, и овечки, свиньи. А тут у нас уже ничего нет. И даже у нас хороший дом был кирпичный, потом успели выехать, евреи приехали, 3 семьи. Потом нас выслали в район, потом кого куда отправили. В Краснокамске там лесоповал, а потом переправили в Молотовскую область, там, на каменный карьер, щебень таскали, на баржах работали. Голодные были, на работу мы шли еле-еле, кожа да кости были, на ходу мы спали.

А вот накануне депортации, какие-то слухи были, кто-то уезжал заранее, были такие?

Не, русских у нас там не было.

Вы знали о том, что Вас будут депортировать?

Нет.

А как происходила депортация, как Вас выселяли?

Это как, раньше приехали всех стариков собрали, на черной машине, вот когда враг был Троцкий, отец умер, когда мне было 13 лет, мать оставили в Верховке тут. А нас с братиком забрали, он не знаю куда попал, а меня сюда в Кустанай привезли, на каменном карьере работали. В 1978 году ушла на пенсию.

В каком году Вас депортировали?

В 1939 году, и солдаты уже были, окошки занавешены были, и весь скот оставили, 30 км отъехали, коровы мычат, собаки лают. Прямо как чуяли что-то. Сказали, что приедем в поселок, оттуда нас отправят в трудармию.

Когда вас приехали забирать из Золотаревки, люди приезжали или что?

Никто не приезжал, забрали весь совхоз и все.

Какие-нибудь документы предъявляли?

Не помню.

А в каком состоянии оставлялось поселение, из которого Вас депортировали? Деревня Ваша какая была?

Я не помню, мы в поселке жили там, а тут у нас ничего, правда, председатель землянку дал. Мы там жили 3 семьи.

А когда Вас собрали в Ипатьевку, а потом с Ипатьевки как Вас отправили?

Поездом отправили, тревога была, поезд остановился и сели. Бомбили все время.

Когда Вас отправляли дали ли Вам время собраться? Вещи, скотину?

Нет, ничего с собой не взяли, в вагон посадили, потом выгрузили, море не помню, потом пароходом высадили, знаешь, как бомбили. Потом нас высадили и в том месте Краснокамске, там были тюремщики, а потом на другой день нас привезли. Потом мы в Краснокамске завод строили, и голод, и мороз был. Там ведь десятник был, сейчас прорабом называют, он такой вредный был. Потом идем в бараки греться, тут кусается, тут вши. В бараке жили 3 этажа, а я внизу, все вши на меня.

Как Вас кормили?

Крапивой, водичка. Нахлебались.

А в Казахстан Вас в вагонах привезли?

Да. Потом сюда, кто на машинах, кто на повозках. Едем и никто нас не принимает, январь месяц. Вот немцы приехали, потом нас в управление привезли, пришли посмотреть кто, что за люди, а эти люди в скиртах. Они ни поездов, ни машин ничего не видели. А мы пришли молодые, давай это все молотить хлеб, но председатель хороший был, он хоть нам проросшую пшеницу выписывал. Но все без соли было.

А куда Вас привезли?

Федоровка. Оттуда и забрали в трудармию.

А когда Вы ехали, из Ипатьевки в Казахстан? Сколько людей в вагонах было?

Ну, полно, товарный вагон, там варили, железные печки были, но нас трое было я, Федя и Ваня.

А Вам давали еду, когда Вы ехали в Казахстан?

Какой там еду, что-то мать прихватила, муку, лепешечки сделала. Капусту, что мы сейчас выбрасываем, жарили картошку.

А какие условия были, когда Вы ехали в поезде?

Да какие условия, никаких условий не было.

А кто-нибудь бежал по пути?

Нет, такого не было.

А остановки были какие-нибудь?

Нет.

А сколько Вы дней были в пути?

Не помню.

Когда Вы приехали в Федоровку зима была, а у Вас с собой теплая одежда была?

Было там немного. Знаешь, какие холода были.

Отличалась ли погода, природа от того места, где Вы жили? Ставропольского края?

Конечно, тут теплее стало.

Какие бытовые условия были в первое время? Где Вы жили?

Ну, так председатель землянку нам дал. Выписывал нам пшеницу. Его жена принесет нам молочка. Еще что-нибудь.

А вам возместили, что Вы потеряли скот, жилье?

Ничего, говорили все дадут там Вам и дом, ничего нам не вернули.

А какой национальности были местные жители, которые Вас встретили?

Русские.

Казахов не было?

Нет.

А как они Вас встретили?

Я же рассказывала, никто не хочет нас принимать. Потом одни нашлись, муж с женой, у них деревянный дом был, они нас пустили, они и хлеб пекли, кормили, помогали.

Потом уже пахали мы, сеяли, хлеб убирали, потом председатель, говорит, жалко, что Вас забирают, некому работать.

А где, куда Вы приехали, в Федоровку, там казахи были?

Нет.

А когда Вы с казахами встретились, в каком году?

Тут в Кустанайе.

А там казахов вообще не было?

Там как говорили киргизы были.

Ну, это же казахи?

Ну, были там.

Какие они Вам показались?

Нормально.

Была ли поддержка со стороны местных жителей?

Никто нам не помогал, только председатель.

Когда Вы приехали, как Вам показалось состояние местных жителей?

Нормально жили, только что темный народ был. Ни машины, ни тракторов, ничего не видели.

У вас были проблемы общения с казахами?

Нет.

А каков национальный состав был местных жителей?

Кацапы называли их, это русские.

Они себя так называли?

Они так говорили нам. Нормально жили, работали. Варили, только все без соли.

А вот когда Вы приехали там уже были насильственно переселенные?

С Украины были.

А как Вы с ними общались?

Нормально.

Потом Вас в трудармию забрали? Как Вы там, сколько времени там прожили?

Считай с 1941-1945 гг.

А какой у Вас статус был?

В 1948 году замуж вышла, мать хлопотала, насчет вызова в Федоровку. На поезд посадили, провожали нас в Кустанай. Отмечались, потом поехали к матери.

Мама Ваша где жила?

Тоже в Федоровке.

А Вы где жили?

Потом брат пришел, вызвал маму в Кустанай, он женился.

Какое было отношение местной администрации? Проверяли ли Вас?

Отметка была, раз в месяц. Отмечались у администрации.

А Вы переписывались со своими родственниками?

Нет, мы все вместе были тут.

Как было организовано управление в поселке?

Председатель у них местный был.

А среди немцев, много ли их перевезли сюда?

В нашей землянке 3 семьи жило.

А были там осведомители, стукачи?

Нет.

А как питались, как одевались?

Как питались, воровали (*смеется*). Когда в трудармии, картошку воровали, турнепс. Девчата пошли в погреб, и председатель их поймал на месте преступления, он всегда смеялся, отпустил всех. Другой раз копали картошку, а хозяин думал, что мы там лазаем, он как пустил лопатой, и мимо ушей, а так бы убил бы точно. Воровали и ели лук, масло. Кушать охота.

А долго Вы были в трудармии?

До 1955 года.

Война шла, какое было отношение к вам как к немцам?

По-всякому было. Вот если бы война была, хохлушка, я бы всех немцев расстреляла бы. По-всякому было, не хочу говорить.

Вам деньги платили?

Когда платили, когда и нет, что там одни копейки. В столовую идешь крапиву кушали. 600 грамм хлеба, мы на ходу спали.

Поменялось к Вам отношение после войны?

Нормально так. Работала на кирпичном заводе, потом дорстрой, и ушла на пенсию.

А вот сразу после войны к Вам отношение поменялось?

Конечно, лучше.

Что помогло Вам выжить в таких условиях, и трудармию Вы прошли.

Работали, сами себя.

Вас реабилитировали после смерти Сталина?

Да, мы как раз были в Краснокамске. 3 марта 1953 года.

А как Вы узнали о смерти Сталина?

Объявили, мы сразу узнали.

А что Вы чувствовали?

Плакали, мы не думали, что Сталин умер и нам станет легче.

О чем говорили люди?

Кто как говорил, тоже, сколько людей погибло. Тогда мы работали.

А как Вы узнали о реабилитации? Вы же на учете были?

Да, отмечались, потом отменили.

В каком году отменили?

Ой, не помню.

А как проходил процесс реабилитации? Оформления документов?

Я уже не помню.

дочка говорит: Справка о реабилитации, бегала везде, не долго. С конторы сказали, что можно справку оформлять. Забыла.

Когда Вы оформили, Вы получили лично документы о реабилитации?

Да, нам потом давали эти справки.

Когда Вы получили эти справки, стало ли Вам легче после них жить?

Легче немного.

Скажите, пожалуйста, если сейчас посмотреть, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было вначале?

Конечно, изменилось. Потом дед захотел свой дом, построили.

Что Вы ожидаете от властей, от общественности, от окружающих?

У нас все нормально.

Вот что бы хотели Вы рассказать о процессе депортации, как Вы пережили процесс, Ваши родные?

Ну, мать умерла, отец раньше умер, сейчас я одна осталась.

А брат Ваш, он куда был депортирован?

Он со мной был в трудармии. Он в Караганде был.

Вы не уехали никуда, здесь остались?

Жили в Чекалях, потом муж захотел сюда, к моим родителям.

Муж у Вас тоже был немец?

Нет, он хохол был.

Его тоже депортировали?

Да.

Вот смотря на свою жизнь...

Хорошего ничего нет. Так скажу прямо. Живем, кушать есть.

А что бы своим потомкам? Последующим поколениям?

Ну, чтоб такого не видели. Чтобы они жили, не голодовали. Я наголодовалась от и до. Как вспомню, никому не желаю.

А вот когда Вы ехали, вспомните много семей в вагонах.

Нормально, так. Там целый поселок был.

Вам даже не сказали, куда вы едете?

Нет, потом только когда приехали, за нами машина пришла, 3 семьи сели туда. И потом по поселкам, тот не принимает, и тот не принимает. Одни муж с женой, они нас забрали. Первое время голодовали. Была еда без соли, придешь, печка не топленная, смотришь, что там мама сварила. Кушать охота.

А в трудармию в 1941 забрали?

Да. С 1941 до 1955, потом нас отпустили. В каменном карьере. А у нас и русские, и украинцы.

А побег были из трудармии?

Нет, голодовали, умирали, сколько там девчат умерло, молодых. От голода. Чуть селедки, чуток хлеба.

А как Ваша мама жила в это время?

Ну что там, ягоды собирала, братик в 5 лет еле ходил. Плохо тоже.

А в каком году Вы с мужем познакомились, поженились?

В 1948 году, 19 сентября. До 1945 в трудармии, но потом нас не отпускали, только в 1955 году мама вызов сделала, тогда приехала.

Спасибо Вам!

.....
Гордиенко (Михаэлис) Ида Георгиевна, немка, 79 лет. Депортирована из Саратовской области, Комсомольского района, с. Дьяковка в 1942 году. Проживает в Казахстане, город Костанай.

Здравствуйте, мы сегодня в гостях у Иды Георгиевны.

Гордиенко Ида Георгиевна, 1931 года рождения 27 сентября.

Какая у Вас была девичья фамилия?

Михаэлис Ида Георгиевна.

Расскажите, пожалуйста, как депортация затронула Вас, Вашу семью? Сколько Вам лет было? Где Вы жили до этого?

До этого я жила там же, в Саратовской области. Мне было 11 лет, когда нас сюда депортировали. Было нас трое у мамы, папы не было, потому что его забрали в 1937 году,

Сталинская репрессия была. Вот. Депортировали нас сюда в Кустанай. Отсюда нас увезли в Мендыкаринский район, в поселок Михайловка, где мы и прожили до 1977 года. Это с 1941 года по 1977 год. В 1977 году мы переехали в город Кустанай.

Вы жили в Саратовской, у вас в селе жили в основном немцы?

Нет. Мы жили в русском селе. Это было русское село Дьяковка – русское село.

Расскажите, пожалуйста, как вы жили? Какой у вас дом был? Сколько человек депортировали? Рассказывайте.

Сколько депортировали, я не знаю, какое количество. Все село провожало до станции. Депортировали, нас очень много, потому что в этом селе проживало много немцев. С собой мы ничего не могли взять за 24 часа. Все оставили. Оставили свой домик скромный, оставили скотину. Ну, взяли только то, что самое такое необходимое, одежду там и продукты. Мы не знали даже на сколько дней будем ехать, куда мы будем ехать, мы об этом не знали. В Комсомольском районе, на станции, забыла. Там, значит, нас погрузили в товарники-поезда. Наш состав был 75 вагонов, и этим составом нас сюда доставили.

До начала депортации, пока вас депортировали, у вас была семья большая?

У нас было трое детей у мамы, с нами жила еще бабушка – папина мама.

Какое настроение было у людей до депортации? Вы знали, что вас будут депортировать?

Нет.

Как вы узнали? Какие-то документы принесли, люди пришли?

Объявили, что все немцы должны собраться за 24 часа и будут вывозить. Вот. Это все, что мы знали, больше мы ничего не знали. Это было за 24 часа решено.

До этого слухов никаких не было?

Абсолютно никаких слухов не было, знали только, что началась война и все, больше ничего мы не знали.

Ида Георгиевна, Вам, что с собой разрешили взять? Взяли что-то с собой?

С собой только взяли то, что мог каждый. Что мы могли взять, если мы были, мне было 11, сестре было 13, а старшей было 15 лет. Вот все и мама. Что мы могли взять? Ничего, абсолютно.

Бабушку тоже с вами депортировали?

Нет, бабушка она уехала к своим дочерям, там недалеко в поселке, в немецком поселке жила бабушка и она уехала со своими дочерьми, попала в Алтайский край.

Их тоже депортировали, да?

Тоже депортировали, конечно, всех. В Алтайском крае она жила с дочерью, потом дочь забрали в трудармию, осталась девочка. Вот она с девочкой была там. Она не дожила. В Алтайский край, когда привезли, приходилась беднота, приходилось кругом ходить, менять вещи какие там были, что-то, чтобы кормить хотя бы эту девочку. И так она умерла от..., какая-то язва была у нее.

Ида Георгиевна, когда вас депортировали, люди приехали, они вам документы показывали или что?

Ничего абсолютно. Я не помню. Может быть, что-то, да нет ничего. Так я все абсолютно знаю, ведь мне было уже 11 лет, я все-таки помню, что и как было. Ничего абсолютно, просто было объявление по радио и все.

Даже причины не называли?

Только оставляли тех, кто за русским замужем. Вот у меня двоюродная сестра, например, осталась, мужа забрали в армию, а ее там оставили, но впоследствии она все равно приехала сюда к родителям.

Скажите, пожалуйста, когда вас в товарники посадили на станции, вам сказали, куда вы едете?

Нет. Нет. Мы не знали, куда нас везут, куда мы поедem, куда мы попадем, абсолютно, нет. Вот, привезли в Кустанай, все. И распределили по районам, за нами приехали на подвозах, на лошадях. И посадили на подвозы, это был уже сентябрь. Это было уже прохладно, холодно. Мы поехали туда в Мендыкаринский район, в поселок Михайловка. Из Михайловки мама, значит, добилась, чтобы, т.е. Ивановки, мама добилась, чтобы доехать в Михайловку, потому что там была средняя школа. Нам нужно было в школу ходить. Она устроилась работать техничкой в МТС, а мы, значит, там уже ходили в школу. Там мы жили до 1977 года.

Ида Георгиевна, расскажите, вы ехали в вагонах, товарных вагонах ехали, да? Вас кормили, одежду вам давали? Вообще, как вы ехали?

Ехали так, у кого что было, так и ехали. Просто на полу, все в кучу сгребленные. Однажды ночью, это уже было, не знаю на какие сутки. Но однажды ночью был сильный крик, товарняк наш остановился, оказалось, что под рельсы положили бомбу. Поймали, говорят, мужа с женой – евреев. Это все потом устранили, нас повезли дальше. Это я хорошо помню.

Вообще, кто-то умирал по дороге, было такое?

Не помню. Такого я не помню.

Вас кормили чем-то?

Нет. Каждый сам, что с собой мог взять, вот это и кушали, не кормили нас.

Были остановки на станциях?

Может быть, по каким-то причинам железнодорожным остановки были, а так везли напрямую сюда.

Сколько вы ехали сюда, дней, недель? Долго вы ехали?

Наверное, все-таки дней 5, так вот ехали. Да, где-то дней 5 мы ехали.

Вы не знали, что вы едете в Казахстан?

Нет.

Вы когда приехали, вам сказали, что вы приехали в Кустанай?

Ну, да, тут уже объявили, что приехали в Кустанай. Ждите каждый, будут расформировывать по Кустанайской области. Ждите. Ну, и мы ждали. Вот они называют фамилии прямо, потому что у них-то были все. Нас на подводу и на лошадях повезли.

Вот вы жили в Саратовской области, когда приехали в Казахстан, климатические условия отличались?

Когда здесь была осень в Саратовской области еще теплее было, а здесь уже были морозы. Когда нас везли, то мы промерзали, мама нас одеялами накрывала, какие были.

Теплую одежду хоть дали?

Ну, всякие легкие летние одежды, потому что не знали же. Мы же не знали, куда едем. Вот так вот мы ехали. Конечно, это очень страшно все вспоминать и все это всегда больно до слез. Я не могу всегда. *(плачет)*

Ида Георгиевна, Вас привезли в Михайловку, какие у Вас были условия бытовые? Как Вас люди встретили, которые там жили?

Нас поселили, так как мама устроилась работать техничкой в МТС. Нас поселили к одним хозяевам. Это вообще земляночка. Она была МТСская. Там уже жила женщина с двумя детьми. Муж у нее тоже был на фронте. Нас поселили к ним тоже четверых. Вот, мы семь человек, даже восемь жили там, в этой землянке, а потом, когда уже вернулся муж ее с войны, они уехали, а мы еще жили здесь, потому что, ну, не было у нас средств, чтобы купить что-то. Это уже позже было, тогда мы купили себе земляночку тоже, жили же в своем уголке.

Это в каком году вы купили?

Я не могу вам припомнить, нет.

Какой национальности были местные жители?

В основном, русские были, и казахи были. Сказать, что кто-то обижал, нет, не было. Только детвора, детвора, конечно, и фашистами называли, и предатели, что могли. Это детвора, а так, в основном, население взрослое не притесняли. У нас рядом жили казахи. Когда в этой в МТСской землянке, напротив жили казахи. Мы с их детьми игрались все вместе. Не обижали нас.

Как вы с ними изъяснялись? На каком они языке говорили?

На русском, потому что Михайловка – это в большинстве русский поселок. Там жили казахи, но не так много, на русском языке. Мы учились в школе тоже на русском языке, среди русских жили, так что мы понимали.

Были в этом селе Михайловке еще какие-то депортированные?

Нет, почему, еще были.

Много было?

Да, конечно. Вот, две мамыны сестры были, одна в поселке Степановке их оставили, там у нее сын был бухгалтер, его сразу взяли в колхоз. Мы и сестра мамина, тетя, вернее, здесь были и много других немцев, которые были из Саратовской области и были немцы с Украины.

Т.е. много было?

Да, было. Потом, кто куда разъехался. Потом все эти годы жили же под комендатурой.

Расскажите об этом, какой у вас статус был, какой режим был?

Нас поставили сразу на учет в комендатуру. Мы не должны были без разрешения куда-то уезжать. Даже через 5 километров жила тетя, мы не имели права без разрешения туда к ней. Все это было. Я поступила учиться, кончила, когда школу закончила, поступила учиться сюда в педучилище Кустанайское заочно. Не было материальных условий, чтобы очно, я заочно поступила. Каждый раз это было, знаете, целое искушение, потому что выезжать, надо мне заявление писать в комендатуру, чтобы мне разрешили выехать. С выездом затягивалось иногда. Ну, естественно, плачешь. Хочешь что-то получить. Потом приезжали сюда. Вот здесь на этом месте, где мы сейчас живем, здесь была, вообще, ложбина такая, а за ней, где вокзал, там была комендатура. И вот мы с педучилища идешь в комендатуру туда отмечаться, что я до такого числа нахожусь здесь. Когда уезжаю, я тоже должна сняться с учета и уезжать домой. Вот так было тяжело. И так продолжалось, когда я и закончила учительский институт, уже потом поступила в учительский и только когда комендатуру сняли, тогда только мы могли свободно ездить. Было это очень трудно. Это очень обидно. Слезы проливали. Все было. Тем не менее, все-таки смогли получить образование. *(плачет)*

Ида Георгиевна, конечно, воспоминания не очень приятные, я понимаю, «Во имя будущего» называется проект. Нам нужно знать, чтобы это не забывалось, не повторилось, нам это знать нужно, поэтому вы уж извините.

Да, ничего. Я все понимаю.

Скажите, пожалуйста, вас во время войны депортировали, как вы питались, как вы жили? Как относилось руководство? Председатель колхоза там был? Как к вам относились, к вашей маме? Как оплачивалась ее работа?

Ну, мама когда устроилась работать, ей оплачивали, небольшие ставили трудовни, палочки просто, потом стали оплачивать деньгами, но небольшие были деньги. Мама смогла нас воспитать только тем, что она была портнихой, она начала шить. Когда она показала себя, что она хорошая портниха. Ей стали приносить заказы, она днем, значит, на работе, а ночью она сидела шила. Нас кормила. 16 лет исполнилось моей старшей сестре, ее забрали в трудовую армию в Пермскую область. Прямо из школы забрали ее, с 9 класса ее забрали в трудовую армию. Так она там была до конца войны, а потом уже в конце войны она

познакомилась с одним, вышла замуж. Все годы жила все годы в Талдыкоргане, а потом переехали в Алматы, и жили в Алматы, а потом уже уехали в Германию. Ну, это было уже, она давно уехала туда с мужем. Они оба, и он был немец, и они уехали туда. О питании. Какое было питание? Питание было, я вам скажу, знаете, я только вчера сидела и внучке рассказывала. Она сидит и плачет, и я плачу. Нечего было кушать, пока мама не начала работать. Шила за что? Сошьет кому-то, кто-то даст пригоршню пшенички, кто-то даст литр молока, кто-то даст там чашечку муки. Вот так вот выживали, но были времена, когда вообще нечего было кушать. Это первые годы. Дважды так было. Она напарит травы лебеды и там кто-то дал ей отрубей, но есть не могли. Я однажды очень сильно отравилась зеленью, ягодами. Пошли первые ягоды, я наелась и у меня получилось большое отравление, но спасибо у нас в соседях жила полячка с мужем, уже пожилые люди. Она пришла: ой, она ведь помрет, подождите. Побежала домой, принесла соды пищевой. Меня напоили, у меня начались сильные рвоты. Эти рвоты, когда уже прошли, и все. Больше мама не стала траву, соли не было, ничего не было, ничего абсолютно. Голод просто, голодные. Осенью мы в первые годы ходили и собирали картофель мерзлый на огородах у людей. Кто-то разрешал собирать, а кто-то не разрешал. Были и такие. Потом когда начали уже уборку картофеля осенью, мы, старшую забрали, а с младшей, со своей средней сестрой и я, вдвоем ходили, помогали людям копать картофель. Нам за это давали картошку, платили. Ходили полоть, они уже оплачивали. Кто как, знаете. Как люди все, кто-то оплатит хорошо, а кто-то только за то, что покормит за целый день. Вот так вот ходили и зарабатывали. Когда учились уже в школе, то тут приходилось очень многое делать. Мы заготавливали дрова. Мы заготавливали торф, у нас было там такое торфяное болото в Михайловке. Заготавливали торф. Ходили собирать колоски, сидим на уроках, а после уроков идем на ток работать, молотить хлеб, молотили, сортировали веялки ручные. Этим сортировали, перелопачивали, одним словом, делали всякую работу. Нас, как, теперь зачислили в труженики, дети тыла шестимесячники. Почему они так называются, я не знаю. Это уже второй раз так, на 65 лет Победы дали медали нам. Там есть по 10 тысяч это детям тыла. Так проходило детство. Мы его не видели этого детства. Молодости так вышло, тоже почти не видели его. Только зажили тогда, когда я вышла замуж. Сестра вышла, я вышла замуж, познакомились мы с ним в школе уже. Он тоже учитель. Мы с ним познакомились там, я работала, в соседнем селе вела, в Архиповке. Там я вела географию и немецкий язык, а он математик. Там познакомились, женились, уже прожили 51 год вместе.

Ида Георгиевна, поменялось ли к вам отношение? Вас дети называли фашистами?

Нет. Конечно, изменилось. Все потом изменилось после войны. После войны, конечно, все изменилось. Уже стали, во-первых, литература пошла. Стали говорить, кто такой Гитлер, что это не имеет никакого отношения к немцам, потому что мы воспитывались, жили все время в русском селе, хотя рядом были немцы Поволжья. Область была такая. Там немцы, сплошные немцы жили. Мы-то жили все время здесь, в этом селе. Вообще, отношения изменились, когда я работать начала учителем. У меня был очень хороший директор, царство ему небесное, был отличный учитель и я начала работать, училась еще заочно, а он мне дал, значит, класс начальный – второй класс. Я работала, потом когда окончила институт, я в старших классах стала работать. Работала добросовестно, получила значок «Отличник просвещения Казахской ССР», очень много у меня значков, грамот, ну, одним словом, проработала 50 лет в школе и ушла, проводили меня заслуженно. Что заслужила за свои годы, так и получилось. 25 лет я отработала в Михайловке учителем и 25 лет в Кустанае.

Ида Георгиевна, расскажите, пожалуйста, события, которые происходили, как Вы узнали о смерти Сталина, что было? Какие-то слухи были?

Нет.

Какая реакция была у людей?

Никакой реакции у нас не было. Чья эта инициатива была, кто проявил такую инициативу выселить немцев, потому что наших ребят немцев забирали в армию. У меня два брата сразу погибли под Харьковом, двоюродные. У меня родных не было. Двоюродных братьев забрали, они под Харьковом погибли. Других парней тоже забирали. Мы ничего не знали, даже когда Сталин умер. Мы дома даже плакали, маме принесли, чтобы она к знамени пришила черную ленту, как положено. Она даже сидела и плакала. Говорит: такой человек, вождь великий. Это мы все узнали уже после из литературы, когда появилось, что было такое время, что забирали всех подряд почти, еще до войны забирали ведь. 1937 год был основной, когда забирали всех ведущих рабочих. Папа у меня был тоже грамотный, он работал в последнее время заведующим нефтебазы. Мама тоже, у нее специальность – портнихи, она тоже закончила четыре класса. Она мне, когда я в школе училась, помогала задачи решать и все.

Расскажите, пожалуйста, как реабилитация была?

Реабилитация как была, когда...

Как узнали о реабилитации?

Когда сняли с нас всю комендатуру, уже нас начали считать реабилитированными. Вот. Начали считать реабилитированными.

Вам как-то объявили, что снимается комендатура?

Да, нет, нам объявили это. Дали даже документ. Это уже здесь в Кустанае давали. Давали документы, ни когда мы переехали, а до этого оттуда приезжали. Там был документ, откуда был реабилитирован, где проживали, все прочее. Это прокуратура давала нам, книжечки давали специальные. Даже одно время были льготы, мы ездили бесплатно на автобусах, только это, что бесплатно на автобусах ездили по этим книжечкам, как реабилитированные.

В каком году это было?

Если бы я знала, я бы подготовилась.

Не помните, да?

Нет, не помню. Знаете, где-то в 1955 году, вот так вот, где-то.

Скажите, пожалуйста, долго шел процесс оформления документов?

Нет. Это не долго шел процесс. Поедут в Кустанай, получали эти документы. Не долгий был процесс.

Благодаря чему вы в таких условиях выжили? Ваша семья, Вы?

Я считаю, мамины ручки нас выкормили. То, что она делала. Мы выжили из-за этого, еще то, что мы с сестрой считали лет 5, наверное, ходили работать. Нас специально приглашали, люди уже знали, как мы работаем. Мы ходили работали, у нас уже было что-то. День поработаешь, кто даст два ведра картошки, три даст ведра картошки. Это уже было большое подспорье. Поддержки, конечно, сказать, со стороны у нас никакой не было. Не было никакой поддержки. Когда уже начали мы работать, то, естественно, конечно, уже были деньги. Иногда, правда, что я хочу сказать, когда мы жили, в Михайловку привезли нас. Уже ничего у нас не было. Я вообще, даже не представляю, как мы доехали сюда и как мы питались, потому что, что можно взять, допустим, на 5-6 дней с собой. Бегали, играли с девчонками, казачата вокруг нас жили. Так они лепешки все пекли, отломят лепешку. Вот. Мы всегда, не то, что съешь кусочек, а кусочек маме несем. Вот. Кто-то конфетку даст, кусочек маме несем. *(плачет)*

Изменилось ли у Вас сейчас отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в начале, в первые годы? Я вижу Ваши слезы. Как Вы сейчас со своего возраста такого на процесс депортации?

Я считаю, что он был неправильный. Зачем надо было выселять: во-первых, германец туда не подходил близко к Саратову, мы не слышали никаких ни взрывов, ни гула.

Молодежь забирали, зачем нас выселять. Не за чем было. Мы как жили на своей земле, кто пошел, кто знал этого Гитлера. Будь он трижды проклят. *(плачет)* Очевидно, у них такая была политика.

Ида Георгиевна, сейчас Вы столько пережили, у Вас внуки есть да?

Конечно. Двое работают, одна заканчивает 11 класс.

Что бы Вы пожелали не только своим внукам, вообще поколению?

Я бы всем пожелала только мира, добра, самочувствия людского, чтобы друг друга уважали, чтобы не было никакого разъединения, чтобы все жили в дружбе, чтобы все нации жили в дружбе, чтобы не было таких заворух, как в Киргизстане случилось. Одним словом, что плохое время, плохие времена. Мы своим детям, всему народу не желаем, но надо сказать все-таки еще и то, что может быть даже хорошо, что попали в Казахстан. Другие попадали в другие места, в другие края. Многие умирали, а мы все-таки хоть как-то выжили, все равно. Потом ждали, нам и землю давали, сажали свой огород, тут уже все пошло совсем иначе. Может быть, даже и лучше. Бабушка если жила с нами, мы уже это сколько раз вспоминали, то она была бы жива не сейчас, потому что у меня уже мама умерла в 1995 году. Все равно было бы легче как-то. Там жила еще одна тетя моя, жили двоюродные сестры, они все потом переехали к нам в Михайловку из Алтайского края.

Как им там жилось?

Голодали. Бабушка умерла. Может быть, от голода умерла. Ходила за 100 километров пешком на несколько дней, ходила менять товары, чтобы подработать, чтобы принести что-то, внуку кормить чем-то. Кто его знает? Плохо там, очень плохо было.

В каком году они к вам переехали?

Не могу вспомнить, точно не могу вспомнить. Да, да, они переехали к нам.

Вы сказали, что Вы остались в Казахстане, Ваша сестра уехала в Германию, причины может какие-то были, почему Вы остались в Казахстане?

Почему я осталась, во-первых, у меня тяги к Германии абсолютно не было. Средняя сестра она тоже не собиралась, она только всего живет пятый год там. Дети потянулись, мужья немцы, они потянулись туда, ну, а куда матери деваться. Матери над чем мы поедем? Ну, я получала бы пенсию, скажем, там социалку давали бы. А чтобы тоже ехать. Мы же не поехали. Муж русский, дочь за русским, сын на русской женат. Я пенсию получаю сейчас неплохую, муж получает тоже неплохую пенсию. Нам достаточно, хватает, а там чтобы он получал. Увезти мне его отсюда, там на социалку посадить, это равносильно тому, что мы жили бы на одной зарплате. Не было такого вообще стремления. Мама с нами осталась, с нами жила. Она могла бы с любой дочерью уехать, но не поехала, осталась тоже с нами, поэтому я не сожалею. Звонят они мне очень часто. То одна позвонит сестра, то другая. Каждую неделю звонят они. Видите, они уже тоже пенсионного возраста. Пенсии, конечно, там. Когда старшая сестра уехала туда, там очень хорошие деньги получали. Там пенсия у них хорошая. Они трудармейцы и муж, и она. Они как трудармейцы получают хорошую пенсию. Конечно, им так жить проще. А двое детей их живут в Алматы, сын и дочь до сих пор живут в Алматы, не уезжают к ним, потому что поедут, во-первых – с работой очень трудно. У всех есть специальности, и идти на поломойку, работать поломойкой где-то и у кого-то, они не хотят.

Ида Георгиевна, расскажите, как у Вас судьба сложилась? Вы закончили педучилище, потом закончили институт, работали 50 лет учителем, вышли замуж. Скажите как вот у Вас жизнь сложилась, дети, как у них жизнь сложилась?

Сложилась жизнь нормально, мы как-то понимаем, но если мы не понимали друг друга, мы 50 лет не прожили бы вместе. Дети вышли замуж тоже благополучно, живут. У них дети, внуки.

Сколько у Вас детей?

Всего двое – сын и дочь. Сын живет в России, в Новосибирске. Он там закончил НЭСИ и там остался, там женился и там остался.

Кем он работает?

Он инженер. Вот, и там остался. Дочь старшая моя здесь в 8-ой школе работает, математик тоже. Внук у нее компьютерщик. *(смеется)*

Сын?

Нет, не сын, внук мой, старший внук – программист. Внучка одиннадцатый класс заканчивает. Будет тоже поступать, но посмотрим, как сдаст, как ЕНТ пройдет (Единое Национальное Тестирование). За всех переживаешь. У сына всего одна дочка. Она живет в Омске, тоже закончила институт. Больше детей нет, но у него второй брак. Это у него от первого брака – девочка. Со второго брака нет. У нее был сын, у него дочь. Двое детей, маловато, конечно. Что же сделаешь? Так сложилась судьба. *(смеется)*

Ида Георгиевна, я Вам задавала вопросы, может какие-то мы вопросы не осветили, да, все то, что мы пережили?

Знаете, если все подробно рассказать, можно целую книгу написать, если подробно все рассказать. Это очень много времени займет. Деталей очень много, таких моментов, что их даже, знаете, не хочется трогать, потому что это детство очень тяжелое, очень тяжело прошло это детство. Все это вспомнить детские годы, когда смотришь, дети идут кушать хлеб, а у тебя нет. Дети идут в чем-то, хорошо одеты, а у нас этого нет. Мамины ручки могли что-то с чего-то сэкономить, сшить нам, поэтому...

Спасибо!

.....
Шарт Элиза Ивановна, немка, возраст 83 года. Была депортирована из Грузии, с. Грунталь в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Элиза Ивановна, у меня к Вам первый вопрос – как затронула депортация Вас и Вашу семью? Непосредственно Вас, Ваших родителей, дедов, или кого-то еще? Какая именно депортация затронула Вас? Дата, контингент, место высылки, место вселения.

В Грузии, село Грунталь. Это немецкое село было, почти что одни немцы были. Ну, армяне, грузины редко. Рядом русское село было. Потом дальше было больше грузин, армян, азербайджан. А в нашем селе было больше немцев. Маленькое село, так с километр. Ну, школа была колхозная. Все вроде нормально было, работали все как могли. В нашей семье случилось ... все начиная с 40-го года старшего брата забрали прямо с работы. Его забрали, мы остались. А в 41-ом году в апреле месяце 21-го, как сегодня помню, мать умерла, мачеха моя. Мама при родах у меня умерла.

Тогда сколько детей осталось?

Осталось четверо. Я младшая. Старшая сестра, мне было второй годик, она умерла в 18 лет. А два брата остались. Вот старшего забрали. Мы остались, значит, младший брат, и вот мать похоронили 21-го апреля, а его через два дня в армию забрали.

Это в 40-ом году было?

Это в 41-ом было. Потом когда его забрали, мы остались со снохой старшего брата, с отцом. Отец меня устроил в районе начинать 8-й класс учиться. Квартиру там нанял. У нас был зубной врач, грузинка, она к нам всегда приезжала. Летом фрукты же у нас, и все она меня встретила и говорит: Лизочка, тебе сегодня надо ехать домой, отца забирают, наверно, сегодня.

А она слышала об этом?

Она, видно, слышала об этом откуда-то. И я, знаете, добралась, это я не знаю, сколько километров точно 12 или 15. Я где на тракторе, где на подводе, я добралась. Доезжаю до нашего дома, отца уже ведут, он бондарем работал, бочки делал для вина. И я даже знаю этого грузина, он бывал у нас.

Он забирал?

Да, ну НКВД. Его ведут, завели в дом, все там искали. Я кричала – как же я буду, мы привезем его. Я за этим черным вороном я бежала за ним, кричала.

Черный ворон это кто?

Это машина такая была легковая черная. В то время прямо ночью приезжали, забирали людей. Прямо много людей было.

Не объясняют?

Нет, приезжают, забирают, все враг народа.

Так и говорили враг народа?

Сразу не говорили, это потом уже говорили. Ну, я осталась, школу бросила.

Вы в каком классе были?

В 7-ом, нет уже 7 закончила. 8-ой я начала в сентябре, это мне был 14-ый год. В сентябре отца забрали, а нас в октябре выслали. Мы остались со снохой и с этим ребенком. А что я, мне 14-ти лет не было. Чужие люди приходили, мы неплохо жили, и что могли они забирали. А я что могла взять? Если семьи ехали, они какие-то вещи брали. А я чемоданчик, подушечка и одеяльце, я даже документы только свидетельство с 7-го класса я забрала с собой. У нас две коровы было, куры, собаки. У нас на подводах. Даже два дня не дали собраться.

Два дня дали?

Это я не помню.

А было ли насилие со стороны властей?

Нет.

Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали какие-то бумаги?

Нет. Пришли, чтоб были готовы.

Это прям каждую семью?

Каждую семью.

В дом заходили, предупреждали.

Да. Говорили, собирайтесь вас увезут.

Что через два дня вас увезут.

На подводах нас на вокзал увезли.

А как объясняли?

А скотина кричала, собаки лаяли, это было ужас. Ну, все плакали, ну семья, если полная, они хоть что-то могли с собой взять.

А в вашей семье?

А в нашей семье я и брата жена и ребенок и все.

А мачеха где была?

Она умерла. Она умерла 21-го апреля, потом младшего брата забрали, отца в сентябре забрали. Вот мы и вдвоем.

Еще второго брата забрали?

Того еще в 40-ом году забрали. Его уже не было. Там сколько бочек вина осталось, боже мой. В подвале наш виноград был.

И дом был свой?

Дом был. Видите, он был большой, еще достроенный такой как тут. И я не помню, два ряда, что ли было этих бочек вина. Потом я вам скажу, я через 18-ть лет приехала. Так мы уехали, повезли нас на вокзал, посадили нас в вагоны и увезли. Довезли нас до Баку, а там нас уже на пароход посадили, и видно так Красноярск или как, я не знаю, вот это я не помню. Знаю, на пароходе нас привезли, а потом уже сюда в Казахстан.

А знали вы о том, куда вас везут?

Я тогда такая была... меня не это..., но мы потом узнали же там, что нас в Казахстан везут.

Вот, как Вы сказали, Ваша деревня называлась?

Грунталь.

Вот с Грунталья до Баку это сколько...

А я не помню. Нас же на этих вагонах везли, где стоим, где едем. Даже не помню.

Скот не разрешали брать.

Нет, нет! Вы что! Ничего.

Вещи?

Кто порезал, что-то зажарил и это... а мы-то ничего не могли.

И вы не знали, что было с вашим скотом, с вашим имуществом, домом?

Нет, нет, нет. Я потом вам расскажу. Нас вот это привезли, и вот мне было 14-ть лет, меня на той стороне Иртыша нас выгрузили 7-го ноября.

**Вот вы когда в начале с Баку вас еще в какой-то город привезли? С города вас...
В Казахстан.**

На поезд посадили или на баржу.

Нет, на баржу, по-моему, нас привезли на баржу.

Морем получается?

Морем, да.

Каспийским морем.

Да, да, да.

Вот приплыли сюда...

Да.

А как вот ... когда плыли сколько времени плыли, помните?

Это вот не помню. Это у меня выпало, сколько времени это было.

Не помните, а вот в дороге вас кормили?

Ой, плохо кормили. Это кто имел, что с собой, а так плохо было. Нас было... друг на дружку посадили в эти скотские вагоны, и что мы там...

Скотские вагоны.

Да, да.

А по сколько человек?

Ой, много людей было.

Ну, вы держались вместе со снохой.

Рядом, рядом сидели.

А ваши родственники там вместе еще?

Нет, нет.

Не было. А вот с этого села только немцев или еще других кого-то?

Нет, только немцев.

Только немцев. А во время дороги вам давали, вот вы сказали, что вас плохо кормили, а чем кормили?

Это я не помню.

А теплую одежду давали?

Нет! Мы у кого что было, мы привыкли ходить в туфельках, пальтишках. Вот выгрузили тут, мы подожгли костер. Я в туфельках была, и пальтишко у меня осеннее было.

Это весной было?

Это осенью было в ноябре.

В ноябре!?

В ноябре! Снег тут уже все.

Т.е. это все случилось в ноябре.

Все в ноябре. В октябре нас увезли, а в ноябре, 7-го ноября мы уже тут были.

А вот еще хотелось бы спросить, были ли остановки, вот если вас на барже везли, в дороге люди умирали?

Умирали.

А что с ними делали?

Ну, кто его знает, куда их?

Не знали?

Нет. Это я не могу помнить. Я тоже ребенок же еще была по-настоящему. Вот это я хорошо помню, когда мы сюда, наверно, мы двое суток, наверно...

Куда вас привезли?

Вот на той стороне Иртыша. Тут же Павлодар, на той стороне только Иртыша. А потом нас развезли кто куда, кого куда. Кого в село увезут, а я попала со своими в 7-ой аул.

Тогда он так назывался?

Да так и назывался.

А вот я еще хотела спросить, когда вы через Каспий в Казахстан попали, потом с Каспия эшелонам на вагонах сюда приехали? Или как?

Нет. На пароходах.

Вы не помните как там, на пароходах было?

Это я уже не помню.

Хорошо. Прибыли вы в 7-ой аул он так назывался?

Так и назывался 7-ой аул.

А какие были природно-климатические условия? Отличался ли тот климат, в котором вы проживали?

Конечно. Вы что, мы не знали ни буранов, ни снега, ни мороза. Мы всего этого не знали. Нам сначала такие бараки построили, и нас тоже рядышком. Просто барак так строили, прям в землю вкапывали, крышу сделали. Да длинные такие бараки. Кто в вагонах жил, но мы попали, вот эта сноха на железную дорогу, знать, кто, где устроились на работу. И не прошел год, ее родители тоже сюда попали. Потом через год ее забрали в трудовую. Я осталась с этой девчонкой и ее родителями. С этим ребенком. Мне был 15-ый год, да 15 как мы уже прожили.

А ребенку?

А ребенку, ей, наверно, было три года. Может четвертый. Я уже, она вот на фотографии там у меня тоже есть. Потом я попросилась, что мне делать, мне было 15 лет, я пошла в отдел кадров попросилась на огород, летом там-то открыли такой, я попросилась: разрешите мне работать, хоть помогать, чтоб я могла айран купить этом ребенку. И, правда, отдел кадров меня принял. И работала. Там вечером она меня уже встречает, я там покупаю этот айран, принесу ей. Вот так я работала немножко. Мне уже исполнилось шестнадцать.

Вот у меня такой вопрос, когда вы прибыли, какой национальности были местные жители, которые вас встретили? Вас ведь встречали?

Да. Большинство казахи.

Как они вас встретили?

Хорошо, некоторые, которые в село попали, там и принимали этих немцев. Мы то тут попали в эту железную дорогу, тут как-то были и русские, и в то время, по-моему,

и поляки были. А большинство так вот на этих подводах нас казахи увезли, казахской национальности.

Была ли поддержка с их стороны? Или, наоборот, они не помогали вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Нет, нет. У меня лично нет.

А как вы общались с казахами? На каком языке?

На русском языке.

А вот каким показалось благосостояние местных жителей? Как они жили? Каким был их национальный состав?

Кто тоже как жил. Кто ничего жил, а кто неважно жили. Против как мы жили, конечно, все надо было привыкать, но мы очень быстро как-то привыкли все к этому и к буранам и к этим, было же в то время такие бураны. От барака до водокачки мы веревку тянули, чтоб ведро воды принести. Такие бураны были. Или заметет, что оттуда не выйдешь не то, что шаг, с барака не выйдешь.

А сколько в одном бараке людей жило?

Ой много, я даже не скажу. Два ряда таких длинных, их было несколько бараков.

И вы вместе питались, или как? По отдельности?

Нет, каждый по отдельности. Каждая семья только друг возле дружки. Так чаны стояли.

А тепло там было?

Ну, там топили.

А местные жители помогали, питанием, дровами что-нибудь?

Нет, это большинство..., вот в селах говорят, помогали как-то.

Они жили в селах? Как в домах?

Да как в домах, а тут тоже каждый себе. Ну, все равно как-то я не скажу, дружно жили. Там всякие работы...

А вот Вы сказали, Вашу сноху в то время в трудармию забрали?

Да ее забрали, теперь я осталась с этим ребенком. Меня потом в трудармию забрали, мне 16-ть лет не было, когда меня забрали.

Куда?

В Россию, в Челябинскую область. Меня забрали, а это ее родители переехали в Павлодар. Переехали в Павлодар и мать, по-моему, тоже сразу умерла, а отец, помните, строили в Павлодаре театр. И он там сторожил. И вот эта девчонка с ним осталась. И однажды утром она говорит, она проснулась, он мертвый. Потам наши же немцы, ну что там была швейная машина или что у них у стариков было, все что было они забрали, эту девчонку в детдом отдали. А меня, значит, туда в Челябинскую область.

Это все во время войны происходило?

Во время войны все происходило, мне 16 лет было. Когда 17 мы строили железную дорогу.

В Челябинске?

В Челябинской области. В Златоусте я была, потом нас Кыштым есть такое.

Это что такое?

Там много татаров жило.

Это поселок?

Это такой район большой, и там мужчины трудармейцы были. Там были и узбеки и русские, а трудармейцы только немки, женщины.

Только немки, других национальностей не было?

Нет. И мы там строили железную дорогу. Господи, мы оборванные, голодные. Мороз 40-45, а нам что давали брезентовые ботинки на деревянной подошве. Если этих вагонеток 70 тачек было камни возить.

Это куда-то вы спускались?

Это мы возили эти камни для железных дорог. А если этих не было, мы траншеи копали ломом с киркой. Вот это наша работа.

И со сколько до сколько вы работали?

С утра до вечера. Кормили плохо.

Чем кормили?

Там картошечка плавает и какой-нибудь помидор зеленый.

Типа похлебки?

Да. Мастер был уже в возрасте, ему жалко было на нас смотреть, особенно как я молодая совсем, ребенок еще, он говорил, мне вас жалко, но что я могу сделать. И потом нашелся один... и отдел кадров знала, что я сирота с 7-го аула, они мне помогли. Потом нас сюда обратно в Златоуст перевели, и был такой Радченко, и он знал тоже, что я сирота, что никого нет и он говорит, знаешь Элиза, он тоже уже так в возрасте был... а было так этот мастер хотя бы отпускал нас по очереди пораньше, ну сегодня одного, завтра другого. Просто он был человек хороший.

Отдыхать отпускал, да?

Ну, пораньше.

А пораньше отпускал?

Ну, напишет, вот столько она уже сделала и отпускал. А этот Радченко он валенки катал, ну и вот как-то заболел этот мастер, и поставили меня считать эти тачки. Он говорит, знаешь, Лиза, мне сегодня бы так надо немножко пораньше уйти. Ну, я говорю тогда побольше вози, а потом пойдешь. Он валенки катал, потом продавал, чтобы... и знаете, он это не забыл. Ну, так получилось один или два раза, что вот этот мастер заболел, и он мне доверял это. И потом этот Радченко стал завскладом, где кирки, лопаты и это все. А там, в Златоусте еврей работал в парикмахерской. Был двухэтажный дом, вверху какая-то была контора, а тут рядом магазин какой-то. Он говорил, знаешь, я поговорю с ним, может, он тебя устроит уборщицей. А я стеснялась, ну есть у тебя хоть одно платьице, чтоб одевать, я говорю, ну там под матрасом одно платьишко есть. А я черная такая была, волосы у меня такие косички были. Он говорит, я с ним поговорил, он хочет посмотреть на тебя. Я стеснялась, но все-таки пошла, а там стеклянные такие двери, он посмотрел. Бухарский еврей, он с Узбекистана что ли. Ну ладно однажды он на работу приходит, мы траншеи копали в Златоусте, ну говорит ладно, я тебя устрою. Но не тут-то было, когда узнали, что я немка, господи сколько раз меня вызывали, с Челябинска приезжали. Вот немка, даже нельзя уборщицей. Но все-таки он помог, сумел и этот Радченко, он меня взял уборщицей. Только он где-то жил на, там горное же место, а мы в бараках два километра жили. И вот утром я пойду, поднимусь к нему за ключом, а потом говорит весь уголь и те дрова ты должна на себе таскать. Я по линии ходила с рюкзаком и обеспечивала, он даже ни одну копейку не выбрасывал на топливо, сама собирала. Потом эта парикмахерская расширялась, там еще два еврея добавились. Один польский еврей, он с женой был. И русский еврей, он сначала в военном городке работал, а потом к нему перешел. И вот этот польский еврей всегда говорил: Лиза, а этот бухарский он жадный, когда нас нет, купил себе машинку, и начинай, когда нас нет, под машинку стриг. А бритва, я не знаю, как эту бритву положила дома. Две бритвы у меня было я их, так, и возила все время. И вот я так начала потихоньку. И одно время было, я сильно малярией заболела, еще на этом работала, тогда меня отправили в подхоз. А там нас семь человек в бараке было, и вот что было, они на меня набросали, вот так бросала малярия. Я так ослабла, что не могла ходить, а он не верит этот начальник, она наверно не хочет работать. Потом я девчонкам сказала, получайте

мой паек, я пойду в больницу. Через лес, утром я ушла, а вечером я туда дошла, с палкой я одна дошла и села, вот скоро меня начнет трясти. Выходит санитарочка, уже пожилая женщина, я говорю, я оттуда-то оттуда и меня скоро начнет трясти от малярии. Ну, она на меня посмотрела, ну что ребенок. Она пошла, а врач тоже еврейка была, вышла, а немка пусть подышает. Вот так было ... ну я говорю, ладно буду сидеть, а этой было жалко, она еще раз пошла, ее попросила и все-таки она согласилась в больницу. Этот начальник через два дня посылает двоих, она сбежала, надо ее поймать, посадить, а я в больнице. Десять дней пролежала, мне лучше стало, и я потом и я не знаю, что я поменяла на литр молока, как сегодня помню, и наверное 200 грамм масла. Ну я потихоньку поправлялась и меня потом обратно... Потом меня обратно отправили в Златоуст, и я там правда это до этого было как я в парикмахерской, и так я потихоньку, там в Златоусте уже к концу войны я уже начала работать, а война кончилась, они разъехались, и так я в город сдала экзамены и приобрела себе специальность.

А вы там потом были после трудармии?

Да в 47-ом году я уже в Павлодар, нашла дядю одного тут, узнала. Я написала, если вы меня примете, я приеду.

В 47-ом году.

В 47-ом году я уже в Павлодаре была, с 47-го я в Павлодаре уже живу.

А вот вы когда здесь в 7-ом ауле, вы говорили, вы получаете, там немного уже работали, а как вот оплачивался труд у вас?

Ой как там, я почти что ... мне надо было дать хлебную карточку, я так и договаривалась, вы мне только хлебную карточку дадите, а там где чего дадут я на это айран покупала этой девчонке.

А вы учились в школе здесь?

Нет.

А другие дети учились?

Нет, большинство не учились, это потом уже были вот такие как я. Например, моего мужа, мы вместе бегали там в столовую с котелками. Его тоже потом в трудармию забрали, в Воркуту.

Это когда?

Это вот когда нас привезли, его ... Встретились в Павлодаре опять после войны.

А вы с Кавказа?

Я с Кавказа, а он с Украины.

Ясно. А вот здесь вот когда вы в 7-ом ауле были, как было организовано управление в поселке. Или в поселке люди жили, а вы в бараках жили?

Да, мы отдельно жили, но мы как бы от железной дороги.

У вас был председатель, или кто-то там руководитель в бараках?

Ну, старший какой-то был, отдел кадров женщина, я знаю, она мне тоже помогала...

А вот как вас проверяли, наличие на месте, здесь вы или не здесь? Как проверяли?

Конечно, мы же не имели права никуда ходить. Даже до 56-го года мы не имели пять километров, комендатура была.

И вы в комендатуру ходили?

Да ходили, отмечались каждый месяц.

Каждый месяц или каждый день?

Нет, нет, каждый месяц. А комендатура все время была.

А вот были ли побеги? Люди убегали или нет?

Ну, это я не помню, что как.

А вот вы в бараках, когда жили, были ли там стукачи, осведомители?

Нет, в то время уже люди не такие были, как вот дома, там было навалом в Грузии.

До переселения?

Да, да до переселения.

Были стукачи.

Да свои же немцы были. Вот брат отсидел 10 лет, напрасно отсидел.

Это который воевал?

Нет старший, я его только через 11 лет увидела.

Он туда прилетел?

Он в Чу жил. В Чу я ездила.

В Чу, это он в Казахстане...

Да, в Казахстане.

Он там сидел?

Нет, он недалеко оттуда, но он там поселился, потом там женился. Снова он нас потерял, а мы нашли только через 11 лет.

А менялось ли отношение людей до и после войны? Как именно, что помогло вам выжить в таких условиях?

Помогло, конечно, что я не могу сказать, я думаю, что Казахстан мне как вторая родина. И не знаю, я привыкла. Мне сколько раз задавали, а что ты не едешь, а я говорю, а мне и тут хорошо.

Вот у меня к Вам такой вопрос теперь, как Вы узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие в то время были слухи? Какие строили планы? Вот как Вы узнали о смерти Сталина?

Это было в 53-ем, да? В каком году он, в 53-ем? Ну...

Как Вы узнали об этом?

Ну как, я тут в Павлодаре уже жила. Кто столько пережил тот, что скажет? За что? Почему?

Такие вопросы задавали да? Себе внутри или друг другу задавали?

Даже и так говорили, вот за что?

Строили ли планы тогда Вы?

Нет, нет тогда, что тогда было? Работа была, жизнь шла.

А вот когда Вы узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было вообще? О каких документах о реабилитации слышали? Может, какие-то документы о депортации вообще видели, держали в руках?

Нет, нам ничего до этого не...

Как Вы узнали о реабилитации?

Ой, это в 56-ом году нас освободили от комендатуры, а потом постепенно, постепенно мы могли свободно ехать куда хотим. Кто куда хочет ехать, и потом друг от друга потом видно узнали, что надо к прокурору идти, дадут такой документ как, например...

Что реабилитированы.

Да.

И Вы ходили? А документы было быстро, легко получить?

Да, да.

Быстро получить. А вот Вы сказали, что в 47-ом году с трудармией приехали обратно в Казахстан?

Да.

И как Вы здесь, тогда же еще не разрешалось, Вы же еще не были реабилитированы?

Нет, нет.

А как попали? Сами приехали?

Да, сама приехала.

Т. е. разрешили Вам?

Да, разрешили.

Получается, Вы с родственниками переписывались тогда? Переписка шла?

Да письмо шло, и я это...

Вы написали письмо специально.

Могу я приехать? Потому что у него тоже своя семья была.

Родственники?

Да, дядя.

Родной дядя?

Да, родной дядя.

А он сказал, приезжайте?

Да, приезжайте. И я сразу не могла устроиться в парикмахерскую, и я, по-моему, на элеваторе работала. А потом я...

В самом Павлодаре?

Да. А потом парикмахерских тут мало было. На зеленом базаре было две и на Ленина было, но все ходила, пока место нашла. И так я с 48-го года, я мастером работала, а потом в областной партийной четвертой я много лет работала.

А здесь Вас также проверяли наличие на месте? Тогда же Вы еще не были депортированы?

Да, комендатура. Тогда же я хотела уехать к брату в Чу, а мне комендант сказал, ты взрослый человек, работа у тебя есть, сиди на месте, меня не пускали.

Не пускали?

Нет.

Вы просили, получается, в письмах?

Да, я хотела переехать туда в Чу.

А Вы даже переехать туда хотели?

Хотела переехать, а он сказал нет.

Ну вот получается Вы с того времени и остались?

Да.

Почему не уезжали с Казахстана?

Нет, не уезжали.

А вообще были родственники, которые уехали?

Родственники были двоюродные и соседей много, очень много уехало. Школьная подруга уехала, ну она там, в южном Казахстане жила. Многие уехали.

Куда уехали?

В Германию уехали, кто в Россию уехал.

Сразу уехали?

Нет, не сразу, я что-то не помню, когда начали. Я знаю, что я ездила в гости в Таджикистан. В то время там уже немцы выезжали. А мы в Казахстане...

В какие года?

Мы в Казахстане и слова боялись говорить про это. Я так удивилась, они говорят...

Вы боялись уехать? Вы хотели уехать?

Нет, я и не хотела, но у нас этого не было, чтоб вот так. А там уже было.

Вот глядя из современности, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Вот глядя из современности?

Нет, по-моему, более свободно сейчас тут все, кто хочет уехать, кто хотел уехать, отпускали, я не знаю, как это выразить.

Что Вы ожидаете для себя от власти, от общественности, от окружающих людей, вот глядя из современности?

Я думаю, будет улучшение всему этому.

Почему Вы не уехали? Почему остались в Казахстане навсегда? Как протекала жизнь у Вас в Казахстане?

Нормально, у меня дети, как я...

Вышли замуж да?

Вышла замуж.

Сколько у Вас детей?

Две дочки. Один внук, четыре внучки, три правнука.

Они все здесь?

Все здесь.

А вот какие повороты судьбы были? Были ли?

Конечно. Замуж вышла, я даже в гости ездила. А что мне, пожалуйста, сразу. А у меня дети тут, как я? Нет, да я еще работаю.

Куда ездили?

В Германию ездила.

Приглашали Вас?

Да. Я в областной больнице работала и главный врач, а в то время, было очень... начало у нас. Я боялась, когда меня пригласили, я не шла, я боялась идти. А потом все-таки все кончается, и я потом стала говорить профсоюзному, ну что ты. Потом собрались все партийные, все заведующие отделений и главврач, пустить ее или не пустить. А этот был он казах, он умер, царство ему небесное, а ты Лизавета Ивановна не уедешь, тут останешься. Я говорю, вы что, я работаю, у меня дети тут. Нет, нет. А главврач сказал, пусть едет в гости. А так совсем нет.

А благодаря чему Вы выжили в этих сложных условиях? Как Вам удалось сохранить свою жизнь?

Да не говорите, если подумать, сколько мне пришлось пережить. У меня ни матери не было, меня никто не научил это все делать. И хороших детей я воспитала. Я всегда за справедливость, всегда думаю, надо быть честным человеком и добрым. Я очень много думаю, сколько мне пришлось пережить. Конечно, все страдали, все. Даже я вам расскажу, мужа у меня не было, внук первый год учился в институте, я его к себе забрала, у меня домик там на втором Павлодаре, он там внук живет. И вот однажды я прочитала такую, я всегда ... и там пишут такое: почему наших немцев фрицами, фашистами называют, это же обидно, они же не воевали, не убивали. А приходит мой внук, я ему говорю, знаешь что, а что если б я грамотной была, я четыре класса окончила, немецких три и русский, грузинский. Я пишу письмо в «Звезду Прииртышья». Ты внимательно, не говори тете, тоже не говори, мы с тобой только. Он пришел, поправил мои ошибки, хорошо говорит, написала. Я переписала аккуратно, неполные 16 лет, у меня даже газета есть. И я говорю, хочу этому человеку написать благодарность, Ким, кореец наверно. Я его потом в больнице, я в больнице почти 10 лет отработала, и он там, и я фамилию услышала, села рядом и спросила это вы, да. Я говорю, я вам когда-то благодарность написала. Вот я работал, меня

за это даже хотели уволить. Я написала просто. Мы на Кавказе жили, и армяне, грузины, азербайджане, немцы, русские, мы дети ходили в водопад купаться и никто не говорил, кто ты по нации? Все дружно. А сейчас, что ну ладно меня пусть обзывают. Такие у нас были фрицы, фашисты и даже свастика бывала. И за что, почему мои дети, они в Павлодаре родились, почему их обзывают? Но вы знаете я через неделю прихожу на работу, а на пятом этаже кабинет был, не ходячих стригла, брила, а больные так ходили и приходит старшая медсестра и они прочитали, ну ты молодец написала. А моя старшая дочь на работе рядом сидит за столом, во немка пишет тут фамилию мою внизу, она говорит это моя мама. Они не знали. Вот так я написала и все написали, только соседи не писали, а люди. И я вот через много лет того человека встретила там же в четвертой. Так бывает в жизни.

Что бы Вы пожелали своим потомкам, будущему поколению. Будущему поколению, что бы Вы хотели пожелать? Можно на немецком сказать?

...Я двум учительницам помогла немецкий язык, они проекты писали, и одна однажды звонит мне, вечером звонит, вы Лизавета Ивановна? Да. А можно к вам придти, я говорю можно. С девочками приходи. Она пришла ко мне, двух девочек привела. Она не могла найти, уже эти немцы уехали ...а я вам говорю помогу, переведу вам и вот...

Вы перевели им?

Да, я помогла им перевести и она первое место заняла.

А что Вы помогли перевести?

А «интеллект швабский» все она могла, но такой интеллект как украинцы, всякие бывают. И я ей помогла.

А вы тут только что на немецком, что сказали?

А что я сказала? Вот тут я вам хочу сказать тут мальчик... А потом меня немка учительница в школу пригласила. А потом меня немка на немецком языке пригласила, и вот она мне сделала 10 учеников. Тут они меня сфотографировали. А потом каждый ребенок написал всю мою жизнь. И вот 10-ый класс.

На немецком языке?

Это на немецком языке.

Вы это прочли все?

Все прочла, да. Вот это шестиклассник, а десятиклассник так писал что, ты говорит ты Ома Лиза Ивановна также как моя бабушка Оше, она тоже так говорит, надо быть честным, всегда работать честно и учиться честно, и он так все хорошо..., ну учительница, конечно, помогала. И они отправили эти проекты, Курлан же с детьми два раза с детьми ездила. Они отправили и получили за это 27 словарей в подарок, одна школа 12, другая 15 русско-немецкий.

Что бы Вы пожелали потомкам?

Я пожелала им, чтобы они добрее были. Умные они и так сейчас умные. Просто чтоб добрее были друг к другу.

По отношению друг к другу?

Вот это я желаю, чтоб немножко более добродушными, были внимательными друг к другу. Вот я говорю, я воспитала детей, Господи, слава Богу, они у меня хорошие.

Может, Вы покажете фотографии? Старые фотографии, в альбоме у Вас там.

Вот тут у меня тоже эти дети. Вот, видите, вот такую меня выслали. Это в седьмом классе я.

Это 14 вам?

Да. Это не было даже полных 14 лет. А вот это я через 18 лет приехала в этот дом с мужем, тогда старики еще живы были. Они нас пускали, потому что мы у русских остановились, рядом мой младший брат.

И кто там жил?

Там был грузин, он партийный был, занимал наш дом. Все оставалось, сколько бочек вина, сколько брынзы стояло, целая бочка стояла, 6 мешков орехов мы сняли, перед тем как нас выслали, он говорит, все было, а второй в Тбилиси на могилу ездила. Мне говорили, зачем ты туда едешь? Я говорю на могилу. Они все перепахали. Я говорю грузинам, как вы можете так? Вот на Украине фашисты. Иду кресты стоят, они все перепахали. Потом я еще раз через несколько лет на могилу поехала, нас уже в дом не пустили, потому что дом продавали уже, а они в город переехали. Вот это отец, это мать.

Мачеха?

Мачеха. Старший брат, это младший брат, это я, это было в 40-ом году.

В 40-ом, до депортации?

До депортации.

А это?

А это уже было в 41-ом году, уже мать болела, у нее рак был. Она уже без груди была, уже брата не было. Вот такую меня выслали, вот эта девочка, ее в детдом сдали. Они все уже умерли, уже никого нету.

А вот у меня еще вопрос, Вы сказали, что второго брата забрали на войну?

Да.

Что с ним дальше произошло?

Он на фронте был, там где-то он был в военной форме. Последнее письмо с фотографией пришло, перед тем как нас выслали, как раз, наверно, полмесяца до этого, письмо с фотографией. Он говорит, я лежу раненый, он был раненый под Орлом, а там, видно, он потом в плен попал.

А почему он в плен попал?

Ну, там заняли и все попали.

А он попал в плен?

Да, он попал в плен, а потом немцев уже убрали с фронта, а он воевал, у него нога ранена, и прямо раненого его забрали в плен. Ну, он по-немецки говорил. Так он попал в плен. Когда его хотели обратно отправить, уже американцы были и англичане и это все, он говорит, нет, назад я не поеду, потому что мне 25 лет ни за что дадут, весь израненный меня в плен, вот последний... у меня там фотографии есть он в военной форме.

А это?

Это в 41-ом году, потом же немцев убрали с фронта.

И что с ним произошло?

Ну, это так он и остался, вызвали его. Так когда война кончилась, тогда англичан отправили, он мне все показывал... через 47 лет я его нашла.

В 41-ом году Вы сказали, что они не стали воевать? Уже всех немцев забрали?

В 41-ом году они воевали еще, а потом их убрали.

Их убрали, а где они были? Вот это время все?

А он уже был в плену, в плен попал. Он же на фронте был, он весь изранен, у него рука только вот так могла и нога. А потом уже когда война полностью там и англичане были и американцы. И их американцев домой, англичан домой, русских домой. А он сказал, оставьте меня или что мне тут стреляйте, что там мне дадут, также много было, что назад вернулись, и по 25 лет давали. Ну и так он остался, женился.

Где?

В Германии.

Он в плен там попал?

Нет, в Орле. В то время он попал.

А что с ним произошло после окончания войны?

А вот он лежал там, в госпитале в Германии.

Подождите, я не поняла, его в 40-ом году забрали...

В 41-ом.

.....
Бепле Марта Григориевна, немка, 95 лет. Была депортирована из Азербайджанской ССР в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Как затронула депортация Вас и Вашу семью?

Это все, конечно, в далеком Кавказе. Мы жили в поселке, можно сказать по-немецки Еленидорфт. Да. А потом именовали его в 30-х годах Наханлар. Это азербайджанское имя. Но жили там немцы. При царских временах еще немцы построили. Потом Ленин взял революцией, в 1917 году, я это помню, хотя маленькая была. Потом уже после этого не Ленин уже был, а Сталин. В 30-х годах началась коллективизация. Мы жили, когда каждый имел свои сады, сеяли, пахали, как единоличники, потом в 1930-м году началась коллективизация. Всех в колхоз. Мой отец он уже пожилой был, я последний ребенок, родители были 50-ти годов, когда я родилась. А они уже жили в 1868 году, а мы уже в другом веке родились, вот в 1915 году мои родители уже пожилые были. Когда коллективизация все отобрала, земля, лошадей, коров. Все что было, все отобрали. Мой отец всего 3 дня жил, получил сердечный приступ. Все потерял, ничего нет, а немцы трудолюбивые, работали. Хозяйство было. Нас было 3 сестры, 2 сына. Старший мой брат офицер в царские времена. Он выучился на военное дело. Участвовал в Турции, и он погиб в той войне. Мы его похоронили, и одни девчонки остались. А второй брат он в гимназии учился и его через нос кровотечение пошло, и не могли остановить, ему было всего 17 лет. А сестры со мной приехали сюда.

А когда вот это произошло? А мама?

А мама со мной сюда приехала. Началась война в 1941 году, а в 20-30-х годах мы жили на месте, видела я как Колчака гоняла красная армия, как он погиб. У нас на Кавказе. Это войска. Они прямо у нас остановились. На улице их лошадей много было.

Вы сами видели Колчака?

Сама видела как сейчас. И его Вера Алексеевна, которая в этой тачанке вместе ездила. Еще в 1921 году, его гоняли.

Сколько Вам тогда было?

6 лет. Кое-что я помню. Мы прятались в бочках. Чтобы нас не убили. Вот так. А потом опять война.

Начало переселения, что было? Были слухи, догадки? Уезжал кто-то заранее?

Я могу только сказать, когда мы сюда уже приехали, тут были немцы поволжские. Поляки, чеченцы после нас приехали. Мы в 1941 году приехали сюда, а они после нас, чеченцев увезли сюда. Но тут были ингуши, всякие нации. И потом как же их называли? Украинцы, западные, бандеровские их называли. Это было полно их тут. Но они моментально, куда-то исчезли за одну ночь. А куда они исчезли, не знаю.

Когда вы были там, в родном поселке, что вот накануне депортации было? Были слухи?

Я в типографии работала, с 1932 по 1941 работала в типографии. Переговоры Гитлер и еще русские. Что Гитлер страшает нас, а когда она будет не известно. Насчет депортации я узнала, когда пришли уже утром, на работу в типографию солдаты нас не пустили. Армяне и азербайджанцы они работали, нас же арестовали, немецкую газету. Нас не пустили на работу. Я же немка. И на немецком языке работала. Политическое было у нас в газете. Это же я печатала. Я пришла домой, папы уже нет, мы его в 1930-м году похоронили.

Они бумагу не показывали, почему Вы не будете работать?

Нет, ничего солдаты нам не показали, только сказали, не разрешается вам работать, ваша газета арестована. Эта газета немецкая работать не будет.

А как газета называется?

Наша газета называлась «Ленинский путь» на немецком языке. Ленинский вейг. Я могу Вам и по-немецки и по-русски сказать, потому что я переводы очень много сделала. Теперь, мы вернулись домой. И потом я только маме сказала, что не пускали на работу, а по радио, по громкоговорителям уже идет объявление о войне. А когда мы будем тут жить или нет неизвестно было. Только это начало 21 июня, июль, август, сентябрь, только 3 октября уже пошло, готовьтесь вас увезут отсюда. А когда увезут, куда увезут, никто ничего не знал.

Об этом как Вы узнали, к Вам пришли, или Вы по радио узнали?

Нет, ходили коммунисты и объявили, готовьтесь Вас увезут. Но куда не сказали. Я только, мы готовились к зиме уже. Кололи свиней, колбасу делали. Ветчину делали, в подвале вино полное, картошка полная. Все к зиме. А теперь все полно, а с собой ничего не возьму.

А сколько времени давалось на сборы и что разрешалось брать с собой?

Никакой они сказали, вот сегодня или завтра. Пришли утром, в 7 часов утра, мы еще в постели были, стучались в дверь и все уходите. В спешке, что ты можешь с собой взять, мы почти голые приехали сюда.

А оказывал кто-то сопротивление?

Никто даже против не сказал такое слово. Все как один, стояли грузовые машины. Посадили, увезли. Этот поезд, это город Канжа. В этот город нас выгрузили. 3 суток мы лежали на улице, не укрываться, не спать. И ждали, когда нас или поезд или что. Потом в конце концов говорит, собирайтесь и в очередь, опять же солдаты, как арестованные, повели, наша семья, другая семья. Одни немцы. Потому что там другие не живут. Там отдельно азербайджанцы и армяне в горах живут. А у нас было как город, только в основном немцы, но и другие нации тоже были. И русские, татары, армяне. Они на квартирах жили, а немцы в домах своих. Мой отец строил, представьте себе один зал 15 метров, как праздник, народу много. 2 кухни, 2 спальни, детские, мамина спальня, столовая, а кухня была огромная. И другие постройки были. Представляете. Все богато жили, всех выгнали. 3 суток лежали на земле. Потом подгоняли товарный поезд, когда-то скотину возили, а теперь туда нас. Солому настелили, и нас посадили. Ни сесть, не ложиться. Только на полу можно сидеть. Закрыли, проволокой закрутили и вот сиди. Сколько мы там, в закрытом сидели, потом чувствуем поезд идет. Куда нас вывозят, от Канжу в Баку. Я этот город прекрасно знаю, не один раз там была. Каспий море, привезли нас, выгрузили на берег. Стоит это пароход или корабль как его называли, и вот нас грузили всех туда.

Сколько примерно людей было?

Друг на дружке сидели. Кто их считал?

Ваши родственники тоже были там?

Все, вся наша семья. Братья уже умерли. Были двоюродные братья. Сестры муж, другой сестры муж.

Сестры уже замужем были?

Да, уже замужем они были. Нас 3 сестры было.

Вы замужем были?

Да, у меня уже ребенок был, 2-летняя девочка, мне тогда было 26 лет. Эта девочка маленькая, со мной пострадала. Она ребенок умерла, тут уже ее похоронила. Нас в этом корабле увезли, куда-то через море. А через Каспий на другой берег. Опять мы там лежали, под открытым небом, укрыться было нечем, условий не было. Мужики бегали, что-то приносили, где они брали, не знаю. Мы-то сидели, а они бегали. Приехали, на какой-то берег, от Баку на другой берег. Там двое суток лежали на берегу. Потом опять

товарные вагоны подгоняли, нас посадили и увезли, не знаю через что ехали, помню, что перед нами поезд шел, вот эти крымские немцы, его бомбили, но нас не затронуло. Наш поезд целый остался, как бомбежка закончилась, рельсы-то испорченные были. Отсюда нас затолкали в другие вагоны, увезли, когда мы приехали на этот поезд на Семипалатинск. Опять выгрузили на берег Иртыша, у Иртыша уже лед лежит, снег. Ноябрь. В Лебяжьем нас кормили праздничным обедом, 7 ноября. В Семипалатинске опять 3 суток сидели, как мы все это вытерпели. Мужчины где-то нашли штукетники и зажгли костры. На берегу Иртыша. Вот возле Иртыша, ночью. Грелись, песни пели. Хор был. Не унывали.

Потом грузили на баржу, и приехали в Лебяжье, открыто, холодно уже было. 7 ноября нас выгрузили, в Лебяжье привезли. В школу, поместили туда. Там уже начали распределение. Сперва нас кормили, 3 листа капусты и кусочек косточки. И посадили из колхозов, на быках, лошадей тут не было. На этих быках бричка, на санях, посадили, 3 семьи. На этом ехали. Приехали мы в Бескарагай совхоз. Некоторые там остались. А нас дальше повезли. В Подпуск, мы уже последние были. Сейчас там, говорят, уже нет ничего, одно кладбище осталось. Потом тут же зимовали, вспыхнул тиф, от переживания или от недоедания, люди так говорят. Кто нас будет кормить? Там это было посуду делали. Даже чернильницы делали. Кто там работал, кого на пахоту погнали. Мы только 3 дня там жили, декабрь месяц, я хорошо помню, мужчин всех собрали, ни одного не осталось. Куда их, не знаем и до сих пор не знаем. Где наши мужья? Не знаю. Их уже тоже нет. Никого до сих пор не знаем.

Вас 7 ноября в Лебяжий привезли, потом начали формировать, Вы приехали в село Подпуск, вас куда определили?

Работать.

А где остановились?

Нигде. У людей.

А кто там жил?

Казахи, русские. А это поселок был русский когда-то, но там и казахи были. Там стояли еще церковь, и при нас еще разобрали. Это я помню. Кто приютил, где в сарае, где что.

Привезли, вас люди приняли. Где жили? В одном доме, сколько человек жило?

В одном доме, хозяин и мы.

А там другие были депортированные?

Поляки. В этом же селе. Еще были, которых бомбили поезд, которые целые остались, их привезли тоже сюда. Родители погибли, тетя с двумя детьми осталась. Как сегодня помню Артур и Рита.

Ваша тетя?

Нет не моя, их тетя. Родители погибли, она тетя их больная была. Одному было 5 лет, а девочке 3 года. Так мне ее жалко было, жалко детей. Бабка-то эта умерла, а дети остались. Я кормлю, там кормили. Он на мельнице был, там кто-то мелит, она ему муки даст, покормит.

Когда Вы ехали на поездах, до Семипалатинска, во время пути люди умирали?

В нашем вагоне никто, в других вагонах не знаю, не видела.

В поезде вас кормили, давали одежду?

Нет, я же вам говорю, остановится на станции, мужья стучат, их выпускают, деньги-то у нас были, много станций было, кто-то принесет, а кто-то нет. Мешками изюм. После линии, я-то этих людей не видела. Мужья только принесут изюм, мы его в чайнике, кружку намокнет, вот так и ели.

Бежал ли кто-то во время пути? Убегали?

Нет, никто не убегал, почему, я вам только одна скажу, когда нас из дома депортировали и увезли, нам только объявили так, это на время, война, бомбежка. Ночью

попробуй только свет включить. Даже поселок бомбили. Вот так нам и объявили: это временно. Мы так и думали. Но проходит год, два, работаем, тут живем, своего ничего нет. То, что иногда наворуешь, зерно. Извините. Мама-то не могла ходить. Мельница была, вот мама сидит это зерно мелит. Хоть кашу сварит, вот так мы и питались.

Какие были природно-климатические условия? Отличались ли они от тех, что были на той земле? Бытовые условия? Возместили ли Вам дома оставленный скот, жилье?

Климат резко отличался. У нас ничего не было, только наша работа. Меня называли здешние люди – верблюды. Я была сильная, у меня руки были крепкие. Сложение тела крепкое. От моих сестер я одна такая, а мои сестры были хилые. Или нежные, а я была такая, то что в школе, много физкультуры, у нас в те времена уже приучили и физкультуре, и бег. Еще в Азербайджане. Вот я сильнее их была. И вот тут уже у меня две сестры, они все плакали, а у меня какое-то ощущение было. Я тогда плакать не умела, я их ругала, что вы ревете, делайте что-нибудь. Вот так все время спорила.

Вот насчет природы отличалась ли?

Да. У нас ведь на Кавказе снега нет. Сколько я жила дома, один раз на Новый год, выпал снег, это было такой сенсацией, только в горах снег. А здесь, это были такие морозы. Отличалось намного, но до сих пор живу.

Вот когда вас привезли в деревню, в самую крайнюю точку, Вас подселили, у кого вы жили? У казахов?

Да, через три дня. наших мужей всех собрали, ночью приехали, собирайся. Только мужья, и я с ребенком осталась в этой семье Колдубай, она женщина, она меня приютила с ребенком. Сколько там работала, столько там была, жила с ней вместе, до 1953 года. Ее уже нет, умерла, женщина была прекрасная, ее муж погиб на фронте. Двое детей, Сембай и Сарсенбай. Эти двое детей, я не знаю фамилии. Сарсенбай он очень хороший математик был. Учился очень хорошо, потом какая-то драка была, его убили, бедная женщина его похоронила, после этого она недолго жила, тоже не доедали.

Она умерла во время войны?

После войны.

Когда Вы приехали, сказали, там были и казахи и русские, и поляки в этом селе, как показалось благосостояние местных жителей? Какое у вас было отношение с местными жителями?

Все дружно было. Никто тебе плохое. Вот здесь уже в Павлодаре, только сказали, приехала сюда, наш хлеб жуешь. Я говорю, слушай, я твой хлеб не ела. Я сама себе зарабатывала, ты такая на нашем хлебе, она ненормальный человек, я так думаю вот в этом колхозе. За одним столом чай пили, я такого не буду говорить. Все дружные были, поляки не работали, они не ходили на поле, Америка им помогала, они такие посылки получали, и мука, и крупа, сахар. Сахар-то мы, сколько не видели, а они ели.

Тогда их уже поддерживали американцы?

Да, они не работали.

Когда приехали, Вы сказали, что мужчин забрали, а как Вы работали?

Я работала сперва, пахали на быках, ты должна 1 га спяхать, трудодни. С утра до вечера. Утром поехали, вечером возвращаемся. Это трудодень, а если я его не выработаю, я уже фашистка. Ты не хочешь работать, бригадир мне говорит, я отвечаю, нет я хочу. А его сейчас не помню, может быть, Бог его знает.

А на каком языке вы общались?

Я хорошо знаю азербайджанский, он схож с казахским. Они меня понимали, я их понимала. На быках пахали, жатва серпом.

С Вашим ребенком что было?

Мама с ребенком была, она уже старая была, когда она меня родила ей 55 лет было. Она уже пожилая женщина, еще меня родила в 1915 году, мама с ребенком.

Вы с сестрами работали?

Старшая сестра не работала, она рукоделием занималась. Что принесет, или молока или айран, она с мамой дома сидела. А мы с другой сестрой работали. Этот мой напарник был, моя сестра, она идет и гоняет быка, а сама плачет, а потом я не знаю матерки, у нас в немецком языке их нет, а вот русские женщины, они такой мат был, у них быки так быстро идут, я говорю, смотри как, матерись. Она говорит, не умею. Но бывала иногда и я материлась. Мать кричит на меня, как ты? Я говорю, вы без этого жить не можете.

Какое отношение было со стороны местной организации, как проверяли Вас? Вы куда-то ходили?

Каждый месяц, 15 лет, с 1941 по 1955 год каждый месяц ходили в милицию. Расписалась, что я здесь, не имела права не в Павлодар, ни в другой поселок ехать без разрешения их.

А кому-то разрешение давали?

Нет. 15 лет вот так. Один раз в месяц, ходила одна сама за всю семью.

А побег были? Немцы, поляки убежали?

Нет. Поляков увезли. Война кончилась, через 2-3 года чеченцы уехали.

Как оплачивался труд?

Я не буду говорить, обижали нас.

Вы работали, а ничего не получали?

Я на трудодень вообще ничего не получила. Вот мы пахали, зерно убирали, все на фронт шло. Фронт надо обеспечить. Мама перчатки и носки вязала для бойцов. Я даже сама писала, ребята держитесь, мы с вами.

А как питались, одевались, сколько денег зарабатывали?

Да какие деньги, я их не видела. Простите, воровала, моя сестра, она 15 лет сидела. Она была в валенках, зерно туда попало, там несколько граммов, вот ее и посадили.

А как вы питались?

Нам женщина помогала, курт делали, помаленьку. Жили там речка была. От Иртыша приток был. Сети ставили. Утром пойдешь, вечером полная сеть.

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи?

Вот эти люди, которые нами руководили, были калеки, их на фронт не брали. Мужчины руководили. Максим Андреевич. Были стукачи, ничего не поделаешь, когда идет такая война, где не бывает слов, я всю, сколько эта война шла, я была фашистка. Теперь, что ему морду набить?

А учились Ваши дети в школе, как складывались отношения с местными детьми?

У меня дочка ходила в школу, 10 классов на отлично закончила.

Может, какие были специальные меры, наказывали Вас?

Может, где и было, а где я была, такого не было. Вроде весь совхоз, после войны меня много обидели.

Менялось ли отношение к Вам до и после войны? Что помогло Вам выжить в таких условиях?

Во время войны лучше было, чем после войны. Вот тогда уже трения были, там немцы и казахи, и русские были. Во время войны дружные были, а после войны каждый думал. Когда объявили окончание войны, по громкоговорителю, возле клуба. Я как раз шла по улице, услышала об окончании войны, я как бежала домой. И за голову схватилась, мама

поехали домой. Война кончилась, я редела, ужас. И вот как. Никто не поймет, сколько труда и муки вынесли.

А вот что Вам помогло выжить в таких условиях?

Это сила воли. У кого она была, сила и воля, думать, как выжить, по-человечески нести эту тяжесть на себе, те и выжили, а много умерло. Кроме того, как тиф. Почти все немцы умерли. В зимнее время, температура высокая, врачей нет, лекарств нет, нигде ничего не возьмешь. Все бедные, оборванные, голодные. А тиф он требует питание. Условия надо. В сарае лежишь, человек лежит с температурой, умерли, лопаты нет, зима. Где у нас совхоз был, даже деревьев не видно было. Бураны. Ничего не видать, вот такие бури были. И вот снег, закапали в этот снег, а весной пошли никого там уже нет, там тетя Катя лежала, а волки съели. Много умерло. Из наших немцев осталось 4 семьи, из 8. В этом Подпуске, там русские и казахи. Если знаете тут форпосты, а это и есть форпост. В этом Подпуске, там это все и происходило. Лопаты нет, даже если люди, куда-то ходили, обменяли на продукты. Они не приходили домой, волки съедали. Заживо. Тут в лесу.

Вот Ваша дочь, когда училась в школе у нее отношение с местным населением какое было?

Нормальное, там уже 2-3 немцев было, остальные русские, в Лебяжьем она окончила. Там одна женщина ее взяла на квартиру, целую неделю там, а субботу на воскресенье здесь дома.

А в селе, до какого класса?

Только до 4.

Потом ее отправили в Лебяжье?

Да. У русской женщины жила Судомойкина Маша. У меня дочка такая была, я ее приучила, и убирать, и стирать.

О смерти Сталина как Вы узнали, Ваша реакция? Что Вы думали?

Вы знаете, если по-моему Сталин это же наш кавказский человек, это же бандит. Объявили по радио. Туда ему и дорога. Я не буду говорить. Мертвого человека нельзя обсуждать. Это по религии, я верующий человек. Если правду говорить. Это мой земляк. Грузия и Азербайджан связано, мы как раз посередине жили. Он когда молодой был, он много разбоя делал, как он в Кремль попал, руководство России, я не знаю. Вот когда революция, он пошел в коммунисты, он не дурак, умный человек, и много беды взял, и много мертвецов на его душе. Например, если взять Кавказ, возле Каспия, тут Тбилиси. Линия железной дороги, по этой железной дороге 12 поселок немцев, самый большой наш. Первый, размножается, до 12 поселков, даже в Тифлисе полно немцев. Не знаю, депортировали их или нет.

Когда Вы узнали о реабилитации?

Я на работе узнала, пришла сюда в Павлодар в «Звезду Прииртышья». Нас туда не брали. Запрет сняли в 1955 году, приехал к нам из Лебяжьего, он говорит, начальник милиции, всех нас собрал, сказал, что больше на подпись ходить не будете. Вас сняли, если вы самовольно уедете домой, и будете требовать свое имущество, вам 25 лет дадут тюрьмы. Мы не хотели в тюрьму. Кто уехал в Павлодар.

Как происходил процесс оформления?

Ничего не держали, тут в Павлодаре получила. Потому что там в селе осталась, не нужно было. Я еще там жила, ошибка в паспорте, я родилась в 1915 году, а когда обмен был, он просрочен был. Ездил в Лебяжий, я не думала уехать оттуда. Они взяли мои документы, когда обратно получила паспорт, теперь значит, знакомая прислала посылку, пошла, получать, начальник почты, это не ваш паспорт, я туда не заглядывала, я там 1905 года рождения. Поехала опять в Лебяжий, они у меня в столовой часто кушали, и просили чем докажете, поехала домой принесла метрики мои и отдала их. Я жду паспорта нет, нет, председателя спрашивала, а она мне говорит, у тебя никаких документов нет, в Лебяжий,

нет, ни паспорта, ни метрики, я 10 лет хлопотала за этот паспорт, получилось так, что они и паспорт и метрику сожгли, случайно. Потом наш племянник устроился на работу, тут. Не было очередь на садик, и они меня взяли сюда, как няньку. Без документов. Ходила сколько в Лебяжий, начальник говорит, ты что бабка, зачем тебе паспорт? Я привыкла, не могу без паспорта, он говорит, тебе уже там надо порхать, зачем тебе паспорт? Ну ладно, раз уж так вы говорите, пускай меня увезут на космос, может там пропишут. Он так хохотал, а что мне теперь делать. Вот тут уже сама писала в «Человек и закон», Терешковой писала, она же в женсовете была. Всемирный конгресс, ее 3 месяца не было. Получила уже тут в Павлодаре, через 2 дня Терешковой. А теперь пришла туда принесите метрику, паспорт, написала на Кавказ, получила метрику, и через 3 дня паспорт дали. Теперь я им не верю, в руки не дам.

А вообще были люди, которые после реабилитации уехали?

Никто домой не поехал, а разъехались в разные места. Я так там и осталась, пока мой племянник не взял сюда.

Почему Вы остались, не уехали? Как протекала Ваша жизнь?

Я например, если уехать отсюда, я там потеряла все, тут хоть обосновалась немного, в Германию ехать, это не мой дом, хотя я немка, знаю немецкий, от и до. *Говорит стихотворение на немецком.* Все книги у меня есть, все на немецком языке, даже Библия, на немецком языке. Но я не вижу уже.

Глядя из современности сейчас, изменилось ли отношение к депортации сейчас по сравнению с тем, что было у Вас? Что ожидаете от власти, от окружающих людей?

Вы знаете, это прошлое. Те времена не вернутся назад, я современный человек, несмотря на то, что мне 95 лет, но я думаю, мы идем вперед, мир не стоит на месте. Техника, вообще общество, совсем другое. Я тоже туда иду. Человек идет вперед. Я люблю общество, если бы я смогла ходить, тут в Павлодаре, все книги досконально прочитала. Люблю читать.

Благодаря чему Вы выжили?

Я назад никогда не оглядывалась, смотрела всегда вперед, некоторые может не так думают. Мне не нравится то, что общежитие, они не культурные, не могут себя держать в рамках, грязь, не культурно же это. Вот Вы пришли сюда, тут все покрашено, чисто, я все слежу за чистотой, людей нанимала, чтобы красили и убирали.

Чтобы Вы пожелали своим потомкам, будущему поколению?

Чтобы не было войны и раздора. Чтобы не дрались друг с другом, русские, немцы, все одинаковые, все люди. Бабка живет, убили ее, забрали все, это же не по-божески. Мне одна бабка сказала, ты чокнутая, у меня еще здравый ум, могу мыслить.

Говорит на немецком. Пожелание.

У Вас кто-то воевал в Великой Отечественной войне?

У меня воевал только племянник, и он в армию ушел в 1938 году, сын сестры. Потом он служил, потом финская война, потом он там участвовал, потом с Японией. А потом как уже Гитлер, его отсюда забрали, его в Польшу послали, там река есть, на одной стороне они, на другой они, это он мне в Казахстан писал, это в 1942 году. Я вижу немцев на той стороне, он писал, они перешли реку, и вот этот состав, все немцы уничтожили, остались только 5 человек, а он попал в плен. Мы сколько лет до 1963 года, мы думали, что он погиб, так нам и писали, пропал без вести. Потом в 1963 вызывает меня Лебяжинская полиция. Спрашивают, у тебя сын есть? Нет, говорю. А говорит, что тут ищут, кого-то ищут, наша фамилия, Бепле. Это нас ищут. Не знаю, у меня только племянник ищет, вот тогда мы узнали, что он родню ищет. Вот тогда я узнала, что мой племянник жив, а немцы хитро сделали, во Франции сделали лагерь пленных, которые они из Германии посылали во Францию. Вот он мне писал, я в этом лагере, во Франции. Ищет нас. Немцы туда посылали. Когда война закончилась, там он работал инженером цветных металлов. И немцы забрали военных в Германию в 60-х годах. Мой племянник писал, он там когда на заводе работал, женился, ее родители во время войны погибли. На немке, Фрида. Но она умерла уже.

Теперь я живу в Германии. И те года, он каждый месяц прислал посылку. Я последнюю посылку получила в 90-х годах. Где-то письма его сохранились, потом пишет, нет до последнего, тут сахара не было, он мне оттуда 10 кг сахара прислал.

А Вы после замуж вышли?

Нет. Потом его жена писала, что заболел. Очень больной, рак у него, заболевание крови, спасти не смогли.

А у Вас дети есть?

Там должна быть, только я с ней не общалась ни разу, у него одна дочка была.

Вы работали нянечкой, потом на тракторном заводе работали, а дети были?

У меня дочка, Элеонора. У нее 3 сыновей и внуки.

.....
Терентьева Эмма Адольфовна, немка, 86 лет. Была депортирована из Саратовской области, село Терса в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Расскажите о себе.

Я, Терентьева Эмма Адольфовна, рассказываю о своих родителях. Папа у меня родился в 1896 году, в Немреспублике. Мама 1902 года, родилась она в селе Терса Саратовской области. Папа с мамой познакомились в Терсе. Папа учился в техникуме, сельскохозяйственный. Мама, мама дома выучила.

Рассказывайте, рассказывайте.

Фамилия...

Чья фамилия?

Папа, фамилия Деслинк Адольф Алексеевич. Мама Деслинк Любовь Михайловна, они познакомились случайно. Он учился в техникуме, мама вышла замуж за мужчину, и папа играл на ее свадьбе. Был музыкантом. Через год муж у мамы умирает. Папа приехал и решил жениться на маме. Они поженились, и все они уехали в Немреспублику.

В Немецкую республику?

Да, в Немецкую республику.

Она где располагалась?

За Волгой, за Волгой располагалась. Мама русская у нас, папа немец. Мы, я родилась, я Терентьева Эмма Адольфовна, родилась в Немреспублике.

В каком году?

В 1924 году.

Хорошо, у вас вот в семье, сколько было детей?

Детей всех у нас было четверо.

Вы первая значит? Старшая да?

Я самая старшая.

После вас?

Я училась в школе у папы, он был преподавателем. Три класса закончила немецкой школы. Потом мама стала говорить, давай, наши дети забывают русский язык. Давай поедем опять в Терсу на ее родину.

Терса – это село или город?

Село.

Это село в Саратовской области?

Саратовской области. Недалеко от Вольска, города Вольска. И Саратов недалеко, Саратов чуть подальше. Вот мы там жили. Я училась в школе, мои родственники тоже, братья, сестра все учились там.

Вот Вы в Саратовской области, село Терса?

Село Терса.

Эмма Адольфовна, у меня вот такой вопрос, вот как затронула депортация Вас и Вашу семью. Непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов и других родственников?

Ну, дедов, которые жили за Волгой, в Немецкой республике. Я не знаю, куда их.

Эмма Адольфовна, как непосредственно Вас затронула да, Ваших родителей, Ваших дедов, депортация?

Война началась в июне, а в сентябре месяце родителей пригласили в сельсовет, оттуда мама пришла расстроенная.

Только Ваших родителей?

Моих, но у нас мало очень в Терсе было немцев, мало, мало. Пришла оттуда мама, недалеко от нас был этот сельсовет. Пришла и говорит, нас выселяют, куда выселяют неизвестно. И мы стали дали срок три дня.

Ясно.

У нас было все хозяйство и куры, и все.

Вы в частном доме жили, в частном доме жили, в своем доме жили да, свое хозяйство было да?

Все свое. Папа работал зоотехником. У него было 10 или 12 колхозов, совхозов тогда было же. И мы стали собираться.

Эмма Адольфовна, а вот в начале вот, хотелось бы спросить у Вас, что было накануне депортации, были ли слухи, догадки о том, что уезжал ли кто-то заранее?

Нет.

Из опасения вдруг их депортируют, готовились ли вообще к повороту, к плохому повороту событий, что слышали о других депортированных? Может быть в Немецкой республике все же ваши родственники там же оставались.

Да.

Они были, может быть, их вначале, были депортированы, потом вообще, как вы узнавали о переселении? Как оно происходило? Сколько времени давали на сборы? Что разрешалось взять с собой? Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей? Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги, как объясняли причины депортации и что говорили об этом переселяемые люди?

Никто, мы ничего не знали, и никаких разговоров не было, никаких. Я там училась в школе, нас школьников за Волгу посылали траву косить, для колхозного скота, мы помогали как, как школы.

Вам сколько лет было, когда в 41 году?

Ну, сколько мне лет было лет 16, 17.

Где-то 16, 17 лет было да. Вот вас, в сельский совет родителей вызвали и сказали, что они будут выселены?

Да, да, да.

А куда?

Не сказали.

И сколько времени дали?

Три дня на сборы. Ну что могли то продали, корову продали, овцы.

То есть возможность была продать, да?

Можно было продать, но все это по такой цене, скорее, скорее надо же было.

И дом продали?

Нет. Дом забили, закрыли, вот так дощечки забили. Никто не мог купить так быстро все это, но я, когда мы уже собрались все, нам сказали сейчас придет подвода.

Что за подвода? Машина?

Нет, это лошадь, подвода мы называли. Все погрузили вещи, разрешали, берите все, что можете, но мы мебель-то, конечно, не грузили, а так что покушать. У нас были пчелы, папа пчел тоже кому-то подарил, кому-то подарил, мед у нас был, мы взяли с собой, мука у нас была, запас взяли с собой мешок там, там мясо, мясо было, мы тоже там, обжаривала мама все это на дорогу. Куда едем, чего, ничего этого неизвестно.

А вот когда вам сказали три дня, это получается в вашем селе, сколько было семей немцев?

Вот всего было шесть, но мы не общались ни с кем, ни с кем не разговаривали.

Вы не знали?

Не знали, какие семьи, и кто. Когда мы приехали на Волгу с нашими вещами, на Волгу приехали, и там стояла моторка как пароходик, большой дощаник такой, вещи стали грузить. Я увидела преподавателя, который в школе у нас преподавал немецкий язык, он был немец, жена была русская. Эмих, он был Эмих Александр Иванович, а она была Эмих Александра Ивановна.

А они тоже жили в Терсах?

Тоже в Терсе жили, и мы там встретились.

И другими немцами да, что вы увидели, да?

С другими, я их не знала. Этих людей.

Но вы встретились там, вы увидели, что много вот их? А сколько?

Шесть.

Шесть семей только вы видели, да?

Всех погрузили все, здесь мама моя познакомилась, папа знал этого Эмиха учителя, он ходил ко мне в школу на собрание и знал. Мы ехали вместе, она учительница была и он учитель, и мы от Терсы уехали, гудки дали, этот пароходик гудки прощальные, много очень народу было, провожали нас. И нас повезли в город Вольск, город Вольск.

Это вы на пароходе плыли, на вот этой барже или что это, баржа да типа, плыли до Вольска да, а, сколько времени это прошло?

Да там недалеко, мы это с Терсы уехали.

А утром вас всех туда?

Нет не утром, не утром, а примерно так в обед, после обеда уже. Нас погрузили и до Вольска довели, потом разгрузили и все.

Где, в Вольске?

Да, все вещи в Вольске на берег. Мы поплыли по Волге, выгрузили все, вечером нам дали, сказали, ваш вагон такой-то, номер я забыла.

Рядышком проезжала да, была железная дорога да?

Железная дорога. Вещи эти таскали в вагон, мы попали...

Сами?

Да, сами мы таскали.

А вот рядом был конвой? Были солдаты?

Нет, не видно было, был конвой, когда мы ехали. Был конвой, ребята.

А вы так до Вольска, вы сами добирались, получается да? А эту баржу власть предоставила да?

До Вольска нас привезли, и мы значит, все вещи погрузили, все Терсинские, все попали в один вагон.

А сколько человек было примерно в вагоне?

Ну, не сильно много, не сильно много, не забито было, ну так вот расположились, все хорошо расположились в вагоне.

Телячьи вагоны, да?

Ну, конечно, такие обыкновенные, не такие как...

А вот как везли, как формировали эшелон. Сколько человек ехало в одном вагоне? Что смогли фактически взять с собой, и как это размещалось в эшелоне, какие были условия в поезде? Чем и как кормили вас, давали ли теплую одежду?

Ничего, никакую одежду не давали и не кормили, но иногда, когда мы ехали уже в поезде, когда большой город, большой город, то бегали за кипятком.

Останавливались да?

Останавливались.

А сколько остановок было вообще, вот когда вас в вагоны загрузили да, вы уже знали, куда вы поедете?

Нет, не говорили, куда мы поедем.

И не спрашивали?

Спрашивали, я сама лично спрашивала, ребята молодые, с винтовками ходили, мы с ними разговаривали, ребята, куда вы нас везете.

А они что говорили?

Они говорили, мы сами не знаем, они не говорили.

А вот вас в один вагон вы получились, что вот в Терсе которые жили?

Все Терсинские.

А в других вагонах что было?

Тоже люди, а вот...

Откуда они были?

Откуда, ну там же рядом с Терсой, Вольск, там очень много заводов Коммунар, Большевик, Пионер, там везде были немцы, жили. Потому что через Волгу Немецкая республика недалеко, многие немцы уже переселялись сюда, здесь жили, работали.

Ясно, а вот сколько эшелонов там было?

Один большой эшелон.

А сколько вагонов?

Вот не знаю, мы не считали их, но большой был эшелон.

Большой эшелон?

Большой эшелон, военных было много очень, много было военных, ребята молодые с нами разговаривали, смеялись, когда остановка. Мы, по-моему, 20 суток ехали.

20 суток ехали, да, 20 дней?

Долго, долго мы ехали.

А остановок много было?

Много остановок было. (Отцепляли же вагоны *(подсказывает сестра)*). Тихо.

Почему отцепляли?

Сестра: А потому что не все же, не всех в одно место везли, подожди, это уже когда в Казахстан заехали, тогда только отцепляли и выгружали людей.

Ясно, до Казахстана вы 20 суток ехали?

Да, да, да.

Получается, да?

Мы ехали до станции Кургамыс.

Кургамыс – это где?

Щербакты знаете.

Да, Щербактинский район?

Вот это Кургамыс.

В Павлодарскую область получается?

В Павлодарскую область мы приехали, выгрузили нас.

Эмма Адольфовна, я хотела спросить, а в дороге люди умирали?

Нет, это мы не слышали, не видели, у всех было питание, все ехали не с пустыми руками, еда была.

А когда остановки были, большие остановки, за кипятком мужчины бегали?

Бегали и дети.

Дети, разрешалось да?

Разрешалось, разрешалось бегать.

А вот когда вы ехали, было такое, может, слышали, может в вашем вагоне люди сбегали, допустим?

Нет, этого не было, нет, нет.

Под конвоем все же было?

Да, да. Но они очень хорошо относились к нам эти военные, девочки вы не уходите далеко, некоторые даже кушать бегали, вот большие города там столы на улице стояли, как сейчас помню, и давали кушать. Вот только я не знаю бесплатно, или за плату, но мы, наша семья, мы кушали всегда в вагоне, всегда.

Вот, Эмма Адольфовна, какие ходили слухи, что говорили люди вот в вагоне?

В вагоне плакали, очень много людей плакали. Моя мама плакала.

Что мама говорила?

Мама говорила, не знаю куда, если бы сказали хотя бы, а то ж не говорили куда едем, чего.

Или это угнетало родителей?

Да, это очень угнетало родителей, угнетало. И вот эта учительница Эмих, у них тоже две дочери были, не большие, она плакала с мамой та русская, эта русская разговаривала, куда нас везут, чего, но их тоже выгрузили, нас весь вагон, всех выгрузили, потом поезд дальше пошел по Казахстану, их же расселяли, до самого южного Казахстана шел этот поезд, и все дорогой выселяли вот что.

В начале вы, когда это в Казахстане вы первые были, которые в Щербактах? Нет, это вы уже?

Нет, раньше там раньше.

Где раньше, где раньше?

Вот я не помню.

В Кустанайской области или в Петропавловской области где?

Я тогда те области, ничего ведь не знала.

А, но знаете, чтоб вы хорошо, останавливались во время дорог, некоторые вагоны были это да? Ясно.

Когда мы приехали уже в это, в Кургамыс нам сказали, вы будете в Алексеевке. Алексеевка село, станция Кургамыс, село Алексеевка.

Когда вы прибыли?

Мы приехали днем, днем приехали.

В какой месяц приехали?

Сентябрь, сентябрь.

А число не помните?

Не помню даже, в сентябре или в начале октября, что-то вот такое.

В сентябре да получается?

В сентябре.

В 41 году, в 41 году, да?

Но когда значит, мы приехали, из села люди прибежали, Алексеевка рядом там Кургамыс, на станцию прибежали люди, я слышала разговор, ой, говорили у немцев три глаза, а у них только два глаза, как у нас, был такой разговор.

А кто?

Женщины, дети.

А кто были, казахи, другие национальности?

Казахи были тоже.

И еще кто-то был?

И русские, и казахи, большое село, это Алексеевка, тоже.

Ясно, вот вы когда в Кургамыс, сказали, вот в Кургамыс прибыли, вас встретил кто-то?

Нас встречали.

Кто встречал?

Вот я не знаю, встречали.

Сестра: председатель колхоза специалистов.

Распределяли по квартирам нас.

Сестра: забирали вот, каждый забирал себе, вот папа зоотехником работал, его председатель колхоза забрал, и он стал сразу работать зоотехником, на подводе выгрузили, погрузили все и увезли в Алексеевку.

В Алексеевку ваша семья только, или еще кто-то был?

Нашу семью только к одним привезли, женщина жила и двое детей у нее, по моему, было, и нас туда, ну и распределяли всех, всем дали где жить, видимо, раньше была договоренность, и потом на завтра нам уже давали продукты из колхоза, и молоко нам давали, и хлеб.

Дом один, в одной семье жили две семьи, получается, да, или одна семья жила?

Эта семья русская жила и мы.

И вы жили да?

Да.

У них дома жили. А в их семье, сколько человек было?

Двое детей и женщина. Трое.

Трое жили, да? Без мужа она была, да?

Муж на фронте был.

Ясно. А вот какие были природно-климатические условия, отличались ли они от того климата, в котором вы проживали?

Да, конечно, конечно, здесь мы вышли, ветер сразу, ветер катун этот, катун этот колючий такой...

Сестра: перекажи поле, курай, курай.

Курай вот, а там очень была приятная погода в Терсе, на Волге, там же красивые места на воде, очень хорошие.

Зелени много?

Зелени очень много.

А здесь не было?

Да, да очень красиво, Терса очень красивая, вот.

А какие были бытовые условия в первое время?

Бытовые условия сначала, ну мы жили хорошо с этими, плохо было с топкой, варить надо было, а нечем, дров нет, и мы с папой, я с папой ездила, он брал подводу в колхозе, он уже зоотехником работал, такая специальность везде нужная в то время, мы ездили с ним, собирали кизяк, сухой кизяк, чтоб топить и варить, готовить, вот это вот и вот этот катун вот этот колючий и собирали для топки. Но мы в Алексеевке не очень долго жили, папу направили зоотехником работать в Александровку, слышали такое село.

Слышала.

Вот от Кургамыса 25 километров Александровка, село большое, туда мы переехали, туда тоже на квартиру к одним.

А сколько по времени вы там были вот в начале?

В Алексеевке мы, наверно, ну, сколько мы жили, наверно, месяца три, да, недолго мы жили.

А вообще в этом селе другие немцы, много было да других немцев?

Немного.

Немного, да?

Немного.

А других переселенцев?

А других тоже распределяли.

Кто были, какой другой национальности были?

Национальности не видно было, все, что похоже были на какую-то национальность, нет вроде, все немцы, может, и русские были.

Поляки, допустим, были, чеченов не было?

Нет, нет, нет, в этом не было поляков.

А вот возместили ли вам оставленное дома, скот, вот жилье осталось же у вас, все там ну вы, что могли, продали, все равно дома, вот это вот что-нибудь здесь, помимо вы говорите, что вам давали питание вот, еду давали да, там молоко, а еще что-то давали?

Где, в Алексеевке?

Да вот в начале, где вы приехали?

Ничего не давали.

А мама работала, она дома с детьми была?

Моя мама дома, она не работала.

Она с детьми была, а отец работал уже зоотехником?

Папа зоотехником работал.

Хорошо, потом вы переехали в Александровку?

В Александровку.

Вы сами переехали или вас опять же?

Нет, нет, ему подводу папе давали, мы же...

Его туда распределили, чтоб он туда поехал?

Да, да, да, что-то тоже 12 или 13 колхозов у него было в Александровке, вот я в школу пошла, в восьмой класс и значит мама...

В Александровке, да?

В Александровке. Мама, значит, дома была, тоже у Крамаровых, не помню фамилии, мы у них жили на квартире.

А там сколько было?

Женщина, трое детей, муж на фронте, вот мы там прожили тоже недолго, недолго, ну, наверно, месяцев 6-7, папу нашего забирают в трудовую армию. Мы остаемся в Александровке все, через несколько времени, месяца через 2-3 повестку мне в трудармию, из школы взяли меня.

Одну?

Одну. Остальные были все женщины немки, которые в Александровке жили и это, и с детьми. Детей в детский дом всех, а женщин забирали всех в трудармию.

А мама Ваша осталась?

Мама осталась, она русская.

А Вам, сколько лет было?

Мне было тогда уже лет 18, наверно, уже было.

Она-то, что русская была, ее оставили с детьми?

Ее оставили, ее не трогали, и я, значит, мне в трудармию повестку принесли, уже было холодно, осенью мама мне...

Этот год был 41 или это уже?

Это уже по-моему уже был 42...

Эмма Адольфовна, вот у меня вот такой вопрос, какой национальности были местные жители, как я опять уже вперед, назад, то есть которые вас встретили в Александровке?

В Александровке...

Как они вас встретили, была ли поддержка с их стороны, или, наоборот, они не помогали вам?

Нет. Нам, не в чем, мы не нуждались в какой-то помощи, но так русские очень хорошо к нам относились, там были казахи, но мало, конечно.

В основном русские были?

Да. В основном русские были, ну вот мне дали, что еще...

Еще такой вопрос, жили ли в этом районе, в селении, казахи как они вас встретили, были ли проблемы общения с казахами?

Там казахские поселки были отдельно.

Ясно. Теперь, каким показалось благосостояние местных жителей? Каким был их национальный состав? Как менялось отношение местного населения к вам, возникали ли браки с местными жителями? На каком языке вы общались с местным населением? Были ли, вот уже, в месте прибытия, уже другие, насильственно переселенные люди?

Нет. Мы разговаривали, все говорили на русском языке, все.

Были ли браки?

Но вот я об этом я не знаю.

Но вот, помимо вас, вот когда вы переселились, другие немцы там уже были или другие национальности?

Но, нет, по-моему, эти немцы, потому что забирали в трудармию всех, таких, которые прибыли.

Прибыли, которые да?

А дети всех, всех в детский дом.

В детский дом, да?

В приют маленьких детей тоже забирали, и больших, и всех.

Эмма Адольфовна, теперь у меня такой вот, жизнь на месте, когда, какой статус, и какой режим отбывания депортации, были определены и какими были они фактически?

Как понять это?

Вот какой статус вам давали, там ничего вам не говорили?

Сестра: Дразнили или нет, нет, нет.

Какой режим отбывания, потом вот как вас проверяли, вы на месте, вы не сбежали ли или там вот, как проверяли наличие на месте, были ли побеги, каково было отношение у местной администрации?

Сестра: Вы знаете, первое время, по-моему, уже да, это было, ходили все отмечались, в 53 году, это уже позже было.

Нет, вот вы когда прибыли, да вот 3 месяца вы сказали в Алексеевке жили, потом в Александровке, да вот отец, допустим, он каждый месяц куда-то ходил отмечался, что вот мы здесь?

Сестра: Один раз в месяц ходили. Один раз в месяц.

Всей семьей ходили или отец один ходил?

Нет, только отец.

Отец только ходил, что вся его семья и каждый так отмечался?

Да, да, да.

Это в сельсовете, да?

Да.

В сельсовете получается да, а вообще местная администрация как относилась?

Да, хорошо.

Хорошо относилась, да?

Хорошо.

Отец работал, как он, как они работали, как оплачивался их труд, потом Вы говорите, что Вы учились в школе, как складывались отношения вот с местными детьми у вас? Какие были специальные меры в отношении Вас, вот Вы помните, что как-то там может быть, как наказали, что Вы немка или как-то, что-то такое?

Этого не было.

Не было, да?

Не было, не было, все, все очень хорошо относились, я большая общественница, я играю на инструментах, я и песни пела там, и играла на гитаре там, и все очень хорошо относились, когда мне повестку привезли в трудармию, это прям шок был для всех, что меня забирают в трудармию, но я поехала, поехала.

Куда Вы поехали?

Оделись мы, нас на подводу всех, 2 или 3 подводы, всех женщин у кого сумки, у кого мешки, у кого что с собой брали, поехали, поехали с плачем, с плачем уезжали из Александровки в военкомат в Щербакты, куда мы приехали.

Именно сколько женщин было?

Много, много, человек, наверно, 15, 20.

С одного села?

Без мужей, без никого, без детей.

И младшая получается Вы были, да самая такая?

Да, я была. Приехали мы военкомат вечером, должны были нас на поезд и везти, сказали, на лесозаготовку куда-то далеко, но мы сидим там, кто ест, кто плачет, кто чего. Вдруг открывается дверь, выходит военный, посмотрел все кругом и говорит, девушка зайдите к нам, он мне сказал, я зашла, все смотрят и я женщине сказала одной, посмотри

за моим чемоданом, ладно я зашла, «Садись, как тебя зовут?», я говорю, «Эмма», «Ты в школе училась?», я говорю, «Конечно, я училась», а он говорит «Ты комсомолка», я говорю «Комсомолка и всю жизнь комсомолка, и с пионерами занималась и работу проводила в школе, все время с детьми», он тогда мне, подумал, подумал, «Мама у тебя русская». Видимо, там у них уже документы были, я говорю «Русская», а он говорит, «Хочешь учиться?», я говорю, «Конечно, хочу», он говорит «Если хочешь учиться, езжай домой сейчас, через три дня приезжай ко мне в военкомат, будешь учиться в Щербактах», я говорю «Как?», «Открываются курсы медицинских сестер, будешь учиться?», я говорю, «Буду».

И Вы домой поехали?

Я выскочила как угорелая, схватилась за чемодан, все за мной, куда ты, куда ты. Они думали, я сбежала, я говорю, меня отпустили вот так учиться, я поехала и все, и помню какая-то подвода была, и это, поехала домой, мама прямо, как так ты приехала, кто тебя отпустил, и через три дня я поехала в военкомат.

Я вот, хотела Эмма Адольфовна, спросить еще вот, Вы когда в 41 году были в Алексеевке, потом в Александровке, потом через год осенью забрали отца в трудармию, а куда его забрали?

В Нижний Тагил.

В Нижний Тагил, а Вас параллельно сразу же или через какое-то время?

Через какое-то время.

Через какое-то время, это сколько времени 2, 3 месяца, через полгода?

Наверно, месяца 3, 4 вот так.

Месяца 3, 4?

Меня взяли.

А отца когда в Нижний Тагил, переписка шла, Вы с ним общались?

Шла да, да, да, мама посылки ему посылала.

А он получал эти посылки?

Да, получал.

Он говорил, что получал?

Да, получал.

Это получается, вот в этом, где вы в селе жили, которых в трудармию, туда все женщины вот так вот переписку вели, да, и могли посылку выслать, да?

Можно было послать да, получал.

Хорошо, вот у меня еще такой вопрос, вот когда вы в селе жили, мы немножко опять назад, хочу вернуться, вот как было организовано управление в поселке, были ли стукачи, осведомители вот в Алексеевке, кто был во главе самого общества? Кто руководил вообще селом? Как питались, как одевались, сколько денег мог отец, допустим, зарабатывать? Он работал, как оплачивался его труд, когда он до трудармии, его забрали, как его оплачивался труд, потом вообще менялось ли отношение до и после войны? Как именно, что помогло вам выжить в таких условиях в начале?

Но, было все спокойно, было все спокойно.

Стукачей, осведомителей не было, да?

Нет, нет, нет, мы как будто вот приехали, среди людей разговоры хорошие, в школе хорошо принимали, соседи хорошие, все люди хорошие.

Как оплачивался труд отца?

Мы не знаем, сколько он получал.

Ну, он деньгами получал или?

Нет. Деньги он получал, зарплату, а сколько нас не интересовало, это кушали, мы питались, все у нас было.

Хорошо, теперь вот насчет трудармии?

Ну вот, я приехала в военкомат и зашла туда, там мне дали направление в райздравоотдел, вот идите туда-то, там квартиру вам дадут, предложат и будешь учиться здесь, и я взяла эту бумажку и в райздрав.

Вы одна были, да?

Одна, и меня сразу приняли, подошла заведующая курсами, она говорит, что будешь на квартире жить, как же фамилия, вот забыла я, живет одна женщина у нее сын, его забирают в армию и вы будете с этой вот бабушкой жить, забыла я.

А вот, за то что Вы будете там жить, или это как-то оплачивалось или это вот?

Я спрашивала, я говорю, «А кто будет за квартиру платить?», «Это вас не касается», она сказала: «Вы не будете платить», и я пошла к этой женщине, она: «Пожалуйста, заходите, мы уже знаем», знают, уже заранее была договоренность, и я там остановилась, она мне кровать дала, даже постель свою она дала, и я там жила. Через пару дней пошла в райздрав, уже стали собираться, местных жителей много было, и женщины, и девушки на эти курсы, местные жители.

Какой национальности были?

Русские в основном, и мы начали учиться там в Щербактах.

А вот, я хотела спросить, а вот когда вы учились, да вот там были другие, которые были депортированы, немцы там, может быть, поляки, другие тоже учились или нет?

Нет, не было никого.

Вы одна получается?

Да, я одна была, но обстановка хорошая была, и меня выбрали старостой этого кружка, группы.

А сколько человек в группе было?

В группе было около 30-ти человек.

И Вас готовили как медсестру?

Медсестра, но готовили для фронта, для фронта, но меня б, конечно, не взяли бы на фронт.

Почему Вы так думаете?

Но я думаю так, не знаю, ну вот потом, когда я закончила эти курсы.

Это сколько месяцев?

6 месяцев, после этих курсов меня направляют, училась я на все пятерки, меня направили в Павлодар. Приехала я в Павлодар.

Это в каком году?

Это было, это был 43 год.

Вот, спокойно было, вам разрешали выезжать?

Да мне разрешали, я ни разу нигде не отмечалась.

Не отмечались?

Нигде. Когда я приехала в Павлодар, я пошла в горздрав, с этим с моим направлением, меня направили в инфекционную больницу. Областная больница инфекционная, рядом с ЦУМом была эта больница, если вы в Павлодаре всю жизнь живете, помните, там было, не помните, там была больница, две больницы было, одна сюда на Держинскую улицу, этой стороной, а там во дворе с Фрунзе улицы был другой вход, другое здание большое, другие больные лежали, я там начала работать.

В 43 году?

Да. Вскоре стали приезжать чечены, ингуши сюда, и меня поставили, где примерно, где эта улица, где восьмая школа была, на берегу там детский санаторий был, туда

привозили их, этих чеченов, ингушей с тифом. Все приезжали, у всех сыпь была, тифозные больные, и я сортировала, кого отпускали здоровых людей, а сыпнотифозных, я говорила, вот это сыпнотифозные в больницу сразу, и это продолжалось, я там работала неделю с этими сыпнотифозными. Потом, я пришла однажды на работу, мне говорят, вас посылают в командировку, я говорю куда, в Бурас, это Бурас к Семипалатинску ехать, Бескарагайский район тогда был, вот там, значит весной, уже весной вспыхнула эпидемия сыпного тифа там, там как раз посевная была.

Сыпной тиф?

Сыпной тиф. Да, эпидемия сыпного тифа как в Павлодаре.

Среди людей?

Да, среди людей, очень много было, приехали они, наверно, и привезли, эти ингуши и все потому что началось сразу быстро очень, и значит, я туда уехала и еще одну медсестру мне дали, молоденькую девочку и мы туда с ней приехали, нас привезли на быках, в эту, где они вот, трактористы живут, и там они в бригаде все лето находятся, пока посевная, потом уборочная, и там у них это как ее даже, был домик, там где они спали на нарах, спали, солома была.

А кто там был, какой национальности там были?

Казахов много было, в основном были русские, но очень...

Это в Семипалатинске да, вот, а как там село называлось?

Бескарагайский район, Бурас.

Бурас да?

Бурас.

Это село?

Село Бурас, я там была две недели, страшно сыпной тиф был, я вызывала...

А с чем связан сыпной тиф, он?

Сыпнотифозные, сыпнотифозная вша, в основном, вша эта укусит, если он сыпнотифозный, здорового человека вша укусит, заболевает сразу человек, инкубационный период 7-11 дней, так примерно человек заболевает, много было.

А какие признаки?

Температура 40, бессознание, бессознание, всех в больницу вот, а некоторые умирали даже, один только был случай, и то его увезли, он уже по дороге умер, но в бригадах там кормили этих.

Где вы жили там?

На квартире, нам квартиру там, да мы на квартире жили с ней, потом главврач наш туда приехал, который здесь в больнице ведал, смотрел, как мы работаем, приглашали санэпидстанцию, жаровню, всю постель у них брали, одежду, все это через жаровню пропускали, инфекция, дезинфекцию делали.

Я вот еще хотела спросить, у Вас мама Ваша была там, вот, в Алексеевке же, была с тремя детьми?

Нет, нет, не в Алексеевке в Александровке.

В Александровке с тремя детьми, она тогда что делала, она работала, нет?

Нет.

А как они жили, на что питались?

Сестра: У нее была корова, у мамы, и садил в огороде, там на квартире она жила, там у Шумоленьких, там мы дом снимали.

Дом снимали?

Сестра: Да, уже с квартиры ушли, дом снимали, у нас сепаратор был, корова, к нам люди ходили сепарировать, и вот, вот так мы и жили.

Все, ясно, дети учились вот, хозяйством занималась, вы переписывались, можно было приезжать, вы приезжали домой?

Сестра: Можно было, я ездила иногда правда, редко, но ездила. Здесь знали, конечно, МВД знали, что не отмечаюсь, никто меня не привлекал, никто не трогал, даже ни разу (потому что мама русская была, вот эта вся загвоздка была в этом, что мама русская и нас не трогали).

Не трогали, не обижали?

Конечно. Я три года проработала, потом я заболела тифом, я заразилась, я же там температуру измеряла всем, подозрительных, советы им давали, что делать, чтоб не заразиться, и сама заболела. Меня положили в больницу, подстригли, у меня такие косы были, длинные косы, подстригли меня вот так, вот потом домой поехала.

Это уже в каком году?

Это уже 44 год, уже 44 год, да, я работала три года, проработала в инфекционной больнице, вот потом, ну так я и работала, потом здесь сильно да свирепствовал все-таки тиф, в Павлодаре тоже. Нам медсестрам всем давали эти как их, улицы, у меня была улица Достоевского, и каждые 10 дней надо было сведения в санэпидстанцию, если завшивленные семьи, если есть, я подавала сведения, если есть, приезжала жаровня, всю постель брали, одежду, все пропускали через эту жаровню, дезинфекцию делали, было очень тяжело. Так нас проверяли и попробуй только не обходи улицу, сутки отдежурим, и потом идем, как говорят, проверяли на завшивленность, чтоб тифом не болели люди, в больнице был свой подхоз, мы после работы ездили еще на подхоз, картошку пололи и копали, и все нам привезут бочку воды, кашу пшеничную, наедемся и не болели мы, ничего только, что тифом вот сотрудники почти все переболели тифом. Нам делали всем прививки, но в слабой форме, не в такой как такие люди не привитые, потом началась здесь малярия страшная, еще заставляли нас окрехин разносить.

Что значит окрехин?

Окрехин, это желтые такие таблеточки, Хино, оно белое такое порошкообразное, Окрехин, оно такие круглые, такие таблеточки. Меня даже, я тогда из инфекции, из инфекции меня посылали, сделали поликлинику для подростков, я там делала окрехиновые уколы, родители водили. Вот на наш Павлодар в то время, вот такая вот трагедия была, это был 44 год. В 45 году, в начале 45, это был апрель.

Отец у вас там же работал в Нижнем Тагиле?

Сестра: нет уже не в Нижнем Тагиле.

А где он был?

Папа был в трудармии, он пришел с трудармии позже.

Когда позже?

Он пришел, я уже замужем была.

После войны?

После войны.

Сестра: Их сначала на сахарный завод поместили работать, тяжело было им, он маме пишет, что Любочка, пропадаю, пропадает он.

В Нижнем Тагиле?

Сестра: да в Нижнем, конечно, мама 35 посылок ему послала с одним маслом, чтоб он не мог, а потом уже стали по специальности, стали их всех распределять, и он попал как специалист сельского хозяйства, и он попал там в совхоз, там Акул Курганского района, уже он там работал зоотехником.

Какое село еще раз?

Сестра: Совхоз там Акул Курганского района.

Ясно, и там работал?

Сестра: он там работал зоотехником.

Когда он пришел с трудармией?

Сестра: он пришел с трудармией.

В каком году примерно хотя бы?

Сестра: В 46, наверно.

После войны да?

Сестра: да после войны, нет, Тома в 46 не родилась, Тома в январе родилась или еще не было, он пришел, когда, ну он не пришел, он приехал вот почему, мама дружила с врачом и вот, она написала справку, что мама заболела и чтоб папа пришел, ну чтоб приехал, приехал в отпуск, а то он не приезжал, и как-то маленько не так требовали, не такая дисциплина была, он как приехал, вот отпустили его, и он больше не ездил, остался работать, а потом ему выслали трудовую книжку.

Ясно, а вот Вы тогда так и в городе работали?

В городе я работала, потом в 45 году, да в 45 году 13 марта я вышла замуж.

Сколько лет было?

Мне было 21, муж у меня был военный, он пришел с фронта на костылях вот, работал здесь в авиашколе, ему дали вторую группу, пока это он после второй группы, он мог еще раз на фронт попасть, но рана не заживала очень долго, и он пошел работать в авиашколу, его призвали в авиашколу, был он начальником боепитания, я вышла за него замуж вот, и он решил, я же считалась как спецпереселенка, на учете была, но не ходила отмечаться, и он стал писать, везде писал, и меня сняли.

Это, в каком году?

Это было уже 46 год.

В 46 вас сняли с учета?

Сняли с учета меня, но без права выезда в Саратовскую область, откуда выселили нас.

А туда нельзя было?

Туда нельзя было, а у нас там был дом.

Да и вы это помните?

Помню, и этот дом разорили, и построили, или аптеку, вроде аптеку я слышала.

Вы туда ездили потом, да?

Я ездила, но я не пошла посмотреть, думала расплачусь, пускай как мне рассказали.

Это Вы в какие года ездили?

Я, когда мы ездили с мужем, мы ездили, заезжали туда это уже было 40, 50, 70 или даже 40-е года. Да, да, да.

40-е года?

Да, да, да, мы часто ездили туда, мы часто ездили.

Но вам же запрет же дали, нельзя было в Саратовскую область?

Сестра: Жить.

Жить нельзя было, а ездить можно было, и Вы съездили в родные места да?

Там осталось родственников же много, мамыны родственники.

В Немецкой республике?

Нет, в Терсе.

А в Терсе?

Мама же Терсинская.

Да, да, да, а вот отца?

Сестра: О тех мы ничего не знали, куда, но их выслали тоже, потому что их в Алтайский край выселили, они в Алтайском крае отцепились.

Вот вы держали связь, вот с родственниками, которые жили там, с мамиными хотя бы родственниками, ну переписывались, когда вы здесь жили?

Мама моя держала со своими, но, по-моему, папины родственники позже тоже уже, каким-то образом, я слышала, мама говорила, что они там-то, там-то, там-то по слухам, там-то живут, но сюда никто не приезжал к нам.

Не общались?

Нет.

У меня такой вопрос к Вам, смерть Сталина и дальнейшее событие до реабилитации, как Вы узнали о смерти Сталина, какова была реакция, что думали, о чем говорили, какие были слухи, какие строили планы?

Но вы знаете, планы, смерть Сталина, смерть Сталина прошла очень тихо, спокойно так же, как никаких ни демонстраций, ничего не было, ну умер человек жалко, жалели как-то такой.

А вообще какая была реакция, вот у мамы, у Вас?

Ничего наши родители не говорили.

Не говорили?

Нет, все-таки при Сталине была дисциплина, и наши родители, хотя мы и попали сюда, но не было ненависти какой-то, не было, да этого не было.

А какие были слухи, о чем говорили, какие строили планы, может вот родители, ну вот умер, теперь мы там, что-то говорили?

Нет, нет, нет.

Умер и умер, и спокойно все отнеслись к этому?

Да, да, да.

Эмма Адольфовна, вот то, что вы забыли, скажите вот об этом?

Маму вызвали в сельсовет.

Это вот когда, до переселения? И что там сказали?

Вызвали в сельсовет и сказали, вы можете здесь оставаться с меньшими. А старшая дочка, у нее уже паспорт и муж они должны уехать.

А куда уехать, не сказали?

Нет, нет, мы сами не знаем.

Что мама тогда сказала?

Мама сказала, я не отстану, куда они туда и я поеду, все поедем вместе. И мы поехали, остались вместе.

Потому что она вот русская, ее можно было с тремя детьми, а у них нет паспортов.

А у меня был паспорт.

Ясно, и мама решила так? Да?

Да, да.

Эмма Адольфовна, у меня такой вот вопрос, вот когда Вы узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? О каких документах по реабилитации слышали? Какие документы о депортации вообще видели, держали в руках, и где их надо было получать?

Вот когда Вы узнали о реабилитации?

О реабилитации я узнала после, когда уже война кончилась.

В каком году, а как Вы узнали об этом?

Война кончилась в сорок пятом году, да в сорок пятом. Это был, наверно, сорок шестой год, да сорок шестой.

Вот в сорок шестом году Вы сказали, что Вы были уже, муж писал, куда он писал?

Писал да, я не знаю, он где адрес взял. Пришел ответ оттуда.

Откуда? Куда?

Вот, я не знаю даже.

Хорошо, ладно.

Но меня освободили, без права выезда. Он офицер же был.

Военный.

Военный. И значит о реабилитации, но, а потом я когда уже, кто-то мне сказал, что надо документы от прокурора что ли. Я пошла туда, и дали мне документ, что я реабилитирована.

А в каком году это было? Вы слышали о реабилитации у кого-то, у кого слышали?

Папа, наверно, сказал.

Папа Вам сказал? Да?

Да, да, да.

Вот получается отец тоже об этом уже, Вы читали в газете где-то или просто?

Нет, нет, я не читала газет.

Услышали где-то? Да?

Да, да, да.

Ну, а Вам отец лично сказал?

Да, да, да.

А отец откуда узнал?

Я не знаю, они, когда уже отец пришел из трудармии, они переехали в Лозовски, Лозов, Лозовский район или в Успен. Они и в Успенке жили.

Успенский район, Лозовое там есть.

Да, да, да. Там зоотехником тоже он работал.

А, когда он приехал в Александровку, он немного там, они пожили и в Лозовое, да туда?

Да, да, да.

В Успенский район, он там зоотехником был тоже?

Да, да, да. Потом главным зоотехником. Потом к пенсии. На пенсию вышел, они переехали в Павлодар. Купили дом на втором Павлодаре, жили в своем доме.

Но Вы не знаете о реабилитации, как отец узнал? Да? Но он Вам сказал, получается, что надо документы?

Даже льготами мы какими-то пользовались. Когда дали мне документ.

Куда вы ходили?

К прокурору, и он дал нам такое это, что я реабилитирована, по-моему, бесплатно. Где-то внуки приходили, играли, наверно, так и забрали вот такой вот документ. И за квартиру меньше платили, и бесплатный проезд.

Это в какие года?

Но это уже позже тогда. После Сталина уже, после Сталина.

50-е, 60-е года?

Да, да, да.

Какие 50-е или 60-е?

50-е.

50-е года да это было. А вообще быстро ли это, процесс проходил реабилитации? Вы быстро получили документы?

Быстро. Все когда узнали они это немцы, кого это касалось, ходили, ходили туда и всем дали.

За сколько времени вы получили, сколько времени прошло, получили за сколько времени?

За полмесяца.

За полмесяца да? А вообще, о каких документах по реабилитации вы слышали? Или какие-то документы о депортации вообще видели, может быть, не видели, не слышали?

Нет.

А где нужно было получать? Где Вы получили, у прокурора?

Да, у прокурора.

Вы вот потом здесь оставались или решили уехать потом, родители хотели, может быть уехать обратно в Саратовскую область?

Вы знаете, мы жили здесь до... В 52 году я получила сильное осложнение, когда я тифом болела, крупозная пневмония у меня была, в больнице я тяжело переносила это, и я поправилась, и осложнения получила бронхоэктатическую болезнь. Бронхоэктатическая болезнь выражается, по-русски перевести – расширение бронха, и я в первые года в 50-е, 48-й, 50-е годы я не чувствовала ничего, болей никаких не было, а началось кровохарканье, сначала мне ставили ТБЦ, туберкулез, якобы, у меня. Меня обследовали кругом все, никаких туберкулезов у меня нет, потом я поехала в Алматы, там лежала я в больнице и мне сделали бронхографию, бронхографию бронхов и обнаружили расширение бронха в нижней доле правого легкого. У нас справа три доли, слева две доли, за счет сердца мне сказали, только операция поможет. Я струсилась, как говорят, я знаю в чем заключается эта операция, я расспросила, когда делать, чего делать. Они мне сказали, мы делаем хорошо операции, будем готовить вас. Они меня стали готовить, я дала телеграмму мужу. Он приехал туда в Алматы, разговоривал с профессором и муж задал вопрос ему, что после операции жена будет у меня здорова или нет, у меня даже уже кровотечения были, а он говорит, этого я не знаю. А муж говорит, тогда зачем делать операцию, если вы не знаете, но мы еще как следует, не изучили это, ведь очень сложно делать операцию. Он говорит, я выписываю жену, отдайте мне жену домой, у меня двое детей уже у нас. И я уехала с трудом, ну не отпускали меня, хотели делать операцию. Я уехала, муж меня привез домой, потом здесь, опять пожила немножко, нельзя было мне уже быстро ходить, наклоняться быстро нельзя было, страшное дело со мной было. Пригласил муж этого врача какого-то, хорошего, он меня у нас дома посмотрел, и сказал только операция, или климат смените, здесь все-таки климат плохой для вас. Мы подумали, подумали, муж говорит, давай уедем опять в Саратовскую область, и мы отсюда уехали в 52 году.

Уже реабилитация тогда была?

Да, да, да. Уехали туда.

А родители Ваши?

А родители мои жили здесь.

А они туда собирались?

Собирались, они даже приехали туда. Город Хволынск, мы там жили уже не в Терсе, а город Хволынск Саратовская область тоже на Волге, очень красиво.

Это в 52 году?

Да, 52 год.

Вы уехали, а родители позже, да?

А родители через год туда приехали тоже в Хволынск, и мы там жили пять лет. Я стала опять болеть, болеть, болеть. У моей мамы сестра родная жила в Москве, жила в

Москве. Она была директором школы, у нее уже были врачи, которые учились у нее в школе, и вдруг я собралась и поехала в Москву без всякого направления. Меня муж не пускал, я говорю, я не хочу жить, у меня пахнет кровью все время, ну что вы кровь, кровь. Приехала туда, мне тетя говорит, ты такую операцию хочешь делать, приехала без направления, ну ладно, я сегодня пойду на работу и разыщу своих учеников, которые уже врачи, что они мне посоветуют, когда она, тетя ушла на работу, как она мне обещала, я поехала искать здравоохранение. Да, я еще пока до отъезда, здесь еще год проучилась, уже техникум медицинский был, я еще год проучилась. Я приехала в Москву, нашла Министерство здравоохранения, пришла туда, как говорят нахрапом, и стала спрашивать, где мне вот с кем поговорить, мне нужна такая операция, лобэктомия называется, удаление одной доли легкого. Там секретарь в ужасе, такую операцию, да вы что, но я вам сейчас позову, кого там она сказала фамилия, пришли двое, мужчина и женщина, что вы хотите, почему вы сюда попали без направления, кто вы такая. Я им сказала, я медицинский работник, столько-то лет проработала, помогите мне у меня бронхоэктатическая болезнь, откуда вы знаете, я им показала снимок Алматинский, они посмотрели да, похоже, что бронхоэктазия. Один мужчина говорит мне, поедем, сейчас рентген сделаем, может быть, у вас туберкулез легких, посадили меня в машину и повезли, в какую-то поликлинику не помню и в рентген. Посмотрели меня рентгенологи и говорят, у нее легкие хрустальные. У нее не легкие, это у нее бронхи. И мне пишут направления, рентгенолог две подписи в больницу в клинику Моники. Московскую, понимаете, как это все получилось. И меня отпустили. Ложитесь на обследование, там и операцию вам сделают, если так хотите. Я приехала к тете на квартиру, они жили в Вишняках, от Казанского вокзала 10 минут ходьбы. Приехала к тете, а тетя уже там ищет меня, я пропала, ну вот я ей все объяснила, направление показала. На завтра нашла эту клинику, меня положили, направление было у меня уже. Я пролежала там месяц. Меня обследовали, лечили меня, кровь мне переливали, все сделали, теперь муж сообщил мне, позвонил тете, когда будет операция, чтобы сообщить ему, то он приедет в Москву. Я пролежала там месяц, а до меня одному мужчине делали такую же операцию, как мне нужно было делать, в точности. Бывает бронхоэктазия мокрая форма, бывает сухая. У меня сухая форма была. У меня мокроты не было, одна кровь, сосуды кровеносные лопались. И вот когда я уже легла, уже лежала месяц, этому мужчине делали операцию, и он умер, умер. Я так расстроилась, приезжает ко мне тетя, мамина сестра в клинику. Я ей говорю, тетя Дина этот мужчина умер, который такая же, как у меня операция. А она говорит, выпишывайся. Я говорю, как я выпишусь, меня же не отпустят сейчас, нет, я договорилась, мы сегодня ездили к Стручкову Виктору Ивановичу, ведущий хирург, он сделает тебе операцию, только не говори, что ты пойдешь в другую больницу, а здесь не соглашайся делать. Здесь хирурги плохо делают эти операции. Их делают недавно. А этот Стручков больше делает их, операции. Я пришла к своему врачу, кто там меня вел, объяснила, он меня долго уговаривал, я говорю, я приеду осенью к вам сюда, сейчас лето, я не хочу, дети у меня дома одни и он у меня...

В Саратовской области, да?

Да, я говорю, меня отпустите, пожалуйста, заплакала, и он меня отпустил. Но я не сказала куда, чего. Отпустил, тетя приехала на машине, меня забрала она с одним врачом, который у нее 10 классов кончил, подходила на дом к Виктору Ивановичу Стручкову, нашли, где он живет все, он их принял дома. Тетя моя, мамина сестра, объяснила, что я ее дочь, что она такая-то Морозова Дина Михайловна, и вот у нее одна дочь, двое детей у нее, прооперируйте ее, я боюсь, она там лежала, она там умрет, а он говорит, у меня тоже больные умирают. Она говорит, у вас она не умрет. Сделайте ей операцию. А он только сказал ей, я предупреждаю вас, чтобы было это между нами только. Министерство узнает, вы знаете, что мне может быть за это, что я больных беру, и прооперировал. И меня привезли в его клинику, он меня через три дня прооперировал, очень сложная была операция, местная анестезия была, общий наркоз давать нельзя, вниз лицом лежала, грудную клетку вскрывали, одно ребро выкинули у меня, и удалили одну долю легкого,

нижнюю. И сколько вот лет, в 55 году мне сделали операцию, ни одной кровинки, ничего не мешает, ничего я совершенно здоровая.

И Вы потом вернулись в Саратовскую область?

Да, мы там еще прожили, мы там 5 лет прожили, и родители там жили, потом муж говорит, поедem в Павлодар.

А вот я хотела спросить, ну ясно, почему Вы туда поехали, потому что климат нужно было поменять, может быть Вам лучше будет, а родители почему уехали?

А родители хотели, чтобы я была там, мои дети, чтоб там были, уже дети подрастали, своя мама очень скучала, там родственников у нее очень много.

А вот когда они выезжали, им помогали выезжать или они своими средствами выезжали?

Нет, никто им не помогал ничего. Сами они поехали.

Вообще были ли сложности при переезде?

Нет.

Не было, да? Были ли у депортированных какие-то свои организации? Которые вот там, помогали перевозить там?

Нет.

Сами своими силами просто переехали?

Они приехали туда, даже дом там купили.

Здесь продали?

Здесь продали.

Все уехали?

Да. А мы когда оттуда. Муж у меня из Катон-Карагая, слышали вы, Восточно-Казахстанская. Усть-Каменогорск, потом дальше туда. Вот муж мой оттуда, и он поедem в Павлодар, поедem в Павлодар.

И обратно Вы вернулись?

И обратно мы вернулись.

Через сколько?

Через 5 лет.

Через пять лет, а родители Ваши?

А родители после нас.

Обратно вернулись?

Да, обратно тоже сюда и опять купили дом здесь, и жили.

А почему они вернулись?

Нас нет там, меня там нет, я старшая дочь.

А там взрослые дети уже, сколько им лет, сколько им было?

Моя дочь старшая, Тамара, ей, она училась уже в девятом классе.

Вы переехали сюда?

Переехали сюда, она здесь девятый закончила, десятый класс с золотой медалью, старшая дочь да.

А вторая дочь?

А вторая дочь она училась, она на два года моложе, 48 года, она училась, значит, в седьмом классе. Она кончила одиннадцать классов. И вот когда мы здесь уже жили, она кончила десятилетку, она ездила в Саратов на олимпиаду все время, все годы отличница, в первом классе она не училась, сразу во второй пошла. И когда здесь она золотую медаль получила, она ездила на олимпиаду в Саратов, в этот, в университет Чернышевского.

Первое место получала и ей профессор, т.е. доцент сказал, Тамара приезжай сюда после десятилетки, будешь у нас учиться. Кончила она здесь с медалью, и я ее увезла в Саратов.

А почему вот, муж решил переехать обратно сюда?

Скучал по Павлодару, и здесь насчет работы лучше, и мне лучше. Там, где мы жили город Хволынск районный, работы мало очень, там если местные завладели, то держаться, но я как медработник меня принимали туда, а вот мужу было трудно с работой.

А родители хотели чтобы?

Чтобы. Со мной они чтобы хотели жить. И она, ее родственники приезжали из Хволынска и общались они все.

Чьи родственники?

Мамины.

Мамины родственники так, да?

Да, да, да.

В деревне они жили, и они общались между собой. Хорошо. Эмма Адольфовна, у меня такой вопрос к Вам, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы?

Да нет, по-моему, нет. Ну, как изменилось, сейчас ведь нам помогает это ну как оно называется (*смеется*), Нина Викторовна.

Центр возрождения?

Возрождения.

Немецкий центр.

Да, да, да. Я там тоже, там была другая, тоже очень хорошая они нам раньше, я, посылки они мне присылали, а теперь вот как только октябрь месяц привозят нам то сахар, муку, подсолнечное масло, продукты, помогают.

Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей? Скажите, пожалуйста, благодаря чему Вы вообще выжили в этих сложных условиях? Как Вам удалось сохранить вот свою жизнь?

Ну как. Вот вы знаете, у меня муж хороший был, это одно, мы с ним 64 года прожили, 64 редко кто так сейчас проживает, расходятся, разбегаются. Хороший муж. Дети хорошие.

Две дочери, да?

Две дочери, старшая дочь кончила этот университет, работала директором в школе, школы в Краснодаре, город недалеко от Краснодара, город Крапоткин, сейчас она уже на пенсии, купили дом, квартиру в Краснодаре, вот переехали они сейчас.

В России живут, да?

Да, Краснодар.

А младшая?

А муж у нее тоже кончил этот университет, физику преподавал, а дочь была директором школы, и математику преподавала. Была она 17 лет директором школы, и ушла на пенсию, и сейчас она отличник просвещения, и еще как это тоже называется, школа была железнодорожная 10-я школа, десятилетка. И она ездит бесплатно к нам в Павлодар, каждый год, один раз. Может куда хочет поехать, один раз, по железной дороге, потому что железнодорожная школа была.

А вторая дочь у вас?

А вторая дочь с ней, ей не повезло. Кончила одиннадцать классов, вышла замуж быстро.

Здесь?

Да. Заочно поступила учиться, а муж такой попался, сам кончил тоже институт здесь в Павлодаре, а ей не разрешал ездить заочно сдавать да туда-сюда. Быстро забеременела, дочь у нее сейчас, внучке этой 42 года уже.

Вашей внучке 42 года?

Второй дочери. У той старшей два внука, у нас два внука один кончил университет, второй юрист, а один железнодорожный, тоже с высшим образованием, хорошие ребята. А здесь эта дочь родила троих дочерей, учиться он ей не разрешал, сиди дома и все такое, она без образования, он стал плохо вести себя, обижал ее и она с ним разошлась, разошлась, мы очень помогали, детей вырастили мы, она без образования, что там 11 классов.

И Вы с мужем помогали ей, да?

Мы внукам помогали, и одевали их, и продукты давали, и все. Муж платил ее очень мало алиментов. Сам уехал из Павлодара, где-то на Украине живет.

А она здесь живет?

Она здесь живет, мы ей купили однокомнатную квартиру. Муж у меня как инвалид Отечественной войны, он хорошую пенсию получал, и мы ей помогали. Купили ей квартиру, и она заболела, заболела, давление у нее было все время, она очень не обращала на это внимание и инсульт был, и парализовало ей левую сторону. И вот она так дома ходит, но куда то общаться куда-то идти не может.

Это сейчас, да?

Сейчас она живет одна. Вот внучки ходят иногда там к ней, помогают, но тоже все работают, все работают, вот так вот.

Эмма Адольфовна, у меня такой вот вопрос, воевал ли кто-то из родственников, на фронте, что с ними было после окончания войны?

Мамин брат, мамин брат Павел Михайлович Морозов, мама у меня Морозова была, он был на фронте, у него рука ранена, он был и председатель колхоза в Терсе, где мы жили, и на коммунаре на заводе работал большим человеком, и славился на всю Терсу. Морозова Павла Михайловича вся Терса знала вот.

И он на войну ушел в 41 году?

Да. Он вернулся домой и года четыре тому назад он умер.

А еще кто-то, а со стороны отца?

Со стороны отца на фронте никто не был, а были только что трудоармейцы, наверно, но они очень мало общались. Когда нас увезли в одну сторону, а их в другую. По слухам пользовались там та там, они живут, я даже забыла их как фамилия его родственников, но папа никуда не ездил, не искал их, не искал.

Хорошо, у меня такой вопрос к Вам, что Вы еще хотели бы добавить к тому, что вы уже сказали, может, есть еще какие-то моменты, которые мы еще не затронули, расскажите о том, о чем мы не упомянули в своей беседе?

Да, так вроде все.

У меня такой вот вопрос, что бы Вы пожелали своим потомкам, нынешнему поколению, будущему поколению, что бы Вы хотели передать будущему поколению?

Ой, чтобы жили хорошо, дружно чтобы были, чтоб работали, у нас вот правнук мы ему помогали, учился он, потом познакомился с такими друзьями, что они, он бросил учиться, но мы ему не дали это, плохо вести себя. Устраивайся работать, не хочешь учиться, работай и он сейчас работает на окнах, вот где-то окна он там делает.

Монтажником, да?

Да, и недавно женился.

Это Ваш правнук?

Это правнук женился, 21 год ему, женился. И желаю им всем здоровья, конечно, и чтобы, старшая внучка, первая внучка, дочери Светланы, вторая она, фельдшер кончила медицинский техникум и кончила недавно на этого на психолога, три года училась заочно, сейчас вот должна диплом получить, позавчера уже последний экзамен сдала. Младшей дочери дочь, внучка, вторая тоже техникум здесь закончила, но она не работает по специальности, ей две операции делали. Она работает в Поломова, университет там да, вот там она работает в общежитии студентов, в общем, начальник она там над этим общежитием, а меньшая учительница. Меньшая внучка учительница, тоже кончила сначала педучилище, потом она закончила заочно тоже институт педагогический, работает в школе, у нее двойняшки, уже в пятый класс пошли. Преподает зоологию, биологию и еще какой-то предмет, химию, химию и биологию.

В общем, биолог она так получается. Что бы Вы хотели передать будущим поколениям, может быть, можете сказать на немецком?

Вы знаете, я немецкий язык не знаю.

Забыли?

Забыла. Вот как мы переехали, я три класса закончила у нас, если бы говорили бы в семье. Мама не стала, мама боялась, что мы русский забудем. У нас все говорили по-русски.

Ясно. Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Ну будущим поколениям, мира, здоровья, чтобы все люди мирно жили и национальность, чтобы не говорили, ты русский, ты казах, ты узбек там или что, я всех уважаю, я работала в больнице костно-туберкулезном отделении, здесь 80% было казахского, казахские дети. Они меня так любили, вот у меня есть фотографии и я в 62 году, в 62 году меня посылали в Москву, на специализацию, в клинику имени Краснобаева, я была там, училась осиферида лечения, лечебная физкультура и массаж. Дети маленькие лежали, у кого туберкулез костей, вот горб, горб, их ложили в кровать, в гипсовую кровать, они по два, три года лежали, чтоб исправить этот горб. Эти у нас эти в позвонки расплавляется, палочка Коха расплавляет, и делает, садятся, и делается горб, вот этот горб надо было расправить. По два, три года лежали в кроватках, потом я их поднимала, поднимала этих детей массаж делала, азкерид, азкеридом лечила, лечебной физкультурой и по одной минутке ставила их, то они лежали в положении там, а то надо было поставить, три года лежать, а потом поставить, упадет же человек в обморок. По одной минутке, потом две, три, четыре, добавляла, добавляла. Я одиннадцать лет вот так работала, у меня вон видите, что с пальцами получилось. Все азкеридолечение и массаж, очень большая была нагрузка, лечебная физкультура была с песней. Когда я приехала из Москвы после этой клиники, где я училась. Наша заведующая, ее выбрали депутатом Верховного совета Казахской ССР, наша заведующая она приглашала с обкома партии со всех больших учреждений приходили, смотрели, как такие дети больные, как занимаются лечебной физкультурой с песней, у меня даже там есть, я сейчас вам покажу.

Спасибо Эмма Адольфовна.

.....
Буш Екатерина Гергардовна, немка, 86 лет. Была депортирована с Украины, Сталинская область в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Екатерина Гергардовна, у меня вот такой вопрос, как затронула депортация Вас или Вашу семью, непосредственно Вас, Ваших родителей или кого-то еще, какая именно депортация затронула Вас и Вашу семью: дата, контингент, место?

У меня отец он работал, заболел тифом.

Он работал где? Где вы жили?

Ну, на Украине мы жили.

На Украине где, как село называется, область там?

Как сказать, Сталин, Сталинский район нет, Селидовский район Сталинская область и село Галициновка.

Галициновка, Галициновка? Сталинская область, а район?

Сталинская область, Селидовский район.

Селидовский район, Селидовский район. Отец Ваш умер в 32 году, да?

В 32 году.

Кем он работал?

Ну, тогда строили плотину, мост, мост строили через воду, вот там он работал.

И он умер от чего?

Ну, он тогда на лошади подвозил там это что, это я не могу вам точно сказать, он заболел.

Тифом, да, заболел?

Тифом заболел, и его положили в больницу, и мы все заболели тифом, он же переходит.

Все заболели тифом, мама, да?

Ну все.

Все – это сколько вас, детей все заболели?

Да, ну я сама сильнее это сильнее заболела, те как-то легко переносили, а меня сильно подхватило, потому что они все говорили, это ты все отца больше всех любила, зато он тебе все оставил.

А сколько вас детей было?

Ну, трое детей у нас всего было.

Трое, да? А мама работала в селе, да?

Мама работала, она больная была у ней вот тянет вот вам не знаю, как сказать, у ней с животом что-то было, у ней если она тяжело работала, у ней как живот расходился или что-то там.

Проблема с животом была.

Ну и это вот когда отец умер, а я сильно заболела и мама.

Вам 6 лет было тогда? Да?

Да. Мама шила людям, ну нас же надо кормить.

Швеей была.

Ну и одеяла там, ну всякое вот это. И у нас была корова, ну телочку мама, отец купил, там ну хотели корову завести семья же. Тогда к нам залезли бандиты, поломали дверь, ну и залезли и маму сильно душили, говорили, что давай деньги, а где у ней деньги, если ее только мужа похоронили. Он сено был, привез, чтоб ну сами знаете, как и они, это сено взяли на крышу, мама людей наняла, на крышу убрать надо они думали, что мы сено дорогое было, они думали, что у нас сено продай и у нас денег много. Они потом залезли и стали маму душить, а бабушка у нас была сильно глухая, сидит, вот всяко ее обзывали, чтоб она легла, она никак, а потом мама уже кричит, мама ложись, мама ложись.

Это ее мама была?

Да, это ее мама была. Потом она легла, они ее, ну, там не знаю, что делали, общупали, облазили, ну сами знаете, как оно делается, тогда маму еще душили, она говорит у меня денег нет, у меня денег нет, а я сильно тяжело была, сильно больная.

После тифа не могли оправиться, да?

Никак не могла я, ну как восстановиться или, как и они меня вот так кое-как, как стояла, к стенке они меня отодвинули, искали там что я, что, что-нибудь, попрятали. Потом они лазили везде, картошку нашу перекопали, стекло разбили, ну, в общем, так хулиганы и стали тогда, возили пшено это ну в общем пшено, где чего пшеницу возили на станцию лошадьми, тогда этих не было, лошадьми возили.

Машин не было?

И у них телега где-то поломалась, и около нас вышли, ну чуть-чуть нас вроде бы проехали и остановились. А эти, побоялись, эти тогда ушли, эти хулиганы, эти бандиты ну, а потом мама, это стала вставать по-тихоньку выглядывает, где они. Она до меня пришла и говорит, что ну мол, что плачешь, я не умерла, а мама с бабушкой возле меня сидели, охраняли, все думали, что я умру. Вот.

Екатерина Гергардовна, вот расскажите мне, вот начало когда было переселение? Что было накануне депортации, были ли слухи, догадки, уезжал ли кто-то заранее, из опасения быть депортированным? Готовились ли к плохому повороту событий, вот когда вас хотели выселить, вот об этом расскажите, как вы услышали об этом?

Мы не собирались, мы жили ну как, как отдельно как-то мы жили да, мама только шила вот это, а потом я пришла, мама меня устроила в больницу, ну знаете, где чего подать, чтоб кушать.

Вам сколько тогда было?

Сколько мне было 15 лет, 16.

15, 16 лет, да?

15-ый, ну 13 лет, не знаю там.

Но война еще не началась?

Нет.

Война не началась.

Мама меня устроила еще войны не было, потом это началось через несколько времени, может неделя, может две, не знаю там она, я пришла домой у нас военных было.

Много?

Вот ночью идешь домой с работы, я, когда иду я, наступаю на людей, они лежали, ну спали вот на земле.

На дороге?

Нет, прямо на земле, на дороге да.

То есть в селе у вас очень много было военных? Вообще везде были военные, что вы даже домой шли и вот наступали на людей да, они спали на земле? Это вот перед войной, наверно, да?

Ну да. Уже война шла.

А уже война шла?

Их уже пригнали, или как бы сказать тогда же не возили, тогда же гоняли все пешком.

Как раз вот на границе, на Украине да было это все, а это в каком году было помните в 41, 40-ом году?

Началась война в 40-ом году да.

В 41-ом.

В 41 это только началась война, потом я пришла домой, мама сидит, говорит, доченька, что мы будем с тобой делать, что же говорят, что поселки рядом они собираются, их хотят увозить.

Кто? А откуда мама услышала?

Ну, как люди.

Слухи были? Что рядом поселок, их хотят увозить, куда-то да?

Куда мы не знаем, я говорю, мама покамест нас не трогают, будем сидеть.

Вы старшая в семье были?

Нет, я вторая была.

А старший кто был?

А, старшая сестра была. Она вышла за одного пацана, или за одного мужика замуж, и поехала до своих, до его родителей.

А они далеко жили?

Они где-то недалеко жили, поселок я не помню, не знаю.

Вы вторая и после Вас кто еще был, братишки, сестренки?

Она говорит так доченька, ну я утром встала, пошла, сама плачу, ну а вдруг маму заберут, а мы останемся одни.

Мы это кто? Братишка еще или сестренка была?

Братишка еще был. Ну, пошла и это.

Утром ушли опять на работу?

Ну, ушла на работу, потом я прихожу домой, а уже соседская девчонка пришла, она говорит.

К Вам на работу пришла?

На работу до меня прибежала, «Катя, ты знаешь, что у вас военные были, страшно, военные были» *(смеется)*

В доме?

Да, к вам приходили, они по соседству, в одном дворе мы жили.

И что она сказала?

Она говорит, что мамки о тебе говорили, мамка плакала, плакала, говорит, ну я тоже заплакала, что теперь же, я боюсь, а вдруг маму заберут, а я останусь. Я потом эти медсестры все меня уговаривают. Я пришла домой она говорит.

О чем медсестры Вас уговаривали?

А что.

Медсестры что Вас уговаривали?

Ну, медсестры, чтоб я не плакала, не расстраивалась, ну как.

Что все будет нормально, и Вы пошли домой?

Я пришла домой вечером. Она говорит, все моя хорошая, а мама шила военным фуфайки, брюки, она говорит, уже все забрали, говорит, мы завтра или послезавтра, утром нас увезут, а куда увезут, ну никто не знал.

Екатерина Гергардовна, а вот вы знали, что мама тоже знала, что только немцев увозят или кого-то еще увозят?

Нет, только немцев.

Вы это знали, что немцев увозят и вот до этого, что в другом селе тоже только немцев увозили, да?

Да, в общем, по всему, как вам сказать, по всему городу или не город, поселок везде увозили.

Седу. Уже увозили, вы это знали, к вам пришли военные, пришли, сказали или письмо было что-то?

Нет, у них письма не было, у них уже, у нас в саду уже деревья пилили, как выкапывали, это же они оружие ставили, видать, что-то там не знаю.

А что сказали, почему вас увозят?

Вот говорит, в общем, на три месяца нас выселяют, а потом вас опять привезут.

На три месяца, а куда выселяют?

Ну...

А для чего выселяют?

Ну, вот есть такой приказ, что будут выселять, ну раньше тогда же...

Ну, время на сборы дали вам да?

Да. Теперь мама стала собираться и большинство все люди прятали свое все, как бы сказать, свое богатство в погреб. А начальник, военный он хороший мужчина был, видно он приходил, говорит, моя милая, ты не прячь свою машинку, ты ее возьми с собой, она тебе может еще пригодиться. Но он же знал, что не на день, не на месяц, война идет, ну мама, потом он тогда полез в погреб и подал ей машинку швейную, ну только голову, как бы сказать вот это вот, потому что ножки вот это же не возьмут. Ну, утром приезжает, и нас грузят, мы едем.

Вас грузят, это вас в доме было бабушка, мать, вы и братишка?

Бабушки уже не было, бабушка уже умерла.

Уже умерла?

Бабушка уже умерла.

Это, в каком году?

Это в 41.

В 41 году. А вас грузят, это в селе много немцев было?

У нас, ну как не так много немцев было.

Ну, всех в этот день, ну всех немцев забрали?

Да.

В этот день. А это было когда, весной, осенью, летом, не помните? Осенью в сентябре, где-то да?

Да, наверно, так.

В сентябре.

Теперь мы едем.

На машину вас или как?

На лошади, какой там машина, господи.

На лошади, на лошадях да?

Да, едем, и летает уже, где стреляют, где бомбы кидают, где чего, ну, как сами представите, что все плакали, все кричали, все, это потом приехали на станцию, нас привезли, и нас же днем не будут грузить, нас ночью грузили.

Грузили куда?

А откуда мы знаем, куда.

Нет, а на что, в поезда, в эшелоны, да?

В поезда.

В вагоны?

На вагоны, ну там всякое было.

Людей много было на станции, да?

Ну, конечно.

А вы с деревни вот до станции сколько ехали на лошадях?

У нас недалеко было.

Недалеко да, а вот я еще хотела спросить, а что оставалось дома, вот со скотом, вы сказали, вот была телка у вас, а с телкой что?

А эту телку сразу, когда отца убили, нас обворовали, они телку убили, у нас еще казенная лошадь была, казенная лошадь, убили тогда.

Убили, мясо забрали да или что?

Лошадь утащили, мы откуда знаем, что мы же.

Мама ничто не успела продать, там допустим?

Да какой там продавать, если ты, ну как вам объяснить, как на огне мы...

Ясно, ясно, ясно хорошо, дальше.

Ну и это нас нагрузили, теперь везти ту, ту делается, ну поехали мы, повезли нас немножко, все станции разбитые.

Везде война уже, да? Стреляют, да?

Станция Лискно, это было ужас, что там было, мы доезжаем до станции Лискно.

Лискно?

Лискно она была. Вот тут кучка одежды лежит, там кучка одежды лежит, да что они все повывбрасывали свою одежду, а нас знаете, вагоны меняли, нас немцев много было, а этих, ой, как же их цыган, нет не цыган, ой, господи, евреев много было, а они этих евреев, на них кидались сильно это военные.

Кидались сильно на них?

Ну, да их убивали или как бы сказать еще сильнее, чем нас, теперь взяли они вагоны поменяли, вагоны с евреями и вагоны у нас, ну разделили, чтоб их тоже увезти, наверно.

А вы вместе с ними в вагонах ехали, с евреями, да?

Да.

А у вас в вагоне, сколько людей было?

Ой, не знаю.

Много да?

У нас там, знаете, было друг на дружке лежали почти что.

Это у вас, когда вас с деревни, вот вы на станцию, потом станции, так вы вперемежку с евреями были, да? Получается, да?

Да.

А вы с мамой и с братишкой были, да?

С мамой, с братишкой мы были.

Родственников там не было, да, вот?

Нет, у нас вообще родственников не было, потому что родственники они-то, как вам сказать, богаче жили, чем мы, мы жили бедно, они уехали в других поселках.

А про сестру вы не знали да? Что с ней там?

Нет, они тогда богатые были, а мы бедные, потом нас обворовали, потом вообще, знаете, теперь, как обворовали...

Потом, вы вот на станции были, вас повезли на какую-то станцию, там бомбежка вот эта, потом вас разделили, евреев отдельно, немцев отдельно?

Нет, это уже были вместе мы, половина евреев были, половина немцев.

В вагонах прямо вперемежку?

Нет один вагон такой, такой, такой...

А все ясно.

Вагоны они сами себе были, как, как сказать, вот ну потом доехали мы на станцию, а там что твориться, там рука лежит, там голова лежит, там нога лежит.

Ну, мясорубка была?

Ну, можно сказать почти, что всех убили, которые первый вагон был, ну первые...

Первые эшелоны, которые уходили, да, с немцами, да? Там не только немцев, всех вообще людей вывозили оттуда с Украины, да?

Теперь это только русских не трогали, теперь мы были фашистами, немец начал воевать, а мы виноваты, сколько друг от друга теперь мы поехали, а там были, мы нашли одного знакомого.

Где?

Ну, там где бомбежка была.

А вы это на станции, я не поняла, на станции вас, вот вы на одной станции были, вы свободно выходили, да? Конвоя не было, да?

Нет, тогда не было конвоя, тогда некогда было нас...

Не до этого было, да?

Мама выходит, стоит, говорит Катя, Катя, вон посмотри, Андрей идет.

А это кто?

Ну, это знакомый со второго поселка, тоже весь перевязанный, рука перевязана одна, по-моему, нет или не перевязана была, и говорит всех убили, говорит я только ищущу одежду, не могу найти еще, где тряпка наша. Это была станция Лискно, их все взяли, отделили, потом эти вагоны, убитых это все да все так отделили, нас туда не пускали, их сюда не пускали, там кое-где какие-то остались еще калеки, и нас там даже кормили на станции, потом объявили, чтоб все вышли из вагонов, прятались там в лес, недалеко был, чтоб туда бежали, а моя мама болела, она говорит, детки, детки до свиданья, прощается, говорит, я не знаю, если будет бомбить, я останусь живая или нет, я не могу бежать, ну мы там кукуруза посажена была да всяко такое, вот мы побежали, далеко мы с братом не бежали, держались как-то за руку, ну потом эта бомбежка кончилась, мы вернулись, ничто наш вагон не тронутый был, потом ночью нас посадили опять, и мы, нас опять повезли, везли, везли опять, вернулись.

Опять туда же вернулись?

Нет.

А в другое место?

Ну тут эта линия, разбили, да мы на этой поехали, поехали, поехали, вернуться мы не можем, эта линия тоже разбитая.

А обратно возвращаетесь?

Опять стараемся другую дорогу, едем, вот так мы три месяца, нас возили, покамест мы сюда в Павлодар приехали.

Вы три месяца ехали, а вот во время вообще люди умирали в поезде?

Конечно, умирали, выкидывали.

Выкидывали прям? Не хоронили?

А что вот, потому что умирает, например...

На станции их выкидывали, да?

Да, до станции не доезжали они.

Просто вот так на дорогу выкидывали, да, когда ехали?

Выкидывали, потому что, как сказать, не могу объяснить, это тогда же мы дурные были, не такие грамотные как сейчас. Ну и возили, возили нас, уже надоело.

Вообще как кормили вас в дороге?

Да, я же говорю, один раз нас кормили.

За три месяца? А чем вы питались? Как вы это?

Ну, мы вот ехали, как остановимся где-нибудь, поезд, что нету, где-нибудь вот огороды или вот что-нибудь есть, и мы бегаем, ищем, где картошину, где свеклу, ну, где чего есть, которое можно есть и мы...

И с собой, когда вы, наверно, из села выезжали, наверно, тоже брали немного еды?

Из села мы уезжали, потому что все люди, война шла, все люди боялись, сидели кучками.

Ясно. И это, а давали вам теплую одежду?

Ничего не давали.

И кипяток, какие условия были в поезде?

Кипяток, мы подъезжаем до станции, раз уж были вот так краны, все время воду таскали, у кого, что есть, кто успеет взять, значит возьмет, я успела, взяла, а вы не успели, не взяли, значит вот так было.

А вот кто-нибудь в дороге, когда вы в поезде, бежал ли кто-либо, ну вот что?

Ну, я же говорю вот так едем, видишь человек, лежит кто-то, ну он же быстро едет, не то женщина, не то мужчина, но что-то лежит, собирали, не собирали, не знаю.

Вы так три месяца ехали, один раз вас кормили, ну что вы могли так вы собирали в дороге, да ну вот что останавливались?

Ведь этих, которых раньше объявили, ну что выселять будут, например два дня или три дня им давали, люди стряпали, сухари делали, что, а нам-то ничего не говорили, мы-то голые, как соколы поехали.

Теплых вещей не было, да? Ясно, вот и через три месяца вы прибыли в Казахстан? Когда это прибыли вы? Какой месяц был, помните, ноябрь там октябрь?

Да, холодно было тут уже.

Снег лежал?

Снег лежал.

Не помните, какой месяц был да?

Нет.

А куда именно прибыли?

Нас привезли на станцию, потом нас отудова на Иртыш.

А как называлась станция?

Нас туда привезли, станция, ну это вообще вся, вся, как бы сказать, всех людей, сколько было на поезде и нас сюда на Иртыш привезли, ну прямо к Иртышу привезли.

На поезде?

Нет, это уже кто как, кто как мог.

Не поняла, подождите вы, привезли вас в Казахстан сразу в Павлодар, привезли на поезде вначале да?

Да.

Потом?

К Иртышу не знаю, нас не то возили, не то пешком мы шли.

Ну, хорошо, не помните, да? И к воде, к Иртышу?

К воде, да и приехали, уже Иртыш замерзал.

А вот вообще природно-климатические, какие здесь были природно-климатические условия, отличались ли они от того климата, в котором вы проживали? Отличались?

Ну, отличались, наверно.

Отличались ли природно-климатические условия?

Мы приехали на Иртыш, Иртыш стал замерзать, мы на этой стороне, да, а нас это на этой стороне привезли на станции.

Не помните, станция как там называлась, да?

Не помню, ну знаю я, ну это...

Хорошо...

Мы бежим к воде, одежда какая-то была, ложились там кучкой, ну родители там укрывали, а там костер пошли тут, тал был, там чего они ломали, жгли ну...

На берегу Иртыша?

Да.

Что, а вот когда вы приехали, вас никто не встретил?

Может и встречали, откуда знаешь, нас же там было уйма, а дети.

Теплую одежду не давали, да?

Детей не подпускали, если кто-то приезжает, это только взрослым говорили, нас потом через Иртыш, мы же на этой стороне, на ту сторону переправили.

Как переправили? На барже какой-то, да?

Да, нас переправили, а потом больше не стали, не могли ехать, это замерзли...

Иртыш замерз?

Нет, ой какой.

Железка? Иртышск? В какое-то село привезли вас, да?

Нет, там был клуб, нас в клуб всех туда, у меня ноги отмерзли, я не могла ходить.

А людей много было, да, вот с этого?

Ой страшно, потом мама ходила туда. Ну это, видно, начальник или что, там каждый плачет, каждый кричит, там не разберешь чего они. Вот какая-то тут не найду это, куда нас увезли, потом мама говорит, она сидит, она не ходит не на двор, ничего не может вот.

И вы да не можете?

Хоть возите куда-нибудь, в какую-нибудь, ну чтоб помещение было или что, потом нас вечером подъехали, на верблюдах тогда же ездили, приехали.

Кто приехал? Казахи?

Приехали эти сани, там мы стали грузить, и там еще бабушка с нами была, ну так это, ну знакомая, или, как сказать, она тоже не могла и нас на санях увезли с бабушкой, ну и их семья и наша семья мы поехали, едем.

А кто к вам приехал?

Какие-то казахи.

Казахи на лошадях, да? Лошади были?

На верблюдах.

А на верблюдах приехали? И в одни сани, да, или что там было?

Ну, да, там сани одни.

И сколько человек там помещалось в эти сани?

Там были, были побольше одни сани, одни поменьше, мы поругались эти два, чтоб, потому что я с бабушкой мы сидим у этой, в котором можно было больше одежды вокруг нас толкать, и так везли нас, поехали.

Куда?

Ну, ехали, нас куда повезли, не знаю.

А вот вы на берегу, вы говорите вот, когда вас сюда привезли, на берегу вы, сколько дней были, день там это?

Мы, наверно, полторы сутки мы были, а потом нас перевезли некоторых сюда.

В клубе были там, да, в помещении?

Нет, еще не в клубе, мы просто на этой стороне Иртыша, подвод не было, мы ночевали там, а мама нас укрыла, наверно, перина была или что, а этот брат-то он младше

меня, он больше дрыгался, а я видно ноги открытые, а мама была возле огня, холодно ведь мы же оттуда едем, у нас там морозов там, на Украине такого нету.

Мороза нет такого, да?

И мама пошла, один раз говорит, посмотрела ничего, потом стало рассветать, она подошла, она говорит, давайте дети вставайте, вон там огонь есть, нагреетесь, ага, я села, встать, а я не могу стоять, у меня ноги отмерзли.

Потом вот вас перевезли на другую сторону, вы там еще были сутки, да, или сколько?

Нет, полторы сутки были мы или два.

И потом на саних вот на этих на верблюдах?

Подождите, нас вперед до клуба повезли.

Да, ладно, не помните, ладно, потом на верблюдах, куда вас повезли?

Привезли нас в клуб, потом нас повезли, а куда везут, мы же не знаем.

Ну, вы знали, что вы в Казахстане?

Да.

Ну, вам сказали?

Уже сказали, что тут это Казахстан, господи, что за Казахстан, как люди живут, они что, не люди что ли, ну нам так странно казалось.

Почему странно вам казалось?

Ну, потому что у нас на Украине такого мороза нету, люди все одеты, такие шапки, знаете, как раньше же были, да и страшно на них смотреть нам, их страшно смотреть, потому что мы ну мы же дети, мы же тогда не такие грамотные дети были, как сейчас.

Дальше...

Ну и это поехали мы чух-чух, чух-чух, поехали, поехали, а тогда же много вот этих волков было, страшно много, они поехали, поехали, вдруг мы слышим тихо с бабушкой, бабушка не может встать, это, ни я, тихо и что-то там сверкает, как свечка там сверкает, сверкает, я говорю на бабушку, я говорю, ой это волки идут за нами и я давай кричать, бабушка плохо могла уже кричать, ну как-то.

Эта бабушка в селе с вами жила, да где-то там?

Нет, она совсем чужая была.

А, ясно вы в поезде познакомились? В вагоне?

Потому что я не могла ходить, она не могла.

Вместе посадили?

Да.

Ясно.

Давай кричать, кричала, кричала, уже горло болит, а оно все вроде ближе, идет эти свечи.

Это глаза сверкали волков, волков, да?

Это потом вернулся один там, все встали и высадили пустым сани ну саночки там может, какие-то нас потом забрали оттуда, нас бы волки съели.

Волки съели?

А то бы нас волки съели, я говорю, если он бы не вернулся, что не слышал бы.

Так подождите, так вас что оставили на улице где-то, что ли?

Нет, они поехали, поехали, потихоньку поехали, поехали, а мы самые задние были.

Самые последние?

Да, самые последние мы были, и это я потом стала, когда стала кричать, он вернулся, а те там ждали нас, он говорит что-то верблюд видно остановился, какой-то крыт, стал вроде бы сани, саночки считать, не знаю.

А верблюд что сам шел, что ли самостоятельно?

Ну, друг за другом мы шли же.

А сопровождающий человек не был, который его кнутом?

Ну, там несколько людей было, они собрались и ля-ля-ля-ля, знаете сами внимание, видно, не обратили на нас, что нас нету, а потом...

Верблюд остановился, и вы увидели вот эти сверкающие глаза да волков, да, рядом?

Нам кажется, как свечки.

Ночью потому-то вас везли да? Ну, потом вернулись, вас тоже вместе?

Да, этот вернулся и он по-своему, на своем или матерился или что-то там.

На другом языке говорил?

Да.

Вы общались, могли общаться на каком-то другом языке, на русском, да?

Ну и это потом мы поехали, поехали, ехали мы до какого-то поселка, там остановились мы.

Это уже день был? Или ночью?

Ночью было, ну и там не знаю, мне кажется, что мы, в какой-то сарай что ли зашли, завели нас, что там такое было.

А вообще вот вы целый ряд верблюдов, вот вы сказали, вот люди, людей сколько было, много было саней вот этих?

Ну, так там их, ну как сильно много не было, потому что там было, наверно...

Человек 40-50 было? Больше?

Наверно, меньше было.

Меньше было?

Потому что 5 саней, по-моему, было.

Вас в разные стороны забрали всех, да?

Ну, там не знаю, нас повезли, а там...

А там еще люди остались?

Ну, конечно, там полно осталось, там все кричали, что мы не такие, ну сами знаете...

Ясно, ясно какую-то часть забрали? И вы вместе уехали?

И нас повезли в Иртышский район, мы доехали, с Иртышского района нас потом через день или на другой день...

Вы в сарае, где-то были да?

Да там и клуб был и, в общем, не знаю или школа была или...

Вы там переночевали и обратно вас дальше повезли днем, да?

Ну, мы тут, там у них, между ними, наверно, собрание было или что, не знаю.

Хорошо.

Потом нас повезли в совхоз, вот вчера еще я вспоминала, думала, чтоб мне запомнить, и нас привезли в этот аул и привезли, например, к вам это, вы должны обеспечить, нас грузили, этот, куда хотите туда и давайте их.

А вас в одно село сколько человек приехало, сколько саней?

Я же говорю, ведь 5 или 7.

Пять, человек 30 было, наверно, да?

Да, может 30, может, не знаю, нет, это я не могу вам сказать, чтоб не наврать, не знаю.

Потом в селе, вас привезли и сказали вот этих людей распределите, да, по домам, да?

Привезли, там был мужчина и женщина, и маленький ребенок.

А в семье да, в которой вы жили, да?

У них одна комната была, нас туда вот сюда, а ну они между собой казах, между собой...

Вы у казахов были?

Да, это ж было совхоз.

Ну не помните, как совхоз назывался, да? Ладно, может, вспомните? Екатерина Гергардовна, вот вспомните, а вас это вот в семье вас, сколько человек, вот поселили вот к этим казахам?

Нас только поселили, мама, брат и я.

А вас трое было?

В одну комнату, одна комната и у них там было, они нас туда посадили, а у них тут впереди кухня была.

Молодая семья?

Как?

Молодые были? Они?

Ну, не совсем молодые.

И один ребенок у них был да?

У них один ребенок был.

Вот так всех немцев, которых привезли, вот на санях, вот этих всех так распределили к казахам?

Нас примерно к вам, а до меня пять.

А как они вас встретили?

Ну, как встретили, кыр, кыр, мы отсюда, мы *(смеется)*...

Кыр, кыр да типа заходите, *(смеется)* да?

Мы же не понимаем, в общем, знаем, что люди да *(смеется)*...

А на языке не знали, как общаться, да? Они русского не знали? Нет, не знали, да? А ясно, а была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогли вам? Были ли проблемы совместного проживания вот с местным населением?

Раньше знаете, были чурмины, вот это молоть, да вы может, помните или не помните, вот он нас заставил хозяин крутить, я сидела крутила, я же ходить не могла, а мама поехала с ним за талом.

За талом, за деревьями, за...?

Чтоб топить.

Ясно.

А мы же голые были, мы же, у нас штанов-то не было, на Украине такого не было, да Украина ведь тогда была вообще, сейчас не знаю, но тогда была теплая, чулки...

У вас одежды не было?

Чулки одели и пошли, да там ну трусики или штанишки до колена, если есть хорошо, и так мы ходили там, а сюда приехали, мама в перчатках, поехали в лес за талом, приехала мама вот так пальцы, коленки белые, ну они там с женой, потом гыркали, не знаю, что они гыркали, может быть, он хотел, надо было ей дать хоть штаны, чтоб она одела, не знаю вот так мы.

Гыркали, что это значит, ругались что ли?

Ругались между собой, он на нее, а она на него то что...

Теплую одежду надо?

Она стереть не может перчатки, чтоб снять, мы плачем.

Сильно замерзла она?

У ней все пальцы были прихвачены, коленки белые от мороза в снегу, а мы же к этому не привыкли, мы этого же не знали, а потом уже немножко как-то вот познакомились, и все они даже корову загоняли сюда в кухню, доили, раньше же так было.

А почему?

В сарае сильно холодно было, когда доит, они заводят корову в хату, в хате доили, другой раз и наложит туда, другой раз и сыт, ну скотина есть скотина, ой, а нам так страшно казалось, что ты, фу, заводят корову в хату (*смеется*).

Ясно.

Вот так, вот так мы начали жить, мы, потом нас...

Мама работала, да?

Нет, сразу мама не работала, я с братом, нас взяли с это...

В школу?

Скот кормить.

Скот кормить?

А двери там не открываются, надо крышу, делали дырку, мы спускались и сено подкидывали, да мы-то (*смеется*) это смех и грех, мы не знали, что такое сено, да.

А дверь почему не могли открыть? Снегом все завалило, да?

Ну, все закрылось.

А снегу очень много было, да?

Снегу много было, а видно этих казахов мало было, да они, наверно, через крышу залазили, когда кормили, их снег закидывали.

Скот, скот колхозный был или свой скот?

Ну, это совхоз был.

А совхоз был?

Колхоз.

Колхоз был да? Колхозный скот был, и вы кормили там, и вы работали там в этом колхозе с братом, да? А вот еще у меня вопрос, это жили, вот все вообще были ли проблемы общения с казахами? Помимо казахов там другие жили или еще кто, кто-то жил там?

Только мы немцы, нас туда прислали.

А это казахский аул был, да?

Ага, и мы, и мы между собой другой раз ругаемся, ну что нас привезли, с одной стороны смешно, а с другой стороны как бы сказать грешно, да ну там у них был председатель русский, мы до него все время ходили, он недалеко от нас там жил, через два дома что ли, и мы как это познакомились, мы, он-то знает по-казахски, мы идем, это ему по-русски говорим, а он приходит, толкует этим, ну как-то, ну ничего прожили, весна настала, снег ушел, скотину отправили, скотину, конечно, казахи поехали пасти, ну мы не знаем на лошади, мы же молодые, на лошади садиться и как с ней обратиться, что да нас, нас всех увезли, нам стали коровы привезли и доенных, и всяких у людей брали тогда, нам дали две доенные коровы и два это...

Кому, вашей семье дали? Две доенные коровы, да?

Нет, это на бригаду.

А на бригаду?

На бригаду.

А бригаде, да? С братом?

Мне с братом дали две коровы и два быка.

Бригаде, а в бригаде сколько людей было?

Ой, откуда я знаю, не знаю и нас заставили, это бригадир мы его просили, все ты нам иди, покажи, что мы можем, и будем делать, мы не понимаем, их мы не понимаем, вот он тоже приехал на бригаду и нам показал, и мы с братом пахали.

Пахали? На этих коровах? И быках да?

Некоторые люди.

Пахали, как вы пахали?

Ну, это плуг зацепили ну там, такой как вам сказать.

И каждый день пахали землю? Сеяли пшеницу, да?

Нет, мы пахали, а сеют другие, сеяли они, хотели, чтоб мы сеяли, мы говорим мы не понимаем это, мы можем кучу тут насыпать, а там пусто, а там опять куча, это же надо, чтоб человек немножко хоть понимал, ну они нас хвалили, мы коров не били, гоняли их, а некоторые коров сильно били хозяева, приезжали доить, ну они нас хвалили, что мы их, а те были прямо в полосках сами знаете, как когда бьют и все, и я, мы кончили этот посев, меня в трудармию забирают.

А как вам платили? Вот когда вы это, деньгами или?

И еще одну в трудармию, и меня в трудармию забрали, да нас отвезли до Иртышского района, а там нас опять на верблюдах и до Павлодара.

А вас много было тогда? Это всех женщин, что ли в трудармию, да?

Ну, мужиков-то не было, их же...

А в вашей семье вас одну, да, маму не трогали?

У мамы тоже мужика не было, а мне только, вот брат моложе меня и я.

Маму не трогали, мама с братом остались?

Да.

У этих казахов живут?

Я и еще одна женщина, тоже забрали, она совсем по-русски не понимала, немка.

На немецком. А у вас в селе сколько женщин забрали в трудармию?

В трудармию тогда нас только двое с наших.

В селе?

С нашего поселка до Иртышска, а в Иртышке еще больше, ну там были.

Собрали других?

Собрали людей.

А сколько вам тогда было? В каком году это было, когда в трудармию вас забрали?

Ну, сразу первый год в 41 году, наверно.

В 42, наверно?

Или в 42.

В 42-м, получается, если вас вы?

Привезли нас в Павлодар, это нас переправили через речку, через речку переправили, ну нам потом показали, где военкомат, ну мы пошли, я-то по-русски знала, а та-то ничего не знала, я зашла, он посмотрел, так пойдешь на этот, на сольный завод, ну стою так, ну баран, баран, потом он так посмотрел, а у тебя еще туфли есть, что-нибудь на ноги надевать, нету, ладно иди тогда, домой поезжай, он на меня говорит, я выхожу, я же рада, а бабку теперь надо толкать туда, я говорю, заходи, она зашла, она по-русски не понимает и плачет, потом меня вызвали, я говорю так и так, она одна, у нее вообще никого нет тут, и вот она, я не буду одна, я не понимаю, ну потом нас отпустили домой, мы переправились, мы через Иртыш и теперь...

А как село называлось, где вы жили?

Какой сестер?

Ну, вот село, где ваша мама жила с братом, помните? Не помните, да? Ну, хорошо, Екатерина Гергардовна, может вспомните еще?

Подожди Иртышск, пятый аул.

Пятый аул?

Да.

Ясно, пятый аул назывался, да, в Иртышском районе?

Да, этот из Иртышска, там километров 8 было или 10 от Иртышска.

Недалеко?

Да.

Недалеко, да?

Так нас отпустили, мы идем пешком, ноги растерли, идем, идем тогда уже.

Это летом было?

Это было осенью уже.

Почему?

Потому что уже пшеницу возили, муку возили, вот это все, да, идем, подойдем до поселка, и, ты знаешь, нас не пускают ночевать даже с бабкой, ну хоть, хоть в коридоре дайте нам сесть, чтоб нас волки не съели, некоторые пускали, а вот большинство не пускали, большинство еще нашей веры были, казахи нас пускали больше, чем русские.

Казахи больше пускали, да?

Потом мы вышли, ну ноги растертые, хоть рачки босые. Потом едет машина с мешками, он остановился и говорит, я вас не могу взять, у меня полная машина, поехал, потом едет какая-то машина опять, ну он, я не могу вам сказать, не то русский, не то это казах был какой-то, и на казаха похож, и не похож, не знаю, он говорит бабушки, бабушки на нас, я говорю, какие мы бабушки, я говорю сопляки, ну бабка-то она старше намного была меня, куда же я вас посажу, на кабину что ли, а я говорю, а есть что держать, чтоб мы держались, он потом залез на машину, дядька молодец был, он там мешки, два мешка сделал там, как-то ну там не сидеть, не стоять.

Нашел место вам в машине?

Да, в общем мы доехали до Иртышска, доехали, он там заехал куда-то, сгрузил это, что у него было там в машине, все теперь поедем ночевать говорит, а куда ночевать, не куда.

Вы же домой ехали же?

А?

Вы же домой ехали?

Да, но это же мы только до Иртышска доехали.

А еще надо было, да?

Подожди.

А в начале вас тогда, получается, в какое-то село забрали, вот где насчет соли да вас, разговаривали? Да насчет?

Это было.

А это Павлодар?

Это Павлодар был, Павлодар был.

Правильно, все ясно, понятно. С Павлодара вы пешком до Иртышска шли и вас на машине забрали? Ясно.

Ну, кто подвезет, а кто и не подвезет, кто что.

И по дороге вы в селах вот останавливались, казахи вас запускали домой, а другие национальности, а русские?

А этот другой раз, изредка, два наверно раза, нам же, мы же долго шли, у нас же ноги-то растертые были, вот до Иртышка доехали, он разгрузился там в складе, теперь он поехал видно до своих знакомых, взял, поставил возле, возле ворот машину, пойдете в хату, чай поьем, а какой мы чай поьем, не пойдете мы. Не пошли дураки, и женщина приходила, и бабушка приходила, просили, чтоб мы зашли в хату, а мы боялись, что машина уедет, потом утром он пришел, он поехал, нас до Иртышка довез, теперь я дальше вас не могу везти, мы слезли, поблагодарили, но дать ничего не можем. Подошли там речушка была, в общем, вода была, подошли, помылись, ну с Иртышка там, по-моему, осталось 8 километров каких-то как-нибудь дойдем, какой у нас уже ноги опухшие от грязи, потершие, мы до 8 часов вечера, но дошли домой, дошли домой три или четыре, три дня, наверно, я дома была, уже приходят и говорят, а на работу, что пришла домой, что приехала, если ты приехала с города так значит отдыхать или как-то ну вот, в общем, как-то так.

Это мама Вам сказала?

Нет, не мама, бригадир, казах, ну он по-своему говорит.

Ясно. Екатерина Гергардовна, вот такой вопрос у меня, вот а когда вы были там, да, вот в этом селе, когда вы пятый аул который да вот, вот там вы работали в бригаде, работали с братом вот, а вам какой статус, какой режим отбывания депортации были определены, какими были они фактически?

Ну, они нас не обижали.

Но вы каждый месяц ходили там в это, в сельский совет, отмечались, что нет, ничего не было такого, да?

Нет, это тогда не было.

Вас не контролировал никто?

Нет.

Ясно.

Ну, вы, куда мы пойдете.

А какое отношение, каково было отношение местной администрации, как проверяли, наличие вас на месте, были ли побег, может быть, другие немцы сбегали?

Нет.

Как их отмечали там? Не было такого?

И мы, мы же как, как вам сказать, как коровы, какие-то или как бы вам объяснить, мы же всех боялись, если кто только крикнет, мы уже боялись, мы уже...

Пугливые были, сильно пугливые были, да? Вот, Екатерина Гергардовна, а вот такой вопрос, вот среди вас же были дети да, вот у вас братишка был, допустим, да, они, учились ли дети в школе, как складывалось отношение с местными детьми у них?

Вот первый год покамест меня в трудармию взяли, брат не учился там.

А другие дети?

Вообще не учились, потому что у них школы не было, да.

Не было школы, да?

Там у них была ну какая-то комната, и несколько детей там у них было.

И что они там делали?

Ну, учились по-казахски, там же по-русски мы, мы не знали, они по-русски, мы казахский не знали, а они по-русски не знали, и они первый год, он не учился, потом зимой нас взяли в трудармию.

Обратно второй раз, да? Первый раз вас отпустили?

Меня третий раз только оставили, потом нас привезли сюда в Павлодар и брата, а мама сильно больная лежала, у нее 40 температура была. Я ходила в контору, я говорю, вы, я уже пойду хоть куда пошлете, туда пойду, ну хоть брата оставьте, я говорю, мама же не может вставать, прощаться с нами, не то что... *(плачет)*

Это уже в каком году было?

Ну, забрали нас в трудармию, мы в Павлодаре тут сидели целую неделю в клубе.

Это в каком году было?

В 42-м.

В 42 году, да? Вас третий раз забрали туда, да? А второй раз что было?

Ну, второй раз вот так, это как...

Опять отпустили?

Да.

Как вот первый раз вам сказали, соль будете там, соль завод да, или как оно там называется, и отпустили второй раз, опять отпустили, а третий раз вас в клубе держали?

Потом нас в вагон всех посадили, а я ну пять, не знаю, пять дней, наверно, или сколько там, ой там у них все записано, они лучше знают, чем я, это тогда нас посадили, мы поехали в Уфу.

В Уфу?

Город Уфа, мы в Уфе были, привезли нас, загнали нас в барак, ну в общем, землянки какие-то, ой слово только, и сыро, сыро там было там, наверно, скот держали, ну нас загнали. Мы вот ну как вот так легли *(показывает)* некоторые, которые не сумели захватить, сидели и на другой день сразу нас записывали там всех, кто все, а потом на этот нас закомандировали работать, хватить сидеть.

Где вы работали? Кормили вас там?

Ой, как бы вам сказать, давали нам хлеб и вот такая например хлебная карта, ну карточка, кормить ну нас кормили, знаете мы же бараны были, мы же боялись слово сказать, один раз суп дадут, зовут нас на обед, пошли, все выходит, а мне сегодня картошки кусочек попался, а мне лапша какая-то, кусочек попалось, одна вода, а там написано жиры, ну все, но мы не могли никому ничего жаловаться, нас тогда, знаете, хлеб нам давали, другой раз недели один раз, другой раз два раза должны 700 грамм давать, а там дадут такой кусочек 300 грамм, оттудова мы еще отрезаем, вот так, чтоб продать этот кусочек, чтоб на другой день на это в столовую пойти и выкупить свою водичку, хоть тепленькую водичку попить, у нас же ничего нету в желудке.

И где вы там работали?

Мы завод стали строить.

Завод строили, да?

Ну, копали некоторые бригады, мы со станции туда аж тащили на себе всю постройку, доски вот это все.

Людей много работало да?

Ну, одному туда, одному туда, нашу бригаду назначили оттудова таскать лес, бригадирша идет, раз два взяли и еще взяли, у нас же силы нету. А на станции там были мужики, вот не помню русские, или какие там были, какие-то мужики, мы рады, если мы доедем туда, чтоб сесть в кучку.

А вы вот когда там работали, вы общались со своими, переписывались с мамой, с братишкой, не переписывались?

Братишка тоже еще там был.

Где там был, с вами был?

Со мной.

А мать осталась так?

А мать осталась так одна.

Она одна или вот у казахов в семье была?

Ну, у казахов такая кухонька была, там койка стояла, мама там жила, а казахи ну в одной хате.

В одной хате жили, да?

Да.

Мама там с ними была?

Ну, а потом эти молодежь с 37, с 27 года, какие они там работники пацанята, это же не так как сейчас, они сейчас сытые-то не хотят работать, потом решили эти 27 год отправить домой, от них толку нету, вот и брат потом пришел.

У вас брат 27 года? Это ему сколько лет было тогда? Где-то 15, 14 лет было, да?

Да. Ну и отпустили, он теперь пришел то, что было у нас, мы же поели, потом были раньше шерстяные чулки, да подушка была и нас трое, нам на этот, идем на работу, строим и поем, что петь, когда у нас все же голодные.

И вы сколько лет так вот в трудах пробывали?

Мы два года, два с чем-то были мы там в Уфе.

И обратно потом вас вернули сюда?

Потом это, брата отправила, пошла я, взяла свои чулки, взяла свою подушку, и как-то я с бригадиршей договорилась, чтобы нас, ну пропустили, тут же нас же проверяют, чтоб нас пропустили, там я отудова, где мы строили, где мы таскали это лес, там поселок недалеко был, я взяла эту, чулки, и это пошла, менять, кто отруби подаст немножко, кто ну кто чего с братишкой пошли.

С братишкой пошли?

Нет, братишка дома, они же его вот так держали, чтоб они не убежали, они же их уже отправлять будут на другой день.

А вы еду для чего, для братишки хотели в дорогу?

Ну, да, а что им дали вот такую рыбку и кусочек хлеба на дорогу.

Этого мало будет и вы свои чулки, подушку хотели поменять, да?

Я меняла на это отруби, там ну кто чего, я все вместе, потом пришел, когда домой он прибежал. И я говорю вот я отпросилась, конечно, чтоб его отправить, до поезда хоть проводить, и я говорю, вот это все в один мешочек, и никому ничего не давай, вот тебе чашечка маленькая и ложка, как будет остановка, пойдешь кипятка наберешь, две-три ложечки, больше не ложь в чашечку, помешай вот так пускай немного...

Отруби?

Отруби, а то все ну чтоб что-то было тут.

В желудке?

И так он доехал с одним другом, а он еще нет, нет хоть ложку, даст ему ну не было ничего, они доехали сюда до Павлодара, теперь идти надо домой, ну пешком идти надо.

До Иртышка?

Этот пацан в Иртышском районе жил, но не в самом Иртышке, немножко ближе сюды, он уже ходить не может, он с голоду он ходить не может, брат говорит я его и за руку таскал, я его и на плечо таскал, я всяко у него уже кушать нечего у брата, а у этого вообще не было, потом уже он...

Но они дошли как-то, да?

Волоком тащил этого пацана, потом они дошли немножко, не до поселка, не знаю, 3 или 5 километров, ну здесь недалеко и он умер, тот пацан, ну этот теперь стоит, плачет и тучи волки, волки, и кто-то шел.

Это ночью было да, они значит ночью шли, не дошли?

Ну, они днем, они уже дело было к вечеру, когда он дотащил его и кто-то шел, а они остановились, спросили, он спрашивает, где вот такие живут, они потом посмотрели, они знали этого пацана, он говорит ты стой тут, а я побегу, скажу им, родителям, чтоб пришли, забрали, ну хоть мертвого, ну дотащили, чтоб волки не съели, да.

Да, да.

Пришли, они бегут все, говорит, кричат, плачут, а это потом его, ну он там переночевал, на другой день пошел домой, в Иртышск, вот он как остался дома, а я была в трудармии.

Вот в Уфе вы два года были, потом куда вас?

Так из это, оттудова в Иртышск, нет, ой вот в голове крутится, подождите Красноводск.

Красноводск? Кисловодск? Красноводск?

Красноводск тогда был.

Вас в Красноводск перекинули, там работали, где там работали?

На заводе.

На заводе, да? Там сколько лет были?

Там теперь мы, сколько в Красноводске была, потом была, у этот, в Пригородном была я два, два года, третьим, наверно, опять в Красноводск перевели, а потом с Красноводска нас Чанаяр.

Это везде в России, да?

Да, это мы были в Уфе, оттуда из Уфы, подождите, как же...

Ну, ладно, не помните, Екатерина Гергардовна, ладно, сколько Вы там были всего, вообще в каком году Вы вернулись домой в Иртышск?

Меня вернули, как сказать, как фашистка, меня вернули в 55 году.

Как фашистку?

Да, мы же ходили каждый месяц отмечались.

Где там, да?

Да.

Каждый месяц отмечались, да? А в селе такое...

А...

А в селе так не отмечали, здесь?

Нет.

Нет, да? Вот, а Екатерина Гергардовна, вот скажите мне, пожалуйста, когда вот в селе, вот мама ваша да вот брат, где вот вы жили в пятом ауле, да, вообще можно было ли переписываться с родными, а у вас вы говорили, что родных не было, да, вообще как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи? Осведомители? Кто...

Они не отмечались, моя мама она тут осталась, была, да, она тут не отмечалась, это уже последние два, они их тоже стали отмечать, потому что люди стали больше переписываться, да.

Стали переписываться друг с другом?

Ага, например мама до меня.

Писала?

Да, писать.

Когда вы в России были, да?

Да, я была в Уфе.

Это в какие года?

Я в Уфе была, подожди, в Красноводске была потом, была, ой, в голове крутится, голова не работает ни черта.

Ну, вы тогда переписывались, уже могли переписываться, поэтому стали уже отмечать вас всех, да?

Мы отмечались, я замуж вышла там.

А вы даже замужем?

В 56 году я замуж вышла.

Там?

Что мне уже 30 лет, а ума нету, все уже замуж выходят, а я как, как баран, как говориться, да, потом я это, я замуж вышла и отмечалась каждый месяц, ездила.

А у вас муж кто был по национальности?

Там всякие были.

Всякие были? Не, а ваш муж кто был?

Ну, большинство были русские, татары.

Вы за русского вышли замуж?

Нет, я за немца вышла замуж.

Там за немца, он тоже в трудармии был, да?

Нет, он моложе меня на 5 лет был, он не попал в трудармию, нигде он, его забрали в детдом из детдома, он потом он уже когда взрослый стал, там его послали сюда, он вот тут этот мост строил, через этот который мы ездим, там он работал.

А который мост сейчас через Иртыш, вот этот мост они строили, да?

А вот потом он уже отгудова, его отпустили, у него там сестра и брат и мама и отец был.

Здесь?

Нет, не здесь, ой, где же вот скажи, последний город, Черниковка.

Черниковка, а какая это область, где это, в России?

Какая область.

Рядом с Омском, где это находится? Новосибирская область, где это Свердловская область, где это?

Там у нее был это отец и сестра, с сестрой я вместе в одной бригаде работали, и вот так мы все время вместе были, а потом он пришел, он сбежал с детдома, узнал, что отец, сестра, они тут, они не далеко вот тут в Павлодаре были, да а мы были вот, скажите, теперь быстро и он потом, его посадили, он год сидел.

Год сидел еще, да? Вы там в Уфе, в России работали в трудармии, он здесь работал, вы замуж вышли там, он сюда приезжал, здесь в трудармии работал да получается?

Нет, он уже в трудармии он не работал, я же уже в трудармии, меня же уже сняли.

А с депортации сняли вас, да, реабилитировали?

Нет, я тогда замуж вышла, я тогда еще фашистка была, как сказать, отмечалась, да, а он не отмечался, а я потом это...

Дальше вот, Екатерина Гергардовна, расскажите вот, вот в селе, где жила мама ваша, да вот братишка жил, вообще как было организовано управление в поселке,

были ли стукачи, осведомители, кто был во главе сообщества и как он руководил, вообще как питались, как одевались, сколько денег могли зарабатывать?

В последнее время уже ничего жили они все, у них свои домики были.

Уже дома дали людям, да?

Нет, они сами, ну да первый раз, дали дома, а потом уже сами построили себе дом, а потом...

Вообще менялось ли отношение до и после войны?

Ну, конечно, менялось отношение.

Как именно?

Ну, как раньше например я своя, это не пришли мы, я лучше жила, чем вы, жили например, да, а потом постепенно, постепенно устраивались.

Устраивались, да? А вот что помогло вам выжить в таких условиях?

Я же говорю такие трудные, даже не можешь все рассказать, сколько мы больше голодовали, чем мы жили, а почему я еще живу сейчас *(плачет)*.

Екатерина Гергардовна, не расстраивайтесь, у меня вот к вам вот еще такой вопрос, вот смерть Сталина и дальнейшие события до реабилитации, вот как узнали о смерти Сталина, какова была ваша реакция, что думали, о чем говорили, какие были слухи, какие строили планы, как вы узнали о смерти Сталина?

От чего.

О смерти Сталина?

Ну что, когда у Сталина, мы жили строго, надо сказать, он нас строго держал Сталин, да.

А когда вы узнали о смерти Сталина? Вы где были, в России были тогда еще в трудармии?

Нет, да, я в трудармии была, а подожди, это уже Уфа, нет не Уфа, в Черниковке.

В Черниковке, да?

Вот в Черниковке.

Вы в Черниковке узнали о смерти Сталина?

Да.

Какова была реакция, что думали?

Ну, кто, вот теперь нам хуже будет, вот мы теперь и не уедем никогда домой, все мы же были трудармейцы, да.

Вы подумали, что еще хуже будет теперь?

Да.

Еще хуже будет, все расстраивались, что он умер, да?

Мы все.

О чем говорили люди, какие были слухи?

Ну, теперь этот умер, теперь кто будет, как говорят, после собаки волк идет, как это, ну это есть такая пословица, да вот жили, а теперь поживают, что теперь хуже еще будет, мы так ну...

Вы так думали?

Да. Ну а потом постепенно все равно нам не хуже было, ну это легче стало, да, нам стали больше, ну это в магазин пускать, ну магазины, там по талонам мы там получали где чего, а потом уже мы стали свободные, мы стали сами ходить, сами, сами идем на работу, когда хотим, как хотим, как договоримся.

А вот это, Екатерина Гергардовна, а вот, вот если говорить о реабилитации, вы когда узнали о реабилитации, из газет или как-то иначе, как проходил процесс оформления документов?

Я в 56 году, с меня сняли это.

С учета?

Да, вот это все, я стала человеком, я стала вольным.

А как вы это услышали или пришли и сказали, или как вы узнали?

Нет, это же объявляли.

По газете или по радио?

По телефону, это говорили, так кричали, знаете, как ну...

Что кричали, там что говорили?

Ура, Ура, что мы теперь будем людьми, мы теперь не будем такие, это ну тюремщики, мы сами себе говорили.

По телефону говорили об этом?

Да радио ведь было вот это местное, болтун.

А по радио объявили об этом вам?

Да.

Вы тогда услышали, да? В 56 году, да? Вы тогда были где, в Черниковке?

В Черниковке.

В Черниковке были, да? А это какая область в России? Не помните?

Ой, там, в Черниковке тоже всякое, были больше татаров, чем русских, то немцев.

Это где-то в Татарстане, наверно, да было где-то, да?

Ну, Казахстан, конечно, Казахстан.

В Казахстане это было?

Ну, да.

Это в Казахстане было в какой области, не в Павлодарской?

Наверное, не Черниковка, Черниковка, Уфа, нет.

Ну, это в России тогда было?

Ну, я же говорю мы не тут были, а потом.

Ага ясно. А вот вы сказали, что по радио объявили, вот о том, что вы свободны, да, а как проходил процесс оформления документов, быстро ли это, о каких документах по реабилитации вы слышали или какие-то документы по депортации вообще видели, держали?

А нам вообще никаких документов не давали, только сразу объявили, что мы теперь свободны, что можем это ну как...

А бумагу, что-то получали, нет? Нет, просто вот так объявили вам и все, да? А документ, допустим, где-то надо было получать, допустим, где их выдавали вам? Выдавали ли?

Ну, давали, ну это по участкам приносили и нам раздавали.

Документы раздавали?

Да.

Сами приходили и сами все раздавали?

Да, потому что мы теперь, ну как объяснить, мы теперь свободные люди, мы теперь, ну как не заключенные, да.

Как не заключенные были, да?

Ну у меня уже девчонка была, ей было, наверно, уже месяцев...

А вы замужем были, с мужем и у вас доча была, да? Дочка была старшая, да?

Да, ей было, наверно, месяцев 4 или 5.

Месяцев было да, вы дома были, да?

Да.

Хорошо.

Тогда тоже знаете очень трудно было, я была замужем, он работал, меня на работу в садик, ясли только принимали этих, у которых мужиков нету, если у меня мужа нету, моего ребенка примут, а ты куда хочешь девай, иди на работу, вот это строго было.

И что вы делали тогда с ребенком?

Ну, что я ходила, на содержание брала.

А нянечку брали, да?

Да, он говорит ты давай выходи, потому что он любил такие, которые работали, муж.

Это начальник ваш бригадир, да там? А когда вы обратно вернулись сюда, оттуда в каком году?

Я сразу, до мамы поехали сюда с ним.

В 1956 году?

Да. Ургули, мы приехали.

Куда? А где это Ургули?

Ургули, Иртышский район, потом с Иртышского района 50 километров, наверное, туды.

А мама ваша жила с братишкой в 5-м ауле? Вы их потом перевезли к себе?

Да.

А вот теперь, когда Вы стали свободными Вы не захотели поехать на родину к себе, на Украину?

Мама была высланная сюда и она тут жила, и теперь это моя родина. Мне же надо до мамы.

Вы не стали уезжать, да? Некоторые люди уезжали.

А там в Черниговке стало строго, стало 2-3 человека сходились, поросенка держали, чтоб ну а потом стали, чтоб, ой, ну налоги платить, потом мы с мужем переговорили, а брат с мамой написали, если можете, чтоб приехали сюда, потом брат написал, что вас не освободили, вы теперь люди или еще тюремщики, ну смеялись тогда мы стали, он пошел написал заявление на увольнение и мы рассчитались, и поехали сюда к маме, мы жили с мамой 2 года, наверное, он работал, я не могла работать, садиков, яслей не было, нам дали казенный дом, он недостроенный был, мы достраивали его и жили и потом уже дети пошли, сами знаете, все пошло.

Ну, хорошо. Вот глядя из современности изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у вас было в ее начале в первые годы?

Да, ничего вроде бы мы сюда приехали, нас уважали и сразу пошел на работу трактористом, работал, потом когда дом мы достроили, через год ребенок стал побольше, стала на замок закрывать, на работу ходила.

Екатерина Гергардовна, скажите, пожалуйста, благодаря чему Вы выжили в этих сложных условиях?

Как?

Благодаря чему Вы выжили в этих сложных условиях? Как Вам удалось сохранить свою жизнь?

Ну, мы жили ну сколько мы жили в лагерях... а потом люди стали уезжать из поселка в город, все стали городские, теперь дети пошли, надо теперь в городе жить, и мы, и я еще дальше всех, я еще год почти полтора года работала, пока пенсию там получила, а то приеду в город, меня ж здесь не возьмут на работу, я стаж потеряю.

Екатерина Гергардовна, вот мы с вами поговорили, вспомнили вот что было, как вас депортировали, как вы потом здесь в Казахстане оказались, как вы работали в трудармии, да, вот скажите, пожалуйста, благодаря чему вот Вы выжили в этих сложных условиях.

Как?

Благодаря чему Вы выжили в этих таких тяжелых условиях? Как Вам удалось сохранить свою жизнь?

Вот так и удалось, я же вам говорила всяко.

Работали, не сдавались, да?

Люди ходили, копали весной, копали, пахали, ходили, картошку собирали в общем тяжело.

Тяжело было, да?

Выжили и живут до сих пор, я все время говорю, хватить жить, надо умирать, ну что я тут одна, одна дочка там, другая там, третья там, айда, айда, в Алматы.

Одна дочка в Алматы, а вторая? У вас три дочери?

Одна живет в Аркалыке, одна в Алмате, другая в России.

В России, где?

Как теперь сказать, станция Любовка раньше говорили.

А область какая? Не помните, да? А там рядом какой-нибудь крупный город есть?

Ну, там есть совхоз, они там на станции на элеваторе работают.

Ну, хорошо, Екатерина Гергардовна, а вот Вы после реабилитации вы в Россию уезжали? Здесь оставались и здесь жили всю жизнь, на Украину к себе не ездили, теперь у меня к Вам такой вопрос, что Вы еще бы хотели добавить к тому, что Вы уже сказали, может есть еще какие-то моменты, которые мы не затронули, расскажите о том, о чем мы не упомянули в беседе, обо всем сказали?

Знаете, я вот еще о чем у вас спрошу, вот я реабилитированная, все это мы получали не каждый месяц, в год получали, какую-то из Германии помощь, а почему сейчас не стала получать?

Вот это мы спросим в Центре Возрождения.

На новый год я лежала, мне еще привозили, а теперь на 9 мая она мне позвонила и говорит, вы уже.....

.....
Гальстер Римма Кондратьевна, немка, 76 лет. Была депортирована из Крымской области, Симферопольского района в 1942 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Римма Кондратьевна, вот у меня первый к Вам вопрос, как затронула депортация Вас и Вашу семью? Непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов или кого-то еще. Вы непосредственно были депортированы.

Да, да.

И ваши родители?

Да и мои родители.

Потом, Ваши родственники.

Родственники, это вот это два брата у отца. Сестра умерла здесь, в Казахстане.

Они были депортированы?

Да, да.

Тоже вместе с вами, да?

Да.

А ваши деды были тогда живы?

А дети...

Нет, деды, деды?

Дедушки и бабушки не было.

И вот родственников Ваших, хорошо. Какая вот Вас депортация затронула, Вас и Вашу семью? Вот можете сказать дата, дата, когда это, место высылки, куда вас выселяют, и место вселения?

Нас выслали, как сказать, это...

В каком году вы были? В 41-ом?

В 42-ом.

А когда это было, осенью, весной, летом?

Осенью, по-моему, потому что уже тогда холодно было.

Вам сколько лет было тогда?

Мне 10 лет было. Вот еще ходила на базу, обедки собирала, топить печку, уже осень была, холодно.

Холодно было, да. А вы знали, куда вас высылают?

Село Малиновка, что-то вот такое вот.

Знали, да? Вы знали, куда вас высылают, да?

Да.

Тогда там уже вы знали, да? Хорошо. Римма Кондратьевна, вот начало переселения, откуда вас выслали, где вы жили?

Вот, мы жили в этой Крымской области, Симферопольский район, село Красногорск что ли. Вроде бы так.

Крымская область, Симферопольский район, село Красногорск?

Да.

Хорошо. Это было село?

Да.

Село. Вот, Римма Кондратьевна, что было накануне депортации? Были ли слухи, догадки о том, что вас куда-то депортируют? Уезжал ли кто-то заранее, из-за опасения, что будут депортированы? Были ли слухи?

Слухи, я не знаю, я не запомнила. Были, наверное.

Были, наверное, думаете, да?

Да.

А вообще вот люди готовились, взрослые люди готовились к тому, что вот к плохому повороту событий, что слышали о других депортированных?

Это я не помню что-то.

Не помните, да. А вот как узнала ваша семья о переселении? Как оно происходило? Вот как вы слышали?

Да, от людей слышали или как.

От людей слышали. А к родителям пришли кто-то или вызвали куда-то?

Вызвали куда-то. Куда-то их вызывали.

Вызывали родителей всех?

И вот им там сообщили, что их будут туда-то, туда-то высылать.

А куда будут высылать, говорили? Вы знали, что в Казахстан приедете?

Знали, конечно.

Знали? Родителям сказали об этом, да?

Да, да.

А вот, скажите мне, пожалуйста, а вот говорили об этих событиях, вот в селе, только немцев собирали, вот, на сельском совете, приглашали на сельский совет об этом сказать, или кто-то еще? Вообще, ваше село, оно большое было? Кто там жили?

Ну, там татары жили, и, это, немцы жили...

И русские?

И русские жили, да.

А вот депортировали только немцев?

Только немцев, вроде бы.

Только немцев, вроде бы, только немцев.

Да.

Ясно. А вот, сколько времени давали на сборы? Что разрешали брать с собой?

Ну, так одежду, продуктов помаленьку, если там, в доме кто-то есть.

Вы в доме жили или...?

В доме.

Свой дом был. Это вот родители где жили. Вот отец с матерью. А еще кто в семье были? Дети, сколько детей у вас было?

Я и еще брат, вот он сейчас в ... деревне живет. Мы вдвоем только, да.

Вы вдвоем. Вас четверо, да, получается?

Да, да.

А в этом селе ваши родственники жили? Другие родственники?

Жили, жили.

Ну, вот это получается, родственники со стороны отца или матери родственники были?

Со стороны отца.

Со стороны отца родственники были, да? Братья, сестры?

Нет, не братья, сестры...

Сестры, да?

Вот сестра одна была.

Хорошо, теперь, вот, Римма Кондратьевна, у меня такой вопрос, вот вы говорите, давали время на то, чтобы вас собрать, вы могли собраться, теплую одежду там. А сколько времени давали, трое суток, двое суток там, не помните?

Не помню.

Не помните?

Сутки может.

Сутки может? А вот оказывали ли сопротивление кто-нибудь, вот почему именно вас немцев, вот только вот. Сопротивление было?

Да. Может было, я вообще-то не знаю, что там было. Высылали да выслали, что теперь.

Было ли насилие со стороны властей? Насилие, насильно вот так вот?

Было, конечно.

Да, вы считаете.

Нас не трогали, не знаю.

Вас не трогали, да. А предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги, как объясняли причины депортации и что говорили об этом переселяемые люди? Вот власть что говорила, почему вас выселяют?

Ну, я не знаю, почему.

Родители ничего не говорили, почему выселяют?

Нет, ничего не говорили.

А переселяемые люди что говорили, переселяемые вот, переселили же других людей, а они что говорят? Почему вас вот депортируют?

Я не знаю, не могу сказать.

Не можете, да. А вот в каком состоянии оставлялось поселение, из которого производилась депортация? Село пустовало после вас или оно там, немцев вообще много было?

Много было.

Много было, да? А что с домами было.

Ну не знаю, разрушили, наверное, все.

Вы не знаете, да. А со скотом вы успели что-нибудь сделать, продать?

Продали корову, а так, ну, что, курей маленько держали, больше ничего.

Ясно. А с имуществом, с домом вы не знаете что происходило, да?

Нет, нет, не знаю.

А вот вас переселяли со всей вашей семьей?

Со всей.

Со всей семьей, не отдельно, да. А вот расскажите, в тот день вот как переселяли вас? Пришли кто-то или что, вот расскажите.

Здесь?

Нет, вот оттуда. Вот день, когда вас начали выселять. Вот тот день расскажите вот как, с утра вас выселяли, вы спали, может кто-то пришел к вам или может вот солдаты пришли, выходите, вот там, сказали, или как вот. Расскажите вот об этом.

Военные какие-то были в доме.

И что они сказали? С утра они были? Утром рано?

С утра, с утра.

И что сказали?

Ну, что, я не знаю, что сказали. Говорили вот что-то родителям.

А потом, что родители сделали?

Ну, собрались, и, раз приказ был, чтобы выехать, вот в такое-то время, собрали и...

Ну, вот расскажите полностью, как дальше было?

Собрали вот всех нас с вещами со всеми, и на такой-то, такой-то срок чтобы собрались, выселить нас.

Ну, и, потом.

Ну...

Выселили вас, вот расскажите дорогу, как вот вы ехали?

Ехали мы ...

Подождите, вот в селе вы дошли до станции какой-то, да?

Да, дошли до станции до какой-то, но я не помню до какой.

Пешком шли, да?

Нет, нас довели.

С села вашего вас с конвоем забрали, значит?

Да, да, да. Под конвоем, да.

А много людей было?

Полный вагон был.

Полный вагон людей был. Нет, подождите, вот с села, где вы жили, вас пешком забрали, под конвоем вы шли, куда вы пришли в начале, вот после села вашего. На станцию куда-то.

Да, на станцию, да.

Пешком пришли.

Пешком, да.

Все, да, люди? Там сколько человек пришли? 200-300, сколько?

Да, много.

Можете сказать число? Примерно?

Ну, человек 200 может было.

Вас рядом сопровождали, да?

Да, да.

Ну, потом на станцию пришли, потом начали вас грузить, да?

Грузить, да, по поселкам. По деревням сюда в Казахстан.

Нет, подождите, в вагонах вас как, вы с родственниками в одном вагоне были, или в разных вагонах?

Нет, в разных вагонах были.

А вот в вагоне, в вашем вагоне, там, сколько человек было, там вообще много людей было?

В вагоне я не могу сказать, сколько там, ну, полный вагон был.

Ну, вот вы, отец, мать, братишка ваш, вы в одном вагоне были, да?

Да, да.

А вот еще люди с вашего села были?

Еще были там же, в этом же вагоне.

С вашего села, да.

Да.

А вот в этом эшелоне были люди только с вашего села или с других сел тоже?

С нашего села только.

Все с вашего села, да. А сколько вагонов там было? И что за вагоны были это. Опишите, какие они были.

Вагонов 6. Эти вагоны, ну простые такие вагоны, вот как раньше были.

Для скота, которые были, да?

Нет, крытые, такие, были старые вагоны.

Крытые, старые вагоны, да, были. А в одном вагоне, сколько примерно людей в вагоне было?

Ну, человек 10-15 было.

10-15, да.

Да.

Ну, так удобно было расположиться, да?

Да.

Ну, люди брали с собой все что, что брали, вещи, одежду, что брали, одежду теплую?

Вещи брали, одежду брали, да.

Еду брали, да, с собой?

Да, еду тоже.

А потом вот вы сели в вагон, и куда вы поехали? Какая была первая станция после?

Сразу Казахстан.

Сразу Казахстан? А сколько суток вы ехали?

Суток 3.

Суток 3 ехали. А вообще в дороге останавливались?

Останавливались.

А вот, когда останавливались, вам еду давали, одежду давали, чем вас кормили?

Ну, давали, там, хлеб там, чай, вот такое вот.

Что еще давали? А вообще в поезде, какие были условия?

Ну, ничего хорошего там не было. Эти вот полки вот, где спят, тоже все грязное, да, в общем... как скот возили нас в общем.

А и сопровождали военные да, вас?

Сопровождали.

А вот люди между собой в вагоне что говорили, плакали, там...?

Ну. Конечно, конечно, плакали.

О чем говорили люди?

Зачем нас вывезли отсюда, что мы кому сделали. И то, и другое.

Вообще, возмущались люди?

Возмущались.

А солдаты что говорили?

Ну, солдаты что говорят, раз приказано было, значит и надо вот это все.

А командиры там вот эти начальники, допустим, они что-нибудь объясняли, говорили?

Это я не знаю. Говорили, может, я не помню этого.

А теперь вот, это, Римма Кондратьевна, вот в дороге люди умирали?

Умирали.

А что с людьми делали?

Ну, а что, закинули, как скотину, да и все.

Куда закинули?

Ну, яму выкопают, вот, где остановки, закидывают.

Закидывали и все, да?

Да.

И так закапывали, да?

Да.

Угу. А вот вы ехали, вы говорите 3 суток ехали?

Да, да.

Не больше чем 3 суток, да?

Ну, 3 суток, по-моему.

Ага. И вот когда в Казахстан, а вот кто-то в пути бежал, допустим, сбегали люди, допустим, обратно чтобы вернуться? Были такие?

Нет, не было таких.

Не слышали, да.

Нет.

А вот вы, когда вот ехали в поезде, вам, вот, что вы в Казахстан заехали, кто сказал? Откуда вы узнали, куда вы именно прибыли?

Когда я узнала?

Ну, вот 3 суток вы ехали, были остановки, и вот в Казахстан, куда вот вы приехали, первая остановка, где была в Казахстане уже?

Первая остановка на вокзале сначала.

На вокзале где, в какой области?

Я уже забыла, как называется эта область.

Павлодарская, Петропавловская, Кустанайская область?

Павлодарская область, вот только я не знаю...

Вот вас оттуда привезли сюда, в Павлодарскую область.

Да, да.

Какая станция, где это. В поселке это Щербакты, Иртышск, где вас остановили?

Щербакты, по-моему.

А вот как назывался поселок, куда вы прибыли? Привезли вас. Щербакты?

Щербакты, да.

Щербакты, да. А когда вы прибыли, в каком году?

Ну, в 41-ом, наверное.

Когда, осенью?

Осенью да, там уже холодно было.

В сентябре, было, или когда?

Где-то в октябре, холодно уже было.

А вот у меня такой вопрос, какие были природно-климатические здесь условия? И отличались ли они от того климата, в котором они проживали?

Ну, конечно, отличались.

Отличались, да?

Да.

Вы налегке все приехали, да?

Да, да.

А здесь уже снег лежал?

Да, уже снег лежал. Ну, небольшой уже снег такой, только снег упал.

Значит, октябрь уже был?

Да, да. Октябрь.

Снег лежал, да. Люди, наверное, испугались такого холода, да?

Ну, конечно.

Что говорили?

У меня мать умерла, была, у нее тиф был.

Младшая умерла, кто младшая умерла?

Мать, мать умерла.

А мать умерла.

И это сразу заболела.

Сразу заболела, да.

Да.

От тифа умерла, да, сразу, да?

Да.

Ясно.

И голод все это.

Угу. А вот вы прибыли в начале, вот в дороге вы не знали, получается, что вас в Казахстан отвезут, да?

Знали, почему.

Знали? А откуда вы узнали?

Нам там уже сказали.

А, вам там уже сказали, что вас в Казахстан везут. А куда именно в Казахстан, вы не знали?

Сразу не знали.

Сразу не знали, да. Вот в начале, расскажите немножко, Римма Кондратьевна, вы приехали в Щербакты поездом, да? Вот открыли двери, кто вас встретил?

Ну, нас встретили, милиция, наверное, да, да.

Милиция встретила, да, вас? И потом, куда вас всех повезли?

Потом распределили по деревням.

Там лошади были с ...

Да, лошади, быки.

Ага. И вас всех погрузили...

Да, да.

На эти сани, да?

Да, да.

И вы поехали, куда?

Мы поехали в деревню Марьяновка.

Марьяновка?

Да, там мы жили.

В каком районе?

Раньше был Щербактинский район, а теперь Цирупенский район был. А сейчас Щербактинский стал.

А раньше был Цирупенский?

Да, да.

Марьяновка село.

Да, да.

А вообще и сколько в это село было людей привезено? Сколько людей было туда?

Семей 10, наверное, было.

Семей 10, да. А кто везли, казахи, русские везли, кто вас встретил? Из этого села люди были?

Да, да.

Там, в основном, какой национальности жили люди?

И казахи были, и русские были, всякой национальности были.

А как они вас встретили?

Ну, конечно, встретили неважно.

Неважно? Что они говорили?

Зачем вы сюда приехали, и то и другое. Ну, потом смирились.

А они так возмущались, да? Зачем вы приехали? Ааа, что вы говорили?

Мы говорили, что мы ж не виноваты, что нас выслали. Никому, ничего плохого не делали, выслали нас и все.

Ясно. А была ли вот поддержка с их стороны, или, наоборот, они не помогали вам?

Была поддержка.

Была поддержка, да. Были ли проблемы совместного проживания с местным населением? Проблемы были с местным населением?

Не было.

Не было, да. Вот вы, когда привезли вас, в Марьяновку, вот куда вас распределили потом? Вы в бараках жили, или ...?

В домике своем.

В своем домике?

Да. Отдали нам и мы сами печку топили.

В своем домике жили, ни к кому не подсеяли, да?

Нет, нет.

Все немцы приехали и всем дали домики, да?

Да.

Землянки?

Ну, кто может и в бараках жил, а мы в землянке жили.

В землянке жили.

Да.

А вот вы говорите, 10 семей, а вот в Марьяновке, там были люди, которые тоже вот так были депортированы? Были другие национальности?

Конечно, были.

Кто?

Ну, там всякие были, и русские были...

Нет, я имею в виду, Римма Кондратьевна, которые там жили, такие же как и вы, депортированные?

А, были, были.

Кто? Немцы, поляки? Кто были?

Немцы были.

Уже до вас которые были. А еще до вас кто был кроме немцев? Вот которые тоже депортированные?

Там и чечены были.

И чечены были, да? Они позже вас приехали или раньше вас?

Они вот это когда мы приехали, они уже вот там были.

Там были, да.

Да.

Тоже они откуда-то были депортированы, да, их тоже выслали, да?

Да, да.

Ясно. Такое многонациональное было село.

Да, да.

А вот в этом, жили ли в этом районе казахи?

Ага.

Жили, да. Были ли проблемы общения с казахами?

Не было, по-моему.

Они говорили на казахском языке?

Ну и на казахском, и на русском языке.

Ага. Вот как вам показалось благосостояние местных жителей, как они жили? Их благосостояние какое было?

Нормально жили они.

Неплохо жили, да. Небедно жили, да?

Нет.

А каким был их национальный состав? Там многонациональный был, да?

Многонациональный.

Перечислите, кто там был? И русские, казахи, немцы были депортированы, чечены были, еще кто были?

Вот, вот этих национальностей были русские, казахи, чечены, вот эти все.

Вот, а как менялось отношение местного населения к вам? Оно менялось вот сначала, вот они вас вот так вот встретили, а потом?

Ну, я не знаю, нас встретили хорошо, не знаю как у других, так сразу ж нашлись люди, которые, потом, как сказать, я в детдом попала, а брат, женщина какая-то взяла к себе его, усыновила.

Нет, подождите, вы сначала в домике жили в своем, да? Там мама, мама жива была тогда, вы двое были, да, с детьми, она заболела, да?

Да, заболела.

Вот вы осенью приехали, и она сразу заболела и сразу умерла?

И сразу умерла.

И сколько вам тогда лет было?

Мне было 10 лет, а брату было 7 лет.

7 лет, да. А это, в какое время года она умерла? Зимой?

Зимой, да умерла.

Ну, месяц помните?

Нет, не помню.

Потом вас отправили в детдом, да?

Да. А братишка здесь вот он в другую семью попал. Усыновила его женщина.

Какая, что за женщина?

Русская женщина.

Она одна была, да?

У нее семья была.

Она взяла вашего братишку, да?

Да, да.

Ясно.

Потом, уже когда отец пришел, с трудармией.

А подождите, тогда получается вы в этом домике и остались? Отец жил, и мама тогда была, да? А отца сразу забрали, да?

Сразу забрали.

Сразу это когда?

Отца уже не было.

А отца уже когда успели в трудармию забрать? Где вы находились, что его уже забрали?

Что его с трудармией забрали?

Да, когда его забрали, вот Вы говорите, на поезде вы приехали в Щербакты, а оттуда вас в Марьяновку отправили, а он в Марьяновке был?

Да, был. Но его сразу забрали.

Сразу, это через сколько его забрали?

Получается, через месяц, два его забрали.

Ну, вот, а куда его забрали?

А вот куда, я не знаю.

А потом мать заболела, да?

Да, мать заболела.

Потом, ага, хорошо. А вот Вы оказались в детдоме, в детдоме Вы где были?

В детдоме?

Что за детдом был в Павлодаре или в Щербактах или где он был этот дом, в Марьяновке?

Не в Марьяновке.

А где?

В Щербактах.

А таких как Вы там много было, да?

Много, полно было.

Родители у которых умерли, вот детей отправили в детдом?

Да, да.

А отец когда приехал? Он вас забрал потом, да.

Отец приехал, забрал тогда нас.

Когда он вас забрал?

В 44-ом, или в 45-ом.

И он приехал к вам, в детдом, да?

Да, он приехал, забрал меня, потом, нашел потом брата и женился, да, там нашел женщину.

И вы там, в своем доме, в котором вам дали или в другой дом?

Другой дом.

Ясно. А вот, когда вы жили в начале еще, в селе Марьяновка, когда еще мама жива была, вот, как проверяли, вот наличие вас на месте, были ли побег?

Не было.

А как вас проверяли? Ходили, вас контролировали, дома вы, не дома?

Домой приходили.

Кто приходил?

Ну, какое-то начальство.

И что они говорили?

Ну, что они говорили, она болела, лежала. Ничего они не сказали, ни чем не помогали.

Мама не работала, она не успела, да? Она не успела поработать. А вы работали или нет? Вы в школе учились, да?

Да, я в детдоме училась немного. Тут не до школы было.

А что вы делали, чем занимались?

Пойду там ...наберу, покошу, вот это печку затопим, что-нибудь себе сварим.

А откуда еду брали, еду, кто вам давал? Откуда вы брали еду?

Ну, там как, кто накормит, пока я в детдом не попала.

Также и братишку, да?

Да. Там и картошку гнилую собирали, чего мы только не ели.

А вот вы, допустим, слышали, другие немцы, вот, которые работали, как оплачивался их труд, дети учились ли?

Нет, не слышала.

Не слышали, да? Не слышали, не видели, да. А вот дети, которые с вами вот прибыли, они учились в школе, вот у них как отношения складывались с местными детьми?

Ну, которые учились, они нормально.

Угу. Не помните, как было организовано управление в поселке, были ли стукачи, осведомители? Кто был во главе общества, кто руководил?

Не помню я.

Не помните, да? Вообще, вот, Римма Кондратьевна, менялось ли отношение Ваше до депортации, до и после войны? Как именно, что помогло Вам выжить в таких условиях?

Ну, что помогло, государство помогло.

Государство помогло.

Ну, а отношение нормальное было, вроде. Люди хорошие там были.

Вот у меня теперь такой вопрос, вот, смерть Сталина и дальнейшие события до реабилитации, вот как Вы узнали о смерти Сталина?

Ну, как узнала, через людей.

Вы тогда в школе учились, в каком классе?

В 5-ом.

Ну, вы в школе узнали о смерти Сталина, какова была реакция, что Вы думали?

Ну, что мы думали, мы думали, что Сталина не будет, хуже будет.

Что Сталина не будет, хуже будет, да?

Да, да. Сейчас народ стал вообще, работать не хотят молодежь.

Ну, а вот о чем говорили тогда, о чем говорили, какие были слухи, вот, когда умер Сталин, какие строили планы?

Ну, это я не могу сказать.

В смысле люди что говорили, дети что говорили?

Не помню.

Многие думали как Вы, что Сталин умер и еще хуже будет?

Среди взрослых шло, наверное.

А вот когда Вы узнали о реабилитации?

О реабилитации?

Когда Вы узнали?

Уже забыла когда.

С газеты или как-то иначе Вы узнали? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? О каких документах о реабилитации Вы слышали, может быть, вы о каких-то документах о депортации слышали, видели, держали что-то в руках?

Тоже не помню.

Ну, вот, в детдоме были, потом отец забрал, он женился, он работал, да? Это в каком году?

Это в 45-ом году.

А как вот отец работал, он потом женился, там, да, на женщине, и кем он там работал?

Кузнецом работал.

А мачеха, мачеха кем работала?

Она только шила, вышивала.

А Вы чем занимались?

А я, я дояркой пошла работать.

Это сколько Вам лет было, когда вы пошли дояркой работать?

Мне было 16 лет.

А Вы были с детдома, сколько лет Вам было, когда отец Вас забрал?

Ну, это мне 12 лет было.

Ну, Вы в школе учились?

Да.

А вот с местными какие у Вас были отношения?

Нормальные.

Нормальные были. А братишка Ваш?

Нормально тоже.

Вы уже учились и здесь закончили, да?

Да.

А после 5-го класса Вы что решили?

После 5-го класса я сначала не работала, а потом, 16 лет исполнилось я пошла работать дояркой.

Братишка Ваш учился, да?

Да.

А вот когда Ваш отец с трудармией уехал, он приехал за Вами тогда, да?

Да.

Он работал кузнецом, а как оплачивался его труд?

Как оплачивался, ну, тогда мало платили.

Деньгами платили, мало платили, да?

Да, да.

А вот Вы жили в Марьяновке, вот как складывались отношения с местными детьми?

Нормально.

А вот еще хотела бы спросить, Вы переписывались с родными или как-то, может быть, в каких-то районах Вы переписывались в то время?

Да, переписывались.

Вот как Вы связь держали?

Переписывались.

Вы нашли друг друга, да?

Да, мы нашли друг друга.

А переписывались с..., в Казахстане родственники?

Да, в Казахстане.

А они куда попали?

Они попали...

Это отца родственники?

Это отца, да. Они попали Ильиновка как-то вот так.

Ильиновка может быть, да.

Да.

А вот о реабилитации Вы узнали когда, вот, что Вас реабилитировали? Что Вы теперь не депортированные? В какие года узнали, и кто Вам сказал об этом?

Сказали в этом, в «Возрождении» сказали.

В «Возрождении» Вам сказали? В какие года?

В каком году, я не помню.

Вы в 50-е годы не были реабилитированы?

В 50-е годы нет.

Нет? Документы никакие не получали?

Нет, нет.

Это Вам в «Возрождении» уже сейчас, да дали?

Да, да.

Это уже Вам сколько было лет тогда?

Это мне было, я уже взрослая была.

Ясно. А вот Вы не знали, что вы реабилитированы, да?

Да, да.

Не слышали об этом?

Не слышала.

Ясно. Вы так здесь и остались, так и не уезжали к себе? Вот туда, в Симферопольскую область?

Нет. Еще не уезжала. Никто туда не ездил.

Туда никто не ездил, ясно. А вот почему Вы не уехали, почему Вы остались в Казахстане навсегда?

Ну, привыкли, наверное, почему.

А как протекала жизнь в Казахстане, какие повороты судьбы были?

Нормальные.

Вышли замуж, сколько у Вас детей?

А у меня один только сын и тот умер.

Сын был, умер, да?

Один был, умер.

Вы всю жизнь жили в Казахстане, а кем Вы работали?

Я и казахскому научилась пока работала.

Знаете казахский язык?

Ну, сейчас уже забываю.

Что-нибудь скажете на казахском языке.

(Смеется). Уже язык не так поворачивается.

А на немецком можете что-нибудь сказать?

А это тем более, не могу ничего сказать. Так, понимаю какие-то слова.

А по-казахски понимаете, да?

Так его отец тоже по-казахски разговаривал.

А вот изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что было тогда и сейчас? Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале в первые годы?

Ничего не изменилось, по-моему.

А что Вы ожидаете для себя от власти, общественности, от окружающих людей?

Ну, что, ожидаем чего, чтобы мир был между людьми, чтобы дружили хорошо.

Теперь, скажите, пожалуйста, вот, благодаря чему Вы выжили в таких сложных условиях? Как Вам удалось сохранить свою жизнь?

Ну, как удалось, кто-то скитался, так и выжили.

Когда вы скитались?

После матери, как мать умерла.

После в детдом попали.

Да. Вот там и выжили.

Потом легче стало уже, да?

Да.

Что бы Вы хотели добавить к тому, что Вы уже сказали? Может быть, есть моменты, которые мы упустили, не затронули, так сказать? Вот скажите, пожалуйста, о том, о чем мы не упомянули в этой беседе?

Это я что-то не могу сказать, не помню.

Не помните, может быть когда, Вас, вот были вот депортированы, может быть Вас как-то власти вот наказывали как-то Вас или там, родителей, или еще что-то там происходило? Какие-то события были? Ничего такого не было?

Ничего не было такого.

Ничего не было такого. Что бы Вы пожелали своим потомкам, нынешнему поколению, будущему поколению, что бы Вы хотели передать будущему поколению?

Ну, желаю всего хорошего, чтобы жили мирно, чтобы работали, чтобы уважали друг друга, чтобы, здоровья им всем.

Ну, спасибо вам, большое.

Вот, Римма Кондратьевна, расскажите что-нибудь, что мы еще не упомянули в нашей беседе? Вот вы говорили, что вот...как проверяли наличие вас на месте, вот, когда вас отец забрал с детдома, и сына забрал, да, вот у женщины этой, он женился, и потом вот как вот вас проверяли, наличие? Отец куда ходил?

В сельсовет ходил.

Каждый месяц ходил или в неделю раз?

Каждый месяц.

И что отмечался он, да?

Ну, наверное, писал что-то.

А вы?

Я не ходила тогда еще.

Родители ходили, да? Отец ходил, да, получается?

Да.

Каждый раз отмечался, да?

Ага.

И другие люди, немцы, тоже ходили?

Ходили.

До какого года это происходило так?

До какого года, 45-го, это в 48-ом, наверное, было.

С 48-го года было, да? А вот в 50-е не отмечались, не помните?

Нет, не помню. Помню, что до 48-го.

Римма Кондратьевна, а воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте? И что с ними было после окончания войны?

Из наших родственников не было, никто не воевал.

Ясно, хорошо, спасибо.

.....
Роттермиль Фрида Ивановна, немка, 81 год. Была депортирована из Краснодарского края, город Армавир в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Так, ну, значит, запись идет. Фрида Ивановна, у меня, значит, первый вопрос Вам, как затронула депортация Вас и Вашу семью? Непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов или каких-то других родственников?

Ну, как, в общем, первым делом я могу сказать, что я помню. Забрали дядю в 37-ом году.

Вы мне скажите сначала, непосредственно Вы были депортированы, Ваши родители, да?

Да.

Ваши деды не были тогда живы или были?

Нет, не были. Бабушка была.

Бабушка, ее тоже депортировали вместе с вами, забрали бабушку.

Да, да, да. И родственники были, да, вот тоже как, забрали, были депортированы.

Тогда же были депортированы да. И второй вопрос, какая именно депортация затронула Вас и Вашу семью? Вот дата, когда, контингент, место высылки и место вселения?

Вот, верите, я не помню, какого числа нас выселили, я не помню уже.

А время года какое было?

41-ый год.

А весна, осень?

Осень.

Осень была, осенью вас забрали 1941-го года вы попали, получается, да?

Да, да.

А вы знаете, место высылки куда вот?

Я буду рассказывать, значит, как в школе нам говорили, мы пришли в школу, как нам в школе сказали, что дети немецкой национальности идите домой.

Угу. Вот, хорошо. Ну, давайте, начнем тогда. Вот начало переселения, что было накануне депортации, были ли слухи, догадки об этом, уезжал ли кто-то заранее, из-за опасения быть депортированным? Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных? Как вообще узнали о переселении, как оно происходило, пожалуйста?

Ну, как. В общем, как это объяснить.

Вы в начале хотели про дядю рассказать.

В общем папа мой, это мамин, бабушкин, брат был родной. Он был председателем колхоза, миллионер. Вот он там жил. Теперь приехал, значит.

А где вы жили?

Мы жили в Краснодарском крае, город Армавир.

Армавир, Армавир.

Да.

Краснодарский край, да?

Да, да.

Как Вашего отца, маму зовут?

Маму Катя звали, папу Иван.

А отчество?

Маму Екатерина Давыдовна, а папу Иван Павлович.

А фамилия?

Фамилия Липкарт.

Липкарт. Угу, угу.

Да. Ну, вот мамин значит брат.

Угу.

Т.е. бабушкин брат.

Бабушкин брат.

Он, значит, приехал с такой радостью, рассказывает, что вот мне как, колхоз у меня, миллионер, мне, значит, дали машину.

Угу. Это в каком году?

Это было в 37-ом.

Угу.

Начало, в общем, по-моему, после посевной.

После посевной, да?

Да, в общем он посевную кончил, вот, значит, ему эту премию дали. И он, значит, приехал на этой машине, говорит, ну, я вам похваюсь, мне вот такой подарок преподнесли, так как мой колхоз миллионер, и вот мне этот подарок. Ну, побыли здесь, и он значит опять поехал. И прошло, наверное, месяца два, приходит бабушка вся в слезах к нам, она жила отдельно. И говорит, забрали, говорит, Федю. Вот. Говорит, забрали, и так его и нет. А папа спрашивает, а как понять забрали?

Это отца дядя, да, получается?

Да.

Это по маминой стороне или по папиной?

Нет, это по маминой стороне.

Ааа. По маминой ага, угу.

И он, т.е. бабушка говорит, ну, не знаю, вот так и так, значит приехала жена со слезами. И говорит, приехали и забрали ночью в милицию.

Ночью?

Да. Ночью забрали его, да.

Что-нибудь сказали, объяснили, почему забирают?

Сказали, что он как вроде враг народа.

Вот так и сказали.

Да. Ну, и забрали, и потом прошло сколько-то времени, я уже не знаю, сколько уже прошло, какого года, ну, в общем, его расстреляли, как врага народа. На этом значит, кончилось все. Тихо, все спокойно, теперь война вот эта, вот 41-ый год. Папа, значит, был как раз дома, он приехал.

Он работал у вас?

Папа работал на военном заводе, он был бригадиром литейного цеха.

А мама?

Мама была швейной, работала мастером в швейной фабрике.

А сколько вас детей было в семье?

Трое.

Трое.

Старший брат 25-го года был, Яша, потом я 28-го года и меньший брат 30-го года. Нас трое детей было.

Угу. Как вот, вы в городе жили?

В городе.

Как вы, еще раз, повторите город?

Город Армавир. Вот, и мы, значит, были дома. Вернее, как, папа был как раз дома, я вот не знаю, или он в отпуске был или он просто дома был, но они же ночами работали или днями.

Посменно работали.

Да. И вот я хорошо помню, что пришла, папа дома как раз был, и пришла рассыльная, раньше ж тогда не было, телефонов не было, так. И говорят, Иван Павлович, вас вызывают на работу. Он говорит, в чем дело. Он говорит, не знаю, сказали срочно чтобы приехал. Папа говорит хорошо, я сейчас оденусь. Ну, вот это вот папа вышел, и я как раз бегала. Папа ты куда, я на работу пойду. Папа, ну, что ты, я еще...я в город, я приеду. Меня позвали, и я еще, говорю, я тоже с тобой пойду. Он нет, нет.

Это в другом городе было уже, да?

Нет, нет. Город, центр там был, а мы уже жили сюда, край. Построили дом себе.

А у вас частный дом был?

Да, мы уже купили дом, т.е. это построили, вот это у нас три года он был, вот. И вот теперь, значит, папа говорит, я приеду скоро, ну, и уехал. Уехал и нет, и нет папы, так и его и не было. Приходит значит, с ним работал старший его брат. Вот, тоже там. Он был охранником. В общем он пережил, как пожар был в цеху. И он же значит был в литейном цеху был его брат, и в общем пожар, и на нем все горело. Как пришел с совещания, его уже вытащили на улицу, его это, на нем вся одежда сгорела. Ну, в общем, пролежал он в больнице, и он уже стал охранником. И я хорошо помню этот завод, охранялся этими, собаками. Вот.

А что за завод был?

Армалит. Там делали, значит, в общем в мирное время, там что-то там, как бы, плавил что-то, а вот в такое время, пушки вот это делали, военные, это вообще, военный завод был, он был этим, с проволоками кругом, и я помню вот проходили мы там. Всегда там были в круговую охрана вот с этими собаками. Вот это хорошо помню. Ну, пришел, значит, до мамы и говорит, вот это уже мамин брат, папин брат старший. И говорит, что вот, Катя, возьми себя в руки, не переживай, ничего не поделаешь, такое время. Ваню забрали, как забрали, ну вот ночью приехали, говорит, он пришел ко мне, он уже это чувствовал, говорит, пришел ко мне, я как раз дома был, со смены пришел. И он и говорит, что вот, так и так, меня значит вызвали, и что-то случилось. Я говорю, чувствую, что что-то нехорошее, и он и говорит, я пойду с тобой, и он пошел тоже. Вот, и их вот там тоже держали, как он говорит, со слов его, брат значит, говорит, этот, Ваня, мой папа, говорит, ладно, я пошел. А ему сказали, ты не заходи, говорит, ну, что он, там проходная, документ, все есть. Он говорит, ну, не положено. В общем, захали, там еще каких-то вызвали, 4 человека в общем их вызвали. Значит, папа был бригадир, и его мастер, это с его цеха, с другого цеха другой. Его брат-то вот и говорит, я так их знаю в лицо, потому что завод большой. А кто они, с какого цеха не знаю, и вот он сейчас говорит, ночью приехал этот, как его, черный ворон. И посадили этих 4 человека. Он попрощался, сказал, передай привет моим детям, поцелуй, и жене, я, наверное, уже больше не вернусь. На этом и кончилось. Вот он пришел, значит, нам вот это все рассказал, это я со слов мамы, она рассказывает соседке. Это я уже слышала, мама ничего не говорила, я в другой комнате была, и вот это я услышала. Вот, что папы нет. И теперь вот значит, ну вот, ходила в милицию, кругом, сказали, что папу в милицию забрали. Мама ходила по милициям, кругом, нигде, ничего не добила, нет такого, нет такого. А потом, мы как-то с мамой, кто-то ей уже сказал, что ты вот пойдешь на какую-то улицу, не помню, Кропоткин какой-то, и говорит, там собирают, значит, вот, видать, таких заключенных, вот таких вот, хотели вот, и, есть еще которые военнослужащие, их так забирали, вот. И это, и говорит, сходи туда. И я с мамой пошла.

Пришла, правда, такое огромное здание, это здание было, ну, как, вам сказать, народу много там во дворе, и такие зарешетанные двери были, железные. И там, значит, мама подошла, и там мужики ж ходят, женщин не пускают. Все кругом обошли, много народу, эти все женщины, каждая ищет своего мужа.

А там мужчины только были?

Да, одни мужчины. Спросят, вот такого-то знаете, нет, нет, никто ничего. И мама уже ходила, смотрела, в круговую, может, смотрела или чего-то и так мы и ушли с мамой. Это уже я была тогда. Потом, после этого мама пошла на завод, а папа был стахановец, у него всегда была вот эта, на доске почета, когда мама пришла и на доску почета посмотрела, и действительно, 4 карточки сняты, это, фотокарточки, значит. Или как вот это враг народа, ну, в общем, сняты были, говорит. Пришла она до директора, а пришла она на проходную, и вот на проходной вот этот сказал, это я была. Он говорит, это, я не могу отпустить, говорит, сказать, этого, значит, директора. Ну, директору, значит, сказали, вот он говорит, пусти их. Ну, и мама зашла, поздоровалась, кабинет большой у него был, такой огромный. Окно большое-большое было, и в этом окне он стоит, и мама говорит, где же мой муж, а он говорит, повернулся, и говорит, я не знаю, с кем я сейчас буду работать, все меня, вот людей вот этих всех, мастеров, всех говорит поменьше забирают. Я не знаю, с кем мне теперь придется работать и где теперь я вообще буду. И так говорит, я, Катя, тебе ничего сказать не могу, ну, мама сказала, как звать, я, Катя, ничего тебе не могу сказать, все, и на этом конец был. Он папироску стал курить. И вот там такая у него эта, была пепельница, полно накурена, ну, видать, переживал тоже. Я не знаю, где я сам буду, говорит. Ну, вот это и кончилось, значит. И больше я папу не видела, и больше он не пришел тогда. Теперь прошло столько-то времени. Значит, это я не помню, какого числа, мы уже в школе, учились.

Вы в каком классе учились?

Я в 5-ом была. А брат...

Уже в пятый перешли...

Да, я в пятом была, а брат уже в 8-ой перешел. Мы в одной школе с ним учились, и в одном этом, после обеда учились. И в этот день, значит, приходят, и, говорят, что забрали учителя, учитель был, по немецкому. Я как сейчас помню, Камерно фамилия была, вот Иван, а как отчество уже не помню. Вот он у нас, значит, был по пению, по музыке, он скрипач был такой, у меня брат как раз вот по музыке вот учился. И приходят и говорят, его забрали, вроде как врага народа, в милицию забрали его. А тут стали, значит, слух же идет, ну, как это, как это, что он враг народа. И что он враг народа, он такой учитель хороший. Ну, и так и кончилось все. Прошло, наверное, с недельки две, и приходит, значит, директор школы, и наша, значит, эта, педагог наш был, она как, классная была, и говорит, дети немецкой национальности, собирайте все портфели, где там у вас что осталось, принадлежности, какая вот, и идите домой, вас будут выселять. Как выселять, куда выселять? Ну, вам там скажут, куда будут выселять, ну, вот все национальности немецкой.

А в классе много было детей немцев?

А не знаю, я даже не знаю, сколько их там было вот. Наверное, их было там немного. Но вот что, мы немецкого языка не знали, мы только по-русски разговаривали. В садик мы в русский ходили, в школу русскую.

Ну, вот в Вашем классе, вот этот город он многонациональный был, да?

Да, да.

Больше, кто преобладал?

Там были, в основном, как бы вот казаки.

Казаки.

Да. Вот кубанские казаки, были русские, были украинцы, были армяне, были чечены, там всякой национальности были у нас, большая национальность была вот.

Потом.

Ну, и, мы собрались, значит, ну, мы дети есть дети, мы рады какие пошли домой. Пришли домой, значит, ну мы маме стали говорить. Она говорит, мама, а что это вы пришли, а брат пришел. Сначала, видать, ему сказали, и потом мне. И он уже стоит в коридоре и ждет меня. Ну, пойдём домой. Ну, мы зашли значит, и мама, а вы что домой пришли так рано. А нам сказали, что нас будут выселять в другие города или куда, мы сами не знаем, мы учиться не будем. Ну, маме, конечно, нелегко было. Она аж вся побледнела.

Это уже война началась?

Да, война началась. Папу уже забрали. Это значит в 41-ом, был папа, т.е. это война началась, значит в июне, в июле папу забрали. Вот.

А это вы в сентябре в школу пошли?

В сентябре мы уже в школу без папы. Вот. Теперь, значит, я была дома. И мама была дома. Вот какого числа не помню, но мы уже в школу не ходили, брат пошел, у нас дворец пионеров был большой, и брат пошел туда. А мы с мамой остались дома, меньший брат, я не помню, где был, и вот он, приходят двое мужчин, поздоровались. В обед. Пришли, значит, и спросили, здесь такие такие-то живут? Да, здесь. Как они представились, кто они. Они представились, как вроде, как бы тебе сказать, представители.

Власти.

Да, представители власти. И говорят, вот так и так, началась война, вы знаете, что с немцами воюем мы, и говорит, решили, значит, мы не можем ничего сделать, решили, значит, всю немецкую национальность вроде бы как один немец перебежал уже к немцам. В ту сторону. Вот. И сейчас значит, всех решили, всех по национальности немцев сейчас собирают и будут выселять, только немцев. В это время только немцев.

Такую причину нашли, что типа человек сбежал на ту сторону.

Да, ну как вроде мы предатели, можем и все так сделать. Против советской власти пойти. Ну так-то не сказали.

А мягко.

Ну, можно и так сказать, да. И говорят, с армии, с фронта будут, у вас есть кто, брат есть, моложе меня, брат рядом построил у него тоже ребенок, двое детей уже и тоже жена живет.

Он уже воевал.

Да, он воевал уже.

Это материн брат.

Да, материн брат. Он уже был на фронте.

И что они сказали про брата?

Вот, они, значит, ничего не сказали, до этого сказали, что все немецкой национальности будут, значит, выселять, с фронта, а мама говорит, а их куда. А мама говорит, ну, сейчас их будем выселять, если успеешь со своими, значит, родственниками будут уезжать, а если не будут, тогда их будут всех выселять, отдельно или как. Ну, и мама говорит, за что ж нас всех так, мол, карают, что мы сделали плохого нашему советскому народу, Советскому Союзу, нашему государству. Он и говорит, вот видите, значит, вот немец перебежал, и, значит, искать мы не будем, кто это, сейчас не время. Вот, может еще много перебежать военных на фронте, и там могут быть предатели. Мы не говорим может быть, мы говорим искать нам некогда. Поэтому, мы решили всех немецкой национальности выселить. Нас первых выселили, а потом уже стали чеченов.

И куда сказали они?

Они сказали, да, мама говорит, а куда ж нас будут выселять, он говорит, ну, скорее всего в Сибирь. А мама говорит, господи, за что вот это нам и стала плакать. За что нас, что мы сделали плохого. А они говорят, сейчас разбираться некогда, что мы вас просто выселим, и что вы виноваты во всем, просто решили выселить этих людей, вот. И значит,

говорит, в Сибирь. А мама говорит, а что мы будем в Сибири делать? Значит, здесь дома мы построили, здесь мы жили, обжились, здесь дети родились, и мы здесь родились. И вдруг вот теперь мы стали ненужные. А он и говорит, ну, сейчас такое время, мы не рассуждаем на счет этого. Туда приедете, вам там дадут вот эти, значит, дома. Кто в селе жил, мол, сдают вот что, сейчас опишем, что у вас есть. Вот. И это, хозяйство какое, что говорит. А туда, вот там приедете, вам все это дадут. Ну, мама говорит, конечно, не надо, ничего не пишете, забирайте вы все это так. Они говорят, ну, как это так, есть такое постановление, значит, надо описать все. Ну, мама, что сказала, что, были значит, поросята, два поросенка у нас было, и знаю, что телочка, коза была у нас и там курей. А вот эту мебель, мама говорит, пусть, не надо, я ее все равно с собой не заберу. И это не заберу, я знаю, что я это не получу. Ну, в общем вот это записали. Вот. И сказали, там вы получите. Дома, все вам дадут. Вы только говорит, значит, дали бумажечку маме, вот это вы возьмете с собой. А когда будут выселять, он говорит, я не знаю. Тут пошли дожди такие, дожди, дожди, и никак не могут, вот. Мы, значит, там пробыли, наверное, с неделю. Они сказали, мы будем объявлять. Когда будем там поэтапно отправлять людей. Немцев много было, будем отправлять поэтапно. Ну, мама говорит, хорошо, будем ждать. Ну, вот в это время уже вот эти самолеты уже, мы недалеко от аэродрома, и вот сказали, что вот нам стекла заклеивали вот так. Я знаю, что каждую ночь они там дежурили по улице ночью, не только немцы и русские вот, это я хорошо помню, потом, значит, пришли и сказали, что вот собирайтесь, я не помню, что говорили, сколько килограмм взять, вот это я не помню ничего, как говорится, берите все, что необходимое вам надо брать. Вот это вот они сказали, золотое вот часы были папины, ну вот все, что необходимое, ну, сережки потом она продала, поменяла она вот это все. Сказала она вот соседи к ней пришли, Катя, бери то, что сможешь.

Вот прям ночью пришли они и?

Они днем пришли.

Утром, да?

В обед, в обед.

Пришли, вот собирайтесь, вы сейчас уедете?

Сказали, что мы вам скажем, когда собираться, собирайтесь.

Да, да, я поняла.

Все вот, необходимое, что вот вам надо будет.

И прошла уже неделя.

Да, там дожди еще. Идут, идут дожди, и потом, значит. Вот это моего, маминого брата жены, отец, его не забрали, по какому случаю, всех забирали, а его еще не забрали. А там же сразу идут, ищут кого. И у него свой дом, и там у него еще 4-ро детей, он пришел и говорит, Катя, Люся, значит, маминого брата жена с детьми, давайте собирайтесь и переходите до нас. Я уже договорился, и будем мы все в одной кучке, то, что нам тяжело. Я все-таки мужик, вот. Ну и наговорились, значит, ну, бабушку забрали мы, бабушкин сын, самый младший, он...

Он уже с вами жил? А бабушка с вами жила?

Нет.

А где она жила?

Потом бабушка переехала, она сразу там забрала кое-чего.

Да, матери...?

Матери мать. Нет, а брат забрал получается или кто, маминого брата жены. Да, да, вот он пришел, уже договорился.

Он тоже немец?

Да.

Ему не сказали переселяться, да?

Нет, нет, переселяться тоже, чтобы мы все вместе, чтобы где-то мы могли жить, чтобы все вместе были.

Родственники все вместе. Вам так объявили.

И он говорит все-таки вот я один мужик, все-таки вместе нам будет легче.

Потому что мужчин забрали.

И он один остался.

Да, да, да.

Бабушкин самый меньший, я не помню, не знаю, сколько ему лет было, ну, он парнем был, жених. Это я хорошо помню. И вот он был самый старший из этих вот. И у него один сын, он уже был такой уже в 24-ом году, тот был 25-го этот 24-го. Мы вот когда дорогой ехали, и он отстал от поезда и поехал. Не знаю, чего там с ним случилось, или в магазин бегал или за водой и нет, и не знаю до сегодняшнего дня не знаю, где он остался... Саша звали его. Ну и вот, значит, привезли нас сюда, мы все переехали туда, и там, значит, мама договорилась там с соседями, у нас были. Эта соседка, женщина, их тоже, они русские и их раскулачивали, и вот они не знаю, с какого, когда они переехали, ну, вот добре, мы жили вот как они, дочь. Она шила, что мне сошьет, то и ей одинаково. Мы ходили как сестры, и вот мама тогда говорит, я буду переходить сейчас до сватов, а ты, что можешь заведи вещи какие, что можешь забирай. Ну, она шифоньер забрала и комод, там у нас еще хороший кухонный гарнитур был хороший. Потом мои вещи там, вот на квартире Маруси, мы в одном классе учились, это заведи все. Но в общем, что могла она все забрала. Потому что ночью, т.е. это вечером, придет и нас опечатают, чтобы мы уже не могли больше зайти туда, но они правда перевезли много чего. И это забрали, опечатали, запечатали, мы уже там живем один день, второй и третий. Да дожди идут и идут, а почему, и этого, наверное, свата жена говорит, плачет, что людей увозят.

Природа плачет?

Да, природа плачет из-за того, что нас выселяют. Ну, и вот он, значит, поговорили, ну, вот скоро, значит, будет, если нет, значит пришли и сказали, если еще дня три так будет дождь идти, то значит нас оставят здесь, потому что уже близко была война. От нас мы уже не можем вести от вас. На этом значит кончилось все. Потом мама говорит, пойду я домой, схожу, говорит туда. Душа болит. Она пришла, уже все. Нас опечатали, уже тогда не зайдешь, ничего. И мама говорит, вот эта тетя Нися, вот эта женщина, она и говорит, Катя, вот это она уже после, пришел Витя. Его значит, его, он же военный был.

Кто этот Витя?

Это мамин брат, который женатый вот на этой, рядом жили с нами. Его вернули, а он тоже военным был, я не помню каким, он учился в военной школе. А кем он там был, я не знаю. И он вернулся, в военной одежде, все. Пришел домой и нет никого, ему значит, эта тетя Нися говорит, Витя, говорит, беги скорей до свата своего, там все твои и мать твоя и все твои, сестра и жена и все они вместе. И он пришел и я как раз встаю, и говорю, мама, Витя. Она говорит, Боже мой, откуда ж Витя взялся, я его не называла дядей, не называла, он ж еще молодой был, и он говорил, не называйте меня дядя, так мы его и Витя называли. И он значит, смотрит, правда Люся, выскочила эта жена его, Боже мой. Да откуда ты, ну, вернулся, говорит, нас вернули всех.

Всех немцев из войны вернули, да?

Ага. Ну, это так было обидно, я столько лет учился, вот как вот нас всех также всех, вот вам вот здесь вот.

Ну, мы это потом сфотографируем.

И теперь говорит, я вот как враг народа, нас назад, что мы негодные люди там, и, это, вернули нас назад. И вот с нами еще успел. В это время, значит, перестали дожди,

как ждали его. Дожди перестали и сказали, что давайте собирайтесь. И вот мы собрались, значит, на перрон, подъехал вот этот вот.

Все немцы там, в один день вот там собрались.

Да, много немцев было, всех забрали, не забрали. Я вот уже не помню вот утром или днем.

Вот этот ваш дом, где вы там все были, и сказали, чтобы вы все пошли на перрон.

Да, да.

Повезут. А вот на чем?

А вот на чем, я вот не помню. Вот привезли на перрон вот этот.

На перрон чего, это железная дорога была?

Да, железная дорога, и идут эти вагоны. Вот эти вот вагоны, телячие, скотские. Подвезли, я говорю, мама, а куда нас? Она говорит, это говорит, наш дом теперь. И нас всех туда.

И вас там, с вами все родственники в один вагон попали?

Да, родственники, все в один вагон. А человек вот сколько было, родственников, ну я сейчас скажу, 5 человек в семье, шестой отец, теперь седьмой Витя, восьмой жена его, и двое детей, это 10 человек. И нас, значит, трое, четверо, четверо нас и бабушка еще. Вот 6, 16 человек получается.

А вот были кто-то другие?

Были, были. Да, были, были, я не помню вот уже сколько были. Вот. И когда нас завезли. Я вот помню, здесь вот они, я знаю, были ли люди или нет, но сверху были, на вот этих полках. Вот, и снизу тоже сидели. Вот. Нас сюда посадили, и не помню, в какое время нас увезли, не знаю, не помню. Не помню я это. Везли нас до Еревана такой.

Ереван.

Да. Такой. Вот там, это был армянский. Вот, довели нас туда и там остановились. Через несколько часов наш город был занят. Нас еще успели вывезти.

Занят чем, кем?

Немцами. Потому что у нас гремело уже, нас подпирали.

Вас как оттуда забрали, там уже было, да?

Нас забрали, мы к Еревану подъехали и сказали, что наш город уже заняли немцы. Вот. Я не знаю, сколько километров это было, не знаю. Нас тут покормили, вывезли, там, значит, какая-то столовая была. Нас туда повезли, нас накормили.

Людей много было, сколько их было?

Людей много было, не помню вот даже, но вот полно-полно людей было, сколько людей было, не знаю.

С детьми, с...?

Да, с детьми и со стариками и все. И значит нас отправили, пока накормили и отправили дальше. Везли нас, не знаю, везли-везли, и ночью, и днем. Потом, значит, остановили и сказали, что говорит, пока будем стоять, разбита там уже будет эта...

Станция будет разбита?

Не станция, а дорога была разбита. Повернули нас другой какой-то стороной, повезли, значит, назад, опять куда-то. Вот нас везли месяц и семь дней до Павлодара.

До Павлодара вы ехали месяц и семь дней?

Да, месяц и семь дней. Это до Павлодара мы доехали.

Фрида Ивановна, у меня вот такой вопрос, а вот вы вот, помните, что месяц и семь дней, да? А много остановок было? Вот по дороге вас кормили?

Да. Давали сухой...

Давали ли теплую одежду?

Нет, никакой одежды нам не давали, сухой паек.

Сухой паек, что это такое?

Что они давали, не знаю. Не знаю, наверное, хлеб и какие-то консервы. Вот. Несколько раз так давали. А так все кто мог. Еще брали там, кто крупы набрал, кто что.

Кто мог что, кипяток?

Да. И вот нам останавливают...

Во время остановок, кипяток, допустим.

Да. Кипяток нет.

Не было, да, кипятка?

Нет. Никаких кипятков, ничего. Каждый там кастрюльку взял, и сами выходим и там собрали, где, какие-то доски. Где, что-то там разбитое, что, и быстрее чай поставить. Если успели, скипятят, если нет, чуть-чуть горячий чай пили, как воду горячую. Вот это вот, это было. Сколько воды давали, я не знаю. Но знаю, что когда подъезжали к станции, все бежали с котелками, с этими ведрами, ведерочками.

Подогреть воду чтобы, да?

Попить чаю.

И на улице вот эту воду разогреть.

Да, да, да.

А вот вы под конвоем были? Солдаты вас сопровождали?

Вот это я не знаю.

Не помните, да?

Не помню, не помню.

А вот еще хотела спросить. Вот кто-нибудь вот так, если вам разрешали выходить, люди сбегали, допустим?

Не знаю, сбегали или нет, но знаю, что много отставали.

Отставали, да? Ага.

Много, потому что они там бегали, то где-то воды набрать, или где-то в это время кричат по вагонам. И люди бросают там, что сготовили, или там что. Вот другой раз там и огонек горит, и все бегом в вагоны. И каждый...

...

А некоторые, которые по магазинам были, может куда-то убежали, может до кого-то попросить чего, и отставали. Много отставало народу.

А вот в дороге умирали?

Умирали, умирали много.

В вашем вагоне умирали?

Умирали. Были такие, что умирали даже, лежали, что пока где-то сойдут, остановка, и людей, я знаете, не знаю. Как, куда их, но убирали. Я знаю, что подъезжала какая-то тележка, и на этой тележке увозили, это я помню. Вот это было. Вот. Ну и вот везли. Потом помню, что когда нас везли, и я не знаю, на каком это километре, где это, перед нами вот это, самолеты немецкие. И вот мать все время, на каждой остановке старается детишек к вагону, в случае чего, чтобы выбросить детей и самой спастись. Вот каждая старалась, чтобы ближе. Немцы бомбили, да. И перед нами, значит, прошел эшелон, весь разбили.

Весь разбитый был, да эшелон?

Там страшно, что, даже в одной рука, в другой там мертвые, ребенок плачет, сидит.

Эшелон был весь разбитый тоже с людьми, да, был?

Да, весь разбитый. Также с людьми был. А не знаю, немецкий он был, и какой он, или просто кто-то...

Кто по национальности не знали, да, кто там был?

Да, не знали. Или может эвакуированные, ничего не знаю. Потому что нам же даже не разрешали выходить с вагонов так.

Угу, ну, вот значит, с вами были вот тогда солдаты, да?

Да, да. Солдаты были.

А вот, что люди говорили, какие ходили слухи, что говорили люди в вагоне?

А, ну, что, люди не ждали ничего хорошего. Все говорили как, ну, лучше бы нас взяли, расстреляли бы и лучше бы было, чем вот так мучиться нам. Вот это было. Переживали, конечно, люди. Теперь мама говорит, что вроде где-то на этом, не знаю, на каком перроне останавливались, и мама увидела папиного брата. Вот этого, через некоторое время, и папиного старшего брата, тоже забрали.

Вот он механиком был?

Да, да, да, да. Его тоже забрали, и когда везли, и где-то они под...

...

Ну, я здесь не знаю, где мы закончили, ладно. А, ну, вот в Калиновку вы приехали...

Про маму не надо, да?

Не, ну рассказывайте.

Вот мы приехали.

Это в 44-ом году, да?

Это мама померла уже в 44-ом году. Мама вот я не помню, какого числа она в больницу легла. Вот.

Это с трудармии ее вернули?

Вернули, да. Вот с Павлодара ее вернули. Она вернулась назад. Вот. Побывала, поработали, и она вот заболела. И вот отправили ее в больницу. И в больницу вот она, пролежала. Я же говорю, мы когда в больницу приехали, один раз, она нам нотацию, что вот, мол, вы старайтесь, старших слушайте, и бабушку слушайте. Ну, все такое. Люди плохого вам не пожелают.....и ночевал тоже с нами там в бригаде. И накормила там остальных, т.е. людей вот этих, рабочих. И вот говорит, все кончено. Я говорю, да ну, поедем, говорит...

Вы уже работали в колхозе?

Да, да, в колхозе все.

Дояркой, да?

Нет, это я уже учетчиком. Это я уже когда пошла, брата забрала, т.е. это, наш брат приезжал, нас забрать, и нам не разрешили. Вот. Мне-то работы нет, я уже сдала все. Я пошла, вот это он меня отправил туда в этот...

Мама еще не умерла?

Умерла уже вот.

Вот вы хотели рассказать про маму.

Ну, вот я ж тебе и рассказываю про маму. Что мама вот это сказала, что это, слушайте старших, что вот это. Все рассказала, и вот мы поехали домой. Что это мама прям вот так вот говорит, а он говорит, ну, мол, а что мама скажет, мама, есть мама. Ну, мы приехали, приехали, побыли. Меня он отправил потом говорит, ну, езжай туда говорит, работай там.

Брат, да?

Не брат. Брат уехал. Это председатель колхоза сказал, что езжай вот, там будешь вот говорит. А брат с этим, с этой, с бабушкой, будут жить здесь в колхозе. А ты на выпаса поедешь. Там будешь кормить, и будешь там пока жить.

Куда поехать?

Выпаса вот там были.

Выпаса?

Там молодняк у нас был, это где-то 12 км от колхоза. Там, потому что сено возить, это ж надо сколько этих тракторов, или вот этих, чтобы отвезти туда. И вот решили, значит, сэкономить, и там, скот туда вывезли, базы там построили, и вот этот молодняк там всегда находился. Вот надо же, чтобы там люди были. Там и кормить надо.

Да, да, да.

Ну, вот я кормила. Ну и потом он, уже утром он встал, и когда уже покормила всех. И он мне говорит, Фрида, все, кончила ты? Да. Едем, мама твоя померла. Вот. Ну и вот мы приехали, мы приехали, поехали в Качиры, забрали маму, привезли вот, похоронили, и все как следует, сделали. И вот тут вот уже вот это вот у нас пошли вот это колхозы в совхозы соединили. И вот меня с этого колхоза отправили в другой колхоз. Там уже был колхоз, а наше отделение стало.

Калиновка, да, вы сказали?

Да, Калиновка это уже колхоз стал, а это отделение, где я жила раньше, это уже отделение. Ну и вот меня туда учетчиком направили. Ну и вот я работала там учетчиком на ферме все время, вот. Потом вот, сколько лет там проработала.

Вот вы с бабушкой были, да?

Да, с бабушкой дом получили, да, я на работу. Брата в ФЗО забрали.

ФЗО это что?

Это училище такое, знаешь, как вот ремесленное ФЗО, как сейчас вот...

Там ребята жили и учились?

Да, ремеслу. Да, да, да. И вот его забрали. Там их и кормят, и одевают, и обувают. И вот он туда его говорит, вам будет легче, и у него будет специальность и отправили его в Караганду. Вот он в Караганде был. Вот там он выучился и там остался и женился. А потом его с Караганды в Экибастуз направили, он там же работал, шахты открылись в Экибастузе. Вот его туда направили. И вот он там жил, пока и помер, на пенсию пошел вот брат. Ну, я вот тут вот начала работать, вот тут уже Сталин помер.

Вот я хотела спросить, смерть Сталина, и события, которые дальше, и о реабилитации. Как вот Вы узнали о смерти Сталина, какова была реакция, что думали, о чем говорили, какие были слухи? Вообще, какие строили планы?

Ну, я не знаю, что сказать, что люди плакали, конечно, мы молодежь комсомольцы были. Я помню мы эту рамку делали, и ленточки, плакали за ним. Вот это вот, что теперь дальше будет, как мы будем жить. Вот Сталин теперь помер, будет смена власти. Да, все боялись, что хуже может, будет. Вот это вот было.

А вот у Вас вот, какая реакция была?

Ну, у меня точно такая же. Я, ну что, еще девчонка молодая была. Что мы там, тоже также, что пожилые скажут, то и мы знали. Вот. Вот это вот такое вот было.

А вот когда узнали вы о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов?

Ну, вот значит, в газете было, что Хрущев вроде бы это решил сделать.

Это в каком году было? В каких годах было, не помните?

Вот не помню, вы знаете. Не помню уже это.

И в газете вы это прочитали?

Да, в газете. И потом по радио сообщили и в колхозе.

И что говорили?

Сказали, это я уже вышла замуж, это был 54-ый год, я вышла замуж.

Уже замужем были?

Да. И замуж, приехала я в Иртышск. Там оттуда меня привез сюда, и я жила в Иртышске. Муж вот...

Бабушка умерла уже?

Да, бабушка померла. Я уже осталась одна. И вот я вышла замуж и жила здесь. Он тоже, у него было двое детей, это была моя семья, сестра была замужем, двоюродная. Он первый раз женился у него ребенок так остался, вот. А потом я не знаю, как получилось, может она загуляла. Не знаю, так это было или нет. И он женился на моей сестре. Вот. И она ему родила. Та узнала и привела ему мальчика, вот ты женился, это 9 месяцев, вот и забирай ребенка. Ну и он там потом сказал, комендатура ж еще тогда была. И он говорит, или ее берите или меня. А он по-казахски знал. Он казахский язык знал и все обычаи казахские. Это для него было, он говорил, это как наш родной. Вот. Все знал.

А он по национальности кто был?

Он немец, он немец.

Тоже депортированный, да?

Только он с Саратова. Вот. И он там работал бригадиром, в этом казахском ауле. Вот в этом Пушкине, и он там помер, вот они там жили. И я вот как-то разыскала их. Это вот моего дяди, папиного брата жена старшего, что я тебе рассказывала.

Вот. И в вагоне они с мамой когда-то встретились?

Да, да. Вот ее туда отправили, а их в казахский аул.

Иртышский район, да?

Да, в казахский аул направили. Вот он там работал, он хорошо знал казахский язык, и он туда поехал работать. И вот он там работал как, бригадиром, а в этом, Веловодске, совхоз был МПС был. И вот он там, в МПС работал, когда я за него вышла замуж он там в МПС был бригадиром. Там он над этими мастерские. И мы там прожили. И тут началась эта, как его, Целина.

Вы мне вот расскажите вот про реабилитацию как Вы услышали?

Так вот слушайте, я в 54-ом году, в 55-ом, в 56-ом же у нас реабилитация была. Вот. И за эти года. И его значит, направили опять работать, он как казахский знал, и вот на Целину, там, на Пушкине открывалась Целина. И там же колхоз остался, и вот его отправили туда работать, т.к. он коммунист и его отправили туда работать. И я туда поехала. Вот там я уже, вот там было много казахов, стало это отделение, а это совхоз. Его туда направили этим, управляющим. Он работал там. И вот эти двое детей, мальчику, когда я пришла было 5 лет, девочке 9 месяцев, я их воспитывала. Вот они у меня были. Вот. Ну и вот потом вот эта реабилитация, вот. Тут приехал мой и говорит, ты знаешь чего, говорит, вот так и так. Что вот разрешают, вроде разрешают уезжать, но уезжать, как, ты можешь, но то, что у тебя осталось там ты не имеешь права просить. Приезжай, строй себе или покупай дом, что хочешь опять обосновывайся. Ну и он говорит, ну, и как ты думаешь. Я говорю, ну и что ты думаешь, я приеду туда и опять скажут, собирайся и езжай. Я говорю, да у меня здесь в Казахстане, мать померла, здесь у меня бабушка, и я говорю, и я здесь буду. Он говорит, я тоже так думаю, вот. А его отца тоже в тюрьму забрали. Тоже также. И вот он тоже сирота был. Ну и вот так вот мы и остались и стали жить здесь.

А вот, Фрида Ивановна, как проходил процесс оформления документов, быстро ли это было? О каких документах, о реабилитации Вы слышали, и какие документы о депортации Вы вообще видели, держали в руках? Где их надо было получить?

Ну, здесь, это здесь уже все. Говорили на месте рождения, и вот... еще есть, сказали какие документы надо.

Вы уже в городе были?

Да, в городе.

Переехали, да?

Да, когда мы уже вот это собирались.

И вот в центре возрождения вот вам там сказали, да?

Да, да. Кто желает, может. Мы приехали сюда, мы уже здесь прожили немножко. И вот уже помер он у меня в 56 лет. Вот. Когда здесь вот мы говорили.

Это вот в 56-ом году, когда вы вот реабилитацию уже вы в городе жили?

Да, мы уже в городе жили. Мы жили здесь немного вот. И он помер. Но до этого он сказал, мы будем здесь жить. И там мы, некоторые уже собрали документы уезжать. Он говорит, дураки, ну чего ехать. Везде хорошо, где нас нет. Здесь уже обосновались, будем жить здесь. Ну, мы так и решили, жить здесь будем.

Ну, вы документы быстро получили?

Мы ничего не делали.

Не делали, а, ...?

Мы не думали, абсолютно не думали, что. Вот когда он помер, вот, и тут брат вот со своим сыном, вот этим военным, они вот уехали. И я поехала, значит, в гости туда. Съездила. Посмотрела. Туда, в Германию. Съездила, как раз уже мужа похоронила, я уже на пенсию вышла. Вот. И поехала туда, посмотреть.

Это в каком году было?

Это в 2001-ом году я поехала.

О, это уже время прошло.

Да, да, да. Время прошло. И я вот поехала, съездила, посмотрела. Ну, живут люди, ну, конечно, некоторые, там подружка у меня вышла, т.е. уехала отсюда. Вот тут мужа похоронила и мать, сама уехала. Ну, конечно, там и дома хорошие, там и жизнь совсем другая все. Но тут, она говорит, поезжай. Вот тут у меня дети. У меня здесь один, и второй этот сын у меня на русской женатый. Старший сын на русской женатый, я не собираюсь. Меня так здесь есть отец, у меня тут муж похороненный, мать похоронена, и бабушка похоронена, и я здесь буду. Тут у меня дети рожденные.

Фрида Ивановна, вот вопрос, почему вы не уехали, а остались в Казахстане навсегда? Как протекала ваша жизнь в Казахстане? Какие повороты судьбы, может были какие-то повороты?

Ну, такие повороты, я не знаю.

А почему вы не уехали? Почему вы решили остаться?

Ну, я не знаю, у меня здесь дети родились, здесь все мои родственники, здесь. Это моя вторая родина. Я здесь больше прожила, чем я в Армавире, в Краснодаре прожила.

Фрида Ивановна, вот у меня такой вопрос, глядя из современности, вот сейчас вот, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у вас было в начале вот, в первые годы?

Как мы приехали сюда в войну.

Да, да, да. И вот сейчас если посмотреть, вот изменилось ли у вас отношение?

Конечно, конечно. Совсем по-другому, и жизнь стала другая, и так тоже, стали учиться, тогда ж нельзя было учиться. Мы ж под комендатурой были. Вот это ж я говорю, мы когда приехали, 4 класса там было. А я уже была в пятом. Мне не разрешили вот уже 5 классов уже учиться.

Ограничение было, да.

Вот пять, это, 5 км надо было, а нам только разрешалось 1 км, за город надо выйти, чтобы за поселок. Вот и так что пришлось не 4, а 5. Пришла, и опять же села в 4-ый класс. Но мне не интересно, я уже все знала, здесь. Я как еще училась писать на тетрадах, а здесь на бумагах. Вот. Сажай писали. Вот. Очень тяжело было.

Вот что ожидаете Вы для себя, вот глядя из современности, что Вы ожидаете для себя от власти, от общественности, окружающих людей?

Ну, я не знаю, а что сказать. Пенсию я получаю, я не говорю, что я голодная, я не голая, не босая, одетая. Рядом сын живет. Ну, я на власть не обижаюсь.

Вот Фрида Ивановна, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях? Как вам удалось сохранить свою жизнь?

Ой, я не знаю. Наверное, сила воли. Я так думаю, что много силы воли было. Что я знала, что я выживу. Я буду жить. Я трудилась много. Я когда работала. Я еще после пенсии, когда мужа похоронила, 7 лет работала.

Что бы Вы хотели добавить к тому, что Вы уже сказали? Может быть, есть какие-то моменты, которые мы еще не затронули? Расскажите о том, о чем мы не упомянули, вот в своей беседе?

Ну, что, я, конечно, я довольна Назарбаевым, что он нас как не бросил в обиду, и никогда не бросал, и сейчас тоже. И помогает, и пенсию нам также как всем, как казахам, как русским, так немцам, всему народу. Я благодарна. Спасибо ему за это. *(Плачет)*.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению, будущему поколению, что бы Вы хотели передать вот будущим поколениям?

Чтобы они трудились, чтобы не были наркоманами, чтобы не были пьяницы, чтобы знали, что такое труд. И как бороться с этим вот всем. Чтобы трудились так, как мы. А не так как сейчас. Все в достатке у них. Хочу, работаю, хочу, не работаю. Вот этого мы желаем, чтобы вот это все не только нашему поколению, а всем нациям, всем этим детям.

Угу. Спасибо, спасибо Вам большое.

.....
Терехина Хильда Александровна, немка, 73 года. Была депортирована из Тбилиси в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Хильда Александровна, вот у меня первый вопрос к Вам, как затронула депортация Вас и Вашу семью, непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов, или еще родственников?

Вот как затронула, нас оторвали от всех родственников, там, где жили...

Там, где Вы депортированы были, Ваши родители, родственники другие были депортированы?

Вместе с нами в общем-то были родственники, непосредственно отца, брата, т.е., это, дядины.

Дядина семья тоже были, да? Тогда бабушка с дедушкой были живы?

Бабушки уже не было в живых, она уже умерла в скорости после моего рождения, дедов не затронуло, вот дед, вот он уехал из семьи, он звал семью в Германию.

Он в Германию уехал?

Ну, неизвестно куда он уехал, в семье моего отца, детей было 5, 4 брата, одна дочь, и значит, это жена. Моя бабушка, вот это, значит, дедушка звал их, со слов мамы, звал их, а она со слов отца. И он уехал, что с ним стало, никто не знает.

Отца это дед, да? Отец?

Да.

Ясно, вот, следующий вопрос, вот как затронула депортация Вас и Вашу семью, дата, когда это было, если помните, место высылки, место вселения?

Ну, дату я, конечно, не помню, помню, что это месяцы, сентябрь, октябрь 41-го года, октябрь, ноябрь.

Место высылки где было?

Место высылки не знаю.

Не знали, да? Хорошо.

Я не знаю. А отправляли нас из Тбилиси. Проживали в городе Тбилиси, это мой родной город.

Вот, Хильда Александровна, у меня такой вопрос, вот начало переселения, что было накануне депортации? Были ли слухи, догадки об этом? Уезжал ли кто-то заранее из-за опасения быть депортированным? Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных, как вообще узнали о переселении, как оно происходило, расскажите вот?

Ну, я ничего не знаю, какие там были разговоры о депортированных, и какие там слухи. Единственное, что я вот вспомнила, как вот вы наводящие вопросы называли, отец немец был, мама русская. И отец меня вот еще успел научить одному стихотворению по-немецки, и счету до 10, мы обсуждали вопрос отдавать меня в немецкую школу или нет. Отец сказал, что не следует меня в немецкую школу отдавать, потому что уже там, Гитлер, наверное, ну это было как-то связано с Гитлером, что-то ожидал отец, я не могу объяснить почему. Но, наверное, в связи с этими событиями, он решил, что меня не надо отдавать. И младшим братьям, чуть не забыла.

Вы старшая в семье были?

Да, старшая.

А вот, сколько Вам лет тогда было?

Нас выселяли, значит, около 5 лет. Я ноябрьская, мне уже вот видимо 5 лет, сказали, что мне исполнилось. Мне пять лет уже здесь в Казахстане исполнилось. Пока вот мы в пути были, вот мне было близко к этому возрасту. Я мало что помню, я единственное, уже можно это?

Угу.

Из всего пути единственное запомнила, что нас через Каспий переправляли в трюме грузового парохода. Этот трюм для меня, для ребенка, тогда мне запомнился зрительно, вот, казалось такое огромное пространство, мрачное, черное, много людей вот по полу этого трюма, расположены какие-то эти лампочки, свечечки, там ...горят, все вон там лежат, сидят, и только где-то наверху, высоко-высоко был в центре квадрат, ну, вот это вот, наверное, люк вот этого трюма, вот это я вот так запомнила. Больше лично я ничего не помню. Про то, что вы вот спрашивали, я не знаю.

Вот Вы расскажите о том, что со слов родителей. Что происходило, вот вас привезли из Тбилиси. Как папу зовут? Имя, отчество?

Александр Карлович Лотс. А маму Полина Ивановна Жабина.

А папа у Вас тогда работал? Чем занимался?

Он был модельщик, это типа токаря, но по дереву. Он был большой специалист, профессионал, и даже вот сюда, наверное, вывезли, он выточил деревянную, вот такую игольницу. Вот знаете, у нас вот позже продавались, а он деревянную такую выпилил на станке еще вот эту спичечницу, вот коробок как бы спичечный на станке.

Ну, все ж мастер по дереву?

Да, мастер по дереву, а его взяли по металлу токарем.

А мама чем занималась?

Домохозяйка.

У вас частный дом был?

У нас дом был одноэтажный, но принадлежал хозяину, и там был такой небольшой дворик, я его помню, и ну, там принято было, галереи какие-то, вдоль этого вот, двери,

двери, двери, там разные жильцы жили, в том числе и мы в одной из них жили, занимали одну комнату и все.

Хорошо, а вот в семье у вас сколько детей было?

У нас вот в семье, вот в Тбилиси, нас было двое детей, значит я и брат, младше меня. Вот когда вот приехали, вот уже без отца, когда отца забрали в трудармию, позже родился 3-ий ребенок, но он, этот ребенок умер спустя 2 месяца, голодали.

Вот Хильда Александровна, расскажите, что рассказывали мама и папа, вообще, как они узнали о переселении, как оно происходило, сколько времени давали на сборы, что разрешалось брать с собой, оказывал ли кто-то сопротивление, было ли насилие со стороны властей, со слов матери?

Вот со слов матери я не помню, чтобы вот какое-то насилие, видимо, каким-то образом были обязаны выехать, и они подчинились.

Вот так получается, а там получается, в Тбилиси немцы были вот одни выдворены или как?

Ну, в то время, наверное, немцы. Вот это я не знаю, я не могу это знать. Вот единственное, что мою маму могли оставить, мою маму не принуждали к насилию, к переезду, т.к. она русская, у нас вот двоих, оставались... Ну у нее в то время родителей уже живых не было, со своей бабушкой пошла посоветовалась. Вот какое-то время было, для того, чтобы вот сходить с родственниками, посоветоваться, собраться.

Т.е. вот заранее их, получается, оповестили заранее?

Все-таки заранее, не так как вот про чеченцев, ингушей, вот как за 2 часа, вообще ужасное. Тут, по-моему, давали возможность как-то настроиться, собраться, и вот бабушка моей матери советовала, что лучше с мужем ехать. Кто знал, что вот его тут же заберут, и она одна останется. Надеялись, что с семьей будут здесь жить. Вот, ну и мне кажется, вот смутно помнится, что какие-то вещи они все-таки могли взять, что-то здесь меняли, первое время.

Т.е. мама взяла вещи. А что с домом, с квартирой?

Ну, если эта квартира, она принадлежала хозяину, мы снимали, значит. Все, мы освободили, уехали.

А вот мама рассказывала, кто забирал, или на определенное место пошли все во столько-то, или вот вас?

Ничего не знаю.

И мама не рассказывала?

Может быть, рассказывала, не помню. Я же сегодня брату звонила, говорю, может, ты со слов матери что-то помнишь, нет, со слов матери я ничего не помню (*смеется*).

А, может быть, со слов матери помните, вот, как объясняли причину депортации, почему они должны были переехать? И что говорили об этом переселяемые люди? Бабушка что говорила, допустим?

Ну, бабушка, я не знаю, что могла говорить. Считалось, что шпионы могут быть среди вот этого населения.

Среди немцев?

Вот это, среди немцев.

И поэтому вас?

И нас вот всех переселяют.

А куда переселяют, говорили?

Этого я не помню.

Не помните, да. А вообще, оставался ли кто-то по каким-то причинам, вот среди немцев? Оставались кто-то, нет?

Вот тетя, сестра моего брата, т.е. сестра моего отца, тетя Лида, она осталась, не Потому что ее желание было, она была к тому времени замужем за шофером, который, ну, он русский, который работал в НКВД. Ну, у каких-то там начальников возил. Фамилия Белый. Вот и она как жена, и в общем-то ее, видимо, и не побеспокоили, я не знаю подробности, ничего не знаю. Вот это, тетя Лида, моя родная тетя она потом, ну, не знаю, через маминых родственников, что ли сказала, сообщила, что с нами переписываться не может. И для нее это будет, в общем, нельзя.

Ясно. Вот вас, получается, переселили вот со всей вашей семьей?

Ну, мы переселялись, только четвером. Вот, мать, отец, и мы с братом.

А родственники другие еще?

Родственники они как-то другими там путями вот это вот...

Ну, тоже они переселенцы?

Да. Вот вторая семья, тетя Катя Лотс, и у нее тоже двое детей, Олег и ...

Их отдельно, да, переселяли? В один день или позже?

Я не знаю, позже или нет, но все равно они оказались в Бескарагайском районе.

Тоже были депортированы, получается?

Да. Давно. Мы потом узнали, что тетя Катя живет вот в этой ..., которую вот я вам вчера толковала, что это Бескарагайский район, сегодня атлас смотрела, может быть, вы слышали, село Бораз или Большая Владимировка. Вот от Семипалатинска мы жили, потом вот в селе Николаевка называлось. 100 км было до Семипалатинска от этой Новониколаевки. А ... я не знаю, наверное, побольше, ... стоит на берегу Иртыша, и вот когда эти, на полигоне взрывы были, вот родственники, теперь рассказывали родственники моего мужа, там золовка жила. Они видели вот эти вот шары, вот эти взрывы, да, грибы, и не знали что это, насколько это серьезно, насколько это вредно.

Хильда Александровна, у меня вот такой вопрос, вы помните, что вас с Тбилиси повезли куда? После вот потом в 41-ом году? Повезли по Каспию, да, получается?

По Каспию, да.

На барже, или что это было?

Я не знаю.

Не помните, да?

У меня представление, что это что-то небольшое, а это вот, в зрительной моей памяти что-то такое вот огромное-огромное.

И там людей очень много.

Очень много было людей.

А вы не знаете, кто это были люди, немцы были по-национальности, кто там?

Да, наверное, все немцы.

Хорошо, вот вы помните вот это большое пространство вот в море, да, получается? И вот как, люди сами питались, или их кормили?

Этого я не знаю.

Не помните, да? А потом, вас, видимо, в поезда, да?

Я так предполагаю, что, наверное, да, пересаживали в поезда.

А вообще, сколько вы плыли по Каспию? Мама не рассказывала? Со слов матери не знаете?

Нет, не знаю.

Ясно. Потом вот в поезде помните, или со слов, со слов родителей?

Ни со слов, ни сама ничего, я просто вот уже помню, что мы жили в начале в селе Семеновка.

Давайте вы, значит, дорогу вы не помните?

Нет.

А вот со слов матери, сколько времени вы ехали?

Тоже не могу сказать.

Ну, там было тепло, когда вы сюда приехали, уже было холодно?

Холодно, наверное.

Холодно было, не помните, да?

Не помню.

Хорошо, куда вы прибыли?

Прибыли в начале село Семеновка, Бескарагайского района, Павлодарской области. Тогда это называлась Павлодарская область. Вот, в скорости, отца, как специалиста, там не было специалистов таких, токарей, его перевели в село Рамадан. Я так представляю, что это недалеко от той Семеновки.

Он был в трудармии или что это?

Нет.

Просто вот его туда перевели, чтобы он там работал?

Чтобы он там работал, там была МТС – машинотракторная станция, ну, вместе с семьей, да. Вместе.

А вот в начале, когда вы в первом селе вот вы сказали, это село было, казахское село?

Нет. Это было русское село.

Русское село. Вы жили у кого-то или жили отдельно в бараках, вот, вообще, людей как размещали? Вот когда с вагона вас вот везли, когда вот это, не помните, да?

Не помню.

Ну, вы жили у кого-то там?

Ну, скорее всего, у кого-то.

Мама не говорила, не рассказывала?

Наверное, она рассказывала, но я не помню.

Потом вот вас, за счет того, что ваш отец был мастером по дереву, да, он работал вот, его отправили в другое село. Как это село называется?

Рамадан.

Рамадан. Вместе с семьей, получается.

Да.

Только вы или другие немцы были?

Вот из Семеновки, наверное, и вторая семья Апельты. Не слышали эту фамилию? Был этот, Апельт председателем «Возрождения». Вот. Но этот дядя Эмих, также, как мой отец был токарем. И вот их семью, и нашу семью, я поняла так, что они были и в этом, и в Семеновке, они потом в этом Рамадане. Ну, видимо, вот эта МТС машинотракторная станция, нужны были специалисты, директор их Апельт тоже был токарем. Еще я Гансгорнов помню, знаю, что вот семья тоже.

Как?

Гансгорн, они, значит, в том селе были, потом вот дальше я уже не помню про этих Гансгорнов. А Апельты здесь вот еще.

Вот вы сказали Рамадан, да? Вот там, где вы жили?

Там, вот пока с отцом, наверное, у кого-то в доме. Потом без отца уже.

Подождите, отец там работал, мама не работала, дома была, да?

Мама не работала.

Она в положении была, да? Вы не помните, у кого вы жили, вы этого не помните, ни со слов матери, ни со слов родителей тоже не помните, да?

Нет.

Это вот вас перевели, вот вы говорите, что в октябре месяце, ноябре, это где-то зимой, вы, сколько в первом селе жили? Месяц, два, полгода?

Ну, может быть, месяц, два.

Потом вы перешли, и потом, сколько вы в Рамадане были?

Ну, мы прожили довольно, ну, может быть, с год, не знаю, отца-то забрали буквально спустя несколько месяцев.

Вот в Рамадане?

Из Рамадана. В моем представлении вот, его в нашей семье не стало где-то в апреле 42-го года. Вот. А мама осталась, но она уже ничем не занималась и пошла в колхоз, в колхозе работала.

Кем работала?

Ну, кем, я не знаю, кем сразу.

Ну, чем она занималась в колхозе?

Ну, что заставляли, то и это.

Делали, да?

Да, яркое вот это лето, я вот после вашего разговора, вчера, припоминала, это скорее всего, лето 42-го же года. Вот, и, наверное, уже тогда маленького у нас не было потому что...

Мама родила, и через два месяца он умер, да?

Да.

А это было до отца, его забрали, вот его забрали, когда он умер, да?

Да. Как отца забрали.

А отца куда забрали?

Отца забрали в Челябинск.

В Челябинск в Россию. В трудармию, да?

В трудармию, там этот, металлургический какой-то комплекс, комбинат, вот это мне уже, на мои запросы, нам ответ пришел, ну, я сейчас подробно не помню, ну, у меня там ответы есть, куда его забирали.

А мама переписывалась в то время с отцом? Вам разрешали?

Вначале переписывались. Потом не стало писем, потом значит, нет и нет писем, нет и нет. И потом мы оказались в селе Новониколаевка. Но это.

Вас дальше перевезли.

Не перевезли. Это мама, значит, вот в колхозе проработала, скажем, вот это вот лето. Нас отправили, т.е. маму вместе с каким-то количеством людей отправили на заимку. Заимка эта называется «Балапан», работать. То ли там прополку делали, я не знаю, вот.

В этом селе или в другом месте где-то?

Это от этого села, вот от колхоза.

Люди уезжали...

С рамаданского отправляли людей, их поля были расположены где-то в другом месте, не близко, значит. Потому что ездить было нелегко. И все там в каком-то бараке жили. Вот, все лето.

А дети?

И дети вместе жили, и повариха там какая-то была, она варила.

Это в летнее время?

В летнее время это было. В летнее время варила, утром затируха, в обед затируха, вечером затируха.

А что за затируха, это что такое?

Это муку вот смачивают, и вот так вот это...

Катают?

Катают, и в воде варят и все. Я не знаю, соль ложили или нет. Я вот эту затируху ела. Мой брат бастовал, он отказывался, он голодовку объявлял. Мама его наказывала, в баню там запирала. Вот на этой заимке «Балапан». Вот, и вот это вот мы помним, и вот это вот все мы вот подковыриваем, что, ага, вот тогда вот такой был забастовщик. А потом, видимо, я сейчас подробно не помню, или подсказали маме, или она сама нашла выход, перешла на работу вот в эту МТС. МТС Долонская.

Где отец работал.

Где отец работал.

И кем он работал там?

Ну, кем, вначале она уборщицей работала, потом уже, когда эту Долонскую МТС перевели, эта МТС в Рамадане сгорела. Ее перевели эту МТС в соседнее село, мне кажется, километров 12 от этого Рамадана, село Новониколаевка. И уже там, вот, мама уже уборщицей работала, как бы в конторе.

А, вот, ее работа оплачивалась как-то?

Оплачивалась.

Оплачивалась. А в «Балапане»?

А в «Балапане» нет.

Не оплачивалась, да?

В «Балапане» вот...

Там только немцы работали, да? Или другие национальности тоже?

Местные тоже работали. Вот им привозили и они сами привозили, коровы, огороды были, а у переселенцев даже огородов не было.

Т.е. вот они жили у них или отдельно?

Ну, там, на «Балапане», все вместе жили.

Это понятно, а когда в селе?

В селе, вот в этом Рамадане, мы жили у русских, да, ну, там все русские были, я не помню это, казахов. Ну, вот у кого мы жили, они тоже бедные были.

И кто был там?

Где?

Хозяйка вот?

И трое детей.

Мужа не было, да?

Мужа не было. Он, наверное, на войне, или я не знаю, где, Люся Корнева, вот они потом сюда в Павлодар приехали, мама с ними, как с родственниками дружила.

Она, вы жили у них, да, получается?

У них мы жили, да. В их доме вот все делили пополам. Потому что и голод. Вот этот голод всех донимал, нас, и вот этих Корневых. Например, урожай вот собрали, колоски остались на полях.

Разрешалось брать?

Нет.

Не разрешалось брать.

Вот ходили мастачить, называлось это мастачить. Вот, вот это на конях мы ездили бичами разгоняли, разгоняли вот с полей, да.

Людей, да, взрослые, или детей? Или дети собирали это?

И я ходила, я не помню, чтобы меня там бичом били, но вот, пугали, хлестали, чтобы это, уходите, и все. Нельзя, не положено. А потом скот, со скотом можно было ходить, собирал скот вот эти колоски, мы перерабатывали и по улице вот эти котяхи оставляли. Коровы, там, быки, да.

Угу.

А зерно вот в этих...

Не переваренное.

Не переваренное. И мама, и тетя Нюся собирали, промывали и варили, и нас кормили.

Этим, да?

Да. Вот голод у нас был сильный. И вот уже когда мама перешла вот в эту МТС, я уже тогда не помню, чтобы она вот так чего-нибудь собирала, значит, вот как-то накормить она нас могла за счет зарплаты.

А вот были проблемы совместного проживания с местным населением у других немцев среди русских?

...

Так, расскажите о том, о чем мы не упомянули в своей беседе?

Значит, я вчера, мысль у меня вот эта мелькнула, потом забылась. Для меня было тогда очень тяжело, тогда вот, в общем во время этого, господи (*смеется*), наверное, это тоже 42-ой год, когда забрали отцов в трудармию. Спустя какое-то время стали забирать матерей-немок. Вот. Дети остаются, вот остались без отца, теперь без матерей, и вот мне это помнится, ну, очень тяжелая сцена, на нескольких телегах везут женщин, за ними вот по дороге бегут дети. Плачут, кричат, они остаются совсем без никого, в чужой стране. Вот выслали их, здесь вот никого для них это, у них не остается. Ну, и это самое, вот у меня в памяти, в моей памяти.

Хорошо. А что с ними?

А что с ними, конечно, я не знаю. Я была маленькая, это в Рамадане было, значит.

В детдома их, да?

Конечно, в детдом. Потому что я думаю, что...

Ну, они потом возвращались? Мамы после трудармии?

Ну, по идее должны были вернуться, конечно.

Хорошо, спасибо.

.....
Вензель Софья Кондратьевна, немка, 62 года. Были депортированы родители из Украины в 1941 году. Проживает в России.

Говорить о войне или о том как были люди депортированы, переселены, то конечно, у каждого разные судьбы, разные дороги. Например, мои родители они жили на Украине. Чисто такие были католические колонии и они общались только между собой, были в окружении лютеранских колоний. И раньше как бы придерживались браки только по религиозным мотивам, то у меня очень много родственников в связи с тем, что было только две колонии, все между собой перероднились. Но я хочу сказать о другом, что мои родители относились к зажиточной части сельской интеллигенции, и когда были репрессии первого 37-го года, то они были раскулачены и преследовались по этому признаку. Мои оба деда погибли, таким образом, один был расстрелян тройкой, один был осужден и отправлен на тюремное заключение в Сибирь, Свердловская область. И вот мой папа как раз так в 39-ом году был осужден по статье 58, был отправлен в Идль в тюрьму.

И когда уже началась война, то эту статью как бы пересмотрели и ему сделали 58 статья примечание 10, как национальный опасный элемент во время войны. Мама оставалась на месте на Украине, когда зашли германские войска, как бы увидели, что здесь есть немецкая группа населения, то есть чисто немецкое село, но было для них очень удивительно, потому что эти немцы мои все ближайшие и дальние родственники и соседи и т.д. колонисты, они не говорили по-немецки, они потеряли свой язык, так как переселились очень давно и находились в окружении украинского населения и для введения общего хозяйства как бы все-таки был бы приемлем тот язык, где они проживали. Но тем не менее как бы потом немцы нас признали, они посетили церковь и видели, что отправления служб идет чисто на латинском, немецком языке, как бы все молитвы читаются и в связи с этим они как бы отправили всю эту деревню, всю эту колонию как бы на Фатерена как бы домой, вот чтобы их как бы вернуть в Германию. И мама с двумя с моими старшими сестрами вот пешком прошла через Польшу, через Германию, и где-то под Берлином они были поселены. Но надо сказать, что значит, рассказать, возвращение на Фатерена. Им же не было дано никакой свободы, каких-то особенных условий, они работали на фермеров, то есть как я маме всегда говорила: «Вы же не были гражданами страны, свободы вас же, все равно расставили работать на поле богатых или хозяев, которые там находились и находились на позициях хозяев. И хотя она там приняла гражданство и т.д., но в общем в этот, когда закончилась война, то получилось так, что советская армия заняла эту территорию, где была мама, и она была отправлена через Бреслистоускую границу назад в Советский Союз и именно отправлена на спецпоселение в город Акмолинск в Казахстан. Папа был освобожден в 47-ом году, вот и по окончанию войны и он тоже был туда же направлен на спецпоселение и соединен, то есть семья была воссоединена. И поскольку папа, у него было профессиональное образование, он был ветврач, что ему предложили жить в селе. Акмолинская область имела такие села, которые наименовались точками. Эти точки, допустим, наше село, где мы жили, это была 38-ая точка, рядом была 19-ая точка. Что это за точки? Это были, значит, поселения людей, которых выселяли, которые были осуждены, репрессированы и не только немцы, там были поляки, чеченцы, новорусских было, немцев в том числе. И вот как бы, я думаю, что вот этих людей, всех которые жили на этих точках объединяло то, что они были спецпоселенцы. Вот это вот общая такая беда или тема она способствовала тому, что, насколько я из детства помню, люди в общем-то жили как бы ну семьей. То есть друг другу помогали. Никто никого не осуждал, но все знали историю друг друга, почему он здесь оказался, почему другой оказался, третий оказался и т.д. И вот на этих точках вот, допустим, у нас были, где мы жили это в основном русские, чеченцы, немцы. Вот рядом была точка, там польское село было. То есть репрессированные поляки были. Другое село, там были в основном, допустим, в основном русские и т.д. То есть вот это вот ну такая была система. Это не говоря о том, что была недалеко Караганда и КАРЛАГ со своими лагерями, где люди не имели свободы. А у нас все-таки была относительная свобода. Люди работали, дети учились. Но надо было всегда отмечаться. Это я прекрасно помню, как папа мне говорил, «Ну вот подошел срок, я должен поехать в соседнее село и обязательно отметить». Потом моя старшая сестра вышла замуж. Жила в самом городе Акмолинске и когда мы ехали к ней в гости, ехали мы на телеге, запряженной лошадей, папа, мама и я, то родители обязательно должны были получить справку, разрешительно, что они имеют право передвигаться или поехать к своему старшему ребенку для того, чтобы повидаться и указывался срок, что с такого-то до такого они как бы вот будут именно там в это время и вернуться должны были обязательно тогда, в тот день как это указано в справке. Но я вам уже говорила, что я дитя, рожденное после войны, и родители как бы и старшие сестры, они вот перенесли очень много горя, очень много было всего негативного, поэтому вот я была окружена как бы любовью, заботой, то, что раз нам было плохо, пусть этот ребенок, чтоб ему было хорошо. Поэтому я и училась, и закончила педучилище и вуз и т.д., то есть у меня была возможность получить то образование, которое я хотела. Конечно, я потом узнала, что нам немцам не разрешено было как бы учиться в других вузах, то у меня не было стремления получить образование только гуманитарной, а не нежели только

другое. Хотя вот папа был у меня ветврач, он очень хотел, чтоб я тоже была врачом, но я сказала, «Нет, я не могу, я не понимаю». Я у него часто бывала на работе и сказала, «Мне это совершенно не нравится, я это не понимаю», то есть, наверно, чувство бесстыдства, ему было как бы с детства заложено, а почему заложено, вот в селе как бы я тоже говорила, что может быть то, что мои родители были все-таки зажиточной семьей, и какая-то интеллигенция сельская какая-то, я говорю, потому что вот я не до конца понимаю, насколько был уровень культуры, во всяком случае вот, когда я уже помню, мы жили вот на этой точке 38-ой, то вот что у нас в доме было. Вот, значит, все покупали мотоциклы, мой папа для меня купил пианино, все покупали там какие-то ковры, папа купил картины. Вы знаете, потом позже я удивлялась, откуда вот у него вот это вот, тяга к такому творчеству, искусству, вот понимание всего этого. Ведь знаете, когда мы покупали, конечно, мы не оригиналы покупали, картины – это были репродукции. Но вот он по наитию выбрал Левитана, он выбрал Саврасова, он выбрал Шишкина, то есть то, что вот как бы имело в то время в общем-то высокую такую ценность. А когда он захотел, чтобы я обучалась музыке, то нашел, конечно, бывшего органиста из церкви, он его возил в другой город, чтобы тот выбрал инструмент, тот, который именно хорошо звучит. И в общем понимаете, что для села это было как вот Вензель Кондрат Иванович, вот он, видите у него пианино, такого ни у кого нету, он такой вот, ну вот такой вот он. А потом то, что у него было профессиональное образование и он был очень хороший специалист. Вы знаете, что нас немцев отличает трудолюбие, это с детства в нас вкладывается, что надо трудиться, надо трудиться. Это папа, когда уже мои дети были, он говорил, что «ты мало работаешь над тем, они должны работать, они должны трудиться, они должны понимать, что это смысл жизни, что все достигнешь в жизни только тогда, когда ты будешь своим трудолюбием, своим вот этим вот постоянным, как сказать, работать над собой, ты чего-то достигнешь» (*потеряла мысль*).

Просто я хотел уточнить, это все ценно, потому что именно обстановка того времени в чем вы жили. Вот вы сказали, что с Украины вы выехали, да, можно сказать, вывезли в Германию.

Да.

А какое это было место на Украине? Как называлось?

Это была Донецкая область, Бахмальский район, Гросвель, да по-немецки Большой Вердель, малый Вердель, это вот два села, которые оттуда вывозили.

Очень интересная ситуация, католические села, получается.

Да, я, вы знаете, что для меня допустим до сих пор остается загадкой, вот почему вот мы потеряли свой язык. Ведь я когда прихожу в посольство, общаюсь с немцами, они всегда думают, что я хорошо должна по идее владеть языком. А мои родители не говорили по-немецки. Ведь в окружении той лютеранской колонии, которые были, они не потеряли язык. Вот почему именно наши, вот когда я встретила с историком из Украины, он написал книгу и описал тоже это село, и там церковь до сих пор стоит, она очень старинная, это одно из уникальных сооружений, которое еще сохранилось. Я говоря, господин ... «А вы знаете, что вы пишете про эти колонии, а вы знаете, что они потеряли язык свой, не говорили на немецком?», он – «нет, я не знаю». Я говорю: «я вас попрошу, пожалуйста, вы найдите эти, может, выкопаете какие-то архивные документы, почему-то процесс, вот такой вот разрушение языковой среды, произошел родного языка? И ведь, знаете, мы помним своих родственников, родителей, они все говорят на украинском языке, он не чистый, хохляцкий, может быть. Но ведь культура, блюда многие, так значит, песни, уйма песен, только на украинском языке, но когда у нас осуществляются крестины или похороны или поминки это все идет на немецком языке. Это очень, вы знаете, вот расплав такой вообще интересный, странный и как бы немножечко загадочный, почему все так случилось, но тем не менее, что меня поражает в этой ситуации, ведь, знаете, я всегда себя чувствую немкой. Ну когда у меня спрашивают, ну ты же не знаешь язык, я говорю, ну и что, я немка. Потому что по образу жизни, по тому, как я все делаю, как я строю свою жизнь, как я воспитываю

своих детей, как я строю отношения, как я работаю, я немка. И когда говорят, что язык – это показатель национальности, я могу здесь спорить.

Вот то, как получается вас увезли в Германию, но Вы говорите, даже что пешком прошли, то есть немцы не везли вас? Как это происходило? То есть вас не на поезде везли, а на... и как потом вас вывозили советские? Уже сам путь как происходил?

В общем... когда переселяли жителей деревни в Германию, то использовалась им просто сказали, вы можете туда переселяться. Не предоставили никакого транспорта, ничего. Но у многих были лошади, тягловая сила...

А, то есть вы на своем...

Своя сила. Да, телега. Но поскольку вы знаете, многие мужчины остались, а у мамы-то папа был, мой папа да, где был, он же был в Свердловской области. И мама как бы, ну женщин, она, у нее ничего не было, их раскулачили как раз, все забрали, вот у нее две девочки, мои старшие сестры, и она, и там какой-то скот. И значит, она, кто-то ее брал к себе из дальних родственников и т.д. И вот поэтому вот они двигались вот таким образом. Я ей сказала, что пешком по сути дела, она даже не могла ехать в телеге, потому что она посадила детей своих, а сама шла и держалась, и она один раз говорит: «Я на ходу заснула и потеряла своих детей», вот и потом уже ну каким-то образом нашла, как бы прошла по этой дороге. И поэтому вот можно говорить о том, что они шли пешком. Да не можно говорить, а так оно и было, а когда война закончилась, значит, получилось так, что мама была занята советскими войсками, многие родственники были на территории занятыми американскими войсками, и это было, Одр разделял это все, и она говорит, я хотела перейти на ту сторону, но мост разделял, я не успела. Вот ее две сестры двоюродные, они жили, попали в американскую зону, их увезли в Америку. Они жили в Бразилии. Но уже потом, когда вот уже были, документы реабилитации вышли, когда мы могли были уже как бы искать своих родственников, потом уже узнали и вот как бы переписывались и до сих пор вот такая одна наша ... находится там в Бразилии. А значит, советские представители советских воинских частей, они, значит, сказали, что нет, вот вы наши граждане, мы вас забираем, вы поедете домой как бы...

А как они узнали? У вас были документы какие-то или кто-то сказал?

Но... Я думаю вот, я даже не могу сказать, очевидно каким-то образом был учет. Ведь учет был концлагерей, знали, что есть переселенцы.

То есть они, получается, немецкие документы могли захватить просто и узнать?

Могли. Да, да, да. Хотя у мамы был, значит, уже паспорт германский. Но что они делали, значит, мама говорила, рассказывала, когда нас погрузили в вагоны, в вагоны телячьи, хотя обещали вот вы поедете домой и все, все, все, вот и она говорит, нам пришлось их выбрасывать и рвать и т.д. Но кое-кто как бы даже из наших родственников сохранил этот аусвайс и вот я готовила, когда в Алмате плакаты по немцам и как раз так и по вот этим делам, мне такой аусвайс прислали тоже, показывали как бы, что вот такой оригинал, причем знаете, сохраненный очень хорошо. Прямо уже совсем не знаю, где там на сердце или где хранили. Но и вот, и мама рассказывала, что когда уже пересекли границу Советского Союза, в Бресте вот нас стали распределять, кто куда переселяется. Вот поэтому она была направлена в Казахстан, то есть выбора не было. Их просто направили в Акмолинскую область и родственников многих моих в Карагандинскую область.

А везли вот, когда их везли, это были АГПУ-шники или это были воинские части, она не рассказывала Вам, кто это был?

Ну, нет, конечно. Как-то не вдавались в эти подробности. Это, конечно, в исторических справках как-то посмотреть, кто сопровождал.

Я могу просто не знать.

Ну, даже не могу сказать. Не спрашивала.

Когда вас привезли на место, получается, что вот Ваш папа пришел, воссоединился с вами и...

Вот мама в 45-ом приехала в Акмолинск. Им там, правда, предоставили жилье какое-то и предоставили работу. Ну, вот она работала на лесобазе. И кстати, я видела потом этот домик в деревне, где они жили вот. А папа пришел, вернулся в 47-ом году. То есть еще спустя 2 года.

Просто, я вот тоже хотел спросить, у вас ведь был дом, когда вы уходили в Германию, да?

Да. И земли было много.

Получается, что у вас это осталось или какова была судьба вашей собственности? Вы не знаете?

Но там в общем-то, знаете, я подавала на суд о том, чтобы нам вернули наше владение, ну земля, особенно. Хотя наш дом после войны, вот где-то в 60-х годах или 50-х, папа с мамой ездили туда. Потому что там один из наших родственников близкий, ну брат отца там остался жить, вернее, там был поселен. Вот и я подала на суд о том, чтобы нам вернули. Мне тогда посоветовали юристы там в Алмате, но ни ответа, ничего, мне сказали, надо туда ехать и там возбуждать уголовное дело и поднимать вот этот вот вопрос для того, чтобы вернуть эти земли. Да, у нас был большой надел. И знаете, вот папа до конца своих дней все рисовал и мне показывал. Вот это вот земля, вот это вот амбары, вот это вот для зерна, вот это дом. Вот это он помнил наизусть, сколько у него было деревьев. Груши, яблони, сливы как они, где росли. Вот он постоянно вот это все рисовал. Где бы ни были, но вот это вот ностальгия все-таки была по тому дому. Очень, наверно, по этому дому. Вот откуда выслали, выгнали и всегда папа говорил, что вот где он жил, конечно, лучше Украины ничего нет. Хорошая земля, плодородная, ну как крестьянин, они же занимались крестьянским хозяйством.

А вот сам он жил на этой точке 38, мама работала в леспромхозе?

Нет это не в... Сначала они жили в городе Акмолинске. Они там с отцом соединились. Они там год прожили. Год, я родилась, и через три месяца папе предложили как специалисту вот это 38-ю точку. А до этого они, да они работали на лесозаводе. То есть это леса... как же оно называется...

Лесопилка?

Лесопилка или что-то такое. Ну связано в общем-то с лесом. Вот они там работали. И папа там работал.

А достаточно было того, что они зарабатывали на жизнь или еще что-то приходилось делать? Как вот они вспоминают то время?

Ну, нет, конечно. Было очень голодно. И папа, вот когда он пришел и увидел, как мама живет и как ее притесняют, тогда же была борьба за выживание. И вот она как бы женщина и ей очень было трудно. И когда пришел папа, он как бы навел порядок, что это тут такое, вот ей выделено вот эта вот комната, вот это вот место, вот, значит, будьте добры вот, когда он ходил, это очень крупный скандал. Потом как, может быть, как ветврач или что, он сказал, что нужна корова. Вот корова для нас это будет способ выживания. И он куда-то в какое-то село поехал специально за этой коровой. В общем, он ее пригнал. В этот город. И когда стал ставить вот там еще были сараи, ему сказали, ты куда со своей коровой. Нет тебе тут места. Убирайся, как бы вот папа рассказал. И короче место-то было. Но просто вот как бы, ты кто такой здесь, вот мы тут первые, поэтому это наше. Папа говорит, я тут схватил топор и сказал, я в тюрьме сидел, я еще сяду. Но корова моя будет здесь стоять. Кто кому не нравится, подходи голову отрубая. Ну вот как бы вот таким образом он даже это говорит о том, что ну было очень сложно, было очень сложно. Потому что было голодно и надо было как-то жить и надо было вот это место свое определить и под солнцем или как, потому что он был в тюрьме, он рассказывал, сколько, как, людей сколько погибало, сколько умирало, как хоронили, как не хоронили, он же со своим отцом ехал туда. И он

умер в вагоне, его отец, мой дедушка, он говорит, выбросили просто труп, я даже не помню, где, даже не знаю, где. Единственное, у нас документы есть о том, что вот он как бы ну там какую-то болезнь ему написали, сезема легких, и все он умер от этого. А как вот он в тюрьме выжил, благодаря тому, что он был специалист. Там была тягловая сила лошади и его поставили как бы ...

Лечить?

Ветврача, ухаживать и лечить. И он ел корм, который давали для лошадей. И вот это, вот отруби и т.д. еще подкармливал своих друзей по-тихоньку. Поэтому он говорит, если не это, я бы так же не выжил бы. Вот это говорит, меня спасло, и он там всегда, это папа ему дал это образование, его отец, кстати, мой дед, вот он был председателем колхоза. Не так долго, но потом как раскулачили, значит, вот осужден был. А пока он был председателем колхоза, значит, своему сыну дал образование. И это собственно, знаете, насколько я помню, это всегда это был подарок родителя своему ребенку, своему сыну. И этот подарок он его спас во многих ситуациях. И он и во время пребывания в тюрьме его спас от, когда вот из Акмолинска мы выехали и он поднялся в селе на этой 38-ой точке, благодаря своей специальности, ведь вы знаете, у него было среднее специальное образование. А к нему присылали студентов из института на практику. Или если какая-то комиссия вот по его линии, всегда привозили к нему. Потому что у него был порядок. Он, все у него там было, у него было и лечебница, и аптека, и все это было в порядке, то есть он все делал так, как его когда-то учили. И насколько я вот понимаю, что то образование, которое ему дали, среднее, оно такое как бы даже не четыре года, два года что ли как бы такие, то были вот такие возможности поучиться, но это он запомнил на всю жизнь, он все делал как надо. Но и потом он любил очень самообразованием заниматься. То есть у него были такие книги, вы знаете, вот после развала Советского Союза, когда он вынес на рынок, он говорит, ну что я уже старый, ну же он умер в 93 году. И он где-то под 90, он уже вынес и сказал, надо кому-то, ну у него просто с руками, с ногами забрали те учебники, вот по которым он даже сам самообразовывался. А вот когда приезжали всяческие комиссии к нам или к отцу, вот этот колхоз, где мы жили, то всегда председатель колхоза просил маму накрыть стол, потому что она хорошо готовила. Гостеприимная была, и я всегда, помню, что у нас было всегда, что у нас было много гостей и много народу. И мы как-то вот, зная, что родители были очень гостеприимны, особенно отец, он очень любил общаться с людьми любого уровня, и, знаете, потом, когда работала в институте преподавателем, старшим преподавателем ко мне приходили мои коллеги, доценты, там кандидаты наук, я всегда поражалась, пока я там готовлю, папа с ними общается, вот он ветврач и такой вот, грозливо сельско общается и он владеет этой аудиторией. Он находит темы для разговора. Он еще с таким юмором был всегда, его просто обожали. Даже мои коллеги всегда, ой Софья, передай ему привет, и вот все и когда ты нас пригласишь, мы хотим пообщаться, вот мы хотим с ним поговорить. То есть человек, который не... Он всегда говорил, я хочу еще жить, мне очень интересно. И знаете, в 93 года он ушел, но ходил без палочки. Он был очень подвижный, энергичный, просто когда...

Несмотря на ... несмотря на все это...

А он считал, что вот это вот все. Чем больше бьют, тем больше живучий ты.

Тем крепче?

Да. Тем крепче становишься. Он считал, что так оно и есть.

Скажите, а когда вы были в одном месте, были ли у вас какие-то документы и вообще как ваш статус определялся? То есть вас официально депортировали, показывали кому-то какие-либо бумаги, мама никогда не рассказывала там или папа? Потому что вас привезли и поселили вас в другое место на каком основании? Что-то было?

А статус у нас был спецпоселенцы. Спецпоселенцы после войны...

И паспорта не было?

А паспортов не было, конечно. Даже они расписались, вы знаете, свидетельство о браке они получили в 72-ом году, наверно. Женились в 27-ом. Можете себе представить, то есть не было паспортов, ничего. И вот были только справки. Категория была спецпоселенцы.

Вы учились в школе. Потом вы говорили, что учились в школе. И в школе тоже были спецпоселенцы, получается, вот вы говорили, на вашей улице жили там русские, еще жили немцы, то есть казахов фактически не было в поселке, получается?

Вы знаете, казахов не было. Я вам говорила, что вот эти точки были разные по национальности. А вот казахи жили в 12 км, было село Баскуль.

Баскуль?

Баскуль да. Куль – озеро, бас – главное озеро что ли. Бас это же главный. Вот и там чисто казахское село было. Вот а, но я хочу вот вам такое рассказать, я училась в школе, да, у нас были дети разные, лучшая подруга была моя русская девочка. Ее папа воевал. А видите, были такие после войны переселялся. Тоже в этих селах приезжали. И когда как-то на одном из уроков шла речь о войне и т.д., разбиралась это тема, и вот она моя близкая подруга говорит, все равно все немцы – фашисты. Их надо уничтожать. Вот я сижу рядом и я слушаю. Все, конечно, тоже в основном-то немцы сидели, ребята, нас было 15 человек в классе и где-то человек 10 немцев. А я пришла домой, конечно, в слезах папе рассказываю, почему я не понимаю. Он говорит, ну ты пойми, ее папа воевал, как он может думать, что может думать о немцах. Я говорю, но мы же не воевали. Но тем не менее, вот как бы есть, он очень озлобленный, он потерял ногу и т.д. Хотя ее мама была очень добрейшей женщиной, такая очень лояльная, никогда это не поднималось, но тем не менее, наверно, в семье это говорилось. Раз она так заявила значит.

Они не были спецпереселенцы? Они просто приехали жить?

Нет. Просто пере... Да.

А вот с казахами были ли у вас какие-то отношения в то время? Может быть, вы ходили обменивать товар или вообще как-то их встречали или вы были от них отгорожены?

Вы знаете, я сказала, что в селе у нас не было казахов. Но поскольку мой папа ветврач был, то он выезжал на всякие отгонные пастбища, где разводили овец, лошадей и т.д. Я хочу сказать, что мой папа обожал казахов. Вот у него очень много было друзей и он считал, что это добрейшие, гостеприимные люди. И вы знаете, вот ну после войны же не было такой гигиены, чистоты, вот казахи жили в юртах, особенно отгонных пастбищах, это что-то, это же удобно. Юрта вот там и ..., одеяло и кумыс этот, не очень чистая посуда, но папа, вот он ночевал там, он общался, он ел, пил с ними, он без всякого как бы вот разделения и т.д. И иногда он и меня брал с собой. У мамы как бы отпрашивал, давай я ее повезу, он просто во мне душу не чаял, вот и забирал с собой. И как-то я помню, мы в одной юрте сидели, и там и старые и молодые казахи, все как бы, он по своим делам, и мы там ночевали, и я набралась вшей. И так, что у меня поднялась температура, и он так испугался, он в другое село заехал, чтобы меня там вычистили, он говорит, Екатерина, она же меня домой не пустит с таким ребенком. Вот, но тем не менее у него вот были такие хорошие отношения. А потом все так и он подчинялся районной власти, а районная власть были, конечно, там и казахи. Но я никогда не помню, чтобы какое-то было чуждение. Или какое-то было неприятие, нет это были очень хорошие отношения, вот в то время, я вообще считаю, вот жизнь на этой 38-ой точке она была у нас, для нашей семьи и как самое счастливое, хотя мы были спецпоселенцы. Счастливая в том плане, что все равно были кругом люди, которые ну как бы, не то, что сочувствовали, а просто хотели жить. Просто устали от войны, от гонений, хотелось нормально пожить, чтобы были условия. Я хочу сказать, что председатель колхоза, он был русский, а такой большой дядя, Школан у него фамилия. Вот и это была интеллигентная семья, они, я не знаю, за что они выселены, но они родители бы знали.

Вот он как бы, вы знаете, он, во-первых, привлекал хороших специалистов с образованием, создавал все условия, что-то новое он внедрял и за свой колхоз, за своих людей он всегда стоял горой. То есть попробуй его кто-нибудь тронь его, человека это было невозможно. Потом он как бы село благоустраивал, как вот, допустим в целом районе, только в нашем селе был большой парк, который был огорожен, который закрывался на ключ, калитка открывалась только воскресенье, и вход свободный был, конечно. Вот который охранялся, в этом парке был памятник Ленина, он заказывал его, там привозили и т.д. Я вот как 10 лет назад была, там этот памятник стоит. Ну, парк запущенный, конечно, но это вот, знаете, там эстрада была, к нам духовые оркестры приезжали все сельские. Это я вот считаю, что был настоящий хозяин вот своего села. Это было очень замечательно. Может, по этому мы так замечательно...

Он был спецпереселенец тоже?

Он был репрессирован.

Репрессирован.

Да, да.

А как вообще управлялся, вот это вот был колхоз. Вы работали там трудодни были, наверное?

Трудодни были, да.

А были ли какие-то стукачи, осведомители? То есть была такая система, что про настроение рассказывали или про это вы не знаете?

Я про это не знаю. Ну мне кажется, не было, потому что не было никаких таких вот принятых мер для того, чтобы кого-то изолировать или забрать и т.д. Это было бы заметно то, что ну село же, это село там если у нас произошло убийство, то это все знают, и ах это, ох это. Если произошло, то тоже самое. Вот я вам еще говорила, что было много чеченцев. И вот когда были чеченцы, значит, они в общем-то очень-то агрессивный народ и когда подошьет, они с ножами как бы затеивали драки. Так вот председатель колхоза постарался, что все чеченские семьи выселить. Вот понимаете, у нас оставалась только одна семья, кстати, мы с ними породнились, мои там дальние родственники. А так вот предоставлялась возможность, ну они не хотели здесь жить, они же хотели назад тоже на свою родину. И он как бы, вот используя всяческие свои возможности, каналы, и постарался, чтобы вот и это была спокойнее.

Это было еще во время Сталина, вот они могли были выезжать или это после?

Я думаю это после. Раз я это помню, значит это было после.

А вы помните смерть Сталина?

Да, помню.

А как это было? Расскажите.

Ну как я помню, и я помню, что это было объявлено по радио. Что это у нас было местное, такое радио небольшое. Вот и это было объявление, и родители об этом говорили, вот ну как бы шли такие разговоры. Разговоры шли не громкие, как бы так, вы знаете, кулуарах. Вот единственное, что я помню, и знаю, что моя сестра не ходила в школу. В этот день их отпустили.

А люди были плакали, расстроены или не были?

Нет.

Не были.

Я это не помню. Но а в нашей семье, зная позицию отца по отношению к Сталину, это даже абсолютно нет. Даже отец иногда оправдывал, он иногда говорил так вот, был бы жив Ленин, было бы по-другому. То есть это вот принятие советской власти было, ну как бы она принималась, но считалось что вот Сталин стал управлять и стало плохо. Потому что они считают, что Сталин убил одного отца, второго отца, дедов, чтобы вот в тюрьму сел, чтобы вот, ну единственное, отец говорил, ну вот выиграл войну. За это, конечно, ему тогда

благодарность. А я думаю, такое неприятие Сталинского режима было то, что пострадали близкие, но и сам, наша семья вся страдала от этого, конечно.

Всех выслали?

Да.

А вот после того как он умер какие были разговоры, ожидания, то есть вы ожидали, что что-то изменится, раз он умер, вот реабилитации ждали или вы не помните как это было?

Вы знаете вот...

Ждали изменений?

Ждали, конечно, изменений. Но я это, конечно, нет, не помню. И собственно документов по реабилитации, я уже во взрослом периоде, совсем когда взрослая была, я когда уже как бы все это изучала, сначала смотрела и, честно сказать, я стала их изучать, когда стала заниматься немецким вопросом. До этого я работала преподавателем в вузе, и у меня была совсем другая тема, и я как-то всегда говорила, да, я немка. Я слушала отца, ну это как-то для меня было, знаете, немножко отстраненной темой, проблемы национальной. Пока я вплотную не стала с этим заниматься и не стала изучать эти вопросы. А в отношении ожиданий, я единственное помню, когда в 79-ом году вы, наверное, знаете, что остался вопрос о создании республики или района. Это, конечно, с господином Андреевичем очень много спорили на эту тему, что он, как говорит, что немцы не хотели, потому что хотели восстановить республику немцев Поволжья. Но что мои родственники, а вот в частности, отец и вот там братья, сестры, близкие так сказать, значит, я не скажу, что они там очень мечтали, они как бы говорили так, что если бы нам дали эту возможность, мы бы сделали рай в этой области немецкой. Но нам не дадут. То есть не было веры о том, что это будет. Это однозначно. И тоже боялись очень об этом громко говорить как бы, но в кулуарах, дома шли рассуждения. И вот я знаю, что мой отец всегда говорил, если бы нам дали, мы немцы сделали бы здесь образцовое хозяйство, все было бы на высшем уровне. Вы знаете, вот он и насколько я помню, он всегда говорил нам детям, что вот, то есть нам не давалось никогда забывать, что мы немцы. Может быть это такое националистическое, но он всегда говорил, что мы немцы и что в нас хорошего. Что вот мы честные, мы работоспособные, мы законопослушные, и вот в Германии так, а тут так вот, а должно быть вот так вот. И вот дайте нам возможность, а мы покажем, что даже в этих условиях как можно жить и как надо жить. Вот это вот был...

Документы о реабилитации, в каком году произошла реабилитация, и когда получили на руки, и вы получили паспорта, когда, вот если вы это помните?

Вы же знаете, 55 год, декабрь месяц, вышел первый документ о реабилитации. Но я не помню, чтобы было что-то, может перестали отмечаться, может быть как-то это вот мимо прошло, единственное, что я знаю, что у нас вели немецкий язык со второго класса, я же как раз в школу пошла. И в Казахстане же впервые разрешили немецкий язык, как родной, то есть три часа в неделю. Это было в школах, где много немецкого населения было введено. Не считая те школы, где вообще многие предметы на немецком были. То есть как бы там, где жили немцы.

И преподавали просто сами немцы? Поэтому они могли на немецком...

И преподавали. Да, да, да. Например, село Рождественское в Акмолинской же области, и кстати, я в нем была, когда уже стала заниматься немецкими вопросами, а Таммы чисто лютеранские кладбища отдельные, школа, где преподавалась все это, кружки, клубы, театр, то есть все это было. Своя церковь. То есть был такой ну вот маленький оазис. И это разрешалось. Ну вот а вот то, что у нас вот, честно сказать, я даже не помню, когда родители получили первые паспорта, ну это не был 56-ой год. Это было гораздо позже.

То есть 60 или 70?

Где-то так. Да.

Ну вы могли уже учиться, в вуз вы поступили, но это были только педвузы, да, тогда ведь было ограничение какое-то, если бы вы захотели в другое, там могло бы не получиться, вы сказали, просто не знали об этом.

Вы знаете, ну могло бы не получиться. Вот поскольку я занималась изучением документов, ведь по сути дела, немцы находились под надзором вплоть до развала Советского Союза. Если посмотреть эти документы, то есть отчеты всевозможные ЦК и т.д. и облисполкома, обкомов партии, и то есть тех органов, те которые должны были это наблюдать. Вот есть отчеты состояния немецкой группы, во всяком случае в Казахстане это было. И меня, честно говоря, это удивило, потому что я считала, раз ну последний документ вышел в 64-ом году по реабилитации с правом передвижения и т.д., я думала, что это как бы уже было снято, оказывается нет. И вот это не гласное, был запрет обучения, запрет занимания должностей и т.д., высоких, партийных. Ведь единицы только были. Хотя были. Но в Казахстане, насколько я помню, было очень много председателей колхозов, трактористов, доярок, экскаваторщиков, угольщиков, шахтеров, вернее которые имели героя и т.д., то есть хорошо трудились. Были во властных структурах немцы. Ну, вот как Владимир Андреевич. Ну, это было не так много.

А вот как было с перепиской, вот когда вы были как на статусе спецпереселенцы, нельзя было переписываться с родственниками вашими или не помните?

Из Германии? Или вообще с родственниками?

Вообще по СССР скажем.

Нет. Переписка была.

Вы могли писать письма, да, находясь в Смоленской области?

Да, конечно. Да, да, да, да. И потом уже вот когда была реабилитация, мы стали искать своих потерянных родственников. То есть допустим, у мамы там брат один, она не могла найти. Мы уже потом позже узнали, что оказывается, в Германии погиб. А вот долго все и вот такая информация вот его там видели, там видели, то есть мы как бы разыскали своих родственников и могли поехать в гости. То есть началось общение интенсивное.

По Союзу вы могли?

По Союзу. Только по Союзу. Да, да.

Переписки с зарубежными родственниками у вас не было, вы не могли никуда писать?

Вы знаете, вот это переписка с зарубежными насколько я помню, это было где-то в 70-х годах. Вот мамина двоюродная сестра, то ли она написала, то ли мы нашли каким-то образом, но вы, знаете, попытка найти всегда была. Но вот это боязнь, как бы засветиться не так она присутствовала. Правда, знаете, я вот здесь вижу, что в России она как бы до сих пор есть у людей. Если общаться на таком уровне с простыми людьми, то есть до сих пор. В Азии она как-то исчезла, потому что была как-то другая обстановка. Ну, там не было войны. Что там говорить. По этому отношению. Другое, кстати, когда я сюда переехала, и я это хорошо заметила. Что здесь немножечко другое отношение к немцам, нежели в Азиатских республиках.

А когда вы переехали из Казахстана и что было...?

В 2007 году.

Недавно совсем.

Да.

А выехали потому что это как-то здесь работа была или какие были причины?

Нет. Вы знаете, причина такая – просто сыну предложили повышение в должности и предоставление здесь офиса, это как-то, ну вот как-то думали, может уехать, может не уехать, такая бродила у нас идея, мысль, вот, но мы не собирались совершенно в Москву. Вот и хочу сказать, что там я работала в германской фирме, у меня была очень хорошая

должность и авторитет, и т.д., сноха, сын, дочь, все в общем, то мы там неплохо жили. Но когда вот стал вопрос, ну как-то он бродил у нас. И когда мы сюда переехали, я сказала, что европейцы должны жить в России. То есть знаете, это вот хорошие отношения в Казахстане, все это как бы слов и мы скучаем. И мы готовы туда поехать в гости. Но оказывается, все равно, мы были постоянно в каком-то психологическом напряжении. Это даже я не могу объяснить, а то есть, что ты не дома. Вот есть такое ощущение, хотя я там и родилась, это моя родина. Но именно вот перестроечное время, когда вот началось вот это, вот должность, обучение, вот приоритеты и т.д. вот. А здесь ты как все европейцы, то есть нет такого напряжения, даже вот в транспорте, ты едешь или где-то общаешься и т.д. Ну здесь другие как бы есть проблемы для нас, потому что восток – это дело тонкое, вот как бы все-таки впитали это. А Россия – это более открыто, в лицо сказать, более свободно то, что мы не могли сделать. Но Москва – это вообще совсем другое, это не Россия даже. Здесь совсем другие условия, выживание, проживание и работа и т.д. Но это не мне вам рассказывать, вы сами понимаете.

Я еще хочу сказать, ну почти к финалу подошли, может немножечко пафосно звучит, но вот с высоты опыта, своей семьи, да и вот с высоты вот всего прожитого, что бы Вы смогли сказать тем российским немцам, да и вот тем людям, которые всего этого не видели, что Вы видели, и то, что вынесла Ваша семья, что вот какие исторические уроки или, может быть, что-то Вы хотели бы сказать, как такое слово потомкам, если у Вас есть слово грядущим поколениям?

А вы знаете, я бы вот даже не пафосно, наверное, а просто я же много бывала в Германии, и несмотря на то, что вот я сказала даже вот здесь есть напряжение и т.д. но Германия, все равно это оно называется Фатерлянд, то есть страна отцов, но ты же там себя не чувствуешь в этой стране отцов. Мы же там не нужны. Вот вы понимаете и наши особенно мои родственники, которые плохо владеют немецким языком, как мой зять сказал, мы здесь да, мы здесь живем хорошо, но как птица в золотой клетке. И когда я там бываю, все это хорошо, все это для человека сделано, все это удобно, хорошо. Но сюда я приезжаю, в Казахстан или в Россию, я приезжаю домой. Это мое, я выросла с этим. Единственное, что, конечно, хотелось бы, чтобы российских немцев все-таки признавали. Как равный народ. Это в России обязательно надо. То есть государство все-таки должно ну признать или извиниться даже или реабилитировать до конца здесь в России, это нужно. В Азии это может не настолько нужно, хотя азиатские страны смотрят на Россию и говорят, что все что в России происходит, отражается на нас. Как бы российских немцах. А что бы хотела сказать для потомков, вы знаете, я бы хотела сказать, что никогда не надо забывать, что ты немец, что ты российский немец и всегда надо гордиться этим. Ну надо понимать суть своей национальности, своего места в этой стране, в этом мире и в этой жизни. Мне бы хотелось, чтобы молодежь, вот у меня смешанный брак, и мать воспитывает детей. Они, конечно, больше немецкие нежели русские, наверно. А хотя я вот смотрю, мы сюда переехали в Россию и вот это чувство гордости за страну, я же им это не внушаю. Они сами это понимают, что Россия – это великая страна и что надо гордиться. У них друзья, которые гордятся этой страной. Но мне бы хотелось, чтобы вот каждый народ, поскольку я давно занимаюсь национальным вопросом, ведь каждый интересен народ. У каждого культура очень интересная. Характер интересный. Вот эти общественные, вот образования, они очень интересные, очень уникальные, действительно, мы богатеем от того, что мы постигаем культуру другого народа. Но вот надо всегда забывать, ... не надо всегда забывать, кто твои предки, кто твои родители. Кто твои отцы. И тогда это будет интересно. И полезно.

Спасибо вам. Вроде бы обо всем поговорили.

И будешь чувствовать человеком всегда. И знать свое место.

Мы вроде бы о всем, обо всем поговорили, может быть, о чем-то не спросил, что бы Вы хотели сказать? Вроде мы все вспомнили. Спасибо Вам большое.

Я должна представиться, кто я?

Ну да. Давайте.

Софья Кондратьевна Вензель. Я родилась 29-го марта 1948 года в городе Акмолинске. А сейчас проживаю здесь. Я работала преподавателем в школе, преподавателем в вузе, а затем занималась общественной работой в немецком движении. Уже около 20-ти лет.

Спасибо Вам большое!

.....
Шмунк Эрна Георг-Генриховна, немка, 74 года. Была депортирована из Волгоградской области, Паласовского района в 1941 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Где Вы проживали до депортации? Как назывался населенный пункт. Вот с этого момента. И потом пойдем дальше. Мы как-то с вами до этого общались так.

Ну что можно говорить?

Да, можно говорить уже. Конечно.

Мы жили в Волгоградской области, Паласовский район, село Паласовка. Ну, в 41-ом году дали всем приказ выселяться оттудова.

Это месяц помните какой?

Да, август месяц.

Август месяц 41-го года.

Да. Нас привезли сюда в Казахстан.

А заранее какие-то слухи ходили, что вот будут выселять?

Нет, нет, нет. Ничего, нет, не было. Просто, сказали если бы заранее, люди бы приготовились. А то сказали и сразу тут...

На сборы не отводили время никакого?

Нет, нет, нет, нет, нет.

Сколько человек в вашей семье было депортировано? Вот сколько вас переехало?

Нас сколько, это считать всех тех, кто был в семье?

Ну да.

И бабушки, и ...

Вот бабушка с вами, вы говорили...

Две бабушки и потом, наверное, это...

Отец?

Отец. Ну нас-то было пятеро в семье. Что, отец и мать, и нас трое было детей. Потом у бабушки были гости, двое племянников. Они с нами приехали.

Тоже их депортировали сразу?

Да, мамыны две сестры, мы все в одной семье жили. Здесь. Там каждый себе жил.

Да, да, да.

А сюда переехали, каждый, ну все вместе жили.

А когда вывозили, в чем ехали вы, как, в каких вагонах? Сколько дней пути?

Не помню. На пути долго ехали.

Долго ехали. На момент депортации Вам сколько лет было?

Мне было 5, 5-ти еще не было.

Не было, 4 года, 5-ый шел.

Ага.

Это Вы с какого года?

40... Я с 36-го.

Вы с 36-го, 41-го?

Ну, на сколько в августе нас перевозили, а мне в ноябре было 5.

В ноябре 5 лет.

Ы хы...

И вас выселили в Казахстан.

Да.

Когда приехали, вас кто-то встречал или нет?

Встречали люди.

Просто населенный пункт вот этот только еще...

Нас по семьям расселяли.

Расселяли?

Жители местные. И мы у них пожили сколько-то лет, а я, мы у одних 4 года жили.

4 года.

А потом...

Вместе все?

Ну, отдельные были двери прорубленные, комнатку заняли и жили. А потом уже послали, землянку, ну временную избушечку. Одни жили. А когда уже мы подросли, дом построили.

Это Крупское? Как оно раньше называлось? Ой, не Крупское, как вот это вот?

Сталинск.

Сталинск, да, это оно. Аха. Так. А вот смотрите, пошли вы в школу, как-то обзывали вас или нет?

Нет. Не обзывали.

Не обзывали да. Что не чувствовали вы себя...

Вместе играли, мы вместе росли. Не было такого, чтобы дети нас обзывали. Чтобы кто-то обзывал нас.

А вот смотрите, вы когда приехали на территорию, да, ну вот сюда, были депортированы, на каком языке общались?

Мы на своем языке, на немецком. Ни русский, ни казахский не знали.

На немецком да общались?

Ы хы.

А так знаками или как ну вот с местным населением, как с другими?

Ну, вот как-то быстро научились родители говорить.

А в школе учились на русском?

Да. На русском.

На русском да.

Да.

Скажите, пожалуйста, вот смотрите, обряды, обычаи вот смогли сохранить?

А такие же как у русских обряды, и все было, не было никаких изменений. И как-то как будто было то русские с немцами сходились. Они одинаково одевались, одинаково все было.

А были ли смешанные браки?

Когда приехали сюда?

Да.

Из дому оттуда?

Да, да, да. Ну во с другими представителями?

Нет, нет.

Нет, только с немцами?

У нас были, у нас были только эти, немецкий же поселок был. Район был.

Ну это там у вас был?

Да там.

А здесь?

А сюда, сюда приехали, здесь стали это, сначала нет. Пока комендатура была как-то это немцев это немножко отталкивали от себя русские и не женились на них. А потом уже все...

Комендатура долго была? Вы тоже вот это...

Нет, а два месяца всего.

Заставили?

Два года я захватила и два месяца. Я уже забыла. В 56-ом году уже отменили.

Отменили комендатуру. А когда была комендатура, на сколько могли покидать населенный пункт, на сколько?

Только по району.

Только по району и все. Дальше никак?

Да, дальше никак. Только по разрешению коменданта.

А можете назвать имя, фамилию мамы, отца?

Имя мамы Смут Мария Катрина Андреевна. А отец был Смут Георг-Генрих... Генрих Давыдович. И вы говорите...

Аха. Вот смотрите, когда вас это, когда семью депортировали в Казахстан, Вы рассказывали, что папу забрали в трудармию.

Да.

Сколько он там был? Долго был?

Ну, он там же погиб.

А там погиб, что не вернулся, трудармия, так и все?

Он в 42-ом году погиб в Перми.

Так трудармия и все. А мама работала?

Работала свиаркой в колхозе.

В колхозе свиаркой. А как шла оплата, ущемляли или не ущемляли вот вы депортированы или всем одинаково?

Всем одинаково. Ничего не платили. Трудодни начисляли. И на трудодни все давали всем одинаково. Что казахам, что русским, что немцам.

Не было разницы?

Не было разницы, сколько работаешь, столько получишь.

А вот смотрите, помимо немцев, какие еще народы проживали в поселке, депортированные?

Ну, я же маленькая была, не помню.

Не помните, да так чтобы это. Так вот смотрите, племянники те, в гостях тоже которые были да у вас, тоже были депортированы сразу сюда же вместе, да?

Да, да, да. Потом они уже были двое парней, были взрослые, их отсюда взяли в 42-ом году, взяли их в трудармию. И они больше не вернулись. Куда они девались, мы не знаем. Один ворачивался проведать маму. Но мамы уже здесь не было. А другого я не видела никогда больше, а девчонка была еще не большая, так бабушка умерла, мама ее и воспитывала. Замуж ее отдала. Да.

А природа, климатические условия сильно отличались от тех, где вы на родине?

Я не знаю.

Тоже не помните. Так скажите, пожалуйста, а как приняли смерть Сталина? Вот когда узнали, слышали.

Не помню, не знаю.

Тоже не помните, да, что не можете назвать.

Да, да.

Вы говорите, в 56-ом году комендатуру сняли?

Да.

В 56-ом разрешили выезжать. И вот было ли желание вернуться назад на Родину?

Ну, никто не значился, никто сразу же не ворачивался. А вот уже в последние годы люди стали ворачиваться туда. Люди, которые туда захотели ворачиваться, вернулись туда. А там все разбито было, все разгромлено было, ничего не было. И люди обратно сюда выехали. Приехали обратно сюда. А уже последние годы, уже перед Германией, так вот разрешение дали в Германию уезжать, люди уезжали туда. А потом ... уезжали в Германию. Уезжали люди туда. Уже вот, вот уже в 80-ых годах люди уезжали.

А когда вот вывозили, вам говорили, что связи с тем, что фронт да движется, поэтому надо?

Да, да, да, да.

Что фронт движется, поэтому надо покидать именно вот эти населенные пункты?

Да, да, да.

Так. Теперь вы мне, знаете, что скажите, о реабилитации, какие-то справки, какие-то вот что-то вы видели, эти документы у вас, вы имеете?

Нет, я не знаю, я не знаю. У меня ничего нету.

Вы не брали?

А реабилитированы

Да, о реабилитации.

Да, у меня есть документы. Я на их получала деньги.

Добавка к пенсии?

Да, да. А сейчас я не получаю.

А ну была это справка о реабилитации, где брали, можете сказать?

Да, да. На Карабулаке.

На Карабулаке, да.

Я получала, потом дети войны стали начислять, и я оформила дети войны. Там больше вычисляют. Две с половиной тысячи.

Больше. Ну...

А там я тысячу двести получала. А здесь две с половиной. А я приехала как-то в это, отдел кадров, они вот говорят, что ты там получаешь вот эти. И я оформила те. Раз те получаю, эти отменили.

Жили ли в районе, в селении казахи? Как они вас встретили, были ли стычки какие-то?

Нет, не было.

Не было такого, все равно хорошо, да. Так возместили ли оставленные ну вот дома, скот, ну вот то, что осталось?

Нет. Дома не возместили, но расселяли всех людей по домам, по местным жителям. На улице никого не оставили. Ну, нам дали корову, то что там корова осталась и скотина вся осталась. Тут нам дали корову.

Возмещение как бы так чтобы это немножко как-то?

Возмещение. А так дома не давали, где-то добыли эти дома.

Менялось ли отношение до и после войны, вот как к немцам? Вы же как немцы же?

Ну да, немцы.

Местное население как-то относилось к вам хуже, лучше или нет? Или не чувствовалось это, что без разницы что?

Я не чувствовала.

Вот лично Вы на себе никак не чувствовали?

Нет, нет, нет. Потому что я подросла, у меня подружки все, жених русский и подружки русские. Не чувствовала.

Но ваша семья, ну даже в мыслях не было, чтобы вернуться в Паласовку?

Нет, нет. Не было. Потому что некому было вращиваться. Отца нету, бабушка умерла, а мама уже тут привыкла, и все, мама тут вышла за другого замуж, еще сына родила. Так что не рассчитывали обратно ехать.

А в Германию у вас уезжал народ? Ну вот ваши?

Да, мама в Германию, брат в Германии, сестра сейчас в Германии.

Это в каком году они уехали?

92-ом.

А почему решили уехать с Казахстана?

Да, он женился, этот брат, его теща уехала туда и сманула. Так мама сколько брала ее.

Ну были какие-то сложности при переезде или нет?

Им?

Да, ну когда уезжали.

Да, нет, им там помощь давали.

Так скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях? Вот все равно же недоедали?

Ой, недоедали. Ой, как недоедали. Как сейчас вспомню этот свекольный ботвадок, крапива, варили суп. Да, голод был, выжили. Люди умирали от голоду, конечно. Люди с голоду умирали.

А вот как держались, все сообща, вместе или как вот? Или каждый сам за себя был?

Как?

Ну, вот кто помогал, соседи там, другие вот национальности?

Ну, вот у кого как, хозяйки жили, она нам помогала. Она в огороде картошку, картошка пойдет, вот это картошку она нам даст, тыкву давала, вот первый...

А помните фамилию?

Так по-русски Потехины были.

Потехины да.

И сейчас в живых нету.

Нету?

Нету. А так помогали они нам, то то дадут, то то. Ну мама постоянно ходила, печки ложила, штукатурила, у людей подрабатывала, и картошки все давали, и люди рассчитывались. Ну, тогда тоже у людей откуда были деньги. Ну продукты давали.

А Вы что закончили? Вы же здесь уже учились?

Ну, я кончила 4 класса, потом меня направили в институт ... тогда колхоз назначал. Хочешь не хочешь на эту ну ветеринарию. Ветеринарское это. Я не хотела. Я эту работу не люблю. Я плакала, плакала, плакала, ну все-таки направили. А то работу не дадут. Ну я поехала туда, 6 месяцев училась, сбежала.

А но Вы это могли быть ветеринаром?

Могла бы, да. Могла быть. Но я не захотела, я не могла эту работу. Я брезгливая сильно. Нас в практику привезли, а там где болячка, где что, я чуть в обморок не падала. Я не могу эту работу. Просто кровь я не могу переносить, скотину когда режут, я не могла. Я сбежала оттуда. Я не могла.

И потом где работали?

А потом пошла дояркой работать. Так дояркой проработала я лет 10, дояркой проработала. Потом пошла свиаркой работать и так. А уже когда в 76-ом году я пошла в школу техничкой. И проработала до пенсии.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале? Или нет вот то, что переселяли, то, что там дома пришлось бросить, вот как-то изменилось отношение к этому или это Вы считаете было необходимостью?

Необходимость?! Конечно, необходимость. Конечно, необходимость. То что ну фронт шел туда. Ну, ну, ну, все разгромили, все дома развалились, нас бы всех убили бы и все.

Поэтому как бы спасение такое?

Да, да, да. Если бы просто нас бы выкинули бы, а тут нас привезли все-таки бесплатно и распределили всех, расселяли всех, по это, по домам всех.

А вот помните, в каких условиях везли? Много народу было в вагонах?

Конечно, много. Я помню полные вагоны были.

А они какие вот прям приспособленные для перевоза людей?

А я не знаю. Не помню. Я помню, что так вот все люди разговаривают, все по-немецки говорят.

А в дороге кормили или как-то вот вы могли бы ходить на станции, там какие-нибудь не помните?

А предупреждали, чтобы продукты брали на дорогу.

И вы вот вам же время давалось, не давалось на сборы?

Ну, нет, конечно. Какие сборы. Нет.

Все что смогли, быстро взяли продукты и все документы?

Да, да. Документы кто брал, кто не брал, кто не успел. Быстро же это все получилось. Потом документы, я вот, уже мне паспорт получать, я туда писала. Оттуда мне документ послали.

Свидетельство о рождении?

Свидетельство о рождении. Да. Я паспорт получала. А так кто может и захватил. Я не знаю, родители захватили, я не помню. Но у меня не было документов. У сестры тоже не было. Третью сестру здесь зарегистрировали, так что не помню. Я помню, что бабушка захватила подушки. Две подушки в мешок запихала в белый. А я пошла в первый класс, одевать нечего. Бабушка эти подушки поменяла на пальтишко. Плюшевое пальто мне взяли. У хозяев. Даже не у хозяев. А у учительницы, которая учила меня. Я пришла раздетая в школу. А она пришла и говорит маме, Маруся у вас просто раздетая ходит. Нечего одевать. А она говорит у меня есть пальтишко. Ну что тебе надо. А она там, вот у вас подушка. Но две подушки отдали. Когда я пошла в школу, и помню как сейчас холодно было, снежок выпал. Я одела это пальтишко и пошла в школу, там растаял снег. Я раз оставила пальтишко и пришла домой. А бабушка говорит, где пальто? Я побежала, но нету. Украли.

Украли?

Украли.

Так и все.

Но все равно в школу ходила. Что-то одевала.

Вот какие у Вас воспоминания остались о том времени?

Страшные.

Страшные.

Голодно было, холодно. Я пойду, я во второй класс пошла, я как, одна ходила. Зимой в калошах ходила. У меня просто мелкие калоши. А сестра пошла в школу, я уже в третий пошла, а она пошла в первый, я с утра, а она с обеда. Я прибегаю, вытрясаю скорее, она одевает и бежит в школу. Вот разве жизнь была?!

Скажите, пожалуйста, чтобы Вы могли пожелать своим потомкам, нынешнему поколению?

Им счастья, того, этого не видеть, что мы видели. Чтобы им жилось хорошо. Вот так что хорошо, если не было больше войны.

Самое главное.

Самое главное – мир.

А вот у вас вот сколько вы переехали, в живых сколько вот сейчас осталось, еще кто-нибудь вот кроме вас или нет?

Да, живых-то много, остались люди. Но только что.

Из родственников.

А из родственников у меня осталась одна тетка, ну и две сестры, брат. А междуродные сестры в Германии живут.

А между собой вот это с депортированными тесно общались? Ну вот те, кто переехали?

Конечно, конечно.

Вспоминали наверно Родину? Нет такого?

Ну, конечно, они всегда друг к другу ходили.

В гости праздники какие-нибудь отмечали все вместе?

Да, там было когда отмечать, чем.

Сколько денег могли заработать, вот вы говорите, что на это и свиначкой работали, и?

Когда я пошла на работу, уже деньги пошли.

Уже деньги, да, уже?

Да, уже.

Уже легче стало, да?

Конечно, конечно. Я пошла рано на работу, то что тяжело было маме, работала. Тут уже деньги пошли. Как я пошла на работу, уже деньги были. Каждый месяц получали.

Есть какие-то моменты, вот которые мы с Вами не затронули в нашей беседе, о которых Вы бы могли, ну хотели бы рассказать?

Да, я не знаю даже. Слышала мельком, что они разговаривают, я вот это. А так ну помню, что голод был сильный. Домой иду, вот вы сейчас, пришла домой, мама что-нибудь готовила бы, поела бы. А придешь домой, там стол пустой. Опять этот гудак стоит. Уже даже страшно было смотреть.

Ну что-нибудь сейчас скажете? Расскажите?

Да, нет что-то.

Все. Ну, спасибо Вам большое. Здоровье Вам, самое главное, счастья, чтобы внуки Вас не забывали, чаще приезжали.

У меня внуки хорошие.

Ну все тогда. Я выключаю. А помните, Вы говорили о том, что в начале Вы думали, что отец Андреевич, что вы Андреевна-то была.

Да, я, мы были и Андреевной.

А потом как?

А потом, когда оттуда свидетельство о рождении прислали Георг-Генриховна.

Георг-Генриховна?

Да.

А для чего вам эти надо было документы?

Для паспорта.

А для паспорта, да?

Да.

И потом вот эту всю фамилию Вы все поменяли?

Фамилию не меняла.

Ой, отчество, отчество.

Отчество-то поменяли. Да. Паспорт уже получали по Георг-Генриховна.

Ну ну ну. Вот я помню, что вот рассказывали такое.

...

До сих пор. Вот надо же.

Вот как записали и так.

И так оно ушло.

Вот она не получает ни разрешений...

После того, когда вот вы жили в начале с чужими людьми правильно же да, когда переехали сразу что дом поделили пополам, что вот с ними да жили?

Да, да, да.

А потом как вы стали обустроиваться?

Ну, как стали обустроиваться. Сначала это...

В начале мама купила как бы времяночку.

Времяночку как это говорили большую такую.

А потом?

А потом они пожили в этом доме, мы, я пошла уже в колхоз, пошла работать. И потом вот этот дом построили в 76-ом году мы уже.

Уже ну дом уже построили? А все это что я хотела сказать... Смешанные браки, вот вы на смешанных браках же становились, да что были, не были, когда...

А никогда не запрещали.

Что были смешанные браки, что пожалуйста это были...

Ну это не запрещали же никогда. Только вот родители запрещали, не хотели, чтобы за другую нацию выходили. А так не было запрещено.

А вот смотрите, вот в Крупском были ли другие переселенцы, других, других национальностей, других наций?

Немцы были здесь из Украины, здесь были.

Были, да, переселенцы?

Да.

Еще откуда? Немцы вот вы сказали.

Ну, немцы с Украины были.

А тоже немцы?

Да, да. Немцы. Со всех сторон, где жили.

А помимо немцев, кто из переселенцев ну из других национальностей, корейцы проживали здесь?

Не помню.

Нет, не помните?

Не помню.

Чеченцы вот были, нет?

Не помню.

Не помните, да, такой момент. Так скажите мне, пожалуйста, вот когда наступила реабилитация, да, вы ну, захотел кто-то вернуться на родину?

Конечно, захотели. Старые люди хотели вернуться.

Ну просто помнили, что там родина...

Ну, они кто-то поехал, куда приехал, когда там все разгромлено, все разбомбили, все там ничего, ни домиков, ничего нету в этом поселке, где жили люди, все остановились, и так привели здесь так и остались так и живут. И потом это. Тетя моя ворачивалась, последние годы там жила, в этом поселке. Там уже все восстановили, дома двухэтажные, трехэтажные поставили.

А вот смотрите, когда вы в школе учились, к вам как-то относились, вот как ну не называли как фашистами, ну вот такого не было, вот ну как бы?

Нет.

Не было, да?

Меня не обзывали.

Нет. Хорошо так относились, что не...

Я пошла в первый класс. Я по-русски не умела говорить, конечно. Я скажу, а подружка моя умела, с которой я играла. У нее мать и отца забрали в это трудовую армию.

Трудовую армию.

Она осталась сиротой и у тетки жила. А общалась всегда с соседкой, с русскими. Она умела. Меня учитель спросит, я потом...

Переводит как бы?

Переводит. Я значит недельку походила и научилась говорить.

А когда в колхозе вот уже здесь работали, как оплачивалась работа? Трудовые или как?

Деньгами.

Деньгами да уже. Не трудовые, а деньгами, да?

Да. Деньгами.

Хорошо. Так. А можно ли было переписываться с родными вот из других регионов, которые у вас остались?

Это когда.

Ну, да. Вот вас уже сюда привезли, а вы вот могли отсюда писать письма допустим, ну вот в других регионах же там, где-то еще же у вас родственники жили же помимо как...

Я не знаю.

А тоже да, не помните, этот момент. Так, ну и ладно. Хорошо. Дальше идемте. А какие-нибудь документы о реабилитации у вас есть, ну вот вам выдавали справки о реабилитации?

Когда эвакуировали оттуда вот?

Нет, когда уже все сказали, что вы можете в комендатуре не отмечаться...

Ничего не давали.

Ничего не давали, да.

Ничего не давали. Нет, ничего не давали.

Так. Вот те, кто собрался уехать назад на родину, вот ну где вы жили да немецкий автономный округ, там же да кто-то помогал при оформлении документов вот им или вы просто собрались, на свои средства уезжали?

Ну, а зачем. Не надо, это же Алтай, это же Россия.

Ну да, да. Не надо. Никто не помогал, ничего, что сами просто документы собрали...

Тогда же все было и Казахстан, и Россия, все же все одно было.

Ну да, да, да. И просто да, ничего не надо было, да?

Нет.

На сегодня вот у вас кто здесь живет еще вот в Казахстане?

Сестра моя живет.

Сестра родная живет. Мама здесь умерла да тоже?

Нет. Она вот в Германии умерла.

А в Германии. Она уехала. Она на историческую родину у вас вернулась?

Это брат поехал туда.

В каком году, не помните?

Они уехали в 92-ом году.

И мама туда с ними.

Ну, она с братом, с сыном жила и уехали. А там умерла.

В каком возрасте?

76 лет было.

Ну надо же.

86 лет.

86 лет почти уже под 90. А здесь в Крупском живет, да, сестра тоже?

Да.

Сестра вот здесь у вас.

Два сына.

Два сына, внуки это...

А у сестры сын в Германии живет, а дочка здесь живет.

Вот смотрите, вот сколько лет уже прошло да. Какие у вас вот сейчас воспоминания о депортации о самой, вот может быть изменилось какое-то отношение, вот как вы считаете, что можно было бы этого избежать, можно было там остаться так же?

Никак там нельзя было оставаться. Война же шла туда. Фронт, что он туда. Из-за чего людей оттуда эвакуировали, то что с ног прибили бы всех там. Никого не осталось. Так быстро всех собрали, что люди не успели даже ничего взять. Ничего взять не успели. У нас сестра родилась в 41-ом году еще. А почему она еще не была записана как родилась. И нас тут ее тут зарегистрировали.

А только аж здесь уже зарегистрировали.

Да.

Потому что так в дороге получалось, да?

Да, да.

Потом вот документов не до этого.

После роддома сразу это приехали сюда и две недели.

А только здесь ее зарегистрировали, что она, вот приехали.

Да.

Понятно. Так скажите, пожалуйста, что бы Вы еще хотели добавить к тому, что уже сказали? Вот допустим, вот я бы Вам вопрос еще сейчас не буду задавать, а сами вот что можете рассказать еще, вот что Вы помните с того времени?

Ну, я ничего, я еще маленькая была. Что вот бабушки говорили, мама нам никогда не рассказывала ничего. Бабушка что скажет, то скажет. Вот отцова мать, она была сильно, как предано домой хочу. Домой хочу, домой хочу и все. Она от тоски и умерла. Она совсем мало здесь жила. Домой, домой, домой, только меня вот когда нас трое было, ее внучата единственные, больше никого, один сын был и то он приемный. Она его, всех любила одинаково. Но только всегда домой, домой, домой, домой. Она даже здесь году не прожила и умерла. От тоски умерла. А эти даже никто ... не расстраивался.

Не расстраивался?

Не расстраивались.

Скажите, пожалуйста, что Вы можете вот нынешнему поколению что-то пожелать, может. Ну чтобы жили там как дружно или как, вот, кстати, вот можно я это фразу повторю еще. Вот депортированный да народ, вот вы да нация вот к вам не относились как к врагам народа? Не было такого?

Не было.

Не было, да что?

Я не помню. Не было.

Не было да такого?

Нет. А мы же, я же не большая же была. А подрастали и знали, подружки русские все были, когда девочки все вместе играли, все мы понимали. Родители тоже как-то дружили все.

Не было такого, да?

Не было такого. Не знаю, может где и было.

Но ваш конкретно что ваш...

Не было, не было.

Ну, что бы Вы пожелали своим потомкам, своим внучатам?

Ну, что им пожелать, счастья и чтоб такого больше не случилось, как с нами было. Сколько голоду перенесли это. Ужас. Это ужас.

А вот когда в годы депортации вот помогали продуктами или?

Да, что с чем. Никто, все жили сами как могли. Бабушка это умерла. А это ходила, штукатурила, печи ложила у этих местных людей. Зарабатывала себе на хлеб. Нам чтобы где картошку дадут, где муки дадут, где что. И то же, то же беднота была.

Ну что еще можете пожелать будущим поколениям?

Счастья и чтобы такого не случилось больше. Так вот мы перенесли такое.

Ну да. Так ну что еще какие вопросы. А сколько денег могли зарабатывать? Вот вас как-то выделяли, ну что вот вы или платили со всеми вот с местным населением всем поровну платили или вас как-то выделяли при оплате труда.

Ничего не было. Ничего не было.

Не было да там?

Каждый сколько зарабатывает, столько и получит.

Так.

Сначала вообще ничего не давали. Колхоз был. Трудодни, а в конце года пойдут люди, распишутся, облигацию выпишут и все. Вот и вся, все заработки были. Кто выживал, кто как мог. Кто у людей ходили копали, тогда же копали вручную огороды все. Немцы ходили, работали.

Аха. А скажите, пожалуйста, вот культура, обряды, обычаи, традиции, вот как-то смогли сохранить, вот немецкие как-то?

Я не знаю, какие у меня традиции.

Значит, не смогли, да, что-то...

Я просто была маленькой. А потом вышла ну молодая за русского.

А уже...

Да. Вышла за русского, в русскую семью попала опять. Схоронила одного. Этот тоже русский.

Уже второй муж что русский что это. Поэтому утеряны корни да получается так?

Нет.

Ну все, спасибо Вам большое.

Да, не за что, господи. Я вообще с этим ничего не помню. Все бабушки говорили, а я вообще...

Ну и то хорошо.

Помню как везли в вагоне, а потом все взволновались немцы. И говорят, нас обратно повезли. А там куда-то доехали, а там сворачивают назад как будто бы обратно.

Ааа. Уже все, все. А думали, что все.

И все такие, ой нас обратно везут, обратно везут. Вот это я помню.

А вагоны какие были, вот в которых везли, как товарный или хорошие вагоны не помните?

Нет, не хорошие.

Товарняк да, наверное, как.

Да, да.

Все сообща ехали?

Нет.

По сколько человек в вагоне, не помните?

Ой, нет, я конечно, не помню. Но набитые были.

Набитые. Это у вас сестренка была две недели да тоже в этом же вагоне, вам 4 года.

И это мне было 4 с лишним, сестренке второй было 3 года.

И этой две недели вот здесь, когда приехали уже две недели. Сразу рожденную повезли.

Даже не успели там побыть.

Но в дороге вот умирали? Были такие случаи?

Наверно. Говорят умирали.

Умирали да. Ну вы вот все приехали, дал Бог, что все нормально, что это хорошо, что люди.

Приехали все, я большая была у нас. Ой большая. Бабушка была, у бабушки эти три племянника жили. И нас было пятеро, вторая бабушка приехала с двумя дочерьми, тоже это их трое было и все в одной избушке. Вот одной из доски вот так вот нары сделали, вот так вот доски сложили, нары сделали подлиннее по избушке и вот так вот, а какие мешки были у кого это узнавали, а так соломы. Не было ни постели, ни одеяла, ничего не было. На соломе спали. А потом утром если что-нибудь там будут, сварят родители и вот так вот

солому отодвинут, нары ставили и ели. А ели как по очереди, ложек не было. Чашечек если там хозяйка даст, ну там ложку даст, ничего не было. Ну ничего, люди просто запихнулись, поехали все. Ничего не было с собой.

Ну что еще можете добавить? Что еще вспомните?

Ой, все я больше ничего не помню.

Ну спасибо Вам большое, здоровья, Вам счастья. Спасибо!

.....
Гайст Лидия Богдановна, немка, 91 год. Была депортирована из Поволжья в Грузию в 1938 году, а потом из Грузии в Казахстан в 1941 году. Сейчас проживает в Узбекистане, город Ташкент.

Я, Алишер Собиров – узбекский партнер проекта «Память во имя будущего», наших казахских коллег. Сейчас я нахожусь в доме Лидии Богдановны Гайст. Лидия Богдановна, настоящее ее отчество Готфридовна, ей 91 год, немка, родилась в 1919 г., была депортирована из Поволжской республики немцев сначала в Грузию в Тбилиси, в 1941 году, затем из Тбилиси была отправлена в Казахстан. Сейчас она живет в городе Ташкенте, на массиве Чиланзар.

Лидия Богдановна, вот Вы очень долго лет прожили и живете, я очень рад, и, наверное, многое помните.

Но, что я помню, конечно много. Я много почему-то помню, как нас раскулачили, когда мы богаты были на Волге.

Расскажите, об этом, как вас раскулачили.

У нас был большой двор. У нас было 2 двора. У нас были коровы, лошади, быков было очень много ... много подводы, у моего папы было много земли, много всего сеяли, очень были богаты, и мы все сеяли, и семечки сеяли, и кукурузы сеяли, и пшеницы сеяли, все фрукты сеяли, очень много мы сдавали всегда, я помню, мой папа очень много государству сдавал. Мешками отвозил, государству это он сдавал.

То есть вы исправно платили налоги государству.

Да. Всегда папа, очень много было. Он привез во дворе... кукурузы во дворе, семечки, много тыквы.

Где вы жили, в каком городе или селе?

Мы жили город Саратов, недалеко от нас был город Саратов, и город еще был Энгельс... там тоже был еще город... Камышинка еще был рядом.

То есть вы жили в селе?

В селе, село наше большое было, называлось Крафт.

Крафт?

Крафт, это сила.

Вы помните, как началась депортация немцев из Поволжья, как она вас лично затронула, вашу семью?

Пришли несколько человек, мы сидели кушали, все что было, со столов все забрали, еду и все у нас забрали, и лошадей, и еду. Они зашли на чердак, в подвал и совершенно все забрали. Они хотели посадить отца, но не посадили, но он уехал.

Когда примерно это было, в каком году, вы помните?

Мне было тогда 8 лет или 9 (*затрудняется*). Это было примерно в 1929 г. или 1930 г., нет в 30 г. мы уже были на Кавказе...

Вас, значит депортировали, где-то в 1929-30 гг.

Сперва в 1929 г., потом мы уехали на Кавказ, был большой совхоз, виноградный совхоз назывался (*говорит грузинское слово*). Мы там жили в бараке, где жили несколько семей, много жило.

Сами уехали, или вас эшелоном отправили?

Мы сами уехали туда, сами, и уехали, как попало мы уехали, это я хорошо видела, даже на крышу я лазала, все вагоны были набиты... Сначала наш папа уехал, где-то устроился, потом приехал человек за нами и нас забрал, все остальные. Нет, папа брал маму, ребенка, несколько человек, а мы с бабушкой остались. Нас выгнали из деревни, не только нас, многих и мы копали там землянку.

Это там в Поволжье?

Да... Мы землянку копали, 8 человек, дети мы там жили. Мой папа устроился на работу в Камышинку, на сахарный завод, он иногда домой приносил сахар. Мы долго жили там в землянке. Я пошла в школу. Мне разрешили, и я пошла, мне 12 лет было...нет, 8 лет было. Там мне разрешили пойти в школу, она находилась примерно в 12 км от села. Я ходила мало в школу. Учитель был очень старенький, и один глаз он был косой. Когда мой папа пришел, забрал, он сказал ваша дочка профессор, я 10 лет работал в школе, но такой ученицы у меня не было, он меня очень умной считал.

Вы в землянках жили?

Да, мы жили в землянке, а наш дом забрали киргизы, я это хорошо знаю, у нас много детей было. Мы пришли к нашему дому, мы смотрели в окошко, два дома было, киргизы приехали, в середине дома где порубили окна и вокруг сидели и грелись, а вокруг все уже черно было.

Там жили киргизы, откуда они появились?

Они приехали, раньше их было, когда началось раскулачивание, приехали киргизы, как приехали киргизы я помню...они с чайниками ходили в туалет. Мы смотрели... разве это правильно было, нас куча детей, а мы в землянке жили, нас выгнали, это же неправильно Сталин делал.

Как вы потом уехали из Поволжья?

Папа работал в Камышинке и ушел оттуда, забрал маму и маленького ребенка и несколько детей, они уехали на Кавказ. А я и бабушка, Англих, Готфлих, мы с бабушкой остались в землянке. Потом мы все заболели трахомой. Бабушка взяла от врачихи справку, что мы должны поехать к доктору, а доктор был на станции Махневская.

Махневская?

И мы туда пошли, там находился врач. Он всем детям удалил трахомы и мы поправились, все орали, кричали...

Больно было?

Нисколько не больно, на столе у него был красивый подарок. Она говорит, и ты будешь кричать, я говорю, если подаришь коробку, я не буду кричать... она сказала, подарю. Я все помню, как будто вчера было. Мы приехали с бабушкой, пять человек и бабушка, приехали в Кизляр. А там не было нашего папы.

Вы в Кизляр приехали?

В Кизляр.

В каком году это примерно было?

Это примерно было в 1928 или 1929 гг.

Вы как, на поезде приехали?

На поезде, сами поехали. Мужчину наш отец прислал, и он купил нам билеты, билеты было трудно достать, но он достал. И нас с бабушкой сунул в этот вагон, этот вагон набитый был. А сам пошел в другой вагон, ночью проверяли билеты, бабушка объясняла,

что билеты у нас есть, что они у человека в другом вагоне. Поезд остановился и нас выгнали на середине дороги, нас пять человек и бабушка. Мы стояли на пути, ни дом, ничего не было, издали был виден свет, там дежурный был, он нас принял, сказал, ночуйте. 3 дня мы сидели у дежурного на станции, нам нечего было кушать. Иногда он давал нам воды и немного сухого хлеба. Потом пришла какая-то женщина, звонила кругом (она понимала по немецки) и на немецком бабушка объяснила ей, что с нами случилось. И потом поезд остановили другой, и этот старик нас сунул туда. И мы приехали на другую станцию, и там был этот человек (*который сопровождал их*). И он опять компостировал билет, мы сели на другой поезд и мы поехали в Кизляр. Прибыв туда, оказалось, что немцев там уже нет. И мы поехали в Армавир. Но там тоже никого не нашли. Мы приехали в другой виноградный совхоз (в Грузии), кахетинское вино делали, мы туда приехали, был там большой барак, 5 семей там жило...

Это уже в Грузии было?

Это в Грузии было.

То есть вы в Грузию приехали, там был большой барак и вы там жили?

И жили там в большом бараке. В бараке жили несколько раскулаченных семей немцев.

А что за семьи, тоже немцы жили?

Тоже немцы, то же раскулаченные. И был длинный топчан, мы там лежали. Бабушка, Амалия, Готфрид, Юлия, Саша, все лежали, тряслись.

Почему? Малярия была?

Малярия была. Врач приходил и давал им зеленую смесь. Я в углу спряталась, папа работал в виноградном совхозе, я помогала папе. А потом я заболела, у меня температуры не было, только тряслась. Люди нашли дикую свинью, поймали, резали делали колбасу, жирная колбаса... повесили в сарае, я видела эту колбасу, так хотела колбасы, я залезла и колбасу украла, все съела со шкуркой. И больше у меня малярии не было. Через три дня пришел врач, все умерли, мой папа каждый день хоронил.

Кто умирал?

Умерли бабушка, Амалия, это сестры мои Юля, Генрих, Годфрид.

Как они кричали, я жить хочу, 5 лет было ребенку он кричал, я жить хочу... Каждый день мой отец хоронил. Врач спросил у меня, что я ела, я сказала ему, вы не скажете моему папе, что съела всю колбасу. Остались мой брат Давид, сестра Катя, мама, папа и я, остальные все умерли.

Остались Вы, Ваш брат Давид, Катя сестра?

И я, мама и папа. Мы уехали в другой совхоз в 12 км от Тбилиси. Новый совхоз был открыт, там были несколько человек грузины, они бараки делали, но бараки еще не достроены были, бараки для нас. И мы опять землянки копали и в этих землянках, мы опять жили в этом совхозе. А пока мы не дождались этих барак, моя мама воспалением легких заболела, ее везли в Тбилиси 12 км, она там умерла в железнодорожной больнице.

Это когда примерно было?

Примерно уже 1930 г. Там тогда голод был тоже, нам давали кукурузный хлеб, очередь была за хлебом... Негде было похоронить маму, там были железные дороги, потом военная дорога, негде хоронить, потом станция Мхета, и станция около Тбилиси. Негде было хоронить, и мы поднялись на высокую гору и похоронили ее там. Мне было 8 лет.

Кладбища там не было?

Но было несколько других могил, грузинские могилы и мы там маму похоронили. Папа сказал, поедем в Тбилиси, немножко денег заработаем, а мы лазали на горы, ели фрукты, потом были узкие горы, там вода течет, я воду набрала в кружки, там станция, поезд остановится люди кричат воды, воды. И я продавала в кружках воду, по 3 копейки, очень хорошая вода, горная. Я видела мужчины-грузины воду продавали и я тоже

продавала. Потом мы приехали в Тбилиси, там была немецкая колония, улицы немецкие были и мой папа купил маленький дом там и отремонтировал его. Две большие комнаты были, коридор был, двор был. Мой папа был начальник, этот грузин очень хорошо немецкий язык знал.

Это друг Вашего отца?

Он строил военную дорогу....

А, начальник Вашего отца?

Да, а потом грузинка бабушка меня забрала, один пришел дед грузин забрал моего брата, он сказал обучу его, говорит мастер-сварщик. Сестра осталась дома. Папа приводит новую жену. Она не очень хотела нас. И бабушка грузинка меня забрала. И я у этой бабушки грузинки долго жила, и очень хорошо по-грузински знаю. Она по-русски не знала, по-немецки не знала, а там вообще не было русских и она учила. Когда получила паспорт, в 16 лет, пошла работать в ресторан, в центральном доме крестьянина, а в подвале был ресторан. Одна русская девушка говорит, пойдём, она была очень накрашенной, ресторан был большой. Мы зашли к грузину, начальнику, он спросил, чего вы пришли, я говорю работать надо. Он сказал, ты кто, я говорю, я немка. Он посмотрел на русскую девушку и сказал, ты не годишься сюда, у нас мужчины, ты красивая накрашенная, официанты все мужчины, они не будут работать, на тебя смотреть, он выгнал ее, а меня оставил. Будешь убирать только со стола. Я убирала посуду там.

То есть вы начали работать, жизнь стала потихоньку налаживаться?

Жизнь наладилась, я домой к папе часто ходила. Потом к папе приехала какая-то машина, и при мне забрали его.

Вашего отца забрали?

Да, много, не только моего отца, но и многих других забрали тогда.

А в каком году это было?

Это было около 1941 года, нет это был 1938 г.

Как вы приняли решение уехать в Казахстан, или вас отправили оттуда?

Как вы что...нас много, весь эшелон отправили в Казахстан. Очень много немцев было в Тбилиси, целая деревня была.

То есть всю колонию немцев в Тбилиси собрали...?

Собрали..., посадили на поезд, грузины нас хорошо отправляли, мешками сухари привезли, неизвестно, что будете есть, нам помогли.

Это уже было уже в начале войны?

Да, это была уже война.

А сколько человек было в эшелонах?

Ой много, больно много. Очень много. Целые вагоны. И ночью мы приехали в Баку.

А с кем вы ехали туда, с родителями?

Нет, я уже выходила замуж за немца. Я мало жила с ним.

Вас с мужем отправили?

Нет, нет мало жила с мужем, еще не было войны, его забрали в армию.

Он тоже немец был?

Чистокровный немец, с России тоже. Мы жили с ним несколько месяцев. Он должен был в армии служить. Я ехала с его родителями в Казахстан. Больше я его не видела, началась война.

Расскажите, как вас погрузили в вагон, как вы ехали?

Хорошо мы ехали. От Тбилиси, был мост большой, все грузины махали нам и даже плакали. Мы ехали всю ночь. До Баку мы приехали в порт, там нас погрузили...

На баржу?

Нет, это был пароход, как будто баржа, много нас было немцев. Всю ночь возили нас и утром мы приехали в Ашхабад, мы там находились 3 дня.

Вас чем-нибудь кормили?

Там нас не кормили. Мы свое кушали, это я не помню. Три дня мы там лежали, а потом нас погрузили.

Куда?

Нас возили на станцию, где поезда и нас погрузили в товарные вагоны. Много вагонов было набито немцами. На каждой станции нас кормили. Принесли такие фляги, нам наливали кашу и маленький кусочек хлеба.

Сколько дней вы ехали?

Мы долго ехали, неделю, или две недели мы ехали.

Люди как чувствовали себя в вагонах?

Очень плохо, конечно, были голодны.

Люди умирали по дороге?

Этого я не видела. У нас в вагоне не было этого.

Значит, вы из Ашхабада, вас всех посадили в товарный вагон, и вы поехали в Казахстан.

В Казахстан...

Вы знали, что едете в Казахстан?

Нет, мы не знали.

А как узнали, что приехали в Казахстан?

Там кричали Казахстан, там казахи пришли.

А какая станция?

Станция была в городе Павлодаре. Потом пришли казахи и забирали семьи немцев.

То есть казахи забирали семьи?

Нашу и еще 3 семьи, мы остались и погрузили на баржу...это был не пароход, наверное, был плот, мы целую ночь плыли. А потом нас выгружали, была степь, там было 3 человека на лошадях. И один казах командовал: «Ты, это семья твоя, ты, эту семью возмешь» и они нас разделили.

Каждую семью казахи забрали к себе домой?

Меня, и маму, и папу моего мужа тоже забрали молодая семья.

То есть вы вместе с родителями мужа были?

Да, и потом нас туда, там места не было.

Это дом был или юрта?

Это был маленький домик, похож на сарай. У этого казаха была жена и ребенок годовалый. Он вшивый был, родители за навесом были. Казах красивый был, очень добрый был. Он говорит, научите мою жену по-человечески жить, она не так моет свои волосы... Этот ребенок много плакал. Потом мама говорит, дайте тряпку, мы искупаем его. Она, (жена казаха) пошла в степь, там коровы у них, ребенка искупали в воде, речка рядом была, Иртыш был рядом, чистенький... кормили его молоком, которое жена казаха оставляла, когда она приходила он уже спал. А потом мы построили дом.

Это вы построили, или казахи?

Нет, мы, казахи нам помогли, и мы построили дом, с глиной, это было холодно, это было осенью.

А сколько вас человек у казахов жили?

Отец и мать, еще один сын с ребенком и я, пять человек. Все мужики собрались и делали саман.

Это казахи собрались помогали вам, или вы сами?

Нет мы сами...они стояли и смотрели, и что нам надо было, они нам давали, они хорошие были, нас не обзывали... Мы строили дом, мужчины казахи давали нам, если нам что-то надо было, они добрые и хорошие были, не обзывали нас. Мы мазали стены... В лесу росла высокая трава... Мы это набирали, топили... пол земляной...

А вы жили там, это степь или аул был?

Это была степь и один дом, потом через километра 2-3 еще дом... Мы одели свои платья, платок и пошли с женой брата... далеко мы шли, одну кибитушку нашли, мы им показали наше платье и они нам дали просо.

Вы обменяли свое платье на просо?

Обменяли на просо, на все.

Чем вы там занимались?

Потом рудник, это был Майский район и там был рудник.

То был Майский район, и там находился рудник?

Да, большой рудник, там много было поляков, только в другом месте они жили. Нам дали много кайло, давали мы убирали землю, и они ночью бурили, и грузили на баржу, очищенное клино. Многие люди чистили это. А меня взяли на баржу. Там работала. Потом в августе месяце 43 год...

Вы с 1941 по 43 г. работали на руднике, село Майское?

С 1941 по 1943 года я работала на руднике в Майском селе.

С вами тоже немцы работали?

Очень много немцев и поляков тоже. И всю молодежь забрали в трудармию.

Какие у вас были отношения с местным населением?

Хорошие, казахи даже моментально по-немецки говорили... казахи вместе с нами на руднике работали...

А с поляками какие у вас отношения были?

У нас отношения с поляками были плохие, мы их боялись... Нам они не нравились.

Значит вы до 1943 года работали на руднике?

Да, документы не брала я...

И что было дальше после 1943 г.?

Меня и нескольких молодых девушек, посадили нас на подводы и посадили на пароход. Привезли нас в Павлодар.

А кто забрал вас?

Начальник. Привезли нас в город Павлодар. Нас было человек 10. На завод (зерновой). Там был барак, мы там месяц или два жили, пока собирали других немцев, по всему Казахстану собрали молодежь, туда привезли. Нас кормили, но плохо кормили. Привезут около ворот, нагрузили нас, мы занесли на завод, когда выходили с завода, нас там проверяли, нас обыскивали, одну девочку нашли 2 кг пшеницы, забрали ее. Потом я сказала, я пойду дворником, не буду таскать мешки, и я работала дворником. Я подметала и на подводы грузила. И я подметала. Затем одна девушка сказала мне: «Давай, положим пшеницу тебе в мешочек», а сверху нарочно мусор положила. Я взяла, наверное, килограмм пшеницы. Я вывезла за город, высыпала в арык. Мы с сестрой пошли туда положили в железную коробку это пшеницу, в болоте нашли воды, там и попарили, мы даже не кипятили, если огонь увидят, будут же проверять. Мы попарили и поели, до чего же мы голодные были.

А почему вас всех молодых там собрали?

Не знаю, стариков не брали, только молодых.

Вас охраняли?

Да. Мы еще не были в трудармии. Это пока был город. А потом нас погрузили в вагоны и увезли, куда не знаю. Нас было 250 человек. Молодые все немцы, все из Казахстана. Нас привезли в город Ухта, Коми АССР. И там мы слезли, и пришла охрана, с ружьем, нас построили и вели нас, в городе. Но это город такой был плохой, сейчас большой. Ведут нас, барак открывается и проволоки с двух сторон, а там заключенные. Как увидели всех девочек...И нас всех в барак. Утром нас построили, накормили, маленький кусочек хлеба, вода желтая и репа плавала. Потом, стройтесь, сказали и потом считали нас, считали. Посчитали и повели на работу. Ворота открываются, стояла здоровая женщина с ружьем. Мы собирали урожай репы, капусты... А мы тихонько в карман совали, под бушлаты, шапки зимние нам давали... Когда мы дошли до ворот. Женщина с ружьем говорит: «Сейчас буду стрелять, все выложите и мы все выложили». Нам ничего не дала взять, говорит стрелять буду. Мы пришли в барак, нас опять считали. Он постоянно нас считал (он был корейцем). И он говорит почему они все не красивые, а я красивая. Мне было 20 лет, и он считал меня красивой. Потом нас завели в какую-то комнату, нам сказали раздеться и всем сняли волосы. Мы с сестрой последними зашли, а там два грузина. И мы с ними на грузинском начали говорить. Они говорят: «Ой, какие волосы красивые, платок завяжите хорошо и не показывайте никому», и нам волосы не отрезали. Мы там были около месяца. Мы опять репу собирали. Тот кореец очень добрый был, он сказал нам собрать всего побольше, а когда дойдем до ворот, всем вместе бегом побежать. Она не будет за вами бежать и останавливать всех. Ну может, одного или двух поймает, стрелять же во всех не будет, говорил он. Потом ночью нас увезли. Долго везли, говорили, то ли на конфетную, то ли на макаронную фабрику. На большой вездеходной машине... Нас уже было 200 человек. Это была уже трудармия.

Это тоже в Ухте?

Это находилось в 200 км от Ухты.

До какого года вы там работали?

В 1956 г. разрешили уехать, а я уехала пораньше. Я замуж вышла за корейца. Он был заключенным, и он отсидел срок. Пока война шла никого не отпускали. Когда нас привезли, нас разобрали на разные работы. Ведут нас, через болото, там кибитушка стоит, здесь 10 человек оставили... На буровые работы, на строительство дороги... Немного подальше было 2 дома, там нас кормили. И снова давали лопаты, топоры. Мы работали. Еще на одной буровой нас осталось 15 человек. Я на нарах сидела, уже был Новый год. Пошли на работу, лес корчевать... там был один здоровый русский человек, очень злой бригадир. Снега было много, мы падали на снегу. Одно дерево нашли, стойте, говорит, чистите, мы чистили их, топорами отрубали ветки, и тащили. Там был лед... сзади трактор едет, арматуру для бурения везет, там бурили нефть и газ. Вечером возвращались в кибитушки, было очень холодно, а мы все мокрые. Там была такая труба, мы грелись около трубы, а кушать нечего было. Нам давали маленький кусочек буханки хлеба на 5 дней. На таких разных работах мы и работали.

До какого года вы работали?

Каждый раз другая работа, мы работали 54 г.

Т.е. вы работали до 1954 г.?

Да.

А как вы узнали, что война кончилась?

Там радио было, когда нас вели через поселок, мы слышали по радио.

А в каком году вы уехали оттуда с мужем?

В 1952 году.

В 1953 году умер Сталин. Вы помните, как это случилось?

Нам сообщили.

Когда вы узнали, что немцы реабилитированы, что уже можно уехать в свою страну?

Они не знали. Нас не пустили. До 1956 года сказали. До 1956 г. нас не отпускали, уже Сталин умер, все равно нас не отпускали. Кроме корейцев. Я вышла замуж за корейца, там очень много корейцев привезли... такие же как трудармейцы, из Дальнего Востока привезли.

Вы вышли замуж за корейца и куда вы уехали?

Сюда, в Узбекистан, у него было много родственников здесь. Ему разрешили сюда приехать. Мы приехали в Папский район, Наманганская область. Мы переехали в Андижан, у него был брат там. И оказалась там у него была жена... В начале он говорил не было... Потом мы приехали в Андижан, ко мне пришли 2 мужчины, узбеки, сказали, девушка, записали мои данные и сказали, что я не имею права до 1956 года уехать из Андижана. Они сказали, живите как хотите, но из Узбекистана не имеете права выехать, вы еще мобилизованная немка, вы еще трудармейка. Мало что у вас муж. Но все равно немцев еще не отпускали. Это было до 1956 г. А потом мне дали паспорт, сказали, что я гражданка Узбекистана, живите. Я жила в этом Андижане. Потом муж сказал поедет в Наманган, в Чуст, там много корейцев, я буду рис сеять, там купили маленькую кибитушку. И мы там жили хорошо.

Потом, как вы переехали в Ташкент?

Это длинная история, мне неудобно рассказать.

Если неудобно не будем рассказывать.

Устроилась работать в Чустский район, работала с узбеками. Они очень любили меня, за мою честность. Барак большой был и машины, они вышивали, я работала закройщицей. Я говорю, я пришла работать уборщицей. А начальник говорит, нет, такая красивая, будете закройщицей, будете работать. Я никогда не работала закройщицей. Он сказал нет, мне показали и я начала кроить. Сразу 50 м атлас прорезала на куски. Олимжан говорит, это ерунда, ты давай, работать, он еще раз показал и у меня получилось. Там много кусков оставалось, берите, я говорю, нет, никогда не возьму ничего, ни копейки, там были узбеки, корейцы, они брали, я никогда чужого не брала. Начальник нас с сестрой устроил на буровой... жизнь стала налаживаться.

Скажите, сейчас, что вы можете пожелать молодым?

Внизу у нас ребята работают, я спрашиваю, что у вас будет, он говорит мы будем здесь работать, я говорю надо честно работать. Я не русская, я немка. Он меня обнял и поцеловал. Надо честно жить и работать. Меня один раз Бог наказал. Мы на буровой жили, начальника жена говорит, возьмите одеяло, распорите и постирайте. Мы с сестрой распорили одеяло, там была шерсть и одна заключенная пришла и попросила немного шерсть взять для рукавицы, и взяла кусок шерсти и туда вату положила. На второй день мне звонят и говорят, «оказывается вы воры, вы взяли шерсть и положили туда вату». Одеяло повесили на гвоздь, как раз там где была вата и она выскочила.

Надо честно жить, вот меня Бог наказал.

Спасибо Вам, Лидия Богдановна, за рассказ.

Спойте нам народную песню на немецком языке.

Про любовь?

Про любовь.

Поет...

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ПОЛЯКИ

.....
Думанская Леонтина Вауловна, полячка, 85 лет. Была депортирована из села под городом Житомир в 1936 году. Проживает в Казахстане, город Кокшетау.

Так, расписываться будем?

Не знаю, даже.

Просто можете фамилию написать.

Ничего же оно не повлияет?

Нет, нет, я, поэтому же вчера и говорю, чтобы обезопасить Вас, чтобы пришел кто-нибудь из Вас, чтобы из близких и зачитал Вам, чтобы не я это делала.

Хорошо, хорошо.

Вы можете взять очки, просмотреть все, не спешите.

Хорошо.

Мы никуда не спешим.

Или.

Прочитайте сами.

Да не.

Может очки? У вас есть?

Нету.

Может быть соседку позвать, которая прочитает Вам?

Не надо, ты почитала, я верю. Что я не доверяю, что ли.

Ну, что вам сказать, рассказать, что когда нас вот перед этим вот выслали, можно сказать, какая жизнь была, что, как издевались над нами.

Значит, еще малая была, знаю, что был август месяц, и в общем, уборка, знаю, что была. Знаю, что раньше мы жили, знаете, не в деревнях, а каждый, как говорится, свое, в общем, поле, и земля своя и жили так себе. Ну, еще, была осень уже, скосили все. Это зерно, в копнах все стояло, приехали с колхоза, или кто знаю, с бричками, все забрали, все, что было у нас, свои посева, свои сами сеяли люди. Потом, через пару дней, весь скот, корова была, так было у нас, в общем, у нас, бедно мы жили. Людей много было, бедно жили. Забрали все у нас, забрали все. Потом взяли нас и в 1936-ом году, что подогнали подводу, в общем, посадили нас всех детей на подводу, и увезли нас на станцию. Это, а то было, 40 километров от Житомира мы жили, завезли нас туда на станцию. Разгрузили нас, на полу, на земле так вот нас все, дети вот так спали, что было, какая-то одежда, подстилали, так и спали. Потом погрузили нас, помню, в вагоны. Не такие пассажирские, а вот такие, товарники называли их, там скот возили, там ничего не было, только полка была, ну, ничего не было. Ну, и везли нас, сколько не помню, сколько нас везли суток, я не знаю, везли в это, в этих товарных вагонах, привезли нас как раз на станцию в Таинча, уже нас на какие-то подводы, разгрузили нас, и завезли в Чкаловский, в Чкалово. Там, правда, было несколько домиков, и барак был, такой общий барак. Вот этого немножко были, там люди жили. Сгрузили нас просто, знаете на поле, ничего не было, а уже был август месяц. Помню это хорошо, что помню нас здесь. Ни домов, а людей, все кому-то сидели, сели как-то что-то, было. Сидели, потом начали делать саманы, саманы, что это знаете? Саманы это ну, выкапывали землю, и туда, мешали солому и делали как кирпичи такие толстые, вот эти саманы. И начали строить домики, и такой домик был, что, в общем, это, как говорится. Одна комната, и коридорчик, и так напололам, на одной половине одни жили, в другой половине другие, а у которых большая семья, им там одну комнату, как вот это мой зал, две семьи мы жили. В общем, и другие так жили. Мы еле-еле, а осень, потом зима, эти кирпичи

ж то саманные, знаете мешанные, залило его, оно не высохло. Текло со стен, с окон, а там окна были чуть-чуть только стекла, так забито соломой все было, знаете. Как мы мучались. Топки не было тоже, как мы ходили, уже то холод был, ходили где-то за соломой, и так топили. В общем-то, чтобы хоть не промерзнуть. Много сильно людей поумирали, помню, а дети вообще. Сильно, помню, поумирали они.

Т.е. после прибытия вам не возместили ни оставленный дом, скот, ничего?

Ничего, все забрали, все.

Леонтина Вауловна, вот скажите, пожалуйста, вы вообще знали, куда вас депортируют? Куда вас везут?

Нет. Нет, никто ничего не знал. Никто не знал, куда.

А по дороге в Казахстан, смерти были у вас?

Я вот не помню, кажется вот... в других вагонах, а так у нас не было. В общем, не было.

А сколько дней вы находились в пути?

Вот я даже не помню. Что-то, в общем, что-то подходящее, везли, не помню сколько.

А какой национальности были люди? Вот вы допустим, приехали в Таинчу, да?

Да.

А в Таинче какое население было? Какой национальности люди проживали? Как у вас сложились с ними отношения, как они вас встретили?

А знаете, как нас везли сюда, ну, в общем мы зимовали. Ну, вы знаете, голодовали, голод был. Ходили, уже вот осенью сразу ... строили второй ход. Вы знаете, вот нас спасали люди добрые. Знаете, когда нас привезли, мы же дети, много голодные. То так бегаем, просим у людей. Некоторые сами приходили вот эти казахи, и нам приносили и лепешки, хлеб не пекли раньше, лепешки. Пекли лепешки, знаете сами. Нам всегда помогали. Благодарны им, потому что мы поумирали бы, если бы, не знаем, чтоб было, если б не казахи. Нас спасали. В общем, очень нам помогали. В общем, дожидались мы весны, вот, побольше уже лет, вот домики строили. Строят уже это мы сталинский дом, это мы уже, как говорится дом, это мы уже, были правда. Холод был такой, голод был то, мы уже колосья собирали, которые уже там уже после уборки, вот где вы знаете, колосочек собирали. И мяли, тогда была мельница, вот так мололи, вот так и жили. Вот уже немножко вроде бы в 1938-ом году наш урожай уже сильно был, уже тогда хлеба было у нас, уже тогда хлеб мы ели. А то мы и хлеба не ели. В общем, уже немножко лучше стало, потом началась, видите, война. Вот. Война, тоже жили, работа например, я уже работала день и ночь, в общем мне было 16 годов. В 1941-ом году мне уже было 16, ну да, 16. Я уже работала день и ночь. Вот так что.

После переезда, после депортирования, что было, каким показалось благосостояние местных жителей?

Как, как?

После вашего депортирования в Казахстан как вам показалось, как живут люди здесь, какое у них благосостояние?

Ну, как вам сказать, люди очень добрые, предприимчивые люди. В общем, не то, что как говорится, что так, вот добродушные все были, что могу сказать, кусок хлеба нам давали, только так. Очень хорошие были люди. И за это всегда благодарна этим людям.

А возникали ли браки с местными жителями?

Как?

Т.е. женились люди, местные жители?

Знаете, это уже после того, как когда... После того были и сейчас они есть.

Были уже после, да?

Да, да. Ну, были, и сейчас они есть.

А на каком языке вы общались с местными жителями?

Как, как?

На каком языке вы общались с местными жителями?

Вот не поняла я.

На каком языке вы общались с местными жителями?

Знаете, на русском, украинском, на украинском. Они, казахи, много, мы не знали, только русский язык, общались-то они, это на этом.

Вот после того, как вы прибыли, были ли другие, насильственно переселенные, теперь везли поляков и немцев, люди? Или вы были первые?

Мы первые, везли поляков и немцев. А после нас уже, вот так где-то в 1950-е годы, кто-то везли корейцев, я помню, ингушей, чеченов везли. Только таких помню, что вот эти годы. В общем, вот так нас привезли, мы под комендатурой были. В общем, когда уже, например, деревня, точки назывались, точки. Вот так вот, первое, второе, вот так вот у нас называлось, до 12. Вот эти точки были, мы были под комендатурой были. Не разрешали в общем, с дому никуда выходить. И днем, до 1956-го года нам не разрешалось никуда выехать. Уже после 1956-го года, тут уже свободно могли ехать. В эти больницы и кругом ехать, а нам вот так не разрешали.

А каково было отношение у местной администрации к вам? Т.е. как они вас проверяли, наличие вас на месте, вот они каждый вечер приходили. Приходили к вам?

Раз в месяц приходили. Отчитывали и расписывались, чтобы мы никуда не уходили.

А были побег?

Люди некоторые, помню, что убегали.

Расскажите, пожалуйста.

А вот вы знаете, я даже не знаю, знаю, что убегали, но куда они убегали, куда они делись, не знаю. Но помню, что убегали, когда нас после этого на второй год, когда уже мы тут жили. А куда они убегали не знаю.

Тогда расскажите, пожалуйста, как вот, вы работали, как оплачивался ваш труд? Учились ли дети в школе? Как там складывались отношения?

Какие, мои дети?

Да, да. Вообще, в общем, вот как вот, сами же депортировали, вот дети, вот они посещали школу? Вот как вы работали вообще, вот, режим работы, как оплачивался ваш труд?

Знаете, когда я уже в школу, то, это немножко ходила, потом не ходила, меня даже в прислуги отправили, вот были, который над нами были, знаете, как высылка, начальникам. Мать меня даже отдала в прислуги. Даже это там хоть даже супу поест, чтоб я ходила их, там вот им помогала. И не училась я. А меньшие дети, которые там дети учились, которые могли вот дети что-то было, а есть дети, которые не учились-то. Я работала, все время работала. В общем, и, как говорится, что над нами так, издевались-то там, или что-то я не могу сказать. Не помню, что...но знаю, что отмечались раз в месяц, что.

А были ли какие-то ограничения?

Даже я не могу сказать что-то, я даже не помню. В общем.

Как можно было переписываться с родными других регионов? Т.е. вы могли переписываться, вести какое-то общение, с родственниками с других регионов?

Знаете вот после того, то переписывались и только, в общем, за границу нет, как говорится, Советский Союз тогда, Советский Союз был, что-то тогда было.

А во время депортирования, после того как вас депортировали, как было организовано управление в поселке? Кто управлял поселком?

Знаю, что комендант был, ну, и там, например, как директор был там, в общем, кто-то, такое было. В общем работали, конечно, после войны, сразу в войну. Деньги, конечно, никто и не спрашивал. Даже я сама по себе не знаю, кто там будет, а, в общем, никто не спрашивал, работали день и ночь, чтобы, лишь бы, как говорится достичь победы этой. Работали, конечно. Хлеб выращивали, сено косили, скот зимою кормили, чтобы все для фронта, все, в общем, это было. Потом, конечно, после войны немножко, знаете после войны, все разрушено было, тоже некого было спрашивать за добро и за деньги. Платили сколько, знаете, копейки, можно сказать, платили, в общем за эту работу, труд. Ну, каждый тогда в деревне жили, немножко, как говорится, свое что-то сеяли, садили, в общем, тут жили как, не роскошно, вволю хлеба не ели, но не голодовали. Пусть немножко даже в начале добавляли чуть-чуть зарплату, все равно маленькая была. Знаю, что, кто в накладе был в 45 рублей, тогда считалось это. Правда, когда я вышла на пенсию, было уже 70, то и мне за эти 70 начислили 50, 55, 50 это что-то с копейками пенсия была. И я работала до 1979-го года, а в 1979-ом году я пошла на пенсию, и мне вот это 50 тенге, тогда была, та пенсия. В общем, и так пришлось уже, что сейчас, в общем на эту пенсию начали немножко добавлять, как начали добавлять, так что сейчас, некоторые, кто позже пошел на пенсию, знаете, уже было, уже как говорится, жизнь была легче. Государство было крепче. У нас возможность была, они платили деньгами побольше, они, когда ушли на пенсию, у них уже больше зарплата была, и по 80 и по 100, и у них, они и сейчас хорошую пенсию получают. Вот, я как шла с 50, я и сейчас, получаю 12 тыс., ну, правда там, Назарбаевских там, и я получаю за тружеников тыла. В общем, ходила в госсобес центральный, что я, у меня, как 37 лет стажа. И я всю войну проработала. Всю войну, как говорится. И чтобы мне помогли, мне сказали у вас маленькая пенсия, что у вас маленькая зарплата была. И так мне осталось теперь. Вот добавилась вот когда, 12 тыс. получаю, муж там немножко, вот так и живу. Немного обидно, потому что так работали, знаете, мы выходных не знали, и отпусков не знали, это уже потом стали выходные давать, отпуска, уже проработав, там проработала, уже отпуск дают. А раньше мы этого не знали, знали день и ночь, от темна до темна физической работой работала. Не знали часы, только, как говорится день и ночь работали. Ну, и вот так жизнь складывалась, что сижу теперь на пенсии, пенсия маленькая, конечно, что, роскошно не живу я. Так бедненько.

А изменилось ли отношение к вам до и после войны, если поменялось, то как? Т.е. когда вас до войны депортировали, и после войны вот, сравните, пожалуйста, отношение к вам? И какое оно было.

И от кого, от людей или...?

От людей, администрации.

Ну, не сказать, мы же, например, мы жили в семье спокойно, люди к нам были добрые, и мы к людям были добрые, и не могу ничего сказать плохого.

А что помогло вам выжить вот в эти годы суровые, когда у вас не было еды, крова, было холодно, нечем было топить?

Я живу, потому что нам казахи помогали, люди помогали, приходили, добрые люди. Как они нам благодарны были, вот когда я ездила в Польшу, в 1995-ом году, возили нас как реабилитированных. Польша нас забирала на самолеты, бесплатно привозили нас, и кормили нас, все. Там тоже нас допрашивали, как нас уже. Я всегда говорила, мы благодарим казахов, что мы выжили, они нас принимали, как своих, не то, что оттолкнули, как своих, знаете, жалели, вот такие у нас, не могу. Всегда, всегда, говорю, что спасибо нашим казахстанским людям, что они нас принимали. И мы сейчас живем, вот вы знаете, напротив нас живет казашка, соседка, там русская живет. Мы с ней как одна душа, а с этой все равно не так, она ко мне придет и все мне так от души рассказывает, а я ей. Мы так мирно живем с казахами.

Вот скажите, а когда вы узнали о смерти Сталина? Какова была реакция людей, что думали?

Ой, Боже. Что при Сталине как было, знаете, только когда при Сталине было до этого, он был, как сказать, министром. Сильно были налоги большие. Вот, например, коровы не было у нас, ничего не было, надо было все платить. И мясо, и яичко, и масло дай, и все дай, такие налоги были, это ужас, страшно. Жили, как говорится, и корову мы уже держали. Сами только обрат, можно сказать, ели, а то все масло сдавали, мяса нет, значит, кто-то сдает, покупаем, вот все такие налоги были. Невозможно было все платить. Когда стал Маленков, тогда отменили налоги, такие сильные, даже, вот за все что-то надо было платить.... стало нам уже легче, вот тех налогов не было, уже столько. Такие мелкие налоги платили, как обычно всегда платили, а так. Потом жить, можно сказать, стало очень хорошо, можно сказать, что было уже нормально.

А когда вы узнали о реабилитации?

А?

Когда узнали о реабилитации? Что вас реабилитировали, когда вы об этом узнали?

Как сказать о реабилитации, сказать, что еще говорить выгнали нас из дома, что говорить, так сказали, что там есть пустынное место, на то пустынное место, и чтобы там работали, и строили жизнь, чтобы пустое место, заселялись.

Нет. Это вас депортировали, да? В 1936-ом году. Когда узнали о реабилитации? Что все, ваш статус установился?

Знаете, это после, я даже не могу сказать, когда уже это.

Ну, откуда вы узнали? Из газет, из радио, или к вам пришли, вам сказали?

Знаете, как-то люди между собой, или действительно, что было известно везде.

А вы можете вспомнить, как проходил процесс оформления документов?

Знаете, я даже не могу сказать.

Быстро это проходило или долго, нужно было долго собирать документы, ждать?

Да, документы собирали, как, я, это, уже не могу сказать. Как мы и когда в какое время вообще собирали документы.

А держали в руках такие документы? Т.е. вы собирали сами эти документы?

Мне кажется, что, когда на реабилитацию подавали, то нам платили по 800 тыс. нам в какой-то год давали, потому что давно это уже было известно, что нам, как говорится, говорили вроде бы там Америка, что ли прислала для этих людей, как нам в помощь. Потом начали оформлять эти деньги, все обратились куда надо. Начинали документы, брали в этом, уже не могу сказать.

Где вы получали документы о реабилитации? Где вам их выдавали?

Ой, тут, как называется. Вот тут, в прокуратуре, кажется.

Так, допустим, вас реабилитировали, у вас были мысли уехать с Казахстана? На свою историческую родину?

Потом, после 1956-го года, нас освободили, с этой комендатуры, то могли. Некоторые побежали. Могли уехать, вот. Конечно, мы не ехали, мы бедно жили, не на что было вот. Это мы так и остались тут жить.

А, могли бы вы сказать, изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что было в ее начале? В первые годы? В данное время, вот, что вы, допустим, ждете, или ожидаете от власти, от общественности, от окружающих людей?

Ну, как, как вам сказать, что? Я не поняла этого смысла.

Смысла не можете понять? Ну, вот, допустим, смотрите. Вот вы говорите, вот, отношение раньше, когда вы прибыли в Казахстан, и отношение нынешнее к вам, вы можете их сравнить?

Я не скажу, что плохое.

В чем изменилось, если что-то изменилось? Сравните вот первые годы в Казахстане и нынешние?

А, жизнь какая?

Да.

Ну не сказать, что легкая.

Вот, исходя от мысли, как сейчас люди к Вам относятся?

Относились хорошо, и сейчас относятся хорошо. Вот люди. Я людей уважаю их, и люди меня уважают все, в общем не могу сказать что-нибудь плохого, кроме хорошего.

Вы еще можете что-то добавить? Может быть, что-то еще можете рассказать?

Вы знаете, у меня insult был. После insultа не могу даже некоторые слова выразить после этого.

Что бы Вы могли бы пожелать тогда своим потомкам, нынешнему поколению, у вас есть пожелания? Обращение, может быть, какое-то?

Я пожелаю, чтобы было все мирно, чтобы не было никакого конфликта, чтобы не было войны, чтобы люди жили хорошо и дружно. И как говорится, чтобы между собой было уважение друг к другу, я вот желаю. Чтобы мир был и доброта была между людьми.

Вы тоже самое скажите, но только уже на камеру. Не на меня, это послание, это обращение к людям Вы должны сказать. Что Вы хотите пожелать для поколения?

Ну, что я пожелаю, желаю мирно, чтобы войны не было, чтобы спокойно, покой был, чтобы между людьми, между нациями, чтобы ничего не было, как говорится, как положено доброта была и уважение друг к другу было. Чтоб жизнь была хорошая, сейчас, конечно, жизнь и так неплохая. Нельзя сказать, что жизнь плохая. Сейчас такая жизнь, что хочется, знаете, жить, а уже года кончились, уже некуда жить. Потому что сейчас, как говорится одетые, обутые, без куска хлеба не сидим. Это самое важное, вот. Только чтобы был мир и добро, чтобы между людьми, как говорится уважение друг к другу. Друг друга любили и уважали, почитали людей, вот как раньше. Вот. Всего, добра желаю, самого лучшего.

Все?

И здоровья для нашего президента. Он у нас очень добрый.

Спасибо.

.....
Щавинская Теофилия Францевна, полячка, 81 год. Была депортирована из Украины, Винницкая область. Проживает в Казахстане, город Костанай.

Здравствуйтесь, мы сегодня в гостях у Теофилии Францевны. Теофилия Францевна, скажите, пожалуйста, как затронула вас депортация, Вашу семью. Скажите, где Вы жили до депортации, как Вы жили, какое у вас было хозяйство? Сколько у Вас в семье детей было. Кем были Ваши родители?

Мы жили на Украине, Винницкая область, Березовский район, село Сенигов. В мае месяце, в один прекрасный день приехали до родителей и говорят: собирайтесь, надо куда-то вас повезти, потому что людей тут много, куда-то надо отправить людей. Собирайте все, что у вас есть, собаки, коровы, все, все. Погрузили нас на поезд, и мы ехали полмесяца. Приехали мы в Кокшетаускую область, станцию Таинча. Нас разгрузили, и еще на сто километров нас в сторону отвезли. Отвезли туда, на голую степь, ничего нет, ни деревьев, ничего, голая степь, вода, правда, были две колонки. Ну что нам делать теперь? Мы палатки растянули, потому что жарко, май месяц же. Растянули палатки и давай как-то что-то делать, ну, к осени наделали кирпичей с глины. К осени сделали себе такие домики. Каждый себе домик сделал. Кухонька маленькая и спальня, и все. У отца было, я – самая

старшая, еще было четверо детей, кроме меня и родители его были. Отец болел, он не ходил. Нас привезли туда, и давай потихоньку жить. Зимой сильный ветер, эти землянки позадувало. Я еще выйти могу со своего домика, а сосед не может выйти, откапываем один другого. Нас всех вместе привезли, нас всех поселили и один другого должен спасать же. Вот так мы прижились. Потихоньку, потихоньку давай весной сеяться, пахать же надо, потому что это же лето, весна, перезимовали как-нибудь. Ну что теперь? Потихоньку жили, прижились. Кто старший может идти на такую работу, кто меньше – сидят дома. Я как самая старшая ходила на работу, потому что семья большая, надо помогать. Весной пахут же землю, где трактор, какой маленький есть. Света же нет в тракторе, так мы с этим фонарем трактор еще водим, потому что сеять надо быстрее. Осенью собираем, уборка идет, начинаем пшеницу на току подгрести, подметать, все же надо, потому что люди нужны, мы там были не одни. Все вместе. Ну что еще?

Теофилия Францевна, большая у вас семья в момент, когда депортация была? Когда нас привезли?

Да, сколько вас было человек? Расскажите.

Кто был, отец с матерью, после меня еще три сестры было, родители были еще. Вот сколько нас.

Ваши дедушка и бабушка?

Да, дедушка, бабушка, отец с матерью и нас четверо. Вот такая семья.

Как вы жили в Винницкой области, какое у вас хозяйство было? Папа работал, мама?

Там на Украине?

Да, на Украине.

На Украине, я не помню, чем они занимались. Хозяйство держали, потому что везли все сюда, значит хозяйство было.

Большое хозяйство было? Что у вас было?

Что там было? Мы и корову везли, и свиней, и собак, и котов, но сказали, берите все. На этот поезд как погрузили, сено грузили туда. Скотину надо же кормить чем-то.

Вы знали, что было накануне депортации? Вы знали, что вас будут депортировать?

Мы ничего не знали. В один прекрасный день пришли и сказали: собирайтесь и вас увезут. Сели и поехали. Куда везут, что везут – не знаем.

Сколько вам времени дали на сборы?

Наверное, дней 4-5, больше нет, потому что надо же все делать.

Значит, все разрешили брать. Какие-нибудь документы показывал тот, кто приехал, вам, когда вас депортировали? Вы не помните?

Ну, когда нас привезли в Казахстан, там уже сельсоветы были, люди работали там, чтобы люди не разъезжались. Были такие, которые все бросают и уезжают. Каждый месяц родители ходили расписываться, что мы на месте. Я не ходила, я еще мала была, а родители все расписывались.

Вам, может быть, взрослые рассказывали причины депортации? Вот вы жили в поселке, где все, в основном, поляки?

Да.

Потом вас всех поляков депортировали?

Да.

Вам объясняли причину депортации? Кто-нибудь объяснял, почему вас выселяют?

Никто нам ничего не говорил. Может, родителям говорили. Я, например, не в курсе дела была. Сказали, что надо ехать, уезжать, собирать свои вещи, сели и поехали. Отец

тоже на фронт не ходил, потому что болел. Была целая база лошадей, он там конюхом был. Имели свое хозяйство, коровку приобрели. Раз семья, значит, надо что-то делать. Тоже самое, и корову держали, и свиней держали, потому что кушать же надо, семья-то большая. Так потихоньку, потихоньку вжились.

Теофилия Францевна, давайте вспомним, как вы ехали. Вы все хозяйство собрали, вам дали отдельный вагон? Или вы все вместе? Сколько человек было в вагоне? Вы помните, как ехали?

Как тебе сказать? Люди все вместе ехали, потому что людей-то много. Скотина в одних вагонах, коровы в другом, свиньи тоже, а там сено еще. Люди в одном вагоне, кто как может, как пристроиться. Кто-то лучше жил, кто-то хуже жил. Ну, так и нас привезли.

Сколько было людей?

Много, много людей было. Не помню, конечно. Это если я взрослая была бы, то бы что-нибудь побольше рассказала.

Кто-нибудь по дороге бежал из вагона, чтобы не депортироваться?

Нет, никто не бежал.

Все ехали, да?

Все ехали, знали, что везут куда. Раз все хозяйство погрузили, везут же на место куда-то.

Сколько времени вы ехали?

Я говорю, полмесяца.

А кто-нибудь по дороге умер? Или заболел?

Нет. У нас моя сестра умерла тут уже на месте, в поселке, когда мы уже зимовали тут. Она там умерла.

Сколько ей лет было?

Годика три. Маленькая была. Я самая старшая, они поменьше были. Сильная жара была. Дети не привыкли на такое скопление народа, потому что палатки были. Мы в палатках жили сразу же.

Вы знали, или вы узнали от родителей, что вас везут в Казахстан?

Наверное, знали, что везут в Казахстан.

Вот, когда вы приехали в Казахстан погодно-климатические условия, климат отличался от того климата, который был на Украине?

Конечно, отличается, потому что там леса, там погода другая, где-то речки, а тут же ничего нет, только степь одна была. Хорошо, что в колонке вода была. Только степь одна была, нигде ни леса, ничего, никогда не видела, чтобы грибы росли. Даже не знали что такое грибы. В Костанайскую область мы приехали, мы узнали, что такое грибы. А мы не знали, потому что степь. В степи же ничего не растет.

Вам возместили, когда вы приехали? Возместили ли вам дома, скот, который у вас был?

Я не в курсе дела.

Вы когда приехали, местные жители в этом поселке, какие они, какой они национальности были местные жители?

Нас привезли всех поляков, там других не было. Только один поселок стоит, одни поляки. Даже когда мы в школу не ходили, мы еще по-польски говорили, мы – поляки. По-польски говорили, родители нас учили. Когда мы в школу пошли, то уже по-русски начали.

В школу куда вы ходили?

Там было большое здание, сделали его школой. Я ходила, закончила только четыре класса. Ходила я знаете в чем? В ватных штанах и в шапке, какая-то куртка, потому что одежды не было другой. Откуда было взять. Я четыре класса только прошла. Умеешь читать, писать, ну и ладно.

Теофилия Францевна, а с казахами вы общались?

Потом, когда мы уже переехали в другой поселок, видели там, только одна семья была. Одна семья была казахов. Потом мой муж учился на агронома. Его послали в Петропавловск, учиться на агронома, на председателя колхоза. И на агронома, и на председателя учился. Потом когда он закончил учиться нас забрал и повез в поселок, там где больше людей. Куда и назначили. Там и видели одна соседка была рядышком с нами, Рабига ее звать. Мы с ней часто так встречались, и гуляли. Она лошадь зарезала и пригласила на бешбармак, а мы никогда лошади не ели.

Теофилия Францевна, в каком году вы переехали в другой поселок? В какой поселок вы переехали?

Мы переехали Забыла, не помню.

Южное вы приехали, а потом? Потом вы куда-то еще преезжали, в каком году?

Мы не переезжали, мы там же жили. Мы никуда не переезжали, пока замуж не вышла. Вышла замуж, а мужа же послали учиться. Мы тогда уже переехали в другой поселок.

Вы местных жителей вообще не видели что ли? Казахав, пока там жили вот в этом Южном?

Нет, нет. Там все были поляки. Несколько поселков было, все там были поляки. Как нас привезли поездом, несколько поселков сделали Южное, Краснодольское рядышком было. Там были одни поляки. Других не было.

Вы практически казахав не видели, не общались с ними? Или как-то с ними встречались?

Встречались, я же тебе говорю, рядом казашка жила. Мы приглашали ее и к себе, и туда ходили. Дружили с казахами, хорошо жили.

На каком языке вы с ними общались?

На русском. Может быть, они не понимают на украинском языке, но большинство на русском.

Вы не помните, когда вас привезли, какой статус был у вас? Вам сказали? Какой-то режим был отбывания? Как ваши родители, куда-то ходили?

Это был сельский совет, председатель колхоза есть, директор школы, все есть. Им надо было сразу ходить, чтобы люди не разъехались, боялись. Раз столько привезли людей, а потом где будешь искать их. Куда-то уезжали, но в нашем поселке никто не уезжал. Как нас привезли, так и спокойно мы жили.

Т.е. у вас не было право передвижения, пока вам не разрешалось?

Да, да.

Какое было отношение к депортированным у местной администрации? Вообще, кто был администрацией? Председатель сельского совета, колхоза, свои же поляки были?

Все, все свои поляки. Никого никто не привозил. Да, да все на месте. Директор школы и ученики, учителя все были. К нам никто никого не привозил.

Можно было вам переписываться со своими родными, родственниками? Вы переписывались? Знали где они? У вас было такое?

Нет, не знали. Мы не переписывались ни с кем, потому и не знали.

Были ли в поселке какие-нибудь стукачи, осведомители, которые на других писали?

Нет, таких не было. В общем, такие все мирные.

Как вы питались, когда вас привезли? Как зарабатывали деньги ваши родители? Как вы жили богато или бедно?

Не сказать, что богато и совсем бедно нет, потому что имели свое хозяйство, и свиней держали, и питались хорошо, и хлеб же привозили. Где-то пекли хлеб, привозили в магазин. Все было хорошо.

Родители Ваши деньги зарабатывали до войны?

Мать нигде не работала, потому что дети маленькие были. Отец только работал. Как тебе сказать, например, если должны деньги, то дадут муку или картошку дадут, или какое-то питание.

Вообще, что помогло вам выжить в условиях депортации?

Все кто мог работать, тот и работал. За это и выживали. Я же говорю, и трактор водили, быков водили, потому что быки пахали. Все делали, все что надо. Сено косить нечем, серпом жали. Даже несколько раз сидим со старухами и вспоминаем это, пшеницу косили, как все делали. Это все было в жизни, а теперь все по-другому. Тяжелое время было.

Как вы узнали, что война началась? Как она началась? Кто-то из ваших воевал?

Никто не воевал из наших, соседи ходили на войну, а из моих никто. Отец больной был, не взяли его.

Как вы войну пережили? Как вы узнали о войне?

Ну, люди говорят. Радио в поселке, в поселке такая тарелка висела и говорят: так то так, война там идет, погибло столько то столько. Все передавали по радио. Люди все видели, все знали. Света не было, какие-то лампочки зажигали. Трактором как-то гоняли свет. До 12 часов свет горит, а после 12 уже нет, целый день света нет. Потом начали от поселка до поселка ставить столбы, потихоньку свет проводить. Так и жили.

Вы войну не помните? Как вы в войну жили? Трудно было?

Конечно, трудно было. Там надо было в школу ходить и надо было хлеб зарабатывать. Я четыре класса закончила кое-как.

В каком году вы закончили школу?

Думаешь, я помню?

Вы до войны закончили школу? Когда вы пошли работать? Сколько вам лет было, когда вы пошли работать?

Даже не помню. Лишь бы ноги ходили, идешь что-нибудь делать.

Примерно, до войны было?

Наверное, после войны.

В поселке много было, кто ушел на войну?

Ходили. Думаешь, я помню? Разве тогда надо было считать, кто ушел, а кто пришел?

Соседи ваши были на войне?

Нет, не помню.

Много у вас родственников было тогда, когда вы жили на Украине?

Моих родственников там не было. Мои родственники были там, где мы жили. Их не брали, только мою семью.

Вообще, к вам поменялось отношение после войны, к полякам?

Я даже не знаю, не соображу даже.

Как к вам относились как к полякам?

Как ко всем людям, например, в Казахстане.

Когда вас депортировали, как менялось отношение?

Никто нас не обижал, никто не ругал. Жили хорошо.

Родители ваши во время, когда вас депортировали, они как-то высказывали свое недовольство тем, что их депортировали?

Нет. Кому будешь что говорить? Соседу будешь говорить? И другому соседу ничего не будешь говорить.

Как восприняли в вашей семье в 1953 году Сталин умер? Как вы помните смерть Сталина?

Я даже не могу сказать. Не могу я сказать.

Как вы узнали о смерти Сталина?

Громкоговоритель в поселке же есть. Он же сообщает, что так и так.

Какова была реакция, что вы думали в тот момент?

Что тогда думаешь? Ничего не думаешь. Кто-то будет другой руководить. Это же люди такие. Я этого не хочу, а хочу другого. Мы ничего не думаем.

Были ли слухи о реабилитации после смерти Сталина? Какие строили планы, что у вас все может вернуться?

Нет, не было такого.

Когда вы узнали о реабилитации? Что вас депортировали насильственно? Вы что-нибудь узнали об этом?

Как сказать, мне было неинтересно, потому что моим подружкам всем было одинаково. Одна жизнь была.

Не помните, процесс оформления документов о реабилитации? Вам вообще документ о реабилитации дали? Вы были насильственно депортированы, вам эти документы дали?

Давали то, что у меня лежит.

Родителям вашим какие-то документы давали?

Я не в курсе дела, они давно уже умерли.

Давно у вас родители умерли?

Давно, давно. Даже не помню, не знаю.

Это было после войны?

Ну, да.

Вам сколько лет было? Вы замужем были уже?

Да.

Они с вашей семьей жили?

Нет. Я замужем была, отдельно жила, а они отдельно жили, потому что дети еще были. Один мальчик уже в первый класс ходил и говорит: папа, ты, наверное, меня собачьим мясом кормишь, потому что никому мяса не дают, только мне дают. Он в первый, во второй класс ходил, потом тоже умер. Лечения никакого не было.

Это уже в Казахстане он умер?

Да, да.

Скажите, пожалуйста, вы вообще видели какие-нибудь документы о реабилитации и не держали в руках даже?

Ничего не видела. Вот это то, что мне дали, что проезд бесплатный.

Теофилия Францевна, вот, у Вас есть удостоверение за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1948 года. Расскажите, пожалуйста, Вы награждены этой медалью, т.е., Вы, наверное, в годы войны работали? Кем вы работали?

Что попало, мы работали. Идем весной делать тяжелые работы уже. Если сено косить, мы идем сено косить или там подгрести. Зимой зерно помогаем кидать это зерно, откидать солому. Эта вся работа зимняя уже. Каждую весну делаем одну, зимой делаем другую. Каждый раз надо что-то делать. Это медаль за тяжелый труд.

Расскажите про свою жизнь, как Вы оказались в Кустанайской области? Как в город Кустанай переехали?

Уже забыла. Мой муж учился, его направили в Кокчетавскую область, там мы жили, а потом сын мой тут жил в Кустанае. Он нас забрал сюда, мы сюда приехали. Мы приехали

в Кустанай в 1989 году. Купили этот домик, тут и живем. Сын живет в благоустроенной квартире. Мы тут с дочкой и зятем, внук. Мы тут четверо.

Вы работали? Кем вы работали? Сейчас на пенсии?

Я была как завскладом, у меня было отделение небольшое. Уголь был, зерно я принимала, сено принимала, столовая была у нас, подвозила товары, корм для столовой. Как завсклад я была.

Вообще, вы с родственниками общались? Где ваши родственники живут? Вы нашли друг друга?

Нет. У меня одна сестра в Темиртау живет, одна сестра живет в Николаевской области на Украине. Там у меня и сын на Украине живет рядышком. В Петропавловске у меня брат живет еще. Двенадцатый брат, я первая, он двенадцатый. Представляешь, 12 детей было в то время.

Когда переезжали с Украины вас сколько было, четверо, да?

Четверо детей, а тут народились, два раза близнецы были, через некоторое время обратно два мальчика.

Сколько в живых осталось-то?

Пять детей.

Сейчас вы, сестра у вас, брат?

Два брата у меня.

И вы с сестрой?

Да.

После того, как вам разрешили ездить, переезжать, после смерти Сталина реабилитация пошла, был двадцатый съезд, ваши родители думали о том, чтобы вернуться назад?

Нет, нет, никто ничего не думал. Нас сюда привезли, мы тут прижились, живем, все работаем, трудимся. Куда уже ехать? На Украину что ли? Нет.

Муж Ваш поляк тоже?

Да, поляк.

Тоже из депортированных?

Да. Нас привезли в одном вагоне, в одном поселке мы жили, потом познакомились и поженились.

Его тоже из Вашего поселка?

Из нашего поселка. Мы вместе приехали, вместе жили, вместе дружили, потом поженились.

Он тоже помнит депортацию?

Да, да.

Если говорить по поводу депортации, вы говорите, вас вывезли. Вы даже не возмущались, сказали вам жить и вы жили. Сейчас если говорить о проблеме депортации есть разница между взглядами на проблему депортации сейчас?

Не знаю, не скажу тебе.

Что Вы ожидаете для себя от власти, от окружающих людей?

Сейчас что мне ожидать? У меня в январе месяце сердце схватило, я в больнице полежала дней 15, сейчас ничего, стала ходить. Лишь бы здоровье было. Если здоровья нет, то уже все, ничего не надо.

Вы польский язык знаете?

Конечно, да.

Обычаи польские?

Ну, так знаем, потому что жили поляки все вместе. Мы знаем язык. Ездили в Польшу, только с самолета слезли, я и говорю: давно не говорила по-польски, потому что в школу пошли не говорили. Нас встречали тоже корреспонденты спрашивают по-польски: как вы думаете, вас тут хорошо будут встречать? Я сказала, что хорошо, но по-польски.

Как Вы сказали?

Думаю, что будет очень хорошо.

Т.е. Вы по-польски говорите? В семье всегда говорили по-польски?

Пока до школы шли по-польски говорили, а потом уже все.

Кто у Вас были учителя в школе? Русские или поляки?

Поляки те же самые.

Они на русском языке проводили обучение?

На русском обучали.

Учебники какие были?

Чернила не были. Не знали, как писать, бумаги не было. Что-то разводили. На газете писали. Клочок бумажки, надо все зафиксировать как-то.

Что бы Вы пожелали сейчас потомкам? Будущему поколению, что бы Вы пожелали?

Чтобы работали, чтобы деньги были, чтобы здоровье было, чтобы было все отлично у них.

Что бы Вы хотели передать, чтобы они увидели что-то из очень сложной жизни, Вы нелегкую жизнь прожили? Что бы Вы хотели им сказать о своей жизни несколькими словами?

Самое главное, чтобы у них была дисциплина, чтобы не болтались, чтобы работали, чтобы всякий думал за работу. Если не работаешь, то откуда тебе будет учеба или что-нибудь другое.

Расскажите, пожалуйста, Ваша сестра уехала, сестра уехала на Украину? Она в каком году уехала туда?

Давно она уехала туда. Они тут в Казахстане повстречались, он сам был с Украины. Он ее забрал, там и живут.

Общаетесь?

Да.

Вы были в Польше сколько раз?

Я раз была в Польше, мы поехали в декабре перед Новым годом. 22 ноября мы поехали, до нового года мы там были. Меня поселили в Поляково, там даже по телевизору объявление было: кто хочет взять поляков с Казахстана, приезжайте и берите. Я была у женщины, у нее сын и дочка, трехэтажный дом. Сама за рулем ездит. Муж в России когда-то был строителем, заболел, потом не работал. Она меня везде возила, везде показывала, вот эта самая хозяйка. Дочь взрослая – 20 лет, сын неженатый. У каждого свой дом, и у дочки, и у сына. Они живут вдвоем в этом трехэтажном доме, приезжают какие-то студенты.

Как Вам Польша показалась?

Ну, знаешь как. Там деревья не такие, как в Казахстане. Там все стволы черные. Там все время туманно, там солнца нет. Там все время туман. Идешь, дорожки такие узенькие. Еле-еле проехать, еле-еле пройти. Места мало. Тут приедешь, эти деревья такие зеленые, красивые.

Почему Вы не уехали? Остались в Казахстане навсегда?

Куда я поеду. Я тут прижилась. Ну, куда бы я поехала. Я приехала с Польши, нам по 100 долларов дали. Когда мы сели в самолет, нам дали по 100 долларов. Для меня это такие большие деньги были. Я только приехала, дочка и зять взяли эти 100 долларов и поехали на Украину до брата. В санатории два раза была, Сосновый Бор.

Как Вы общаетесь в польской общине? Как праздники там делаете? Как часто встречаетесь?

Тут в церковь ходят, а там называется костел, там поляки все сходятся. Моя хозяйка по-польски хорошо говорит. Она меня заводит и знакомит, вот, приехала с Казахстана.

Как Вы общаетесь с поляками в Кустанае?

Как сказать, так сильно с поляками не общаемся. Со всеми общаемся. Это – Римма Степановна меня в Польшу отправляла. Я была там даже на какой-то праздник, подарки разные давали там, ковры разные. Все время какой-нибудь праздник я ее поздравляю по-польски, а теперь ее номер телефона поменялся, и я не могу ее поздравить.

Вы религиозный человек? Вы ходите в костел здесь в Кустанае?

В польский костел я не хожу, он где-то там возле автовокзала и он мало, когда работает. В русский костел ходим. По нашей улице две бабки такие, я третья. На Пасху ходим туда, общаемся хоть и по-русски. Бог то один, только вера другая.

Католическая вера?

Да, католическая.

Какие праздники польские отмечаете?

Рождество перед Новым годом. 22-го числа – это Рождество. Новый год встречаем. После Нового года какой-то праздник тоже. Вот такие праздники.

Ваши родители какие-то праздники отмечали? Приучали вас к чему-то?

Они не отмечали, потому что не было с чего. Денег нет, хотя бы были деньги на проживание. Таких праздников мы не отмечали никаких. Я уже старая стала, живу возле них. Пенсию получаю, даже какие-то праздники можно отмечать.

Вы помните, как вы одеты были, когда вас переселяли, когда вы только переехали в чем вы были одеты? Как вы жили первое время?

Думаешь, я помню, как мы жили первое время. Как сказать, были в чем-то же, не голые. Я же говорю, я ходила в школу в ватных штанах, потому что ходить надо в школу. Одежды такой нет. Как ни жили, но прожили.

Как протекала ваша жизнь в Казахстане? Как повороты судьбы были? Как вы замуж вышли? Где вы жили еще в Казахстане? Как, вообще, у вас жизнь в Казахстане сложилась?

Неплохо. Мы не бедствовали, мы работали. Я работала, а свекровь с детьми была. У меня трое детей было. Свекровь с ними сидела, а я работала. Так что проблем не было.

Ваши дети все получили образование?

Да, получили.

Высшее получили?

Нет, среднее.

Кем у Вас дети работают? Дочка у Вас на пенсии? Кем она работала?

Она работала на железной дороге. Зять тоже рядышком работает, дрова пилит, стругает, с деревом все.

Сыновья какое образование получили? Кем они сейчас работают?

Сын тут один у меня. Он работает, знаете, водителем. Он возит, не знаю, как сказать, в «Иволге», возит директора «Иволги», Родинова.

На Украине Ваш сын?

Тут приехала девчонка одна. Он познакомился с ней. Она с Украины приехала до тетки. Собрался и поехал туда. Там они пожили немного, потом она заболела и умерла, а дочка осталась. Он 1954 года. Так и живет там. Мы все время ездили туда, а теперь перестали ездить туда.

Давно не ездили?

Раньше я ездила, и сама ездила. Сяду, да и поеду поездом. Там встретят меня. Теперь не езжу, потому что я уже старая.

У Вас документов по депортации никаких не осталось?

Нет, вот эти все документы.

У сестры, у братьев?

Не знаю я.

У мужа Вашего нет никаких документов по его депортации?

Ничего нет.

Ему сколько лет было, когда его депортировали?

Он молодым умер, 53 года ему было. Сделали операцию на аппендицит, он у меня на руках скончался.

Детей Вы сами поднимали?

Сама, сама.

С поляками еще общаетесь здесь у нас в Кустанае?

Может, есть, но я не знаю. Римму Степановну знаю.

На какие-нибудь праздники польские она приглашает? Вы ходите?

Она приглашала несколько раз, мы ходили, подарки дарили.

Какие польские блюда знаете?

Обыкновенные, все, какие блюда есть.

Какие? Есть какие-то польские? Вот, у нас у казахов это – бешбармак. У вас какое блюдо польское есть?

Не могу сказать, потому что обыкновенные все блюда, где котлеты, где голубцы. Хватит уже.

Если Вы посмотрите сейчас на свою жизнь, которую прожили, что самое трудное было в Вашей жизни?

То, что я осталась одна без мужа. Самое плохое. Сюда переезжали, а его уже нет. Куда мне деваться? Дочка тоже там разошлась со своим, у нее не было мужа. Она без мужа, и я без мужа. Тут она и познакомилась со своим.

Зять Ваш поляк?

Нет, хохол.

А дети ваши женаты на ком?

На разных.

Местные поляки в поселке, где жили вас, депортировали, у вас еще с кем-нибудь еще были браки, с казахами были?

Нет, не было, потому что нас привезли. У нас одни поляки. Где-то откуда-то один казах появился, мы даже не видели его. Он далеко жил от нас. Я его даже не видела.

Когда Вы увидели казаха первый раз?

В том поселке. Пошли в магазин. Так симпатичный мужчина.

Как живут казахи Вы не видели?

Нет.

В гостях у них не были?

Нет, знаем, что лошадей режут, скотину тоже держат.

Спасибо Вам.

Бунакова (Сосинская) Мария Францевна, полячка, 56 лет. Были депортированы родители с Западной Украины, Житомирская область в 1937 году. Проживает в Казахстане, город Костанай.

Здравствуйте, мы сегодня в гостях у Марии Францевны Бунаковой. Скажите, пожалуйста, как затронула депортация Вас и Вашу семью. Непосредственно Ваших родителей?

Мои родители вместе со своими родителями в 1937 году были депортированы с Польши в Казахстан. В 1937 году моему отцу было 14 лет, маме 12 лет. То есть они были депортированы вместе со своими родителями. Прибыли они в Казахстан в Акмолинскую область, жили там. Это, конечно, было очень тяжелое, страшное время, не было жилья, была голая степь, они, когда прибыли, нужно было сразу начинать строить какие-то землянки, потому что надвигалась зима, а зимы суровые, снежные. И чтобы каким-то образом выжить, нужно было строить жилье себе. Жилье строилось с глины, самана. И вот мои родители рассказывали, что уже были заморозки, холод. Но, тем не менее, они месили эту глину. Делали саман и строили себе землянки, чтобы каким-то образом перезимовать. В последующем они же были как депортированные здесь, значит, они были люди не свободные, под наблюдением. И детство прошло, в таких тяжелых условиях, был и голод и холод. В 1937 году они были депортированы, а в 1941 году началась война, к тому возрасту мой отец, стал уже юношей 18-летним, но в связи с тем, что он был депортированным, то непосредственно не был призван в армию. А был призван в трудармию. И все эти годы войны с 1941-1945 гг., в 1946 году он был освобожден. Он находился в трудармии в Караганде. Работал в Карлаге, добывал в шахте уголь. Поэтому все эти военные годы прошли у него под землей. В Караганде, по добыче угля. Здоровье было подорвано в дальнейшем, он вышел, когда закончилась война и наступила Победа долгожданная, и были освобождены. В послевоенные годы восстанавливали жизнь. А мама моя была папу на 2 года моложе, как она, началась война ей было 16 лет, они тоже девушки, так как все мужчины были призваны в трудармию, в связи с тем, что в поселках не оставалось мужчин, то вся работа легла на плечи женщин и подростков. В 16-летнем возрасте они прошли курсы механизаторов. И вот в военные годы она непосредственно работала на поле, работала помощником комбайнера. Они выращивали хлеб, все для фронта, для Победы. Все силы были приложены женщины и дети. Чтобы каким-то образом выжить, победить в этой страшной войне.

Скажите, воевал кто-либо из Ваших родственников на фронте, и что с ним случилось после окончания войны?

Вот в основном наши родственники, мои дяди, они были во время военных действий призваны в трудармию. В военных действиях они не принимали участие. Они работали в трудармии, потому что они были депортированы и их в трудармию не призывали. Папа рассказывал, что когда вначале они были призваны в трудармию в КАРЛАГе, а потом уже ближе к победе были, там уже военнопленные немцы работали. Вместе с немцами работали, по добыче угля.

Уточните, пожалуйста, с какого места проживания в Польше, с какого города были депортированы родители и куда их поселили?

Они были депортированы не из Польши, а с Западной Украины. Западная Украина это Житомирская область. Из Житомирской области, там были села, называлось село Марьяновка, Яблонька. Я знаю, что мама из Марьяновки была депортирована, а папа из Яблоньки. Оба села в Житомирской области, там расстояние между ними было небольшое, 3-5 км, но когда их уже депортировали, они жили в одной 28 точке. 28 точка, это тогда поселки даже названия не имели, они были так 29 точка, 30 точка. Как людей депортировали, так и называли. Потом уже называли совхоз имени Карла Маркса или еще кого-то, Целинников. Так даже и говорили, где живешь? На 28 точке, на 29 точке.

Скажите, пожалуйста, были ли слухи или догадки о депортации? Что Вам рассказывали?

Как Вам сказать, когда моих родителей депортировали, они же детьми были. Это было так внезапно, буквально где-то в течение суток. Их собрали, это было неожиданно. Они надеялись остаться там, где они живут, у них были свои дома, свои хозяйства. А когда депортировали, что они могли с собой взять? Детей и что можно было в руки взять, это было очень быстро. Мгновенно. Сказали, что выезжайте. Там же, как было, если не подчиняетесь, расстрел. Долго же с ними не возились. Люди же подневольно находились, если был такой приказ, все быстро собирались. В этом строгом порядке выселяли их, грузили на товарных поездах. В этом вагоне, там же никаких условий. Многие от голода, холода, там же и дети были. У кого-то грудничок, в этих условиях, где воду можно было, на остановке в котелочек воды набрать, и что люди могли с собой захватить, то и брали. А что в руках можно унести, там же мало. Основное все оставалось дома. Они же с Западной Украины, там люди живут огородами. Сажали овощи, они говорят, что в те тяжелые годы, когда был холод, голод. Все равно они в лесу очень много грибов собирали, ягод. Благодаря этому они выживали и жили, потому что где они жили, там хоть можно было, они говорят, когда они приехали в Казахстан, мы говорим, напугались, что леса не было, они думали, как же мы теперь без ягод, без грибов, потому что это же у них как основной источник питания, ягоды, грибы летом же пойдут в лес, чего-то наберут. Что-то приготовить поесть, и, конечно, у каждого было хозяйство, корову они там держали, огород какой-то был, а когда депортировали, все же осталось.

А уезжали кто-либо заранее из мест? Заранее из опасения быть депортированным?

Нет, я не помню, чтобы такое говорили. Что кто-то заранее выехал.

Что Ваши родители слышали о других депортированных? Они знали, что такое происходит?

Я не могу сказать за них, что они знали. Но, конечно, вот если они ехали, то только депортированные ехали. А что, там где-то с Кавказа депортируют, с Владивостока корейцев. Они об этом и не знали, они же были изолированы. Если они жили на 28 точке, им же на 29, 30 точку было запрещено ходить. За ними же комендант следил. У них был отбой. Они должны были находиться в своих квартирах, не имели с одной точки на другую идти. Там же строгий контроль был. Всегда они были под проверкой. Если кто куда, так сразу наказывалось. Они же люди не свободные, если захотел с одной точки на другую, или в город, только с разрешения коменданта. Если там какая-то нужда. Объективная причина, что ему там надо. И то если разрешат, ему сказали через 2 часа, он должен через 2 часа быть, явиться. Навряд ли они там знали о других депортациях.

Скажите, что разрешалось брать с собой? Были ли какие-то ограничения?

Только свои личные вещи, а что там еще можно было взять, только личные вещи.

Оказывал ли кто-то сопротивление при выселении?

Я думаю, если кто-то и оказывал, то они тут же были наказаны. Люди уже знали или они здесь погибли, или они надеялись, что депортация продлится недолго, что может через год-два им удастся вернуться. Поймут или разберутся. В принципе они не понимали, в чем они виноваты. Почему именно их семьи выселяют, было так неожиданно. И когда была эта депортация, там же одна родня и одну семью выселяют, одну не выселяют. И кто знал, что придут и именно в их семье скажут, вы должны собраться. Конечно, подчинялись, сопротивление было бесполезно, тебя все равно накажут, исчезнешь где-нибудь. Если кто оказывал сопротивление, их забирали, и семьи их не знали, где их искать. Вот, например, в моей родне, говорят, что у моего дедушки, у его родной сестры, пришли и среди ночи ее мужа забрали. И даже не объяснили, куда и зачем его забирают. И больше он не возвратился. По сегодняшний день без вести пропал. Может его расстреляли, признали как врага народа. И знаю, что моего дедушки семья, она войну сама пережила, детей

сама поднимала. Как раз кого-то депортировали, а у кого-то мужа забирали. Все думали, что разберутся, пройдут годы. Но годы проходили, люди не возвращались. Потом уже когда прошли годы, они уже узнали, что они были расстреляны, а причины нет. Безвинно наказаны.

А было ли насилие со стороны властей во время переселения. Когда их выселяли?

Ну, конечно, же, их насильно выселяли, не добровольно же. Это же в принудительном порядке. Организовали это же власть. Конечно, под насилием властей эти семьи в течение суток собрали, посадили в товарняк и отправили в Казахстан.

А предъявляли какие-то документы, зачитывали бумаги, при выселении?

Вот именно ничего не зачитывалось, и люди когда они ехали, они были в неведении, они не понимали, почему с ними так поступили.

То есть причину депортации им не объясняли?

Да. Это все было в неведении, они не знали в связи с чем. Выдернули их семьи, почему именно их семьи, они никак не могли понять. Они ждали, что пройдет какое-то время, им объяснят, разберутся. Жили как обыкновенные люди, жили, воспитывали детей. И вот такое несчастье на их семьи обрушилось. И зачитали, что такие-то, такие семьи должны в течение определенного времени покинуть место, так как они подлежат депортации, высылке в Казахстан, конечно, они были напуганы, потому что в Казахстане никого не было, не знали что это такое. Они думали, они надеялись, верили, что разберутся и их вернут, оправдают, потому что они не чужаки за собой вину, причину, по которой они выселяются.

А в каком состоянии оставлялось поселение, из которого осуществлялась депортация?

Там где они жили, когда дедушку депортировали, у них был нормальный дом, потом когда они выехали, в этом доме сделали начальную школу. Там дети учились. Потом какое-то административное здание там было. Когда уже произошла реабилитация, папа уже пошел на пенсию, я уже вышла замуж, приехала сюда в Кустанай, стала работать. И родители говорят, что к ним пришло письмо с Украины, где они были, что их семьям, если они желают, имеют полное право, на дома, которые у них тогда отобрали, и могут приехать и им все вернуть. Ну, уже конечно, годы-то прошли, папа пенсионер был, больной человек, куда он поедет, куда он не поехал, но вот эта бумага к нам приходила, что этот дом, который у его отца был отобран, возвращается, если они как наследники, дети, могут приехать и власть возвращает им то, что тогда у них было.

Скажите, что стало со скотом, имуществом?

Оно все осталось там, и перешло в распоряжение местных властей. Дед рассказывал, у них там была лошадь для пахоты, корова была кормилицей, когда они уходили, это все осталось в распоряжении тех властей, которые в этом селе были.

Скажите, Ваших родителей переселяли с их семьями или по отдельности?

Вот моих родителей, их семьей. Вместе, полностью семьей переехали. Вместе с детьми переезжали.

То есть Ваши родители не знали, куда их везут?

Ну, они предполагали, когда их привезли, то сказали, что в Казахстан. До этого не знали. Им не объявляли, по какой причине, куда везут. Они были в полном недоумении, сколько они жили первые 1-3, конечно, очень скучали, никак не могли адаптироваться к этим условиям жизни, мы все время надеялись, что разберутся власти, дадут возможность вернуться обратно. Но годы проходили, никто не разбирался, их выселили в 1937 году, а реабилитация в 1956 году, это уже я у них родилась 3 ребенком. В 1954 году я родилась, а реабилитация в 1956 произошла. Моим родителям выдали справку, что они реабилитированы. Что они были невинно высланы сюда. И я как их ребенок, родившаяся

от депортированных родителей, выдали справку, что как жертва политических репрессий. Пока они здесь находились в Казахстане, пока не произошла реабилитация, они находились непосредственно под контролем строгим. Они никуда не могли выехать, они находились в 28 точке, это 40 км от Акмолинска, и отец говорит, если, не дай Бог, не выдержит, нервы, самовольно куда-нибудь уйдет, сразу же было наказание.

Скажите, пожалуйста, знаете, как везли, как формировали эшелон, сколько ехало в одном вагоне?

Ехали в товарняке. Товарняк был загружен как можно плотнее, что там и с малыми детьми и старики, и постарше и дети, там же, сколько вмещалось в товарный вагон, столько, там же не было никаких ни лавок, ни условий.

Чем кормили, давали ли теплую одежду?

Никто ничего не давал, никакой теплой одежды не давал. То что они захватили с собой, из одежды и вещей, то и было. Только где-то на остановке, может воды взять. И многие даже не смогли доехать, дети стали болеть, приехали и здесь же высокая смертность была, так как условий никаких не было. А приехали все в основном с малыми детьми.

Были ли побегии по пути?

Я Вам не могу сказать сколько, ну, конечно, у кого нервы не выдерживали, те пытались, конечно, они тут же были задержаны. Тут же были наказаны, наказание это расстрел.

Скажите, какие были остановки по пути?

Мои родители детьми были, особо в этих станциях не разбирались. Тем более первый раз, я не могу вам такое сказать, когда их выселили, когда они приехали на станцию Акмолинск, их уже стали высаживать, и тут их сразу развозили по вот этим точкам. Мои родители жили на 28 точке, это 40 км от Акмолинска было. А например следующую партию везли на 29 точку, это на 5 км дальше, на 30 точку еще дальше может они уже 55 км. Где-то на таком расстоянии расселяли друг от друга.

А сколько дней находились в пути?

Ехали они долго, им показалось это долго, потому что в таких условиях, где-то больше недели ехали они.

Скажите, в какое время прибыли, в какой месяц?

Они прибыли осенью, потому что говорили, уже лето к концу двигалось, а когда их выселили, жилья-то не было. Они очень быстро торопились, чтобы построить себе эти землянки. Рассказывает, что они строили, а уже заморозки были, холодно уже было. Надо же было эту глину добыть, материал этот сделать, рыли типа как фундамент, под эти землянки. Каким-то образом там устроили, они предполагали, укрыться-то негде было, степь голая. Единственное, что вырыть эту землянку. Ее как-то утеплить, чтобы как-то выжить. Такие снежные зимы были, что землянок не видно было, снегу много навалит, даже не видно где землянки, да так снегом было завалено.

Климатические условия отличались от Западной Украины?

Очень отличались. Здесь зимы были намного суровее, чем там. И холод, ветер, где они жили там лес, не такая ветреная поверхность, там климат мягче, а тут другой. Они приехали, ощутили разницу большую. Нам казалось такой холод, что думали, не выживем. Во-первых, одежда была не по сезону у них, а во-вторых, вот этот ветер пронзительный, мы не привыкли к такому, у них никогда не было такого ветра. И сильно холодно было, ветрено. Очень мерзли, многие простывали, болели, умирали. Большая смертность среди детей была.

А пока они строили землянки, где размещались люди?

Под открытым небом. Какие-то шалаши там себе делали, с камыша, с веток. Потому что нигде не было ничего. Говорят, построили землянки. Зимую пожили в них, а уже в последующие годы власти решили, что нужно строить здание, где непосредственно

будет власть сидеть, выяснили, кто среди приезжих имеет отношение к лесничеству, чтобы можно было разбить сад, парк, посадить деревья. Они говорили, что сажали деревья, начали в последующие годы уже фундаментальные здания строить. Когда приехали, зима «наступала на пятки», тут уже не думали о таком, и не было строительного материала, это же своими руками делали из этой глины строительный материал. Строили, как могли. А первое время под открытым небом, шалаши из веток, камыша делали.

Скажите, восстановили оставленное скот, жилье?

Никто ничего не восстанавливал. Когда уже столько прошло лет, моему отцу было 60 лет, когда пришло с Украины это письмо, что он имеет право возвратиться на Украину, что ему будет восстановлено, конечно, он туда не поехал, если бы он туда поехал, конечно, мы бы возродили бы этот дом, который был построен его прадедом. Там жил его дед, отец, он там родился. Но он уже в таком возрасте преклонном и при отсутствии здоровья, никуда не поехал, если бы это пришло официальное письмо на его имя, если бы он поехал, то ему бы возвратили, компенсацию, подъемные бы дали. Никто не поехал, то конечно никто, ничего. В Казахстан мы были высланы, сколько лет прожили, а назад по этому письму бы уже не возвратились. Потому что отец был болен, почти 6 лет работал под землей, подорвал свое здоровье. И потом он болен, умер в 70 лет. Серьезное заболевание было, рак легкого. Бронхиты, пневмония, легкие были забиты угольной пылью. Он уже не мог туда поехать, конечно, если бы он был помоложе, больше было бы сил и желания, ради бы интереса поехал бы посмотреть, но уже в таком возрасте по состоянию здоровья, на такое отдаленное расстояние ехать, он уже здесь привык, нам, как говорится, Казахстан стал родным домом. Человек привыкает уже, вот если я родилась в Казахстане, никогда не была на Украине, как я могу ехать туда. Если мой дом здесь. Я здесь родилась, мои дети здесь родились. Здесь закончила школу, институт, работаю. Естественно, все мне здесь родное. А отец уже, будучи больным человеком и в преклонном возрасте, он туда не поехал, поэтому ничего не было восстановлено.

Скажите, какой национальности были местные жители?

Когда привезли в 28 точку, местные жители это коренные жители. Казахи.

Как они Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогли?

Родители говорят, что были нормальные, дружеские отношения. Они понимали, что люди высланы, находятся в таком положении тяжелом, они как могли так помогали. Между людьми были нормальные отношения, он рассказывает, когда они приехали с машины, местные жители увидели, что они приехали, они даже вот помогали нам с машины слезть, и нормальные отношения были.

Каким показалось благосостояние местных жителей?

Тоже, я не помню, чтобы мои родители говорили, что мои родители зажиточно жили. Жили тоже очень скромно.

Какие еще национальности были среди местного населения?

Были в этих точках были немцы и поляки, высланные, и коренное население.

Изменилось ли отношение местного населения к депортированным?

Отношение между депортированными и местным было дружественное, оно не менялось на протяжении скольких лет они жили, после реабилитации было нормальное отношение. Люди жили дружно, были как одной семьей. Работали на посевных работах, жили в этих точках. Занимались выращиванием хлеба.

Возникали ли браки с местными жителями?

Я в те годы не помню, а вот уже попозже уже знаете, когда прошла реабилитация, вот тогда браки были, я помню даже сейчас.

А на каком языке в основном общались приезжие люди с местным населением?

Вы знаете, мама говорит, начинала школу на украинском языке, а говорит когда сюда приехали, была начальная школа, была же борьба с безграмотностью, их все равно же обучали, хоть и были депортированные, на русском. Учителя обучали их русскому. Они говорили на русском. Польский или украинский не приветствовался.

Были ли на месте прибытия другие насильственно переселенные?

В эти точки других уже не подселяли. Вот у них были, как переселили.

А какой статус, режим отбывания депортации были они наделены и какими они были фактически?

Когда реабилитация произошла в 1956 году, а так они были депортированными. Ждали, конечно, с 1937 по 1956 год продлилась.

А какое было отношение у местной администрации? Проверяли ли на месте?

Проверяли, это было строжайшее. Все проверялось. Контроль был. Они даже с одной точки в другую они не могли перейти.

Там, через какой промежуток проверяли через неделю, месяц?

Не реже в неделю.

Как работали, как оплачивали труд?

У них во время войны женщины работали на полях, просто были трудодни. Продукты какие-то давались. Денежно нет.

Дети депортированных учились в школах?

Дети учились в школе, когда они приехали, в последующие годы они пошли в школу. И отношение с местными детьми у них было нормальное. И депортированные, и местные, они учились в одних классах. И у них преподавание шло на русском языке. Были у них уроки казахского языка.

А специальные меры, которые применяли?

Нет такого.

Ограничения были какие-нибудь?

Ограничения в школе, как для школьников полагалось, они ходили, занимались. Когда началась война, эти депортированные подростки, дальше не продлевали учебу, потому что надо было помогать фронту. И как-то выходить из этого положения, потому что страна была в тяжелом положении. Вот эти девочки, потому что мальчики были отправлены в трудармию, кто-то в армию. А потом девчонок учили курсам, они были отправлены на помощь комбайнерами в поле. Пока военные действия не кончились, все работали, дети, женщины, все работали. Подростки наравне с взрослыми работали. А после войны, если они были депортированными, конечно, они не имели права, куда-то ехать учиться. Они оставались работать, дальнейший путь к образованию был закрыт. Если они были депортированными, врагами народа, о дальнейшем образовании не могло быть речи. Они же работали за мужчин. Труд был тяжелый.

Как можно было переписываться с родными в том же и тех регионах?

Связь поддерживалась, очень сложно было переписываться. В основном родственники оставались в Западной Украине и прошла эта страшная тяжелая война, они хотели узнать о родственниках, которые там остались, пытались. Когда приходил ответ, когда нет. Неизвестно, может и не доходило. Потом когда их уже реабилитировали, многие поехали туда, чтобы своими глазами посмотреть, кто там остался в живых. Как там. В каком состоянии находились люди, которые там остались. Потом уже писали, кто-то даже из реабилитированных выехал, возвратился. Я знаю, что моя родня, мой дед с папиной стороны, они так остались в Казахстане, они уже не выезжали. Единственное, что мои родители сделали, они выехали с 28 точки в Астану, и папа пошел работать на железную дорогу. В последующем он был железнодорожником. А мама работала в легкой промышленности.

Как было организовано управление в поселке?

Там же руководство местных властей, местная администрация. Комендант там был, распределялись работы. В принудительном порядке, хочешь, не хочешь. Заставляли работать на поле, в основном занимались возделыванием картофеля. И капусту, зерно.

Скажите, были ли какие-то стукачи, осведомители?

Стукачи всегда были и там всякие инциденты были. Были сильно запуганы люди, не могли лишний раз сказать, о чем они думают. Потому что наказывалось. Были такие случаи, был донос. Женщина молодая, беременная была, подверглась истязаниям, люди лишний раз рот не открывали, боялись что-либо говорить. Боялись за жизнь своих детей, они знали, что все это кончится очень трагично.

Как питались, как одевались?

Питались и одевались очень скромно, потому что в основном, что могли вырастить, так они и питались. Потому что если держали корову, какой % молока надо было сдавать, я помню, что они говорили, могли себе позволить 0,5 литра обрат. Когда прошла реабилитация, тогда они уже стали разводить больше скота. Стали жить более менее лучше. А до этого все, что выращивали, все сдавали. А сами уже где-то мерзлая картошка. Какие-то зерна остались. Пухли с голода от недоедания.

Сколько денег могли заработать?

Деньги они не получали. У них трудодни.

Менялось отношение до и после войны к депортированным у местного населения?

У местного до и после войны отношение было нормальное, дружное. Работали и шли к одной цели, чтобы быстрее закончилась война. Ждали победу. Отношения со стороны коренного населения были хорошие, все переживали тяготы во время войны. Когда реабилитировали, тогда депортированные могли ехать куда хотели, свободный человек, есть свободный. А так в эти трудные годы до войны, после войны у всех было одно горе, все делалось для того, чтобы война закончилась. Люди этого очень хотели. Наконец-то придет конец и разберутся. Все ждали этой реабилитации. Справедливость восторжествует.

Что помогло выжить Вашим родителям?

Вера, они надеялись на лучшее. Они были оптимистами. Вот эта вера помогла им. Верили, что наступит справедливость, разберутся. Когда произошла реабилитация, о чем они думали, ждали. Какой % людей вернулся, кто-то уже здесь остался навсегда. Люди жили верой и надеждой, что все-таки восторжествует справедливость и никакие они не враги народа, обыкновенные нормальные люди.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали?

В то время люди, какая была реакция у людей, так и все, что он вождь был, войну выиграл. Такое отношение было, когда он умер, больше было печали, чем радости.

Как узнали Ваши родители о реабилитации?

Им сообщили власти, приказ был. Ведь это была не одна семья, это целый поселок был. Это был праздник, конечно. Мои родители сразу поехали в Акмолинск, устроились на работу. Стали зарабатывать. Не было уже комендатуры. Ведь комендант мог и ночью придти, в любое время.

Как проходил процесс оформления документов?

Я в то время совсем маленьким ребенком была, может и не понимала, что там произошло, а у родителей была справка. Когда уже подросла, увидела, что там мой отец, его имя, год рождения в таком-то году был выслан, в Казахстан, в связи с этим постановлением, он реабилитирован.

А долго оформлялись документы?

Я не могу точно сказать, наверное, нет. Если такое постановление вышло, то недолго.

Скажите, почему Ваши родители не захотели переехать?

Я думаю, что уже столько лет они уже прожили, в то время у них непосредственно не было такого постановления, что они могут возвратиться, и им там вернут все, а здесь они уже адаптировались, обжились. Я же говорила, что письмо пришло к отцу о его возвращении, когда он был глубоким стариком. Вот если бы сразу, когда он был еще молодым, то да, они бы и поехали. Знали бы, что им там жилье приготовят. Некоторые семьи выехали, конечно, наша семья не выезжала. Отец пошел, какие-то курсы прошел, работал на железной дороге, сначала помощником машиниста, потом сам машинистом был. Неоднократно учился на курсах. С полгода ездил в город Лубный на Украине, учился на машиниста электровоза. В связи с тем, что тогда не было приглашения, а тут уже места обжитые, а туда ехать, опять все сначала. Капитала-то никакого не было. Куда ехать-то.

Изменилось ли у Вас отношение к депортации?

Конечно, родители моего отца были разорены, попали в другую обстановку. Пережили такие тяготы. Такое унижение, быть подневольными людьми. Конечно, они эти годы вспоминают с ужасом. В каких условиях они жили. Страшно это все. Я же на себе всего этого не испытала. Если ты никуда не можешь без разрешения, тебя контролируют, это ужасно. Морально тяжело. Старались волю людей сломить. Унижение.

Что Вы ожидаете для себя от власти, от общественности?

Отношение власти ко мне, как и ко всем жителям одинаковое. Я жила в СССР, в Казахстане сейчас живу, у нас же нет разницы. Одинаковое отношение. Я никаких претензий ни к кому не имею. Я здесь училась, работаю. Предоставлено жилье, и, слава Богу, уже 30 лет работаю. У нас нет разницы. Мы все в одинаковых условиях находимся.

Что бы Вы хотели добавить к тому, что уже сказали?

Я думаю, что все упомянули. Я даже не думала, что такое будет проводиться интервью. Столько лет прошло, особо эту тему не затрагивали. Конечно, когда прошла реабилитация, прошла, люди живут, стараются то что было, сильно не акцентировать внимание. Детям, конечно, надо эту историю рассказывать, только, не дай Бог, чтобы эта история повторилась.

Что бы Вы пожелали своим потомкам?

Чтобы дружба была между народами и взаимопонимание. То, что было, не повторилось. Не было никаких распрей. На национальной почве ничего не было. Какая разница человек, какой национальности, вот мой отец он виноват, что он поляк, и его выслали. А его отец немец, кореец. Вот даже в военное время даже среди поляков, хотели воевать, защищать Родину. Были же у мальчишек патриотические чувства. А из-за того, что он поляк по национальности, его не призывали. И эти молодые парни чувствовали себя ущемленными. К ним же другое отношение было. Кто-то возвратился с войны герой, а этот сын врага народа. Психологически очень тяжело. Он тоже все старается делать для победы, улучшить условия жизни. А все равно оставался врагом народа. Потом уже когда реабилитация была, уже не было так. Сглажено. Чтобы этого не повторилось. Когда уже в советские времена грань между нациями стиралась, было много межнациональных браков. Но каждый должен знать культуру своего народа, в какой стране живешь, должен уважать культуру своего народа. Благодаря Ассамблеи народа Казахстана, у нас польское общество. Мы уже неоднократно ездили в Польшу, знакомились с культурой, языком польского народа, ну, как, если мы будем знать культуру и традиции польского народа, мы уже знаем праздники, с людьми познакомились, сколько польских песен, конечно, это очень хорошо. Потому что, чем человек больше общается с людьми, он и сам богаче становится. Человек уже будет и добрее и порядочнее. Порядок будет выше его.

Остались ли у Вас документы, фотографии времени депортации?

Вы знаете, у меня только справка есть о реабилитации.

А фотографии у Вас сохранились?

Нет, фотографии у меня не сохранились, а только когда выдавали справку, она у меня есть о реабилитации, потому что каждому индивидуально выдавалось, маме отдельно, папе отдельно, моей сестре, нам каждому отдельно выдали справку о реабилитации.

Спасибо Вам большое за интервью. Мы желаем Вам здоровья, удачи, счастья.

.....
Вавровская Мария Вячеславовна, полячка. Была депортирована с Украины, Подольская область в 1936 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Как затронула депортация Вас и Вашу семью? Непосредственно Вас, Ваших родителей, Ваших дедов или кого-то еще. Какая именно депортация затронула Вас и Вашу семью. Если помните дату, контингент, т.е. это с кем, кого, вместе с Вами вот депортировали если, вот, место высылки, место вселения.

Наша семья жила в..., имела кусочек земли, родители, имели кусочек земли. Наши родители занимались земледелием. Земледелием, землешеством.

Да.

И мы имели землю, свое подсобное хозяйство. Свой сад у нас был.

Это где, Вы сказали?

На Украине, в Подольской области.

На Украине, да?

На Украине. Потому что Подольская область, она раньше эта земля была под Польшей.

Да.

Но это, в прошлом.

Да.

Предки наши были там.

Да.

А вот отец остался, значит, там. Там у него отец, который Иван Лавровский, т.е. делили земли на троих, свои земли. И вот, Вячеславу досталась земля, кусочек земли. И он занимался земледелием. Посадил свой сад, посадил дом, вот.

А в семье сколько детей было?

Пятеро детей у нас было, пятеро детей, вот.

Старшей Вы были, или младшей?

Нет, я была третья.

Третья, да?

Третья была, старшая у меня была сестра, потом вторая сестра идет, Германа-Гильда, отец назвал ее Германа-Гильда. Это самое такое имя.

Да.

Теперь, Мария, Мария была.

Да.

И вот все переселения, уже вот родители слышали, что переселяют другие семьи. Но нас пока еще не было, не касалось.

Да.

Потом, это, нам сказали уже за 6 дней, чтобы наши родители собрались в дорогу. И вот за 6 дней этих мы собрались, что мы могли собраться за 6 дней. Ну, что могли, то взяли с собой, что нам разрешали.

Да.

Что нам разрешали? Разрешили, значит взять телочку. Корову продали, телочку взяли с собой и 10 курочек, взяли. Теперь взяли с мебели, шкаф, комод, две кровати деревянные и стол деревянный. Стол был, это, старинный, дубовый, и мы тоже, это, его взяли.

Да.

И пятеро детей, и что вот мы вот это с собой взяли.

А когда это было, какого числа, помните?

Это было вот 13-го сентября.

Какого года?

36-го года.

36-го года, да?

36-го.

А вот Вы знали, куда Вас выселят, место высылки?

Нет. Нет.

Там просто всех...

Нас значит, определили в товарные вагоны. Значит, кто вез с собой хозяйство, там курей, или телочку, значит, вагоны отдельно были товарные для скота. А эти все тоже в товарных вагонах, я узлами на полу, с детьми, мы все ехали в куче.

Ага. Вот у меня к Вам вопрос есть. Воевал ли кто-то из родственников на фронте, что с ним было после окончания войны? Вот ответьте на этот вопрос.

В нашей Отечественной?

Да, да в Отечественной.

Тогда не было войны, когда нас выселили.

Ага.

Это был 36-ой год. Это еще до войны.

Теперь, если вот говорить о начале переселения, что было накануне депортации, были ли слухи, догадки об этом, уезжал ли кто-то заранее, из-за опасения быть депортированным, готовились ли к плохому повороту событий, что слышали о других депортированных?

Ну, я вот так знаю из маминих слов, она говорила, что приезжал ...и приезжал представитель с Польши.

Да.

И говорил для отца, что собирайся и уезжай в Польшу, иначе наша рука над вами не будет держать, мы не сможем Вас отстоять. А уже слухи были, что нас будут выселять. Но отец побоялся, нас было много, и свое хозяйство, и мы не уехали.

Ага. А вот, когда вот м-м-м, вы знали, да, допустим, вас непосредственно, ваших родителей, а еще родственники были, которые вот, попали в обрат, вот это вот?

Два брата родные, вот они.

Вы семьями, да, получается тоже.

Они тоже семьями, да, и сестра.

Как узнали о переселении? Что, как оно происходило? Сколько времени давали на сборы, и что Вам разрешалось взять с собой?

Ну, вот нам давали на сборы только неделю, неделю.

И вот то, что Вы сказали, что вы взяли.

Ну, вот мы взяли только в дорогу, это, был сентябрь месяц, картошки с луком мы могли взять, ну, может быть, взяли мы там по мешку картошки. Я знаю, что в этот год, в основном, без картошки мы жили.

Да.

Потому что же много тут в Казахстане покупать надо было. С собой, может быть, мешок вон там взяли.

Да. А вот кто-нибудь оказывал сопротивление? Что вот мы не поедем, допустим, из сельчан.

Ну, были даже побег, но их возвращали, сразу комендант знает, да? Сразу под комендатуру нас всех взяли, всех взяли под комендатуру. Был Демон, комендант Демон был. И очень он...

Демон, это фамилия была, да?

Да, это фамилия. И очень, как вот со слов, и маминых, и я уже помню, он был уже очень, деспотом. Потому что когда отца оставили председателем колхоза, общим собранием, и он беспокоился за людей, что люди умирают с голоду, дети умирают, землянки сырые.

Это до депортирования, да, вот там, да?

Нет, уже на Казахстане.

А, в Казахстане.

В Казахстане, что дети умирают, что эти землянки, которые слепили, они не успели высохнуть, они все сырые. Старики и дети умирают, и начал писать он в Москву, мой отец, что люди умирают, все. И Москва давала, какую-то помощь давала. А он кричал, бил кулаками по столу, пусть умирают враги народа. Вот так вот.

Да. Ясно. Вот я хотела еще спросить у Вас, было ли насилие со стороны властей, вот перед началом переселения.

Вот перед началом было спокойно, жили, да, было спокойно.

А вот Вы о переселении, вот как к Вам пришел человек, сказал об этом, да? Вот, будут выселять Вас.

Да, пришли к нам, это представители власти, сказали, что собирайтесь и все. В такой-то срок вы должны быть собраны. И поданы вагоны, и с семьями вы должны все покинуть.

А они предъявляли какие-то документы, бумаги зачитывали, или по приказу, там, было такое?

Нет, нет. Мы Потому что у нас не было, не сохранились у нас никаких бумаг в доме. Когда вот отца репрессировали, забирали ночью, они сказали, что мы проведем у вас обыск.

Это когда?

А, нет. Это в Казахстане.

А вот когда до? Не в Казахстане, давайте в начале вот, там.

А там нет, всех раньше отправляли эшелоны, а нам потом вот уже сказали вот, что он, этот братья его, собирайтесь, и вы все будете вывезены. Переселение. Они сказали, спецпереселение.

Как они объясняли причину депортации, что говорили о переселяемых, вот о переселяемых?

Вот, значит, на новые земли вот вы поедете, в Казахстан, будете осваивать землю. Вот разрешали брать с собой кое-что с хозяйства. Мы не то чтобы так, с одними чемоданами. Разрешали, вот мы привезли с собой, я говорю, телочку.

Да.

10 курей мама взяла с собой.

Вы еще из мебели взяли, да?

А с мебели шкаф взяли, стол дубовый, потому что там это, старинный из дуба. И комод, и две кровати привезли. Это у нас было.

А вот, было остальное имущество, что с ним происходило?

А там дом остался, сад остался, пасека. В саду сделал отец пруд такой, там рыбы он всегда держал, вот, были лошади, рабочие у нас. Вот у нас был кусочек земли, мы обрабатывали его. Все осталось.

А что со скотом, с домом?

Ну, оставили. Ну, так сказали, что уезжайте, потому что это все под комендатурой, под властью.

Да.

Это принудительно было. Это не то, что там вы хотите, не хотите.

Ясно.

Езжайте, и все. Вот. И мы все оставили. И вот уехали. И ехали в дороге, где-то 2 недели.

Две недели, да?

Две недели.

Это вот с Украины, вы сказали, область какая?

Там есть Подольская была область, сейчас она Хмельницкая.

Хмельницкая. Село, да.

А, нет. Село было, район Полонский, а мы жили на хуторе, поэтому...

Хутор, да?

Хутор. Лабунский.

Лабунский.

Лабунский хутор, вот надо там на карточке даже, где отец написан вот тут написано, Лабунский хутор, вот вверху.

Да.

В этом году как я родилась, вот. Вот, эта фотография.

Да.

Лабунский хутор.

А вот из хутора всех вывезли?

Вывезли, только остались украинцы.

Только украинцы, всех поляков?

Всех поляков, всех вывезли.

А других национальностей нет?

Нет, украинцы нет.

А поляки, может быть, еще кто-то были вот поляки вот, еще украинцы, белорусы?

Нет, у нас. Там даже белорусов не было.

Только поляков?

Поляки, это вот же было когда вот, по атласу я смотрела, это была земля польская, т.е. Подольская область.

Да.

Ну, когда вот Польшу разбирали на три куса, разобрали, один кусок пруссы забрали, Австрия и Россия. И вот забрали. И как вот государственность она не существовала 120 лет. Ну, Польша.

Да.

Вот, а потом, когда Юзеф Слущкий начал собирать вот эти вот все куски, которые у них забрали, ему не отдали самые большие куски, Россия ему не отдала, в Германии много

там поляков осталось, не отдала, там много поляков осталось, не отдала, и Австрия не отдала, то, что он мог собрать, он собрал. И образовалась снова Республика Польская.

Да.

Польская Республика образовалась.

Да.

И так мы остались на этой стороне.

А вот вы на этом хуторе, вы вообще ваши предки, да.

Да, предки жили, жили предки на этом хуторе.

Ваши родители, да?

Да, отец, вот он служил в Самаре, потом дослуживал в Киеве. Вот там и познакомился с мамой в Киеве. И там они поженились.

Да.

Мама, как обычно, образования никакого не дал дед ей, потому что раньше они считали, что образование не надо получать. Надо прясть, выбивать вот этот лен, делать полотно. И никакого образования не надо. Вот так вот было. И мама один раз, хотела она учиться, и она взяла тетрадь и пошла до одной учительницы, на хуторе тоже. Вот. И она хотела, чтобы хоть она научила алфавиту.

Да.

И отец, т.е. мой дед значит, Березовский его фамилия, он узнал, где, куда она пошла, он пошел, доченька пошли со мной. Идет так ласково разговаривает, зашел домой, так он побил ее и сказал, чтобы ты дорогу забыла, никаких учений тебе. Вот пряди, и выбивай вот это, лен или полотно.

Да.

Вот и все. И мама потом она очень обиделась тогда, и она бросила родителей и уехала служить в Киев. Она у богатых служила. И там так она и замуж вышла. Всю жизнь служила у богатых.

Ясно. Теперь вот вы на счет депортации, опять значит, о переселении. Вот так вы собрались уже в дорогу, вот, вы в селе были. А где находился поезд?

Полонная.

Полонная.

Это вот Полонная, она и сейчас так, Полонная.

И сколько это км от хутора?

Ну, километров 8, наверное.

Пешком добирались, да?

Нет.

Или под конвоем вы шли?

Нет, нас на лошадях.

А, на лошадях.

На лошадях нас всех свезли туда. На станции погрузили в вагоны, тогда же не было таких вот машин, вот как сейчас.

Ну, в общем, вы знали, что в Казахстан вас везут, да? Как везли, как формировали эшелоны? Сколько человек ехало в одном вагоне, что смогли фактически взять с собой? Как размещалось в эшелоне, вот это все? Какие были условия в поезде? Чем вас кормили? Как кормили, давали ли теплую одежду? Потом, умирал ли кто-то по пути? Если да, то сколько было их?

Теплую одежду нам никто не давал. А на каждой станции ходили за горячим кипятком. И где-то что-то может быть за супами, чтобы вот детей, дети-то маленькие были. Сколько семей в вагоне, не знаю, семей, может быть, 8 было.

А сколько, в общем, людей было?

4 эшелона ехало.

4 эшелона, да?

4 эшелона. Ни вагона, а вот как эшелона, 4 эшелона. А сколько в эшелоне вагонов, я не помню сейчас, но 4 эшелона поляков везли.

Ага. А в одном вагоне сколько примерно людей?

Ну, если это семьи, 8 семей, ну, там, у каждого, у нас было 5-ро детей, все маленькие, а у других там, может быть, меньше по трое, может быть там.

Человек 30, наверное?

Ну, человек 30 было в вагоне, но все, я помню, постели размещали, все на полу.

Все на полу, да?

Все на полу. Не было полок.

У вас не двухъярусные были вагоны?

Нет. Однойрусные вагоны, а в других вагонах уже были для животных, там давали, ходили тоже, когда остановка, ходили, проводывали те вагоны, чтобы покормить же животных надо было. И привезли нас на станцию Таинча.

Таинча. А вот... да.

Это за Кокчетавом.

Я еще хотела спросить, в вагоне кто-то умирал?

В вагоне, я значит, смерти не знаю, а, что рожали по пути, да. У меня тетя, в Челябинске сняли ее, она родила сына. Осталась там, потом в больницу ее.

Ясно. А кто-нибудь бежал в пути? Бежал ли кто-то по пути?

Нет. Они все были, мы же все были под охраной.

Под охраной, да?

Под охраной, нас же всех везли под охраной, и привезли туда под охраной коменданта и вот так.

Какие были остановки? И были ли? Сколько дней вы находились в пути? Какие ходили слухи, что вообще говорили люди вот?

Это вот, я не могу сказать, наверное, на этот вопрос ответить, что говорили люди.

Да.

Потому что в то время, я хоть все помню, но, я не прислушивалась, так вот, точно, что говорили. Я только могу сказать, когда уже депор... репрессия шла, вот где мы жили в Зеленом Гае, репрессия шла, он так назывался, так я вот слышала, когда шептались, выйдут и шепчутся женщины, что, что такое, что это делается? Репрессируют, забирают людей невинных, вот это я слышала своими ушами. Этого никто мне не говорил. А в вагоне, я не могу сказать точно.

А родители что говорили, а, сколько ехали в пути?

12 дней.

12 дней. А вот в течение 12 дней, не помните, что говорили, может быть о переселении?

Все тогда боялись что-то даже, потому что время такое было. Я же говорю, что когда вот репрессировали, вот уже людей, все шепчутся. Я вот слышу, все женщины старшие, шепчутся. А вслух не говорят, боятся. Даже, вот когда у нас отца забрали, год проработал председателем.

Это когда вы уже прибыли на место, да?

Да, когда на место.

А вот когда Вы прибыли, куда Вы прибыли? Как назывался населенный пункт, куда Вас привезли?

Ну, нас привезли, разгрузили в Таинче. Она и сейчас Таинча есть. Таинча вот как вот по-казахски. Таинча, мы называли Таинча. Нас всех там разгрузили.

Это в какой области?

Кокчетавской, там близко. И оттуда на лошадях развозили нас по точкам, точки организовали.

Да.

13 точек, 14, кажется, точек было. Точек, на ковыль, там столько степи было ковыльной. И вот этим точкам дали название, это, первая точка, вторая, третья, до 14-ой точки, а потом дали название селам. Наше назвали, наше село называлось Зеленый Гай.

Зеленый Гай, да? А какие были природно-климатические условия? Отличались ли они от того климата, в котором Вы проживали?

Очень отличались, вот, мы когда приехали, вот это было в сентябре, еще было сравнительно тепло, еще ковыль говорю, расстелился, но зима была суровая. Мы такой зимы, там, на Украине, не видели. Столько было снега, что наши землянки сравнивались с сугробами, не видно было. Делали вот такие тоннели, чтобы выйти, очень много было снега, 36-ой, 37-ой, 38-ой год.

Да.

Вот, 40-ой вот эти годы было много снега. И было морозно. Колодец, носили воду мы с колодца, на коромысле.

А вот какие были бытовые условия в первые вот, возместили ли Вам, возместили оставленный дом, вот скот, жилье, стройматериалы? Вот Вы говорили о 14-ти точках, это получается в степи, да?

В степи.

Как вы выживали? Были ли вот, дома строили, что-то было, земля?

Каждый что-то, было, хозяйство, нас распределили на 14 точек и одна точка от другой где-то 10 километров. Там 30 километров.

Вас получается в степь прям, в степи?

Да. В степи.

Вот в одной точке, сколько людей было?

Ну,...

Примерно, хотя бы.

Ну, в одной точке, сколько людей было, ну это я даже не могу.

Ну, сколько семей?

Семей... Так, у нас там, где мы жили, нас еще разделили пополам, полточки нашего Зеленого Гая были поляки, полточки-немцы. Немцев тоже оттуда вывозили с Украины.

Да.

Только не с этого эшелона.

Не в этом, да?

Не с этого, а они там отдельно ехали, но там нас.

В одно время вы приехали?

В одно время. Значит, вот это поляки, вот это немцы.

Да.

Вот немцы и поляки, наши все, вот они. Дружно жили, немцы вообще.

А вот на счет, где вы жили там?

В земле приехали, дом выкопали, колодец, была недостроена больница, и была недостроена школа.

Да.

А контору уже достраивали сами. И было легко из самана, из самана, кучи, мы ожидали, что мы же переедем. И во кучу самана дали. Две построили землянки, и потом пласт нарезали, потому что там пласт нужно было земля вот это вот, ковыль такая, плотная. И лепили эти землянки, и мазали. Уже конец был сентября. Они не высыхали. И делали вот так, одну, одна вот так как наш зал, даже меньше, и коридорчик вот. И на два хозяина с одной стороны и с другой стороны.

Да.

Вот такой, домики вот такие делали.

Понятно. Какой национальности были местные жители? Которые вас встретили. Как они вас встретили, была ли поддержка с их стороны, или наоборот, они не помогали вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Ну какое местное население, там Дашка Николаевка 4 километра от нас.

Дашка Николаевка это так называлась?

Да, Дашка Николаевка, село старое, это там жили в основном украинцы, или русские, но старожилы в Дашка Николаевка, они там тоже переселенцы, но это мож еще с Царя.

Да.

Это было село. Дальше был... Это тоже село казахское. Вот их это отец стал председателем колхоза, его выбрали. Он, это, подружил, не с Дашкой Николаевкой, а с казахами.

Да.

Вот, и его там поддержали. Очень им он понравился и он нашел себе друзей, и я помню, как он мельницу организовывал, какие-то валы, там вот брал, потому что это все надо было там для мельницы. Вот. И совхоз Кировский был еще, от нас недалеко. Совхоз Кировский, он туда ездил.

Да.

Приезжал, я помню, когда я сидела возле печки, он только придет озабоченный, сядет за стол, тарелку мама поставит, ему лапши или галушки, он только возьмет ложку, открывается дверь, председатель колхоза дома? Он сразу раз, ложку положил, шапку на голову и пошел. Он пошел. Он очень был заботливый о людях. Вот.

Вот я еще хотела такой вопрос вам задать. Были ли проблемы вот общения с казахами, они ведь на казахском говорили, или они вот, поляки на каком? На русском?

Мы на русском, на украинском.

Как общение вот?

Общались, ведь они понимали по-русски, по-русски понимали. Я же говорю, у нас был Сулеймен, он друг отца. Мы его все Сулейменом на всю жизнь запомнили и благодарны ему дети.

А вот как зовут?

Вот забыла.

Фамилию помните.

Вот Сулейменов, вот сестра моя звонила недавно она говорила, мы ему все прям благодарны, когда мы жили в этих землянках, штор-то не было. Ведь ничего не было. Вот он так придет, заглядывает в окно, ой мы так все рады, он нам что-то привез.

Что он привозил?

Камыша, соломы, чтобы поддержать нас. А он знает, что отца забрали, нету. А пятеро детей, мы с мамой.

Подождите, когда забрали отца?

Отца забрали в 37-ом году 25-го ноября.

Т.е. вас в 36-ом году привезли туда...

Да. В сентябре год он проработал председателем, организовал этот колхоз, и ночью приходит тройка, умер у нас один сын, простыл, полтора года, Степа. Он умер у нас, мой братик.

Младший самый.

Да, младший братик умер. Мама беременная лежит, ночью постучались.

Кто?

Три человека. Постучались в двери, открыл, мы пришли у вас делать обыск.

Так.

А что у нас было искать? Нечего искать, здесь куча детей и они кое-что так посмотрели, Вячеслав Иванович, собирайтесь с нами. Он так налегке собирается, а в этой тройке участвовал один, который знает отца. Говорит, Вячеслав Иванович, одевайся потеплее. Он хотел просто так, недалеко. Одевайтесь потеплее, на улице холодно. И отец одел шубу.

Это было весной, осенью?

Это было 25-го ноября.

Ноября. Через год.

Через год.

Так.

Ну, немножко там больше, полгода, теперь 25-го ноября. Теперь мама-то вот у нас ждет, у нас она не будет рожать, отца нету, а только полуторка приехала.

Полуторка, это что?

А тогда вот, вот вы не знаете, тогда только полуторки ходили. Здесь больше никаких машин не было. Полуторка поехала. Мама говорит, ты старшая дочь, ты сходи, сходи, где-то отца долго нету. Приходит в контору...

Ночью?

Ночью. Она техничка подметает пол и говорит, доченька, ты до кого тут пришла, а здесь где-то мой отец должен быть, папа. Она говорит, кто твой папа? Папа Вячеслав Иванович. Она говорит и плачет, их всех посадили на полуторку, и повезли в ...

Их, это кого? Сколько человек там было?

Ой, там много.

Всех мужчин.

Всех мужчин и даже таких брали, скотник, неграмотный, он, там я знаю одного брали он совсем, рассказывали, он за скотом ходил, он даже неграмотный, забрали. Вот и повезли туда. И она уже представила, что какая ложится на нее обязанность, ложится, как старшая, и мама беременная, мы все маленькие. От самой конторы идет кричит, криком, эхо раздается, ни одного деревца нету в этом селе.

Да.

Мама уже слышит, что она плачет, пришли, значит, обнялись вдвоем, плачут. Начали плакать, кричать, и я пробудилась с печки, я встала, тоже к ним подхожу, что вы кричите, что вы плачете? Нашего отца забрали.

И ничего не объяснили.

Ничего не объяснили. Мы так прокричали до утра. И спать. Потом мама собралась, через некоторое время поехала к нему, туда, вот куда его забрали в тюрьму.

Да. В тюрьму, это куда?

В Таничев.

В Таничев, да?

Ну, закрытое КПЗ, там временное, не было изоляции, я не знаю, он пишет маме записку, что не беспокойся, береги себя и детей, я скоро вернусь. Вот, и ей передали, потому что свидание не дали. Вот она там передала передачи, не знаю, давали ли ей или нет, и мы эту записочку много лет, но, она уже разлетелась от времени. Мы ее хранили, хранили, и отец нам писал не беспокойся, за себя и детей, я скоро вернусь.

А вот мама на каком месяце беременности была?

8 месяцев.

Восемь уже вот.

Вот в ноябре его забрали, 25-го ноября, это считай, что в конце, и как бы она еще приходила, а в январе она родила. А везти в больницу некому было. А отец не заготовил топки, потому что людям отдавал все, думал, что я председатель, я себе всегда привезу, людям надо давать. Топки нету, на сенах снег. И она родила, и еще, нет, сестра это, спала, и на ногах держала ребенка до утра в этой воде, некому было отнять ее, потом пришли. Там был фельдшер, сначала был фельдшер, ругался на эту санитарочку, говорил, что ж ты так. Ну, вот она родила, пришла домой, а дома холодно, перепеленать даже не во что, она вот так наклонится, вот так вот, чтобы нагреть ребенка и перепеленать. В доме холодно было.

Ну, вот я еще, вот сфотографирую еще. Хорошо. Вот у меня такой вопрос, а каким показалось благосостояние местных жителей, вот, Вы сказали, что рядом село? Каким был их национальный состав? Как менялось вот отношение местного населения? Возникали ли браки с местными жителями? На каком языке Вы общались с местным населением? Были ли уже в месте прибытия другие национальности, насильственно переселенные?

С местным населением Дашка Николаевка, все подростки, ходили служить, что-то делать, чтобы заработать копейку. Вот для этого в Дашку Николаевку.

А это сколько километров?

4 километра.

4 километра, да?

4 километра Дашка Николаевка.

Там украинцы, да?

Украинцы в основном, и знаете, такие старожилы, и ходили наши девчонки помы мыть, полоть в огороде, белить, чтобы что-то заработать, ну, они может быть что-то с продуктов.

Это вот только полячки, немцы, вы же тоже сказали, полседа, были да? Они тоже, да?

Может быть и немцы ходили, потому что я тогда не знаю, наши польки ходили, работали, у этих вот.

А браки были?

Браки, потом стали браки и с немцами и с Дашкой Николаевкой, и с украинцами, с казаками потом были браки.

Да.

А сначала, чтобы выжить, и то, вот босиком идем, босиком, туда босиком идем и просим, что-то делать надо вам? Ну там скажут подмести, прополоть, или там убрать, вот мы все это делали.

А вот Вы тоже делали, Вы тоже делали, да?

Нанимались. Да, я ходила.

Тоже ходили, да? Вот Вы в это село или еще в другое село, вот Вы сказали?

Дашка Николаевка, Новодворовка, старые села.

Оно сколько километров было?

Новодворовка дальше немного. И Новобрыловка.

И Новобрыловка. А вот казахское село, которое...

Жаргаин.

Вы туда ходили работать?

Нет, вот это я вот не знаю точно, не могу сказать, ходили или нет, а вот в эти села ходили. Жаргаин он был немножко дальше.

Очень хорошо. Следующее вот, какой статус, какой режим отбывания депортации были определены? И какими были они фактически? Какое отношение было у местной администрации, как проверяли наличие на месте вас? Были ли побег?

Были побег, были побег, ловили, сажали в тюрьму. Какой статус был, держали нас очень строго. Не пускали даже в соседнее село, чтобы мы не пошли, не имели право.

А как вы тогда работали, вот вы же говорите, что вы ходили и...?

Ну, вот это, Дашка Николаевка-то близко, а потом вот мы, вышла, самая старшая сестра вышла замуж, и забрала нас в Киялы. Мы из Зеленого Гая переехали в Киялы.

Это через сколько лет?

Через 10.

А, через 10.

В 47-ом, в 37-ом отца забрали, а в 47-ом мы переехали в Киялы. Она уже замуж вышла, старшая сестра и забрала нас в Киялы. И там, мне надо было в больницу, и вот за себя говорю, и я поехала в Петропавловск. И мне дали разрешение на один день. Я за один день не справилась. И там заночевала. И там, значит, я просила разрешение, и я, значит, прихожу, отдаю ему разрешение, и он делает такой пакет, и говорит, езжай в Смирново, Смирново наш район был. Отвези в Смирново, а я-то думала, что меня наказание такое, чтобы я отвезла в пакет. Я приезжаю, пакет вот этот отдаю, они пойдемте со мной. Идет вооруженный тут. И повел меня в КПЗ такое длинное, открывает двери и меня туда. Я кричу, за что, за что меня, а там лавочки такие, сидят же, и там параша стоит же в углу. А женщины говорят, доченька, за что тебя. А я говорю, я просрочила, говорю, разрешение на день. А эти, видно, за растраты сидели женщины.

Что значит за растрату?

Значит в магазине, работали. И делали недоимку, там. Там продукты получали от кого-то и, наверное, растрата, раньше говорили, а сейчас по-другому, наверное, говорят. Ну, и вот, они сидели, значит, вот эти женщины. Они говорят, если б только нам так. Ну, я начала, я там упала. Меня там, водой сбрызнули.

Сознание потеряли, да?

Сознание потеряла от боли, от обиды. Потом, значит, пришли обед нести, а женщины говорят в окошко, чтобы, с этой девушкой плохо, доложите начальнику. Этот, дежурный доложил, и пришли, выпустили меня, чтобы я ходила по улице, только с ограды никуда не выходила, чтоб не закрыть, а чтоб на улице я была. А потом, нас всех собрали, отправили на лесозаготовку. Там еще не я одна сидела. Там много таких насобирали. Повезли, там, дров, заготавливали дрова, обрубывали ветки, выносили ветки, и с пистолетом за нами ходили.

И сколько так были там?

Потом приехал Пережегин, он когда-то был комендантом у нас. И знал нашу семью, знал маму, знал детей, и спрашивает, ты чего здесь. Ну, я ему вот это вот рассказываю. И он говорит, я пока отдежурю, я поговорю здесь, я тебя заберу, заберу и отпущу.

Сколько Вы времени там были?

Ну, где-то, наверное, три дня, пока Пережегин не приехал.

А мама не знала, что Вы...?

Знала. Ну, я ей сказала, что поехала, повезла документы, ну, раз нету, значит, тогда все были под комендатурой. И потом домой приехала, я маме рассказала.

Вот у меня такой вопрос. Как происходила проверка наличия вас на месте? Вот вы в селе жили?

Я рапорт подавала, мои рапорты, не только я, каждую неделю докладываю вам, вот все-все-все. Этот рапорт я должна была нести...

Каждый день, да?

Нет, не каждый день, каждую неделю.

Один раз в неделю, да?

Да, один раз в неделю.

Вот вы когда первый раз переселились туда, вот где село отец ваш был там председателем, да. Вот, вот, как там вас проверяли, на месте ли вы? Там ходили куда-то или рапорт писали?

Нет, там я была еще несовершеннолетняя, и там я как бы под общей комендатурой. Оттуда уже я достигла, когда мне вот было 18 лет. Уже меня взяли на учет, меня взяли на учет в 47-ом году. И держали на учете до 56-го года.

И вот Вы каждую неделю писали вот это?

Рапорт, все эти рапорты, я думаю, они все там хранятся.

Вы помните, что вот Вы в рапорте там писали?

Ну, коменданту такому мы, то докладываем вам, что такая-то, такая-то, Вавровская, с такой-то по такой-то никуда не уезжала. Что все нормально. В таком духе писали. И вот как пройдет время, снова пишу рапорты.

Как вот, Вы говорили, что были побегии, да?

Были.

Их обратно возвращали, да?

Возвращали, наказывали.

Как наказывали?

Сажали в тюрьму, или еще лучше, они дальше еще куда-то в Сибирь, в Иркутск, туда куда-то семьи отсылали, еще мало того, что туда сбегали семьями и по одиночке, возвращали, ловили. Их возвращали, ну, может быть, были, я не знаю точно.

Вот я хотела еще узнать, вот когда вы вот остались без отца, вот как оплачивался труд, учились ли дети в школе, и как там складывались отношения с детьми? Какие специальные меры вы на счет себя помните? Какие были ограничения и как можно было переписываться с родными, в этом же или в других регионах?

Переписка-то у нас была, но у нас ни радио не было, ни в селе, в Зеленом Гае радио не было, электричества не было. Война началась, вообще было очень тяжело.

Как работала мама?

Мама работала на двух работах, ночью она пасла скот колхозный, это ночью, а днем плантация большая, моркови охраняла. Вот она уже когда приходит с ночной смены, корову на дойку приводит, 2 часа она должна поспать, ... охранять морковку. Плантация там такая большая, с той стороны подбегают, ...я кричу мама! Специально пугаю их, что как будто балаган такой сделали. А мамы там нету, я одна.

А сколько Вам тогда лет было?

Ну, наверное, 8, где-то. Может быть 8, или 9.

А как оплачивался труд?

Трудодни, палочки, палочками, трудодень, никакого не было у нас, вообще, палочки, трудодни назывались. ... Палочки трудодни и все. Как копейку зарабатывали, мама насажала табака, она табак сеяла, и вот там гроши. И вот старшая сестра моя, Галина, она возьмет сумочку, и на базар за 50 копеек идет пешком, продает. Вот, этот табак, ну, что еще такое. Ну, мама там ей приготовит, что там, если...чтобы мыло купить, тогда сахара у нас вообще не было. Не знаю я, как мама обходилась, все налоги вот, кормила.

Налоги?

Налоги страшные были у нас!

Налоги платили?

Налоги платили, военные, мы держали хозяйство, овцы держали, коровы. Овцы, коровы, вот. И свиньи. Ну может быть 2%, с поросят шкуру содрать, нельзя было смолить. Потому что шкуру должны сдать, и должны мясо сдать, с бычка или с телочки должны сдать мясо. С овец шерсть, от курей яйца отдать, там должны столько-то десятков сдать. С коровы значит масло, масло топленое, так и сметана, мы сырое молоко-то не ели, только обрат, и пахта, вот которая взбивается. Это наша уже пахта, и если топим масло, топленое, а вот которое остается вот от масла, отходы, а чистое масло. Как слеза, сливаем, и надо отдать фронту.

Да. Это уже во время войны?

Да. Это во время войны, все налоги, и не считалось, что у нас дети. Я помню, один раз, случай, мама идет и сильно расстроенная, я думаю, что она такими шагами метровыми идет, а она, он там как ей начал стучать кулаками по столу, ты что, мол, не отдаешь, это налоги, что-то она там задолжала.

Это в год раз надо было отдавать, или как там, через какое-то время?

Ну, наверное, или каждый месяц...

Каждый месяц, да, надо было.

Ну, налоги мы все время отдавали.

Хорошо. Вот такой у меня вопрос к Вам, как вот, в школе Вы учились, дети учились в школе?

Да.

И отношение вот с местными детьми?

Вот в школу, я помню, ходила, ну не в чем было ходить, удобный случай был один. Наш поляк Пташинский, на всю жизнь его фамилию запомню, Пташинский, Владимир. Без руки вернулся с фронта. Он был военруком. И вот он нас всех говорит, собирайтесь на военное дело, на улицу. Мы не знали, когда война кончится. Я поднимаю руку, что Вавровская? Я не могу, у меня валенки со шнурками такими, я привязала подошву на валенках. Я говорю, наберу снега в валенки и не могу идти. Оставайся, ладно. Он повел этих всех, сделали там урок, все. Всех распускают, нет, ты Вавровская останешься. Как он начал гранатой стучать по столу, ты не пошла на военное дело, ты знаешь, кто ты такая, ты знаешь дочь врага народа? Я так плакала, я пришла домой, упала, я говорю, не пойду больше в школу, мама оделась, что-то накинула там на себя, пошла до директора школы. До директора школы пошла, она там дала ему взбучки, вот рану, он мне на всю жизнь заложил. На всю жизнь, потому что он не понял, что я босая, босая. Я пришла в школу и подошвы повязала веревкой...

Зимой, да?

Зима. Вот, ну, кончила я 7 классов Зеленогайской школы. А когда уже поехали в Киялы, я поступила на бухгалтера учиться.

Да. Вот я еще хотела вопрос вам задать? Как было организовано управление в поселке вашем? Были ли стукачи, осведомители?

Были, да.

Кто был во главе сообщества и как он руководил, вот как питались, как одевались, сколько денег могли зарабатывать?

Денег, вообще никаких разговоров не было. Никто не зарабатывал в колхозе денег. Там трудодни.

Одевались плохо.

Одевались плохо. Кто-то имел ремесло в руках, сапожник, портниха, где-то, как-то, те жили как-то еще более или менее. У нас этого не было. Мы все, мама не умела. Мама этого, я помню, встаем мы только утром, она берет санки, привязывает лопату на санки, грабли, тяпку, мешочки, мешки, какие-то, и в поле. Юбку носила тоже с мешковиной, и в поле. Едет в поле, где остановились скирды, и где молотили комбайны, там все и два метра снегу отбросит, чтобы добраться до этой земли, и там может быть зернышки рассыпались, и она наберет в мешок, можно сказать, целый мешок снега с этими зернышками, и привозит домой. Потом, она высыплет его, снег растаял, и там эти зернышки. Мы их выбираем, чтобы землю отсортировать. И потом прокручиваем, там такая была мельничка своя такая. У некоторых была такая каменная, чтобы вот так и под низом камень и сверху камень, и так вот крутишь.

А между ними есть такое расс...?

Да-да-да.

Там есть дырочка, в которую насыпается зерно, и ...

Да-да-да. А у нас была такая вот, ну вот такая вот, как вот крутишь ее, вот мясорубка, вот она не муку делает, а крупу просто.

А, крупу делает, да?

Крупу просто. И мы эту крупу сварим кашу. В основном, мы как спасались, свеклу сеяли, свекла у нас была целая бочка, мама засаливала ее. Заквасит и в подвал. Подвалы такие были – ямы. Не отделанные, яма выкопана. Вот, свекла, морковка, пшено. Пшеничную кашу сварим целый чугунок, пшеничной каши, сварит. И мы, я помню, бегаем по улице, кусок каши отломил – это вместо хлеба, и вот это каша, свекла, морковка, картошка, и все. А хлеба не было.

А вот менялось ли отношение до того и после войны, как именно, что помогло Вам выжить в таких условиях?

Отношение...

Менялось ли отношение после войны. Вот до войны вот, э-э-э, вот, какое отношение было с людьми, как вот вы жили, все, и вот после войны.

Ну, естественно, поменялось. Во время войны было очень тяжело, потому что это и налоги, и фронту надо было, и мы тоже переживали, хотя у нас, некому было идти на фронт, отца забрали, а нас, мы дети, все были маленькие.

И Вы об отце больше ничего так и не слышали, да? Вот забрали, и вопрос стоит.

Мы писали, один раз нам отвечали, что осужден без права переписки, другой раз нам ответили, что он умер от цирроза печени, врал нам. Этого не было, его расстреляли девятого декабря, 25-го ноября его забрали, а 9-го декабря его расстреляли в городе Петропавловске. Вот и все. И нам вот это все, обманывали нас. И вот, ну, у меня есть справки, и мама писала вот, видите, в Москву, Руденко, в Президиум Верховного Совета писали мы, мы пишем, что если он в чем-то виноват, напишите в чем. Написали, дали ответ, что он ни в чем не виноват, что он был арестован тройкой, вот.

Что помогло Вам выжить вот в таких условиях?

Я могу сказать, что старания матери, она старалась, чтобы мы с голоду не ходили просить, у нас вот это все-таки поддержка в питании. Многие дети, ...с сумочкой стоит просит милостыню. Мы не ходили.

Вы так не ходили, да?

Мы не ходили.

А так часто дети ходили?

Ходили каждый день.

Каждый день, да?

Каждый день ходили разные дети, каждый день.

Это вот поляки, да? Немцы?

Поляки, немцы, т.е. все ходили, милостыню просят. Мы не ходили. Мама нам как могла, вот я говорю, если у нее есть какая-то крупа, она добавит свеклы, все равно какую-то лепешку сделает, хоть она вот так потрескается, лепешка, но, мы запьем молоком, или обратом, и нам уже есть все равно что-то в желудке.

У меня вот вопрос такой. Как Вы узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали, о чем говорили, какие были слухи, какие вообще строили планы?

Ну, этот день я хорошо помню. Уже у меня был сын старший. Это был 53-ий год, март месяц, 5-го марта.

Вы уже замужем были?

Я уже замужем была. За Гавриловичем, мой муж. И умер Сталин.

Как узнали?

До смерти Сталина, я читала же газеты и все, в каждой газете писали, докладываем вам, что Иосиф Виссарионович...

Говорите, говорите.

А о смерти Сталина мы узнали по радио. Радио было. Сразу объявили, даже еще перед тем, как он умер, говорили, что он в тяжелом состоянии, по радио.

Говорили об этом, да?

Говорили об этом, потом узнали смерть.

Какая у Вас была реакция, что думали?

У нас, лично, у меня лично не было никакой реакции, такой жалости, никакой не было.

Да.

Ну, стояла я, митинг слушала с ребенком. Митинговали, ну, получала газету, в каждой газете стояли, плакали люди. Были журналы «Крестьянка», «Работница», вот.

О чем говорили, какие были слухи?

Ну, слухов никаких таких я не слышала.

А мама как отреагировала?

Ну, мама как отреагировала? Молча, молча, что она могла сказать? Когда вся жизнь уже покалечена. Похоронили все этого Сталина, я уже была замужем, этого не было еще, старший сын был со мной.

Какие строили планы?

Какие, семейные планы или...?

Семейные, вообще?

Я хочу сказать, еще когда мы были под комендатурой, и вот, хочу сказать один момент, когда мы были под комендатурой, и мне приходится, пришлось значит, работать, телефонисткой я работала, и там один военком вот сказал, что я тебе помогу, там, все такое. В учебе помогу, я же хотела учиться дальше, а меня же не пускали. И говорит, я тебе помогу учиться.

Вы были замужем уже, да? Или нет еще?

Нет, это было до замужества.

Не разрешали учиться, да?

Не разрешали.

А Вы в каком классе тогда были, это было уже...?

Я уже работала.

А-а-а, Вы уже работали, да? А сколько Вам лет было?

Мне было 17.

А школу Вы закончили во сколько?

В 16, наверное, я 7 классов закончила. Я, значит, приезжаю к нему, а он предлагает, так и так мол, что если ты будешь со мной сожительствовать, тогда и это. Мне так стало обидно, мне так стало обидно, я так стукнула дверями, больше вы от меня этого не дождетесь, и пошла. И вы знаете, он мне не давал потом нигде работать, где бы я не устроилась, он директора вызывает, эту девчонку уволь. Я устроилась в училище механизации, уволь эту девчонку. Устроилась я потом кассиром куда-то, уволить, уволь. Я потом так думаю, боже мой! Вышла бы замуж за какого-нибудь старика, чтобы меня не угнетали так. Ну, и потом в 50-ом году приехал мой муж в училище, где я работала, с армии, после армии, хороший парень. И я ему понравилась. И мы поженились в конце 50-го года.

А вот теперь хотела бы у Вас спросить, а вот реабилитация, когда узнали о реабилитации? Из газет, или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? О каких документах, о реабилитации слышали, может быть, какие-то документы о депортации видели или держали в руках?

У меня все документы есть, в 60-ом году начали писать, я начала писать. Просила я сначала одного юриста, попросила, чтобы он мне написал в Москву, от имени мамы и от нас всех. И эта бумага до сих пор у меня хранится.

Давайте я сфотографирую.

Вот, мы написали в Москву.

Вы в 60-е годы писали, а вообще о реабилитации, когда Вы узнали?

Ну, вот в 60-е годы мы уже узнали...

Откуда Вы узнали? Из газет, или как Вы узнали?

Нет, по слухам.

По слухам, люди говорили, да?

По слухам.

А вот как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было все? Вы начали писать, да, получается, в Москву?

Мы начали писать в Москву.

Да.

Пришел ответ, что он ни в чем не виноват и все.

Об отце Вы начали писать, да?

Да. Потом, что он ни в чем не виноват. Потом мы пишем, что если он ни в чем не виноват, то нам не безразлична его судьба. Напишите, где он похоронен, если он похоронен, если он жив, то где он. Вот, и где его могила, мы хоть придем к нему цветочки, положим, поедем. И потом, приехал к нам товарищ.

К Вам прям домой?

И вызывает маму в отдельную комнату. Кто у вас пишет, она говорит, дочь. Пусть, скажите ей, пусть не пишет, и все. И мама вышла, говорит, не пиши, сказали, чтобы не писали. И все запретили писать, добиваться, это было в 60-е года. А потом в 92-ом или в 93-ем году уже вообще открылось все явно. Тогда мы поехали в прокуратуру, там же дела наши хранятся, там и мои рапорты, и что мы были на учете, там все есть.

Да.

Там у них в архиве все хранится. Вот, и нам дали справку, мне дали и моим сестрам дали, реабилитирована, была выслана по мотивам польской национальности.

По мотивам польской национальности?

Вот так и писали.

Вот так и написано, да? Вы это как понимали, по мотивам польской национальности? То, что полячка, поэтому? И, э-э-э, были депортированы, да?

Да.

Потому что полячка, да?

Да.

Вавровская Мария Вячеславовна, 1935-го года рождения, уроженка Каменец-Подольской области, на основании постановления ЦНК СССР, от 28-го июня 1936-го года как лицо польской национальности, находилась на спецпоселении с 1936-го года, взята на спецучет в 1947-ом году, освобождена 3-го февраля 1956-го года, выслана из Каменец-Подольской области.

Вот, то, что я говорила вам.

Справка выдана на основании архивного, архивного личного дела, да?

Да.

Ясно вот, а вот ... так получается быстро Вы получили справки, да?

Да, нам были выданы справки о реабилитации.

А о каких документах о реабилитации слышали, о депортации вообще видели, или держали в руках? У Вас была справка вот эта, да? Это у каждого, да?

У каждого.

Где их надо было получать?

В прокуратуре.

В какой прокуратуре?

В Северо-Казахстанской области. Там, где прокуратура Северо-Казахстанской области. Вот справка о реабилитации, есть копия, вот подлинник.

Я сейчас это сфотографирую. Хорошо, у меня дальше такой вопрос, вот путь из Казахстана, почему решили уехать? Или вы не уезжали?

Мы не уезжали. В 36-ом году как нас прислали, так мы... в Петропавловск, когда мы приехали, у меня же было 3 сына, и все три, два военных, закончили Орджоникидзское военное училище, мой старший сын, МВД.

Да.

А второй вот этот сын, он капитан третьего ранга. Учился в Севастопольском высшем училище. Вот. Третий сын окончил на Хоткинской, на Дальневосточной, есть такое охотство, его прислали сюда, здесь же много зон. А он училище МВД Орджоникидзское окончил, вот по охране зон. Вот сюда прислали, и мы сюда потянулись, и приехали сюда.

А до этого вы где жили? В Киялах?

В Киялы, да. Это казахское название, Северо-Казахстанская область. Но, здесь же мы 36 лет уже прожили.

В Павлодарской области, да?

Да, в этой квартире. 36 лет.

Т.е. вы не стали уезжать из Казахстана на родину.

Нет.

А вообще ездили туда?

Ездила, ездила в Киялу, еще, когда в 60-ых годах, ездила я с подругой, она как я возрастом. Ну, мамина сестра жива была еще. К ней ездили. Отцовых-то только были двоюродные, брат был двоюродный, по отцу был, мамина родная сестра была. Ну, там, где мы жили, вот мне показывали, говорят, вот ваше место, там все завалено уже. Эти дома

позаваливали и наш дом заваленный был, мы же на хуторе жили. Вот, все там завалилось, заросло.

Уже этого хутора не существует, да?

Хутора этого не существует, там, и, туда я ехать просто побоялась, там говорят, змеи водятся, потому что там заросло вот это. Ну, и звери дикие. Ну, все заросло. Ну, проведала, они меня посмотрели, я их посмотрела, ну, в то время, в Казахстане, я считаю, что лучше мы жили, чем они. Когда мы были на Украине.

Вот глядя из современности, изменилось ли отношение к депортации, по сравнению с тем, что у Вас было, в ее начале, в первые годы? Вот, поняли, да, вопрос? Вот глядя из современности, изменилось ли отношение к депортации, по сравнению с тем, что у Вас было, в начале ее, в первые годы? Что Вы ожидаете для себя от власти, общественности, от окружающих людей? Глядя из современности.

Что ожидаю? У меня уже возраст такой, что я ожидаю здоровье, чтобы только у меня было, а для молодежи я хочу пожелать просто, чтобы им сейчас неплохо живется, молодежи, как я посмотрю. Они одеваются хорошо, очень хорошо учатся, может быть, есть изъяны какие-нибудь среди молодежи, что не так. Но, молодежь, в основном, вежливая, я хочу отметить вот. Я бываю в магазине, сейчас я плохо хожу, с палочкой, вот недавно ученик встал, казах, бабушка, давайте я вам помогу. Я так удивилась. Вот русские, не подойдет и не скажет, вот это не то, что там, а вот, давайте, я вам помогу, я говорю, да я сама туда. Нет! Нет, я вам помогу. И до самого подъезда понес мне сумку. Просто, я говорю, может быть вы спешите. Нет. Вот, так что в молодежи есть хорошее, а наша депортация, конечно, изменилась. Мы сейчас чувствуем и заботу, и уважение со стороны властей. Ну, даже не сравнить с тем временем, как было раньше, когда мы этот, получился, когда мы рапорты писали, презирали, нас врагами называли, а сейчас, мне кажется, все как-то сгладилось, как-то нормально. И жить стало лучше, здесь нам и пенсию платят.

Скажите, пожалуйста, благодаря чему Вы выжили, вытерпели в таких сложных условиях? Как вам удалось сохранить свою жизнь?

Мне кажется, что благодаря маме нашей, заботы маминой. И...заботы маминой, да. Потому что она о нас заботилась, когда нам было тяжело и она сохраняла, и, ну, и власти тоже помогали, и работа.

А вот, сколько матери, вот, когда, вот во время депортации, сколько ей лет было тогда? И отцу сколько было тогда?

Отцу, так, отца забрали в 37-ом, а она с 1895-го. Пятерку сюда добавьте до 37, вот 42 года. Она осталась вдова.

Т.е. 41 год ей было. Когда было переселяли, вот...

Да, да.

Вот 41 год.

В 41 год, да, да.

А отцу?

А отцу было 45.

45 было.

Нет, 44.

44, да? И сколько она прожила?

Умерла она в 68-ом году. 73.

73 года.

Не сильно долго прожила, 73 года.

Что бы Вы еще хотели бы добавить к тому, что Вы уже сказали? Может быть, есть какие-то моменты, которые мы не затронули? Скажите о том, о чем мы не упомянули?

Я бы хотела добавить, чтобы у нас мир был, вот в нашем Казахстане, нашему президенту Назарбаеву, чтобы вот я сейчас смотрю в других так смотрю, война идет, а у нас все-таки в Казахстане мирное. Вот. И хочу пожелать всем здоровья и благополучия, и чтобы так держать. Чтобы наш Казахстан выделялся от всех, ну, как говорится, я не хочу, чтобы он выделялся, чтобы другие хорошо жили. Я считаю, что в Казахстане люди мирно живут и мирный народ.

Чтобы Вы хотели передать будущим поколениям, будущему поколению?

Благополучия и мира.

А Вы можете что-нибудь сказать на польском?

На польском.

(Говорит на польском).

(смеется). Если можно перевести. Ну, я так поняла, примерно.

Спасибо. И вот еще немного вот хотелось бы спросить, вот, может быть, мы что-то упустили? Вот, может быть, вы на счет депортации, может быть, мы... Вы бы рассказали, какие-то моменты?

Конечно, тяжелые моменты были, и очень обидно было за свою судьбу, что так прошла, что я была как-то. У меня не было детства. У меня не было юности. Как-то я ущемлена в этой жизни по сравнению с настоящей жизнью, в своей жизни, что прошла. Не было игрушек у меня, и мы куклы с тряпочек шили, и тряпочек не было, не...катали шерсть, чтобы иметь мячик, поиграться, мы из коровы, коровы линяют, шерсть вот так катали и делали мячики, и мы играли. Так вот, чтобы все это время не вернулось, вот мое пожелание.

Почему Вы не уехали, а остались жить в Казахстане? Как протекала жизнь в Казахстане? Какие повороты судьбы были?

Во-первых, мы уже привыкли, мы уже столько времени, уже с 36-го года, это 76 лет.

Да.

В Казахстане, привыкли к этому климату. Потом обзавелись семьями с местными, у меня муж казахстанец, хотя он не казах, он казахстанец, он здесь родился в 26-ом году. Вот.

Он поляк тоже?

А?

Он поляк?

Он украинец. Но он родился здесь, в Казахстане.

Он не был депортированным, да?

Он не был депортированным, он участник войны, дважды раненый, имеет награды много. Орден Славы у него есть.

Участник войны, да?

Он участник войны.

А у Вас воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте еще?

Воевал брат мой, двоюродный, был в Германии, воевал.

Это уже когда Вы были депортированы в Казахстан, а он?

Он был в Германии, воевал.

А еще кто-то воевал?

Родственники были в трудармии.

В трудармию, да? Родственники? Они были тоже депортированы, и тоже, да? А оттуда уже их в трудармию, да, забирали?

Да, в трудармию в Караганде.

В Караганду. Всех мужчин?

Да, в Караганду, вот брали брата моего двоюродного Ивана, в нашей семье не было таких, потому что дети все малые были, и девчонки старшие. Мы, нас не брали. Отца забрали, и моей сестре было 13 лет, она потом замуж вышла, а я, война началась, мне было 10 лет. Но, все равно, я в колхозе работала. На прополку нас гоняли, на, морковку охраняла, на ток ходила, в свое время нас малолетних заставляли, работали, малые.

А вот двоюродный брат, Вы сказали, на фронте был. Что с ним было после окончания войны?

Он вернулся.

Вернулся в Казахстан?

В Казахстан, потом он жил на Украине, потом он был, как бы свободный, если после фронта, мы все были на учете, а он как бы выскользнул с этого учета.

Единственный, да?

Да. Единственный вот этот, Николай Вавровский. Вот он воевал, и как-то не был на учете. После фронта он вернулся на Украину, потом, сюда приезжал. Здесь зоотехником работал, потом снова вернулся, и он не был на учете. Вот. А мы все были под комендатурой.

И как протекала жизнь в Казахстане? Какие были повороты судьбы? Были ли?

Лично у меня, мы ровно вот с мужем прожили 59 лет.

А вот братья, сестры?

Братья, сестры, тоже все здесь. Один у нас в Новосибирске.

Никто не уехал?

Нет, никто не уехал. Мы все здесь. И здесь похоронены, только я сейчас осталась, нас двое осталось. Вот, в северном Казахстане сестра и я здесь. Из нашей вот этой семьи, вот фотокарточка, нас двое. Вот, вот эта и я, остальные умерли все. Сестра, мама умерла, брат маленький в Новосибирске умер.

В Новосибирске, он там жил?

Он жил в Новосибирске.

Он уехал, значит?

Он женился на враче, к нам прислали девушку, Тамара Алексеевна, и он на ней женился и они уехали в Новосибирск. Она там работала врачом, он тоже работал в Новосибирске. Мама в Киялах похоронена.

Киялы, это сейчас поселок, да, сейчас?

Это поселок. Как по-казахски Киялы?

Киялы...а район какой?

Акагейский.

Акагейский?

Акагейский сейчас сделали. А был раньше Советский.

Советский район, да?

И переименовали на Акагейский.

А Кокчетавской?

Северо-Казахстанской области.

Ясно. Хорошо. Спасибо. Спасибо. Большое Вам спасибо.

.....
Белявская Деонизия Павловна, полячка, 75 лет. Была депортирована из Украины, Житомирской области в 1936 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Я, Белявская Деонизия Павловна, родилась в 1935-ом году, на Украине, в Житомирской области, Новоград-Валынский район село.... Родители жили в той же деревне, естественно, работали в колхозе, вот. И когда мне исполнился 1 годик, это был 36-ой год, началось массовое переселение поляков. Т.е. эта была репрессия. Тогда, конечно, это слово мы не знали, не понимали, дали три дня на сборы, это я знаю со слов родителей. Ну, что смогли, то с собой взяли. И были высланы. Ну, наверное, моим родственникам, и моим родителям повезло в том смысле, что мы попали на юг Казахстана. Где погода хорошая была, условия жизни были намного легче, чем как некоторые наши родственники попали в Кокчетав, где была суровая зима, и их выбросили прямо в чистое поле. Нас же расселили в деревне, местное население нас приняло, и чем могли, тем и помогали. Так дожили до весны. А весной, конечно, пошли работать в колхоз, вот, заимели свои огороды.

Деонизия Павловна, а вот когда переезжали, Вы на чем переезжали, на поезде, на каких вагонах или как это все происходило?

Ну, переезжали как, со слов родителей, переезжали в товарных вагонах, поездом, конечно, это же далеко. Надо было ехать считайте от Киева, и до Москвы, с Москвы в Алматы, а с Алматы здесь уже вот, даже уже не знаю, путем, на чем переезжали, но, знаю, что ехали до станции Коксу, потом уже, гостранспортом, как говорится, вот так переезжали. Ехали долго. Я не могу сейчас точно сказать сколько, но ехали долго.

Что можно было брать с собой? Ограничивали или нет?

А кто что успел.

Кто что успел.

А что можно было взять, это только там личные вещи, которых, конечно, было совсем мало по тем временам, а там скот и всякий скот, жилье, это все, конечно, осталось. И надо сказать, что впоследствии никто ничего не компенсировал.

Вот когда стали переезжать, когда пришли и объявили, что будете уезжать, что население должно переехать в другую местность, чем объясняли, как это все происходило?

А вы знаете, тогда никто ничего не объяснял, сказали собирайтесь и ехать надо, значит надо, а если не будете собираться, то исход будет плохой, это было каждому понятно, поэтому, как это родители рассказывали, молча собирались да и ехали.

Деонизия Павловна, а вот с вашей стороны, в вашей семье, кто был переведен, депортирован на территорию Казахстана?

В моей семье, значит, отец и мать, и мне в то время был годик, и моей бабушке 100 лет, вот бабушку, кое-как довели.

А двоюродные, тети, дяди?

А, ну, это, у них свои семьи были, да, они мне были двоюродными, а родные, у отца было две сестры, и которые переехали в уже населенный пункт, тогда этот, назывался колхоз, Новый мир, а сегодня Сталина, Сталина сельский совет. Там входило несколько поселков. Так вот, моя семья попала в непосредственно, в Новый мир, а сестра отца и шестеро детей было, село Ейтай. Мне хочется сказать вот про эту семью, интересно, потому что мы близко общались, это родная сестра отца, это все шестеро детей, двоюродные мои братья и сестры. Село Ейтай – это было, чисто коренное население, и вот они с такой большой семьей, очень нормально приняли, вот, и они там прожили, по крайней мере, не голодали, вот. И самое главное и все стали разговаривать на казахском языке, а с моей семьей этого не случилось, потому что, потому что здесь было население русское, вот,

поэтому так. Вот кстати сказать, хоть русскому языку научились, потому что на Украине разговаривали тоже на украинском языке и немного на польском.

А Вы помните сколько, ну, вы маленькая тогда были, но, все равно, помните, сколько человек ехало в одном вагоне?

Нет, это конечно, я не помню. Но родители, вот родственники рассказывали, вот мои двоюродные братья и сестры рассказывали, что было, как говорили, как селедки.

Да. Так, а в какое время года прибыли сюда, на территорию Казахстана?

А, где-то прибыли зимой. Да, в каком месяце я, конечно, не знаю, но было холодно.

А жилье предоставляли, или как вы вот, куда приехали?

Ну, какое могло быть жилье в деревне, каждый жил в своем домике. И поэтому, конечно, сельский совет, с местным населением, разговаривали, просили, да и люди. Надо сказать, что народ в Казахстане доброжелательный, вот. Сами принимали, сами приглашали, как кого, кто как мог. Кто большую семью, кто меньшую семью. Вот мы жили, например, русская семья была, домик у них неплохой был. И они нас взяли.

А фамилию этих людей помните?

Я уже не помню теперь.

А как звали Ваших родителей, мы что-то не назвали?

А, моих родителей, отец, Павел Семенович, а маму Ольга Михайловна, а бабушку вот так помню, что ее Виктория звали. А поподробней не помню. Я только хорошо помню, что с бабушками, мое место было на печке, русская печка, печь была, бабушка там была, и я с ней.

Когда переехали родители, сразу устроились на работу, или как дальше вот устроились?

А как вот устроились на работу, в колхозе работы почти не было. Вот так вот, а началась вся с лета работа, дали участок, кстати сказать большой. Отец начал строиться, вот, там сообщалось с родственниками. Стали строиться, ну, хоть там какие-то домики, уже к зиме построили. И был большой огород, вот сейчас-то огороды подрезали, между прочим, удивлялись, что это за усадьба, вот для колхозника 5 соток оставалось. А тогда гектар. Там и свои луг был, и свой сад был, и картошки и всего, что хочешь. Уже за счет этого можно было жить. Ну, и работали в колхозе, в колхозе работали много. Ну, у меня отец был специалист по мельницкому делу, он работал на мельнице мельником.

А мама?

А мама на свекле как все.

Каким показалось благосостояние местного населения, местных жителей, когда вы приехали? Жили на равных, также бедно, или все-таки, были побогаче?

Вы знаете, я когда уже сама стала понимать, и помню, и понимаю, что все жили одинаково, и все жили бедно. Не было богатых, не было бедных.

Вот смотрите, акклиматизация, климатические условия, вот здесь, в Казахстане, сильно отличались от тех, где вот раньше проживали вы?

Ну, в смысле климата, у нас резко-континентальный все-таки, а там более умеренный климат. Но, самое интересное, что поразило родителей моих, что здесь огороды поливались, когда приехали зимой, и говорили, что огороды поливаются, мы никак не могли понять, как это можно огород поливать, вот. Потом уж поняли и научились, а на Украине там только ждали дождика, дождь будет, урожай будет, дождика не будет, урожай не будет.

В каком году Вы пошли в школу, какой был национальный состав в школе?

Так, я в школу пошла в 8 лет, раньше меня не могли отправить в школу, и нечего одевать было, и некому было за скотиной, за нашей, ухаживать (*смеется*). Хоть это,

несмотря на то, что 8 лет было, ну, типа пастушки я была, гуси, свиньи, на дуг надо было, вот это вот все за мной было. И в школу пошла я в 8 лет. Ну, национальный состав был...

Не казахская школа?

Нет, смешанная школа была. Потому что в Ейтае было чисто казахское население, они ходили в школу сюда, на центральную усадьбу там, скажем, колхоза, вот. А здесь русские, поэтому, где-то так, наверное, ровно было.

Вы были ребенком депортированных, правильно же?

Да, да.

Переселенцев получается так, что...

Да, да.

Как к Вам относилась администрация школы, сами дети?

А, ну, знаете, в то время, вот училась я, тогда Крупская была начальная школа, тогда была начальная школа 7-летка. Вот, я не помню, чтобы какие-то были там, различия, или как-то плохое отношение, я этого не помню, наверное, этого и не было, если бы было, то я бы, наверное, запомнила бы?

Вы на себе не почувствовали?

Вот так вот, да, я на себе этого не почувствовала. Я это очень, ну, как это сказать, отрицательно, очень больно для души своей почувствовала, когда я училась в Талдыкоргане, вот, 9-10 класс. И тогда мы уже состояли на спецучете в комендатуре, и надо было два раза в месяц приходиться и отмечаться, вот. И в классе об этом узнали, и учителя-то кто знает, как они реагировали, хотя, я в душе, не знаю, конечно, а ученики, нет-нет, а косо поглядывали. Вот, типа, кто ты такая, чуть ли не враг народа.

А в комендатуре надо было отмечаться со сколько лет?

Ну мне уже было 15 лет, как я уже ходила отмечаться.

Ходили отмечаться.

Да, и вот родители оставались, Крупская, сколько здесь 10-11 км, а я училась в Талдыкоргане. Жила на квартире, и вот чтобы мне на субботу-воскресенье попасть домой, надо было пойти и отпроситься, иначе, если не отпросишься, или где-то узнают, то были неприятности.

Были ли вы пионеркой, комсомолкой, несмотря на то, что...?

Да, была.

Были, да?

Просто у меня отец грамотный был и более прогрессивный что ли, и он это считал, что обязательно я должна учиться, я была пионеркой, я была комсомолкой.

Препятствий не было к тому?

Когда я поступала в пионеры, когда вот еще семилетней не было, я еще как-то чувствовала, а в комсомол уже вступала, ничего не было.

Ничего не было, да?

Ничего не было.

По окончанию школы, вот, как сложилась Ваша судьба?

По окончанию школы, это конечно было, очень обидно, очень даже обидно, я закончила школу, и у меня было желание, и желание родителей, чтобы я поступила в медицинский институт, я документы уже сразу при получении аттестата, отправила в медицинский институт в Алматы. Каждый день в ящик заглядывала, вызова нет, в комендатуре не отпускают уехать, так нельзя было. А когда пришел вызов, то тогда уже экзамены вступительные закончились. Я тогда уже разрешение комендатуры взяла, и поехала в Алматы. Вот так. Непонятно куда, но было желание, чтобы хоть куда-нибудь поступить. И поэтому поступила я, случайно увидела объявление, Алматинский кинотехникум.

Так.

И я тоже пришла, и там уже тоже набор был окончен. И, может быть, я бы так, это я потом уже не раз думала, там директор такой был Павловский, я пришла и говорю, откровенно рассказала, почему я опоздала, для поступления в медицинский институт. Что я репрессированная (депортированная), что я хожу отмечаться в комендатуру, поэтому я опоздала. Так я вот полагаю, может быть, он тоже был, польская же фамилия – Павловский, вот. И меня взяли сначала условно, потом я нормально учила, и меня зачислили, и вот так я окончила Алматинский техникум.

Деонизия Павловна, скажите, пожалуйста, а вот воевал ли кто-то из родственников или знакомых на фронте, и что с ними было после окончания войны?

Ну, на фронте воевал вот, с Ейтая, которые вот двоюродные два брата моих воевали.

А можно по имени их назвать?

Эдуард, их фамилия Малиновские, вот, Эдуард Иосифович, и Казимир Иосифович воевали. А, Эдуард был ранен, уже после войны болел и умер. Казимир и сейчас живет на Украине, Полевской области. Два года тому назад приезжал сюда, естественно, что тянет, потому что здесь было детство, юность и прочее.

А вернулся на Украину когда, в каком году не помните?

Ну, после войны вернулся.

После войны, да?

Ну, он все время в воинских частях прапорщиком был, и служил в разных частях, в Крыму служил, потом на севере служил, а потом уже окончательно, вот, во Львовской области город... осели они с семьей, так и живут.

Как дальше складывалась Ваша судьба? После окончания института, как вышли замуж?

Ну, как судьба складывалась, я закончила техникум, приехала, в областное управление кинофикации, и меня направили в Талдыкорганский район. Вот, инспектором по кино, в дом культуры. Ну, естественно, молодая была, это как-то больше была работа мужская. Вот, и поэтому мне, было (*смеется*) очень сложно работать, потому что киномеханики это все мужчины были. Вот, и все намного старше меня были. А я у них начальник, конечно, было так, и посмеивались, и, конечно же я хуже, ту же может быть, технику знала, чем они. Вот. Тогда было сложно работать. И слезы были и все было. Ну, вот как-то мой отец настаивал, надо работать. Да и сама я старалась очень, и, потом. Вот отдел культуры, наш и, село наше, Талдыкорганского района, стало одно из лучших. И уже в 57-ом году начальник Верховного Всесоюзного Совещания в Москву взял меня с собой. Единственного инспектора из Талдыкорганской области. Конечно, это было очень здорово, тем более, я дальше Алматы, нигде никогда не была (*смеется*). Не считая в детстве. Вот так вот.

Да.

Ну, и так складывалась жизнь. И ничего, я работала уже потом нормально, вот. И значит, э-э-э, 6 лет я проработала. И меня перевели директором городской дирекции киносети Талдыкоргана, театра вот директором я работала. Ну, здесь уже, конечно, у меня и появился и опыт работы. И с людьми, и технику я получше освоила, ну, вот так вот. Нормально.

Деонизия Павловна, а с какого года Вам уже не надо было отмечаться в комендатуре, когда сняли вот ограничение?

Вот знаете, я уже когда училась в кинотехникуме, тоже так это было неприятно, у нас в группе двое было. Я, Бежавская и немец, мы ходили раз в месяц так же отмечались, и вот в конце кинотехникума, это был где-то 56-ой год. Середина. Уже отмечаться было, отмечались, и уже мы ехали на работу, уже не надо было разрешение.

Свободно было, перемещение стало?

Да, окончательно – это был 57-ой год. У меня есть справка, что моя семья была под комендатурой, вот, с 36-го по 57-ой год.

А как менялось отношение местного населения к Вам, вот, с момента прибытия, и с момента снятия комендатуры, или...?

А вы знаете, что сказать, я вот вам рассказала, вот это в школе, потому что люди-то не знали, что, не понимали, что и чего, и почему. Мы и сами не знали, почему мы это ходим отмечаться, а местное население, допустим, там соседи и прочие, если мы нормальные люди, если у нас хорошие отношения, то никаких, конечно, никаких трений не было. Ни со стороны казахов, ни со стороны русских, ни со стороны никого.

Возникали ли браки с местными, с местными жителями? Вот среди поляков?

Ну, в общем-то возникали, конечно. Как и всегда. *(Смеется)* Для любви границ по-моему, не бывает. Ни национальных, ни религиозных, никаких.

На каком языке Вы общались с местным населением? Вот, когда приехали, позже.

Ну, вообще, когда мы приехали, у нас в семье разговаривали позже на украинском языке, поскольку с Украины. И немножко по-польски. И поэтому, когда я пошла в школу, я заново осваивала русский язык, это было сложно. Ну, ничего.

А скажите, а с местным населением?

А с местным населением мы жили среди русских.

Ааа.

Мои братья и сестры хорошо казахский язык знали, они выучили вперед казахский, чем русский. Вот, потому что они жили, среда была, да, вот среда была общения.

Были ли уже на месте прибытия другие насильственно переселенные народы, вот, когда вы приехали?

Я хорошо помню, это 46-ой год. Это уже мне было считайте 11 лет. Это я уже, конечно, хорошо помню. И к нам прислали чеченцев. Вот в село. И тоже также ходили с сельского совета, ходили, просили взять. И мы взяли чеченскую семью. Семья состояла, дедушка у них был пожилой, я даже помню его, звали Хазар. Вот теперь значит, муж с женой были и двое детишек. И они у нас жили. Ну, тоже нам помогали когда-то, мы им помогали как могли. У нас корова была, а у них дети маленькие, ну, как это. У нас мама очень добрый человек была и, естественно, молока им давала больше, чем себе. Вот так.

Вот смотрите, мы с вами сейчас поговорили о местном населении, о простом народе, а какое было отношение местной администрации именно к вам? Было ли отношение как к врагам народа со стороны администрации?

Я бы не сказала, что, такого не было.

Это кто-то к нам пришел. Это кто?

Это там где-то звонит.

Вот, Вы сказали, что папа и мама работали в колхозе? Как оплачивался труд, учились ли дети в школе, Вы говорили, что Вы учились. А как оплачивался труд?

Как оплачивался труд?

Да.

А вы знаете, как оплачивался тогда не было, что начисляли зарплату. Тогда трудодни начисляли.

Да.

Вот, я даже не могу как-то точно объяснить, ну, как-то ставили там, трудодней кто заработал за месяц, вот. Ну, а платить, почти не платили.

Мы с вами остановились на том, как трудодни. Как, что оплата шла трудоднями?

Тогда в колхозах начисляли трудодни. Эти трудодни оплачивались по итогам года, а тогда, как я помню, никаких денег особо не давали. А давали там, зерно, муку, натурой, вот, сахар, вот так оплачивали и все. А деньги, денег почти не было. Деньги вот я знаю, как в своей семье, в Кировске был райцентр, и базар, вот, мама по воскресеньям ходила. Продаст там, творог, масло там, че-то, сало. И что-то делала. Да, тогда особо покупателей не было. Одевались очень, я бы не сказала скромно, а плохо.

А с того района, с которого вы уехали, там кто-то вот оставался из родственников на Украине? Вы переписывались с кем-то или нет?

Ну, переписывались, там оставалась мамина сестра, со своей семьей вот. У них ночью, черный ворон увез мужа ее, а она с детьми оставалась, так и осталась, и вот уже даже после войны осталась уже.

А она полячка по национальности, да?

Да, да, да, да. Поляки, у нас все поляки, отец поляк и мать.

Чистые поляки?

Да, да.

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи, осведомители? Кто был во главе сообщества, и как он руководил? Вот вы объединялись, вот, как бы диаспорой? Что-то вот у вас было отдельно как-то? Или вот...?

Ну, как мы между собой общались на том уровне, что во-первых, религия сохранилась, и все равно отмечались все религиозные праздники, хоть не было костела польского, да, так вот и запрещали это все не только полякам, и русским и казахам, всем запрещали религию. Но общались все равно. Ну, вот насчет там стукачей, чего, я такое не слышала.

Как узнали о смерти Сталина, какая была реакция, о чем думали, о чем говорили, какие вообще были слухи?

О смерти Сталина, я училась в 10-ом классе, это был 53-ой год. Училась в Талдыкоргане, в школе Ушинского. И когда это объявили, вы знаете, это, что-то было жуткое, как, вроде, потеряли родного отца. Все плакали абсолютно, и дети и взрослые, все страдали, вот. По крайней мере, вот это осталось так. Я запомнила это, 5 марта, 53-ий год.

А было ли вот, какое-то, обида на человека, что вот так происходило с народом, что перевезли, или вообще ничего не было, ни в чем не обвиняли?

Ну, вы знаете, я хочу вот вам сказать, и мои родители, и родственники, и те все знакомые, это были деревенские люди, это были в основном люди безграмотные, и как-то им там мыслить, знать, кто виновен, в чем дело, просто не понимали и недопонимали этого. Поэтому, чего-то там где-то может быть на каких-то уровнях, что-то и было где-то. Но среди вот этого населения этого не было. Да и не могло быть.

Деонизия Павловна, а когда узнали о реабилитации, из газет или как-то иначе, как вот оформляли документы?

Вы знаете, вот 57-ой год, тогда, я повторяю, нам сказали, что просто не надо ходить в комендатуру и все. Я например в комендатуре узнала, вот...

...

Нам сказали, все теперь, видите, с вас вот это все снято.

Ладно. А документы о реабилитации вы...?

Документы о реабилитации я уже получила, знаете, вот буквально, наверное, в 90-е годы, что ли. Вот, когда стали говорить, что вот это было неправильно, что вот это вот все. И я пошла в областную прокуратуру и мне дали справку, что я являюсь жертвой, вот, сталинских репрессий.

Да.

Ну, вот сейчас, потом многие же, у них другие льготы есть, а многие пользуются льготами, репрессированные сейчас, имея вот этот статус, получает дополнение к пенсии.

К пенсии, да?

Да.

Скажите, пожалуйста, вот сейчас глядя из современности на те годы, какое у Вас отношение к депортации, вот в основном ну, вот, Вы сейчас вот мне рассказали, как воспоминания ребенка, да? А вот сейчас, с высоты Ваших прожитых лет, какое отношение к депортации, как вот Вы теперь на все это смотрите? Совершенно же иначе?

Ну, само собой, разумеется. А как можно смотреть, целые народы подымали, вот, срывали с мест, несмотря, там, на больных и старых, как вот у меня бабушка, бросали непонятно куда, и непонятно чего. Вот это было страшное дело. И я не только вот так смотрю, уже, как пострадали немцы в Поволжье, а чеченцы. Я вот знаю, как чеченцев вообще стогнали как скот, грузили и отправляли, даже не давали че-то взять. Вот так они теряли друг дружку, вот такое было. Ну, вот у поляков, хоть более менее, там, смогли что-то там с собой взять, все вместе уехать, а вообще, это, конечно, было страшное дело, и, политика, конечно, была ужасная, разве можно было вот так вот поступать.

Можно ли назвать, что это геноцид против народа?

Понимаете как, ну, вот, в целом, я не знаю, как можно сказать, ну, вот, в отдельных моментах, когда, тут вот так вот поступали, то вот, конечно, ну, я, например, знаю, мы ж общались, и родственники и вот общество с обществом. Если, например, в Кокчетав, лютой зимой привезли в чистое поле выбросили, и местное население хочет пойти дать там хлеба, или чего-то помочь и не пускают и люди помирают, это геноцид, конечно. А вот как вот нас сюда привезли и расселили и мы, никто с голода не помирает, ну, это уже не скажешь, что это геноцид. Это по-разному можно смотреть, где и как. Вот так.

Скажите, пожалуйста, как Вам удалось сохранить свою жизнь, свои обряды, обычаи, культуру, пронеся вот через столько лет?

Ну, наверное, это можно было сохранить благодаря, что это из поколения в поколение передается и передавалось. Я, например, от своих родителей еще знала, и что и как. Вот, а мои родители, я своим детям, вот, так что.

Скажите, пожалуйста, что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей, вот себе? Как вот Вы оцениваете...?

Ну, я бы лично сказала так, самое, наверное главное, чтобы власть сумела сохранить мир нашей республики. Потому что даже возьмите вот, а что далеко ходить, Киргизия, Молдавия, грузины, Украина, что там творится. Люди гибнут простые, вот. Власть дерется, а народ гибнет. У нас, слава Богу, этого нет. Всякое есть, где-то лучше, где-то хуже, но, в целом-то мы не боимся, что в нас будут стрелять.

Что бы Вы еще хотели добавить к тому, что уже сказали, ну, на те вопросы, ну, которые были не заданы лично для себя, может быть, у Вас есть какое-то воспоминание такое яркое? Вот, есть что рассказать?

Ну, так сложно сразу вспомнить (*смеется*).

Вот Вы уклонились от меня, от свадьбы, вот как Вы встретили своего мужа?

Ой, нет, не хочу я рассказывать (*смеется*). Это уже.

Он воевал?

Да, да.

Воевал, да?

Да.

Ну, это больная тема для Вас, да?

Да, да.

А теперь, скажите, пожалуйста, что бы Вы пожелали бы своим потомкам, вот у Вас внуки есть?

Внуков нет еще. Ой, а как нет внуков, я уже праправнуков жду. Конечно, есть. У меня 4 внучки.

Ну, вот. Что бы Вы им пожелали?

Вот, уже взрослые девочки, хорошие девочки. Умницы, одна живет в Актау, вот, одна живет здесь в Талдыкоргане, одна живет в России, и вторая тоже в Москве, тоже в России.

Тоже да, по городам разбросаны, да?

Да. Ну, что можно пожелать, конечно, счастья личного, и чтобы с работой все было хорошо, чтобы семьи завели хорошие. Вот, и самое главное, я опять говорю, чтобы не было войны, ведь это на земном шаре самое страшное, и чтобы не было этих экологических каких-то...

Проблем.

Проблем. Ведь сейчас Мексиканский залив, это же страшное дело.

После реабилитации многие ли вернулись назад, на историческую родину? И из Вашей семьи кто-то вернулся или нет, вот на сегодняшний день?

Ну, я вот что хочу сказать, ну, да, семья Малиновских, про которых я говорила, вот, они сразу после войны уехали, два сына воевали, и вот они вернулись, и они всем своим семейством большим уехали на Украину опять. Только не туда, где мы были, в Житомирскую область, а уехали в Львовскую область. А что, почему, я даже уже не знаю. Вот, потом, мы с отцом ездили к ним в гости, ну, вот так ничего устроились, понемногу. Еще что меня поразило, что у нас тогда уже это был 58-ой год у нас была советская власть как и положено, а у них там еще коммунистов каких-то из-за угла, Западная Украина, это страшное дело было. Ну, вот мамин брат уехал после войны с семьей в Польшу уехали, теперь, а остальные, мамина сестра здесь осталась, мы здесь остались. Кстати, у нас мама хотела в Польшу, а отец не хотел, ему нравилось в Казахстане, сказал, что мы никуда не поедem.

Да.

Так и остались, ну, я, например, об этом не жалею. Я вот как, считаю, что у меня жизнь сложилась в Казахстане нормально. И уже будучи, когда я уже работала, ко мне отношение было очень хорошее со стороны руководства, если что-то, я достигла уровня начальника областного управления, облисполкома, это, конечно, большой уровень. И никто меня никогда не упрекнул, просто, ценили мою работу и только.

Спасибо Вам большое за интервью, долгих лет Вам жизни, здоровья, счастья, и правнуков теперь уже.

Может быть, я еще что-то и не, ну, так сразу не вспомнишь, это ж целая история.

Да, целая жизнь.

Да, целая жизнь, все это, конечно, так сложно. Ну, я вот благодарна своему отцу, что вот он меня, считал, что надо учиться, как-то вот в других семьях у поляков, моих ровесников много здесь. И у всех там, 3-4 класса образования, вот почему родители не стремились.

А вот в городе у Вас, в Талдыкоргане, много проживает представителей Вашей диаспоры? Вот Вы же в доме дружбы собираетесь?

Да, да.

Много, да?

Много. Вот в Чубаре много, в Буденном много, вот, сохранились не уехали. Вот некоторые из них из Талдыкоргана уехали, вот где-то вот семей 3-4.

В Польшу прям?

В Польшу уехали сейчас, да.

Да.

Уехали в Польшу, потому что там нормальные условия. Там как, вот, сдают документы, и потом приходит сообщение, что мы вас можем принять.

А как...?

Где и как жилье дают.

А там тоже какие-то льготы сохраняются вот как для репрессированных?

Да, да. Для репрессированных там хорошие льготы, там повыше пенсия, чем просто.

Ясно. Ну, может быть, из-за этого вот?

Ну, у меня здесь дети, и я к Казахстану приросла (*смеется*). Никуда я не уеду.

Спасибо большое.

.....
Кайданович Вероника Брониславовна, полячка, 64 года. Были депортированы родители с Украины в 1936 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Ну, вот, настроились. Так, ну, Вы теперь с самого начала громко, четко.

Какой вопрос?

Ну, давайте с самого начала, да, как затронула депортация Вас и Вашу семью? Нет в объеме, за нами народ, как бы ходит, кружит (*смеется*).

Ну, получилось так, значит, это был 36-ой год, и о том, что будет высылка людей, конечно, никто об этом не знал. И как они приняли, это, конечно, очень тяжело, первое как они приняли, это был страх. Потом, ехать куда, что такое Казахстан, мы тогда практически не понимали, ...ближайшее местоположение, где они общались. Могли ехать, они знали, где Казахстан, это что-то далеко и страшно, наверное, как сейчас нам кажется Африка, далеко и страшно. Поэтому, когда было объявлено о том, что нужно ехать, был вопрос зачем. Но среди наших родственников таких вопросов не задавал никто. Никому не задавали, выполняли приказы и все. Старались, записались и ехали. Почему, это уже потом был разговор между людьми, поднимать земли Казахстана, научить казахов обрабатывать землю.

Вот так была тракторка, да?

Был вопрос, причем никто вопросов никто никому не задавал, потому что вы же знаете, это годы репрессий, высылки, вопросы нельзя было задавать практически, было опасно, задавать вопросы опасно. И это люди... они боялись задавать вопросы. Их высылают, значит, нужно в течение суток, какие вы вещи можете взять, только то, что вы можете унести. Они брали самые необходимые вещи. Ну, высылали в тех районах практически всех немцев и поляков. Кто там остался, остались наши, до меня они уже сейчас бы были двоюродные, троюродные тети, а для моих родителей, это были родные и двоюродные там оставались. Вот те, которые там остались, позже после высылки, в 37-ом, 38-ом году они писали письма, вот сюда. Вы счастливые, вас выслали сюда, чтобы вы жили, мы здесь, оставшиеся, мужчины, мальчишки, подростки были увезены, за ними приезжала машина «Черный ворон», «Черный ворон» так машина эта раньше называлась. Сейчас как-то более, типа, как машина скорой помощи, она была черного цвета. Забирали мужчин, и все. Если их повезли, то уже все. Куда они их девали, они конечно, догадывались, конечно никто не задавал, и боялись. Их всех убивали. Их просто увозили и расстреливали. Вот как мы знаем это место Хатынь, да. Их просто убивали и все. Поэтому тетки, которые наши выжили, они говорили, что вы счастливые, вы там живете в ямах, вы голодные, но вы выжили, выжили. Поэтому, значит, их высылают каким образом, надо в течение суток собрать все вещи, необходимые, которые вы можете сами утащить. Ветки, берут узелки, все, все это, то, что могут, оставляют, потому что было сомнение, от того, что это все скоро

вернут. Остаются их дома, их вещи, какая мебель они руками делали, дедушка все своими руками делал, свое деревянное, что имели, вырезали, все это делали из дерева. Потом, все это оставалось, нужно было выворачиваться, и жить продолжать, поднять землю в Казахстане.

В вашей семье были депортированы дедушка, бабушка, мама, папа?

Все были депортированы, с моей стороны, по одной линии.

Можно с фамилиями?

Да, пожалуйста. С моей стороны, со стороны отца это Ростбитские, Ростбитские в семье четверо детей, рожденные там, они их всех высылают сюда, всех их высылают сюда. Они все поляки, с двух сторон, а поляки, там рожденные на украинской земле. Это был 36-ой год. Но они живут в другой деревне, значит, маме 5 лет.

На момент высылки маме...?

Да, младшая сестренка, когда ...высылают, она рождается в дороге. Старшие, это еще трое, с маминой стороны рожденные, Бочковская, Бочковская со стороны мамы уже была. Бочковская Агилена, Бочковская Мария, Бочковская моя мама, Янина. Их пятеро в семье, и родилось в семье 10 детей, двое здесь умерли, здесь похоронены, они в младенчестве умирают, и двое похоронены там на Украине.

Воевал ли кто-нибудь из родственников на фронте, и что с ними было после окончания войны?

Воевать не имели право ни поляки, ни немцы, их на войну не брали, потому что они относились к разряду людей, которые могут предать. И они были высланы, с той целью, со стороны политики, если можно так говорить, чтобы они не мешали войне. Они мешали войне, потому что среди народонаселения, немецкого и польского, могли предать или помешать каким-то планам войны, ну, это знаете, только Господь знает, поэтому, их высылают сюда, чтобы они не мешали.

Как вот они...?

А причина была таковой, что нужно было поднимать земли, вот это вот было.

Как формировались эшелоны, и сколько человек ехало в одном вагоне?

Они ехали в вагоне, наши родные, в вагонах, где селили людей один на одного, была большая плотность. Как они спали, как они ели, очень тяжело, и во время, когда они ехали, очень долго они ехали. Когда они ехали сюда, в основном, это были почтовые поезда, поезда, которые перевозили скот, вот сейчас мы их как называем, почтовые, да? Они ехали очень-очень медленно. Когда мама, мамины родственники, ...они ехали через Москву, в Москве их формировали. Их формировали, они приезжали в Москву и их формировали. Вот, когда они приезжают в Москву, оттуда через Москву их формируют уже по Казахстану, так получилось. Поэтому, многие, которые дети были без родителей, или на время высылки, это самое, терялись даже во время высылки было такое. Сдавали в детдом сразу детей. Вот такие были моменты.

А ехали мужчины, женщины, дети, все вместе ехали?

Да, в основном, ехали, оттуда, которых высылали, это были полноценные семьи, это были мамы и папы и дети.

Не делили в дороге?

Детей не делили, вот как их садили с семьями, какого-то издевательства со стороны государства такого не было, нет. Семьи полностью собирались, с имуществом, количество семьи, и полностью высылались и полностью заселялись здесь. Формировали их точно даже конкретно нельзя сказать. Вот там уже на Украине, или там где-то в России, уже вместе здесь. Дети были маленькие, нашим родителям тогда было по 5, 7, 8 лет. Они этого не помнят.

А сколько дней находились в пути, трудно сказать?

Наверное, неделю. Долго они ехали, долго, это если бы сейчас мы бы ехали 3-4 дня в скором поезде, тогда может быть это было бы может быть 7 дней, может быть 10 дней, долго ехали.

Куда именно прибыли ваши родители, как назывался населенный пункт, куда привезли?

В Уштобе.

В Уштобе, да? Сначала проживали в Уштобе.

Они не проживали в Уштобе, их сразу формировали по деревням, по деревням.

И до деревни как добирались?

Пешком, до деревни добирались пешком, с узелками. Там, когда они ехали с Украины, на ближайшей станции, на поезд садиться, время было сутки, нужно было собраться, собрать вещи. Каждый ехал, шел до ближайшей станции на телегах, те, которые родственники там оставались, их везли всех на телегах. Вещи складывали, детей малых на телегу, там садили их повозки, и уезжали обратно домой. Родственники, даже кто оставался, все равно их ближайшие все соседи им помогали отправлять сюда. Государство в этом не участвовало, просто их садили в вагоны, без билета, без ничего, собрать вещи и все.

И как назывался населенный пункт, когда прибыли?

Они приезжают сюда в Казахстан, это уже Уштобе станция.

Нет, нет, а дальше с Уштобе, куда, где проживали?

Потом все, сразу по селам, немцев, куда заселили в основном в Чубары, да. Вот возле Текели был, в сторону Текели там мало у нас было поляков, в основном, здесь у нас Крупская, Кировская, Карабулак, Чубары, в Троицком, в основном, русские проживали, мало. Причем, когда высылаются, немцев, поляков, их селили по городам, которые были городки у нас, ну, в основном, это было поселение в деревне. Теперь, значит, их высылают сюда. В это время, в 36-ой год, идет страшный мор среди казахского населения.

Да.

Люди умирают, чума, сифилис. Я, мне 50 лет, я даже помню, как еще я была ребенком, когда я родилась, в живых оставались люди, которые переболели сифилисом, у них западали носы. Это же лечить было нечем. Почему они так страшно умирали, потому что не хватало витаминов, голод, а те года, именно, до войны, именно 36-ой до 42-го каждый год это были страшные морозы. Все, даже где-то, у людей были какие-то ранеточки, яблочки, это все вымерло. Ничего не оставалось. Страшный шел авитаминоз, чума и сифилис. Такие инфекционные заболевания лечить было нечем, если на войне тоже, в тылу, что было, йодом лечили все болезни. Не было лекарств, не было средств, ничего не было. В чем можно было...люди просто умирали. Вот мама рассказывает, как мы жили, в деревне уже, когда мы приехали в Чубары, просто по трупам, некому было закапывать казахов.

Они проживали в Чубары?

Да, в Чубары. Основная часть населения, если перевести на русский, пестрый означает.

Да.

Часть населения Чубары это были только казахи, там другой национальности не было, немножко было, кое-где, население русских. История русских, там уже затрагивается немножко другая. Со стороны русских, это были в основном переселенцы, да? После революции больше всего это годы коллективизации, 20-21-22-ые годы. И чуть выше до 40-ых русские едут сами. Они ставят перед собой цель, знаете, коллективизация, забираются земли, хозяйства, да там не получается, в большой депрессии, ведь люди теряют-то собственность, нажитое, а они узнают о том, что есть казахские села, где можно обрабатывать землю, и ехать запросто, землю можно не покупать. Просто садись, живи, работай на земле. И вот многие русские, население едут сами, да, сами. Они едут,

и говорят между собой за длинным рублем, т.е. они хотели подниматься, они хотели это все пережить, поднимать все, свои земли. Основное население русских у нас здесь было, в нашем районе, это Андреевка. Туда, куда селятся и донские казаки...

... район, да?

Да, ...район ближе к Андреевке. Здесь немножечко тоже в округе, Кировской, Карабулак, но, в основном они не оседали, осадение идет вот больше в Кировском, в этой части. И что, вот идет вот такая волна, идет волна поляков и немцев, высылка, видят русские такое положение, с другой стороны, казахи выбирают ...поселение. Они пишут уже, именно ближе к 40-ым годам, они пишут письмо Ленину, русские, которые здесь у нас...

Сталину, Сталину, 40-е года?

Нет, нет.

В 34-ом Ленин умирает, значит?

Это Ленину, Ленину, вот неправильно я значит сказала, это в 20-е года, в 20-е годы. Они пишут письмо Ленину о том, чтобы разрешили им иметь село, где бы преобладало население русских, потому что казахов мало остается, вымирают, поляки и немцы, они как-то больше вот, знаете, отличаются по обработке земли, а эти хотят сами и Ленин дает добро. Добро. Организовать свое село. Жить при большом количестве русских, это село Крупское, и они называют его в честь Надежды Крупской. Они даже вот сейчас мы замечаем, когда уже уезжают отсюда наши поляки и немцы, отсюда пришло время, там большая часть была русских в Крупском. Было там тоже несколько семей поляков, потом они знаете, переехали в Чубары, в Крупское, в основном туда уже в Крупское, в основном там были русские. Вот, а теперь вот у нас поляки садятся в Чубары, в Карабулак, Кировск.

В этих селах компактно проживало население, или нет, там помногу семей не оставляли?

Не разрешалось, они селили всех поляков вместе, кидали по семьям, компактно селились по семьям, это Кокчетав, основная масса поляков, самая большая, туда была вызвана малая часть, вы знаете, у нас здесь очень мало поляков, немцев гораздо больше было, чем поляков, вот немцы, как-то селились семьями, с родственниками, а поляков было выслано сюда очень мало. Вот знаете их так вырывали, с той местности, с того села, с того района, и вот так вот дети, их кинули, и они вот так вот здесь по одному жили, а Кокчетав, это уже была масса поляков, условия вот там, наверное, села, там, может быть Кокчетав, у них были школы польские, ни церкви, а костел польский, наверное, был там, и потеряли друг друга, поэтому, когда поляки поднимались, вот у нас в Чубаре одно село, да? Улица садовая, село, улица, где поляки, значит кто, только папины и мамины родственники, больше поляков нет. Сейчас они вымирают последние, сейчас доживают все... потому что дети у нас уже мои, трое живут в России, трое в Казахстане, в Талдыкоргане, в Алматы, остальные в России.

После приезда в Казахстан, давали ли жилье, или как-то обстроились на месте в Чубары конкретно?

Конкретно, специально жилье никто не готовил и не давал, кто не имел жилье, тот выкапывал на время ямочки, в которых он обустроивался, но, т.к. умирало казахское население, чума и сифилис, то оставались дома пустые. И первым, кому повезло, лучшие дома захватывали, кому худшие. Ну, конечно, какие дома там были, можно подумать, да? Они же строились на некоторое время, они заваливались, поэтому они пережили год-два, кто, где мог, потом начали уже отстраиваться.

На строительство выделялись какие-то средства?

Никакие средства, что вы, о чем вы говорите?! Только сам. Причем, это, выслали, это хорошо да, ну, ладно, это можно пережить, голод, мама рассказывает, 9 лет они не ели хлеб. У мамы в семье 5 девочек, и всех, они здесь живут. Мама заканчивает только семь классов, она больше учиться дальше не может, потому что одевать нечего. Старшая тетя моя, тетя Габриэла, она заканчивает вот эти семь классов, потом у нас было среднее образование 8, а

тогда в те годы было образование 7. Тетя моя старшая Габриэла, она заканчивает 8 классов, она очень хотела учиться дальше. Идет учиться в сельхозтехникум в Чубары. Да, как бы мы знаем. Ну, она тоже училась там год и бросает, потому что одевать было нечего. А чулочки одни были на 5 девчонок. А где же наш отец, да. Наших всех мальчиков, который был 16 и старше, отцов и дедов, которых забрали и выслали, забирают в трудармию. В Караганду, на шахту. Работать тяжело. Нужно было добывать уголь. Задача о том, чтобы надо было их кормить вообще, такого не было. Они добывали уголь, а кто во что одевался, как жил, это никого не касалось.

Бесплатная рабочая сила.

Да, это было, собирали в мороз картошку, мороженную в поле, чтобы выжить, кипяточек себе кипятили. И дедушка мой ... рассказывал так, давали нам тяжелую булку, невыпеченную такую булку, вот булочку эту они дают на неделечку, многие шахтеры, особенно, которые помоложе, они съедали ее сразу и умирали, желудок останавливался. Я говорю, ты был хитрый, нет, я эту булочку брал, разрезал на мелкие кусочки, высчитывал, чтобы мне хватило на паек до следующего раза. Кто имел вот такую внутреннюю хитрость, да, мы называем, это не хитрость, это сила воли, кто имел вот эту, вот так он говорил хитрость, тогда не было таких слов, это сейчас мы говорим, кто имел вот эту силу воли, кому нужно было выжить, и что дома дети, они вот так умели распределять, а другие просто умирали. Трупы там были никому не нужные. И в Караганде мы знаем, это же ведь тоже, и место ссылок тюремщиков, и место ссылок людей, которых выслали в те же трудработы, сколько там захоронений. И до сих пор ищут, да, могилы пропавших, кто в шахтах, кто репрессированный, кто высланы, политических людей.

При приезде в Казахстан местное население помогало вот чем-то чем могли? Продуктами питания?

Вот знаете, смотря на условия как они жили и как они вымирали, не за чем было обращаться, они просто голодали. Они просто голодали и умирали. Каждому можно было помочь, но со стороны государства помощи, естественно, не было. А со стороны народа, может быть бы они и помогали, но чем.

Сами находились в таком же плачевном состоянии.

Да, да. Проходит время высылают чеченов. Какой это год, когда высылают чеченов?

44-ый.

44-ый год, вот да, это уже конец войны. Вот когда высылают чеченов, чечены очень многому научили наших поляков и население казахское. Они научили кушать мамалыгу. Научили кушать кукурузу. Это была большая помощь на то время, потому что кукуруза давала неплохой урожай, росли и они подтянулись. И мама до сих пор помнит эту кукурузу. Сладость войны, кукуруза, мамалыга. Мама до сих пор помнит сладость. Знаете, в чем была сладость на тот момент, когда уже стали обрабатывать земли, ведь во время войны, когда первые 10-12 лет в основном пшеница, да. Потом стали свекла, это уже позже. Ну, вот когда лет уже, наверное, через 10-12, стали уже сеять свеклу. И вот сладость детей, это была свекла. Белую свеклу кидали в костер, чтобы она была немножко поджарилась, и вот ее кушали, потому что хотелось вот сладкого.

Как кормовая вот эта, да?

Сахара то не было.

Или сахарная вот такая?

Наверное, уже была сахарная свекла. Потому что она была сладкая, а кормовая она не сладкая, она белая, я помню мама говорит, и она иногда вспоминает, ей просто хочется, она не просто организмом, а сколько душой хочет поест то, что она когда-то ела. Она берет зимой обычный кочан кукурузы, еще ложит и варит ее.

Воспоминания видно.

Да, вот вы знаете это ностальгия по тому времени, может быть, хочется и первое и второе, это свекла тоже иногда. И тоже есть у нас национальное блюдо, в пост, готовить

вареники, пироги, сухофрукты, ну, яблоки в основном были сухие, и туда добавляется пережаренная свекла без сахара. Наши посмотрят, никто кушать не будет. Ну, вот мы, наше поколение, наши мамы, наши внуки, мы это едим. Может, она тоже привила любовь к этому. Кушаем, обязательно в пост это делаем. Воспоминания или от того, что это была привычка, поэтому, помощь вот со стороны чеченов, вот такая была. Но вот заканчивается война, чечены все уезжают, они здесь не останавливаются, не остаются, а поляки, немцы остаются. К немцам практически никто не уехал, но среди польского населения чуть-чуть больше было движения, кое-кто все-таки уезжал на Украину. Но наши, со стороны матери, бабушки по маме, они родились в Польше. Значит, моя прабабушка, это 14-ый год. Тогда, когда войной воюют немцы с поляками. Это 14-ый год. Наша, моя прабабушка жила не на территории Украины, а на территории Польши. На территории Польши. Мачковская Аделя мою бабушку звать. Откуда их высылают. Вы знаете вот так говорят, вы сейчас будете выезжать в Россию на время, на время. И вот вы знаете, они жили неплохо. Суальская губерния, Краснопольский уезд, село Ферей, Ферей.

Ферей, Польша.

Да. Это Польша, территория, т.е. три предка с моей стороны, это на территории Украины, а одна бабушка со стороны Польши. И вот они, их действительно везли как скот, их там формировали в Москве. Сказали, вы скоро вернетесь, нужно переждать войну, они собираются, едут. В вагонах, до Москвы, очень долго и тяжело. Прабабушка на станции, на одной из станций не доезжая до Москвы она выходит набрать воды, и получается так, что поезд тронулся, а она остается там.

Так вы ее потеряли, да, получается?

Это прабабушка, бабушка Аделя, они приезжают там все в Алматы. Ой в Манкубе. И вот эта бабушка получается вот прабабушка моя, а бабушка моей мамы, она видит, что поезд едет, она бежит следом. По рельсам, у нее разрывается сердце, и она там умирает. Идет бомбежка, почему раньше времени остановился поезд.

Раньше времени.

Раньше времени остановился поезд, потому что началась бомбежка, кто там думал, кто взорвется, кто взорвался, кто умер. Но предполагается, что именно так она умерла, а здесь вот приезжают и вот здесь формируют. Поэтому моя бабушка попадает в 5 лет, Аделя, на территорию Украины, туда. Работает у панов поляков. В семье.

Ваша семья, получается, пережила две волны?

Да, две волны переселения. Вот, да, получается, с одной стороны да, они в первый раз были высланы, и второй раз.

Возникали ли браки с местными жителями?

Наши родители, замуж выходили и женились, преимущественно на поляках. Ну, одна тетя с одной стороны вышла замуж за немца. Другая, другой мой дядя, по отцу, на русской женился. Т.е. вот таких смешанных особенно не было. Ну, дедушка говорил, что вот так, в течение всех лет, что они жили, они сохранили традиции, обряды, как могли язык, а все остальные со стороны религии все было сохранено, не было костела, собирались у дедушки на дому, у бабушки. Еще я не сказала вам о Буденном, Буденный это победа, да. Сейчас он называется Буденный.

Нет, сейчас опять переименовали.

Да, да, да. Но последнее название у него было Буденный. Победа, потом Буденный, там тоже было очень много поляков, так вот они передавали, у кого будет храм, там собирались, молились. Свадьбы там проводили по традициям, праздники по традициям, все это сохранилось. В течение всей жизни, хотя не было своей религии своих костелов, они все это сохранили. Все помним, мама нас учила, с детства, мы все это помним, потому что храм был дома. Молитвы были всегда. Очень любили веселиться поляки наши, наша семья в особенности, это было 35-40 человек. Мы только 2 бутылки вина, и нам хватало на 40 человек. Веселились так, что казалось, в наше время выпили бы ящик водки, а в то

время умели веселиться, умели пить. Причем это в нашей родне, да, ничего не убежит далеко... в нашей родне были музыканты. Один дедушка Борислав, мой дедушка, он играл на кларнете, второй дедушка Ростбитский Франц, он играл на трубе. Так дядя Лонский Бронислав играл на барабанах и на баяне. Мой отец Болислав играл на баяне, еще на балалаечке играет, старшая сестра моя тоже музыкальная, тоже играла на гитаре и на пианино, поэтому, это было. Вы знаете, в Чубары, уже не задолго после войны, появился первый, такой небольшой, наверное, земляной клуб. Потом его перестроили уже через несколько лет в кирпичный, сейчас там уже хорошее, красивое ДК. И вот когда это был первый клуб, был собственный духовой оркестр. Девчонки, если есть какие-то босоножечки или босиком, занимали друг у друга, бежали, потому что духовой как заиграет, да вы что, это же не усидишь на месте. Там все бежали, все танцевали, так было радостно, в тяжелое время, когда идет уборка урожая, не до плясания было, но, когда все это уходило, мама говорит, как мы успевали, ведь от зари до зари, мама уже была взрослая 19 лет, нужно было столько работать, ...работали, и потом, после такой тяжелой работы нужно бежать на танцы, не получалось учиться дальше, пришлось кончать всем по 7 классов. Так не получилось, хотя многие мечтали, кое-кто был недостаточно умен, чтобы учиться дальше, ну, только одна была причина, не во что одеться.

Когда приехали на территорию Казахстана, вы говорили на украинском и на польском языках, а как понимали, ну, как общались с местным населением?

Говорили на грязно украинско-русском языке, это был грязно украинско-русско-польский язык. Вот так говорили.

А с местным населением?

Наверное, я думаю, что больше руками.

Больше жестами, да?

Да, среди казахов, есть и говорили по-русски, то, на ломанном очень мало кто говорил.

А в школу когда...?

Тем не менее, были русские не надо об этом забывать, русское-то население тут уже жило. А поляки здесь 10-15-20 лет.

А школы были смешанные или какие? Какую школу вы заканчивали?

Школы только начинались, наверное, но были русские уже классы, классы были русские. Потому что русское население здесь жило. Может быть, это и был плюс, потому что нам уже было не так тяжело и сложно. Русские классы были, если в школе нужно было 4 класса казахских из них, 7 классов заканчивали, да, 4 класса казахских было, 3 было русских, ходили в русские классы, уже были русские классы сформированы, и были уже учителя, среди них были тоже русские учителя. Были и учителя немецкой национальности, вот мама сказала, вот их сколько было, очень хорошие были учителя. Если вспоминать то время, учитель, врач, это было святое. Какие у нас были врачи в Чубары вы знаете, какие они делали операции, в поселке, в селе, и какие были учителя. А когда я уже пошла в школу, тогда уже многие разъехались, но когда наши сестры и братья, они застали еще наших учителей, очень хорошие учителя были. Так что сейчас я вспоминаю, Екатерина Дмитриевна, Василий Серафимович, он был на половину казах, на половину русский, детдомовский, были детдомовские казахи, которые говорили очень хорошо на русском. Как они сюда попали, не знаю, вот они, детдомовские казахи, очень хорошо знали русский язык, и они переженились в основном на русских. Поэтому, когда наших выслали, вот такая часть населения была.

Смешанная.

Смешанная да с русскими, но русских достаточно было, и уже они жили здесь. Потом вот они стали формироваться-то по селам.

Какой режим отбывания депортации был определен, т.е. вот комендатура, что надо было отмечаться?

Комендатура была обязательно, конечно, сегодня бы если спросить у мамы, если бы она была поздоровее, спросить у нее, она бы все рассказала.

Комендатура была прямо в самом Чубары?

Да, комендатура была в самом Чубары, ведь это было, на каждый участок, допустим, наверное, 2-3 улицы там было, один работник, который подчинялся коменданту, 2-3 улицы другой, это были работники, которые обязательно выполняли государственный приказ, они смотрели за порядком, там тоже после 9-ти вечера, каких-то побоищ, шума не должно быть, за порядком смотрели, ну, я так думаю, в общем-то порядок был. Тогда было не до порядка, потому что был голод. Единственное страшно было то, что это были, вот чего я не знаю, тут, конечно, можно было записать, мама знает точно может быть мы с вами еще увидимся, я вам эти данные дам, точно, мама до сих пор точно знает сколько нужно было сдать, если у вас была корова, сколько нужно сметаны, молока, сколько нужно было сдать с курицы яиц, сколько нужно было сдать килограммов мяса со свиньи. И были такие семьи, которые просто умирали с голоду, которые просто...

Эта норма шла на всех?

Эта норма была на всех, не имеет значения, есть мужчина в семье или нет, есть братья, или там дяди, не имеет значения, на каждый дом, на каждую семью вот, вам выдается определенный участок земли, все. Это вам дает государство. Знаете, как сегодня, как бы мы сказали слово блат, такой блат, что вы сидите на своей земле. С каждого участка земли нужно сдать столько-то там урожая, столько там пшеницы, ну, в поле нет пшеницы, люди ходили на работу в деревню. Такая вот у них была зарплата, называется трудодни, т.е. палочка в тетрадке. Вот за то, что ты имеешь землю от государства, ты должен бесплатно работать, и зарплата была палочка, в тетрадке трудодней, ты вышла, ходила в течение всего сезона на работу, значит, мы за тобой землю оставляем. Все. А как ты кушаешь, как ты выживаешь, нет у тебя сил, здоровья, есть ли у тебя мужчина в семье – это не имеет значения. Один дедушка вот у нас, бабушка вот тоже потом рано умерла, один дедушка был на семью, 5 девочек, у него жена была больная, тогда уже после высылки, когда выехали. Вот вы знаете, а он пришел с трудармии, с Караганды с поломанной ногой и с одним глазом. Какой он был работник, он был порядочный, честный. Вот село называлось Алдабергена, вот как оно сейчас называется, поднимал Алдабергена. Но, если сказать о земле, о труде, и что такое кетмень, то мой дедушка был одним из первых из большей части, который поднимал землю Чубары. Руками, тяжело, он был и бригадир, и поливщик, и организатор, все вот это вот, земли он обрабатывал сам, это было очень тяжело.

Как узнали о смерти Сталина, какова была реакция?

Со стороны поляков вообще не помню реакцию, а какая была реакция, я не помню, потому что, если спросить наших, то они что-нибудь бы и сказали. Но я думаю, мама рассказывала, да, что многие боготворили Сталина, очень многие люди знали подробности жизни, и хотели узнавать, очень многие считали его членом семьи Сталина, каждый относился по-разному. Сегодня сказать со стороны поляков, как они восприняли, я думаю...

По-разному, наверное?

Ну, не настолько, наверное, чтобы вот так идти вот знаете на смерть за это, я думаю, не на столько трагично.

Когда узнали о реабилитации, из газет или как-то иначе?

Первое, что мы стали узнавать, это да, со стороны, наверное, пенсионных фондов, пенсионеров, потому что начали говорить о реабилитации, что будут давать какую-то помощь пенсионерам, которые уже на пенсии, да. Которые входят именно в годы реабилитации, добавки к пенсиям, мы стали собирать документы, у нас справки были.

Это был какой год?

Теперь надо опять вспоминать, или 15 или 20 лет назад, я уже не помню. Я ... приехала 18 лет назад, это было, значит...

Это, наверное, лет 15, потому что в 95-ом началась.

Давайте посчитаем, 95-ый год, 15 лет получается.

Да, да.

Да, да, знаете, это, наверное, 15 лет, вот так вот может быть 16 лет назад. Все это можно поднять, во если даже по документам посмотреть, если точно знать документацию, да. Ориентировочно 16 лет. А вот вы знаете, после этого, что сдвинуло нас всех, у нас стали дома дружбы появляться, стали создавать общества поиска украинские, еврейские, корейские, там, да? Поэтому у нас и появилось польское общество. Вот у нас Наталья Хмельницкая, которая в курсе всех событий, держала, помогала, со всех сторон как могла. Потом, мы благодарны ей как человеку. И обществу и государству, которое повернулось в эту сторону положительно. Понимая, что время прошло, можно это, во-первых, нужно забыть, простить, жить и радоваться, жизнь продолжается.

С высоты прожитых лет, вот взгляд на депортацию у Вас изменился? Как мама вот сейчас, вот Вы говорили, что она по-другому уже стала говорить?

В те года да, в первые, когда, когда нас выслали сюда оттуда, они естественно уезжать не могли, было не за что. Были ослабленные, больные, нужно было подниматься. Когда дети выросли, что они сделали, стали жениться, замуж выходить, уже пошли корни. Сразу уехать было невозможно, ни с какой точкой зрения, ни с материальной, ни с политической, ни моральной невозможно, но, как только это все улеглось, да, мы поднимаемся, государство поднимается, мы начинаем понимать, что начинается жизнь, восстанавливаются города и села, деревни, да, после войны. Голод потихоньку отходит, люди начинают думать о родине, они хотят, кто-то единицы только возвращаются, единицы. Основная масса населения все равно остается здесь. Потому что женятся дети. Корни, все, они здесь остаются, теперь проходит некоторое время, эти разговоры я помню, у родителей, у мам с папой, о том, что да, хотелось бы, но уже в Польше. Понимаете, не на Украину, а в Польшу. Хоть бы туда. И дедушка у меня там жил, на границе Украины с Польшей они ходили в магазин, как он говорит, ну, я пошел в Польшу за хлебом, переступил там, 500 м, километр, он уже. Да, специальное такое разграничение, границы не было вот, знаете как у нас Украина взялась, это часть населения русских, польских, уже перемешанная там, перемешался. Ну, какие там годы, 35-ый, да, поэтому, основная часть там, и на западной Польше говорили, что польские школы, но вот так у нас одна линия была чисто с польской стороны, все равно хотели, пытались уезжать, если получится, в Польшу, а не на Украину. На Украине многие поумирали, сейчас они уже, если есть там дальние родственники, там, кто выжил, кто остался, но, тем не менее, как время успокоилось, дедушка с бабушкой подняли своих детей, бабушка потом умирает у меня потом рано. В годы войны сказали, дедушка поехал на Украину, первый раз он ездил сам, проведать родственников каких мог, потому что ностальгия по грибам украинским, по чернике, ностальгия по родине. А как они уезжали, значит, они родились и жили в Житомирской, село Ивановка, а когда последние года перед войной, дедушка работал на станции Рахальск и там же, на этой станции построил дом. Мама говорит, как строили раньше дома, светлицы, одна большая комната и прихожка, и помню даже цветы какие были на подоконнике, хотя маме было 5 лет. Этот дом помнит. Помнит, как она к отцу, на станцию Рахальск, проведать отца, пошла или что-то ему донести, пришла, а он увидел, что дочечка пришла Янина, ее зовут Янина по-польски, и покупает он ей лимонад, знаете лимонад называется, вот она всю жизнь вспоминает эту бутылку лимонада, она берет это как драгоценность, это чтобы купить, вы знаете, этот подарок лимонад, и она его разбивает. Это трагедия до сегодняшнего 79 лет осталась в ее жизни до сих пор, до сегодняшнего дня, бутылку лимонада разбивает. И она до сих пор помнит вкус этого лимонада, вы знаете же, да, у нас была только одна разновидность лимонада, а сейчас много соков, напитков, этот

вкус он до сих пор вот здесь вот, он до сих пор у нее здесь. И вот это, приходится, вы знаете, приходится покинуть этот новый дом, который отстроили, нет, там, чтобы только начинать жить, дедушка сам своими руками построил на станции Рахальск. Они оставляют этот дом. И позже, когда они узнали, когда война началась, это была граница, как раз ближе туда к Польше, я думаю, в первую очередь сгорает дом, там от него места не осталось. Вот, и когда дедушка ездил, он уже ездил на прежние места, в Ивановск, где он там жил, попозже, когда мама подросла, уже была замужем, она тоже ездила с дедушкой вместе проведали, вот какие места остались там. Т.е. для мамы они были тети, дяди, там, дяди практически не было, может быть, тетя там может быть. Поубивали, кто умер.

Ну, а вот те, кто остался им возмещали ущерб, который был нанесен уже в 36-ом году?

Это была помощь пенсионерам, тем людям, которые включаются в года репрессии.

А жилье вот, не отдавали назад?

Какое жилье, на Украине?

Да, откуда вот депортировали.

А туда никто, никто не возвратился, если только пару семей, но из тех людей, которых я знаю, то не вернулся никто, только потом, когда открылась граница с Польшей, стала возможность многим, уезжают в Польшу. Но из наших родственников, никто не уехал в Польшу. Наши дети учатся в Польше, все. Моя дочь, племянники, но, старшая там осталась, за поляка вышла замуж, на Украину никто не вернулся, что вы. 20-30-40 лет прошло уже. Все забыто, все уже там развалено, там ничего уже нет, не осталось того, что было, этот домик, какие там раньше были земляные там, ничего не осталось. Только ностальгия, воспоминания.

А вот сейчас уже же как-то более открыто можно уже в Польшу ехать, все равно нет желания да у вас?

Границы открыты сегодня, можно поехать, но на этот вопрос я могу ответить так, на все воля Божья, сейчас у меня сноха, практически наполовину казашка, внешностью она темненькая да, как будет складываться у них проблема, проблема у нас сейчас, я считаю только остается только в языке. Кто будет с этим бороться, кто будет изучать язык, мы живем на казахской земле, и мы должны работать, я считаю, просто должны знать казахский язык, обязаны его знать, поэтому, как будет получаться, вот. Как дети наши учатся, племянники в Польше, может случиться так, что мы можем с ними уезжать. Поэтому, сегодня, о том, чтобы получать жилье в Казахстане, или помогали с жильем там, на Украине, или нашим, в этом вопроса не было. Просто была помощь небольшая, помощь денег, добавки к пенсии.

Что бы Вы пожелали своим потомкам, нынешнему поколению, будущему поколению? Это уже как бы подведем итог нашей беседы.

Что можно пожелать, вот посмотрите здесь, на цветы, зелень, да, и мне уже не 20, пережита жизнь, в жизни было всякое, что можно пожелать, дороже в этом мире мира нет ничего. Мира, согласия, где бы мы не жили, среди какой нации. Нужно согласие, мир, согласие, понимание, чтобы понять себя, нужно понять и окружающих людей. Посмотрите на сегодняшних казахов, которые вот сегодня в Чубары, где мои предки жили, посмотрите как они к нам относятся. Ведь для меня сегодня этот казах, который жил 20-30 лет назад, они мне как брат и сестра. Да, у нас сегодня уже населяется, оралманов много приезжает, да. Но вот те казахи, которые с нами жили, которые пережили, для нас были родственники, родственники. И, к сожалению, многие разъехались кто-куда, кто-то умер. Но, когда мы встречаем тех, ведь они помнят, они находят нас по лицу, они помнят наших предков, даже не зная имя, фамилию, мы определяем друг друга по лицу. Они знают моего отца, моего дедушку, я их, это очень здорово, очень хорошо. Т.е. вот это население, которое тогда получилось, которое жило вместе. И потом, вы спрашивали о казахах, да, потом они помогали, конечно, и всегда. Это дружелюбный народ, это люди, которые, у

которых мы должны научиться, большой у них дар есть, дар приветствия, дар поделиться, дар дастархана. Ведь не в каждой нации это есть, мы друг у друга должны учиться этому. Вы посмотрите, какое у нас получилось здесь население, да? Средняя Азия, Казахстан, Киргизия, мы не говорим сегодня поляки, мы говорим русские, казахи, да? Мы сегодня говорим на всех можно сказать только одну нацию, русские. Мы получились обрусевшие все вместе, посмотрите, мы знаем кухню разных национальностей, мы знаем традиции разные. И я была, ездила, немножко, да, могу сказать, что самые лучшие люди здесь, которые пережили, которые поняли, которые имеют даже какие-то общие и традиции, хотя, каждый своего придерживается, это хорошо и нужно. Нужно придерживаться, это передавать. Но, такое добро, доброту человеческую, я нигде не встречала. Понимание вот. Почему мы не спешим никуда уезжать, потому что здесь самые лучшие люди. Будь это казах, русский или немец. Поэтому, вот только эта проблема в языке, если наши дети будут здесь, конечно, сейчас со стороны наших детей, которые находятся в Польше, да, там будет стоять вопрос о помощи со стороны государства, помощи теперь уже нашим детям, студентам, возможно, если кто-то захочет там остаться, может быть, государство будет помогать с жильем. Именно реабилитированным полякам, ведь учатся дети только реабилитированные, и сейчас наши, которые учатся за счет Польши, а остальные дети, учатся за свой счет. Ну, что можно пожелать, мир, радости, добра, и самое главное, понимание, понимания. Нужно понимать друг друга, а если что-то, какие-то мелочи, не нужно на это обращать внимание. Живите люди просто, чем проще, тем больше любви.

Может быть, есть какие-то моменты, которые мы не затронули, и вы хотели бы об этом рассказать?

Что, конечно, мне немножко было обидно, что может быть, сказать, я говорила, что еще мы с вами встретимся и скажем о том, как жили наши дети здесь, наши родители, когда были детьми еще, вот это время, когда нужно было сдавать налоги. Это было страшно, страшное время голод, 10-12 курей, яички, ведь они их не ели. Вот мам рассказывала, как ей там было 8-9 лет, они жили в Чубары, бабушка жарит пирожки, тогда бабушка еще была жива, она жарит пирожки, нужно идти в Крупское и продать. Они не съедят ни один пирожочек, нужно каждый за копейку продать, чтобы был лоскуточек материала, для того чтобы еще пуговичку, ниточку. Вот что я помню, еще, что мне очень жалко своих родителей, что лечиться было не за что, и кушать то, что собирали, что собрать можно было. А немцы были такие люди, они были похитрее, они знают, если имели что-то, то они старались зарезать свинью ночью, чтобы никто, а она же кричит, попробуй ее закрой, чтобы она вот это. Все это видят, все записывают, все подсматривалось, все сдавалось, все работало четко, четко. Я помню как, не буду говорить его имя и фамилию, он был, значит, надсмотрщик над 2-3-мя улицами, как он один раз, там какая-то провинность, маму на коне бичом со всей скоростью стегал, ребенка там 8-9-ти лет. Можно понять, простить, я считаю, что это не вина там, не государства, это вина человека. Человеческий фактор был на лицо, жестокость к людям была, конечно, не было бы доброты, мы бы не выиграли, было доброты всегда больше. Но жестокость была, вот это очень жалко. И бабушка вот тоже пойдет, купит на детей, на семью, купит вот эту вот селедочку, вот идет с Крупского домой, а они ходили же пешком, ни телег ничего не было. И вот она берет эту селедочку, голову сосет всю дорогу, ...и приходит и на всех делит по кусочку, хлеба не ели. Вот какой пол раньше был, вот мама рассказывала, как они его натирали, натирали на праздник пасха, на рождество, натирается навозом, там вот натирать, да, высушивать навозом, да. На кроватях деревянных это солома, а кто побогаче, вот материал под подушку ложили. Какие там тряпочки, что они могли с Украины привезти, беднота. Со стороны мамы это была беднота, а со стороны отца моего, ...дедушка был, вот тетя у меня еще живет, тетя Юзефа, вот из моих, они уже все умерли по отцу, но самая старшая тетя Юзефа еще жива, да. Ей 82 года, да. Вот она живет в доме в Чубары. Вот она живет через дом от мамы. Золовка для меня это тетя, старшая сестра моего отца. Их предки были, если со стороны были, и люди со стороны отца по бабушке тоже были бедные, а по дедушке были середняки, а вот дальше, если в

глубь посмотреть, то там уже были дворяне, потому что вот это что-то осталось вот даже в характере и поведении. Это в крови, наверное. Это видно, да. И когда уже сюда дедушка приехал, он жил там первые годы, он не смог войти в ту тайну, у него как-то не получилось, они походили в трудармию, и он имел одну лошадь, кобылку, и он обрабатывал людям землю, и вот за это он что-то получал. Т.е. они были, и им казалось, вот что нам сейчас одна кобылка, а тогда это способность выжить, они что-то кушали. Если наши там со стороны мамы там травки, что-то кушали, какие-то лебеду, что они кушали, круп, муки же не было никакой, кукурузку, если масло ложечку там, на великий праздник, если добудут что-то. Вот так вот смешанная немножечко получилась, ну, получается одна часть у нас бедных, это была из середняков, потом уже пошло что-то, бедность, бедность. Вот тяжело, а они же в землянках жили, на полу земля, они где кто как мог, кроваточки вот эти взбить. И вот мама рассказывала, тетя старшая звали ее Габриэла, маму Янина, и как они ходили за хворостом. Вы знаете, когда я была ребенком, она сама часто рассказывала, как они топили печку хворостом. Я не придавала значения, я была ребенком, только вот через лет 40 спросила, мама, а почему ты всегда рассказываешь, что вы топили печку хворостом, ну как можно было печку, ну, вы же жили в земляночках, а почему вы не собирали дров, ведь что-то же росло, это Чубары, пестрый же знаете, не было ничего кругом, были просто кустарники, он просто пестрил кустарниками. Деревьев не было, это ж потом отец мой сам агрономом был, ...Борислав, вот задача тогда была, время озеленения когда вот у нас было, он вот учился, заочно учился. И вот это все озеленяли потом, а до этого-то все было кругом, зелени-то не было. В первые годы войны, аж до Талдыкоргана идем с Чубары, а не по той дороге, что сейчас, а наискось которая, я падаю там с голоду, там в шлепках каких-то, голая, они ходили, я падаю с голода, от бессилия, не могу дальше идти, а еще мы до хвороста не дошли, а тетя Габриэла, там сестра ее, берет и бьет меня кнутом, или палкой, и бьет, со всей силы бьет, чтобы я встала, не замерзла. Чтобы я встала. Иначе я замерзну, и все. А я, мама, ну почему же хворост, почему вы не дрова. А она говорит, ну, вот во-первых, можно было найти деревце, а рубить-то было нечем, топора ведь не было. Дедушка был в стройармии, а мы могли ломать то, что позволяли нам силы. Там ребенку 8-9 лет, что он может рубить. И нечем, и нечем, от голода. Поэтому у них умерла, здесь два мальчика похоронено, было вот считай, младенчестве тогда шло, и на Украине похороненные, два мальчика. Тетя Ванда у меня там похоронена была, кстати, вот она девочка, 4 мальчика умерло. Мы пятеро остались вот нас 5, а вот со стороны дедушки 5 детей умерло. Так тяжело было...

А как Вы считаете, благодаря чему Вы выжили вот в этих условиях?

Вы знаете, выжить, выжили, ну, и, наверное, господь помогал. Наверное, основное – это труд. Они ведь все трудяги. Вот они ведь все старенькие и до сих пор на землях, они боятся покидать свою землю, для них это родное, потому что вот сами строили, сами вытянулись, сами росли, детей всех своих выпустили в мир. Основное вот, конечно, с Божьей волей, труд, труд, усилие. Ведь именно здесь наши выжили все, кто потом, ну, маленькие, кто потом умерли. А так выжили все. Но, сейчас сказывается, потому что основные заболевания, болезни матери, это труд, лишняя тяга, потому что она тянула за мужчин и переохлаждение. Мы тянем как можем, но помощи мало. Все сказало, на здоровье все сказало. Она жива еще благодаря тому, что с Божьей помощью, что вот мы много чего делаем, чтобы она еще жила. И молимся за нее. За мамочкино здоровье я молюсь каждый день.

А папа в каком году умер?

Так, отец у меня умер 18 лет назад, 18 лет назад. Точно сейчас года не помню, он болел, очень сильно, тяжело болел. Букет болезней, как он еще жил, я вообще поражаюсь.

Вот смотрите, документы о реабилитации давались и на детей, и на родителей, вот у Вас документы о реабилитации на кого?

Документы о реабилитации и помощь со стороны государства, кто был выслан, начиная с 36-го года, и именно года высылки. Кто включался, и кто родился в годы высылки на территории Украины. А рожденные, вот тетя у меня родилась по дороге, в годы

репрессий, да. Но, вообще, в общем вот они включают, именно государство, и, я родилась в 59-ом году, и до 55-го года, якобы, включаются. Вот эти тоже входят.

Да, до 55-го?

Нет, не до 55-го, до 56-го кажется. Вот тогда, в эти годы примерно.

Вот когда комендатура да еще была?

Да у нас так как еще по Казахстану, ...там еще какие-то льготы на транспорт, вот. Ну, небольшие льготы, скажем так. Не помогают, не делают, потому что они очень незначительные. Это был разговор. А было ли это узаконено или нет, я не знаю. Т.е. на детей репрессированных распространяется или нет, я не знаю. Но, вот именно те, которые репрессированные, на них распространяются, которые были рождены в годы, наверное, до конца войны, наверное, именно на высланных, вот это 31-ый год. Те, кто высылаются.

36-ой год.

Ой, да 36-ой год, те, которые высланы, на них распространяется, вот на тех, кто был выслан с территории Украины. Мама была бы, она бы эти годы уже сказала бы.

Но болеет.

Можно было бы у нее спросить. ...ну вот тетя Ванда, она там живет, там шустро ухаживает за землей, все у нее слава богу. Вот у нее тоже можно было спросить. Ну, если вот получится, если вот в Чубары.

Я буду иметь в виду.

На воскресенье, ведь мы каждое воскресенье ходим в храм католический. Каждое воскресенье, каждый праздник, мы в храме. Может быть, там кого-нибудь поймать.

Ну, все, спасибо Вам большое за такой содержательный рассказ.

Пожалуйста.

Здоровья, всего самого наилучшего.

Может быть, он получился небольшой, содержательный, но по фактам, да. Можно поговорить с нашими предками, если что.

Нет, и так хорошо. Так много.

Тогда я не могу сказать ничего, я не готовилась, я бы у мамы что-нибудь спросила.

Да, просто спонтанно.

Вот знаете, что мы вспоминаем, мы не вспоминаем с вами годы, мы вспоминаем суть. Никогда не забуду как их стегали, как она эти пирожочки продавала, это мы слышали, это все очень тяжело. Я вообще поражаюсь, как мы выжили. Вот самое главное в наших предках, они ни на что не претендуют.

Ну, все, наверное.

Да, давайте.

А как Вас по отчеству?

Вероника Брониславовна.

.....
Шемчинский Тадеуш Иванович, поляк, 82 года. Был депортирован с Украины. Проживает в Казахстане, город Кокшетау.

Так, расскажите, что было накануне депортации?

Как выслали, да?

Да, да.

Как, пришел с сельсовета дежурный, до отца. Вас в сельсовет, его, пойдём, уже вот этот дежурный не уходит. Это я рассказываю как было. В сельсовет пришел, давайте свои паспорта. Значит, пришли и сказали, давайте свои паспорта, отец взял паспорт, приносит

сдавать, а вот что, вы на переселении. Как на переселении? Уже вот тут вот с отцом приходят два человека. Наш дом охраняли, чтобы мы никуда не ушли. Уже охраняли, пока нас не вывезли. Вот, а мы жили на самой границе, и как ...уже это как его ...вот это как его это уже была граница. Нас охраняли, а потом ночью нас, на нашей станции, нам до станции было все три километра. Они нас днем не вывозили, ночью. Станция ... была такая на Украине, 10 километров от нашей деревни, вот уже нас там разделили... погрузили в вагоны и увезли. И две недели нас, через Уральские горы, вот такой состав был, что через Уральские горы нас два поезда, один сзади, другой спереди. Было тяжело. Привезли на станцию Таинча, на станции Таинча уже начали распределять куда, вот и попали мы в это Озерное. В Озерном селе мы прожили, я был самый старший в семье, я пахарь был, пахал бычками, не думайте, что там бычками, сел и поехал, выпряг, завтра другие, а ведь надо ухаживать за ними и норму давай, была норма. Была сначала, нам на однокорпусный плуг, 75, там..., а потом сделали гектар, военное задание, пропахали, и пахал в войну. Пропахал в войну, после войны, уже стал работать и на штурвале, и везде работал, после этого пошел в кузницу, так я в кузнице проработал до своей пенсии. Было всякое. Было тяжело, очень тяжело, но выдержали. Отец был в трудармии, а я здесь, отец ушел в 43-ем, пришел аж в 47-ом.

Так, сколько человек ехало в одном вагоне? Когда вас перевозили в Казахстан?

Я же говорю, что в одном вагоне 80 мест имеется. 80 мест. Одни сломаны, на одной полке человек 8-10 было. Так размещали.

А чем вас кормили? Как кормили?

Кто кормил? Что имеете, то кушайте. Никто нас не кормил, только встречали как нас, куда идет состав уже идут, подъезжали мы, то включали теплые, кипятки брали, а скот, здесь же и наш вагон, наш состав везет скот, люди скот нам давали, для того, чтобы мы жили, ради нашего житья, вот нас 16 семей сдали две пары лошадей, четверо лошадей, сбрую, значит, свезли сюда, и этой, люди, лошади, кое-кто коровы, там лошади, даже кое-кто куры, все разослали, только везли.

Были ли те, кто бежали по пути?

По пути не бежали, потому что как их бросить, дети. А уже когда привезли, с места убегали, с места убегали. Сразу же, сразу же нам коменданта дали, стрелок, выбрали коменданта, и прораб, для разбивки села. Это вот эти вот.

А какие были природно-климатические условия?

Очень тяжелые, жили в палатках, жара, куда деваться, ни воды, ничего. Колодца все, шла вода на саман, никто никуда не разливал, кроме саман делали и все. Строили все сами.

Какой национальности были местные жители?

Там местные жители, какой национальности были, русские, большая часть, по соседству. Нам если бы не эта деревня, наша половина села не была б, они нас спасали, все. И картошку, и муку, идут к ним работать. Они чем, что-то дают, это люди были высланные еще при царе, в 1905-1906-ом году. Вспомогали нам, 6 километров, а мы как воскресенье, пацанята, все идем в Малиновку, то выпросим собачку, то кошку, в основном с Малиновки.

Жили ли в районе селения казахи?

Не, не, не жили у нас. Поляки, немцы.

А на каком языке вы общались?

Большая часть на украинском. На украинском.

Расскажите, как вообще режим, какой был у вас?

Вставай рано, ложись поздно. Какой режим, кто там режим. Работай побольше и будешь...вот в 37-ом году уже дело пошло, даже людям начали премии давать, хороший работник. Какую премию, телочку дадут, баранчика, давали вот такие премии людям. Заинтересовывали этим.

А вот скажите, как вот работали, как оплачивался труд, как, где учились дети?
Мои дети?

Нет, не Ваши. Вообще.

Ааа.

Депортированные (смеется).

Как учились, учились, как, вот я учился, пошел в первый класс, у нас была доска такая, на кольшках положенная, это была такая парта, это не, ну, где писать. А на скамейках тоже доска на чурочках, человек 10 нас сидит. А учителя что? Все у нас всего 4 класса сразу, два ...а потом уже с каждым разом большей уже. 6-5, если уже не семь классов. В деревнях по 7 классов само больше. Вот так.

А как питались, одевались как?

Как могли, кто как мог. Никаких, питания не было в школе, ничего не думали, чтобы кто-то кормил, взял лепешку, один другому, если дал, спасибо. Видите, мы ничего не имея, даем, отдадим другому, так питались.

Понятно. Как узнали Вы о смерти Сталина?

Ну, говорили, сообщали...

Какова была реакция?

Кто плакал, кто и смеялся, кто вообще помер. Вот так сказали. Налоги-то какие были?! Страшные налоги, если две коровы, то есть, одно знаю, пойдет на налог. Одна оставалась, с телочки...было время. Тяжелое время было. Никому его не надо вспоминать, и чтобы люди не знали за то время. Вы запишите, что уже все забыто.

Угу. Когда Вы узнали о реабилитации? О реабилитации своей когда Вы узнали?

Это уже где-то было в 95-97-ом году, а, это я уже свободен. Когда наградили за победу, за труд, за то и се. И уже потом. Молчали, все время молчали, уже вот перед перестройкой вот начали они репрессию, вот эти вот документы выдавать. А так молчали все время, никто ничего не сказал даже. Выжили, да выжили. Распределили в Казахстан, слава Богу, поселили, обработали земли, засеяли, и все и дело пошло. Приехали бедные, с Украины, два пацана. Один 27-го года, другой 23-го. Задумала бабушка уехать на Украину. Поехала, ее поймали, ее вернули сюда обратно в деревню, в деревне еще поймали, дали ей 10 лет. А пацаны остались, никакие, еще пацаны. Ну, тот старший пошел на трактор, вот, вот работает на тракторе, берет, женится. У одного дядьки хромая дочка, он берет ее, вот. Женится, живет с ней. А тому меньшему, куда деваться, он пошел в эту Малиновку, нашу соседскую, там русское село. Наших не брали в армию тогда. Он пошел в Малиновку, приписал еще себе три года. Ну ладно, Крупа фамилия, Крупа Вася, ой, Иван. Пошел в Малиновку, приписал себе три года. Пришла повестка в армию, забрали его в армию, дают ему честь и славу, что такого сына воспитала мать. А был комендант у нас очень вредный. Их бил этих, поймают их, они лазали и в кладовку, крали. Кушать-то надо, кушать. То он их бил, и все. И попал этот комендант этому Ваньке в армию, в его батальон. А его сделали уже главным, Ваньку, доброволец, он же приписал себе. Вот. И это, он уже пишет для председателя колхоза нашего, а у нас председателем колхоза был с 37-го по 50-ый год Николай Антонович, больше сирот не обижай, потому что мне Крупа тут так дает, что мне жизни нет. Очень много хорошего этот Ванька, ...мать пришла уже из тюрьмы. Ваньки нету, только Васька. Васька есть. А там мать взяла вместо того, это стола, самана, построила саман в болоте, вместо скамейки, все. Саманом обмазала...вот эта скамейка, а потом честь и слава, честь и слава, похороненная им, наш Ванька там-то, убили его и все. А Васька вот еще жив. Война.

Угу.

Война это самое страшное на свете, мне ничего так не страшно, как война. Хорошего им хочется, чтобы они жили, чтобы они не знали беды, об этой войне, это все. Чтобы мир был спокоен на свете. Вот, что я могу, вот такое пожелать. Что можно больше желать, кроме хорошего.

Шемчинская Ядвига Павловна, полячка, 74 года. Была депортирована с Украины. Проживает в Казахстане, город Кокшетау.

Скажите, пожалуйста, что было накануне депортации и как Вы узнали о том, что Вас депортируют?

Накануне депортации, как просто приехали, как родители рассказывают, просто приехали. Все собирайтесь, собирайтесь и вас депортируют в Казахстан, все всех моментально кто, что смог, тот взял, погрузили в товарняк, и повезли сюда. Привезли в Таинчу, Таинчи разгрузили, деревни-то не было, голая степь, на голую степь завезли. Вот мы жили в Черниковке, Кемеровского района, село Черниковка. Привезли, голая степь один ковыль и все. И это палатки раскрыли, расселили людей, у кого маленькая семья там по три семьи в палатке, если палатка большая, у кого меньше, значит, по одной семье. И все, так жили, делали саман и строили село. Такие дома строили только одна комната и коридорчик, все. В эту за зиму, за лето, построили, наверно, по штук тридцать домов, а может и больше, ага, построили и вот в каждый дом поселяли. Малая семья, там три души значит, три семьи, большая семья, но куда одна комната была, можете себе представить, спали кто где попало. Одна длиненькая комната, кухня тут сразу была, тут и койки деревянные такие, кто как смог смастерил все. Вот так спали, так жили, зиму пережили. Зимы суровые были, страшные, я помню, мы еще детьми были, копали туннели, вот к дому, покроет палками, снегами, по этим туннелям и ходили друг к другу соседи. Зимы страшные, снегу много было, ужасно. Вот так пережили, потом на другой год опять давай, опять строили и в тридцать седьмом году или в восьмом урожай был большой, в восьмом году сильно большой был урожай, на целину подняли землю, не было никаких налогов, ничего, да вообще не было элеваторов, не было, куда зерно девать. Вот это все зерно людям развозили по дворам, привезут быстарку эту, быстарка была, такое деревянное корыто сбитое, привезут высыпят два, три, десять, а у людей тоже не было куда девать, а оно и все гнило, все пропадало. Вот тридцать восьмой год был урожай, и вот все время не было, аж в пятидесятом году был урожай, в пятидесятом я уже была, лет четырнадцать мне было, в пятидесятом году уже был опять урожай. Мы только начали хлеб есть, уже были сытые, наелись хоть хлеба, вот такая была. Но что тут, детство было страшное, война, родителей забрали в трудовую армию, дети все работали, мы в школу, пяти лет уже шли работать, мы шли. У меня, я помню, соседки были, эти телятницы, две девушки и одна, пошли, будешь пасти, мы тебя хоть покормим, там вот берут, я там уже за телятами бегаю, они уже там молочка дадут в кружку там какую-то лепешку, ох, страшна там была жизнь. Вот такое было, а дети вот, в школу мы ходили, вот по семь лет примерно там нам было, уже мы летом школу кончаем и шли в бригаду работать вот. Мы были как взрослые люди, бригадир над нами командовал, мы уже были взрослые люди. И шли на прополку, эти ручки, сейчас вот перчаток каких хочешь, есть, а тогда же не было этих перчаток, руки колем, какими-то тряпками обматываем. Пшеницу, вот сеялку дадут, с конца в конец примерно там три километра, и ты должен пройти прозагонку эту, до конца прополоть. Там раз в день тебе привезут там воды, попьешь и все будь доволен. Дети работали страшно, работали все и до последнего работали, и война была, работали и учились, работали, дети-переростки в школу уже после войны, помню, ходили уже такие по восемнадцать, по двадцать лет в школу ходили. Хотят научиться писать и читать, по три и по четыре класса кончали, но лишь бы научиться читать, понимаете, и писать. И уходили опять, надо же работать вот. Не было во что одеться, одно платишко постирает, вы, конечно, не знаете. Постирает мама это платишко, в какую-нибудь, тряпку наматает, в полотенце такая качалка вот, была, как тесто мы катаем и рубель, прокатает его, оно как поглаженное, получается, понимаете, хорошая такая. Не было этих утюгов, было это, на угле, но пока его раздуть, и этой качалкой мы вот, этим рублем, рубель назывался, прокатает, все одел, побежал дальше. Одно платишко, а обуться были вот, как сейчас мы шлепки, мы вот носим тряпочные, а тогда были деревянные подошвы, сверху кожа вот, такие трепы говорили. Вот так мы ходили и в школу, и везде, обматывали, кто как, кто как мог.

Когда Вам сообщили о депортации, знали куда Вас везут?

Ну да сказали, конечно, сразу сказали, что в Казахстан, а как же сразу. Люди как умирали, но я еще маленькая была, мама говорила по семь, по шесть человек в день умирало. Старики особенно и дети, сильно климатизировало Украина и Казахстан – это же большая разница климата, там сырой и теплый, а здесь приехали, умирали ужасно, сами люди делали гробы, и сами хоронили. Вот такое было страшное дело, люди, что пережили это страшно, что пережили, что там говорить.

Сколько человек ехало в одном вагоне?

Восемь семей, их даже с коровами некоторые ехали, нет, я знаю, что отдельно, но везли некоторые, а некоторые не брали. А с какой стати, почему, так задумали, наверно, так вот мама когда-то моя говорила, говорит колхозы начались, мы сразу говорит, лошадь была и корова была одна, сразу сдали в колхоз, и сами пошли в колхоз, и все равно попали. Первым делом отправили сюда в Казахстан.

Были ли случаи, что вы сбегали по дороге?

О боже было, много, вы что да мы были здесь под комендатурой. В каждом селе был комендант, и комендант помощник, и стрелок был, и кто убежал было так, что даже уже из села уезжали тайком, продают все и тайком уезжают. Поймают на вокзале где-то, на станции, восемь лет тюрьмы. Не смотрят дети не дети, дети остаются, их посадят родителей и все. Ну кто как мог убежал, убежали по-страшному, потому что приехали, страшно беда была, что вы, это ужасная беда. Поэтому все, все, все. Даже помню, я еще пацанка была, помню, сидят старушки на улице и поют, Казахстан, Казахстан, где ты поселенный, нету хлеба, ни воды, с голоду умрем мы, вот так что, он старший больше работал, пахал.

Как назывался населенный пункт куда вас привезли?

Черниговка. Село Черниговка Кемеровский район, Кокчетавская область.

Возместили вам оставленные дома, скот, жилье, стройматериалы?

Никто, ничего ну кроме, что дома строили, а так никто, никакого скота не давал, ничего не давали.

Расскажите, какие были бытовые условия в первое время?

Какие бытовые условия, жили, работали, кто, как мог, так выживал, вот такие были условия. Жили под комендатурой вот. Даже в больницу, у нас пять километров Красная поляна, там хорошая была больница, от нашей деревни пять километров, туда в больницу сходить надо брать пропуск, если пропуск не взял, тебя поймают, все уже штраф тебе, родителям. И вот примерно, мы дети пошли, у меня сестра лежала в больнице, она тифом заболела, мама стоговит, давай сбегай туда, идем по ковылю, ковыль страшный был. По ковылю глядим, прячемся, чтоб нас никто не видел, и это забежим в больницу, помню там, такая посадка была, в той посадке попрячемся, или же в окно, или же вызовем, отдадим и так же домой бежали, чтоб от комендантов, чтобы не поймал нас. Под комендатурой были, вот страшно комендатура была. Ну, за то, что если б наверно не было комендатуры, то люди все уехали, все, не осталось бы наших людей, все бы уехали и потому что страшное дело было. А что у нас детства не было, не было, не было детства, не было ни одежды, ну ничего ни еды, даже в школе помню, когда пошла в первый класс, я помню, пошла, буквари были от руки написаны, напечатаны, учителя сами печатали. Писать не было чем, вот сейчас все есть и фломастеры, и карандаши, и что только нету, все есть для детей, а тогда не было. Возьмем сажи из печки вот, сажа из печки, дрова там солома, что там горит, там же не было дров, деревня была без леса, на степи. Этой сажи с дровок настругаем, теперь воды разведем погуще, напишешь так красиво, черное высохнет, красиво вроде бы все, как закрыл тетрадку вот эта сажа рассыпалась и ничего нету. Вот такое было вот, такая наука была. Когда-то учили хорошо, я вот сколько проработала, я сделала такой вывод: что когда-то трудно было, но учили хорошо детей, люди были грамотные, вот сейчас какие-то, смотрю, вот мне кажется, насколько я знаю, училась, простая была программа, дети ее осваивали хорошо и грамотные были, сейчас нет. Сейчас совсем другое какое-то совсем, но идет, конечно, я

понимаю все идет к науке, но совсем не то, я сколько проработала, ко мне приходили люди грамотные все, я работала завскладом. Придут, примерно техникум окончили там, ничего не знает, ни счет не знает, сейчас машинки есть, а тогда же не было еще, ни счет не знает, ни весов не знает, ну ничего не знает. Ну, что-то так не знаю, как их учили раньше, так не учили, если учили, то мы были грамотными людьми, мы все умели, и на счетах считать, и если я бухгалтер, то я все знала, все могла.

Какой национальности были местные жители?

Но в основном все поляки, все поляки, высылали с Украины. Немцы потом они же приезжали, они, где-то потом в сороковые года они приезжали. Ингуши где-то в сорок четвертом году, их прислали к нам тоже, они бедные тоже пострадали от души, приехали тоже с такого края теплого, тоже умирали ужасно. Греки были, корейцы были там, в селе у нас очень много корейцев было.

Проблемы были совместного проживания с местными?

Нет, нет, нет, люди дружные были, очень дружные были. Вы знаете, вот не было же ни телевизоров, ничего же не было, ни радио ничего не было, вот выбора, едет на верху лошади и стучит в окно, так завтра выбора, приезжайте в такое-то, приходите время, голосовать. А уже агитатор ходил по домам, а давали там ему примерно десять, двенадцать домов, а он в один дом собирает, читает газеты, рассказывает все, как будем голосовать, за кого, что все вот так было. Собирались люди, и с удовольствием потому что никакого развлечения не было, а вот потом идем голосовать. Это был большой праздник, когда шли голосовать, нам колхоз обязательно приготовит там что-то, и наварит холодца, мяса всего там люди покупают, берут и так давали, и угощали там. Магазин выезжает ну, в общем, был праздник такой, а не было, собирались люди, очень дружные были, собирались вот беседуют, я помню еще, маленькая была, к отцу придут в карты играют, беседуют, рассказывают кто, что, ну вообще были люди дружные, ничего не скажешь.

В районных селениях были казахи, проживали?

Нет, когда нас расселили. Там у нас не было, не было, аулы были далеко от нас.

Каким показалось благосостояние местных жителей?

Ну, местные жители, они как помогали крепко, казахи людям нашим помогали, они обеспечили и дровами, и что там, и молоко, сеном, сыр возили, масло возили. Ну там гостеприимные люди были, сейчас уже не такие как раньше, раньше были гостеприимными людьми, да, да. Сейчас все люди изменились, я вам хочу сказать, когда-то все были дружными, потому что была беда, поэтому все были дружными.

Возникали ли браки с местными жителями?

Да, вот что-то не так, вот сейчас больше, раньше нет, нет раньше. Вот особенно с казахами, я, вот, сколько знаю, раньше нет, нет вот так в деревне, были корейцы, так поляки с корейцами сходились, и жили, даже у нас в деревне были немцы тоже, а вот с казахами нет. У казахов свой закон был, у них строго было насчет этого.

На каком языке вы общались с местным населением?

По-украински разговаривали, в деревнях все по-украински. Как на Украине говорили, были такие деревни, вот Озерное там есть, вот он сам с Озерного муж у меня. Там все по-польски разговаривали все, и сейчас там также говорят, а у нас в деревне все по-украински говорили. Мы вот, я когда вышла замуж в деревню, то там все по-польски, там, в Озерном все, даже и у нас дочка старшая была там, она даже не умела по-русски разговаривать.

Какой статус и какой режим депортации были определены, то есть как вы жили?

Ну, какой режим в деревнях, какой может быть режим, работали с утра до вечера, и все. Ни машин не было, все же на быках, пахали на быках, зерно везут, первое зерно, зерно

фронту! Все фронту! Плакат, а для фронта все везли на бычках, это по три сутки, по четыре едут, в Тайнчу везут зерно.

Как оплачивался труд?

По трудовням, трудовням, вот поэтому у нас столько стажу, в его (у мужа) в его так у него сорок четыре года стажа, а если посчитать так семьдесят лет стажу, понимаете. У меня сорок шесть лет стажу, а что трудовни были, оно же не считается, и поэтому пенсия сейчас никудышная у нас, колхозная, люди, колхозные работники, они вообще обижены от и до.

Учились ли дети в школе?

Да, дети учились, конечно.

Как там складывались отношения с другими детьми?

Все нормально было, все хорошо, не было, разницы никакой нет, нет никогда. Я говорю, люди были до того дружные, что вам не передать сейчас, нет, нет, сейчас не такие люди и дети были дружные.

Как вы питались, как одевались в то время?

О, в то время страшно одевались, плохо потому что не было, не было во что одеться. У кого там одно платьишко, там какие-нибудь шортики, пошитые и все, и не было даже денег. Никто разговора не вел за деньги, надо было сдать, держишь корову, надо было молоко сдать за корову, кур держишь надо было яички сдать, баран держишь надо кожу сдать, даже свиной держишь, не давали смолить, надо было тоже кожу сдавать, все надо было сдать. Налоги страшные были, вот, даже держали все, все платили, чтобы как бы выжить, все надо было платить.

А питались как?

Вот, а питались все домашнее, все выращивали свое, и все домашнее картошка, что вырастим, пшеничку там давали, если давали. А то овес с пшеничкой намелим, в жернова выльем, вот на жерновах мололи, вот я сама лично молола на жерновах, возьмем с братом вдвоем, мама оставит, смелите. Потом придет вечером уже на такое, на решето подсеет чуть-чуть, лишь бы там полонка, эта вот и все, лепешки спечет нам, вот и мы так жили. Трудно было, страшно трудно было жить, но выжили. Бог дал, наверно, чтобы люди выжили. Голые, босые, раздетые, один фуфайку одевает, другой ждет, когда тот придет, чтоб дал. Не было ничего, не было, где-то только проталинка летом, весной, вернее, солнышко растаяло и все дети голые, босые уже играют в классики, бегают, мячиков не было как сейчас, какие хочешь мячи. С коровы накаатают, коровы линяют, шерсть вот эту накаатают, этот мяч, такой он твердый делается, и как врежет этим мячом, мало не покажется (смеется).

Как Вы узнали о смерти Сталина?

А я в школе была, объявили, что умер Сталин. Вот все плакали, я помню, у нас уже сестра моя, учительницей, самая старшая, работала, и у нас было уже радио. Помню к нам все, вся улица пришла послушать, значит, такая трагедия, когда-то был, Сталин умер. В школе мы везде там, митинг везде, на портретах ленты черные вешали, все это, все наша была работа учеников. Митинг был в этом клубе, люди все сходятся, идут, слушают все, кто плачет, даже плакали. А я сейчас говорю, за кем там было плакать. Он нас выслал. Он сколько людей перестрелял, придут ночью заберут, за что забрали, черт его знает, человека забрали, нет и с концом, забрали, нет и с концом, мать забрали, нет, дети одни остались. Никого нет, всех забирал подряд, всех и как забрал, так и с концом, так и расстреляли и где там они убогие. Нас всего, сколько в деревне забрали мужчин, очень много, один пришел, помню, один пришел, но он такой уже был ну как покойник, только что ходил еще, шкура и кости, он и вправду что там месяц пожил и умер. Но Сталин ничего, может он что-то, я не говорю, может что-то он и сделал для людей. Выиграл эту войну, может, может что-то, но, сколько он вреда сделал людям. Выслал, ну конечно, я так сейчас не раз сидим, я говорю, если бы не выслал людей так в Казахстан, вот все равно, вот тогда была целина да не в пятьдесят четвертом году, местами были еще степи, но вот именно тогда была в тридцать

шестом году целина, прислали голая степь, на голую степь людей поселили. (*Муж говорит*: три месяца люди жили в палатках, нас 16 семей с одной деревни, и в одной палатке 16 семей. Дали две палатки и подпалатник, когда людей много навезли, взяли у нас палатку, сняли у нас, и оставили нас только под палатником, так жили).

А когда вы узнали о реабилитации?

Как, не поняла.

Когда вы узнали о реабилитации, что вас реабилитировали?

Ну, когда тут, мы, когда уже узнали, да это уже вот последние, вот эти последние годы, что уже вот, можно сказать, при перестройке. Уже вот это пошло, как бы сказали вот, люди реабилитированы, надо им какие-то условия создать все.

Из газеты вы узнали?

Ну конечно, ну конечно, конечно, по телевизору.

А процесс оформления документов как проходил?

Ну, это мы уже были пенсионерами, уже в выплатном центре, уже мы оформлялись, что мы реабилитированы, там заплатили какое-то, мы еще ветераны тыла были и он награжденный (муж) и были тыловики еще, уже, когда мы на пенсию ушли, то уже это все оформились, все узнали.

А где нужно было получать документы о реабилитации?

В области, в этом, в архивах, мы брали в архивах, брали документы, когда нам объявили все это. Мы поехали в Петропавловск, поехали в Таинчу, там нет, нам посоветовали, езжайте в Петропавловск. Поехали в Петропавловск, и в Петропавловске пишем заявление, там нам сказали, как что, сразу я написала заявление там, подождите полчаса, правда сразу же нашли все. У них там, в архиве все было, все, все было, все старые такие документы все, и все нам выдали.

Скажите, пожалуйста, благодаря чему Вы выжили в этих сложных условиях, как Вам удалось сохранить свою жизнь?

Ну вот, так вот, так вот выжили как-то, Бог дал, наверно, работали, трудились крепко, крепко работали.

Что бы Вы пожелали своим потомкам?

Ой, своим потомкам пожелать, только чтоб они этого всего не видели, дай Бог (*Муж говорит*: всего хорошего желаем) и не дай Бог, чтоб они увидели то, что мы видели (*плачет*). У нас не было ни детства, ни жизни, ничего, но мы выжили в таких трудных условиях, мы выжили, спасибо Богу, нашим родителям и всем. А детям, конечно, пожелаю мира, мира и только мира, я всегда думаю, дай Бог, чтоб тут не было войны, это самое страшное, что есть на свете это война. Дай Бог, чтоб был мир, и мир, и мир на земле, это самое главное, а все остальное придет, будут работы и все остальное придет. Вот так вот.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

Али Муса Алиев, турок, 76 лет. Был депортирован с Западного Азербайджана, Вединского района в 1937 году. Проживает в Азербайджане.

Президент республиканского общества дружбы Азербайджан-Казахстан, профессор нахожусь в гостях у кандидата технических наук, профессора, академика Али Муса Алиева. Я бы хотел у Вас спросить, какое место в Вашей жизни занимает Казахстан?

Казахстан – это моя вторая родина. По сути, это моя судьба, моя жизнь. Моя связь с Казахстаном образовалась еще в 1937 году, проживающие в то время в Западном Азербайджане, в Вединском районе, ныне Армянская республика. В то время советский режим и армянская партия репрессировали, депортировали самых знаменитых турков, проживающих на Кавказе. В том числе подверглась и наша семья, в частности отец. В 1937 году, значит, его арестовали, дали восемь лет, выслали в Казахстан в Карагандинскую тюрьму. Через полтора, два месяца, значит, все население, мать сослали, трое детей, сестру, две сестры и я. Старшей сестре было в то время 10 лет, младшей два года, а мне три года. Связано с отцом, выслали всех родственников, значит, разместили в товарный вагон и направляли в Джамбульскую область. Мы ехали полтора, два месяца. На дороге очень было тяжело, от холода, голода, от болезней многие погибли. Даже родители потеряли своих родственников. Такая же судьба подверглась в частности нашу семью. Обычно когда, значит, на больших станциях товарные вагоны останавливались на сутки, полтора суток, находящиеся в этом вагоне спускались, набирали себе воду, продукты и т.д., и т.п. Значит, моя сестра взяла меня за руки тоже спустила с вагона и в это время неожиданно поезд тронулся. Когда тронулся, сестра не успела меня захватить с собой, я остался. Остался. Значит, в последнем вагоне один старик за волосы меня взял и затащил в вагон. Ну, надо было представить в каком состоянии находилась мать. Мать упала в обморок, через 2-3 часа привели меня. Тогда мать еле разбудили и сказали, что вот ваш сын. Таким образом, из нашей семьи по дороге погибло пять детей и трое остались. Так в то время возможности не было похоронить и т.д. Они обычно, когда поезд шел, они выбрасывали трупы, значит, за пределы железной дороги. Мы таким образом добрались до Джамбула. В Джамбуле два вагона остановили, отцепили и три вагона в районе оставили, остальные направили в Сибирь. По имевшейся информации, с Сибири ни один человек живым не вернулся. Из Джамбула нас переселили, от Джамбула находился порядком где-то 15 километров колхоз Кенес. Разместили в колхоз. Вся наша родственная связь из Вединского района где-то около 65 человек было. От холода, голода, сырости, без воды там умерло около 17 человек. Надо отдать должное, я, почему говорю, что мы обязаны казахскому народу, они по своим знакомым их похоронили по своим законам. Раньше было так, что просто нас разместили туда, условия не создали, больше медленной-медленной смерти. Ночью настолько строго было, нас из этой семьи 5 человек маленьких детей было. Окна по высоте около 60-70 сантиметров, туда только помещался ребенок в возрасте 3-4 года. Пять человек, три девочки и два мальчика, ночью от крика коменданта, казахи нас вытаскивали, ночью кормили, одевали и под утро, скрываясь от коменданта, через это же окно пускали нас. Таким образом, в течение месяца нас казахи спасли. После месяца, значит, оставшиеся в живых в этом клубе колхозном разместили по домам. Так мы боролись с самовывживанием. По сути дела, нас выслали из Кавказа, для того чтобы создать настоящую гибель, смерть. Учитывая то, что в Казахстане тоже живут мусульмане, они очень болезненно к ним относились. Я обязан казахам, потому что если бы не казахи, мы не жили бы. Тогда они, даже рискуя своей жизнью, они, минуя коменданта, вкратце от коменданта нас втаскивали через окно, кормили ночью и под утро, значит, опять. Тем самым они показали свой гуманизм. «Дорогое дитя мусульманина»: нас называя так, они нас спасли. Даже моя мать, когда с

тремя детьми ей было 24-25 лет, целых полтора года не разрешали работать в колхозе. Сказали: «У вас дети маленькие, ты воспитывай своих детей, а мы как-нибудь вас морально, материально вас поддержим». Вот, таким образом, мы выжили.

Получить клеймо врага народа мальчику в возрасте трех лет, быть сосланным в Казахстан – это тяжелое испытание судьбы, как случилась Ваша судьба в самом Казахстане?

Я сказал, запланированная медленная смерть, геноцид против турков, но, однако казахи нас спасли. Дали возможность для второй жизни. Я могу сказать, что настолько создали условия, что мы могли учиться, получить образование, только в нашей семье, вот, отец вернулся в 1943 году, у меня появился братишка. Он получил образование, окончил институт космических исследований, доктор технических наук, а я как доктор технических наук по дорожным строительствам. Мы получили, значит, образование.

Как вы вспоминаете Вашу встречу с отцом после его возвращения?

Я находился возле дома, вижу, мужик один идет. У меня спрашивает мужик один: «где Асна ханым»? Я у него спрашиваю: «зачем она вам нужна»? «Мне надо просто так поговорить». Я говорю: «Дядя рядом живет, пойдите, спросите у него, что хотите, поговорите». Он на меня посмотрел, посмотрел, спрашивает: «Ты случайно не Али?» я говорю: «Да». Он бросился сразу на меня, меня обнял, сказал, что мой отец.

Уважаемый Алим Али, по нашим сведениям, среди наших азербайджанцев репрессированных из района было 30 Героев Социалистического Труда, Ваши трудовые заслуги, Ваши подвиги являются такими же геройскими для всех нас. Я бы хотел остановиться на ваших трудовых успехах.

Такой не было возможности, допустим, чтобы я закончил школу, поехать в Алматы учиться, так как Фрунзе близко было. По моим возможностям, семейным возможностям я поехал во Фрунзе, поступил в Индустриальный техникум, факультет строительства городских дорог и мостов. Правда, я окончил с отличием. После окончания техникума меня направили работать, значит, в то время самая крупная стройка в бывшем Советском Союзе – Фрунзеш, продолжительностью упорная дорога, это 4-4,5 тысячи над уровнем моря, протяженность более 530 километров вдоль Сырдарьи. Я там начал свою трудовую деятельность. Там правда было около 12 инженеров с высшим образованием со всех концов бывшего Союза. Среди них только я был со среднетехническим образованием, поэтому я и днем, и ночью занимался над собой, для того, чтобы изучить дорожное строительство. Правда, я закончил хорошо. Через год главный инженер Фрунзеш ушел в отпуск. Тогда вопрос возник, кого же назначить главным инженером. Долгие были споры. Одни сказали, в то время меня называли Аликом, давайте Алика? Другие говорили, что враг народа, в верхах не согласятся и т.д. В общем, дебаты вправо и влево, в конечном результате, а я как специалист специализировался по строительству мостов, они, значит, организовали вышестоящие организации и через дней 20 созвали собрание, меня назначили главным инженером-строителем. Я начал свою трудовую деятельность на страницах Фрунзештата, впервые начато было строительство. Запроектировано было в 1937 году, а мы начали только в 1951 году, перепроектировали и т.д., тогда специализировался на строительстве мостов и строили через Сырдарью три висячих моста. В то время мостов было очень редко. На заводе «Красный Молот» в Москве заказывали элементы висячего моста и монтировали. Я участвовал в строительстве трех висячих мостов, принимал активное участие в строительстве туннеля 4 тысячи 230 метров над уровнем моря, протяженность 2,7 километров. Тогда я принимал очень активное участие в строительстве.

Нам интересно узнать, в каком году Вы возвратились в Баку? Как Ваша биография сложилась в Баку, и какие связи у Вас установились в Казахстане, и в Киргизии? Там думают, что Вы человек легендарный, представительства и делегации, которые приезжают, всегда интересуются Вашей судьбой, спрашивают, как Али

Алиев поживает? Где он находится? Как он, как его семья? Даже один из Ваших интересных мостов в Вашу честь назван.

Когда приехал в Баку, здесь тоже устроился на работу. Около 40 лет работал управляющим. Был приглашен в Киргизию. Правда, приезжали оттуда депутаты Верховного Совета, ездили в Киргизию. Приезжали, искали меня, а вас спрашивают: Али Муса жив или умер. Впервые я поехал 4 года тому назад в Киргизию, там в правительстве меня встретили. Я с делегацией, меня сопровождали, меня встретили, поехали по этому маршруту, где мы дорогу строили, город Карагель, по-моему. Там нас мэр города встретил с представителями президентского аппарата, там вот собрали совещание. Назван был один из висячих мостов через Сырдарью, дружбу Казахстан-Киргизстан. Там главный инженер-строитель Алиев. Правда, там разные дебаты были. Выступали, что Али Мусаевич там не работал и т.д. Это очень интересный момент был, а я, откровенно говоря, недоразумение, спрашиваю у него: тогда вы кем работали? Он говорит: чабаном. Я сразу понял. Мне, говорит, 17 лет было. Тогда 26-27 числа всегда пригоняли баранов к берегу Сырдарьи, 60-70 кубических метров выбрасывали, столько народов строили. Один, два камня падает, баран умирает, потом составляют акт 15-20, прораб подписывает. Были в Киргизии, там построили дорогу, оттуда впервые поехал в село Кенес в Джамбульскую область, это недалеко от Джамбула. Значит, поехал искать могилу матери. Я столько искал, не мог найти свою мать. Я вправо-влево, и т.д. Вынужден был попросить прочитать коран. Может, кто-то из них троих моя мать. Это не только судьба, это моя судьба. Таких сотни тысяч людей, которые похоронены в Средней Азии, в Казахстане. Они сейчас ищут в возрасте, они переживают, где мой отец, где похоронен, где моя мать похоронена. Вот такими переживаниями. Значит, вот этот геноцид, который раздал Советский Союз, трагедия по наследству.

Процесс депортации очень сильно отразился на кавказских тюрках, на азербайджанцах, на представителях других народов. По моим сведениям, так что среди репрессированных оказалась Ваша будущая супруга, которая попала в волох репрессированных действий Сталинских репрессий. Мы бы хотели узнать о ее судьбе.

Это судьба такая. Это судьба Западного Азербайджана. Они тоже с такого рода, их тоже выслали в то время с Кавказа. Сперва выслали в Сибирь, там погибли все, остались отец и мать, остальные все погибли. Вот они приехали в Узбекистан, с Узбекистана добрались до Азербайджана. Чисто случайно, судьба. Когда мы были знакомы, они тоже сказали, что мы репрессированы.

Я бы хотел услышать о Вашей дружбе с Вашим тюркским писателем Чингизом Айтматовым.

Сейчас мы знаем, что Чингиз Айтматов – это великий писатель и т.д., он учился в Джамбуле, жил в Таласе, Таласский район, рядом с Джамбулом. Я учился у себя во Фрунзе, чем Алмата мне туда ближе. Так он учился в ветеринарном техникуме. Чисто случайно с чеченцем я создал условия, чтобы избежать скандалов. Мы потом мы встретились, когда я учился, окончил, мы там столкнулись, я ему говорю: что вот помните и т.д. Он мне говорит: единственный человек мое детство вспомнил. Он в руках держит мост 109 метров, который висячий мост через Сырдарью строил. Это везде он пропагандировал, что он мой товарищ, мой друг строил этот мост. Это дорога матери, дорога жизни. Вот он принимал активное участие. Тогда значит, приехал в Баку, он здесь встретился со мной. Мы тут отдельно встретились, депутаты там, послы и так далее. Я встретился с ним отдельно. Моя встреча с ним, я создал условия, чтобы мы встретились. Он мне говорит: на мое 70-летие я тебя обязательно приглашу. По работе, по молодости мы с ним знакомы были.

.....
Мустафиев Салим Самантович, турок-месхетинец, 88 лет. Был депортирован из Грузинской ССР в 1944 году. Проживает в Казахстане, Алматинская область.

Чтобы не убежал туда, ночью 450 студебекеров поднял, ...утром нас собрали в 5 утра, говорят, мы вас выселяем в Среднюю Азию, все сумки здесь оставляйте. Весь скот, все оставили.

А почему вот так, что сказали? Почему вот турков выселяли?

Они нам не сказали, не объясняли, почему нас выселяют. После слышали, когда сюда приехали, как Гитлер сказал Турции, давай оттуда второй фронт открывать. Грузию, Армению, Азербайджан, Кавказ тебе отдам, ... а за это вот окоп копай. А нас собирают молодежь и говорят, если Турция открывает второй фронт, то...

Перебежчики...

Партизаны.

Партизаны.

Скажите, пожалуйста, депортация как затронула Вас и Вашу семью? Значит Вас, Ваших родителей, дедов, вот бабушек?

Всех, всех, всех.

Всех Вас да, затронула?

Всех.

А в какое время это произошло? Дата, какая была, Вы помните?

14 ноября в 8 часов утра.

И год?

1944-ый.

1944-ый. Место высылки какое было? Место, откуда Вас выслали?

Грузинский ССР.

А вы жили в грузинском?

В 44-ом Аскийский район, 14-го ноября, 8 часов утра, собрали собрание, сказали вас выселяем в Среднюю Азию.

А куда? В какое место?

Он не говорил. Средняя Азия. Здесь сколько оставите, там получите все. Так сказали.

А, вот как говорили, да? Сейчас мы дойдем до этого. Вот накануне депортации какие-то слухи были?

Конечно, нет. У нас никаких слухов не было.

Не догадывался никто?

Не, не, не... сначала наши там, в сельсовете наш район от границ защищали, первая машина подъехала, сюда ... 450 студебекеров ... и очищали границу, ракеты, ракета.

Да.

И как светало, и так нас собрали, вас выселяем в Среднюю Азию. И не говорили, за что высылают, и какие нарушения. Ничего не говорит.

Бумагу показывали какую-нибудь?

Нет, не показывал. До этого, 3 месяц вперед в каждом селе себе поставил грузин, армянин, капитан, майор, чтоб он следил, они знали, когда выселять будут, ... когда подъезжали, не подпускали к городу. Не допускал, ничего не говорил.

А с собой что-то разрешали брать?

С собой не разрешали.

Вообще ничего, да?

Я же говорил, что каждому была машина студебекер, человек, два автомата, два солдата. Чтобы не убежали. Как видит, садись, говорит, домой хотел забрать чемодан с собой, война была в Крыму, Феодосия я был ранен ...и мне не разрешили взять чемодан. Сюда приехал, сейчас я не считаюсь участником войны... Я писал в Москву, какой был город Карачаевск, автономная область, я там...

А Вы расскажите, как Вы воевали? В каком году Вы пошли на фронт? А фронт, в каком году пошли?

В 42-ом в январе. В 42-ом из дома призвали в январе. Призвали, мне тогда было 20, а 22-го как раз в 42-ом призывали.

А где Вы воевали?

В Крыму.

В Крыму.

Потом я сюда приехал, был ранен... писал в Москву, там отправили дело, а ответа нет, вот, чем докажешь, чем докажешь?

Это получается, что Вас ранили да?

А?

Ранение произошло?

Да, ранение произошло, видишь, вот.

А-а-а.

Вот здесь все. Ногу.

И Вы, получается, в 40 каком году вы приехали, в 43-м?

В 42-ом, в 43-м.

В 42-ом, в 43-м. После ранения, да?

Ага.

И в 44-ом уже, да?

И в 44-ом уже выселяли.

И в 44-ом уже выселяли, да?

Ага.

Значит...?

В 42-ом году, в 43-м вернули, я работал бригадиром. В совхозе бригадиром. Отец, был заведующим колхоза, сестра заведующей фермой. Ну, они не одних нас выселяли, всех выселяли. Грузин, армянин, азербайджан, ни одного не осталось. Грузия всех высылала, турки, азербайджанцы, курды, грузины, всех.

А кто-то сопротивление оказывал?

А?

Сопротивление кто-то оказывал?

Нет, нет. С автоматами же стояли. Да, объявили же там по радио, кто сопротивляется, их сразу стрелять. Я же говорю, в ворота не пускали, что-то в связи с моей болезнью взять, чтобы чемоданы, мне там книжку дали, кровь 2 группы ...туда никто не пускает, солдат кто, грузин, армянин, что им-то остается все. После нас там они заходили, грабили, там ну, что, есть, то есть...баран, все, скот забрали.

Все оставили, и другие семьи тоже, да?

Все, все оставили. Только постель, кто успел, постель захватили, одеяло, захватили и все.

А, а, Вы не знаете, кто остался вот в этом поселке, где Вы жили?

Никто не остался.

Помните прям?

Помню, никто не остался. А после этого наш завхоз, грузин, армянин уехал, там фермы стоят, ... ферма.

Да.

Там же никто не живет сейчас.

А, как везли вас? Вот эшелон, вот, сколько вас людей там было? Вот в поселке?

Поселок был небольшой, 72 дома было, 450 человек население было.

Это сколько, там большой эшелон был?

Товарный вагон был... когда от границы, грузины везли, ... а потом машину вернули обратно, так получили одна семья в другой попала, одна семья в другой. Вот так все. Вот так мешанный, мешанный товарный вагон.

Много было вагонов?

У-у-у, вагонов хватало. Эшелон за эшелон, первый эшелон открылся наш, в Алма-Ата тогда прибыли через 16 дней.

Это вы 16 дней в пути были, да?

Дорога 16 дней, мы ехали.

Вагон товарный, сколько человек поместилось туда?

Ой, там 30-40-50, одно как барана, толкал и все.

А как там располагались, там?

Как располагались, так и спит, как в туалет, там дырки сделали. Вот, там справлялся. Каждый сам горячей водой мылся, горячую воду взяли, туда-сюда. Иногда хлеб давали, на каждой станции не давали.

А как вот голодные были, не успели с собой ничего взять, да?

Кое-что захватил, кое-что не хватает.

Все остальные тоже не успели ничего?

Нет.

Нет, да? Получается без еды, вы ехали почти...

Много было, а дорога, сколько умирало, сколько ехал, а на каждой станции, каждый вагон, два-три человека бросал. Из-за голода, из-за холода. Как до Урала дошли, мороз, товарный вагон то ...сейчас не сяду в товарный вагон. Все умирает, и бросает в этом, забирает.

Умерших?

Да.

А кто-то убежал с этого вагона?

Нет, ни один. Куда убежишь? Когда вагон привезли... грузили вагон, и вагон закрыли. Закрыли, пока отъехал,... потом открыли. А... потом вышли, чтоб закрыть.

Теплую одежду давали, нет?

А?

Теплую одежду не давали, нет? Вот еду сколько давали? И одежду?

На каждой станции что-то давали, на каждой станции, баланду приносят ведро, потом еще будет тебе. Баланда с мукой чуть-чуть-чуть.

Остановки, остановки, вот Вы по пути ехали?

Ехали, на каждой станции останавливается же.

И днем и ночью останавливали, или только ночью останавливали, да?

Да. И днем тоже останавливали, когда пропускает другой поезд, а 16 дней дорога же...1 декабря сюда приехал первый эшелон, а тут мороз, снег, все голые, босиком дети. Потом один приехал, ...там один прям с вагонов принимает, потом я подошел к человеку в

военной одежде, я ему сказал, меня отправьте в хорошее место. А он говорит, я тебе скажу, когда привозит пригородной. ...машина возит как это, по одной, тогда не садись увозят далеко ...когда повозка на лошадах, вот подъедет, говорит, садись...

А, здесь Вы в Малую Станицу попали, да?

Да, в Малую Станицу.

А вот когда Вас привезли, Вы знали, что Вас в Казахстан везут?

Люди, откуда у нас знают, куда, откуда. Хорошо приняли казахи, молодец. Таких казахов сейчас нет.

Да?

Как, очень гостеприимно были, детям последнее молоко давали. Когда вспоминаешь, просто трудно (*плачет*)... голодный, холодный, потом здесь на кондитерской фабрике работал 3-4 месяца, потом на совхоз работал ровно 50 трудовых лет.

А вот когда Вас, вот Вы приехали, там, куда Вас пустили?

Сразу в баню, в бане купался... потом нас по квартире, вот к казахам подходим, комнаты есть, они принимают, нам одежду дают, и ... молоко дают, питание. Вот казахи нас спасали.

А Вы с кем были, получается Вы, Ваши родители?

Да, родители, мать, отец, брат, сестра, вместе были все.

Бабушка, дедушка?

Бабушка, дедушка был.

Тоже да, все вместе?

Да.

И вы с кем получается, к кому Вы попали, казахи?

Ну, не знаю, казахи, я не помню фамилию, это мать знала. Тогда казах был очень гостеприимный, потому что у нас вера одинаковая, мусульмане, казахи нас спасали. Так же с казахами мирно живем, очень уважаю.

Вы жили тогда вместе? Что у Вас было тогда? Комната? Как вот Вы?

Ну, вот два комната была, это даже много было. Они один комната всем нашим, всех они нас спасали.

Это дом был? Дом?

Свой дом, свой дом.

А вот Вам говорили, что возместят, то, что Вы там оставили, там, скот, имущество, говорили, что возместят, когда Вы сюда приедете?

Нас когда выслали, сказали, все оставляйте, все получите. Какой там получите? 40 баранов получите, 4-5 коров получите? 210 кг живого мяса давал у нас скот дома.

Ничего не дали.

Да.

Вот Вы когда приехали в Малую Станицу, там были только казахи или...?

Нет, были русские, тоже были, казахи вот были в колхозах, совхозах, когда приехал в Алма-Ата, там казахов в городе 9-10%. Другой национальности много было. А казахи баранов, скот пасли, они не любили в городе жить, их вывезли скоро же, они в аулах раньше скот много держали. Ну, наши говорят, что казахи спасали. Не одна семья спасала, а все.

Всех спасали. А проблемы какие-то были с ними?

С ними у нас никаких проблем не было. Уважительный народ, они детей жалеют, плачут, голые, босиком приехали, ой-ой-ой говорили.

А как они жили на тот момент? Вот хорошо, плохо, как они жили?

Казахи?

Бедно или...?

Ой, ни здесь точно такое же было время. Ой, время было, комбайн работал, сенокосилка здесь, совхоз работал. Время войны.

А вот браки были совместные, вот, допустим, женились, а-а-а, допустим, турки с местными, например, были, вот?

Были, были.

Были да, с местными? А Вы когда приехали, на каком языке с ними разговаривали, на русском или на, как?

Я и по-казахски не знал. По-русски, у нас тут погранзастава, вот я там работал... Я русский знал мало. Остальные в моей семье не знали русский.

А как разговаривали?

Потом научились по-казахски.

А-а-а.

Так походят, а так разговаривают по-казахски. И наши все разговаривают.

А вот как Вы, когда Вы в Малой Станице жили, когда Вас туда отправили, условия какие были? Нельзя было покидать Малую Станицу, нельзя было уезжать за пределы? Да? Или как вот? Если куда-то едешь, разрешения спрашиваешь? Или как? Какие условия?

Нам нельзя было никуда не ходить, под комендатурой были, в другой колхоз, и сразу на 10 суток. Вот. А потом я, куда родня попала, не знал, я... пошел в Талгар, искать в комендатуру свою родню, пошел спросить. Где наша родня, такая фамилия здесь есть? Они мне дали полтора года тюрьмы. Я на войне был, полтора года в тюрьме дали. Почему без разрешения в комендатуру пошел, так сказали.

Вы сидели в тюрьме?

Да, 10 месяцев сидел, да.

Где?

В Караганде.

А, в Караганду Вас отправили.

Да. Сказали, почему ты без разрешения пошел в комендатуру.

А потом Вы отсидели, и Вас опять вернули в Малую Станицу?

Да, в Малую Станицу. Да, мне один предлагал там, ты сам оставайся в Караганде, шахта тут, я говорю, нет, у меня семья там, отец, мать, братья, и я приехал в Малую Станицу. Работал на кондитерской фабрике. А наш отец работал в арматурном заводе, ниже зеленого базара, вот он там работал, все пошли туда работать, которые в Малой Станице жили, все работали там. И карточку получали, каждый раз получали 250 грамм, 300 грамм.

Это оплата была за труд, да?

Нет, иждивенцы. Рабочему 300 грамм, 350 грамм, а детям 150 грамм, 200 грамм хлеба.

Это по карточке. А, а Вы где работали?

Я сначала работал на кондитерской фабрике, возле зеленого базара, а потом работал в школьном арматурном заводе, охранником устроился. А после этого родня сюда попала, половина. Я разрешение взял в комендатуре, зашел, написал заявление. Мне разрешили сюда приехать. И потом здесь начал работать с 46-го года с января по 95-й год, ровно 50 лет работал. Ну, я благодаря этим, здесь русский был директор, меня охранником взял, объезщиком, и здесь сад был 1,5 тыс. гектар, 40 га смородины, я 32 года верхом ездил, т.е. вот охранником был. Вот это мне и спасало жизнь. Живу хорошо, зрение имею, слух есть. Уже 90 лет было бы уже как-то. Я на пенсию вышел в 1982-м году.

А вот скажите, а вот, директор, Вы говорили, это директор совхоза, вот в Малой Станице, да, русский?

В Малой Станице был Лучший Восток,...а в нашем совхозе вторая пятилетка была. Сплошной сельский район был, все сплошное, там Карасу..., станица, здесь соединился с городом. А наши, я не знаю, кругом окружили город, наш совхоз не дает, вот подсобное хозяйство, ...это к нашему совхозу относится совместно.

А вот тогда, во время депортации, администрация как к Вам относилась? Вот кто был директор совхоза во время депортации?

Это, м-м-м, совхоз не был, сначала колхоз был, Карченко был.

Ага, вот, когда Вы приехали.

В 64-ом году в начале совхоз, до это был колхоз.

А вот Малая Станица, вот когда, вы?

Малая Станица был тогда Лучший Востока.

А, Лучший Восток. А вот это когда, это в каком году Вы депортировались? Это какой год ведь же 44-ый здесь?

Да, да 44-ый, 44-ый.

Вот к Вам тогда администрация как относилась, кто директор был совхоза?

Да, я забыл. Не знаю как его фамилия. Сначала колхоз был, с 64-го. Потом совхоз.

А вот там директор колхоза как к Вам относился, когда вас депортировали?

Хорошо относился. Там хорошо относился, который со склада, давал пшеницу, ячмень, помогли, вообще помогли они.

Да.

Если бы они не помогли бы мне...

Да.

Я говорю, тогда казахи хорошо помогли.

А как Вы, нужно же было отмечаться?

Это отмечала комендатура.

Да.

В течение 10 лет.

Да, в течение 10-ти лет надо было отмечаться. Ну, вот отмечаться как, раз в месяц?

Да, да, да, отмечаться, как назвать как трудовой, не можешь без этого пятилетка, даже через дорогу нельзя. Не допускали.

Это каждый месяц нужно было приходить в комендатуру, расписываться, или как?

Расписываться, каждый месяц расписываться. И если он милиционер ходил проверял.

По домам ходил проверял?

По домам проверял. Если отошел там, поймают, сразу 10 суток. Я же говорю я пошел родно искать, мне там как побег дали. Полтора года тюрьмы дали.

А как Ваш труд оплачивается, вот Ваш труд как оплачивался, деньги Вы за него получали, или как? Или трудодни, вот во время депортации.

Когда колхоз был, тогда трудодни были. В 64-ом году начали деньгами... колхоз коллективный, что заработал, то получил. А совхоз, советское хозяйство, тогда деньги платили.

А вот дети учились тогда, вот когда в 44-ом вас депортировали?

Дети учились, все в школе были. Только одно плохо было, не разрешали в другое место, из совхоза в другой совхоз. 10 лет под комендатурой был.

**А были стукачи, осведомители, вот, которые могли настучать в НКВД?
Осведомители, осведомители, вот кто, доносы, которые писал? Были такие среди тех, кто здесь жили?**

А-а-а, не-не-не.

Такого не было, да?

Не, не, не. Ничего не было.

Как вы питались, как одевались, голодно ли было вообще?

В 44-ом году 14 ноября как раз молотилка пошла, хлебоуборка была,...как хлебоуборка кончил, и все.

Ну, Вы голодали или, или.

...голодовали те, которые не успели захватить что-нибудь.

А когда приехали уже?

Когда приехали уже начали, те, которые к колхозу поступили, там ячмень давали, пшеницу давали, кукурузу давали. Ну, помогли, вообще хорошо помогли.

А отношение менялось ли к Вам до войны или после войны? Ну, вот после войны отношения менялись?

Война закончилась, ...сразу карточку отменили, ... хлеб появился.

А что помогло выжить в таких условиях тяжелых?

10 лет было тяжело под комендатурой.

А что помогло выжить в таких условиях тяжелых? Выжить, выжить, что помогло?

Нас, когда поступили в колхозы, проверяла комиссия, у кого чего нету, у кого детей много...казахи помогали, вот кукурузный талкан сделает в жару, молоко давали.

А вот когда вы узнали, что Сталин умер? Какая реакция была?

Сталин умер, Сталин нам ничего хорошего не сделал. А что нам. Это было в 53-м году.

Ну, а как реагировали люди? Как? Кто-то радовался? Наоборот плакал?

Как? Родовались. Сталин же выслал...ну без Сталина как были. Там же еще Молотов, Казанович подписал.

А люди что говорили?

Люди? Люди что скажут, Сталин сделал 58-й статья...кто был, который перевороты сделал государства...давай мы эти колхоз, совхоз оставим сейчас вот демократия сделаем. Сейчас вот дам земли...и будем жить. А Берия толкал Сталина перевороты делать, который 58-ую статью совхозу, колхозу, которые работают на государство.

А как вы узнали о реабилитации?

Я ничего не знал, пока...

То, когда все кончилось, уже не надо было идти в комендатуру отмечаться?

А-а-а, когда кончился. Комендант нас собрал, говорит мы вас освобождаем, уже 10 лет, с 44-го до 56-го года я под комендатурой был. После этого освободили, куда хочешь туда и ходи. Не надо справка, не надо пропуск.

Документ вы какой-нибудь оформляли, чтобы получить справку?

Оформляли, есть где-то там, от генерального прокурора есть, вот, освобождается с 44-го по 56-ой год, который был под комендатурой, освобождаешься.

А какие документы надо было собрать, чтобы получить эту справку?

Справки мы не собирали, они давали.

А, сами, да?

Они давали. Они сами сделали, а мы не знали, когда идти за ней.

А вот уже столько много лет прошло, и вот сейчас если посмотреть назад, вот Вы раньше как к депортации относились и как сейчас относитесь? Вот у Вас отношение изменилось к этому?

Ну, конечно. Свободно, свободно.

Нет, про депортацию, про депортацию, как вы раньше думали и как сейчас? Вот в смысле того, что раньше человек одно думает, когда молодой, а сейчас он уже в возрасте, у него другое может быть отношение к депортации? Вот вы раньше молодой же были депортированы, да?

Молодой был.

Вы тогда по молодости же одно думаешь, а уже когда в возрасте совсем другое думаешь. Вот по поводу депортации, может быть, у Вас чувства другие были?

Депортация с нас кровь сосала, кровь...

Вы что-то от власти, от окружающих людей чего-то ждете для себя?

Нет.

Нет? А скажите, как Вам удалось сохранить жизнь, ведь вас депортировали, всего лишили, как удалось?

Был совхоз, колхоз. Ну, работал.

Вот мы все обсудили про депортацию, может быть, Вы еще что-то хотели сказать, может быть, я Вам какой-то вопрос не задала про депортацию?

Про депортацию я тебе в начале говорил, как трудности были у нас, как привезли нас товарным вагоном, привезли нас сюда, 16 суток, мороз, много умирало по дороге, много. Которые служили Родине, с Кавказа, одна семья, около 40-50 человек с армии не вернулись. Там же служили все-таки, на фронт... мой дед, отец матери, хорошо жил, а потом его сыновей забрали в Тбилиси и застрелили.

А вот скажите вот, что Вы можете пожелать потомкам, вот, нам, будущему поколению?

Что пожелать. Спасибо Назарбаеву, спасибо ему. Агрономов поднял, все дает, зарплату хорошо дает, и нет... ругани, а Киргизия, видишь, что творится? У нас сколько национальностей есть, все мирно живем, один другой не разбирает, ты русский, ты другой, один другой, один другой.

А вот Вы скажите на своем родном языке, на турецком пожелание вот тем, кто будет смотреть через сколько лет.

Sağol olsun! Чтобы здоровы были! Nazarbaev, Kazakhstan sağol olsun! В мире вот, я сколько 90 лет, татары, уйгуры, турки, азербайджане, сколько национальностей мусульмане, самый простой казах, ты не думай я в Казахстане живу казахов хвалю, казах очень простой, жалеет человека, из-за казахов живем, по-соседски живем.

Рахмет, қазақ. Көп рахмет, бәріне рахмет!

Я на свадьбах всегда выступаю, казахи вас спасали, благодаря казахам хорошо живем, вот говорят Баку, Турция, мы никуда не едем из Казахстана. Я благодарен, я трудности видел, я всей родне, молодым говорю вот так, дружно живите, не скандальте. Я вот позавчера пошел к одному казаху врачу ухо-горло-нос, спрашиваю, сколько должен, а он говорит, ата Вы ничего не должны, а другой бы пришел бы взял тысячи 2-3, и ушел, они не такие. Вот уйгур, турки есть, вот казахи простые.

.....
*Раджамов Мехье Мусаевич, турок-месхетинец, 68 лет,
Мурсалов Сайфулла Мурсалович, 85 лет, Назимова Шахсанам, 90 лет,
Анваров Амуриша, 55 лет, все депортированы из Грузинской ССР в 1941 году,
сейчас проживают в Казахстане, Байзакский район, село Сарыкемер.*

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Раджамов: Если взять меня, чрезмерно плохо, очень плохо, меня очень плохо. Вследствие тяжелого переезда, тяжелой дороги, я потерял отца, мать, двоюродную сестру за один месяц. Я остался практически один, когда умерли, мне было полтора года, когда мои родители умерли. Я был взят на попечение моего дяди, который меня и воспитал.

Депортация затронула Ваших родителей?

Да, конечно, наших родителей. Почти вся Месхетия турков была депортирована.

Было 220 сел за 3 дня увезены из разных мест. Машины студебекеры вывозили до автостанции, а оттуда по скотским вагонам.

Если сказать сейчас откуда турки, то такой нации турки-месхетинцы нет. Это просто в Грузии называлась местность Месхетия, где раньше жили турки. В XVI веке там была организована администрация Османской империи, там жили турки. В 1828 году во время войны турков с русскими, часть турков уехала с Месхетии на историческую родину в Турцию. А оттуда, когда здесь местность освободилась, дома. А оттуда из Турции к нам в соседнее место под названием Баязит и Касс, оттуда переехали армяне, и по приезду армян там началась междоусобица между турками, армянами, грузинами, русскими. Вообще, армяне хотели создать там армянскую империю. Воссоединив Грузию, Армению и Азербайджан. В этой борьбе благодаря нашим руководителям, уважаемым людям, они помогли грузинам избежать этой трагедии. В 1927 или 1928 г.г. эти земли после войны турков с русскими перешли русским. Уже при Советской власти в 1927 году эти земли Россия передала Грузии. Поэтому там почти 80% жили турки, этнические турки Турции. А где-то 20% жили смешанные семьи, или грузины, которые принимали мусульманскую веру. Я сам мусульманин. В то время было 3 района, а позже создали 5 районов в Турции: это Аспензинский, Адыгонский, Ахалтикийский в составе Грузии и Богданский.

В 1920-1930 г.г. среди турков были грамотные люди, которые могли повести народ за собой, в 1920-1930 г.г. годы начали выпускаться журналы, газеты на турецком языке, открывались театры, все это было на уровне. Депортация турков-месхетинцев начались зачатки еще до войны, а в начале войны начали прокладывать железную дорогу и эти же турки строили железную дорогу от села Боржом до Еля что-ли, потом скажу. Почти от границы Турции до Боржом проложили 70 км железную дорогу. Тогда эти турки не знали, что эта дорога будет их везти куда-то. По этой дороге их потом везли. Фактически постановление вышло в 1944 году в июле месяце, а в сентябре был приказ НКВД. Перед депортацией вели такую работу, что было унижительно, говорили: «Ты запишись грузином и не уйдешь, если будешь грузином». И весь народ был против этой мысли, не дал на это согласие, никто не стал менять свою нацию. 14 ноября 1944 года началась полномасштабная депортация.

Перед 14 ноября пришли войска, где жили турки, эти 5 районов окружили. И назначили военное положение, было, таким образом, приходили в семьи или всех в одном месте в селе собирали и говорили, завтра вы ненадолго уезжаете, много вещей с собой брать не надо, только одежду и на три дня еды. Были человеческие люди среди этих солдат, которые предупредили за три дня, что вас увезут. Некоторые солдаты помогали вещи грузить, говорили, бери этот мешок муки, бери этот мешок. Но большинство этих солдат под командованием кого-то, вели себя зверски, издевательски относились, с пленными немцами так не обращались как с депортированными.

14 ноября подогнали ко всем машины студебекеры и загрузили на одну машину 3, 4, 5 семей и в скотские вагоны, обычные товарные вагоны, размещали до 10-11 семей. Тогда

детей было много. В то время когда выселяли, 46000 турков сражались на полях войны. Из них 26000 полегли там, 20000 вернулись. 20000 вернулись к себе в родные места и из них 10% не найдя свои дома раненные, голодные, искав своих родных, пропали в дорогах, умерли. Что можно сказать, я пошел защищать свою Родину, а мою семью куда-то увозят. Это зверское отношение, геноцид над этим народом.

В товарных вагонах везли столько людей, там ни варить, ни что-нибудь брать, когда 3-дневный запас еды кончился, давали на 1 семью ведро похлебки, похлебку какую мы сейчас собакам даем и три буханки хлеба. А там, сколько народу 30-40, один Аллах знает. И люди по дороге умерли, очевидцы говорили, что люди на босую ногу одевали, что собой было и в товарном вагоне, зимой в декабре месяце простывали, умирали. У нас считается, что в пути умерло 18000 детей. И их никто не хоронил или умерших выкидывали в окошко или складывали на станции штабелями, потом кто знает, как их хоронили. По этой депортации есть исторические данные, по данным Грузии, вроде немного, а фактически за 6 месяцев депортации умерло 36000 человек, из них 17000 детей. Когда депортировали, это были в основном 27% женщины, 30% старики, раненные, 40% дети. Например, была старушка, у нее были только внуки, а она одна попала куда-то. Поэтому в таких условиях, зверских условиях. 9 декабря первый эшелон прибыл в Ташкент, тогда уже был Узбекистан, а дальше были в Казахстан, в Киргизию. В эти три республики разместили и в основном размещали по селам. Мы, например, попали в дома, где не было ни окон, ни дверей. Люди никто не знал нас. Военные годы сами люди были голодные, холодные, но, несмотря на все это, я помню еще был маленьким, но помню, семью казахов, «коржин» там называется, делили пополам, в одной стороне казахи, в другой стороне турки, хлеб делили пополам. Все что у нас было золото, и т.д. все ценное было разменяно на хлеб. Это было тяжело первые 6-10 месяцев. А потом, когда люди стали сеять, стало легче. Но без помощи местного народа мы бы не выжили. Если сказать во время войны в Советском Союзе на фронтах погибло около 9% населения, а во время депортации турков-месхетинцев погибло около 30% населения. Как это можно назвать? Люди, когда ехали в вагонах до того плакали, что у них слез не осталось. Я помню, когда был маленький, соберутся люди и рассказывают (*плачет*) и начинают плакать, это было страшное дело, страшное, таких как я было очень много, которые остались сиротами. Мы, конечно, благодарны местному народу, я попал в Казахстан в Кызылординскую область, помогли выжить нам. Кто по дороге заболел, простудился, никаких лекарств не было, они умерли. У меня отец, умирая, просил кислое молоко, айран, не было.

Если говорить о турках-месхетинцах, живших в Узбекистане, то они попали на вторую депортацию. Вы помните Ферганские события в Узбекистане в 1989 году, почти 90% турков ушли оттуда. Ушли по России, кто куда, кто, где смог устроиться. Попали в Россию, в России мучения, ни паспорта, ни места жительства, ни работы, не министрами люди просят, просят работу на земле. Как это понимать, Россия является правопреемником Советского Союза, кто эту гадость совершил, попадая туда люди, какие условия для них создают, ни паспорта, никуда ни выедешь, ни приедешь. Надо же, как это понимать, Америка другой континент, 15000 сейчас населения турков живет в Америке. Им создали все условия. А Россия кто все эти дела натворил, не так смотрят, как бы им хотелось, а американцы взяли и все условия создали.

Я считаю, что в Казахстане, благодаря мудрой политике нашего первого Президента и той политики, которую ведет весь казахский народ, мы живем здесь мирно. Я благодарю казахский народ, что мы выжили.

Если посмотреть на те земли, что мы жили в Грузии, это были отбросы грузинской земли. Как у нас здесь отброшенные Мойнкумский район, Бетпақдала. Вот такие места, дома наши были, там одни холмы, горы. Что был за интерес нас оттуда выселять, я не представляю?

Теперь выселили нас в 1944 году, а в 1948 году выселили с Абхазии и Аджарии, там тоже были турки часть.

Сейчас у нас всего насчитывается турок-месхетинцев 350000, но эта цифра не достоверна, потому что часть турок пишутся азербайджанцами. Потому что при депортации, если ты запишешься азербайджанцем, то не был под присмотром комендатуры. И отдельные люди записались азербайджанцами. А кто остался турком, 12 лет были под присмотром комендатуры, каждый месяц должен был приходить расписываться, что никуда не ушел, не пропал. И в 1956 году при 1 секретаре Маленкове это сняли все с нас. Но сказали, что вы не имеете права требовать свое, утерянное.

Вы представляете, я, будучи учеником, посмотрел некоторые бумаги. Грузинские сельские советы при выселении что делали, вот выселяешься, говоришь: «У меня корова, то, то». «Да, это ерунда!» – он берет раз-раз, начеркал, квитанцию дал, ты пойдешь, тебе по месту жительства дадут. А я эти бумаги читал, там нет букв, просто роспись, а люди не грамотные были, думали, у меня документы есть, в карман положили, там корову или еще что-нибудь получит. Все обманным путем было.

И сейчас из 350000 человек 90000 живет в Азербайджане, 100000 в Казахстане, 29000 в Кыргызстане, 70000 в России, 25000 переехало в Турцию, Украина – 10000, США – 15000, Узбекистане – 10000 и в Грузии 1%. С Грузии их депортировали, но хотят обратно взять, если хочешь жить запишись, что ты грузин, но никакой помощи не оказывают. У нас там 100 семей есть, кажется, но много туда не поедут, условий никаких нет, ничего не спрашивай. Вот эта депортация по социальным вопросам, по культурным вопросам отбросила назад сильно наш народ.

Мурсалов: В 1944 году везли нас, черный товарный вагон, холодно. Сколько людей по дороге умерло. Поезд остановился там, какой-то обед готовили, люди не могут туда идти, холодно. Потом в Туркестане поезд останавливался, но хорошо не помню, человек 30 померли. В товарный вагон черный 6 семей туда всунули. Из-за голода, из-за холода все пропали.

20 декабря в Узбекистане были мы, но они помогали хорошо. До 1956 года мы были все под комендатурой. А я не подчинялся. Комендант был Исмаилов, татарин, я напрасно воевал, я буду еще под комендатурой. Он говорит: «Хорошо, вы будете вести дворка, рапорт надо писать, кто умер, кто день рождение». Каждые 15 дней я рапорт писал.

Раджамов уточняет: Сведения давал.

Мурсалов: А потом я поступил в 1963 в научно-исследовательский институт, 2 года там учился, большой совхоз был у нас в Узбекистане. 12000 гектар садоводства, работал я техником-садоводом, виноградник, последний раз бригадиром работал. Два раза на выставки ездил, город Москва, улица Ярославский, гостиница «Золотой колос». Там дней 10 побывал, потом вернулся. В 1985 году все бросил, на пенсию ушел.

А когда был депортирован ата, ему сколько было лет?

Раджамов: Когда он депортирован был он пришел с армии. Больной, раненный был три раза.

Анваров: Под Краковым.

Раджамов: Больной. Раненый. У него пуля с этой стороны вошла, с той стороны вышла.

Мурсалов: Осколочное ранение.

Раджамов: Комиссовали его.

Анваров: Три раза ранен был.

Раджамов: Ему лет 20 было.

Он воевал до 1944 года и когда вернулся, его депортировали?

Раджамов: 46000 у нас воевали, из них 8 Героев Советского Союза есть. Они также искали своих родных, искали, мучились. Поэтому он говорит, я воевал, защищал Родину, а сейчас какой-то комендант меня никуда не пускает.

Мурсалов: Сразу паспорт получил я.

Раджамов: Ну, ты военный был, поэтому.

Анваров: Он хотел сказать, потом сбился. До Туркестана просто по дороге умирали, никто не видел, хоронили или нет. Только в Туркестане пришли казахи спросили, есть умершие люди, мы 30 человек собрали с одного эшелона, мы будем хоронить. Всех до этого на дороге бросали, и только в Туркестане казахи тоже мусульмане хотели похоронить по-человечески.

Когда вас в поезд посадили и долго ехали, вы знали, куда вас везут?

Анваров: Нет, не знали.

Раджамов: Грамотные знали, что куда-то в Среднюю Азию везут.

А причины депортации как-то объясняли?

Раджамов: Причины депортации практически нет. Мы до сих пор не знаем, за что депортированы. Они мотивируют тем, что мы находились почти на границе с Турцией и чтобы не было перебежчиков, оттуда чтобы не было шпионажа.

Наоборот, я узнавал от военнопленных, что Турция в то время помогала всем мусульманам: узбекам, казахам, туркам, татарам. Турки договорились с немцами, чтобы их более или менее кормили. И Турция помогала в этом.

Это в годы войны?

Раджамов: Да, это в годы войны. А почему Турция была не против России, не была против Советского Союза. Помогала и ни в какую группировку не входила.

Мы считаем, тем не менее, Грузия хотела освободиться от лишних народов. Это не только мы, вы же знаете, многие народы выселили.

Анваров: 40 миллионов ушли.

Раджамов: Даже абхазов, родственный народ с грузинами, должны были выселять. Был приказ абхазов выселить, но в последний момент отменили это.

А мы не знаем, за что нас выселяли? Говорят, что чечены готовили белого коня Гитлеру встречу. Не знаем, насколько это правда или нет. Так грузины говорили. Это все Лаврентий Павлович Берия сотворил.

Анваров: Три раза Берия обратился к Сталину, чтобы депортировать наш народ, но тот два раза отказался, а третий раз убедил, что надо депортировать.

Когда вас переселили вам дали работу? Ваши дети пошли в школу? Условия, какие создали?

Раджамов: Когда мы сюда переселились, нас всех селили в сельской местности. Дети, кто был школьного возраста, первый год не ходили в школу. На второй, третий год пошли. Работа была на 2 день. Военные годы, сельское хозяйство. Но ничего не получали за это (*улыбается*). Работали за трудодни.

В колхозах до 1958-1960 года писали трудодни, если колхоз даст что-то, то бывало в конце года семья должна колхозу.

И работали одно. У нас не было ни коровы, ни козы, но у нас был налог на мясо, на яйца, на шерсть. Мы покупали яйца, шерсть, молоко, масло и сдавали. Не только мы. Мы были как местные уже и казахи и другие собирали. Надо было это, надо было страну поднять. Мы не против были. Помогали стране как могли.

Анваров: Вот пускай второй очевидец скажет. Ей было 24 года, замужем была. Муж воевал, в армии был.

Назимова: Говорит на турецком языке. ...

Раджамов переводит: в 12 часов ночи пришли солдаты и сказали: «У тебя муж воюет? Нет. А братья воюют? Да. Ну и что, что воюют. Час на сборы и поедете в Боржом». Боржом это был районный центр. На 2-3 дня берите хлеб, еду. И мы быстро собрались, что можно было взять.

Назимова: Говорит на турецком языке. ...

Раджамов переводит: 5 семей на одну машину грузили и повезли в Боржом, там погрузили в вагоны.

Назимова: Говорит на турецком языке. ...

Раджамов переводит: Двухдневный запас мы съели в Боржоме и остались без ничего.

Раджамов переводит: 10 семей загрузили в один вагон, ...

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Некоторые солдаты приходили, проверяли вагоны, некоторые прятали своих мертвых, чтобы где-то похоронить. Но они отнимали и выбрасывали.

А какие вещи разрешали с собой брать?

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Раджамов переводит: То что-то на нас было, то и взяли, потому что 5 семей в одну машину, куда грузить все.

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Раджамов переводит: Скот остался, отец дал корм. Сказал: «Вам на 2 дня хватит, съешьте, а через 2 дня мы придем». Скот остался привязанным.

Вам так говорили, что на 2-3 дня уезжаете?

Да, да. Чтобы паники не было, так говорили.

А причины как объясняли?

Раджамов: Говорили, сейчас война будет, надо уходить. Самое страшное, что эту неправду говоря, некоторые люди как наша бабушка, взрослые люди, прятали на чердаке, где-нибудь в укромном месте золото, драгоценности, документы. Думая, что мы придем сюда, а то по дороге все потеряем.

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Раджамов переводит: У нее документы остались там, у нее до сих пор паспорта нет, метрики нет. Пока муж живой был, дети выросли, она об этом не думала. Сейчас под старость паспорт не дают, тем более она из Узбекистана приехала. 2 месяца как-то дали пенсию и сейчас урезали.

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Анваров: Муж инвалид 1 группы. Без глаза, без одной ноги. 4 года воевал, под конец войны на снаряд попал прямо рядом под Польшей и сразу без глаза и ноги остался.

А поженились они где?

Анваров: В Узбекистане. А умер в Казахстане.

Раджамов: Месяцев 6 как умер, недавно.

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Раджамов: Нас после как к станции приехали, там машины подошли, еще брички были, сперва отвезли в село, там их первый накормили нормально, а потом раздели по домам. Ведь никто не готовился принимать в Узбекистане. На каждую семью давали по семье.

Назимова: *Говорит на турецком языке. И смеется.*

Раджамов переводит: Сказали, на хлопке работать будете, а мы не знали хлопок, что это такое. Взяли ведро с собой, пошли с ведром на хлопок. (Смеются).

Назимова: *Говорит на турецком языке.* ...

Раджамов переводит: Когда увидели, мы думали, что это картошка растет.

А как она перенесла разницу в природно-климатических условиях? Отличались ли они от того климата, в котором вы проживали?

Анваров: Она тогда молодая была, ей все равно было.

Раджамов переводит: По приходу нас узбеки научили здешним условиям, как кукурузу сажать, как помидоры сажать, кукуруза это их же хлеб был. Не голодовали мы. Кто куда попал, как попал, разные места были.

Как узбеки принимали? Условия хорошие были?

Анваров: Хорошо принимали. Нам мать рассказывала, принимали хорошо. Условия хорошие были.

Раджамов подтверждает.

Раджамов: В мусульманские республики попали мусульмане. Они считались с нами, помогали, уважали. Наш народ воровством редко кто занимался. Все жили честным трудом, поэтому остались. Чеченцев много уехало отсюда. А наш народ своим трудом выжил. И, конечно, благодаря местному народу выжил.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

Раджамов: Я как более грамотный человек, это дело времени. Смерть Сталина приняли, я тогда был еще школьником, приняли как все, плакали. Построили нас всех в школе, и объявили, когда учитель плачет, что умер вождь народа и мы плачем. А потом когда со школы вышли, смеялись. И мы идем по дороге, с нами девушка была, моего возраста, она всю дорогу плачет и плачет. По дороге ее взрослый мужчина спрашивает: «Ты чего плачешь?» Она говорит: «Отец умер». Он говорит: «Да я твоего отца только что видел». Она: «Нет, большой отец умер». Конечно, все это повлияло, агитация, считались со Сталиным, и считаться надо. Мы были против Лаврентия Павловича Берия, это сволочь настоящая. Это он сделал все, он поднес так, во время войны Сталину не до этого было, тонкости все эти. Миллионы гибли, что ему 300 человек населения. Оттуда нас 125000 человек выселили, что это было для Сталина.

Раджамов спрашивает у Мурсалова и Назимовой на турецком языке.

Мурсалов говорит на турецком языке....

Раджамов переводит: Сообщили об этом в театре Навои. Говорит, не плакал, радовались мы. Кто это видел, конечно, радовались.

Назимова: Говорит на турецком языке....

Раджамов переводит: Как не радоваться, когда все у нас осталось там, голые сюда пришли.

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? О каких документах по реабилитации слышали, и какие документы о депортации вообще видели, держали в руках? Где их надо было получать?

Раджамов: Мы никаких документов не видели. Сделали нам собрание, 1 секретарь Маленков освободил всех от комендатуры. Все были рады. Никакой документации, ничего не было. И до сих пор ничего нет ни у кого.

Сейчас многие люди, не имея документов, там все осталось, не могут пенсию получать, не правильно фамилии. Вот у меня, например, ни фамилия, ни имя, ни отчество не правильно. Я должен сейчас к пенсии документы получать, не могу, потому что архивные данные не совпадают. Я в школу пошел ни отца, ни мать не знаю, мне тогда 1,5 года было. «Ты чей сын? Дядин сын» – так меня и записали. Сейчас спрашивают это ты или не ты. Я бросил, плюнул, не стал искать. Много, много всего с этими документами.

А вот чтобы кто-то извинился, не было. Вот Россия правопреемник Советского Союза, она должна за этими вопросами смотреть. Но никому не нужно.

Анваров: Я такого человека встретил в Краснодаре. Я говорю: «Вот вас здесь не прописывают, выгоняют отсюда, вы чем отвечаете?» Почему не говорите: «Что служил здесь, защищал, кровь проливал». Он говорит им: «Я именно здесь воевал, под Ростовом меня ранили, здесь я в окопах зимой лежал». А ему русские отвечают: «А кто тебя просил?» Вот такой ответ он получил. Сколько тысяч, наверное, наших лежат в Краснодаре, Ростове, Ставропольских краях за них, за русских. А оттуда их унижают сколько. А Америка, стыд и позор им, приезжает, забирает.

Почему не уехали и остались в Казахстане навсегда?

Во-первых, лично я Кавказ практически не знаю. Я свою Родину не знаю. Во-вторых, я жил в Казахстане, учился в Казахстане, работал в Казахстане. Не тянет меня туда. Это моя Родина, дети здесь родились. Отца с матерью здесь похоронил. Где-то лет 25, 30, 40 назад люди туда стремились – это пожилые люди. Они пили ту воду, которая там текла, прекрасный климат там, понятно. Они стремились. Грузия тогда отказала, Шеварнадзе

1 секретарь отказал им, наши люди подходили тогда к Шияхмету Бектурганову, 1 секретарь обкома партии, он сказал, пожалуйста, я вам дам вагоны, поезд, но я не могу за грузинов решать. Тогда грузины не приняли, сейчас там делать нечего. Мне там делать нечего, я там не знаю ничего, казахского знаю больше, чем кавказского. Обычаи, язык. Друг мой Саке, как я его брошу и уеду. Конечно, есть желающие, сейчас ему скажи (*показывает в сторону Мурсалова*) поедешь туда, а что он там будет делать. В Грузию он пойдет, а Республики не помогает, не принимает людей, выкинуть выкинули, все добро оставили, они обязаны принять, а просто пойти на них работать.

Анваров: Условия ставят: «Приходите, живите, но никакой помощи не просите. Чтобы вы не потеряли, ничего не просите».

Раджамов: Сейчас Турция принимает. Никому, а именно туркам-месхетинцам создает условия, чтобы они документы получили, вид на жительство. Если ты возьмешь справку, что ты действительно был выселен с Кавказа, этим людям помогают турки. Мы в какой-то степени в обиде на Турецкую республику, в том, что Турция последние 15-20 лет кто-то только там не живет: болгары, русские. Сейчас русских туда едут больше жить, чем турки в России. Она могла бы нас принять, мы не воевали как курды. Мы бы помогали. Если бы они сказали, вот ты пенсионер, я буду тебе пенсию платить и прочие условия создали бы. Но молодые едут. А в возрасте мало едут.

А дети Ваши все здесь?

Раджамов: А что дети. У меня 4 детей. Все имеют высшее образование, все имеют специальность, что они там будут делать.

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?

Раджамов: Время стирает раны. Первые годы нашим родителям, родственникам было тяжело, а со временем, например, наши дети этого абсолютно не знают. И постепенно это, постепенно стирается. Но благодаря Президенту, что он создал Ассамблею народов Казахстана, сейчас мы имеем в области культурный центр, я председатель, товарищ зам. Мы через центр внедряем обычаи, песни, танцы. Хотим, чтобы знали, что мы тут есть, наш народ есть. Все что делает Казахстан для народа, этого достаточно.

Анваров: Они даже требуют, чтобы мы выступали, готовили свою культуру, показали. Требуют от нас концерт, газету, архив поднимайте.

Раджамов: Сейчас у нас от турецкого центра выходит газета «Ахырскан».

Мы на всех праздниках районных, городских ставим столы, одежду, еду, то, что печем. Все это делается. Конечно, ни то, что в Турции делается. Турция это страна евроазиатская. Нам далеко до них. Но я думаю, что нам переживать не стоит, Казахстан всего достигнет, Казахстан цветущая страна, за 20 лет он дал о себе знать. Благодаря всем народам, которые здесь проживают, Казахстан будет расцветать. Все что делается больше делать не стоит.

Чтобы вы пожелали бы своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Чтобы вы хотели передать будущим поколениям?

Раджамов: Мы потомкам желаем, чтобы потомки изучали историю. Не зная истории, не будет будущего. Мы газеты, журналы распространяем, и старики что говорят, надо все это воспринимать. Чтобы свое национальное, свое осталось. Хотя мы живем по закону Казахстана, но свою этнокультуру сохранили.

Мурсалов: Наша молодежь учится в спокойной обстановке. Чтобы жили в мире и дружбе.

Назимова говорит на турецком языке. ...

Раджамов переводит: Чтобы наши и молодежь, и взрослые уважали нацию, где мы живем, чтобы мы жили в дружбе, мире, только тогда мы будем расцветать.

Назимова говорит на турецком языке. ...

Раджамов переводит: Спасибо Президенту, здоровья ему, долгих лет жизни.

Мурсалов: Благодаря Назарбаеву никакой трудности нет. Пенсию увеличили. Никакой трудности нет. Еще наш районный Аким Батырбек, все вопросы решает. Аким Байзакского района все вопросы решает. Люди хорошие.

Раджамов: Дай Бог, чтобы это было всегда.

Анваров: Наш народ с местным народом сближает исламская вера. В мечеть ходим, 5 лет назад 100 человек намаз читали, сейчас 500 человек читает, из них 70% одна молодежь. Нас друг к другу приглашают. Друг друга лучше понимаем, т.к. у нас вера единая. Имам азам наша мусульманская вера единая делится на 4 направления. Но у всех один Коран, Аллах. Мы Имам арзам и казахи тоже Имам арзам это сближает. Я постоянно на всех мусульманских мероприятиях участвую, куда там всегда казахи приглашают. Три, четыре улицы всегда приглашают, спасибо. Не был бы я мусульманином, не приглашали бы. Вера одна сближает. Молодежь моя, 12 внуков, все на казахском, старший внук учитель, я тоже был учителем. Мусульман с мусульманином всегда здороваться должны. Мой сын учится в академии медицинской говорит у нас в группе 9 казахов, хотя сам турок, всех считает своими, а считает себя казахом, а 2 из другого государства.

Раджамов: Смешанные семьи сближают друг с другом. С казахским народом. Если эти смешанные семьи будут, то это тоже сближает с народом.

Сколько в селе ваших проживают?

Раджамов: Около 160 семей. Много в Ровном, Свердлове. В нашем селе много приезжих из Узбекистана. А местные наши проживают в городе, в Ровном, в Свердлове.

.....
Фахретдин Хаккьюглу, турок-месхетинец, 82 года. Был депортирован из Грузии, г.Аспинза в 1944 году в Казахстан. Проживает в Турции, с.Игдыр.

Представьте, пожалуйста. Как Вас зовут? Где Вы родились?

Меня зовут Фахретдин Хаккьюглу, я родился в 1928 году, 4 мая.

Где Вы родились?

В местечке Аспинза на Кавказе.

В Грузии?

Да, в Грузии.

Вы были участником депортации 1944 года?

Если вы хотите спросить об этом, я могу рассказать, что как-то утром в город Аспинза пришли русские военные. В каждый дом зашло по 5-6 военных. Нас вывели из дома и повели на собрание. Там нам объявили, что со стороны Турции поступила просьба о переселении турков из этих мест, и нам сказали, что потом мы сможем вернуться обратно. То есть обманули нас.

Они сказали куда вас переселят?

Нет, не сказали. Потом люди спросили, куда нас отвезут, они ответили, что в Среднюю Азию.

Они предъявили какой-нибудь документ?

Нет, они просто объявили нам это. Наш староста спросил, почему нас переселяют туда? У нас здесь все имущество, дом. Они сказали, что все имущество, продукты, останутся здесь и останутся в неприкосновенности, и после того, как мы сюда вернемся, получим их обратно. Снова обманули нас. Староста сказал, что мы не уйдем отсюда, на что военный ответил: «Уйдете». Что ответишь на это? Это военные, с калашниковыми или чем там еще, не знаю... Сказали, что придут американские машины. К каждому дому подъехал американский грузовик. Военные стали помогать, дали два часа на сборы – что успели погрузить, то и взяли с собой.

То есть два часа дали на сборы?

Да, сказали, что за два часа должны собраться, некоторым дали три часа.

Что они разрешили взять с собой?

Ну что разрешили постель там, еще какие-нибудь вещи... У нас была скотина, овцы и т.д. был ноябрь месяц, на улице холодно. Собрали нас всех и вместе с вещами погрузили в машины.

Среди вас были те, кто протестовал?

Кто будет протестовать? В каждом доме было по 5-10 военных. Стоят с автоматами, кто выйдет против них.

Мужчин не было?

Часть мужчин еще в 36-ом отправили в тюрьму, в 41-ом забрали в армию.

Кто остался дома?

Дома остались женщины, бабушки, дедушки, старики, в общем, и дети. Собрали нас не по своей воле, никто ничего у нас не спрашивал. Сказали, что все имущество останется в сохранности.

Были ли люди, которые спрятали деньги?

Да, были и такие, кто поверил им, спрятал деньги, драгоценности в надежде вернуться в эти места. Нам вот дали два часа, через два часа погрузили нас в машины. Отвезли нас в город Ахыска. Между Ахыска и городом Аспинза расстояние 29 километров.

Кто-нибудь остался в поселке?

Нет-нет, никто не остался. Всех – бабушек, дедушек, детей – всех вывезли.

Сколько человек было в Вашей семье?

В нашей семье было семеро детей, мать была, бабушка была.

Отец был?

Нет, отец был в тюрьме в то время. В 38-ом году его отправили в тюрьму.

Получается было семеро детей, мать и бабушка.

Да, семеро детей, мама, бабушка со стороны отца. Так вот, выехали мы, там есть город Ахыска, на расстоянии 29-30 километров, я говорил уже о нем, привезли нас туда, погрузили в вагоны, в которых перевозили скотину.

Вам пришлось ждать на станции?

Нет, нас привезли в город Ахыска, сразу погрузили в вагоны, возле каждого вагона стояли солдаты. В каждый вагон посадили по 5-7 семей.

Сколько примерно человек было в вагоне?

Ну сколько там выйдет? По 40 человек где-то. В вагонах не было ни туалета, ни воды, ничего нет.

Кровати были?

Куда там... Погрузи в вагон сорок человек, где там кровати будут стоять? Возле каждого вагона дежурят солдаты – ни зайти, ни выйти. Погрузили всех в вагоны, закрыли двери. Возле каждой двери стояло 2 солдат с автоматами.

Тогда ведь зима была. Было холодно. Вам выдали одеяла или что-нибудь еще?

Да, шел 11-ый месяц, на улице зима. Никто нам ничего не выдавал. Что у кого было, в то и закутывались. Выехали из города Ахыска и через 29 дней приехали в Казахстан.

Чем вы питались в дороге?

Ну что нам выдавали русские, то и ели, выдавали 2-3 тарелки, хлеб давали нарезанный.

Сколько раз кормили в день?

Один раз в день.

Вам хватало?

Кого это интересовало, хватит или не хватит? Другой еды ведь все равно нет. Поезд останавливался в специальных местах по расписанию. Приходили люди, звали по 2 человека, говорили: Идите, возьмите себе поесть.

У вас была посуда?

Не было. В каждом вагоне было по 20-30-40 человек, в зависимости от размера семей. Когда останавливались в городах, кто-то находил ложки, кто-то еще какую-нибудь посуду. Вот так и выкручивались.

Были те, кто пытался бежать?

Куда бежать? Бежать некуда – кругом солдаты. Дороги не знаем, ничего не знаем, по-русски говорим плохо.

Куда вы ходили по нужде?

Сейчас и об этом скажу. Старики собрали все вещи в одну сторону, а в другом конце огородили угол, вырвали из пола доску, вот так и ходили по нужде.

А разве оттуда не проникал холод?

Ну после того, как кто-нибудь сходил по нужде, эту дырку закрывали одеялами. Там небольшая была дырка, сильно не задувало.

Были ли среди вас заболевшие в пути?

Были больные, были и те, кто умирал в дороге. Тогда к вагону подъезжала машина, брали за руки и за ноги и бросали в машину.

В вашем вагоне умер кто-нибудь?

Да, две бабушки умерли. Их взяли за руки, за ноги и бросили в машину, будто мешки какие-то. Куда их отвозили – никто не знал.

Когда кто-нибудь заболел, на остановках спрашивали лекарства, доктора?

Нет-нет. Какой там доктор? Вот так забили нас в вагоны, думаете, мы кого-нибудь интересовали. Хочешь болеть – болей, хочешь умереть – умирай. Придут, возьмут за руки, за ноги, бросят в машину и увезут. Никто из нас не знал куда их увозили.

В вагонах было освещение?

Нет. Какое там освещение. Не было ни света, ни воды, ни угля, ни дров. Потом нам дали печки. Печки появились, дров не было. Там вдоль железной дороги были деревянные ограждения для того, чтобы задерживать снег. Приходилось оттуда вырывать деревяшки. Солдаты били по рукам «калашниковыми». Кричали не трогайте ограждения, потом снегом заметет. Использовали деревянные, которые находили в вагоне. Ломали их, топоров у нас не было, ломали так. Холодно. Было много больных – врача не было, лекарств не было, до нас никому не было дела. Умрешь – умирай. Вот так и везли нас в Среднюю Азию.

Куда вас привезли?

В Казахстан.

В какой город?

В Алма-Ату. Там есть две станции - Алма-Ата-1 и Алма-Ата-2, нас привезли на станцию Алма-Ата-1. Подъехали повозки. На них погрузили вещи, на каждую повозку по 2-3 семьи, разделили всех по колхозам.

Семьи разделяли?

Нет отвозили по одной семье в разные колхозы. Одних в один колхоз, других – в другой. Куда отвезут – туда отвезут.

В Алма-Ате был снег?

Да был, до пояса доставал. Был метровый слой снега.

В какой колхоз отпрвили вашу семью?

В Иссык.

Сколько километров от Алма-Аты?

43 километра. Посадили нас в повозки, отвезли в поселок, выгрузили и отвели в дома русских.

Русских или казахов?

Там было больше русских. Казахов было очень мало.

Вас встречал кто-нибудь? Какие-нибудь официальные лица.

Кто нас будет встречать. Привезли нас на поезде, открыли двери вагонов. Сказали – вот повозки...

Хорошо, вас привезли, отправили в деревню. Кто встречал вас в деревне?

Кто будет встречать? Солдаты помогли погрузиться на повозки, отвезли нас в деревню, привезли в дом, сказали – вот здесь вы будете жить.

Дома пустые были?

Наполовину. Некоторые были пустыми, в некоторых жили люди.

В вашем доме кто жил?

В дом, куда нас привезли, жили русские.

Сколько их было человек?

Четверо. Женщина и дети. Мужа не было. Ее муж тоже был на войне.

Сколько было женщине лет?

Ей было где-то 40-45 лет.

Как она встретила вас?

А что им? Их заставили, Сталин сказал им: «Вот этих вы примите. Они будут жить с вами».

На каком языке вы разговаривали с этой женщиной?

Мы говорили по-турецки, они говорили по-русски. Берешь ложку и говоришь «кашук, кашук», в ответ она говорит: «ложечка, возьми ложку» – дает ложку, чашку, казан, помогает в общем. Мы их языка не знаем, они наш. Правительство выдавало немного продуктов. Посуда, ложки, тарелки, все было у них, брали у них, вот так и прожили год.

В деревне были только русские, или казахи тоже были?

Казахи были.

А кроме вас были еще депортированные?

Нет с нами никто больше не был. Были чеченцы, карачаевцы, дагестанцы были, татары. Они за год до нас приехали в эти места. Вот жили мы вот так какое-то время.

Как к вам относились казахи, которые жили в деревне?

Ну, казахов было мало, да и что они скажут – все боялись Сталина, он сказал – вот этот будет жить с вами, а у тебя нет права даже слова в ответ сказать – и все.

А кто был главный в деревне?

Там был сельсовет, то есть власти в деревне, по-русски их так тогда называли.

Вы обращались за помощью к властям? Вам предоставили рабочие места?

Какая помощь? Какая работа? Выдавали каждые пять дней продукты, рис, масло, еще что-нибудь... через некоторое время дали скотину, овец, пять овец дали, на – живи. Потом дали землю, кто-то сажал кукурузу, кто-то еще что-нибудь. Кроме этого у нас ничего не было.

Был ли контроль над вами?

Не было никакого контроля. Только запрещалось покидать деревню. 12 лет мы прожили в Иссыке.

То есть покидать поселок запрещалось?

Да, запрещалось. Если кто-то пытался покинуть, тогда приезжал из города комендант с милицией, и отправлял его в тюрьму. Там он находился 10-15 дней, если покидал поселок без его разрешения. Вот так и жили. Иногда приходили люди, говорили: «Вот ты, ты и ты пойдешь в колхоз». Люди шли в колхоз, работали там, сажали картошку, помидоры, огурцы.

Зарплату выдавали?

Какая зарплата? Мы не знали, что такое зарплата. Продукты выдавали – кому кукурузу, кому пшеницу. Так и работали люди, так и проходила их жизнь. Все работали – и казахи, и русские.

А как вы общались?

Ну как общались, приходили, показывали на стол, они в ответ говорили это «стол», показывали на тряпку – в ответ – «тряпка». Вот так и общались.

Детей в школу отправляли?

Да, потом дети стали учиться.

Их учили на русском или казахском языке?

На русском, тогда на казахском не обучали. Наши дети лучше выучили русский язык. Когда надо было в магазин, брали за ручку детей и шли с ними. Спрашивали у них: «Сынок, что это такое?» – ребенок переводил. Потом постепенно привыкли.

Ну, а после того, как вы привыкли к этим условиям, у вас были случаи заключения браков с местными жителями?

Нет, не было. Ни наши не женились, что их девушек не отдавали нам. 10 лет у нас не было ни свадеб, ни переселений. Вот так и прожили 10 лет. Потом умер Сталин...

А когда вы узнали, что умер Сталин?

В тот же день. Я услышал по радио. Там везде были репродукторы. Они все объявляли: и о том, что Сталин заболел, и об окончании войны в 1945-ом...

Где вы были, когда узнали, что умер Сталин.

Я был в Иссыке. Я был на курсах трактористов.

А когда вы начали учиться?

Я начал учебу сразу как нас привезли.

Какая там была школа?

Русская школа. Обычная школа, как и здесь, классы А, Б, В, Г...

А как к вам относились другие дети? Плохо или хорошо.

Плохого отношения не было, Аллах свидетель. Никто ничего не говорил – главное учись, главное, чтобы голова работала. Учили географию, физику, математику.

Русский вы в школе выучили?

Да, там и выучил.

Когда умер Сталин, вы были в школе?

Да, в школе.

Вам директор говорил что-нибудь?

Да пришел директор, сказал, что умер наш вождь, наш отец. Спросили: Кто умер? – Сталин. Лучше бы он раньше умер. Но вслух такого не скажешь. Сразу в тюрьму попадешь.

О чем между собой говорили ученики.

Ну что они говорили... Коммунисты плакали: «Что теперь будет с нами?». А чеченцы, карачаевцы, турки, все переселенцы говорили: «Слава Аллаху, избавились от него».

После смерти Сталина последовала реабилитация. Вам разрешили вернуться на родину?

Нет, не разрешили. После Сталина пришел Маленков, потом еще кто-то, вот так сменяли друг друга. Нам предоставили больше свободы, убрали комендантов, но сказали, что на родину вернуться мы не сможем. Сказали, что мы можем ехать в город, хоть в Москву, но в Грузию запрещалось. Милиция проверяла, если видели в документах, что ты турок, спецпереселенец и едешь в Грузию, сразу отправляли в тюрьму.

Когда умер Сталин, Вы были в школе. Что Вы услышали, когда пришли домой?

Дома все говорили о возвращении на родину. Там ведь все наше имущество осталось. Но куда там – столько лет прошло. Нам говорили, что в Грузию нам нельзя. Живите здесь – в Средней Азии. Наши старейшины собирались поехать, говорили, что сегодня поедем, завтра поедем, послезавтра поедем – так и никто не поехал.

Школу Вы там закончили?

Да, там я закончил девятилетку. Когда мы приехали, мне было 16 лет, школу закончил в 22 года. Потом забрали в армию. После армии стал работать трактористом. Засевали огромные поля.

Когда шла война, всех мужчин отправили на войну. Кто работал в поле?

Оставшийся народ работал – женщины, пожилые женщины, молодые женщины. Кто хотел работать, те и шли, за работу деньги давали – 3 рубля за день работы.

Что можно было купить на 3 рубля в магазине?

Хлеба, полкило сахара, много чего... Тогда рубль сильный был, это хорошие деньги были, по крайней мере дней 10 можно было не голодая прожить.

Когда Вы пошли служить в армию?

Когда умер Сталин, в 53-54.

Где служили?

На Дальнем Востоке, на границе с Японией.

Сколько месяцев прослужили?

Вообще, надо было служить 3 года, но меня как турка отправили домой раньше. Я прослужил 6 месяцев.

Домой писали письма?

Да, писал.

Из Ваших родственников, приехавших в Казахстан, были ли те, кто уехал в другие республики, в Узбекистан, Киргизстан?

Среди наших родственников не было.

Сколько лет Вы прожили в Казахстане?

До 1993 года. В 1993-ем приехал Озал. Спрашивал, как мы здесь живем. Обещал забрать всех нас.

Вам обещали что-нибудь после возвращения на родину?

Нам обещали дать землю, работу, дома. Но Озал умер, и его закон умер с ним. Пять лет нас бесплатно кормили, жилье бесплатное предоставили, у кого было образование, тот получил работу, остальные так и остались без работы. Но мы довольны, мы у себя на родине, под красным флагом. Никто нам ничего сказать не может. Мы турки – у себя на родине.

.....
Энвер Эмир, турок-мехетинец, 72 года. Был депортирован из Грузии в 1944 году в Казахстан. Проживает в Турции, с.Игдыр.

Меня зовут Энвер Эмир. Я родился в 1938 году в селе Аспин в Грузии.

Вы ведь были участником депортации 1944 года?

Да, в 1944 году мне было 6 лет. Я все хорошо помню и могу рассказать вам.

Ну, а сколько человек из Вашей семьи было депортировано? Кто был в Вашей семье?

Мои покойные родители, отец только что вернулся с войны против немцев. Вернулся он инвалидом на костылях в 1943 году. За нами пришли среди ночи...

Ну, а кроме родителей, кто был еще?

Был я и еще двое моих братишек – Ахмет и Мехмет.

То есть вас было пятеро?

Да, пятеро. Потом мы отправились в Казахстан, в Казахстане мы...

Подождите, а кроме отца, кто еще отправился воевать во время второй мировой войны?

Мой отец, трое его братьев, то есть моих дядей – из нашей семьи на войну ушли четыре человека.

Сколько им было лет тогда?

Этого я сейчас не вспомню точно, сколько им было, когда началась война в 1941 году. Самым старшим был мой отец.

Кто из них вернулся с войны?

Мой отец и двое моих дядей. Один дядя пропал без вести. Ни похоронки, ни весточки от него не получили. Когда я приехал в Турцию, вышла интересная ситуация. Моего пропавшего дядю звали Нияз. Я узнал, что в деревне, напротив нашей работал дядя Нияз. Я пошел, нашел директора этой школы. Я сказал ему, что один мой дядя по имени Нияз не вернулся с войны, и спросил, возможно ли, что он приехал сюда. Ведь в то время много людей перебралось сюда. Он сказал, что у него в Грузии осталось двое детей, две дочери. И действительно, у моего дяди в Грузии осталась жена с двумя детьми. Я спросил его имя, фамилию. Он мне назвал их. Тогда я спросил, можно ли взять его фотографию. Я его не видел и не смог бы узнать, но здесь есть пожилые люди, которые смогут узнать его. Он сказал, что у него есть фотография. Я взял фотографию, привез ее сюда, показал. Но мне сказали, что это не тот Нияз.

Хорошо, а до депортации в вашей деревне в Грузии какое было общее положение дел?

Я не смогу все точно описать. Я тогда был маленьким ребенком. Но я помню, что у нас было много скотины, люди занимались скотоводством, разводили сады. Всего нам хватало – нельзя сказать, что мы жили плохо. Когда началась депортация, в декабре месяце, у нас в зале, у нас был огромный зал дома, на полу лежали яблоки, груши и много других фруктов...

А до этого вы слышали что-нибудь о депортации? Кого-нибудь депортировали до вас?

Нет, не слышали. Такого не было до этого.

Когда вы впервые услышали о депортации?

Я вам так скажу. Я говорил, что мой отец вернулся с войны инвалидом. Так вот, там был директор колхоза, тогда существовали колхозы. Он сказал моему отцу: «Эсер...», моего отца звали Эсер, он говорит: «Эсер, давай я возьму в колхоз твою скотину, продукты твои. Каждый день будешь приходить, брать, что тебе нужно». На это мой отец ответил:

«Нет». Тогда директор колхоза, он ведь не маленький человек в поселке, кое-что и до него доходило, говорит: «Послушай, Эсер. У тебя дома есть скотина? Иди зарежь скотину и закопти. Скоро нас отсюда будут выселять». Это говорит директор колхоза.

Когда он сообщил вам это?

Ну вот, когда мой отец вернулся с войны – где-то в 41-42 годах. Тогда мой отец сказал ему: «Ты зачем заставляешь меня резать скотину? Ты что глаз положил на мою скотину?». Не поверил ему. Местность, где мы жили, называлась Ахыска, там была равнина. На этой равнине велось строительство железной дороги. Люди говорили, что когда достроят дорогу, приедет поезд, и всех нас вывезут оттуда.

А когда именно вы узнали про депортацию?

Когда пришли за нами среди ночи – тогда и узнали.

Вам не дали время собрать вещи?

Какое время? Приехали за нами, погрузили нас в грузовики и отвезли нас на железную дорогу.

Вам не говорили, что вы можете взять с собой? Не говорили ли вам, вот это вы можете взять с собой, например?

Ничего не говорили.

Вам показали какой-нибудь документ, зачитали ли приказ?

Ничего не говорили, ничего не зачитывали.

А кто пришел за вами, военные или милиция?

Военные.

А когда пришли, ночью или днем?

Ночью. Приехали грузовики с крытым верхом. Меня, моего отца, всю нашу семью погрузили в грузовик.

Кто-нибудь протестовал, оказывал сопротивление?

Нет, такого не было. Кто будет протестовать. Всех отцов, всех парней отправили на войну с немцами. Остались только дедушки, бабушки, дети, женщины. Кто будет сопротивляться?

Ну, а вам говорили – возьмите какие-нибудь вещи с собой?

Ничего не говорили. В грузовике с двух сторон сидели солдаты с автоматами. У нас были две коровы. И когда тронулась машина, они побежали за нами и мычали. Тогда сказал маме: «Аба, аба...», мы мать называли «аба», плача я говорил, мне ведь было 4-5 лет: «Аба, смотри наши коровы бегут за нами». На это мама мне ответила: «Сынок не плачь, сейчас придет наш сосед дядя Алексей. Он отведет наших коров в сарай и привяжет там. Когда мы вернемся, мы заберем их обратно».

Вам говорили, куда вас везут?

Нет, никто нам ничего не говорил.

А что вы думали тогда? Вы знали, куда вас везут?

Нет, не знали. В Казахстан ли, в Узбекистан ли – никто не знал. Я же рассказывал про железную дорогу, нас всех привезли туда и посадили в вагоны. Нас отвезли на Баку в Азербайджане, на Каспийское море. Там мы прождали три дня. Один еврей говорил, что наш поезд отправят в море и потопят нас.

А что стало с вашей деревней, с вашими домами?

Все осталось там, скотина имущество...

Кто-нибудь остался в деревне?

Никого не осталось. Дети моего отца, которые остались сиротами – девочка и мальчик – их отправили в детдом. Так вот спустя много лет, его сын, когда стали открываться дороги, разыскал нас и приехал к нам в Казахстан.

А что случилось с вашим имуществом, с вашим домом – вы не знаете?

Не знаю, все осталось там...

А что с детьми, которые остались без родителей?

Девочки уже нет, она скончалась, а мальчик взял в жены грузинку, потом он приезжал к нам, своим родственникам в Казахстан, а потом вернулся в Грузию и больше ничего о нем мы не слышали.

Вернемся к вам. Вас посадили среди ночи в машины. Куда вас везут – вы не знаете. Вы помните станцию, на которую вас привезли?

Нет, станцию я не помню.

Сколько времени занял путь?

Этого я тоже не помню. Нас погрузили в вагоны, в которых перевозили скот. В один вагон сажали по 15-20 семей.

Вас сразу посадили в вагоны или вы ждали на станции?

Нет, нас оставили ночевать на станции, не помню, сколько дней мы там были – 1 или 2...

Где вы спали?

На улице – где же еще?

Было холодно?

Да, конечно.

Вам выдали одеяла или что-нибудь еще?

Что вы говорите? Какие одеяла? Ничего не давали.

Вам давали есть?

Еду давали только в дороге. На станции нам ничего не дали.

Сколько человек сажали в один вагон?

10-15 семей.

Сколько человек было в вашем вагоне? Сколько семей?

15 семей. В вагоне сделали полки в 2 этажа. Один ряд с одного боку и один ряд – с другого. На первом этаже – пять семей, на втором этаже – пять семей. С другой стороны точно также. Вот так и помещались 20 семей в одном вагоне.

А были ли в вагонах столы?

Нет, столов не было. Просто перекидывали между полками доску.

А куда вы складывали свои вещи?

Какие вещи?!

Что вы взяли с собой?

Что было под рукой – то и взяли. Например, мой отец взял мешок грецких орехов, один мешок яблок. В вагоне было так холодно, что яблоки промерзли до такой степени, что они при езде издавали такой же звук, как и грецкие орехи.

А вам было холодно?

Как не было холодно?! В вагоне не было ни печки, ни дров.

А что вы делали в холод.

Закутывались и сидели.

У вас были матрацы?

Какие там матрацы? Вы простите меня, конечно, я вам расскажу одну историю, связанную с холодом. Я вам говорил, что с нами был мой маленький братишка...

Сколько ему было лет?

Он был младше меня на 2 года. Мне было 6 лет, ему четыре годика. В вагоне над второй полкой было окно, которое открывалось. Так вот, мой братишка Ахмет говорит

маме: «Аба, аба, я хочу в туалет». Мама высунула его в окошко, а его попа примерзла к железке. Тогда он закричал: «Нет, нет, аба, я не хочу уже». Простите, за нескромные подробности, она вернула его обратно, и он свое дело сделал под себя.

А вы, дети боялись того, что вас везут куда-то в поезде? Как вам объясняли эту ситуацию родители?

Что мать скажет, она только плакала... Матерей нельзя никогда забывать, они такое пережили...

Что она говорила вам? Вам было страшно.

Было. Маленькие дети еще ничего не понимали. А я немного помню, я понимал тогда некоторые вещи.

Сколько человек было в вашем вагоне?

Я же говорю где-то 15-20 семей, а сколько человек – я не знаю. Где-то 20-25 человек.

Вам давали еду в дороге?

Да, давали. Рассказать вам еще одну историю? Я говорил уже, что всех парней забрали на войну с немцами. Из мужчин в вагоне только мой отец на костылях. Остальные все женщины, дети. Были дети в возрасте 12-13 лет, но их матери держали за руки и не отпускали. Выйдут они и потеряются. Вот и не отпускали их. У нас поезд был длинный, и где-то посередине находилась кухня. А за едой надо было идти, чтобы принести ее в ведрах. Мой отец брал с собой двух-трех женщин и шел с ведрами за едой.

Как распределяли еду в вагоне? У вас были ложки, какая-нибудь посуда?

У кого что было, туда и наливали еду.

А вам давали одеяла или еще что-нибудь?

Нет, ничего не давали. Кто успел взять из дома, у тех была постель, остальные были без ничего.

Кто-нибудь умер в вашем вагоне по дороге?

Среди нас был один дедушка. В один из дней он покинул нас, умер. Не помню, где это было. Он лежал рядом с нами на втором этаже. Имя я его уже не помню. Когда он умер, пришли люди, положили его на носилки и забрали.

Как вы узнали, что он умер? Женщины плакали?

Плакали.

Вам не было страшно оттого, что с вами в вагоне находился труп.

А чего боятся? Я же говорю, пришли люди. Положили его на моих глазах на носилки, взяли вчетвером за концы носилок и вынесли из вагона. А куда отнесли его, мы не знали.

То есть никто не читал молитвы?

Нет, просто пришли и забрали. Кто будет читать молитвы, где читать? В вагоне что ли?

А вы слышали о погибших в других вагонах?

Нет, не слышали.

А через какое время после того, как он умер, забрали его? В тот же день?

На следующей же остановке.

Сколько минут вы стояли на станциях. На скольких станциях за день вы останавливались?

Я не помню.

Куда вы ходили по нужде?

Простите меня, но посреди вагона была дырка и, когда наступала ночь, туда люди и справляли нужду. А куда еще идти – поезд летит, на большой скорости. Не будешь же спрыгивать на ходу и искать себе место.

Сколько времени вы стояли на остановках?

Не помню уже.

Вы ходили в туалет на остановках?

Кто мог – тот ходил. Остальные терпели до ночи. Женщины, мужчины, все ходили туда.

Кто-нибудь убежал с поезда?

Нет, такого я не слышал. Бывало, что люди оставались, когда поезд отправлялся.

Как оставались?

Кто-то не успевал сесть в вагон, так и пропадали люди.

И что с ними случилось?

Ничего – просто пропадали.

Сколько времени заняла дорога?

Не помню, где-то около месяца.

А что вы думали о том, куда вас везут? Вы не спрашивали у родителей, куда вас везут, когда вы сойдете с поезда? Что они на это отвечали?

Они тоже ничего не знали. Расскажу вам вкратце: тогда ведь шла война, и фронт был близко. Так вот, они говорили нам, что нас вывезли, чтобы спасти. А когда война закончится, нас вернут обратно. Другой причины не могли представить. Мы ведь ни в чем не были виноваты. Ведь наши братья были на войне. За что они воевали? Разве не за родину, за отцов, матерей и детей? И ради какой страны воевали? За Грузию? Или за Россию? В чем была наша вина? А наша вина была вот в чем, я вам расскажу коротко: в то время Сталин говорил, что если эти люди обоснуются здесь и их население вырастит, окрепнет, когда-нибудь, в один прекрасный день этот народ отделится и присоединится к Турции. Поэтому он выселил нас с тех мест.

Побеседуем еще минут 15 или продолжим после намаза?

Давайте продолжим после намаза.

Мы говорили о том, как вас вывезли из родной деревни и посадили в поезд. Потом Вы ушли на намаз. Сейчас мы перейдем к вопросам о Казахстане. Вы хотите добавить что-нибудь о поездке в поезде? Что вы не успели рассказать?

Я мог бы многое рассказать из того, что видел и слышал... Я уже говорил о своем отце, который передвигался на костылях. Так вот, когда мы были в пути на одной из станций мой отец пошел за дровами. Ведь больше мужчин среди нас не было. Посреди вагонов мы разводили огонь, а дым выходил в окошко. На одной из станций он пошел и вырвал из забора две деревяшки. Я своими глазами это видел. Вот он должен уже вернуться в вагон. А там была военная часть. Огромная территория, огороженная забором. Здание, где сидели военные, было в отдалении. Они оттуда все это видели и пустили вслед отцу немецких овчарок. Здание хоть и было в отдалении – собака бежит, вот-вот достигнет отца. Отец добрался до вагона, я плачу, женщины кричат. Я же говорил, моего отца звали Эсер, они кричали: «Эсер, Эсер, брось эти деревянныешки». Да разве он бросит, раз уж взял? Он закинул их в вагон, женщины поймали их, потом взяли моего отца за руки и когда уже собирались поднять его в вагон, собака вцепилась ему в штаны. Но отца не укусила. Она повисла на штанах. Отца затащили в вагон, а штаны остались. Это все правда, я видел это собственными глазами. Я плакал и кричал: «Отец, отец». А он не бросил эти деревянныешки, да и как он бросит, если его дети мерзнут.

На станциях были доктора, к которым могли обратиться больные?

Какие доктора? Кому это надо было? Вы имеете в виду со стороны властей. Нет, такого не было совсем. Если в вагонах у кого-то были познания в медицине, те и занимались лечением. Вот и все.

Сколько дней заняла дорога?

Около месяца. Больше 20 дней.

Детям не надоела дорога?

Что вы говорите? Конечно, надоела. Ну а что делать? Скучай, не скучай – деваться некуда... Я вам расскажу одну историю: у мамы был маленький кусочек хлеба. От холода он стал твердым как камень. Дети плакали, хотели есть. Я тоже плакал: «Мама, мама, я хочу есть». Мама мне ответила: «Сынок, ты немного старше, ты потерпишь. А что я дам вот этим плачущим малышам». Она дала этот кусочек моему братишке Ахмету, я говорил вам о нем, он скончался потом в Казахстане. Он положил этот кусочек в рот, начал жевать. От холода хлеб стал твердый как камень. Он пожевал его немного и отдал его назад со словами: «Мама, я не буду его есть, забери».

А по ночам в вагонах зажигали свет?

Нет-нет, света не было. Посередине вагона разводили костер, и вокруг усаживались женщины. Я тоже сидел перед костром, протянув к нему руки.

Затем вы приехали в Казахстан. В какой город вы приехали?

Нас привезли в столицу, в Алматы.

С поезда вы сошли в Алматы?

Да в Алматы. Я же рассказывал, что на поезд нас доставили в грузовиках, такие же грузовики развозили нас по деревням.

Вам пришлось ждать на станции или когда вы приехали там уже ждали грузовики?

Приехали или они уже стояли там – я сейчас уже не помню.

С Алматы куда повезли вас?

С Алматы нас повезли в местность под названием Тургенъ в 60 км от Алматы. А выше находились летние пастбища, «жайляу». Первая деревня, в которую мы отправились, находилась там, и называлась она Тау Тургенъ. Нижнее было просто Тургенъ, а верхнее называлось Тау Тургенъ. Оно находилось между двумя речками – очень красивое место.

Когда вы прибыли в Казахстан, там было холодно?

Да, было холодно. Нас привезли в Тургенъ на грузовиках, а в верхнее село Тау Тургенъ мы добирались на повозках, запряженных быками – лошадей не было. Так вот, человек, управлявший повозкой, знаете что сделал? Это был казах, он набросал мягкого сена на пол повозки, сверху накрыл кошмой. С одной стороны села мама, с другой папа, а мы растянулись посередине ногами к казаху и накрылись концом этой кошмы. Ведь нам предстояло проехать 6 километров. Когда казах приподымался, чтобы ударить быков и садился назад, он садился на наши ноги. Мы тогда кричали: «Папа, этот казах нам ноги сломал». Казах по-турецки не понимает, мы по-казахски.

А другие семьи, которые были с вами в вагоне, тоже поехали с вами?

Я же говорю, что всех распределили по разным деревням.

Ну, а с вами ехали другие семьи?

С нами ехало еще 15 семей.

Кто вас встречал, когда вы приехали в деревню?

Нельзя сказать, что нас встретили плохо. Видит Аллах, нельзя так сказать. Нас распределили по домам казахов. Давали тем семьям, где было мало людей. Нас поселили к бабушке. У бабушки был один сын.

Как звали эту бабушку?

Акынай. Когда заезжаешь в деревню, там находится река – она называлась Акынай сай, в честь этой бабушки. Подымаешься чуть повыше и первый дом – ее дом. Нас поселили в этот дом. У нее был один сын по имени Аскарбек. Нас поселили с ними. Нас заселяли в пустые дома, в дома семей, где было мало людей, вот так всех по частям расселили. Опишу я вам эту деревню. Нас было где-то 15 семей. Среди них были и мои родственники. Мы

пришли в дом к этой бабушке. Бабушка не понимает по-турецки, мы не понимаем по-казахски. Поверите или нет, у бабушки перед домом было поле, она там сажала кукурузу. Она из этой кукурузы сделала муку и приготовила лепешку. У нее толком ничего и не было, только одна корова. Вот так идет она – в одной руке талкан, в другой молоко или айран.

Талкан – это что, хлеб?

Мука, поджаренная мука. Вот так идет она и говорит: «Эсер, эй Эсер». Моего отца звали Эсер, она говорит ему: «Дай это детям. Пусть они не умрут с голода».

Сколько дней вы пробывали в этом доме?

Эту зиму мы там прозимовали.

Вам власти компенсировали скотину, имущество, которое вы бросили?

Сейчас объясню. Мы перезимовали там первую зиму. Когда пришла весна, мы начали сажать все, что было: кукурузу, помидоры, не помню уже точно, что именно, баклажаны, в общем все. Бабушка как-то вышла в поле и воскликнула: «О, Всевышний, откуда ты нам переселил этих турок!» Я дал как-то ее сыну Аскару огурец, бабушка ударила его по рукам, сказала: «Не ешь – живот болеть будет». Не видели они раньше огурцов – не едят! В общем, после всего этого, власти нам дали по пять баранов, или коз, 25 соток земли в верхней части деревни на пустых местах. Мы пошли туда и сделали из глины брикеты, они называли их саманами. Из них мы построили дома. Небольшие дома.

А как к вам относились казахи в деревне?

Хорошо, очень хорошо. Не было плохого отношения к нам никогда. Потом мы выучили казахский язык. Я даже закончил десятилетку на казахском языке.

В деревне были представители других национальностей?

Только казахи и мы. Больше никого. Был один русский, да и тот...

А как была решена языковая проблема?

Мы выучили потом казахский язык. Я в школе учился на казахском языке, отвечал у доски. У нас учитель был один, историю преподавал, он поднимал кого-нибудь из учеников и говорил: «Смотри, как турок говорит, и как ты разговариваешь. Вы даже как он говорить не можете». Честное слово, так и было...

Больше всего, с какими проблемами сталкивались вы в деревне при общении с казахами?

Какие проблемы? Вначале нам дали землю, мы дома построили, потом скотину дали, кому овец, кому коз. Скотина размножалась, мать по вечерам до четырех-пяти ведер молока надаивала, готовили сыр. Казахи смотрели на нас с открытыми глазами – они раньше не видели сыр. Потом купили еще овец, коров. Вначале, у меня был, простите за выражение, ишак, потом появилась лошадь, потом со временем купил автомобиль «Жигули».

Вы разговаривали на русском или казахском?

На казахском. Если надо было, говорили и по-русски.

Русский вы и так знали.

Да, русский мы знали хорошо.

Были ли браки между вами и казахами? Чаще выдавали казахских девушек или женились на ваших девушках?

Было, было. Многие из нас женились на казахках. У нас был сосед – казах... В Грузии, я же рассказывал вам, у нас был сосед, дядя Алексей, который отвел наших коров, когда они побежали за нами. У него было две дочери – Лиза и Люба, никогда не забуду их. Он шутил иногда с моими родителями: «Одну из своих дочерей я выдам за вашего сына». В Казахстане у меня тоже был сосед, казах. У него была дочь. Тогда в деревне приезжали автоклубы, показывать кино. Один раз в неделю – в субботу или в воскресенье. Хочу пойти вечером в кино, а денег нет. А кино стоило где-то копеек 20. Мама говорила: «Иди к соседке

казашке и попроси деньги. А я что-нибудь потом ей сделаю». Мама очень хорошо вязала у нас. Вот бабушка нам и давала деньги в качестве оплаты за работу.

Вы шли в кино с казахской девушкой. Как ее звали? Помните?

Айман, по-моему. Да – Айман. Так вот, когда бабушка давала деньги моей маме, она говорила, моя дочка тоже пойдет в кино. Эти деньги на них двоих. Мать потом мне говорила: «Смотри там, не натвори глупостей с девушкой...». Было много, кто женился на казахках среди нас.

А как к вам относились официальные власти? Был ли какой-нибудь контроль с их стороны?

Особого контроля не было. Вначале были коменданты, которые следили за нами, ловили тех, кто покидал свои деревни, а потом, не помню в каком году, нам предоставили свободу.

Были ли те, кто пытался сбежать?

Нет, не было. Нас ведь раскидали по разным местам: кого отправили в Казахстан, кого – в Киргизстан, кого – в Узбекистан. Потом, когда стало возможно свободное перемещение, родственники начали искать друг друга. Ездили из Казахстана в Киргизстан, из Киргизстана в Казахстан... Вот так вот родственники собирались.

Как вам оплачивалась ваша работа? У вас была зарплата?

Я там проработал 30 лет шофером.

В первые годы, когда вы приехали, вам платили зарплату?

Нет, в первые годы такого не было. Зарплату стали платить в начале 64-го года. У нас были суточные. В конце года их подсчитывали. Их выплачивали продуктами. Всем, что имел колхоз – кукуруза, зерно, овощи – денег не давали. Там была система оплаты налога колхозом государству. Все что оставалось от налога делили между нами. В 64-м начали платить зарплату.

Сколько было вам лет, когда вы приехали в Казахстан?

Шесть лет.

В каком возрасте вы пошли в школу?

Мы приехали туда в 1944 году... в школу я пошел в 1947, в 1957 я закончил десятилетку.

То есть в 9 лет?

Да в девять лет.

Где вы ходили в школу?

До четвертого класса в той деревне.

Как к вам относились дети в школе? Было ли такое, что мол, иностранцы вы...?

Такое бывало, но если рассказывать все это надолго... Я закончил в деревне четыре класса, потом ездил в Каракомир, за Тургенем, там была десятилетка. Я каждый день ходил пешком в школу 6 км. Иногда я садился, извиняюсь, на своего ишака, приезжал в школу, привязывал его, потом возвращался на нем домой. Однажды один проказник казах, лег перед моим ишаком и испугал его. Ишак убежал, я шел заплаканный домой. Всякое бывало...

Когда вы начали переписываться с родственниками, которые жили в других республиках?

Я же говорил, потом со временем начали люди переписываться, приезжать друг к другу.

Были ли в деревне люди, которые следили за вами, контролировали вас, чтобы вы не убежали?

Я же говорил, вначале был комендант. Тогда был очень строгий контроль. Никто не мог убежать. А потом нам предоставили свободу.

Были ли там шпионы, которые следили за вами?

Были, наверное, как же без них!

Кто управлял деревней?

Директор колхоза был, староста был...

Как вы питались в Казахстане? Как одевались? В сравнении с домом в Грузии.

Как жили в Грузии, такую жизнь и сохраняли везде. Возьмите ту же Грузию, Казахстан, вплоть до того, пока не вернулись сюда, наш народ не утратил своего языка, своих обычаев. Мусульманам было немного трудно с коммунистической системой, этой негодной системой, которая утверждала, что всевышнего нет. В основном наш народ тайком продолжал читать намаз. Мечетей не было, приходилось все делать тайком.

Среди казахов были те, кто читал намаз?

Были, но в основном старики. В столице Алматы была только одна мечеть, и та в очень плохом состоянии. Вы же знаете, что в Казахстан приезжал Тургут Озал. Когда он приехал туда, как раз была пятница, и, увидев состояние этой мечети, он сказал: «В такой огромной стране как Казахстан, в столице разве может быть такая мечеть»? И выделили много тысяч долларов на ее восстановление.

В 1948 закончилась война...

В 1945.

В 1945 закончилась война. Что-нибудь изменилось в вашей жизни?

Стало намного легче. Началась хорошая жизнь. А потом начался развал Союза...

А когда вы узнали, что умер Сталин?

Рассказать вам и про это? Я уже заболтался. Так вот, я уже говорил, что с 1947 по 1957 гг. ходил в школу. В 1953 году я был в 6-ом классе. Первый урок не должен был вести директор, а я смотрю, пришел именно он. Он был казахом, партийным человеком. Он пришел в класс, глаза красные, заплаканные. А я сидел в заднем ряду со своим другом казахом. Пришел агай, казахи к мужчинам обращаются агай, к женщинам – тате, сказал, чтобы мы селись, поздоровался с нами и говорит: «Наш великий вождь, наш отец, Иосиф Виссарионович Сталин умер» и разрыдался. Громко-громко заплакал. А я засмеялся.

А остальные что делали?

Они тоже плакали. Все они были казахами, я один турок. Я был в 6-ом классе, я говорил уже. И тут директор говорит: «Эмиров...», моя фамилия Эмир, а они еще добавляли -ов к фамилии, «... Эмиров, встань». Я встал. Он говорит: «У нас умер наш отец. Мы все его оплакиваем, я его оплакиваю. А ты почему смеешься?» Я ему ответил: «Агай, если бы он умер в 1943 году, а не в 1953-ем, нас бы сюда не депортировали. Это первая причина, почему я засмеялся», честно так я и сказал. Он спросил: «Какая вторая причина?». Я ему говорю: «Он грузин, ты казах, я турок. Как он может быть нашим отцом?». Что там было... Директор разозлился и говорит: «Возьми сумку и выйди из школы». Я взял сумку, собрался уходить. Когда подошел к двери он сказал: «Стой!». Я остановился. В то время за такие слова сажали в тюрьмы, депортировали. Он мне говорит: «Ты еще ребенок, если бы ты не был ребенком, я бы тебя в ссылку отправил». Это говорит директор. Я сказал: «Хорошо» и вышел. Один урок пропустил, но это был не его урок. Погулял немного, потом вернулся в школу. Я закончил там десятилетку.

Потом вы вернулись домой. Вы рассказали о произошедшем дома? В деревне узнали об этом?

Да узнали...

Ну, а после смерти Сталина были ли разговоры о том, что теперь что-то в жизни поменяется?

Взять хотя бы этого директора. Я закончил десятилетку, пошел служить в армию. 3-4 года отслужил.

Где проходили службу?

В Туркменистане на границе с Афганистаном, в поселке Кушкадам. Тогда я на машине съездил в Афганистан, и в Пакистане был, долгий будет разговор, если начну рассказывать. Теперь, что я собирался рассказать. Я вернулся с армии. Я говорил, что я взял «Жигули», вот еду я на машине, остановился на светофоре. И видел того директора школы. Он уже постаревший, в очках, с тросточкой. Смотрю – он идет, еле-еле передвигается. Я подъехал к нему, прямо вплотную, открыл дверь и говорю: «Агай, садись. Домой отвезу». Он сел, смотрит на меня и говорит: «Сынок, я не узнал тебя». Я говорю: «Агай, помнишь, когда умер Сталин, ты меня из школы выгнал. Эмиров я». Он вскрикнул: «Эмиров, ты что ли?», обнял меня. Говорит: «Честное слово, ты умным был. Откуда ты тогда все знал».

.....
Юнусов Магадын Юнусович, турок-месхетинец, 80 лет. Был депортирован из Грузинской ССР, Ахалтекинский район, село Орал в 1944 году. Проживает в Казахстане, Жамбылская область, село Гродеково.

Уважаемый Магадын Юнусович!

Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, расскажите, пожалуйста.

У меня отец умер в 1935 году. Мы остались 4 брата, тогда мне 5 лет было. Я помню, как отца привезли без ноги, я играл и младший брат был. Тогда голод был, в 1930, 1931 годы и там был, но там не так, здесь крепко было. Я не мог учиться, колхозные бараны, молоко, там план был, их ягнят пас, скот пас, телят пас. Отец был чекистом, его отравили. Потом работали, работали. Когда война началась всех забрали, женщины за плутом, а мы быков гоняли. Так два года было. С 1940 по 1941 годы война началась. С 1926 года всех забрали, моего брата забрали. Потом мы что делать, скот пасли, а что еще делать, колхоз заставляет. В 1944 году 15 ноября мы провожали брата в армию. Вышли на улицу, там солдаты стоят. Вы куда? Вот повестка в армию. Никакой повестки, назад идите. Ночью ночевали, не знали, что нас выселять будут. Утром в контору вызывали, будем выселять в Среднюю Азию. Берите, что хотите. Мне было 14 лет, когда приехал 15 лет исполнилось. Ишаков, лошадей забрали. Война началась, 30 км везли оружие в горы, поднимали на ишаках. Машина не поднимается. Вот ишаков забрали. Мне дали одну лошадь, верхом сел, одну тянул в горы. В наш город поезд не пришел. До Боржоми, а потом на поезд солдаты грузили. Потом приехали это было 1943 конец, в 1944 году в колхозе работали, я скот пас, коров пас. В школу не в чем идти, если не работаешь умрешь, в школу только зимой ходил.

Знали ли Вы о том, куда вас везут? Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне? Что смогли фактически взять с собой и как это размещалось в эшелоне?

Ровно месяц ехали. Вагоны товарные 60-тонные, человек 10 одна семья в одном вагоне. Спали на пшенице, кукурузе, картошке, наверху мешков спали. В туалет как ходили. Поезд идет, туалета нет. Один старик долбил дырку в полу и туда ходили. Солдаты приходили спрашивают: «У вас мертвые есть?» «Есть!» – говорим мы. Два солдата берут за одну ногу, вторую и тащат. Кто-то передал в Кызыл-Орде, что мусульмане едут. Приходили по мусульманским законам хоронили. А там по дороге до этого кого в яму кидали, кого просто так, не знаем даже. Правда, государство нам обед и ужин давало. В каждый вагон один солдат приходил. Берите два ведра в обед и вечером. Давали когда суп, когда что.

Куда именно прибыли? Как назывался населенный пункт куда вас привезли? Знали ли вы о том, что вас привезли в Казахстан?

Привезли прямо на станцию Джамбул. В Джамбуле в тот день в баню отвезли, в бане купались. Тогда машины не было, на брочках холодно, одежды нет. Приехали, нам освобождали контору. Холод. Машины нет.

Местные жители как Вас встретили?

Хорошо приняли. Даже уважали. Голод был, все равно. Казахский народ если хлеб найдет, даже если дети есть, делится. Я такое видел. В горах один старик хлеб нашел, у него 3 детей было. Он мне отломил половину, я говорю: «У тебя дети есть, им дай». Он говорит: «Бери». Казахи хорошо относились. Уважали.

Где работали?

С 1945 года лошадей пас. С братом на прицепе, воду туда-сюда, а потом в 1951 году пошел шофером. Людей не было, пацанов набрали. На тракторе работал. В 1945 году лошадей пас. С лошади упал, руку сломал. Эта рука сюда задевала. Мой дядька в больницу повез, врачи говорят, будем резать. Дядька думал, неужели не найдется тот, кто поможет без операции. Дядька нашел слепого казаха, с которым на свекле работал, и тот к Аликуну отправил, тот вправил мне руку. Тогда гипса не было, четыре доски поставил, привязал, забинтовал сильно, через 3 дня немного освободил, через 15 дней пришел, говорит пальцами пошевели, пошевелили, все говорит через месяц сниму. Ой, молодец был, человек был, 2 года учился в Алмате. Безграмотный был, но талантливый.

Кем работали?

Я лошадей пас в 1945 году, потом через год брат трактористом стал, я ему воду таскал, потом опять местный скот пас, а потом до 1951 года на тракторе работал. Потом шофером был. Пошел в казахскую школу, учился, не очень грамотный был, но память была хорошая, все запоминал с первого раза. 40 лет работал водителем и ни один раз не попал в ГАИ.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

Я утром 9 мая один на лошади вышел, победа, победа, женщины плачут, ой плакали сильно. Сталин когда умер в 1953 году, люди плакали.

И вы плакали?

Да и мы плакали. Сталин одно дело делает, другое дело портит.

У нас в Казахстане Президент и в Узбекистане. Давай нашим людям не хватает работы, дай работы. У нас Сибирь, давай людей, мало не хватает, мусульмане. Люди плакали. В чем дело Сталин умер. Крепко плакали.

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было?

Сразу сняли. Мы под комендантским часом ходили, потом сразу сняли. Я был десятником, вызывали каждый месяц подписывать бумаги.

Справка есть, о том что вы реабилитированы?

Справка есть.

Сколько детей у вас?

Трое детей. Один сын и две дочери. Первая жена умерла.

Родственники в Грузии остались?

Нет, никого. В 1979 году добивался пропуск. Хотел отцу могилу сделать. 4 раза писал, 4 раза отказ получал. Потом мой брат поехал в Боржоме отдыхать. Там врач была дагестанка, спросил у нее, как можно свой дом посмотреть. Сынок, я тебя пошлю, но всего на 1,5 сутки. Там солдаты караулили, она на мое место положила больного, солдаты проверили в обед, вечером, вот спит. Мой отец чекистом был, брат хочет приехать никак не может. Всем партийным подписывают, что его отец здесь похоронен. В Алматы приехал, говорят, твое заявление находится в Джамбуле, приехал в Джамбул, сказали, что вASSE.

Что вы хотите пропуск, отец кем был, чекистом. Когда хочешь, 20 мая. Анкету дает мне, а я заполнить не могу. Увидел человека он подписал, оказался земляком с Кавказа. Я привез в подарок армянский лаваш 10 штук. Когда приехал, спросил, проблем не было. Нет, все нормально было, только на границе боялся. Там сложно границу пройти. Нам говорили временно вас выселяют, турки хотят войну затеять, немцу помогать, вас пока выселим. Даже масло в землю закопали, думали вернуться.

А сколько скота осталось?

Три коровы, 2 буйвола, 25 баранов. Нам сказали, если хотите 2 барана режьте, но рогатый скот не надо. А как хранить, где варить, месяц ехали.

Почему не уехали и остались в Казахстане навсегда?

Я когда поехал, сказал лучше Казахстана ничего нет. Там заводов нет, фабрики не работают. Тут заводы есть, стройки, там ничего нет. Одна шахта есть, искру дает и все.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Чтобы жили хорошо, чтобы войны не было. Жили хорошо. Молодежь растет, главное, чтобы войны не было. Чтобы наше государство богатое было, Назарбаев молодец.

.....
*Беридзе Амина Афлетдиновна, турчанка-месхетинка, 70 лет.
Депортирована из Грузинской ССР, Ахалтекинский район, село Цухрут в
1944 году. Проживает в Казахстане, Жамбылская область, село Акбулым.*

Уважаемая Амина Афлетдиновна!

Ассамблея народа Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанных с процессом насильственной депортации в Казахстан в 1930-1950 годы различных народов.

Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Память во имя будущего» и дать нам интервью. Давайте начнем с первого вопроса, как затронули депортации Вас или Вашу семью: непосредственно Вас, или Ваших родителей, или Ваших дедов, бабушек или иное, поясните, пожалуйста.

Мы жили в Грузии, мне было всего 4 года. Мать работала там дояркой, отец скотником на ферме. Они хорошо работали. У отца двоих братьев на войну забрали – Муса и Виса. Муса не вернулся с войны, а Виса вернулся, он умер в 1985 году, здесь.

Когда нас переселили, нам ничего не сообщили. Солдаты приехали: «Давайте, за три часа должны освободить, вас переселяют». Родители растерялись. Одна женщина маме сказала, лампу возьми, одеяло. Соберите вещи, что можете, далеко поедете. И в это время мама меня на руки взяла и на машину посадила, я заплакала, я это точно помню, когда я заплакала, солдат на меня ружье наставил. Мама меня тогда обняла и сняла с машины.

Нас переселили, и по дороге я заболела, кажется, медики забирали больных детей, температурила, когда медики вошли в вагон, мама меня закрыла фартуком и сказала не плачь, тихо, а то тебя заберут. Вот так мама меня спрятала и медики ушли. 1,5 месяца ехали. По дороге много народу погибло.

Мы сперва приехали в Учбулак, потом нас отвезли в какое-то маленькое село Амангельды, там в одном доме мы жили с бабушкой Анар апа. Когда мы туда ехали, проезжали какой-то склад, там главный кто-то, аким или еще кто-то, кто знал наших родителей, сказал, они хорошо работали, не получили трудовни, дал мешок зерна пшеницы. Когда мы приехали, там уже проживали карачаевцы, они умирали от холода и от голода. И мама всем раздала по тарелкам пшеницу. Когда весна была, уже была победа. Тогда посадили, оживились. Соседи нас всегда благодарили, если бы вы не приехали, мы бы могли умереть. Когда была весна, мы зерна посадили и мы с казахами жили дружно. С

казахами хорошо жили. Дружно. Все село собиралось, шутили. Света нет, радио нет, сказку рассказывали, играли, шутили, жили все дружно. Там тоже мать работала дояркой, а отец скотником. Я родителям всегда помогала.

Скажите, откуда вас депортировали?

Из Грузии, поселок Цухрут. Там только наша родня, а остальные были армяне.

Какой район?

Ахалтекинский.

В каком году была депортация?

В 1944 г., осенью.

Когда вас везли, вы знали куда вас везут?

Мы не знали, нам даже не говорили, они даже думали, зачем куда-то отвезить, надо утопить в Черном море. Депортацию сделал Сталин и Берия. Когда мы приехали, сверху был указ, на документах турок не писать, и нам писали азербайджанец.

Когда вы приехали, как вас встретили, с населением как отношения складывались?

Очень хорошо, как одна семья жили.

Как дальше складывалась жизнь?

Нас все равно держали под комендатурой до 1956 года. Мы не имели права никуда ходить. После 1956 года, мы писали письма в Москву и нашли своих родственников, их депортировали в Узбекистан.

Скажите, а ваши родители или близкие родственники не хотели уехать туда обратно в Грузию?

Раньше хотели, когда они были живы, их тянуло туда на Родину, теперь для молодежи Родина здесь, никто не хочет, потому что наша Родина уже Казахстан, я уже сама не хочу, потому что я родилась среди казахов.

Когда Сталин умер, Вам сколько лет было? Вы помните?

Я тогда училась в 5 или 6 классе. Мы плакали.

Скажите, когда вы узнали о реабилитации, у вас документы были?

Нам дали справку из архива, когда я вышла на пенсию.

Скажите, пожалуйста, изменилось ли ваше отношение к депортации, как было раньше, как сейчас?

Мы живем как казахстанцы – это наша Родина.

Ваше отношение к депортации, насколько оно было нужно, насколько это было правильно? Причина как вы считаете?

Без причины нас переселили. Нам не дали никаких денег, а зато нам сейчас дается 1200 тенге.

Когда вас переселили, вам скот или что-нибудь дали?

Скот не дали, баранов дали, чтобы мы кушали мясо. Мы с весны работали. Мы много работали.

Благодаря чему вы смогли выжить?

Мы кусок хлеба вместе кушали, и были дружными, может по этому.

Что бы вы сейчас хотели пожелать потомкам, молодому поколению, современным детям?

Конечно, чтобы войны не было, чтобы дружба была, дети наши не видели то, что мы видели.

Сколько у вас детей кем вы работали?

Я работала в магазине. 4 дочки у меня.

Сколько у вас внуков и правнуков?

8 внуков, 2 правнука.

■ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ ЧЕЧЕНЦЫ

.....
Гандоев Пацу Хамзретович, чеченец, 70 лет. Был депортирован из Чечни в 1944. Проживает в Казахстане, Акмолинская область.

В какое время суток предупредили вас или не предупредили?

Это высланные, да?

Да, да, вот депортация с чего началась?

Ну, я, как, со слов от старших, от отца, от матери я не знаю, это она в 42-ом еще умерла дома, на Кавказе, я ее не помню. Ну, нас привезли в Казахстан, так помнится мне немного. Там ни станции ничего, вагончик стоял, привезли, потом нас распределили по селам, и я попал в село Самарка Атбасарский район. С дедушкой, это материн отец, бабушка, я и моя сестренка, и дядя мой, ему тогда было примерно где-то 16 лет. Ну, по спросам старших, старших всех собрали, и отца, и братьев отца, дядьки мои, дедушку, ну, увезли куда-то, вот их на месте в селе собрали, и увезли, мы их не видели, мы их всех, мы с ними встретились только в 47-ом году. И вернулись, вернее, вернулся, 2 брата отца не вернулись, мы так их и не нашли, пропали они куда неизвестно. А отец мой вернулся в 48-ом году, ну, он с нами долго не жил. Он, брат старший, 2 брата жили тогда у него, тогда был район Молотовский, в Каменке. Вот в Каменку, собрался ехать в Каменку, он заехал к нам в Самарки, зашел, сказал мне, это в 48-ом году, что к ним поедет их проведать, вернуться, и буду жить с вами. И он поехал как раз в декабре месяце, он только поехал тогда, но, по Шуйской трассе, и там заболел, три дня пролежал, значит, на 4-ый день умер. Но я-то не знал, доскональность это вот потом я узнал, и вот его там похоронили. Ну, так прожили мы до 57-го года тут, в Казахстане, в селе Самарки, отсюда я с дедушкой с бабушкой, бабушка умерла в 56-ом году, ее там похоронили. С дедушкой с сестренкой, я поехал, вот когда, дали разрешение нам вернуться на родину, мы в 57-ом году вернулись, в Чечню. Ну, я там прожил до 65-го года. Да, до 65-го года находился там, в 65-ом году я вернулся опять в Казахстан, и вот с 65-го года я вот сколько лет живу в Казахстане. И вот в Самарке, вот здесь, в Спасском, живу здесь. А вот так если сказать, как выслали, вот досконально, столько слов, вот со слов старших, всех в один день, собрали всех, выселили за село. В селе, я жил в Куларях, Грозненского района. Нас всех выселили за село. Мы там переночевали, по идею, разговору. И где повезли, нас где загрузили, я сейчас даже не помню, не знаю точно. На станции наверное, где-то нас в Грозном нас загрузили, нас в теплушки эти и привезли сюда в Казахстан. А сколько там, наверное, недели две везли нас. А теплушки эти, вот обыкновенные вагоны, которые возили скот. Вот сейчас я помню, мы возили, вот, я возил скот, в таких вот в этих вагонах. Вот, видимо, как объяснить это. Я не знаю, в чем мы провинились, я не знаю, почему нас выслали, вот такое вот положение получилось. И оказались мы в Казахстане, ну, в Казахстане мы, как объяснить. В Казахстане нас приняли хорошо. В каком смысле, потому что нас распределили, привезли нас, правда, с Атбасара развозили, кто, чем мог, потому что транспорта мало было. На лошадях, на быках, у кого была машина, развезли распределили, по жителям сел. Ну, прожили мы, мы попали как раз к одной старушке с дочкой она жила. И вот нас туда посели. И мы так до возврата дедушки, дедушка у нас вернулся, как я сказал раньше, в 47-ом году. Ну, тогда дедушка тот нам построил домик, и мы потом так переселились, ну, вот там мы жили. Ну, жили мы, помогали, где мы, ну тогда не делили, все, кто там жили по-соседству, делились куском хлеба, жили, выжили, как говорится. Было, конечно, голод, холод, нищета, тяжело было, но и умерли от холода, от голода. Я вот помню, много умерли. Даже в нашем селе, так кто, кому вынуждено было умереть, не выжили. Ну, дальше, конечно, пошло легче. Ну, начала как сменилась власть наверху, как Сталина не стало, с 53-го года, 54-ый-55-ый. Тут уже и хлеб появился, ну, более или менее, и начали жить, это я уже помню, начали жить более или менее. Выжили, ну, вот сказать, что на кого-то обидеться в Казахстане, я ни на

кого не обижаю. Если бы обижался, наверное, не жил здесь, уехал бы. Приняли хорошо, ну, сейчас здесь, неплохо живем. В Казахстане Назарбаев нам выделил, он хорошо платит, пенсию получаем, зарплата была, кто хотел работать, работали. Работа была, ну, тот развал, все ясно, при развале немного, с работой стало. Так или надо где-то, в селе, конечно, только вот весной, осенью работа и им работа есть и когда убираем хлеб. Ну, ни скота, ничего нету, без работы тяжело, молодежь разъезжается. Кто в Астану, кто в Атбасар, кто в Кокчетав, кто в Балкашино, кто...

Скажите, пожалуйста, вот во время депортации, сколько времени давали на сборы, и что разрешалось брать с собой? Что бы вы могли сказать?

Вот по разговору, там, по-моему, утром объявили и вечером уже были высланы. Ну, там, много не разговаривали, видимо, ну, я точно не могу сказать, что так было, так было, так по рассказу дали несколько часов.

А в каком состоянии осталось поселение, в котором вы жили?

Как?

В каком состоянии осталось поселение, в котором вы жили? Т.е. всех вывезли, село осталось просто пустое.

Там?

В Чечне, когда депортировали.

А, ну, что осталось?

В селе, да?

Все осталось там. Мы что везли, мы мешок взяли кукурузной муки, и мешок кукурузы и больше мы ничего не взяли, в чем были одеты, так и уехали, вывезли нас.

Всех депортировали?

А?

Всех депортировали, да?

Все, все потеряли. Вот в чем были одеты, так и привезли нас.

Т.е. вы не знали, куда вас везут, почему везут?

Я лично, да и другие не знали, куда везут, как, зачем везут, в чем причина. Выселили, привезли, а везли куда, кто его знал, Казахстан тогда ведь мы не знали, что есть даже такое Казахстан. Откуда мы знали.

Не можете вспомнить, сколько человек в одном вагоне ехало примерно?

В одном вагоне?

Да.

Сколько человек? Ой, много было. Я даже припоминаю, вот этот вот, вагон, было забито.

Какие там условия были? Чем кормили, давали ли теплые...?

Да, ничем, у кого что было, тем и ели, то и ели, делили. Ничем не кормили, кто, что давал что ли? Я не помню, чтобы кто-то что-нибудь давал. Чем кормили, я не могу сказать.

А кто-нибудь сбежал в пути?

Бежать?

Да.

Этого тоже я не знаю.

Не помните, да?

Ну, я знаю одно, вот отец, отца вот в теплушке, и не чем было топить, это с рассказов других, а оказывается, там пол был двойной, в вагоне. Отец мой начал срывать доски, там буржуйки стояли, чтоб могли нагреться, чтоб что-то подогреть. Ну рассказ, его уже нету. Это его рассказ, он говорит, его вывезли, кто-то его продал там. Он вот занимается там вот

пол срыгает, его вывели там солдаты, побили. Вот от этого он и умер. В общем, видимо, отбили ему все в пути, вот это вот я хорошо знаю.

Привезли вас в Казахстан, да? Скажите, пожалуйста, вас привезли в село, в Казахстан, как вас распределили, как жители к вам отнеслись, какой национальности были люди там?

В Казахстане мы жили как одна семья. Дележек у нас не было. У кого что было, то и делили. Одежду, обувь давали, есть давали. У кого есть кусок, делили, жили, как могли, так и выживали. Ну, отказа не было ни от кого. Жили дружно.

Каким вам показалось благосостояние местных жителей?

Как?

Каким вам показалось благосостояние местных жителей?

У нас тут?

Да, да. Вот вы приехали, вас определили в семью, да? Вот вас взяла женщина с дочерью, вот вас, зашли вы в дом, как вам показалось, как они жили вот, бедно?

Ну, приняли нас...

Средне?

Даже может быть, ну, такое указание было или что, приняли нас, никакого отказа не было, никаких конфликтов не было, пререкания никакого не было, что, вот вы такие, вы сякие. И то и другое, я этого не слышал. Сколько мы жили не слышал, и вот, ушли, сколько жили ни от кого я, чтобы услышать такое как вот сказали, ты, вот такой, ты сякой, вот такого не было.

А возникали браки с местным населением?

Нет. Неа.

Не было, да?

Ну, население разное было, немцы были, казахи, русские, украинцы, белорусы и чечены, ингуши, наций в каждом селе было много. Жили, ну, тогда такого не было, чтоб кто-то говорил, что ты такой, ты сякой, не было, как я вот не слышал, то, что я слышал, то, нет, чтобы меня там обидели в чем-то, сказали, что вот Вас привезли, зачем вы приехали, что вот тот, другой, вот этого не было.

А на каком языке вы общались?

Ну, общались, ну, кто как мог, кто. И жестами общались, кто не мог говорить. Чем, как-то мирились с этим. Мне кажется, не обижался, что я не умею разговаривать. Но я, правда, быстро научился разговаривать. Ну, потому что в село, в которое мы приехали, там всего жили три или четыре семьи казахов, остальные все были немцы, русские и белорусы, они все разговаривали на русском языке. Я в свои, с семи лет уже в школу пошел, мог разговаривать на русском языке, я быстро научился, ну, дети быстро они же быстро. Это сейчас я тяжело принимаю, чтоб учить, а тогда быстро язык давался. Учился, а я уже в школе учился, отлично, вот я вот допустим, мне было легко учиться.

Вас депортировали в Казахстан, вы приехали в село, там уже были депортированные или вы только были?

В Казахстане? Немцы были, немцы были. Ну, с нами-то много национальностей, говорят выселили, я вот знаю, что ингушей, нас, чеченов. А, говорят, там, и уйгуры, и других национальностей много выселили, говорят, а когда после, или до, я не знаю, что немцев, как война началась, говорят, выселили в 41-ом году, а нас привезли в 44-ом.

А каково было отношение к вам, у местной власти, у местной администрации?

Администрации?

Т.е. как проверяли наличие вас на месте?

Ну, правда, меня, допустим, я еще малолетка, мне, допустим, расписываться не заставляли. Т.е. ну, я там, что, ну, я никуда не собирался, не уезжал. Ну, правда, взрослые

говорят, там в месяц раз обязательно расписывались, если куда-то уезжать, то обязательно должны были отпроситься, взять разрешение, говорят так. Ну, я не застал вот этот период.

А как работали взрослые?

Работали?

Как оплачивался труд?

Ну, я знаю, как работал дедушка наш, он с нами жил, дедушка. Он был чернорабочий, он физически крепкий был мужик, здоровый. Он работал крепко. Он, на двух, на трех работах работал, он землю копал, траншеи вот, дома строили, 40 см копали траншей, там, потом вручную, почти на дом, вот фундамент, крепкий был дедушка у меня. И вот он приехал, и нам стало легче, он начал работать. Нарбатывать трудоводни, на трудоводни давали, ну, так легче пошло.

Дети учились в школе депортированные?

В школе?

Да.

Учились.

Как отношения складывались с ними?

Нормально. Как со всеми, допустим, в школе не было такого вот, чтобы делили, что ты такой, ты сякой. Все одинаково учились.

Ограничения какие-нибудь были вот, например, у взрослых в общении?

Ну, я не помню, чтоб. У меня лично не было никакого ограничения. Я учился, учился нормально, ну, у каждого дисциплина, ну, дисциплина должна была, вообще был неконфликтный мужик, парень, до того времени. И сейчас я не такой, не конфликтный. Не люблю я лишний шум, крик. Жил, работал.

После депортации как вы питались, как одевались?

А?

Как вы питались, как одевались после депортации в Казахстан?

Как жили, как одевались, как питались? Верите, даже одеваться было, конечно, ну, скудно одевались. Ну, нас за это не упрекали. У нас был директор школы, нам говорил, пусть будет он латаный, пусть будет такой, лишь бы был чистый, вот, постирайте, пусть стирает. А что в латаных, знаем, что тяжело всем, говорит. Ну, ничего нету, не придирались к этому, ничего не было.

А ели что?

Если, ну, что могли, доставали. Ели.

Как вы узнали...?

Тяжело было, конечно. Да, все жили плохо в то время.

Как вы узнали о смерти Сталина?

М?

Как вы узнали о смерти Сталина?

А я в школе учился, нам объявили, что Сталин умер, но говорили надо всем плакать, учителя. Ну, я-то плакать, я не хотел плакать, честно говоря, я не люблю врать. Я не хотел плакать, я не мог. Ну, мне говорят, надо плакать. Ну, плакать, плакать говорит надо. Ну, я взял, наслюнил глаза и лег на парту, полежал.

А взрослые как отреагировали?

А?

Взрослые как отреагировали?

Ну, взрослые страдали, многие страдали. Как будем жить теперь, вождь, вождя нет, как мы теперь будем жить, в разговоре часто встречалось. Разговаривали таким тоном. Переживали, видимо, не переживали они, видимо, я не знаю, как на душе было. А на вид все относились там очень грустно.

А когда узнали о реабилитации? О своей реабилитации когда узнали?

Я? Ну, я, вообще-то я не знал, что надо было документы, вот все это, я уже уехал. Когда вернулся, когда я уже вот это дело, ну, никто не спрашивал об этом, когда уже на пенсию ушел, тогда начали проверять фамилию, имя, отчество, ну, вот уже тогда меня коснулся вот этот вопрос. Я поехал в Кокчетав, в архив, в архиве нашел данные, что действительно мы были депортированы в 1944-ом году, в марте месяце. Отец 1916-го года рождения, что он умер в 1948-м году. И я был с ним выслан. Нашей сестренки нету, она еще была мала, умерла. Что я 1939-го года. Ну, мне пришлось, я все время записывал, ну, документы у меня все 40-го года. Ну, пришлось мне через суд это все восстанавливать. Меня реабилитировали, восстановили, действительно, что я 1940-го года, что отец мой не Хамза, а там было написано, что Хамза, а Хамзерта, я же Хамзертович, вот так вот, меня вот коснулась, меня тогда, только вот тогда узнал вот все эти данные.

А почему решили уехать из Казахстана?

М?

Почему решили уехать из Казахстана?

С Казахстана? Ну, я, Казахстан, что тут, хоть я сколько буду говорить о Казахстане, но я плохого сказать не могу, что Казахстан 2-я родина, ведь я родился на Кавказе. А жил-то я с 44-го по 57-ой год в Казахстане жил. В 65-ом приехал, вот с 65-го я живу в Казахстане. Так что всю сознательную жизнь я прожил в Казахстане. Женился я в Казахстане, дети мои родились в Казахстане. И живут они все здесь в Казахстане. У меня три сына, три дочки. Дочки замужем, двое женатые, один в Астане, тоже на работе там, частный предприниматель, вот они там, работают. Казахстан мне дал жизнь, и живем, моим детям, ну, и внукам теперь.

Вы же уезжали с Казахстана?

А?

Вы же выезжали из Казахстана?

Я с Казахстана, я же говорю, в 57-ом году уехал, в 65-ом вернулся.

Почему Вы уехали?

Ну, мне не понравилось, захотел жить, я тут вырос, уже было нормально, я же, есть же, я приехал в 4 года, уехал в 17 лет, я же тут прожил больше.

Т.е. вы поехали, для проживания на историческую родину, не смогли, приехали вновь? Почему вернулись?

Ну, меня тут...

Для проживания на историческую родину, не смогли, приехали вновь?

Да. Ну, меня тут, как говорится, приняли по-человечески, и живу по-человечески, если бы меня тут обижали, так я бы, наверное, уехал бы. Такого нет. Я доволен жизнью. Очень доволен, что я...ну, конечно, умереть хочется, если это получится, не знаем, получится, не получится, на родину, где родились родители, не знаю, как оно получится пока, мечта есть, но, не знаю, как она получится.

Вы можете еще что-то рассказать о депортации?

А?

Что-то можете еще рассказать о депортации?

Именно что?

О депортации, может быть какие-то события запомнились Вам, или рассказывали взрослые?

Ну, в доскональность историй я не влазил, но, вот только я знаю, что нас собрали, вот по рассказу собрали, мужиков забрали, а детей, стариков, женщин выслали и привезли сюда в Казахстан. А с какой целью это, я не знаю. Чтоб сказать почему, ну кто ж, мне ж никто не объяснял об этом. Почему выслали, потом, зачем это все нужно было. Ну,

наверное, кому-то было на руку, это кому-то нужно было. Ну, теперь слухи есть, что это все Берия руководил этим вопросом, что это, ну, раз сказать точно, а ты ж..., там вверху же все решалось, это Сталин, Берия, кто ж там больше мог решить такой вопрос, по всем данным, я сейчас, конечно, думаю так. Вот только вот 2 человека вот все решало. Пришли, постановили, как говорится, и отправили.

Изменилось ли Ваше отношение к депортации по сравнению с тем, что было пережито в первые годы высылки?

Как?

Изменилось ли Ваше отношение к депортации по сравнению с тем, что было пережито в первые годы высылки?

Ну, изменение, ну, изменить, в чем его, вот по этому вопросу, что можно сказать. Конечно, очень обидно. Может бы..., и родители, может быть, жили нормально, может и мы по-другому бы жили, не знаю я, как объяснить вот это вопрос. Раз привезли, мы тут тоже неплохо нас приняли, живем и не обижаемся ни на кого. Даже вот, в прош..., при, когда Назарбаев баллотировался на президента, я по своему селу, я был доверенное лицо президента, Нурсултана Абишевича. Я очень доволен этим, даже наше село проголосовало 92% за Назарбаева. Ну, значит, уважают, раз люди такой %, хороший % – 92% проголосовали за Назарбаева. Так что, мне кажется, и люди довольны и уважают, если нет, так по-другому. И я очень доволен, что я был доверенным лицом Назарбаева.

Ну, и в заключение Вашего рассказа, что бы Вы могли пожелать своим потомкам, нынешнему поколению.

Конечно, хочется, хочется чтоб, как говорится, чтоб, ну, мне очень нравится, что восстанавливается Чечня, что это родина моих предков, очень нравится, что Кадыров руководит, все, вроде, довольны им. Очень приятно, конечно, слышать, когда президент за свою родину, за своих отечественников болеет, переживает. Желаю им, конечно, здоровья, всем, хочу, чтобы они нашли общий язык в своей родине, жили без конфликтов, чтобы не было войны, чтобы радовались, жили, что нужно сейчас? Ну, и в заключение хочу сказать, Кадыров все равно, хочется пожелать ему тоже, чтобы он нашел свою жизнь там, чтобы он нашел согласие со своим народом, чтобы жили и радовались. Успеха им и ему желаю, конечно, в работе тяжелой, участь, но, желаю, чтобы все он вынес, как положено.

Спасибо.

.....
Бисултанов Хасан, чеченец, 78 лет. Был депортирован из Владикавказа в 1954 году. Проживает в Казахстане, город Караганда.

В 1945 году 25 февраля нас вывезли, всех собрали. Скот все орали, люди орали. Пока из села вывозили, военные бегали, не давали, что из дома брать. А как могли там собирали зерна, кукурузу. Что могли одели, не было одеваться. Полуголых вывезли на вокзал, там начали по вагонам, товарные вагоны. Туда нас всех семьи, сколько семей там было, я не помню, но весь забит был. Отопления не было никакого, нас вывезли в конце февраля, 7 дней нас везли, в середине ночи нам сказали, собирайтесь. Аккурат было тепло в вагоне, за нами ухаживал один, Баути был один такой чеченец, с села Центрой. Вот оттуда, он старался нам продукты привозить в вагоны. До Сталинграда, потом там было столько разбито, я слез аккуратно, и там за водой ходил, в туалет, потом смотрю все дома разбиты. Вагоны стояли полные забитые патронами, винтовками. А потом на 7 день, нас среди ночи, прямо на улице, никаких домов не было там. В сани погрузили и повезли. Куда, Бог его знает. Привезли в колхоз Чимендаук, там мы жили до 1946. А потом нас вывезли в другой колхоз. Так нуждаются рабочие. Туда нас вывезли, в отделении мы жили. Мясной совхоз был, до 1949 года там жили, а потом нас повезли сюда в Караганду приехали. А в Караганде

в шахте работал. Нас здесь встречали казахи. Дай Бог им. Делили кусок хлеба. Вспоминать тяжело было. Даже траву ели, чтобы не умереть. Вот такое время было тяжелое. Хлеба не было тогда. Слава Богу, люди поняли, делились. Потом постепенно, постепенно в русло пошло. Сколько знаю я своих ребят, казахи которые жили вместе, работали вместе. Мы долго до 1949 жили, оттуда потом приехали в Караганду. Пошли в шахту работать. 12 июня 1951. Был травмирован. Инвалидность получил. Лет 10. Прожили здесь, дети выросли, учиться пошли, высшее образование имеют все, благодаря местным. Назарбаев очень много помогает, дай Бог ему. Живем уже 65 лет в этом месте. Я как коренной житель. Мне всего 11 лет было, когда привезли. Дети работают по-разному. Живем хорошо, слава Богу. Дружно живем. А при советской власти что было, рассказывать не имеет смысла. Издевались, как хотели. Все забирали, что было дома. Не стоит об этом рассказывать.

Когда Вас вывозили, Вам не сказали, куда Вас вывозят?

Какой там. Никто не знал об этом. Нас даже не предупредили. Один день за ночь пришли, сказали давайте, готовьтесь. Вас вывозят. И все. На студебеккере, американские машины были или чьи они. Большие, туда запихали, вывезли на железную дорогу. В вагон затолкали. Хорошего ничего не видел, точка. Все было тяжело. Что было, один Аллах знает. Не было кушать, тут в Казахстане тоже было тяжело в то время. В военное время высланных принимали, и то в тяжелое время, все равно отдавали свой кусок хлеба казахи. Понимали. Рассказывать тяжело. Это все длинная история. Тяжело рассказывать. Вот три сестры, они тоже это видели. Депортация. За высылку, депортацию должны платить, не платят, по моему.

Компенсацию не платили?

Нет.

Когда в 1953 году Сталин умер, после реабилитации, там должны были быть выплаты. Компенсации тем народам, которые были депортированы.

Нет. Еще пока. А куда обращаться?

В принципе, можно узнать. Но в то время, когда советская власть была, когда реабилитация пошла депортированных народов, тогда этот процесс был. Документы собирали. 1956-1957 гг.

Сестра говорит: В 1957 году было разрешение обратно вернуться на Родину. Те, которые родились, были высланы, им это должен давать.

Мы с женой ходили, нам сказали, не будет Вам.

Сестра говорит: Мне не дали, потому что я тогда несовершеннолетняя была. В 1956 году. Не подписывала. Мне не дали. А вот им, почему не дали, не знаю. Мне 3, ей 2. Но то, что нас вывозили оттуда, я этого не помню ничего. Мне год был. А то, что здесь, родители работали, строили город, им понемногу, понемногу поднимали. Все дальше больше хорошо, там и стали жить. Ну, жили все нормально, потом стали сами работать. Все сошлись, живем, детей нажили. 5 детей, все с высшим образованием. Хорошо воспитали, слава Аллаху, спасибо Назарбаеву, всем жить давал, кто работает, тот и живет. Честно воспитали детей, дали им всем среднее, высшее по 2 образования. Сейчас работают хорошо, дети хорошие. Внуки есть 14. Ни на что не жалуемся, живем в Казахстане хорошо.

65 лет уже в Казахстане.

Вы после разрешения в 1957 году, вы не стали возвращаться?

Нет. Мы так и живем здесь, построили дома. Нас 3 сына, все рядом. Уже сколько, а в то время возле шахты, в землянках. Было такое, постепенно, постепенно все, слава Аллаху. Улучшилась жизнь. С женой получаем пенсию хорошую. Так и живем. И радуемся, что наш президент очень внимательный к людям. Относится к нашему народу, чеченцам. Дай Бог ему долгих лет счастья. Я так с уважением к нему отношусь.

Сестра: Работали. Он на шахте работал везде. Везде. Честно работали, детей воспитали. Теперь и дети понимают, и мы сами пенсию получаем.

Что Вы пожелаете молодому поколению?

Вам, дочка, желаем добра, счастья. Чтобы Вы не видели такого горя, какое мы видели. Дай Бог вам долгих лет и счастья. Никому я не желаю я такой, пусть Вам будет всегда солнце, светлые дни счастья, дай Бог, вы жили дружно. И был всегда мир на земном шаре.

Недавно был на Кавказе, фамилия не знаю, его направили делегации Чечни были, я по телевизору смотрел, очень добродушно, даже самолет подарил Рамзан, который Президент. И школы есть и статью, очень приятно. Все дети учатся по его проекту. И Рамзан очень приветливый. Его отец Ахматхажи, они же тут в Малом Саране жили, оттуда все. Обучались. И приехали, по-арабски отец окончил его. И сам он учился. Молодец, он то что он построил город, в Чечне. Такие истории я еще не слышал, многое он сделал. Его окружение, дай Бог ему добро, долгих лет жили, счастья. И приехали делегация, молодежь казахов, фамилию не запомнил, они долго были там.

Дом там построил там, в Грозном, школу. Назарбаев помог Рамзану.

Много что есть рассказывать про то тяжелое время, даже самому больно вспоминать об этом. Не дай Бог никому. Счастья и добро всем людям, чтобы они жили дружно. Уважали друг друга, это основное. Пусть солнце, пусть будет добро всем народам. Особенно казахи нам дороги, все же мусульмане, уважаем друг друга, с тех пор тем более, откуда не знали, что здесь есть казахи, когда привезли узнали об этом, но приняли хорошо. Дай Бог им.

Сестра: Жили дружно, друг другу делили что есть, по соседству хорошо, с казахами, дети вместе играли. Все вместе учились, все было хорошо, нормально. Хорошо приняли нас. Народ добросовестный, людей не обижали. Очень даже хорошо. Не делились на нации. Все были как брат, сестры. Нормально жили.

.....
Абубакиров Эмиль Матаевич, чеченец, 71 год. Был депортирован из Чечено-Ингушской АССР в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Павлодар.

Как затронула депортация Вас и Вашу семью?

Я родился село Тавзени, Вединского района, Ингушетия. Мои родители жили в этом селе. Семья наша была многодетная, во время депортации, высылки нас было 7 детей. А здесь еще двое родилось. В 1937 году дедушку увезли с семьей, неизвестно, так и потеряли. В 1937 году проходила коллективизация, дедушка жил хорошо, и скот сдал колхозу добровольно, около 1000 голов овец. И 100 КРС. Но все равно его арестовали, увели, старшего брата отца, брат вернулся, а дедушка так без вести пропал. Жена дедушки умерла, а он сам исчез, остальные сыновья уже семейные были и их не тронули. Бабушку не довели до Грозного, а он исчез. У деда было 2 дочери, 8 сыновей. После этого мои родители занимались скотоводством, другими сельскими трудами. Самого старшего Магомеда, после прибытия отправили в ПЗО, ему было неполных 16. Остальные, мы жили в Кызыл Енбек в селе. Мы не были нищими там. По рассказу родителей в 1943 году отца забрали в трудармию, а потом мать, старшая сестра, жили в горах и я с ними, еще ребенком, потом когда началась война, закинули в горы, началась перестрелка, хотели с гор спуститься, 2-3 км, до села км 10. И кинулись искать меня, 3-4 года мне было. Не могли меня найти. Потом сестра вспомнила, что там, в горах была какая-то собака, это собака была вместе со мной и давала знать, где я нахожусь. Мать кинулась собаку искать. Собака возле конуры лежит, мордой смотрит в конуру. А щенята там были, посмотрели, оказывается между двух щенков я там спал. Меня оттуда вытащили, а я оказывается щенков не оставлял, плакал, ей пришлось и щенков на себя взять. Вот это все по ее рассказу, но я точно помню и видел, когда с гор спустились, на берегу родника, ничком низ лежал мужчина, в одной ноге галоша, убитый лежал, мать назвала его имя, они-то друг друга знают, тогда же всех чеченцев врагами считали. Государственная политика в то время не объясняла. Сейчас

следование ведут, оказывается безвинных выселяли, главная вина, что численность населения была малая, их можно было депортировать, высылать. На Кавказе много же таких наций, их в Киргизстан, Казахстан выслали. Это 1943 год, когда мы спустились, там климат другой, это осенью или летом было, я этого не помню.

У Ваших родителей 9 детей?

4 девочки, 5 мальчиков. Я 6 был. После этого помню, что была зима, пришли какие-то люди, военные, из дома взять родителям разрешили только хозяйственную сумку.

Что было накануне депортации, были ли слухи, догадки о том, что людей будут депортировать? Готовились ли к плохому исходу событий? Слышали ли о других депортациях? Вас депортировали в 1944 году, вы слышали о каких-то других депортациях?

Накануне, полгода или 3 месяца все села были оккупированы, посты были расставлены, въезд-выезд строго контролировался. Слухи были, что выселяют, куда не знали. Слухи, сами знаете, преувеличивают, говорили, даже будут топить в Каспийском море. Следователи оказывается доказывают это, Сталин зачеркнул эту графу, потом на Казахстан подписал. Но чтобы организовать сопротивление это все никто, женщины и дети, старики в селах были. Многие ушли на войну, некоторые взяли в трудармию. Кто взял, что касается собирали, время на сборы не было, ни минуты, заходили. Вечером приходили, когда дома все были. Я помню, когда собирали во дворе людей, огонь разожгли, в 1944 в феврале. Я знаю не одну ночь они ночевали во дворе. А мать говорила, 4 ночевали во дворе на улице. Машин не хватало, ждали отправления. У нас село в горной местности, там железной дороги нет. Грузили в американские машины, я помню, когда нас везли сзади, вооруженные 2 солдата в каждой машине сидели.

Вот они вечером пришли с бумагой какой-нибудь?

Нет. Национальность чеченцы, все собирайтесь. У нас соседи жили даргинцы семья, их не трогали, они так и остались в нашем доме. Я до сих пор с ними связь поддерживаю, так породнились.

А много было людей? Село маленькое или большое?

Это большое село 4000-5000 человек. И всех чеченцев только. Это по рассказу родителей было 21 февраля, днем мужчин всех собрали на собрание, день советской армии, митинг проводили в мечети. И там их закрыли. А женщин, детей тут же собрали.

Что разрешали брать с собой?

Мать говорила, что успела только на руки взять, это детская одежда, на трое суток еду. Так и собрали, в 3-4 ночи ждали машин. А мужчин повезли последних на этих машинах. Посадили на товарный поезд, они по дороге семью свою находили, или уже здесь. А есть много умерли, так и не встретились с семьей. Это факт.

Когда забирали сопротивление оказывали?

Нет, не в силах были. Женщины, детей только остались. А которые могли сопротивляться когда слух пошел, они ушли в лес, сами без семьи, сейчас их считают не более 100 человек. Потому что многие участвовали в войне.

В каком состоянии оставлялось поселение, из которого Вас депортировали?

Пустовали дома. Потом одна семья, которая осталась там, даргинцы. По их рассказу после высылки все имущество загружали на машину и увозили.

А куда увозили?

Не знают они, скот собирали тоже неизвестно куда угнали. А наши родители, этот сосед говорил, я когда в горы ходил, еще в течение 5 лет встречал остатки этого скота. Мы там нищими не были.

Вас загрузили, а потом куда?

В Грозный. В Грозном держали, пока состав не набрали. Товарные вагоны, я помню большую дверь, стояли военные, а когда закрывали двери, сверху защелка и еще замок ставили.

В одном вагоне сколько примерно человек было?

Это считать невозможно, помню, что сидеть можно было. А лежать места не было.

Вас с семьей в один вагон?

Да в один вагон, в составе высылали только чеченцев, других тоже выселяли, но наши этого не знали. Тут одни чеченцы были в составах. Не знаю, сколько в Грозном формировался этот состав, не один состав был. Но я помню по пути ехали, останавливались, там без расписания шел состав, определенного графика не было. Могли и сутки стоять, и сами 27 суток сюда ехали.

Когда вы ехали, вам давали воду, кушать, теплую одежду?

Нет, одежду не давали, стояла буржуйка в середине вагона, детям, устраивали возле буржуйки, еду давали какой-то котел, бурда какая-то, жидкая, буханка черного хлеба, 2-3. Родители, старшие если потребляли только бурду, а хлеб давали детям, старикам, женщинам. А полноценные здоровые женщины, мужчины только эту бурду. Потом мать рассказывала, стакан, по кружке им доставалось. По дороге умирали, да. Никто из оставшихся в живых мертвых не жалели, они завидовали им, они говорили, что они уже отмучились. Потом когда останавливали, вооруженные люди проходили, трупы выносили вдоль этой железной дороги, уложили на землю, 2-3 вызывали с каждого вагона, когда вытаскивали, опять закрывались вагоны, никто их не хоронил. Так и лежали. Когда трупы выгружали, поезда долго не стояли. В другое место перекачивали и там стояли, я так думаю.

А вот в вагоне о чем люди говорили?

В вагоне не знали куда едут, но знали, что в Среднюю Азию. Точно куда никто не знал. Тогда люди и неграмотные были. Молодые грамотные все на войну ушли.

Когда прибыли, куда прибыли, знали ли вы, что Вас привезли в Казахстан, какие природно-климатические условия были? Отличались ли они, какие бытовые условия были первое время? Возместили ли вам жилье, то, что оставили там?

По рассказу родителей, 21-22 марта мы прибыли в Майский район, село Кызыл Енбек. Нас до Павлодара выгрузили, водили куда-то в баню, это я помню. Покормили, потом нас грузили в какую-то бортовую машину, подвезли за городом 50-60 км, какой-то дом, шофер дальше не хочет ехать. Ни окон, ни дверей, землянка. Потом я помню, мужчины вылезли, а там свинарка была, свиней кормили. И категорически люди отказались выгружаться.

Когда вас в Павлодар привезли, сколько дней держали?

Недолго, если сегодня привезли, на следующий день уже вывезли. Потом нас отвезли, где этот свинарник, хотели выгрузить и чтобы мы там жили. Хотели машину назад вернуть, шофер типа не едет дальше. Тогда же произвол на каждом шагу же был. Люди отказались слезть, потом я знаю, нас довели до Лебяжье. А там, на следующий день нас ждали повозки, возили казахи, ни одного русского не было. Потом на этих возах, как ни странно были, старые одежды, кошмы, они нас укутали. Вот как попало, как там этого не было, не смотрели, этого не было. На каждом возе, из дома, это не государство, это не колхоз, не совхоз, это каждый человек из своего дома захватил с собой. И так нас повезли дальше.

С вагона сколько людей было или вас в разные стороны?

Ну, конечно, в одно направление, отец говорил наше село туда в Кызыл Енбек, добрались 77 семей. Отсюда до Лебяжьего таким возом, нам было на сани 2-3 семьи.

С Лебяжьего вас повезли в Майский?

Там есть Бескарагайский район, там есть отделение Первомайское, Подпуск тогда называли, оттуда оказывается вниз и Кызыл Енбек, там дорога есть, я это место хорошо знаю, я там вырос. Когда Иртыш переезжали, старшие говорили, переездаем Идль, по-казахски Едиль, Волга, они думали, что нас перевозят через Волгу, взрослые знали, что в Казахстане уже. Но где находится Казахстан, где Волга они не знали. Потом началась жизнь в этом селе.

Как Вас приняли? Какие погодно-климатические условия были?

Конечно, условия резко отличались, 21-22 марта в Кавказе цветут абрикосы, а здесь на волах мы Иртыш переезжали, холодно было, снег, бурана не было. Когда в село прибыли нас разместили не в пустые дома, где семьи живут казахи, они принимали по одной, по две семьи в свои дома. И эту зиму пережили там с ними, еда, как ни странно, не хватало ведь и у них, нам говорит, государственные продукты давали со склада, специально туда завозили, недостаток, конечно, был. Все равно, что есть если за одним столом. Вот круглый стол в середине, в том углу одна семья, в другом вторая, третья, а досыта никто есть не мог, ни хозяин, ни гость. Это было трудно, конечно. Так мы эту зиму пережили, раз климат изменился, погода, природа не та. Умерших было много. Следующее лето все в болезнях. Зимой, с осени малярию захватили, барак отремонтировали, пустующие дома отремонтировали. Отдельно тогда жили, а потом этой малярии, тиф, косили всех. Я помню когда эту зиму пережили, отец был сильный и несколько таких мужчин собрались, начали обходить дома, с Кызыл Енбека с этой стороны с конца. Люди заходили и выходили, никого нет, потом такие дома заваливали, крышу, стену. 5,6 домов так завалил.

Для чего?

Оказывается, никого нет, это живых никого нет. Все умерли, хоронить, зимой силы не было. Чтобы хоть лицо мертвым закрыть, кости их. Потом наши тоже научились собирать колоса, когда убирают хлеб, колосы рассыпались, то собирали. Это собирали и чеченцы, и немцы, и казахи, все собирали. Кому разрешается, не всем разрешали, потому что в колхозе работали, не освобождали их от работы. Разрешали 5-6 до 10 лет, и совсем старым женщинам. Хоть старым мужчинам не разрешали. Они должны были работать.

Какой национальности были местные жители, которые Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или они, наоборот, не помогли? Были ли проблемы общения? Каким показалось состояние местных жителей?

Когда мы прибыли в Кызыл Енбек, были поляки, немцы, основная национальность казахи, русских не было. Ни одного русского. Нас никто не встречал враждебно. Первую зиму к казахам поселили.

А поляки, немцы?

Они в 1941 году, они уже отдельно жили, обосновались. А первую зиму чеченцы жили вместе с казахами, большинство. Если бы нас плохо встретили, у нас бы в середине стол не стоял бы. Мы же ели с одного дастархана. Нас, конечно, не знали нас тоже. Но они быстро освоились, друг друга поддерживали. Через год некоторые начали говорить на казахском языке.

Вы с ними тоже на казахском говорили?

Мне этот вопрос уже задавали, когда я научился говорить по-казахски, я этого не знаю, наверное, с детьми на улице. Это казахский язык для меня самый легкий. Браки были потом. У моего родного братишки сын женился на казахке, у них дети сейчас здесь живут. Браки есть и были, мусульмане есть мусульмане. Они друг друга не отталкивают. А чтобы враждебно, такого не было. Вы задали вопрос, который возмещали ли нам убытки, которые мы оставили там? Нет, этого не было. Но давали на каждую семью по одной телке. Это уже когда отдельно жили. Их же кормить, а у нас заготовки ничего не было. На зиму их увели куда-то, теперь я знаю, что в отгон на пастбище. Там многие подошли, но частично сохранились. От этого пошло разведение скота. Там увеличить нельзя было, за каждую корову, для всех национальностей одинаково. За корову каждый год нужно было сдавать 10 кг топленого масла. За 37 кг мяса надо было теленка сдавать. Это налоги были. А корова так и оставалась одной коровой. На 3 зиму мы попали на один дом, в одной стороне казахи жили, в другой с улицы вход один, с коридора разделялись на два. Мубарак, отец Жанымхана и Мейрхана, Абильдинова, может вы знаете профессор, Мейрхан тоже доктор физико-математических наук. У них еще третья дочка была Гульшат. Мой отец ее любил, она маленькая была, приносил к нам потом, когда у нас своя дочь родилась называли

Гульшат, она сейчас в Аксу живет. Вот так мы подружились с этой семьей, все одинаково: еда, одежда, тогда же трудно было. Я выходил на улицу играть, отцовские валенки не подшитые, латаные фуфайки. Куда там развернешься. Мейрхан всегда меня побеждал, но он и старше был. Такой мы выросли вместе. Мубарак, оказывается, это видел, мне обидно было, плакал, до коридора доходил, слезы, потом он принес в тряпочке старую одежду, ну старой тоже назвать нельзя, Мерханская одежда, говорит, скажи маме: пусть подошьет, тебе подгонит, вот это была моя первая детская одежда. А потом меня Мейрхан не побеждал, отпор ему давал. Мубараку это нравилось.

Как Ваши родители работали? Как оплачивался труд? Учились ли дети в школе? Какие меры по отношению к Вам Вы помните? Как можно было переписываться со своими родными в других районах. И какими были они фактически отношения администрации этого села?

Родители мои как многодетную семью, тогдашние руководители помогли нашей семье, устроили отца пастухом, мать дояркой. Вот там хоть если продуктов нет, обрат то есть. наших детей, семью местные начальники так спасли. А другие, как отец говорил, где-то строили железную дорогу, оттуда тоже увели. Через 2 года вернули обратно, но с таких мест, конечно, не все возвращаются, вот наше родительское трудоустройство было. А как старшего брата в 1945 году, его в ПЗО забрали, попал в Темиртау. Там он работал.

Остальные учились?

Нет, первый ученик это я. Остальные работали с 9-10 лет, в колхозе, телят пасли, старшая сестра коров доила. Другая сестра она этот обрат развозила по хозяйствам работающим, под подписку раздавала. Она и сейчас жива, но она неграмотная. Вот такое трудоустройство у нас было.

А дети учились в селе?

В селе учились, там была казахская средняя школа. Когда я пошел в школу там был женский и мужской пансионат. Интернат. Это была большая школа. Потому что все с отгона детей собирали туда. Беспризорных туда принимали, а на половину отца есть, матери нет, таких не принимали. Ограничение было, что касается ограничения передвижения нас, у поляков этого не было, у немцев было 3 км от села, нельзя было выходить, комендатура.

А у поляков?

У поляков свободны были, они же эвакуированы были, не высланы. Другой статус был. Потом 3 км нельзя, а в колхозе работаешь много же за 3 км. Я помню, потом дядя Даута послали за солью для скота, зимой, оттуда привезли соль, 70 км, их бригада, мои два дяди там были, на следующий день их арестовали и увезли за нарушение передвижения. Председатель колхоза поехал в село Майское, отец рассказывал 3-4 дня он не возвращался, потом было слышно, что он и от колхоза отказался и от всех отказался, без этих, мол, я не вернусь, пришлось их выпустить. Вот так вот председатель колхоза спас. Тогда же не было ни гостиницы, ни общежития, когда арестовали, их к нам приводили ночевать, отца считали авторитетным человеком, если они знали наших обычаев, что никто убежать не будет, потому что спрос же с нас же был. Вот так они переночевали у нас, я потом отца спрашивал, я помню, что они так их уводили. Возвращение было? Нет, говорит, среди них не было. Они и умирали в трудармии.

Это, какие чеченцы, которые наказывали и они ночевали у вас? А потом забирали дальше? Это в вашем селе, и когда их увозили, все исчезали?

Да все исчезали. Тогда не спрашивали, своровали, били или дрались. Ничего нет, только читали намаз, из-за этого, оказывается, нельзя было. Намаз читали, Коран читали, доносы были.

Осведомители, доносы были?

Да. Комендант приезжал в месяц один раз, если происшествия нет. Они выезжали, собирали подписи, все ли на месте, до 16 лет и старше. А когда нарушение, они же на

следующий день оказывались на месте. Были свои связи у них тоже. Вот так учеба, все дети, немецкие, чеченцы учились на казахском языке. У нас в интернате детей много было 700-800. На них была только одна учительница. Маргарита Борисовна. После 10-летки отца летчика убили, она добровольно сама приехала оттуда с Москвы русский язык преподавать. В один день мы сами назвали чтение или грамматика. Этого языка мы не знали, говорили все на казахском. На улице на казахском и в школе.

Вот когда Вы уже отдельно жили, как вы питались, как одевались? Менялось ли отношение людей, до и после войны?

Деньги тогда ни у казахов, ни у кого другого не было. Деньгами расчет такого не было. Когда колхозы начали развиваться, тогда выдавали зерном, продуктами. Эти продукты кому хватало, кому не хватало. Если трудодни тогда насчитывались, а не деньги. Если на трудодни не хватало, авансом со склада продукты давали. Это инициатива местных, а не государства. Это после 1948 года не голодали, до 1948, если бы мне тогда сказали, что ты сыто будешь есть, я бы никому не поверил, собирали колоски собирать, мельницы, были ручные. На муку, лепешки готовили. Тогда когда мы собирали, не имело значения, какая национальность. Мы смолачивали это зерно и ели. А потом работали со старшими. А постепенно, отношения они у старших. А дети то подерешься, то помиришься. На своих тоже, дрался даже со своими защищая казахов, на нации тогда не делили. А взрослые стали очень дружелюбные друг к другу. Какие тогда отношения были, сейчас нет. Мы все удивляемся, мои ровесники, которые это видели. У меня 2 есть, жанжолдас же говорят по-казахски. Неразлучные друзья с детства выросшие, один живет совхоз Техникум Мырзагалиев Жанбай, а другой – в городе. Сейчас они оба как наши родственники, кроме них тоже были друзья, но многие уже умерли. Отношения у нас были очень хорошие. Когда целинники приехали, мы на одной стороне жили, они на другой. Были драки и ссоры, всякое было. Но первые целинники Вы же знаете, они же были зеки освобожденные, но дисциплина у них была. Они со своими бригадами приезжали на целину, бригадиром. Но они местных не любили, особенно чеченцев не любили, потому что чеченцы давали сдачу. В 1956 году была массовая драка, Айдаргалиев тогда был первым секретарем Майского района, целинники тогда написали, 4 семьи чеченцев, 6 семей казахов, с Президиума Верховного совета Приказ на высылку в Новосибирск. В этой из 6 семей, был Жумабеков Хамза, он потом работал в Баянауле, вторым секретарем Карагандинского района, он живой до сих пор, даже его семья была. Потом Айдаргалиев еще раз написал, до приезда целинников у чеченцев с казахами ссоры никакой не было. Отношения хорошие были, потом нам рассказали, оказывается, первый секретарь нас спас. Вот такие отношения были. Вот в школе, я в школу пошел в 1949, мне было 9, а по записи 11 лет. Я уже был рабочим человеком. На уборку хлеба меня не пустили, из нашей семьи я первый ученик. Уборка кончится потом, мол, пойдешь. И так первый четверть я проморгал, к концу октября пришел в школу. Трудно говорить, но как забудешь, когда твой первый учитель взял твою руку с карандашом, выводил первые буквы, Табылдина Жазира. Она очень хорошая учительница была, покойная теперь. Первый орден получила она Красного Знамени.

Что помогло Вам выжить в таких условиях?

Наверное, работа родителей, я помню, они и работали и огород сажали, потом начали жить хорошо, но отец был строгий, с 4 на 5 класс стал переходить, работали в колхозе, когда 3 месяца каникул дают, нам давали по 3 дня отдыха, а на 4 выходили на работу, тогда совпадал с сенокосом. Ну я переростком пошел в школу, я в состоянии был работать, все работали, мой друг, который со мной вырос Жанбай, он хитрый был, скирдовщиками работал, скирдовали-то вручную, а он наверх залезет, там и поправляет. А если дети хотели его обидеть, старики близко его не подпускали. Вот так мы и работали. Отец утром молится встает, меня поднимал, до восхода солнца, мы должны были уже запрягать волов, с восходом солнца уже начинали работать, а с аула мне это 4 км пешком идти, а эта обувь, вы даже не представляете, бодяковская колючка может быть видели, мы ногами ломали их, вот такие твердые были ноги. Я работал на грабли, в один день напали

на волов, запрягали кастратов 2-х годовалых, а больших волов нам не давали, когда осы укололи, они резко рванули, я на железном сиденьи сидел сперва назад ушел, а потом вперед упал под грабли, а там гребет, идет, меня закрутило, когда очнулся, там бычки мне в плечо попало, потихоньку вылез оттуда, Жанбая мать, кучки делала, она была дома, тогда единственное лекарство от всех ран был керосин. Этим керосином она обмазала меня, все чисто. Потом там старый шапан, укутала, уложила. Там волю стоят, поблизости видно скирдовали, старики увидели, Жанбай прибежал, что случилось, говорю я живой. До вечера лежал, какие тогда люди строгие были. Вечером домой пришел, ничего не сказал. Думал, достанется, утром, как всегда встал, не сказал, родители даже не знали. С казахами учились, немцы тоже хорошие люди. Они и с нами и с казахами общий язык нашли.

Как узнали Вы о смерти Сталина? Какова была реакция? Что думали?

5 марта 1953 я встретил в школе ученики, тогда всех строили в линейку, все плакали, а я думал, зачем я буду плакать за какого-то Сталина, умершего в Москве, что он дал нам? Ничего, я был тогда в 4 классе, лет 14 было. Что-то там политика такая, все боялись, все плакали, я этого не испугался. Потом мне Нуршаев Хазиз был завуч, почему, мол, ты не плакал, во-первых, где-то умер человек в Москве, он не мой родственник, можно считать вредитель нашей нации. Он сам испугался. Домашние не скрывали своей радости, не потому что мстили Сталину, думали, что после этого будет свобода, вернуться можно. А в самом-то деле через 3 года, на 20 съезде отменили комендатуры. И в 1957 разрешили нам вернуться.

Это уже реабилитация? Когда узнали о реабилитации?

Это в 1956 в январе была реабилитация, из газет узнали, прочитал дома родителям, тогда у колхозников паспорта как таковых не было, документы выдавать запрещали, если куда-нибудь поехать давали справку, член такого-то колхоза и его нигде на работу не принимали, поездки не давали, потому что документов не было. Потом с 1957 года разрешили вернуться, нам начали паспорта выдавать, процесс этот был быстрый и они давали вызов, но не всем, Кызыл Енбек переименован был Сталинту, а сейчас опять переименовали. Привозили, давали паспорта в деревне, разрешение на выезд, только не всем, потом давали в 1958, выборочно. Потом в 1958-1959 переезд завершили, государство не помогало, за свой счет.

Вы решили уехать?

Да. Отец уехал. Принимал решение отец. В 1958 году в июне уехали, 16 июня были дома. Домой приехали, наш дом там. Там оставался человек, я вам говорил. Он нас принял.

Кто помогал выехать? Встретили ли Вас на месте? Какие сложности были?

Как таковой организации переезда государство не помогало. У государства только разрешение. На поезде выехали с Павлодара, пассажирским. Есть по дороге Карталы станция, чуть дальше Атбасара, там нас опять пересадили на эти проклятые скотовозы, товарняки. Вот так сами выехали, у кого что накопил, представьте, отец накопил 1500 рублей, с деньгами мы уехали домой. На товарняке выехали до Кизляр, до границы. Приехали там нас остановили. Тоже без графика ехали, но, правда, 9 сутки были дома. Там ночь, утро стояли, потом пошел слух, что паровоз убрали. Состав только, мол, там не принимают обратно будут везти. Все слезли, сели на рельсы обратный ход не дали. Потом довели нас до Аргон, там выгрузили. Государство ни одну копейку не потратило. Аргон это не Шалинского района, не доезжая до Грозного 12 км. Оттуда мы пеший шли до Шалинского райцентра 30 км. Дошли туда, там переночевали в саду у одного. На следующий день, хотели дальше поехать. Оказывается, наше разрешение не в наш родной дом, а на Ужский район, возле Терека. А родители на свои места хотели, как раз был базарный день воскресенье, мы присоединились к торговцам в руках все равно ничего нет, и так прошли солдаты, мы пришли как будто оттуда приехавшие. Дома нас, семья, которая оставалась. Они нас приняли, хорошо, как родственников. После нас в другие дома туда переселили с горных районов Дагестана аварцев, вот они не пускали. То в саду, то в

сарая вот так месяцами жили у своего дома у своего огорода. Потом в конце сделали так: выдавали кредиты на эти дома, а это кредит получали аварцы, дома чеченцев отдавали. Потом кредит гасили, чеченцы должны были гасить. Выходит, чеченцы опять свои же дома опять же выкупали. Вот такой процесс был, когда мы переселились первый раз.

Глядя из современности, изменилось ли у Вас отношение к депортации, по сравнению с тем, что было у Вас раньше?

Сравнить нельзя.

Что ожидаете от власти, от окружающих людей?

Я всю свою жизнь прожил здесь среди казахов, в этом Майском районе, моя семья 6 детей, и хозяйка у всех Родина – Казахстан.

Вы, получается, опять переехали оттуда?

Я в 1958 году вернулся, как рабочий с бригадой, до 1960 года. А потом отец, наверное, был дальновидный, умный, он мне сказал, Эмиль это не твоя работа, получаешь много, мало не имеет значения, выходи утром, вечером возвращайся в свою семью. Мы, слава Аллаху, не голодаем, пенсию получаем, вы помогаете. После этого было в 1962 году, у меня здесь старшая сестра заболела, я увез ее домой, она 14 ноября умерла, похоронили, отец мне говорит тебя в сельский совет вызывают, ну я пошел сразу в кабинет председателя, а тот участник войны был, офицер в отставке, он говорит не я тебя вызывал. Я захожу туда, представьте, 8 стариков сидят самый младший, старший брат моего отца, я поздоровался, и говорю я не туда попал, мы тебя ждем. Здесь магазин стоит 6 месяцев принимать некому, ты пойдешь, примешь. У нас же старики народ строгий. Я говорю, Вы меня простите, я что такое торговля не знаю, я шофер. Я на учете в Казахстане, потом они говорят мы это знаем, заходи к председателю сельского совета, там возьмешь направление. Что скажешь старикам. Я зашел туда, говорю, ты что наделал? Это не моя работа. Вот твои документы, езжай завтра в Ведено – райцентр. Туда тогда транспорт туго было. Поехал на лошади. И по горам прямо поехал 30 км. Я думал, хоть там человек сидит законы наблюдающие, да грамотный, интеллигентный мужчина, сидит, я туда захожу, он говорит, ты? Давай бумагу, я ему дал направление, не торговый работник, я шофер. На учете в Казахстане, он говорит я знаю, трудовую мы тебе выпишем, с военного учета оттуда мы тебя снимем, завтра пойдешь примешь магазин. Вот так я стал торговым работником. С 1958-1962 я приезжал в Казахстан работал. А зимой возвращался, а потом в 1960 году шоферский курс закончил и работал немного шофером.

Глядя из современности, изменилось ли у Вас отношение к депортации, по сравнению с тем, что было у Вас раньше?

И первые годы и сейчас виновниками местное население и других наша нация не считала. И сейчас не считают. Сейчас вы, наверное, чувствуете изменения. Мы сами себя чувствуем равными гражданами Казахстана и такими являемся. И старики наши, теперь я сам старик, молодежь заставляет, чтобы не было нарушения, жили в мире и в законе. Потому что единственное государство сейчас я имею после Советского Союза, является нашим домом Казахстан и также наш принимают, первое и прием населения не изменился, одинаковый, добрый хороший, а вот правительство, конечно, не сравнишь, тогда заключенными были, а сейчас равные граждане Казахстана. Вам, наверное, странно говорить, если я в тюрьме не сидел, я не заключенный, а 14 лет стаж тюремного заключения. Высылка считается как заключенного.

Благодаря чему Вы выжили в этих условиях?

Многие не сохранили из 77 семьи отец 7 семей только осталось и то не полные члены семьи. Но в этом не виновато местное население. Пострадало от болезней, голод. Наша семья выжила, благодаря соседям, друзьям отцовским, друг моего отца он после армии вернулся инвалидом, был в колхозе завскладом Кенжебай. Он вторую сестренку и брата забирал снег чистить в складе, он зерно давал. Потом все равно скота же мало было. Люди говорят это так хорошо жили, это неправда, мой отец оттуда приносил голову

павших скота, смолил, варил, этим питались. Родители находили, за одну шкуру отец отдал папаху, варили шкуру и ели. А сорпа как холодец был. Разное находили, весной не было. Есть в степи перекасти-поле, есть плоские черные зернышки, мать их собирала, с этого приготавливала нам лепешки, а где распахана земля, там есть кустарники как огурчики, она это варила, как молочный суп получается, я даже помню этот вкус, так выжили. Не все выжили в таких условиях. А что касается местного населения, моему соседу коже оставляли раздельно, он никому не давал мое. Вот так вот делили трудности.

Воевал ли кто-то на фронте?

Да, два брата отца воевали. Один вернулся, другой нет. Он погиб при форсировании Днепра. Вот это Нана с Цуцром были вместе, когда начали форсировать реку. А потом бомбежка началась. Один так потерялся, а второй попал в семью, сам не знаю какая нация, по-моему украинцы, потом после ранения через них пошел дальше в Польшу. Опять попал в такую ситуацию, и их посадили целый взвод за невыполнение приказа. На 3 этаже их держали, ночью он спрыгнул оттуда и убежал. Три года шел. Никому не говорил. Так бы посадили бы. У двоюродных братьев высокие правительственные награды, был один знаменитый офицер Месаитов, когда он начал о депортации чеченцев, он собрал всех солдат там, или сдадимся, чтобы нас выслали или будем воевать, когда все решили воевать назвали ДК дивизия, дивизия существовала и раньше, дошла до Берлина. На Эльбе американцев встречали чеченцы и вот это Месаитов, а по фильмам показывают какой-то русский майор. 233 медали Героев Советского Союза чеченцам лежат, это его слова. Афганская война, когда началась, вы это уже помните, первый в форме, туда закинули чеченцев, лично мой племянник, одну там ногу потерял. Ни одного случая это по их рассказу, в Афганистане предательства и в плен не сдавались. Но погибали. Вот неполный список, люди, которые защищали свою Родину, свое государство. Но благодарности нет. А сейчас я дома часто бываю, езжу, старший брат недавно умер, повезли туда хоронить. Когда я рассказываю здесь, они говорят, а у вас же Назарбаев, конечно, одно имя нашего президента вдохновляет тамошних чеченцев, сказали, что вот так с Казахстана привезли, хоронить, людей очень много было. Я этого мулла не видел раньше, встал, читал дуга, и дал бата Назарбаеву, тамошние чеченцы тоже любят казахов. Они же отсюда.

Чтобы Вы еще хотели добавить к тому, что мы уже сказали?

В данное время, в современной жизни, сейчас не скрою устраиваться нашей молодежи трудно, труднее, чем другим. Почему, потому что мы чеченцы, ингуши в армии сейчас не служат, даже военный билет сейчас не дают. А когда устроится на работу, первым делом требуют военный билет. Так современная наша молодежь, отсеченная от государственной службы. А несмотря на это они предпринимательством занимаются, моя семья крестьянское хозяйство держит на 4 сына, 2 дочери. У меня даже правнучка есть. Вот такие трудности есть и сейчас. Я не говорю это от государства. Сами знаете, конституция в Астане, а чиновники на местах, есть такие трудности. А в основном мы граждане Казахстана, есть еще одна проблема, нашей национальности касается, в документах, даже если многие родились здесь свидетельства в архивах есть, выезжали на Кавказ, и там документы потеряли, уехали оттуда. У этих людей ни документов, ни прописки сейчас нет, те, которые вернулись обратно. Они живут здесь, во время переписи тоже в учет не входят. Я знаю в этой области порядочно, даже некоторые семьи.

Старший сын и старший дочь, советские паспорта менять не стали, там эта заваруха начинается, дом у меня там построенный был, я сказал мне 4 сына дороже, чем этот дом. Дом до сих пор стоит. Вот люди, которые под это попали, они остались с советскими паспортами.

Что Вы пожелаете будущему поколению, своим потомкам?

Хорошо, плохо жили мы все одинаково живем, все люди потому что. Будущему поколению, молодым я у себя в семье тоже говорю, никогда не говорите, почему мне не помогают то и то не делают, сперва, берите себя пример, что вы делаете этим людям. Если вы делаете полезное дело, тогда имеете право это говорить. А если вы не делаете, на

это у вас право нет. Поэтому до сих пор казахи с вайнахами, ингуши и чеченцы, это одна нация нохчи, это как у казахов аргын, роды делятся. Я им и так говорю в таком содружестве, единстве, дружбе. Как с вашей стороны (казахи), так и с нашей стороны так должно быть. Наша обязанность как старшего поколения, направлять на правильный путь, как надо делать. Пусть такое единство, дружба будет, я отработал, меня в каждом доме знают. Быть друг с другом честным. Вину ищи в себе, а не в окружающих. Люди разные бывают, пусть будет дружба среди народов. Не знаем что такое война, благодаря президенту. Только в дружбе можно много достичь.

Говорит на чеченском.

Вы в 1962 вернулись?

Я там работал, у меня 27 рублей было, потом когда я в магазине, этот был совсем маленький, 5 копеек просил, я нарочно 1 копейку давал. Работал, копейки давал на фильм идти. Я работал там год, потом не отпускали. Я сидел у председателя, потом пришла телеграмма, направление в Грозный учебу, ускоренный кооперативный техникум. Тут же написал заявление. С опозданием на месяц вступительные экзамены сдал, все сдал, еще работал. Год учился, на бухгалтера, аттестата нет, 7 классов только. Директор вызывает Цураев, это мое свидетельство вверх ногами держит. На каком языке написано? Я говорю на казахском. А они думали, у меня аттестат есть. В 1964 закончил, там немного работал, в 1965 году вернулся. Приняли на работу, овощной магазин.

Почему вернулись?

Я не мог там жить, привык здесь, во-вторых, у меня младший брат растратил все. Я к двоюродному брату, который в Махачкале живет, он спрашивает, сколько надо я говорю 4 тыс. Это по тем временам как машина. Акша, по-казахски, он говорит, что ему деньги нужны, он мне их дал, я потом эти деньги отработывал, правда, он не требовал, я когда возвращал деньги он плакал, если бы ты не считал бы меня родственником, деньги не вернул бы, его доводы. Потом в 1965 работал, женился, живем 45 лет. В промтовары меня перевели мне и 33 не было, в соседний район, завскладом. На второй год мне зашли мужчина и женщина, документы смотрел, не поздоровались, спросили, где завсклад, я сказал я, они или не поверили, или не услышали. Проходит, продуктовый, один мужчина, на товары смотрит, другой на чистоту. Они между собой по-казахски говорят, не знали, что я понимаю. Хорошо содержит, все соблюдает, знающий завсклад, опять спрашивают, где завсклад, я им говорю, что я вас не устраиваю что ли. Они посмеялись и ушли. У вас в складе, пацан сидит и говорит, я, что вас не устраиваю что ли. А тот рассмеялся, действительно он у нас завсклад, с переводом направленный. Пацан свою работу знает. Мужчина был кооператива союз председателя. Аббасова главный санврач. Вот эти двое у меня были. Знали друг друга, как меня потом увидит, говорит: я тебя устраиваю. Так и остался работал 23 года в торговле. Потом на пенсию, сын попросил, чтобы организовал крестьянское хозяйство.

И дети Ваши тут.

Да все. Село Сатымайского района.

.....
*Хамзатов Мода Бекмурзаевич, чеченец, 79 лет. Был депортирован.
Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.*

Значит в 44-ом году, о нет в каком году, Вы сказали, что уже солдаты стояли?

Солдаты стояли в 43-ем году, они уже почти шесть месяцев.

С 43-го года по населенным пунктам.

В населенных пунктах, во всех населенных пунктах, которые я знаю. В каждом селе 10-15 солдат. А что они делают, что делают и никто не знает.

С какой целью, никто не знает?

С какой целью не знает никто. А потом, значит, они до 44-го года шибрали. Они значит уже начали, люди одетые не одетые, обутые не обутые, кушать нет, и сразу как заключенных начали гонять.

Аха.

Кто в дорогу не идет, на дорогу кто не идет, то сразу убивали.

Сгоняли то есть на дорогу, стоять на железную дорогу и...

На дорогу. Да, да. 120 км по снегу до железной дороги идти пешком. Ну там если сто человек они гоняли, значит человек 40 они догнали.

А остальное все, да?

Остальное все. Потому что снег никогда такое не было, как Аллах, грех дал этим.

Зима суровая была?

Они же снег был большой.

Нет, снега было много?

Много снега было. Февраль месяц. Потом значит, они все этот, а наш отец, значит, в общем жил... *(плачет)*

Ну, ладно. Ничего страшного. Воспоминания... А как назывался населенный пункт, в котором жили вы?

До выселения?

Ах да, до выселения.

Это Голонтинский район, село Яхчайн называлось. А потом они начали, значит, все возможность, которое есть, люди, которые, значит, создали эти места Хайбах они значит что делали, говорить что, кто больной, вот в колхозе значит, а телятник был там, вот этот телятник заходит все здоровые, не здоровые, все зашли, мы от это вот района, вот района мы км 30 жили дальше, вот как примерно до Карабулака.

Да, да, да.

Там значит вот они всех загнали, и там 800 человек сожгли.

Ой, ой, ой.

800 человек.

Это те, кто больной, кто не мог идти и что...

Нет. Здоровые зашли. Сказали, кто больной заходите.

Аха.

Вот они зашли, все заходили почти, а остальные, значит, если там забитые, и они выгоняли их. Много там, человек 300 вот так. 800 человек сожгли. И начали, значит, когда зажигают, они, значит, соляжкой облили, которой у людей лампочка была тогда.

Да, да, да, да, да. Керосиновой.

И сено значит. Довезли сено значит их, как раз снег большой, и зажгли их. Они сожжен, остальных начали гонять км 40, а там значит по ингушской дороге был Липсел, Липселски там туда надо около 150 км. Вот туда человек 400-500 может от всех аулов они вот эти 10-15 солдат выгоняли, как собрали люди от туда, аулов от туда аулов вот горах всех.

Да, да, да.

Вот как гоняли их до почти что вот 1 день. 1 день догнали ночь, не ночь, 24 часа в сутки.

Вот на сборы давали 24 часа.

24 часа то, что не идет, они застреливали их. Кто идет, просто умирали.

Кто не мог дойти до дороги, их убивали.

Да. Вот старики, которые не могут идти, вот 80 лет, 90 лет, 100 лет, люди жили тогда, они гоняли, они значит даже...

Вам на это время когда, ага я знаю, у вас комок в горле это, наверно...

У меня....

Вам на то время сколько было лет?

Когда брат в армию ушел, мне 31-го, мне 12 по-моему было. Я вот в это время добровольно значит с братом ушел.

С братом?

Я в армию ушел. А эти выслали, вот эти.

А без вас это выслали?

Без нашего выслали это. Но так как оно есть, я вот рассказываю.

Ну, конечно, воспоминания же все-таки.

А вот они значит догоняли, от сюда, от сюда значит ну район Голонтинский район, это большой примерно селений, там 16 сел.

Ааа.

16. А люди жили, значит, как в колхозах, вот здесь есть, там 15 человек, там 16. Вот по горам, каждое по своему распределению.

Да, да, да.

Ну, они значит некогда зашли, и до железной дороги почти что дошли, на вагоны сажали и везли их дальше.

Кто с вашей семьи прям непосредственно...

С нашей семьи, значит, я, один брат в армии был. Мы первый раз в Ронжи попали, а потом значит от туда в Ростов-на-Дону вот оттуда, значит, как раз ну и сейчас поселок, не знаешь там, ну много их.

Ага.

Ну, как примерно, которые помню. И оттуда до Украины, значит, там война много было, значит. Туда пацаны, которые были, они держали значит сохранность, взяли. А туда, когда идут значит войска немецкие, идут, копают ямы, значит, эти ямы значит, ну я один был, еще два русских и один украинец был. Пять, я знаю наш был полк. И от ямы копали, значит, и нам дают, говорит, что вот у вас это меньше видны, значит вот бутылки кидайте туда.

Ну чтобы поменьше телосложением?

Да. Маленький, маленький значит пацан. Мы начали эти то, мы пять пацанов значит, а как кидают, одна кидает солярка, а другой кидает керосин. А мы от мою значит в красках значит там 30 немец слезивали значит керосин. Значит, тот кидал керосин, а я это керосиновая лампочка. Ну они ехали около 90 человек, ни один там не выжил.

Ааа. Сгорели там.

Там не наших. В то время значит подошел Жуков, подошел Жуков, у меня руки значит... и мы дальше двигались всегда. Дальше значит до Ростова, до уже Ростова значит уже дошли, оттуда немецкие войска начали значит двигаться по указу. Уже там был указ только Чеченская республика, значит, ... если их, значит, которые будут защита, значит сдать, начать ... такой указ был. А потом значит Виситов был полковник, он собрал всех чеченец, сделал по 30 тысяч, Виситова дикий полк.

Аха, только с чеченцами.

Чеченцев дикий...

Дикий полк собрал. Вы в нем воевали значит получается?

Да, а потом он собрали их, все на месте и начали действовать, это где не может привыкнуть он, и дикая армия начинает уже, когда в полк других уже не берет их.

Тогда вас выпускали, чтобы добить врагов.

Так, злит меня этот несчастный черт. Потом значит команду дают вот Вистову Жуков вот это вот команду отстали именно пока дикую армию пустить. Вот этот который ... были немецкие вот эти районы...

Аха.

Это значит берет эту дикую армию.

Дикая армия освобождает как бы от захватчиков это уже вами. Ну вы освобождали получается что...

Да. Вот этот освобождает. Немцы отступают.

Ну да, да.

Едет дальше, дальше значит едет, доехали значит до Кабардино-Балкарии, то, что я знаю, я рассказываю. От Воронежа до Кабардино-Балкарии, там уже значит, а уже немецкие войска не пускает, уже должны взять все. Опять не могут взять войска гоняют значит батальон гоняет, они уничтожают у них ничего, ни оружия, ничего нет, солдат есть. Русские нет таких боевой такой готовы так немцы у них нет...

Боевой техники?

Техники нет у них. У них тоже народ, есть солдат. Вот солдатом они защитили родину только.

Страшно.

А был Буденов тогда, а Буденов значит был кавалерист.

Кавалерист да.

Сейчас. Кавалеристы там отделили Буденова, отделили значит около 200, по-моему памяти, 200 чечен отделили, Виситова полк. Отобрали у них значит полк, дикий полк.

Туда их.

Туда. Должны быть вместе.

Вместе. Все чеченцы вместе.

Все вместе. Они что вместе, что они для дела что они сделают. Ну раз меньше, говорит, что раз Чеченская республика их не тронут, что они будут воевать, против не воевать так он был указ Чеченской республики. Это дали, кидали они, что будет все во благо, что вы верующие люди у вас воевать не разрешают, потому что мы горский народ.

Да, да, да. По исламу что не положено.

Вот чеченский исламский народ, мы не должны воевать с вами. А потом значит эти кого есть, где идут войска, войска идут, ну меньше не было лошади не одной, у них было боевой техники много.

Мотоциклы, там танки.

У них вместо лошади мотоциклы были. Они значит вот эти кавалерийские войска, эти мотоциклисты значит уже начали всех уничтожать в том месте, в котором был. Лошадьми едут они, они как лошадь ночь долетает и уничтожали. Ночь.

Ночью?

Ночью. Время ночь. А время ночь, они места не знают.

Ну да.

Они стоят. Как бы...

Как бы засаду?

Как бы засаду. Как слезит, лошадь привязывают и прямо, значит, нападают на них ночью и уничтожают, дальше едет. И дошли значит до Моздока. До Моздока дошли они. До Моздока дошли они, уже их наш истребитель был значит их не было значит вот этот самолет, который вообще значит Жуков.

А вот смотрите, можно Вас я спрошу?

Да.

А вот смотрите, Вы были в армии в то время когда Вашу семью и остальное это населенный пункт депортировали, да? А вот Вам как-то сообщали об этом или как, как это все происходило? Или вы даже не знали, что творилось на родине в это время?

В это вот это время 44-го года мы не знали.

Не знали да. Сами воевали. А здесь совершенно другое происходило, депортировали народ.

Потом значит, как раз август месяц значит, август месяц собрали всех.

Август 44-го?

44-го года август месяц собрал вот это Жуков, и сказали нам, это не надо было, видит что вы воюете есть Сталина указ, что всех которые ваших значит родителей выслали, вас от армии освободить.

Освободить?

Да.

И вы смотрите, вы приехали к себе, ну вот вас с армии...

Мы в Грозный в декабре. Собирались в Грозный все.

В Грозном.

Кто приехал там оставал. Кто приехал, оставил и суют готовую винтовки и все и пистолетом, все форму надели.

Сдали? Разоружили вас? Все сдали?

Нее, ничего не сдали и прямо пошли, даже не хотели разоружить это люди. Они пошли уже форму свою примерять.

Да, да, да.

В Чечне вот, в Грозном там собирались, примерно месяц, полтора и там некоторые из них, кто не говорил, что сдайте оружие, не сдайте оружие. Они бросали оружие, а пистолет оставили, значит, когда нас привезли оружие бросали сами. Там на месте никто не говорит, а потом значит, кто Виситов как полковник, и он говорит, что нет у него еще взяли они. Наверно, еще месяцев 6, он был значит, не хотели все районы, то ли высланы вот здесь где-то Болгарии или где...

А вот смотрите из вашей семьи кого выслали? Вот кто выслан?

В нашей семье нас было 11. Только один я из двух, значит остальные все высланы. А вот начиная от Грозного до самой до станции, их потом нам сообщили, что они на станции уже там выселены и там находятся.

Ну вы же в Казахстан выслали же?

Выслали в Казахстан, вот нас тыкали на станции.

А. А станция у нас ...?

... на станции. Ну, ну, ну.

Там аж вот.

Да там сообщили, что, каждому они сообщили, каждому армейцу, куда его семья выслана.

А сообщили да, вот когда вы в Грозном сосредоточились все, вам сказали, где ваши семьи.

Да. Да да. Сосредоточились. Вот примерно ехать туда. А брат погиб, а мне ехать туда значит. Туда я приехал, я примерно, я приехал туда, мы 18 дней ехали на этой. А то хотели эти солдаты закрыть, они не давали закрыть. Там на дороге была тоже такая война.

Ааа. А в каких вагонах ехали?

Вагоны вот были вот грузовые.

Грузовые...

Вот как они вот эти вот в вагонах, вагонах ехали.

Ну, ну, ну.

Вот этот. Двухостный, четырехостный вот этот, вот в вагонах ехали люди. Но они хотят как других людей закрыть. Но они не давали, вот армейцам не давали закрыть.

И вот из Вашей семьи кто сюда был выслан?

Сюда у нас 11. Было значит 10, был. Уже на станции уже как раз я, 10.

Это братья, сестры, вы мне назовите кто они.

Да. Шесть, у нас было шесть сестер, три брата.

Три брата. А родители?

А отец был, мать была.

Тоже высланы?

Высланы они все, значит, вместе выселены были. Вот на станции я их достал.

Аха. Ну это их в феврале выслали, а вы в августе, в августе приехали.

А я в августе приехал.

Когда они приехали, им здесь жилье или что-то давали здесь?

Никакое жилье не было. Только там были, ну казахов было мало, казахстанских. Там было русских много. Они значит вот этот, который земля есть как...

Землянка?

Нет, есть вот эти вот...

Дерн, ну...

Да. Рвать там все.

Да, да, да, дерн, да.

Вот это они сами резали, себе сделали это.

Землянку?

Землянку сделали себе. А туда что попало накрывали, туда значит там по ... улиц там был значит дерево было, так как рука как другие вот эти. Но это накрали, я приехал туды.

И это их столько человек в одной землянке.

Вот эта землянка была на размер метров 4, вот так. Одно одеяло. А когда мы ехали, ехали значит как холодно белые такие ... были, они солдаты в шинелях заходят как жарко в вагоне, сейчас я еду не знаю, где тепло вот где Чимкент, где...

Да, да.

Они выходили. А когда значит холодно, заходили уже в шинелях не может как рукой так... Некоторые шинель бросали.

Невозможно было.

Невозможно было. Они налипает это налипает это как этой шилмой....

Это понятное дело, что условий никаких там.

Потом в баню, значит, пошли в баню. В бани что, форму сдали и уже начали... свою который Текеля Талдыкуртанский область, кто приехал Текеля, вот он туды вот копали, где есть, но я туды еще туды приехали, армии. Там еще были значит человек наверное больше ста, вот этот Текелинский ...

А вот смотрите с того населенного пункта, где вы раньше жили в Текелях много оказалось людей?

А.

Земляков?

Тех земляков вот как я жил не один.

Не один, да вот ваша семья одни вот были?

Нет. Тех которые мои года в семьях там нету. Не Буденовские нету.

Нету?

Нету нет. Это мои года когда мы в 57-ом выезжали, много было. Они значит за то, что своей любимой родины значит вот мои года вот они...

Да, да, да.

Вот умерли там. У них потом значит, они голодно, что делать и они не знали, это вот казахи, что делать, они на это степной народ. Войны не видели наверно, и они взяли пшеницы и молоком начали пить. Молоком. Вот они научились в селении вот они тоже, они сами голодные и чечены, ничего нету вот. Ничего нет. Хлеб дают там. Хлеб булка в 2-3 дня дают. И даже давали хлеб, мука два мешка, даже давали каждый день вот чашку давали.

Аха.

Ну их мало было. Текеле мало было их они ... вот где много. А вот такой совет людям начали говорить. Вот давайте...

Чтоб поддержать. Чтоб не умерли с голоду.

Поддержали. Семицу жарите, вот говорит казах люди не знали из казахов вот раньше.

Что можно так.

Мусульмани да, еще Бисмилляхи рохмани говорит это чечени уже их приняли. Они их приняли. Друг другу помогали. Два мусульмана.

Ну, ну, ну,

Вот по этому они уважают. Раньше люди. Сейчас люди, сейчас люди не то ближе.

Ну да

Как раньше.

Как раньше.

Да, как раньше нет. А те люди уже бисмилля лая илла да лай они считают аллах уже люди все и вот так значит от ... Люди до 44-5-6 уже начали шахтах уже начали они умирать, они в шахту зайдут, и оттуда не выходили.

А работали на шахтах, да?

Я примерно как пришел пошел на шахту.

На шахту работать?

А у меня там был начальник, как его фамилия забыл. Сейчас, вот девушка была лет... Она в городе институт оканчивала. Она вот мне, нет тебе дальше нельзя, пока рабочий ... вот этот поднимай. Вот люльку.

А люльку, люльку. С людьми да?

С людьми поднимаешь, надо. Всю ночь находишься на шахте. Метров 50-60 от воды поднимаю вот люльку, люди, их запускают и выпускают.

Как лифт. Как лифт только вручную.

Да, вручную. Два человека крутит мой я и другой. Как мне спасли это.

А вот смотрите, когда была депортация, как объясняли людям почему это происходит? Или не объясняли?

Ничего не объясняли. Абсолютно ничего не объясняли. Почему идут. А вроде говорили люди, как будто, значит, эти десант были, значит выселили десант это в горной Чечне, Ингушетии. Вот там. Я говорю, меньше бы выслали питали там, ... воды там, не один десант не доходил не одного круга русской армии. Не один. Они обратно говорили, немцы против исламского народа, вот Чечни, они тоже признавались. Воевать против них нельзя, это приказ был дан, бумагами кидали.

Ну да, что не будут трогать.

Их не будет исламский народ убивать, хотя был приказ, они будут бить, им не стрелять ведь ... народ. Вот все равно они даже бывало время вот, когда отступали всех вот дикой армии. Они уходили. Это я своими глазами видел. Их стреляли, не жалели их. Они все равно потом приходят, говорят ему это, что снимают шапку, нельзя, так рукой махали, вот аллах, нельзя стрелять...

Нельзя, нельзя.

Один дядя говорил кто-то, человека убивать это в ряде разрешается, говорили это там, люди тогда ученый, библио ... ученые были люди, хоть маленький, хоть 12, я тоже так понимал А где-то они нашли, Коран говорит, вот этот мусульманскому народу разрешают убивать, убить человека. А он ему говорит не разрешают. А почему вы нас убиваете, от вас мы убегаем. Русский, мы воевать пришли, с вами не пришли. Вот для этого выслали чеченов. Чтобы так такой, чтобы они как будто ближе ... вот для этих выслали их.

А вот смотрите, была ли поддержка со стороны того населения, куда вы прибыли вот в Текели?

Никакой, там русский народ был. Никакой помощи не было.

Каждый сам за себя что?

Каждый, что попало себе. Никакой помощи не было. Они умоляли даже, значит, свою форму на дороге, я вообще когда с армии вышел, сильнее был. Килограмм 80, вот так. Сильным был, значит, то что я принесу откуда, где возьму что хлеб или что, только хлеб давали, они это кушают даже воду водой кушают. Они в климате умерли. Даже вот на дороге идешь, он глотает, а ... идет. Во когда толкаешь, человеку помочь надо.

Да, да, да.

У него ... выходит и заходит. Вот такое было время, такое было. А никакой помощи со стороны, никакого. Ну, у них было бы, не было, пример, у казаха не было никакой, они государственных баранов чабановали, ну баран, если один баран уйдет они судили за это даже. Судили даже...

Даже не свои, не свой скот, а государственный?

Государственный.

Колхозный?

Колхозный, своего не было, 3 барана не разрешали, им говорили 3 барана. Если что-нибудь было бы, дали бы, некоторые говорят. А у них не было. Вот чтобы, хочу сказать, то, что было это казахи не жалели, они мусульмане, своим мусульманам...

Ну, братья что помогали.

Да. То, что они знали аллаха, бисмил, вот это все, значит опять они ... чтобы они помогали, чтобы они помогали. Мои голодает было. Вот так было.

А были межнациональные браки? Ну потом вот какое-то время же прошло, межнациональные браки или только вот между чеченами были браки? И вот с казахами были браки, с русскими?

Браки. Как браки?

Ну семья. Семья.

А были да. В селе.

Бывали разные национальности?

Родные, ну чечены и русские примерно не женились. А казашки женились. Вот когда начали, вот казашки есть вот в Чечне. У него семья есть и здесь есть.

Смешанный брак? Семья?

Да, смешанный, а примерно русские значит был запрещен, некоторые не брали. А чтобы не умереть, то ... русским воды, то он с ним жил и сейчас есть дети.

Ну такой брак гражданский?

Да, гражданский. Если кушать он принимает его хороший парень.

Да, да, работающий...

Работающий русский, его принимает, он с ней живет.

Понятно.

Ну, вот у казахов такого не было. Казахов законно.

Законный брак.

Законный брак. Выходишь замуж, он не выбирает никого, нет ничего значит это у мусульманов.

Да, это религия.

А русский человек как, если он сильный такой если может он всего.

По выгоде.

По выгоде он его принимает. А то что есть, я говорю.

Ну да, да, да. Возместили ли оставленные дома? Скот, жильё?

Ничего.

Ничего.

Был Хрущев, был указ, который он мстительно все, каждый 200 человек значит везти, вот это сколько дома 100 домов, 200 домов вот стоит, людей туда опять выселять и заселить их. А там был место уже этот заселенный был русский народ.

Ну вас выселили, других заселили туда, как вернулись?

Туда как вернулись, они уже дома не освобождают. Он этого много уже значит попали в тюрьмы. Как он приедет, он был убит, он подходит дома вот Текеля подошел и дома вот фотография снял, который я жил.

Где жил родители в доме.

Родители, а у нас станция, все это значит два брата, нет один брат, отец и еще 5 человек, памяти нету. Я хочу столбики поставить им вот там вот на станции, вчера был там.

Ну, ну, ну.

Столбики. Вот поставить, где это отец говорит в горах что похоронить. Там ничего не было в горах. Вот в горах и сейчас могила ничего нету, а место есть

А вы в горах похоронили, как сказал отец?

Отец сказал. Его похоронили, потом похоронили брата, 16 лет был там, где дом строил в 46-ом году, он уже там погиб, гостепром машине вот.

Сбила?

Сбили вот. Он умер. А остальные значит, а мать только один со мной поехала там похоронить.

Вернулась там.

Вот такая была.

А вот смотрите, когда вы приехали да, на чеченском же языке разговаривали? Как общались с местными жителями? Язык же не знали же.

Здесь да?

Здесь, здесь.

Как рукой как.

Жестами?

А казахи значит в то время было значит вот оранский язык знал. А старики вот об этот друг другу знали.

Арабский?

Нет, оранский, говорили.

Оранский.

Да по-орански друг другу, знали вот, поэтому казахи раньше, казахи тоже такие были.

А ну, ну, ну.

Уже.

Старики, старики знали тот язык.

Старики друг с другом на этом языке разговаривали.

Ну, ну, ну.

А такой, которые язык не знали, не знали вот это Коран, не знали чечен не был такой вот. В семь лет он узнал.

Уже знал.

Он уже знал, разговаривал чисто, Коран чисто говорить ему. Вот с казахом такое был. А по-русски никто не разговаривал. Даже в армии был даже я только знал, что говорить, только говорить это.

Разговорный, да?

Разговорный такой, дальше ничего не знали. В армии тоже не знали, потом научились, как это вот такая была.

А климат там, где вы жили раньше на родине и здесь он сильно отличался друг от друга?

Ну, вот здесь примерно, наш отец вот так делал, брали кислое молоко, соль засыпали, а от эти как называют у нас ... вот это чтобы не ... это вот это кислое молоко делали, ну все равно делай, не делай 45 год отец умер. И умер, тоже брат в аварию попал. Умерли их 4 человек там сейчас есть. И климатировали, большие умерли много. Даже приехали в вагонах, вагон как бы вагон значит едет, один вагон середина, ... ну так с нами не было, когда с армии ехал, они это не признавали их, говорили, что дверь хотели, солдаты ехали, солдатам говорили, что если закроешь, один-два будет убит, значит хотели как заключенных закрыть.

Не дали.

Не дали, этот 70 вагонов везли армии. 300 человек, больше, по-моему. В шинелях все, в шинелях, фуражках. Они выходили, значит, Актюбинск, они когда не знали вот Актюбинск, Петропавловске, вот в Актюбинске начали, значит, разрешали репрессирование. А они в формах выходили еще, ну их не закрывали. А дальше солдаты когда ехали, они с ним ехали, каждому давали, каждому городе станции давали там борщ или что другое.

Ну суп там какой-то, да? Горячее что-то.

Какой давали, значит, солдаты так запас взяли сухой и они делили их. Вот такая жизнь.

А вот смотрите, в том населенном пункте, где вы жили вот в Текелях, да, говорите, были ли другие на станции, были ли другие эти, ну переселенцы других национальностей?

Калмыки были.

Калмыки проживали.

Калмыки проживали.

Аха, еще кто?

И другие, раньше говорили, там татары говорили, но мы не видели. Говорили, но а калмыков я знаю.

Калмыки точно.

Калмыки.

А немцы, корейцы, такие были нет?

Нет, корейцев я не встречал, говорили выселили, были. Немцы, которые российские были.

По-дружески.

Оттуда их выселили, они, колхоз был Тельман, они больше людей убивали, вот там яблоко было, яблоки были там.

В саду яблоки.

В саду яблоки были, они кругом ходят, они больше людей убивали за это, чтобы не давали ни яблок, ничего.

Да вы что.

Они больше бывали. Вот я как раз ехал, спрашиваю Тельман, там женщина учительница, говорит она, как я говорю, вот немцы убивали, а сейчас кое-где есть там немцы, она говорит, ни одного там немца. Я говорю, хорошо что мусульмане эти не заселились туда. Они подходят яблоко взять, они сразу убивали их. Сразу. Вот этот большинство Текелинских, которые были туда репрессированы, там гектаров 200 было яблок апорт, вот они иногда находились, закопанные находились люди. Убивали...

Закопают, чтоб никто не знал.

И Эппигил, вот Эппигиль, значит, примерно там они казахов, даже молодые люди, значит в моих годах, кажется, убивали, вот яма есть, яму засыпали. Этот. За то, что...

За яблоко.

За яблоко вот этот. Вот такая была. А другие люди друг другу не мешали все правильно.

Ну дружат. Ну дружно живет.

Да.

Какой режим отбывания депортации был определен? Вы должны были отмечаться или вот могли выехать за пределы поселка?

Вот правильно говоришь. За вот это село 2 км.

В пределах 2 км все.

2 км не имели права, если сюда он выйдет, сразу ему значит 15 суток.

Наказание?

Да. Вот там все до станции был примерно км, он туда не имели права. Вот своими родственниками. Каждый день, второй день он должен был отмечаться.

Каждый второй день?

Второй день.

Каждый второй день в комендатуре отмечают.

Комендант. Каждый второй день комендант района был тогда, я помню еще. Ну я не отмечался, он мне, когда приехал, сказал, что ты на войне был пацан, ты давай как староста, уже вот так оставил он меня.

Просто воевали там.

Да, ну меня как старосту поставили, как мне они, может по-русски знал, очень он мне на работе, везде помогал. Комендант Ларионов.

Комендант Ларионов.

Района был комендант. Он очень-очень помогал мне.

А вообще чеченских семей много было в селении Текеле, ну вот где вы проживали?

Ну как при мне в шахту заходили 200-300 семей.

Семей?

В шахте. А в фабриках там тысяч 3-4 было. Там семья, а потом они меньше, меньше потом.

Ну потом уезжали кто куда?

Нет.

А как?

Большинство умерли.

А большинство умерло.

Большинство не уезжало никуда. Большинство умерло.

С голода там.

Голод, кушать нечего, работы нет, ничего, в шахтах не может, а при пособии женщины, нигде работы нету, не бураки, а сажали. Трактор один, значит, вот в Текелях не было такого хозяйства подсобного. Земля была, картошку другой там ну тебе за картошку могут сразу убить. Русский. Казахи картошку ничего не сажали, у них там не было. А наоборот, чечены к казахам ходили, значит, там хлеб взять.

Молоко, там что-то молочное.

Да, ходил. Но не разрешали ходить.

Так теперь вы знаете, что мне скажите, вот вы работали на шахте, а оплата как происходила?

Оплата они что даст, то оплата.

Не деньгами?

Нет, то деньги сколько они запишут, столько. А там, например, сколько тебе зарплата надо не знал никто.

Но деньгами платили, не трудодни или как?

Нет. Деньги платили. Месяц примерно деньгами если он шахтер, значит, трех тридцатка была, тогда российские деньги, тридцать...

Ну, 30 рублей.

30 рублей, которые хорошие шахтеры, значит 12 тысяч, 10 тысяч, еще, а так как я молодой не много.

Ну и не шахтер, просто подымали.

Нет. Числился как шахтер, там надо бурить, там надо все это, а они за это получали, а за то, что эти я получал там 6 и 7 вот это получали.

Так. Как менялось отношение до и после войны к вам переселенцам? Или не было вот вы не чувствовали, что вы чужие там или вот, что вас переселили, что вы враги народа, такое вот к вам отношение было нет?

Нет, пример я молодой был, я то, что выселяли вот это что такое отношение другого у меня не было.

Не было да.

Я и не знал, что это такое.

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция вообще на смерть Сталина, вот вам же сообщили что?

Да, ну по моему мнению других там, которые грамотные были люди, а тут Сталина не обвиняли. Обвиняли, которые доносчики туда доносили. Сталин, Сталин еще был, а донесено о том, что эти чечены значит в море, он им сказал, что два наказания не бывает. Ему доложили о том, что вот этот вагон прям в море их уничтожить. А он говорит, что два наказания...

Уже выселили, уже наказание. Уже нельзя.

Уже два наказания не бывает.

Не бывает.

Не бывает, все. А Сталин, а первого значит горный у них обидчик горный, они ближе Чечня. Они. И даже ближе, значит вот там война была, значит грузинский весь их, ни люди

были ... Они отношение горные люди как вот есть тут мусульмане горные и нижние. Вот такие отношения грузина, Сталина значит такого не обвиняли, Сталина. Люди примерно, люди некоторые.

Ну воспринимали как личное горе вот так вот тоже воспринимали или нет?

Нет. То что Сталин выслал, вот у него печальный, вот он примерно, значит нас такого-то не принимали. Общее, все было переработано выселение. И сталинские общие, беринские, все были собраны, решение было выслать их. Всех выслать. Оттуда.

Что в депортации один человек не мог быть виноватым. Это общее решение.

Нет, это общее решение. Он приказ только подписывал, а это был общее сделано.

А как узнали, когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе?

Обратно.

Да, что вот все, что вы не считаетесь врагами народа. Что можете вернуться.

Это в 56-ом году.

56-ом.

56-ом я когда работал еще, а там казах был первый секретарь в Текели. Сейчас фамилии не знаю его. А там был, значит, я членом горкома комсомола был я. Там одна девушка...

Членом горкома комсомола были, да?

Я был. Да. Вот с одним, когда меня поставили бригадиром, всех строительство вот этот около 30-40 человек было у нас, один раз было 120 даже, и одна девушка на приехала, мне говорит, я не знаю, что она говорит уже 12 лет, что ли 19-20 говорит есть приказ, ты мне что купишь, это была как раз в моих годах девушка, говорит русский мне что купишь... Вот у меня новость есть, я думаю какая новость, когда она газету, как вы читали, говорит что 56-го года 22 что ли июня есть не правильно репрессированные, вы должны быть оправданы. Есть вот. Хрущев президент. Я так просто это не рад был. Потому что мне, я маленький был, а я привык уже на этом месте.

Ну как родину воспринимали?

Да, да. Как я себя чувствовал, я как себе чувствовал это...

Аха. Как у себя на родине.

А другие уже начали, уже большие, мои года значит идти, значит поезд, в вагонах, а их нет, ничего ...

А о каких документах по реабилитации слышали и какие вообще документы давали по реабилитации?

Туда?

Ну вот что вот вы реабилитированы, это у вас на руках справки или что-то есть?

Вот у меня значит в 56-ом, когда было 18, по-моему, я когда в 57-ом уехал, паспорт себе взял российский, вот казахстанский...

Советский паспорт тогда.

Советский паспорт был, и так мне осталось это там паспорт, не казах был. Отец есть? сказал он мне, я говорю, нету. А зачем тем более, остался без отца.

А как прочерк там, что нет отца.

Да, нету. А я писал все равно, а как он вот, когда я еще недавно писал, мне от Чечни до сих пор без имени жил и живи сейчас.

И правильно сказали.

И отец, он говорит, есть отец. А я говорю, нет. Он записал, отца нет.

Вы думали же, что умер, поэтому нет?

Я думал.

А он думал, что вообще нет.

Он тоже не мог сказать, умер или нет.

А да, да, да.

Он молодой был, мне лет, наверно, тоже в армии, вот я когда в армии был, мы друг друга знали.

Ну, ну, ну.

И там знали. Тогда некоторые казахи, значит, нас в дикую армию приходили как мусульмане. А приходили туда, вот дикая армия, а он говорит, что мусульманин, давай пускай меня. А тут Виситов, он чечен, он какой чечен, я мусульманин. Он ну бывали, что приходили даже. Много друг друга знали. Вот лет 25 было, он отец говорит, нету, я ему нету. А умер он мне сказал, а я до сих пор без отца. Вот такой...

Друг друга не поняли.

Люди как сейчас не спрашиваешь, куда он делся, откуда это. Ну так осталось.

Скажите, пожалуйста, почему хотели уехать? Вот вы же в 57-ом сказали, что уехали...

Я не уехал, не уехал бы. Я примерно. Мне здесь нравилось, я привык, там все сделал все у меня было, люди все меня уважали, я членом был горкома комсомола. Мне даже предлагали вот здесь в Талдыкурган поехать и на станции, значит, начальник милиции вызвал, мне так я собрал дружину, чтоб не допускал пьяных, вот это все помогал. Было значит. Вот первый секретарь был, значит. Он меня, начальник, вызвал, сказал, вот давайте участковым на станции ты, я говорю, участковый, я один остался и мать не разрешит. Они говорят что матери, что много, люди, мы поможем тебе. Так меня посылали сюда вот в Талдыкурган.

В Талдыкургане участковым были?

Нет, послали первым секретарем, мне направление дали.

Направление.

Сюда я приехал, значит, это там полковник был такой. Он мне говорит, так говорит, что грамот мало, а он говорит значит участковый я тебе не против, говорит участковый надо грамот, если грамот нет, то все. А вот у меня грамот что есть, то есть. Но он говорит, ладно потом придешь. А я пошел, а там оттуда документ все собрать, первый секретарь по-казахски здорово ругал. Вот он назад иди, говорит и все. А говорю не пойду. А потом, значит, у меня, значит, дядя был и мать хотела уехать туда на родину. Я, пример, привык и не хотел ехать туда. Уже там братьев не было, никого не было у меня там, туда интереса не было. Одна мать была. Сестренки были. Ну ради матери, вот я вот, они, матери в то время 60 лет, а дяде 70 вот так.

Ну, уже в возрасте.

Они уже к своей родине хотели ехать.

Ну, конечно.

А хоть я там родился, но я привык, вот эти места, я уже хотел на станции. Сейчас я часто вот вижу, на могилах обязательно бываю, там где вот...

А кто помогал выехать, встречали ли в месте приезда уже?

Никто не встречал, никто, наоборот не пускали туда людей. Там населенный пункт, полностью был населенный пункт, кто был, некуда было заходить, как в 44-ом году, так и там был.

Уже теперь тех выселяли для того, чтобы вы вернулись.

Те пока не уйдут, пока не уйдут. Они прямо свои дома, это которые оставили чечены, дома, они там жили. Он подходит его дом смотреть, а он говорит, что а он меня хотел убить этот человек, сразу 5 лет, уже отправляют туда. На моих глазах было. Но я потом значит некоторое время, дней 20, наверно приезжают мотоциклы, приезжают, где я живу, искали

вот. Примерно село есть Усмартанский район. Приезжают, меня ведь дома не было, мать, придут, где сын, а мать испугалась.

Ну что опять заберут или куда.

Опять куда-то заберут. Они говорят, нет забрать не приехали, его управление вызывает там. Ну и когда я пошел, значит, они мне оставили, я пошел туда они мне вот, вот документы пришли и будешь работать в милиции уже отсюда направили.

Отсюда направляют документы.

Отсюда направили документ, а характеристики, все я говорю, ну я не могу, как я буду работать, нет тебя характеризуют...

Рекомендовали же.

Рекомендовали, ты там хотел, а кто будет работать, если вы сами не будете, сами.

Да.

Ты такой способный, давай, вот в своей республике, работай, а нет обманом. Это генерал Власов был. То время. Он мне говорит, что вот приведи свою мать, дал мотоцикл мне, немецкий мотоцикл новый. Я сразу, не знаю я, так ... курс как раз учился. И закончил в 56-ом году. И там работал, и закончил. И мотоцикл, я сел новый, и свою мать привез км 60-70, зашел, матери он говорит, что я один сын, все умерли вот он не мог говорить, что когда 2 брата или один сын лучше тебе. Я еще, ну мать он какой мне дали значит там выписали деньги, а мать у меня такой был вообще такой очень ... какой в гостях все говорит.

Гостеприимная.

Неа, что говорит сразу же соглашался.

А как звали маму?

Сейла. Сейла. Но у нее еще белый не было. Не было. Так он вот тогда переводчик, мне не оставили, а другой перевел. Там переводчика не находили. ... заходили, может я буду...

А да, да, да.

Генерал. Другой заходили, я у него. Так я здесь остался. На пенсию я ушел участковый. Пенсию оформил, 137 рублей.

Это в каком году вы здесь работали?

Это в 82-м году я приехал. В 85-м я уже на пенсии был.

А это вы назад еще возвращались?

Да, для того, оформить пенсию. Да, шахтинские. Чем идти по милицейской, лучше идти по шахте. Я не очень здоровый. Я вовремя ушел. Грамот хватит уже. Я вовремя ушел. Они порядок начали наводить, они меня уважали еще. Я еще сюда приехал... То, что родители у меня умерли здесь, до сих пор это место я уважаю.

Это вторая родина для вас.

То, что все, отец, братья, сестры здесь умерли, сам вырос здесь. До сих пор я приезжаю, сразу еду на станцию.

А уехали в Чечню только вы, дядя и мама?

Да.

Больше никого не было.

Больше у нас никого не было. Когда уехали около 60 человек было... Дядя, мать, я, мы уехали.

И все.

Дядя там умер, а я здесь.

Скажите, пожалуйста, что бы Вы еще хотели добавить, к тому, что Вы сказали? От себя что-то, без вопросов, что бы Вы хотели добавить?

Сейчас. Я свое мнение, я хочу, чтобы они дружно, чтобы они научились закон Корана, нарушений чтобы никаких не было, чтобы жили дружно. Как братья, чтобы друг друга любили. Не твоя земля, не моя земля. Народ должен быть друг другу сестрой и братом. Вот я хочу вот это. Всегда говорю, всегда хочу. Отец мне говорил, отец ученый был, что... (плачет).

Отец чувствовал, наверно, что больше не увидит?

... На Кавказе точно такая же гора как здесь. В Текелях, Рудный... Там никого не было, сейчас приехали люди, ферма там. Там жили один чечен, русский, доярка была. ... Один камень стоит ...Сейчас я для их мест готовлю столбики, чтобы написать кто. Четыре – отец, брат, две сестры. Чтобы люди знали, какой год был, что репрессированы были в такой год. Там ничего нету, могут трогать...

Не знают, что могилы...

А сейчас мусульманей много, они и трогать не будут.

Не будут, конечно.

Вот люди будут видеть, что когда были репрессированы. Памятники всем поставлю.

Ну, и последний вопрос. Скажите, пожалуйста, что бы Вы пожелали своим потомкам, будущему поколению?

Ну, а что пожелать. Чтобы они жили нормально, без всяких нарушений шариата, закона. Чтобы люди друг друга любили, помогали. От себя чтобы лучшее показали, чтобы они по этому же пути пошли. Вот это мое мнение.

Спасибо Вам большое.

.....
Заурбекова Ася Висаевна, чеченка, 56 лет. Были депортированы родители из Чечено-Ингушской АССР в 1944 году. Проживает в Чечне, город Грозный.

Расскажите, пожалуйста, как депортации коснулись Вашей семьи? Ваших родителей, Вас непосредственно, родственников. Про широкий круг, не только про Вас.

Я Заурбекова, зовусь Ася, пишуся Галя. Заурбекова Ася Висаевна. Я родилась 23 июня 1954 года, в селе Выдриха, Верхубинского района, Восточно-Казахстанской области. И место и факт моего рождения, это есть, я считаю одно из следствий депортации чеченского народа. Потому что там мои родители встретились, в Казахстане, потому что если бы они жили здесь, на месте, у себя на Родине, вероятность их встречи... Ну как со слогательным наклонением вообще не следует говорить. Так вот, я, мои родителями, с нами 3 детьми маленькими, приехали, чуть ли не первым составом идущим домой. Мой отец Виса Бокарович Заурбеков, его старший брат Ваха Бокарович Заурбеков, они были соответственно, двадцать пятого и двадцать третьего года рождения. Отца они потеряли к этому времени, и они в силу того, что отец их Бока Заурбеков, был человек преклонных лет, поздние дети они были. Они, мой отец и дядя, очень рано начали зарабатывать, обеспечивать семьи, семья это мать Найса Заурбекова, мачеха, которую они называли всю жизнь Наной, женщина уже прикованная к постели к тому времени была. Сестра младшая с ребенком, которая жила в силу каких-то семейных обстоятельств, жила практически с ними, четыре женщины и один маленький ребенок и престарелый отец, это было до выселения. К счастью, мой дедушка Бока, он не увидел выселение, он умер в сентябре, как говорил мой отец, 1943 года. А мой отец и дядя, Ваха и Виса, они к этому времени работали, накануне выселения, в селе Симакшка, в колхозе где-то они подрабатывали, сторожем, имели свою делянку. Мой отец рассказывал такой момент, они молодые вот эти два человека, один из руководителей колхоза, сельхозпредприятия, их несколько раз, давал им деньги, продукты и провожал их, говорил им: Ребята, поезжайте домой. Вас

будут выселять, вы отстанете от своих. Вы разлучитесь со своими родными. И вот отец мне говорил, я забыла имя этого человека, русского человека, одного из руководителей, среднего звена. Говорил им поезжайте домой, чуть ли не давал им расчет, деньги, продукты. Заготавливайте продукты на дорогу, ваш народ будут выселять, и он говорит вот мы приезжаем, а старшие родственники нам говорят, он каким-то образом вас хочет обмануть или обворовать, в общем не для хорошего дела он вас отправляет. Куда столько народу денут, мол идет война, куда нас столько людей денут? Возвращайтесь обратно, идите на работу, оставайтесь на своем рабочем месте. И вот мне отец говорил, благодаря этому человеку, провидению, на 3-й раз, когда этот русский мужик отослал их домой, на 3-й раз счастье, что мы оказались в день выселения дома. Но поверить этому мы не могли, так он говорил.

Зачитывали ли какие-нибудь бумаги?

Зачитывали, мужчин и женщин разделили, мужчинам было объявлено, что ваш народ, за пособничество гитлеровской Германии, за сотрудничество, за предательство, вы объявлены врагами Советской власти, врагами народа. Вы как враги, подлежите, по решению такого-то, такого выселению.

А куда везут?

Нет, нет, не удосужились. По-моему, моя тетя рассказывала мне такое, есть в народе такое поверье перед концом света, солнце зайдет с Запада, а не с Востока, и вот на одном из поворотов, в один из дней, солнце взошло с Запада и люди решили, что это конец света, и как говорили наши старики, солнце взошло с Запада, это конец света. Слухи по движению состава были разные, вплоть до того, все равно что это организованная утечка информации, вплоть до того, обговаривалось, среди выселяемых людей, даже такой вариант, что все составы будут пущены в воду. На Каспии. Этот вариант рассматривался, кстати, оказывается.

А бежать никто не старался?

Я не слышала, о том что бежать старались, но я слышала, мне рассказывали такие моменты, у нас же на Кавказе, в том числе у чеченцев, есть определенные моменты, избегают, слышала от конкретных своих родных, что молодые девушки, женщины, они погибали в пути, ибо чисто физически не могли справлять обычные человеческие нужды. Эти случаи были, мне это рассказывали, что женщины просто физически, лопался мочевого пузырь. Были случаи, мне рассказывали, вы понимаете в моей ситуации, вы у меня спрашиваете, то, что я знаю лично, а не в силу своей специальности, я историк, и сейчас буду стараться и мне это удастся пока, отделять, то, что я знаю по источникам СМИ, публикациям и то, что мне рассказывали. Я знаю, что когда очень редко по пути останавливались поезда, эшелоны, выгрузить трупы умерших, а тогда те молодые женщины, те люди они выбегали из эшелонов, как говорится мужчины направо, женщины налево. Эти люди, торопясь, спеша, проходили под вагонами, а поезд уже набирал ход, и люди гибли. Не успевали, и под колеса вагона попадали, были такие случаи. Когда, выгружали, по разному оказывались люди, где-то в сытных более или менее местах, а вот мои родители, мой отец, во всяком случае, они попали в самый голодный, самый бедный колхоз. Восток, по-моему, назывался. Там говорит, люди просто вымирали. И вот когда нас привезли со станции, говорит мой отец, на станции уже ждали запряженные лошади, волами или лошадьми запряженные, телеги, нас погрузили на телеги, моим бабушке им повезло, что у них было два здоровых молодых парня в доме. Но этим парням, конечно, досталось, очень досталось. О том как они ехали туда, и как они там поддерживали людей, в силу своего возраста, физического состояния, в силу относительного знания русского языка. В силу к тому, что они к этому времени поднаторели, у них был опыт общения. И с солдатами, и с начальством. Ибо как говорится, они очень маленькими встали на крыло. У нас у чеченцев говорится, Хейтэт, то есть расторопные, смекалистые, хваткие они были. И они в этом плане, конечно, если бы случилось то, чего боялся тот невиданный русский человек, конечно, мои бабушки не выжили бы. А тут дядя и мой отец и своих и родных,

и не родных. Бывают такие ситуации, когда пара-тройка молодых человек впрягаются, вот такими был мой дядя и отец. Их так жизнь испытала. Они сызмальства начали, но в дороге мой отец заболел, ведь эшелоны продуваемые, и тиф, и вши. И мой отец заболел сыпным тифом, и в эшелоне он один раз переболел, как мои родные, от бабушкиных слов, ее фразу и ее это жест, извините не для нормальных людей будет сказано, где-то ее сыновья могли что организовать, она ходила по эшелону, по вагону, помогала, раздавал, чем они могут, очень разные были ситуации, с малолетними людьми, оставшиеся без мужа, дети мрут на каждой станции, и вот она говорила, как пройдешь по вагону, и придешь по коленям проведешь и как манная крупа с тебя сыплются вши. И просто сыпались, и конечно, это сыпной тиф. А сейчас уже по-моему доказано, что вши, вот эти паразиты появляются в силу скученности, отсутствия гигиенических условий, а в силу стрессовой ситуации, видимо, что-то в организме вырабатывается, что ведет к размножению вот этих паразитов. Там, конечно и голод, и болезни, и сыпной тиф, чаще всего на полустанках или между станциями, останавливались эти составы, чтобы выгружать трупы, умерших, их в лучшем случае делалась видимость, что их похоронили, а похоронить, что значит, закидать снегом, которого благо было много по пути, а чаще всего трупы просто выкидывали и люди скрывали умерших своих, спасая их вот от этого. И у нас у чеченцев, может быть не только у чеченцев, у традиционных народов, смерть не боюсь, позора боюсь, как русские на войне, всем смертям не бывать, одной не миновать. У нас и говорят, вот моя бабушка, сколько помню, она, говоря о потерях в пути людей, и впервые годы там погибших от всего. Она плакала, говорила о тех, кто у меня умер и без могилы остался, быть не похороненным, это очень тяжело. Смерть она у всех рано или поздно, но долг у оставшихся похоронить своего усопшего, когда человек умирает и остается без могильного холма это в 10 раз тяжелее, и вот моя бабушка говорила, (*говорит по-чеченски*), кто умер без могильного холма, если перевести, и вот чтобы не допустить, чтобы он остался без могильного холма, в надежде что где-то на станции, он договорится с каким-то солдатом, с каким-то местным мужиком, и человека предадут земле, люди по-возможности скрывали своих усопших. А поняв это по пути, на станции просто заходил военный, и просто если говорят, человек спит, или болеет, его тормошили, чтобы удостовериться, живой это человек или не живой. И просто вытягивали труп из рук плачущих и отбивающих родственников. Просто силком забирали. Это было. А еще такие были моменты по пути если, ведь люди вымирали семьями, и если оставалась молодая девушка или женщина, без родных, отца, или получалось, так что она в эшелоне в этом отстала как-то, всякие бывали случаи, вышла по необходимости, потом не успела, в свой вагон, села в любой другой, только чтобы в свой вагон попасть, если оказывались молодые девушки или молодые женщины, без присмотра скажем так, мужчин или взрослых. Их тоже по пути с эшелона ссаживали, забирали, и как гласила тогда молва, их забирали на утеху нуждающимся. Это тоже мне бабушка говорила, и поэтому, те кто в этом эшелоне едет, со второй, третьей женой. Там же священник, или человек, умеющий эту процедуру проводить, ее объявляли женой этого мужчины. Потому что она мужняя жена, ее не забирали. А участь тех, кого забрали, она неизвестна оставалась. А все равно земля слухами полнится, все равно знали, куда их забирали, не знали, но что вот люди говорили, так.

Это солдаты?

Ну, солдаты, подневольные были, была такая установка, девушек, молодых отставших или оставшихся одних, ссаживали, а чтобы довести эту женщину до конца, пристроить, этих женщин в семью прописывали.

А когда приехали, вы сказали колхоз Восток, какое это место?

Северо-Восточный Казахстан, Северный Казахстан. Мы попали именно в то место, где зимой снега ветром надувало выше крыши. И потом это те районы, Северо-Восточный Казахстан, он только номинально Казахстан. Это Западная Сибирь, это Сибирь. И они попали, ни к казахам, а мои родные жили среди русских, челдоны, человек с Дона, есть такая этнографическая группировка, это оставшиеся еще со времен освоения Сибири.

Я родилась в селе Выдриха, как я уже сказала. Я уже недавно узнала, что это была ставка главная староверческого митрополита в Сибири. На моем селе. И вот мой отец рассказывал, с каждых колхозов, села, где должны были быть приняты, или расселены, приезжали люди, представители, приезжали, чтобы забрать в колхоз. И каждый, конечно, будь то председатель, смотрел, семьи выбирал семьи, где больше рабочих рук. Все же было расписано, в какое село. И мы не сразу сориентировались, где обойдут нашу семью, была выгружена, и пока мы сообразили, лучшие точки картирования были уже разобраны. Люди приехали, они искали себе рабочие руки, а тут три женщины, ребенок на руках, а мы на ногах где-то, а приходят на трех женщин посмотрят и мимо все проходили, и только когда мы сориентировались, в чем дело. И короче говоря, им достался самый бедный колхоз во всем районе. Нас погрузили на телегу, и всю дорогу, пурга, ветер, снег, февраль. Они ехали около двух недель. Мои родители, мой отец, они из разного села, моя мама горянка, Шатойского района, а отец из Дубаюрта. Поэтому я говорю, моя мама Исхалкилоя, это в сторону, этот глубоко в горах, и мой отец из предгорья, в малой вероятности, что они могли бы встретиться. Так вот, мы всю дорогу, от станции до колхоза мело. Мой отец рассказывал, у меня с детства такая картинка. А бабушка, которая старшая жена, старшая мама, она была практически прикована к постели, и как отец говорил, сани не смогли подойти, к подворью, и сказали, вот вам в ту хату. А моя бабушка, тетя Изиха, со своим сыном грудничком, ему где-то годика еще не было. А старший брат Ваха помогал, скарб, а старшую маму, мачеху по сути, я взял ее к себе, по этому сугробу, когда мы ввалились в эту хату, мне из-за пара, из-за холода, мы некоторое время не могли ничего видеть, пар был такой, и в этой избе жила украинка с детьми. Мужа не было, то ли он был на войне, то ли уже погиб. Мужчины не было в доме. И вот когда мы ввалились в дом, закрыли дверь, пар и снег осел, который мы в комнату занесли, эта женщина, средних лет, полненькая, плеснула руками и посмотрела и что я в руках держу старую женщину, первое движение, она моментально сгребла в охапку своих детей с печи и привела там порядок и сказала, клади сюда, хлопчик, свою матушку. И вот моя бабушка, на этой печи, вот эту зиму и прожила, к концу ее она уже и с детьми ее подружилась, они за нее спрячутся, а мать их пыталась вытащить, так вот они у этой украинки были, более или менее разложили свои манатки, и пошла жизнь, попытки организовать жизнь, в тех нечеловеческих условиях.

Там был председатель колхоза?

Да.

Они отмечались, как у них был?

Ну, это как везде, мужчин собрали, чуть ли не в этот день же. Объявили, и об этом не давали забыть по всему движению поезда, не забывали напоминать, кто они, почему их везут. Чтобы люди привыкли к своему бесправному статусу, там тоже было объявлено собрание, чтобы все мужики собрались в каком-то клубе. Им было объявлено, кто они с этих пор, основные правила, куда, когда ходить отмечаться, какое наказание ждет того, кто нарушит эти права, границы, которые нельзя пересекать. Кто какую работу в колхозе будет делать. Руководство, какого колхоза, хозяйственный.

А работали за трудодни? Или платили?

Не платили, за трудодни работали, но опять же молодых здоровых. Мой отец только устроили, женщин расположили, они уже по пути видели в каком направлении, и какие сани в этом селе направились, разъехались, и они, пристроив своих женщин, первым делом, они пошли смотреть, как устроились их родные, но родные не только по крови, родные, которых сроднил этот вагон. Разные люди с разных сел. По пути ожидания эти люди знакомились. Передавали друг другу по сарафанному радио, кто умер, кого увезли, кого арестовали, передавали, прежде чем расставаться, я такой такой-то, ты такая-то.

И вот когда люди ехали в эшелоне, если они разлучались, они передавали друг другу вот я такой-то, выхожу, передайте что со мной в дороге был тот, тот умер, выкинули его там, кто умер, передайте кто будет спрашивать, вот я свидетельствую, вот это передавалось по сарафанному радио, это сарафанное радио помогло многим встретиться и найти друг

друга, хотя бы найти весточку. Так вот когда мой отец, когда распределили своих бабушек, как они говорили, и они пошли по тем домам в этом селе, в сторону которых повернули сани того или иного человека, вернулись, занялись своими домочадцами. Потом был объявлен сбор, им объяснили, кто, где будет работать, кто, где будет жить.

Выбирали старшего, то есть, был ли среди прибывших был избран как старейшина?

По факту, сам кто грузит на себя, тот и везет. Старейшина у нас он не в силу, образа своей жизни, быть стариком и старцем это разные вещи.

То есть уважаемые просто были?

Да, необязательно человек старшего возраста. А человек, именно не запятнавший себя, справедливый, проявивший свой ум, сообразительность. Может старший, может и молодой, чтит и уважает, ведущий может быть.

И вот мои отец и дядя, они были одними из тех, кто взял на себя вот эту функцию.

Я просто спросил, общались ли НКВДшники с этими старшими или они никого не подпускали? Как происходило взаимодействие?

С кем?

С НКВДшниками, которые там были.

Вот в этом плане я рассказываю, что мне мои родители рассказывали.

А НКВДшники были всегда еще до переселения.

Среди населения?

Наверняка были. Но это я вам говорю как историк, по моим рассказам, моих родителей, я этого не помню таких случаев.

Но как-то знаете, попали люди в село, они как мой дядя и отец, они уже налаживались контакты, выделялся человек.

По факту была такая специализация, выделялся, в этой среде выселенных людей, тот кто хоронил, с помощниками, а зима ведь была, хоронить не так просто, там грунт промерз на несколько метров. Помощники кто ему помогал, в каждом селе, вот такая вот специализация была, выделялись люди, которые более мобильные, контактные, коммуникабельные, кто знал более или менее русский язык, они были так сказать снабженцами, и по ходу движения, сеledка, какие-то продукты выдавались, по ходу движения там каждому составу, было выделено N-ое количество медицинского персонала, который по сути должны были помогать, вот эти контакты, кто брал на себя, но это уже, у кого что получалось в жизни, это такая специализация была, а вот как организовались, контакты с НКВД, но НКВД само заботилось о налаживании своих контактов.

Вот Вы говорили поселились у украинцев?

Поселили, они были там приписаны.

То есть это было распределение НКВД?

Централизованно, да. Распределяло.

А кто еще жил в этом селе?

В этом селе жили, в этом селе мой отец не долго жил, как я уже сказала, они только эту зиму там перезимовали, и как отец говорил 2/3 кто туда расселен, а это был самый бедный колхоз, 2/3 поселенцев в первую зиму погибли. Не пережили зиму. И колхозу дать нечего было, и они ни с чем приехали, голод, холод, тиф. Мой отец второй раз тифом, или обратным тифом заболел. Потому что он помогал, не только он, молодые, они везде и в контактах с администрацией и продукты распределить, разнести, кому помочь, кого-то похоронить, контакты с больными и с заразными. Мой отец второй раз заболел этим тифом, и я помню его еще молодым человеком, мой отец был уже, после второго тифа, он облысел, не полностью, но был уже без волосяного покрова, мой отец говорил, после второго тифа у него облезли волосы. Он облез весь, но потом выросло, но не все.

И вот когда эта зима закончилась, как только тепло начало появляться, он договорился с местным, что-то ему дал на лапу, как говорится, и он пошел на разведку в ближайшие колхозы, совхозы, посмотреть, присмотреть, куда можно было бы пристроиться. И он переселил их, потому что этот колхоз был безнадежный, голодный, сами голодные, и мы ничего не могли. Мы просто там не выжили, говорит. Поэтому об этом колхозе я не могу вам что-то сказать.

Так он договорился с солдатами, чтобы пойти?

Нет, не с солдатами, а с начальником НКВДшным, который ведал в этом колхозе спецпереселенцами, следил, так сказать, чтобы не нарушали, не переходили. Он дал ему на лапу, чтобы тот выписал ему пропуск, пересечь ту границу, которую они не могли пересечь.

Она была физически очерчена?

Нет, на первом даже собрании, когда их привезли, им было обозначено пределы какого села, какого пункта они не могут выйти.

То есть колышков никаких не было?

Нет, ограды не было.

И когда он ушел?

Это было по весне.

Вот этой ситуации касалось, слышала опять же от своих родителей, до трагикомедии доходило, знакомый или дальний родственник моего отца не буду, говорить, это по рассказам, моего отца, что некто коммунист, чеченец, ему каждый месяц надо платить партвзнос, а тот пункт, куда ему надо нести эти взносы, каждый месяц, этот пункт, райком, не знаю, как называлось, это пункт находился за пределами оговоренной границы, которую он не может нарушить. А платить надо. У него такая жажда заплатить партвзносы. А нарушить нельзя, безвыходная ситуация, он пишет письмо, что я как коммунист не могу не платить партвзносы, а платить не могу, потому что границу нарушать нельзя, это его заявление, письмо ушло на довольно-таки высокий уровень, как мой отец говорил. И оттуда было высочайше разрешено такому-то члену партии в месяц раз такого-то числа, разрешается нарушать оговоренную границу для того, чтобы пойти оплатить партвзнос. Это было бы смешно, если бы не было так грустно и так страшно.

Так вот по весне семья моего папы, зиму она в Востоке прожила, по-моему, это был Восток, или они переехали в Восток, более зажиточный колхоз, по-моему, первое название колхоза мне так и не запомнилось. Прямо по весне мой отец и дядя перевезли своих женщин на новое место, и люди, вот как мне отец говорил, люди не только по следованию, по ходу эшелонов, чуть не из вагона в вагон передавался хабар, кто-то из солдат даже помогал передавать весточку, безвозмездно или за мзду, не знаю, не буду грешить, передавали в каком вагоне кто едет. Чтобы не беспокоились, передавали кого они ищут, отстал такой-то такой-то из такого-то села. Кто знает, передайте ему, что мы здесь или можно передать такому-то, то, сопровождающимся люди хотели не терять связь, своих близких, оставших или передавать весточку, а вот когда первый, когда люди только вышли из эшелона, нога ступила на землю, в снег люди по возможности, как муравейник начали общаться, кто кого видел, а этого слышал, а этот не с вами, говорят он был здесь. Люди опять пытались найти контакты. И по мере, когда они были распределены, по своим селам, люди изыскивали всякие возможности, искали своих родных, детей, жен, братьев. Искали. Первые несколько лет, главным содержанием в жизни переселенцев было не выжить, не умереть с голоду, а найти своих.

Наверное, не я первая вам это говорю, главный вопрос, это тех чеченцев, с которым не вместо «Здравствуйте», друг другу задавали, ничего не слышно, нас домой скоро отправят?

Не говорят, что нас домойпустят, а отправят.

А люди всю дорогу и там первый период, думали, что это ошибка какая-то, злая ошибка, что быть не может, люди не верили, не могли не объяснить, не понять. И

смириться с тем, вот как мне говорил кто-то из родственников, если бы я знал, что нам надо будет там 13 лет прожить, придется. Многие не выдержали этого, мы жили надеждой, люди говорили, даже когда шли эшелоны, были такие слухи, вот разобрались, узнал Сталин, разобрались с этим безобразием, на этой станции нас повернут обратно, могут развернуть, а состав дойдет до узловой станции, нас повезут обратно.

Мне бабушка говорила, более или менее, люди сведущие, элементарно образованные, кто-то из умных людей, нет такие дела, такие расходы, когда идет война, когда страна в таком напряге, по ошибке, недогляду, такие дела, расходы не делаются. Нас везут не для того чтобы привезти обратно. И это не ошибка, это не случайность, чем раньше мы это поймем, тем лучше это будет для нас, это поможет нам выжить. Что это не ошибка, это не недоразумение, это не случайность. Ибо государство такие расходы ведет. Столько эшелонов, вагонов, солдат, машин. Война идет, а тут столько солдат, по ошибке такое не творят. Успокойтесь, смиритесь, думайте о сегодняшнем дне, и если есть на то воля Аллаха мы увидим Кавказ, но не сегодня, не завтра. Пытался вразумить, но люди же разные по уровню образования.

Переехали когда в тот колхоз, были же дети, пошли они в школу? Вообще как происходило?

Нас же в феврале выселили, кстати, вы замечаете, люди еще моего поколения, говорят нас выслали, хотя меня и мое поколение не выслали, но настолько это сидит.

Сейчас себя на этом поймала, что говорю, что нас выслали, первый этот год, я опять же по своим, родственникам, это я вам говорю, как сказала детей школьного возраста не было. Информации от родственников по этой части у меня нет. Но по другим и, в этот год не было учебного процесса, в феврале выслали, а люди пошли многие в школу, вообще проблема школы тогда не была актуальной, в той среде, моих родственников, ведь мы же тоже разные были тогда. Мои рабоче-крестьянского происхождения, в то время среди чеченцев были образованные, интеллигентные с высшим, средне-техническим образованием. В их семьях этот вопрос и стоял может быть, я знаю эту проблему, но я рассказываю вам, что рассказали мне мой отец и мать.

Но у нас у чеченцев не принято говорить мой муж, говорят отец моих детей, так вот отец моих детей, в этом возрасте ему было 6 лет, он рассказывал, что у него первый год пропал. И когда мои ровесники, русские ребята уже пошли в школу, а я их ровесник в школу не пошел, меня это сильно комплексовало. И он свой алфавит выучил по газетам. Газеты, листовки. И он первые два класса он закончил за один, у него такая была тяга к знаниям, наверное, поэтому он сейчас профессор, доктор философии. Первый среди чеченцев, кстати. Но он был из семьи, в плане такой интеллигентной. Не советского плана, его предки суфии, религиозные служители. А в моей семье этой проблемы не было, и от моих родственников такого я не знаю. Так вот мои родители в эту страшную, как их приняла, эта женщина в дом, она как могла, так пыталась помочь, сама-то была без мужа, но она не могла, но и тем не менее все, что она могла, она им не мешала жить и чем могла она им помогала. Ну одна хата, посреди между двумя комнатами, эта русская печь, кстати, образ русской печи очень четко остался в памяти чеченцев, и мой отец говорил, многих чеченцев спасла от смерти вот эта русская печь. Благоговейное отношение к этой русской печи. Ее многофункциональности. Потому что у нас у чеченцев такого нет, нохчи-пеш, там нет ни лежанки, ни лежака, валенки не высушишь, одежду не высушишь. И вот этот образ печи остался. У тех кто на Север попал, как я сказала в разные области и республики попали, например моя двоюродная тетя, их семья вообще в Киргизию попала, что интересно, я может отвлекусь, мой 8 предок из села Улускерт, а Улускерт это чисто тюркское название, у нас и как по всей России потоптались монголы и в этом селе сейчас есть даже несколько семей, они чисто монголоидного плана, в том числе и моя тетя, а ее двоюродный дядя, он вообще чисто такой с низкой переносицей, такой монголоидный тип, и вот когда его уже давно нет, чисто антропологически он выделяется среди чеченцев, ну не считался он красивым, короче говоря и вот когда их привезли в Киргизию, выгузили

из эшелонов, и когда их привезли в то село, где им предстояло жить, тут один из местных сказал фразу такую, такие некрасивые эти враги народа, один только имеет облик человеческий, именно тот, который похож на киргизов, с низкой переносицей, узкими глазами. И смех, и грех. Только вот он имеет человеческий облик. А все другие страшные, вот у него человеческий вид. И двоюродный брат, вот этого призванного красавцем, который до сих пор считался некрасивым человеком, парнем, и двоюродный брат сказал такую фразу: О, Господи, о Боже мой, я, Аллах, куда даже дальше края света нас завезли, в такие места, где даже вот назвал его по имени, где он призван красавцем среди нас. Куда же мы попали, если он красавцем среди нас призван.

Но там было тепло, не было киргизов, как в Северо-Восточном Казахстане, где только по трупам люди ходили откапывали.

Люди искали постоянно первые годы и находили друг друга, потом я бы хотела здесь сказать, несмотря на всю вот эту подготовительную работу, проведенную властями, спецслужбами, организацией встреч депортированных людей. Все равно простые люди оставались людьми. В большинстве своем людьми оставались всегда. Простые люди. А подготовительная работа была проведена, комплексная, что везут предателей, врагов народа, Советской власти, людоедов, вплоть до смешного доходило, что везут людей, у которых мужчины у них длинные рога, поэтому они носят длинные высокие шапки, чтобы рогов не было видно. Буквально один мой родственник, один мой знакомый, рассказывал, что они были поселены в одну семью, они жили в доме, у местных жителей, а у чеченцев шапку не принято снимать, если помните Махмуд Исимбаев везде в папахе, у нас не принято шапку снимать. И вот жили они уже не один день, не один месяц, и отношения нормальные сложились, но у местного человека даже уже приятельские отношения сложились с отцом рассказавшего мне это человека. Но у него где-то сидел пункт, что у него где-то рога на голове. Ибо он всегда ходит в шапке. И когда он, случилось, что он увидел своего приятеля, без шапки, для него это было такое облегчение, что чеченец депортированный, его приятель, у него нет рогов на голове. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Но это реальная история, и для него это, говорит, камень с души упал, нет у тебя рогов.

Моя старшая бабушка, которая, я в прошлый раз говорила, у нее одна из дочерей была замужем, они попали в соседнее село, семья моей тети получается, ее звали Даагеш, ее семья попала в соседнее село, но это село было за границей, линии административной, которую пересекать нельзя. И вот всю зиму мать тосковала о своей дочери, ждала ее, по весне эта дочь все равно какими-то путями она достигла, пришла к своей маме, она пришла, узнали, что все живы, здоровы. Увиделись, и выяснилось, что вот эту немного обходными путями можно в это село попасть, если пересечь реку. Каким-то образом нужно было пересечь эту реку, какими-то обходными путями в это село можно попасть, вот бабушка наша, Небист ее звали, она это уловила, практически была, ходила она, а когда стало уже тепло, у нее может и старческое что-то и она незаметно для других, моя вторая бабушка отлучилась, и она, получилось так, что хотела пойти к своей дочери в гости, она уловила, что это можно сделать через реку, перейти, и сидела плакала у берега этой реки, звала свою дочь. А молодой русский парень, который сосед не сосед, не знаю, увидел эту ситуацию, узнал, что бабушке надо, перенес ее через реку на ту сторону, отвел, куда ее надо. И когда кинулись бабушку, узнали, что она в гости поехала к своей дочери. Но когда через воду они плыли, она простыла, и вот слегла, болела, так она была похоронена и умерла у дочери. Вот так русский мальчишка помог бабушке попасть именно туда, где, видимо, ей хотелось перед смертью увидеть свою дочь. То есть вот отношение, как встретила эта украинская женщина, отношения в массе своей были хорошие.

Как относилось местное население? Я вообще по жизни считаю, что оставаться человеком, в человеческих условиях не так много надо сил, ума, а вот оставаться человеком в нечеловеческих условиях, тогда познается, кто он человек, или иное существо. И вот в памяти моих родных, ничего такого чтобы их обижали, во всяком случае, я этого не знаю, до нас это не доходило. Может быть, я не хочу идиллию какую-то рисовать, может быть

об этом не рассказывалось, люди щадили нас, а может быть в силу памяти, свойственно забывать плохое, и остается хорошее. Кстати вот, нам наши родители в плане, нас щадили, я не помню, чтобы мне рассказывалось и про дату 23 февраля, когда я узнала, что это именно 23 февраля, узнала практически случайно. 23 февраля в советских школах готовились к праздникам, дарили подарки. И вот когда отец пришел с работы, я была в классе 6, наверное, я подписывала книжку, заворачивала, он меня Друг называл. Ты что делаешь, друг? спросил, я говорю вот 23 февраля праздник, мальчикам подписываю книги, и он так на меня посмотрел. С такой грустью, вот я на всю жизнь запомнила его взгляд, его интонацию. Он сказал, этот праздник всем праздникам праздник для нас. Кому его праздновать, если не нам. Вот сколько уже лет прошло, у меня до сих пор мурашки.

Вот у Вас был вопрос кто как относился?

Отношение до и после войны?

Я была все-таки маленькая, я Казахстан практически не помню. Только отдельные маленькие разочки, и то связанные с моим поведением. Я очень любила известку кушать, видимо, не было каких-то витаминов, я помню мое первое впечатление, если не самое первое, мама мыла полы, меня одела, выпроводила во двор, чтобы я побегала, а я вышла за дом, нашла трещинку в стене, и пока мама меня хватилась, большую дырку съела известки. Мои воспоминания – это все, что я слышала от моих родных, и такой вот градации до войны и после войны, изменилось или не изменилось отношение вот этого я не знаю.

Ну, тогда скажем, про смерть Сталина.

Я не помню этого времени, меня тогда вообще на свете не было.

Вы родились в 1954?

Да, а смерть Сталина я абсолютно не помню этого. Отношение как людей, но я знаю, что у нас в народе любят людей твердых, мужественных, людей убежденных, и ненависть была, и было уважение к Сталину как к личности.

Боялись и уважали?

Нет, не боялись, в конце концов, как говорили дальше фронта не пошлют, чего боятся уже если... Ненавидели и уважали. Потому что во всех своих действиях он гений, но злой, он был человек решительный, человек слова, дела, была растерянность, за что, почему. Все было, ненавидели, и я не слышала, чтобы чеченцы плакали, когда узнали про смерть Сталина, вся страна плакала. У чеченцев смерть Сталина ассоциировалась, подогрела надежду, что вот он ушел, его нет, виновника непосредственно, как олицетворение власти. И вот теперь нам наверняка разрешат поехать домой. Не было слез, не было соплей, извините. И радости не было, смерть человека есть смерть, я не слышала, чтобы там устраивали танцы.

А сам процесс реабилитации, помните что-нибудь об этом? Возвращение, как быстро стали возвращаться?

Вы знаете, я бы хотела, быть может, у вас необходимой потребности, я бы хотела, то что я уполномочена это говорить, что об отношениях как жили на том месте.

Во-первых, мой отец, он на ноги как личность, социализация прошла в Казахстане, среди челдонов, русских. И мой отец говорил такую фразу, что нет цены настоящему чистому русскому, ибо он и щедр и не жаден, не крохобор, он не злопамятен, если с ним подружился, он будет тебе верным во всем, и если он упрется, скажет, нет, его можно убить, но склонить его невозможно. Это говорил мой отец, социализацию прошел именно среди русских, челдонов скажем так. И опять у нас в семье есть такая история, рассказывали, они два брата, но характер разный, мой дядя был такого вспыльчивого характера, и вот они жили как длинный такой дом с двумя ходами на пополам. Дом уже не на первых этапах выселения, а уже в 50-е, или в конце 40-х годов, на одном из отрезков, они жили на пополам с русской семьей, пожилая пара там была. Ну как коттедж только барачного типа. Вход с двух сторон, и у моего дяди, по каким-то бытовым, дворовым причинам с тем пожилым русским мужиком бывали столкновения, недоразумения, ругань, и когда мой

дядя поругается, и он садился и говорил: Ладно, Ваха. А Ваха был старше моего отца, мой отец ему говорил, чтобы он не лез на рожон, в смысле пытался примерить ситуацию. То есть такие стычки на бытовом уровне у них случались, но почему я все это вам рассказываю, но однажды с обыском пришли к моим родным, к дяде, что-то какой-то донос был. И неожиданно нагрянули с обыском, и мой отец рассказывал, пока эти люди орудовали в хате, я судорожно вспоминал, что у меня там, на крыше, на потолке, нет ли там чего-то предрассудительного, я знал, что я чистый, но не мог вспомнить, что там на крыше. И вот когда, наконец, в комнатах обыск прошел, поставили лестницу, залезли на потолок, мы остолбенели, на той стороне, которая относилась к нашей стороне, ничего не было. Пусто. Вот пока за то время пока обыск делали, в доме, пожилая пара, отец говорит, я не знаю, как они это смогли чисто физически, все, что было на нашей стороне, все перетащили на свою сторону.

И еще одна легенда, супружеская пара, тетя Аксинья. Так вот когда мои родители поженились, моя мама очень рано осталась без матери, вышла замуж молоденькой и в хозяйственных делах была не слишком. Моя мама бегала к тете Аксинье, соседке, а она была, мои родители рассказывали, очень красивая, статная женщина. И даже моя бабушка, то есть свекровь моей мамы, была этим не довольна, ревновала, мол, ты же не у меня спросишь, ты к своей Аксинье сбегашь, спросишь. И сделаешь, так как она тебе говорит. Мою маму тетя Аксинья чисто бытовым вещам многому научила, до последнего готовила и пироги, и с рыбой, и с мясом, она готовила именно по рецепту Аксиньи. И вот когда разговор пошел о нашем возвращении домой, я знаю мои родители рассказывали, что тетя Аксинья, и ее муж, он просили отца, оставайтесь, вы нас похороните, все что у нас есть мы вам оставим, вам отпишем, не покидайте нас. Вот вплоть до этого, а ее муж, баба Аксинья была такая экономная, прижимистая хозяйка, он говорил, вот когда бабка умрет, вот я нашикуюсь. Контакты у нас были, к сожалению, он умер раньше чем, бабка. Именно легенда у нас, такая добрая память про эту семью. Ну это в плане того, как нас там принимали, как мы там жили.

А когда вы решили выехать в каком году?

С выездом тоже у нас было интересно, известно исторически, что к середине 50-х годов чеченцы сосредоточились вокруг железнодорожных станций, вокруг железных дорог, они душой и телом жили только возвращением домой. И вот когда было разрешено после смерти Сталина ехать домой, когда этот указ вышел, кстати, указ был не о реабилитации, а об амнистии, это нам один из руководителей Советского Союза во второй половине 70-х напомнил чеченскому народу, на одном из собраний, он выступал, напомнил чеченцам, что вы не реабилитированы, а амнистированы. То есть закон о реабилитации, вот-вот, и даже постановлений никаких, какой-то недоделанный, не разработан механически. Декларировано, но не разработан механизм. Я, например, реабилитирована, я родилась в Казахстане, у меня есть справка, что я родилась в депортации, я реабилитирована, но кроме этой справки, ничего. Так что реабилитированы мы были вот-вот, а в том указе, о том, что нам разрешено возвращаться депортированным. Ингуши насколько я знаю, упомянутые в том о депортации, о возвращении, нет даже самого слово ингуши, ну это они вам сами скажут. Ингушам до сих пор не разрешено вернуться на родину. То есть какая-то недоработка. Так вот мой дядя, он, 8 лет у них не было детей. У моего дяди и получилось так что у моего младшего дяди, у моего отца уже было трое детей, брат 52-го, я 54-го, и третий 56 года, он родился уже в Токмаке. Это уже не Казахстан, так вот дядя был бездетный, он женился по-новой, и когда ехать, не ехать нет никаких разговоров, продавали или просто оставляли тем, кто после них оставался, поручали продажу, что выручишь привези деньги. Ехали лавиной, потому что планировалось столько-то, а приехало намного больше.

То есть был какой-то план по возвращению?

Конечно, был план. Первыми разрешалось и выезжали на место специалистов, руководителей разного уровня, артистов в том числе, и вот Яндаров рассказывал, они, в Алма-Ате они жили и причем было типа отбора, если он докажет, что он танцует, поет,

и вот Яндаров рассказывал, видел, вот эти толпы, массы людей, прямо в Алма-Ату ехали, шли, так им хотелось доказать, что они артисты, гармонь играет, танцуют, поют. Так им хотелось доказать, что они настоящие артисты. Их вот вызвали. У кого была возможность покупали внеочередное разрешение. Или договаривались, люди искали все пути, лазейки, все возможные пути, чтобы только попасть. Но все эти годы, об этом в советское время не говорилось, люди нелегально возвращались, кого-то отлавливали, обратно возвращались. Или арестовали.

В каком году после смерти Сталина?

Даже до его смерти, люди просачивались, старались, очень много людей остались, что с ними творила власть это отдельный разговор. Отравляли родники, отравленную пищу подбрасывали, тропинки в горах минировали. Это уже отдельная история, а вот что касается меня и моей семьи, вопроса ехать не ехать, быть или не быть, такого вопроса не стояло, ехать однозначно. Но дети маленькие, неизвестно, что там ждет. И в моей семье было решено так, едут бабушка, мой дядя и его жена. Ехать неведомо куда с малыми детьми неизвестно, что там ждет. Дети были долгожданные, и мы были очень любимыми, особенно дядя с нас просто пылинки с нас сдувал, до конца жизни. Дядя и жена поехали чуть ли не на первом эшелоне, и вот рассказывал дядя, на месте их двора, там практически все дома были разрушены, там был МТС (где стоят машины), но не сама контора, а плац, на котором технику держали. Бочки, солярки, бензины, мазуты, земля была пропитана, и камня на камне практически нет от дома. На месте где стоял дом, стоял грядкою горочку, там где стоял наш дом, просто снесли, завалили и все, а саман он годами стоял, но самое интересное, что мой дядя, когда приехал, его встретил старый пес, когда они уезжали он был буквально такой щенок. Первым кто его узнал и признал, вот этот щенок. И мой дядя рассказывал, такое впечатление было, что он жил, чтобы дожидаться нас, и он не долго жил, и первый год пока они там жили, он сдох, я даже не могу сказать, как мой дядя рассказывал, как он радовался, как он его обнюхивал, старый пес ошалел буквально. Так вот и на том месте они заложили дом, заложили, как, они приехали, уже привезли кое-что из стройматериалов, зерно привез, он приехал капитально. И решили с разрешения дяди, мой отец снимается с места, и едет с детьми. К этому они уже все распродали, все раздали и они буквально сидели на узлах. И дядя говорил, что на 12 день с момента начала строительства, они подвели дом под крышу, но мой дядя так надорвался, что у него спина, с тех пор периодически напоминала о себе. А отец все это время, когда дядя туда поехал, все время рвался домой, все время звонил, ходил в район на переговоры, и дядя все время отказывал, пока не разрешу, я же не смогу, как старший младшему, есть определенный комплекс обычаев. Я же не мог сказать, что все маленькие дети, которых привезли, как мухи мрут.

То есть те, кто приехал с детьми?

Да, не успевали хоронить детей, потому что жить негде, акклиматизация, дома разрушены, а дома, которые сохранились там живут люди, которых заселили.

А заселили, мне в интервью говорила женщина, что переселяли из Курской области, там где были разорены немцами.

Да из Курской области. Вот в нашей семье я из Дубаюрта, жили сектанты, молоканы, они были выселены из Азербайджана, Армении, много демобилизованных солдат, офицеров. Насколько я помню, вот эти люди встретили нас, вернувшихся, по сути, домой, намного хуже, чем в Казахстане нас встретили, ну опять же это не повсеместно, но вот этих случаев я помню намного больше. В лучшем случае, вечером все нормально, расходимся по домам. Каждый вот увидим, все во дворах хлопчут по хозяйству, попрощаемся. Доброй ночи пожелали, утром просыпаемся, окна настезь, уехали соседи тайком.

Молокане жили, это такая секта они очень работающие, не пьющие, крепкое у них было хозяйство, конюшни, птичники, посева. Очень хорошо жили. У нас вообще очень благодатная земля, плодородная житница.

А как получалось, люди приезжали в их доме жили молокане или кто-то еще и куда же они тогда, или они все же приезжали на разведку.

Нет, по-разному и до драк доходило. Я же говорю нас возвращающихся на родину приняли хуже, чем их принимали в Казахстане, несмотря на всю эту идеологическую обработку. Не было ничего продумано, ничего не было организовано, как у нас всегда делается. А люди приезжали к себе домой, там люди живут и ни о каком освобождении дома нет речи. А в индивидуальном порядке с людьми невозможно договориться, никакого закона, обязывающего освободить помещение и, обеспечивающего, жившего семью другим жильем, ничего не было продумано, ничего.

Их прописывали в этот дом?

Не прописывали в лучшем случае, дом удавалось выкупать, люди на свои деньги покупали свой дом. У тех, кому они практически достался за просто так, люди находили свои вещи, женщина есть женщина, вот это мой сундук, какой-то это твой сундук, это мой и иди отсюда. Вообще, что вас вернули это ошибка. Всякие были. В лучшем случае удавалось договориться.

То есть власти никак не участвовали в этом?

В бумагах наверняка было расписано, а так нет.

Получается тех, кого переселили туда им отдали жилье, потом приезжает, и никто с ними ничего не оговаривал?

Нет, не обеспечение освобождения жилья, для репатриированных, ни обеспечение жилья для тех, кто попал в эту ситуацию.

То есть тех, кого заселили, они тоже приехали с разоренных мест, их поселили в дома депортированных.

Приезжали по-разному, много было демобилизованных, много людей, которые знали, что людей выслали, помните «Ночевала тучка золотая», помните, люди знали, что освободились территории, края благодатные, заходи в любой дом.

И власти никак не препятствовали этому?

Нет.

Как-то должны были фиксировать, прописывать или переписывать?

Я не знаю, меня в то время не было. Но когда выслали нас, все осталось, скотина и все. Как-то пытались организовывать. Вот недавно была пожилая русская женщина, как она сказала, я участница выселения чеченцев, а ее соучастие заключалось в том, что когда чеченцев выслали, и их старшеклассников в 10-м классе, сказали, что вас повезут в летний лагерь, их привезли в село Гойты, и она говорит разделили обязанности, вот эта группа выгоняет на ночь и возвращает скотину в загон.

Я брал у нее интервью.

Такая изумительная женщина, говорит, я участница вашего выселения. Были и такие случаи, не то что случаи, это поголовно было, соседние народы, война, разруха, голод, узнав о том, что чеченцев выслали, все осталось, просто через перевалы люди шли пешим ходом, забирали они все что могут нести с собой, скотину, продукты, зерно, забирали, растаскивали. Добро же не остается. Были люди сами приходили, например, дагестанцы, люди самозахватом занимались, заселились и потом оформлялись, были варианты, когда точно так же с высокогорных сел, также выселяли. Им меняли местожительство. По-разному было и до драк доходило, а вот мне рассказывал один, его дедушка был главой, старейшиной того села, которое было выселено, на чеченскую территорию, когда чеченцы начали возвращаться, он таким же образом, дед сам организовал возвращение, и собрал тех, кто уже успел приехать, принес им извинения, что не по своей воле, обязал своих соплеменников, если кто объявится на имущество, чтобы возвращали. Принес официальное извинение от имени своей общины, и они организованно освободили, в котором они были вынуждены поселиться. Люди разные, по-разному ведут в ситуациях.

А что было потом, когда люди приехали?

Когда люди приехали они увидели разграбленные кладбища, растасканные надмогильные памятники. И у нас могильные памятники чурты, или из цельного или

из выбитого камня делались, эти памятники собирались и шли в дело, свинарники из них, особенно было для чеченцев оскорбительно. Фундаменты домов, цокольные этажи, бордюры для дорог. Все это использовалось, но не пропадать же добру.

А кто этим занимался?

Организованно, потому что дороги строило государство, этим занимались люди, которые приехали сюда жить.

Зачем камень добывать, если вон там напичкано на кладбищах.

То есть если строили дороги, то был дан указ?

Да, я об этом и говорю, дороги строит только государство, дом строишь сам, свинарник строит колхоз.

Шла речь о возмещении?

Речь шла, но дальше разговоров, до сих пор, а воз и ныне там.

То есть получается до сих пор, человека выселили, он потерял скотину, дом, умерли люди, никаких компенсаций, никаких?

Нет, никаких. Даже этот закон об реабилитации он какой-то недоделанный. Но таких законов у нас, к сожалению, очень много бывает. В тот момент я от своих родных не слышала, о компенсации и речи не было. Вообще мой народ привык со своими проблемами справляться сам. Единственное о чем они мечтали, это лишь бы им разрешили и не мешали. У нас, например, в соседнем доме в Грозном уже пожилая женщина, до самой смерти хлопотала о возвращении дома своих родителей. До самой смерти, это был дом ее родителей, его уже поменял 2-х хозяев, ул. Севастопольская д.23 точный адрес, а дом этот был отписан, а там был поселен то ли по ранению, то ли он во внутренних войсках офицер. Азербайджанец, он женился на местной русской т.Лене, потом этот азербайджанец ушел на фронт. Она второй раз вышла замуж т.Лена, д.Дима и вот этот дядя Дима бился за чужой дом с владелицей этого дома, и он добился, время работало на них, и просто женщина умерла, у нее буквально оставался один шаг, до вожденной цели, она все инстанции прошла.

То есть были все-таки случаи, когда люди подавали в суд?

Были такие случаи. Но я не знаю, не слышала о том, что по суду выиграли, а что эта женщина судилась, это я помню, я знаю. Она приходила, так получилось, что впоследствии с ее внуком подружился мой брат, оказалось, что она бабушка друга моего брата. Я помню эту женщину, она приходила, мы-то дети были. Она садилась на выступ, фундамент, прижималась к дому, и так вот она сидела. Такая у нее потребность была. Мы то уже чеченцы жили по соседству, толи бабушка говорила, и она сама себя укрепляла, притоптывала ножкой, говорила, Дельрандут Сесцельнуш, чтобы там ни было дом мой. Она ходила, хлопотала, судилась, но не дожидая просто. У нас в городе была, с самого начала была еврейская община, я знаю, слышала, что раввин грозненской общины, он собрал своих и запретил, тем, кто слушается его, что нельзя селиться в дома. Но и тем не менее, могу прямо по адресу сказать троюродные две сестры моего отца были, они жили недалеко от нас, через 7-8 домов, вот в их домах, во всяком случае когда мы приехали 2 еврейские семьи. 2 брата их было. Мои тетушки троюродные, они так и не смогли добиться, чтобы их дома были освобождены, они даже не смогли договориться с ними о выкупе дома.

То есть они не хотели выезжать?

Они так и прожили, в общем, накануне за 3-4 года они организованным порядком просто испарились, вот наши в Грозном, еврейская община. У нас же много общего, я не состоявшаяся еврейская сноха. Меня сватали, за своего сына сватал. Специфика в том, что где-то за года два, больше, 3-5, вдруг обнаружили, что наша еврейская община полностью уехала.

Это в каком году?

Я вот говорю, если война началась в 1991 году, в 89 году, 3-5 лет. И так получилось, что в середине 80-х годов, они жили на одной улице в основном, провели там трассу,

оживленную, люди смеялись, вот провели только трассу, а жить возле трассы не очень, говорят же, они уехали, потому что изменился микроклимат этого района, пошла пыль. Вот троюродные тети моего отца они не смогли вернуть дом.

А моему дяде не пришлось ни с кем не судиться, не рядиться, потому что там был машинный дом. Просто собрали металлолом, и на 12 день как он говорил, они въехали, подвели под крышу, и мой отец рвался домой, а дядя ему не разрешал, а дядя думал о нас, так как они до обеда занимались на стройке, а в обед шли хоронить очередного умершего ребенка. Говорил на нашем кладбище сельском, он указывал мне, обрати внимание там есть целый островок, где нет каменных надгробий, это те дети, которые были привезены домой и не выдержали этих условий, потому что люди без кола, без двора приехали, в дом не пускали. Если не освобождают, что люди делают, они у себя же во дворе рыли норы, землянки, а какая жизнь для ребенка в землянке, люди, когда приехали, это мои родственники, они из Хасавюрта, две девочки, маленькие погодки, одна ползала, другая топала, и вещи выгрузили, пока родители разбирали, с вещами, эти дети вокруг шифоньера бегали, и шифоньер стоял, видимо, не на ровном месте, и эти две девочки оказались под ним. Это знаете, вы, наверное, не помните у него маленькая узенькая дверь она как будто в углублении, а вот большая дверца шифоньера, шкаф для белья, шифоньер как у нас говорят, а большая дверь она на выступе, лицевая часть разноуровневая, вот Сацита она моя ровесница, она оказалась под мужской частью, она осталась жива, а постарше, ее сестра, она оказалась, под большой дверью, которая выступает, и она погибла. То есть разные ситуации. И вот когда моему отцу разрешено было ехать домой, мы приехали, этот момент помню. Мы ехали в пассажирском вагоне, платформу эту не помню. У отца такая была Победа, она стояла на открытой платформе, и там, на Победе всю дорогу ехали тоже наши родственники. И надо отметить, что многие ехали с машинами, то есть на новом месте люди устроились, те, кто выжил, не пропали, конечно, люди разного достатка, но что особенно бросалось, об этом Александр Тишков пишет в своей книге, многие везли домой машины, Победы, ЗиЛы, я помню, как мы приехали, как машина застряла. Улица шла в горку, то ли осень, то ли весна, и в горку машина не пошла, заглохла и мы шли пешком. Как я бабушку увидела в 1957 году, мне 3-х лет не было. Обрывочные такие воспоминания.

Если что-то о чем мы не поговорили, что-то забыл спросить?

Ну, я помню знаете основное содержание этой жизни, там люди жили в ожидании, когда везли люди уверены были, что это ошибка, что вот-вот эшелоны повернут обратно, приехав туда, люди думали, вот весна придет, нас повезут обратно, и люди даже не хотели обустроиваться, зачем здесь что-то делать, если вернемся. Был даже такой комичный случай, что весна первая, люди дали участки там что посеять, скотину, корову на семью. Организация была на месте, все же что ни говори. И вот мне дядя, кто-то из моих родственников, рассказывал, что некто, я-то эти имена уже не помню, этот мужик с семьей пошел сажать картошку, а картошку сажали шкурки от картофеля, и они вышли в поле, чтобы посадить свое поле, которое им выделено, или они ушли, или встретились по дороге его знакомый, первый вопрос – ничего не слышно, нас домой отпустят когда? и путник сказал, да, я знаю, я слышал, что вот когда дороги подсохнут, дороги в состояние придут, этой весной, нас обязательно повезут домой, и вот этот мужик посмотрел на посевной материал, а что я буду сажать ее, если все равно нас отвезут домой, и он просто в яму засыпал шкурки, и этот огород, назвали именем этого человека, весна пришла, конечно, никуда нас не вернули, а эта картошка, ее шкурки, взошли и буйным цветом цвели, на том месте, где он ее закопал, мазки жизни, такие вот.

Первое самое главное у них было выжить, трудно, второй вопрос, когда нас повезут домой, третий вопрос, люди искали отставших, потерявшихся, и у моего отца в первое лето, он искал, спрашивал, передавал, искал племянников, получилось так, что его двоюродный брат отдельно был выслан, а жена двоюродного моего брата была выслана, когда с детьми поехала в гости, и они разлученными оказались, и он искал племянников,

двоюродный брат был уже пожилой человек, а отец молодой. И он искал племянников, когда они их нашли, оказалось, что мать их сидит в тюрьме по какому-то делу, а трое детей остались у родственников матери, а их положение аховое, голодают, их надо срочно вывезти, вызвать. Было получено от родственников матери сообщение, увезите. Это опять же было за границей той черты, вот мой отец купил, дал на лапу кому надо было, получил эту бумагу, и вот опять же сумму не помню, когда выезжал за ними, у него огромная сумма денег по тем временам была. Приехал, своих племянников нашел истощенными, вплоть до того что ходить не мог никто, один сидеть только мог, двое лежачие. Приехал, там же в селе обнаружил другого ребенка своего родственника, и вот было решено, что он заберет не троих, а четверых, племянников своих и заберет четвером, и день, и два напротив дома, где я остановился родственников своих, сидит ребенок не казахской внешности, на корточках, но одет, обут, пышет здоровьем, в казахском одеянии и все смотрит глазами такими как щеночек, он от него ждет чего-то. И когда на 3 день увидел того же мальчика на том же месте, он спросил у родственников, что за ребенок, явно не казах, а одет как казах. А это выяснилось, что это чеченский мальчишка, он остался один от всей семьи, вся семья вымерла от голода в первую зиму. И его мальчика усыновили казахская бездетная семья, они с него пылинки сдувают, какой он упитанный, и он чеченец, тогда я вышел, начал его расспрашивать, он свое имя помнит, какие-то скудные сведения, но ему было тогда 4-6 лет. Но он очень хотел домой ехать, он почему туда ходил, чтобы отец его увидел, а вдруг он его знает, его признает, несмотря на то, что он жил как сыр в масле, так хотел родных своих найти. А когда он его спросил, а чего ты тут сидишь, а он говорит, а я думал, может ты меня знаешь. И получилось так, что отец вместо 3-х детей привез 5-х детей, и вот мне отец рассказывал, я просто хочу чтобы это осталось в истории, мой отец рассказывал, когда с 5-ю малыши детьми, пока билет купили, загрузил их, пропитание купил, на дорогу, посадил, рассадил. Я положил там большие такие хлеба были, провизию, положил в уголок, сказал я чуть-чуть отдохну, отдохните вы, потом покушаем. И говорит я залез на вторую полку, вырубился, так устал, сквозь сон слышу, что мои голодные племянники, один главный распределяет провизию, это мы покушаем сейчас, это потом, если кончится, что мы будем кушать, сразу это не будем, на потом отложим, я говорит свесился сверху и сказал, вот возьми там это, ешьте сколько хотите, кончится я на станции возьму еще. А этого оказывается нельзя было делать, мои мальчишки на голодный желудок наелись, у меня такие проблемы были, даже тот кто в силе мог сидеть, и тот слег, у них такое расстройство желудка было, я всю дорогу промучился. И когда приехал на соседнюю станцию, и еще надо идти, повозку найти не удалось, 5-х сразу я нести не могу, 3-х возьму, а двое, и вот когда он приехал на станцию, на последнюю, у меня уже ничего не было, в дороге все деньги потратил и золотые часы продал, последние, нужен был помощник, нашел одного мужика на станции, что он двух мальчиков понесет, вот так он принес 5-х мальчиков.

Если смотреть из сегодняшнего, что Вы можете сказать тем, кто будет это смотреть и слушать, это будут и чеченцы и не чеченцы, какие исторические уроки можно было бы извлечь, чего не нужно делать, чтобы это повторилось, и вот как бы такое напутствие потомкам?

Ну, первое что приходит, как я уже сказала, человек при любых условиях, ситуациях должен оставаться человеком. И пытаться оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Это удавалось нашим предкам, я имею предкам не чеченцам, а вообще предкам и казахам, и русским, и чедонам, и украинцам, в тех нечеловеческих условиях они оставались людьми, несмотря на все, хотя было все привезли холодных, голодных, а там не закрывающие, например у казахов не было в традиции закрывать тот же сарай, дети мрут с голода, конечно, люди шли воровали, я знаю опять же по своим рассказам, у казаха увезли со двора, что-то это обнаружилось, и заявление писал, даже не потерпевший, было решено сделать как примерно-показательное как в клубе, судебный процесс и пострадавший казах вышел и сказал, да у меня увели корову, но почему, чтобы дети не пухли с голоду, у него дети пухнут с голоду, дети умирают, он спасает детей, я заявления не писал, у меня претензий нет, может быть на его месте я бы сделал то же самое, у меня нет никаких

претензий и все равно этого человека осудили. Все было и тем не менее. С высоты своего возраста, всегда надо стараться, что я всегда говорю своим детям, надо оставаться людьми, надо понимать, что ты человек, во-вторых, нашим предкам удалось стать выше этой ситуации, никаких у нас в народе и в принимающей стороне, сколько там пропаганды старалось, межнациональных не было столкновений, чеченцы не обвиняли, вот вы русские нас выслали, или грузин, несмотря на пропаганду наши простые народы всегда находят точки соприкосновения, надо всегда отделять зерно от плевела. Наш народ и раньше всегда знали, что идет от власти, от хякимов, от начальства, а что идет от народа, примерами этого служила масса, когда люди оставались людьми, помогали друг другу, мы в подвале жили, люди жили разных национальностей, и за водой ходили вместе, и хлеб делили вместе, пуля в паспорт не заглядывала, снайпер паспорт не просил, когда стрелял. Жили и помогали, и хоронили вместе в этих в подвалах, это я про 90-е говорю. Что власть предрержащие, действующие в своих корыстных целях, не давать этим силам использовать себя, как пешку, к сожалению, события 90-х годов я свидетелем того была, что нас же против нас использовали. Не давать политикам себе мозги компостировать. Что у них свои цели, и люди делятся более не по национальностям, сколько по мироощущениям. Вот в бывшем Советском Союзе народы рассорили, а вы заметьте, верхушка не рассорилась, на дни рождения, в Куршавеле они отдыхают вместе. Бизнес-то делают вместе, они не рассорились. Надо быть умнее, не дать себя использовать как пешку. Не быть разменной монетой. Сейчас что в Киргизии творится, там же идет, киргизы на узбеков, люди должны стараться позволить играть собой как марионеткой, я это видела в 90-е годы, это опять же было все хорошо продумано, организовано, а использовали-то нас с вами.

Я тоже всегда говорю результатом этих всех драк будут только новые гробы, когда будут все выяснять, матери будут получать гробы, а матерям уже все равно.

Конечно, матери плачут одними слезами и они соленые у всех. Я это видела, сложенные штабелями, не гробы, а смерзшиеся тела. Я видела войну, и я просто хочу сказать, за всяким Аллаху Акбар, ты сперва подумай, кто кричит и куда тебя зовет. У нас в народе есть такая пословица: война сынов не приносит, война сынов уносит, а матери всех национальностей, всех цветов кожи плачут одинаковыми солеными глазами.

Как говорили мои старшие родственники, все 13 лет, что они жили там, они мечтали о возвращении домой, во сне видели Кавказ, горы, родную землю. Жили не плохо, а с годами устроились неплохо, многие удивлялись, но ни разу те годы те места, к нам во сне не приходят, хотя в Казахстане жили хорошо. Как человек рожденный в Восточно-Казахстанской области, низкий поклон, спасибо земле казахстанской, людям, народам, которые элементарно уплотнены, я хочу сказать большое спасибо и земле и людям, потеснились, которые дали нам место, приняли нас, низкий поклон и большое человеческое спасибо. И вот я человек не очень далекий от науки, хотела сказать, буквально в конце прошлого года, впервые в истории за все эти годы, была написана, издана монография доктором исторических наук, профессором Журасом Акишевичем Ермекбаевым, описывающим эти события, исследование не первое, это первая монография, написанная казахом, ему большое человеческое спасибо, хочу сказать, этой спецификой, характерной чертой является добротность, добросовестность и доброжелательность к объекту своего исследования, так она хорошо, добротно написана, как ученым, так и человечески, душевно написана. Чисто с человеческой точки зрения, в этой монографии Журас Акишевич впервые в истории за все эти годы поднял архивы, вплоть до архивов рано, он дал списки чеченских и ингушских детей, которые попали в детдома. В 1946 году в ряде областей Казахстана были специально мобилизованы детдома для детей чеченцев и ингушей, Ермекбаев дает списки этих детей. Это исследование имеет ценность не только научную, но просто практическую, люди, которые до сих пор ищут, и надеются найти своих детей, они смогут обратиться к этой работе, вот это исследование, я бы хотела отметить добротность, добросовестность и доброжелательность монографии «Чеченцы и ингуши в Казахстане». Большое ему спасибо! Он сделал то, что должны были сделать мы, историки, чеченцы, а сделал казах. Это тоже показатель, определенный индикатор.

.....
Ибрагимова Асет Магомедовна, чеченка, 53 года. Были депортированы родители из Кавказа в 1944 году. Проживает в Казахстане, город Талдыкорган.

Как затронули депортации Вас или Вашу семью? Какая именно депортация затронула Вас или Вашу семью (дата, контингент, место высылки, место вселения).

Мои родители жили на Кавказе. В 1944 году, когда выселяли, мой отец служил в Советской Армии, воевал, а маме было 16 лет, их выселили в Казахстан в 1944 году 23 февраля в 5 часов утра. Погрузили в вагоны-телятники и как скот перевезли. Семья моя до женитьбы проживала в Кугалах. Они там познакомились и создали семью. Жили двое: старший мой брат родился в Кугалах, а старшая сестра в Сары-Озеке. Вообще после переезда мы всю жизнь жили в Сары-Озеке.

Асет Магомедовна, можно подробнее рассказать о самой депортации, сколько человек переехало в Казахстан?

Сколько было родственников – всех, всю Чечню. У отца была мать, умерла и похоронена в Казахстане. Брат позже уехал в Чечню и умер там. Семья была небольшая, два брата всего, а вот двоюродных и троюродных много. А вот у мамы была большая семья: одна сестра и пять братьев. Их всех депортировали в Казахстан и долгое время они проживали в Кугалах, а в Сары-Озек они переехали скорее всего в 1959 г., когда было разрешение выезда в Чечню, но мои папа и мама не смогли выехать, т.к. говорили, что там беспорядки, а вот мамины братья выехали в Чечню. Они там проживали последнее время.

Асет Магомедовна, давайте остановимся на Вашем папе, который воевал. В каком году он был призван в Советскую Армию и когда его отозвали?

Он был призван в 1941 г., когда война началась. Прошел всю войну и рассказывал мне, я еще ребенком была, про Албанию, до Германии дошел и когда в 1944 г. этот геноцид устроили, вот тогда их и отозвали как врагов народа, как предателей. Отозвали в Чечню, но там из родных он никого не застал и уехал в Казахстан. Когда ехал в Казахстан друг у друга спрашивали, где родные и вот так он нашел своих родных.

Асет Магомедовна, давайте вернемся в начало переселения. До начала депортации ходили какие-либо слухи о том, что Вас будут депортировать? Может кто-то уже знал и переезжал из этой местности? Как Ваша мама узнала?

Это было очень неожиданно. Люди даже не подозревали, что такое может случиться с ними. Все жили своей мирной жизнью. Ухаживали за скотом, своими домашними делами занимались. Когда пришли военные, их было так много, что невозможно было пересчитать, все с оружием. Заставили всех выйти из дома, взять только самое необходимое в котомки. А все нажитое скот, дома побросали. Они развязали скот, напоили, накормили. Отвязали собак. А всех жителей привезли в изолированную, оккупированную территорию. Детей, женщин и всех стариков оставили вместе, а мужчин полностью изолировали от них. Держали отдельно и приехали они тоже отдельно от детей, женщин и стариков.

Сколько времени давалось на сборы?

Вначале пришли и сказали, что на сборы дают 24 часа, однако в 5 часов утра пришли, погрузили и все.

Зачитывался какой-либо документ? Были ли объяснения людям?

Нет, ничего такого не было. Собрали весь народ, загрузили и все. Моя мама рассказывала, что ее сестра была парализована, стариков, больных детей, женщин, которые не могли ходить их в одну кучу сгребли, облили бензином и подожгли. Я помню у моей мамы есть портрет снохи и она рассказывала, что ее подожгли. Она сгорела потому что не двигалась, парализована была.

А кто-нибудь оказывал сопротивление?

Люди особо грамотными не были. Женщины плакали навзрыд, не знали, куда их везут. В начале слух ходил, что их хотят в Терек бросить. В реку Терек. А вообще, в начале

Сталин принимал именно такое решение, но побоялся огласки, он и сказал, что надо их вывезти в холодные места, где они ни один не выживет и отправил их в Казахстан. А в Казахстане тогда были самые холодные, суровые зимы. И вот когда они приехали, они настолько не были привычны к этому холоду, потому что Чечня, Кавказ – это теплая страна, республика и народ не был подготовлен к таким климатическим условиям. Были все бедно одеты, потому что все отправляли на фронт. Тогда шла война. И вот когда привезли сюда – это лютые морозы были и многие умерли от холода и голода. Когда их сюда привезли, они выкопали землянки. Поначалу местное население их сторонилось, в помощи отказывали. Бросили их на произвол судьбы – как хотите, так и выживайте.

Асет Магомедовна, давайте остановимся на самом пути переселения. На чем перевозили людей? Сколько времени заняла дорога?

Они погрузили их в товарные вагоны, как телятники, они не отапливались. Не хватало еды, воды. В пути находились 18 дней. За время дороги все заболели, многие умирали. На станциях не было возможности хоронить, и трупы закапывали под снег вдоль дороги.

А была ли возможность сбежать во время пути?

Нет, не было. Их полностью охраняли военные, солдаты. Очень жестоко обращались с людьми, везли как арестантов.

А были ли остановки, что на них делали? Давали ли еду?

Вообще вся еда, которую они взяли из дома, быстро закончилась. Питания как такового не было, но подбрасывали иногда хлеб. Люди голодные были.

А пока ехали, ходили ли слухи, почему так случилось, куда их везут?

Слух прошел, что везут их как врагов народа, а за что сами не знают. В Чечне в то время все воевали за Отечество свое. И даже с того села откуда увозили 130 человек ушло на фронт и только 24 вернулось. Остальные погибли в этой войне.

Когда они прибыли и в какое село?

В общем, их выбрасывали на каждой станции Казахстана, Атбасар, Акмолинск, Алма-Ата, там, где есть станции там и оставляли. Мои родители попали в Кугалы, раньше называли Царицыно.

Какие здесь были климатические условия? Как мама привыкала к ним?

Очень суровые. К этим холодам адаптироваться очень сложно было. В одной семье от холода и голода 30 человек умерло.

Какие были бытовые условия первое время? Куда попали? Как жили?

Никаких условий не было. Они сами себе выкапывали землянки и вот в них и жили. Никакой помощи ждать было неоткуда. Даже местное население предупредили, что едут враги народа, людоеды. Им не помогайте. Потом народ осознанно стал приглядываться, говорить: «Какие они враги народа? Они такие же люди, как и мы». И как бы протянули руки помощи.

Через сколько это произошло?

Это недолго было. Я вот не знаю, как звать эту женщину, она в акимате работала, вот она рассказывала, что соседка у них была выселка. Молодая девушка ходит, отец старенький, дети. Живут в землянке. Пригласили их домой. Они были грязные, голодные. Ну что сами ели – им дали мясо, молоко. Думаем, какие они враги народа. А со временем так подружились. Малика звали эту девушку, а потом она уехала в Чечню. И она, казашка с акимата, которая, вот только как звать не помню, на совещании могла на чеченском обратиться. Она меня учила чеченскому, а я ее казахскому.

А как ваши родители общались с местным населением? Они ведь языка не знали?

Они языка никакого не знали, кроме своего родного и общались жестами. К еде абсолютно не могли привыкнуть. Никогда не ели картошку. Они привыкли к своему,

например кукурузные лепешки, мясо, зеленый лук любили, национальное блюдо чеполгш, хингалышь из тыквы, они привыкли к этой еде.

А кроме казахов, в этой местности проживали люди?

В этой местности было много депортированных и корейцы были, украинцы, белорусы, все нации проживали. Корейцы, чеченцы, балкарцы они понимали друг друга, потому что были депортированными народами.

Со стороны какой нации была наибольшая поддержка?

Со стороны казахов. Однако, по началу были стычки из-за того, что люди были голодные и началось воровство. Людям надо было выживать просто на просто. И вот такие столкновения были. Но потом все урегулировалось, когда работать стали.

А где работали Ваши папа и мама? Как их принимали на работу?

В нашей семье было 6 детей: 5 сестер и брат старший мой. Он умер 3 года назад по болезни. Сестренка тоже умерла в 37 лет по болезни - почки болели. Нас теперь осталось вместе со мной 4. Двое живут на Кавказе, сестренка в Алматы и я в Талдыкургане.

А были ли в вашей семье межэтнические браки?

Межэтнических браков в роду не было, а вот в селе Заря жила семья: муж – казах, жена – чеченка. Она родила и вырастила 11 детей. Паша Казтурганова. У нее сын в «Жетысу» на телеканале работает. У него есть сестра – народная певица М. Казтурганова.

Скажите, пожалуйста, какой статус был у депортированных? Их проверяла милиция?

Следило НКВД, постоянные были проверки, постоянно их заставляли отмечаться. Я же говорю, очень строгий был надзор.

А местная администрация как относилась?

Точно так же. Потому что приказ был сверху, и по приказу все выполнялось.

А как часто их проверяли?

Каждый день. Можно было прийти в любое время и отметитья.

А где работал Ваш папа?

Моя мама всю жизнь была домохозяйкой. А папа работал на межрайбазе: в начале завскладом, а на пенсии завхозом. Одно время работал в райкоме. Однако у него было 7 классов образования, и он считался образованным. В то время у людей было по 2-3 класса образования, а то и того не было. Потому что война была, и образования никто не получал. Мои родители были очень почитаемыми людьми, потому что много людей их вспоминает по сей день. Это была очень дружная семья.

Ваш папа где-нибудь после 7 классов продолжал учебу?

Он в вечернюю школу пошел, но дальше не учился.

Жизнь вашей семьи связана с Казахстаном. В каком году родители поженились?

Наверно, это было в 1955 г. Мы все родились уже здесь. Старший брат в Куталах, а сестры в Сары-Озеке. В школу ходили в Сары-Озеке, в русскую школу. Там было и казахское отделение, но мы закончили русскую школу. В то время многие народы шли в русские классы.

А какие-нибудь были ограничения?

После того, как они поженились, обстановка нормализовалась. Притеснений уже не было.

А мама потом училась?

Нет, мама так и не училась. Была не образована, но всегда смеялась и говорила: «Если бы я закончила хотя бы 1 класс, то сидела бы в Министерстве». Она была очень умная женщина, ее люди очень любили за ее ум, за ее порядочность.

А Ваши родители могли переписываться с родственниками из Чечни?

Да, они писали письма, откуда получали, посылками обменивались. Это было уже где-то в 60-е годы, а до этого времени они связь не поддерживали. Когда разрешение было уехать в Чечню, они не уехали и всю жизнь прожили здесь. Как говорится корни пустили, нас здесь уже живет 3-4 поколения. Я думаю, что Чечня – это родина наших предков. Мы чтим ее, родину всегда надо чтить, но Казахстан – это наша вторая родина, родина моя и моих детей. Это уже наша родословная здесь начинается.

Асет Магомедовна, расскажите поподробнее, чем питались? Как одевались? Сколько могли денег заработать?

Мама говорила, что когда все наладилось, жили хорошо. Я была маленькая, но помню чемодан полный денег, я это хорошо помню, это при мне деньги были. Отец всегда на руководящих должностях был, зарабатывал хорошо. Мама вела домашнее хозяйство, ухаживала за нами, за детьми.

А вот как сразу после депортации жили?

Когда их только депортировали, маме 16 лет было, она работала на железнодорожных путях. Пошла, я думаю, работать добровольно.

Менялось ли к вам, депортированным, отношение до и после войны? После 60-х годов? Что мама говорила?

Отношения наладились уже после того, как они этот ад прошли. Всю свою жизнь они осознанно прожили здесь в Казахстане. Трудились на благо родины.

А что мама говорила о том, что им помогло выжить в этой сложной ситуации?

Им помогла выжить только поддержка друг друга и наши братья, как говорится – казахи. Руку помощи протянули.

Скажите, пожалуйста, а что мама рассказывала, когда они узнали о смерти Сталина? Какая была реакция?

Никакого зла не было. Я помню, были слезы. Они все-все простили. Они говорили – надо уметь прощать. Одни даже сожалели, что случилось такое горе. Тоска по родине у них всегда была.

После смерти Сталина они стали строить планы о возвращении на родину?

Да, конечно. И многие вернулись, начиная с 1959 г., а потом постепенно, можно сказать в 70-х годах, уже все уравнилось. Кто хотел уехать – уехали, а кто хотел остаться – остались. А потом, когда началась вот эта война в Чечне, в 1994 году обратно оттуда снова стали переселяться в Казахстан, потому что родственники проживают здесь и в общем ехали отсюда к родственникам.

Скажите, пожалуйста, как Ваши родители узнали о реабилитации? В каком году это было?

Это уже огласили в 1959 году. По радиовещанию сообщили, что всем переселенцам можно будет переехать на свою историческую родину.

А они оформляли какие-то документы, справки?

Я вот полностью не знаю, но она говорит, что да – оформляли. Они тоже оформляли эти документы, чтобы выехать из Казахстана на свою историческую родину, но получилось так, что в дороге какие-то неурядицы и они остались здесь и больше, как говорится не уезжали. И ситуация так не создавалась, чтобы им хотелось уехать.

А кто выписывал эти документы? Вы видели у мамы эти справки о реабилитации?

Вы знаете, справки были в Сары-Озеке, но они уже не сохранились. Потому что когда мы девочки замуж выходили, когда старший брат умер, считай, что родительского дома нет, и куда все девалось, даже не знаю. Брат не создал семью и все...

А справка выдавалась на всех членов семьи, даже на детей?

Да, на детей тоже. Независимо где они родились в Казахстане или в Чечне.

При отъезде государство оказывало какую-нибудь помощь?

Нет, они продавали дома и уезжали за эти деньги.

А как Вы считаете, вот сейчас изменилось отношение к депортации по отношению как было в начале и на сколько изменилось?

Отношения, я могу сказать, стали очень близкими, мы вот живем в Казахстане и я не могу сказать, что я чужая. Отношения стали близкими, почти родственными, деловые. Я живу почти как на своей родной земле. Я не чувствую здесь никаких притеснений. Это моя родина. Я живу и работаю на благо процветания Казахстана. И детей своих учу этому так же.

А как ваша община отмечает день памяти депортации? Расскажите, пожалуйста.

23 февраля – это день траура официальный, утвержденный даже в Чечне праздник. В этот день режут очень много коров, баранов и раздают всем бедным людям и нуждающимся, чтобы почтить память погибших в период депортации и переселения. Когда умирали поголовно от холода, от голода. Здесь мы собираемся в мечети, собираемся со всей области независимо от того, кто где проживает. Это не только мы, а приезжают с Алматы, с Уштобе, с Сарканда, с Лепсов. Здесь в мечети коров режут, заранее сообщают людям и независимо какой национальности, раздают людям это мясо. Лишь бы он нуждался в этом.

Асет Магомедовна, что вы ожидаете от окружающих вас людей, от общественности?

На данный момент я жду от властей только хорошее. Мы живем на такой благодатной земле, где есть все условия для хорошей жизни. Наш Президент Н. А. Назарбаев делает все, чтобы все народы на земле жили сплоченно, в дружбе, согласии. Казахстан создал Ассамблею народа Казахстана и держит всех сплоченно, как говорится, под единым шаныраком. Мы любим своего президента, уважаем, гордимся им. Дай Бог, дай Аллах ему прожить еще столько лет, у него скоро юбилей, кстати. Нам другого президента и не нужно, настолько мы его уважаем.

Асет Магомедовна, скажите, пожалуйста, еще раз, что говорила ваша мама о том, что им помогло выжить в годы депортации?

Я слышала еще от родителей, что тогда был Председателем ЦК КПК Кунаев. Весь чеченский народ его очень уважает. Когда после депортации разрешили возвращаться на родную землю, он вызвал к себе представителя народа нашего, старейшин и предложил им область отдельную, лишь бы они не уехали. Потому что в Казахстане очень много домов построено нашим народом. Чеченцы строили Казахстан. И он предложил им отдельную область, и будете сами работать, зарабатывать лишь бы вы не уехали. Но народ сам настрадался, покинул родные земли. Вся история связана из поколения в поколения. А для чеченского народа эти поколения святы, их очень сильно чтут, поэтому все хотели вернуться на Родину. Поклониться могилам, почистить, привести в порядок дома. В общем, решили вернуться. А кто остался, живут здесь, работают, зарабатывают деньги. Никто никого не притесняет. Все в дружбе живем. Сказать, что у нас какие-то разногласия есть – никогда. Наоборот все праздники проводим вместе. Все 23 этнокультурных центра, мы все друг другу как родные братья и сестры.

Скажите, пожалуйста, а как удалось выжить в таких суровых климатических условиях? Может отец или мама говорили.

Я не знаю, но в общем сплоченность народа. Они друг другу помогали в беде, в горести, в радости. Всегда народы были вместе. Любое что случалось, плохое или хорошее, всегда друг друга поддерживали. Вот так они и выжили, благодаря другим народам.

Скажите, пожалуйста, какие еще моменты были судьбоносными в жизни ваших родителей? Как они познакомились?

Когда их переселили в Казахстан, здесь они встретились, поженились, создали семью и всю свою сознательную жизнь, остаток жизни, сколько они прожили на этой земле, они посвятили своим родным и близким. Родной брат отца тоже жил в Сары-Озеке, затем он переехал в Алматы. Они там обосновались, и до сих пор там живут наши двоюродные братья. А сам дядя уже перед смертью уехал в Чечню, он знал, что скоро умрет и решил умереть на родине, чтобы его похоронили в своей земле. Наш свекор, мужа отец, был тоже такой человек, который всю жизнь стремился попасть к себе на родину, чтобы быть похороненным в своей земле рядом с отцом. Там была такая семья, в общем, придерживались всех обрядов, ислам проповедовали и у них там построена мечеть, в честь отца и это отец завещал, что если что-то случится, чтобы его увезли на родину и похоронили там же рядом. Его желание было выполнено. Мой муж собрал его. Его друг увез в Чечню и когда он умер, его там похоронили.

Асет Магомедовна, вот смотрите, несмотря на то, что депортация – это сложный путь, плохие климатические и бытовые условия, Вы не утратили корни, вы чтите традиции. Скажите, как вам это удалось?

Я скажу так, мы свои обычаи, традиции, язык никогда не забывали, потому что родители нас учили этому. Дома заставляли говорить только на своем языке, а на улице будете говорить на русском языке. Это как бы для того, чтобы не потерять корни. Обычаи прививаются с молоком матери, можно так сказать. Вот когда мы росли детьми, мы уже знали что нельзя, что можно. Сразу соблюдали субординацию. Как себя вести – это мама говорила. Отцовский взгляд мы знали на расстоянии, особенно мы знали, когда он был чем-то не доволен. Мы с детства повязывали платки. Так как было это очень строго для девочек. Она не должна была носить короткие вещи, вещи с открытым рукавом, еще что-то. Но если отец или брат чем-то были не довольны, они в глаза это не говорили, но мы боялись и уважали, так как была субординация. Они передавали это все маме, а она уже говорила, чем они не довольны и мы начинали исправляться. И потом как шелковые ходили.

Асет Магомедовна, скажите, а могли Ваши родители во время депортации отмечать свои традиционные праздники? Была ли такая возможность? Может отмечались тайно?

Я так скажу, свадьбу они проводили, а вот дни рождения не отмечали. Их стали отмечать вот уже в современном мире, а родители наши это еще не отмечали, а свадьбы отмечали – это было строго, потому что все должны были знать, что эту девушку взяли замуж, что должны были громогласно объявить, что она невеста этого парня. И обязательно должна была быть свадьба, которая проходила 2-3 дня. Шла без спиртных напитков, просто веселье было. Люди съезжались со всех районов, со всех областей и вот такую свадьбу делали.

А Ваши родители рассказывали, как проходила их свадьба?

Я подробностей свадьбы их не знаю, но я спрашивала и мне говорили, что как у всех проходит, так и у них проходила. Но как сказать... Вот подробностей я не помню. Знаю, что не такая шикарная была, так как время такое было. Но обязательно резали баранов, пекли что-то, угощали девушки всех. У нас девушки знакомятся на свадьбах, вечеринках. У нас парень не имеет права остановить девушку где-то в городе, так как там может стоять ее брат, находится отец. Потому девушки и парни знакомились на свадьбах. Девушек садили с одной стороны, парней с другой друг против друга и они приглядывались на расстоянии друг к другу. Тут между ними женщина находилась, бегала, если девушка понравится – парень подзывал эту женщину и у нее спрашивал имя, свободна ли эта девушка или нет, просили узнать, согласна ли эта девушка на отношения. В знак согласия она могла платочек передать. Вот его передадут, и такую связь они потом поддерживают. Одни, вдвоем они тоже не могли стоять, всегда должен был быть свидетель рядом стоять. Это должна быть

женщина, или сноха, или подружка. Но одна девушка не имела права стоять рядом с парнем, даже если он вызовет ее на свидание.

Асет Магомедовна, что бы Вы пожелали будущему поколению? Своим потомкам, что бы Вы хотели пожелать?

Я желаю нашим будущим потомкам самое главное, чтобы не было войны, чтобы жили в мире, дружбе и согласии. Всем здоровья и процветания нашему Казахстану. *(Говорит на чеченском языке).*

Скажите, чтобы Вы хотели передать будущему поколению? Вы говорите с внуками, детьми о той депортации? Как у вас передается история?

История сейчас вся в книгах расписана. У нас есть такие книги в Чечне, мы оттуда привозим, наши дети читают. Они знают о депортации народа, о всех войнах, даже с царских времен. Чечня, можно сказать, мирной никогда не была. 400 лет они воюют. Чечня сама по себе богатая республика. Там есть нефть, газ и в общем я скажу сейчас все наладилось в Чечне. Сейчас в Чечне Президент Кадыров. Он все делает на благо народа. Там процветает сейчас Чечня. Люди там... В общем моя дочь была на Кавказе и говорит, что даже следа не осталось от войны. Настолько все красиво, все построили. Дети учатся, образование получают. У нас, кстати, недавно такое событие – в общем в г. Грозном открыли лицей им. Назарбаева. И в общем такой праздник был. Отсюда послы поехали. И сам Президент Чечни Кадыров сказал, что в первую войну первую помощь оказал Н.А.Назарбаев. Там есть еще большой дом, его открыл Назарбаев и раздал квартиры всем нуждающимся. Там висит портрет Путина на этом доме, нашего Президента Назарбаева и Кадырова.

А что бы Вы хотели передать своим поколениям? Какие наставления?

Ну, какие наставления?! Чтобы дружили со всеми народами, чтобы вражды не было, чтобы никогда не говорили, какие нации разъединяют. Чтобы все нации были едины, независимо от языка и вероисповедания. Чтобы войны не было, чтобы все жили в единстве.

Почему Вы не уехали из Казахстана? У Вас была такая возможность?

У меня возможность была и есть сейчас. А родители корни здесь пустили. Их дети здесь обосновались, вышли замуж и они сами не захотели уезжать. Потому что появились уже внуки и потом они уже не смогли все бросить здесь и уехать. Хотя желание у них всегда было. Мой отец еще ездил на историческую родину. Проводовал своих родственников, могилы посещал. Он ездил не однажды. Но мама моя не ездила ни разу, после депортации не была. Хотя всю жизнь мечтала. Она очень сильно за нас держалась и думала, что если она уедет, то там останется. Она из-за этой боязни так и не поехала, хотя желание было.

Асет Магомедовна, и последний вопрос как протекала жизнь в Казахстане? Какие повороты судьбы Вы пережили?

В нашей судьбе, я скажу, пошла в школу, закончила школу. Пошла работать в Советскую торговлю. Вышла замуж, попала в Талдыкорган, вообще мы в Заре живем, но работа в Талдыкоргане в Доме Дружбы. Работаю здесь, занимаюсь общественной деятельностью. Создала ансамбль «Вайнах», который участвует во всех мероприятиях, конкурсах. Занимает призовые места. Я с детства люблю танцевать, и немного судьба сложилась так, что я не могла реализовать свои мечты, в силу традиций и обычаев. Но мы сейчас живем в современном мире, я сама современная женщина и все свои знания, любовь к танцам я привила к нашим девочкам. Собрала всех наших детей нашей диаспоры.

А сколько лет вашему ансамблю?

Ансамблю уже 7 лет. Девочки подрастали, есть уже те, кто замуж вышел, обзавелся семьей. Моя дочь тоже 5 лет танцевала в ансамбле «Вайнах». Сейчас она поет так же в этом ансамбле уже 2 года, свои песни чеченские. Хорошие места занимает. Судьба всегда преподносит интересные моменты. И я скажу, что я себя реализовала вот с этими детьми. Хотя есть у меня основная работа, но я никогда их не оставлю. Если мне скажут, что надо сюда прийти, работу провести, я всегда это с удовольствием делаю. Организаторская работа

– это очень большой труд. Здесь надо столько провести, чтобы провести этот праздник «Дни чеченской культуры». У нас российское посольство бывает, когда выделяют нам сумму на праздники. Мы живем в мире, дружбе, любви и согласии.

Спасибо Вам большое!

.....
Цирлина Розалия Николаевна, русская, 82 года. Были депортированы ее соседи, чеченская семья, из Чечни, город Грозный в 1944 году. Проживает в России.

Вот. Расскажите, пожалуйста, как депортация затронула Вас или может быть Ваших родственников, как Вы вообще с этим?

Ну, значит это в 44-ом году я кончала 10 класс в грозненской школе №1. И вот перед 23 февраля нас пригласили 10-тиклассников, кстати, в это время уже было отдельное обучение, и значит мы только одни девочки были. Нас пригласили в школу и сказали, что вы поедете в колхоз. Ну, в то время было распространено часто, нас школьников посылали в колхозы такие. Летнее время и т.д., и хотя здесь было зимой, вот предложили, что мы поедем в колхоз. Причем интересно, такой момент в это время, как я сказала, здесь были одни девочки, и получилось так, что здесь у нас в нашем классе была только одна чеченка. Фариза Арсунукаева, она же и моя соседка по дому. Так вот предупредили абсолютно всех о возможной поездке в колхоз, кроме Фаризы Арсунукаевой. До этого мы жили рядом с Арсунукаевыми, в общем ну это интеллигентные, в общем семья, неполная семья. Значит, жила сама Фариза и ее мать, и бабушка Фаризы. Говорили они часто, говорили, что говорят, что будет депортация. Мы естественно говорили что это невозможно. Что если где-нибудь, что-нибудь и будет, а причина того, что о чем мы начали говорить, была, заключалась в том, что в Грозном, в Чечне какого-то время появилось очень много грузовиков американских, так называемые студебекеры. И они стояли по обочинам улиц буквально так, но столько их, что расстояние между ними вот, что называется, было, что называется впрытк. Ну и, естественно, среди чеченцев были такие разговоры, вот в частности в этой семье говорили, что будет депортация. Мы уверяли, что это невозможно, что выселять весь народ тем более вот такую семью, где одни женщины, не связанные с политикой, невозможно. Ну тем не менее, значит, оказалось, что это оказалось возможно. И вот значит мы, кроме Фаризы Арсунукаевой, пришли в колхоз в школу, нас погрузили на одних ... и всю ночь нас везли. Где-то останавливались, ну нам было, возраст есть возраст, было безразличие. Где-то стояли, потом ехали и значит к утру нас привезли в село чеченское Гойты. Оно такое невысокогорное, не очень высокое, там ну предгорье, практически предгорье. Нас оставили в поле, нас выселили, значит, вот был холодный снежный, необычный для Грозного день. И вот нас выселили с левой стороны от села. Как я помню, прямо на снегу, а машины пошли в село. Через какое-то время когда машины ушли, нас пригласили прийти, нас, значит, кто с нами был. С нами поехал физрук и были там еще преподаватели, я не помню, но с нами была еще сестра моей подруги, она работала в музее, и услышав о депортации, не зная, чем это обернется, она беспокоясь за свою племянницу, попросила, чтоб ее тоже в качестве сопровождающего. Во всяком случае я помню, значит, вот эту физрука и эту Изабелла Заумоновна, которая сейчас живет в Москве, но к сожалению, она сейчас впала в такое состояние, что она ничего не помнит, хотя она, конечно, могла бы многое рассказать. И вот когда мы подошли к этому месту, откуда выселяли, мы были ошеломлены. Значит, у самого края села, не въезжая в село, машины подошли просто к селу, на месте, где они отъехали, это было что-то страшное. Там валялись перины, подушки, посуда, детские игрушки, то есть было такое впечатление, что даже то, что они могли взять, не взяли, не удалось им взять. Кстати, как мы потом, ну ведь мы просто разговор, рассказ такой немножко сбивчивое я пересказываю с одного на другое. Значит до этого, до этого ходили слухи и мы

видели такие объявления, ходили, значит, слухи и собственно были развешаны такие объявления, чтобы объяснить помимо того, что в Грозном появились ... в горах появились, да, да, да, надо действительно, у меня там лоджия закрыта, поэтому оттуда дует. В горах появились войсковые части и чтобы объяснить, почему они появились там, были всюду развешаны такие плакаты, что ну проведем на высоком уровне маневры. Как я помню, здесь были маневры в Карпатских горах. Тем объяснили, значит, якобы присутствуют там войска. Но войска значит собирались, я не знаю, там что еще им приходилось делать, но во всяком случае, вот как мы знаем, по этому селу да и по другим, наверно, здесь предгорье, мужчин, обычно на собрание приходят туда мужчины. И вот чеченские мужчины пришли на собрание, их окружили, арестовали или нет, я не знаю, но во всяком случае их не допустили население. Собирали вещи, их потом может воссоединяли с семьями. Но собирали вещи, отъезжали на этих машинах вот эти женщины. Которым даже не удалось взять того, чего они могли взять. Ну, кстати, в одну машину помещали несколько семейств, поэтому тем более, тем более. Ну и надо сказать, такое наверно, во все селах, хотя я вам подсказываю, что эта семья Асунукаевых интеллигентная семья, и в городе ходили слухи, ожидали, возможно в некоторых селах и не ожидали этого. Разные были села. Разный там уровень людей. Так или иначе они не сумели, значит, взять теперь когда они уехали, нас оставили в этом селе. Что мы должны были делать. Мы должны были собрать все хозяйство. Значит, нам сказали, что вот знаете, вы должны забрать скотину, мол якобы всяких, у них здесь спрятанных, там зерно, мука и т.д. все это выяснить и как вот собрать все это. В общем национализация практически, значит. Ну вот мы остались. Остались девчонки 10-тиклассники. Ну, я не знаю, насколько вам подробности интересны, вот например, так мы школьницы, девчонки городские, что мы могли знать о том, как нужно корову доить. Да мы к ней боялись подойти. Поэтому то сказать, значит, но коровы на 32, на 30 дней, они сами приходили, шли к людям, потому что у них капало молоко. И нам хочешь, не хочешь приходилось их доить. Ну доили мы их примерно таким образом, одна из подруг, кстати, у меня было 6, и мы шестером дружили, и все мы там участвовали. К сожалению, к сожалению, из подруг моих умерли некоторые, одна живет в Америке. Вот я с ней недавно разговаривала по телефону, как раз об этом она мне кое-что вспоминала. Она как раз племянница вот этой женщины, которая нас сопровождала. И значит вот одна из нас подходила к корове. Совала в него какую-то веточку и уговаривала ее, там что-то говорила. А вторая пыталась доить. Ну как мы доили, значит, боясь. Пригнувшись, вот так вот на расстоянии пытались, значит, из ... если она вздрагивала, там муха ей сядет или..., тогда мы значит отпускали ее, это такая наша была дойка. Тем не менее, какое-то количество молока мы имели и это было наше пропитание, потому что питание – это отдельная статья. Я ее коснусь позже. Скотину, скотину мы должны были, она порасбрелась по селу, естественно мы там не первый, не второй день. Хватились-то мы это и мы должны были по селу собирать всю скотину, и как-то их в разные разную скотину по разным значит загонщикам. Ну, например, например, я и моя самая шустрая подруга, к сожалению, умершая, мы выбрали с ней буйволов. Ну, наверно, и остальные учет был такой же как и мы с буйволами были значит. Скотину собрали. Устроили загонщики. Сколько можно было по селу нашли этих буйволов, ну и соответствующие другие мои подруги и одноклассники собирали другую скотину. Ну ее надо было кормить. А нам еще о себе надо было подумать. Поэтому значит у нас распорядок был такой. Утром мы открывали загон, и вся наша скотина шла гулять по селу на подножный корм. К вечеру мы должны были собрать. Ну допустим утром нас, когда мы открывали загон, у нас было сто буйволов. Значит, к вечеру наша задача сходилась только к одному. Нам надо было не меньше ста буйволов. В селе они или еще где-то. То есть понимаете, по большому счету говоря, у нас больше было вреда, чем пользы. Когда мы уезжали, нам ну нам что-то сказали, мы с собой может быть на один день еду взяли, но больше официально никто нас едой не снабжал. Значит, у нас было вот значит какое-то количество молока, которое мы могли себе добыть. Ну куры значит были, возможно и яйцо. Ну, пришло, уже хотелось что-то существеннее, помню даже моя подруга Римма, она выходит из, выходит, заходит в курятник, оттуда ко-ко-ко-ко-ко, как шум и выходит Римма,

у которой торчат две головки куриц. Значит, мы имели возможность, значит, вот куры. Ну находили крупу, вот чем можно было питаться. И все-таки наступило время, когда мы стали ощущать голод. И тогда наш физрук, наш физрук, он решил зарезать теленка. Однако вроде нас никто нас не беспокоил сильно, а тем не менее каким-то образом стало известно, ну в общем там дело, он имел большие неприятности, слава Богу, до уголовного дело не дошло. Но теленка значит нам не удалось зарезать. Теперь как долго мы там оставались, я всегда, когда у меня спрашивают, я говорила, ну месяц, почему мы, что мы там должны были докапывать, дело в том, что в это время освободили курс Своровскую область, разрушены немцами, и всем им предложили, что они могут приехать, получить землю, дом, хозяйство. Значит, мы должны были оставаться там и я всегда так и говорила, значит были наверно месяц вот до приезда. Оказывается, вот моя подруга школьная, которая живущая в Америке, она вот мне напомнила, что мы там были очень долго. Мы там были два с половиной месяца. И почему именно два с половиной. За это время пока мы там были, уже переселенцы в селе появились. Им тоже ну какая-то наверно связь, у наших сопровождающих была с общей властью, не знаю, но во всяком случае вот они получили так распоряжение. Они получили дома. А дома собственно что получать, мы ходили по селу, все квартиры, все дома пустые, поэтому переселенцы, которые могли себе выбрать любой дом, но им поручили, чтобы они нас кормили, больше у нас связи с ними не было. Значит, открыли столовую, которую они значит, нас там очень, как помню, подруга, кормили нас одной кукурузой. Больше они ничего не могли изобрести. А сами они организовались колхозом. Вот. Мы же оставались там оказывается почти два с половиной месяца. Нас туда привезли. О нас не беспокоились, как там будем питаться. И о нас никто не побеспокоился, о том, что нас оттуда надо вывезти. Ну все дело в том, что мы 10-тиклассники. Выпускной и экзамен нам предстоял, а мы оставались там. Вот уже в мае месяце директриса нашей школы берет грузовик, приезжает в Гойты, на грузовик грузят все наши вещи, а мы должны без вещей тайком пробираться сами. Потому что к этому времени уже на дорогах выставили оцепление. Ну знаете, разные разговоры идут, почему выставили оцепление, что якобы все-таки начиналось мародерство, вот так или иначе оцепление это было. А мы выезжали незаконно, в общем-то. У нее не было такого права, было, значит, и поэтому мы должны были поодиночке выбираться пешком ну из той части горной, с Чечни где это оцепление было. Потом, так сказать она нас могла привезти. Только таким образом, вот поэтому мы часто вспоминаем, мы говорим почему у нас нету фотографии выпускного класса. Да не из-за этого было. Мы приехали уже впритык, нам нужно было сдавать экзамены. Вот столько мы там оставались. Теперь, что знаю еще. Моя тетя медсестра. Она была мобилизована и сопровождала один из этих эшелонов в Казахстан. Приехала она в ужасном состоянии, она рассказывала ужасы. Как люди среди, в общем, что они там и мерзли, и голодали, и вагоны были переполнены, и умирали. Ну статистика теперь показывает, там по-моему, 1200 считается официально умерших. Кто их знает, может и больше. Вот ей пришлось сопровождать их туда. И впечатления у нее остались, конечно, на всю жизнь. Такие вечно мрачные. Теперь вернусь к этой семье Арсунукаевых. Значит в этот вечер, когда я уехала, я не знаю точно, там забыла уже, через, в этот же день в Грозном когда была, но во всяком случае к ним пришли, чтобы они собирались и уезжали. Тогда это Мила Мальсадовна Арсунукаева, она попросила разрешение, чтобы ей разрешили проститься с моей мамой. Потому что мы жили вместе, мы жили на территории поликлиники, потом она стала горбольницей, мама всю жизнь проработала с Милой Мальсадовной, они вместе, они сослуживцы. И поэтому и рядом и жили и поэтому семья как-то мы близко общались. Они разрешили, значит, эти ДВД-шники, разрешили Миле Мальсадовне, маму пригласили, они попрощались. Больше о семье Аксунукаевых мы не знали больше ничего. Кажется их старуха, мать, тоже сейчас до давности не помню, назад она в Грозный не вернулась, она умерла. Когда она умерла, там или в Казахстане или где-то по дороге, не помню. И вот приходит время, когда чеченцам разрешают вернуться и в город возвращается и это же семья Аксунукаевых. К этому времени Фариза кончает там университет, что ли получает высшее образование, выходит

замуж. Они возвращаются в город, но жилье им не возвращают. Я знаю судьбу вернувшихся именно по этой семье. Могу судить. Им не возвращают жилье. На работу нигде не берут. Снять жилье в городе практически невозможно, почему, боятся. Частные секторы боятся сдавать. Но в Грозном это в основном частый сектор, там в основном преобладал в те годы. Боятся, почему ну русское население запугано, выселяли. Ну, у нас же как, не за что выселять не будут. Значит опасно сдавать. Тогда это моя тетя вот участвовала в этом выселении. Она на своей улице, в соседнем доме под свою ответственность просит сдать этой семье жилье. Устраиваться жильем. Нет работы. С высшим образованием работу найти не могут. Сама Мила Мальсадовна уже пенсионерка. И тогда эта же тетя, которая работает здесь недалеко в детском тубдиспансере сестрой-хозяйкой, она уговаривает администрацию, что она уйдет на пенсию с условием, что на ее возьмут эту пенсионерку на работу. Ну вот этот эпизод и то, что все-таки вот и на работе, как мы говорим о том, что в общем-то в целом население ну кто-то боялся, а в общем понимали судьбу этих людей, старались как-то помочь, и Милу Мальсадовну берут на работу. Но опять же это на зарплату сестры-хозяйки в этом тубдиспансере, естественно, в городе прожить нельзя. И они были вынуждены уехать в село. Так знаменитое по чеченской войне Шатой. Высокогорное село. Много позже я, значит, кончила 10-ый класс. Это был последний год, когда я жила в Грозном. Я уехала в Москву.

А в каком году они вернулись, в каком году вы в Москву уехали? Вот то, что вы рассказывали, начали возвращаться чеченцы в каком году?

Это, по-моему, был 52-53 год. Но я каждый год, еще там долго оставалась моя мама. Там оставались родственники. И я каждый год приезжала. Каждый год приезжала в Грозный, пыталась найти эту семью. И когда я уже нашла эту семью, то я нашла уже только одну пенсионерку Милу Мальсадовну, к сожалению, ее дочь Фариза, моя подруга умерла. А она ее приютили в городе родственники. Вот у Фаризы было большое сердце, она умерла, осталась у нее дочь, которую называли Фарида. Вот. Вот такая вот у меня значит вот уже встреча была. Что касается...

Когда вы уехали с Грозного, в каком году?

Я уехала сразу же, я, кончили мы, значит, окончили школу. Я в этот же...

44-ом году?

В это же лето, в 44-ом году я уехала учиться. Там уже все мои подруги уехали. Меня мама очень долго не пускала. Отпустила в последнюю минуту, и у меня не было возможности выбрать какой-то институт, специальность и какие-то свои учесть наклонности, одна из моих подруг поступила в институт Менделеевский. Химико-технологический в Москве. А там было общежитие, тоже было одно из условий. И меня, имеющую, там тогда была не золотые медали, а кайма это аттестат с золотой каймой. Поэтому меня приняли, уже в последний момент, что называется я поступила в этот Менделеевский институт. Кончила я его в 49-ом. И по распределению меня оставили в Москве работать. С тех пор я фактически работала, жила в Москве. Но, во-первых, до тех пор, пока оставалась там мама, потом я ее забрала. Родственники, я каждый год туда приезжала. Каждый год выезжала, там были мои школьные подруги, которым уже пришлось и родственникам, и подругам пришлось уезжать вот эти 90-ые годы, когда ну вот школьным подругам перед войной там уже была такая напряженная обстановка. Но надо вам сказать, я лично отношусь к той категории людей, которые никогда не считали, что во всем виноваты чеченцы. Они сами очень пострадали. И когда даже потом, вот это вот история, когда вынуждены были русское население уезжать, я это объясняю просто недольнавидностью нашей власти. А вовсе не чем-то. Конечно, я приезжала в Грозный и я знаю, что там были иногда волнения. Однажды там кончилось тем, что там из района, ну там стычка получилась в районе. Понимаете, всегда нужен какой-то маленький повод, как мне рассказывали мои подруги, именно в момент этого волнения, я там не была. Ну как мне рассказывали мои живущие там подруги, дело в том, что они не вернулись, ну так же так вот семья Арсунукаевых, кстати, говоря вот я вернусь к такому моменту, вот эти

Гойты. Вот этот молодой человек, который у меня, значит, не один раз уже был, он мне рассказывал, что, понимаете, в чем дело, значит, по-разному было в разных селах. Ведь когда вернулись чеченцы и ингуши, то их дома в селах, ну с городом очень просто, там ни одного чеченца, значит, там как они могли там устраивались, не устраиваться, никто им жилье не представлял все. Но здесь были личные дома. Собственные дома. И естественно, чеченец какой-нибудь там, понимаете, с села, он приезжал, садился около своего дома, говорил, что это его дом. И начался второй акт, я считаю трагедия. Очень многие просто боялись, боялись. Вот что касается боя, то мне рассказывал, со слов папы, что чаще всего, ну здесь по крайней мере, дома выкупались. Ну где-то приходилось просто бросать. Ну даже если выкупались дома, то все равно этим людям надо было, ну они прожили там уже какое-то время, обжились, с чем-то им нужно было опять возвращаться, в какую-то неизвестность и снова начинать свою жизнь сначала. Конечно весьма...

А как выкупалась, то есть чеченцы платили за свои дома?

Да.

Выкупали. А власть как-то с этим...

Абсолютно, кстати говоря, именно из-за этого, что власть всегда была в стороне, в городе и начинались, понимаете, вот такие столкновения. Вот как этот случай, как рассказывали мне мои подруги, ну я знаю, это по литературе так сказать, потом это из воспоминаний, ну их никто, ну в общем, никаких условий им не создали. Они должны были сами как-то устраиваться. А для того, чтобы началось какое-то волнение, нужен какой-то повод. Вот что касается этого знаменитого случая, когда разгромили Обком.

А в каком году это?

Это было, по-моему, в 52-ом, нет это был 58-ой год. Значит, началось с того, что где-то в районе города, ну там город нефтяной и там значит существуют старые промыслы, новые промыслы и вот где, в одном из этих районов, русская молодежь, ну кстати ничего нет, и сейчас знает, что и тогда поссорились парни где-то на танцах, бог знает что. И убили чеченца. И вот возмущенные чеченцы взяли это тело на носилки и пошли в город. Пришли они к Обкому. Помню из рассказов такую вещь, вышла власть обкомовская, встали впереди этой процессии, успокоили и увели с тем, что по крайней мере, этого мертвеца похоронить, отвели их. Но все равно толпа оставшихся бушевала. Бушевали несколько дней. Рвались они к этому телеграфу, чтобы с Москвой это самое, захватили Обком, несколько дней была такая картинка, когда с балконов, из окон проносились крики, на окнах сидели, спустив ноги, всякие. Значит, кто это был, не знаю. Какой национальности эти были, не помню. Не знаю. Но факт остается фактом. Что Обком разгромили. Однако понимаете, наверно, недовольных все-таки с обеих сторон было достаточно. Знаю что...

И с русскими с чеченскими?

Конечно. Во всяком случае, всю эту толпу уговаривали несколько дней, а потом их всех арестовали.

То есть ввели войска?

Да. Велась войска и всех их арестовали. Среди них были не только чеченцы. Среди арестованных. Так что повторяю, что никогда и вот по опыту города и в селе вот всегда, то есть власть, один раз беззаконие их, кстати, тоже ведь понимаете, вот сама депортация под руководством Берии была организована ну великолепно. Но а дальше их уже ничего не интересовало, как они доедут, как они там в Казахстане, я не знаю, как их там были там организованы, но когда они вернулись, им только дали право вернуться. Как будто бы этим они искупали свою вину. Но что будет с ними, как они устроятся, никто об этом не думал. Отсюда и все неприятности, которые были потом все время. Все время. Ну а в массе своей, в массе своей, не в среде интеллигенции, а в массе своей, население, конечно, считали, но и кто-то провокатором всегда был. Вот эти, знаете, националистические настроения подогревались, конечно, всегда.

А вот ну я уточняю сейчас. Про то, как возвращались чеченцы, они возвращались все вместе или поодиночке и как это вообще происходило?

Не знаю. Я не была в это время в Грозном. Если и рассказывали, то просто не помню.

То есть они возвращались, выкупали дома, а выгоняли ли, были ли случаи там убийств каких-то там, не слышали про такое?

Ну, говорят, что были. Говорят, что были. Убийство и часто, вот эта литература, которая за все эти годы выходила, я все время за этим следила, всегда писали, что были убийства. Но вот что касается Гойты. Кстати, когда я значит была в этой, в редакции, и с этим Алаоди говорила, он, его родственники и вот говорила об этом, он сразу уцепился, слушай, я пришла к нему и говорю, вы знаете, я пришла к нему вот почему. Мы часть Грозного, несколько человек грозненцы, среди них и вот эта самая Белла Заумоновна Пономарева, которая с нами ездила в Гойты. И которая сопровождала нас, она всю жизнь проработала, она всю жизнь проработала в кремическом музее. И она написала очень много книг. В ее авторстве и соавторстве с другим. И так оказалось, что у меня в руках оказалась эта литература. Да и сама, и забыла Заумонова была еще в здравом уме. Нам, мне могла очень многим помочь. А тут меня по Интернету вдруг вычислил один молодой человек. Молодой. Грознинец. Бывший. Сейчас живущий в Москве. Тоже перебивающиеся. Снимает квартиру. То отказали, то еще там что-то такое. Вот и он, он собирает разные открытки. И знаком со многими коллекционерами. И у него собрались открытки не только но Грозный советский, который мы знали, многие узнают и нас, у всех есть эти буклеты, те, кто с Грозного. Вот всегда это сохранялось, а у него еще оказались революционной угрозы. И вот мы решили, хотелось бы, значит, я по этой литературе написала текст. ... был банком коммерческим банком. А уже потом там построили третий этаж и он стал уже Обкомом. И мы решили, что хорошо было бы вот иллюстрировать этими фотографиями. Но у нас нет возможности издать это. И вот через ингушей мне сообщили этот телефон. Я позвонила им, ну тут же моментально приезжает этот вот, он мне значит предложил приехать. И он обещает нам это сделать. Вот. Так что вот таким образом, я значит попала к нему, и мы надеемся что это будет. Но вот, к сожалению, сама Изабелла Заумоновна нам ничем помочь не может. Тоже вот, я начала говорить о чем-то, какая-то мысль у меня потерялась.

Вот Вы говорили то, что власти ничего не делали, когда они возвращались. А вот Вы сказали, не помните как, ну не знали, как они поодиночке возвращались...

Ну вот не знаю. Не знаю. Ну понимаете, я не думаю и нигде не читала, чтобы им так же подали эшелоны, уже теперь не товарняки, а хорошие вагоны привезли, нигде не читала. Возможно, им просто разрешили вернуться, и как-то они по себе возвращались.

Ну, мы об этом обо всем уже поговорили.

А.

Все вспомнили, что можно было.

Да, как будто, да.

Хорошо. Спасибо Вам большое.

■ КАЗАХСТАНЦЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ.

.....
Куттымбетова Турсун, казашка, проживает в Алматинской области, село Шамалган.

Турсун-апа. А, вот мы снимали фотографию, Вы были дочка, а вот Ваша мама. И вы там жили.

Мы вместе жили.

А Вы случайно не в этом доме жили?

В этом. Сейчас вот первый, второй дом.

Рядом?

Там, в Чемолгане, там это улицы, вот дом наш был...где «Комсомол» кафе есть. Вот так, вот второй дом наш был.

А Вам сколько лет тогда было, когда прибыли?

Ой, я тогда маленькая была. В 1-ом классе, кажется. Вот тут она, когда сюда привезли, у нас было дома я только одна же, у нас два дома. Один так, а второй, как кухня считается. Вот они жили в этом доме, в кухне. А мы рядом. Ну, их было, мать, Исмаил, еще девушка, а тогда, как говорит, 18 или 20 лет, такой взрослой была. Еще один брат, брат значит Исмаила.

Сестра Исмаила, да?

Да, сестра и братишка, он жили с матерью. Ну, мама что есть все им, последним куском хлеба делились.

Да, рассказывайте.

Вот так мы и жили. Вот, когда они, вот фотографировались...Ну, и потом, это, их воспитала, когда младшим давали, они дом себе там строили, ушли, а я замуж вышла в то время. И мы ездили зимой, это же ужас. Потом она умерла, вообще мы сюда приехали и здесь жить стали.

Понятно.

Это у нас история такая. Вот она самая, моя мать, такая. Мы в тот раз не могли, рвали, рвали. Вот так. С тех пор мы друг другу...

Общаетесь?

Общаемся как свои, ...вот так мы и стали.

Как тут, тяжело было жить-то, да?

Как же, конечно.

Это же 1944-ый год был, да?

Да, они когда приехали, я с 1937-го года, ну, я понимаю, конечно. Если девчата тоже, ну, она уже большая. Я помню, я бегаю (*смеется*), а она все могла, и шить, мне уже говорит, ты вот так одевай, ты вот так одевай. Ну, мы дома остаемся, они все на работе. Вот так мы и жили вместе.

А Ваша мама где работала?

Моя мама работала тут, как-то называлось участок, где зерно. Одна деревня же в Чемолгане. Она только летом работала, вот и она тут работала, а он работал тоже, скот пас. А ее мать тоже, где свеклу, есть место работы. А все время сестра дома была. Потом братишка учился, мы, я как замуж вышла, мы жили, до тех пор, пока не устроили, они у нас были.

Понятно. Мы сейчас будем записывать Вас на камеру.

Вот кто-то там начинает фильм снимать, тоже там чеченцы же жили. Мы вчера туда поехали и видели. Я поехала, спрашивают, что вы? Где? Как? Ну, ничего, живем.

Хорошо? Как вам? Хорошо?

Хорошо. Да, ничего.

Ну, вы молодцы... я прям, вижу, вот что мне нравится, что Исмаил-ата, что вы все силы находите, а сейчас многие вот молодежь, что-то произошло, все, проблема, да? А вы?...

Ну, мы тоже в возрасте. Мы все видели. Даже у меня фото было.

Когда маленький был?

Не, он же нас на три года старше был. У нас то, вот сама знаешь, у казахов, говорят люди, хоть любой нации. А вот мы с ними в одном. Наши родители, папа в армии был, также это не вернулся, и брат оттуда не вернулся. Ну, война, война, ничего не сделаешь. Зато остальные вот.

Тяжелое время было?

Конечно, тяжелое. Тогда время тяжелое было. А сейчас, слава Богу! Сейчас лишь бы мир был!

Да, не говорите. Вот когда помнить будут люди о том, что произошло, тогда думаю, что мир будет. А вот мама умерла, ей сколько лет было?

Она умерла в 1984-ом году, она, ей было девяносто... один документ 94, другой документ 96, попробуй. Ну, так примерно.

Молодец! 90 лет это же!

90 с лишним, где у нее там, в паспорте, такое было написали, что 96.

А Вы говорите, она где работала? Врач она, да?

Ну, тогда знаешь,...да, врачом.

Двойное?

Двойное, вот семена сюда посыплет, туда отправляет все, но это был не мешок, небольшая, только сумка.

Да. Вы одна были в семье?

Я да, я одна.

Мама вас родила, сколько ей лет было?

Ой, мать моя, старая она была (смеется)...

Сколько?

Около ну, наверное, не 50, но 40 с лишним.

А как так получилось? Она замужем была?

Нет, раньше дети были, все у них.

И она решила не идти, да? А папа, где в это время был?

Папа, когда мне три годика, уже война была, и тогда забрали его.

В каком году вы родились?

В 1937-ом.

Потом отец ушел, да, на фронт?

Ага, отец ушел на фронт...

Ну, как?

Ну, потом как ушел и не вернулся.

Они же дружили, в смысле, вам приходилось, вы же на три года старше да?

Я на три года старше, да. Почти что считай вместе выросли... Там меня сейчас в колледже, в ... попросили, ну, когда я замуж вышла, ну пока лет 30 прошло, ну, конечно, маленькие дети.

Интересно. Турсун-апа, вы дочь Рахили-апа, которая, вот вы вместе встречали семью Исмаил-ата. Скажите, сколько вам было лет, когда, прибыли сюда они?

Я с 1937-го, ...ну где-то восемь. Ну где-то восемь лет, мне было.

А вам говорили, что вот в ваше село приедут люди другой национальности?

Мен ол кезде білген жоқпын, бала болдым оларды алып келгенде. Менің аналарым оны біліп, өздері қабылдады.

А вы знаете, кто эти люди?

Как говорили дома, их привезли с Кавказа. Каждый выбрал себе по семье. У нас было трое, мама Смаила с тремя детьми, брат. Мы их приняли домой. Вот так они жили у нас дома. Сколько времени, пока не закончилась, пока народ не стал жить лучше, потом они построили дом и ушли жить отдельно.

А вообще, вот, вы верили в то, что эти люди, которые приехали, да? Кроме Исмаил-ата же ведь были еще и другие семьи, что они враги народа?

Они пришли к нам домой, мы относились к ним как к родным, делились последним куском хлеба. Никогда ничего плохо не видели мы. Как мы можем их называть врагами? Не могли такого говорить.

А люди каких национальностей были сюда высланы, депортированы?

Тогда азербайджанцы были, сейчас турков много стало. Они приехали к нам сначала, чеченцы приехали, потом болгары приехали в наш аул.

А как вы встретили депортированных?

Их взрослые встретили. Я еще ребенком была. Все что было, тем и делились, то и давали. Так вот получилось с ними, даже последним куском хлеба делились. Если был кефир, то делились и пили. Вот так и жили.

А где жили депортированные? Вот те, которых сюда?

Приезжих домой заводили. В то время было гостеприимство, каждый брал к себе в дом. Не знаю, как много их было. Кто-то сейчас стал родственником. Жили в домах, которые пустовали. Тогда было тех, кто ушел и не пришел с войны. Мой отец и брат не вернулись с войны обратно. Теперь дома из детей была только я и мама. После этого они жили с нами, дома жалко что ли?

А какие у вас были с ними отношения?

Я к ним относилась как к своим родным. Сестра Смаила причесывала мне волосы, умывала, в школу отправляла. Их мама была дома с нами, а мама вышла на работу. В то время не смотрели молодой или старый, все работали, Смаил тоже. Сестра давала все что есть, отправляла в школу, до сегодняшнего дня мы общаемся с ними, потому что мы стали друг другу родными.

А как относились к людям, которых переселили, жители поселка? Другие люди, как относились?

В общем, я не все помню. Я знаю только родовую Смаила. После этого сюда приехали братья его отца. После Смаила они тоже к нам приезжали. С ними тоже хорошие взаимоотношения. После войны родственник женился на одной из родственниц. Сейчас сноха, ее зовут Калимат, ей уже за 80 лет.

Я знаю, что у вас проблем не было с семьей?

Нет. У нас с ними никаких трудностей не было.

А вот у других, может быть вы слышали?

Я об этом не слышала и не знаю.

Понятно. Они как к вам относились, люди, которые...?

Если бы они плохо относились ко мне, то мы сейчас не общались.

А вы помогали депортированным? Ну, тех, которых выселили сюда? Может быть, кроме Исмаил-ата, еще другие же были? Если вы знаете?

В то время я была ребенком. Может, мама помогала. Однако, здесь у Смаила были сестренки. И сегодня они общаются. Приезжают, общаемся, одна умерла рано, а вторая недавно. Они всегда хвалят мою маму. Я была в то время ребенком.

Ну, вы сейчас рассказали, чем помогли, да?

Смаилу мы никогда ничего не запрещали, никогда не говорили, что этого делать нельзя, этого брать нельзя. Он жил с нами как член нашей семьи. Даже когда они переехали отдельно, я к ним ходила как к своим родным. Мы с ними очень хорошо общались, уважали друг друга.

А, люди, которых выселили сюда, где работали?

Они работали в совхозе, но Смаил пас скот. Сестра была дома. Она же девушка, сидела дома.

А вы как с ними общались, на каком языке?

На своем казахском.

Они же приехали только, не знали язык, или они потом выучили казахский язык?

Нет, и я, и моя мама разговаривали на казахском языке.

Проблемы в общении были?

Не было.

Не было.

Проблем не было.

Общий язык быстро понимали? Нашли, да?

Нашли.

Понимали друг друга?

Да.

А вы понимали язык, на котором они говорили?

Их языка не знала, но с нами разговаривали на казахском языке. Моя мама была уже в возрасте, с ней все разговаривали. Ее называли апа.

Вы сказали, что они разговаривали на казахском языке, да?

Да.

Т.е. когда уже приехали, они казахский язык знали более или менее?

Они быстро научились.

Ага, ну, а, ну, понятно, потому что вы вместе жили с семьей Исмаил-ата, а вы с другими детьми общались, депортированными, которых сюда выслали? Или?

С двоюродными сестренками Смаила. Они были моего возраста. Одна 1940-го, она недавно скончалась, еще одна младше нее была. С ними мы разговаривали на казахском языке.

А с другими детьми удалось пообщаться или нет? Сейчас по-русски говорите, мы записываем.

Нет, только с его двоюродными сестренками.

Были ли у вас друзья среди других депортированных, кроме, Исмаил-ата семьи?

Нет. Только с его сестренкой мы дружили.

А браки возникали между депортированными, вот, допустим, казахи, с балкарцами, например, с ингушами, чеченцами, которые сюда депортировали?

Не знаю. Такая жизнь была.

Ну, а так не слышали?

Нет.

А как на вашу жизнь повлияли депортированные?

Мама их приняла. Она их сама позвала жить с нами. Из-за этого мы жили как одна семья.

Что изменилось в жизни, вот, поселка, когда приехали сюда депортированные? Что-то изменилось в жизни?

Насчет этого ничего не могу сказать. Они приехали, потом война началась, война закончилась, люди возвратились, радость была. Как война закончилась, конечно, в ауле радость была, потом произошли изменения. У Смаила не было отца, когда они жили с нами, была мама, сестра и брат...

А местное население как они в этот период времени жили, как жили? Хорошо, совсем плохо, или как бы, средне?

Что я могу сказать, но местные старожилы в отличие с сегодняшним днем жили дружно. Очень дружно жили и уважали друг друга.

А вот ваша семья, вот конкретно Вы, и Ваша семья, как вот жили с мамой в этот период, как раз? Когда приехали сюда Исмаила-ата семья, вот как вы жили сами?

Ну, как средне жили мы.

Ну, вот как, вот у вас 2 коровы было?

Да. Две коровы были. После войны нам помогли братья моего отца.

А вы рассказывали, что у Вас был дом, и, кухня, да, отдельно стояла? Вот расскажите про это, где они жили, как?

Во дворе был однокомнатный дом, как кухня. В однокомнатном доме с верандой, там жили мы. В доме, который был во дворе жил Исмаил. Но участок был общим.

А расскажите, как это, вы помните, как это произошло? Просили, чтобы Исмаил-ата, чтобы с вами жил, как это произошло? Вы помните, вы были в этот момент, когда мама, Рахилия-апа сказали, что хорошо, живите. Кто-то предложил, или как это было, расскажите?

Когда привезли Смаила, я была тогда маленькой. Разве могла она оставить семью с маленькими детьми на улице. Мама их привела, чтобы они жили вместе с нами в этом доме. Может быть, она пожалела детей. Тогда были еще дети младше Смаила, маленький братик, отца не было. Может, она пожалела детей, поэтому взяла их. Были две коровы, их и доили.

Исмаил-ата рассказывал, что Рахилия-апа сама молоко не пила, там кушать, да, все?

Ага.

Так жили, да?

Ну, Смаил постарше, он знает. Даже сейчас приходит домой и вспоминает маму. То, то давала, то, то брали у нее. По правде говоря, они у нее все брали.

Ну, видимо, благодаря тому, что, все-таки коровы были, вы не голодовали, вот не было, вот лично вам было, на две семьи, да?

Да, на две семьи, достаточно жить было.

А вы как-то, т.е. Исмаил-ата, допустим, вот работал, ведь он же был, большой же был, как-то делились, да, все вместе, как, вот он заработал, ну, там, вы что-то?

Конечно. Всем. Кто-то хлеб печет, делимся. Все жили как члены одной семьи. Они корову доят, делимся.

Рассказывали, вот Вы, сестра вот его помогала?

Да, да.

Вы сказали же ведь как она вам косички?

Ага, ага. Да, расчесывала меня и собирала в школу.

Ничего, да (смеется)? Угу, понятно. А скажите, вот, жилось же, тяжелое время было тогда, да? Вот, война, приехали тут еще одна семья, вот, как, благодаря чему вы выжили в этих условиях сложных, в такое время?

В то время у взрослых была одна цель – победить войну. Молоко продавали, даже отправляли на фронт. Продавала молоко, мама носки вязала для солдат. Солдатам нужны были теплые вещи.

Как удалось тогда свою жизнь сохранить? Вот вы маленькая были, вы работали уже? Мама ваша работала с утра до ночи, работала.

Ну, она работала, я-то помогаю дома. Нужно было печь хлеб, нужно было готовить для нее, смотреть за огородом. Когда ходили за свеклой, давали один гектар земли. Таких моментов много было. Мы не делились на взрослых и младших, работали все, главное, чтобы силы были.

Ваша мама работала, вот расскажите нам про нее?

Моя мама не убегала от работы совхоза. В то время нельзя было убегать. Зарабатывать во время было тяжело, тем более нужно было помогать фронтовикам. Если есть молоко, или еще что-то, то мы все отправляли. Она вставала очень рано и уходила на работу. Мы тоже вместе с ней, чистим свеклу. Дают зерно, чистим зерно. Вот такую выполняли работу.

Вот, может быть, мы что-то во время беседы упустили? Может быть, вы что-то хотели сказать, добавить, может, что-то мы не упомянули, какой-то вопрос я вам не задала, может быть?

Теперь это касалось всего народа. Если бы я была постарше, то я все рассказала вам. Смаил старше меня. Он все помнит, я маленькой была. У нас не было возможности выйти и поиграть во дворе, так как мама была на работе, в обед все надо было приготовить для нее, еще у нас была учеба, нужно было делать уроки. Наша жизнь не была игрой.

Скажите, что бы вы могли пожелать, будут смотреть, например, наши поколения, вот потомки, вот вы бы что им сказали?

Нынешнему поколению желаю дружелюбия. Если народ будет дружелюбен, все будет. У нас во время войны ничего не было, ни одежды, ни еды. Сейчас все есть. Молодежи только мира. Открытого неба над головой. Все будет хорошо.

Тем, которые сейчас живут? Вот, нам мы сейчас живем, вот нам? Что бы вы могли сказать, как бы? Что пожелать? Ну, вы сказали, дружбу вот, да?

Да.

Еще...

Во-первых, чистого неба, чтобы не было войны. Видим же по телевизору, что творится в Кыргызстане. Это все отчего? Их народу сейчас тяжело. Спасибо нашему президенту. Мирное время, пусть так же продолжает. Вам здоровья и дружбы.

Спасибо большое. А на русском, можете два слова сказать? Пожелайте тем, кто будет смотреть, тем, кто русскоязычные? Вот что-то скажите.

Ну, я пожелаю молодежи лишь бы был мир, не было войны, жил народ дружно, как мы жили в детстве, наши родители жили дружно. Пусть так. Мы никогда не считали, что они другой нации. Мы их приняли как свой, и до сих пор мы общаемся друг с другом, как с родными, братья, сестры. Вот так вот.

Хорошо, спасибо Вам, большое, Турсун-апа.

.....
Мусаев Серик Туменбаевич, казах. Проживает в Жамбылской области, село Сарыкемер.

Мусаев Серик Туменбаевич, казах, который проживал с депортированными и знает о них очень многое.

Да, это действительно так. Конечно, во время депортации меня еще на свете не было. Но мне пришлось учиться с детьми депортированных, это 1955 годы. В этом населенном пункте выходцы из чеченцев, они тоже были депортированы, позже приехали турки. Например, я сам учился с детьми Таировых, мы жили на улице Куприенко, они по улице Солодкина. Я с большим уважением отношусь к их отцу. Не помню, как его звали?

Раджамов подсказывает: Нусратдин.

Мы все время его ата звали. Очень почитаемый человек был. В наших глазах он казался таким человеком грамотным, образованным, мы преклонялись перед ним. В школе, учась с его детьми, с другими турками, с чеченцами, у нас детское отношение было. Национальное отношение не выясняли. Обычные детские школьные годы в то время не проявлялись. Много времени мы прожили с детьми чеченцев. Но они позже, когда им разрешили, уехали. С выходцами из турков мы по сей день живем. Я с большим уважением отношусь к Мехье Мусаевичу. Хотя он и старше меня, мы с ним шутим, наши шутки можно назвать братскими. Почему я его уважаю. Потому что он долгие годы в этом районе был руководителем, руководителем не простым, у всех на виду. Одним из передовых хозяйств руководил. И не только как руководителя, как человека. И не просто его избрали, вот сейчас эта беседа происходит, он многое через себя прожил, пропустил эту жизнь. Жизнь нелегкая досталась ему, как вы слышали, многое ему на свете пришлось пережить. Душу как травмирует, «я не знаю свою фамилию, отчество правильно, не правильно». От таких слов на душе становится тяжело. Они большую работу проводят, чтобы сохранить свои традиции, обычаи, а это нелегко. Потому что было время, когда не до этого было. Надо было на хлеб насущный зарабатывать. А на хлеб насущный зарабатывать очень нелегко. Этот народ очень трудолюбивый. Он, не покладая рук, работает, зарабатывает. Дети уже знают нынешние потомки, они знают, что будущее за знаниями, учатся, овладевают знаниями. Это о чем говорит, что народ стремится, хочет жить еще лучше, вкладывать в Казахстан свою посильную ношу.

Вот его отец моложе моего отца ныне покойный, тоже участник войны, за душу трогают такие слова. Какая доля им тяжелая досталась, они благодаря сплоченности сумели выжить и сохранить собственное Я. И сейчас мы у Мехье Мусаевича дома сидим. Я рад за этот народ. Вы сейчас говорите турки-месхетинцы.

Они такие же, как и мы, мы никогда не делили. Когда детьми были никогда, когда выросли, не делили на национальной почве. Кто с уважением относится, мы тех уважаем.

Мне, например, отцу, хочется сказать большое спасибо. В канун такого большого великого праздника, отец на фронте пролил кровь, наверное, не даром он пролил кровь. Благодаря таким как отец, мы сегодня живем, сидим, разговариваем. Благодаря отцу мы можем спокойно общаться и не делить что-то. И мы не собираемся делить это ваше, это наше. Это наше общее. Это один Казахстан. Как Мехье Мусаевич сказал, это наша Родина.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы Вы хотели передать будущим поколениям?

Можно вот так сказать. Мне тоже немного осталось до пенсии, но к ветеранам я себя не отношу. Будущим потомкам хотелось бы сказать, прежде всего, знания. Мне хочется пожелать выходцам из турков, чтобы они больше овладевали знаниями. У нас в народе, говорят, не совсем объективно относятся к этому, а жизнь берет свое. Сколько людей уже, сколько выходцев из турков они были в свое время руководителями, и сегодня они работают, молодежь сегодня овладевает знаниями, они тоже покажут свое, и свое достойное внесут. Хочется, чтобы между нами не было никакой дележки, чтобы мы жили дружно, как в одной семье, а мы и живем дружно, так мне кажется.

Спасибо Вам большое за интервью. Было очень приятно сегодня с Вами познакомиться. Желаем Вам, действительно, жить вот так же дружно, сплоченно, не делиться на национальности. Вот Ваш сегодняшний опыт показывает, что действительно только в дружбе, только в сплоченности народ выжил, и живете до сих пор. Все живы, здоровы, слава Богу! Дай вам Бог еще крепкого-крепкого здоровья и вашим детям. Спасибо Вам большое!

.....
Матаева Акжолтай Бейсенбиевна, казашка. Проживает в городе Талдыкорган.

Жергілікті халық үшін сұрақтар:

Сіздің тұратын елді мекенге жер аударылғандар келгенде Сіз неше жаста едіңіз?

Сіздердің елді мекеніңізге басқа ұлт өкілдері келеді деп айтты ма? Сіз бұл қандай адамдар екенін білдіңіз бе?

Мен өзім Алматы облысы Еңбекшіқазақ ауданы Қаракемер ауылында дүниеге келдім. Мен есімімді білгенде мен 5-6 жасымда болуым керек. Бізбен көрші 3 түрік жан ұясы болды. Біз олардың қайдан келгендерін білмейміз. Бірақ олар жағдайы, өте нашар тұрды. Өткені олар алғаш келгенде олар бізбен қарым-қатынаста болмады. Олардың тілдері бізге аздап ұқасағанымен. Бірақ үлкен кісілері тілді білмеді. Сонымен біз аулада балалар ойнайды олардың да балалары ойнады. Бірақ олар қайдан келді? Кім көшіріп әкелді біз оны білмедік. Біз оны білген жоқпыз.

Неге оларды жер аударды? Сіз жер аударылғандар «халық жауы» болып табылады деген тұжырымға сендіңіз бе?

Біз олардың түріктердің балалары екенін білдік, өткені әке-шешеміз айтып отыратын. Бірақ қашан келді? Қайдан келді? Жер аударылып келді деген әңгіме айтылмайтын. Біз онда баламыз. Мыналар қайдан келді деп сұраймайтынбыз. Бірақ олар түріктің балалары екенің білетін. Ойнайтынбыз, олармен араласып тұратынбыз. Бірақ кейін білдік олар түрік екенін. Месхетин екенін кейін білдік.

Қай ұлттың адамдары сіздің елді мекенге жер аударылды? Сіздер жер аударылғандарды қалай қарсы алдыңыз? Жер аударылғандар қайта тұрды?

Түріктен басқа болды. Бізде 2-3 грек семьясы болды. Ал Түрген деген бізден 3 км. ауылда ол жақта көбірек болды кәдімгідей 10-20 шақты семьясы болды. Сосын біздің ауылда біраз семья шешендер болды, біраз уақытқа дейін тұрды. Бірақ кейіннен 55-59 жылдары олар көшіп кетті. Бәрі көшіп кетті.

Олармен қарым-қатынастарыңыз қандай болды? Сіздерге деген олардың қарым-қатынасы қандай болды? Сіз жер аударылғандарға көмектестіңіздер ме? Немен және қалай? Жер аударылғандар қайда жұмыс істеді?

Олармен қарым-қатынасымыз айтып отырмын ғой. Басында үлкен кісілері біздің тілді білмей. Бірақ біздің әке-шешелеріміз көрші болған соң ауыз түйіс болады ғой. Араласып. Әңгімелесіп. Олар біздің сөзді түсінеді, бірақ сөйлесе алмады. Бірақ біздің әке-шешеміз олардың тілдері ұқсас болған соң түсінетін. Түркі тілдес халықтармыз ғой. Олардың балалары біздің тілді тез үйренді. Өткені балалары бізбен бірге қазақ мектепке барды. Тілді тез үйренді. Бізбен қазақша сөйлесіп жүрді.

Ауыл тұрғындары жер аударылғандарға қарым-қатынасы қандай болды?

Қарым-қатынасымыз жақсы болды олай айтатын себебім олар бізбен көрші тұратын 3 семья. Біздің аулаға кіріп бір нәрсеге алмайтын. Ол кезде есікті кілтемейтінбіз. Ол кезде аулада қазіргідей үлкен биік-биік коршалмайтын жоқ. Аула ашық жататын. Есікке де құлпы салынбайтын. Өздері жоқшылықта өмір сүрседе. Олар бір нәрсеге алмайтын. Керек

болса сұрап алатын. Бізге қарағанда тұрмыстары төмен болады. Олар көшіп келгенде ештежелері жоқ болды. Бірақ бастарын да үй болды. Кім берді білмеймін. Мүмкін оны колхоз берген шығар білмеймін. Себебі ол кездегі үйлер мынадай үлкен зәулім емес еді. Саманнан салынған 2-3 комнат үйде тұрдық. Сол кезде Шынар апай деген көршіміз болған әлі есімде. Түрік әйел. Бір баласы бар болатын. Баламыз ғой балалармен үйлеріне ойнап баратынбыз. Сонда кәдімгі темір пешке біздің шелпекке ұқсайтын нанды илеп. Жұқалап жәйіп соны темір пештің үстіне қақтап пісіріп жеп отыратын. Сонда үйге келген соң біз әке-шешемізге айтты біздеге солай нан пісіріп бер дейтін біз. Сонда әке-шешеміз айтатын балам оларда жоқ болған соң солай пісіріп отыр. Онда шешеміз табаға үлкен үлкен нан жабатын. Көршілерге апарып бер деп жіберетін. Соғым сойғанда ет беретін. Тұрмыстары төмен екенің байқаған әке-шешеміз оларға керек заттарын беретін. Олар басқа жақтан келді жағдайлары нашарлау деп айтатын. Біз олардың балаларымен араластық. Қарым-қатынасы жақсы болатын. Бізге еш жаманшылық істеген жоқ. Және олар өздері еңбекқор халық болатын.

Сіз жер аударылғандарға көмектестіңіздер ме? Немен және қалай? Жер аударылғандар қайда жұмыс істеді?

Көмектесті. Біздер жалғыс емес басқа көршілер де көмектесті. Олардың жағдайын көрді. Балалары кішкентай. Шамил деген ағай тұрды көрші тұрды 5-6 баласы болды және бірінен бірі кішкентай. Жағдайлары нашар. Ол кезде еш жерде жұмыс істемейді. Ауыл тұрғындары. Ол кезде соғыстан кейінгі жылдар. Ешкім бай тұрмайды. Бірақ малымыз бар. Огород себеміз, көкөніс өсіреміз, картоп, капуста, помидор бәрін өсіреміз. Алма ағашымыз бар. Киіммен көмектесеміз. Балаларға кішірек болып қалған киімдерді апарып береміз. Немесе қажетті заттарды сұрасақ береміз. Балалары жалаң аяқ жүретін. Бір күні әкем айтады, анау көрші Шамил соғымның теріні сұрады. Біздер сол жылы соғымға сиыр сойғанбіз. Сонда апа оны не істейді екен. Әкем енді оны не істейсін деп сұрамадым сұрады берейік. Сөйтсе оның терісінен балаларға аяқ киім тігеді екен. Аяқтарына ол кезде нәски деген жоқ, шұлғауылды орап киеді. Қыстың күні ғой. Олар бізбен сырғанақ тепкенде олар бізден озып кететін. Сонда мен әкеме келіп жылайтын көрінетінмін Азиз мені озып кетті. Маған да сондай шоқой тігіп берші деп. Сонда әкем маған байқұс баламау оларда аяқ киім жоқ болған соң олар аяқтарына шоқай киеді деп. Аяғын үсіп қалады. Солай аяқтарына шоқай киіп олар кейін мектепте жақсы оқып. Сол көршіміздің баласы Азиз мединститутқа түсіп. Фармацевцияны бітіріп қазір мына Қазақстан деген совхоз бар Еңбекші ауданында үлкен аптека ашып соның бастығы. Олар өте еңбекқор халық.

Жер аударылғандар қайда жұмыс істеді?

Бірге жұмыс істеді ол кезде колхоздың кезі. Сосын кейін совхозға айналды. Сол кезде шешеміз пенсияға 2-3 жыл қалғанда бізді ертіп барады әпкем екеумізді ертіп барады. Сол кезде көршіміз кемпірі үлкен кісі үйде қаладыда. Ал шалы бүткіл бала-шағасын ертіп барады біз не істейміз соны істейді: алма жинаймыз, картоп жинаймыз, көкөніс жинап көмектеседі. Бірге жұмыс істеді. Қазақтар оларды басқа ұлт екен деп, жер аударылған деп ешқашан бөлген емес. Жер аударылған деген екенді біз әбден кейін естідік, ер жекеннен кейін білдік.

Жер аударылғандармен қай тілде сөйлестіңіздер? Араласуда қиындықтар болды ма? Бір-біріңізбен қалай түсіністіңіздер? Жер аударылғандардың тілін түсіндіңіз бе? Олар қазақ тілінде сөйледі ме?

Айтып кеттім ғой жана. Ол алғаш біздің тілді ұқпады. Біз де тілді ұқпадық. Бірақ кейбір бізге ұқсас сөздерді біздің әке-шешеміз кейбір сөздері ұқсас болған соң олар түсінді. Сосын үлкен кісілерінен қарағанға. Тілді әсіресе жастары тез үйренді. Бізбен тек ғана қазақша сөйлесті. Қазіргі кейбір түріктер қазақтың мақалын айтып сөйлейді. Балаларын қазақ мектебіне берді, себебі біздің ауылда қазақ мектебі болды. Ал көрші ауылда орыс мектебі Түргенде болды. Көбісі қазақша оқыды. Ал грек балалары орысша оқыды Түргенде. Шешеннің балалары да қазақ мектебін оқыды.

Жер аударылғандардың арасында достарыңыз болды ма?

Болды, көршіміздің баласы Азиз менен бір класс жоғары оқыды. Сабақ жақсы оқыды. Мектепке бірге баратынбыз, қайтқанда да бірге қайтатынбыз, өткені мектеп алыс болатын. Біздің үй ауылдың бір басында ал мектеп ауылдың бір жағында шетінде. Бірге ойнаймыз, сабақты бірге оқымыз. Ол өте зерек болды. Айттым ғой, мединститутқа түсті. Сондай бізбен бірге. Тағы бір көршіміз болды ол жанағы грек. Оларда 4-5 бала болды, үлкендері жігіт ауылда жұмыс істеді. Ал екінші баласы менің ағам Қажымұқан деген соның досы. Үнемі бірге екеуі не біздің үйде ойнап жүреді сабақты да бірге оқиды не солардың үйлерде. Ол орысша оқыды, менің бауырым қазақша оқыды, бірақ соған қарамастан бірге дайындалатын. Бірақ тұра жақсы бауырмал еді. Әке-шешесі де өте жақсы адамдар еді. Кейін әке-шешесі қайтыс болды. Надя деген қарындасы менің әпкемен бір жылғы дос еді. Құрбы құрдас еді. Әлі күнге шейін араласып тұрады.

Жер аударылғандармен некеге тұру болды ма?

Жоқ, бізді ондай болмады. Бізде түрік қазақ қыздарын алапы біздер ондай болмады. Бірақ анау Түргенде болды. Бір гректің баласы қазақтың қызына үйленді деп естідік.

Сіздің елді мекеніңіздің өмірінде жер аударылғандар келгеннен кейін не өзгерді?

Әсер еткені былай. Айттым ғой, олар еңбекқор халық деп. Біз бір-екі сағат жұмыс істеп шаршап қаламыз да. Алма ағаштың көлеңкесінде отырағап дем алсақ. Олар демалмай жұмыс істей береді. Жанағы совхоздың жаңа құрылып жылы жердің бәріне көкөніс отырғызып тастаған. Пияз, картоп, помидор, соның шөбін қолымен отырып жұлатын. Ол кезде техниканың жетілмеген кезі еді. Тезерлеп отырып алып шөбін қолымен жұлатын. Өте еңбекқор. Кешкісін үйге келгенде әке-шешеміз көрдіңдер ме анау түріктің балалары дем алмай жұмыс істейді. Ол кезде шешемізге күнделікті норма беретін осынша сотық жерді шөптейсін деп. Сол нормасын орындасақ кете беретінбіз. Олар сол норманың 1,5-2 орындамайынша кеш батқанша кетпейтін. Әке-шешемізмен жұмыс істейтін. Сол кезде бізде түріктің балаларына еліктейтінбіз. Бізде олар сияқты еңбекқор болсақ қой деп. Олар өте төзімді халық еді барса да жоққа да. Шыдамды халық. Мүмкін сол төзімділігіне олардың елік теген шығар. Қарапайым қарым-қатынаста болды.

Осы кезеңде жергілікті халықтың өмір сүру деңгейі қандай еді? Жер аудару кезінде Сіз және Сіздің отбасыңыз қалай өмір сүрді? Қайда тұрдыңыздар? Қандай үйлерде? Киім-кешек, тамақ жеткілікті болды ма? Өз отбасыңызға тамақ жеткілікті болды ма?

Ол кезде соғыстан кейінгі жылдар. Халық өмір сүру деңгейі орташа болды. Әйтеуір бір жақсысы барлық халықта мал бар қой, сиыр. Мал өсірген халықтың азық-түлігі жеткілікті болды. Картоп өсіретін. Алма ағашы болды. Көкөніс өсіретін. Жеміс ағаштары болды. Онда бір керемет ақша болған жоқ. Жалақы дегенді білмейді. Жалақы жоқ. Менің әке-шешем Түргенге деген жерге үлкен базар болды. Сол жерге малын апарып сатып қой сатып, соғымға жылқы сатып. Сол сатқан ақшаға сабаққа киімдешек, мектепке керек заттарды алып беретін. Ол кезде керемет көп бай семья болған жоқ. Орташа бірақ еңбеке, оқуға деген жастардың ынтасы жоғары еді. Ол кездегі жастар оқысақ екен деп бір жоғары оқуға түсем деп. Онда мода киім қуалау деген жоқ. Бір керемет қымбат бұйымдар алсам деген ынта болған жоқ.

Ал жер аударылғандар мал ұстады ма?

Оларда мал ұстады. Олар алғашқы кезде ешкі ұстады. Сосын қой, тауық ұстады. Олар бізден көріп. Сосын біреу бұзау береді, қой береді. Соны асырады. Олар бір қыздарын ұзатты той жасады. Сол кезде әке-шешеміз ақылдасып бұларға не береміз бұл байқұстардың ешнәрсесі жоқ. Сол кезде біз қой мен қозысымен бердік. Бізден басқалары да берді. Қой, ешкі берді. Берді себебі балашағасын аяды. Оларда мал өсіре бастады. Ал тұрмыстары жақсы болып кетті. Машинаны бірінші болып алды. Себебі олар еңбекқор, өте еңбекқор. Жақсы үйлерді өздері салып алды. Жоғары орын орынға түсті.

Қандай үйлерде?

Орташа. Ол кезде бізде 2 бөлмелі саманы үй болды. Соны ақтап майлап түрді. Күтіп ұстады. Керемет мебель жоқ ол кезде. Халықтың жағдайы бірінікі бірдей болды.

Киім-кешек, тамақ жеткілікті болды ма? Өз отбасыңызға тамақ жеткілікті болды ма?

Тамақтан таршылық көрген жоқпыз. Айттым ғой, мал ұстадық. Біздің ауылда астық өспейді, бізде жеміс алама өседі соған ауыстырып. Бидайды әкеледі. Біздің ауылдың жоғарғы жағында үлкен диірмен болды. Көші ауылдағыларда келіп бидайын тартырып. Ол кезде әке-шешеміз қолдан нан пісіретін. Колхозда істегенде жалақы жоқ. Еңбек күнімен төлейтін. Еспетейді. 1955-56 совхоз болды жалақы алды. Онда әке-шешем пенсия алды.

БОЛАШАҚ ҰРПАҚҚА АЙТАРЫҢЫЗ.

Өз ұрпағыңызға не айтар едіңіз? Бүгінгі ұрпаққа ше? Болашақ ұрпаққа? Болашақ ұрпаққа қандай өсиет айтар едіңіз?

Қазіргі ұрпаққа айтарым қолмен істейтін жұмыс жоқ техника жасайды. Автоматика. Технологияның жетілген заман, автоматика. Бүгін бәріне білім қажет. Біздің кезімізде ол болған жоқ. Телевизор болған жоқ, радионың өзін біз мектеп бітіретін жылы естідік. Кәзір бәрі бар телевидения, радио. Радионың өзін аса ешкім көп тыңдамайды. Интернет дүниежүзінде қандай ақпарат бар соны алып отыр. Сондықтан бүгінгі ұрпақтарға айтарым қазір білім болса сен бүкіл дүниеде не болып жатыр соны білесін. Білім арқылы алдына қойған мақсатқа жетесін. Білім ұрпақтарға өте қажет. Қазіргі жастар өте бақытты қандай білім мамандық таңдай деседе өздері біледі. Қазіргі Болашақ бағдарламасы бойынша қаншама жастар шет елге барам деседе оқиды. Мен өзім КАЗПИ-ді бітірген кезде ондайды біз білмек түгел естіген жоқпыз. Шет елге оқу бізге орындалмас арман болып көрінеді. Елбасымыздың жолдауы бойынша қаншама жастар шет елде білім алып жатыр, соған жастар тырысу керек. Жақсы маман болуы қажет. Қазір жаһандыру процесі жүріп жатыр оны иегеру тиіс. Бұдана да жақсы жетістіктерге жету қажет.

ПЕРЕВОД

Когда в ваше селение приехали люди другой национальности, сколько лет вам было тогда? Вас предупреждали, что к вам приедут люди других национальностей? Как вы узнали про них?

Я родилась в селе Каракемер, Енбекшинском районе, Алматинской области. Мне тогда было 5-6 лет. С нами по соседству жили три турецкие семьи. Мы не знаем, откуда они приехали. Они жили очень бедно. Так как приехав сюда, они с нами сразу не общались. Их язык немного похож на наш... взрослые не знали нашего языка. Дети играют во дворе и их дети тоже играли во дворе. Откуда они приехали? Кто их сюда переселил, мы этого не знали. Мы ничего не знали.

Почему их депортировали? Вы верили в то, что их называли «врагами народа»?

Мы знали, что они дети турков, так как об этом говорили наши родители. Но когда приехали? Нам не говорили, что их переселили. Мы были детьми. Всегда спрашивали, откуда они приехали. Знали, что они дети турков. Мы играли вместе с ними. Позже узнали, что они турки. То, что они месхетинцы, тоже узнали позже.

Люди какой нации к вам были переселены? Как вы приняли депортированных? Где жили депортированные?

Кроме турков были еще 2-3 греческих семьи. В селе Тургень, в трех километрах от нас, там было больше, где-то семей 10-20. Еще у нас были чеченские семьи. Они переехали где-то в 59-м году. Все переехали.

Какие были у вас взаимоотношения? Как они относились к вам? Вы помогали депортированным? Чем и как? Где работали депортированные?

Взаимоотношения с ними, я же рассказываю вам... в начале взрослые не знали нашего языка. Так как наши родители были соседями, они нашли общий язык с ними. Общались. Они нас понимали, но не разговаривали. Наши языки были схожи, поэтому родители понимали их. Их дети быстро научились нашему языку, потому что дети ходили вместе с нами в казахскую школу. Быстро научившись языку, они разговаривали с нами на казахском.

Как относились жители аула к депортированным?

Взаимоотношения были хорошими, так как они жили с нами по соседству. Никогда ничего не брали с нашего двора. В то время двери не запирали. В то время как сейчас не было больших ограждений. На дверь не вешали замков. Хотя и жили они в бедноте, они ничего не забирали. Если что-то нужно, то спрашивали. В отличие от нас жили они бедно. Когда они переехали, у них ничего не было. Дом был у них, а кто дал не знаю. Может, колхоз выдал дом, не знаю. Дома тогда не были такими большими. Жили в 2-3-комнатном саманном доме. Была у нас соседка Шынар апа, до сих пор помню. Женщина турчанка. Был у нее сын. Детьми же были, вот и ходили к ним домой. На обыкновенной железной печи делали хлеб, как наши лепешки. Тонко раскатывали и пекли на печи. Мы приходили домой и просили, чтобы нам родители спекли лепешки. Тогда нам родители говорили, от того что у них нет, поэтому они делают такие лепешки. Мама месила тесто в большой чашке, потом давали хлеб соседям. Когда резали согым, давали мясо. Родители знали, что они живут бедно, помогали им вещами первой необходимости. Они говорили, что они приехали издали и помогали им. Мы общались с их детьми. Взаимоотношения были хорошими. Мы не делали ничего плохого. Они были трудолюбивым народом.

Вы помогали депортированным? Чем и как? Где работали депортированные?

Помогали. Не только мы, но и другие соседи. Был сосед Шамиль, у него было 5-6 детей, маленькие. Тяжело жилось им. В то время он нигде не работал. Это было послевоенное время. Богатых не было, но скотина была. Сажали огород, картофель, капусту, все овощи сажали. Была даже яблоня. Помогали одеждой. Детям носили вещи, которые стали нам малы. Или давали вещи первой необходимости. Дети ходили босиком. Однажды отец сказал, приходил сосед Шамиль и спросил шкуру согыма. В тот год на согым мы зарезали корову. Мама поинтересовалась, для чего. Отец молча отдал. Оказывается, с этой шкуры, так как корова большая, сшили обувь для детей. На ногах в то время не было носков, поэтому шкурой коровы обматывали ноги. Сами они приехали к осени. Потом когда выходили на улицу, эти дети катались. Когда они нас обгоняли, я плакала и говорила отцу: сделай мне такую же обувь. «Бедный мой ребенок, так как им нечего одевать, поэтому они и одевают такую обувь, чтобы не отморозить свои ноги». Учились они хорошо в школе. Сын соседа потом поступил в мединститут. Отучился на фармацевта, открыл аптеку в селе Казахстан, Енбекшинском районе. Они очень трудолюбивы.

Где работали депортированные?

В то время все работали в колхозе. Потом стал совхозом. Когда маме оставалось до пенсии 2-3 года, она нас с сестрой водила туда. Все вместе работали, казахи их не делили и не говорили, что они другой национальности. То, что они депортированные, мы узнали позже.

На каком языке разговаривали с депортированными? Были ли проблемы в общении? Как понимали друг друга? Понимали язык депортированных? Они говорили на казахском языке?

Я уже вам это рассказывала. В начале они не понимали нашего языка. Потом, так как некоторые слова были схожи с нашими, мы начали понимать друг друга. Глядя на взрослых, молодежь быстро научилась языку. С нами разговаривали только на казахском языке. Сейчас некоторые турки говорят казахскими пословицами. Детей отдавали в казахскую школу, потому что у нас только казахская школа была. В соседнем селе Тургенъ

была русскоязычная школа. Многие учились на казахском. Дети греков учились в Тургене на русском языке. Дети чеченов учились в казахской школе.

У вас были друзья среди депортированных?

Был, соседский сын, который на класс старше меня учился. Учился хорошо. В школу ходили, со школы ходили вместе, потому что школа была очень далеко. Наш дом был в одном конце, школа в другом конце села. Вместе играем, вместе учим уроки. Он был очень внимательным. Он поступил в мединститут. Еще вместе с нами еще один был. Еще один сосед был, он грек. У них было четверо детей, старшие учились, работали в колхозе. Второй сын, друг моего брата Кажымукана. Они то у нас дома, то у них дома играли, учили уроки. Он учился на русском, мой брат на казахском, но готовились они вместе. Родители у них были очень хорошие. Чуть позже у них родители умерли. Сестренка Надя была подружкой моей сестры. Ровесницы, они до сих пор общаются.

Создавать семью с депортированными разрешалось?

Нет, у нас такого не было. Турки не могли жениться на казахках. В Тургене было такое. Слышали, что грек женился на казахке.

Что изменилось в вашем селении после приезда депортированных?

Они были трудолюбивыми. Мы 1-2 часа поработаем, устаем. Сидим в тени яблони. Они не отдыхали, работали. При создании нового совхоза, они посадили овощи. Вырывали сорняки картофеля, лука, помидора руками. В то время не было техники. Вечером придя с работы, родители всегда говорили, как работают дети турков. Нам мама давала определенную норму, сколько соток земли мы должны были обработать. Выполнив ту норму, мы могли идти. Они пока не выполнят свою норму, не уходили домой до вечера. Они работали вместе с родителями. Дети турков были для нас примером. Мы хотели быть тоже как и они трудолюбивыми. Они терпеливый народ.

Какова жизнь депортированных? Как жили Вы и Ваша семья во время депортации? В каких домах? Хватало ли вам одежды, еды?

Это были послевоенные годы. Уровень жизни населения был средним. Главное, что у всех была скотина. У кого была скотина, у тех продуктов было достаточно. Те, кто сажал картофель. Те, кто сажал яблони. Те, кто сажал овощи. Тогда не было денег. В Тургене был большой базар. Мои родители ездили туда, продавали скот на согым и покупали школьные принадлежности. В то время не было богатых семей. Все жили средне, но желание к учебе было высоким. Молодежь мечтала отучиться. Тогда не было погони за модой. Не было такого, чтобы кто-то гнался за драгоценностями.

Депортированные держали скотину?

Они держали скотину. Сначала они держали коз. Потом у них были овцы и курицы. Этому они у нас научились. Они выдавали свою дочь замуж. Родители не знали, что им подарить, ведь у них ничего не было. Тогда мы подарили им козу с ягненком. Другие тоже подарили, потому что всем было жалко детей. Так же они начали заниматься скотоводством. Купили машину. Они очень трудолюбивы, построили хороший дом, поступили в высшие учебные заведения.

В каких домах жили?

Средние. Были двухкомнатные саманные дома. Белили, красили этот дом. Хорошо смотрели за домом и жили там. Шикарной мебели не было тогда. Уровень жизни у всех был одинаков.

Нуждались в одежде, в еде?

В еде сильной нужды не было. Говорила же, скотину держали. У нас в ауле не было пшеницы, у нас были овощи и фрукты, мы меняли. Привозят пшеницу. В нашем ауле была мельница. С соседних аулов приезжали к нам молотить пшеницу. Тогда родители пекли хлеб сами. В колхозе не было заработной платы, были трудодни. Так и считали. В 1955-1956 гг. когда уже стали совхозом, начали зарплату выдавать. Родители пенсию начали получать.

Что вы пожелаете будущему поколению? Своим потомкам что пожелаете? Сегодняшнему поколению что желаете? Будущему поколению? Какой дадите совет будущему поколению?

Нынешнее поколение не работает своими руками, за них работает техника. Автоматика. Век технологии. Сегодня все нуждаются в образовании. В наше время такого не было. Телевизора не было, радио впервые услышали, когда заканчивали школу. Сейчас все показывают по телевизору. Радио много не слушают. Все что происходит в мире, можно посмотреть в интернете. Нынешнему поколению хочу сказать, если есть образование, то ты знаешь, что происходит в мире. Благодаря образованию ты достигнешь поставленных целей. Образование очень нужно новому поколению. Нынешняя молодежь счастлива, сами могут выбирать будущую профессию. По программе Болашак многие учатся за рубежом. Я окончила КАЗПИ, там таких знаний не давали. Учиться за границей было для нас мечтой. По посланию главы государства сколько молодежи учится за рубежом, они должны стремиться к этому. Должны быть хорошими специалистами. Сейчас идет процесс глобализации. Должны добиться лучшего.

.....
Химич Зоя Федоровна, русская. Проживает в Акмолинской области, село Спасское.

Зоя Федоровна, скажите, пожалуйста, сколько вам было лет, когда в ваш населенный пункт прибыли депортированные?

Сколько? 18 было.

Вам говорили, что в ваше село придут представители других национальностей?

Нет, просто привезли, и их разгрузили.

Знали вы о том, кто эти люди? Почему их выслали?

Нет, этого я не знала. Приехали, приехали.

Вы не знали, что это депортированные, что они других национальностей?

Нет, нет, нет. Нашу бригаду сразу в степь привезли. Там на ... он там работал. И они, мы вместе работали, было как-то хорошо, как-то хорошо, они первые были, во, люди!

Люди каких национальностей были депортированы в ваше село, как вы встретили депортированных, и где жили депортированные? Расскажите про это.

Жили они бедные, ямы рыли в земле. Рыли хатку, накрывали, вот так окошечки прям на земле были. Сделали так койку, столик там, постельку положат, а потом стали строить с земли, с пластов, из саманов, помаленьку, помаленьку они вот так вот выживали трудно. Мы трудно, но дружно. Вот очень дружно.

Какие были у вас с ними отношения?

Хорошие, хорошие были, ничего не скажешь. Нет, нет.

Как относились к переселенцам жители села?

Хорошо. Вот пышку спечет, русская, или чеченка, все разломается на кусочки детям, на, стоят же смотрят, много детей, всем надо дать по кусочку.

Были ли проблемы совместного проживания с депортированными народами?

Нет.

Не было, да? А как они к вам относились?

Хорошо относились. Я же тебе говорю, что каждый кусочек хлеба был разломанный и детям даны. Вот так начиналось. Вот так.

Помогали ли вы депортированным, и если помогали, то чем именно?

Помогали, у нас была баня, мы им дали на жилье, у соседей баня, они дали на жилье. У кого баня была, и они заселялись.

А где работали депортированные?

Где мы, там и они. Работы было много. Быки, лошади, все на быках, на лошадях было.

На каком языке вы общались с депортированными?

Они?

Да.

На русском и на своем.

А проблемы с общением были у вас?

Ну, сначала были, вот так мы сначала плохо понимали, а потом привыкли.

Говорили ли депортированные на казахском языке?

Кто?

Депортированные. Были ли среди депортированных людей, которые говорили на казахском языке?

Не. Казахо́в мало было. У нас только Джимальда и Маулюш были (*смеется*).

Были ли у вас друзья среди депортированных?

Как?

Были ли у вас друзья среди депортированных?

Были. И в школе были и на работе в поле были. Были. Девчонки же были и пацаны были.

А браки возникали с депортированными?

Нет.

Не было браков, да?

Нет. Нет, народ мирный был, как они приехали.

Что-нибудь изменилось в жизни вашего населенного пункта после переселения депортированных?

Нет.

Все осталось, как есть.

Угу.

Так. А как жило местное население в период депортации? Т.е. как вы жили?

Мы жили? Мы, не дай Бог, как мы жили. Голодные, холодные. Вот в чем. В одном платишке, рваные, тогда не пошито, в школу ходили. Голова стриженная, чтобы ничего не заводилось. Вот керосином даже вымажут, постригут, помогут керосином, чтобы не заводилось, а так мы жили босиком.

А где вы сами жили?

Здесь.

Т.е. у вас был дом?

Дом, да.

Расскажите.

Дома не были, без крыши, хатки были. Домов не было.

Тогда расскажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих условиях, и как вам удалось сохранить свою жизнь?

Как. Мы день работаем, на вот такой, вот так дают муки. Вода закипит, ту муку туда и вот так расколоть, и вот такое редкое. И мы попьем, на том и выживаем, на травке жили, траву кушали, очень много травы кушали. Очень много. Потому что она тогда была не это,

ну, как сказать, чистое все же, да же? Атмосфера чистая, трава чистая была. И мы травой питались. Овсяг, овсяг, ты знаешь кто такой?

Да.

Колючий такой, черный растет, вот так шморгали и лепешки пекли. А его нельзя проглатывать, он колючий. Вот мы кушали.

А у вас супруг был комендантом, да?

Был.

А как у него сложились отношения тогда с депортированными?

Хорошие были.

Какие у него были функциональные обязанности?

...

Ну, вот это чеченцы не расписывались, и немцы. А сейчас и русские расписываются же?

Да.

И все, проблем не было никаких. У него было 5 сел. Везде был порядок, тишина. Лейтенантом был, там.

Какие у него были функциональные обязанности? Что он делал, проверял их.

Да, проверял.

Проверял как?

Что расписка.

Чтобы расписка была каждый месяц?

Каждый месяц он их в общем проверял, и все. Без проблем. Поедет в то село, в то село, в то село. Проверить. А они как месяц, бегут на расписку точно число в число.

А конфликтные ситуации у него возникали с депортированными?

Нет. Никогда не было. Все было мирно.

Да.

Да.

Ну, и в заключении, тогда, что бы вы могли пожелать будущему поколению, своим потомкам?

Ой, детка ты моя. Всего, всего хорошего! Здоровьечка им и благополучия. И чтобы мир был на земле. Мы живем, пока наш Назарбаев живет, Нурсултан Абишевич, и мы живем, и будем жить.

Да.

Поняла? Все.

Ой, и пухли даже. Вот привезли вот этих, ой, нация какая? Евреев. Они кудрявенькие, красивенькие, а голод страшный. Они на завалинках сидят вот так вот, и умирали. Их тащат люди, быстро, просто ямку выроют, туда положат и закопают. Страшно было. Вот так было еще. Такие как мы девчонки нас на голодном, так мы хоть мать, а их, кто накормит? Чем, где что достать? То, что только попьют, и то кипяточек со своей мукой, и все. Вот так мы выживали. Пухли, пухли, а потом, это, опухнут, потом прям на завалинке, и все. А учительница нас повела на экскурсию, а там свиней выпустили, они разрыли и едят человека. Мы оттуда бегом. Потому что мелко закопанные. Выживали, страшно. Но быстро евреи уехали, а чеченцы так там и остались там. Живут и жили. Выживали тоже, так же как и мы. Дай Бог, дай Бог!

■ ИНТЕРВЬЮ С УЧЕНЫМИ

Полетаев Дмитрий Вячеславович – руководитель Проекта, научный директор консультант – аналитик Проекта, Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии наук, член Редакционного Совета журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика», кандидат экономических наук (Россия).

Проект, из которого, в общем, и получился этот фильм с самого начала затевался как проект, в котором главная роль отводится словам тех людей, которые попали под депортации. Сам проект в жанре устной истории, которая сейчас очень популярна и справедливо популярна в Западных странах, но, к сожалению, в России, в Казахстане, вообще, на всем пространстве СНГ оно не заняло еще своего подобающего места. Символичным с одной стороны, мы можем говорить о символичности того, что в проект вовлечены 12 стран. По ходу самого проекта присоединилась еще Турция, с одной стороны это показывает, насколько велики были масштабы этой беды. С другой стороны мы видим, что во всех странах теперь разъехавшиеся некогда депортированные в Казахстан, присутствуют и это собственно тоже объединяет все эти страны, кроме всего прочего проект был задуман, как предостережение тем, кто вырос в те времена, когда уже не существовало СССР. Этот фильм, этот проект адресован тем, кто не видел, какой страшной может быть власть, которая никем не контролируется и делает ужасные вещи, которые меняют судьбы целых народов, даже не отдельных людей и собственно проект про это тоже. Кроме всего прочего, проект – это база данных этих интервью для историков, для тех, кто будет после нас исследовать депортации для тех, кто после нас будет писать об этом. И в этом смысле те интервью, которые будут взяты, которые будут записаны на аудио и на видео, т.е. оставят архивы, хранящиеся не только в Казахстане, но и в России, и в самых главных библиотеках мира, куда мы разошлем эту базу, будет представлять из себя очень удобные источники для тех, кто будет когда-нибудь писать по этой теме. В свете того, что в Казахстане сейчас открывается новый музей, посвященный этим трагическим событиям. В свете того, что мы делаем этот фильм и вся конференция, на которой фильм этот анонсирован будет, проходит после празднования 65-летия Победы. Можно сказать, что, к сожалению, несмотря на большое количество пафосных слов и заявлений политических лидеров наших стран, мы еще очень мало знаем о нашей истории, очень мало знаем о трагических ее сюжетах и в этом смысле, мне кажется, что наш проект поможет лучше узнать нам нашу историю, нашу общую историю, общую историю Казахстана, России, Узбекистана, общую историю тех народов, которые живут в разных государствах.

Полян Павел Маркович – научный консультант Проекта, Профессор Института географии РАН, доктор географических наук, специалист по депортации (Россия).

Депортация, принудительная миграция – это одна из любимых игрушек диктатора, как я назвал это однажды в одной статье, одна из самых распространенных в Российской и Советской репрессивной практике мер наказания репрессивной политики. Она не самая жесткая из того, что могло бы быть. Мы знаем и расстрельные сюжеты, и многие

другие, да и собственно, ГУЛАГ – вещь гораздо более жесткая, нежели депортация, нежели принудительная миграция, не самая мягкая. Принципиальными отличиями депортации, выделяющимся из других видов репрессий, в том числе необязательно со смертельным исходом. Так вот что они не индивидуальны, они контингенты. Человека выселяют, человека депортируют не потому что он Иван Петрович Иванов сделал то и то, а потому что он Иван Петрович Иванов относится к тому или иному контингенту, потому что кулак или потому что казак, или потому что он чеченец, или потому что он кореец, или потому что он свидетель Иегова. Ну, вот, к какому-то контингенту он относится. Этот контингент репрессируется, и он попадает вместе со всеми другими представителями этого контингента под эту репрессию – это первый ее момент отличающий. Соответственно, репрессии эти осуществляются по административному принципу. Никаких судебных решений об этом. Как правило, есть исключение, конечно, не бывает. Это не только индивидуально, но и не судебно, т.е. это репрессия административного уровня, а не такая, чтобы она была легитимирована судом или хотя бы корректурами на суд, которыми тоже славна историей советских репрессий в виде особого совещания тройки и т.д., всего этого нет. Это принималось тем или иным органом. Органы могли быть разные, достаточно высокими могли быть, высокого уровня, но могли бы быть низкими во время военных действий, например, решение о депортации могли принять военные советы фронтов, а так, как правило, это с подачей НКВД, которое готовило соответствующие указы из соображения аргументаций, или партийные органы, или, в любом случае, партийные органы, потом еще это подтверждалось, легитимировалось органами, государственными советами принимали решение о депортации того ли иного контингента. И если посчитать все на круг, то внутрисоюзная депортация насчитывает где-то порядка 6 млн. человек, ну, чуть-чуть меньше 5 млн. 870 тысяч, это, конечно, оценка, полученная на основании отнюдь неокончательных. Да, 6 млн. примерно человек. Никакой сокральности в этом нет, это результат арифметических подсчетов. Эта цифра должна быть уточнена. Я получил ее на основании суммирования тех количественных параметров, которые известны. А известны они далеко не по всем депортационным компаниям.

Сама депортации, тема, которая была долгие годы, какие годы, десятилетия табуализировано в Советском Союзе, поэтому лидерство зарубежных коллег было очевидным, не было конкуренции на советской земле, а те, кто пытался что-то сделать на советской земле, был вынужден сам, избегая худших репрессий, быть, так сказать, перемещенным в пространстве. Если говорить об Александре Некриче, то он писал в Советском Союзе, была издана на казне народа, была издана и по-английски и по-русски уже тогда, когда он оказался в Америке. Ему предшествовала Конкреста, ну, и несколько других публикаций западных ученых, тоже не очень уж такие многочисленные. Интересно что среди свидетельств о депортации, на которую опирались западные коллеги того времени 50-60 гг. Архив практически недоступный, они прибегали ко всевозможным косвенным свидетельствам, здесь тоже Казахстан сыграл свою роль. Австрийские, там, немецкие военнопленные, которые были размещены в Казахстане рассказывали о том, что там, где они работали, там было много чеченцев, там было много немцев и т.д. Т.е. какие-то такие просачивавшиеся сведения тоже были учтены, но прежде всего комплексным, пожалуй, первопроходцем. Когда случилась перестройка, когда архивы основательно приоткрылись, еще не закрылись, скажем, так на карантин. Когда документы стали доступными, случилось вот что, случилось что как бы пошел поток публикаций документов почти не пережеванных, откомментированных, даже текстологических, историографических, орфографических, как правило, очень немногими исключениями плохо подготовленных пошел поток сырой информации. Сотнями, если не тысячами, публиковались документы, выходили сборники, статьи, книги. Николай Федорович Бугай очень многое сделал для того, чтобы обнародовать много документов, пожалуй, его заслуги самые большие, В. Земсков. Повторяю, как бы сказать, степень научной проработки этого сырого материала была не всегда на высоком уровне, поэтому, когда я продолжил свои занятия, принудительными миграциями, я пришел к ним именно

как географ, занимающийся именно миграциями. Понял, что в Советском Союзе без этого элемента изучить и понять миграции, и их влияние на географию населения, на расселение, просто невозможно. Я тогда еще не знал, что около 6 млн. Я понимал, что это большие цифры. Это очень большие перемещения больших масс людей в пространстве, т.е. это мой географический пример. Так вот, я решил разобраться с тем, что было опубликовано, собственно, попытка систематизировать, разобраться и уловить какую-то географическую структуру того, что происходило, что мы называем депортацией. Надо сказать, была вот эта моя монография «Не по своей воле» в 2001 году, кажется, она вышла. Вот, в издательстве АГИ. Евгений Пермяков ее выпускал. Потом она была в издательстве Центрального Европейского университета выпущена по-английски. Это была попытка о смысле то, что уже было опубликовано другими людьми в разных очень многочисленных публикациях. Мой собственный архивный поиск тоже присутствует, но он, довольно, скромный и силы занимает какие-то там 5% того эмпирического материала, на который я опирался. Вот, попыткой осмыслить его, и явилась эта книга. Мне, кажется, удалось какие-то вещи классифицировать, систематизировать, понять какую-то логику, географическую логику репрессий. Когда, например, пошла зачистка, она пошла по периметру страны. Она началась с Северо-Западного сегмента Советской границы, потом спустилась на западный сегмент. Потом она и так, так, шла в Южный, Восточный. Вот была какая-то определенная, так сказать, оказалось, в этом была определенная последовательность и логика. Когда граница изменилась, мы ониксировали, т.е. я опять говорю мы. Советский Союз аннексировал часть Польши, часть Румынии. Граница изменилась. Надо было снова защищать границы для того, чтобы снова зачистили и снова по тем сегментам, прежде всего, по Западному, где это было необходимо. Вот, поэтому определенная политическая логика просматривалась географический элемент. Это все можно было сделать только после того, когда ты систематизировал этот материал, но на этом не хотелось поставить точку. Здесь, как раз, в этой книжке учтены многие, не все, но многие иностранные, как бы сказать, международные депортации, которые не замыкались границами Советского Союза, а также была попытка понять, что происходило с этими людьми после того, как им разрешили или не разрешили репатрироваться. Что произошло с их территориальной реабилитацией, или в какой степени она была осуществлена, какие проблемы из-за этого возникли. Стала понятнее логика, скажем, ингушко-осетинского конфликта и некоторых других. Вот. Все это как-то оказалось охвачено в этой книге, но захотелось привести в порядок и эмпирическую базу. Результатом этой попытки явилась вот эта книжка, выпущена в замечательном Яковлевском фонде серии демократии и издательством Материк выпущена, серия называется «Россия XX век» «Сталинские депортации 28-53 гг». Это неправильно называть их сталинскими. Дело не в том, что Сталин, а это были этнические депортации, это более корректное название, но, во всяком случае, от этого не менялась суть. Здесь подобраны по этим самым, основаниям, делениям депортационные компании и депортационные компании и депортационные операции, нормативные акты, отчеты и самые разные документы самых разных источников, которые документируют те или иные операции последовательно друг за другом, в этом смысле этот сборник документов, наверное, довольно-таки, представляется не очень полезным. Я знаю, как много им пользуются коллеги. Здесь все это как-то не только систематизировано, но и критически преподнесено, некоторые тексты перепроверены, можно сказать, внесены какие-то коррективы, несколько важных предложений, в том числе эти самые операции, в том числе какие-то документы, которые в данном случае предмет для комиссии по фальсификации, пропагандистские немецкие приказы, имитирующие советские приказы по поводу депортации, которые определенную пропагандистскую роль должны были сыграть и т.д. Все это здесь достаточно полно и собрано и приведено. Это основные, как бы сказать, мои публикации, там десятки каких-то статей, так или иначе связанные с этими книгами. Наверное, уже пришла пора, как бы сказать, учесть ту эмпирику, которая была опубликована в научные обороты за время, прошедшее после выхода этих книг за

2000-ые гг. Прошло 10 лет, довольно-таки, много нового, появились, наверное, цифры и таблицы должны быть пересмотрены и т.д., и т.п.

А это книга?

Я показал. Это английский перевод русской книги. Он вышел в Будапеште на несколько лет позже. Эта книга в издательстве Центрального Европейского университета.

Еще, Павел, пару слов про потоки, т.е. вы говорили, в принципе, вы уже все сказали, но будет важно, потому что для фильма. Потому что мы будем разных людей включать. С чего началось, если это можно, то про Казахстан. Если можно, нет, то, как бы, в общем.

Да, хорошо. Казахстанский сегмент депортационный, с точки зрения его географии, то мы увидим, что потоки людей депортационной операции затрагивали очень большие, очень большое количество в самые различные регионов Советского Союза. Это и западные границы, когда шла зачистка территории. Это и Кавказ, например, во время раскулачивания как раз Кавказ предполагался быть такой базой для... Точнее, Казахстан предполагался быть базой, куда депортировали раскулаченных северо-кавказцев. Довольно, такие существенные внутриказахстанские или центрально-азиатские перемещения и из Узбекистана в Казахстан депортировали людей. Кстати, из Южного Кавказа целый ряд депортационных операций был сориентирован на Казахстан. Ну, а если мы возьмем, например, корейцев, то это Дальний Восток. Т.е. мы видим, что в Казахстане сходились, перекрещивались линии депортационных операций практически со всей страны. Можно проследить за разные периоды, какие регионы, какие макрорегионы доминировали, но сказать, что какая-то часть территории российской, вернее Советской была совсем обойдена казахстанскими приемными возможностями, было бы неправильно, т.е. Казахстан в данном случае, наверное, один из самых ключевых регионов и связано это со всей страной.

.....
Ширин Акинер – научный сотрудник Форума по исследованиям Центральной Азии Кембриджского университета, лектор Лондонской Школы восточных и африканских исследований (SOAS), эксперт по Центральной Азии и Каспийскому региону (Лондон, Великобритания).

Вы сказали, что у Вас был проект по депортации.

Когда я изучала вопрос о депортациях в Казахстане, я начала более шире рассматривать этот вопрос. К своему удивлению, я увидела, обнаружила для себя, что это не только в России, но даже в Британской империи были такие депортации. В частности, Чакосяны, это такой остров в Индийском океане. Там есть остров ..., и американцы хотели во время холодной войны строить военную базу. Буквально, за один день, депортировали все население совершенно в другие места, их оставили, а потом у них ничего не было. Они очень страдали, умирали, начали пить, работы не было, ужасные условия. И сейчас я не помню, в каком году это было, я могу вам послать статью, где все это написано, сейчас я не помню точно, поэтому я боюсь вам сказать, когда это было. Но, по-моему, это было 50 лет назад, примерно. И для меня было интересно, они употребляли те же слова, как крымские татары применяли, когда они описывали депортацию и их воспоминания о депортации, о Родине, это очень интересно, это даже не как мантра, и не риторика, это как что-то глубже, что люди, они повторяют те же воспоминания. Это для меня было очень интересно, а потом вот эти Чакосяны, они называют остров Чагос, они начали судиться с Британским правительством, и был суд, судьи Великобритании, и их оправдали, им дали право возвращаться, но правительство не дало до сих пор. До сих пор они в изгнании. Теперь они хотят обращаться к Европейскому суду, с просьбой, чтобы им не только дали право возвращаться, но и чтобы они действительно имели возможность возвращаться. Это пока запрещено для них.

Откуда и куда их депортировали?

На Сейшелы и другие острова, но это тысячи километров, откуда их депортировали.

С острова их депортировали на другие острова.

Да. И они не пристроились, они до сих пор мечтают о возвращении.

До сих пор?

Да, они борются за это, как крымские татары в свое время. Это очень напоминает, как крымские татары начали бороться, за право возвращаться. Это очень напоминает то, что происходит с ними теперь. Очень интересно. Это не только этот пример, если мы возьмем Австралию, австралийское правительство то же депортировало аборигенов, там богатые месторождения минеральных ресурсов, и когда они хотели добывать их, то аборигенов просто депортировали. И опять те же слова, те же воспоминания, «Родина очень красивая, это наша Родина». Они еще говорят: «Наше кладбище там, наши предки». Теперь они тоже поднимают этот вопрос, и премьер-министр Австралии публично в парламенте извинился перед аборигенами, но они так и не вернулись к своим землям, потому что там есть раскопки, промышленность, идет добыча. Невозможно возвращаться. То, что я хочу сказать, я не хочу оправдать, что было сделано в Советском Союзе, но великие державы часто ведут себя таким образом, если они считают, что это какие-то ничтожные малочисленные, не очень развитые народы, они с высоты смотрят на эти народы, они думают: «Зачем их депортировать они все равно здесь ничего не делают». А это великодержавный менталитет. Не только Советский Союз, я вам процитировала только два примера. Потому что я сама изучала эти примеры. Но, наверное, есть и другие, я не искала. Но Вы бы не подумали, что в Британской империи были такие случаи, Вы не подумали бы, что в Австралии буквально недавно, в этом году, что премьер-министр извинился перед депортированными аборигенами. Это живая рана для них, они чувствуют как будто это «рука» или «нога» «были оторваны». Они переживают за это. Они борются за право возвращения. Для меня это было совершенно неожиданно, что у нас тоже были такие случаи, я думаю, что мы должны все это учитывать, когда мы изучаем этот вопрос, что это не только одна сторона, один период в истории, нет это мышление великой державы, вот на это надо обратить внимание.

А то, что в Казахстане Вы исследовали, что по этому поводу писали, когда сравнивали вот этот Британский пример Вы взяли, Австралийский, Казахстанский тоже ведь, сталинские депортации Вы же тоже брали. Что, на Ваш взгляд, это из себя представляет?

Казахстан – это особый пример. Потому что там есть исторический опыт депортации. Это было в царские времена, а потом было несколько волн депортаций, но если мы посмотрим на 40-е годы, тогда то, что мы видим это, когда есть военные причины, это всегда имеет какой-то приоритет. И правительство в Советском Союзе или других странах они считают, что это военная причина это главное всего. И они быстро «закрывают глаза» на то, что есть гражданские права у людей, или они просто не думают об этом. Но военные причины правительство считает, что это очень убедительные. А потом есть криминальное поведение, если считают что, есть например, у цыган в Европе, везде говорят, что нельзя обращаться к цыганам таким образом, как будто они все преступники. Но, в самом деле, люди так и считают, что это преступники. Опять надо смотреть причины не то что не хочу это легитимизировать, но я хочу сказать, почему они приняли такое решение, предприняли эти шаги, однозначно – это плохое решение. Не надо было этого делать. Но надо понимать, почему они это делали, это очень важно понимать. Они не просто вдруг, вот проснулись и думали, «а будем вот депортировать такой-то народ», были какие-то причины, на их взгляд причины. И мы должны это все учитывать, не то что простить, но понимать вот этот процесс, если мы хотим избегать такие ошибки в дальнейшем, надо понимать, почему это все произошло, это не только вот тогда уникальный случай, нет, это образ поведения и надо это изучать, чтобы потом мы лучше поняли этот процесс.

Спасибо Вам большое!

.....
Ким Дог Чжун – профессор, Университет Кёнги (Сеул, Южная Корея)

Исследования в Корею о Сталинской эпохе 1937 года... Я искал в библиотеках документы, статьи и другую официальную информацию по этой теме. Я обнаружил, что в Корею не было проведено достойного исследования по этому вопросу. Это то, что я пытаюсь делать сейчас. Второе исследование было о том, почему это случилось и как люди, живущие в Казахстане в тот период вермени, помогли корейцам, прибывающим с Дальнего Востока в Алматы, обосноваться и устроиться в Казахстане. Я хотел подчеркнуть, что мы благодарны тем казахам, которые помогли нам 73 года назад. Они помогли нам обосноваться в Казахстане. Я могу сказать, что это было началом наших взаимоотношений. Мы установили наши дипломатические отношения в 1992 году, но наши человеческие контакты начались намного раньше, за 55 лет до этого. Это означает, что у нас очень долгая история дружбы. Также Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подчеркнул 21 апреля 2010 года, что они очень хорошо помнят, как впервые корейцы приехали с Дальнего Востока в Казахстан и люди в Казахстане помогли им обосноваться в Казахстане. Я им очень благодарен и очень хочу, чтобы у нас был шанс в будущем отплатить тем же. Поэтому мы уже друзья и большое Вам спасибо! Это я хотел бы особенно подчеркнуть. Я благодарен Президенту Назарбаеву за то, что он поднял вопрос о том, что история дружбы наших народов составляет более, чем 18 лет. Мы являемся друзьями намного дольше. История дружбы наших народов составляет уже 73 года. Я очень благодарен Вам за это. Спасибо!!!

.....
Уильям Фиерман – профессор Факультета Центрально-Азиатских Исследований, Университет штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Депортация – это одна часть демократической картины в Казахстане, т.е. очень много представителей разных национальностей приехала в Казахстан, но это только часть. Т.е. в Казахстане, если посмотреть национальный состав населения в 1930 годы, потом скажем 1960 годы, огромные изменения, но там и депортация очень большой фактор, это еще из-за Целины приехали казахи, которые во время джута уехали из Казахстана, ну, и во время коллективизации много погибло. Т.е. общая картина изменения состава населения Казахстана сильно изменилась.

.....
Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Мне позвонили из Казахстана и сказали, что они в настоящий момент проводят проект по изучению судеб людей, депортированных в 1943-44 годах в Казахстан. Какая-то часть депортированных в Казахстан из Грузии позднее перебралась в Турцию. Они спросили, нет ли у меня сведений о том, где поселились эти люди в Турции, есть ли у меня возможность встретиться с ними, и есть ли у меня возможность найти четверых людей, которые были депортированы в Казахстан в те годы и побеседовать с ними. Этот проект очень заинтересовал меня. После этого я провел небольшое исследование и узнал, что из турок-месхетинцев, депортированных 14 апреля 1943 в Казахстан, 70 семей, в общей сложности 328 человек, перебралось в город Ыгдыр, в Турции. Город Ыгдыр находится на границе с Грузией и Арменией. Я связался по телефону с этим городом и спросил, остались ли в живых кто-нибудь из людей, переживших депортацию 43-го года. Мне сообщили,

что там живут 3-4 человека преклонного возраста, которые были участниками данного процесса. После этого я выехал в город Ыгдыр. Я расспросил их о самой депортации, о жизни в Казахстане и после переселения в Турцию.

Расскажите, пожалуйста, что говорят турки-месхетинцы, которых депортировали в 1944 году, о тех годах, когда казахстанцы приняли их в то тяжелое время.

Конечно, в первую очередь стоит рассказать о самой депортации, до того момента когда они прибыли в Казахстан. Там есть несколько моментов, которые поразили меня. И больше всего меня поразило то, что этих людей не предупредив официально заранее, не зачитав никакого приказа, не дав разрешения взять с собой никаких вещей, посадили в поезда, в грузовые вагоны, в которых перевозили животных. В один вагон сажали по 6-8 семей, т.е. 40-50 человек и заставили проделать тяжелый долгий путь в суровых условиях зимы. Примечателен тот факт, что в этих семьях не было мужчин – все мужчины в это время были на войне. В основном это были женщины, дети, старики, которых в силу их возраста не взяли на войну или же это были мужчины, вернувшиеся с войны инвалидами. Вот этих людей, в основном состоящих из женщин и детей, не дав времени, чтобы собрать вещи, посадили в вагоны. У них были ужасные условия: у них не было постелей, одеял, туалета, а путь в Казахстан занял около 28-29 дней в зимних условиях. В общей сложности тогда в поезда посадили 94 000 турок-месхетинцев. Часть отправили в Казахстан, часть – в Киргизстан, часть – в Узбекистан. По некоторым данным из них около 17 000 человек погибли в дороге от холода и голода. Я встречался с людьми, которые были депортированы в Казахстан, либо родившимися в Казахстане, и они все говорили, после того как они приехали, о хорошем отношении со стороны жителей Казахстана, о том что они никаким образом не притеснялись, а даже наоборот, им оказывалась поддержка.

Расскажите, пожалуйста, что Вы знаете о депортации народов СССР, в частности турок-месхетинцев.

Это одна из драматических страниц в мировой истории. Речь идет о политике переселения народов, которая проводилась в Советском Союзе во время его становления. В 1943-44 годах в условиях войны начался процесс небывалой депортации, в особенности народов, населяющих Кавказ. На сегодняшний день имеется информация о том, что на Кавказе около 2 300 000 человек покинули свои места и были депортированы. Около 1 000 000 советских немцев были депортированы в Сибирь, часть из них была депортирована в Казахстан. Их депортировали при таких же условиях. Среди депортированных 362 000 чеченцев, 134 000 ингушей, 37 000 карачаевцев, 68 000 балкарцев. Это очень большая цифра и среди них 97 000 турок-месхетинцев. И из депортированных людей на новом месте пытаются создать новое искусственное общество, состоящее из многих национальностей. Если обратиться к Казахстану, на данный момент там проживают представители около 130 национальностей. Тут стоит отметить тот факт, что создание подобного общества, несмотря на то, что это все проходило искусственно и управлялось сверху, данный проект достиг своих целей, хотя бы, если посмотреть на пример Казахстана. В Казахстане в мире и согласии живут представители различных религий, культур и национальностей. И среди них не происходит никаких разногласий, споров, конфликтов. И поэтому очень важный факт, на который необходимо обратить внимание. Я не думаю, что в мировой истории имеются подобные примеры. И еще один важный факт, по моему мнению, это то, что в Казахстане заключается много браков между представителями разных национальностей. Хотелось бы добавить, что недавно, 10-15 дней назад, посетив один казахстанский сайт, я узнал, что по данным одного из ЗАГСов, в одном только городе Алматы в 2009 году 70% браков были заключены между представителями разных национальностей. Это довольно большой процент и я не думаю, что такое можно встретить в другой стране мира.

Как Вы считаете, какое влияние оказала депортация на Казахстан?

Если отбросить цели, которые преследовал Сталин, то можно сказать, что данный проект оказался удачным, так как в Казахстане и в основном благодаря гостеприимству народа Казахстана. Очень примечателен тот факт, что в Казахстане проживают представители различных наций и культур. Буквально несколько лет назад казахи составляли только половину всего населения страны. Касательно последних данных, к сожалению, у меня сведений нет, но ранее отмечалось, что казахи составляли только половину всего населения Казахстана. В результате всех этих факторов в Казахстане возникло общество, подобных которому вы не найдете нигде в мире.

Скажите, пожалуйста, есть ли данные о количестве турок-месхетинцев, приехавших в Турцию после реабилитации?

В 1993 году 70 семей турок-месхетинцев, всего 320 человек, приехало в Турцию. Среди них нет вернувшихся обратно в Казахстан. Для них правительство Турции в городе Ыгдыр строит в границах города микрорайон, для них в этом районе было построено 9 домов. У меня с собой есть фотография – они проживают вот в таких домах. Большая часть молодежи сейчас проживают не в Ыгдыре. Я так говорю, потому что я обратил внимание, на то, что там больше проживают люди преклонного возраста. Молодые люди в основном живут и работают в Анталье, Бурсе и других городах. Так как многие из них хорошо владеют русским языком, многие едут в Анталику, где очень развит туристический сектор. А пожилые люди в основном остались жить в Ыгдыре. Среди этих людей проводилось большое количество исследований, я тоже беседовал с людьми, спрашивал у них, где они хотели бы жить в дальнейшем, и практически все ответили, что они хотели бы жить в Турции. Они не хотят возвращаться в Казахстан или Курдистан, а предпочитают остаться в Турции.

Что касается политики переселения, которую проводил Сталин, тут стоит отметить еще одну важную фигуру – это Лаврентий Берия, народный комиссар, занимавшийся внутренними вопросами страны. Именно он стал одним из главных разработчиков плана переселения 1943-44 гг. Необходимо поднять архивы советского времени, архивы внутренних дел и провести исследование. Самый главный «архитектор» данной депортации – именно Берия.

Какие существуют программы правительства Турции, направленные на поддержку турок-месхетинцев?

Возвращение турок-месхетинцев в Турцию связано с событиями, произошедшими в Узбекистане на территории Ферганской долины в 1989 году. Как вы знаете, в 1989 году между турками-месхетинцами и узбеками возник конфликт. Большая часть турок-месхетинцев уезжает в Казахстан, и тогда также казахстанский народ принимает беженцев. Возможно, по этой причине президент Республики Турция Тургут Озал подымает вопрос о проблемах турок, о проблемах, с которыми они столкнулись, о том, что они оказались без родины и в 1992 году Парламент Республики Турция принимает закон, особый закон, позволяющий туркам-месхетинцам, которые находятся в тяжелом положении, вернуться на свою историческую родину, получить здесь жилье и всевозможную поддержку. В рамках реализации данного закона в 1993 году из Казахстана, Киргизстана и Узбекистана было переселено 350 семей турок-месхетинцев. Говорилось, что им будут предоставлены дома, рабочие места, земля. Но в результате первое, что я увидел, когда приехал к ним, это то, что они получили пока только жилье. Это жилье было продано им, но за символическую цену. Они будут выплачивать эту сумму в течение 20 лет, и в настоящий момент они выплачивают по 50 долларов США в год, т.е. около 3-4 долларов в месяц и имеют свой кров. И меня очень удивил тот факт, что несмотря на то, что это люди, которые в основном занимались животноводством и земледелием, они, по неизвестной мне причине, не получили землю. Не знаю, не была ли она им выделена, или они сами отказались от нее. Также тем, кто имел дипломы, специализацию Правительство предоставило рабочие места, а тем, кто получил сертификаты о знании турецкого языка, была предоставлена возможность поступления в вузы без экзамена.

Хаяти бей, как ученый, какие выводы Вы для себя сделали после окончания проекта?

По моему мнению, это очень интересное, очень важное исследование. Во-первых, очень важен тот факт, что турки-месхетинцы никогда не жаловались на плохое отношение со стороны казахстанского народа. Необходимо побеседовать с теми, кто вернулся из Узбекистана, что они говорят, но мы знаем, что в 1989 году между узбеками и турками-месхетинцами произошел очень серьезный конфликт на территории Ферганской долины. Также мы знаем, что буквально месяц назад в Киргизстане произошли события, в процессе которых открывали огонь в турков-месхетинцев. По моему мнению, причиной того, что турки-месхетинцы до сегодняшнего дня не сталкивались с проблемами и жили в мире, является особая черта казахстанского народа. Они столкнулись с проблемами в Киргизстане, столкнулись с проблемами в Узбекистане, но в Казахстане подобного не происходило. Я думаю, что это один из важных итогов. Второе, что хотелось бы мне отметить, это то, что я не смог спросить, так как я беседовал с мужчинами, подвергались ли женщины и молодые девушки каким-либо притеснениям. Необходимо было задать этот вопрос, но у меня не было для этого возможности. Этот вопрос трудно задать напрямую. Этот вопрос наиболее точно освещен в романах Чингиза Айтматова. Например, в книге «Мать-земля», описываются условия, в которых жили люди в 1941-44 гг. В деревнях остались только женщины и дети, все мужчины ушли на войну, производство остановилось, на производстве работают женщины и они находятся в трудных условиях. Они находятся в таких трудных условиях, что чтобы прокормить себя и своих детей, им приходится идти в поле и собирать зерна, которые остались с прошлых годов. И если они смогут найти хотя бы горсть зерна, они делают из нее муку и готовят хлеб. Вот в таких условиях оказались люди. И я не могу знать, как в таких условиях были приняты женщины, и об этом стоит поговорить с ними.

На Ваш взгляд, нужны ли такие исследования? Если да, то какие именно?

Я думаю, что это очень важный проект, очень важна работа, проводимая Ассамблеей народа Казахстана. На самом деле это исследование, проводимое в Казахстане, где проживает около 130 национальностей, очень интересное и имеет большое значение. Также необходимо не забывать о том, что похожие процессы проходили не только на территории Советского Союза. Примерно в те же года проводилась депортация из Ирана. Вы знаете, что в 1950 годах произошли события 6-7 сентября в Стамбуле. В некоторых районах, таких как Таксим, проходили нападения на дома, магазины, рабочие места греков, евреев и армян, в результате чего им пришлось покинуть свои дома. То есть в истории встречаются подобные процессы не только на территории Советского Союза.

Проводятся ли исследования турков-месхетинцев в Турции или других странах?

Это очень трагическая страница в истории, и я знаю, что подобные исследования проводятся в других странах. Такие исследования проводятся в Казахстане, в Турции, наверняка, такие исследования проводятся в России, я думаю, стоит также поинтересоваться их работами.

Знаете ли Вы о положении турок-месхетинцев здесь в Казахстане?

У меня нет систематизированных данных о положении турок-месхетинцев в Казахстане, данных, основывающихся на каком-либо исследовании, но так как я три года жил в Алматы, я могу высказать свое мнение как простой человек, а не как ученый. И я не знаю, по какой причине, но турки-месхетинцы представляют собой закрытую группу, и когда я спрашивал в Турции, я также слышал, что они заключают браков с посторонним, такую же ситуацию я видел здесь в Казахстане. Второе, что я хотел бы отметить, это то, что в Казахстане уровень образования населения очень высок, турки-месхетинцы, по неизвестным мне причинам, составляют пласт казахстанского общества с очень низким уровнем грамотности. Это то, что я могу сказать на основе увиденного мною здесь.

Как Вы думаете, что позволило туркам-месхетинцам, которые живут в Казахстане, сохранить свой язык, традиции?

Это тоже очень важный момент. Для Казахстана, где проживают около 130 различных национальностей, необходим своего рода «зонг», что-то, что объединяло бы эти народы. И таким «зонгом» стал русский язык и русская культура. И несмотря на то, что для многих жителей Казахстана русский язык стал родным, и он также является официальным языком в Казахстане, турки-месхетинцы предпочли говорить на турецком языке. Они знают русский язык, но они не забыли свой родной язык. Наверное, это стало возможным благодаря тому, что браки заключались только между представителями своей этнической группы.

Пожалуйста, оцените национальную политику Казахстана.

Я уже говорил, что казахстанское общество имеет очень интересное строение. Я не знаю сегодняшнего положения, но несколько лет назад половину населения Казахстана составляли не казахи, а представители других национальностей. И сохранение стабильности в таком обществе очень важно и, по моему мнению, немалую роль в этом играет Ассамблея народа Казахстана и хотелось бы напомнить вам слова президента Нурсултана Назарбаева, когда он говорит, не надо забывать о будущем, изучая прошлое. Эти слова имеют очень большое значение. В 1992 году возникло новое государство – Республика Казахстан, и при становлении нового государства необходимо возрождать свою культуру, изучать свои корни, чтобы страна смогла самоидентифицироваться, но при этом не стоит забывать о будущем, как раз об этом говорил Нурсултан Назарбаев. Не стоит притеснять, ущемлять другие народы, а необходимо предоставить защиту их интересов, т.е. стабильность общества является залогом безопасности Казахстана. И за прошедшие 20 лет независимости я ни разу не слышал о серьезных проблемах, с которыми столкнулся бы Казахстан на этнической основе.

Что Вы можете сказать о роли Ассамблеи народа Казахстана?

Это очень важный момент, как я уже говорил ранее, это очень важная организация с точки зрения сохранения мира и спокойствия среди представителей различных национальностей, составляющих общество Казахстана, защиты разнообразия культур их представителей. И по моему мнению, Ассамблея народа Казахстана может стать моделью для общества многих стран мира. Казахстан – очень молодое государство с 20-летней историей, но при этом Казахстану нет необходимости искать модель для построения своей государственности и я не раз говорил об этом на многих международных заседаниях, многократно упоминал об этом в разных странах на различных встречах, рассказывал об особом, оригинальном строении казахстанского общества, говорил об Ассамблее народа Казахстана, говорил о том, что у Казахстана нет необходимости искать для себя модель построения общества, а с точностью наоборот, он должен стать примером для многих стран, в особенности стран Западной Европы. Я считаю, что им необходимо приехать в Казахстан и посмотреть как народу Казахстана удается сохранять мир и согласие, когда общество состоит из представителей около 130 национальностей.

■ БАСПАГЕР СӨЗІ

«1930-1950 жж. Қазақстанға халықтардың жер аударылуы: тарихи ортақтық» кітабы – 2010 жылы Қазақстан халықтар ассамблеясы мен ТМД қатысушы-елдердің гуманитарлық ынтымақтастығының Мемлекет арасы қорының ынтагерлік білдірумен құрылған, «Болашақ үшін еске алу» атты халықаралық жобасының бөлігі және бір мезгілде әлеуметтік зерттеу негізінде, қазақстандық пен шетел сарапшыларының ынтымақтастығының нәтижесі болып табылады.

Әлеуметтік зерттеудің басты негізі процеске тікелей қатысушыларынан алынған 1930-50 жж. Қазақстанға депортация туралы ақпараттың ретроспективті жинағы болып табылады, ол бірегей тарихи ақпарат жинауға және Қазақстан, Ресей Федерациясы, Армения, Белоруссия, Өзбекстан, Әзербайжан, Германия, Молдова, Түркияда сұралған, сондай-ақ халықтар депортациясын зерттейтін, Ресей Федерациясы, Оңтүстік Корея, Ұлыбритания, АҚШ, Түркияның ғалымдарымен жүргізілген, 82 интервьюден база жасауға мүмкіндік берді.

Зерттеу барысында Қазақстанға көшіп келген және қазіргі таңда Қазақстанда немесе осы елдерде тұратын, әзірбайжан, армян, кәріс, қрым татар, күрд, неміс, поляк, түрік-месхетин, шешен ұлттары сұралды.

Интервью өткізу үшін табылған респонденттер көбінесе депортация кезінде бала жасында болған. Қазір олар – 60 жастан асқан, жасы ұлғайған шақтағы қарттар. Отбасысы жер аударылған, жоғары жастағы мүшені табу мүмкіндігі туған жағдайда, олар 80 жастан асқан қарттар еді. Депортациядан жапа шеккен адамдардан басқа, зерттелетін оқиғадан кейін туған, бірақ отбасының айтуынан, депортация туралы жақсы білетін, жер аударылғандардың балалары да сұралды. Сонымен қатар, депортацияға куә болған, қазақтар да сұралды.

Жұмыстың қорытындысы бойынша, «1930-1950 жж. Қазақстанға халықтардың жер аударылуы: тарихи ортақтық» атты деректі фильм түсірілді, оның тұсаукесері 28 мамыр 2010 ж. Астана қаласында Тарихшылар форумында, ал бірінші жария көрсетілімі 31 мамыр 2010 жылы, саяси репрессияға ұшырағандарды еске алу күнінде ұлттық, қазақстандық «Хабар» ТЕ-да көрсетілді. Фильмнің тұсаукесері Түркияда, Ресейде, Оңтүстік Кореяда, Болгарияда, АҚШ, Польшада және Испанияда өтті.

Жоба, қорытындысынан құрылған осы кітап, «ауызша тарих» (Oral history) әдісін қолданған, Қазақстандағы ең бірінші ауқымды халықаралық жобалардың бірі болып табылады.

«Қазақстанға халықтардың жер аударылуы: тарихи ортақтық» зерттеу жобасын 2010 жылы Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты (Қазақстан, Астана), Салыстырмалы әлеуметтік зерттеу институты ЦЕССИ-Қазақстан (Қазақстан, Астана) және «Көші-қон зерттеулер орталығы» Аймақтық қоғамдық ұйымы (Ресей, Мәскеу) қызметкерлері жүргізді.

Кітап «Қоғамдық пікір» Зерттеу институтының қаржылық қолдауымен «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының кітап сериясында шығарылды.

Ботагөз Ракишева

әлеуметтану ғылымдарының кандидаты,

«Қоғамдық пікір» Зерттеу институтының директоры

■ PUBLISHER'S WORD

The book "The Deportation of people in Kazakhstan in 1930-1950: Common history" is the result of cooperation of Kazakhstan and foreign experts in the sociological research of the same name and part of the international project "Memory of the Future", initiated by the Assembly of People of Kazakhstan and the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation CIS members in 2010.

The main objective of the survey was a retrospective collection of information about the deportation to Kazakhstan in 1930-1950 from the direct participants in the process that brought together a unique historical information and create a database of 82 interviews collected in Kazakhstan, the Russian Federation, Armenia, Belarus, Uzbekistan, Azerbaijan, Germany, Moldova, Turkey, including those conducted with scientists from the Russian Federation, South Korea, the United Kingdom, the USA, Turkey, explores the history of the peoples of the deportations.

During the research, questioned the Azerbaijanis, Armenians, Balkaria, Belarusians, Gagauz, Greeks, Jews, Ingush, Karachai, Koreans, Tatars, Kurds, Germans, Poles, Meskhetian Turks, Chechens, who were deported to Kazakhstan and currently reside in Kazakhstan or other countries.

Respondents who were found to be interviewed, most of them at the time of the deportations were children. Today, it is the elderly over 60 years. If you manage to find deported adult family members, all of them were older than 80 years. In addition to the victims of the deportations were questioned and deported children, born after the studied events, but well versed in family stories about deportations. Kazakhs were also asked whose families have witnessed the deportations.

The outcome of a documentary film, "Deportation of peoples in Kazakhstan in 1930-1950: Common history," which was presented at the Historian's Forum in Astana on May 28, 2010 and the first public screening of the film took place on May 31, 2010, on the feast day Victims of Political Repression times on national television Kazakhstan "Khabar". Presentation of the film took place in Turkey, Russia, South Korea, Bulgaria, the USA, Poland and Spain.

The project, which has been prepared on the basis of this book, was one of the first large-scale international projects in Kazakhstan, who used the method of "oral history» (Oral history).

The research project "Deportation of peoples in Kazakhstan in 1930-1950: Community stories" was conducted in 2010 by the Institute of Social and Political Research (Kazakhstan, Astana), the Institute for Comparative Social Research CESSI-Kazakhstan (Kazakhstan, Astana) and the Regional Public Organization "Center for Migration Studies" (Russia, Moscow).

The book was published with the financial support of the Research Institute "Public Opinion" in the book series of the journal "International Research. Society. Policy. Economy".

Botagoz Rakisheva
Candidate of Sociological Sciences,
Director of the Research Institute "Public opinion"

■ РАБОЧАЯ ГРУППА ПРОЕКТА И УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА

Переводы текстов: Тукаева Дарига (англ.)
Колобаев Руслан (каз.)

Операторы: Курбиев Самат г. Алматы (Казахстан)
Жанасбаев Азамат г. Алматы (Казахстан)
Ахметов Шалкар г. Талдыкорган (Казахстан)
Аширов Бахтияр г. Тараз (Казахстан)
Жуков Александр г. Павлодар (Казахстан)
Сарсембаев Гелимхан г. Костанай (Казахстан)
Бабаев Александр г. Москва (Россия)

Участники проекта (депортированные):

Докаев Ахмед Алиевич	Астана (Казахстан)
Кипритиди Харитон Васильевич	Астана (Казахстан)
Беккаев Исмаил Чапанович	Алматинская область с. Шамалган (Казахстан)
Гандоев Папу Хамзертович	Акмолинская обл. Сандыктауский район, с. Спасское (Казахстан)
Баширов Гахрамон Дамат-Оглы	Алматы (Казахстан)
Пак Иван Тимофеевич	Алматы (Казахстан)
Хван Май Уңдеевич	Алматы (Казахстан)
Мустафаев Салим Самантович	Алматы (Казахстан)
Раджамов Мехье Мусаевич	Жамбылская обл. Байзакский район, с. Сарыкемер (Казахстан)
Месиров Хаджимурат Даутович	Жамбылская обл. Жамбылский район, с. Айша Биби (Казахстан)
Дзауров Иса Аббасович	Караганда (Казахстан)
Бисултанов Хасаи	Караганда (Казахстан)
Нагоев Салман Актемирович	Кокшетау (Казахстан)
Ким Рафаил Николаевич	Кокшетау (Казахстан)
Шемчинский Тадеуш Иванович	Кокшетау (Казахстан)
Шемчинская Ядвига Павловна	Кокшетау (Казахстан)
Бекбузаров Багалдин Усманович	Кокшетау (Казахстан)
Думанская Леонтина Вауловна	Кокшетау (Казахстан)
Шиц Яков Филиппович	Костанай (Казахстан)
Щавинская Теофилия Францевна	Костанай (Казахстан)
Петри Фрида Эмильевна	Костанай (Казахстан)
Гордиенко (Михаэлис) Ида Георгиевна	Костанай (Казахстан)
Бунакова (Сосинская) Мария Францевна	Костанай (Казахстан)
Аушев Осман Дресович	Павлодар (Казахстан)
Рейтенбах Виктор Фридрихович	Павлодар (Казахстан)
Шарт Элиза Ивановна	Павлодар (Казахстан)
Беппле Марта Григориевна	Павлодар (Казахстан)
Терентьева Эмма Адольфовна	Павлодар (Казахстан)
Буш Екатерина Гергардовна	Павлодар (Казахстан)
Гальстер Римма Кондратьевна	Павлодар (Казахстан)
Роттермилль Фрида Ивановна	Павлодар (Казахстан)
Терехина Хильда Александровна	Павлодар (Казахстан)
Вавровская Мария Вячеславовна	Павлодар (Казахстан)
Абубакиров Эмиль Матаевич	Павлодар (Казахстан)
Магермова Кобра Ахметовна	Талдыкорган (Казахстан)
Югай Клементина Ивановна	Талдыкорган (Казахстан)
Мамуч-оглы Али Сулейманович	Талдыкорган (Казахстан)
Тама-оглы Хасан Хесуйнович	Талдыкорган (Казахстан)

Лакман Владимир Давыдович	Талдыкорган (Казахстан)
Шмунк Эрна Георг-Генриховна	Талдыкорган (Казахстан)
Белявская Деонизия Павловна	Талдыкорган (Казахстан)
Кайданович Вероника Брониславовна	Талдыкорган (Казахстан)
Хамзатов Мода Бекмурзаевич	Талдыкорган (Казахстан)
Тен Галина Владимировна	Талдыкорган (Казахстан)
Ибрагимова Асет Магамедовна	Талдыкорган (Казахстан)
Заманов Эйвас Фейзулаевич	Тараз (Казахстан)
Жамангозова Люба Асхатқызы	Тараз (Казахстан)
Фортушина Ольга Владимировна	Тараз (Казахстан)
Коркиазов Иосиф Магомедович	Тараз (Казахстан)
Узденов Ахмат Халимович	Тараз (Казахстан)
Озиев Джапар Уршанович	Тараз (Казахстан)
Асанова Гульбахор Абдуллаевна	Тараз (Казахстан)
Амарова Зина Махмудовна	Тараз (Казахстан)
Сеидова Ханум Флитовна	Тараз (Казахстан)
Юнусов Магадын Юнусович	Тараз (Казахстан)
Беридзе Амина Афлетдиновна	Тараз (Казахстан)
Куттымбетова Турсун	Алматинская область с. Шамалган (Казахстан)
Химич Зоя Федоровна	Акмолинская обл. Сандыктауский район, с. Спасское (Казахстан)
Матаева Акжолтай Бейсенбиевна	Талдыкорган (Казахстан)
Мусаев Серик Туменбаевич	Жамбылская обл. Байзакский район, с. Сарыкемер (Казахстан)
Али Муса Алиев	Азербайджан
Едигарян Ваник Леонович	Армения
Демидович Надежда Романовна	Белоруссия
Тимурзиев Ахмет Исмаилович	Орша (Белоруссия)
Краутер Нелли Александровна	Германия
Орманжи (Маринова) Валентина Николаевна	Республика Молдова
Яндиева Марьям Джемалдиновна	г. Москва (Россия)
Кулиев Радес Хаджи-Мусаевич	г. Москва (Россия)
Наурбиев Салман Хамзатович	г. Москва (Россия)
Кудерина Лариса Джумахановна	г. Москва (Россия)
Ауман Владимир Андреевич	г. Москва (Россия)
Вензель Софья Кондратьевна	г. Москва (Россия)
Заурбекова Ася Висаевна	г. Москва (Россия)
Цирлина Розалия Николаевна	г. Москва (Россия)
Фахретдин Хаккыюглу	с. Игдыр (Турция)
Энвер Эмир	с. Игдыр (Турция)
Ню Леонид Петрович	Узбекистан
Ким Моисей Юнович	Ташкент (Узбекистан)
Аблаева Заде Шерфе	Ташкентская обл. г. Чирчик, пос. Аранча (Узбекистан)
Аблякимова Сабрие	Узбекистан
Баумбах Викентий Мартынович	Узбекистан
Гайст Лидия Богдановна (Готфридовна)	Узбекистан

Благодарность

Выражаем благодарность за безмерную помощь, которую оказали:

Зайончковская Жанна (Россия, Москва)
Кибрик Нина (Россия, Москва)
Калмыков Олег (Россия, Москва)
Романов Роман (Россия, Москва)
Роман Ким (Казахстан, Алматы)
Герман Ким (Казахстан, Алматы)

Сон Юн Хун (Южная Корея, Сеул)
Жаксыбаева Раиса (Казахстан, Астана)
Хочиева Людмила (Казахстан, Астана)
Эльдар Гюнайдын (Азербайджан, Баку)
Олимов Музаффар (Таджикистан, Душанбе)
Элла Цой (Казахстан, Алматы)

Барон Александр (Казахстан, Алматы)	Жумабеков Шайдахан (Казахстан, Жамбулская обл. с. Айша-Биби)
Хамедов Абиляфаз (Казахстан, Алматы)	Раджамов Мехье (Казахстан, Жамбулская обл. с. Сарыкемер)
Асеев Шахсмаил (Казахстан, Алматы)	Качеева Асия (Казахстан, Костанай)
Саттаров Раджаб (Азербайджан, Баку)	Гицевич Ромуальда (Казахстан, Костанай)
Фарадов Таир (Азербайджан, Баку)	Литневская Ольга (Казахстан, Павлодар)
Абылгазин Бахыт (Азербайджан, Баку)	Масейкова Нина (Казахстан, Павлодар)
Суховецкий Александр (Казахстан, Кокшетау)	Свинцицкий Виталий (Казахстан, Павлодар)
Кислов Сергей (Казахстан, Тараз)	Панасенко Алла (Казахстан, Павлодар)
Зуфаров Ибрагим (Казахстан, Тараз)	Райзер Марина (Казахстан, Павлодар)
Корнилина Людмила (Казахстан, Тараз)	Абубакаров Абдурашид (Казахстан, Павлодар)
Тохтасынов Азымхан (Казахстан, Жамбулская обл. с. Айша-Биби)	Евлоев Ибрагим (Казахстан, Павлодар)
Жамангозов Бейбут (Казахстан, Жамбулская обл. с. Кордай)	Клышникова Марина (Казахстан, Астана)
Заманов Эйвас (Казахстан, Жамбулская обл. с. Кордай)	Алеева Мария (Казахстан, Караганда)
Озиев Джапар (Казахстан, Жамбулская обл. с. Кордай)	Рымбекова Гульфайруз (Казахстан, Караганда)
	Джанаев Увайс (Казахстан, Караганда)
	Жолдыбалдин Серик Даулкешович (Казахстан, Караганда)

А также сотрудникам следующих организаций:

Государственный Архив Республики Казахстан (Казахстан, Астана)
«Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР» (Казахстан, Акмолинская область)
Музей «Памяти жертв политических репрессий поселка Долинка» (Казахстан, Долинка)
Государственный Музей истории ГУЛАГа (Москва, Россия)
Центр миграционных исследований (Москва, Россия)
Музей и общественный центр «МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» имени Андрея Сахарова (Москва, Россия)
Московский театрально-художественный клуб АРТ'ЭРИА при Центральном доме работников искусств (Москва, Россия)
Институт Евразии Стамбульского университета (Стамбул, Турция)
Ассоциация корейцев Казахстана (Казахстан, Алматы)
Международный журнал «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» (Казахстан, Астана)
Институт сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан (Казахстан, Астана)
Ассоциация еврейских культурных центров «Мицва» (Казахстан, Алматы)
«Конгресс азербайджанских культурно-общественных объединений» (Казахстан, Алматы)
Этнокультурное объединение «Туркия» (Казахстан, Алматы)
Международный центр социальных исследований Азербайджан (Азербайджан, Баку)
Посольство Республики Казахстан в Азербайджане (Азербайджан, Баку)
Общество поляков Акмолинской области (Казахстан, Кокшетау)
Чечено-ингушское общество «Вайнах» (Казахстан, Кокшетау)
Жамбылский областной филиал общественного объединения «Турецкий этнокультурный центр «АХЫСКА» (Казахстан, Тараз)
Жамбылское областное этнокультурное объединение «Шеватцион» (Казахстан, Тараз)
Акимат Айша-Бибийского сельского округа (Казахстан, Жамбулская обл. с. Айша-Биби)
Акимат Кордайского района Жамбылской области (Казахстан, Жамбулская обл. с. Кордай)
Районная больница (Казахстан, Жамбулская обл. с. Кордай)
Районный сельский акимат (Казахстан, Жамбулская обл. с. Айша-Биби)
Байзакский районный филиал Жамбылского областного филиала общественного объединения «Турецкий этнокультурный центр «АХЫСКА» (Казахстан, Жамбулская обл. с. Сарыкемер)
Польская община «Наяда» (Казахстан, Костанай)
«Павлодарское областное общество немцев «Возрождение» (Казахстан, Павлодар)
«Чечено-ингушский центр Павлодарской области» (Казахстан, Павлодар)
Секретариат Ассамблеи народа Казахстана по Карагандинской области
Чечено-ингушский культурный центр «Вайнах»

«Қоғамдық пікір»

Зерттеу институты туралы ақпарат

«Қоғамдық пікір» Зерттеу институты 2013 жылы құрылды. Институттың директоры - Ракишева Ботагөз Ислямқызы, әлеуметтік ғылымдарының кандидаты.

Институт қоғамдық пікірді зерттеумен айналысады, маркетинг және әлеуметтік зерттеулер өткізеді. Зерттеу Қазақстан мен басқа елдерде өтеді. Институт қызметкерлерінің әлемнің 20 мемлекетінде, сондай-ақ, ТМД елдері, Орталық Азия, Батыс Европа, Қытай, Монғолия, АҚШ, Канада және т.б. елдерде зерттеу өткізу тәжірибесі зор.

Институт командасы әлеуметтану және маркетинг саласында 16 жылдық тәжірибесі бар, кәсіптік әлеуметтанушылардан, маркетингтерден және саясаттанушылардан тұрады. Барлығы 700 астам зерттеу жобалары өткізілді.

Институт туралы ақпаратты мына сайттан таба аласыз: [www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

Қазақстан Республикасы, 010000 Астана,
Уәлиханов көшесі, 3/1, 55 кеңсе, тел./факс: +7 7172 78 35 59, 78 35 49
e-mail: opinion.kz@gmail.com
[www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

Информация об Исследовательском институте

«Общественное мнение»

Исследовательский институт «Общественное мнение» образован в 2013 году. Директор Института - кандидат социологических наук Ракишева Ботагөз Ислямовна.

Институт специализируется на изучении общественного мнения, проводит маркетинговые и социологические исследования. Исследования проводятся как в Казахстане, так и в других странах мира. Сотрудники Института имеют опыт проведения исследований в 20 странах мира, в том числе в странах СНГ, Центральной Азии, Западной Европы, Китае, Монголии, США, Канаде и т.д.

Команда Института состоит из профессиональных социологов, маркетингеров и политологов, имеющих 16-летний опыт в сфере проведения социологических и маркетинговых исследований. Всего проведено более 700 исследовательских проектов.

Информация об Институте на сайте: [www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

Республика Казахстан, 010000 Астана,
ул. Валиханова, 3/1, офис 55, тел./факс: +7 7172 78 35 59, 78 35 49
e-mail: opinion.kz@gmail.com
[www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

Information about Research Institute

“Public Opinion”

Research Institute “Public opinion” was formed in 2013. Director of the Institute is Candidate of Sociology Science, Rakisheva Botagoz Islyamovna.

The Institute specializes in the study of public opinion, and marketing and sociological research. Researchers are held in Kazakhstan as well as in other countries. Employees of the Institute have experience of research in 20 countries of the world, including CIS countries, Central Asia, Western Europe, China, Mongolia, the USA, Canada, etc.

The Institute’s team consists of professional sociologists, political scientists and marketers who had 16 years of experience in the sphere of social and marketing research. More than 700 research projects were held by the Institute.

Information about the Institute is on: [www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

Republic of Kazakhstan, 010000 Astana,
3/1 Valikhanov Street, office 55, tel./fax: +7 7172 78 35 59, 78 35 49
e-mail: opinion.kz@gmail.com
[www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР. Қоғам. Саясат. Экономика» журналы

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР. Қоғам. Саясат. Экономика» халықаралық ғылыми-аналитикалық және ақпараттық журналы 2009 жылы Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтымен (ӘСЗИ - Қазақстан) шығарыла бастады. 2013 жылы журналды шығару құқығы «Қоғамдық пікір» Зерттеу институтына берілді.

Журнал ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің комитетінде (Куәлік № 13492-Ж) тіркелді, сериялық баспасының Халықаралық стандарттық нөмірі ISSN 2224-0276 бар.

Жылына 4 рет шығарылады.

Журналдың артықшылығы өзекті, қоғамдық мәселелердің түсіндірілуі болып табылады. Басты фокус – ТМД елдерінде, сондай-ақ барлық әлемде өткізілген зерттеу жобаларының нәтижесі.

Журналдың консультациялық қолдауын Болгария, Ұлыбритания, Германия, Индия, Испания, Қазақстан, Қытай, Литва, Польша, Ресей, АҚШ, Тәжікстан, Түркия, Финляндия,

Оңтүстік Корея, Жапония, Канада елдерінің атақты және абыройлы ғалымдары, журналдың Редакциялық кеңесінің мүшелері көрсетеді.

Журналдың редакторлары теориялық және практикалық қызығушылыққа толы монография шығаратын, «Журналдың кітап сериясы» жобасы ынтагерлікпен шығарды.

Журналдардың барлық нөмірлері мына сайттан көруге болады: [www. publicopinion.kz](http://www.publicopinion.kz)

Журнал «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Общество. Политика. Экономика»

Международный научно-аналитический и информационный журнал «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Общество. Политика. Экономика» начал издаваться Институтом социально-политических исследований (ИСПИ-Казakhstan) в 2009 году. В 2013 году права на издание журнала переданы ТОО «Исследовательский институт «Общественное мнение».

Журнал зарегистрирован в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации РК (Свидетельство № 13492-Ж), имеет Международный стандартный номер серийного издания ISSN 2224-0276.

Выпускается 4 раза в год.

Приоритетом журнала является освещение актуальных общественных проблем. Основной фокус – результаты исследовательских проектов, проводимых как в странах СНГ, так и во всём мире.

Консультационную поддержку журналу оказывают известные и авторитетные ученые из Болгарии, Великобритании, Германии, Индии, Испании, Казахстана, Китая, Литвы, Польши, России, США, Таджикистана, Турции, Финляндии, Южной Кореи, Японии, Канады – члены Редакционного Совета журнала.

Редакцией журнала инициирован проект «Книжная серия журнала», в которой издаются монографии, представляющие теоретический и практический интерес.

Все номера журналов находятся на сайте: www. publicopinion.kz

The journal “INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics”

International scientific-analytical and information journal «International Research. Society. Politics. Economics» are published by the Institute of Social and Political Research (ISPR-Kazakhstan) in 2009. In 2013, the rights to publish the journal sent LLP “Research Institute” Public Opinion».

The journal is registered by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Culture and Information (Certificate number 13492-Ж) and it has the International Standard Serial Number ISSN 2224-0276.

It is issued 4 times a year.

The priority of the journal is to highlight the urgent social problems. The main focus is the results of research projects carried out in the countries of the CIS and worldwide.

Advisory who support the journal are respected scientists from Bulgaria, Great Britain, Germany, India, Spain, China, Kazakhstan, Lithuania, Poland, Russia, the United States, Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan, Canada and Member of the Editorial Board of the journal.

Editorial staff initiated the project “Book Series Magazine,” which are published monograph, presenting the theoretical and practical interest.

All issues are on the website: www. publicopinion.kz

Международный проект
«Память во имя будущего»

Серия журнала
«Международные исследования. Общество. Политика. Экономика»
Серия «Устная история»

**«Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.:
общность истории»**
*(интервью с пострадавшими от депортаций
в 1930-50 годы в Казахстан)*

Под общей редакцией Б. Ракишевой

Тексты интервью даны в оригинальном виде, без дополнительной корректировки и уточнения исторических деталей для сохранения восприятия участниками депортации событий, очевидцами которых они были.

Технический редактор: Мажитова А.Б.

Верстка: Бегалина Б.

Корректор: Султанова Г.

Подписано в печать: 31 мая 2013 года

Формат 60 x 84 1/8

Бумага офсетная 80 гр.

Печать офсетная.

Объем: 85,25 УПЛ

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии

г. Астана, пр. Победы, 63/1 (103а) Тел./факс: (7172) 38 22 86, 30 22 90